9(c)1
P173

ИЗДАНІЕ А. О. КОЛЬБЕРГЪ.

Kf

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Гарлева до 12/XII
483-7/VIII
1199 до 16/X-68

1906

Сергей Александрович
Бернштейнъ.

3д

ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

И

КАКЪ СТАЛА БЫТЬ

* *

ОТКУДА ПОШЛА
РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

II

КАКЪ СТАЛА БЫТЬ

РУССКАЯ ИСТОРІЯ ВЪ ПОВѢСТЯХЪ

А. РАЗИНА и В. ЛАПИНА

Съ рисунками Н. Дмитріева-Оренбургскаго

Том 2

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

ИЗДАНІЕ
Поставщиковъ Двора Его Императорскаго Величества
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гост. Дв., 18, (по Невскому проспекту). | МОСКВА, Кузн. Мостъ, 12. ,, Моховая ул., 22.

9(с)1
Р 173
ЭК
РЕДКАЯ
Московская областная научная библиотека им. Н. К. Крупской
20 вкл. л.у

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 ноября 1904 г.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. В. О., 16 л., д. № 5–7.

I.

ВИЗАНТІЙСКАЯ ЦАРЕВНА.

(1472—1505 г.).

ТОЯЛЪ ноябрь 1472 года. Довольно велика была въ ту пору Москва, но нельзя и думать было сравнить ее съ Новгородомъ. Правда, напримѣръ, общій видъ ея съ Воробьевыхъ горъ, благодаря множеству храмовъ и садовъ, производилъ хорошее впечатлѣніе, но при въѣздѣ въ городъ оно тотчасъ пропадало. Улицы были кривыя, узкія, грязныя, всѣ дома деревянные, даже великокняжескій дворецъ и почти всѣ церкви были деревянные. А осторожности съ огнемъ никто не соблюдалъ, да мудрено было и соблюдать, потому что вмѣсто свѣчъ у большинства жителей употреблялись лучины. Притомъ, нечего грѣха таить, частенько случалось, особенно въ праздникъ, и подъ хмѣлькомъ быть, а въ такомъ случаѣ заронить огонь ничего не значитъ. Вотъ оттого пожары были частые. Въ 1468 году погорѣло восемь улицъ, въ 1469 году—цѣлый посадъ съ 25 церквами, въ 1470—весь Кремль, кромѣ великокняжескаго двора. Еще хорошо, что государь великій князь Иванъ Васильевичъ самъ явился со многими людьми на пожаръ, а то бы пожалуй и вся Москва погорѣла.

Но вмѣсто сгорѣвшихъ домовъ скоро выстраивались дру-

гіе. Постройка была не хитрая, иногда совсѣмъ готовые срубы домовъ продавались. Даже случалось въ одинъ день церковь построить, такъ и называлась она обыденною. Конечно, она была деревянная, а строили такую церковь большею частію въ воспоминаніе избавленія отъ какой-нибудь бѣды или въ память радостнаго событія. Но церкви каменныя строились долго, и мастеровъ на это дѣло было не легко сыскать. Въ 1472 году московскій Успенскій соборъ, построенный при Калитѣ, такъ обветшалъ, что своды тронулись и пришлось подпереть зданіе большими деревянными столбами. Митрополитъ Филиппъ спрашивалъ двухъ мастеровъ, Кривцова да Мышкина, возьмутся ли они построить церковь такую же, какъ во Владимірѣ храмъ Пречистыя Богородицы. Они взялись, и митрополитъ назначилъ на это построеніе сборъ съ монастырей и церквей и всего священнаго клира, то-есть съ духовенства, а міряне сами давали.

Но у Флоровскихъ воротъ, на диво москвичамъ, красовались единственныя въ то время кирпичныя палаты. Принадлежали онѣ не князю и не боярину, а богатому купчинѣ Таракану.

Самъ Иванъ Ѳедосѣичъ Тараканъ, русый, толстый мужчина лѣтъ за сорокъ, бесѣдовалъ съ дорогими гостями: мастеромъ Мышкинымъ, который ему палаты возвелъ, и съ тверскимъ купцомъ Аѳанасіемъ Никитичемъ.

— Истинное услажденіе съ тобой бесѣдовать, Аѳанасій Никитичъ, — говорилъ Тараканъ. — И откуда у тебя все это берется? Иной попъ въ десять разъ меньше знаетъ, чѣмъ ты.

— Въ книжномъ дѣлѣ вельми силенъ, — говорилъ Мышкинъ, — потому много и знаетъ. Не то попа, государева дьяка иного Аѳанасій Никитичъ за поясъ заткнетъ.

— Куда мнѣ, — сказалъ Никитичъ, — а что точно почитать люблю, особенно о чужихъ краяхъ. Очень занятно.

— А скажи ты мнѣ, братецъ ты мой, правда-ли это, будто есть островъ такой, что люди на немъ съ песіими главами?

— Разсказываютъ.

— И какъ же они, значитъ, говорятъ? Аки псы лаютъ?

— Надо полагать.

— Чудно, вельми чудно. Ну, а эти турки иль какъ ихъ, агаряне?

— Такіе же поганые, какъ и наши татары. И вѣра у нихъ одна.

— И Царьградъ поплѣнили?

— Поплѣнили.

— А вѣдь, говорятъ, супротивъ этого города на всеи землѣ нѣтъ.

— Это вѣрно. Градъ красоты неописанной.

— Какъ же это поганые агаряне его поплѣнили?

— А это мнѣ довольно извѣстно. Потому время недавнее. Много я о томъ отъ пріѣзжихъ фрязей наслышалъ.

— Столько ты это о разныхъ народахъ намъ толковалъ, что даже въ умѣ ихъ имена мѣшаются. Что это за народъ фрязи?

— А есть великій градъ Римъ...

— Знаю.

— Вотъ земля, на коей онъ стоитъ, называется Фряжская, по иному Италія. А народъ на ней фрязи.

— Это, значитъ, гдѣ римскій папежъ живетъ?

— Истинно. Такъ вотъ Царьграду уже было большое стѣсненіе отъ нечестивыхъ агарянъ. И восхотѣлъ царь греческій подмоги отъ другихъ христіанъ. Только отъ кого-же? Наши русскіе помочь не могли, потому что у самихъ татары на шеѣ сидятъ, да и смуты у насъ въ то время были у великаго князя Василья Васильевича съ покойнымъ Шемякой. Стало быть, некому помочь кромѣ нѣмцевъ.

— Ужь нѣмцы какіе христіане. Потому, что они, что татары—одна нехристь.

— Ну, это ты, Иванъ Ѳедосѣичъ, напрасно ихъ приравнялъ. Конечно, нѣмецкая вѣра нечестивая, потому что на опрѣснокахъ святыя тайны совершаютъ, а не подобаетъ сіе.

— Извѣстно, не подобаетъ. И папежу покланяются.

— Ну, покланяться — не покланяются. А башмакъ его цѣлуютъ.

— Ишь ты!

— На башмакѣ крестъ, такъ и цѣлуютъ.

— Срамники! Куда крестъ святой нашили — на башмакъ!

— Истинно, что это великій грѣхъ. Даже во храмахъ изображать пречестный крестъ ниже пояса человѣческаго не полагается. А все же нѣмцы пречестному животворя-

щему кресту покланяются, а татары и турки — безбожному Махмуду.

— Тебѣ конечно больше знать.

— Нѣмцамъ и самимъ турки солоно пришлись, коль кратъ ихъ бивали. Только одни нѣмцы съ турками справиться и Царьградъ отстоять не могли, а надо было, чтобы нѣмцамъ и фрязи, и франки, и другіе народы помогли. А всѣ эти народы подъ папежемъ состоятъ.

— Подъ папежемъ?

— Подъ папежемъ. Повелитъ онъ, такъ хоть въ петлю полѣзутъ. Вотъ онъ имъ повелѣлъ святую землю отъ невѣрныхъ свободить — послушались.

— А это онъ хорошо насчетъ святой-то земли.

— Почитаи за нее триста годовъ бились — ну, поганые одолѣли. Въ теперешнюю пору, говорятъ, папежа ужь не такъ очень слушаются. А все же онъ большую силу имѣетъ. Вотъ ему и посылаетъ сказать греческій царь: «Оборони Царьградъ». А папежъ ему: «Ладно, почему не оборонить. Только я соберу соборъ, а ты своихъ епископовъ ко мнѣ на соборъ пришли». Царь и прислалъ. Въ ту пору и нашъ московскій митрополитъ Исидоръ на этотъ соборъ ѣздилъ.

— А, этотъ волкъ нечестивый, что папежа въ церквахъ поминать началъ? Его, сказываютъ, за то изъ Москвы шелепами выгнали.

— Самъ утекъ. И почалъ папежъ православныхъ епископовъ смущать лестію великою. Награды и почести сулилъ, чтобы они ему предались, а другихъ, супротивныхъ ему, тѣснилъ и даже гладомъ томилъ. И всѣ православные епископы латинской лести предались, кромѣ одного святого мужа, Марка Ефесскаго. Тотъ устоялъ.

— Истинно, значитъ, святой человѣкъ.

— Да, устоялъ. А греки его послушались. Какъ Исидора отселѣ великій князь шугнулъ, такъ и они тѣхъ епископовъ, что церковь святую предали.

— Что же, это греки хорошо. Молодцы!

— Молодцы-то, молодцы, только папежъ ихъ царю говоритъ: «Коли мнѣ уговольствія не сдѣлали, такъ отбивайтесь отъ агарянъ какъ знаете». А у агарянъ воцарился грозный салтанъ Махмудъ.

— Тотъ самый, въ котораго они вѣруютъ?

— Нѣтъ, только во имя того наречень. И собралъ этотъ Махмудъ силу несчетную: кои на корабляхъ пріѣхали, кои конны, кои пѣши пришли. И стали они бить цареградскія стѣны огненнымъ боемъ. А была у нихъ пушка зѣло великая: сто воловъ ее везли. И какъ выпалили изъ той пушки, потряслась земля, пушка разлетѣлась на части и многое множество турокъ побила.

— Такъ имъ и надо, собакамъ.

— Только они ничего, все городъ тѣснятъ. Сперва не могли они въ цареградскую гавань, которая Золотымъ рогомъ прозывается, пройти, потому что она была желѣзными цѣпями заперта. Такъ что же вы думаете — ухитрились нечестивцы. Деревянные помосты подѣлали, саломъ смазали да по нимъ корабли въ Золотой рогъ перетащили. И стали агаряне великій приступъ готовить. Свѣдалъ о томъ благочестивый царь греческій Константинъ, слезно помолился ко Господу, причастился святыхъ таинъ и сталъ на стѣны, какъ простой ратникъ. Малое у него было воинство, а на подмогу пришелъ только одинъ фряжскій вождь въ малыхъ людяхъ. И сказалъ вождю благовѣрный царь: «Блюди, говоритъ, эту башню, послужи св. Софіи» А тѣмъ временемъ агарянская сила на приступъ пошла. Но греки бились аки львы. Вдругъ фряжскій воевода пошелъ на свои корабли: «Уязвленъ, говоритъ, я, стоять не могу». За нимъ и фрязи кинулись. А турки видятъ это да и на стѣну. И погибъ тутъ благовѣрный царь Константинъ и съ нимъ многое множество грековъ; три дня агаряне по городу бѣгали и какъ волки лютые кровь христіанскую проливали.

— Ужь извѣстно. Что турки, что татары, такіе же псы. А татары намъ довольно извѣстны.

— А градъ пожгли и пограбили. Только храмы и палаты царскія сохранили. Въ палатахъ поселился пребезаконный Махмудъ, а храмы на мечети передѣлали.

— Ахъ, злодѣи нечестивые! А вѣдь говорятъ, этотъ послѣдній-то царь невѣстѣ нашего великаго князя съ родни приходится.

— Съ родни, — сказалъ Мышкинъ, — это я довольно знаю. За ней теперь монетчикъ Иванъ Фрязинъ поѣхалъ. Мы съ нимъ хлѣбъ-соль водили. Куда плутоватый парень. Латинской ереси отрекся, нашъ законъ принялъ, а больно плутоватъ.

— Такъ ты разскажи, сватъ, коли знаешь.

— Разсказать можно. Отъ фрязина довольно слыхали. Года три тому назадъ пріѣхалъ къ великому князю грекъ изъ Фряжской земли. А привезъ онъ письмо, и въ этомъ письмѣ значилось, что у царя Константина осталась племянница, Софья Ѳоминишна, а живетъ она у римскаго папежа.

— Значитъ и вѣры его?

— То-то и есть, что нѣтъ. И сватались, говоритъ, за нее великіе государи той земли, а она всѣмъ отказала, потому что не желаетъ ни за кого выйти, кромѣ какъ за православнаго. А красоты эта царевна неописанной. И супротивъ ея рода, другого нѣтъ на землѣ такого знатнаго.

— Это вѣрно, — сказалъ Никитичъ, — какъ Царьградъ былъ надъ всѣми градами царь, такъ и царь греческій былъ первый изъ всѣхъ царей и королей.

— А въ ту пору государь великій князь уже во вдовствѣ состоялъ. Благовѣрная супруга его скончалась.

— Наташка Полуектова извела.

— Ну, это ты можетъ быть и грѣшишь.

— Нѣтъ, братъ, я отъ княжаго постельничаго слышалъ, что Наташка тѣмъ самымъ временемъ къ ворожеѣ поясъ посылала. Это на что?

— Конечно, не слѣдъ это дѣлать. Только Полуектовыхъ я довольно зналъ: люди хорошіе. Ну, да и великая княгиня раньше недужна была.

— А за что Полуектовыхъ доселѣ государь великій князь на глаза не пущаетъ?

— Ну, это намъ, малымъ людямъ, куда знать. А вотъ какъ свѣдалъ государь, что есть такая невѣста, знатная и красавица, и что римскій папежъ желалъ бы се за Ивана Васильевича отдать, да и сама она противиться не будетъ, потому что онъ вѣры православной, такъ и сталъ государь со своей матушкой, инокиней Маѳоой, съ владыкой митрополитомъ и съ боярами совѣщаться. Ну, конечно, гдѣ же невѣсты лучше сыскать? Вотъ государь и послалъ фрязина къ папежу все дѣло уладить. Тотъ и уладилъ, только не навралъ ли что-нибудь, собака, потому врать лютъ! Да вотъ передъ отъѣздомъ во Фряжскую землю (значитъ, государь опять его туда послалъ за невѣстой) такъ зашелъ онъ ко мнѣ попрощаться. Ну, конечно, выпили. Такъ что-же, по-

хваляться сталъ. Я-де, говоритъ, изъ Фряжской земли такихъ строителей привезу, что тебя, Мышка, за поясъ заткнутъ.

— Тебя-то! Да ты у насъ съ Кривцовымъ первый человѣкъ на это. Вонъ мнѣ какія палаты вывелъ. А вѣдь смѣхотворное, братцы мои, дѣло! Какъ только я ихъ учалъ строить, всѣ наши рядскіе то и дѣло пристаютъ ко мнѣ: къ чему-де ты каменны палаты строишь, одно-де бахвальство, и не по дѣдовскому обычаю, да и жить въ деревянныхъ гораздо здоровѣе.

— Это они напрасно,—сказалъ Никитинъ,—въ чужихъ земляхъ много каменныхъ палатъ, а ничего: отъ того народъ не мретъ.

— Знаю, что ничего. А супротивъ, какъ ежели къ примѣру—оборони и сохрани Богъ, отъ слова не сдѣлается—пожарнаго случая не въ примѣръ сподручнѣе.

— Что и говорить.

— А это онъ о фряжскихъ строителяхъ напрасно,—говорилъ Мышкинъ,—потому—вотъ эта стопа съ медомъ: я вотъ ее однимъ духомъ опорожнилъ, а можетъ тамъ всякая нечисть? Фрязь али нѣмецъ это сдѣлать никакъ не можетъ. Потому—русскаго духа у нихъ нѣтъ. Я теперь, примѣрно, пьянъ, а дѣло мое могу сполнить. Успенскую церковь построю—вотъ какую. А фрязь—это еще погоди, братъ.

— Куда фрязямъ супротивъ тебя.

— А теперь, братцы, по тайности вамъ скажу, по большой тайности. И не слѣдъ бы говорить, да первое дѣло охмѣлѣлъ, а второе—ребята вы такіе душевные. На-дняхъ у великаго князя совѣтъ былъ, а мой сынишка въ постельничихъ у князя. Прилучилось ему быть въ сосѣдней храминѣ—все слышалъ, ну, отцу по тайности и разсказалъ.

— Разскажи и намъ, сватъ. Смерть люблю слушать, если кто занятно говоритъ.

— Только смотри, ни, ни... ни гугу! Пригналъ, значитъ, отъ невѣсты гонецъ и разсказываетъ: «Ѣдетъ, говоритъ, съ Софьей Ѳоминишной посолъ отъ папежа, человѣкъ набольшой, а ѣдетъ онъ весь въ красномъ, а на рукахъ рукавицы изъ собачьей кожи, къ иконамъ онъ не подходитъ, шапку и рукавицы свои поганые и въ церкви не скидаетъ. Во Псковѣ царевну съ торжествомъ приняли. И всему она народу полюбилась, потому—точно, красоты неописанной, обы-

чаемъ ласкова, предъ иконами святыми молилась съ колѣнопреклоненіемъ. Да и послу молвила: «Ты бы, говоритъ, хоть къ Пречистой приложился». Ну, онъ надо быть поморщился, а ничего, послушался.

— Да какъ еще его, пса окаяннаго, допустили?

— А въ особыхъ саняхъ везутъ передъ нимъ распятіе литое, на древкѣ высоко вздернуто, настоящій, значитъ, латинскій крыжъ.

— Господи, спаси и помилуй!

— Вотъ изъ-за этого самаго крыжа все дѣло и вышло. Сталъ государь съ боярами совѣщаться: впускать ему посла съ этимъ крыжомъ али нѣтъ. Не впустить—посла обидѣть, впустить—соблазнъ въ народѣ пойдетъ. И послалъ государь владыку митрополита выпросить въ такомъ дѣлѣ.

— Что же владыка отвѣтилъ?

— А отвѣтилъ владыка митрополитъ таковыми словами: «Нельзя послу не только войти въ Москву съ крестомъ, но и подъѣхать близко; если же ты позволишь ему это сдѣлать, то онъ въ одни ворота въ городъ, а я, отецъ твой, другими воротами изъ города; непригоже намъ и слышать объ этомъ, не только что видѣть, потому что кто возлюбитъ и похвалитъ вѣру чужую, тотъ своей поругается».

— Что-же? владыка... это правильно.

— Такъ и великій князь порѣшилъ. Съ тѣмъ и гонецъ къ тому послу поѣхалъ.

Въ это самое время, верстахъ въ ста отъ Москвы, гонецъ государевъ передалъ наказъ его Ивану Фрязину, а Фрязинъ папскому послу, легату Антонію, что никакъ невозможно ему съ тѣмъ крестомъ въ Москву въѣхать, а принять бы ему крыжъ прочь. Легатъ, высокій, красивый мужчина, лѣтъ еще не старыхъ, разсердился.

— Развѣ такъ надлежитъ почитать легата святѣйшаго отца?—говорилъ онъ.—Крестъ—принадлежность моего званія. Развѣ я ѣду не просвѣщать Русскую землю свѣтомъ христіанства?

— Какъ же это просвѣщать?—молвила царевна Софья.—Да она святымъ крещеніемъ давно просвѣщена.

— Крещеніемъ точно просвѣщена, но въ заблужденіяхъ и схизмѣ пребываетъ.

— И я въ той схизмѣ по-твоему пребываю? Да о вѣрѣ говорить не мое дѣло женское. Поговори объ ней съ рус-

скимъ митрополитомъ. А указъ государя, моего нареченнаго жениха, долженъ быть исполненъ.

— Несообразно съ моимъ достоинствомъ.

— Ну, если несообразно, такъ я одна поѣду, передо мной крестъ везти не надо. А ты погодя пріѣзжай.

Антоній ужь во время дороги замѣтилъ, что съ Софьеи Ѳоминишной не легко сговорить. Особенно съ тѣхъ поръ, какъ она ступила на Русскую землю и была принята во Псковѣ съ великими почестями, Софія приняла осанку властную, такъ что иной разъ кардиналъ не зналъ что и подумать. Совсѣмъ не та дѣвочка, которая такъ смирно жила въ Римѣ, а именно представительница самаго знатнаго рода во всемъ свѣтѣ. Онъ понялъ и то, что если Софія съ нимъ разсорится, тогда наврядъ-ли состоится соединеніе церквей или, точнѣе сказать, подчиненіе русской церкви папѣ.

— Да я, государыня, ничего... и если сказалъ схизма, то ты не прогнѣвись.

— Я и не гнѣваюсь, а воля государя великаго князя должна быть исполнена.

Легатъ покорился, но когда, убравъ крестъ, онъ поѣхалъ далѣе въ одномъ капканѣ съ великокняжескимъ посломъ Иваномъ Фрязинымъ, то вздумалъ на немъ сорвать сердце.

— Какъ же ты говорилъ въ Римѣ, что московскій князь желаетъ принять флорентійскую унію?

— Это, то-есть, святому отцу папѣ покориться? А отчего же ему и не покориться?

— Да ты вотъ разсказываешь, а мнѣ крестъ снять велѣли.

— А отчего-же его и не снять? Какъ по-твоему, простой народъ глупъ или нѣтъ?

— Конечно, глупъ.

— Ну, послушай-ка, теперь, привыкши видѣть въ своихъ церквахъ совсѣмъ иные кресты, увидятъ твои, что скажутъ? Вѣдь смятеніе можетъ быть?

— Да ты же говорилъ, что народъ смирный, повелитъ великій князь, такъ что угодно сдѣлаютъ.

— И сдѣлаютъ.

— И святѣйшему отцу папѣ подчинятся?

— И святѣйшему отцу подчинятся.

— Такъ пусть и повелитъ великій князь.

— И повелитъ. Да развѣ этакое дѣло въ одинъ день дѣ-

лается? Надо тоже русское духовенство уломать. Самъ ты знаешь, можно развѣ хоть въ какой землѣ христіанской духовенствомъ пренебречь? развѣ можно?

— Конечно, нельзя католическимъ духовенствомъ пренебречь, а то схизматики.

— А ты ихъ убѣди, что они схизматики. Что тебѣ это стоитъ. Мужъ ты великой учености и краснорѣчія. А они что? Мужики въ сравненьи съ тобой. Только рясу носятъ, а какая ученость у нихъ? Могутъ ли они съ тобой сравняться?

Понравилось кардиналу, что Фрязинъ польстилъ ему. Даже улыбнулся сановникъ римской церкви.

— Ну, положимъ, я ихъ опровергну, да только когда же это будетъ? А теперь вотъ униженіе.

— Это что крестъ-то сняли? Какое тутъ униженіе? Тебѣ же лучше. Я прежде замѣтилъ, что иные изъ русскихъ, особенно изъ духовныхъ, куда косо на твой крестъ смотрѣли. Ну, а извѣстно, народъ смотритъ, смотритъ, да сдуру что-нибудь и сдѣлаетъ, какое-нибудь оскорбленіе. Конечно, за это строго бы наказали, да не лучше ли, чтобы пока все было тихо и гладко, покуда протодьяконъ въ Успенскомъ соборѣ крикнетъ: «О здравіи святѣйшаго отца папы и патріарха всероссійскаго Антонія!» А ужь какой голосина у протодьякона! Такихъ и въ Италіи не найдешь. Не то что въ соборѣ, а на всей площади слышно, какъ онъ рявкнетъ.

— А ты еще обѣщалъ, что великій князь въ крестовый походъ противъ турокъ пойдетъ.

— И пойдетъ. Какъ же ему не пойти, когда онъ византійскую царевну, отрасль Палеологовъ, за себя возьметъ? Вѣдь онъ самъ права на Царьградъ получитъ.

— Ну, права—это особая рѣчь. А идти на турокъ непремѣнно нужно.

— Когда не нужно. Ну, да теперь счастливо оставаться. Я нарочно къ тебѣ пришелъ, чтобы тебя успокоить. А теперь пойду въ свой капканъ, сосну немного.

— Разсказывай, — говорилъ Фрязинъ, влѣзая въ свой капканъ,—то обѣщалъ да другое обѣщалъ, а какъ было не обѣщать, иначе, пожалуй, и царевну не пустили бы. А что-же, мнѣ къ великому князю съ пустыми руками что-ли было пріѣхать? Нѣтъ, братъ, этакъ нельзя, шалишь, пожалуй безъ ушей останешься. А слово сказать что? слово не вре-

дитъ. Не запись я вамъ далъ. Церковь вишь подчинять и на турка пойдутъ. Нѣтъ, братъ, сперва съ московскими начетчиками поваландайся, а что до турокъ, такъ у московскаго князя свои есть.

12 ноября 1472 года Софья Ѳоминишна въѣхала въ Москву и въ тотъ же день сочеталась бракомъ съ государемъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ.

Спустя полгода князья и бояре по обычаю собирались во дворецъ великокняжескій. Они каждый день должны были тамъ быть. Но теперь ожидали еще, что государь великій князь со своею думою боярскою разсудитъ о важныхъ вѣстяхъ, которыя получились съ разныхъ сторонъ.

Много князей и бояръ толпилось, дожидаясь выхода государя великаго князя. Были и простые люди, которымъ надо было доложить государю по своимъ дѣламъ. Въ числѣ ихъ пришелъ и Аѳанасій Никитинъ. Онъ въ Москвѣ былъ пришлый человѣкъ, почти никого изъ бояръ не зналъ и потому съ любопытствомъ разспрашивалъ объ нихъ у молодого знакомаго постельничаго.

— Это кто двое богатырей у окна стоятъ?

— Тотъ, который постарше, князь Даніилъ Холмскій, тотъ самый, что новгородцевъ при Шелони побилъ. А молоденькій, тоже Даніилъ, Щеня—тотъ удалой парень. Молодъ еще онъ, а куда удалъ. Къ Холмскому онъ такъ и льнетъ. Извѣстно, хоть лѣта ихъ разныя, а оба какъ есть богатыри, такъ сердце сердцу вѣсть подаетъ.

— А эти двое сановитые кто такіе?

— Это первые бояре государя великаго князя, промежъ собой друзья и пріятели, да слышно, скоро и родными будутъ. Одинъ-то, Патрикѣевъ, литовскаго роду, отъ Гедимина происходитъ. Родитель его, князь Юрій Патрикѣевичъ, былъ женатъ на дочери государя великаго князя Василія Дмитріевича, дѣда нынѣшняго государя. Значитъ Иванъ-то Юрьевичъ троюроднымъ братомъ государю великому князю Ивану Васильевичу приходится. И большую онъ силу имѣетъ. При государѣ великомъ князѣ Василіѣ Васильевичѣ первымъ бояриномъ былъ и теперь тоже. А другой, что помоложе, князь Семенъ Ряполовскій-Стародубскій, рюриковской крови, тоже въ чести у государя великаго князя, и слышно, на дочери Ивана Юрьевича жениться собирается. Жалко, что не слыхать, о чемъ они разговариваютъ. Мы бы тогда объ

всемъ узнали, потому что этимъ двумъ князьямъ всѣ дѣла извѣстны.

Дѣйствительно, Патрикѣевъ и Ряполовскій разсуждали о дѣлахъ.

— Самъ я, князь Иванъ Патрикѣевичъ,—говорилъ Ряполовскій,—плѣннаго Михаила, князя пермскаго, видѣлъ и гонца воеводы Пестраго о всѣхъ дѣлахъ разспрашивалъ. Самъ-то Пестрый пошелъ на Искоръ, до городка Анфаловскаго на плотахъ плылъ, а потомъ на коняхъ пошелъ да послалъ Нелидова въ нижнюю землю на Уросъ, на Чердынь да на Почку. Тамъ князя Михаила и въ полонъ взяли. На Колвѣ рѣкѣ встрѣтила Песграго пермская рать подъ начальствомъ воеводы Качаима. Пестрый его побилъ и въ полонъ взялъ, Искоръ покорилъ, а на устьѣ Почки городокъ срубилъ. Видѣлъ я и добычу: шестнадцать сороковъ соболей, шубу соболью, двадцать девять съ половиной поставовъ сукна, да три панцыря, да шеломъ, да три сабли булатныя.

— Хорошія вѣсти, князь. Спасибо Пестрову.

— Тутъ мало спасибо. Изъ спасиба шубы не сошьешь, а тутъ чай не только онъ самъ себѣ шубки сшилъ, да и всѣмъ намъ шубки достанутся.

— Шутникъ ты. А точно земля богатая, пушнаго звѣря тамъ гораздо довольно. Да и ко времени эта побѣда, ко времени. Того и гляди, что государю великому князю всѣ силы понадобятся.

— А что?

— Въ Ордѣ неладно. Присылалъ, слышь ты, король Казимиръ въ Золотую Орду татарина Кирея Кривого, помнишь, холопъ великаго князя, что отъ него въ Литву сбѣжалъ. Такъ этотъ самый Кирюшка говорилъ хану Ахмату на великаго князя многія лживыя рѣчи и обговоры, дары хану и всѣмъ мурзамъ поднесъ, чтобы ханъ пожаловалъ, на московскаго князя съ Ордой пошелъ, а онъ-де, король, съ другой стороны ударитъ.

— Ударитъ онъ! Только хвалится. Не больно его на Литвѣ-то слушаются, не гораздо имъ охотно на православнаго великаго князя московскаго изъ-за своего князя-еретика подыматься. А въ Польшѣ-то Казимира такъ и совсѣмъ ни во что ставятъ. Да и самъ ханъ-то, что же? лѣтомъ приходилъ на насъ, да много-ли взялъ? Какъ провѣдалъ, что нашей

рати сто восемьдесятъ тысячъ человѣкъ стоитъ, такъ опъ и на утекъ.

— Это вѣрно. А все съ опаской надо. Потому Ахматъ очень на великаго князя злится. Мурзы изъ-за королевскихъ даровъ все подговаривали. А тутъ еще вятчане пошалили.

— А что?

— Ты развѣ не слыхалъ? Ханъ-то съ ордой на охотѣ въ степи былъ, а они Волгой приплыли да—благослови, Богъ—весь Сарай и пограбили.

— Это ханскую-то столицу! Вотъ сорви-головы!

— Ужь не говори! Тѣ же новгородцы!

— Почище, пожалуй, новгородцевъ будутъ. Новгородцы отъ торга слишкомъ ужь разбогатѣли, брюхо имъ расперло, такъ не такъ охочи къ ратному дѣлу стали. Вонъ князь Данило ихъ съ перваго раза и побилъ. А эту вятскую вольницу еще не знаю, когда и мы смиримъ.

— А ханъ за нихъ на великаго князя осерчалъ. Да слава те, Господи, сердитъ, не силенъ—извѣстно, кому братъ. А теперь наша сила не та, да и ихъ не та. Прежде у нихъ было одно царство, а теперь поди-ка сколько: сарайское, крымское, нагайское, астраханское, казанское. Промежъ собой какъ собаки грызутся. А у насъ прежде было сколько князей и не гораздо ладно другъ съ дружкой жили. А теперь государь великій князь всю землю Русскую подъ одно начало привелъ. Такую рать соберемъ, что татары и носъ сунуть не посмѣютъ.

— Одни казаки чего стоятъ. И чудное же дѣло эти казаки! Какъ это они въ степи подъ самымъ носомъ у татаръ укрѣпились? Спервоначалу, говорятъ, тамъ въ маломъ числѣ только самые отчаянные люди проявились, чтобы, не жалѣючи головы своей, за злыя татарскія обиды мстить. Ничего объ нихъ и слышно не было. Что же и слышать? Побьютъ они сколько могутъ татаръ, а тамъ и сами въ бою лягутъ. Не вѣтеръ степной станетъ объ ихъ дѣлахъ разсказывать! А тамъ сотня годовъ послѣ татарскаго погрома прошла, и слышимъ—уже довольно казаковъ на Дону и по Днѣпру появилось и бьются они на смерть съ татарами. А теперь такъ иной разъ и татарамъ отъ нихъ достается.

— Ну, еще не гораздо. Вотъ литовскіе государи не умѣютъ за дѣло взяться. Самыя отчаянныя головы изъ казаковъ за днѣпровскими порогами сидятъ, такъ запорожцами

и прозываются. Вотъ какъ бы ихъ умѣючи поддержать, такъ надѣлали бы они татарамъ хлопотъ.

— И наши донскіе ничего. Татарамъ и отъ нихъ не поздоровится.

— Современемъ — это точно. Теперь еще ихъ сила не велика, а по всякъ часъ прибываетъ. Потому, если кто напроказитъ али съ сильнымъ человѣкомъ повздоритъ, куда идетъ? безпремѣнно на Донъ, либо въ Запорожье. И идутъ-то все люди боёвкіе, небоязливые. Вотъ сила казацкая и прибываетъ.

— Государыня великая княгиня идетъ,—послышалось между боярами.

— А она у государя была?—спросилъ Патрикѣевъ.

— Да.

— Кто-нибудь и изъ бояръ былъ?

— Мамонъ да Ощера.

— Эти бабьи прихвостни всегда къ государю пролѣзутъ.

— Не говори. А передъ великой княгиней такъ и выотся: Ощера въ три погибели извивается, со своей ехидной улыбочкой, а Мамону брюхо кланяться мѣшаетъ, такъ онъ только знай твердитъ: «Воистину, государыня, право твое слово».

— А мнѣ кстати, что она пройдетъ. Я къ ней идти собирался. Въ подмосковной я церковь построилъ, святить собираюсь, такъ хочу государыню великую княгиню на пиръ просить. И ты, князь, просимъ милости.

— Ваши гости, князь Юрій Патрикѣевичъ.

Вошла государыня великая княгиня Софья Ѳоминишна, выплыла словно пава величавая. За ней вышли двое бояръ: одинъ маленькій, чрезвычайно толстый, съ плѣшивой головой, а другой высокій, худощавый. Это и были Мамонъ и Ощера, которыхъ Патрикѣевъ обозвалъ бабьими прихвостнями.

Князья и бояре низко поклонились великой княгинѣ, она слегка склонила голову. Патрикѣевъ подступилъ къ ней поближе и началъ говорить:

— Государыня великая княгиня, хочу тебѣ, матушка, бить челомъ...

Софья Ѳоминишна поглядѣла на него, такъ поглядѣла, что онъ вдругъ остановился, точно въ горлѣ запершило у него.

Государыня ничего не сказала и ушла въ свои покои. Мамонъ и Ощера захихикали.

— Чего вы зубы-то скалите?—нахмурясь спросилъ Патрикѣевъ.

— Не книженъ ты, князь,—сказалъ Ощера,—хоть посольскими дѣлами заправляешь, а вотъ обычаевъ византійскихъ не вѣдаешь.

— А ты вѣдаешь?

— Да знаю, что съ царями византійскими непригоже было подданнымъ самимъ разговоръ начинать, а надо было дожидаться, пока царь пожалуетъ, самъ заговоритъ, тогда и отвѣтъ держать.

Патрикѣевъ что-то хотѣлъ возразить и, вѣроятно, очень рѣзко, но вошелъ великій князь. Послѣ обычнаго боярамъ поклона, онъ началъ говорить:

— Объявляю, бояре, мой указъ. Ѳедору Пестрому и его рати мою милость объявить, воеводу о здоровьѣ спросить. Да чтобы рать, оставя сколько надо людей въ Острожкахъ, сюда не медля шла. И во всѣ города указъ послать, чтобы укрѣплялись елико можно да чтобъ, если понадобится, ратныхъ людей безъ мѣшканья высылали. Про случай готовить надо. А ты, Патрикѣевъ, побывай у римскаго посла. Онъ все пристаетъ ко мнѣ, что нужно ему съ владыкой митрополитомъ о вѣрѣ состязаться. Владыка согласенъ. Такъ пусть состязаются. А ты при томъ состязаньи будь да потомъ скажи мнѣ, что они тамъ говорить станутъ. А теперь прощайте, бояре, съ Богомъ за дѣло. Снаряжайте рать. Если на татаръ не пойдемъ, такъ можетъ въ другое мѣсто понадобится. Есть просители?

— Есть, государь великій князь,—засуетился Ощера,—вотъ тверской купецъ Никитинъ.

— Что тебѣ надо?—спросилъ Иванъ Васильевичъ Никитина.

— Да хотѣлъ въ Астрахань съѣздить.

— Что тебѣ вздумалось?

— Посмотрѣть хотѣлъ, какъ-бы тамъ торговлю устроить посподручнѣе.

— Это дѣло, да теперь не время. Какъ-бы съ ханомъ Ахматомъ разрывъ не вышелъ. Пожди, если миръ продолжится, ступай съ Богомъ.

Такъ же скоро отпустилъ великій князь другихъ просп-

телей и пошелъ въ покои государыни. Бояре между тѣмъ выходили изъ дворца.

— Это что же будетъ,—шепнулъ Ряполовскій Патрикѣеву,—когда же это видано, чтобы дѣла безъ бояръ вершать?

— Вонъ говорятъ,—отвѣчалъ Патрикѣевъ, красный отъ гнѣва,—что безъ спросу и говорить нельзя. Вишь византійская царевна! Мы сами, чай, не простого рода.

Но какъ ни сердился князь Иванъ Юрьевичъ, а государевъ указъ исполнилъ: и папскому легату его объявилъ, и на состязанье легата съ владыкой митрополитомъ былъ, и государю о томъ доложить пришелъ. А у государя сидѣлъ дьякъ Курицынъ.

— Ну, что же у нихъ было?—спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Смѣху подобно. Владыка митрополитъ захватилъ съ собой на состязанье Никиту книжника. И пошли они, сперва владыка митрополитъ, потомъ Никита, такъ и рѣжутъ отъ Святаго писанія; римскій посолъ сперва отбивался, потомъ покраснѣлъ какъ ракъ, говоритъ: «Теперь непригоже-де мнѣ состязаться, книгъ со мной нѣтъ».

— Славно. Сходи къ владыкѣ, скажи, что я очень радъ, а Никитѣ десять рублевъ пожаловать. Послу чтобы дары были самые богатые и почесть всякая. Теперь, чай, скоро уберется отъ насъ, такъ пусть лихомъ насъ не поминаетъ. А Ивашкѣ Фрязину скажи, чтобы вдругорядь поменьше вралъ. Онъ, конечно, главное дѣло хорошо обдѣлалъ и со вранья пошлины не берутъ, а все же онъ нашимъ посломъ былъ, такъ врать и непригодно. Да еще вотъ что: знаешь ты византійскій гербъ?

— Не вѣдаю, государь.

— Какъ это вы ничего не вѣдаете? Посольскими дѣлами заправляешь, а ничего не вѣдаешь, ни гербовъ, ни дворскихъ обычаевъ. Вотъ Курицинъ тебѣ скажетъ.

— Византійскій гербъ, — сказалъ Курицинъ, — двуглавый орелъ, а въ когтяхъ у орла скипетръ и держава, въ знаменіе царской власти.

— Теперь, — продолжалъ Иванъ Васильевичъ, — когда Богъ даровалъ намъ въ супругу возлюбленную отрасль великаго византійскаго царскаго дома да уповательно и наслѣдницу того дома величія, потому что хотя и есть отъ сего дома иныя отрасли, но царскаго вѣнца лишены и едва ли

оный обрѣсти могутъ, для того хощемъ мы пріять византіійскій гербъ, яко достояніе возлюбленной супруги нашей. И таковъ нашъ указъ, чтобы по тому гербу и печать наша великокняжеская была сдѣлана и чтобы во всѣхъ дѣлахъ и даже въ домашнемъ нашемъ княжескомъ обиходѣ, а наипаче въ сношеніяхъ нашихъ съ иными землями тотъ гербъ употреблялся. Государыня великая княгиня съ собой изображенія того герба привезла и Курицыну они отданы. А ты мой государевъ указъ исполни. Да еще вотъ что. Когда свалился Успенскій соборъ, который воры Кривцовъ да Мышкинъ строили, такъ посажены они, воры, за приставы. А теперь Толбузинъ привезъ изъ Фряжской земли зодчаго Аристотеля. И тотъ Аристотель соборъ осматривалъ и стѣны похвалилъ, хорошо-де сложены, только известь не клесвата, оттого и соборъ упалъ. Такъ тѣхъ воровъ, Кривцова да Мышкина, изъ тюрьмы выпустить да сказать имъ: потребно бы ихъ кнутомъ нещадно бить, чтобы они впередъ церковное строеніе зря не возводили, да являю я имъ милость свою, ту дурость ихъ оставляю, а смотрѣли бы они да учились, какъ Аристотель тотъ храмъ строить будетъ. Поучась, можетъ и они на что-нибудь пригодны будутъ.

Патрикѣевъ, опять красный, вышелъ отъ великаго князя и, выйдя, проворчалъ сквозь зубы:

— Что это съ нимъ сдѣлалось? Какой онъ грозный нынѣ сталъ.

— Ужь эти князья да бояре,—сказалъ Иванъ Васильевичъ, оставшись наединѣ съ Курицинымъ,—похвальбы много, а на дѣло не горазды, только своимъ родомъ величаются. Еще въ ратномъ дѣлѣ смыслятъ, и то не всѣ. Вотъ теперь Данило Холмскій третьимъ числится, а куда супротивъ его Патрикѣеву али Ряполовскому? Не то что онъ, а пожалуй Пестрый али Руно почище ихъ будутъ. Вотъ еще Щеня паренекъ хорошій, выровняется, такъ на него положиться можно, ему и большой полкъ дадимъ, потому онъ Патрикѣеву племянникъ, такъ по отчеству въ большомъ полку идти можетъ. А теперь поневолѣ давай большой полкъ Патрикѣеву али Ряполовскому, либо приходится въ большомъ полку такъ для прилику одного изъ братьевъ посылать, а Данилу бы куда лучше. Ну, да въ ратномъ дѣлѣ еще ничего. А ужь въ посольскихъ дѣлахъ да въ дворскихъ обычаяхъ и во всемъ обиходѣ просто ничего не смыслятъ. Во

Московская областная
научная библиотека
им. Н. К. Крупской

всемъ этомъ простые, неродовитые люди куда смышленѣе. Опять вамъ грамоту Господь открылъ, а князья да бояре куда на это туги. Теперь надо безпремѣнно, пока еще Ахматъ пути не перенялъ, посла къ Менгли-Гирею въ Крымъ послать. Какъ думаешь, кого сподручнѣе будетъ?

— Кажись бы, Никиту Беклемишева.

— Пожалуй. Онъ дѣло сдѣлать можетъ. А вора брата его все держать за приставы. Вотъ такъ они всѣ придутъ ко мнѣ: «Совсѣмъ-де, государь, я, твой холопъ, захудѣлъ, вотчины прокормить меня не могутъ, все неурожай да скотскій падежъ, да людишки всѣ разбѣжались. Пожалуй, государь, пошли на воеводство покормиться». Ну, и пошлешь. Извѣстно, на воеводствѣ поправиться можно. Только по-боженски надо, чтобы себя не забыть да и подначальному люду чтобы большой тѣсноты не было. А Беклемишевъ какъ тать какой-нибудь накинулся; ну, да я не посмотрю, что онъ хорошаго рода. Поморю его въ тюрьмѣ порядкомъ. Эко дѣло—сколько православныхъ сгубилъ! А Никита ничего, въ посольскихъ дѣлахъ и прежде бывалъ.

— А какъ, государь, повелишь грамоту править? Челомъ по прежнему бить?

— Пожалуй. Татарамъ это лестно: народъ спѣсивый, а насъ отъ того не убудетъ. Да и поминки хану добрыя послать и мурзъ задарить. Теперь какъ Ахматъ съ Казимиромъ заодно, то очень намъ Менгли-гиреева дружба нужна. Такъ и челомъ бить можно. Пускай тамъ они въ Крыму этимъ бахвалятся, а на Москвѣ, что въ этихъ грамотахъ написано, никто, кромѣ ближнихъ людей, знать не будетъ. А тѣмъ бы людямъ языкъ держать за зубами. Вотъ тѣ грамоты, что отъ хана придутъ, надо, чтобы съ оглядкой были написаны. Тамъ они всегда такое слово пишутъ: «Ханъ-де тебя пожаловалъ». Не люблю я этого жалованья. Самъ я всѣхъ жалую, а меня никто жаловать не можетъ. Такъ стараться, чтобы въ грамотѣ того слова не было. Лучше сто рублевъ лишнихъ потерять, чѣмъ это слово оставить. А еще не говорить въ грамотѣ, что быть заодно на Ахмата, а просто сказать: «Быть на всѣхъ недруговъ заодно». Оно и способнѣе. Тогда значитъ Менгли-гирей не токмо на Ахмата, но и на Казимира при случаѣ подымется. И если Менгли-гирей захочетъ, чтобы я съ Ахматомъ не обсылался, то не соглашаться, сказать, что намъ-де этого нельзя, потому что

наша отчина съ Ахматомъ на одномъ полѣ. Тоже, если ханъ захочетъ въ грамоту о поминкахъ вписать, то сказать, что поминки-де будутъ безпремѣнно, а въ грамоту о томъ писать нечего.

— А грамоту по прежнему ярлыкомъ звать?

— А пусть тамъ они въ Ордѣ кличутъ какъ хотятъ. Не будетъ «пожалованъ» да поминковъ, такъ и видно станетъ, что то не ярлыкъ, а грамота не зазорная для нашей государевой чести.

Почти за годъ до этого, лѣтомъ 1472 года, великое смятеніе было въ небольшомъ городѣ Алексинѣ, на берегу Оки. Слышно было, что Ахматъ съ татарами идетъ уже близко, а рати великокняжеской нельзя было ожидать скоро. Ратныхъ людей въ городѣ было мало, не было ни пушекъ, ни пищалей, ни самострѣловъ, никакого городского пристроя.

Воевода Беклемишевъ (тотъ самый, о которомъ Иванъ Васильевичъ съ Курицинымъ говорилъ), высокій, тучный мужчина съ опухшимъ лицомъ, краснымъ носомъ и маленькими, плутоватыми глазами, сидѣлъ за столомъ, покрытымъ сукномъ. Передъ нимъ стоялъ маленькій, вертлявый человѣкъ, подъячій Еремка, сынъ того самого Бѣды, который въ дьяки вышелъ за государеву службу, за то, что въ Москву вѣсть о смерти князя дмитрія Шемяки привезъ. Двое ратниковъ держали связаннаго татарина. Этотъ татаринъ былъ молодъ, высокъ ростомъ и крѣпко сложенъ, съ виду сумраченъ и по временамъ въ глазахъ его сверкала такая злоба, что страшно становилось за человѣка, къ которому она относилась.

— Такъ пойманъ этотъ татаринъ подъ самымъ Алексиномъ?—спрашивалъ воевода.

— Истинно такъ, государь воевода, какъ ѣздили мы вечоръ дозоромъ, то его и поймали,—отвѣчалъ ратникъ.

— А присланъ ты, собака,—сказалъ грозно воевода,—высматривать нашъ городъ?

— Нѣтъ,—спокойно отвѣчалъ татаринъ,—ѣхалъ я по своему дѣлу. Спроси у ратныхъ людей—они скажутъ, что ѣхалъ я не къ городу, а къ степи.

— Ну, такъ что же? Свѣдалъ, что надо, да и ѣхалъ въ степь.

— И не оборонялся я отъ твоихъ людей, не убѣгалъ.

— Гдѣ было бороться: ты одинъ, а ихъ десять. А убѣжать не успѣлъ.

— Да я и не изъ Ахматовыхъ людей, а служилъ у царевича Даніяра.

— Зачѣмъ же тебя нечистая сила въ степь несла?

— Того сказать не могу.

— Полно, такъ-ли? Какъ подержатъ надъ огонькомъ, да забьютъ подъ ногти желѣзныя спицы, да встянутъ на дыбу, такъ все разскажешь. Распорядись, Еремка!

— Если такъ, то все скажу безъ пытки. Только вели выйти ратнымъ людямъ и подъячему, потому что это очень тайное дѣло.

— Ратные люди уйдутъ, а подъячій останется; можетъ, записать будетъ надо, а на то они и подъячіе, крапивное сѣмя. Не самому мнѣ руки марать. А тайность кому откроетъ, такъ запорю.

Ратные люди ушли.

— Вотъ ты, воевода, про пытки да плети знаешь. А вѣдаешь ли ты, какъ кожу съ живого человѣка сдираютъ?

— Кожу съ живого человѣка? Не видывалъ.

— Это уповательно больше къ прикладу говорится,— вступился подъячій.—Мало ли народъ брешетъ? Вотъ говорятъ, къ примѣру, про подъячихъ, что они дерутъ съ живого и съ мертваго. А развѣ они въ самомъ дѣлѣ дерутъ?

— Вы-то не дерете, только посулы берете, а татары въ самомъ дѣлѣ съ живыхъ людей кожу сдираютъ. Вотъ ты къ нимъ попадешься, и съ тебя сдерутъ.

— Типунъ бы тебѣ на языкъ!

— Про ту казнь мнѣ вѣдомо,—важно сказалъ воевода.

— Такъ эту казнь ханъ Ахматъ надъ моимъ отцомъ совершилъ. Какъ думаешь, могу я послѣ этого быть его другомъ?

— А можетъ, ты показываешь облыжно?—вскричалъ подъячій,—мало ли что наболтать можно—такъ и повѣрятъ.

— Повѣришь. Вотъ я и порѣшилъ—Ахмата извести.

— Ну, это ты не дѣло путаешь,—сказалъ воевода,— гдѣ тебѣ его извести? У него вся орда, а ты, одинъ человѣкъ, на него пошелъ.

— И одинъ человѣкъ много можетъ сдѣлать. Вотъ посмотри-ка на эту склянку. Твои люди меня обыскивали, а

ce сыскать не могли. Не мастера отыскивать, татары не въ примѣръ лучше умѣютъ.

— Ну, такъ что же? склянка?

— А дай изъ этой склянки капли три-четыре твоему подъячему, онъ тотчасъ же подохнетъ.

— Ахъ, ты, злочестивая собака,—вскричалъ подъячій,—вишь, что выдумалъ!

— Вотъ этимъ самымъ зѣльемъ я хотѣлъ хана извести. Теперь я все тебѣ сказалъ, воевода. Хочешь помѣшать погибели лютого ворога русскихъ, такъ задержи меня, пытай, пожалуй убей, а не хочешь—отпусти.

— По такимъ воровскимъ рѣчамъ отпустить никакъ невозможно,—говорилъ подъячій.

— Ты помолчи,—сказалъ воевода,—хочу казню, хочу милую. Склянку ты поставь на столъ.

Воевода кликнулъ ратныхъ людей:

— Посадите его въ избу, да въ большой тѣснотѣ не держать, только бы не убѣгъ. А мы о томъ дѣлѣ поразмыслимъ.

Когда ратные люди увели татарина, воевода спросилъ подъячаго:

— Ну, а то дѣло какъ?

— Не поддается, государь воевода.

— Да ты сказалъ имъ, дуракамъ, что государь повелѣлъ мнѣ городъ оставить, потому—биться и отсидѣться тутъ никакъ невозможно? Ну, я и уйду со всѣми ратными людьми, съ казною и со всѣмъ казеннымъ добромъ. А чтобы было на чемъ идти, всѣ ладьи заберу. Ты велѣлъ ладьи караулить?

— Велѣлъ.

— Ну, значитъ, народу уйти будетъ нельзя. Придутъ татары и поберутъ ихъ. А могу я имъ и уваженіе сдѣлать.

— Все въ твоей власти, государь воевода.

— Вотъ эти всѣ кляузы, что ты понаписалъ, вѣдь это все казенное добро?

— Извѣстное дѣло.

— И спасать его надо?

— Безпремѣнно надо.

— Ну, а имъ, чай, цѣлую ладью нагрузить можно. Вотъ если я все это паскудство не возьму, да еще другую

дрянь какую, то и остается нѣсколько ладей для спасенія и перевоза людей на тотъ берегъ. Говорилъ ты имъ это?

— Говорилъ.

— Что же они?

— Пять рублевъ за то обѣщали.

— Мало, пускай шестой для жены дадутъ.

— Не даютъ, потому на тайникъ уповаютъ.

— На какой тайникъ?

— А вѣдаешь, что къ Окѣ выходитъ.

— Такъ поди, скажи имъ, дуракамъ, чтобы на тайникъ не надѣялись, а давали шесть рублевъ. А теперь бы и позавтракать надо.

Подъячій на нѣсколько минутъ остался одинъ.

«Оно точно, — думалъ онъ,—не худо бы и седьмой рубль для меня получить, потому—воеводша за что, ничего она не дѣлаетъ, только жретъ да наряжается, а я всѣмъ дѣломъ заправляю. А склянка-то на столѣ осталась... занятное дѣло... Вишь ты, отъ трехъ али отъ четырехъ капель человѣкъ помретъ! Не взять ли? Пригодиться можетъ».

И дьякъ взялъ склянку, а потомъ пошелъ уговаривать алексинцевъ дать воеводѣ шесть рублей. И не видалъ онъ, что въ ту пору, какъ онъ бралъ склянку, изъ окна на него смотрѣла пара угрюмыхъ черныхъ глазъ. Ратные люди повели было посадить Мустафу, того татарина, который склянку воеводѣ отдалъ, да вдругъ сдѣлался въ городѣ переполохъ: появились подъ стѣнами татары. Ратнымъ людямъ было не до плѣнника, онъ освободился, вспомнилъ о склянкѣ и прокрался къ воеводскимъ хоромамъ посмотрѣть, нельзя ли ее выручить, и видѣлъ въ окно, какъ ее дьякъ за пазуху спряталъ.

Сперва онъ хотѣлъ было догнать дьяка и отнять склянку. Да нѣтъ, нельзя. По улицамъ много народу. Только самъ подъ замокъ попадешься.

Поднялась страшная суматоха. Государыня воеводша плакала и визжала. Воевода съ ней и съ челядинцами, вмѣсто того, чтобы оборонять городъ, побѣжалъ къ ладьямъ, которыя сторожили ратные люди.

Хотѣлъ утечь туда и подъячій Еремка, да одинъ дюжій посадскій схватилъ его за шиворотъ.

— Нѣтъ, братъ, оставайся съ нами. Вы, христопродавцы съ воеводой, вмѣсто того, чтобы насъ изъ бѣды вы-

ручить, какъ жиды торговались съ нами. Съ воеводой намъ подѣлать нечего, такъ хоть тебя не упустимъ.

— Какой это воевода! — кричали въ толпѣ, — тоже, слышно, татарскаго рода.

Алексинцы храбро оборонялись и побили много татаръ. Но скоро у русскихъ не стало ни стрѣлы, ни копья. Татары ворвались въ городъ и зажгли его. Погнались они и за воеводой, который тѣмъ временемъ переправлялся чрезъ Оку. Но на другой сторонѣ рѣки уже стояла русская рать. Сперва подоспѣлъ князь Василій Михайловичъ Верейскій, потомъ князь Юрій, братъ великаго князя Ивана Васильевича. Русскіе на другой берегъ татаръ не пустили. Жалко было князьямъ алексинцевъ, такъ что Юрій заплакалъ, но Ока въ томъ мѣстѣ глубока и князья не рѣшились переправиться на другой берегъ.

Самъ Ахматъ подошелъ къ Алексину. Привели къ нему немногихъ плѣнныхъ. Удивился онъ, куда люди городскіе дѣвались: побито немного, ушло тоже, плѣнныхъ немного, погорѣло тоже не вѣсть сколько.

— Куда же остальные дѣвались?—грозно допрашивалъ ханъ.

— Яви свое милосердіе, царь великій!—вскричалъ подъячій, бывшій въ числѣ плѣнныхъ,—повели меня освободить, а я тебѣ за то все объявлю.

— Ну, объявляй.

— Укрылись, государь, русскіе людишки въ тайникъ у рѣки, могу и дорогу въ тотъ тайникъ указать.

Ханъ съ отборной дружиной послѣдовалъ по указаніямъ предателя. Тайникъ былъ открытъ, и началось избіеніе русскихъ, которыхъ тамъ укрылось до тысячи.

— А этого пса отпустить,—сказалъ Ахматъ.

— Постой, великій ханъ,—раздался громкій голосъ.

Это говорилъ Мустафа, который во время приступа присталъ къ татарамъ и такъ отличился своею удалью, что они съ радостью приняли его въ свои ряды.

— Что тебѣ?—спросилъ въ изумленіи ханъ.

— А повели ты того человѣка обыскать.

Татары, дѣйствительно, были мастера искать, потому что сейчасъ же нашли у Еремки извѣстную уже намъ маленькую склянку.

— Повели теперь изъ этой самой склянки вылить

капли четыре на хлѣбъ, да собакѣ дать—посмотри, что будетъ.

Такъ и сдѣлали. Собака чрезъ нѣсколько минутъ издохла.

— Вотъ это самое зѣлье предатель этотъ для тебя, великаго хана, готовилъ.

— Вретъ онъ,—закричалъ Еремка.—Это онъ тебя хотѣлъ опоить, а не я.

— Ахъ, ты, собака!—вскричалъ ханъ,—развѣ я тебѣ больше, чѣмъ татарину, повѣрю? Да у кого зѣлье найдено,—у него али у тебя? Что съ тобой, нечистымъ псомъ, толковать! Содрать съ него кожу, съ живого.

— Вишь, я тебѣ говорилъ,—усмѣхнулся Мустафа,—что не миновать тебѣ этого, если татарамъ попадешься.

— А какъ тебя звать?—спросилъ ханъ.

— Мустафой.

— За вѣрную службу дать Мустафѣ халатъ съ моего плеча.

— Я и еще тебѣ, великій ханъ, послужить желаю Извѣстно мнѣ все о московской рати. Очень она сильна. Впереди всѣхъ Верейскій князь да братья великаго князя, чай ужь они на Окѣ стоятъ, самъ великій князь въ Ростиславлѣ, братъ его Андрей въ Серпуховѣ, а царевичъ Даніярь Касимовичъ въ Коломнѣ.

— Экая собака!—молвилъ ханъ,—вмѣстѣ съ русскими на своихъ пошелъ.

И сталъ Мустафа съ той поры въ великой чести у Ахмата. Помирился тогда ханъ съ великимъ княземъ, но зло помнилъ. А притомъ съ одной стороны мурзы, съ другой Казимиръ его подстрекали. И Мустафа подговаривалъ его идти на великаго князя, только совѣтовалъ пообождать.

— Мнѣ всѣ тамошнія дѣла извѣстны,—говорилъ онъ,—и какъ скажу, что можно ударить, тогда иди смѣло.

Года три, однако, между ханомъ и великимъ княземъ былъ миръ, можетъ быть, и худой, да все, по пословицѣ, лучше доброй ссоры. Пріѣзжалъ даже въ Москву Ахматовъ посолъ Каракучукъ, привелъ съ собой 600 человѣкъ свиты, да больше трехъ тысячъ купцовъ, да сорокъ тысячъ коней на продажу.

Но на слѣдующій годъ Ахматъ пришелъ въ великую ярость.

— Слышалъ ты, — говорилъ онъ Мустафѣ, — что на Москвѣ подѣялось? Было у насъ тамъ свое подворье, гдѣ всегда наши послы приставали. Вдругъ присылаетъ великая княгиня сказать, что видѣла она такой сонъ, послѣ котораго надо на томъ подворьѣ ихъ русскую церковь построить. Наши сдуру-то согласились, вышли, русскіе церковь построили, да съ тѣхъ поръ ни на это подворье и никуда татаръ не пускаютъ. Это они-то, псы, что прежде въ ногахъ нашихъ валялись! Я посла отправилъ, чтобы самъ Иванъ безпремѣнно ко мнѣ пріѣхалъ. Напрасно не велѣлъ съ женой—я бы показалъ ей, какъ отбивать татарскія подворья.

— Это вѣрно, только позволь, великій ханъ, слово молвить.

— Говори. Ты мой вѣрный слуга, я отъ тебя слово принимаю.

— Набаловался Иванъ, пожалуй слова не послушаетъ, не поѣдетъ.

— Тотчасъ на него орду вышлю. Самому еще идти не время, а мурзъ вышлю.

— А я бы тебѣ, ханъ, сказалъ... Конечно, велика твоя мудрость, да потому сказать хочу, что люблю тебя крѣпко за твои великія милости, а опять и московскіе порядки знаю. Зазнались они, пугнуть ихъ надо, старинныя дѣла припомнить.

— Какія дѣла?

— А вотъ какія. Какъ въ прежнія времена посолъ отъ великаго хана къ русскому князю пріѣзжалъ, то выходилъ князь на встрѣчу, на колѣна становился, кумысомъ посла потчивалъ, изъ рукъ его басму принималъ и передъ ней преклонялся. Заставь ты Ивана все это сдѣлать.

— Это хорошо. Ѣхать-то онъ сюда побоится, а это, пожалуй, и сдѣлаетъ.

— И поминки пришлетъ.

— Пришлетъ непремѣнно, потому—онъ воевать не любитъ.

Дѣйствительно, Иванъ Васильевичъ не поѣхалъ. И отправился къ нему ханскій посолъ съ унизительными требованіями.

Спѣшно вошла Софья Ѳоминишна къ государю великому князю.

— Государь Иванъ Васильевичъ, — сказала она,—самъ ты вѣдаешь, какой я породы. Мнѣ-ли сносить оскорбленье?

— Кто-же посмѣлъ государыню, мою великую княгиню, оскорбить? Да будь у него десять головъ, я всѣ сниму, да я ему такую казнь придумаю...

— Никто меня изъ русскихъ людей не оскорблялъ, да каково мнѣ думать, что я и дѣти мои рабы поганаго татарскаго хана?

— Ну, какіе же рабы? Ничего онъ не можетъ намъ сдѣлать. Да я еще его и совсѣмъ изведу. Только надо все потихонечку да помаленечку, христіанскую кровь жалѣючи. А я татаръ на татаръ подниму. Пущай собака собаку ѣстъ. Если же круто поступить, то христіанской крови много прольется.

— Христіанской крови и я жалѣю, только для того ли я французскому королю, медіоланскому герцогу и другимъ именитымъ женихамъ отказала, только бы за тебя, великаго государя, моего свѣта ненагляднаго, выйти, чтобы тебя въ униженіи видѣть, какъ ты передъ ханскимъ посломъ на колѣнкахъ стоять будешь да поганую ханскую басму цѣловать?

— Что?! на колѣнкахъ стоять? басму цѣловать? Да какой это дуракъ выдумалъ? Того уже давно, ни при отцѣ моемъ, ни при дѣдѣ, не было, такъ теперь ли, когда Господь сподобилъ меня всю Русскую землю подъ свою руку привести, станетъ ханъ того требовать?

— А не пришла бы я къ тебѣ съ пустыми рѣчами. Въ народѣ слышно, что отъ хана посолъ ѣдетъ, который отъ тебя всего этого потребуетъ.

— Покажу-же я тому послу, какъ съ Иваномъ московскимъ шутки шутить.

Повелѣлъ государь великій князь Иванъ Васильевичъ все для пріема татарскаго посла устроить по старинному чину, какъ на Руси въ первое время послѣ татарскаго погрома велось. Собралось множество народа посмотрѣть на эту встрѣчу. Выѣхало много и ратныхъ людей. И выѣхали они, будто на битву, въ полномъ вооруженіи и доспѣхахъ. Стали они въ нѣсколько рядовъ по всему пути, по которому должны были ѣхать татары.

Увидѣли татарскіе послы эту встрѣчу и возликовали. Старшій изъ нихъ сказалъ своему товарищу:

— Струсили, собаки. Поминки намъ хорошіе будутъ.

— Непремѣнно. И просить станутъ, чтобы маленько

помягче обоіітись, ну, хоть князя на колѣни не поставить. Ну, хорошенько заплатятъ, такъ что-же, пожалуй.

— Никакъ невозможно. Потому—ханъ строго-на-строго приказалъ.

Въѣхали послы въ ряды московскихъ ратниковъ, изъ которыхъ тѣ, мимо которыхъ татары уже проѣхали, сомкнулись за ними. Показался и великій князь Иванъ Васильевичъ. Съ нимъ тоже много было бояръ и ратныхъ людей. Но на колѣни онъ не становился. У татарскаго посла что-то будто въ горлѣ засѣло.

«Какъ ему скажешь, чтобы онъ на колѣни всталъ, когда кругомъ его рать стоитъ? — подумалъ посолъ. — Ну, можно это и опустить. Лишь бы онъ басму съ честію принялъ, ханскій указъ прослушалъ да поминки далъ, а тамъ прочее не нужно».

— Государь великій ханъ прислалъ къ тебѣ указъ...— началъ онъ.

— Не по чину посольство правишь,—прервалъ Иванъ Васильевичъ.

— Какъ не по чину?

— Вѣдь тебѣ ханъ указалъ, чтобы сталъ я на колѣни, тебѣ кумыса поднесъ, а самъ ханскую басму принялъ и облобызалъ...

— Если, государь, тебѣ то въ угоду...—сказалъ посолъ, поднимая басму.

— Когда же не въ угоду!—вскричалъ Иванъ Васильевичъ,—вырвалъ басму, разорвалъ ее и бросилъ подъ ноги своего коня.

Холмскій бросился на старшаго посла, русскіе ратники на другихъ и вмигъ сбили ихъ съ коней и обезоружили.

— Перебить всѣхъ этихъ собакъ!—приказалъ великій князь,—оставить только одного.

Того изъ пословъ, котораго оставили въ живыхъ, подвели къ великому князю. Иванъ Васильевичъ сказалъ ему:

— Ступай, объяви хану: что случилось съ его басмой и послами, то будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ.

Ханъ, услыхавъ объ этомъ, даже заскрежеталъ зубами. Онъ сталъ собирать войско, а Казиміръ обѣщалъ ему помощь. Но ханъ долго собирался, до 1480 года.

— Теперь, великій ханъ,—сказалъ Мустафа Ахмату,—

самое время намъ подняться. Московскій князь поссорился съ братьями. Тутъ-то на него и нагрянуть.

У великаго князя Ивана Васильевича шелъ совѣтъ. Были тамъ мать его, инокиня Марѳа, старшій сынъ великаго князя Иванъ, прозванный Малымъ, владыка митрополитъ, ростовскій владыка Вассіанъ, Патрикѣевъ, Ряполовскій, Холмскій, Мамонъ, Ощера и много другихъ князей и бояръ. Были и братья великаго князя, которые дѣйствительно передъ тѣмъ поссорились съ нимъ, но уже успѣли помириться.

— Каковъ же будетъ вашъ совѣтъ?—спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— А съ помощію Божіей,—сказалъ митрополитъ,—помолясь Премилостивому Спасу, Пречистой Дѣвѣ Владычицѣ, да святителямъ московскимъ, да Сергію чудотворцу, идти бы тебѣ, государь великій князь, самолично на нечестивые агаряны и постоять за Русскую землю.

— Позволь, государь великій князь,—сказалъ Ощера,—мнѣ, худому, слово молвить.

— Говори, говори, на то и дума, чтобы всякій говорилъ, что ему Богъ на сердце положитъ.

— Не отъ себя я это скажу, государь великій князь, а только на примѣръ твоихъ предковъ укажу. Приходилъ на Москву поганый царь Тохтамышъ? Вышелъ ли ему на встрѣчу прадѣдъ твой, государь великій князь Дмитрій Ивановичъ? Укрылся онъ въ Кострому и не бился съ ханомъ. А почему онъ такъ сдѣлалъ? Дерзнетъ ли чей языкъ сказать, что отъ робости? Развѣ его ратная доблесть не довольно всему свѣту извѣстна? Нѣтъ, только потому онъ удалился, что вся сила Русской земли въ государѣ великомъ князѣ. Перебьютъ всѣхъ князей и бояръ — великая бѣда, но все-таки другіе найдутся. А погибнетъ государь великій князь—что тогда вся Русь православная? все равно, что тѣло безъ головы.

— Воистину тѣло безъ головы,—поддакнулъ Мамонъ и вздохнулъ такъ глубоко, что раздалось по всей палатѣ.

— А при родителѣ твоемъ,—продолжалъ Ощера,—пришелъ на Русь пребезаконный Улу-Махметъ. Что-же сдѣлалъ твой родитель? Пошелъ на агарянъ, плѣнъ пріялъ и поруганіе, едва дорогою цѣною откупился и сколько бѣдъ отъ того вышло?

— Не къ дѣлу примѣръ говоришь,—прервалъ владыка Вассіанъ, — почему государя Василья Васильевича поганые полонили? Потому что онъ вышелъ противъ нихъ въ малыхъ людяхъ и злочестивый Шемяка ему измѣнилъ. А нынѣ развѣ не встанетъ вся Русская земля по слову благовѣрнаго государя великаго князя? Развѣ такая соберется сила, какую государь Василій Васильевичъ тогда успѣлъ собрать? А собралась вся русская сила при государѣ великомъ князѣ Дмитріѣ Іоанновичѣ, развѣ не одолѣла она на Куликовомъ полѣ всю силу татарскую?

— И что же изъ того вышло? — сказалъ Мамонъ. — Развѣ послѣ Куликовскоій битвы не потерпѣла Русь разоренья при Тохтамышѣ?

— Опять же потому, что князья не пришли къ Дмитрію Іоанновичу на подмогу. А нынѣ всѣ придутъ.

— О чемъ вы спорите, владыка и бояре,—сказалъ великій князь, — я въ Москвѣ хочу оставить брата Михаила Андреича да князя Ивана Патрикѣева, а самъ пойду съ ратью противъ невѣрныхъ.

— Многія лѣта государю великому князю Ивану Васильевичу!—воскликнули всѣ, Мамонъ и Ощера немного позже другихъ, но за то гораздо громче.

— А только всѣ подъ Богомъ ходимъ, въ Его власти и хорошее и худое. А людямъ надо ко всему готовиться. Для того хочу я государыню великую княгиню на Бѣлоозеро отправить.

— Еслибы государыня великая княгиня,—молвилъ Ряполовскій,—на Москвѣ осталась, то народу было бы веселѣе.

Государь гнѣвно взглянулъ на Ряполовскаго.

— Я останусь,—сказала мать государя, инокиня Марѳа,—хоть отъ меня какое веселье, а пусть видятъ, что еще стало быть бояться нечего.

— Лучше бы и тебѣ, государыня матушка, укрыться,—молвилъ великій князь.

— Чего мнѣ укрываться! не впервые мнѣ враговъ видать. Много я натерпѣлась и отъ злочестивыхъ татаръ, а того больше отъ доброй роденьки—прости Господи ихъ прегрѣшенія.

— Ты, Ваня, — обратился великій князь къ сыну, — ступай съ полками въ Серпуховъ, а ты, братъ Андрей, въ Тарусу. Главную рать я поведу въ Коломну.

Князья и бояре разошлись.

— Проклятые эти Мамонъ да Ощера,—говорилъ Холмскій, выходя изъ дворца,—только бы свое добро спасти да женъ съ дѣтьми укрыть, а ни о чемъ: ни о ратноій чести, ни о землѣ родной не думаютъ.

— А главное, какъ бы къ великому князю подольститься,—молвилъ бояринъ Захарьинъ,—и вѣдь умѣютъ, проклятые: на войну онъ пошелъ, а все же ему было любо слышать, какъ они его животъ берегутъ. А замѣтилъ ты, какъ государь на Ряполовскаго взглянулъ, когда тотъ о государынѣ спроста слово молвилъ?

Холмскій только рукой махнулъ.

Татары, видя, что по Окѣ разставлены сильныя русскія войска, двинулись къ Угрѣ, надѣясь у этой рѣки соединиться съ Казимиромъ. Но сынъ и братъ великаго князя, по его повелѣнію, тоже двинулись къ Угрѣ и заняли эту рѣку прежде татаръ.

Въ Москвѣ происходила большая сумятица. Народъ перебирался изъ посадовъ въ Кремль въ осадное сидѣнье.

— Касатики вы мои,—говорила толстая баба, ведя одной рукой двухлѣтняго ребенка, а другою таща огромный узелъ съ одеждой,—и что только съ нами окаянные нехристи подѣлаютъ?

— Съ тобой извѣстно что,—отвѣчалъ мастеровой,—тебя самъ ханъ въ жены возьметъ. Вишь ты какъ разлѣзлась.

— Озорникъ ты, озорникъ! Креста на тебѣ нѣтуть!... Ай, какая пыль въ тоій сторонѣ!

— Ратные люди ѣдутъ.

— Господи Іисусе Христе! ужь не татары ли?

— Экая ты глупая баба! откуда имъ тутъ взяться?

— А зачѣмъ это, братцы, наши-то ѣдутъ?

— Другіе супротивъ враговъ идутъ, а эти назадъ воротились.

— Ахъ, батюшки, да вѣдь это никакъ великій князь?

— Что ты?

— Быть не можетъ!

— Да я же вамъ говорю.

— И впрямь онъ!

— Пропали наши головы!

— Видно, наша рать побита!

— Эти только, видно, и уцѣлѣли.

Поднялся шумъ и крикъ неописанный. Вся толпа поспѣшно бросилась къ Кремлю. Вмигъ вся Москва заволновалась. Иванъ Васильевичъ увидѣлъ это и изумился. Онъ не могъ понять, отчего всѣ бѣжали и кричали безъ памяти. Онъ даже никого не могъ спросить, что за причина суматохи. Наконецъ у въѣзда въ Кремль встрѣтилъ его митрополитъ и Вассіанъ.

— Благослови тебя Господь, государь,—сказалъ митрополитъ,—неужели былъ бой неудачный?

— Никакого бою не было, владыка.

— Зачѣмъ же ты пріѣхалъ?

— Да посовѣтоваться съ тобой и съ боярами.

— А видишь народъ почти возмутился!—воскликнулъ Вассіанъ.—Нехорошо ты, государь, сдѣлалъ. Робость напала на народъ, можетъ и на воинство напасть. Вся кровь христіанская падетъ на тебя за то, что поѣхалъ прочь, бою съ татарами не поставивши. Зачѣмъ боишься смерти? Не безсмертный ты человѣкъ, а смертный. А безъ року нѣтъ смерти ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю. Дай мнѣ, старику, войско въ руки, увидишь, уклоню ли я лицо свое передъ татарами.

— Да и я не хочу уклонять. Посовѣтоваться я пріѣхалъ.

— Не часъ теперь, государь,—сказалъ митрополитъ,—какъ бы волненіе въ народѣ не возстало. И не ѣхать бы тебѣ въ Кремль, а побыть мало въ Красномъ сельцѣ, пока то волненіе укротится.

Иванъ Васильевичъ отъѣхалъ въ Красное сельцо и оттуда послалъ грамоту къ сыну, чтобы и тотъ немедля къ нему ѣхалъ.

Между тѣмъ русское войско стояло на одномъ берегу Угры, а татарское на другомъ. Сраженій не было. Только удальцы съ той и другой стороны подъѣзжали къ рѣкѣ, перебрасывались крѣпкими словами, а иногда пускали стрѣлы, которыя за дальностію разстоянія не попадали.

Князь Иванъ Малый сидѣлъ въ своей палаткѣ. Вошелъ къ нему Данило Холмскій.

— Что ты, государь князь Иванъ Ивановичъ, закручинился?—спросилъ Холмскій.

— Да вотъ, государь батюшка велитъ на Москву ѣхать и страшно мнѣ родительскаго гнѣва, а еще больше боюсь

на мое имя безчестья: какъ мнѣ ѣхать? Что тогда скажутъ въ рати? Да и не оробѣютъ ли ратные люди?

— А вѣдь знаешь, государь-то великій князь и ко мнѣ писалъ, чтобы если ты его слова не послушаешь, то отправилъ бы я тебя въ Москву насильно. Да поднимется ли на то моя рука? А молю тебя, не гнѣви ты отца и государя, поѣзжай, куда онъ велитъ.

— Послушай, князь Данило, еслибы ты на моемъ мѣстѣ былъ, поѣхалъ ли али нѣтъ?

Холмскій смутился. Больше половины жизни провелъ онъ на ратномъ полѣ и не привыкъ говорить неправду.

Вечеромъ Иванъ Малый вздумалъ проѣхаться по берегу рѣки. Никого онъ не взялъ съ собой, потому что хотѣлось ему одному безъ свидѣтелей размыкать свое горе. Все тихо было на берегу. То и другое войско стояло въ нѣкоторомъ отдаленіи. Рядъ огоньковъ показывалъ положеніе обѣихъ ратей. По берегу только развѣдчики русскіе и татарскіе ѣздили.

«Экая ночь-то темная,—думалъ молодой князь,—какъ бы въ этакую ночь бродъ подыскать, переправиться на ту сторону да и ударить бы на татаръ. Можетъ быть и вся война за одинъ бы разъ покончилась. А въ такую ночь ихъ разъѣзды не усмотрятъ».

Вдругъ князю послышалось, что вода какъ-будто колыхнулась.

«Что это такое?»—подумалъ онъ.

Да, такъ и есть, конь захрапѣлъ; видно, глубоко въ воду зашелъ. Что-то творится на рѣкѣ необыкновенное.

— А что, если татары то самое хотятъ сдѣлать, что мнѣ на умъ пришло?—сказалъ князь.—Медлить нечего. Они тотчасъ здѣсь будутъ. Если и ложную тревогу сдѣлаю, бѣда не велика.

И онъ во весь опоръ поскакалъ къ русскому лагерю. У Холмскаго было все исправно. Чрезъ нѣсколько минутъ тысячи русскихъ уже сидѣли на коняхъ, по всему стану поднялась тревога. Всѣ приготовились къ битвѣ. Иванъ Малый, Холмскій и конная дружина поскакали къ берегу.

Они поспѣли въ самую пору. До тысячи татаръ уже переправилось. Вся рѣка была покрыта ихъ наѣздниками. Соколомъ ударилъ на нихъ Холмскій, однихъ убилъ, другихъ въ полонъ взялъ, третьихъ въ рѣку вогналъ.

— Честь и слава тебѣ, князь,—говорилъ онъ Ивану Малому,—спасъ ты русскую рать.

Между тѣмъ Иванъ Васильевичъ выѣхалъ изъ Москвы къ войску къ Кременцу, на рѣкѣ Лужѣ. Митрополитъ, благословляя его, сказалъ: «мужайся и крѣпись, сынъ духовный! не какъ наемникъ, но какъ пастырь добрый, полагающій душу свою за овцы. Господь укрѣпитъ тебя и поможетъ тебѣ и всему твоему христолюбивому воинству».

И все духовенство сказало: «Аминь, буди тако, Господу ти помогающу!»

Въ Кременцѣ Иванъ Васильевичъ получилъ извѣстіе объ отраженіи непріятелей, попытавшихся переправиться чрезъ Угру. Сперва онъ порадовался удачѣ сына, а потомъ иначе сталъ смотрѣть на дѣло и говорилъ Ощерѣ и Мамону, которые сдѣлались его любимыми совѣтниками:

— А вѣдь только случай спасъ воинство. Стало, они оплошно стоятъ. Недоволенъ я Данилкой, крѣпко недоволенъ. Ослушаться сталъ: велѣлъ ему Ивана въ Москву прислать, а онъ, подикось, вьюношу одного пускаетъ— какъ еще Богъ Ивана помиловалъ.

— Сюда бы ихъ призвать,—сказалъ Мамонъ,—Иванъ Ивановичъ да и вся рать у тебя на глазахъ бы были.

— А съ ханомъ бы обослаться,—посовѣтовалъ Ощера,—зачѣмъ понапрасну кровь проливать? Возьметъ онъ дары да и уйдетъ.

— Не въ примѣръ лучше, чѣмъ биться,—прибавилъ Мамонъ,—кто знаетъ, кому Богъ побѣду пошлетъ?

И у хана въ станѣ тоже невесело было.

— Совсѣмъ обносились наши,—говорилъ старый мурза Юсуфъ,—наги и голодны, иные ужь домой идутъ.

— А литва не подходитъ,—сказалъ другой мурза Ибрагимъ.

— Врядъ-ли и придутъ. На нихъ, слышно, Менгли-Гирей ударилъ.

— И съ братьями, говорятъ, Иванъ помирился.

— Рать московская, говорятъ, куда велика.

— Пожалуй, еще въ наши улусы заберутся, какъ прошлый разъ. По рѣкѣ имъ сподручно.

— Неправду тебѣ все насказали, ханъ, — сказалъ Юсуфъ,—говорили: «Иванъ съ братьями ссорится», а онъ

вотъ помирился; говорили: «у русскихъ рати нѣтъ», а вышла сила великая.

— Да гдѣ эта собака Мустафа? — гнѣвно крикнулъ ханъ.

Мустафа тотчасъ явился, да такой веселый.

— Къ тебѣ, великій ханъ, я московскаго посла привезъ.

Явился посолъ отъ Ивана Васильевича, Иванъ Товарковъ, много даровъ хану и мурзамъ привезъ и такую рѣчь сказалъ:

— Государь великій князь бьетъ тебѣ, великій ханъ, челомъ, проситъ пожаловать, прочь отступить, а улуса своего не велѣть воевать.

— Не правду ли я говорилъ?—шепнулъ Мустафа.

Ханъ важно погладилъ бороду и сказалъ:

— Жалую Ивана, пускай самъ пріѣдетъ бить челомъ, какъ отцы его къ нашимъ отцамъ въ Орду ѣздили.

— Пожалуй, Иванъ не поѣдетъ, побоится,—сказалъ Ибрагимъ, когда Товарковъ ушелъ.

— Ну, пожалуй, пусть сына али брата вмѣсто себя пришлетъ,—отвѣтилъ ханъ.

Но Иванъ Васильевичъ и самъ не поѣхалъ и ни сына, ни брата не прислалъ, даже отвѣта не далъ. Тогда Ахматъ прислалъ сказать, чтобы онъ хотя прислалъ Никифора Басенкова, который ужь бывалъ въ Ордѣ и котораго татары любили, потому что онъ присылалъ имъ много даровъ. Но Иванъ Васильевичъ и Басенкова не прислалъ.

— Письмо я отъ Вассіана получилъ,—говорилъ Иванъ Васильевичъ Ощерѣ и Мамону,—вонъ какъ онъ въ немъ васъ расписываетъ.

И онъ сталъ читать письмо.

«Дошелъ до насъ слухъ, что прежніе твои развратники не перестаютъ тебѣ шептать въ ухо льстивыя слова, совѣтуютъ не противиться супостатамъ, но отступить и предать на расхищеніе волкамъ словесное стадо христовыхъ овецъ. Молюсь твоей державѣ, не слушай ихъ совѣтовъ! Что они совѣтуютъ тебѣ, эти льстецы лженмснитые, которые думаютъ, будто они христіане? Совѣтуютъ бросить щиты, и, не сопротивляясь нимало окаяннымъ этимъ сыроядцамъ, предать воинство, свое отечество и, подобно бѣглецамъ, скитаться по чужимъ странамъ. Помысли, великомудрый госу-

дарь! отъ какой славы въ какое безчестіе сведутъ они твое величество, когда народъ тьмами погибнетъ, а церкви Божіи разорятся и осквернятся».

— Каково?—спросилъ великій князь.

— Хорошо монахамъ писать,—отвѣчалъ Мамонъ,—они ратнаго дѣла не понимаютъ.

— Будто на сраженьѣ меньше крови прольется?—прибавилъ Ощера,—а что до чужихъ земель, такъ куда же лучше сокрыться, если вороги одолѣютъ? Только о чужихъ земляхъ мы тебѣ, государь, и не говорили—въ какую тутъ землю уйдешь? Мы говорили только о сѣверной странѣ, куда татары не пойдутъ.

— Такъ-то всегда эти монахи,—говорилъ Мамонъ,—и не знаютъ порядкомъ, что было говорено, а вѣрныхъ слугъ княжескихъ порочатъ.

— Какой тутъ порокъ,—сказалъ Иванъ Васильевичъ,—брань на вороту не виснетъ. А ханъ точно ужь больно зазнался. Вотъ соберемъ сюда войско да и поглядимъ, что будетъ. Пожалуй еще и къ Боровску отойдемъ.

Русское войско получило приказъ отступить отъ Угры къ Кременцу.

— Отчего же отступать?—спрашивалъ одинъ изъ ратниковъ, обращаясь къ толпѣ товарищей, собравшихся съ недовольными лицами.

— А я, братцы мои, догадываюсь,—сказалъ другой.

— А что?

— Не перешли ли окаянные черезъ Угру? Тотъ разъ ихъ перехватили, а они, можетъ быть, теперь гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ?

— И впрямь!

— Можетъ, ужь насъ и обошли?

— Можетъ, и къ Москвѣ идутъ?

— А какъ грѣшнымъ дѣломъ и Москву взяли?

— Все быть можетъ: зачѣмъ насъ отсюда гонять?

— Пропали наши головы!

— Не то, братцы, отступать—бѣжать надо.

Волненіе распространилось по всему войску, и оно побѣжало.

Съ удивленіемъ узнали о томъ татары.

— Теперь черезъ Угру перейти можно, — сказать Юсуфъ.

— Перейти да поскорѣе ударить на невѣрныхъ,—сказалъ Ибрагимъ.

— Переходить ли?—говорилъ въ раздумьѣ ханъ.

— Кто перейдетъ, назадъ не воротится,—рѣшительно сказалъ Мустафа.—Развѣ не видишь, великій ханъ, что русскіе насъ заманиваютъ? Непремѣнно у нихъ засада приготовлена. Станемъ переправляться, часть войска перейдетъ а они тутъ и ударятъ, пока наши въ безпорядкѣ будутъ. Вѣдь у нихъ сила великая, а главный воевода Холмскій куда хитеръ. Каково онъ проводилъ тѣхъ, что было чрезъ рѣку переправились! А теперь еще хуже будетъ.

— Такъ что же дѣлать?

— А вотъ послушай слова твоего вѣрнаго слуги, великій ханъ. Кто виноватъ, что походъ не пошелъ такъ, какъ было положено? Никто, кромѣ Казимира. Приди онъ, мы бы давно въ Москвѣ были. А его и слыхомъ не слыхать и ратныхъ людей литовскихъ совсѣмъ вблизи нѣтъ. А безъ нихъ, съ нагимъ да голоднымъ войскомъ, куда пойдешь? Да изъ чего идти-то? Намъ вѣдь добыча нужна, чтобы не съ пустыми руками въ улусъ ворочаться. Такъ поберемъ ее въ Литовской землѣ — Казимиру наука: впередъ будетъ лучше слово держать. Безъ труда поберемъ, а тамъ, подика съ Холмскимъ дерись.

Полюбилась эта рѣчь не только хану, но и мурзамъ. Въ амомъ дѣлѣ, не все-ли равно, откуда добыча? И досталось же отъ нихъ Литовской землѣ!

Въ степи, на устьѣ Донца, повстрѣчались два всадника на лихихъ коняхъ. Одинъ — Мустафа, другой — Ивакъ, ханъ Шибанской орды.

— Много добра у Ахмата?— спросилъ Ивакъ.

— Такъ много, что и сказать нельзя, — отвѣчалъ Мустафа.

— А сегодня ночью можно будетъ?

— можно. Съ Ахматомъ народу мало осталось. Всѣ парсозошлись. А сторожей я ставлю. Можно нынѣшней ночью совсѣмъ не поставить.

Ночью 6-го января 1481 года Ивакъ напалъ на Ахмата и собственноручно убилъ его соннаго.

Великая была радость въ Москвѣ, когда получили вѣсть объ этомъ. Въ колокола звонили, изъ пушекъ стрѣляли, молебны пѣли.

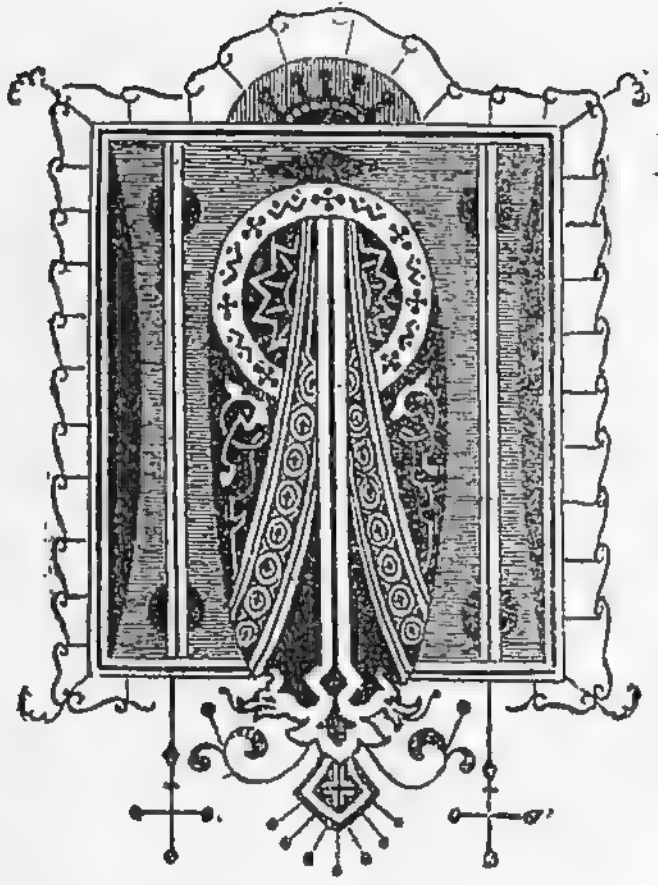
— Теперь ты вольный царь, — сказала Софья Ѳоминишна, горячо цѣлуя Ивана Васильевича, — совсѣмъ какъ былъ кесарь византійскій!

— А не правду ли я говорилъ, — отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ, — потихоньку да помаленьку, а собака собаку съѣстъ.

II.

ДЯДЯ И ПЛЕМЯННИЦА.

(1505 — 1533 гг.)



РОШЛО болѣе ста лѣтъ послѣ того, какъ Ягелло принялъ католическую вѣру. Украсилась въ это время Вильна. Съ красивыхъ небольшихъ горъ, которыя окружаютъ этотъ городъ, открывался на него прелестный видъ. Множество церковныхъ шпицевъ и куполовъ будто тонули въ зелени садовъ. Православныя церкви, которыя были во времена Ягеллы, почти всѣ еще продолжали существовать, потому что православныхъ въ Вильнѣ было много и большихъ притѣсненій имъ еще не было, да никто и не смѣлъ явно притѣснять ихъ, потому что главные паны литовской рады, или сейма, Острожскіе, Четвертинскіе, Чарторижскіе, Хоткевичи, Сапѣги, Тышкевичи и другіе, были православнаго вѣроисповѣданія. Но рядомъ съ православными церквами появилось уже въ Вильнѣ много великолѣпныхъ костеловъ.

Хороши были и палаты римско-католическаго епископа виленскаго Войтеха Табора. Въ 1506 году собрались у епископа вельможные паны рады литовской: воевода виленскій Николай Радзивиллъ, бывшій воевода троцкій Янъ Заберезскій, староста жмудскій Станиславъ Яновичъ, воевода полоцкій Станиславъ Глѣбовичъ и намѣстникъ смоленскій Станиславъ Петровичъ Кишка.

— Хорошо ты сдѣлалъ,—говорилъ Радзивиллъ Кишкѣ,—что пріѣхалъ сюда: теперь время опасное, надо всѣмъ друзьямъ быть вмѣстѣ.

— Пріѣхать-то пріѣхалъ, а поскорѣе бы въ Смоленскъ надо. Очень думается. Народъ глупъ, очень ему нравится, что московскій государь одной съ нимъ вѣры, и всякій часъ измѣны ожидать можно.

— Чего народъ! Мало-ли князей перешло къ Москвѣ со всѣми вотчинами: Бѣльскіе, Одоевскіе, Черниговскій Семенъ Иванычъ, Шемячичъ, Мосальскіе.

— Да, покойный король Александръ хотѣлъ ихъ воротить, да не удалось.

— И великій полководецъ, князь Константинъ Острожскій, не помогъ,—сказалъ съ насмѣшкой Заберезскій,—такъ его на Ведроши какой-то Даніилъ Щеня отдѣлалъ, что и теперь князь Константинъ въ московскомъ полону живетъ. Видно, даромъ что Щеня, а хорошо кусается.

— Надъ Острожскимъ ты не смѣйся,—сказалъ Станиславъ Глѣбовичъ,— онъ точно хорошій полководецъ: столько разъ онъ и татаръ, и московитовъ билъ, а тутъ не посчастливилось—въ тайную засаду попалъ. Несчастье со всякимъ случиться можетъ. А что онъ въ плѣну, это очень жаль.

— Конечно,—примолвилъ Станиславъ Яновичъ,—будь бы онъ здѣсь, навѣрное его послалъ бы нынѣ покойный король противъ татаръ,—не досталось бы начальство въ походѣ этому ордынскому выходцу Михайлѣ Глинскому.

— Совершенная правда,—сказалъ Радзивиллъ,—а теперь Глинскій татаръ побилъ и имя его повсюду прославляется. И безъ того сила у него непомѣрная: чуть не половину Литовскаго государства его замки и земли занимаютъ.

— Хорошо еще, что мы Лиду его клеврету Андрею Дрожжи не дали,—примолвилъ Заберезскій,—воротили ее Ильиничу—это человѣкъ хорошій.

— Да, хорошій, а король его въ тюрьму за Глинскаго посадилъ.

— А у меня Троцкое воеводство отнялъ.

— Что и говорить! И самъ Глинскій, и покойный король, по его навѣтамъ, много намъ худого дѣлали.

— Мудрено-ли, когда онъ безпрестанно объ насъ королю говорилъ: «Пока эти паны въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не будетъ покою въ великомъ княжествѣ».

— А какъ этотъ Глинскій важничаетъ! Я-де въ Италіи и въ Испаніи побывалъ, и самъ императоръ Максиміанъ меня очень жаловалъ.

— И не мудренно, что жаловалъ. Глинскій въ ухо влѣзть сумѣетъ. Какъ онъ покоінаго короля въ руки забралъ! Тотъ его очами видѣлъ, его ушами слышалъ. А что такое Глинскій? Маршалокъ дворный. Развѣ важнѣе онъ всѣхъ насъ, пановъ рады ясновельможной?

— А главное, — сказалъ епископъ Войтехъ, — этотъ Глинскій можетъ важный вредъ нанести. Чтобы это отвратить, я старался отклонить исполненіе воли покойнаго короля. Когда канцлеръ коронный заявилъ, что, по волѣ короля Александра, надо тѣло его отвезти въ Краковъ для погребенія, мнѣ что въ голову пришло? Вслѣдъ за тѣломъ королевскимъ всѣ вѣрные паны въ Краковъ поѣдутъ, а Глинскій—вѣдь онъ хитеръ—больнымъ скажется да въ ихъ отсутствіе Вильной и завладѣетъ. Что тогда? Хорошо, что вы, ясновельможные паны, моихъ словъ послушались да потребовали, чтобы король былъ погребенъ въ Вильнѣ. А теперь надо поскорѣе Сигизмунда королемъ выбрать, а то московитскія козни начнутся.

— Это вѣрно. Пожалуй, Глинскій съ королевой Еленой заодно станутъ дѣйствовать.

— Да я всегда скажу, что покойный король Александръ сдѣлалъ большую ошибку, женясь на Еленѣ. Чего онъ достигъ? Казалось ему, что трудно съ Иваномъ московскимъ справиться, онъ и придумалъ жениться на его дочери Еленѣ, чтобы отъ московскаго князя вражды не было. А развѣ такъ сдѣлалось? Развѣ Иванъ не побралъ нашихъ городовъ?

Въ это самое время другая бесѣда шла во дворцѣ королевскомъ. Елена, дочь великаго князя московскаго, вдова польскаго короля и литовскаго великаго князя Александра, разговаривала съ Анастасіею, княжною Слуцкою. Прекрасную группу составляли эти двѣ женщины. Королева, уже не первой молодости, но все еще красивая женщина, величественнаго вида, сидѣла въ креслахъ. Княжна, еще почти ребенокъ, сидѣла на низенькомъ табуретѣ, положа головку на колѣно королевѣ, которая гладила рукою ея роскошные черные волосы. Изъ-подъ нихъ выглядывало румяное, веселое личико княжны; какъ птичка щебетала она, разсказывая про родной Слуцкъ, про Кіевъ и южную землю Рус-

Какъ птичка щебетала Анастасія, княжна Слуцкая.

скую, и часто, улыбаясь, показывала свои зубки, бѣлѣе слоновой кости. Слушая ее, по временамъ даже королева улыбалась, забывая, сколько горя ей привелось на своемъ вѣку вытерпѣть.

— Милая ты моя щебетунья ласточка, — сказала королева, — какъ я рада, что ты пріѣхала. Съ тобой я могу по душѣ говорить Вѣдь наша ты, православная. Твой родъ отъ великихъ князей кіевскихъ идетъ. Ты мнѣ все равно, что дочь родная. Спасибо твоему отцу, что привезъ тебя.

— А городъ здѣсь такой хорошій. Не то въ Слуцкѣ, и въ Кіевѣ такихъ домовъ нѣтъ. А жиды какіе смѣшные! Ясновельмозная князна! а самъ такъ пейсиками и помахиваетъ! И паны есть смѣшные. Этотъ Заберезскій, что-ли— еще усы такіе, будто во рту мышенка держитъ, а самъ толстый, толстый.

— Да, есть изъ нихъ и смѣшные, а тяжело съ ними жить, Настенька.

— Вотъ еще! Развѣ они могутъ тебя, королеву, не уважать?

— Все бывало. А тутъ еще покойный родитель, государь Иванъ Васильевичъ, спрашиваетъ: хорошо ли тебѣ, Елена, не тѣснятъ ли тебя въ вѣрѣ?

— Ну, ты бы и сказала, что нехорошо.

— А отецъ и сталъ бы за это съ моимъ мужемъ воевать. Полилась бы за меня кровь христіанская. Нѣтъ, Настенька, лучше было смолчать, перетерпѣть, ну, пожалуй, поплакать... Иной разъ мнѣ только и утѣшенья было, что письма отъ отца. Вонъ они всѣ въ томъ ларцѣ хранятся. Не забывалъ государь родитель дочки на чужой дальней сторонушкѣ, часто писалъ, даже иной разъ совѣта спрашивалъ. Вотъ я тебѣ прочту какое-нибудь письмо.

Королева достала изъ ларчика письмо и стала читать.

«Сынъ мой Василій и дѣти мои Юрій и Димитрій, твои братья, уже до того доросли, что ихъ слѣдуетъ женить и я хочу ихъ женить, гдѣ будетъ пригоже: такъ ты бы, дочка, разузнала, у какихъ государей греческаго закона или римскаго закона будутъ дочери, на которыхъ бы было пригоже мнѣ сына Василія женить».

— Что-же? Ты и нашла брату невѣсту?

— Невѣстъ много было. Въ то время у венгерскаго короля Юрій, сынъ Сербскаго деспота, жилъ, ну, да есть

ли у него дочери, я допытаться не могла. У маркграфа бранденбургскаго старшая дочь хрома, а другая парсуною хороша; у стетинскаго князя тоже дочери добрыя. Да какъ ихъ достать, когда въ то время уже батюшка съ моимъ покойнымъ супругомъ воевалъ? Я и отписала отцу, что не могу къ тѣмъ князьямъ послать. Самъ онъ лучше можетъ развѣдать. За сына такого великаго государя кто бы не захотѣлъ дочь отдать? Да у нихъ на Латыни такъ крѣпко, что безъ папина вѣдома никакъ не отдадутъ въ греческій законъ; насъ укоряютъ безпрестанно, зовутъ насъ нехристьми. И велѣла я сказать отцу, что если пошлетъ къ маркграфу, то велѣлъ бы отъ старой королевы таиться, потому что она больше всѣхъ греческій законъ укоряетъ. И я отъ нея немало терпѣла.

— На комъ же изъ тѣхъ княженъ твой братъ Василій женатъ?

— Не на княжнѣ. Родитель мой повелѣлъ ко двору тысячу пятьсотъ самыхъ красивыхъ дѣвицъ представить. Изъ нихъ братъ Василій и выбралъ невѣсту Соломониду Сабурову. Изо всѣхъ моихъ братьевъ только старшій Иванъ былъ на молдавской княжнѣ Еленѣ Степановнѣ женатъ. И тутъ много грѣха вышло.

— Отчего-же?

— Еще я не замужемъ была, а брату моему Василью, теперешнему великому князю московскому, только 11 годовъ было, какъ померъ мой старшій братъ Иванъ Иванович, котораго, чтобы отъ отца различить, Малымъ звали. Остался у него сынокъ Дмитрій. И начался великій споръ о томъ, кому наслѣдникомъ великаго князя моего родителя быть. Матушка наша желала, чтобы былъ братъ Василій Ивановичъ, потому что Иванъ Ивановичъ былъ не отъ нея, а отъ первой батюшкиной супруги, стало быть Дмитрій Ивановичъ нашей матушкѣ все равно, что чужой былъ. А Елена-то Степановна желала, чтобы великимъ княземъ ея сынъ сдѣлался. Извѣстно, всякому свое ближе. И князья-то и бояре всѣ на двѣ стороны подѣлились. Въ ту пору первыми боярами были на Москвѣ князья Патрикѣевы да Рябполовскіе. На матушку они злобствовали и пристали къ княгинѣ Еленѣ. Обнесли братца Василья Ивановича, будто онъ на родителя злое замышляетъ. Государь батюшка Иванъ Васильевичъ вельми прогнѣвался, велѣлъ братца Василья

Ивановича подъ стражей держать, другихъ людей, которые оговорены были, казнить повелѣлъ, даже на матушку государыню Софью Ѳоминишну остуду положилъ. Не мало я о томъ поплакала, когда здѣсь на Литвѣ свѣдала. А Дмитрія Иваныча повелѣлъ государь царскимъ вѣнцомъ вѣнчать.

— Вотъ бы посмотрѣть, какъ это царскимъ вѣнцомъ вѣнчаютъ.

— Говорятъ, занятно. Всѣ князья и бояре собираются, самъ владыка митрополитъ у Успенія Божіей Матери служитъ и умильныя рѣчи говоритъ. Только это вѣнчанье Дмитрію Ивановичу въ прокъ не пошло. Матушка государыня Софья Ѳоминишна съ супругомъ примирилася, братца Василья Ивановича повелѣлъ государь изъ-подъ стражи выпустить,—новгородскимъ да псковскимъ княжествомъ пожаловалъ. А тутъ еще знаемо стало, что невѣстка наша Елена Степановна тяжкій грѣхъ совершила—въ жидовскую ересь вдалась. И покончилось дѣло тѣмъ, что Дмитрія Иваныча за приставы отдали, а братецъ Василій Ивановичъ, по смерти родителя, на столъ прародительскій вступилъ.

— Эки дѣла-то! Сперва царскимъ вѣнцомъ вѣнчали, а потомъ въ темницу! Куда чай тяжко ему бѣдному!

— Когда не тяжко. А все же братца Василья Ивановича дѣло правое. И вознесъ его Господь Богъ. А можетъ и еще вознесетъ. Знаешь, Настенька, что онъ повелѣлъ мнѣ сказать?

— Скажи, матушка королева.

— И это скажу, потому что нѣтъ у меня тайностей отъ тебя, моей горлинки. Послалъ ко мнѣ братецъ, государь Василій Ивановичъ, сказать, чтобы я пожелала и поговорила епископу, панамъ, всей радѣ и земскимъ людямъ, чтобы пожелали имѣть Василья своимъ государемъ и служить ему. А станутъ они опасаться за вѣру латинскую, то государь ихъ въ этомъ ни въ чемъ не порушитъ, какъ было при королѣ, такъ все и останется, да еще хочетъ жаловать свыше того. А мнѣ гдѣ съ панами да съ епископомъ говорить? Мое дѣло женское. И не любитъ меня епископъ. Чуть не въ глаза нехристью называетъ. Вотъ я и придумала послать къ князю Михайлѣ Глинскому: онъ человѣкъ въ силѣ, все можетъ сдѣлать. Разсказала я ему обо всемъ. Онъ обѣщался подумать и сегодня отвѣтъ дать. Я и жду его съ часа на часъ.

Доложили королевѣ о пріѣздѣ Глинскаго и вслѣдъ за тѣмъ вошелъ самъ князь. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, высокъ ростомъ, строенъ и ловокъ. Видно было, что онъ провелъ свою молодость при первыхъ дворахъ Европы. Почтительно поцѣловавъ руку королевы, онъ огненнымъ взглядомъ окинулъ Анастасію и вѣжливо поклонился ей. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, королева навела разговоръ на то, что всего болѣе интересовало ее—на предложеніе своего брата. Глинскій бросилъ быстрый взглядъ на Анастасію.

— При ней, князь, можешь смѣло говорить.

— Я такъ почитаю королеву и государя ея брата, что готовъ бы служить имъ всѣмъ сердцемъ. Какъ единовѣрецъ, я сердечно желалъ бы, чтобы онъ вступилъ на литовскій престолъ. Но полагаю, что теперь не своевременно хлопотать объ этомъ. Братъ покойнаго короля, Сигизмундъ, уже въ нѣсколькихъ переѣздахъ отъ Вильны, о чемъ еще не знаютъ и его приверженцы.

— Какъ же ты знаешь?

Глинскій улыбнулся.

— Они думаютъ, что можно заниматься дѣлами, блуждая въ потемкахъ. Я не того мнѣнія. Не только то, что дѣлается въ Литвѣ, Польшѣ и Москвѣ, но и дѣла другихъ государствъ нужно знать, чтобы дѣйствовать не ошибаясь. Разумѣется, это стоитъ трудовъ и издержекъ, надо немножко и умѣнья, котораго нашимъ наияснѣйшимъ панамъ не хватаетъ. Но дѣло не въ томъ. Разумѣется, они скоро узнаютъ, что Сигизмундъ ѣдетъ. Большинство рады въ его пользу.

— Неужели ничего нельзя сдѣлать?

— Государыня, я буду говорить откровенно: полагаю, что этимъ всего лучше покажу мою искреннюю преданность моей королевѣ и государю московскому. Если бы желаніе его можно было поддержать сильнымъ войскомъ, тогда бы... но что говорить о томъ, чего нѣтъ. Въ Москвѣ дѣла не совсѣмъ хороши. Племянникъ великаго князя, Димитрій, въ тюрьмѣ, но изъ его приверженцевъ многіе на свободѣ. Великій князь не ладитъ съ родными братьями. Войско многочисленно и храбро, но безпорядочно. Воеводы, кромѣ Даніила Щеня, никуда не годятся. Вотъ даже съ Казанью справиться не могутъ: терпятъ тамъ пораженія. А вздумаютъ крымскій и казанскій цари одновременно напасть на Василія Ивановича, то дай Богъ ему отбиться. Куда-жъ ему

сюда послать войско? А безъ поддержки моксовскаго войска затѣять дѣло — значитъ навѣрное проиграть. Правда, что многіе изъ православныхъ предпочли бы Василія Ивановича Сигизмунду; но даже есть такіе и православные, которые, зная, что подъ властью польскаго короля они будутъ гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ подъ властью московскаго великаго князя, предпочтутъ Сигизмунда. О католикахъ и говорить нечего.

— Значитъ, и надѣяться нечего.

— Въ настоящее время—да. И такъ какъ королева изволила удостоить меня вопросомъ о моемъ мнѣніи въ этомъ дѣлѣ, то осмѣлюсь посовѣтовать—никому и вида не подавать о намѣреніяхъ великаго князя Василья Ивановича. У королевы много враговъ, которые не преминутъ этимъ воспользоваться. Сигизмундъ непремѣнно будетъ великимъ княземъ литовскимъ и вооружать его противъ себя безразсудно. Я самъ сегодня же ѣду къ нему на встрѣчу; пока еще крикливые, но мало свѣдущіе его приверженцы теряютъ время въ пустыхъ разговорахъ, я первый буду привѣтствовать Сигизмунда на Литовской землѣ.

— Ловкій ты человѣкъ, князь!

— И, повторяю, искренно преданный королевѣ. Покойный государь осыпалъ меня своими милостями, и, что бы ни случилось, нѣтъ во всемъ литовскомъ государствѣ слуги усерднѣе и преданнѣе королевѣ, чѣмъ Михаилъ Глинскій.

Дня черезъ два, враги Глинскаго, ясновельможные паны рады литовской, къ удивленію своему, свѣдали, что Сигизмундъ подъѣзжаетъ къ Вильнѣ, что Глинскій уже его встрѣтилъ, въ прекрасной рѣчи привѣтствовалъ и очистилъ себя отъ всякихъ подозрѣній и что Сигизмундъ съ своей стороны благодарилъ его за вѣрность и очень ласково съ нимъ обошелся. Поскакали и они навстрѣчу къ Сигизмунду.

Сигизмундъ сдѣлался великимъ княземъ литовскимъ и тотчасъ же со всѣхъ сторонъ услышалъ, что надо воевать съ Москвой.

— Теперь,—говорилъ Заберезскій, покручивая усы,— самое удобное время побить московитовъ.

— И отобрать все, что они захватили при покойныхъ корольхъ Казимирѣ и Александрѣ, — прибавилъ епископъ Войтехъ.

— Можно бы и у московитовъ что-нибудь забрать, напримѣръ Псковъ,—сказалъ Глѣбовичъ.

— И заберемъ! — воскликнулъ Заберезскій.—Московитовъ четыре раза подъ Казанью побили.

— Не много ли разовъ считаешь?—спросилъ Глинскій.

— Пану жалко? — дерзко возразилъ Заберезскій,—онъ всегда московскія дѣла къ сердцу принималъ.

— Сердце и мечъ Глинскаго всегда принимаютъ участіе во всѣхъ дѣлахъ, касающихся благосостоянія отечества, точно такъ же, какъ его мечъ всегда готовъ...

— Услуги князя всѣмъ извѣстны, — прервалъ Сигизмундъ,—и почтены по достоинству.

Князь поклонился.

— Какъ бы ни было, — сказалъ Радзивиллъ,—московиты побѣждены подъ Казанью, хотя тамъ было большое ихъ войско подъ начальствомъ брата великаго князя. Въ Крыму тоже готовятся ударить на нихъ.

— Ударимъ и мы,—сказалъ Сигизмундъ.

Громкое vivat было ему отвѣтомъ.

— Прежде всего, — продолжалъ Сигизмундъ, — отправимъ посольство къ магистру ливонскаго ордена Плеттенбергу. Онъ много помогалъ моему брату Александру въ войнѣ съ московитами.

— И славно ихъ побилъ подъ Изборскомъ.

— Надо теперь его просить помочь намъ на московитовъ. Между тѣмъ собирать войско, а въ Москву отправить пословъ, чтобы разузнали, что тамъ дѣлается, и предложили московскому князю возвратить все захваченное его отцомъ.

Дѣйствительно, литовскіе послы явились къ Василію Ивановичу и потребовали отъ него: «уступки всѣхъ литовскихъ городовъ, волостей, земель и водъ, доставшихся его отцу во время прежнихъ войнъ; также освобожденія всѣхъ плѣнниковъ литовскихъ, дабы кровь христіанская не лилась, ибо король въ своей правдѣ уповаетъ на Бога».

Но въ это время дѣла въ Москвѣ уже поправились. Казанскій царь, устрашенный приготовленіями Василія Ивановича къ новому походу на Казань, смирился предъ нимъ. Крымскій ханъ Менгли-Гирей хотя не былъ Василію другомъ, какъ былъ отцу его Ивану Васильевичу, но и врагомъ не былъ. Внутреннихъ смутъ въ московскомъ государ-

ствѣ никакихъ не вышло. Вообще, оказалось, что Москва была больше готова къ войнѣ, чѣмъ Литва. Поэтому Василій Ивановичъ не только не исполнилъ требованій Сигизмунда, но еще требовалъ вознагражденія за обиды, причиненныя литовскими людьми московскимъ. Въ свой отвѣтъ Василій Ивановичъ вставилъ такія слова: «Какъ отецъ нашъ и мы брату нашему Александру дали присягу на перемирныхъ грамотахъ, такъ и правили ему во всемъ до самой его смерти; а съ Сигизмундомъ королемъ намъ перемирья не было. Если же Сигизмундъ хочетъ съ нами мира и добраго согласія, то и мы хотимъ съ нимъ мира, какъ намъ будетъ пригоже».

Войско литовское медленно собиралось.

— Какая бы могла быть причина?—спросилъ король.

— Измѣна!—воскликнулъ Заберезскій.

— Откуда?

— Первый измѣнникъ Михаилъ Глинскій. Онъ околдовалъ покойнаго короля, всѣми дѣлами заправлялъ тогда, самъ будто королемъ былъ. Теперь не то. Теперь вѣрныхъ совѣтниковъ болѣе, чѣмъ его, слушаютъ. Онъ и показываться къ вашему величеству не сталъ. А кто сидитъ въ углу и злится, что отъ того ждать? Выслалъ ли онъ ратниковъ? И то нѣтъ. А кто изъ пановъ долженъ со своихъ вотчинъ столько ратниковъ выставить, какъ Глинскій? Много онъ можетъ людей вооружить. А тутъ еще братъ его Иванъ воеводой кіевскимъ.

— И я хотѣлъ доложить королю,—прибавилъ епископъ Войтехъ, — что опасно оставлять такъ много силы въ рукахъ одной фамиліи и притомъ такой, преданность которой королю сомнительна.

— Хороша преданность, — сказалъ Заберезскій,—преданность татарскаго выходца и московитскаго пріятеля!

— Даже носятся слухи, — продолжалъ епископъ,—что Михаилъ Глинскій хочетъ кіевскимъ стольнымъ княземъ сдѣлаться.

— Что же сдѣлать?—спросилъ король.

— Кажется, государь,—отвѣчалъ епископъ,—слѣдовало бы воеводство кіевское взять у Ивана Глинскаго.

— Глинскіе жестоко обидятся, — замѣтилъ Радзивиллъ.

— Большая важность!—вскричалъ Заберезскій.

— Я не хочу вооружать ихъ противъ себя, — сказалъ король.

— Можно, государь, — посовѣтовалъ епископъ, — дать Ивану Глинскому вмѣсто кіевскаго воеводства новогрудское.

— Будто это все равно?—опять возразилъ Радзивиллъ.

— Можно это такъ обставить, чтобы не казалось обиднымъ для Глинскихъ,—отвѣчалъ епископъ,—сказать, напримѣръ, въ грамотѣ, что честь князя Ивана этимъ не уменьшается, что онъ сохранитъ прежній титулъ и получитъ мѣсто въ радѣ подлѣ старосты жмудскаго.

— Прекрасно! прекрасно! — вскричалъ Заберезскій и еще нѣсколько голосовъ.

Король согласился.

Спустя нѣсколько дней, Михаилъ Глинскій, съ лицомъ, пылающимъ отъ гнѣва, вошелъ въ пріемный покой короля, гдѣ уже дожидались выхода королевскаго другіе паны рады литовской.

— Вѣрно на дворѣ холодно, какъ князь раскраснѣлся,— замѣтилъ Заберезскій.

— Не больше, чѣмъ панъ подъ Мстиславлемъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Заберезскій былъ на голову разбитъ подъ Мстиславлемъ князьями Черниговскимъ и Шемячичемъ, перешедшимъ въ подданство московскому великому князю Ивану Васильевичу отъ Александра литовскаго.

Заберезскій вспыхнулъ въ свою очередь.

— Счастье измѣнило мнѣ подъ Мстиславлемъ, — сказалъ онъ, — но это потому, что измѣнчивое счастье благопріятствуетъ измѣнникамъ. Знаемъ мы и такихъ изъ нихъ, которые до сей поры своимъ присутствіемъ ясновельможную раду литовскую безчестятъ.

— Знаемъ и клеветниковъ, которые сидятъ въ ней, — отвѣчалъ Глинскій, — ты осмѣливаешься явнымъ намекомъ въ глаза повторять то, что давно уже кричишь по всей Вильнѣ и шепчешь королю. Но я попрошу короля разсудить насъ.

Вошелъ король.

— Первый я,—сказалъ Глинскій,—привѣтствовалъ короля при вступленіи его въ Литовскую землю и поклялся въ вѣрности. Вѣрность свою Глинскіе доказали дѣлами. Лицомъ къ лицу бились они съ московитами и татарами, въ то время

какъ другіе паны, бойкіе на клевету, какъ зайцы отъ нихъ бѣгали. Во власти короля у вѣрныхъ слугъ воеводства отнимать, но нѣтъ власти въ мірѣ, которая могла бы родовую честь Глинскихъ умалить. Панъ Заберезскій по всей Литвѣ оглашаетъ меня измѣнникомъ; здѣсь, во дворцѣ короля, при вельможныхъ панахъ рады литовской, осмѣливается дѣлать о томъ очень ясные, гнусные намеки. Какъ радникъ литовскій, во имя заслугъ монхъ, которыя всякому вѣдомы, требую, чтобы король разсудилъ меня съ паномъ Заберезскимъ.

— Непремѣнно, непремѣнно,—сказалъ смущенный король,—развѣдаю все и назначу время.

Но король медлилъ судомъ, потому что уличить Глинскаго въ измѣнѣ не было возможности, а жертвовать Глинскому Заберезскимъ король не хотѣлъ.

Былъ уже 1507 годъ. Рать литовская еще не собралась, а московская уже готова была выступить. Къ королю опять явился Глинскій и подалъ ему письмо отъ брата Сигизмундова, Владислава, короля венгерскаго.

— Я съѣздилъ къ королю Владиславу,—сказалъ Глинскій, —онъ хорошо меня знаетъ и свидѣтельствуетъ въ этомъ письмѣ, что меня оклеветали. Когда королю будетъ угодно назначить судъ мнѣ съ Заберезскимъ?

— Не теперь, князь, не теперь. Есть много болѣе важныхъ дѣлъ.

— А смытіе пятна, которое дерзкій языкъ клеветника наноситъ князьямъ Глинскимъ, король не считаетъ важнымъ дѣломъ?

— Такое ли теперь время, чтобы заниматься раздорами и несогласіями...

— Развѣ я ихъ началъ?

— Можно примириться.

— Не такова обида.

— Ну, хорошо, я посмотрю...

— Повторяю, что я требую примѣрнаго наказанія клеветника.

— Князь хочетъ мнѣ приказывать?

— Нѣтъ; король не хочетъ удовлетворить меня. Король заставляетъ меня покуситься на такое дѣло, о которомъ оба мы послѣ горько жалѣть будемъ.

И Глинскій гордо вышелъ изъ дворца.

«Плохо придется пану Заберезскому, — подумалъ король,—если онъ не приметъ своихъ мѣръ».

Король ошибался: бѣда ожидала не одного только Заберезскаго. Съ своей стороны этотъ панъ и не думалъ о ней. Чрезъ нѣсколько дней послѣ разговора короля съ Глинскимъ, Заберезскій, на своей дачѣ близъ Гродно, весело пировалъ съ пріятелями. Поздно они разошлись. Заберезскій легъ спать.

Топотъ многихъ коней разбудилъ нѣсколькихъ горожанъ. Полусонные выглянули они въ окна. Бояться нечего: ѣдутъ свои, не татары. Но что-то много конниковъ, нѣсколько сотенъ. Повернули они къ дачѣ Заберезскаго.

Палацъ скоро былъ окруженъ. Слуги Заберезскаго, тоже утомленные пиромъ, заслыша шумъ, вскакивали спросонковъ, но тотчасъ же были окружены множествомъ ратниковъ. Сопротивляться было невозможно и скоро вся прислуга Заберезскаго была перевязана, прежде чѣмъ панъ проснулся.

Рослый ратникъ отыскалъ дорогу къ опочивальнѣ пана и, нечисто выговаривая по-русски, сказалъ товарищу:

— Пойдемъ туда, турокъ, вдвоемъ: меньше людей сдѣлаютъ дѣло, побольше на каждаго будетъ награды.

— Пойдемъ, Шлейницъ,—сказалъ турокъ.

Дверь въ опочивальню была приперта, но нѣмецъ Шлейницъ высадилъ ее плечомъ. Панъ услыхалъ шумъ, вскочилъ, и, увидѣвъ страшныхъ гостей, бросился къ саблѣ. Турокъ предупредилъ его и однимъ ударомъ отдѣлилъ голову отъ туловища пана.

— Это тебѣ отъ князя Глинскаго!—успѣлъ между тѣмъ крикнуть нѣмецъ.

Турокъ совершенно покойно воткнулъ на саблю голову Заберезскаго и чрезъ нѣсколько минутъ поднесъ ее Глинскому.

— Зажечь факелы!—сказалъ князь,—пусть всѣ видятъ, что бываетъ съ тѣми, кто оскорбитъ Глинскаго; голову поднять на древко копья!

И войско Глинскаго торжественно поѣхало, неся предъ собою ужасный знакъ мести. Болѣе двадцати верстъ отъѣхалъ Глинскій, остановился въ мѣстечкѣ у озера, разослалъ свою конницу бить враговъ своихъ между литовскими панами, а голову Заберезскаго велѣлъ бросить въ озеро.

Свѣдалъ король Сигизмундъ, что Михаилъ Глинскій съ братьями, друзьями и всѣми вотчинами поддался великому князю московскому, а тотъ ему войско на помощь прислалъ. Увидалъ король, что слухи о несогласіяхъ въ Московскомъ княжествѣ дошли до него преувеличенные. Сталъ онъ ухаживать за невѣсткой, вдовствующей королевой Еленой, и просить, чтобы она ходатайствовала о мирѣ. Но Василій Ивановичъ отвѣчалъ сестрѣ: «Къ намъ присылалъ бить челомъ не одинъ князь Михайло Глинскій, а многіе князья русскіе и многіе люди, которые держатъ греческій законъ, сказываютъ, что теперь пришла на нихъ нужда большая за греческій законъ, принуждаютъ ихъ приступить къ римскому закону, и они били челомъ, чтобъ мы пожаловали ихъ, за нихъ стали и обороняли ихъ». Къ этому Василій Ивановичъ прибавилъ, что если Сигизмундъ хочетъ мира, то и онъ заключитъ миръ, только какъ ему «будетъ пригоже».

Глинскому хотѣлось захватить Слуцкъ, жениться на Анастасіи и получить такимъ образомъ права на Кіевъ, но Василій Ивановичъ приказалъ ему двинуться къ Оршѣ. Между тѣмъ къ Сигизмунду прибылъ знаменитый князь Константинъ Острожскій, успѣвшій освободиться изъ московскаго плѣна. Но между нимъ и другимъ литовскимъ воеводой возникли несогласія. Успѣхъ явно склонялся на сторону русскихъ. Сигизмундъ всячески заискивалъ расположеніе крымскаго хана Менгли-гирея, чтобы поднять его на Москву, давалъ ему богатые дары, даже не постыдился получить отъ него такой ярлыкъ:

«Великія орды великаго царя Менгли-гирея слово правой и лѣвой руки великаго улуса темникамъ, тысячникамъ, сотникамъ, десятникамъ, уланамъ, князьямъ и всѣмъ русскимъ людямъ, боярамъ, митрополитамъ, попамъ, чернецамъ и всѣмъ чернымъ людямъ. Даемъ вамъ вѣдать, что великіе цари, дѣды наши, и великій царь Ази-гирей, отецъ нашъ, когда ихъ кони были потны, къ великому князю Витовту въ Литовскую землю пріѣзжали гостить, великую честь и ласку вѣдали: за это пожаловали его Кіевомъ и многія другія мѣста дали. Великій князь Казимиръ съ литовскими князьями и панами просили насъ о томъ же, и мы имъ дали Кіевъ, Владиміръ, Луцкъ, Смоленскъ, Подолію, Каменецъ, Браславль, Сокольскъ, Звенигородъ, Черкасы, Хаджи-

бесвъ маякъ, Путивль, Черниговъ, Рыльскъ, Курскъ, Осколъ, Стародубъ, Брянскъ, Мценскъ, Любутскъ, Тулу, Козельскъ, Пронскъ; потомъ, повышая брата нашего Казимира, мы придали ему къ литовскому столу Псковъ, Великій Новгородъ, Рязань; и теперь мы пожаловали Сигизмунда, брата нашего, столецъ въ Литовскоіі землѣ дали ему со всѣми вышеписанными землями».

Татары вслѣдствіе этого пришли на московскую землю, но были побиты русскими на Окѣ. Глинскій тоже просилъ помощи Менгли-гирея; ханъ согласился, но и королю обѣщалъ прислать помощь даже къ самой Вильнѣ. Король отказался, зная, что такая помощь дорого обойдется его землѣ. Пришлось королю заключить миръ съ московскимъ княземъ, какъ «было пригоже» Василію Ивановичу, то-есть уступя Москвѣ все пріобрѣтенное Иваномъ Васильевичемъ. Михаилъ Глинскій пріѣхалъ въ Москву, былъ принятъ съ большимъ почетомъ, получилъ «на пріѣздъ» города Ярославль и Медынь.

Наступило лѣто 1514 года. Смоленскъ въ то время былъ богатымъ торговымъ городомъ: чрезъ Ригу онъ велъ оживленные торговые обороты съ Ганзою. Крѣпость смоленская по справедливости считалась самою крѣпкою твердынею между Москвой и Вильной.

У богатаго смоленскаго купца Гвоздя сидѣли двое гостей: Явнутъ, стремянной смоленскаго намѣстника Юрія Салогуба, и псковскій выходецъ Семенъ Копылъ.

— Не сунется московскій князь,—говорилъ Явнутъ,—въ третій разъ не сунется сюда. Два раза къ Смоленску подступалъ, да ни съ чѣмъ ушелъ.

— А во вторую осаду жарко было,—замѣтилъ Гвоздь.

— Особенно твои земляки донимали,—сказалъ Явнутъ Копылу,—говорятъ, у московскаго князя тысяча пищальниковъ изо Пскова была.

— Да, великая это тягота для Псковской земли,—отвѣчалъ Копылъ,—а мнѣ-то каково! вѣдь въ числѣ начальныхъ людей у тѣхъ псковичей былъ братъ мой родной, Юрій Копылъ, бывшій псковской посадникъ, такъ онъ-то супротивъ стѣнъ смоленскихъ шелъ, а я на стѣнѣ стоялъ — вотъ грѣхъ-то какой!

— Сами оплошали—зачѣмъ Москвѣ отдались?

— Развѣ мы отдались? Сила солому ломитъ. А было такое дѣло, что и теперь вспомнить тяжко.

— А я давно хотѣлъ тебя спросить, какъ это у васъ во Псковѣ московскій князь старинные порядки порѣшилъ, да все не приводилось. А занятно бы послушать.

— Да, тяжело вспоминать и разсказывать. Видишь, братецъ ты мой, годовъ пять тому назадъ появился у насъ во Псковѣ новый намѣстникъ московскій, князь Репня Оболенскій. Не просили мы его, не объявляли его народу и попы на встрѣчу ему съ крестами не ходили. Нашли мы его на загородномъ дворѣ — такъ Найденомъ и прозвали. И лютъ же былъ этотъ Найденъ, братцы мои! Поѣхали наши бояре и посадники въ Новгородъ, гдѣ въ то время прилучился быть великій князь московскій, на намѣстника жаловаться, поднесли великому князю полтораста рублевъ и били челомъ, что отъ намѣстника и его людей обижены. А онъ еще раньше нажаловался, что будто терпитъ отъ насъ безчестіе и насиліе большое. Прислалъ великій князь окольничаго князя Петра Васильевича Великаго да дьяка Далматова насъ съ намѣстникомъ помирить, только куда — наши одно твердятъ, что съ Репней жить нельзя. Опять въ Новгородъ и намѣстникъ, и посадники поѣхали, только между посадниками ладу не было: посадникъ Леонтій сталъ на моего брата, Юрія Копыла, государю жаловаться. Вотъ и шлетъ братъ грамоту: «если не поѣдутъ изо Пскова говорить противъ князя Репни, то вся земля будетъ виновата». Прошелъ святой праздникъ Рождества Христова, а у насъ на душѣ куда не свѣтло было. Глядимъ, скачетъ нашъ купчина Филиппъ Поповичъ, что поѣхалъ было въ Новгородъ съ товаромъ. «Бѣда, говоритъ, пришли наши посадники, бояре и купцы въ Новгородъ на владычній дворъ, а московскіе бояре и говорятъ имъ: «Пойманы вы Богомъ и великимъ княземъ». Да такъ ихъ коихъ подъ стражу посадили, коихъ новгородцамъ роздали беречь и кормить до управы. Я какъ услыхалъ это на дорогѣ въ Новгородъ, такъ и товаръ бросилъ, поскакалъ къ вамъ, братьямъ, повѣдать про то горе лютое». Стонъ пошелъ по городу, гортани пересохли отъ печали. Думали, думали, ничего не придумали. Я было сказалъ: «запереться бы намъ». Такъ куда ты! и слышать не хотятъ! Какъ де поднять руку на государя, коему крестъ цѣловали. Опять и то: гдѣ намъ было городъ отстаивать, когда лучшіе люди уже были во власти московскаго князя? Послали къ нему бить челомъ, чтобы онъ, государь, жало-

валъ свою отчину старинную, а мы де, сироты твои, прежде были и теперь неотступны отъ тебя и сопротивляться не хотимъ. Богъ воленъ да ты въ своей отчинѣ и въ насъ, своихъ людишкахъ». Это, значитъ, псковичи заговорили, какъ на Москвѣ говорятъ. Думали тѣмъ великаго князя умилостивить. Ну, и дождались милости! Пріѣхалъ опять Третьякъ Далматовъ, объявилъ волю великаго князя, чтобъ во Псковѣ вѣча не было и колоколъ бы вѣчевой сняли и быть въ городѣ двумъ намѣстникамъ и по пригородамъ намѣстникамъ. Заплакали всѣ псковичи навзрыдъ, наконецъ проговорили: «Посолъ государевъ! подожди до завтра: мы подумаемъ и обо всемъ тебѣ скажемъ». А что тутъ придумаешь! Только весь день и всю ночь проплакали. Вотъ только я придумалъ сюда переѣхать. И хорошо сдѣлалъ! Потому— великій князь московскій всѣхъ нашихъ лучшихъ людей по низовымъ городамъ разослалъ.

— Вотъ и здѣсь то же бы было, если бы удалось московскому государю Смоленскъ забрать.

— Не говори! Я то же самое всѣмъ во время осады твердилъ и не даромъ. Мало развѣ отъ него грамотъ было, чтобы мы покорились, да никто и слушать не хотѣлъ. Однако, хозяинъ дорогой, позасидѣлись мы у тебя, а мнѣ и въ ряды пора.

— А мнѣ къ намѣстнику.

Гости простились съ хозяиномъ и ушли. Только они со двора, какъ изъ хозяйской повалуши вышелъ въ стольную новый гость, нашъ старинный знакомый нѣмецъ Шлейницъ, тотъ самый, что вмѣстѣ съ туркой пана Заберезскаго ухлопалъ.

— Слышалъ, какія рѣчи поговариваютъ?—сказалъ посмѣиваясь хозяинъ.

— Подивился я, что ты и не пикнулъ противъ нихъ, будто и самъ тоже мыслишь.

— А посмотри-ка, какова моя борода?

— Борода? ничего, хорошая, какъ боберъ на шубѣ.

— Ну, такъ сѣдой бородѣ надо помолчать при случаѣ. Вотъ хоть этотъ самый Явнутъ и скажетъ Салогубу: «куда де крѣпко Гвоздь московскаго князя не любитъ», то же и Копылъ перескажетъ московскимъ недругамъ. Никому и въ голову не придетъ, что у меня посолъ князя Глинскаго укрывается.

— И вѣрятъ! разумный ты человѣкъ. Не даромъ князь наказалъ тебѣ все разсказать. Только впередъ велѣлъ спросить, много ли здѣсь нашихъ сторонниковъ найтись можетъ.

— Много-ли? Да если умно взяться, такъ больше половины города. Вонъ Копылъ на Репню жалуется, да гдѣ тотъ городъ найдется, въ коемъ бы всѣ намѣстникомъ и его людьми довольны были? И здѣсь такіе найдутся, что Салогуба не любятъ. Полагаютъ, что московскіе слаще будутъ. А больше такихъ людей, что не любятъ короля за то, что онъ латинской вѣры. А много такихъ, что князя Михаила превыше всего чтутъ. Вотъ ты скажи, съ чѣмъ ты отъ него посланъ—я тебѣ отвѣтъ и дамъ.

— Помнишь ты, какъ схватили здѣсь Ладу чеха на московской границѣ и отвезли въ Польшу?

— Помню, слыхалъ я, что этотъ Лада изъ поляковъ и хотѣлъ передаться московскому государю.

— Истинно. А знаешь, кто его къ тому подговорилъ?

— Кто?

— Я. Послалъ меня тогда князь Михайло въ нѣмецкую землю набрать для московскаго великаго князя ратныхъ людей. Чеха я подговорилъ на дорогѣ, онъ поѣхалъ раньше, да и попался дорогой. А въ нѣмецкой землѣ я много нашелъ народа на службу великаго князя и всѣ они сохранно въ Москву проѣхали чрезъ Ливонскую землю.

— А какъ-же ливонскіе нѣмцы пропустили?

— Они бы, пожалуй, и не пропустили, да надъ ними набольшой магистръ Альбрехтъ, что въ прусской землѣ живетъ. Альбрехтъ сильно ссорится съ вашимъ Сигизмундомъ, а потому и сталъ заодно съ московскимъ великимъ княземъ. Ливонскій магистръ Плеттенбергъ пожалуй бы и хотѣлъ пойти съ Сигизмундомъ на Ивана Васильевича, да не можетъ, потому — Альбрехтъ этого не хочетъ. И когда начнется война у Москвы съ Литвой, такъ нѣмцы не только Литвѣ не помогутъ, а еще съ другой стороны ударятъ.

— Объ этомъ и мы въ Ригѣ, какъ по нашимъ торговымъ дѣламъ были, тоже наслышаны.

— А есть у московскаго государя другой союзникъ великій и могучій — самъ нѣмецкій императоръ.

— Что ты?

— Вѣрно. Сигизмундъ ему по венгерскимъ дѣламъ сгрубилъ, такъ онъ теперь съ московскимъ великимъ кня-

земъ одна душа. А эти ратные люди, что я изъ нѣмецкой земли привезъ, во всякой воинской хитрости зѣло искусны. Есть между ними пушкарь Стефанъ, такой, что какъ учнетъ палить, то не только у васъ люди сотнями, да и самыя стѣны повалятся. И собирается въ Москвѣ на Смоленскъ рать великая. А другая рать пойдетъ крымскихъ татаръ сторожить, чтобы они въ этомъ походѣ московскому государю не мѣшали. Литовскіе же порядки тебѣ извѣстны: пока они будутъ собираться на подмогу вамъ придти, московскій князь городъ десять разъ возьметъ.

— Давай ему Богъ, только ты ко мнѣ съ чѣмъ посланъ?

— А велѣлъ тебѣ князь Михайло сказать, чтобы ты и другіе смоляне въ томъ дѣлѣ ему и московскому государю вѣрой и правдой послужили и будетъ за то ихъ великое къ вамъ жалованье.

— Князя Михаила мы довольно знаемъ. Если, примѣрно, супротивъ его разума, такъ едва-ли во всей московской и литовской землѣ ему равный человѣкъ найдется. Ему прямить и служить я готовъ. Только вотъ что меня смущаетъ — московскіе порядки. Насѣла Москва на великій Новгородъ, тотчасъ и вѣче долой, во Псковѣ тоже. А мы, смоляне, тоже народъ богатый, торговый, хотя и не такая у насъ воля, какъ въ Новѣгородѣ и во Псковѣ была, а все чай супротивъ Москвы будетъ получше. Вонъ король Александръ съ насъ мытъ и другія пошлины сложилъ, а за Москвой такъ-ли будетъ?

— Ну, я скажу тебѣ, другъ любезный, такое слово, что можешь его открыть только самымъ близкимъ. Правдиво ты о великомъ разумѣ князя Михаила говорилъ. Всѣми силами помогаетъ онъ теперь московскому государю, да помогаетъ не даромъ: за ту помощь великій князь Василій Ивановичъ обѣщалъ Михаила Львовича смоленскимъ стольнымъ княземъ посадить.

— А! вотъ это самое настоящее дѣло. За княземъ Михаиломъ мы сидѣть согласны. Точно, между темнымъ народомъ много и такихъ есть, что къ Москвѣ льнутъ, потому — государь московскій вѣры православной, ну, а народъ торговый свои выгоды соблюсти хочетъ. Прямить и служить князю Михаилу Львовичу мы согласны. Головой ему за половину смолянъ отвѣчаю, а пожалуй найдется

его и московскихъ сторонниковъ между смолянами и побольше половины.

— А можно мнѣ съ ними повидаться?

— Троихъ я сюда приведу. Больше собирать народа не можно — намѣстникъ спознаетъ. Одинъ торговый человѣкъ Кузьма Долгоносъ — мы съ нимъ торговый людъ подговоримъ. Другой Скосырь — удалецъ, какихъ мало — къ нему самые разудалые молодцы льнутъ, а третій Медовикомъ прозывается — тотъ совсѣмъ особый человѣкъ.

— Отчего-же?

— Съ нимъ на вѣку диво дивное приключилось. Случилось ему въ лѣсу запоздать, темь настала, а видитъ паренъ, что ни до какого жилья не добраться, надо въ лѣсу заночевать. Вотъ, чтобы на ночь-то теплѣе было, да и отъ звѣрья безопаснѣе, придумалъ мужикъ въ дупло залѣзть. Видитъ, дерево здоровенное, можетъ, не одну сотню годовъ стоитъ, а въ немъ дупло. Полѣзъ туда мужикъ и—провалился.

— Провалился?

— Провалился. Въ дуплѣ-то дикія пчелы меду понаклали, да таково много, что мужикъ въ него, почитай, по шею увязъ. Все равно, говоритъ, что въ трясинѣ. И такъ и этакъ бьется мужикъ, никакъ вылѣзти не можетъ. Пробовалъ и кричать — только никто не слышитъ, потому — глушь такая, что развѣ въ мѣсяцъ одинъ кто забредетъ туда. Видитъ мужикъ — помирать приходится.

— Въ меду-то?

— Да. Знаешь, сколько онъ въ этомъ самомъ меду просидѣлъ?

— А сколько?

— Двои сутки. Питался этимъ медомъ, только опротивѣлъ онъ ему пуще полыни. Потому — что-же въ его сладости, когда отъ него приходится лютой смертью погинуть? И началъ мужикъ молиться всѣмъ святымъ и Матери Божьей. Вотъ на третью ночь и слышитъ, кто-то пыхтитъ.

— Пыхтитъ?

— Видитъ мужикъ, что медвѣдь въ то же дупло задними лапами напередъ спускается: видно, Мишка захотѣлъ медку отвѣдать — онъ до него лакомъ. Мужикъ хвать за него руками и закричалъ въ источный голосъ. Медвѣдь испугался, рванулся, а мужикъ за него держится. Медвѣдь

рванулся въ другой разъ, да совсѣмъ мужика изъ дупла и вытащилъ. Тогда мужикъ пустилъ Мишку, тотъ и давай Богъ ноги. А мужика за это самое дѣло Медовикомъ и прозвали. Все Медовикъ да Медовикъ, такъ что прежнее-то имя его и забыли. И сталъ онъ къ церкви Божьей прилежать. Потому, говоритъ, меня Матерь Божья отъ лютоіи смерти спасла, такъ долженъ я это по всякъ часъ помнить. Въ монахи, говоритъ, я не пойду: потому — не хочу жену да робятишекъ бросить, а Бога благодарить по вѣкъ моіи долженъ. И черный народъ очень этого мужика почитаетъ, а самъ Медовикъ только Москвой и бредитъ. Не подобаетъ, говоритъ, намъ подъ иновѣрнымъ государемъ находиться. Намѣстникъ Салогубъ давно бы его за такія рѣчи вздулъ, да народъ смущать не хочетъ, зная его великую любовь къ Медовику, такъ въ смѣхъ его рѣчи обращаетъ: «Юродивыій, говоритъ, это». А какой юродивыій — Медовикъ въ полномъ разумѣ человѣкъ. Вотъ съ этими тремя людьми мы всѣхъ кого надо подымемъ. Только не хотѣлось бы съ тѣми смолянами, что съ нами не согласятся, до ножей дойти.

— И князь Михаилъ Львовичъ того не желаетъ. Отъ рѣзни до краснаго пѣтуха недалеко, а какая Михаилу Львовичу корысть въ разореномъ городѣ княжить? Нѣтъ, онъ хитрѣе придумалъ. Вы всѣ и виду не подавайте намѣстнику, что хотите отложиться и на стѣну выходите, только дайте намъ знать, гдѣ на стѣнѣ наши сторонники стоять будутъ, гдѣ литовскіе.

— Это можно. Наши бѣлыми платами будто ненароком махнутъ.

— А мы не прозѣваемъ, примѣтимъ, въ тѣ стороны палить и не будемъ, а съ другихъ сторонъ такое угощенье приготовимъ, что намѣстникъ останется доволенъ. Вотъ когда его людей и литовскихъ сторонниковъ будетъ довольно перебито, тогда вы и завопите, что держаться никакъ не можно, что надо сдаться.

— Ужь именно разумникъ князь Михайло Львовичъ! медовыя рѣчи!

— Тотъ же Медовикъ! Поневолѣ заставитъ московскаго медвѣдя себя на княжескій столъ вытащить.

Въ концѣ іюля многочисленная рать московская, съ нарядомъ, то есть съ пушками, появилась подъ стѣнами Смоленска. Самъ великій князь Василій Ивановичъ ею на-

чальствовалъ. Съ нимъ были братья его, Юрій и Семенъ, и Михаилъ Глинскій. Третій братъ великаго князя Дмитріи оберегалъ южную московскую границу отъ крымцевъ, четвертый братъ Андрей оставался въ Москвѣ.

Намѣстникъ смоленскій, Юрій Салогубъ, приготовился къ оборонѣ. Вся стѣна покрылась вооруженными людьми. У намѣстника также были пушки. Около одной изъ нихъ хлопотали ратные люди. Въ московскомъ станѣ показался дымокъ, вслѣдъ за тѣмъ грянулъ выстрѣлъ, большое ядро пролетѣло въ смоленскую пушку. Пушку разорвало на части и побило много людей намѣстника.

— То не московскій бой, — проговорилъ Салогубъ, — московскіе люди такъ биться не умѣютъ.

— Слышно, — сказалъ Явнутъ, — въ станѣ ихъ есть нѣмецкіе пушкари.

Послѣдовалъ изъ московской большой пушки другой выстрѣлъ мелкими ядрами, окованными свинцомъ. Еще болѣе полегло народу на стѣнахъ. Вдали раздались смутные крики.

— Что это такое? — спросилъ намѣстникъ.

— Бѣда! — закричалъ Копылъ, подбѣгая съ другой стороны стѣны, — народъ волнуется, кричитъ, что не могутъ стоять противъ московской силы. Надо, говорятъ, передаться московскому государю. Иначе, весь городъ погинетъ.

— А король что скажетъ? — возразилъ намѣстникъ.

— Я тоже говорилъ имъ, да не слушаютъ.

Намѣстникъ самъ пошелъ усмирять смуту. Въ это время послѣдовалъ третій выстрѣлъ и опять полегло много защитниковъ Смоленска, въ томъ числѣ Явнутъ и Копылъ. Прежде чѣмъ Салогубъ дошелъ до толпы кричащихъ горожанъ, съ нимъ повстрѣчался Гвоздь.

— Волнуется народъ, государь намѣстникъ, — сказалъ онъ, низко кланяясь, — весьма волнуется, устрашены московскимъ нарядомъ *).

— Я усмирю ихъ, — сказалъ Салогубъ.

— Наврядъ, государь воевода. Вѣдомо тебѣ мое усердіе къ наияснѣйшему королю и къ твоей милости, знаешь, что не люблю я говорить на вѣтеръ. Два раза приходилъ московскій князь на Смоленскъ и въ оба раза мы отбива-

---

*) Артиллеріею.

лись безъ лести. А теперь народъ говоритъ, что никакъ то невозможно. Потому — падаютъ люди какъ колосья подъ серпомъ. Большая печаль въ народѣ. Да вотъ, никакъ и владыка Варсонофій къ тебѣ идетъ.

Дѣйствительно, показался смоленскій владыка и сказалъ намѣстнику, что хочетъ просить Василья Ивановича дать смолянамъ срокъ до слѣдующаго дня. Салогубъ согласился, потому что Варсонофій былъ, хотя и православный архіерей, извѣстный сторонникъ Сигизмунда.

Вышелъ владыка на мостъ и билъ челомъ московскому великому князю, но Василій Ивановичъ сроку не далъ и велѣлъ бить многими пушками отовсюду. Тогда смоляне почти всѣ сошли со стѣнъ, столпились около намѣстничьихъ и владычныхъ палатъ и кричали, что надо просить пощады. Салогубъ увидалъ, что большая часть стѣнъ осталась безъ защиты, московская рать легко можетъ ворваться въ городъ, и чтобъ это предупредить, лучше сдаться.

Владыка собралъ все духовенство, облачился въ ризы, со крестомъ и иконами вышелъ къ великому князю, за духовенствомъ намѣстникъ, паны и черные люди.

— Государь князь великій,—сказали они,—не погуби города, но возьми его съ тихостію.

Великій князь благословился у владыки, оставилъ его, Салогуба и пановъ да завтра въ шатрѣ своемъ подъ стражей, но въ чести, а смолянамъ велѣлъ воротиться въ городъ.

На завтра смоляне присягнули быть за великимъ княземъ и добра ему хотѣть, за короля не думать и добра ему не хотѣть.

Великій князь со всѣми былъ ласковъ,—спросилъ знатныхъ смолянъ о здоровьѣ, городу далъ уставную грамоту, а нѣкоторымъ смолянамъ дорогіе подарки: Гвоздь сталъ щеголять въ новой шубѣ, а Скосырь дорогой ковшъ получилъ. Получилъ подарокъ и Медовикъ, но тотчасъ же отдалъ его на церковь. Салогубу Василій Ивановичъ сказалъ:

— Хочешь мнѣ служить—и я тебя жалую, а не хочешь, воленъ на всѣ стороны.

Салогубъ пожелалъ отправиться къ королю. Потомъ свѣдали въ Смоленскѣ, что онъ сложилъ въ Польшѣ голову на плахѣ, по обвиненію въ измѣнѣ.

— А смоленскимъ воеводой,—сказалъ великій князь,—я назначаю Василья Шуйскаго.

Глинскій стоялъ подлѣ великаго князя и хмурился.

— А тебѣ, князь Михайло,—сказалъ ему Василій Ивановичъ,—за твою великую службу и наше великое государево жалованье будетъ. Богъ дастъ,—прибавилъ онъ тихо, такъ что одному Глинскому было слышно,—другое княжество завоюемъ, такъ тебя тамъ и посадимъ.

Дошли вѣсти, что литовское войско подъ начальствомъ князя Константина Острожскаго идетъ къ Смоленску. Къ нему на встрѣчу пошла и московская рать: нѣсколько тысячъ подъ начальствомъ Глинскаго, а главныя силы двумя большими частями: одна подъ начальствомъ воеводы Михаила Голицы, другая съ конюшимъ Михаиломъ Андреичемъ Челяднинымъ.

Въ этрядѣ Глинскаго былъ сынъ Медовика, служившій у князя стремяннымъ. Медовикъ по близости отвозилъ деньги, собранныя имъ въ Смоленскѣ на построеніе церкви, и зашелъ къ сыну.

— Что ты, Степа, будто кручиненъ? — спросилъ онъ сына.

— Ничего, батюшко.

— Нѣтъ, по глазамъ вижу, что не даромъ: либо недугъ тебя одолѣваетъ, либо что-нибудь на сердцѣ есть. А ты скажи, не таись. Человѣкъ я малый, помочь не всегда помогу, а все тебѣ полегчаетъ, какъ съ отцомъ по душѣ поговоришь. Супротивъ отца у тебя, Степа, не было друга да и не будетъ.

— Аль и впрямь сказать? Только ты, батюшка, никому не говори; потому—это такое дѣло!

— Извѣстно, зря болтать не буду.

— Знаешь, батюшка, какъ я милостями князя взысканъ—радъ я за него голову сложить.

— Такъ вѣрному слугѣ и въ писаніи указано.

— И князь-то меня вѣрнымъ человѣкомъ считаетъ. Потому иной разъ при мнѣ такія рѣчи говорятся, что при другихъ бы ихъ и говорить не стали.

— И долженъ ты такія рѣчи въ тайности содержать.

— А вотъ ты о нихъ-то меня и спрашиваешь.

— Неужто? Да что-же въ княжихъ рѣчахъ такое было, отъ чего бы ты голову повѣсилъ?

— Какъ вспоминаючи нашу московскому великому князю присягу...

— Что? неужли что-нибудь противъ этой присяги?

— По-моему такъ выходитъ.

— Скажи, Степа, голубчикъ! Это совсѣмъ особое дѣло. Оборони тебя, Господи, крестное цѣлованіе нарушить!

— Видишь, дѣло было ночью. Спалъ я у князя въ шатрѣ, на случай, если ему что ночью понадобится. Слышу, кто-то въ палатку входитъ. Я тотчасъ же и проснулся. Думаю, не лихой ли человѣкъ. Вижу, Шлейницъ.

— Это рыжій-то нѣмецъ? Кажись, не ошибся ты, точно, онъ человѣкъ недобрый.

— Князь его въ большой милости держитъ. И нельзя мнѣ было думать, что онъ лихое на князя мыслитъ. Да самъ князь его и въ шатеръ впустилъ. И стали они промежъ себя говорить. А меня либо спящимъ считали, либо князь меня не опасался.—«Что,—спросилъ князь,—видѣлъ ты короля?». «Видѣлъ,—сказалъ Шлейницъ,—очень онъ обрадовался, какъ передалъ я ему твои рѣчи.»—«А еще больше обрадуется, примолвилъ князь,—когда я Смоленскъ ему ворочу».

— Что? Смоленскъ воротить королю! Это насъ опять еретику предать? Что же они еще говорили?

— Больше я ничего не разслышалъ, потому что говорили они съ опаской. И такъ это слово ко мнѣ на сердце запало!

— Еще бы не запасть! Ахъ, грѣхъ тяжкій!

— А сегодня ночью велѣлъ князь пятидесяти молодцамъ быть готовымъ къ полуночи, да такъ, чтобы никто о томъ не вѣдалъ. Думается мнѣ, что онъ хочетъ тайно уѣхать изъ стана.

— Безпремѣнно. Слушай, Степа, нарушишь ты крестное цѣлованье, не послушаешься отца, то и не знай меня, не будетъ надъ тобой моего благословенья, мало: прокляну тебя.

— Что ты, родимый!

— Сейчасъ сѣдлай коня и скачи къ князю Голицѣ: повѣдай ему все, что мнѣ сказалъ, да вихремъ лети, а я въ Смоленскъ поспѣшу.

— Не вышло бы худа для князя?

— Князь тебѣ дороже отца и крестнаго цѣлованья? Хочешь не слушаться меня—прокляну. Тогда оставайся съ княземъ, да еще выдай и меня на погибель. Пусть Глинскій надъ твоимъ старикомъ отцомъ надругается. А не выдашь и не поѣдешь къ Голицѣ, я самъ къ нему поѣду.

Черезъ нѣсколько минутъ отецъ и сынъ на быстрыхъ коняхъ скакали въ разныя стороны. Становилось уже темно и ихъ никто не замѣтилъ. Въ полночь Глинскій выѣхалъ изъ стана. Съ нимъ полсотня самыхъ преданныхъ слугъ, кромѣ только одного стремяннаго. Куда стремянный дѣвался, никто не видалъ, да и некогда было разыскивать.

Смутно было на сердцѣ у князя; несмотря на ночной воздухъ, ему казалось жарко. Куда онъ ѣдетъ? Къ Сигизмунду, которому такъ недавно измѣнилъ. Конечно, Сигизмундъ хорошо его приметъ, потому что для короля его возвращеніе полезно. Но какъ на него будутъ смотрѣть паны? Прежде онъ самъ презрительно смотрѣлъ на нихъ. Когда осмѣливались его называть измѣнникомъ, онъ гордо просилъ суда, потому что нечѣмъ было оправдать укорительное слово. А теперь?

И чтобы размыкать тревожныя мысли, Глинскій пустилъ вскачь своего лихого скакуна. Хороши были кони у молодцовъ, которыхъ князь взялъ съ собой, но за княжимъ конемъ поспѣть не могли и на цѣлую версту отстали отъ Глинскаго его вѣрные слуги.

На встрѣчу князю ѣдетъ отрядъ московскихъ ратниковъ. Что ему за дѣло? Развѣ знаютъ они его мысли?

— Поймань ты Богомъ и великимъ государемъ!

— Какъ! Я—Глинскій?

— Именно ты,—отвѣчалъ конюшій Челяднинъ.

Будь съ Глинскимъ его слуги, онъ попытался бы прорваться. Но что было дѣлать одному? Его схватили, обыскали и нашли у него королевскую грамоту—улика на лицо.

Василій Ивановичъ велѣлъ заковать его и отправить въ Москву.

Чрезъ мѣсяцъ въ Смоленскѣ было великое смятеніе—получено извѣстіе, что царскіе воеводы Голица и Челяднинъ побиты на голову при Оршѣ княземъ Константиномъ Острожскимъ.

Медовикъ во владычныхъ палатахъ толковалъ съ архіерейскимъ служкой. У владыки Медовикъ былъ свой человѣкъ, потому что часто хлопоталъ о разныхъ церквахъ.

— Какъ же такая бѣда приключилась?—спрашивалъ Медовикъ.

— Слышь ты, Голица съ Челядниным былъ въ ссорѣ. Острожскій на Челяднина напалъ, а Голица Челяднину не

помогъ. Острожскій и побилъ Челяднина, а потомъ и Голицу.

— Много, сказываютъ, нашихъ побито.

— Не говори! вся рать, какъ есть, побита.

— Теперь, храни Богъ, и на насъ Острожскій придетъ.

— Безпремѣнно придетъ. Смотри, сколько народу къ владыкѣ собирается. Знать, хотятъ совѣщаться, какъ городъ оборонять.

Медовикъ посмотрѣлъ въ окно. Точно, довольно много людей шли къ владыкѣ. Между ними Медовикъ увидалъ Шлейница.

— А этотъ зачѣмъ?—спросилъ онъ служку.

— Онъ у владыки часто бываетъ. Вечоръ часа два сидѣли. Да и ты чай ко владыкѣ званъ?

Медовикъ немножко помолчалъ. Казалось, онъ соображалъ что-то.

— Да, званъ.

— Такъ ты въ эту дверь пройди. Ты свой человѣкъ, тебѣ вездѣ ходъ есть. Тутъ направо повалуша малая, а изъ нея прямо ходъ въ ту палату, гдѣ владыка всѣхъ гостей приметъ.

Медовикъ прошелъ въ повалушу, да тамъ и остался. Оттуда ему все было слышно, что въ палатѣ говорилось.

— Никакъ намъ не можно отсидѣться,—говорилъ владыка.

— Куда отсидѣться, когда вся московская рать побита!—отвѣчалъ Скосырь.

— Если покоримся,—промолвилъ Гвоздь,—то, можетъ быть, король смилуется и все то, что королемъ Александромъ даровано, оставитъ намъ.

Больше Медовикъ и слышать не сталъ, а тѣмъ же ходомъ, что пришелъ въ повалушу, и вышелъ изъ нея.

Долго еще толковали смоляне у владыки. Вдругъ дверь изъ повалуши отворилась и въ ней показался великокняжескій намѣстникъ, князь Василій Шуйскій.

Всѣ вскочили. Скосырь схватился за ножъ засапожникъ.

— Потише, молодецъ, здѣсь есть кому съ тобой справиться.

Во всѣхъ дверяхъ и даже въ окнахъ показались московскіе ратные люди.

Когда Острожскій подступилъ къ Смоленску, то увидалъ страшное зрѣлище: по стѣнамъ были повѣшены всѣ смоленскіе перевѣтники, кромѣ владыки Варсонофія, и съ каждымъ были повѣшены: съ кѣмъ шуба, съ кѣмъ ковшъ — тѣ дары, которые они получили отъ московскаго государя.

Безъ ихъ помощи Острожскій не могъ взять Смоленска.

Больше десяти лѣтъ томился Михаилъ Глинскій въ тяжкомъ заключеніи. Однажды пріѣхалъ къ нему дворецкій и любимецъ государевъ Иванъ Юрьевичъ Шигона Поджогинъ. Былъ онъ старинный пріятель съ Глинскимъ.

— Поздравляю, князь,—сказалъ онъ,—добрыя вѣсти. Великій государь сказалъ мнѣ, что сложитъ съ тебя опалу. А теперь поѣдемъ въ твою бывшую подмосковную. Тамъ еще ты побудешь подъ стражей, да ужь, навѣрно, недолго.

На дорогѣ за городомъ имъ встрѣчались слѣды опустошенія.

— До сихъ поръ видно,—сказалъ Шигона,—что татары тутъ повоевали.

— Да, слышалъ я объ этомъ,—сказалъ Глинскій,—а доподлинно не знаю.

— Видишь, крымскій ханъ Магмедъ-Гирей стакнулся со своимъ братомъ, казанскимъ царемъ Санпъ-Гиреемъ, да въ одно время на насъ съ разныхъ сторонъ и напали. А у насъ и рать была не въ сборѣ. Государь великій князь уѣхалъ на Волокъ собирать ратныхъ людей, а въ Москвѣ сѣли бояре да крещеный царевичъ татарскій Петръ. Поглядѣли, анъ пороху недостаетъ. Какая тутъ защита! Спасибо еще, татары окупъ взяли да ушли. Взяли еще грамоту, чтобы имъ каждый годъ по прежнему выходъ получать. Только съ той грамотой имъ не поздоровилось.

— А что?

— Отъ Москвы пошли они мимо Рязани. А воеводой тамъ сидѣлъ Хабаръ Симскій, парень не глупый. Ханъ и посылаетъ ему сказать, чтобы онъ явился въ татарскій станъ, потому-де, что московскій государь теперь мой данникъ, такъ и ты обязанъ мнѣ повиноваться—на то и грамота есть. А между тѣмъ татары и казаки, что были съ ними, подбираются понемногу къ Рязани, будто для того, чтобы рязанцы выкупали плѣнныхъ, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы городъ врасплохъ захватить. Хабаръ отвѣтилъ хану, что онъ московскихъ дѣлъ не знаетъ, грамоту бы ему

ханъ показалъ, а самъ пушкарю, нѣмцу Іордану, сготовиться велѣлъ. Ханъ грамоту прислалъ, Хабаръ взялъ ее да и хватилъ въ толпу татаръ изъ пушекъ—тѣ и даваіі Богъ ноги.

— Молодецъ этотъ Симскій.

— Да, посылаетъ теперь Богъ удачу великому государю. И Смоленскъ все-таки остался за нами. Подъ Казанью князь Бѣльскій, правда, сплоховалъ: тамъ стѣна загорѣлась, и могъ бы онъ тѣмъ часомъ городъ взять, да прозѣвалъ. Однако все-таки казанцы били челомъ и изъ нашихъ рукъ приняли царемъ Сафа-Гирея. А главное, государь великіі князь городокъ построилъ—Васильсурскъ прозывается, откуда будетъ намъ пригоже за Казанью присматривать. И рязанскую и сѣверскую земли государь подъ свою руку привелъ. Одно только у государя горе.

— Какое же?

— Да вотъ, сколько годовъ онъ въ супружествѣ съ великой княгиней Соломоніей состоитъ, а дѣтей нѣтъ. Такъ-то объ этомъ великій государь тоскуетъ. Прилучилось мнѣ съ нимъ за городомъ ѣхать и птичье гнѣздышко онъ увидалъ, такъ инда заплакалъ. «На кого я похожъ?—говоритъ,—ни на птицъ, ни на звѣрей, ни на рыбъ—потому что всѣ они плодовиты». И что только государь великій князь и великая княгиня ни дѣлали, чтобы Господь ихъ чадородіемъ благословилъ: и обѣты давали, и по обителямъ на поклоненіе ѣздили, и вклады богатые давали. Даже—ну, мы далеко впереди отъ дворскихъ людей ѣдемъ, имъ не слышно, что говоримъ, а ты болтать не будешь, вотъ что мнѣ Иванъ Сабуровъ подъ хмѣлькомъ разсказывалъ. Объявилась тутъ женка Стефанида, такъ была она у великой княгини, наговаривала ей воду и смачиваться велѣла, чтобъ великій князь государыню любилъ, а коли понесутъ къ великому князю сорочку и порты, то чтобы государыня, тою водою смочивъ руку, то бѣлье охватывала. А другая черница наговаривала то ли на масло, то ли на медъ, чтобы тѣмъ медомъ али масломъ великой княгинѣ тертися, и будетъ отъ того государь ее любить. И много, сказывалъ Иванъ, къ нему по тѣмъ дѣламъ женокъ и мужиковъ прихаживало.

— Какъ же государю великому князю на мысль пришло свою милость ко мнѣ недостойному явить? По старинной нашей съ тобой пріязни, бояринъ, думаю я, что къ тому дѣлу ты причастенъ.

— Всегдашній я твой радѣльщикъ и благопріятель. Только на первыхъ порахъ очень былъ на тебя великій государь гнѣвенъ, такъ что нельзя было за тебя и слово молвить: Даже брата твоего Василья Львовича на глаза не пускалъ. Не такъ давно прилучилось намъ съ великимъ государемъ мимо вотчинки твоего братца проѣзжать. Очень она красива и государю приглянулась. Онъ и изволилъ вопросить: «Чья-де она?»—Князя Василья Глинскаго,—отвѣчаю. Вижу, государь ничего, гнѣва не показалъ. Я и осмѣлился сказать: очень-де тоскуетъ князь Василій, что никогда твоихъ свѣтлыхъ государевыхъ очей не видитъ. А веселъ на ту пору былъ государь Василій Ивановичъ. «А что же, говоритъ, онъ точно передо мной ни въ чемъ неповиненъ. Заѣдемъ-ка къ нему». И была же радость твоему брату, какъ государь великій князь къ нему пожаловалъ. Вышли и княгиня, и племянница твоя, княжна Елена Васильевна. Ну, ужь дѣвица! Первое дѣло красавица писаная, да что красота! Много и изъ нашихъ московскихъ красавицъ есть, а что онѣ передъ ней! Посмотрѣла она таково смѣло на государя великаго князя, рѣчь съ нимъ повела разумную. Какъ поѣхали мы отъ Василья Львовича, такъ государь великій князь самъ ее похвалить изволилъ: «Это, говоритъ, царь-дѣвица!» А тутъ по маломъ времени и о тебѣ изволилъ вспомнить. Ну, тутъ, конечно, и я порадѣлъ тебѣ.

— Великія его милости—теперь по гробъ его вѣрнымъ слугой буду! Пошли ему, Господи, всего, что онъ у Бога молитъ.

— Сынка, князь, сынка ему нужно. Не хочется ему великое княженіе на братьевъ покидать. Какіе они правители!

— Что же, если великій князь захочетъ, то и сына имѣть можетъ.

— Да когда великая княгиня неплодна.

— А мало ли было нѣмецкихъ и франкскихъ государей, которые съ своими женами за неплодіе разводились.

— Будто можно?

— Конечно, можно. У нихъ тамъ съ благословенія папы, а у насъ владыка митрополитъ благословить можетъ.

— Ну, на нашего Варлаама въ этомъ положиться нельзя. Онъ немало государю великому князю супротивничаетъ.

— А супротивничаетъ, такъ не долго и на мѣстѣ усидитъ.

Точно, Варлаамъ недолго усидѣлъ. Онъ оставилъ митрополію и былъ заточенъ въ монастырѣ. Великій князь Василій Ивановичъ, которому усердный Шигона шепнулъ въ свое время, что многіе нѣмецкіе и франкскіе государи разводились съ женами за ихъ неплодіе, пожелалъ по этой же причинѣ развестись со своей супругой Соломоніей. Преемникъ Варлаама, митрополитъ Даніилъ, согласился на это. Были, однако, люди, которые заговорили противъ развода великаго князя съ женою, въ числѣ ихъ замѣчательны трое: симоновскій инокъ Вассіанъ Косой, изъ рода князей Патрикѣевыхъ, Максимъ, грекъ, пріѣхавшій въ московское государство для исправленія церковныхъ книгъ, и князь Семенъ Курбскій. Всѣ они подверглись опалѣ.

Въ ноябрѣ 1525 года великую княгиню Соломонію, разведенную съ мужемъ, постригали въ монахини подъ именемъ Софьи въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Потомъ повезли ее въ суздальскій Покровскій монастырь.

Нѣсколько женщинъ видѣли какъ ее увозили. Нѣкоторыя изъ нихъ плакали.

— Сердечная!—говорила одна изъ нихъ,—настрадалась ты нивѣсть за что!

— Говорятъ,—сказала другая,—не хотѣла она, голубушка, постригаться.

— Кому захочется! Изъ государынь да въ черницы.

— А этотъ собака Шигона, говорятъ, ругалъ ее.

— Я слышала, плетью билъ.

— А правду ли, нѣтъ ли, болтаютъ, будто она непраздна *)?

Въ январѣ 1526 года совершилось бракосочетаніе Василія Ивановича съ Еленой Глинской. Чрезъ три года Елена родила сына Ивана, потомъ другого—Георгія.

Михаилъ Глинскій былъ освобожденъ и сдѣлался однимъ изъ приближенныхъ Василія Ивановича. Въ 1530 году онъ начальствовалъ русскою конною ратью, посланною на Казань, побѣдилъ татаръ, но завелъ споръ о мѣстахъ съ воеводою пѣшей рати княземъ Иваномъ Бѣльскимъ, и Казани они не взяли.

---

*) Беременна.

Въ 1533 году, когда маленькому Ивану Васильевичу всего было три года, родитель его, великій князь Василій Ивановичъ, тяжко занемогъ. Михаилъ Глинскій почти неотлучно былъ съ нимъ до смерти. Былъ онъ и при совершеніи духовной великаго князя вмѣстѣ съ князьями Васильемъ и Иваномъ Васильевичемъ Шуйскими, боярами Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, Михаиломъ Васильевичемъ Тучковымъ, казначеемъ Головинымъ и Шигоной. Имъ сказалъ великій князь Василій Ивановичъ передъ смертью:

— Знаете и сами, что государство наше ведется отъ великаго князя Владиміра кіевскаго, мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре; такъ постойте, братья, крѣпко, чтобъ мой сынъ учинился на государствѣ государемъ, чтобъ была въ землѣ правда и въ васъ розни никакой бы не было. Приказываю вамъ Михаила Львовича Глинскаго, человѣкъ онъ къ намъ пріѣзжій; но вы не говорите, что онъ пріѣзжій, держите его за здѣшняго уроженца, потому что онъ мнѣ прямой слуга; будьте всѣ сообща, дѣло земское и сына моего дѣло берегите и дѣлайте заодно, а ты бы, князь Михайло Глинскій, за сына моего Ивана и за жену мою и за сына моего, князя Юрія, кровь свою пролилъ и тѣло свое на раздробленіе далъ.

III.

НЕСЧАСТНОЕ ДИТЯ.

(1533—47 г.).

— Ядя Ваня ляля?

— Ляля.

— А тѣ бяки?

— Бяки. У нихъ болоды больсыя. А дядя Ваня холосый.

— Ты ихъ не боялся?

— Чего бояться? Я цаль.

— Вишь ты разумникъ! Даромъ, что трехъ годковъ, а знаетъ, что онъ царь!

— Знаю. Мама говолила и ты говолила. Они мнѣ луки цѣловали. Болоды колютъ. Иглусекъ подалили. Иглуски ляли.

Такъ разговаривалъ со своей мамкой, то-есть воспитательницей, Аграфеной Челядниной, государь великій князь всея Руси, Иванъ Васильевичъ. Его только-что возвели на престолъ въ Успенскомъ храмѣ. Митрополитъ благословилъ его крестомъ и сказалъ:

— Богъ благословляетъ тебя, государь, князь великій Иванъ Васильевичъ, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Болгарскій, Смоленскій и иныхъ земель многихъ, царь и государь всея Руси! Добръ, здоровъ будь на великомъ княженіи, на столѣ отца своего.

Потомъ пропѣли ему многолѣтіе, князья и бояре руку

ему цѣловали и дары принесли. Въ числѣ даровъ были игрушки, потому что государю только три года минуло. Игрушки ему понравились, а боярскія бороды нѣтъ. Но были уже на Руси люди, которые бородъ не носили. Сбрилъ свою браду и покойный государь великій князь Василій Ивановичъ предъ бракомъ своимъ съ Еленой Васильевной Глинской, можетъ быть для того, чтобы больше нравиться молодой своей красавицѣ супругѣ. Брилъ бороду и князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій, молодой красавецъ, братъ мамки государевой, Челядниной. Онъ-то и заслужилъ и отъ мамки и отъ государя названіе ляли.

На завтра послѣ этого разговора дядя государыни великой княгини, знаменитый князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, поспѣшно шелъ къ ней. По стародавнему обычаю, Еленѣ принадлежали опека надъ маленькимъ Иваномъ Васильевичемъ и управленіе государствомъ. Съ Глинскимъ повстрѣчался Шигона-Поджогинъ.

— Не къ государынѣ ли, князь, идешь?—спросилъ онъ.

— Да, къ государынѣ.

— Не можно. Я тоже хотѣлъ пройти, да не пустили.

— Тебя не пустили? Да развѣ не повелѣлъ великій князь намъ съ тобой да Михаиломъ Юрьевымъ о великой княгинѣ, какъ ей безъ него быть, какъ къ ней боярамъ ходить? А ты, конечно, по дѣлу?

— Да.

— По какому?

— Князь Юрій Ивановичъ зло на государя умышляетъ. Прислалъ своего дьяка Третьяка Тишкова ко князю Андрею Шуйскому звать его къ себѣ на службу. Шуйскій ему и говоритъ: «Князь вашъ вчера крестъ цѣловалъ великому князю, клялся добра ему хотѣть, а теперь отъ него людей зоветъ!» Третьякъ на это: «Князя Юрія бояре приводили заперши къ цѣлованію, а сами ему за великаго князя присяги не дали—такъ что это за цѣлованіе? это невольное цѣлованіе!» Андрей Шуйскій самъ мнѣ это сказалъ. Вотъ и суди.

— Все воистину такъ. Андрей Шуйскій и мнѣ сказывалъ. Только еще вотъ что. У самого-то Шуйскаго совѣсть нечиста. Онъ вѣдь началъ подговаривать князя Бориса Горбатаго отъѣхать къ Юрію, такія рѣчи ему говорилъ: «Поѣдемъ, а здѣсь ничего не выслужишь, великій князь еще

молодъ, а слухи носятся о князѣ Юріѣ; если онъ сядетъ на государствѣ, а мы къ нему раньше другихъ отъѣдемъ, то мы у него этимъ выслужимся». Горбатый не согласился, такъ Андрей, чтобы себя выгородить, теперь всѣмъ и разсказываетъ о томъ, какъ къ нему Третьякъ пріѣзжалъ. Объ этомъ и иду государынѣ великой княгинѣ доложить. Отчего она тебя къ себѣ не допустила?

— Да у ней князь Иванъ Овчина сидитъ, тоже по тайности о важныхъ дѣлахъ докладываетъ.

Глинскій нахмурился, даже губу закусилъ и проговорилъ:

— Ну, меня пуститъ.

Но панна Юзя, привезенная изъ Литвы Еленой Васильевной и самая приближенная къ ней служанка, объявила, что и князю Михаилу Львовичу войти къ великой княгинѣ нельзя.

— Какъ нельзя, когда у ней есть Овчина?

— Никого государыня пускать не велѣла.

— Не можетъ быть, чтобы это повелѣніе ко мнѣ относилось. Поди, доложи государынѣ, что я пришелъ и боярская дума собралась.

— О думѣ государыня вѣдаетъ, а идти къ ней не могу, потому что она не велѣла входить безъ спросу.

— Ну, такъ я войду.

И отстранивъ рукою Юзю, Михаилъ Львовичъ хотѣлъ идти дальше, но на встрѣчу вышла сама Елена, за нею князь Овчина-Телепневъ-Оболенскій.

— Съ какихъ поръ государыня великая княгиня заставляетъ своего дядю въ передней дожидаться?—горячо сказалъ Глинскій.

— А съ какихъ поръ князь Глинскій,—сказала Елена,—смѣетъ въ покояхъ своей государыни кричать и ея вѣрныхъ слугъ толкать?

И гордо посмотрѣвъ на дядю, Елена Васильевна пошла въ столовую избу, гдѣ собралась боярская дума.

— Я о важномъ дѣлѣ хотѣлъ тебѣ доложить,—сказалъ Глинскій.

Елена ему не отвѣчала. А Оболенскій, улыбаясь, сказалъ:

— Если о князьяхъ Юріи Ивановичѣ и Андреѣ Шуйскомъ, то государыня уже все знаетъ. Самъ Андрей ей раз-

сказалъ, а по ея наказу я обо всемъ развѣдалъ и докладывалъ великой княгинѣ въ то время, какъ ты шелъ къ ней.

Глинскій, не отвѣчая, повернулся къ нему спиною и пошелъ за великой княгиней. Оболенскій вспыхнулъ и тоже пошелъ за нимъ. Юзя захохотала.

— Тожъ два пѣтуха: старый да молодой! непремѣнно вцѣпятся другъ въ друга!

— Бояре!—сказала великая княгиня собравшейся думѣ,—свѣдала я и доподлинно разузнала о зломъ умыслѣ на государя великаго князя. Дядя его, Юрій Ивановичъ, присылалъ своего дьяка подговаривать князя Андрея Шуйскаго отъѣхать къ нему, а Шуйскій подговаривалъ къ тому же князя Борпса Горбатаго и говорилъ непригожія рѣчи, что князь Юрій на государствѣ сядетъ. Вчера вы крестъ цѣловали сыну моему на томъ, что будете ему служить и во всемъ добра хотѣть, такъ вы по тому и дѣлайте: если зло проявилось, то усиливаться ему не давайте.

Бояре, разобравъ подробно дѣло, приговорили князя Юрія Ивановича схватить со всѣми его боярами и посадить подъ стражу, а Андрея Шуйскаго тоже за приставы отдать.

Наступилъ августъ мѣсяцъ. Въ хоромахъ Михаила Львовича Глинскаго собрались знатные гости: бояринъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, князья: Иванъ Михайловичъ Воротынскій, Иванъ и Семенъ Ѳедоровичи Бѣльскіе и Ляцкій.

— Такъ на князя Андрея Ивановича опять подозрѣнье пало?—спросилъ Воротынскій.

— По-моему,—сказалъ Воронцовъ,—самъ князь Андрей виноватъ. Когда послѣ смерти государя Василія Ивановича Андрею Ивановичу, на память о покойномъ братѣ, дали шубы, кубки и иноходцевъ съ сѣдлами, громко онъ тогда жаловался, просилъ, чтобъ городовъ ему прибавили. Ну, великая княгиня, помня злые умыслы другого своего деверя, Юрія Ивановича, и князя Андрея подозрѣвать стала.

— Напрасно,—возразилъ Иванъ Бѣльскій,—извѣстно, что князь Андрей въ умыслахъ Юрія Ивановича не причастенъ.

— Извѣстно-то, извѣстно, а все-же сумнительно.

— Не то что сумнительно,—горячо возразилъ Семенъ Бѣльскій, рослый, красивый молодецъ со сверкающими глазами и смѣлою рѣчью,—а есть мерзкіе поклепцы, шепот-

ники, что великую княгиню льстивыми рѣчами смущаютъ. То и самъ князь Андрей говорилъ, когда пріѣзжалъ сюда.

— Тогда государыня великая княгиня,—сказалъ Михаилъ Львовичъ Глинскій,—такъ князю Андрею на его рѣчи отвѣтила: «Намъ про тебя тоже слухъ доходитъ, что ты на насъ сердишься; и ты бъ въ своей правдѣ стоялъ крѣпко, а лихихъ людей не слушалъ да объявилъ бы намъ, что это за люди, чтобъ впередъ между нами ничего дурного не было».

— Будто это такъ легко—назвать великой княгинѣ человѣка, который ее на зло смущаетъ?—сказалъ Ляцкій.

— Меня бы спросила,—возразилъ Семенъ Бѣльскій,—я бы назвалъ.

— Не мудрено и назвать,—сказалъ Михаилъ Львовичъ,—кто смущаетъ великую княгиню льстивыми рѣчами, кромѣ князя Ивана Овчины?

— Воистину!—послышалось между боярами.

— Мнѣ государь великій князь Василій Ивановичъ,—продолжалъ Глинскій,—умирая, наказывалъ, чтобы я для сына его, государя великаго князя Ивана Васильевича, живота не жалѣлъ и тѣло свое на раздробленіе далъ. Я и не пожалѣю живота своего. Мнѣ государь великій князь и великая княгиня не чужіе. Я правду ей въ глаза скажу. Вы, князья и бояре, всѣ вѣрные слуги государю и безъ лести скажу—вами боярская дума его красна. Вотъ, слышно, татары на насъ подымаются. Кто противъ нихъ пойдетъ? конечно вы, а не какой-нибудь бабій прихвостень. Чьи рѣчи въ думѣ всѣхъ разумнѣе? опять-таки ваши.

— Благодаримъ на добромъ словѣ, князь Михайло Львовичъ!

— Слово безъ лести. Что на душѣ, то и говорю. И великой княгинѣ хочу про Ивана Овчину всю правду сказать. А хотѣлось бы мнѣ и отъ васъ послушать, что вы объ немъ скажете.

— Да что сказать,—отвѣчалъ Семенъ Бѣльскій,—такъ онъ бахвалится и похваляется, что тошно смотрѣть. Мы и сами, слава Богу, люди не послѣдніе: отъ Гедимина родъ ведемъ.

— Непригоже онъ иной разъ говоритъ,—сказалъ Воротынскій.—Самъ я слышалъ, какъ онъ разъ сказалъ: «Мы съ великой княгиней». Пригоже ли ему, холопу, такія рѣчи говорить?

— Опять развѣ хорошее дѣло,—прибавилъ Воронцовъ,—что онъ великую княгиню противъ князя Андрея смущаетъ? Не такой человѣкъ князь Андрей, чтобы измѣну замыслить. Ну, съ сердцемъ что-нибудь скажетъ, а чтобы сдѣлалъ—ни во вѣки вѣковъ.

— Куда ему!—воскликнулъ Семенъ Бѣльскій.

— А нельзя намъ спокойно смотрѣть,—сказалъ Ѳедоръ Бѣльскій,—когда князя Андрея безъ вины винятъ. Если съ государевымъ дядеіі такъ дѣлаютъ, что же съ нами будетъ? Этакъ мы въ кабалу къ Овчинѣ попадемъ.

— Я ужь вамъ сказалъ,—возразилъ Глинскій,—что все какъ есть государынѣ великой княгинѣ скажу. Либо мнѣ быть, либо Овчинѣ.

— А ежели она тебя не послушаетъ?—спросилъ Семенъ Бѣльскій.

— Какъ! промѣняетъ дядю на какого-нибудь...

— Всяко бываетъ. Ты, князь, съ нами по душѣ говоришь, хочу и я по душѣ слово сказать. Не мнѣ тебя, князь Михайло Львовичъ, уму-разуму учить. Много ты на своемъ вѣку видалъ и слыхалъ, не только въ нашей, и въ чужихъ земляхъ. Самъ знаешь, каково дѣло женское.

Глинскій не отвѣчалъ. Дѣйствительно, онъ зналъ, что Бѣльскій говоритъ правду.

— Словами по-моему тутъ не помочь, — продолжалъ Бѣльскій,—а надо дѣло сдѣлать.

— Какое же?

— Улучить время, когда Овчина за городъ не со многими людьми поѣдетъ, захватить его...

— Это денной разбой будетъ. Тогда великая княгиня по сущей правдѣ за разбой накажетъ, а Овчину освободитъ.

— Можно такъ сдѣлать, что Овчина ужь никакъ въ великокняжескія палаты не воротится.

— Я въ такихъ дѣлахъ не участникъ,—сказалъ Воротынскій.

— И я, и я,—послышались голоса.

Молчали только Ляцкій и Глинскій.

— Сдѣлалъ я такъ на своемъ вѣку съ однимъ человѣкомъ,—задумчиво началъ Глинскій,—потому сдѣлалъ, что смертельно онъ меня оскорбилъ, а суда на того человѣка я добиться не могъ. И то не знаю, хорошо ли я тогда сдѣлалъ. Тогда я былъ гораздо помоложе, кровь-то была горя-

чая, вотъ какъ теперь у тебя, князь Семенъ. А вотъ какъ голова посѣдѣетъ, да еще взыщетъ Богъ, посидишь много лѣтъ въ заточеньѣ—такъ куда много передумаешь. Крови-то на душу брать и не захочется. Добро бы въ честномъ бою, а то...

— Ну, какъ хотите, князья,—съ досадой сказалъ Семенъ Бѣльскій,—языкомъ повоюйте съ ворогомъ, а я въ такихъ дѣлахъ на языкъ не надѣюсь.

Дня черезъ три послѣ этого князь Овчина-Телепневъ-Оболенскій поспѣшно вошелъ къ великой княгинѣ.

— Худыя вѣсти, государыня.

— Что? опять о князѣ Андреѣ?

— И Андрей, несмотря на твой зовъ, сюда не ѣдетъ. Да есть другое, пожалуй, похуже. Князь Семенъ Бѣльскій да Ляцкій въ Литву сбѣжали.

— Этотъ князь Семенъ такой дерзкій! Разъ онъ такъ на меня посмотрѣлъ...

— Какъ?

Великая княгиня улыбнулась.

— Какъ только *одному* смотрѣть позволено.

Оболенскій нахмурился.

— Ну, не сердись. Нельзя на всѣхъ сердиться, кому глаза даны.

— Потому-то видно и захотѣлъ онъ лучше отъѣхать, чѣмъ участвовать...

— Въ чемъ?

— Свѣдалъ я, что оба эти перевѣтника да князь Иванъ Воротынскій, да князь Иванъ Бѣльскій, да Воронцовъ передъ самымъ побѣгомъ собирались и горячо толковали. О чемъ толковали, не знаетъ доподлинно человѣкъ, который мнѣ объ этомъ сказывалъ, а только и твое и мое имя поминали.

— Да и Воронцовъ между ними былъ. А онъ еще при покойномъ великомъ князѣ мой супротивникъ былъ, за то государь его въ опалѣ держалъ, да передъ смертью простилъ.

— Сама видишь, государыня, что недоброе они замышляли. А знаешь ли, у кого они собирались, кто больше всѣхъ кричалъ и горячился?

— Кто?

— Князь Михаилъ Львовичъ.

Елена встала.

— Не ошибись, князь,—сказала она,—можетъ, гнѣвъ тебя въ ошибку вводитъ. Михайло Львовичъ врагъ тебѣ, это мнѣ давно вѣдомо, но мнѣ онъ дядя, а государю дѣдъ.

— Князья Юрій и Андрей Ивановичи такой же родней государю приходятся, а что умыслили? Даже съ ихъ разумомъ умыслили. А у Михайла Львовича развѣ такой разумъ? Развѣ можетъ онъ человѣка выше себя терпѣть? Дядя онъ тебѣ, точно, а развѣ Смоленскъ и Оршу не помнишь? Если бы не ты была опекуншей государевой и правительницей, то кому больше, кромѣ князя Михаила Львовича, быть?

Вошла Юзя.

— Князь Михаилъ Львовичъ пришелъ, да такой гнѣвный. Къ тебѣ просится. Я говорила, что нельзя, такъ сказалъ: «Безпремѣнно доложи государынѣ». А я его теперь боюсь. Пожалуй, опять прибьетъ.

— Впусти его, а ты, князь, выйди.

— Оставить тебя одну съ нимъ?

— Что же ты думаешь—онъ руку на меня подниметъ? Великая княгиня Елена Васильевна своихъ холопей не боится.

Съ раскраснѣвшимися отъ гнѣва лицами встрѣтились дядя съ племянницей.

— Что тебѣ отъ насъ нужно, князь?—гордо спросила Елена.

— Помнишь, государыня, что мнѣ предъ смертью твой супругъ наказывалъ? Живота не жалѣть. Такъ вотъ теперь намѣренъ я тебѣ всю правду сказать, не жалѣючи живота своего.

— Князь думаетъ, что я его за правду живота лишу?

— Высоко тебя Господь вознесъ, такъ высоко, что даже лучше этого ничего не думалось и мнѣ, хотя многаго хотѣлъ и добивался я на вѣку своемъ. Хорошо на высокомъ мѣстѣ стоять: всѣ тебѣ покорны, что хочешь, то и дѣлаешь. Однимъ нехорошо—всѣмъ человѣка на высокомъ мѣстѣ видно. Согрѣшитъ малый человѣкъ—поговорятъ да иной разъ и простятъ, а большому-то человѣку не прощаютъ грѣхи его и всѣмъ они видимы.

— Князь не собирается ли въ монахи идти, что проповѣди читать сталъ?

— Хотѣлъ бы я въ монахи идти и не вѣдать суеты

мірской, да не могу я покинуть внука моего, младенца неповиннаго, не могу и тебя покинуть, не чужая ты мнѣ, кровная. А лучше бы мнѣ въ темной кельѣ сидѣть, чѣмъ про тебя непригожія рѣчи слышать.

— Вотъ какъ! Рѣчи непригожія! Кто же смѣетъ говорить ихъ?

— На чужой ротокъ не накинешь платокъ. За явныя рѣчи казнить будешь, пойдутъ тайныя, и тѣ рѣчи ядовитѣе. Всякому занятно про тайное дѣло свѣдать. А не надо къ такимъ рѣчамъ повода подавать. А ты подаешь. Не слушаешь ты совѣтовъ опытныхъ мужей. Одинъ у тебя безбородый совѣтникъ. Не допускаешь ихъ, а съ нимъ запершись сидишь.

— Вижу, что много есть навѣтниковъ, которые о своей государынѣ непригожія рѣчи тайкомъ говорятъ, когда и такой выискался, что смѣетъ мнѣ ихъ въ очи сказать! Не больно ли зазнался, князь Глинскій? Тебѣ бы о племянницѣ забыть, а о государынѣ помнить. Ея царскую честь никому оскорблять не слѣдъ. Можетъ она тотъ языкъ урѣзать, что о ней непригожія рѣчи говоритъ.

— Что же? Отрѣжь мой языкъ! Но пока онъ во рту ворочается, скажу тебѣ...

— Погоди, сперва я скажу. Видишь ты, вѣрный слуга выискался, живота своего для малолѣтняго государя не жалѣетъ, государыню въ глаза нивѣсть какъ обзываетъ. Гдѣ ты этой вѣрности набрался? Тогда ли, какъ отъ Сигизмунда бѣжалъ? Али тогда, какъ русскую рать подъ Оршей, какъ Іуда христопродавецъ, предалъ? Что же замолчалъ, говори! На мнѣ пятна, а ты чистъ какъ ясное солнышко! Ну да, я съ Оболенскимъ сижу, а тебя не пускаю! Да потому съ нимъ сижу, что вѣрный онъ слуга мой и государевъ, а ты старый предатель. Съ кѣмъ ты три дня тому назадъ былъ? Съ кѣмъ на меня совѣтовалъ? Съ ворогомъ моимъ Воронцовымъ да съ такими какъ ты предателями: Сенькой Бѣльскимъ да Ляцкимъ! И еще смѣешь предъ мои очи приходить! Вишь, какой стоялецъ за правду выискался! Да когда это князь Михайло Глинскій на своемъ вѣку правду говаривалъ? Эй, люди!

Вошелъ Оболенскій съ дворцовыми людьми, которыхъ вѣрно приготовилъ на всякій случай.

— Взять его, посадить, гдѣ прежде сидѣлъ.

Понуря голову стоялъ Глинскій. Что было отвѣчать разсерженной женщинѣ? Тѣмъ больше, что въ рѣчахъ ея много было и горькой правды. Не шли ему на умъ слова оправданія, но странное дѣло—почему-то вспомнилъ онъ слова одного мудреца, о которыхъ слыхалъ въ чужихъ земляхъ: «Сердишься,—значитъ, ты не правъ».

Не долго посидѣлъ въ заточеньѣ князь Михаилъ Львовичъ. Ослабѣлъ онъ, схватилъ его тяжкій недугъ. Одиноко лежалъ онъ на постели, онъ, князь Глинскій, отъ пріязни или вражды котораго, можетъ быть, зависѣла когда-то участь русской земли.

— Измѣнникъ!—не то говорилъ, не то бредилъ онъ,—измѣнникъ! Неужели и послѣ обо мнѣ такъ будутъ говорить? Только не русскимъ людямъ меня измѣной корить! Кто имъ подарилъ Смоленскъ, самый лучшій брильянтъ въ литовской коронѣ? Это первый шагъ, самый важный шагъ! Смоленскъ—ключъ; кто имъ владѣетъ, Москва-ли, Литва-ли, тотъ и одолѣетъ въ спорѣ. Теперь, если Москвой умѣлыя руки править будутъ, она все: и татаръ, и Литву заберетъ. Умѣлыя! Вмѣсто умѣлыхъ людей глупая женщина! Но она не погубитъ всего. Выростетъ онъ, мой внукъ! Мой внукъ—московскій государь! Михайло Глинскій! ты не даромъ жилъ на свѣтѣ!

Еще часъ, два, и могучая душа покинула измученное тѣло.

А внукъ его, государь великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, занимался въ это время такимъ дѣломъ. Сидѣлъ съ нимъ сѣдой какъ лунь слѣпой старикъ и разсказывалъ великому государю о чужихъ дальнихъ сторонахъ.

— А за рѣками Печорой и Щугуромъ,—повѣствовалъ старецъ,—у города Пустозерска, Самоядь живетъ. У нея много соболей, куницъ, бобровъ, горностаевъ, бѣлокъ, медвѣдей, волковъ и зайцевъ, а на морѣ-окіянѣ китъ-рыба и чудище, моржемъ прозывается. А тамъ на гору Камень три дня восходить надо, а за тої горої вогуличи и югричи живутъ. И тотъ югорскій князь, твой, великаго государя, данникъ. И есть великая рѣка Иртышъ. Отъ тої рѣки до крѣпости Грустины два мѣсяца пути. А отъ крѣпости тої до озера Китая еще три мѣсяца пути. Къ озеру множество черныхъ людей приходитъ, жемчугъ и самоцвѣтные камни приносятъ, а языка тѣмъ людямъ Господь не далъ; Луко-

морцами тѣ люди прозываются; и приключается съ ними великое чудо: какъ придетъ Юрьевъ осенній день, заснутъ Лукоморцы и спятъ до вешняго Юрьева дня, и ничего они во снѣ не чувствуютъ, и пищи и питія не пріемлютъ. А передъ сномъ Лукоморцы товары свои на излюбленномъ мѣстѣ кладутъ; Грустинцы тотъ товаръ возьмутъ и вмѣсто того свой положатъ. А придутъ Лукоморцы весной и будетъ имъ тотъ товаръ вмѣсто, возьмутъ его, а не будетъ—учнутъ съ Грустинцами брань.

— Бланятся?

— Не словеса хульныя изрыгаютъ—того не могутъ: потому Господь языка имъ не далъ. Но войну промежъ себя ведутъ. А на Лукоморьѣ Златая Баба стоитъ, аки бы старица, а во утробѣ ея младенецъ, а изъ-за того младенца другой виденъ, внукъ ея. Тамъ и рѣка Тахнинъ протекаетъ. По той рѣкѣ люди чуднаго вида живутъ, ови власами по всему тѣлу, аки звѣри, покрыты, ови песьи главы имущи. И въ рѣкѣ Тахнинѣ рыба есть съ головою, глазами, носомъ, ртомъ, руками и ногами, токмо рѣчи человѣческой не имуща...

— А ты, дѣдушка, мнѣ пло пѣтуха да лисицу кажи.

Дѣдушка и началъ разсказывать о пѣтухѣ да лисицѣ.

Прошло болѣе года. Мамка великаго князя Аграфена Челяднина была женщина не особенно умная, но добрая, и маленькому Ивану Васильевичу жилось пока недурно. Челяднина даже баловала его отъ излишней любви. Она чрезвычайно любила своего брата, боярина конюшаго князя Ивана Овчину-Телепнева-Оболенскаго, но зная, что бояре не любятъ его, она, несмотря на свою доброту, ненавидѣла ихъ.

— Собаки проклятые,—говорила она,—только знай похваляются: мы-де отъ рюрикова рода, мы отъ гедиминова, а какой въ этомъ прокъ есть?

— Прокъ?—спрашивалъ маленькій государь.

— Никакого проку. Потому они твои холопи, а ты ихъ государь. Захочешь, такъ голову имъ отрубишь.

— Я ворону голову свернулъ.

— И они тѣ же вороны—все на князя Ивана, на дядю Ваню, каркаютъ.

— Дядю Ваню я люблю.

— А они его обижаютъ.

— Какъ они смѣютъ? Я имъ головы сверну.

— Свернуть и надо. Куда имъ противъ моего брата? Онъ Литву побилъ, только сорокъ верстъ до самой Вильны не дошелъ. Казанцы услыхали о томъ, испугались. Царь ихъ, Шигъ-Алей, пріѣхалъ къ тебѣ бить челомъ. Прежде татарскимъ царямъ наши челомъ били, а теперь татарскій царь тебѣ поклонится. А все мой братъ, дядя Ваня.

— Я Ваню люблю.

— Люби, дитятко. Онъ самый вѣрный слуга твой и государыни великой княгини. А у тебя вѣрныхъ слугъ между князьями да боярами мало. Вонъ родные дяди на тебя поднимались. Андрей однако смирился, называетъ себя твопмъ холопомъ.

— Холопомъ?

— Да, всѣ твои холопи—и князья и бояре. Вонъ Шигъ-Алей царь, а все же твой холопъ. Сказываютъ, на колѣни станетъ передъ тобой, а ты съ нимъ карашеваться будешь.

— Что?

— Это мудреное слово—попросту цѣловаться.

Пятилѣтній Иванъ Васильевичъ не все понималъ, что говорила мамка, а все же кое-что понималъ. При представленіи Шигъ-Алея маленькій московскій князь велъ себя съ достоинствомъ. Шигъ-Алей сталъ передъ нимъ на колѣни и сказалъ:

— Отецъ твой, великій князь Василій, взялъ меня дѣтинку малаго и жаловалъ какъ отецъ сына, посадилъ царемъ въ Казани; но, по грѣхамъ моимъ, въ Казани пришла въ князьяхъ и въ людяхъ несогласица, и я опять къ отцу твоему пришелъ на Москву. Отецъ твой пожаловалъ въ своей землѣ, далъ мнѣ города, а я грѣхомъ своимъ предъ государемъ провинился, гордостнымъ своимъ умомъ и лукавымъ помысломъ. Тогда Богъ меня выдалъ, и отецъ твой меня за мое преступленіе наказалъ, опалу свою положилъ, смиряя меня; а теперь ты, государь, помня отца своего ко мнѣ жалованье, надо мною милость показалъ.

Великій князь повелѣлъ ему встать, карашевался съ нимъ, посадилъ его подлѣ себя и шубу ему подарилъ. Потомъ Шигъ-Алей и жена его представлялись великой княгинѣ. Но Шигъ-Алей еще не былъ въ то время казанскимъ царемъ, его только призывала туда на царство партія, преданная Москвѣ, а все-таки казанскимъ царемъ оставался

Сафа-Гирей, братъ крымскаго хана Саибъ-Гирея. Оба эти брата были враги Москвѣ, и хотя большія ихъ нападенія были успѣшно отражаемы, но они безпрестанно тревожили московскія владѣнія набѣгами и забирали плѣнныхъ. Удачнѣе шли московскія дѣла съ Литвой. Правда, литовцамъ удалось взять Гомель и Стародубъ и захватить въ плѣнъ Ѳедора, брата князя Ивана Овчины, но за то подъ Себежомъ литовцы потерпѣли пораженіе, и король долженъ былъ согласиться на перемиріе, по которому Смоленскъ остался за московскимъ княземъ.

Подходилъ къ концу великій постъ 1538 года. Князь Овчина бесѣдовалъ съ своей сестрой, боярыней Аграфеной Челядниной.

— За князя-то Владиміра сильно просятъ,—говорила Челяднина.—Говорятъ: «Отецъ его Андрей Иванычъ умеръ, такъ хоть бы Владиміра выпустить».

— Никакъ не можно его изъ тюрьмы выпустить,—отвѣчалъ Овчина,—велика вина отца его. Сперва все отнѣкивался, въ Москву не ѣхалъ, а потомъ къ новгородцамъ сбѣжалъ да вздумалъ ихъ поднять. Хорошо, что я съ нимъ справился.

— Ужь эти новгородцы смутьяне! Вонъ великій князь и маленькій, а понимаетъ, что самые невѣрные они люди.

— Это, чай, ты, сестра, ему наговорила?

— А чего молчать? Ужь онъ въ разумѣ, читать ужь учиться сталъ да такой понятный. Не сказки же ему однѣ разсказывать! Ну, къ слову что-нибудь и о новгородцахъ молвишь.

— И о боярахъ?

— Объ нихъ, твоихъ супротивникахъ, государь довольно наслышанъ.

— А чай они-же за князя Владиміра просятъ?

— Не одни они, а вотъ попъ Сильвестръ, что недавно изъ Новагорода пріѣзжалъ, тоже за него просилъ.

— Попу какое дѣло?

— Говорятъ, милостями Андреевыми взысканъ.

— Попу бы помолчать.

— Попъ-то хорошій, учительный и непьющій.

— Ну, и пусть будетъ непьющій, а въ княжія дѣла не суйся.

Вбѣжалъ великій князь, блѣдный отъ испуга.

— Съ матушкой, говорятъ, худо! — вскричалъ онъ, — пойдемъ къ ней, Аграфена!

Когда они пришли, великая княгиня лежала безъ чувствъ, у рта пѣна.

— Что съ государыней приключилось? — испуганно спрашивала Аграфена.

— Невѣдомо съ чего, — отвѣчала прислужница, — покушать изволила да и занедужилась.

— Не съ грибковъ-ли? — несмѣло спросила другая.

— Съ грибовъ пѣны не бываетъ, — мрачно сказалъ нѣмецъ докторъ Ѳеофилъ, хлопотавшій около государыни.

Бояре собирались въ столовой избѣ. Между ними Овчина-Телепневъ-Оболенскій стоялъ убитый горемъ. Вдругъ въ избу вбѣжала Юзя.

— Скончалась государыня, скончалась! Отравили ее злодѣи!

— Что ты орешь! — крикнулъ на нее князь Василій Васильевичъ Шуйскій.

— Да какъ-же?

— Слыхала ты, какъ Шуйскій въ Смоленскѣ крикуновъ унималъ: по стѣнѣ съ шубами да съ ковшами вѣшалъ!

У Юзи вся бойкость пропала. Рыдая вышла она изъ избы.

Въ горькихъ слезахъ шелъ великій князь за гробомъ матери. Но вообще плачущихъ было немного. Всѣхъ болѣе горевалъ князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій. Его и безъ того любилъ Иванъ Васильевичъ, а тутъ по дѣтскому инстинкту онъ понималъ, что тотъ, кто любилъ его мать, все же ближе къ нему, чѣмъ прочіе чужіе, холодные люди.

Въ седьмой день послѣ кончины Елены, Овчина и Челяднина печально сидѣли съ маленькимъ государемъ.

— Защити ты насъ, государь великій князь, — говорила Аграфена, — всѣ на насъ какъ звѣри смотрятъ, одинъ ты наша надежа.

Князь Овчина ничего не говорилъ, только вздыхалъ.

— Бояре идутъ, — тихо проговорила прислужница, отворяя дверь.

Вошли князья Василій и Иванъ Васильевичи Шуйскіе и много другихъ бояръ и боярскихъ дѣтей.

— А ты все съ бабами? — насмѣшливо спросилъ Ва-

силій Васильевичъ, — и въ думу не пошелъ. А напрасно, тамъ о тебѣ толковали.

— Обо мнѣ?

— Да, пять годовъ ты верховодилъ, не мало темныхъ дѣлъ въ это время сдѣлано.

— Я былъ въ думѣ вмѣстѣ съ тобой. Если въ чемъ виноваты, то оба мы. Первое мѣсто за тобой было.

— Первое мѣсто? Что ты толкуешь? Будто не знаютъ, кто всѣми дѣлами заправлялъ? Ты. Ты и отвѣтъ долженъ дать.

— Отвѣтъ? За что?

— За погубленье трехъ дядей государевыхъ: Юрія и Андрея Ивановичей и Михаила Львовича Глинскаго.

— Сами вы, бояре, приговорили...

— Что бояре? Бояре сами бы туда попали, гдѣ теперь дядья государевы, если-бы слово супротивное молвили. Вотъ теперь боярская дума правитъ на самомъ дѣлѣ. Она и приговоръ положила.

— Какой?

— А вотъ какой. Чтобы князя Ваньку Овчину за многія его воровскія дѣла и за погубленье дядей государевыхъ въ кандалы посадить. Взять его!

Овчину-Телепнева схватили.

— Государь! защити его! — вскричала Аграфена.

— А ты не визжи! — крикнулъ Шуйскій, — ваше бабье царство кончилось. Скрутите и ее! Она во всѣхъ воровскихъ дѣлахъ была своему брату помощница.

— Не троньте! — закричалъ Иванъ Васильевичъ.

— Полно, надежа-государь! Не пригоже тебѣ за воровъ заступаться!

И онъ такъ страшно посмотрѣлъ на ребенка, что тотъ задрожалъ и залился слезами. Бояре увели Ивана Васильевича съ собой.

Полюбилъ государь великій князь мальчика изъ неродовитыхъ людей, Мишку, годами тремя постарше себя, и жаловалъ его своею милостію — игралъ съ нимъ.

— Мишка! я новую игру придумалъ, — говорилъ государь.

— Ладно.

— Видишь, я читалъ, какъ царь Соломонъ и какъ римскіе кесари судъ творили. Хочу и самъ судъ творить.

— Твори.

— Я судьей буду, а ты виноватыхъ приведи, а потомъ казни.

— Можно и казнить. А кто виноватые будутъ?

— Котъ да собачонка Груздикъ. Приведи ихъ.

Мишка привелъ виноватыхъ.

— Котъ будетъ не котъ, а князь Иванъ Шуйскій. Надо бы Василья судить, да онъ издохъ, теперь на судѣ Божьемъ, такъ Иванъ за все отвѣтитъ. А Груздикъ тоже не Груздикъ, а Михайло Тучковъ будетъ. Да ты, смотри, о томъ не промолвись.

— А что я за дуракъ? Молвлю, такъ меня же выпорютъ, а можетъ и хуже. Шуйскій пороть-то горазд.

— Ну, ладно. Теперь я буду вины ихъ говорить, а ты за нихъ оправдывайся: потому — котъ и песъ говорить не могутъ.

— Ладно.

— Ты, воръ Ванька Шуйскій, зачѣмъ моего вѣрнаго слугу князя Ивана Овчину-Телепнева-Оболенскаго въ кандалы забилъ и въ тюрьму посадилъ?

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

— Врешь ты, кошачья морда! А за то, что не винишься, казни тебѣ больше будетъ. Опять зачѣмъ ты, Ванька, мою царскую казну воровалъ?

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

— Опять же ты врешь, потому что мнѣ вѣдомо учинилось, что ты царскую казну къ себѣ перетаскалъ да изъ нея золотыхъ да серебряныхъ кубковъ понадѣлалъ.

— Это точно. И я слыхалъ.

— Ну, видишь, самъ винишься. А по твоему злому умыслу, мой вѣрный слуга князь Овчина-Телепневъ-Оболенскій въ тюрьмѣ отъ тяжелыхъ оковъ да отъ голоду померъ. И за ту смерть его ты, воръ, головою отвѣтишь. А еще твои вины, что ты владыку митрополита Даніила сверзилъ да вѣрныхъ моихъ слугъ Ивана Бѣльскаго да Мишурина въ тюрьму посадилъ.

— Какъ это, государь, ты все ловко запомнилъ да хорошо причитаешь!

— А ты помни, что ты не Мишка, а вмѣсто этого кота, вора Ивана Шуйскаго, отвѣтъ держишь... И за всѣ

твои, Ванька, воровскія дѣла вотъ мой государевъ указъ: весьма тебя живота лишить и голову у тебя отрубить.

— Ну, братъ котище, не сносить тебѣ головы!

— Не котъ, а Ванька Шуйскій.

— Котъ-ли, Шуйскій-ли, а башку я ему сверну.

— По государеву указу свернуть долженъ. Я и самъ тебѣ помогу. А теперь другого вора судить надо. Ты, воръ Мишка Тучковъ, какъ смѣлъ одежу государыни великой княгини, нашей матушки, пихать?

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

— Воровскимъ твоимъ рѣчамъ не вѣрю, потому что своими очами видѣлъ, какъ ты одежу государыни великоїї княгини пихалъ. А къ тої бы одежѣ тебѣ, псу, и прикоснуться не смѣть! И за такія твои воровскія дѣла нашъ государевъ указъ — бить тебя батогами нещадно.

— Ужь и взлуплю же я его!

Только-что успѣли совершить казнь надъ осужденными, какъ великому государю доложили, что къ нему пожаловалъ митрополитъ Іоасафъ, преемникъ Даніила, сверженнаго Шуйскимъ.

— Я къ тебѣ, великій государь, съ печалованіемъ, — сказалъ владыка, благословя государя, — томится въ темницѣ доблестный воевода Иванъ Бѣльскій — повели освободить его.

— Развѣ я его туда посадилъ, владыко?

— Кто и за что посадилъ, о томъ разсуждать не мое дѣло. Но по сану моему долженъ я печаловаться объ узникахъ. А отъ тебя, великій государь, прощенье зависитъ. Хотя ты по десятому только годку и не можешь еще принять на себя бремя правленія, но миловать могутъ и дѣти, зане они все равно, что ангелы небесные, а кому же и миловать, какъ не ангеламъ?

— Да, я радъ помиловать его.

— А радъ, такъ повели своимъ государевымъ словомъ князю Петру Щенятеву и Ивану Хабарову освободить Бѣльскаго. Они со мной пріѣхали и ежели ты повелишь имъ предстать предъ свѣтлыя очи твои и освободить Бѣльскаго, такъ все и будетъ сдѣлано.

— Такъ я и повелю.

Свѣдалъ князь Иванъ Шуйскій, что былъ у государя владыка митрополитъ, и пошелъ къ государю разузнать, о

чемъ онъ съ владыкой бесѣдовалъ. На встрѣчу князю Ивану попался казначей Иванъ Третьяковъ.

— Знаешь что, князь, — сказалъ онъ, — на государя жалуются: больно отъ него кошкамъ да собакамъ достается. Вотъ и сегодня онъ большому коту шею свернулъ, а собачонку такъ батогами вздулъ, что она еле жива теперь.

— Ничего! пускай тѣшится!

— А какъ послѣ такъ надъ людьми тѣшиться будетъ?

— Улита ѣдетъ, да когда-то будетъ! Ну, да потомъ и разумнѣе будетъ.

Вошелъ Шуйскій къ государю. Владыки уже не было.

— Что, государь великій князь, какъ поживаешь? — сказалъ Шуйскій садясь.

— Да худо. Вонъ кафтанъ изорвался, а другого не даютъ. Вечоръ чуть не голоденъ остался, шти такія дали, что ѣсть нельзя.

— Ахъ, они псы окаянные! Государю да этакъ супротивничать! всѣхъ переморю.

— Да, розыщи, а то намъ съ Юрьемъ очень худо.

Юрій былъ младшій братъ Ивана Васильевича.

— Ну, ты, государь, поиграй, а я тѣмъ часомъ отдохну.

И чтобы лучше отдохнуть, Шуйскій положилъ ногу на постель покойнаго великаго князя Василья Ивановича, которая стояла въ той храминѣ, гдѣ государь разговаривалъ съ княземъ Шуйскимъ.

Покраснѣлъ Иванъ Васильевичъ отъ такого неуваженья, а ничего не сказалъ, потому что очень боялся Шуйскаго.

— А что съ тобой, государь, владыка поговорилъ?

— Да ничего, о здоровьѣ спрашивалъ. Говоритъ, что инокъ съ Аѳонской горы прибылъ, икону чудную вельми привезъ.

— Такъ.

— Еще наказывалъ, чтобы я Богу больше молился.

— Такъ.

— Еще... больше-то и не помню.

— Чтой-то ему вздумалось нарочно пріѣзжать, чтобы объ иконѣ да о молитвахъ поговорить? Еще чего не говорилъ-ли?

— Не припомню.

Вошли Бѣльскій, Щенятевъ и Хабаровъ. Шуйскій вскочилъ.

— Спасибо, великій государь, что съ меня опалу сложилъ,—сказалъ Бѣльскій.

— Вотъ за чѣмъ владыка пріѣзжалъ!—догадался Шуйскій и пошелъ изъ храмины.

— Не засадить ли его?—спросилъ Хабаровъ.

— Богъ съ нимъ!—отвѣтилъ Бѣльскій,—въ думѣ мою обиду выскажу, а насильничать не стану.

Но Шуйскій пересталъ ѣздить въ думу. Бѣльскій сталъ въ ней первымъ человѣкомъ. Русь нѣсколько отдохнула отъ притѣсненій, которыя терпѣла во время власти Шуйскихъ. Вообще дѣла пошли лучше. Такъ, напримѣръ, Бѣльскій отразилъ крымскаго хана, который напалъ на московскую землю. Въ этомъ походѣ были съ ханомъ турецкія войска и пушки. Былъ съ ними и русскій измѣнникъ князь Семенъ Бѣльскій. Иванъ Бѣльскій не только не заключилъ Шуйскаго, но даже Шуйскому попрежнему поручались важныя дѣла: такъ онъ начальствовалъ ратью, которая должна была оберегать русскіе предѣлы отъ казанцевъ, и потому находился во Владимірѣ.

Въ концѣ 1542 года у Шуйскаго собралось много князей и бояръ, братья его Андрей и Иванъ, сынъ его Петръ, князья: Ѳедоръ Ивановичъ Скопинъ-Шуйскій, Михайло и Иванъ Кубенскіе, Дмитрій Палецкій, бояринъ Большой Шереметевъ и много дворянъ и дѣтей боярскихъ. Много было и новгородцевъ.

— Что-же?—спросилъ Шуйскій,—надоѣло вамъ, что Бѣльскій верховодничаетъ?

— Еще бы!

— Измѣнникъ! Еще при покойномъ великомъ князѣ съ казанцевъ посулъ взялъ, оттого Казань не покорилъ, да чуть всей рати не сгубилъ!

— Братъ его Сенька и теперь турскаго салтана на насъ поднимаетъ!

— Чего добраго ждать отъ литовскаго выходца!

— Все равно, что Глинскій—всѣмъ измѣняетъ!

— А мы за тебя,—сказалъ одинъ изъ новгородцевъ,—всѣмъ городомъ станемъ. Помня нашего воеводу Шуйскаго да его добро, мы всей вашей семьѣ по вѣкъ доброхоты.

— На добромъ словѣ спасибо, а съ Ванькой Бѣльскимъ покончить надо!

— Щенятева да Хабарова тоже прихватить.

— А главное — митрополита. Отъ него все зло вышло.

— Только я дѣла наобумъ дѣлать не стану. Бѣльскій да митрополитъ люди хитрые, съ ними надо дѣлать съ опаской. Такъ вы мнѣ присягните, что будете стоять заодно.

— Ладно!

— Присягнемъ!

— А ежели теперь, — сказалъ одинъ изъ новгородцевъ, — митрополита прочь, такъ хорошо бы на мѣсто его нашего владыку Макарія—хорошій человѣкъ.

— Душевный!

— Теперь, — сказалъ Шуйскій, принявъ присягу, — поѣзжай ты, Петруша, съ бояриномъ Шереметевымъ да съ дружиной впередъ, а слѣдомъ и мы нагрянемъ.

Второго января 1542 года большая потѣха въ государевомъ дворцѣ была. Гусляры и скоморохи были. Въ хари, то-есть въ маски, наряжались не только скоморохи, но и дворскіе люди. Благо было Рождество, такъ можно и не скомороху въ харю нарядиться. Конечно, грѣшно, но если послѣ Крещенья выкупаться въ водѣ, которую только-что освятятъ, такъ ничего—грѣхъ снимется.

Завеселился государь, поздно почивать легъ. Започивалъ у него и князь Петръ Щенятевъ — любилъ онъ святочныя потѣхи, такъ поэтому у государя весь вечеръ провелъ. Государь его жаловалъ, да вообще и всѣхъ сторонниковъ Бѣльскаго любилъ.

Ночью Мишка принялся будить Щенятева.

— Тебя, князь, спрашиваютъ.

— Кто?

— А кто его знаетъ? Говоритъ, спѣшное дѣло есть. Вызови, говоритъ, задними дверями князя Щенятева. А зачѣмъ, не сказывалъ.

— Храни Богъ, не пожаръ ли?

Щенятевъ вышелъ. Скоро послышался шумъ, и въ государеву опочивальню вбѣжалъ митрополитъ Іоасафъ. На немъ лица не было.

Государь прсснулся.

— Что случилось?—спросилъ онъ.

— Говорятъ, пожаръ,—отвѣтилъ Мишка.

— Не пожаръ,—сказалъ владыка митрополитъ,—а смятеніе великое. Разбудили меня ночью. Спрашиваю кто? Говорятъ, многіе ратные люди подступаютъ, бросаютъ въ

келью камнями. Едва успѣлъ изъ кельи тайнымъ ходомъ уйти да къ тебѣ пріѣхать.

— Подавай намъ его! гдѣ онъ!—раздались шумные голоса.

— Нельзя ли гдѣ укрыться?—спросилъ владыка.

— А есть тутъ дверка, — отвѣчалъ Мишка,—объ ней мало кто знаетъ. А сохранно можно на дворъ пройти.

— Укажи, голубчикъ!

Только-что митрополитъ успѣлъ уйти, ворвалась толпа новгородцевъ. Большая часть изъ нихъ были полупьяны.

— Гдѣ этотъ долгогривый?

— Мы его растреплемъ!

— О комъ вы спрашиваете?—спросилъ Иванъ Васильевичъ, дрожа спросонковъ и со страха.

— А объ этомъ Асафѣ. Коли ты его, государь, укрылъ, такъ лучше выдай.

— Не то худо будетъ!

— Чего укрывать,—сказалъ Мишка,—онъ точно былъ здѣсь, да въ эту самую дверку и ушелъ.

Толпа бросилась въ дверь.

— Кажись, новгородцы,—сказалъ Мишка,—я ихъ видалъ, какъ они съ Шуйскимъ во Владиміръ пошли.

Иванъ Васильевичъ разразился рыданіями. Никто ихъ не слышалъ кромѣ Мишки. Вдругъ великій князь вскочилъ съ постели. Глаза его сверкали; въ одной рубашкѣ онъ не чувствовалъ ночного холода, щеки его горѣли, изъ устъ вырывались несвязныя рѣчи:

— Искореню! весь поганый родъ искореню! И этотъ городъ поганый! Отъ дѣда имъ доставалось — отъ меня въ конецъ достанется!

Между тѣмъ заговорщики схватили Бѣльскаго и Хабарова. Щенятева они схватили еще раньше, когда онъ только-что вышелъ изъ комнатъ государевыхъ. Поймали новгородцы и митрополита на Троицкомъ подворьѣ, обругали, пожалуй и убили бы, да троицкій игуменъ и князь Палецкій ихъ удержали.

Бѣльскаго сослали на Бѣлоозеро и тамъ удушили. Іоасафа заточили въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь. На мѣсто его возвели новгородскаго владыку Макарія. Правленіе опять попало въ руки Шуйскихъ. Изъ нихъ главный, Иванъ, умеръ, но всѣмъ распоряжались его братья и Ѳедоръ Скопинъ-Шуйскій, между ними Андрей первенствовалъ.

Пошелъ государю тринадцатый годъ. Собиралась боярская дума въ столовой избѣ. Дожидались государева выхода. Трое Шуйскихъ и ихъ сторонники: Шкурлятевъ, Пронскіе, Кубенскіе, Палецкій, Басмановъ, Ѳома Головинъ горячо разговаривали между собою.

— Такъ Ѳедька теперь у государя сидитъ? — спрашивалъ Андрей Шуйскій.

— Да.

— Не къ добру это. Пожалуй, такъ смастеритъ, какъ Бѣльскій съ Асафомъ.

— Совсѣмъ государю въ ухо влѣзъ.

— И чѣмъ это онъ государю полюбился?

— Да говоритъ красно.

— Государь съ нимъ каждый день часа по два разговариваетъ.

— Надо это покончить!

— Оборвать его!

— Безпремѣнно!

Вошелъ государь, за нимъ Ѳедоръ Семеновичъ Воронцовъ. Потолковали о дѣлахъ. Воронцовъ почти все молчалъ и придраться было не къ чему. Вдругъ онъ заговорилъ:

— Надо бы еще псковское дѣло разобрать.

— Какое такое псковское дѣло? — спросилъ Андрей Шуйскій.

— Да жалобу псковичей на ихъ намѣстника, князя Ивана Васильевича Репнина-Оболенскаго.

— Чего же это пустыя жалобы разбирать? Послать ее къ Репнину, чтобы жалобщиковъ вздулъ хорошенько — и дѣлу конецъ.

— Отчего же жалоба пустая? Развѣ можно такъ, не разобравши ее, говорить? Пишутъ псковичи, что очень они Репнинымъ обижены.

— Мало ли они чего напишутъ? Я ихъ довольно знаю: самъ у нихъ вмѣстѣ съ Репнинымъ намѣстникомъ былъ. Пожалуй, они и на меня ни вѣсть что наплетутъ.

— Хотя бы и на тебя написали, все надо разобрать.

— Смѣешь ты, — крикнулъ Басмановъ, — Шуйскому, первому боярину въ думѣ, такія рѣчи говорить!

— Отчего же не смѣть?

— То нашему роду безчестье! — закричали Андрей Шуйскій и Ѳедоръ Скопинъ-Шуйскій.

— Какое же безчестье судиться, если на васъ пожалуются?

— А, такъ ты насъ судить хочешь?

— Не васъ, а Репнина.

— Нѣтъ, не Репнина одного,—вскричалъ Андрей Шуйскій, — вижу я твои замыслы. Въ той паскудной жалобѣ мѣстахъ въ двухъ будто обмолвкой написано: «намѣстники», а какіе теперь намѣстники во Псковѣ? Одинъ Репнинъ. Явное дѣло, что про меня написано. Потому—вмѣстѣ съ Репнинымъ и я тамъ былъ намѣстникомъ. И какія дѣла тамъ написаны? Будто намѣстники силой за безцѣнокъ заставляли вотчины продавать, будто подводами зорили, будто старыя дѣла поднимали, по сту рублевъ посулу брали. Что же, бояре, любо вамъ, что меня такъ безчестятъ?

— Какъ можно!

— Тебѣ безчестье—намъ безчестье!

— Мы съ тобой заедино!

— Да какое тутъ безчестье,—заговорилъ Воронцовъ,—въ жалобѣ про князя Андрея ни единаго слова не сказано.

— Молчи ты, смутникъ!

— Что же это? али въ государевой думѣ говорить заказано?

— А вотъ я тебѣ закажу! — крикнулъ Басмановъ и ударилъ Воронцова по щекѣ.

Всѣ трое Шуйскихъ и ихъ сторонники набросились на Воронцова, осыпали его ударами, разорвали на немъ платье и вытолкали его вонъ изъ избы, а сами пошли за нимъ.

— Владыка,—сказалъ великій князь митрополиту Макарію,—сходи къ нимъ, попроси, чтобы не убивали Воронцова.

Митрополитъ пошелъ съ боярами Морозовыми, скоро воротились и сказали государю, что Воронцовъ живъ, только его побили, посадили въ тюрьму и хотятъ изъ Москвы выслать.

— Попроси еще, владыка, — сказалъ государь,—чтобы если уже Воронцову съ сыномъ нельзя на Москвѣ оставаться, то послали бы ихъ въ Коломну на службу.

Митрополитъ опять пошелъ и встрѣтилъ Шуйскихъ съ ихъ сторонниками уже во дворцѣ, куда они воротились послѣ расправы съ Воронцовымъ.

— Государь проситъ васъ, — сказалъ митрополитъ, — Воронцова въ Коломну на службу послать.

— Вотъ еще заступникъ выискался!—вскричалъ Головинъ, нарочно наступилъ на мантію митрополита и разорвалъ ее.

— А ты владыку не обижай!—сурово замѣтилъ Головину Андрей Шуйскій,—онъ смутъ не заводитъ. Ѳедьку мы пожалуй отошлемъ, только не въ Коломну: это близко, неравно оттуда пакостить будетъ, а въ Колу.

Воротился государь въ свой покой, остался наединѣ со своимъ вѣрнымъ Мишкой, схватилъ сѣдальце малое и стукнулъ имъ по полу, такъ что сѣдальце сломалось.

— Ахъ! кабы такъ же всѣхъ моихъ вороговъ сломить!

— Опять тебѣ согрубили?

— Чего согрубили! Развѣ я государь? Развѣ по ихъ милости я голодомъ да во рваной одеждѣ не сидѣлъ? И кого только я не полюблю, развѣ они всѣхъ не извели? Мать мою извели, Овчину-Телепнева, Аграфену, Бѣльскаго, Щенятева, теперь вотъ Воронцова... въ моихъ глазахъ били, чуть жива оставили—только владыка упросилъ.

— Да что ты имъ, государь, въ зубы смотришь?

Государь посмотрѣлъ на него въ изумленіи.

— Кому?

— Боярамъ.

— Что же я могу имъ сдѣлать?

— А послушалъ бы ты, что дворскіе и черные люди про нихъ говорятъ. Кажись, мигни ты только, ихъ на клочки разнесутъ.

— Неужели?

— Вѣрное слово.

— Хорошо бы... Только вотъ что. Они точно собаки, только безъ нихъ кто править будетъ? Черные люди не сумѣютъ.

— То-то. Вотъ я — укажи кому надо — тотчасъ морду сворочу, а тамъ государскихъ дѣловъ не вѣдаю. А ты ихъ пугни, а всѣхъ не побивай, для государева дѣла оставь.

— Мишка, вѣдь ты дѣло говоришь.

— Извѣстно, дѣло. А и между нашимъ братомъ тоже головы есть. Вотъ ты не запримѣтилъ постельничаго Алешку Адашева?

— Не запримѣтилъ.

— Правдивый человѣкъ и разума большого.

— А о твоемъ совѣтѣ я, Мишка, подумаю.

— Извѣстно, подумай. Потому у тебя разумъ большой, ну, и читаешь много. Я вотъ думать не могу. Это я спроста сболтнулъ. Потому жалко смотрѣть, какъ ты убиваешься. А думать я не могу.

— И дворскихъ людей я узнаю поближе.

— Ничего, узнай. И они рады будутъ. Они тебя вотъ какъ жалѣютъ.

И сталъ Иванъ Васильевичъ почасту съ дворскими людьми разговаривать. Между боярами онъ никого не приближалъ къ себѣ. Часто видался со своими дядями, Михаиломъ и Юріемъ Львовичами Глинскими, братьями знаменитаго Михаила Львовича Глинскаго, но особенной ласки и имъ не оказывалъ, поэтому и подозрительность бояръ не возбуждалась.

Наступило Рождество въ 1543 году. На четвертый день праздника Андрею Шуйскому одинъ изъ его сторонниковъ, Юрій Темкинъ, доложилъ о важномъ дѣлѣ. Пріѣхалъ гонецъ изъ Новгорода Великаго съ вѣстью, что тамошній воевода скончался. Стало быть, надо назначить другого воеводу.

— Съѣздить бы тебѣ теперь къ государю,—сказалъ Темкинъ.

— Охъ, ужь надоѣла эта ѣзда,—отвѣчалъ Шуйскій,—и что онъ понимаетъ?

— Все же нельзя безъ него.

— Мой родъ ничѣмъ его не хуже, коли не постарше. Тоже отъ самаго Рюрика идетъ. Да еще суздальскіе-то всегда московскихъ повыше были. А тутъ поди спрашивайся у неразумнаго отрока.

— Неразуменъ—намъ же лучше. При отцѣ его да при дѣдѣ куда тяжело было.

— Оно такъ, да все бы лучше... Дѣлать нечего, поѣду. А ты поѣзжай-ка къ Ѳедору Скопину. По моему, ему быть новгородскимъ намѣстникомъ, такъ спроси, хочетъ ли? А хочетъ, такъ, чай, и думу созывать нечего.

— Извѣстно, нечего. Теперь въ ней нѣтъ тебѣ супротивниковъ.

— Да къ Головину заѣзжай, чтобы онъ указъ велѣлъ сготовить. А потомъ съ указомъ всѣ трое и пріѣзжайте во дворецъ. Тѣмъ временемъ и я подъѣду.

Часа черезъ три Андрей Шуйскій, Ѳедоръ Скопинъ-Шуйскій, Ѳома Головинъ и Темкинъ вошли къ государю. При немъ былъ только Мишка. Этотъ парень сталъ съ нимъ неразлученъ. Роду онъ былъ низкаго, разума небольшого и потому не казался опаснымъ для бояръ.

— А мы къ тебѣ, государь, за дѣломъ, — началъ Шуйскій.

— Какое дѣло?

— Померъ новгородскій намѣстникъ, въ одночасье померъ.

— Жаль его.

— Да, хорошій человѣкъ былъ. Туда надо и теперь надежнаго человѣка посадить.

— Что же, бояръ бы собрать, спросить, кого туда посадить пригоже.

— Чего бояръ спрашивать? только время терять. Да и самимъ имъ врядъ ли ѣхать будетъ весело. Теперь время праздничное, всякому въ своей семьѣ охота побыть, али въ гостяхъ.

— Однако же самъ ты говоришь, что дѣло важное.

— Важное-то важное, да люди вѣдомы. Созывай бояръ, не созывай, все того же придется назначить.

— Кого же?

— Да вотъ князя Ѳедора. Шуйскихъ въ Новѣгородѣ знаютъ и любятъ, такъ ему рады будутъ.

Иванъ Васильевичъ посмотрѣлъ на Мишку и чуть замѣтно наклонилъ голову.

— Пора тебѣ, государь, взварецъ *) подать?—спросилъ Мишка.

— Пора.

Мишка вышелъ.

— Что это ты, государь, вздумалъ объ эту пору взварецъ пить?—спросилъ Головинъ.

— А что же? хорошо. Нутро согрѣваетъ. Хотите, и васъ попотчую.

— Некогда намъ проклаждаться,—отвѣчалъ Шуйскій, —надо дѣло покончить, да и ко дворамъ.

— Да мнѣ теперь не хочется.

— Нельзя же, когда время не терпитъ.

---

*) Напитокъ въ родѣ сбитня, употребительный въ то время.

— Вотъ—не терпитъ! Терпѣть всегда надо. Знаешь въ писаніи сказано: «въ терпѣніи стяжите души ваша»!

— Не ко времю, государь, шутишь!

— Какія же отъ святаго писанія шутки!

— Ну, подпиши указъ.

— Какъ! ужь и указъ заготовленъ? какъ же это, не спрося меня?

— Да неужто ты перечить будешь?

Вошелъ Мишка.

— Что же взварецъ?—спросилъ государь.

— Совсѣмъ готовъ. Только слово скажи и тотчасъ съ пылу подадутъ,—отвѣчалъ Мишка и сталъ у дверей.

— Экой ты какой! да что же не принесъ?

— А я думалъ, что при боярахъ не будешь пить.

— Видишь, князь,—сказалъ Иванъ Васильевичъ, обращаясь къ Шуйскому,—даже Мишка терпѣнію учитъ. И хочется взварцу, да подожди. А ты, князь Андрей, подождать не хочешь—захотѣлъ брата новгородскимъ воеводой назначить, такъ сейчасъ тебѣ вынь да положь.

— Что ты, государь, шутки шутить со мной что-ли задумалъ?

— Какія шутки! до шутокъ ли мнѣ? Кто со мной шутки шутилъ? Вотъ о терпѣніи я говорить могу, потому что много терпѣлъ. Мишка! подавай взварецъ!

Мишка отворилъ дверь настежь. Въ комнату вошли человѣкъ двадцать псарей.

— Да, много терпѣлъ,— продолжалъ государь.— Мать мою извели—терпѣлъ, Овчину-Телепнева и Аграфену извели—терпѣлъ, Бѣльскаго задушили, Воронцова сослали—я терпѣлъ, Тучковъ платье моей матери пихалъ, Шуйскій ноги на постель моего отца клалъ, ты, Ѳома Головинъ, на владыкѣ митрополитѣ мантію рвалъ — я и это терпѣлъ. Шуйскіе мое добро воровали...

— Государь!—вскричалъ Шуйскій,—непригожія рѣчи говоришь!

— А тебѣ бы, Шуйскій, помолчать, когда твой государь говоритъ,—грозно крикнулъ на него великій князь.— Развѣ не крали? При матери нашей, у твоего брата Ивана шуба была мухояровая зеленая на куницахъ да и тѣ ветхи, перемѣнить бы ихъ надо, а тутъ не то шуба, золотыхъ да серебряныхъ кубковъ себѣ наковали. А откуда взяли? Изъ

Трохъ сослать, а съ воромъ Андрюшкой Шуйскимъ раздѣлаться докончательно.

нашей казны, будто дѣтямъ боярскимъ на жалованье, а жалованья имъ не давали, которыхъ и верстали, такъ не по достоинству. А теперь я самъ всѣхъ верстать буду! Прежде всего васъ поверстаю, крамольники! Слуги мои вѣрные! Схватить ихъ! Троихъ сослать, а съ воромъ Андрюшкой Шуйскимъ раздѣлаться докончательно!

Прежде чѣмъ бояре успѣли опомниться, псари исполнили приказъ. Съ Шуйскимъ они раздѣлались докончательно; кто говоритъ: волоча къ тюрьмѣ убили, а кто сказываетъ: псамъ на растерзанье дали.

Задрожали бояре, узнавъ о страшной расправѣ съ Шуйскимъ, поняли, что наступило для нихъ страшное время. Они до того оробѣли, что не смѣли ничего сказать, когда государь передъ всѣми совершалъ худыя дѣла: съ толпой молодыхъ сверстниковъ мчался на лихихъ тройкахъ по городу и давилъ людей. Бояре, смотря на это, еще хвалили государя и говорили: «будетъ онъ храбръ и мужественъ».

Скоро подвергся опалѣ князь Иванъ Кубенскій, потомъ Аѳанасію Бутурлину за непригожія рѣчи языкъ отрѣзали. Только-что расправившись съ Шуйскимъ, Иванъ Васильевичъ воротилъ изъ ссылки прежняго своего любимца Воронцова. Государь его очень жаловалъ и не понравилось это Глинскимъ, которые успѣли забрать правленіе въ свои руки, а Воронцовъ на то же мѣтилъ.

Былъ у Глинскихъ близкій человѣкъ, умный, но не родовитый, дьякъ Захаровъ, и государь его жаловалъ, важныя дѣла ему поручалъ. Съ нимъ начали Глинскіе совѣщаться, какъ бы имъ Воронцова сверзить.

— Свѣдалъ я,—сказалъ Захаровъ,—что Воронцовъ на дняхъ на пиру былъ съ князьями Петромъ Шуйскимъ, Горбатымъ, Кубенскимъ и Палецкимъ и во хмѣлю много похвалялся и непригожія рѣчи говорилъ. Можно бы о томъ до государя довести, да главное на то упереть, съ кѣмъ онъ былъ—съ Шуйскимъ да съ Палецкимъ.

— И впрямь.

Дѣйствительно, Глинскіе сумѣли довести это до государя въ томъ видѣ, какъ присовѣтовалъ имъ хитрый дьякъ. Воронцова и четырехъ князей, съ которыми онъ пировалъ, постигла опала. Но потомъ, по просьбѣ митрополита, государь простилъ ихъ.

Пошелъ государю шестнадцатый годъ. Въ маѣ выѣхалъ

онъ погулять за городъ съ отрядомъ дворянъ. Имъ встрѣтились новгородскіе пищальники.

— Мы, государь, къ тебѣ бить челомъ,—сказалъ одинъ изъ пищальниковъ.

— Теперь не время.

— Многія обиды терпимъ, государь!

— Говорятъ, теперь не время.

— Смилуйся, государь!

Государь повернулся къ нимъ спиной, поѣхалъ и велѣлъ одному изъ дворянъ отправить ихъ.

— Эй вы, плотники, по домамъ!—крикнулъ дворянинъ.

— Что ты ругаешься!

— Еще морды бить буду!

— Руки коротки!

Дворянинъ кинулся на нихъ, но новгородцы стали кидать въ него грязью. Онъ поскакалъ и догналъ государя.

— Не слушаются, государь, бунтуютъ. Меня осрамили, чуть не убили.

— Усмирить ихъ!—вскричалъ Иванъ Васильевичъ дворянамъ.

— Валяй ихъ нагайками!—крикнули дворяне и бросились на пищальниковъ. Но тѣ встрѣтили ихъ оружіемъ. Началась такая свалка, что самъ государь не могъ проѣхать прямымъ путемъ, объѣхалъ околицей. Человѣкъ по пяти или по шести съ той и съ другой стороны было убито.

Иванъ Васильевичъ былъ внѣ себя отъ гнѣва. Первый ему повстрѣчался Захаровъ.

— Послать туда побольше ратныхъ людей, чтобы скрутить всѣхъ ихъ, мятежниковъ!

— Безпремѣнно, государь. Другимъ въ науку. Позволь къ тому слово молвить. Чуть ли тутъ не было умыслу? А гдѣ простымъ людямъ самимъ умыселъ имѣть? Не было ли подговору?

— А что ты—и въ правду? Отъ бояръ все станется. Разыщи-ка дѣло.

Захаровъ разыскалъ и доложилъ государю, что пищальниковъ подучили князь Кубенскій да Ѳедоръ и Василій Михайловичи Воронцовы. Къ этому дьякъ прибавилъ справку, что всѣ они трое и прежде были виновны во мздоимствѣ, во многихъ государскихъ и земскихъ дѣлахъ. Всѣ трое были казнены, а близкіе къ нимъ люди разосланы въ ссылку.

— Грозенъ государь, грозенъ,—шептали бояре,—младъ, а грозенъ. Пожалуй, отца и дѣда превзойдетъ.

— Женился бы поскорѣе. Пословица говоритъ: женится—перемѣнится.

За женитьбой дѣло не стало. Во всѣ концы государства было написано: «А когда къ вамъ эта наша грамата придетъ и у которыхъ изъ васъ будутъ дочери дѣвки, то вы бы сейчасъ же ѣхали съ ними въ городъ къ нашимъ намѣстникамъ на смотръ, а дочерей дѣвокъ у себя ни подъ какимъ видомъ не таили бы. Кто же изъ васъ дочь дѣвку утаитъ и къ намѣстникамъ нашимъ не повезетъ, тому отъ насъ быть въ великой опалѣ и казни».

Выборъ государя палъ на Анастасію Романовну, дочь умершаго окольничаго, Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина. Одинъ ея дядя, Михаилъ Юрьевичъ, былъ близокъ ко князю Василію Ивановичу и назначенъ имъ въ число трехъ лицъ, съ которыми должна была совѣтоваться правительница Елена. Михаилъ Юрьевичъ уже померъ. Ни онъ, ни братъ его, другой дядя Анастасіи, Григорій Юрьевичъ, ни въ какихъ смутахъ во время малолѣтства Іоанна не участвовали.

Но еще до свадьбы Иванъ Васильевичъ удивилъ своихъ бояръ такою рѣчью:

— Хочу прежде моей женитьбы поискать прародительскихъ чиновъ, какъ наши прародители, цари и великіе князья и сродникъ нашъ, великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, на царство, на великое княженіе садились, и я также этотъ чинъ хочу исполнить, на царство сѣсть и царемъ во всѣхъ дѣлахъ именоваться.

— Разуменъ государь, не по лѣтамъ разуменъ,—говорилъ одинъ изъ бояръ,—младъ, а прародительскихъ чиновъ поискалъ! Царь—вѣдь это все равно, что кесарь.

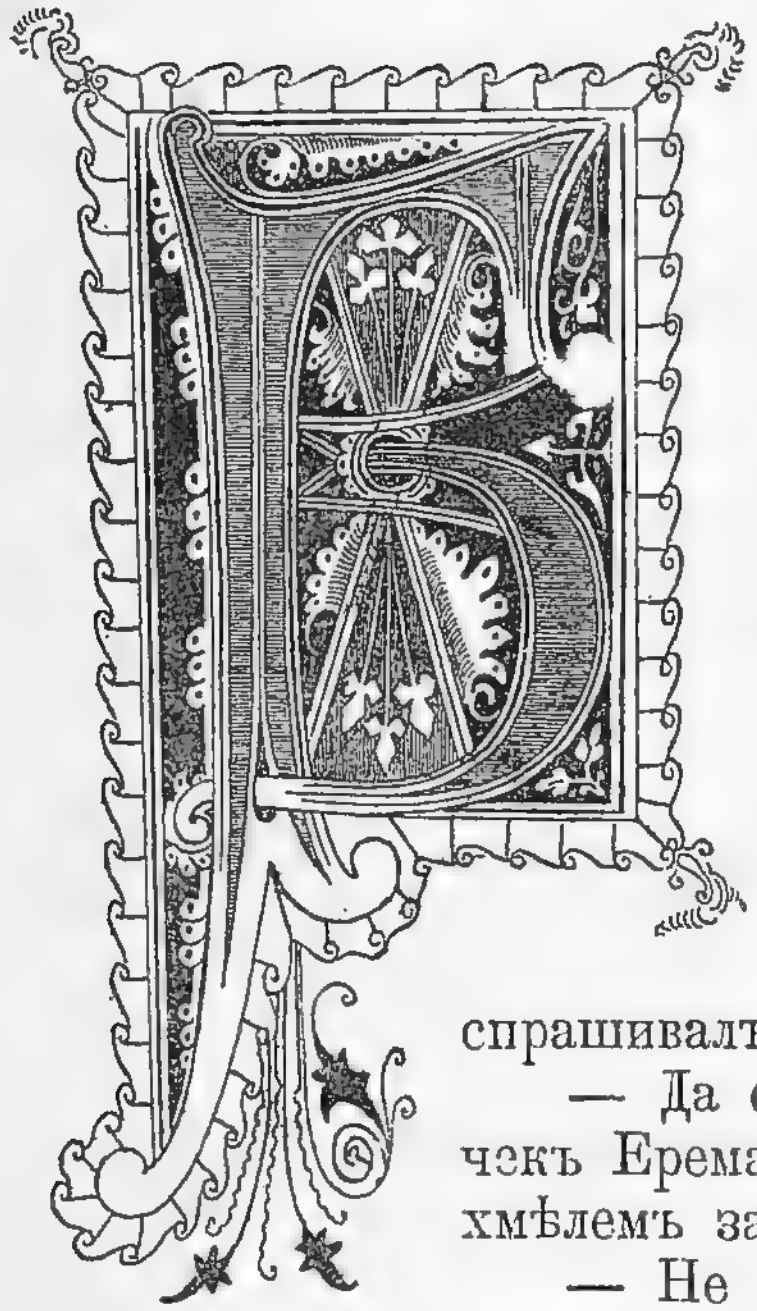
— Да,—отвѣчалъ задумчиво другой,—о дѣлахъ римскихъ кесарей много онъ начитанъ. Только у кесарей какъ онъ все переймetъ...

16 января 1547 года совершилось вѣнчаніе Ивана Васильевича на царство, а 3 февраля того же года онъ вступилъ въ бракъ съ Анастасіею Романовною.

IV.

ПОМРЕМЪ ИЛИ ОТСИДИМСЯ!

(1552 г.).



ОЛЬШАЯ рать стояла недалеко отъ Коломны. Наступила ночь и зажглось множество костровъ, на которыхъ ратники приготовляли варево. Около одного небольшого огонька сидѣли новгородскій боярскій сынъ Митяй, московскій посадскій Безухій и благовѣщенскій дьячекъ Никита, который, вмѣстѣ съ іереемъ Сильвестромъ, сопровождалъ царя Ивана Васильевича въ походъ на Казань.

— Отчего-же, братцы мои,— спрашивалъ Митяй,—тотъ пожаръ доспѣлся?

— Да отчего?—сказалъ Безухій, — дьячекъ Ерема у Воздвиженья на Арбатѣ сильно хмѣлемъ зашибается...

— Не слѣдъ бы такъ про духовный санъ говорить,—замѣтилъ Никита.

— Полно, кумъ,—отвѣчалъ Безухій.—Чего тутъ санъ! И глупаго попа въ алтарѣ бьютъ. А тутъ всему міру извѣстно, каковъ Ерема во хмѣлю. Конечно, онъ въ томъ дѣлѣ заперся, а все-таки вѣдомо, что онъ церковь запиралъ и послѣдній изъ нея вышелъ. Ну, знать, и позабылъ гдѣ ни на есть свѣчку потушить. Недаромъ говорится, что Москва отъ копѣечной свѣчки погорѣла.

— И впрямь почти вся погорѣла!

— Страсть, братецъ ты мой! Какъ пошло это палить, а время лѣтнее, все строенье-то сушь: загорится домъ, мигнуть не успѣешь, а ужь однѣ головешки остались. Вплоть до Москвы-рѣки у Семчинскаго сельца все погорѣло, а потомъ въ Кремль перекинуло. Такого пожара николи въ Москвѣ не бывало.

— А въ Кремлѣ-то сколько погорѣло!—прибавилъ Никита,—крыша на царскомъ дворѣ, оружейная палата, постельная палата, казенный дворъ, владычный дворъ, а храмовъ-то сколько! Мнѣ на ту пору привелось быть въ Успенскомъ соборѣ: нашъ-то Благовѣщенскій соборъ совсѣмъ сгорѣлъ и вытащить ничего не успѣли, такъ мы прибѣжали въ Успенскій, чтобы хоть тамъ спасти, что можно. Глядимъ, а тамъ самъ владыка митрополитъ. Диву я дался, смотря на него: ужь крыша на соборѣ загорѣлась, а онъ все не выходитъ изъ храма, все распоряжается, какъ сосуды святые спасать. Ужь весь соборъ дымомъ наполнился, дышать тяжело стало. Тогда только владыка взялъ чудотворную икону Божіей Матери и пошелъ изъ храма. Пошелъ онъ на городскую стѣну къ тайнику, что къ Москвѣ-рѣкѣ проведенъ. А тамъ-то смрадъ еще больше, да и сойти со стѣны нельзя. Думали, думали, какъ тутъ быть, и порѣшили спустить владыку на канатѣ ко взрубу на рѣку. Тутъ-то, по грѣхамъ нашимъ, тяжкая бѣда прилучилась: канатъ-то оборвался, владыка упалъ и сильно расшибся. Насилу онъ опамятовался и его въ Новоспасскій монастырь увезли.

— А народу-то что разоренья было!—сказалъ Безухій,—кои свое добро въ каменныхъ церквахъ берегли, кои изъ домовъ на улицу потаскали—все сгорѣло!

— Чего добро! говорятъ, народу безъ малаго до двухъ тысячъ погорѣло.

— А одна бѣда миновалась—другая настала: мятежъ въ народѣ.

— И какъ это, братцы мои, случилось-то. Какъ теперь помню, дня за три до Петрова дня иду это я по пожарищу, смотрю, народъ вокругъ домовъ ходитъ, ищутъ, не уцѣлѣло ли что, а между народомъ мужичекъ Степка. Его челядинцы Глинскаго точно больно пообидѣли: у него же коня свели, да его же и прибили. Много тѣсноты въ тѣ

поры отъ челядинцевъ Глинскихъ было: народъ озорной, такъ и норовятъ стащить что-нибудь, али и побить, а управы на нихъ никакой не было: потому—Глинскіе ихъ баловали, а сами они люди сильные, съ государемъ въ сродствѣ, да и въ приближеньи у него. Ну, такъ поди на озорниковъ жалуйся—что возьмешь? Вотъ этотъ самый Степка какъ гаркнетъ, а глотка у него здоровенная: «Знаете, говоритъ, православные, отъ чего пожаръ прилучился»?—«Отъ чего»?—«А отъ вѣдовства».—«И впрямь,—загомонили въ народѣ,—никакъ тутъ безъ вѣдовства невозможно».—«Видали вы,—говоритъ Степка,—старуху Анну Глинскую, старая, престарая, сгорбилась, носъ крючкомъ, вотъ совсѣмъ такая, какъ вѣдьмъ на картинахъ пишутъ, вотъ отъ нея вся бѣда и прилучилась!» Я хотѣлъ было крикнуть, что не отъ нея, а скорѣе отъ дьячка Еремы, да куда! Какъ только народъ о Глинскихъ услыхалъ, такъ со всѣхъ сторонъ и заголосили: «Такъ и есть! вѣрно! Отъ нихъ, отъ погубителей, все случиться можетъ!» А Степка все свое горланитъ: «Эта, говоритъ, Анна, изъ-подъ Кіева, а тамъ, чай, слыхали Лысая гора есть, куда всѣ вѣдьмы слетаются. Вотъ она на самой на этой горѣ вѣдовству и обучилась. И дѣти ея всѣ колдуны. Она съ ними сердца изъ людей вынимала, въ воду клала, надъ той водой наговоры говорила, по Москвѣ ѣздила, да той водой дома и кропила. На который домъ та вода попала, тотъ и погорѣлъ».

— Народъ несмысленный!—важно замѣтилъ Никита.—А отчего же храмы Божьи погорѣли? Нешто надъ ними вѣдовство силу имѣетъ?

— Да, попробовалъ бы ты народу въ ту пору это сказать—на клочки бы разорвали.

— Юрія Глинскаго и разорвали.

— Не разорвали бы, кабы бояре его защитили. А они еще больше на него народъ натравливали. Не любили они Глинскихъ. И остальныхъ бы порѣшили, кабы государь не велѣлъ Степку и другихъ крикуновъ казнить. Прочіе побоялись и разошлись.

— Государь въ ту пору въ Москвѣ былъ?—спросилъ Митяй.

— Нѣтъ, на Воробьевыхъ горахъ,—отвѣчалъ Никита.—Оттуда онъ присылалъ бояръ дѣло о пожарѣ разыскать. А народъ началъ боярамъ кричать то самое, что Степка кри-

чалъ. Но тутъ на Воробьевыхъ горахъ дѣло великое совершилось.

— Какое же?

— Тайное то дѣло, да сказать можно, потому что въ томъ дѣлѣ худого ничего нѣтъ. Нашъ-то отецъ Сильвестръ еще въ ту пору у Благовѣщенья не служилъ, а въ Новгородѣ находился, а духовникомъ государевымъ былъ протоіерей Барминъ. Но его на Воробьевыхъ горахъ съ государемъ не было...

— Онъ въ Москвѣ,—замѣтилъ Безухій,—народъ вмѣстѣ съ боярами на Глинскихъ подымалъ.

— Эй, уймись!—крикнулъ Никита,—знаешь ты, что тебѣ на томъ свѣтѣ будетъ за то, что ты о духовномъ санѣ непригожія рѣчи говоришь?

— А что?

— Да горячую сковороду лизать заставятъ. А то еще за языкъ повѣсятъ.

— Ну, да не сердись, не буду.

— А государь и въ ту пору отца Сильвестра зналъ и жаловалъ. Очень отецъ Сильвестръ учителенъ и велерѣчивъ. А государь всѣми этими бѣдами зѣло смущенъ былъ. И потребовалъ онъ духовника, отца протоіерея не было, и изволилъ государь на духъ къ о. Сильвестру пойти. А о. Сильвестръ предъ царемъ не смутился и началъ его отъ святого писанія увѣщевать. Да такъ его увѣщевалъ, что сокрушился духомъ великій государь. Государь-то кается, а отецъ Сильвестръ все отъ писанія да отъ писанія. И во слезахъ послѣ исповѣди великій государь вышелъ. И умилилось сердце его. Съ той поры отецъ Сильвестръ въ приближеньи у государя.

— Ужь это что! и у насъ въ Новѣгородѣ это вѣдомо. Говорятъ, съ той поры въ государѣ и перемѣна учинилась.

— Ну, вокругъ государя много хорошихъ людей. Вотъ окольничій Алексѣй Ѳедоровичъ Адашевъ. Приди къ нему послѣдній смердъ—онъ и того выслушаетъ, да такъ любовно, будто брата родного. А царица—спроси-ка объ ней нищую братію, да и не нищихъ однихъ, а весь народъ—потому развѣ нищимъ однимъ она помогаетъ? Ее, братъ, всѣ ангеломъ во плоти зовутъ.

— Это точно. Довольно и мы о ней наслышаны.

— А былъ я, братцы мои,—сказалъ Безухій, — на Красной площади о ту пору, какъ самъ царь народу рѣчь говорилъ. Ну, кажись, помру, не забуду. Перво-на-перво учалъ онъ бояръ пушить. Вы, говоритъ, саны и почести похитили! вы хищники и судьи неправедные. А потомъ народу сталъ говорить: «Божьи, говоритъ, вы люди и намъ Богомъ даны, прежнихъ обидъ воротить нельзя, а ужь впередъ—нѣтъ, говоритъ, никто васъ не обидитъ—я вамъ судья». Такъ повѣришь ли, мало на площади въ тотъ часъ людей осталось, кои бы не плакали. Тогда-то онъ и повелѣлъ Адашеву отъ всѣхъ обиженныхъ челобитья принимать. Опять это онъ народу для суда излюбленныхъ людей выбрать повелѣлъ. Значитъ, опи право судить будутъ. Не то что эти воеводы да дьяки—живодеры проклятые! Теперь на Москвѣ жить хорошо.

— Да и разрослась она, матушка!—сказалъ Никита.— Церквей, сказываютъ, сорокъ сороковъ, а дворовъ сорокъ тысячъ. А храмы-то Божіи какіе! Храмъ Успенія Пречистыя Богородицы строилъ муроль *) фрязинъ Аристотель. Пріѣхалъ онъ въ русскую землю, когда въ ней царствовалъ блаженныя памяти дѣдъ нынѣшняго царя, Іоаннъ Васильевичъ, четыре года соборъ строилъ. А освященіе храма такъ праздновалось, на весь городъ милостыня была роздана, а священный соборъ **) и синклитъ ***) у государя обѣдали. Семь денъ всѣ соборяне у государя пировали. На всѣ руки былъ этотъ Аристотель, пушки и колокола лилъ, монету чеканилъ. А потомъ другой стѣнной и палатный, тоже фрязинъ Алевизъ пріѣхалъ, да фрязи Марко, Петръ да Антонъ, стѣны московскія построили. И нашъ Благовѣщенскій соборъ тогда же построенъ и Грановитая палата. А фрязинъ Павликъ Дебосисъ пушку большую слилъ.

— Какъ это ты все знаешь?

— А есть у насъ въ Чудовѣ монастырѣ старецъ одинъ, онъ все записываетъ. Я съ нимъ зачастую бесѣдую, потому—очень мнѣ занятно объ этомъ обо всемъ знать. И много онъ о блаженной памяти государяхъ Іоаннѣ Васильевичѣ и Василіѣ Васильевичѣ разсказываетъ. Какъ, говоритъ, только государи какого ни на есть посла въ чужую

*) Архитекторъ.
**) Духовенство.
***) Бояре и прочіе думные люди.

землю, особенно въ нѣмецкую, али во фряжскую, отправляютъ, то и наказываютъ ему: «Ты-де мастеровъ разныхъ безпремѣнно привози». Ну, посолъ и привозитъ. Вотъ нѣмцевъ привезъ такихъ, что серебряную да мѣдную руду доставать стали.

— А занятно, чай, съ послами въ чужія земли ѣздить?

— Когда не занятно. А хорошо посмотрѣть, какъ и у насъ пословъ изъ чужихъ земель принимаютъ, особливо кесарскихъ—тѣмъ болѣе почету. Мнѣ Богъ привелъ посмотрѣть. Принимаютъ ихъ въ Грановитой палатѣ. Она чудно вельми изукрашена. По угламъ столпы стоятъ и всѣ-то они сверху до низу сосудами златыми и серебряными изукрашены. И что за чудные сосуды есть! У одного городокъ на крышѣ, у другого птица, одинъ видъ вола имѣетъ, другой лодки, третій пѣтуха, а ковши съ литыми звѣрями и узорами, а кубки съ пупышами, травами и достокановымъ дѣломъ. Наверху въ палатѣ есть оконце малое, изъ того оконца государыни великія княгини на пріемъ пословъ смотрятъ. А прилучилось въ малолѣтство нашего государя, когда его матерь уже въ Бозѣ почила, глядѣть въ то окошко было некому и дозволили намъ, б аговѣщенскому причту, посмотрѣть. Въ палатѣ на престолѣ государь сидитъ, а кругомъ князья и бояре. На государѣ весь нарядъ царскій надѣтъ, а на боярахъ шапки да кафтаны золоченые. Такъ-то вся палата жаромъ горитъ. Вошли это послы, бояре встали, одинъ доложилъ о послахъ, государь ихъ о здоровьѣ спросилъ, къ рукѣ его они подошли, усѣлись, потомъ стали великому государю свои поминки подносить, а государь ихъ на обѣдъ пригласилъ.

— Да и по всей Москвѣ,—сказалъ Безухій,—праздникъ на ту пору бываетъ, всѣ лавки запрутъ, народъ нарядится да по дорогѣ, гдѣ посламъ ѣхать, толпится, бываетъ, что нарочно для того народъ изъ волостей сгоняютъ.

— И у насъ,—сказалъ Митяй, — тоже народъ на пословъ глазѣетъ. А сколько имъ, этимъ посламъ, корму требуется. Одинъ такой-то черезъ Новгородъ проѣзжалъ. Такъ велѣно было давать ему на всякаго посольскаго человѣка по курицѣ, по двѣ части говядины, по двѣ части свинины, по два калача полуденежныхъ, а соли, сметаны, масла, меду и вина сколько понадобится.

— А какіе смѣшные эти послы бываютъ,—началъ

опять Никита.—Мнѣ вотъ тоже это нашъ инокъ лѣтописецъ разсказывалъ. Пріѣхалъ къ блаженной памяти государю великому князю Іоанну Васильевичу одинъ такой-то кесарскій посолъ. Ну, поговорили о чемъ надо. А тутъ посолъ и говоритъ: «Наслышаны мы, что ты отъ римскаго папежа себѣ королевскаго званья просилъ, такъ папежу, говоритъ, такое званье дать не вмѣстно, не его это дѣло, а кесарево. А кесарь, говоритъ, тебѣ то званье дастъ, только бы польскій король про то дѣло не провѣдалъ, потому—польскій король изъ зависти тому дѣлу супротивникъ». А государь великій князь на это ему отвѣтилъ: «Мы, говоритъ, Божіею милостію, государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленье имѣемъ отъ Бога, а другого поставленья прежде не хотѣли и теперь не хотимъ».

— Вотъ такъ славно! Чай, посолъ поджалъ хвостъ?

— А другой изъ кесарской земли посолъ пріѣзжалъ, степенный такой, умный мужъ, только все записываетъ, что ни увидитъ, что ему ни скажутъ, все записываетъ; говорили послѣ, что онъ хочетъ о нашей землѣ книгу написать *). Вотъ наши это смѣтили, да и давай иной разъ ему такое говорить, что у насъ всѣ за сказки считаютъ, а послу-то говорятъ, будто въ самомъ дѣлѣ, а онъ все записываетъ, все записываетъ.

— Про этого нѣмца и мнѣ одна баба разсказывала,— замѣтилъ Безухій.—Она наша, русская, да была замужемъ за нѣмцемъ, за кузнецомъ. Баба такая вострая, хохотунья. Ну, извѣстно, какъ посолъ пріѣдетъ, нѣмцы къ нему и льнутъ, потому свой человѣкъ—и о родныхъ узнать, и то, другое. Посолъ и зналъ этого нѣмца, и жену его зналъ. Одинъ разъ было у бабы какое-то горе, такъ по ихъ женскому разуму сидитъ она да воетъ. Увидалъ ее посолъ, да и давай разспрашивать:—«О чемъ-де воешь?»—А баба продувная и вздумала съ нимъ шутку сшутить. «Да, говоритъ, о томъ плачу, что мужъ меня не любитъ».—«Какъ не любитъ?»—«Да какъ же, говоритъ, вотъ ужь я годъ замужемъ, а онъ меня ни разу не побилъ». Посолъ сейчасъ это и записалъ. Чай, теперь и разсказываетъ, что русскія бабы обижаются, если ихъ мужъ не бьетъ.

*) Посолъ императора Максимиліана Герберштейнъ написалъ о Россіи весьма извѣстное сочиненіе.

— А съ тѣмъ же посломъ еще вотъ что было,—сказалъ Никита.—Есть у насъ торговый человѣкъ Дмитрій Даниловъ, бывалый человѣкъ. Еще при блаженной памяти государѣ великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ нашъ русскій торговый человѣкъ Аѳанасій Никитинъ хотѣлъ черезъ Астрахань съ бусурманскими землями торгъ завести, не посчастливилось ему, много горя натерпѣлся, за то за тремя морями побывалъ, а какъ сподобилъ Господь въ нашу землю воротиться, такъ онъ подробно о своемъ хожденіи написалъ. Съ тѣхъ поръ и другіе руссіе купцы стали къ астраханскимъ дѣламъ присматриваться. Вотъ и Даниловъ тоже. Познакомился онъ съ посломъ, полюбился ему, и точно, Даниловъ мужикъ степенный, изъ себя видный и рѣчистый. Только надоѣлъ ему посолъ, все про тѣ земли разспрашиваетъ; оно, извѣстно, разсказывать занятно, только все-же иной разъ и надоѣстъ. А тутъ посолъ знай пристаетъ. Вотъ ему Даниловъ и давай разсказывать. «Есть, говоритъ, тамъ островъ, а на томъ островѣ водится сѣмя, на дынное похоже, только побольше да покруглѣе. Вотъ, говоритъ, изъ того сѣмени и растетъ баранецъ, съ головой и съ глазами и съ ушами, совсѣмъ какъ у барана. А на томъ баранцѣ тонкая шерсть и этой шерстью въ той сторонѣ шапки подбиваютъ. И въ томъ баранцѣ кровь есть и сладокъ онъ, такъ что всѣ звѣри его любятъ, а мясо у него рачье, копыта у него только не роговыя, а волосомъ покрыты, на пупкѣ корень, а посохнетъ тотъ корень, и баранцу смерть прилучится.» Нѣмецъ все это и записалъ.

— И откуда у тебя всѣ эти розсказни набираются, Никита Васильевичъ,—сказалъ Митяй,—медоточивыя твои уста, попомъ бы тебѣ быть, а не дьячкомъ.

— Да я еще въ попы куда-нибудь не пойду. Хоть я и дьячекъ, да въ Благовѣщенскомъ соборѣ, у царя въ приближеньи. Туда въ дьячки всякій сельскій попъ пойдетъ. А кабы въ діаконы попасть—такъ разлюбезное дѣло. Да гласа подобающаго не имѣю. Діаконъ, братъ, не шутка. Нужно, примѣрно, многолѣтіе возгласить—всякій ли можетъ то произвести? Вотъ если бы сподобилъ Богъ куда въ попы на Москвѣ посвятиться—пошелъ бы. Потому, очень я Москву люблю. Да какъ и не любить! Знаете-ли, какъ о ней умные люди разумѣютъ? Первый городъ на свѣтѣ былъ Римъ, потомъ вмѣсто него сталъ Царьградъ, сирѣчь второй Римъ, а третій Москва, и четвертому не быть.

— Точно, наша матушка Москва всѣмъ городамъ мать,— сказалъ Безухій,—и жить въ ней хорошо. Я вотъ о себѣ скажу. Живу я теперь не попрежнему, а кто въ томъ виноватъ? Самъ я. Были мы изъ купцовъ, хоть не изъ первыхъ, а все-же торговали. На купецкой дочери и женатъ. Какъ теперь помню, позвалъ меня покойный Онисимъ Сергѣичъ да и говоритъ: «Хочешь, парень, жениться?»—«Хочу, говорю».—«А у меня, говоритъ, дочка есть, у насъ, значитъ, товаръ, а ты купецъ».—«Ладно, говорю, вотъ отцу скажу». Ну, родитель, извѣстно, радъ былъ, потому—Онисимъ Сергѣичъ человѣкъ достаточный и въ почетѣ. Приданое хорощее далъ. И невѣстой не обманулъ. Моя Анна хоть куда. Да еще какъ и помирать сталъ, такъ ее не забылъ, тремя иконами на золотѣ благословилъ, да лохань мѣдную далъ, да рукомойникъ, три котла поваренныхъ, кубъ винный съ трубой, чарку серебряную въ два рубля, шубу бѣлью, да оловянничковъ, да кружекъ, да судковъ. И ничего, хорошо мы жили. Сталъ я мѣхами торговать. Вотъ и привозитъ знакомый купецъ изъ Вятки горностаевъ. А самъ такой лисой ко мнѣ подъѣхалъ. Угостилъ меня, подпили мы, то есть я подпилъ, а онъ, плутяга, хмѣльнымъ прикинулся. Ну, и ударили по рукамъ. Я горностайчиковъ-то порядкомъ и не посмотрѣлъ. А горностай звѣрь мудреный: если онъ не во время пойманъ, такъ мѣхъ, бываетъ, и никуда не годится. И такіе значки есть на горностаѣ около головы и хвоста, по которымъ узнать можно, хорошій горностай, али нѣтъ, а я подъ хмѣлькомъ тѣхъ значковъ и не посмотрѣлъ. На завтра какъ поглядѣлъ хорошенько на мѣха—и ахнулъ. Толкнулся къ пріятелю, тотъ только ухмыляется. Извѣстно, дѣло торговое, на то въ морѣ щука, чтобы карась не дремалъ. А горностаевъ-то я столько накупилъ, что своихъ деньжонокъ не хватило, призанялъ. Ну, думаю, бѣда, развѣ Богъ поможетъ нѣмца надуть. А слыхалъ я, что одинъ нѣмецъ горностаевъ скупаетъ. Вотъ и пошелъ я къ нему. «Не хочешь ли, говорю, горностаевъ купить?»—«А ты, говоритъ, кто»? Назвался я купчиной изъ Костромы, потому назвался, что нѣмцы думаютъ, будто плутоватѣе москвичей никого на Руси нѣтъ. Точно, народъ московскій неглупый. Однако, и это не помогло, посмотрѣлъ горностаевъ нехристь. «Нѣтъ, говоритъ, этакихъ я не покупаю». Такъ эти горностаи у меня на шеѣ и остались. Побѣднѣлъ я, не купчиной, а по-

садскимъ сталъ. А теперь ничего, живу. Потому въ Москвѣ у кого голова на плечахъ есть да руки здоровыя, тотъ безъ хлѣба не насидится. Ничего, живу. И добрые люди не забываютъ. Вотъ Никита Васильевичъ и у государя въ приближеньи, а мнѣ кумомъ доводится. Да, Москва матушка кормилица, супротивъ нея города нѣтъ. Чай, и вашъ Новгородъ съ ней не сравнится?

— Оскудѣлъ Великій Новгородъ, оскудѣлъ. Особливо съ тѣхъ поръ, какъ ганзейскіе купцы перестали туда ѣздить.

— А развѣ перестали?

— Ты развѣ не слыхалъ? Еще дѣдушка нашего царя на ганзейцевъ прогнѣвался, да въ тюрьму ихъ и засадилъ. Съ тѣхъ поръ они и перестали ѣздить. И городъ теперь куда бѣднѣе.

— А что-же,. я скажу, по дѣломъ новгородцамъ—не крамольничай.

— Чего крамольничай! Когда они крамольничали-то? А теперь по-неволѣ иной разъ слово скажутъ. Вотъ теперь мы, новгородскія дѣти боярскія, въ походъ пошли—какіе наши достатки. Проса съ собой взяли, толоконца, соли, ветчинки малымъ дѣломъ. А теперь походъ-то позатянулся, припасы повышли—чѣмъ питаться будемъ? Опять и о домѣ думается. Остались тамъ наши жены да ребятишки. Холопей у насъ нѣтъ, а вольные люди, что у насъ работаютъ, того гляди къ богатымъ сосѣдямъ уйдутъ. Тѣ куда горазды переманивать. Что тогда? Ложись да помирай! Вотъ и собираются наши челомъ бить государю, чтобы онъ насъ изъ похода отпустилъ. Ну, а храни Богъ, государь за то прогнѣвается. Опять мы крамольниками и прослывемъ. А вѣдь надо въ нашей шкурѣ побывать, чтобы судить-то о насъ.

— Да отчего-же у васъ запасу не хватило, коли у насъ не вышелъ?

— А вы откуда шли? Кто изъ Москвы, кто изъ Владиміра, кто изъ Рязани, все изъ низовыхъ городовъ, чай, это поближе будетъ, чѣмъ изъ великаго Новгорода. А вотъ, Никита Васильевичъ, тебѣ всякія дѣла вѣдомы—не слыхалъ ли ты, скоро ли походъ кончится?

— Вотъ видишь, братецъ ты мой, былъ въ Казани царемъ Шигъ-Алей, значитъ, подручникомъ нашего царя. Казанцы и не взлюбили этого Шигъ-Алея. Онъ и пишетъ къ нашему государю: «никакъ, говоритъ, мнѣ на Казани

быть не можно». А государь ему на то: «укрѣпи городъ русскими людьми». А Шигъ-Алей на то: «я басурманъ, не хочу на свою вѣру стать. Людей лихихъ, пожалуй, изведу, пушки, пищали и порохъ перепорчу, а юртъ отдать не могу». Юртомъ это онъ царство называетъ. Ну, извѣстно, татарамъ тоже своего царства жалко. Вотъ покамѣстъ онъ эдакъ валандался, ему ужь совсѣмъ худо пришло, онъ потихоньку и утекъ изъ Казани. Казанцы послѣ того совсѣмъ было покориться хотѣли, чтобы у нихъ намѣстникъ нашего царя былъ, вотъ какъ въ другихъ городахъ, а потомъ заартачились. Вотъ государь и порѣшилъ ихъ усмирить, самъ на Казань изволилъ пойти, это ужь онъ въ третій разъ идетъ. А казанцы тѣмъ временемъ себѣ царя выбрали и тотъ царь крымскому другъ. Прошли вѣсти, что крымскіе люди на Украйнѣ показались. Вотъ государь и поставилъ нашъ большой полкъ подъ Колычевымъ. Да слыхалъ я, отецъ Сильвестръ съ боярами говорилъ, что государь умыслилъ съ ханомъ дѣлать прямое дѣло. Теперь вѣстей со степи ждутъ: придетъ туда ханъ—и мы пойдемъ.

— Охъ, житье наше горемычное! Стало еще намъ не скоро ко дворамъ идти. Ну, спасибо на хлѣбѣ-соли! Пора и ко своимъ поплестись.

— Не обезсудь,—отвѣчалъ Безухій.

— И мнѣ пора,— сказалъ Никита, — неравно отецъ Сильвестръ спроситъ.

— Прощай, кумъ.

Безухій былъ не простой человѣкъ—начальный. Подъ его рукой было сто человѣкъ ратныхъ людей изъ московскихъ посадскихъ. Пошелъ и онъ своихъ ратниковъ посмотрѣть.

На завтра послѣ этого разговора, въ Коломну, гдѣ находился самъ царь Иванъ Васильевичъ, прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что крымскій ханъ идетъ къ Тулѣ. Царь тотчасъ отправился къ Каширѣ, а войскамъ велѣлъ черезъ Оку перевозиться. Къ Тулѣ были отправлены князья Щенятевъ, Курбскій, Пронскій, Хилковъ и Воротынскій.

Берега Оки представляли самую оживленную картину. Часть русской рати уже переправилась, другіе перебирались чрезъ рѣку, большая часть еще была на лѣвомъ берегу. Государь съ князьями и боярами наблюдали за переправой. Вдругъ явился къ государю гонецъ изъ Тулы.

— Побѣда, великій государь.

— Слава ти, Господи! Разсказывай по ряду.

— Прослышали мы въ Тулѣ, что идетъ самъ крымскій ханъ съ большимъ снарядомъ и ратью и съ турскими янычарами. У насъ ратныхъ людей немного было, да туляне, спасибо, всѣ на стѣны стали. Право-слово, даже бабы помогли, какъ татары на приступъ полѣзли. Учали мы ихъ варомъ обливать да камнями бить. А огненный бой да лучной особо. Не выдержали поганцы, побѣжали отъ стѣнъ. Однако на другой день утромъ ханъ велѣлъ къ новому приступу готовиться. Ну, готовились и мы. Воевода князь Григорій Темкинъ соколомъ леталъ, всѣхъ разставлялъ, наказывалъ, что кому дѣлать, увѣщевалъ постоять за вѣру православную. И порѣшили мы стоять до послѣдняго издыханія. Но отбиться не чаяли, потому—у хана сила большая. Только вдругъ видимъ: съ нашей, съ русской, стороны столпы пыли подымаются. Весь народъ, что было на стѣнѣ, единогласно возопилъ: «Боже милостивый! помоги намъ! То царь православный идетъ»! И такая смѣлость овладѣла нами, что всѣ вдругъ, сколько насъ ни было на стѣнѣ, бросились на поганыхъ, даже бабы и тѣ, схватя что попало въ руки, побѣжали за нами биться, и ребятишки туда же. Я самъ видѣлъ, какъ одинъ мальченка, годковъ двѣнадцати, туда же за народомъ бѣжитъ.—«Ты куда?» спрашиваю.—«Пусти, дяденька, хоть одного татарина зашибу». А на татаръ, надо полагать, ужасъ нашелъ, потому что легохонько мы побили ихъ многое множество, даже шурина ханскаго. Ханъ въ степь побѣжалъ, а за нимъ твои воеводы погнались, на рѣкѣ Шиворонѣ татаръ побили, много нашихъ полоняниковъ отняли, телѣги и верблюдовъ ханскихъ взяли. Языковъ добыли —тѣ сказывали, что ханъ на Русь пошелъ, потому что думалъ, будто ты, государь, со всей ратью подъ Казанью стоишь, а какъ сказали хану, что ты у Коломны стоишь и хочешь съ нимъ прямое дѣло дѣлать, такъ онъ и струсилъ, хотѣлъ тотчасъ въ Крымъ убѣжать, да мурзы ему сказали: «Стыдно уходить, ничего не сдѣлавши. А есть у московскаго государя городъ Тула на полѣ, отъ Коломны далеко». Ханъ на Тулу и пошелъ, да Богъ поборолъ за православные христіаны.

— Тотчасъ благодарственный молебенъ отслужить,— радостно воскликнулъ царь,—воеводъ о здоровьѣ спросить,

всей рати мое милостивое слово сказать, Григорью Темкину вотчинъ придать, а гонцу—шубу съ моего плеча да ковшъ серебряный!

Государь воротился въ Коломну, и тамъ собрались къ нему на совѣтъ: двоюродный братъ его, князь Владиміръ Андреевичъ, князья: Воротынскій, Горбатый-Шуйскій, Петръ и Василій Серебряные, Курбскій, Пронскій и другіе, царь Шигъ-Алей, бояринъ Шереметевъ, окольничій Адашевъ и другіе бояре и окольничіе.

— Ну, теперь, съ Богомъ, на Казань,—сказалъ царь.

— Я ужь говорилъ тебѣ, великій государь,—началъ говорить Шигъ-Алей,—что лучше бы до зимы подождать. А то надо по лѣсамъ идти, озеръ, болотъ много. Зимой путь гладокъ будетъ, а теперь несподручно.

— Гдѣ проходить не можно,—возразилъ Воротынскій,—можно мосты намостить, а годить никакъ нельзя. Надо шатость казанскихъ людей унять. Вонъ горная сторона намъ покорилась, а теперь опять бунтуетъ. Даже для нашей рати, что въ Свіяжскѣ, поторопиться надо. Сами знаете, сколько тамъ они отъ непризору непригожихъ дѣлъ подѣлали. А побываетъ самъ великій государь—люди какъ слѣдуетъ утвердятся. Самъ я прежде, вмѣстѣ съ другими, совѣтовалъ государю насъ однихъ на Казань пустить, а самому на Москвѣ для береженья отъ крымскихъ людей остаться. А тогда великій государь самъ восхотѣлъ идти и за вѣру Христову потрудиться. И тогда ужь я подумалъ, что это не въ примѣръ лучше будетъ, чѣмъ однимъ воеводамъ идти. Мало развѣ на Казань добрыхъ воеводъ ходило? а дѣла до сихъ поръ не сдѣлали. Отчего? Оттого, что надъ ними главы не было.

— Надо намъ поторопиться походомъ въ Казанскую землю, надо,—сказалъ государь.—Вспомните, сколько тамъ страдальцевъ русскихъ плѣнниковъ. Вотъ когда тебя, Шигъ-Алей, поставили казанскимъ царемъ, ты обязался всѣхъ русскихъ полонянниковъ свободить, а вѣдь не сдѣлалъ.

— Не могъ, великій государь, всей душой старался, а не могъ. Очень много ихъ въ Казани и въ Казанской землѣ. Дорого тамъ русскихъ рабовъ цѣнятъ, потому что лучше ихъ работниковъ нѣтъ. О какихъ плѣнникахъ я узналъ, тѣхъ велѣлъ свободить, а другихъ укрывали, въ ямы прятали. И если бы сталъ я доискиваться, вся земля на меня возстала бы, не сносить бы мнѣ головы моей.

— Я тебя не виню. Да нашимъ русскимъ полонянникамъ отъ того легче ли? Каково имъ тамъ томиться? Подумайте, князья и бояре, если бы—Боже оборони—кто-нибудь изъ вашихъ кровныхъ въ томъ полону былъ. Не ныло ли бы сердце ваше, не старались ли бы вы его поскорѣе выручить? Дни бы, часы считали, пока его на волѣ не увидѣли. А развѣ тѣ русскіе намъ не кровные? По Христу развѣ не братья? Развѣ можемъ мы спокойно ѣсть, пить и веселиться, когда они страждутъ, горькими слезами и кровавымъ потомъ въ подневольной работѣ обливаются.

— Надо, надо скорѣй идти!—заговорили князья и бояре.

— А я,—продолжалъ государь,—развѣ могу спокойно на Москвѣ сидѣть, когда знаю, что у меня подъ бокомъ лютый врагъ? Не милъ мнѣ и царскій вѣнецъ, когда вѣдаю, что каждый годъ тысячи людей, которые мнѣ Богомъ даны и за которыхъ я Богу отвѣтъ дамъ, въ тяжкую неволю уводятся, надруганью и лютой смерти предаются? Надо это покончить. Два раза я на Казань ходилъ—Богъ удачи не далъ. Во многомъ я и самъ виноватъ: не приготовилъ всего, какъ слѣдуетъ. Теперь, что могъ, приготовилъ. Ратныхъ людей у насъ по моему счету тысячъ полтораста будетъ. Снарядъ добрый—полтораста пушекъ, при нихъ нѣмцы—пушкари добрые. Есть и нѣмецкіе розмыслы *), на которыхъ много надѣюсь. Но—видитъ Богъ сердце мое—не уповаю я на силу свою, а токмо на милость Божію. Смилосердится Небесный Царь и выведетъ изъ лютой неволи людей своихъ. А про себя скажу: понадобится,—по болоту пѣшъ пойду, понадобится, простымъ ратникомъ биться буду, а одно изъ двухъ: или сложу голову за люди своя, либо то гнѣздо добуду, откуда смерть и разоренье на русскую землю выходятъ.

— Здоровъ будь, государь!—послышалось между князьями и боярами,—пошли тебѣ Господь своей великой милости и многая лѣта! Даруй тебѣ Господь побѣду на враги и одолѣніе!

— Моложе я многихъ здѣсь,—сказалъ Курбскій,—а скажу слово свое. Когда царь боговѣнчанный тяготу и смерть за людей своихъ пріять хочетъ, то намъ ли молчать, намъ ли о своей жизни думать! Нѣтъ, пусть гладъ и истома ну-

*) Инженеры.

дятъ меня, пусть тѣло мое будетъ покрыто ранами отъ оружія вражескаго, но пока рука въ силахъ будетъ мечъ держать, не опущу я его, разя супротивныхъ! Или быть мнѣ въ Казани побѣдителемъ, или голову сложить!

— И мы! и мы всѣ до единаго!—закричали князья и бояре.

— Аминь,—прибавилъ государь.—Даруй намъ, Господи, или вѣнцы побѣдные на землѣ, или нетлѣнные на небеси!

— А теперь, государь,— сказалъ Воротынскій,— позволь мнѣ слово молвить. По-моему непригоже такой большой рати къ Казани одной дорогой идти. Раздѣлимся, такъ пропитать ратныхъ людей на походѣ легче будетъ. Къ тому же надо отъ ногаевъ беречься. По-моему тебѣ бы, государь, съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ на Владиміръ и Муромъ идти, а воеводъ бы на Рязань да Мещеру отпустилъ: они бы отъ ногаевъ твою большую рать прикрыли.

— Разумныя твои рѣчи, князь,—сказалъ государь,— да и то сказать: развѣ можетъ князь Воротынскій неразумный совѣтъ дать.

По совѣту Воротынскаго и распредѣлили полки. Но передъ самымъ походомъ подали государю челобитную новгородскихъ боярскихъ дѣтей, въ которой они писали, что нельзя имъ больше оставаться при войскѣ, потому что они съ весны на службѣ, совсѣмъ оскудѣли, а теперь еще въ долгій путь идти и подъ Казанью долгое время стоять. Запечалился государь.

— Всегда новгородцы, — сказалъ онъ, — всегда никто, какъ они, супротивничаютъ.

— Не гнѣвись на нихъ, великій государь,—вступился Адашевъ,—воистину они оскудѣли. Самъ я ихъ скудость видѣлъ. Попомни, что издалека пришли.

— Что же дѣлать-то? Глядя на нихъ, пожалуй, и другіе домой проситься будутъ... А вотъ что: перепиши ты всѣхъ ратныхъ людей и повѣсти: кто хочетъ со мною подъ Казань идти, тѣхъ буду я жаловать и подъ Казанью кормить, а кому нельзя идти, тѣ пусть остаются въ Коломнѣ.

Какъ услыхали ратные люди про ту повѣстку, то всѣ единогласно сказали:

— Готовы идти съ государемъ: онъ намъ промышленникъ и здѣсь и тамъ, промыслитъ нами, какъ ему Богъ извѣститъ.

Въ это самое время, въ Казани, въ царскомъ дворцѣ, разговаривали двое рослыхъ, красивыхъ, несмотря на татарскій обликъ, молодцовъ. Одинъ изъ нихъ былъ казанскій царь Едигеръ-Махметъ, родомъ изъ ногаевъ, а другой мурза Япанча.

— Такъ крымцевъ побили?—спрашивалъ царь.

— Побили.

— Я такъ и думалъ, что отъ нихъ толку не будетъ. Имъ бы только врасплохъ напасть да пограбить, а въ дѣлѣ не стойки. На что ханъ Махметъ-Гирей—какимъ воителемъ между ними считался, а наши ногаи легохонько его на тотъ свѣтъ спровадили. Гдѣ крымцамъ воинами быть? Какіе это воины, что о торгѣ думаютъ? Развѣ Чингисханъ да Батый торгомъ добро наживали? саблей. Настоящій татаринъ все саблей долженъ брать. И какъ посмотрю, между ногаями всего больше такихъ осталось.

— Увидишь, что и казанцы хорошо биться будутъ.

— Какъ бы между ними побольше такихъ удальцовъ было, какъ ты, мурза! Ну, да биться будутъ, поневолѣ будутъ: свой юртъ никому не охота отдать. Да я и шутить не стану: кто побѣжитъ, тѣхъ бить велю. А вотъ, какъ ты думаешь, нѣтъ ли между ними такихъ, которые бы на сторону московскаго царя да Шигъ-Алея тянули?

— Если и есть, такъ очень мало. Не любили здѣсь Шигъ-Алея, очень не любили. Да за что было и любить? Къ ратному дѣлу негоденъ, образина такая гнусная, пузо какъ гора, а рожа бабья—ни бороды, ни усовъ нѣтъ, лютъ какъ волкъ и до чужого охочъ: сколько чужихъ женъ да дѣвокъ перетаскалъ. Не выйти бы ему отсюда живому, да и московскимъ стрѣльцамъ, что съ нимъ были, еслибы онъ обмана не придумалъ. Сказалъ, будто ѣдетъ рыбу ловить, и выѣхалъ со стрѣльцами да съ мурзами, а отъѣхалъ отъ города, мурзъ перевязалъ да и убѣжалъ въ Свіяжскъ.

— Охъ, этотъ Свіяжскъ! Какъ бѣльмо на глазу! Это Иванъ хитро сдѣлалъ, что тотъ городокъ поставилъ. Связалъ онъ намъ руки. Еще сперва было въ Свіяжскѣ ратные московскіе люди больше за бабами гонялись, чѣмъ дѣло дѣлали, а какъ пріѣхалъ къ нимъ Ивановъ шуринъ, Данило Захарьинъ, такъ горную Черемису опять подъ руку московскаго царя привели. Для насъ Свіяжскъ бѣдовый городъ, а для русскихъ всѣмъ хорошъ: придутъ подъ Казань, въ Свіяжскѣ

отдохнуть могутъ. Нѣтъ, какъ только отобью русскихъ отъ Казани, да Иванъ въ Москву уйдетъ, непремѣнно добывать Свіяжскъ буду.

— Говорятъ, московскій царь большую рать ведетъ.

— Извѣстно, большую. Въ третій разъ онъ идетъ. Въ первый разъ мальчишкой приходилъ, тогда ничего не понималъ, говорятъ, заплакалъ, что Казани добыть не могъ, другой разъ приходилъ, Казань не взялъ да Свіяжскъ намъ на зло поставилъ. Въ третій разъ недаромъ идетъ. Знаешь, мурза, не отсидимся мы, погибнетъ вся сила татарская. Что теперь татары? Прежде предъ ними весь свѣтъ дрожалъ. А теперь? Крымскій ханъ, самый сильный между ними, передъ турецкимъ султаномъ спину гнетъ, все равно, что пашей его сдѣлался, Астраханское царство совсѣмъ гнилое, между ногаями много молодцовъ, да всѣ врозь смотрятъ. Вотъ мнѣ обѣщали помочь, да наврядъ ли придутъ. Мои пріятели и безъ того, почитай, всѣ здѣсь, а тамъ въ улусахъ больше вороги остались. Кто же еще? не сибирскіе же князья? И выходитъ, какъ ни смотри, а главная наша твердыня Казань. Здѣсь и стѣны крѣпкія, и народъ къ бою привычный. И я даромъ не дамся. Русскіе попомнятъ меня. Народу для защиты довольно, тысячъ тридцать наберется.

— Да я еще половину противъ этого приведу.

— Не надо. Ты оставайся въ Арскѣ. На тебя я все равно что на себя надѣюсь. Мы съ двухъ сторонъ русскихъ возьмемъ. Какъ только я выкину значки на стѣнахъ, ты отъ Арска нападай, а я изъ крѣпости ударю.

Казанская крѣпость, окруженная толстыми каменными стѣнами, стояла на горѣ. По той же горѣ шла дорога изъ Казани въ Арскъ. По сторонамъ этой дороги много овраговъ, покрытыхъ лѣсомъ. Вправо отъ дороги лежитъ большое озеро Кабанъ, въ которое впадаетъ рѣка Булакъ. У подошвы горы, на которой была крѣпость, течетъ рѣка Казанка. Далѣе на разстояніи семи верстъ до самой Волги тянется обширная равнина, тамъ и сямъ поросшая мелкимъ кустарникомъ. Весною все это пространство покрывается разливомъ Волги. Вообще это мѣсто сырое, болотистое, гдѣ отъ дождей дѣлается непроходимая грязь.

На этой долинѣ развѣвалось знамя царя Ивана Васильевича, съ изображеніемъ нерукотвореннаго образа, на знамени крестъ, тотъ самый, который былъ у великаго князя

Димитрія на Дону. Царская палатка была раскинута на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ памятникъ покоренія Казани. Въ этой палаткѣ князья и бояре собрались на совѣтъ къ государю.

— Какъ думаешь, князь, воинство разстановить?—спросилъ царь Воротынскаго.

— По-моему, надо, государь,—сказалъ Воротынскій,—со всѣхъ сторонъ Казань обложить: ратныхъ людей у насъ на это хватитъ, а для насъ будетъ хорошо, если ни казанцамъ изъ города, ни къ нимъ въ городъ никому доступа не будетъ. Тебѣ бы съ княземъ Владиміромъ Андреичемъ стать здѣсь, на Царевомъ лугу, царю Шигъ-Алею за Булакомъ, большому и передовому полку и удѣльной дружинѣ князя Владиміра Андеевича—на Арскомъ полѣ, правой рукѣ, съ казаками—за Казанской, сторожевому полку—на устьѣ Булака, а лѣвой рукѣ—выше его.

— Да надо бы,—прибавилъ Горбатый-Шуйскій,—запасъ къ осадѣ сдѣлать: по-моему всякій человѣкъ приготовилъ бы по бревну на тынъ, да на десять человѣкъ туру.

— Любезное дѣло эти туры,—примолвилъ Серебряный,—съ ними мы къ самой стѣнѣ казанской подойдемъ.

— На стѣну-то у меня другое средство есть,—сказалъ царь.

— Да вотъ бы еще что,—молвилъ Данило Романовичъ, шуринъ царскій.—Въ прежніе походы у насъ дѣло иной разъ вотъ отчего не спорилось: мы, русскіе, народъ къ бою горячій: чуть увидимъ, что ловко схватиться, и полѣземъ впередъ. Такъ и бывало: одинъ отрядъ бьется, а другіе о томъ и не вѣдаютъ и къ бою не готовы. А указать бы, чтобы безъ царскаго повелѣнія, а въ полкахъ безъ воеводскаго приказа, никто не смѣлъ къ городу бросаться.

— Самое разумное дѣло,—согласился царь.

И вышелъ царь къ войску. Отслужили молебенъ. Царь сказалъ громкимъ голосомъ, такъ что далеко разносилось по равнинѣ:

— Приспѣло время нашему подвигу; потщитесь единодушно пострадать за благочестіе, за святыя церкви, за православную вѣру христіанскую, за единородную нашу братію: православныхъ христіанъ, терпящихъ долгій плѣнъ, страдающихъ отъ этихъ безбожныхъ казанцевъ; вспомнимъ слово Христово, что нѣтъ ничего больше, какъ полагать души за други свои; припадемъ чистыми сердцами къ Создателю на-

шему Христу, попросимъ у Него избавленія бѣднымъ христіанамъ, да не предастъ насъ въ руки врагамъ нашимъ. Не щадите головъ своихъ за благочестіе, если умремъ, то не смерть это, а жизнь; если не теперь умремъ, то умремъ же послѣ, а отъ этихъ безбожныхъ какъ впередъ избавимся? Я съ вами самъ пришелъ: лучше мнѣ здѣсь умереть, нежели жить и видѣть за свои грѣхи Христа хулимаго и порученныхъ мнѣ отъ Бога христіанъ, мучимыхъ отъ безбожныхъ казанцевъ. Если милосердый Богъ милость свою намъ пошлетъ, подастъ помощь, то я радъ васъ жаловать великимъ жалованьемъ; а кому случится до смерти пострадать, радъ я женъ и дѣтей ихъ вѣчно жаловать.

Князь Владиміръ Андреевичъ отъ лица всей рати отвѣчалъ:

— Видимъ тебя, государь, тверда въ истинномъ законѣ, за православіе себя не щадящаго и насъ на то утверждающаго, и потому должны мы всѣ единодушно помереть съ безбожными этими агарянами. Дерзай, царь, на дѣла, за которыми пришелъ! да сбудется на тебѣ Христово слово: всякъ просяй пріемлетъ и толкущему отверзется.

Царь, взглянувъ на образъ Іисуса на знамени, громко, чтобы всѣ слышали, воскликнулъ:

— Владыко! о Твоемъ имени движемся!

Войска начали проходить на указанныя мѣста. Вдругъ отворились городскія ворота, и пятнадцать тысячъ татаръ бросились на ближайшій къ нимъ русскій отрядъ, въ которомъ всего было семь тысячъ человѣкъ. Но тутъ съ перваго раза оказалось, какъ полезенъ былъ царскій приказъ о соблюденіи порядка. Отрядъ, на который было сдѣлано нападеніе, стойко встрѣтилъ непріятеля, другіе русскіе отряды, по царскому повелѣнію, подоспѣли къ своимъ на помощь, ударили на казанцевъ, несмотря на отчаянное сопротивленіе, смяли ихъ и вогнали въ городъ. Въ былыя времена, русскіе, пользуясь первой удачей, непремѣнно бросились бы на приступъ и навѣрно были бы отбиты, потому что вся ихъ рать не была готова къ бою. Но теперь, помня царское повелѣніе, разные русскіе отряды продолжали занимать указанныя имъ мѣста.

Предложеніе Воротынскаго было вполнѣ исполнено: Казань со всѣхъ сторонъ окружена, гдѣ турами, гдѣ тыномъ; нельзя было ни войти въ Казань, ни выйти изъ нея.

Прошло нѣсколько дней послѣ начала осады. На Арскомъ полѣ сидѣли трое нашихъ знакомцевъ: Митяй, Безухій и Никита. Первые двое принадлежали къ большому полку, стоявшему на Арскомъ полѣ, а Никитѣ, человѣку нератному, вездѣ былъ свободный ходъ, онъ пришелъ повидаться съ кумомъ. Не весело смотрѣли русскіе.

— Да, ужь буря была,—говорилъ Митяй,—намъ, новгородцамъ это дѣло знакомо. Рѣдко кому изъ насъ не приходилось черезъ озеро Нево проѣзжать, а то озеро сердитое: не разъ помолишься, пока по немъ проѣдешь. А тутъ расходилась матушка Волга, что твое Нево. Сколько нашихъ судовъ потонуло—страсть!

— А въ судахъ-то запасы были,—сказалъ Безухій.

— Какая страсть у насъ на Царевомъ полѣ была, то и сказать не можно,—заговорилъ Никита.—По ровному-то мѣсту какъ понесся вѣтеръ, такъ на ногахъ устоять невозможно, все крутитъ, метъ, шатры ломаетъ. «Выходи, батюшка государь, крикнули сторожевые люди, какъ бы грѣшнымъ дѣломъ и твой шатеръ не снесло». И точно, едва только государь изъ шатра вышелъ, какъ буря шатеръ сломила. Возблагодарили мы Бога, что спасъ цäря-государя. Но уныніе большое въ воинствѣ было. Прошла эта буря, отдохнули немного, да все побито, поломано. Всѣ такъ полагали, что осады не будетъ. А государь сказалъ: «Господь испыталъ, Господь и помилуетъ, ставьте новые шатры, а за запасами я ужь послалъ». Точно запасы скоро привезли. Немножко будто и отлегло.

— Да, тяжело теперь, а идти сюда хорошо было, особливо около Мурома: много и рыбы, и дичи, а на лосей такъ я подивился: выскочитъ это пучеглазый изъ лѣса, да и стоитъ, будто нарочно на убой вышелъ. Опять эта черемиса да мордва всякій припасъ, хлѣбъ, мясо и медъ приносили. По-моему оттого это, что по царскому приказу мы ихъ не обижали, а честно за припасы платили. Хорошо тамъ было, а здѣсь жутко.

— Тѣмъ, что на равнинѣ стоятъ, еще хуже. Одна эта грязь чего стоитъ.

— А знаете, братцы мои, что я запримѣтилъ, — сказалъ Митяй. — Случилось, послали нашъ отрядъ поближе къ стѣнамъ туры ставить. Вотъ и лежу я, а самъ на стѣну смотрю. Гляжу, а на стѣнахъ старухи появились, и такія

у нихъ рожи анаѳемскія — настоящія вѣдьмы. И учали онѣ что-то бормотать. Сами бормочутъ, а на нашъ лагерь руками машутъ. Инда мнѣ страшно стало. Потому безъ вѣдовства тутъ никакъ невозможно. И только-что онѣ, окаянныя, со стѣнъ сошли, тотчасъ дождикъ начался.

— Докладывали и государю о тѣхъ женахъ-чародѣйкахъ, — сказалъ Никита. — И повелѣлъ великій государь изъ Москвы животворящій крестъ Господень привезти. Значитъ, на сторонѣ поганыхъ вѣдовство будетъ, а на нашей крестъ Господень, противъ него же никакая нечить устоять не можетъ.

— Это справедливо, — примолвилъ Безухій. — А посмотрите-ка, будто на городской-то стѣнѣ значки краснѣютъ — это не къ добру.

Вдругъ страшные крики раздались въ тылу у русскихъ, со стороны Арска. Очевидно было, что татары оттуда напали на русскую рать.

Никита былъ человѣкъ велерѣчивый, но браннымъ мужествомъ не отличался.

— Спаси, Мати Царица Небесная!—воскликнулъ онъ,— никакъ къ казанцамъ помощь подоспѣла. Учнутъ насъ съ двухъ сторонъ сѣчь.

— По мѣстамъ становиться надо да ждать воеводскаго приказу, — крикнулъ Безухій, — а бояться нечего. Воротынскій да Горбатый воеводы добрые, не выдадутъ.

Безухій и Митяй ушли на свои мѣста. А Никиту сомнѣніе взяло. Конечно, воеводы добрые, да все-же лучше бы поближе къ царской палаткѣ быть. Тамъ отборная царская дружина, двадцать тысячъ и все молодецъ къ молодцу. На глазахъ царя какъ львы драться будутъ. И порѣшилъ Никита возложить упованіе на свои длинныя ноги, побѣжалъ, что есть мочи. Но бѣда бѣду родитъ. Запутался Никита въ своемъ дьячковскомъ балахонѣ и съ разбѣга грянулся о землю.

Лежитъ Никита ничкомъ и слышитъ вокругъ себя выстрѣлы, звукъ оружія и бранные крики. Видно, изъ города казанцы тоже вылазку сдѣлали. Кается Никита во грѣхахъ, вспоминаетъ жену и ребятишекъ, теплую избу и матушку Москву. Плачетъ бѣдный.

Лежитъ Никита, не шелохнется. Выстрѣловъ больше нѣтъ, кажись и шумъ утихъ, а все поднять голову страшно,

неравно увидитъ врагъ имени Христова, да и посѣчетъ мечомъ. Батюшки! Никакъ кто-то идетъ и все ближе и ближе. Вотъ кто-то толкаетъ Никиту.

«Не отлежаться, — думаетъ онъ, — сейчасъ супостатъ увидитъ, что во мнѣ дыханіе есть, и пришибетъ, безпремѣнно пришибетъ. Лучше пощады попросить, да не по нашему, по нашему онъ, собака, не понимаетъ, а какъ бишь, по ихнему, по-татарски.

— Аманъ! — кричитъ Никита.

— Да что ты, кумъ! — говоритъ знакомый голосъ, — вставай, это я.

Никита поднялъ голову. Передъ нимъ стоитъ Безухій, живъ и невредимъ.

— А гдѣ сыроядцы нечестивые.

— Тамъ же, гдѣ были. Напали поганцы съ двухъ сторонъ, да мы ихъ прогнали. А ты что тутъ, кумъ, ничкомъ лежишь?

— Должно, чѣмъ-нибудь агаряне въ голову оглушили. Схватился я тутъ съ ними.

Кумъ усмѣхнулся. Вѣдалъ онъ, что агаряне до того мѣста, гдѣ Никита лежалъ, не доходили. Ну, да надъ священнымъ чиномъ глумиться не сталъ; горячую сковороду лизать, или за языкъ быть повѣшену убоялся.

А Никита послѣ и внукамъ разсказывалъ, какъ онъ подъ Казанью со врагами вѣры Христовой ратовалъ и во главу уязвленіе отъ нихъ пріялъ.

Нападалъ отъ Арска на русскихъ Япанча, въ то же время и Едигеръ изъ Казани вылазку сдѣлалъ. Ихъ нападеніе отразили, отбили и слѣдовавшія за тѣмъ вылазки и нападенія. Да, большая тягота русской рати, что на Арскомъ полѣ, была: приходилось постоянно быть готовымъ къ битвѣ, потому что Япанча по всякъ часъ нападалъ.

Настала темная ночь. Къ полкамъ, стоявшимъ на Арскомъ полѣ, подошла большая часть полковъ, стоявшихъ на лѣвой рукѣ. И пошли большіе отряды одинъ за другимъ къ Арску; начальствовалъ надъ ними Горбатый-Шуйскій. Другіе съ Воротынскимъ остались Казань сторожить. Тѣ отряды, что къ Арску пошли, недалеко уходили. Чуть отойдутъ отъ русскаго стана, спустятся въ оврагъ и скроются тамъ. А враговъ въ той сторонѣ много и между небольшими горами красивыя долины. Нынѣшніе жители Казани эти мѣста Нѣ-

мецкой Швейцаріей зовутъ, потому что тамъ много нѣмцевъ на дачахъ поселилось. А тогда эти мѣста были совсѣмъ бездюдныя. И много русскихъ ратныхъ людей тамъ укрылось. Передъ разсвѣтомъ нѣсколько тысячъ русскихъ потянулись къ Арску. Скоро они столкнулись съ наѣздниками Япанчи. Завязалась битва. Но русскіе не твердо стояли и скоро побѣжали къ своему стану.

— Аллахъ отдаетъ намъ въ руки невѣрныхъ! — крикнулъ Япанча, и со всей своею ратью ударилъ на бѣгущихъ русскихъ.

Русскіе, отбиваясь, бѣжали дальше и дальше, татары за ними. Уже совсѣмъ разсвѣтало. Вдругъ изъ овраговъ показались многочисленные русскіе полки. И тѣ, что бѣжали передъ Япанчей, остановились. Съ трехъ сторонъ ринулись русскіе на татаръ. Началась отчаянная сѣча. Япанча видѣлъ, что все погибло, даже убѣжать нельзя было, потому что нѣкоторые русскіе отряды уже заѣхали къ нему въ тылъ по дорогѣ къ Арску. Но онъ и не думалъ о сдачѣ. Долго и отчаянно бились татары, но сила одолѣла. Почти всѣ они полегли въ битвѣ, немногіе попались въ плѣнъ. На помощь своимъ Едигеръ сдѣлалъ вылазку, но она была отбита Воротынскимъ.

Уныло смотрѣли казанцы со стѣнъ на плѣнниковъ изъ рати Япанчи. Иванъ Васильевичъ приказалъ этихъ плѣнниковъ привязать къ кольямъ и поставить предъ стѣнами, съ тѣмъ, чтобы они уговаривали казанцевъ сдаться. Нѣкоторые изъ плѣнниковъ дѣйствительно стали уговаривать, но большая часть упорно молчали. Вдругъ со стѣнъ посыпалась туча стрѣлъ.

— Лучше вамъ, — кричали казанцы, — умереть отъ нашей чистой руки, чѣмъ отъ злой христіанской.

Еще раньше осады перебѣжалъ къ Ивану Васильевичу изъ Казани мурза Камай. Во время осады успѣли убѣжать изъ Казани нѣсколько русскихъ плѣнныхъ. Иванъ Васильевичъ призвалъ ихъ къ себѣ и сталъ разспрашивать, откуда казанцы воду берутъ. Они сказали, что изъ Казанки, у Муралеевыхъ воротъ, а ходятъ подземнымъ ходомъ и въ томъ мѣстѣ, гдѣ воду берутъ, тайникъ есть. Царь поручилъ было воеводамъ сторожевого полка Серебряному и Шереметеву уничтожить этотъ тайникъ, но они отвѣчали, что это невозможно. Тогда царь послалъ Алексѣя Адашева съ уче-

никами нѣмецкаго розмысла и ратными людьми, чтобы провести подкопъ подъ ходъ въ этотъ тайникъ, а самъ розмыслъ проводилъ въ это время подкопъ подъ казанскими стѣнами. Въ числѣ ратныхъ лю ей, данныхъ Адашеву, были Митяй и Безухій. Случилось имъ въ подкопѣ работать впереди другихъ ратныхъ людей

— Ухъ, братъ, какъ жутко подъ землей работать, — сказалъ Митяй.

— Не говори!

— Какъ это все рухнетъ на насъ!

— Ну, этого не будетъ. Нѣмцы съ нами же здѣсь ходятъ. Значитъ и себя берегутъ. А и хитры же эти нѣмцы! Вишь что выдумали — подъ землей рыться! Да какъ все ловко таково дѣлаютъ — гдѣ столбикъ подопрутъ, гдѣ иначе уладятъ — ходить можно. Хитрый народъ.

— Чай, они не спроста это все дѣлаютъ.

— Извѣстно, не спроста. Да намъ чего бояться? Теперь съ нами крестъ животворящій. А вѣдь какъ его привезли, братецъ ты мой, такъ всякія дѣла лучше пошли: и Япанчу побили, и дождикъ пересталъ.

— Оно точно: съ крестомъ святымъ никакая нечисть ничего не подѣлаетъ! А какъ, братецъ ты мой, наши подогнали туры, почитай, къ самымъ стѣнамъ. Надо и казанцамъ честь приложить: хоть и собаки они, а драться молодцы. Сколько разъ они нападали на насъ, когда мы туры ставили. За руки схватятъ да и сѣкутся. Какъ бы Воротынскій не такой молодецъ былъ, не легко бы отъ нихъ отбиться.

— И царь, дай Богъ ему здоровья, много трудится. Вечоръ я въ сторожевыхъ былъ. Вижу, около полуночи, конники ѣдутъ. Ну, ничего, видать, что наши. Подъѣхали поближе. Смотрю. царь съ Адашевымъ, съ ними десятка два ратныхъ людей. Стали они потихоньку разговаривать. Только я и услыхалъ, какъ царь Адашеву говорилъ: «Кажется, Олеша, отсюда можно будетъ». Намъ, чернымъ людямъ, тяготу нести можно, когда видишь, что царь-государь наравнѣ съ нами трудится.

— Воистину. За такимъ царемъ и въ огонь и въ воду.

— Постой! мнѣ послышалось...

— И мнѣ тоже... Нишкни! Надъ нами говорятъ.

Дѣйствительно, надъ головами имъ послышался татарскій говоръ.

— Вѣдь это они, — шепнулъ Безухій, — безпремѣнно за водой идутъ. Надо сказать воеводамъ.

Черезъ нѣсколько минутъ князь Серебряный самъ пришелъ на это мѣсто и слышалъ, какъ разговариваютъ татары.

— Теперь, братцы, вы приготовьте имъ, поганцамъ, угощенье, а я пойду государю доложу.

Ратники вкатили въ подкопъ одиннадцать бочекъ съ порохомъ.

Утромъ 4-го сентября множество казанцевъ собралось у входа въ подземелье, которымъ провозили воду въ крѣпость. Былъ тамъ и самъ царь со своими приближенными: Муралеемъ и Шигъ-Ахметомъ. Дожидались отряда казанцевъ, которые съ пятидесятью бочками поѣхали за водою.

— Охъ, хоть бы скорѣе привезли, — говорилъ одинъ татаринъ, — совсѣмъ въ горлѣ пересохло.

— Тяжелое наше житье, — сказалъ другой, — носа выставить нельзя — сейчасъ собаки-русскіе подстрѣлятъ. Живемъ въ норахъ, какъ лѣсные звѣри.

— Говори тише: услышитъ царь, прогнѣвается, а онъ шутить не любитъ.

Вдругъ раздался страшный шумъ, какъ отъ залпа многихъ пушекъ. То взлетѣло на воздухъ подземелье, по которому ходили за водою, а съ нимъ и отправившіеся туда казанцы.

Единодушный крикъ ужаса вырвался у татаръ, собравшихся у тайника. Прежде всѣхъ опомнился Едигеръ.

— Русскіе сейчасъ бросятся сюда, — сказалъ онъ Муралею и Шигъ-Ахмету, — отбивайтесь, а я поскачу за подмогой.

Дѣйствительно, русскіе воспользовались оцѣпенѣніемъ татаръ и ворвались въ городъ, били и брали въ плѣнъ обезпамятѣвшихъ отъ ужаса враговъ.

— Прощай! — сказалъ Муралей товарищу, — больше не увидимся.

И нанося тяжелые удары направо и налѣво, онъ бросился въ средину русскихъ. Отчаянное нападеніе татарскаго богатыря на минуту озадачило русскихъ, но скоро онъ палъ, пораженный множествомъ ударовъ. Но въ это время Шигъ-Ахметъ успѣлъ собрать нѣсколько казанцевъ и дать отпоръ русскимъ. Скоро подоспѣлъ Едигеръ съ ногаями и поддер-

жалъ своихъ. Русскіе получили приказъ отступить, потому что еще нельзя было произвесть общій приступъ. Но они были довольны пріобрѣтенными успѣхами: у казанцевъ была отнята вода, много ихъ убито и взято въ плѣнъ, и часть стѣны у входа въ подземелье разрушена.

Народъ волновался въ Казани. Едигеръ выѣхалъ къ народу съ ногаями.

— Помремъ съ жажды!—послышались голоса.

— Нельзя отсидѣться!

— Лучше ударить челомъ московскому государю!

— Молчать! — крикнулъ Едигеръ, — повѣшу того, кто заговоритъ о сдачѣ! Забыли свою вѣру? Прежде у татаръ эти собаки-русскіе въ ногахъ валялись, а вы хотите имъ кланяться! Женъ и дѣтей своихъ, своего родного города отстоять не можете.

Народъ присмирѣлъ, но многіе изъ толпы бросали злобные взгляды на царя и окружающихъ его ногаевъ.

— Воду, воду сыскали!—послышались голоса.

Всѣ повеселѣли.

Точно, нашли потокъ воды, но гнилой, смрадный. Отъ этой воды занемогали, пухли и умирали, но говорить о сдачѣ не смѣли, боясь царя. Сеиды и муллы всячески поддерживали намѣреніе Едигера не сдаваться и убѣждали народъ биться съ невѣрными, обѣщая тѣмъ, кто будетъ убитъ, райскія наслажденія въ роскошныхъ садахъ со множествомъ черноокихъ гурій.

— Во всѣхъ воротахъ, — приказывалъ Едигеръ Шигъ-Ахмету, — поставить большіе тарасы, насыпанные землею, стѣны починить. Да надо сдѣлать вылазку, чтобы народъ пріободрился.

Особенно безпокоили казанцевъ туры, которые князь Воротынскій успѣлъ придвинуть къ самому рву, противъ Арской башни, такъ что между ними и стѣнами оставался только ровъ въ три сажени шириною и въ семь глубиною.

Въ русскомъ лагерѣ были получены радостныя вѣсти: воеводы взяли Арскій острожекъ и всю Арскую сторону, много людей побили и поплѣнили, много освободили и русскихъ плѣнниковъ; войско Япанчи было все истреблено, самъ онъ пропалъ безъ вѣсти.

Весело шли русскіе ратники обѣдать, у туръ только

сторожа остались. Обѣдалъ и Воротынскій, а самъ все на крѣпость посматривалъ.

— Что-то сегодня татары присмирѣли, не къ добру это,—говорилъ онъ сыну.

— А можетъ и ослабѣли. Очень ты ихъ, родитель, стѣснилъ.

— Нѣтъ, надо ухо востро держать. Все думается мнѣ: не оплошно ли тамъ сторожа сидятъ? Я лучше дообѣдаю послѣ, а ты посматривай, да чуть что услышишь, поспѣшай туда съ ратными людьми.

Воротынскій поскакалъ къ турамъ. Только-что онъ туда доѣхалъ, послышались страшные крики. Изо рва какъ змѣи ползли татары и бросались на русскихъ, которые отъ неожиданности совсѣмъ оторопѣли.

— Не робѣть, ребята! — крикнулъ Воротынскій, — видите, я самъ здѣсь, сейчасъ придетъ подмога, бейте поганыхъ!

Увидя русскаго воеводу, татары толпой бросились на него, но и русскіе при видѣ его ободрились. Начался бой, но слишкомъ неравный. Силачъ Воротынскій положилъ на мѣстѣ нѣсколько татаръ, на него удары сыпались градомъ, но не всѣ были гибельны, благодаря его крѣпкимъ доспѣхамъ. Однако же во многихъ мѣстахъ онъ былъ раненъ и съ трудомъ отбивался отъ нѣсколькихъ непріятелей.

— Видно конецъ пришелъ! — думалъ знаменитый русскій воевода.

Но вдругъ загремѣли грозные крики, подоспѣло множество русскихъ. Вмигъ видъ боя измѣнился. Татары были сбиты въ ровъ и спаслись только въ норы, которыя у нихъ были прокопаны изо рва къ городу. Русскіе отстояли туры, но побѣда дорого имъ обошлась.

Уже сентябрь былъ на исходѣ. 30-го числа грянулъ страшный взрывъ и множество татаръ взлетѣло на воздухъ. Бревнами перебило такъ много казанцевъ, что прочіе испугались и нѣсколько времени не могли собраться съ силами. Пользуясь этимъ, русскіе воеводы придвинули туры къ Царевымъ и Аталыковымъ воротамъ. Но Едигеръ уже явился впереди татаръ.

— Впередъ! въ ножи! — крикнулъ онъ и первый бросился на русскихъ.

Татары съ такимъ ожесточеніемъ напали, что русскіе невольно подались назадъ.

— Ишь дьяволы! какъ бьются!—послышалось въ русскихъ рядахъ.

— А посмотрите-ка, кто смотритъ на насъ!—закричали имъ воеводы.

У города показался самъ царь Иванъ Васильевичъ.

— Ура! многія лѣта царю государю! Не выдадимъ, родимый! Рады за тебя свой животъ положить!

И съ этими криками, вся рать, бывшая подъ стѣнами, какъ одинъ человѣкъ, бросилась на татаръ. Началась безпощадная рѣзня. Съ обѣихъ сторонъ бились съ равною храбростію, но русскихъ было больше числомъ, и они одолѣли. Они даже взобрались на стѣны, заняти Арскую башню и ворвались въ городъ.

— Не пора ли дѣлать настоящее дѣло?—сказалъ Воротынскій государю.

— Не всѣ полки готовы, — отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ, — а надо всѣ силы, чтобы татаръ одолѣть: видишь, какъ они дерутся. Къ тому же я хочу сдѣлать послѣднюю попытку, предложу имъ сдаться. Мнѣ Казань, а не ихъ смерть нужна. И хотѣлось бы не проливать понапрасну крови христіанской.

Утромъ 1-го октября, изо всѣхъ полутораста пушекъ начался страшный огонь по Казани. Еще раньше дьякъ Иванъ Выродковъ построилъ высокую башню въ шесть саженъ. Съ нея и съ Арской башни, занятой русскими, стрѣльцы били всякаго, кто показывался на крѣпостныхъ улицахъ, но казанцы и показывались рѣдко. Они вырыли себѣ норы и землянки, и выходили оттуда только для боя. Въ царскомъ дворцѣ, который былъ удаленъ отъ стѣнъ, еще нечего было опасаться ружейныхъ выстрѣловъ. Тамъ Едигеръ принялъ посланнаго отъ Ивана Васильевича, мурзу Камая.

— Слово московскаго царя тебѣ, царь Едигеръ, и всѣмъ вамъ, мурзы, князья и уланы и весь народъ казанскій,—началъ говорить Камай.—Отсидѣться вамъ никакъ невозможно, подмоги не откуда ждать. Русскіе уже и башней и стѣной овладѣли, да отъ сегодняшнихъ выстрѣловъ и стѣна не долго устоитъ. Вы хорошо бьетесь, да и русскіе не хуже, а числомъ ихъ не въ примѣръ больше. Значитъ, устоять вамъ никакъ не возможно. Къ чему же кровь напрасно проливать? Отдайтесь на волю московскаго царя, ударьте ему челомъ и выдайте измѣнниковъ—онъ проститъ васъ.

— Измѣнникъ-то здѣсь только ты одинъ, — молвилъ Шигъ-Ахметъ.

— Оставь его, — сказалъ Едигеръ, — пусть онъ Ивану отвѣтъ отнесетъ. А отвѣтъ дайте вы всѣ.

— Всѣ и дадимъ, — отвѣчалъ мулла. — Есть ли здѣсь измѣнникъ правой вѣрѣ, кромѣ этой собаки? Хотите ли вы въ ногахъ у русскихъ ползать, женъ и дѣтей своихъ имъ предать, свой юртъ погубить?

— Не хотимъ! не хотимъ!

— Такъ слушай же нашъ отвѣтъ. Не бьемъ челомъ! На стѣнахъ русь, на башнѣ русь—ничего: мы другую стѣну поставимъ и всѣ помремъ или отсидимся.

Мурза Камай правду говорилъ: страшный огонь русскихъ пушекъ до основанія сбилъ городскую стѣну. Прикрываясь этою пальбою, русскіе ратники наполнили рвы лѣсомъ и землею и устроили чрезъ нихъ мосты. Царь повелѣлъ воинству готовиться пить общую чашу крови и очистить душу, то-есть исповѣдаться и причаститься. Весь день воины исполняли этотъ святой долгъ. Въ безмолвіи и тишинѣ тянулась ночь въ русскомъ лагерѣ. Изъ крѣпости доносились унылыя пѣсни. Распѣвая ихъ, татары тоже готовились къ смерти.

Еще до разсвѣта, 2-го октября въ воскресенье, многочисленные русскіе полки стали на указанныя мѣста, чтобы по первому знаку идти на приступъ. Другіе отряды заняли всѣ дороги къ городу, чтобы не допускать никакой помощи осажденнымъ и не пускать татаръ, когда они побѣгутъ изъ города. Государь отправился въ походную церковь, выслушалъ правило и велѣлъ начать обѣдню. Недѣльное евангеліе было о добромъ пастырѣ. Протодьяконъ, оканчивая чтеніе евангелія, возгласилъ: «да будетъ едино стадо и единъ пастырь!»

Вдругъ церковь задрожала. Раздался страшный взрывъ, предъ которымъ всѣ прежніе казались ничтожными. Всѣ въ церкви невольно перекрестились. Служба остановилась на минуту. Государь, а за нимъ и всѣ обратились къ дверямъ церкви. Страшное зрѣлище представилось имъ. Вся крѣпость была покрыта густымъ дымомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виднѣлось пламя, надъ городомъ носились бревна, люди, разорванные пополамъ, другіе съ оторванными руками и ногами.

На стѣнѣ появился игуменъ Тихонъ съ хоругвями и за нимъ крестный ходъ.

— Продолжайте службу!—тихо сказалъ государь.

Діаконъ началъ сугубую эктенью. Немного пришлось ему говорить:

— Еще молимся о благочестивѣйшемъ царѣ нашемъ Іоаннѣ Васильевичѣ всея Россіи и о еже покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата...

На послѣднемъ словѣ голосъ его оборвался. Произошелъ взрывъ сильнѣе перваго. Государь склонилъ колѣна.

— Пора!—громко воскликнулъ Воротынскій.

Раздались звуки трубъ и литавръ, и одновременно со всѣхъ сторонъ двинулась русская рать, съ криками: «съ нами Богъ!»

Почернѣвшіе отъ дыма, со стиснутыми зубами, судорожно сжавъ оружіе, ждали ихъ татары, отвѣчая на ихъ крикъ своимъ боевымъ крикомъ.

— Магометъ! Всѣ помремъ за юртъ!

Все смѣшалось въ общей свалкѣ. Тамъ русскіе ратники старались взобраться на остатки разрушенной стѣны и падали, пораженные бревнами и каменьями; тамъ татаринъ, сраженный на смерть, ползъ за побѣдителемъ и старался вцѣпиться зубами въ ноги; въ другомъ мѣстѣ въ воротахъ уже лежала груда тѣлъ и между ними русскіе и татары, съ лицами, искаженными злобою, схватившись за руки, рубили другъ друга. Тамъ кучка русскихъ, взобравшись на стѣны, гибла подъ безпощадными ударами, а тамъ русскимъ удалось окружить татаръ и истребить всѣхъ до одного. Но силы ссажденныхъ видимо слабѣли: на мѣсто убитыхъ русскихъ являлись новыя толпы воиновъ и какъ живая стѣна давили и тѣснили татаръ.

Иванъ Васильевичъ благоговѣйно причастился.

— Государь! пора ѣхать,—сказалъ Владиміръ Андреевичъ,—полки ждутъ тебя.

— Если до конца отслушаемъ службу, — отвѣчалъ царь, — то и совершенную милость отъ Христа получимъ.

Русскіе ворвались въ городъ, но тутъ имъ еще труднѣе было сражаться: каждый домъ сдѣлался крѣпостью, которую приходилось брать приступомъ. Отовсюду летѣли въ осаждающихъ стрѣлы и камни. По узкимъ улицамъ совершенно невозможно было двигаться въ виду отчаяннаго сопротивленія непріятеля.

— Взлѣзайте на крыши домовъ, —закричали русскіе воеводы,—оттуда бейте поганыхъ!

Не легко было исполнить приказаніе, потому что татары отстаивали каждый шагъ. Но послѣ отчаянныхъ усилій русскимъ удалось овладѣть крышами домовъ. Татары подались назадъ.

Передъ побѣдителями открылся богатый казанскій торговый дворъ.

— Ну, ребята,—крикнулъ одинъ изъ ратниковъ,—тутъ можно и себя не забыть.

— Извѣстно!

— Надо домой съ гостинцами придти!

— Много они у насъ, собаки, грабили — теперь пришелъ и нашъ чередъ.

У русскихъ глаза разбѣжались. Кто схватилъ тюкъ съ краснымъ товаромъ, кто загребалъ жемчугъ, кто набивалъ карманы золотыми и серебряными вещами и монетами. Казань городъ богатый, торговый, чего, чего въ ней не было; увидали на ея торговомъ дворѣ русскіе ратники и такія вещи, которыхъ отродясь не видывали.

Воротынскій замѣтилъ, что густые ряды русскихъ вдругъ порѣдѣли.

— Бояринъ,—сказалъ онъ Даніилу Романовичу, ѣхавшему съ нимъ рядомъ, — поѣзжай къ царю, проси, чтобы непремѣнно выѣхалъ: надо подкрѣпить войско.

Обѣдня уже оканчивалась, когда Даніилъ Романовичъ примчался къ походной церкви и передалъ государю слова Воротынскаго. Царь вздохнулъ глубоко и прослезился.

— Не остави меня, Господи Боже мой! — прошепталъ онъ,—не отступи отъ мене, вонми въ помощь мою!

Приложась къ образу св. Сергія, онъ принялъ благословеніе отъ духовника и сказалъ духовенству:

— Простите меня и благословите пострадать за православіе, помогайте намъ молитвою.

Затѣмъ онъ вышелъ изъ церкви, сѣлъ на коня, прискакалъ къ своему двадцатитысячному полку и вмѣстѣ съ нимъ двинулся на городъ.

Онъ поспѣлъ въ самое время. Едигеръ замѣтилъ, что большая часть русскихъ занялась грабежомъ, собралъ отборныхъ ратниковъ и ударилъ на русскихъ. Воротынскій геройски встрѣтилъ его, но все же долженъ былъ податься

назадъ. Тѣ русскіе, которые грабили торговый дворъ и дома казанцевъ, увидя, что наша рать отступаетъ передъ врагами, испугались и бросились бѣжать, крича: «сѣкуть, сѣкуть!»

Но тутъ явилась дружина царя Ивана Васильевича. Спѣшившись, грознымъ строемъ она пошла на враговъ. Предъ нею они не могли устоять.

Но они отступали шагъ за шагомъ, грудь съ грудью принимая и отражая удары. Когда русскіе подошли къ главной мечети, ворота ея отворились, многочисленная толпа сеидовъ и муллъ вышла оттуда и съ ножами бросилась на русскихъ.

Татаръ оставалось только шесть тысячъ. Всѣ прочіе погибли. Они столпились около одной изъ уцѣлѣвшихъ башенъ и закричали, что хотятъ вести переговоры.

Воевода князь Палецкій, который всѣхъ ближе былъ къ этой башнѣ, пріостановилъ сѣчу.

Шигъ-Ахметъ вышелъ на башню и сказалъ:

— Пока стоялъ юртъ и престолъ, мы бились до смерти, теперь отдаемъ вамъ царя нашего живого и невредимаго, а сами идемъ въ широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу.

Блѣдный, покрытый кровью, Едигеръ спустился съ тремя мурзами и отдался въ руки русскихъ. Татары съ обломковъ стѣны и съ башни стали спускаться къ Казанкѣ.

— Романъ!—закричалъ князь Андрей Курбскій своему брату,—переймемъ дорогу поганымъ.

И удалые князья съ малою дружиной понеслись на перерѣзъ татарамъ. Но вся отвага и ловкость Курбскихъ не помогли. Какъ стая голодныхъ волковъ набросились татары на ихъ дружину и вмигъ смяли ее, сами князья пали израненые. Но все-таки они на время задержали татаръ. Князья Глинскій и Микулинскій и бояринъ Шереметевъ воспользовались этимъ и съ разныхъ сторонъ ринулись на татаръ.

Они испили послѣднюю чашу. Ни одного изъ нихъ въ живыхъ не осталось. Русскіе полонили только женщинъ да дѣтей.

Царь Иванъ Васильевичъ приказалъ служить благодарственный молебенъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ во время взятія города стояло царское знамя, сооружена была церковь.

Послѣ молебна князья и бояре поздравляли государя.

— Радуйся, царь православный, Божіею благодатію побѣдившій супостатовъ,—говорилъ князь Владиміръ Андреевичъ,—будь здоровъ на многія лѣта на Богомъ дарованномъ тебѣ царствѣ казанскомъ.

— Богъ это совершилъ, — отвѣчалъ царь, — твоимъ, князь Владиміръ Андреевичъ, попеченіемъ, всего нашего воинства трудами и всенародною молитвою; буди воля Господня!

— Избавитель нашъ!—кричали освобожденные русскіе плѣнники,—ты вывелъ насъ изъ ада! для насъ, сиротъ своихъ, головы своей не щадилъ!

Царь велѣлъ кормить ихъ на свой счетъ и отправить по домамъ, все, взятое въ Казани, отдалъ войску, себѣ взялъ только пушки и знамена.

Намѣстниками казанскими государь назначилъ князей Горбатаго-Шуйскаго и Василья Семеновича Серебрянаго. Первымъ архіереемъ казанскимъ былъ назначенъ Гурій, котораго впослѣдствіи православная церковь причислила къ лику святыхъ. Когда государь воротился въ Москву, то роздалъ щедрые дары духовенству и награды воеводамъ и воинамъ. Кромѣ вотчинъ, помѣстій и кормленій было роздано деньгами, платьемъ, сосудами, доспѣхами и конями на 48,000 рублей.

Весело возвращались ратники изъ казанскаго похода, обремененные добычею и наградами, и далеко разносилась по всей Руси вновь сложенная пѣсня о томъ, какъ царь Иванъ Васильевичъ славный городъ Казань добывалъ и подъ стѣны ея подкопы подводилъ.

V.

ОСАДА ПСКОВА.

(1581 г.).

ЗО всѣхъ городовыхъ стрѣльцовъ во Псковѣ, едва-ли не самый богатый былъ Андрей Максимовичъ Кошкаровъ. Съ малолѣтства отецъ пріучалъ его къ торговлѣ, возилъ съ собою въ Ригу, и въ Нарву, и въ Ревель, и въ Юрьевъ, что у нѣмцевъ называется Дорпатъ, и торговля сдѣлалась ему дѣломъ привычнымъ. Кстати, между дѣломъ, онъ выучился и говорить по-нѣмецки. Поневолѣ выучился онъ чужому языку, потому что дѣла были все съ нѣмцами, а имъ плохо дается русская рѣчь. Торговалъ онъ кожами да льномъ, и дѣла при отцѣ пошли-было бойко; да какъ-то случилась съ нѣмцами война, они забрали въ Ригѣ товаръ, отца убили, а Андрей едва ноги унесъ и до поры до времени сталъ служить въ стрѣльцахъ городовыхъ. Но это вовсе не мѣшало ему торговать, и мало-по-малу опять ленъ и кожи стали давать ему хорошій прибытокъ. Служба шла своимъ чередомъ, торговля ей не мѣшала, и вотъ кладовыя Андрея Максимыча то наполняются товаромъ, то пустѣютъ, и опять наполняются, а въ скрынѣ подъ печкой все понемногу прибываютъ да прибываютъ венгерскіе золотые, чистый барышъ. Андреева жена, Авдотья, больше всего любила венгерскіе золотые: они такіе красивые, полновѣсные, и мѣста занимаютъ немного.

Андрей былъ еще въ половинѣ четвертаго десятка, когда его выбрали стрѣлецкимъ головою и подъ его начальствомъ было пятьсотъ стрѣльцовъ. Они пособляли ему иногда при нагрузкѣ и выгрузкѣ судовъ и обозовъ и охотно работали на своего голову, потому что онъ чужими руками жаръ не загребалъ и за работу расплачивался честно. Житье головѣ было хорошее: продолжительный миръ давалъ торговлѣ просторъ, и голова хорошо наживался особенно потому, что торговалъ безъ обмана. Однако не все коту масленица, бывали и тяжелые дни: то судно разобьется въ бурю на Чудскомъ озерѣ, то пожаръ, то нѣмецкій купецъ должникъ сбѣжитъ изъ Риги въ нѣмецкую землю. Но хуже всего бѣда пришла, когда во Псковъ стали собираться полки изъ разныхъ мѣстъ, изъ Москвы, изъ Твери, изъ Ярославля, изъ Новагорода. Это было въ 1557 году. «Быть войнѣ великой»,—говорили псковскіе люди, потому что войска набиралось много, и были слухи, что въ Ивангородѣ, противъ Нарвы, тоже скопляются полки. Послы и гонцы поминутно проѣзжали черезъ Псковъ, то изъ Юрьева въ Москву, то обратно, и нѣкоторые спѣшили такъ, что не останавливались и перекусить.

Въ началѣ зимы, какъ-то поздно вечеромъ, постучался у воротъ Андреева дома весь занесенный снѣгомъ человѣкъ. Дневальный стрѣлецъ отворилъ ему калитку и узналъ знакомаго купца изъ Риги, Клауса Франка. Хозяинъ совсѣмъ собирался лечь спать, но дорогого гостя надо было принять, угостить и дать ему ночлегъ.

— Добро пожаловать, почтенный Клаусъ Франковичъ! Какъ поживаешь? Неужели изъ Москвы успѣлъ оборотиться?

— Изъ самой Москвы,—отвѣчалъ Клаусъ, снимая занесенную снѣгомъ волчью шубу,—только голоденъ какъ песъ: пообѣдали мы за царскимъ столомъ не ѣвши.

— Жена! Авдотья! Покорми гостя-то! Что ни есть въ печи, все на столъ мечи!.. Какъ пообѣдали не ѣвши за царскимъ столомъ?..

— А такъ, не ѣли, да и все. Погоди, дай разуться да вздохнуть; а пока что—пошли-ка стрѣльца на нѣмецкій дворъ: тамъ у меня товарищи, Крузе да Эвертъ, чтобы заѣхали за мной, какъ управятся.

— Неужели не останешься переночевать?

— Ни за какія коврижки! Только обогрѣюсь, поѣмъ, да и прощай, Андрей Максимычъ!

— А ты сказывай скорѣй, война или нѣтъ?

— Ой, война! Право, кажется, война!..

За горячимъ жирнымъ ужиномъ Клаусъ подробно разсказалъ, какъ неудачно было его посольство:

— Торговались мы, торговались, однако дѣлать нечего: видимъ мы, что московскіе бояре не уступаютъ ничего. Ну, и согласились на томъ, что было постановлено за три года, то-есть за Юрьевъ, а по-нашему за Дорпатъ, вносить царю взякій годъ по тысячѣ венгерскихъ золотыхъ, а за всю Ливонію 45,000 ефимковъ, это будто бы за то, что царь истратилъ на приготовленія къ войнѣ. Подписали договоръ, а денегъ съ собой нѣтъ: молъ поѣдемъ въ Юрьевъ и деньги вышлемъ. Хорошо. Только окольничій Алексѣй Адашевъ да дьякъ Иванъ Михайловъ и позвали на завтра къ царю обѣдать: значитъ, обѣдъ на отпускъ, всегда такъ бываетъ. Противъ царскаго стола поставили и намъ столъ, да два стола боярскихъ. Подаютъ, какъ водится, пироги, похлебки, блины, жаркія, печеныхъ куръ, каши, павлиновъ, зайцевъ, лебедей, все подаютъ, а на нашъ столъ ставятъ пустыя блюда. Пахнетъ это все такъ вкусно, что слюнки текутъ, а намъ все блюда и тарелки перемѣняютъ и ставятъ новыя, все пустыя, да четыре часа битыхъ такъ и проморили. А царь кушаетъ, изрѣдка поглядываетъ на насъ, улыбается. На отпускѣ Адашевъ говорилъ, что намъ и пріѣзжать не слѣдовало съ одними пустыми разговорами, что за пустые разговоры царь и обѣдомъ угостилъ насъ пустымъ. Расчухали господа бояре, что для насъ главное дѣло—время протянуть.

— Ну что, не говорилъ я тебѣ, какъ ты въ Москву ѣхалъ, что толку никакого не будетъ? Ну, разъ отговорами оттянули уплату, другой разъ переговорами отдѣлались, въ третій разъ на посулахъ выѣхали, ну вотъ и дождались, посидѣли голодомъ за царскимъ столомъ. Эхъ-ма, Клаусъ Франковичъ! Покорилась-бы Ливонія русскому царю вся какъ есть, безъ остатка, и заторговали-бы себѣ мирно и тихо, безъ всякой помѣхи! А то нѣтъ, вертятся, виляютъ, какъ-бы только не заплатить что слѣдуетъ! Вотъ и дождались! Эхъ, чтобы вамъ пусто было...

— Да можетъ быть еще какъ-нибудь...

— Да, какъ-же! Знаете вы нашего Ивана Васильевича! Онъ къ морю такъ и рвется, и спитъ и видитъ только

море, а у него нравъ такой, что какъ наладитъ, такъ подавай! Онъ такъ считаетъ, что безъ хорошаго морского берега русской землѣ быть нельзя, что намъ нуженъ морской просторный путь въ чужія земли, и лучшіе русскіе люди то же думаютъ. Какъ только заключилъ въ Юрьевѣ договоръ царскій келарь Терпигоревъ, такъ и сталъ Иванъ Васильевичъ писаться государемъ Ливонскія земли. Тогда сказано было: платить дань, ну—и плати...

— Да, это вамъ русскимъ хорошо говорить, а мы, ливонцы, съ тѣхъ поръ какъ Ливонія стоитъ, никому дани не плачивали.

— Вотъ и попробуйте, какъ это такъ бываетъ, что не все свое—мое. А худого въ этомъ нѣтъ ничего, потому что я заплатилъ, что положено, да ужь и знаю, что все остальное прочно за мной держится; а вы точно что ничего не платите, да за то каково-то это будетъ, какъ всѣ собранные здѣсь полки въ вашу землю вступятъ? Много-ли у васъ животовъ останется? Страсть и подумать!.. Однако война войной, а если хочешь льну такого, какого въ торговлѣ еще не видано, такъ бери скорѣй, пока еще полки не выступили; а выступятъ—знаешь что бываетъ?

И друзья сторговались очень выгодно для обѣихъ сторонъ. Клаусъ оставилъ хозяину половину договоренной цѣны и уѣхалъ очень спѣшно, поблагодаривъ пріятеля за угощенье. Авдотья Ѳедоровна долго любовалась на красивыя, тяжелыя золотыя деньги, пересчитывала ихъ разъ двадцать и слушала какъ они хорошо, чисто и звонко звенятъ. На другой день длинный обозъ со льномъ потянулся отъ амбара стрѣлецкаго головы къ нѣмецкой границѣ.

А не дальше, какъ черезъ недѣлю пріѣхалъ во Псковъ Данило Ѳедоровичъ Адашевъ съ княземъ Барбашинымъ, и полки стрѣлецкіе выступили въ походъ воевать и казнить Ливонскую землю. Всего войска было тысячъ сорокъ, а непріятеля въ полѣ не было, такъ что вышла одна только казнь земли, безъ воіины. Полки вступили въ непріятельскій край и стали разорять все, что было можно. Не оставили цѣлымъ ни одного поселка, ни одной мызы, ни одного посада. Жители бѣжали, кто въ крѣпости, кто въ лѣса, а имущество, какое оставалось, стрѣльцы забирали себѣ, а чего нельзя было взять, то жгли безъ всякаго милосердія. И это не было какою-нибудь особенною жестокостью: такъ

надо было по тогдашнему суровому времени, и никого это не удивляло. Полкъ Андрея Кошкарова не отставалъ отъ другихъ, и въ посадѣ крѣпости Нейгауза сжегъ тотъ самый ленъ, который хозяинъ незадолго передъ тѣмъ продалъ своему пріятелю Клаусу.

— А ленъ-то, братцы, нашъ! — говорилъ одинъ изъ стрѣльцовъ, входя съ головней въ сарай,—это нашему головѣ невыгодно будетъ!

— Тутъ, братъ, война, а не выгода, не торгъ, такъ считать нечего! А не зажжемъ, огонь все равно дойдетъ.

— Неужели не зажечь? Экой ты, братецъ! Не зажечь нельзя, а я это къ тому говорю, что сами же мы возы грузили, вотъ что! А развѣ можно не зажечь?—и онъ воткнулъ въ ленъ горящую головню.

Выжгли посады еще при Киремье, при Маріенбургѣ, при Ульценѣ и подошли къ Юрьеву. Туда же подходили главные полки съ княземъ Михайломъ Глинскимъ. Нѣмцы вылѣзли-было изъ Юрьева небольшими силами, да князь Серебряный съ Шереметевымъ побили ихъ и загнали назадъ въ городъ, а въ плѣнъ захватили пятьдесятъ четыре человѣка. Всего разграбили и выжгли предмѣстья шестнадцати городовъ, а разоренныхъ деревень, мызъ, господскихъ домовъ—никто и не считалъ. До Риги не доходили всего на пятьдесятъ верстъ, отъ Ревеля были всего въ тридцати, и вышли за Нарвой къ Ивангороду съ большими обозами всякой добычи.

Кошкаровъ послѣ святокъ пріѣхалъ повидаться съ женой и привезъ ей множество гостинцевъ. При дѣлежѣ добычи онъ себя не забылъ и выбралъ изо всякаго натасканнаго добра пять или шесть паръ серегъ, ожерелье изъ янтаря, большой платокъ турецкій и тому подобныя женскія украшенія. Авдотья Ѳедоровна была довольна и похвалила мужа за то, что въ походѣ ея не забылъ. Но самъ голова вовсе не былъ доволенъ. Его торговыя дѣла остановились и не было надежды въ скоромъ времени приняться опять за спокойный и выгодный промыселъ.

— Эхъ, бабы!—говорилъ онъ съ укоризной,—сережкамъ какимъ-то рада, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ въ нихъ какой-нибудь есть толкъ: одинъ грѣхъ въ этихъ сережкахъ, больше ничего. Сколько добра разорено, сколько выжжено, сколько народу обнищало и скитается теперь безъ крова отъ

этой войны, чтобы ей пусто было! Правда, что народу погибло не много, за то богатства пошло на вѣтеръ столько, что и не счесть. На одной мызѣ наложены были скирды хлѣба одна возлѣ другой, съ десятину мѣста занимало ржанище. Что-же? Вырубили огоньку, сѣрную спичку зажгли, будто дѣло сдѣлали, и подожгли скирду. Сколько тутъ труда положено было въ эти скирды! Сколько поту крестьянскаго понапрасну пропало! А лень-то мой? Что Клаусу запродалъ и половину только денегъ получилъ—чуть не своими руками сжегъ, все равно что сжегъ свои деньги... Вотъ помяни ты мое слово, что эта война надѣлаетъ намъ великихъ бѣдъ, и въ годъ, а можетъ быть и въ два намъ отъ нея не отдѣлаться!..

Но стрѣлецкій голова ошибался: война, съ небольшими передышками, продолжавшимися то шесть мѣсяцевъ, то годъ, тянулась двадцать четыре года и о торговлѣ нечего было думать: чуть во время затишья затѣется какой-нибудь торгъ, какъ военная гроза опять распугаетъ и продавцовъ, и покупателей, и опять тянутся цѣлые годы разоренія, пожаровъ, и льются рѣки крови.

Въ Ливоніи перемѣнился магистръ: мѣсто стараго Фирстенберга занялъ молодой Кетлеръ; войска наши взяли Нарву, взяли Юрьевъ, взяли Пиркель, Везенбергъ, всего двадцать ливонскихъ городовъ. На слѣдующій годъ опять война, а тамъ опять, и Андрей Максимычъ началъ отбиваться отъ дому, потому что его оставили съ полкомъ въ Юрьевѣ, а потомъ перевели неподалеку, въ Лаисъ. Просто хоть плачь! Жена дома одна, отлучиться отъ полка нельзя, потому что въ Лаисѣ Кошкаровъ былъ оставленъ набольшимъ. Въ это время новый магистръ, чтобы найти защиту отъ русскаго царя, отдался польскому королю Августу и, заключивъ съ нимъ договоръ, среди перемирія, подступилъ къ Юрьеву и на голову разбилъ неосторожнаго воеводу Захара Плещеева и перебилъ болѣе тысячи человѣкъ нашихъ. Тутъ вышелъ случай стрѣлецкому головѣ повидаться съ женою, побывать во Псковѣ; но случай былъ таковъ, что пожалуй лучше бы его не было вовсе. Пріѣхалъ онъ домой слишкомъ два года спустя послѣ того, какъ въ послѣдній разъ видѣлся съ женою. Дѣло было раннею весною, въ самую распутицу (1560 г.), пріѣхалъ нежданный и засталъ жену за вышиваньемъ: она шила краснымъ и синимъ шелкомъ богатый

узоръ вокругъ ворота бѣлой рубахи. Радости не было конца, и разспросы сыпались на Андрея градомъ. Но когда Авдотья Ѳедоровна узнала, что мужъ побывалъ въ Москвѣ, то стала ему пенять, что не заѣхалъ домой, когда это такъ легко было. Тутъ же она узнала, что онъ ѣздилъ гонцомъ прямо къ царю отъ воеводы князя Андрея Ростовскаго, и испугалась не на шутку.

— Господи! страсти какія! Что-же ты прямо не сказалъ!..

Но когда узнала, что онъ прогналъ отъ Лапса магистра самого, Кетлера, то воскликнула:

— Голубчикъ мой! Воинъ великій! Что-же не сказалъ прямо!..

— Постой, голубушка моя,—отвѣчалъ разбитый трудною дорогой голова,—дай съ духомъ собраться, дай отдохнуть, все сплошь узнаешь, и какъ что было, и какъ меня Господь сподобилъ прогнать нѣмца и за этотъ подвигъ видѣть грозныя царскія очи. Вотъ схожу въ баню да высплюсь, и натолкуемся вволю: времени будетъ довольно, можетъ быть дня два побуду здѣсь.

— Что ты? Что ты? Два дня! Это послѣ двухъ-то лѣтъ? Нѣтъ, этому не бывать, я сама скажу твоему воеводѣ Ростовскому, что и по-божески этого нельзя: въ кои-то вѣки свидѣлись, да два дня!

— Такъ ты и въ самомъ дѣлѣ рада? — спросилъ ее дружески мужъ. Но этого и спрашивать не надо было: глаза ея такъ и свѣтились, а щеки разгорѣлись какъ въ лихорадкѣ.

Попарившись, отдохнувъ немного и плотно перекусивъ, голова такъ разсказывалъ женѣ:

— Лаисъ—это мѣсто такое есть въ Ливонской землѣ. Городъ не городъ, мѣстечко не мѣстечко, а монастырь такой латинскій былъ крѣпкій и стѣны вокругъ него толстыя, крѣпкія. Послали меня туда съ полкомъ, и сталъ я тамъ какъ-будто за воеводу, и надо мной никого не было. Ну, и живу. Пока перемирное время было, такъ оно ни его, ни дѣла тебѣ нѣтъ никакого, ни бросить своего мѣста нельзя, такъ, одна только скука. День-то деньской ходишь, ходишь, нѣтъ-нѣтъ, да и вздумается: что-то моя женушка подѣлываетъ? Жалѣетъ ли меня? Поджидаетъ-ли? Вдругъ въ прошломъ году, позднею осенью, въ страшную слякоть, за мѣсяцъ до конца перемирнаго срока, подступили нѣмцы къ Юрьеву, съ самимъ

магистромъ, и было ихъ, надо полагать, тысячъ съ двадцать. Наткнулись они на Плещеева и много нашихъ положили на мѣстѣ. Съ разбѣгу хотѣли они взять Юрьевъ, да не удалось: бояринъ Андрей Ростовскій былъ наготовѣ. Постояли, постояли дней съ десять, изъ пушекъ палили, а дѣла никакого не сдѣлали: морозы, вьюги, бездорожье, такъ что людямъ магистровымъ стало ѣсть нечего. Подумалъ, подумалъ, да и пошелъ назадъ. Съ досады онъ и накинулся на мой Лаисъ; а у меня тамъ и четырехъ сотъ человѣкъ не наберешь. И думаю себѣ: ну, Андрей Максимычъ! Каково-то ты сумѣешь постоять, какъ русскому человѣку стоять за вѣру надо? Да въ военномъ дѣлѣ это просто, и главное — сомнѣваться не надо. Подходитъ врагъ, ну, стало быть, держись, нападаетъ, ну—бей его, отступаетъ, ну, опять таки гони его и бей. Нечего тутъ умомъ раскидывать: не обождать-ли, не посторониться-ли, не отпустить-ли его подальше. Подошли нѣмцы, поставили туры и давай бить пушками въ стѣну, а мы со стѣнъ ихъ пушки бьемъ. Однако они скоро у насъ развалили стѣну сажень на пять: такъ и разсыпалась, точно изъ песку была сложена. Ну, въ проломъ то и полѣзли, а мы стали и не пускаемъ. Тутъ бой былъ великій два дня сряду. Врѣжутся они въ городъ, а мы ихъ отрѣжемъ да и переколемъ, а то такъ и просто свяжемъ. Опять деремся, опять они одолѣютъ, опять врѣжутся, а мы ихъ опять дружненько стиснемъ да и перевяжемъ, и опять на разсыпанной стѣнѣ бьемся. Солнце встало и сѣло, и послѣ того всю ночь на снѣгу, и на другой день солнце опять встало, и опять сѣло, а мы бились, не покладая рукъ. Нѣмца мы за два-то дня перебили тысячъ до пяти, за то и насъ осталось человѣкъ двѣсти съ небольшимъ. Однако отбились: Кетлеръ ушелъ, а мы— куда уже ни шло, на закуску, погнались за нимъ вдогонку всѣ, сколько насъ въ Лаисѣ ни осталось живыхъ, да ночью то верстъ десять гнали по дорогѣ къ Вендену. Послѣ того мы вернулись и выспались, а на утро—смѣхъ было смотрѣть: люди бродятъ какъ шальные или словно какъ угорѣлые, даже шатаются. Я—въ Юрьевъ къ воеводѣ съ докладомъ, что магистръ бѣжалъ, что у меня и двухсотъ человѣкъ здоровыхъ не набрать, а стѣны разваливаются. Воевода меня похвалилъ и тутъ же велѣлъ собираться ѣхать въ Москву къ самому царю. Меня отъ этого даже покоробило: мнѣ лучше бы во Псковъ на недѣльку съѣздить, а тутъ гони

что есть духу въ Москву, да становись прямо передъ очи грознаго царя. Однако на службѣ не очень-то можно отговариваться: собрался и покатилъ. Домой заѣзжать нечего было и думать, потому что другого гонца могли послать послѣ меня, а еслибъ онъ раньше меня пріѣхалъ, такъ нехорошо... Пріѣзжаю въ Москву, прямо въ Кремль, и только-что сказалъ кто я и откуда, какъ ввели меня въ покой, а оттуда еще черезъ горницу прямо къ окольничему Алексѣю Адашеву. Это братъ родной нашему воеводѣ Данилѣ Ѳедоровичу, только статья ему другая: онъ царю правая рука, больше! Можетъ быть онъ царскія очи и уши. Только человѣкъ онъ добрый и простой, обходительный. И столько у него этой доброты, что взглядомъ и улыбкой будто шубой одѣваетъ человѣка: тепло становится и привольно: всю ему подноготную доброй волей разсказать готовъ, и поговорилъ онъ со мной немного, будто озолотилъ, и полюбилъ я его, и сталъ ему по гробъ благодаренъ: видно уже такая въ немъ сила добра самимъ Богомъ положена, что отъ этого добра великаго становится человѣку и тепло, и легко на душѣ. «Погоди, говоритъ, немного, я поѣду государю доложу». И такъ это просто, какъ-будто квасу глотнуть. А я и говорю: «Страшно больно, бояринъ! Какъ это самого-то увидать!» А онъ: «Экой ты, братецъ! Передъ цѣлымъ войскомъ нѣмецкимъ, передъ самимъ магистромъ не сробѣлъ, а тутъ робѣешь! Царь нашъ великодушенъ, и кротокъ, и милостивъ, а грозенъ только врагамъ и злодѣямъ. Если что не по придворному скажешь, онъ не взыщетъ, потому что ты человѣкъ боевой, да и съ морозу прямо, пожалуй, и голодный. Подожди меня здѣсь». Всталъ да и пошелъ. Я стою, и бросаетъ меня то въ жаръ, то въ холодъ, точно я виноватъ въ какомъ нехорошемъ дѣлѣ. Слышу, бѣжитъ кто-то,—и вбѣгаетъ въ покой мальчикъ, красивый такой, съ топорикомъ. Кафтанчикъ на немъ бѣлый глазетовый, шитый золотомъ, а въ правой рукѣ топорикъ серебряный, волосы черные, долгіе, мальчишка красавецъ, кровь съ молокомъ. «Ты,—говоритъ,—стрѣлецкій голова Андреи Кошкаровъ?»—«Я».—«Ну, такъ ступай за мной къ царю». Иду я за нимъ, а самого такъ и покачиваетъ, словно во хмѣлю. Распахнулась послѣдняя дверь, мой провожатый сталъ у самой двери какъ вкопаный, и топорикъ на плечо закинулъ. Гляжу, боярин Алексѣй стоитъ у стола и бумагу держитъ, что я привезъ изъ Юрьева, а за столомъ въ креслѣ сидитъ

самъ. Я сотворилъ земной поклонъ, а встать-то и не смѣю, лежу. И слышу я голосъ: «Ну-ка, подойди-ка сюда! Погляжу я, кто такой магистра ливонскаго съ двумя стами человѣкъ гналъ, какъ зайца!» И голосъ, скажу я тебѣ, такой звонкій, гладкій и веселый: у меня съ души и отлегло. Я всталъ и пошелъ, только не знаю, ни гдѣ остановиться, ни какъ стать. Однако сталъ шага на четыре не доходя царя. Онъ руку протянулъ, я ступилъ еще, сталъ на колѣна, руку поцѣловалъ и опять поднялся. Долго онъ меня разспрашивалъ, а подъ конецъ нахмурился, говоритъ: «А что-же ты, мой вѣрный голова, всего только двѣ пушки у нѣмцевъ подбилъ? Оплошалъ?...» Я опять въ ноги: «Виноватъ!...» А онъ посмѣялся милостиво и говоритъ: «Точно что виноватъ, что съ полтысячей всего только двадцать тысячъ прогналъ, а съ двумястами полтораста сотъ гналъ. Побольше-бы мнѣ такихъ виноватыхъ. Спасибо, голова, за прямую службу. Поживи у меня на Москвѣ, отдохни, а я тебя не забуду: ты мой гость». Я опять въ ноги. Да два мѣсяца меня въ Москвѣ и продержали, а я это время пожалуй бы и въ Псковѣ пожилъ. Пожаловалъ мнѣ царь шубу, пожаловалъ золотую медаль, а послѣ того я его не видалъ. При мнѣ много гонцовъ пріѣзжало изъ Ливоніи, повѣщали, что безъ меня Маріенбургъ взяли, при мнѣ новая рать выступила съ княземъ Андреемъ Курбскимъ. Какими-то судьбами вспомнили и обо мнѣ и велѣли ѣхать обратно. Теперь особеннаго спѣху нѣтъ, такъ я къ тебѣ и заѣхалъ; а также и заживаться нельзя: день или два, ну, пожалуй, три, можно свалить на распутицу, что рѣки помѣшали, а больше нельзя: зазорно будетъ.

Однако Авдотья Ѳедоровна выторговала себѣ еще два дня, и Кошкаровъ уѣхалъ въ Юрьевъ на пятый день.

Горько плакала жена, провожая мужа на опасное и трудное военное дѣло: ей казалось, что уже никогда она больше съ нимъ не увидится, что нѣмецкая пушка подстрѣлитъ его въ первомъ-же сраженіи. И нѣсколько дней послѣ того возьмется она за вышиванье ворота на мужниной рубашкѣ, работа выпадаетъ изъ рукъ и слезы заволакиваютъ глаза. Мало-по-малу однако же она притерпѣлась къ своему горю и ей начинало казаться, что мужъ и не пріѣзжалъ вовсе, что это она видѣла только во снѣ. Только богатая соболья шуба, царскій подарокъ, оставленный Кошкаровымъ дома, доказывалъ, что его пріѣздъ случился на яву.

Изъ войска вѣсти приходили рѣдко и невѣрные: то гонецъ какой, мимоѣздомъ черезъ Псковъ, велитъ передать Авдотьѣ Ѳедоровнѣ поклонъ отъ мужа, то раненый стрѣлецъ придетъ на родину лѣчиться и разсказываетъ про своего голову. А печальная жена навѣщаетъ раненаго, поитъ и кормитъ его и все разспрашиваетъ о военномъ житьѣ-бытьѣ. Такъ то съ вѣстями, то вовсе безъ вѣстей проходили недѣли за недѣлями. Прошло и все лѣто. Въ концѣ августа по всѣмъ псковскимъ церквамъ служили панихиды по новопреставившейся царицѣ Анастасіи, и народъ жалѣлъ о неіі нелицемѣрно: хотя она во Псковѣ не бывала, но слухомъ земля полнится, и всѣ говорили, что она была ангеломъ доброты и кротости. Наступила и зима. Напрасно ожидая вѣстей отъ любимаго мужа, Авдотья Ѳедоровна стала усерднѣе прежняго посѣщать храмы Господни, монастыри и нерѣдко заказывала молебны о здравіи раба Божія Андрея. Чаще прежняго стали ее навѣщать монахини, особенно настоятельница женскаго монастыря, мать Ненила. Ея бесѣды помогали Авдотьѣ коротать время, особенно потому, что мать Ненила видала много разнаго народу и имѣла всегда самыя свѣжія вѣсти.

Однажды вечеромъ, въ концѣ Рождественскаго поста, мать Ненила пришла съ такимъ таинственнымъ видомъ, что Авдотья Ѳедоровна испугалась и осыпала гостью вопросами.

— Ничего нѣтъ худого съ той стороны, матушка ты моя,—отвѣчала монахиня шопотомъ,—а вотъ изъ Москвы такъ вѣсти неслыханныя, небывалыя...

Она притворила дверь и, оставшись съ хозяйкой наединѣ, стала ей тихимъ голосомъ разсказывать:

— Сегодня утромъ пріѣхалъ изъ Москвы настоятель Спасо-Ефимьевскаго монастыря и разсказывалъ такія страсти, что волосъ дыбомъ становится. Послѣ кончины царицы Анастасіи, царь тосковалъ долго, да съ тоски приключилось ему нѣкое затменіе. Вмѣсто прежняго ближняго боярина Алексѣя Адашева, что умеръ у насъ въ Юрьевѣ, настали новые любимцы, Алексѣй Басмановъ, да князь Аѳанасіій Вяземскій, да Василій Грязной, да Малюта Скуратовъ-Бѣльскій. Это такіе люди, что благочестивому, богобоязненному человѣку зазорно ихъ и вспоминать. Наговорили эти люди царю на друзей прежнихъ любимцевъ, на Марію, ляховицу, жену благочестивую, на воеводу Данилу Адашева, на Сати-

ныхъ, за то что ихъ сестра была за покойнымъ бояриномъ Алексѣемъ Адашевымъ, на Ивана Шишкина и на другихъ. Марія была римской вѣры, потомъ перешла въ православную, денно и нощно молилась, носила вериги и благотворила нищимъ: взвели на нее, что она ненавидитъ и мыслитъ чародѣйствомъ извести царя. Что-же, мать моя? Взяли ее съ пятерыми сыновьями, мучили ихъ, пытали, терзали и подъ конецъ зарѣзали. Данилѣ Адашеву съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ головы отсѣкли. Троимъ Сатинымъ только за то, что они были въ свойствѣ съ Адашевымъ—головы долой, да кстати и Шишкину, съ женою и со всѣмъ семействомъ. Москва затихла и притаилась, какъ лѣсъ передъ грозой, а на завтра опять казни, а тамъ еще казни... Бояринъ князь Михайло Рѣпнинъ не хотѣлъ надѣть маски, не хотѣлъ быть на непристойномъ игрищѣ: за это его во святомъ храмѣ, стоящаго на молитвѣ, зарѣзали, и кровь его пролилась на помостъ церковный. Потомъ убили князя Юрія Кашина, съ братомъ, потомъ князя Дмитрія Курлятева постригли въ монахи и зарѣзали со всѣмъ семействомъ. Князя Михайлу Воротынскаго съ женою и съ сыномъ сослали на Бѣлоозеро. Воеводу боярина Ивана Шереметева заперли въ тѣсную тюрьму съ острымъ помостомъ, на шею, на руки, на ноги надѣли цѣпи, на поясъ толстый желѣзный обручъ, а къ тому обручу десять пудъ желѣза привѣсили. День и ночь онъ такъ мучился и едва дышалъ, когда пришли его спросить, куда дѣвалъ онъ свои богатства? Онъ отвѣчалъ какъ истинный христіанинъ, что «онъ свою казну руками нищихъ переслалъ къ Христу Спасителю». Тогда же удавили его брата Никиту, тоже думнаго боярина. Князя...

— Что это, мать Ненила, ты за страсти разсказываешь, да еще ночью!—воскликнула Авдотья, творя крестное знаменіе.—Не вѣрю я всѣмъ этимъ сказкамъ! Не могу вѣрить! Мой мужъ былъ у царя, и царь обласкалъ его, и шубу пожаловалъ, это ты знаешь; и царь такой ласковый, такой веселый, такой милостивый. Онъ кротокъ и милосердъ, а грозенъ только врагамъ и злодѣямъ. Либо все это сказки, либо въ самомъ дѣлѣ всѣ эти люди умышляли злое. Неужели же такъ безо всякой вины казнятъ и бояръ, и князей, и женъ, и малыхъ дѣтей? Не вѣрю я этому, и вѣкъ не повѣрю.

— Ты какъ знаешь, вѣрь или не вѣрь,—отвѣчала оби-

женная монахиня,—только разсказывалъ все это вѣрный человѣкъ, который слова на вѣтеръ не пускаетъ. Не мое тамъ дѣло, за вину или безъ вины казнятъ на Москвѣ бояръ, только кровь льется и на площадяхъ, и въ темницахъ, и въ монастыряхъ. А если я пришла тебѣ это разсказать, такъ по дружбѣ только: знаю, что сидитъ моя Авдотья Ѳедоровна дома, знать ничего не знаетъ...

— Постой, мать!—сказала Авдотья, сердито глядѣвшая между тѣмъ въ одинъ уголъ,—что-то не упомню я, назвала ты князя Михаилу Глинскаго?

— Что ты? Что ты, мать моя?—возразила монахиня,—князь Глинскій вѣдь приходится родственникомъ государевымъ по матери, она вѣдь Глинская была. Неужли же и родственника казнить?..

— Ужь я тамъ не знаю, родня или нѣтъ, только это первый грабитель, жаденъ какъ волкъ, и если казненные бояре были на него похожи, то и дѣло царь сдѣлалъ, что ихъ посократилъ. Мой Андрей сказывалъ, что какъ царскія войска разорили въ первый разъ Ливонскую землю, то Глинскій такъ разлакомился, что уже и въ Псковскую землю вошли, а онъ все грабилъ и разорялъ, уже не нѣмецкихъ, а русскихъ православныхъ людей. Жалованья стрѣльцамъ не выдавалъ, потому будто бы, что они и безъ того полны карманы себѣ набили въ Ливоніи... Вотъ такихъ бояръ сокращать не мѣшаетъ, и спасибо царю-батюшкѣ...

— Экая ты женщина несообразная,—сказала мать Ненила,—это дьявольское навожденіе, вотъ и все, пойми ты это. Какъ уѣхалъ царскій духовникъ Сильвестръ, какъ уѣхалъ ближній бояринъ Алексѣй Адашевъ, да какъ скончалась царица Анастасія, такъ діаволъ и сталъ ходить по землѣ и смущать человѣческія сердца. Пошли и казни незаконныя, и будутъ землетрясенія, и потопы, и голодъ, и всѣ казни египетскія обрушатся на русскую землю.

И долго еще женщины спорили о причинахъ великой и страшной перемѣны, происшедшей въ нравѣ царя Ивана Васильевича, ни на чемъ не согласились, но разстались большими друзьями, и мать Ненила повезла съ собою боченокъ того стоялаго меду, который онѣ вмѣстѣ попивали въ бесѣдѣ. Оставшись одна, Авдотья Ѳедоровна заперла всѣ двери, прислугу отослала спать, а сама вынула изъ-подъ печки съ десятокъ кирпичей и съ большимъ трудомъ достала дере-

вянный некрашеный сундучокъ. Она отперла его ключемъ, хранившимся въ божницѣ, и стала понемногу перекладывать изъ него золотыя деньги на постель. Она любила звонъ золота на перинѣ или на толстомъ одѣялѣ: звонъ бываетъ тоньше, мягче, какъ-то любезнѣе сердцу, какъ-то ласковѣе, и пересчитавъ въ сотый разъ свою казну, нѣсколько времени она забавлялась пересыпаньемъ денегъ изъ горсти въ горсть. Не то чтобы она была скупа, но она очень любила золотыя деньги и среди этой забавы забывала и толки о московскихъ событіяхъ, и о войнѣ, и о мужѣ, и только иногда жалѣла, что война мѣшаетъ торговлѣ, отъ которой понемножку вырастала ея казна, и что рѣдко мужъ присылаетъ домой обычные остатки отъ стрѣлецкаго жалованья: оттого-то ей и были такъ памятны злоупотребленія боярина Глинскаго.

Опять стали проходить мѣсяцы за мѣсяцами; война перешла въ Литву, потому что польскій король вступился за Ливонію и требовалъ, чтобы царь отступился отъ своихъ завоеваній и очистилъ ливонскіе города. Царь отвѣчалъ на это взятіемъ Полоцка, главной литовской крѣпости. Стрѣлецкій голова Кошкаровъ съ полкомъ былъ при этомъ и успѣлъ отличиться: онъ тамъ и жидовъ крестилъ, а потомъ опять наступило перемиріе: велись переговоры о вѣчномъ мирѣ.

Въ іюнѣ 1566 года стрѣлецкій голова Андрей Кошкаровъ опять урвался въ отпускъ домой. Жена, какъ водится, обрадовалась несказанно и ужъ не знала, чѣмъ и какъ угостить дорогого гостя. Попрежнему, голова отдыхалъ отъ трудовъ военныхъ и разсказывалъ разныя событія изъ своей жизни, исполненной опасностей и приключеній.—Какъ же можно Литвѣ спорить съ нами?—говорилъ онъ между прочимъ:—сила у насъ больно велика, а какъ пріѣхалъ самъ царь, то какъ же можно противъ него? Никакихъ такихъ силъ нѣтъ у Литвы, чтобы противъ насъ могли стать. Въ концѣ января (1563 г.) подступилъ царь къ Полоцку. Городъ большой, торговый, старинный, богатый, и воеводой въ немъ сидѣлъ литвинъ по имени Довойна, человѣкъ, видно, недальняго ума. Слышитъ онъ, что идетъ наше войско, видитъ, что быть ему въ осадѣ: тутъ бы надо городъ поочистить, лишній народъ повыгнать, оставить только войско, вотъ какъ у меня было въ Лаисѣ; а онъ возьми, да и впусти въ городъ тысячъ двадцать крестьянъ: одни только

лишніе рты на хлѣбъ, а толку отъ нихъ въ осадѣ никакого. Хорошо. Облегли мы городъ, такъ что мышь туда не проскочитъ, ну, конечно, и сталъ грозить голодъ: мало ли надо хлѣба на такой городъ, особливо на лишніе-то рты! Сколько тамъ дней прошло, не помню, только видимъ мы диковинное дѣло: ворота отворились и повалилъ изъ города народъ, всѣ безъ шапокъ, всѣ безъ оружія, мужички наши православные съ бабами и съ ребятами. Это воевода литовскій назадъ выгонялъ тѣхъ, кого принялъ было подъ свою защиту и на свои хлѣба: народъ идетъ ни живъ, ни мертвъ, неминучей ждетъ смерти: про царя разславили, будто онъ грозенъ и строгъ и всѣхъ до одного выходцевъ изъ города перевѣшаетъ, либо на колъ посадитъ. Царь самъ выѣхалъ поглядѣть на этотъ народъ, а съ нимъ князь Владиміръ Андреевичъ, да казанскіе цари Александръ и Симеонъ, да царевичи, да двѣнадцать думныхъ бояръ, да пять окольничихъ: стали и смотрятъ, какъ народъ изъ города валитъ; лица все блѣдныя, голодныя, одежа оборванная. Подозвалъ онъ къ себѣ одного старика, тотъ, какъ водится, въ ноги. «Что, православные, проголодались? Накормитъ ихъ хорошенько да одѣть! Пусть помнятъ православные, что православный царь имъ отецъ». И всѣ лица точно будто просіяли, потому что всѣ до одного шли на вѣрную смерть и считали, что насталъ ихъ послѣдній часъ. А тутъ вдругъ и пообѣдаютъ, и одѣнутся потеплѣе; можетъ быть иной и вѣкъ свой такъ не ѣлъ, какъ угостили ихъ за царскимъ обѣдомъ. Видятъ они, что за такимъ милостивымъ царемъ жить можно. Указали они, гдѣ у нихъ по глубокимъ ямамъ зарытъ былъ хлѣбъ, и сейчасъ же зерно обмѣрили и деньги имъ изъ царской казны выдали по хорошей цѣнѣ. Чего же имъ лучше? Не житье, а масляница! Сейчасъ же объ этомъ и въ городѣ узнали, и народъ поуспокоился: не такъ уже страшно стало думать о томъ времени, какъ придется отворить ворота. Съ тѣхъ поръ Довойна совсѣмъ носъ опустилъ: воинство у него все было православное, и никто не сталъ ходить охотно на городскую стѣну: изъ-за чего драться-то, когда безъ драки еще лучше будетъ. А наши-то все, знай, палятъ да палятъ въ городъ. Вдругъ стало слышно, что отъ Минска идетъ гетманъ Радзивиллъ на выручку города, и съ нимъ сорокъ тысячъ человѣкъ. Царь отрядилъ ему на встрѣчу восемьдесятъ тысячъ съ княземъ Юріемъ Рѣпни-

нымъ, только Радзивиллъ отошелъ по добру по здорову, не осмѣлился. И видитъ Довойна, что дѣло его пропало, и на пятнадцатый день послѣ обложенія подписалъ договоръ и ворота отворилъ. Тутъ пошла наша работа не легкая, казну литовскую отбирали въ казну московскую, а у богатыхъ людей отбирали золото, серебро и все, что было подороже, и все сдавали въ казну же. Потомъ приказали было всѣ латинскія церкви разорить, а жидовъ крестить. Тутъ было и смѣху пропасть, и горя. Сказано было: кто согласенъ креститься, крестись, а не согласенъ—въ Двину, подъ ледъ. И креститься-то ему не хочется, и подъ ледъ не желаетъ: ну, и вертится, и деньги сулитъ, и отмаливается, и увѣряетъ, будто у него все равно никакой нѣтъ вѣры, и плачетъ, и откупается, и смѣется, и переговоры ведетъ. Стрѣлецкія головы были крестными отцами, и въ недѣлю все дѣло было покончено. Потому въ русскомъ царствѣ жиду жить нельзя, не полагается, а Полоцкъ съ той поры сталъ настоящимъ русскимъ городомъ, а царь Иванъ Васильевичъ сталъ писаться великимъ княземъ Полоцкимъ. У васъ во Псковѣ тоже вѣрно былъ гонецъ съ вѣстью о Полоцкѣ: по всему царству разсылали, чтобы вездѣ служили благодарственныя молебствія. Тогда мы пошли на Вильну, значитъ дальше въ литовскую землю, а король и запросилъ мира, потому что нельзя: сила солому ломитъ...

Долго еще и много разсказывалъ голова женѣ о великихъ дѣлахъ, о великихъ трудностяхъ, о холодѣ въ походѣ, иногда о голодѣ, и спокойно наслаждался отдыхомъ. Авдотья Ѳедоровна долго крѣпилась, не говорила о томъ, что больше всего ее занимало. Наконецъ не вытерпѣла и какъ-то утромъ, за горячими блинами, сказала мужу:

— Послушай, Андрей Максимовичъ, вотъ ты сказывалъ, что жиды откупались отъ крещенья и деньги давали: неужели ты такъ ничего и не привезъ женкѣ, ни сотенки золотыхъ? Вѣдь, говорятъ, у этихъ поганыхъ страсть сколько денегъ!..

— Вотъ видишь-ли, договорился, такъ уже нечего дѣлать, надо тебѣ признаться, а то я и сказывать не хотѣлъ. Была у меня прикоплена для тебя горсточка другая, третья этихъ кружочковъ, что ты такъ любишь, да грѣхъ попуталъ. Поѣхалъ я къ тебѣ въ отпускъ, а было это въ прошломъ году, по веснѣ.

— И не доѣхалъ? Съ кѣмъ-же ты застрялъ на дорогѣ?

— Взялъ я съ собой стрѣльца, только полкъ-то у меня обновлялся понемногу, стрѣльцы все новые, и полюбился мнѣ одинъ расторопный такой и ловкій, Захаромъ звали. Ѣхалъ я день и ночь, умаялся, и на одномъ стану прикурнулъ—соснуть часокъ. Просыпаюсь, а солнце уже садится и ночь на дворѣ. Спрашиваю Захарку, нѣтъ Захарки. Туда, сюда, нѣтъ! Я схватился за казну—и казны нѣтъ. Такъ вѣдь и пропалъ, разбойникъ. Я—искать. И ѣздилъ, и разспрашивалъ. Говорятъ, стрѣлецъ не стрѣлецъ, а мужикъ проходилъ туда-то. Съ ногъ сбился, такъ усердно искалъ, да весь срокъ и проискалъ, такъ что вернулся къ полку—ѣздилъ ни по что, привезъ ничего.

Пригорюнилась Авдотья Ѳедоровна и долго не могла простить мужу, что онъ проспалъ ея золотую казну. Раза два принималась она разспрашивать, сколько именно денегъ было, но голова не отвѣчалъ и уговаривалъ ее забыть бѣду.

— Да ты мнѣ скажи, три горсточки было или больше? —спрашивала Авдотья.

— Три всего, небольшихъ, такъ всего-то кружочковъ сорокъ было,—утѣшалъ ее голова.

— Да, какъ же! Сорокъ! Вижу я чѣмъ это пахнетъ!— говорила Авдотья въ большомъ горѣ,—это ты сотни три или четыре золотыхъ проспалъ! Хорошо-же ты любишь свою законную жену!...

И слезы такъ и бѣжали по ея щекамъ. Очень ужь ей жалко было золотыхъ кружочковъ. Такъ и уѣхалъ голова, оставивъ жену печальною и задумчивою. Къ счастью, дальнѣйшіе военные подвиги дали головѣ возможность переслать къ женѣ съ вѣрнымъ человѣкомъ горсточку дорогихъ кружочковъ, и она съ наслажденіемъ прибавила ихъ къ накопленной казнѣ. Съ этихъ поръ она начала опять улыбаться, усердно молилась и стала охотнѣе прежняго принимать вѣсти о мужѣ. Но когда заходилъ къ ней пріѣзжій съ вѣстями, она очень внимательно разспрашивала его, не поручалъ-ли ей передать что-нибудь голова? Нѣтъ-ли какой посылочки, хоть маленькой? И жаловалась на трудныя времена, на свое вдовье безпомощное житье и на великую дороговизну всякой живности. А дѣло было просто въ томъ, что бѣдная бездѣтная Авдотья Ѳедоровна старѣла и съ годами ея страсть къ золотымъ кружочкамъ обращалась въ настоящую ску-

пость. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и она вовсе не стала покупать къ своему обѣду ничего, кромѣ хлѣба, да и тотъ ѣла сухимъ, потому что сухого не такъ много съѣшь, да и сытнѣе онъ какъ-то. Года помогали въ ней развитію страсти къ золоту, а страсть нагоняла морщины на ея лицо, такъ что всякій сказалъ-бы, что ей стукнуло пятьдесятъ, когда ей только-что минуло сорокъ, когда другая женщина бываетъ въ полной красѣ и силѣ. А сорокъ лѣтъ ей минуло въ концѣ 1569 года, когда мужъ пріѣхалъ опять домой въ долгую побывку.

— Ну что? привезъ? привезъ?—спросила она его, только-что увидѣла.

— Здравствуй, жена! Чего такого привезъ-ли?—отвѣчалъ голова.

— А кружочковъ-то? Вѣдь за тобой еще недоимка: тѣ, которые проспалъ, да и новыхъ сколько тамъ приходится?

— Какъ проспалъ? Да гдѣ-же мнѣ ихъ взять? Какъ же мнѣ поймать разбойника? Не угорѣла-ли ты, женушка? Да здравствуй-же!.. Привезть-то я привезь, только не кружочки, а вѣсти страшныя...

— Да ужь ты вѣчно съ вѣстями да съ своими разсказами, а деньги куда-то въ окошко бросаешь, по большимъ дорогамъ разбрасываешь или бабамъ какимъ-нибудь раздаешь. Вотъ что.

— Ну, такъ и есть, угорѣла!—сказалъ голова,—толкуетъ о пустякахъ, когда тутъ надъ головой виситъ конечное разореніе, а можетъ быть и послѣдняя гибель. Пойми ты, если только войдетъ это въ твой бабій умъ, что Новгородъ Великій измѣнилъ и затѣялъ передаться польскому королю.

— Ну, и пусть его измѣнилъ! Мнѣ-то какое дѣло?

— А такое дѣло, что Новгородъ и Псковъ родные братья, и что, пожалуй, и во Псковѣ такая-же дрянь завелась. А если такъ, то царь Иванъ Васильевичъ камня на камнѣ у насъ не оставитъ. Слыхала, чай, что такое опричина? Такъ царь-то выступилъ въ походъ на Новгородъ съ опричиной. Въ Клину ужь былъ, въ Твери былъ: митрополита Филиппа уже задушили въ кельѣ, въ Отрочемъ монастырѣ; у жителей забрали все, что было полегче и подороже, а остальное все выжгли. Самъ я не видалъ, а слухи

разные: кто говоритъ девять тысячъ, а кто говоритъ девяносто тысячъ человѣкъ замучено до смерти. А про тверитянъ что-то не слыхать было, чтобъ они къ Литвѣ передаваться хотѣли. Каково же будетъ Новгороду за измѣну, такъ страшно и подумать, или Пскову, если, чего Боже сохрани, у насъ эта нечисть завелась? А ты толкуешь про золотые кружочки, да про бабъ какихъ-то.

— Голубчикъ, Андрюшенька! Уѣдемъ мы куда-нибудь отъ грѣха!—воскликнула Авдотья, понявъ въ чемъ дѣло и обдумывая, какъ она хорошо запрячетъ въ сани свой ларецъ съ казною.

— Да, какъ же! уѣдешь! А куда? Въ Литву, что-ли? Вотъ князь Курбскій уѣхалъ, такъ за него одного сколько головъ легло на плаху? Страшно и выговорить. Да и не тотъ я человѣкъ, чтобы сбѣжать съ своего мѣста: вѣдь не ушелъ же я изъ Лаиса, когда пришлось отбиваться отъ магистра ливонскаго и отъ его пушекъ. А гнѣвный царь, я такъ смотрю на это дѣло: Божеское наказаніе, громъ небесный или вотъ ядро, пущенное изъ пушки, виноватаго и невиноватаго убьетъ, кто живъ останется, тому просторнѣй станетъ.

— Андрюшенька, голубчикъ!—продолжала встревоженная Авдотья Ѳедоровна,—а все если бы уйти, такъ оно бы вѣрнѣе было, вотъ хоть бы въ Ригу. Вѣдь ты всѣ дороги знаешь: и заторговалъ-бы тамъ мирно, и никто-бы тебя не досталъ оттуда, никакое ядро, никакое громовое наказаніе, а денежки-то были бы цѣлехоньки...

— Хорошо, хорошо, — отвѣчалъ голова, — вотъ подумаемъ да послушаемъ, что будетъ въ Новгородѣ. Вѣдь говорятъ-то что? Будто отъ новгородскаго преосвященнаго и отъ тамошнихъ именитыхъ гражданъ было письмо къ польскому королю, что Новгородъ ему передается, и лежало это письмо въ Софійскомъ соборѣ, за иконою Богоматери. Это-то самое письмо и попало царю въ руки. Нашъ Псковъ всегда тянулъ за Новымъ-городомъ, такъ надо бы какъ-нибудь допытаться, не было-ли на томъ письмѣ и нашихъ псковскихъ подписей. А если были, то нечего и говорить, за это грозный царь по головкѣ не погладитъ...

Въ самомъ дѣлѣ, изъ Новгорода стали приходить страшныя вѣсти. Архіепископъ Пименъ съ чудотворными иконами встрѣтилъ государя на мосту, но государь благословенія не принялъ и сказалъ въ великомъ гнѣвѣ:

— Злочестивый! Въ рукѣ твоей не крестъ животворящій, а оружіе убійственное, ты хочешь вонзить его мнѣ въ сердце. Знаю умыселъ твой и всѣхъ гнусныхъ новгородцевъ: вы хотите предаться польскому королю! Ты не пастырь, а врагъ церкви и Св. Софіи, хищный волкъ, губитель, ненавистникъ вѣнца Мономаха и нашему царскому вѣнцу досадитель!

И пошли въ Новѣгородѣ казни за казнями. Пять недѣль продолжались казни, а имѣнія и богатство казненныхъ отбирались въ казну. Волховъ запрудился тѣлами казненныхъ, и Псковъ трепеталъ.

Въ субботу на второй недѣлѣ великаго поста царь ночевалъ въ виду Пскова, въ монастырѣ Св. Николая, на Любатовѣ, а въ городѣ никто не спалъ: готовилась встрѣча царю и его опричникамъ. Хозяйки пекли и жарили, кто что умѣлъ, а поутру противъ каждаго дома былъ накрытый столъ, и на немъ всякая постная снѣдь и меда. У каждыхъ воротъ стоялъ на колѣняхъ хозяинъ съ женой, съ чадами и домочадцами и держалъ хлѣбъ-соль. Грозный взглядъ царя просвѣтлѣлъ, и его орлиныя очи смотрѣли и привѣтливо, и какъ будто болѣзненно. Царь страдалъ страшнымъ недугомъ: припадками кровожадности, а послѣ новгородскихъ казней наступило успокоеніе. Вдругъ его взглядъ остановился на человѣкѣ, стоявшемъ на колѣнахъ, въ дорогой жалованной шубѣ, и онъ узналъ стрѣлецкаго голову Кошкарова. Онъ держалъ въ рукахъ большое деревянное блюдо, на которомъ лежала коврига хлѣба и насыпана была крупная соль. Царь узналъ голову, который съ двумя стами стрѣльцовъ гналъ войско ливонскаго магистра десять верстъ, оставивъ въ своей крѣпости только раненыхъ. Ясная улыбка озарила угрюмое лицо Грознаго, онъ милостиво кивнулъ головѣ, и Псковъ былъ спасенъ. На площади противъ церкви Варлаама и Спаса царь принялъ благословеніе отъ игумена Корнилія, слушалъ молебенъ у Троицы, поклонился гробу святого Всеволода-Гавріила и разсматривалъ тяжелый мечъ этого древняго князя. Тутъ-же царь зашелъ въ келью юродиваго старца Салоса Николы. Юродивый поднесъ ему блюдо съ большимъ кускомъ сырого мяса, и когда государь сказалъ, что онъ мяса въ постъ не ѣстъ, старикъ отвѣчалъ спокойно:

— Не бойся, отецъ нашъ! Ничего! Это человѣчье! Ты любишь!..

И грозный царь не поразилъ тутъ-же на мѣстѣ дерзкаго юродиваго Николу, потому что тогда болѣзненный припадокъ его прошелъ и его слабая, больная природа не требовала тогда сильныхъ потрясеній. Царь выѣхалъ изъ Пскова по направленію къ Москвѣ, и городъ вздохнулъ свободнѣе.

Но разговоровъ и толковъ стало послѣ того надолго. Народъ видѣлъ старческое лицо своего государя, а ему въ томъ году было ровно сорокъ лѣтъ; всѣ видѣли, что голова его была вовсе безъ волосъ, что волосы почти всѣ вылѣзли изъ бороды и изъ усовъ, лицо было блѣдно-землистаго цвѣта, и только страшно впалые глаза сверкали порою такимъ свѣтомъ,какъ у дикой кошки.

— А улыбнулся-то онъ какъ, кормилецъ нашъ, какъ на головиху нашу, на Авдотью, взглянулъ! Словно солнышко ясное выглянуло! Словно ребенокъ больной улыбнулся! Голубчикъ нашъ, царь батюшка!

— Не на головиху онъ, на голову взглянулъ! Голова-то надѣлъ жалованную шубу, а царь своихъ вѣрныхъ слугъ помнитъ. Вѣдь Андрей-то Максимычъ два мѣсяца у царя на Москвѣ гостилъ!.. Оно давненько было, лѣтъ десять тому, да видно по шубѣ-то царь вспомнилъ...

Авдотья Ѳедоровна съ этихъ поръ стала важной особой и на время вовсе перестала жаловаться на то, что живность непомѣрно вздорожала. Съ матерью Ненилой и съ отцомъ Васильемъ она говорила не попрежнему.

— Да, если-бы не мой Андрей, было-бы Пскову то же, что Новгороду, и теперь Псковъ долженъ-бы, по-настоящему, весь къ моему мужу придти на поклонъ. И одному только я удивляюсь, что его давно воеводой не пожалуютъ: не онъ-ли прогналъ магистра ливонскаго, не онъ-ли Полоцкъ взялъ? Не онъ-ли и къ Вильнѣ ходилъ? Неужли такъ-таки и не поймутъ, что безъ него плохо пришлось-бы нашимъ войскамъ?.. Дали медаль, ну, это хорошо, да только больно уже мала, она не вытянетъ больше двѣнадцати венгерскихъ золотыхъ. А вотъ, если-бы воеводой сдѣлали, такъ — другое дѣло, все-таки доходы, и на старость лѣтъ можно-бы отложить что-нибудь, чтобы по міру не идти.

— Это, матушка Авдотья Ѳедоровна, нельзя никакими средствами, — отвѣчалъ отецъ Василій, — такого заведенія нѣтъ и не бывало. Воеводой никогда не можетъ быть стрѣлецъ, потому на воеводство есть родъ, значитъ порода. Вое-

вода бываетъ изъ боярскаго или изъ княжескаго рода. Вотъ напримѣръ у насъ воевода князь Юріи Токмаковъ, такъ онъ князь, значитъ княжеской породы. А простой человѣкъ, худородный, такъ ему въ воеводы нельзя, не княжескаго и не боярскаго рода. У насъ это въ старину можно было, когда Псковъ съ Новымъ-городомъ великими были сами по себѣ. Бывало, наторговалъ себѣ человѣкъ казну великую, держитъ подъ собой много народу, вотъ онъ и есть все равно, что бояринъ; а побилъ нѣмцевъ, или литву, или другимъ военнымъ подвигомъ вышелъ изъ ряду вонъ, ну и воевода, если вѣче изволитъ. А въ Москвѣ этого нельзя и никакими средствами быть не можетъ...

— Ты, отецъ Василій, все норовишь, какъ бы наперекоръ сказать,—отвѣчала головиха,—а ты тоже вѣдь слыхалъ, кто такой былъ Алексѣй Адашевъ и братъ его Данило: такіе же какъ мы, грѣшные, худородные люди, а были близъ государя не хуже другихъ родовитыхъ бояръ...

— Эхъ, матушка! Да что же въ этомъ хорошаго? Развѣ не знаешь поговорки: близъ царя—близъ смерти. Какъ попалъ Алексѣй въ опалу, такъ недолго и прожилъ: въ Юрьевѣ скончался на воеводствѣ. Да и слава Богу, что отъ болѣзни скончался, а то вотъ брата-то его Данилу и съ сыночкомъ четвертовали на площади—вотъ оно какъ...

— Пустяки это одни,—возражала Авдотья,—они были царскіе измѣнники, а моего мужа царь довольно хорошо знаетъ, такъ хорошо, что царскій ликъ просіялъ улыбкой, а отъ этой улыбки Псковъ уцѣлѣлъ. Вотъ это такъ настоящій, вѣрный, прямой слуга царскій...

Недолго пожилъ дома Андрей Максимычъ. Полку его сказанъ былъ походъ опять въ Ливонію, и онъ поступилъ подъ начальство новаго короля Ливоніи. Это была мудрая, но неудачная затѣя. За Ливонію ссорились и воевали короли шведскій, датскій и польскій и царь русскій. Чтобы всѣмъ ссорамъ положить конецъ, Иванъ Васильевичъ вызвалъ въ Москву принца Магнуса, брата датскаго короля, обручилъ за него свою племянницу Ефимію, назвалъ его королемъ Ливоніи и послалъ выгонять изъ нея всѣ иноземныя силы. Магнусъ могъ распоряжаться всѣми войсками, которыя стояли въ Новѣгородѣ, въ Псковѣ, въ Нарвѣ и въ Дерптѣ. Онъ осмотрѣлъ полки, и пришлось такъ, что полкъ Андрея Кошкарова сдѣлался его гвардіей, его почетными тѣлохраните-

лями. Не понимая ни слова по-русски, онъ обрадовался, встрѣтивъ одного стрѣлецкаго голову, который понималъ его нѣмецкія приказанія, могъ передавать ихъ русскимъ полкамъ и потомъ по-нѣмецки давать ему отчетъ обо всемъ, что сдѣлано или что случилось. Отъ этого Кошкаровъ остался при Магнусѣ вмѣстѣ со своимъ полкомъ, имѣлъ къ королю доступъ во всякое время днемъ и ночью и выѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Пскова. Такъ какъ Магнусъ съ нимъ въ это время разговаривалъ, то они ѣхали рядомъ по всѣмъ улицамъ и за городомъ скрылись въ столбѣ пыли, поднимаемой стрѣльцами.

Авдотья Ѳедоровна въ этотъ день рѣшилась стать въ соборѣ рядомъ съ воеводихой, съ женой князя Токмако.а, и послѣ обѣдни священникъ вынесъ имъ обѣимъ по просвиркѣ. Когда она шла домой, то ей казалось, будто она и ростомъ стала выше, и земля какъ-то легче ее держитъ.

— Нѣтъ, матушка!—говорила она вечеромъ матери Ненилѣ, — что тамъ ни толкуй отецъ Василій, а человѣкъ съ головой въ люди выйдетъ, и безъ хорошаго, умнаго человѣка этимъ королямъ не обойтись. Только вотъ не знаю, сумѣетъ ли онъ скопить хоть сколько-нибудь деньжонокъ: старость на носу, а онъ, словно малый ребенокъ, деньги теряетъ. Сколько разъ это бываетъ, что онъ везетъ съ собой деньги, и не малыя, да и потеряетъ. Такая, право, напасть!..

Но бѣдному Андрею вышла съ Магнусомъ полная неудача. Онъ вернулся домой въ слѣдующемъ году весною, когда уже рѣки прошли, простуженный, больной, безъ денегъ, и какъ ни сердилась на него жена, однако ходила за больнымъ мѣсяца два и выходила его. Отецъ Василій съ большимъ участіемъ и любопытствомъ разспрашивалъ его о походѣ, а выздоравливающій радъ былъ посѣщеніямъ священника, потому что сильно скучалъ, особенно когда жена его уходила къ матери Ненилѣ въ монастырь.

— Магнусъ этотъ — мальчишка! — говорилъ голова. — Показалось ему, или показалось царю Ивану Васильевичу, будто онъ можетъ завоевать себѣ королевство: назвали его королемъ ливонскимъ да и послали. Забралъ онъ съ собою насъ тысячъ двадцать пять, да нѣмцевъ тысячи двѣ и подступилъ къ Ревелю. Сначала попробовалъ онъ пойти на переговоры, уговаривалъ сдаться; а въ Ревелѣ уже давно сидятъ шведскіе чиновники, стоитъ шведское войско. Погово-

рили, потомъ обступили городъ, черезъ недѣлю послѣ Успенья, поставили пушки и стали палить. А городъ этотъ, надо тебѣ знать, стоитъ на самомъ берегу морскомъ, на заливѣ, такъ что обложить его со всѣхъ сторонъ нельзя. Передъ самыми воротами заняли мы горы, поставили, какъ водится, деревянныя башни, и давай бить по городу. Бросали и каленыя и простыя ядра, да все безъ толку, точно будто заколдованъ этотъ нѣмецкій городъ: хоть бы одну лачугу какую спалили. А время идетъ да идетъ, и пора-бы ревельцамъ и проголодаться: король такъ и думалъ голодомъ ихъ выморить. Объ одномъ только забыли, что городъ-то къ морю однимъ бокомъ прислонился. Откуда ни возьмись, видимъ, корабли стоятъ въ морѣ, а около берега ледъ, примерзло море-то къ берегамъ. И стали они сквозь ледъ-то пробираться, да на большихъ лодкахъ съ кораблей и повезли въ городъ хлѣбъ. Я ему говорю, что надо-бы пушки по льду послать, перебить людей на лодкахъ и хлѣбъ забрать, а король смѣется, ни подъ какимъ видомъ не велитъ ходить на ледъ, видишь, чтобъ не провалиться. А какое тутъ провалиться? На льду хоть колокольню ставь, такой былъ крѣпкій. Народъ мучили денно и нощно земляными работами, а земля мерзлая, не подается, лопатой ее не возьмешь, а все надо ломомъ. Копаемъ въ двѣ смѣны, словно кроты, а все толку нѣтъ. Да тридцать недѣль такъ-то и простояли...

— А что твоя-то служба, Андрей Максимычъ? При самомъ-то королѣ оно какъ будто надо быть повиднѣе?— спросилъ отецъ Василій.

— Да какъ-бы это тебѣ сказать,—отвѣчалъ голова,— служба была такая-же, хотъ какъ служитъ цѣпная собака. Король-то былъ человѣкъ молодой, непосѣда: ему и не спится, и не сидится, а у меня кости-то на шестой десятокъ перевалили, такъ имъ надо и отдыхъ. Онъ ѣдетъ осмотрѣть работы—поѣзжай за нимъ; онъ распоряжается гдѣ кому быть— надо его рѣчи по-русски говорить; а воеводы Иванъ Петровичъ, Яковлевъ, да князь Львовъ, да князь Кропоткинъ не всего слушаютъ, воротятъ дѣло по-своему, такъ что иной разъ въ ихъ спорѣ-то до седьмого поту договоришься, а все толку никакого не вышло: тридцать недѣль простояли, Ревель стоитъ себѣ Ревелемъ, какъ былъ, а король уѣхалъ въ городъ Оберкаленъ съ нѣмецкимъ полкомъ, а насъ отпустилъ. Да, буду я помнить эту зиму:

чуть было она и вовсе меня не отпустила на тотъ свѣтъ... Да вотъ, слава Богу, видно еще придется поболтаться на этомъ свѣтѣ. Только ужь сохрани Господи отъ этой ливонской войны. Который уже годъ тянется, а все конца ей не видно; а мнѣ пора и на покой.

Въ самомъ дѣлѣ, голова послѣ того шесть лѣтъ не ходилъ на службу, отговариваясь нездоровьемъ и терпѣливо дожидаясь, чтобы ему стукнуло шестьдесятъ лѣтъ, когда уже и по закону отъ него нельзя было требовать службы. За это время умеръ польскій король, выбрали новаго, Стефана Баторія, который тоже сталъ требовать, чтобы царь московскій не вступался въ Ливонію; проходили войска въ Ливонію, проходили войска изъ Ливоніи, проводили черезъ городъ плѣнныхъ, установлялись перемирія, опять разгоралась война, а старѣющій голова, не умѣя сидѣть безъ дѣла, затѣялъ опять торговлю, хоть не заграничную, а тоже довольно выгодную. Но въ 1577 году случилась бѣда, отъ которой онъ не могъ ничѣмъ отмолиться. Въ началѣ года была опять неудачная осада Ревеля, при которой былъ убитъ ядромъ бояринъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, а среди лѣта царь самъ съ обоими сыновьями и съ огромнымъ войскомъ прибылъ во Псковъ. Цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ сборахъ; Андрей Максимычъ поторговывалъ шибко, потому что большое стеченіе войска и царскій дворъ оживили торговлю. Вдругъ нежданно, непрошенно входитъ къ нему въ горницу отрокъ царскій, красивый молодой человѣкъ въ бѣломъ кафтанѣ съ золотымъ шитьемъ, и спрашиваетъ:

— Ты стрѣлецкій голова Андрей Кошкаровъ? Ну, такъ ступай къ царю.

Авдотья Ѳедоровна такъ и взвизгнула:

— За что-же, Господи! Ничего-то онъ не сдѣлалъ, никакого умысла у него нѣтъ и не было!

— Не бойся, бабушка, ничего,—отвѣчалъ отрокъ,—царь вспомнилъ, что во Псковѣ живетъ стрѣлецкій голова, что магистра Кетлера и все его войско гналъ отъ какого-то города съ двумя стами человѣкъ, и велѣлъ этого голову найти.

Авдотья тотчасъ пріободрилась, поняла, что бѣды нѣтъ никакой, а напротивъ, можетъ быть выгода, и сказала отроку, нѣсколько обидѣвшись:

— Не какой-то городъ это былъ, а Лаисъ, нынче царскій городъ: въ немъ мой мужъ воеводой былъ, это всякій мальчишка знаетъ...

Убравшись въ минуту, голова пошелъ къ царю и тотчасъ же былъ къ нему допущенъ. Онъ засталъ его въ бесѣдѣ съ пасторомъ Веттерманомъ. Царь любилъ поговорить о дѣлахъ вѣры, а пастора этого онъ зналъ давно, такъ какъ ему разрѣшено было ѣздить во Владиміръ, въ Кострому, въ Угличъ и въ Нижній по дѣламъ вѣры нѣмцевъ, высланныхъ за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ изъ Юрьева или Дорпата. На государѣ была черная бархатная шапочка и широкій атласный охабень. Онъ сильно постарѣлъ, похудѣлъ, лицо его стало вовсе восковымъ, въ бородѣ стало еще меньше волосъ, и сидѣлъ онъ сгорбившись по-стариковски.

— Да какой же ты сталъ старикъ, голова!—сказалъ царь, когда Андрей поднялся послѣ земного поклона.—Сколько тебѣ лѣтъ?

— Пятьдесятъ семь лѣтъ, государь,—отвѣчалъ голова.

— Гдѣ твой полкъ?

— Въ Ливоніи, государь; а я за болѣзнью больше не служу.

— Ну, собирайся въ походъ: беру тебя въ свой полкъ, а то безъ тебя кто же мнѣ съ двумя стами человѣкъ будетъ гнать непріятельское войско. Я выступаю завтра...

Кошкаровъ совершилъ земной поклонъ и поспѣшилъ домой, готовиться къ походу. На другой день онъ выѣзжалъ уже изъ Пскова въ толпѣ близкихъ къ государю людей, а головиха служила молебенъ въ монастырѣ у матери Ненилы.

На этотъ разъ походъ продолжался недолго: не прошло и трехъ мѣсяцевъ, еще по колесному пути, государь вернулся во Псковъ, осмотрѣлъ ливонскихъ плѣнныхъ, нѣкоторыхъ отпустилъ, остальныхъ отправилъ въ Москву и вслѣдъ за ними самъ уѣхалъ, а Андрей Максимычъ остался дома. За три мѣсяца онъ сильно постарѣлъ, и знакомые удивлялись, какой онъ сталъ съ этого похода задумчивый и угрюмый. Ни жена, ни отецъ Василій, никто не умѣлъ, бывало, добиться отъ него ни слова. Прежде онъ былъ такой разговорчивый, такъ охотно разсказывалъ о своихъ подвигахъ, а тутъ вдругъ присмирѣлъ, насупился и какъ будто за три мѣсяца ничего не видалъ и не слыхалъ: ходитъ, какъ въ воду опущенный, и по временамъ вздрогнетъ,

какъ будто его морозъ по кожѣ подеретъ. Жена призывала бабу, чтобъ отчитать его, но онъ бабу прогонялъ; поила она его водою съ уголька, безъ его вѣдома, но ничто не помогало. Въ началѣ весны, когда рѣка Великая тронулась, когда на березахъ налились молодыя почки, у него какъ будто что-то отлегло отъ сердца, и онъ сталъ говорить о самыхъ обыденныхъ дѣлахъ, о своемъ огородѣ, о курахъ, о всякой мелочи, но о походѣ—ни слова, какъ будто закаялся. На вербной недѣлѣ онъ говѣлъ, и тогда ему еще легче стало: бесѣда съ духовникомъ, отцомъ Пахоміемъ, принесла ему большое утѣшеніе, такъ что на Святой онъ могъ уже говорить о войнѣ.

— Не война это была, а душегубство одно, вотъ я тебѣ что скажу,—говорилъ онъ сердито отцу Василію.— Вошли мы въ Ливонію, въ тѣ мѣста, что польскому королю отданы, а съ Польшей у насъ миръ. Хоткѣвичъ, воевода, знать ничего не знаетъ, къ оборонѣ не приготовился и бѣжалъ, а мы его города взяли. Подошли потомъ къ Зесвегену, а въ немъ народъ сѣлъ на смерть. Стѣны разбили, и пошла рѣзня; впрочемъ вырѣзали не всѣхъ: кто познатнѣе, тѣхъ посадили на колъ, а кто попроще, тѣхъ отдали татарамъ въ неволю. Что было въ другихъ городахъ, того и разсказать нельзя. На бѣду нашъ король Магнусъ вздумалъ отдаться со всею Ливоніею польскому королю Стефану Баторію, а царь это и узналъ. Изъ города Вендена вызвалъ царь Магнуса, посадилъ его въ тюрьму. Подошли мы къ Вендену, а Магнусовы нѣмцы, боясь царскаго гнѣва, заперлись съ женами и дѣтьми въ замкѣ, стали стрѣлять и кое-кого изъ нашихъ убили, а воеводу Салтыкова ранили. Ну, въ три дня замокъ разбили пушками, и только-что перестали стрѣлять, чтобъ идти въ замокъ, какъ тамъ загремѣлъ взрывъ: это они собрались всѣ въ магистерскій домъ, въ подвалы набили пороху да и взорвали все на воздухъ. Чью-то голову съ рукой принесло вплоть къ моему шатру. Мирныхъ жителей Вендена, всѣхъ до послѣдняго, замучили. Тамъ, въ проулкѣ какомъ-то наткнулся я на мальчишку: лѣтъ такъ шести паренекъ, лежитъ, охаетъ и истекаетъ кровью: нога у него отсѣчена. Я къ нему, приподнялъ голову, прыснулъ водицей... Онъ глаза открылъ, вздрогнулъ, плюнулъ мнѣ въ лицо, вытянулся и испустилъ духъ... Развѣ это воіина? Какъ хочешь назови, только не воіной. Двадцать семь горо-

довъ взяли, почти до Риги дошли и пошли назадъ. Не знаю, каковъ тамъ у нихъ новый король Степанъ Баторій, только если у него въ жилахъ есть кровь, онъ намъ этого нападенія такъ даромъ не пропуститъ.

На дѣлѣ вышло, что у Баторія въ жилахъ въ самомъ дѣлѣ текла кровь, а не вода: на слѣдующій же годъ поляки разбили наше войско подъ Венденомъ, а еще черезъ годъ Баторій отнялъ у насъ обратно Полоцкъ и Соколъ. Не прошло затѣмъ и года, какъ Баторій взялъ у насъ Великія Луки, подступалъ къ Торопцу, къ Смоленску, взялъ Холмъ, выжегъ Старую Русу, а еще черезъ годъ, въ августѣ 1581 года, двинулся изъ Вильны къ Пскову. Жители ожидали нападенія, были въ страхѣ, но никто не выѣзжалъ изъ города: и некуда было ѣхать, и опасно было оставаться.

Головиха не знала какъ быть съ своими венгерскими золотыми: оставить ихъ подъ печкой—опасно, потому что мѣсто такое видное; зарыть ихъ на огородѣ—опасно, потому что непріятель можетъ подмѣтить свѣже-взрытую землю; отвезти ларецъ въ Печерскій монастырь, за 56 верстъ отъ Пскова—опасно, потому что и монастырь могутъ взять поляки. Думала она, думала и не знала, на что рѣшиться. Мужъ уговаривалъ ее не суетиться, оставить все какъ было, дожидаться, что дастъ Богъ, и если городъ будетъ взятъ, то все равно, ничего и жителямъ его не нужно будетъ. Между тѣмъ изъ загородныхъ амбаровъ съ берега рѣки Великой десятки подводъ день и ночь возили хлѣбъ въ городской домъ головы, завалили имъ кладовыя, сараи и нѣсколько горницъ въ правомъ его домѣ. Онъ разсчитывалъ, что если осада продлится и запасовъ будетъ недоставать, то можно будетъ выгодно продать муку, заготовленную еще съ весны.

Вотъ пріѣхали въ городъ и воеводы: князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, князь Василій Ѳедоровичъ Скопинъ-Шуйскій, Никита Ивановичъ Огинъ-Плещеевъ, князь Андреій Хворостининъ, Бахтеяровъ и Ростовскій-Лобановъ. Провожая ихъ изъ Москвы, царь взялъ съ нихъ присягу въ Успенскомъ соборѣ передъ Владимірскою иконою Богоматери въ томъ, что они не сдадутъ города польскому королю, пока будутъ живы. И вотъ раздался звонъ по всѣмъ колоколамъ псковскимъ, и повалилъ народъ къ церкви, и послѣ обѣдни со всѣхъ дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, со всѣхъ гражданъ старыхъ и малыхъ взята была присяга въ томъ-же: не сда-

вать врагу Пскова до тѣхъ поръ, пока живы. Такихъ присяжниковъ священники насчитали тридцать тысячъ. Закипѣла работа, стали исправлять ветхія стѣны, разставлять пушки, ручницы, пищали; воеводы раздѣлили себѣ стѣны и людей. Въ Кремлѣ былъ Иванъ Петровичъ Шуйскій; въ Среднемъ городѣ—Огинъ-Плещеевъ, въ Большомъ—Бахтеяровъ, въ Запсковьѣ—Ростовскій-Лобановъ, а на Окольной стѣнѣ, которая тянется слишкомъ на семь верстъ, двое—Хворостининъ и Скопинъ-Шуйскій. Игуменъ печерскій Тихонъ оставилъ свою обитель и сѣлъ въ осаду вмѣстѣ съ псковичами, чтобы ободрять ихъ молитвой.

Голова забылъ вовсе о торговлѣ и работалъ на стѣнахъ наравнѣ со всѣми остальными. Онъ какъ-будто помолодѣлъ и сталъ здоровъ и позабылъ, что годами онъ вышелъ вовсе изъ службы: ему шелъ шестьдесятъ второй годъ. Бахтеяровъ, разузнавъ про его старую службу, далъ ему стрѣлецкій полкъ и отдѣлилъ часть стѣны въ Большомъ городѣ. Головиха боялась осады и безпрестанно говорила объ этомъ съ мужемъ; но онъ всегда отвѣчалъ съ веселою улыбкой:

— Подожди, старуха! Вотъ какъ подойдетъ Баторій да начнетъ палить, весь страхъ какъ рукой сниметъ. Это только ждать-то боязно, а какъ дѣло объявится, такъ ничего, скоро привыкнешь.

Но вотъ стали приходить тревожные слухи: у Баторія цѣлыхъ сто тысячъ войска; Баторій взялъ Опочку, взялъ Красный, подходитъ къ Острову, и непривычные къ военному дѣлу жители боялись все сильнѣе и сильнѣе. Старецъ игуменъ Тихонъ со всѣмъ духовенствомъ поднялъ мощи св. князя Всеволода-Гавріила, кресты и чудотворныя иконы и обошелъ вокругъ всѣхъ городскихъ стѣнъ, и всѣ воины, всѣ граждане шли въ этомъ крестномъ ходѣ, и робкіе люди забоялись больше прежняго. Вотъ стало слышно, что и Островъ взятъ, и на берегу Черехи поляки разбили нашъ конный отрядъ. Дѣло было на третій день послѣ Успенья. Воеводы велѣли звонить въ осадный колоколъ и послали людей жечь предмѣстья. Это поручено было головѣ Кошкарову, потому что онъ былъ псковскій старожилъ, и потому еще, что у него за городомъ были свои постройки: хлѣбные амбары и кожевенный заводъ.

— Споконъ вѣку такъ ведется,—говорилъ голова Бахтеярову, — что къ осадѣ, къ обложенію, хозяинъ свой

домъ зажигаетъ: онъ кстати и уберетъ, ежели что подороже осталось, ну да и приличнѣе это, все-же своя рука владыка. А то вѣдь иной послѣ плакаться станетъ; а какъ самъ зажегъ, такъ дѣло-то и чисто.

Только-что догорѣло предмѣстье, какъ вдали показались густыя облака пыли и южный вѣтеръ понесъ ихъ на городъ. Рать Баторія шла не торопясь, осторожно, заняла порховскую дорогу и стала на берегу Великой. Золото на ней такъ и блестѣло, и головиха, смотря на непріятельское войско съ колокольни Бориса и Глѣба, куда провелъ ее отецъ Василій, про себя смекала, сколько венгерскихъ золотыхъ вышло-бы изо всей этой напрасной позолоты. Можно было любоваться на непріятеля счетомъ сто тысячъ человѣкъ, и на другой день, и на третій, такъ что головиха стала уже сердиться.

— Что же они, враги христіанскіе, не подступаютъ? Попробовали-бы, каково у насъ пушки палятъ; а то стоятъ, ждутъ чего-то, ни мычатъ, ни телятся...

— Не спѣши, старуха, погоди, — отвѣчалъ голова: — замычатъ такъ, что оглохнешь иной разъ, да такихъ телочекъ будутъ присылать, что всякій хлѣвъ разворотитъ.

Двадцать шестого августа (1581 г.) непріятель сталъ обступать городъ, и всѣ наши бойницы открыли по немъ пальбу. Самъ Баторій сталъ было въ шатрахъ близъ Любартовской церкви св. Николая, на московской дорогѣ; но наши ядра стали до него долетать, и онъ перешелъ на берегъ Черехи, за холмы. Пока непріятель разставился, пока поставилъ шатры, прошло пять дней, а перваго сентября началъ копать борозды вдоль рѣки, къ Покровскимъ воротамъ. День и ночь работали враги, прикатили туры, сдѣлали насыпь. Воеводы поняли, что тутъ будетъ самое опасное мѣсто, и внутри города, позади Покровскихъ воротъ, построили новую деревянную стѣну съ раскатами, отобрали лучшихъ людей на опасное мѣсто, отдали его князю Хворостинину подъ защиту, и съ нимъ попалъ нашъ голова. Игуменъ Тихонъ отслужилъ на новой стѣнѣ молебенъ и всю землю окропилъ святою водой, чтобы нога литовс. ая на ней не устояла. Въ ночь на 7-е сентября поляки въ своихъ насыпяхъ прорѣзали бойницы, и открылось двадцать большихъ пушекъ; и только-что онѣ открылись, какъ двадцать ядеръ ударилось въ стѣну и страшный гулъ

раскатился по всему городу. Громовые раскаты польскихъ пушекъ разбудили сонныхъ псковичей, уже привыкавшихъ къ опасностямъ. Авдотья Ѳедоровна скатилась съ постели на полъ и стала на колѣняхъ горячо молиться. Но выстрѣлы слѣдовали за выстрѣлами, наши горячо имъ отвѣчали, и нѣсколько дней пальба не прекращалась. Самый робкій человѣкъ въ свѣтѣ не можетъ бояться постоянно: онъ къ чувству страха присматривается, привыкаетъ, какъ глаза наши привыкаютъ къ темнотѣ или къ свѣту, и потому псковскіе жители скоро перестали обращать вниманіе на постоянный гулъ пальбы.

А на стѣнѣ, между Покровскими и Свиными воротами было жарко. Въ это мѣсто направлены были всѣ выстрѣлы польскихъ пушекъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старая стѣна осыпалась. Пальба продолжалась и на другой день съ утра, такъ что надо было ждать приступа. Зазвонилъ осадный колоколъ (у Василія Великаго, на Горкѣ); граждане и воины спѣшили пріобщиться святыхъ таинъ, готовясь умереть, и отборное войско стало между грудами кирпичнаго щебня, оставшагося отъ разрушенной стѣны съ одной стороны, и недостроенною деревянною стѣною съ другой. Король въ это время обѣдалъ въ своемъ шатрѣ съ своими военачальниками: они обѣщали ему въ тотъ-же день ужинать въ псковскомъ кремлѣ.

Послѣ обѣда польскія войска молодецки бросились на приступъ: ворвались въ проломы, взяли башни Покровскую и Свиную и подняли на нихъ королевскія знамена. А король смотрѣлъ на рѣзню съ колокольни св. Никиты мученика, въ полуверстѣ отъ города, и сильно радовался. Поляки осыпали наши полки пулями изъ занятыхъ башенъ; въ проломахъ наши рѣзались съ непріятелями, и кучи тѣлъ росли не по часамъ, а по минутамъ. Становилось опасно, потому что воины начали отступать. Тогда на недостроенной стѣнѣ появился игуменъ Тихонъ и з: нимъ хоругви, крестный ходъ и мощи св. Всеволода. Князь Шуйскій, раненый, облитый кровью, подоспѣлъ въ самый пылъ рѣзни; за нимъ явилось нѣсколько свѣжихъ полковъ. Вдругъ Свиная башня съ засѣвшими въ ней врагами, взлетѣла на воздухъ; какой-то герой, именемъ невѣдомый, залѣзъ въ пороховой погребъ подъ башней и зажегъ его. Изъ вражьихъ тѣлъ выросла чуть не новая башня. Наши сомкнулись;

двинулись впередъ и выбросили непріятеля изъ проломовъ. Дольше всѣхъ не сдавалась Покровская башня; но вокругъ нея разложили солому и дрова и задушили ея защитниковъ дымомъ. Немногіе успѣли выскочить и попали на копья. Къ вечеру наши подались за стѣны, такъ что позади ихъ въ воротахъ остались четыре легкія польскія пушки, которыхъ не успѣли увезти непріятели. Тутъ, откуда ни взялись, бѣгутъ женщины и впереди всѣхъ головиха, Авдотья Ѳедоровна: однѣ съ веревками, чтобы тащить отбитыя пушки, другія съ холодною водою, поить раненыхъ и уставшихъ воиновъ. Нѣкоторыя женщины, побойчѣе, явились даже съ копьями, помогать своимъ; но дѣло обошлось безъ ихъ помощи...

Уже въ сумеркахъ непріятельскія пушки были женщинами подвезены къ соборной церкви, а за ними собралось и побѣдоносное воинство—благодарить Бога за одержанную побѣду.

На паперти голова встрѣтился съ женой, которая хлопотала и суетилась больше всѣхъ. Она бросилась ему на шею и обняла его горячо.

— Побѣдилъ, мой соколъ ясный! Побѣдилъ, я такъ и знала, что побѣдишь! — воскликнула она. — Постой, однако: теперь не до того. Мы раненыхъ убираемъ: шестерыхъ я въ нашу горницу внесла; взяла бы и больше, да ты, вишь, хлѣбомъ завалилъ остальные хоромы.

— Ай да баба! Люблю! А куда же дѣнемъ кружочки?— крикнулъ онъ ей шутливо вслѣдъ.

— Ну ихъ! — отвѣчала она не оборачиваясь, и махнула рукой.

Въ тотъ день раненыхъ у насъ было 1626 человѣкъ, убитыхъ 863. Непріятельскихъ тѣлъ насчитали болѣе пяти тысячъ, и между ними отрыли одного воина, такъ изукрашеннаго золотомъ и дорогими каменьями, что привели къ тѣлу нѣсколько плѣнныхъ воиновъ. Они сказали, что это венгерецъ Бекези, любимецъ короля, что онъ-то и велъ венгерскій отрядъ на приступъ и былъ уже за стѣной, какъ горячая пуля сѣла ему въ високъ и положила безъ дыханія богача и знатнѣйшаго человѣка. Говорятъ, что король, въ великой досадѣ, не велѣлъ пускать къ себѣ въ шатеръ никого изъ начальниковъ, обѣщавшихъ ему ужинать въ псковскомъ кремлѣ. На другой день однако онъ опомнился,

созвалъ воинскую думу и приказалъ стрѣлять день и ночь, особенно въ разбитое мѣсто стѣны, чтобы не дать ее починить, велѣлъ готовиться къ новымъ приступамъ, и прибавилъ, что надобно умереть или взять Псковъ, осенью, или зимою, и что онъ не отойдетъ отъ города, не взявши его.

А въ Псковѣ народъ и войско были бодры, чуть не веселы, и стрѣльцы, смѣняя на стѣнахъ сторожевыхъ товарищей, шутили съ ними, и едва ли кому-нибудь приходила мысль о смерти. Только похороны убитаго или умершаго отъ ранъ товарища справлялись съ подобающею важностью, а потомъ стрѣльцы шли на службу съ веселыми пѣснями, какъ на праздни ъ.

Голова не узналъ своей жены. Она ходила за ранеными, кормила ихъ, носила мужу на стѣну обѣдать, помолодѣла и не знала вовсе страха. Голова зналъ ее за добрую старуху ворчунью, которая копитъ деньги, пуще всего любитъ венгерскіе золотые, сердится, когда надо ихъ тратить на покупки, и радуется, когда они возвращаются съ прибыткомъ при продажѣ; а тутъ вдругъ такая перемѣна! Но дѣло было въ томъ, что Авдотья Ѳедоровна и сама себя не знала. Она дожила до старости, никогда не имѣла дѣтей и потому некого было ей любить, и душа ея застывала надъ золотыми. Вдругъ настало неожиданное испытаніе, и у нея явились и дѣти, какъ она называла раненыхъ, и пропасть дѣла, потому что надо было за всѣмъ присмотрѣть самой: и постряпать, и печку истопить, и бѣжать къ мужу съ обѣдомъ къ самымъ Покровскимъ воротамъ. По привычкѣ, вспоминала она иногда про свой ларецъ подъ печкой; но онъ казался ей какимъ-то прошлымъ и неважнымъ дѣломъ, какъ-будто онъ остался гдѣ-то на берегу, а она куда-то плыветъ, далеко, далеко, съ людьми, которымъ она нужна, которые ей свои, близкіе, кровные люди...

На слѣдующій день послѣ приступа, видятъ наши сторожевые стрѣльцы, что непріятель пересталъ палить и изъза пушекъ выѣзжаетъ пышно разукрашенный воинъ на бѣломъ конѣ, а за нимъ другой съ большимъ бѣлымъ знаменемъ, и оба ѣдутъ прямо къ Покровскимъ воротамъ. Спокойно ѣдутъ, подъѣзжаютъ ближе, и передовой машетъ како-то грамотой. Вотъ одинъ изъ стрѣльцовъ нацѣлилъ хорошенько пищалью, раздался выстрѣлъ и бѣлый конь повалился.

— Эхъ ты, Кузьма простота! Зачѣмъ ты его бьешь?— спросилъ голова, смотря какъ непріятельскій воинъ ловко соскочилъ съ упавшаго коня и все размахиваетъ грамотой.

— Какъ зачѣмъ?—отвѣчалъ стрѣлецъ:—а зачѣмъ онъ къ намъ ѣдетъ? Не ѣзди!

— Да развѣ ты не видишь, что это переговорщикъ, къ воеводамъ съ письмомъ ѣдетъ отъ короля?

— А зачѣмъ письмо? Какіе тамъ переговоры? Сказано, что не сдаваться, ну, если не понравилось—и ступай себѣ съ Богомъ домой.

— Экой ты неотесаный! А почемъ ты знаешь, что онъ такое пишетъ? Можетъ, онъ пишетъ, что въ Кошкаровомъ полку стрѣлецъ Кузьма есть, такъ надо ему дать пять рублей денегъ.

Кузьма призадумался на минуту, но другой стрѣлецъ, не слыхавшій разговора, нацѣлился, но въ человѣка не попалъ, а только переломилъ у бѣлаго знамени древко. Переговорщикъ ушелъ назадъ съ своей грамотой. Но черезъ нѣсколько времени на стѣну прилетѣла большая стрѣла, а на ней была навернута грамота. Стрѣльцы передъ стрѣлой разступились и никто не смѣлъ ее взять, какъ-будто въ ней было что нибудь опасное. Сѣмъ голова взялъ стрѣлу, и того же Кузьму послалъ съ нею къ воеводѣ князю Хворостинину, котораго на стѣнѣ не случилось.

— Что ему надобно?—говорили между собою стрѣльцы, стараясь угадать, что такое король могъ писать воеводѣ.

— Я тебѣ скажу, что король пишетъ, — сказалъ съ важностью голова: — пишетъ онъ, что всякъ сверчокъ знаій свой шестокъ. Эхъ ты! Развѣ наша это печаль, что у нихъ тамъ такое? Наше дѣло—служба. Сказано: стой, пали, умирай, а ты только не разсуждай, такъ и дѣлай, и пали, и умирай, и стой, и все хорошо будетъ, ни о чемъ не печалуйся.

— Какъ же это, дяденька? — спросилъ одинъ молодоій стрѣлецъ,—и умирать тоже хорошо будетъ?

— Да, поглядѣлъ бы я, какъ ты ухитришься не умереть? Вотъ нашелся кощей безсмерныій! Прилетитъ ядро вотъ съ голову величиной, да пролетитъ тебѣ сквозь грудь, сразу выпотрошитъ: вотъ ты съ нимъ и разговаривай, нельзя ли, тетенька, повременить, я сбѣгаю напиться... А ты мнѣ вѣрь: тебя еще на свѣтѣ не было, какъ я уже

къ этимъ теткамъ прислушался: пущай себѣ свиститъ, не твое дѣло, а убьетъ, тоже не твое. Главное дѣло не разсуждай.

Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ самъ воевода съ отвѣтной грамотой, развернулъ ее и прочелъ вслухъ: «Мы не жиды, не продаемъ ни Христа, ни царя, ни отечества. Не жалѣй насъ, и мы жалѣть тебя не станемъ. А кто побѣдитъ, это знаетъ Богъ».

Воевода велѣлъ приготовить жердь, какъ стрѣлу, навязать на нее грамоту и выпалить къ непріятелю изъ пищали. Пока стрѣльцы остругивали жердь, князь объяснилъ головѣ, что король требуетъ сдачи города, обѣщаетъ милости, льготы, безпошлинный торгъ, а въ случаѣ сопротивленія грозитъ гибелью всѣмъ поголовно.

— Такъ ли отвѣтъ написанъ, голова? — спросилъ ласковый князь Хворостининъ.

— А какъ же еще имъ писать? Развѣ прибавить какія словечка два-три покруче. Только надо бы намъ — ты не сердись, князь, что я не въ свои сани сажусь!—Надо бы намъ противъ нашей стѣны ровъ выкопать, да во рву хорошій частоколъ поставить. А то проломомъ да обрушенною башней вовсе нашъ ровъ засыпало.

Воевода похвалилъ голову и тотчасъ приказалъ копать ровъ, а въ городѣ плотники заготовляли частоколъ изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ. Непріятели, конечно, стали стрѣлять въ то мѣсто, гдѣ скопилось много народу, и перебили кучу людей. Въ то же время они нападали на стѣны съ разныхъ сторонъ, а псковичи не дремали и бились такъ, что враги были отброшены вездѣ. Такъ въ ежедневныхъ битвахъ прошло пять или шесть недѣль.

Однажды морозною ночью къ нашей стѣнѣ подкрался ни кѣмъ незамѣченный человѣкъ и окликнулъ сторожевыхъ стрѣльцовъ:

— Землячки! а землячки!

— Чего тебѣ? — откликнулся Кузьма, свѣшиваясь за стѣну и стараясь разсмотрѣть говорившаго въ темнотѣ осенней ночи,—да ты врагъ или нѣтъ?

— Я изъ вражьяго стана, только не врагъ,—отвѣчалъ голосъ изъ рва.

— Кто же ты такой? Переговорщикъ, что ли? Такъ я тебя, пожалуй, застрѣлю...

— Не стрѣляй, землячокъ,—отвѣчалъ голосъ,—себя застрѣлишь, Псковъ можетъ быть застрѣлишь!..

— Погоди, я голову разбужу, а самому мнѣ разсуждать строго заказано: не моя это печаль.

— Разбуди, голубчикъ, разбуди; скажи, языкъ пришелъ изъ вражьяго стана, самъ пришелъ.

— Ладно, ладно, погоди только.

Голова спалъ тутъ же недалеко подъ большимъ овчиннымъ одѣяломъ. Онъ велѣлъ бросить веревку языку и помочь ему взобраться на стѣну. Изъ допроса оказалось, что онъ стрѣлецъ изъ Полоцка, именемъ Игнашъ, вѣры православной и коренной русакъ, какъ и большая часть полоцкихъ жителей, что онъ вмѣстѣ со многими товарищами служилъ въ войскѣ Баторія, что отъ вражьяго лагеря ведется подъ землею девять подкоповъ подъ псковскія стѣны и что товарищи благословили его пойти и сказать воеводамъ, отъ какихъ мѣстъ и куда ведутся эти подкопы. А пороху въ каждый подкопъ заготовле о бочекъ по сорока. Призадумался голова и сказалъ:

— Если говоришь правду, если точно ты землякъ, то будетъ тебѣ великое царское жалованье; если же нѣтъ и пришелъ ты только за тѣмъ, чтобы насъ высмотрѣть, то кромѣ петли, самъ знаешь, ничего тебѣ не будетъ. Кузьма! ты переговорщиковъ не любишь, такъ вотъ тебѣ этотъ человѣкъ: не спускай съ него глазъ ни на минуту, и чуть захочетъ бѣжать, тутъ же ему и конецъ. Смотри, не прозѣвай.

— Такъ я, дяденька, лучше теперь же ему петлю на шею надѣну: для всякаго случая оно спокойнѣе будетъ.

— И то можно!—отвѣчалъ голова.—Ну, Игнашка, показывай, откуда и куда пошли подкопы?

— Я желаю это дѣло воеводамъ открыть,—отвѣчалъ перебѣжчикъ, почувствовавъ на шеѣ петлю.

— Кузьма! потяни-ка его немножко, чтобы опомнился! Ахъ, ты, собака! Да развѣ я не знаю своего дѣла? Развѣ я захочу взять такое великое царское дѣло на свою душу? Къ воеводѣ сведу тебя, своимъ чередомъ, какъ разсвѣтаетъ; а теперь тревожить его не хочу. А если точно подкопы ведутся, то времени терять нечего, надо на встрѣчу прокапываться, а за это мы теперь же и примемся. Можетъ быть ты еще врешь, а я изъ-за тебя воеводу потревожу! Да не забудь ты, глупая твоя голова, что перебѣжчикъ есть

собака, пока не подтвердятся его вѣсти, а собакѣ—собачья смерть...

— Противъ Покровской башни прежде всѣхъ начался подкопъ, и по нашему счету до рва осталось саженъ десять, а тамъ пройдетъ онъ подо рвомъ...

— Веди! Ребята, забирай ломы и лопаты, спускайся въ ровъ, станемъ копать слухи.

Работа закипѣла; голова бѣгалъ отъ одной ямы къ другой, и въ самомъ дѣлѣ къ разсвѣту сталъ слышенъ въ двухъ ямахъ какой-то глухой гулъ: это непріятельскія лопаты пробивали длинный подкопъ, чтобы взорвать псковскую стѣну. Осторожно, тихо, молча прокопали еще съ сажень, и стали слышнѣе удары лопатъ, и словно голоса подземные стали раздаваться: сквозь землю далеко слышится гулъ.

Въ это время начало свѣтать, небо стало на востокѣ бѣлѣть, показалась красноватая тучка... Голова вылѣзъ изъ ямы, весь перепачканный; его сѣдая борода покрыта была грязью; кафтанъ, колѣна, руки—все было перепачкано: онъ прилегалъ къ землѣ и слушалъ.

— Эй, Кузьма! Давай сюда языка! Снимай съ него веревку да побереги про себя. Ну, Игнашка, молодецъ! Пойдемъ теперь къ воеводѣ вольной птицей. Видно, что нашъ, настоящій руссакъ... Великое тебѣ будетъ царское жалованье.

До воеводы ходу было немного; но дорогой встрѣтилась Авдотья: она несла мужу большую мису съ горячими блинами.

— Господи!—вскричала она, увидѣвъ голову,—какъ это тебя угораздило! Вывалялся словно боровъ, да еще обоими боками!

— Ничего, старуха, ничего! Такъ надо. Теперь и все такъ-то ходить будемъ: слухи копаемъ.

— Неужли враги-то подкопы ведутъ! Пропали наши головушки!..

— Старуха очень испугалась новой, неизвѣданной опасности: ей казалось, что уже весь Псковъ подрытъ, что опасность провалиться или взлетѣть на воздухъ грозитъ ей на каждомъ шагу. Но она простояла цѣлый день на работѣ, гдѣ копали слухи, и успокоилась. Она поняла, какъ трудна была эта работа и какъ далека была опасность.

Князь Хворостининъ свелъ Игнашку къ старшему вое

водѣ Ивану Петровичу Шуйскому, который и обѣщалъ перебѣжчику по пяти рублей за каждый подкопъ, который онъ перехватитъ встрѣчнымъ подкопомъ: Игнашка былъ очень доволенъ огромною наградой: тогдашній рубль стоилъ три золотыхъ, а деньги были такъ дороги, что порядочную рабочую лошадь можно было купить за рубль.

Слухи стали копаться со всѣхъ сторонъ, а между тѣмъ нельзя было терять времени съ Покровскимъ подкопомъ: дня черезъ три непріятели могли докопаться до слуха. Воевода велѣлъ начинить свой слухъ порохомъ, прикатить въ него бочекъ десять, заложить ихъ поплотнѣе землею и поджечь въ то время, какъ по расчету непріятель подкопается уже недалеко: онъ надѣялся выстрѣлить въ непріятельскій подкопъ какъ въ громадную пушку и выкинуть изъ нея всѣхъ работавшихъ. Но расчетъ былъ невѣренъ: порохъ взорвало вверхъ и отъ сотрясенія польскій подкопъ обвалился. Другіе подкопы тоже упали сами собою; въ другихъ мѣстахъ подкопы нашъ и ихъ встрѣчались и подъ землею начиналась драка лопатами, ломами. Сальники, при которыхъ люди работали, въ суматохѣ гасились, и свѣтъ Божій не видалъ всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которые совершались во мракѣ.

Съ двадцать восьмого октября Баторій началъ пальбу по городу каленными ядрами. Если ядро падало въ деревянную постройку, то полъ загорался и начинался пожаръ. Бабы взяли на себя заботу гасить пожары. Въ каждомъ домѣ одна женщина должна была безотходно смотрѣть, не упадетъ-ли ядро въ сарай, въ баню или въ самыя хоромы, и тотчасъ поливать его водою ковшикомъ изъ ведра: если зашипитъ и пойдетъ отъ него паръ, то кричать благимъ матомъ, чтобы сосѣдки сбѣгались на помощь съ своими ведрами, а если пару нѣтъ, то молчать. Сначала всякая баба поднимала крикъ, только-что ядро попадетъ въ постройку; сосѣдки сбѣгались съ крикомъ и воплемъ, но ядро находили холодное, брызгали на хозяйку водой, и дѣло оканчивалось смѣхомъ. Потомъ онѣ такъ привыкли къ своей работѣ, что и на горячее ядро сходились не торопясь и поливали его понемногу ковшами, толкуя про свои дѣла, про телку, которая захромала, или про цыпленка-позенячка, который никакъ не можетъ вырости.

Гораздо важнѣе было нападеніе, сдѣланное въ этотъ день королевскими гайдуками. Они замѣтили, что стѣны

псковскія очень ветхи, что кирпичи легко осыпаются; вотъ они и вызвались сломать стѣну кирками и ломами. Сильный огонь изъ пушекъ и пищалей не остановилъ ихъ, хотя они валились десятками: подскочили къ стѣнамъ отъ рѣки Великой и, прикрываясь сверху большими деревянными щитами, принялись за работу. Нѣкоторые изъ стрѣльцовъ, въ глупомъ усердіи, стали сами разбирать стѣну, чтобы кирпичами бросать въ смѣльчаковъ; но воеводы успѣли ихъ во-время остановить, велѣли принести пакли, смолы, и насмоливъ паклю, бросать на щиты. Другіе бросали на работавшаго непріятеля острые крючья на веревкахъ и, зацѣпивъ за кафтанъ вмѣстѣ съ тѣломъ, вытаскивали ихъ на стѣну. Такихъ бѣдняковъ сначала забирали въ полонъ, а потомъ голова ухитрился, велѣлъ ихъ сбрасывать съ высокихъ стѣнъ внизъ на работавшихъ непріятелей; двойная выгода: онъ и разобьется до смерти и зашибетъ одного или двухъ земляковъ. Этихъ смѣльчаковъ отогнали, перебивъ половину; но въ слѣдующіе пять дней пальба не прекращалась и городу становилось жарко, въ стѣнѣ сдѣлался проломъ. На пятый день, 2 ноября, задвигались по замерзлой рѣкѣ непріятельскіе полки: идутъ, идутъ и конца имъ не видно. А въ городѣ идетъ суматоха, потому что обрушенное мѣсто стѣны надо было вплоть унизать пушками. Отъ этого долго наши и не стрѣляли. Первый выстрѣлъ былъ на близкомъ разстояніи: враги стали, замѣшкались. Въ это время наши успѣли опять зарядить пушки, ударили еще разъ—враги побѣжали въ виду самого короля. Воеводы разъѣзжали по рядамъ, кричали, ободряли своихъ, даже рубили бѣглецовъ до смерти; и ничто не помогало, бѣгство было всеобщее. Баторій сердился, бранилъ своихъ воеводъ, но выстрѣлы съ другой стороны города заставили его скакать кругомъ, чтобы посмотрѣть въ чемъ дѣло. А тамъ русскіе стрѣльцы съ головою Мясоѣдовымъ, пришедшіе изъ Новагорода, отбивались отъ литовскихъ воиновъ и уже частію входили во Псковъ подъ защитою его пушекъ. Съ Мясоѣдовымъ пришло всего триста человѣкъ, но и это была радость великая для Пскова. Значитъ онъ не совсѣмъ отрѣзанъ отъ русской земли, если горсть молодцовъ сумѣла пробиться сквозь непріятельскій лагерь. Ликованіе во Псковѣ было великое, несмотря на частую непріятельскую пальбу. Но какова-же была ихъ радость, когда 6-го ноября пушки замолкли и со стѣнъ стало видно, что ихъ убираютъ,

отступая. Въ самомъ дѣлѣ, король порѣшилъ обложить городъ и, не теряя понапрасну людей, выморить нашихъ голодомъ. Вздохнули псковичи, отслужили молебны и стали отсиживаться. Это было не такъ страшно, потому что запасовъ было много и царскихъ, и по кладовымъ у купцовъ, и у людей всѣхъ чиновъ.

Но польская рать, выкопавъ себѣ землянки, не была довольна. Она скучала, впала въ унынiе и начинала голодать: бѣда въ томъ, что хлѣбъ для людей и сѣно для лошадей приходилось привозить издалека, а путь лежалъ мимо древняго Печерскаго монастыря. Тамъ сидѣлъ съ 250 стрѣльцами голова Юрій Нечаевъ; ему приказано было защищать каменныя стѣны и башни монастыря. Отъ нечего дѣлать, онъ иногда вылѣзалъ и отбивалъ литовскiе обозы. Баторій велѣлъ разорить это гнѣздо и послалъ туда нѣмцевъ съ Георгiемъ Фаренсбахомъ и венгерцевъ съ воеводой Борнемиссомъ. Подошли и велѣли отворить ворота, а стрѣльцы, не говоря худого слова, стали въ нихъ палить, чуть не въ упоръ. Отошли немного непрiятели, осмотрѣлись, надѣлали лѣстницъ и полѣзли на приступъ. Нечаевъ вызвалъ на стѣну и своихъ стрѣльцовъ, и ихъ женъ, и дѣтей, и всѣхъ монаховъ. Смертный бой противъ воротъ и на стѣнѣ тянулся до ночи, и враги отступили. Дня три постояли они, отдохнули и опять полѣзли на приступъ. Юрій Нечаевъ хорошо зналъ, что лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ стрѣлецкiй голова Кошкаровъ прогналъ съ небольшими силами самого ливонскаго магистра Кетлера; помня такой примѣръ, онъ скрѣпился. Когда и второй приступъ отбросили, на стѣнѣ остался раненый молодой человѣкъ, судя по одеждѣ, витязь знатный.

— Что ты за человѣкъ?—спросилъ его Нечаевъ.

— Кетлеръ!—отвѣчалъ юноша.

Въ самомъ дѣлѣ, это былъ племянникъ бывшаго ливонскаго магистра Кетлера.

Нечаевъ готовился выдержать новый приступъ, но въ ночь непрiятель ушелъ, оставивъ подъ стѣнами нѣсколько сотъ мертвыхъ тѣлъ.

И потянулась зима, морозная, страшная. Сторожа у землянокъ замерзали, а въ землянкахъ люди задыхались отъ чаду. Къ этой бѣдѣ прибавилась еще бѣда: хлѣба въ польскомъ войскѣ стало недоставать и люди принялись за конину. Осажденные были сыты; но воеводы видѣли, что стрѣльцы

скучаютъ, упадаютъ духомъ, и рѣшили, что надо хоть черезъ день, хоть черезъ два тревожить врага въ его станѣ. Во время вьюги, когда снѣгъ слѣпитъ очи и когда въ трехъ шагахъ ничего не видно, собирались охотники, доходили втихомолку до землянокъ, врывались въ нихъ и рѣзали сонныхъ. Весь польскій лагерь поднимался на ноги, начиналась бѣготня, пальба, а смѣльчаки скрывались среди вьюги, и черезъ полчаса врывались въ другія землянки, на далекомъ разстояніи отъ первыхъ, и опять начиналась рѣзня и суматоха.

Однажды подъ утро охотники изъ Кошкаровскаго полка воротились и принесли на плечахъ раненаго своего голову. Онъ не стоналъ, а тихо читалъ молитву. Головиха приготовила было горячихъ блиновъ, а тутъ надо дѣлать перевязку. Пуля попала старику въ животъ, голова умиралъ и надо было спѣшить пріобщить его святыхъ таинъ. Спокойно выстояла она обрядъ, спокойно простилась съ мужемъ и приняла его послѣдній вздохъ.

Съ этой минуты ей ни до чего не было дѣла: она переѣхала въ монастырь къ матери Ненилѣ, отдала монастырю свой ларецъ съ любимыми когда-то кружочками и больше не выходила изъ обители. Около Рождества отецъ Василій разсказывалъ, что до него дошли слухи о мирныхъ переговорахъ въ деревнѣ Киверовой-Горѣ; но старуха отвѣчала только: «Поздно!»... Дней черезъ десять послѣ Крещенья во всѣхъ псковскихъ церквахъ служили благодарственныя молебствія о снятіи осады. Но бѣдная старуха не имѣла силъ благодарить и только молилась о упокоеніи души раба Божія Андрея. Въ началѣ весны отецъ Василій разсказывалъ, что мы всю Ливонію на вѣчныя времена уступили польскому королю. Тутъ старуха встрепенулась.

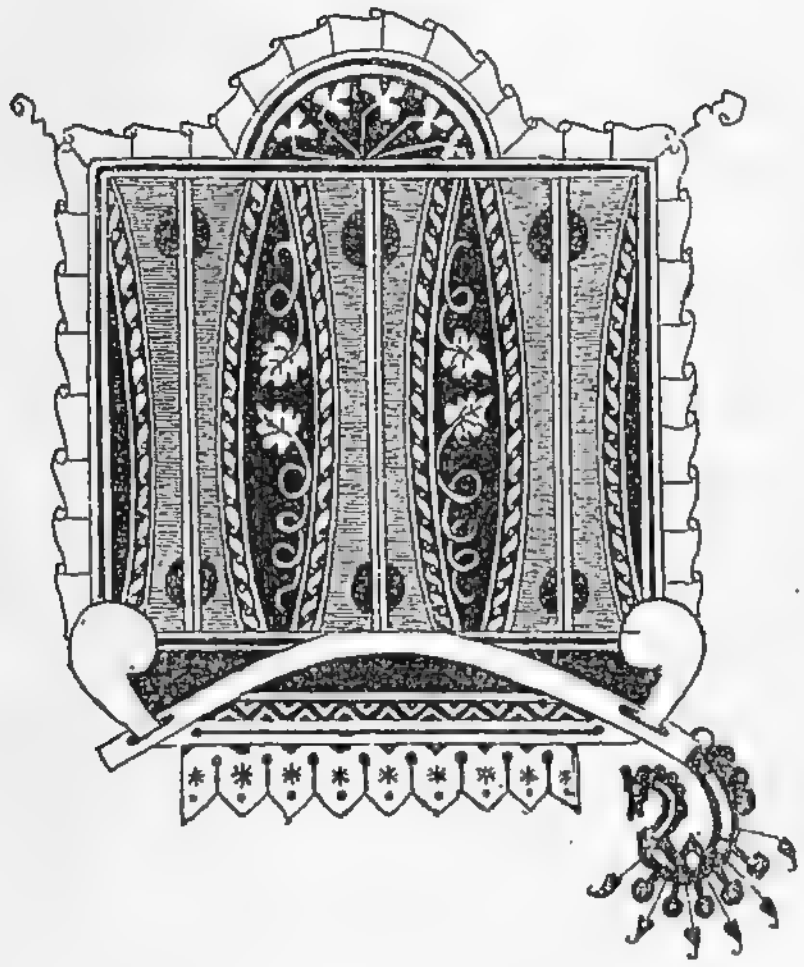
— И Лаисъ тоже уступили?—спросила она съ живостью.

Бѣднягѣ казалось, что Лаисъ есть самый главный изо всѣхъ ливонскихъ городовъ, и когда она узнала, что и Лаисъ уступленъ, она проворчала какое-то ругательство. Но потомъ она долго замаливала этотъ грѣхъ, когда молилась объ упокоеніи души раба Божія Андрея.

VI.

ПОКОРЕНІЕ ЦАРСТВА СИБИРСКАГО.

1581 г.



ИРОКО разлилась матушка Волга весной 1579 года, словно море пораскинулась; посреди ея струги плывутъ, на стругахъ казаки сидятъ

На кормѣ одного изъ струговъ сидѣлъ сѣдой какъ лунь, но еще бодрый старикъ. Около него разлеглось человѣкъ пять казаковъ, которые отдыхали въ ожиданіи, когда имъ придется грести. Подальше отъ нихъ у мачты растянулся высокаго роста и атлетическаго сложенія человѣкъ. Онъ прислушивался къ болтовнѣ казаковъ и въ то же время поглядывалъ вдаль. Струги плыли вверхъ по Волгѣ.

— Погребешь часокъ противъ теченья—упаришься,—сказалъ одинъ казакъ.

— Это что за тягота—грести,—отвѣчалъ другой.—Вотъ какъ приходилось съ батюшки тихаго Дона на матушку Волгу переходить, такъ маета была.

— А вѣдь недалечко они другъ ко дружкѣ подошли—кабы можно было изъ одной въ другую водой попасть, куда бы вольготно было.

— А турскій салтанъ ихъ соединить хотѣлъ,—сказалъ кормчій.

— Что ты, дѣдушка Степанъ! вѣдовствомъ что ли? Правда, сказываютъ, чаровниковъ въ турской землѣ много.

— Какое тутъ вѣдовство! Просто хотѣлъ канаву широкую изъ Дона въ Волгу прокопать. Я это дѣло довольно знаю, на моихъ глазахъ оно было.

— А ты бы, дѣдушка, разсказалъ.

— Отчего же — разсказать можно. Слыхали вы, какъ царь Иванъ Васильевичъ славный городъ Казань покорилъ?

— Еще бы не слыхать!

— Объ этомъ кто не слыхалъ!

— Ну ладно,—продолжалъ кормчій.—Я въ тѣ поры еще казакомъ не былъ, а на Вяткѣ жилъ. Тоже баба да ребятишки были. Одинъ сынишка Максимка шустрый такой, а головка въ кудряхъ. Больно я любилъ его и теперь помню. Двухъ годочковъ онъ былъ. Во снѣ иной разъ вижу. А попа встрѣчу, непремѣнно ему гривну, «помяни, говорю, раба Божія Максима».—А какъ, говоритъ, за здравіе или за упокоій?— «А какъ знаешь, говорю, все равно». Мнѣ-то теперь гдѣ знать, живъ ли онъ, сердечный?..

— Это ты вѣрно. Вотъ и у меня братишка есть, а гдѣ онъ? поди, у степного вѣтра спрашивай.

— Ну вотъ и жилъ я на Вяткѣ, въ служилые люди поступилъ. Вотъ годка черезъ два послѣ того, какъ царь покорилъ Казань, и прислалъ онъ указъ, чтобы вятскіе служилые люди на Астрахань шли. Я эту пору и не слыхивалъ, что за Астрахань такая, ну да вѣдь спрашивать не станутъ, знаешь ли дорогу, а сказано, такъ иди. Жена, извѣстно, причитать начала. «Молчи, говорю, дура. Тебѣ же изъ похода жемчуговъ привезу». Такъ мы съ ней и попрощались. Повелъ ратныхъ людей князь Александръ Вяземскій. Позналъ я тогда и Каму рѣку и Волгу-матушку. Спустились мы по Волгѣ-то, къ намъ другая рать московская и подошла. Вотъ отъ этого самаго переволоку, что между Дономъ и Волгой, и пошли мы съ Вяземскимъ, да дѣти боярскіе, да казаки съ воеводою Чулковымъ, провѣдать, что за Астрахань такая, и языка добыть. Одинъ изъ казаковъ, сизой такой же какъ я теперь, и говоритъ воеводѣ: «Этихъ астраханцевъ, говоритъ, я довольно знаю. Царь ихній, Ямгурчей прозывается; пить онъ, точно, мастеръ и головы рубить, и всякую пакость сдѣлать можетъ, а воевать не охотникъ. Противъ насъ наврядъ ли самъ и пойдетъ, а воеводъ вышлетъ, и побьемъ

мы тѣхъ воеводъ, онъ тотчасъ и пятки покажетъ. Воеводы же ихніе навѣрно у Чернаго острова стоятъ».—«Ну стоятъ, —говоритъ, князь,—такъ мы ихъ возьмемъ».—«Извѣстно, возьмемъ. Только ты бы, князь, насъ казаковъ впередъ послалъ: пройдемъ по-нашему, по степному, крадучись, да между астраханской ратью и городомъ и засядемъ. Смекаешь?» Какъ тутъ не смекнуть! Князь казака послушался. Ударили мы на татаръ. Тѣ, по маломъ времени, и тылъ показали. А казаки-то имъ на встрѣчу. И пошли мы, братцы мои, тѣхъ басурмановъ крошить—ни единъ человѣкъ не ушелъ. Только все же Ямгурчей о нашемъ походѣ свѣдалъ и не огляды-ваясь удралъ къ самому Азову; женъ его съ ребятами мы всѣхъ перехватали, а Астрахань безъ бою взяли.

— Чай, ты насчетъ жемчуговъ-то не оплошалъ?

— Жемчугу досталъ, это вѣрно, только женѣ отдать не привелось. Посадили наши воеводы въ Астрахани новаго царя Дербышъ-Алея, и далъ онъ клятву нашему царю прямить, по сорока тысячъ алтынъ въ годъ платить да по три тысячи рыбъ, а русскимъ бы царскимъ рыболовамъ ловить рыбу до самаго моря безданно и безпошлинно. Вотъ эта самая рыб-ная ловля меня и доконала.

— Какъ такъ?

— Сколько этой рыбы въ Астрахани—страсть! И бѣ-луга, и осетръ, сомы страшенные. Мы отъ бездѣлья и давай ловомъ промышлять. Да мало намъ Волги—захотѣли на Хва-лынское море поѣхать. Занятно показалось, что тамъ звѣри есть—тюленями прозываются. Вотъ собралось насъ десятка два да и просимся у воеводы сходить на устье Волги, рыбо-ловнымъ промысломъ потѣшиться. Воевода говоритъ: «Смо-трите въ сба, какъ бы чего не случилось. Хоть Астрахань приведена подъ царскую высокую руку, только этимъ соба-камъ довѣрять нельзя». Однако ничего, пустилъ. И приволье же, братцы мои, на взморьѣ—не вышелъ бы оттуда! Таково вольно, свободно, ину пору сама пѣсня такъ изъ души и льется. Опять рыбицы этой, тюленей—только доставать успѣ-вай. Вотъ такъ-то мы цѣлый день проработали да спать легли. Извѣстно, караульщика поставили, да видно онъ также вздре-мнулъ что ли, только не доглядѣлъ: на насъ сонныхъ ночью напали, коихъ перебили, коихъ въ полонъ взяли. И меня тоже скрутили. Какое житье у поганыхъ—нечего сказывать, чай, безъ меня знаете. Долгонько я у этихъ ногаевъ прожилъ.

Попалъ я къ самому набольшему между ними, Измаилу. Онъ и брата своего Юсуфа и много мурзъ перерѣзалъ. И такъ возгордился этотъ Измаилъ, что въ грамотѣ московскому царю себя его отцомъ назвалъ и сталъ требовать, чтобы ему съ Казани каждогодно двадцать сотъ рублевъ платили. А царь ему на то отписалъ: «Ты, говоритъ, впередъ такихъ бездѣльныхъ словъ не пиши».

— Вотъ и ловко!

— Извѣстно. Имъ, собакамъ, потачки давать нельзя: тотчасъ зазнаются. А мнѣ все это нашъ полоняникъ, что Измаилу письма писалъ, разсказывалъ. Получа такія царскія слова, Измаилъ струсилъ и ужь такъ Ивану Васильевичу написалъ: «Всего христіанства государю, бѣлому царю много, много поклонъ». Однако все же, собака, попрежнему приpашивалъ: «Пришли-де мнѣ трехъ птицъ, кречета, сокола и ястреба, да олова много, да шафрану много, да красокъ много, да бумаги много, да гвоздей». И стало Измаилу думаться, какъ бы царь Иванъ Васильевичъ не прогнѣвался, что онъ, Измаилъ, русскихъ въ полону держитъ. И умыслилъ онъ насъ продать. Вотъ и пригнали насъ въ Крымскую землю, въ славный городъ Кафу, да тамъ на базарѣ какъ телятъ и продали.

— А что-же васъ, полоняниковъ, этотъ царь татарскій, что вы въ Астрахани поставили, не выручилъ?

— Дербышъ-то? Да онъ, собака, тотчасъ же русскимъ измѣнилъ. Потомъ его казацкій атаманъ Ляпунъ Филимоновъ побилъ, а стрѣлецкій голова Черемисиновъ Астрахань взялъ и во всю волю московскаго царя привелъ. Вотъ это самое и было крымскому хану, Девлетъ Гирею, обидно. Попробовалъ было онъ на Москву идти, да какъ узналъ, что самъ царь Иванъ Васильевичъ на него со всей ратью идетъ, такъ ханъ и на утекъ. А потомъ и до самого Девлетъ-Гирея добрались, въ Крымъ русскіе пожаловали: сперва дьякъ Ржевскій, потомъ князь Михайла Вишневецкій, потомъ воевода Данила Адашевъ, — такъ то побили крымцевъ, что любо. А тутъ еще моръ въ Крыму случился, конскій падежъ. И думали мы, полоняники, тогда, что и Крымъ подъ руку русскаго царя отойдетъ, и насъ всѣхъ изъ неволи выручатъ. Да не привелъ Богъ. Не пошелъ царь Иванъ Васильевичъ на Крымъ, а затѣялъ съ нѣмцами войну. Потомъ въ ту войну шведы, Литва и Польша впутались, такъ ужь царю было

не до Крыма. И пробылъ я, братцы мои, въ татарскомъ полону пятнадцать лѣтъ. Вотъ и прослышали мы, что идетъ отъ турскаго салтана къ хану Девлетъ-Гирею подмога, чтобы вмѣстѣ на Астрахань поiйти да ее у русскихъ отнять. Собралось татаръ тысячъ пятьдесятъ, вся орда поднялась. Турокъ пришло поменьше, пожалуй втрое, но были тутъ янычары, воины храбрые, не крымцамъ чета; пушки тоже съ собой привезли. А насъ, полонянниковъ, погнали, чтобы на судахъ грести. Вотъ я сижу и гребу, и вижу: со мной другой полонянникъ, тоже изъ русскихъ, тоже гребетъ да надрывается, видно ему не подъ силу. Посмотрѣлъ я, руки у него бѣлыя.

— Извѣстно, съ бѣлыми-то руками не много нагребешь: не то, что нашъ братъ.

— Разговорились мы съ нимъ и узналъ я, что зовутъ его Семеномъ Мальцовымъ, что ѣхалъ онъ отъ царя Ивана Васильевича посломъ къ ногаямъ, да попалъ въ полонъ ко крымцамъ, они его и засадили грести. И стали мы съ нимъ почасту разговаривать. День-то деньской гребешь, гребешь — одурь-бы взяла, кабы не поговорить. А и говорить съ нимъ было занятно. Много онъ про Грознаго царя разсказывалъ.

— А ты, дѣдко, намъ разскажешь?

— Отчего не разсказать. Видишь, съ царемъ что-то подѣялось: одни говорятъ — порча, другiе, что онъ по царицѣ покоiницѣ, Настасьѣ Романовнѣ, больно тосковалъ, а Мальцовъ самъ такъ догадывался, что царь всегда князей и бояръ не любилъ, потому что въ свое малолѣтство много отъ нихъ терпѣлъ — они и матушку его извели, а потомъ какъ женился на Настасьѣ Романовнѣ, такъ она нравъ его и сократила. Ну, только и тутъ бояре не мало ему супротивничали. Болѣзнь съ нимъ приключилась, думали, что и живой не останется. Бояре-то и давай толковать, чтобы царемъ сдѣлать двоюроднаго брата царскаго Владимiра Андреевича, а сыну бы Ивана Васильевича царемъ не быть. А царь Иванъ Васильевичъ и выздоровѣлъ.

— Не похвалилъ, чай, онъ бояръ-то.

— А вотъ послушай. Пока была жива Настасья Романовна, онъ ихъ не трогалъ, а какъ померла она, и принялся онъ ихъ допекать. А тутъ еще одинъ изъ нихъ, князь Андрей Курбскiй, въ Литву убѣжалъ, на русское царство руку поднялъ, да еще началъ царю разныя ругательства писать.

Царь на бояръ-то и озлился. Да придумалъ еще такую штуку: уѣхалъ изъ Москвы въ село Александровское да и говоритъ: «Не хочу, говоритъ, я царствовать». Ну, народъ завылъ. Потому — кто Казань взялъ? Кто народу излюбленныхъ людей въ судьи даровалъ? все онъ же, Иванъ Васильевичъ. И отправились владыки и бояре, и народъ просить его, чтобы опять царствовалъ. Онъ и согласился. Только, говоритъ, не мѣшайте мнѣ моихъ недруговъ казнить. А народу что, пожалуй казни, только бы ему лиха не было. И не сталъ царь никому изъ князей и бояръ вѣрить, набралъ себѣ больше изъ чернаго люда тѣлохранителей, назвалъ ихъ опричниками, а бояръ да князей кого казнилъ, кого сослалъ. Опричники первые люди стали. А тутъ, конечно, кто себѣ врагъ. И зазнались они, стали народъ обижать, такъ что никто ихъ теперь не любитъ, кромѣшниками зовутъ. Даже владыку митрополита Филиппа они погубили. Самый лютый изъ кромѣшниковъ Малюта-Скуратовъ, говорятъ, владыку задушилъ. А владыка былъ совсѣмъ святой человѣкъ.

— А какъ же, дѣдко, ты изъ татарскаго полона ушелъ?

— Дай срокъ, и это скажу. Вотъ, покамѣстъ мы съ Мальцовымъ такіе разговоры вели, и приплыли мы къ самой Переволокѣ. И дивился я тутъ, братцы. Сами вы знаете, какія у насъ на Дону отмели и мѣста къ оборонѣ удобныя: будь бы тамъ хоть не много нашихъ людей, то досталось бы туркамъ и татарамъ! Да какъ на грѣхъ ни одного казака мы не встрѣтили; извѣстно, испугались большой басурманской рати, отошли подальше. Ну, пришла невѣрная рать къ Переволокѣ, начали канаву рыть, это значитъ, чтобы изъ Дона въ Волгу водой проѣхать. Однако, видятъ — работа не подъ силу. А тутъ мы видимъ, что между погаными дѣло неладно: татары туркамъ толкуютъ, что можетъ имъ плохо придтись: здѣсь, говорятъ, зима долгая, а лѣтомъ опять ночи коротки — несподручно вамъ молиться будетъ: потому — эти турки по-своему тоже богомольны: какъ солнце сядетъ, они черезъ два часа послѣ того Богу молятся, а на разсвѣтѣ опять. Такъ и приходилось имъ лѣтомъ всю ночь молиться.

— Вишь, иноки какіе проявились.

— Ну, тутъ послы отъ астраханскихъ татаръ пришли: «Идите, говорятъ туркамъ, къ намъ скорѣе, суда бросьте, мы вамъ суда доставимъ, только русскихъ отъ насъ вы-

гоньте». Ханъ говорилъ турскому пашѣ, что астраханцы и соврать недорого возьмутъ, да паша хану не повѣрилъ. Пошли они къ Астрахани, однако видятъ, что сидятъ тамъ русскіе ратные люди, съ береженьемъ и пушекъ, и пищалей, и зелья у нихъ довольно. Басурманы и не сунулись на Астрахань, а вздумалъ паша на старомъ городищѣ построить городокъ, зимовать въ немъ и Астрахань добывать. И поймали татары о ту пору монаха одного. Пока онъ подъ стражей сидѣлъ вмѣстѣ съ Мальцовымъ, тотъ его и настроилъ, что надо говорить, когда турки будутъ его допрашивать. И началъ имъ монахъ разсказывать, что идетъ, говоритъ, подъ Астрахань князь Серебряный, а за нимъ Бѣльской, а рати съ ними вдвое чѣмъ у паши и хана. Наслушались этого турки и пошелъ у нихъ дымъ коромысломъ. Чуть они своего пашу не убили: «ты, говорятъ, и салтана на московскаго царя взманилъ, салтанъ намъ запасу на три года далъ, а ты къ Астрахани только на сорокъ день взялъ. Не хотимъ, говорятъ, здѣсь оставаться, а всѣ съ ханомъ прочь идемъ». Ну, пашѣ дѣлать нечего, пожегъ свой городокъ да и побѣжалъ вмѣстѣ съ ханомъ. А побѣжали они не къ Дону, а мимо черкесъ, дорогою безводною. Сколько ихъ тутъ переколѣло, страсть! Идутъ, собаки, да своего салтана ругаютъ: какой-де онъ салтанъ, когда не самъ войско ведетъ, а пашей съ нимъ посылаетъ.

— А вы какъ-же?

— Насъ съ собой собаки опять въ Крымъ повели. Послѣ мы узнали, что ханъ нарочно турское войско въ бѣду ввелъ: онъ у салтана турскаго подъ рукой, и хочется ему больше воли имѣть, а если бы салтанъ Астрахань добылъ, то былъ бы ханъ между турскими землями и Астраханью какъ въ тискахъ. А какъ туркамъ подъ Астраханью не повезло, такъ они это дѣло совсѣмъ и оставили. Только поганый Девлетъ-Гирей не оставилъ. Свѣдалъ онъ, собака, что самое лучшее московское войско съ Литвой да со шведомъ бьется, и умыслилъ на самую Москву идти. И собралъ онъ рать — силу великую, больше ста тысячъ; были въ ней кромѣ крымцевъ и ногаи, и черкесы, и всякая нечисть. А я ужь въ ту пору у самого хана служилъ и ему, собакѣ, полюбился. Вотъ и потащилъ онъ меня съ собой въ этотъ походъ. Господи! сколько тутъ русскіе люди бѣдъ претерпѣли! Полоняниковъ татары, какъ стадо овецъ, гнали! А

была тутъ, братцы мои, измѣна. У самой Оки шестеро дѣтей боярскихъ хану передались, сказали хану, что царь Иванъ Васильевичъ много бояръ перебилъ, а рать его въ нѣмецкой землѣ и стоитъ онъ въ Серпуховѣ въ малыхъ людяхъ, а хану бы прямо на Москву идти. И броды черезъ Оку указали ему окаянные перевѣтники. И подошелъ, братцы мои, поганый ханъ къ самой Москвѣ. Было это въ самый Вознесеньевъ день, и вышелъ людямъ не праздникъ, а горе неслыханное. Бояре-то въ Кремлѣ съ ратными людьми заперлись, а татары городъ-то запалили. Народу русскаго въ то время въ Москвѣ гибель была: черные люди туда отовсюду отъ татаръ бѣжали, думали тамъ отсидѣться. А тутъ, братцы мои, татары ихъ сѣкутъ, огонь палитъ, а въ Кремль не пускаютъ. Столпилось это народу на улицахъ, отъ лютой смерти спастись, видимо-невидимо. Повѣрите-ли, самъ я видѣлъ, не вру: бѣжитъ это народъ внизу, а другіе у нихъ по головамъ перебираются, а третьи еще выше черезъ нихъ перейти норовятъ. А куда идти-то? Все равно, коихъ татары въ полонъ побрали, коихъ побили, такъ много побили, что Москва-рѣка была трупами запружена.

— Да что же, въ самомъ дѣлѣ, рати что-ли въ Московскомъ царствѣ не было?

— Была рать, могла бы, пожалуй, и отбиться, да воеводы плохи. Первый бояринъ князь Бѣльскій отъ татаръ въ своемъ дворѣ въ каменный погребъ забился да тамъ и задохся. Одинъ только былъ хорошій воевода, князь Михайло Воротынскій, тотъ самый, что послѣ государя былъ набольшимъ, когда Казань брали. Какъ ханъ провѣдалъ, что Воротынскій на него идетъ, такъ и на утекъ пустился. Да имъ, собакамъ, чего надо? Только бы пограбить. А тутъ довольно было пограблено, въ полонъ столько взяли, что никогда крымцамъ не удавалось столько русскихъ людей полонить. Между полонянниками я двоихъ нашихъ вятчанъ встрѣтилъ, спросилъ про жену, про дѣтей. Сказывали, что ребята подросли да въ Пермскую землю вмѣстѣ съ матерью переселились. Тамъ проявились какіе-то именитые люди Строгоновы, такъ отовсюду людей зазываютъ къ себѣ и соляныя варницы заводятъ. А люди имъ и для работы и для береженья отъ сибирскихъ татаръ надобны.

— Гей, лодка!—крикнулъ человѣкъ, лежавшій у мачты, и всталъ.

— И впрямь лодка, — отвѣчалъ кормчій, — да прямо на насъ ѣдутъ, видно люди смѣлые.

— Можетъ, къ намъ вольные люди хотятъ пристать?

— И то быть можетъ.

Дѣйствительно, лодка направилась прямо къ стругу. Разсмотрѣвъ, что на ней всего два человѣка, казаки ни сколько не безпокоились. Одинъ изъ незнакомцевъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи, рослый, стройный и красивый. Другой былъ гораздо постарше, росту небольшого, но въ плечахъ чуть не косая сажень. Лодка стала приставать ко стругу.

— Атаманъ, — обратился одинъ изъ казаковъ къ человѣку, прежде лежавшему у мачты, — пускать ихъ на стругъ али къ рыбамъ?

— Пускай сюда войдутъ. Къ рыбамъ всегда спустить успѣемъ.

Причалившіе незнакомцы поклонились атаману.

— Что вы за люди? — спросилъ онъ.

— Меня Максимкой Соколомъ зовутъ, — отвѣчалъ младшій.

— А я Семеномъ Лапой прозываюсь, — пробурчалъ его товарищъ.

— Зачѣмъ вы пришли?

— А какъ твою милость величать?

— Атаманъ Яковъ Михайловъ.

— Стало, мы не ошиблись. Въ самое настоящее мѣсто пришли. Стало и атаманъ Ермакъ Тимофеичъ съ вами на стругахъ бѣжитъ?

— Хоть бы и здѣсь.

— Такъ у меня къ его милости и ко всѣмъ атаманамъ и къ вольнымъ казакамъ дѣло есть.

— Ужь не посолъ-ли ты?

— Пожалуй, что и посолъ.

Казаки захохотали.

— А это посольскій человѣкъ! — говорили они, указывая на Лапу.

— Чего смѣетесь-то! — заговорилъ Лапа.

— Вишь ты какой посольскій человѣкъ! Для чего же не смѣяться?

— Зубы скалить! не люблю.

— Ты не сердись, Семенъ, — сказалъ Соколъ, — а вы,

молодцы, не взыщите, онъ шутокъ не любитъ да и обхожденія не знаетъ, больше съ медвѣдями, чѣмъ съ людьми, живетъ.

— Съ медвѣдями?

— Да, круглый годъ звѣрей ловитъ, на медвѣдя съ рогатиной ходитъ, а то съ ножомъ засапожникомъ. Бывало и просто съ медвѣдемъ барахтается.

— И одолѣваетъ?

— Попробуй,—сказалъ Лапа.

— Не пробуйте, братцы,—перебилъ Соколъ,— двоихъ сомнетъ, потому и Лапой прозванъ. Силища такая. А съ вами мы не ссориться пришли. Про такое дѣло скажемъ, что можетъ всѣмъ пригодно покажется.

— Какое же дѣло?—спросилъ атаманъ.

— Не погнѣвись, твоя милость, — отвѣчалъ ловкій Соколъ, — говорятъ, у васъ, казаковъ, важныя дѣла кругомъ вершаютъ. Такъ не пригодно-ли будетъ твоей милости и другимъ атаманамъ кругъ собрать?

— Скажи, по крайности, отъ кого ты?

— Отъ именитыхъ людей Строгоновыхъ.

Михайловъ задумался.

— Вотъ я съ атаманами потолкую.

На стругѣ у атамана Ермака Тимофеича собрались всѣ атаманы: Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ. Михайловъ повѣдалъ имъ, какіе люди пріѣхали и чего просятъ.

Ермакъ, широкоплечій, красивый мужчина, съ черными глазами и черной окладистой бородой, сказалъ:

— О Строгоновыхъ много слышно. Отчего не узнать, зачѣмъ они къ намъ посылаютъ.

— Можно и кругъ собрать,—промолвилъ Кольцо.

— А ужь и время къ вечеру,—сказалъ Мещерякъ,— все равно приставать къ берегу надо.

Казаки причалили къ берегу. Собрался казацкій кругъ. Соколъ поклонился на всѣ стороны и началъ говорить:

— Именитые люди Строгоновы: Семенъ Аникіевичъ, Максимъ Яковлевичъ да Никита Григорьевичъ, вамъ, молодцы атаманы и вольные казаки, кланяются. Живутъ тѣ Строгоновы въ Пермской землѣ, тамъ они городки Канкоръ да Каргеданъ поставили, тамъ земли многія пустопорожнія Строгоновымъ царемъ-государемъ даны, позволено имъ вар-

ницы ставить, соль и селитру варить, рыбу ловить, руду искать. А за многую ихъ службу Строгоновы именитыми людьми называются. Когда прадѣдъ нынѣшняго царя Василій Васильевичъ въ казанскій полонъ попалъ, они изъ того полона государя выкупили, за то имъ многія льготы пожалованы и дозволено имъ принимать къ себѣ всякихъ людей, и тѣхъ людей сибирскіе намѣстники и тіуны ихъ не судятъ и въ Строгоновскіе городки и деревни правежчики и доводчики не въѣзжаютъ. А нынѣ Строгоновымъ отъ царя поискать новыхъ землицъ за горою Ураломъ позволено. Кто Строгоновымъ служитъ, тотъ въ накладѣ не останется: любятъ они награждать и жаловать. Только и служба у нихъ не малая; кои люди работаютъ, кои для береженья живутъ, потому что много вокругъ всякаго народа иноязычнаго: остяки, вогуличи, югричи, самоѣды, а всѣхъ ихъ злѣе сибирскій татарскій салтанъ Кучумъ. Они городъ Соликамскъ два раза пограбили, а недавно сибирскій царевичъ Маметкулъ на Пермь приходилъ, только пять верстъ до Строгоновскихъ городковъ не дошелъ. Есть у Строгоновыхъ снарядъ, пищали и зелье, есть и молодцы удалые, да еще такіе молодцы надобны.

— Теперь понимаю,—шепнулъ Михайловъ Мещеряку, —зачѣмъ онъ присланъ.

— Объ васъ, молодцы удалые, донскіе казаки, — продолжалъ Соколъ,—далеко слава гремитъ; слыхали мы, какъ и крымскимъ татарамъ и ногаямъ и всякой нечисти отъ васъ доставалося, какъ васъ и турскій салтанъ побаивается. Вѣдомо намъ, какъ крымскій ханъ сына Мишки Черкашенина казнилъ и хотя Мишка былъ днѣпровскій казакъ, а донскіе казаки за его обиду вступились, у салтана Азовъ взяли, лучшихъ людей оттуда двадцать человѣкъ, да шурина салтана Усеина, да много черныхъ людей побрали.

— Онъ хорошо говоритъ,—заговорили въ кругу.

— Вѣдомо намъ также,—продолжалъ Соколъ,—что послѣ смерти славнаго донского атамана Сары-Азмана нѣтъ на Дону атамана славнѣе Ермака Тимофеича, да гремятъ имена и другихъ атамановъ: Ивана Кольцо, Якова Михайлыча, Никиты Пана и Матвѣя Мещеряка. И зовутъ васъ именитые люди Строгоновы, васъ, атаманы молодцы, и васъ, вольные казаки, къ себѣ въ Пермскую землю, служить и прямить, сибирскаго салтана и всякую чудь пучеглазую

бить, а жалованья даютъ втрое противъ служилыхъ государевыхъ людей, что на Перми живутъ — хотите мѣхами получайте, хотите червонцами.

— А что же, хорошо бы идти,—заговорили казаки.

— Жалко Дона тихаго да Волги-матушки,—толковали другіе.

— Позвольте, братья казаки, рѣчь держать, — молвилъ Ермакъ.

— Говори, говори, Ермакъ Тимофеичъ!

— Самъ я, братья казаки, и Донъ тихой и Волгу-матушку люблю какъ отца съ матерью. Да какъ намъ ихъ и не любить? Издавна здѣсь приволье для вольныхъ людей. Еще когда поганые татары разорили русскую землю, то уходили отъ нихъ русскіе люди въ степь широкую, укрывались у Дона, схватывались съ недругами и положили начало нашему казачеству. Тяжело имъ тогда жить было, въ малыхъ людяхъ они съ недругами бились. А теперь разрослось наше казачество, не боимся ни крымскаго хана, ни салтана турскаго. Какъ вѣтеръ вольный гуляемъ и по Дону и по Волгѣ-рѣкѣ. Да съ нами, братья товарищи, бѣда приключилась. Гуляли мы да загулялися, царя бѣлаго прогнѣвали. Точно, нечего грѣха таить: не разъ случалось намъ по Волгѣ и русскихъ людей обирать. Знаю я, да и вы всѣ знаете, что уже царская рать идетъ, чтобы насъ ловить. Биться съ ней будто и зазорно, потому что тамъ наши же братья, русскіе. Да наврядъ ли и отбиться намъ, потому что насъ пятьсотъ съ небольшимъ, а на насъ, говорятъ, пять тысячъ идутъ. Опять куда идти? На Дону насъ принять поопасятся, потому съ царемъ ссориться не захотятъ. На басурманъ идти? насъ маловато. И выходитъ, какъ будто всего бы лучше намъ въ Пермскую землю идти. Пока еще царь узнаетъ, что мы тамъ, гнѣвъ-то его и пройдетъ. Тамъ мы ему же службу служить будемъ. За ту службу, можетъ, онъ насъ и проститъ. А не проститъ, такъ мы въ Сибирь махнемъ. Тамъ мѣста много и сторона, говорятъ, богатая.

— А идти, такъ идти,—сказалъ Мещерякъ.

— Москалей я не боюсь,—возразилъ Панъ.

— Ты полякъ,—сказалъ Михайловъ, — такъ тебѣ ничего съ ними драться, а мы православные: со своими драться не охота.

— Лучше съ татарвой да съ чудью биться! — закричали казаки.

— Чего тутъ толковать,—прибавили другіе,—Ермакъ все дѣло на ладони выложилъ.

— Идемъ къ Строгоновымъ!—закричали всѣ.

— Быть по вашему слову, братья товарищи!—сказалъ Ермакъ.

— Слышалъ, молодецъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Соколу,—какъ казачій кругъ рѣшилъ? Теперь нашего хлѣба соли отвѣдай да и веди насъ къ своимъ Строгоновымъ—ты лучше насъ дорогу знаешь. Только уговоръ лучше денегъ. За тобой будутъ присматривать. Если ты съ лестью къ намъ пришелъ, не сносить тебѣ головы своей.

— На этомъ будь спокоенъ, Ермакъ Тимофеичъ, у меня голова хоть не атаманская, а все же вмѣсто этой другой не пришьешь.

Поѣли казаки, выпили только по чаркѣ. Больше пить Ермакъ Тимофеичъ не дозволялъ, потому что они были все равно, что въ походѣ — не ровенъ часъ, царскіе ратники нагрянутъ. Одни казаки полегли, другіе забавлялись, силу да ловкость пробовали.

— Не хочешь бороться,—сказалъ плечистый казакъ Семену Лапѣ,—такъ на палкѣ потянемся.

— Съ двумя, — отвѣчалъ Лапа.

— Экъ онъ бахвалится!—сказалъ казакъ,—ну, съ двумя, такъ съ двумя. Эй, Чупрунъ, поди сюда.

Взяли палку двое здоровенныхъ казаковъ, сѣли съ одной ея стороны, Лапа съ другой, каждый уцѣпился за палку обѣими руками, а ногами уперлись: одинъ казакъ въ правую ногу Лапы, а другой въ лѣвую.

Тянутъ казаки, индо лица покраснѣли, Лапа ничего. Вотъ онъ понатужился, потянулъ, и оба казака полетѣли въ его сторону.

— Эхъ ты, дуй те горой! — говорили они, вставая и отряхиваясь,—настоящій медвѣдь!

Соколъ между тѣмъ боролся и тоже удачно.

— Не хочешь ли со мной?—спросилъ Панъ.

— Съ нимъ, братъ, не связывайся, — сказалъ одинъ изъ казаковъ,—они, поляки да литва, на это ловки: не столько силой, сколько сноровкой берутъ. Вотъ тоже на Москвѣ со служилыми литвинами сколько молодцовъ выхо-

дило биться—не могли побить. Насилу молодецъ выискался, такъ литвина совсѣмъ на мѣстѣ положилъ. Съ тѣхъ поръ царь такіе бои запретилъ: тоже ему жаль своихъ служилыхъ людей.

Дѣйствительно Панъ поборолъ Сокола.

— Я и твоего медвѣдя брошу,—сказалъ атаманъ.

— Ой ли! лучше не связывайся: изомнетъ.

— Хочешь бороться?—спросилъ Панъ Семена.

— Съ тобой?

— Да.

— Ладно.

Не успѣлъ Семенъ поворотиться, какъ Панъ его подъ силки взялъ и ногой подоплелъ. Только Семенъ ничего, стоитъ какъ колода. Лапа наложилъ Пану руки на плеча и сталъ гнуть его къ землѣ, индо застоналъ Панъ, колѣна у него подогнулись и онъ палъ на землю.

— Пускай скорѣе, Семенъ,—крикнулъ Соколъ,—не задуши атамана.

Два года уже прожили казаки въ строгоновскихъ городкахъ, какъ однажды, въ іюлѣ 1582 года, въ городокъ Кергеданъ въѣхали нѣсколько всадниковъ. Впереди всѣхъ ѣхалъ тучный человѣкъ лѣтъ пятидесяти, чердынскій воевода Василій Пелепелицынъ, а за нимъ подъячій Сенька Кургузъ. Воевода потъ съ лица отиралъ, а подъячаго будто лихорадка трясла.

— Не обезсудь, Семенъ Аникіевичъ,—сказалъ воевода Строгонову, который встрѣтилъ нежданныхъ гостей,—что не прошеные къ тебѣ заѣхали. Ѣхалъ я только проѣздомъ черезъ твои волости, а туда поганые сыроядцы пришли, чуть меня не поймали.

— Спасибо, Василій Иванычъ, что вѣсть о томъ далъ, а дорогому гостю рады.

Пока Строгоновъ воеводу угощалъ, Ермакъ на сыроядцевъ пошелъ. Оказалось, что дѣйствительно строгоновскія села грабятъ сотенъ семь вогуличей подъ начальствомъ мурзы Бегбелія Апстакова. Казаки вмигъ разбили ихъ и самого мурзу въ плѣнъ взяли.

Собирался совсѣмъ воевода отъ Строгоновыхъ выѣзжать, какъ повстрѣчался съ нимъ Никита Панъ, повстрѣчался и шапки не снялъ. Побагровѣлъ съ досады воевода.

— Что же это, Сенька,—сказалъ онъ подъячему,—царскаго воеводу не уважаютъ.

— Бить того человѣка нещадно, — сказалъ Сенька.

— Да, бить! развѣ здѣсь наша воля? И Строгоновъ то, чай, его пальцемъ тронуть не можетъ.

— А позволь, государь воевода, слово молвить.

— Говори.

— Разбойники эти строгоновскіе служилые люди, прямые разбойники. Такъ они и глядятъ. И какъ бы отъ нихъ государеву дѣлу лиха не было.

— И впрямь. Я это Семену скажу.

Не одному воеводѣ Никита Панъ не полюбился. Не понравилось любимому строгоновскому прикащику, Максиму Соколу, что Панъ часто мимо оконъ поповой дочери Дуняши ходитъ. На Дуняшѣ Максимъ собирался жениться.

«Онъ смазливый такой,—думалъ Максимъ,—да и ловокъ песъ, долго ли до грѣха. Какъ бы его отсюда подальше!»

Сталъ воевода со Строгоновымъ прощаться, сталъ и о своей обидѣ говорить.

— Вольница же у тебя служитъ, Семенъ Аникіевичъ, какъ есть вольница: передъ царевымъ воеводой шапки ломать не хочетъ.

— Не взыщи, Василій Ивановичъ, они казаки — ихъ дѣло къ тому непривычное.

— А какъ ежели да отъ тѣхъ казаковъ,—сказалъ воевода пыхтя,—какое воровское дѣло выйдетъ?

— Не твоя кручина, Василій Иванычъ, мои они люди, я и отвѣчаю.

Побагровѣлъ совсѣмъ воевода, и сказать было нечего: въ строгоновскія дѣла онъ вступаться не смѣлъ: то строго на строго было отъ государя заказано.

При томъ разговорѣ Строгонова съ воеводой былъ и Соколъ.

— Я, государь Семенъ Аникіевичъ, тебѣ тоже про казаковъ хочу слово молвить. Вотъ они два года живутъ у насъ, а худого о нихъ сказать нельзя. Конечно случалось, подъ пьяную руку, ссорились съ иными ратными людьми и съ рабочими, да вѣдь безъ этого ужь нельзя. А чтобы какое воровское дѣло замыслить, то атаманы, особливо Ермакъ Тимофеичъ, никогда до этого не допустятъ.

— Я и самъ такъ думаю.

— А только вотъ что мнѣ на умъ пришло. Теперь, какъ они вогуличей пугнули, мало у нихъ дѣла будетъ: теперь не то вогуличи, и татары долго къ намъ не сунутся. Такъ какъ бы отъ бездѣлья казаки баловать не стали.

— Не безъ того. Да какъ тутъ пособить? Не распустить же ихъ? Распусти, такъ татары сейчасъ спознаютъ и нагрянутъ.

— Сущая правда. Однако же зачѣмъ казакамъ даромъ жалованье платить и харчи давать? А дѣло-то имъ можно бы найти. Вотъ ужь кажись годовъ семь будетъ, какъ твоя милость грамату отъ царя получилъ, чтобы землицъ за Ураломъ поискать. До сихъ поръ людей у насъ для того маловато было. А теперь ежели казакамъ нарядъ да сотни три иныхъ служилыхъ людей дать, такъ они самого салтана Кучума разобьютъ. А первое дѣло—жалованье не даромъ получать и баловаться не будутъ, а второе за Ураломъ—коли порядкомъ поискать—непремѣнно руда найдется.

— А вѣдь ты, Максимъ, дѣло говоришь. Позови-ка ко мнѣ Ермака, я съ нимъ потолкую. Еще и тѣмъ хорошо бы его за Уралъ послать, чтобы тѣмъ на татаръ страхъ навести, чтобы они къ намъ не совались.

Ермакъ съ большою радостію услыхалъ предложеніе Строгонова—двинуться за Уралъ на татарское царство. Скоро они обсудили, какъ тому быть.

Пошла работа на рѣкѣ Чусовой. Казаки и другіе ратники строили новыя и конопатили старыя суда, оснащали ихъ, собирали боевые и съѣстные припасы. На той работѣ кормчій Степанъ съ Максимомъ Соколомъ встрѣтились. Прежде имъ рѣдко случалось разговаривать.

— У насъ на Вяткѣ,—сказалъ Степанъ,—весла шире дѣлаютъ, такъ-то лучше воду загребать.

— Развѣ ты съ Вятки, дѣдушка?—спросилъ Максимъ.

— Съ Вятки.

— Какъ же ты въ казаки попалъ?

— Съ Вятки на Астрахань меня царь послалъ, тамъ я къ татарамъ въ полонъ попалъ, въ полону семнадцать годовъ пробылъ, а передъ тѣмъ, какъ успѣлъ убѣжать отъ татаръ, услыхалъ, что моя семья въ Пермскую землю ушла, я съ горя-то да со злобы на татаръ къ казакамъ и присталъ.

— Семья твоя сюда ушла? А ты ее не разыскивалъ?

— Да чего разыскивать то? Къ бабамъ точно присматривался, думалъ не увижу ли моей. Да и то чай не узналъ бы: вѣдь мы двадцать пять годовъ не видались.

— Такъ ты двадцать пять годовъ, какъ съ Вятки ушелъ?

— Да.

— А въ какихъ мѣстахъ ты тамъ жилъ?

— Въ Уржумѣ—сельцо такое есть.

— А какъ твою жену и дѣтей звали?

— Жену-то Улитой. А ребятъ двоечко было. Старшой, Максимка двухъ годковъ, да дочка Матрешка годовала.

— Батюшки свѣты! Да вѣдь ты мой родитель! Строгонова супружница Семена Аникіевича черезъ наше село проѣзжала, да матушку нашу въ стряпухи къ себѣ и взяла. Такъ матушка двѣнадцать годовъ у Строгоновыхъ и выжила, у нихъ и скончалась. А за ея вѣрную службу и меня съ сестрой Строгоновы призрѣли и меня въ прикащики вывели, да и сестра по сей часъ жива въ Канкорѣ тоже за прикащикомъ. Благослови, родимый батюшка.

Максимъ отцу въ ноги поклонился, а отецъ благословилъ, расцѣловалъ сына и даже всплакнулъ старый отъ радости, увидавъ сына, котораго въ теченіе двадцати пяти лѣтъ помнилъ и молился о немъ, не зная за здравіе или за упокой. Съѣздилъ онъ и въ Канкоръ, съ дочуркой повидался, на внучатъ поглядѣлъ.

Сборы ратныхъ людей приходили къ концу. Собрались воевать сибирскую землю 540 казаковъ да 300 иныхъ строгоновскихъ ратныхъ людей, большею частію изъ литовцевъ да изъ плѣнныхъ нѣмцевъ, съ ними шесть пушечекъ небольшихъ. Все это войско было подъ начальствомъ Ермака Тимофеича.

Передъ самымъ походомъ Строгоновъ сказалъ Соколу:

— А тебѣ, Максимъ, тоже надо съ ними идти: ты парень вѣрный и смѣтливый, такъ о сибирскихъ торговыхъ дѣлахъ, а главное о рудахъ развѣдывай.

— Вотъ-те и Дуняша!—подумалъ Максимъ.

Тѣмъ временемъ Ермакъ Тимофеичъ казацкій кругъ созвалъ и такую имъ рѣчь сказалъ:

— Долго, братья товарищи, мы худой славой жили—поживемъ теперь доброю. Можемъ мы сослужить службу

великую царю-батюшкѣ и матушкѣ святой Руси. Поклянемся же быть вѣрными слугами Богу и царю, не татями, не разбойниками, не упиваться виномъ, ни въ какія худыя дѣла во время нашего похода не вдаваться.

Воины Ермака дали такую клятву.

1-го сентября 1582 года, то-есть въ день, когда въ то время праздновался Новый годъ, Ермакъ выступилъ въ походъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, пригналъ отъ царя къ Строгоновымъ гонецъ съ такою грамотою:

«Писалъ къ намъ изъ Перми Василій Пелепелицынъ, что вы изъ своихъ остроговъ послали волжскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака съ товарищами воевать вотяковъ и вогуличей, пелымскія и сибирскія мѣста, 1-го сентября, и въ тотъ самый день пелымскій князь, собравшись съ сибирскими людьми и вогуличами, приходилъ войною на наши пермскія мѣста, къ городу Чердыни, къ острогу приступалъ, нашихъ людей побилъ и много убытковъ нашимъ людямъ надѣлалъ. Это случилось по вашей измѣнѣ: вы вогуличей, вотяковъ и пелымцевъ отъ нашего жалованья отвели, ихъ задирали, на нихъ войной приходили, этимъ задоромъ ссорили насъ съ сибирскимъ салтаномъ; потомъ, призвавши къ себѣ волжскихъ атамановъ, наняли ихъ въ свои остроги безъ нашего указа; а эти атаманы и казаки и прежде ссорили насъ съ ногайскою ордою, пословъ ногайскихъ на Волгѣ, на перевозахъ, побивали, ордобозарцевъ грабили и побивали и нашимъ людямъ много грабежей и убытковъ чинили. Имъ было вины свои покрыть тѣмъ, что нашу Пермскую землю оберегать, а они, вмѣстѣ съ вами, сдѣлали точно такъ-же какъ на Волгѣ: въ тотъ самый день, въ который приходили къ Чердыни вогуличи, 1 сентября, отъ тебя изъ остроговъ Ермакъ съ товарищами пошли воевать вогуличей, а Перми ничѣмъ не пособили. Все это сдѣлалось вашимъ воровствомъ и измѣной; еслибы вы служили, то вы бы казаковъ въ это время на войну не посылали, а послали бы ихъ и своихъ людей изъ остроговъ Пермскую землю оберегать. Мы послали въ Пермь Воина Оничкова, велѣли ему этихъ казаковъ, Ермака съ товарищами, взять и отвести въ Пермь и въ Камское Усолье, тутъ велѣли имъ стоять раздѣлясь, и зимою на партахъ ходить на пелымскаго князя, вмѣстѣ съ пермичами и вятчанами; а вы, обославшись съ Пелепелицынымъ

и Оничковымъ, посылали бы отъ себя воевать вогуличей и остяковъ. Непремѣнно, по этой нашей граматѣ, отошлите въ Чердынь всѣхъ казаковъ, какъ только они къ вамъ съ войны возвратятся, у себя ихъ не держите; а если для непріятельскаго прихода вамъ въ острогѣ пробыть нельзя, то оставьте у себя немного людей, человѣкъ до ста, съ какимъ-нибудь атаманомъ, остальныхъ же всѣхъ вышлите въ Чердынь непремѣнно тотчасъ. А не вышлите изъ остроговъ своихъ въ Пермь волжскихъ казаковъ, атамана Ермака Тимофеева съ товарищами, станете держать ихъ у себя и пермскихъ мѣстъ не будете оберегать, и если такою вашею измѣною что впередъ случится надъ пермскими мѣстами отъ вогуличей, пелымцевъ и отъ сибирскаго салтана, то мы за то на васъ опалу свою положимъ большую, атамановъ же и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшать».

Испугались Строгоновы гнѣва царскаго, рады бы радешеньки исполнить царскій указъ—воротить Ермака, да ни они, ни Оничковъ даже не знали, гдѣ Ермакъ въ ту пору былъ.

Громадные, развѣсистые кедры, краса сибирскихъ лѣсовъ, гордо подымаются къ небу. Осень на исходѣ, а они свою красоту не потеряли, не то что лиственныя деревья, которыя растутъ налѣво отъ нихъ. На тѣхъ листья иные пожелтѣли, а иные и совсѣмъ осыпались. Глушь лѣсная непроходимая. А вдали горы — великаны въ снѣговыхъ шапкахъ.

Кто это такіе подъ деревьями—не то люди, не то звѣри? Совсѣмъ они мѣхомъ покрыты, точно шерстью обросли. Обликъ похожъ на человѣческій, только куда не красивъ.

Это вогуличи, главные въ то время обитатели страны по рѣкѣ Турѣ.

— Диво!—крикнулъ одинъ изъ нихъ.

— Что?—спросилъ старикъ, должно быть начальникъ толпы.

— Дерево—никогда такого не видалъ—кора бѣлая.

Старикъ подошелъ, посмотрѣлъ.

— Береза. Прежде она только за Ураломъ росла. Дѣло не ладно. Старые люди говорили: будетъ бѣлое дерево расти,— будетъ у васъ и бѣлый царь.

— А намъ что! Татаринъ тоже ясакъ беретъ.

Каждый изъ нихъ что-то въ руки взялъ, лукъ не лукъ, а долгое какое-то оружіе.

— Что это? Никакъ тамъ кто-то идетъ? Такъ и есть Таузакъ. Какъ ты сюда попалъ?

— Ой бѣда, Назымъ. Послалъ меня Кучумъ съ сотней людей на Туру ясакъ собрать. Слышимъ, по рѣкѣ Серебряной русскіе плывутъ, земляной городокъ поставили, Кокуемъ назвали, а потомъ до рѣки Жаровли добрались, да по ней въ Туру плывутъ. Собралъ я вогуличей, да съ ними и съ татарами пошелъ выпроваживать незванныхъ гостей. Вижу, на лодкахъ плывутъ. Только-что стали мы стрѣлы пускать, какъ видимъ каждый изъ нихъ что-то въ руки взялъ, лукъ не лукъ, а долгое какое-то оружіе, къ плечу приложилъ и у каждаго огонекъ вспыхнулъ, дымъ пошелъ, а затѣмъ словно громъ загремѣлъ перекатами. Смотримъ, человѣкъ тридцать нашихъ попадало: одни совсѣмъ убиты, другіе поранены,— вопятъ. А отчего это случилось, мы и не видали, потому что стрѣлъ русскіе не пускали. А язвили такъ, что никакая ратная сбруя не спасала, такъ на вылетъ и пробиваютъ. Мои люди тотчасъ разбѣжались, а меня русскіе въ полонъ взяли, къ своему набольшему привели—Ермакомъ зовутъ. Тотъ сталъ меня о Кучумѣ разспрашивать. Разспросилъ да и отпустилъ: «Поди, говоритъ, скажи Кучуму, какіе люди на него идутъ и какъ бьются. Пускай онъ бѣлому царю покорится, не то худо будетъ.»

— Вотъ она береза-то!—сказалъ старикъ.

Самъ Кучумъ о ружьяхъ и прежде слыхалъ, да отъ того не легче. Взяло его раздумье, однако человѣкъ онъ былъ не робкій: порѣшилъ обороняться. Послалъ онъ Маметкула на Тоболѣ русскихъ встрѣтить, а самъ укрѣпился у рѣки Иртыша, подъ горою Чувашьею.

Ясный, морозный день. Русскіе идутъ по берегу Иртыша. Кругомъ необозримое пространство покрыто снѣгомъ. Солнце весело играетъ, и все, и деревья, покрытыя снѣгомъ, и снѣговая равнина, блестятъ тысячью брильянтовъ. Вѣтру нѣтъ, но морозъ хорошій: будь у казаковъ термометръ Реомюра, они узнали бы, что 35 градусовъ, но теперь только по холоду, который пробираетъ ихъ, несмотря на теплые полушубки, они чувствуютъ, что матушка Сибирь въ зимнее время шутить не любитъ.

Степанъ, Максимъ, Соколъ и Семенъ Лапа идутъ вмѣстѣ. Съ ними еще казакъ Грицько, родившійся въ Украйнѣ. Грицько пожимается отъ холода.

— Ухъ, морозецъ!—говоритъ онъ.

— Важно!—замѣчаетъ Лапа.

— Чего тебѣ важно?

— Гоже.

— Ужь это ты, братъ Лапа,—сказалъ Соколъ,—и своихъ пріятелей медвѣдей перещеголялъ: и тѣ въ морозъ въ берлогахъ лежатъ, а тебѣ, вишь, на морозѣ ладно.

— Идти ходко.

— Вотъ и поди съ нимъ. Послушай, Лапа, ты боишься чего-нибудь?

— Лѣшаго.

— А ты его видалъ?

— Нѣтъ. Разъ онъ ночью спать не давалъ.

— А ты бы молитвы читалъ.

— Мало знаю. Господи Ісусе Христе знаю,—той онъ не боится.

— А какой же боится?

— «Да воскреснетъ». Дальше не знаю. Скажу «да воскреснетъ», онъ присмирѣетъ, а дальше не знаю—онъ опять и давай возиться.

— Ну, а голодать случалось?

— Разъ голодалъ четыре дня.

— Что-же?

— Отощалъ. Волка зашибъ—все сожралъ.

— Мясо-то жесткое?

— Жесткое. Жрать хотѣлось.

— А зачѣмъ ты, Семенъ,—сказалъ Грицько,—свою рогатину бросилъ, а кистень взялъ?

— Неловко. Одного пырнешь, другіе не ждутъ.

— Это онъ о татарахъ,—замѣтилъ Соколъ.—Какъ дрались мы подъ Бабасаномъ, такъ онъ съ этимъ самымъ кистенемъ прошелся между татарами, словно боецъ молодецъ въ кулачномъ бою: коего тронетъ, тотъ и повалится.

— А жутко было подъ Бабасаномъ,—сказалъ Степанъ,—этотъ у нихъ, у татаръ-то, Маметкулъ что-ли прозывается, воевода важный. И они сами ничего бьются хоть куда, невпримѣръ лучше астраханцевъ, пожалуй, крымцамъ и ногаямъ не уступятъ.

— Да, не догадайся тогда Ермакъ Тимофеичъ обмануть ихъ, не скоро бы мы одолѣли поганыхъ.

— И какъ это ловко онъ придумалъ! — прибавилъ Со-

колъ,—надѣлъ казацкія шапки и полушубки на чучелъ—татары знай въ нихъ стрѣляютъ, а наши тѣмъ временемъ обошли съ другой стороны татаръ, да и накрыли.

— Ермакъ выдумаетъ!—сказалъ Степанъ,—на то онъ и атаманъ; у насъ, Максимъ, въ атаманы тѣ и попадаютъ больше, кого Господь, кромѣ удали, и разумомъ наградилъ. Они мастера на ратныя хитрости.

— А знаете что, братцы,—заговорилъ Грицько,—промежъ казаками что говорятъ?

— А что?

— Да нехорошо. Идемъ, говорятъ, мы все дальше да дальше и конца нѣтъ. Ее, эту самую Сибирь, изъ конца въ конецъ не пройдешь. Пора бы остановиться.

— А они бы вотъ у Лапы спросили, надо ли дальше идти,—сказалъ Соколъ.—Что, Лапа, ты вотъ этакъ Сибирь пройдешь?

— Ничего.

— А еще вотъ что говорятъ казаки, — продолжалъ Грицько,—сперва татары нашихъ ружей да пушекъ боялись, а теперь привыкли. Справляться съ ними мудренѣе стало: вонъ подъ Бабасаномъ почти всѣ наши были перераненены:

— Стой!—послышался голосъ атамана.

Казаки сдѣлали привалъ и скоро по зову атамановъ собрались въ кругъ.

— Братья-товарищи!—началъ говорить Ермакъ,—сейчасъ наши языка добыли. Салтанъ Кучумъ съ Маметкуломъ и со всей силой татарской стоитъ у Чувашьей горы.

— Стало опять бой смертный будетъ!—сказалъ одинъ казакъ.

— Много ужь нашихъ полегло!

— Этой Сибири конца нѣтъ!

— Позвольте, братья-казаки, рѣчь держать!—сказалъ Михайловъ.

— Говори.

— Почитай два мѣсяца мы все впередъ идемъ, много мурзъ побили, много улусовъ побрали и добычи довольно у насъ. Не стыдно бы съ тѣмъ и домой вернуться. Только вернемся ли, если назадъ пойдемъ, а орда позади насъ останется? Вонъ ужь Иртышъ, почитай, замерзъ, а о другихъ рѣкахъ и говорить нечего. Стало, до весны если отступать,

такъ въ этакой холодъ надо идти многія тысячи верстъ. Да еще на всякомъ шагу драться. Теперь насъ боятся, потому что мы все впередъ шли и татаръ на каждомъ шагу побивали, а пойдемъ назадъ—такъ бояться насъ перестанутъ: не то татары, а вогуличи и всякая чудь противъ насъ подымется. Такъ дойдемъ ли мы до Пермской земли? Если же остаться зимовать здѣсь, то надо укрѣпиться и мѣсто для того сподручнѣе сыскать. А что если орда насъ въ томъ мѣстѣ окружитъ да голодомъ выморитъ? Вотъ, братья, и выходитъ, что какъ тамъ дальше ни думай, а первымъ дѣломъ нужно ее, эту орду поганую, побить.

— Сила-то ихъ, говорятъ, велика.

— А Богъ-то на что?—сказалъ Ермакъ.—Онъ, братья, и безпомощнымъ помогаетъ. Что мы честнымъ людямъ Строгановымъ обѣщали? Смирить татаръ, а пойдемъ теперь назадъ, такъ ихъ на своихъ плечахъ въ Пермскую землю приведемъ. Стыдно, братцы, намъ будетъ.

— Я еще вотъ что скажу,—прибавилъ Мещерякъ:—еще до казачества прилучилось мнѣ въ Казани быть, а тамъ, братцы, часовенка поставлена на томъ мѣстѣ, гдѣ царскій шатеръ во время осады стоялъ, и подъ той часовенкой кости русскихъ убіенныхъ ратниковъ собраны, а въ часовенкѣ-то ихъ на вѣки вѣчные за упокой души поминаютъ.

— И насъ будутъ поминать, братья-товарищи!—вскричалъ Ермакъ,—вспомните, кто мы? Нѣтъ у насъ ни роду, ни племени. Сложимъ головы—некому и поплакать о насъ. Одна только матушка у насъ—наша святая Русь! Послужимъ же ей вѣрою и правдою! Сложимъ за нее буйныя головы. Не забудетъ она насъ во вѣки вѣчные. Будутъ въ церквахъ святыхъ оглашаться наши имена за то, что мы живота не жалѣли да цѣлое царство добыли.

— И впрямь, братцы!

— Все едино помирать!

— Веди насъ, Ермакъ Тимофеевичъ!

Казаки въ отчаянномъ бою побѣдили Кучума, такъ что онъ едва успѣлъ спастись съ раненымъ Маметкуломъ, а все его войско было побито или разсѣялось. Казаковъ было убито 107 человѣкъ, имена которыхъ и донынѣ поминаются за упокой въ тобольскомъ соборѣ. Чрезъ три дня, 26 октября 1582 года, казаки безъ боя заняли городъ Сибирь, столицу Кучума. Казакамъ досталась богатая добыча и укрѣпленный

городъ для зимовки. Притомъ, теперь владѣя главнымъ сибирскимъ городомъ, они могли себя считать повелителями сибирскаго царства. Весной они довершали его завоеваніе, покоряя городки по Иртышу и Оби. Даже Маметкула они захватили въ плѣнъ. Ермакъ съ Никитой Паномъ пошелъ на остяцкій городокъ Назымъ. Прочіе остались въ городѣ Сибири и снаряжали струги, чтобы дать вѣсть царю и Строгановымъ о своихъ побѣдахъ.

Живо кипѣла работа на берегу Иртыша. Кольцо распоряжался рабочими. Около него были Степанъ, Максимъ и Лапа. Вдругъ рабочіе увидали струги Ермака и громко крикнули «ура!» Такой же крикъ отвѣтилъ имъ со струговъ и лучше всякихъ рѣчей увѣдомилъ, что Ермакъ воротился съ побѣдой. Скоро онъ съ товарищами вышелъ на берегъ.

— Что, струги готовы?—спросилъ онъ.

— Почитай совсѣмъ готовы,—отвѣчалъ Кольцо.

— Ко времени. Хочу я тебя, Иванъ, къ самому царю послать съ вѣстями о нашихъ дѣлахъ, а тебя, Максимъ, къ Строгановымъ. Каждый выберите по два десятка, кого хотите.

Съ этими словами Ермакъ пошелъ въ городъ.

— Что это,—спросилъ Максимъ Грицька, который былъ въ походѣ съ Ермакомъ,—васъ какъ-будто гораздо поменьше воротилось?

— Да, многихъ поганые ухлопали. Въ томъ числѣ и Никиту Пана.

— Вѣчная ему память!

А самъ Максимъ согрѣшилъ, подумалъ: «поповну отбивать не будетъ».

— Ну, тятька!—сказалъ онъ Степану,—пойдемъ въ Пермь.

— Нѣтъ, Максимушка, что мнѣ тамъ дѣлать?

— Да что-же, отдохнулъ бы.

— Вѣдь ты воротишься?

— Чай, Строгановы опять пошлютъ.

— Ну, такъ, значитъ, опять и свидимся. Съ тобой-то свидѣться и пожить мнѣ, старику, любо, а своихъ казаковъ оставить никакъ нельзя. Вѣдь сколько годовъ я съ ними живу. Можетъ, не одинъ разъ другъ друга и отъ смерти выручали. Съ ними и помирать мнѣ.

— А видишь что, родимый, мнѣ бы тебя еще вотъ почему нужно: жениться я собираюсь.

— Ну и женись съ Богомъ. На комъ?
— Поповна тамъ, Дуняша.
— Видалъ, дѣвка хорошая.
— Благослови, родимый батюшка!
— Господь благословитъ!
— А и свадьбѣ безъ тебя быть не можно.
— На свадьбу поѣду. На сыновней свадьбѣ какъ не быть. А потомъ вернусь.
— Вмѣстѣ вернемся. А ты, Лапа, поѣдешь?
— Нѣтъ.
— Что такъ? Развѣ тебѣ здѣсь весело?
— Весело.
— Вотъ какъ. Гдѣ же тебѣ такое веселье?
— Къ остякамъ хожу. Тамъ баба есть.
— Остячка-то?
— Все равно баба.
— Смотри, братъ, они тебя ухлопаютъ.
— Не ухлопаютъ. Любятъ меня. Медвѣди ихъ одолѣли. А я съ десятокъ убилъ. Благодарятъ.
— Ты и говоришь по-ихнему?
— И говорю.
— Когда это ты успѣлъ? Вотъ поди съ нимъ! Чай, и съ вогуличами познакомился?
— Хаживалъ.
— По-вогульски-то и я говорю, а по-остяцки не выучился. Ну, да за тобой не угоняешься.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Опять струги по Иртышу плывутъ. Ѣдутъ на нихъ Иванъ Кольцо, Степанъ и Максимъ съ товарищами. Ермакъ со всѣми казаками вышелъ къ нимъ на встрѣчу. Глядитъ—на стругѣ Кольцо, веселый, радостный, въ новой, дорогой шубѣ.

— Милость, милость царская!—крикнулъ Кольцо.

Ермакъ, а за нимъ всѣ казаки стали на колѣни.

— Всѣмъ милость и царское жалованье, а ты, Ермакъ, пожалованъ княземъ сибирскимъ.

Столпились казаки около Ивана Кольцо и началъ онъ разсказывать, какъ былъ у грознаго царя.

— Ѣдемъ это мы до самой Москвы и никто насъ не опрашиваетъ: извѣстно, за царскихъ служилыхъ дѣтей считаютъ. Только на Москвѣ повстрѣчалъ насъ отрядъ опричниковъ, теперь ужь они не опричниками, а дворомъ назы-

ваются. И спрашиваютъ насъ тѣ дворскіе люди: «Вы-де кто такіе?»—«А казаки, пришли царю сибирскимъ царствомъ поклониться».—«Какъ такъ?» Вотъ такъ и такъ, разсказалъ имъ все. «Ну, говорятъ, дожидайтесь, что царь повелитъ». И стали мы дожидаться. Самимъ жутко, особливо мнѣ, потому что я давно царемъ къ смерти приговоренъ. Ну, позвали насъ къ царю, тутъ и князья, и бояре, и опричники. А самъ чуть живъ сидитъ, сгорбился, только глаза какъ звѣрьки бѣгаютъ. Сталъ я говорить. Мы-де, бѣдные, опальные казаки кланяемся тебѣ царствомъ сибирскимъ. Перекрестился онъ, задрожалъ, инда заплакалъ. «Снимаю, говоритъ, съ васъ опалу, жалую моимъ великимъ царскимъ жалованьемъ. Ермаку панцырь посылаю и быть ему княземъ сибирскимъ». На меня надѣли шубу... А дальше, братья-товарищи, твердо не помню... глаза какъ туманъ застлалъ.

Застлалъ туманъ и очи Ермака Тимофеевича, поглядѣлъ онъ на крестъ малой церкви, что казаки успѣли въ городѣ Сибири построить, положилъ земной поклонъ, поднялся, отеръ глаза, поклонился на всѣ четыре стороны и сказалъ:

— Не охочь я, братья-товарищи, нынѣ пить и гулять, а сегодня всѣхъ на пиръ къ себѣ зову... пейте, сколько душа приметъ.

Скоро подоспѣлъ къ казакамъ воевода князь Болховской съ ратными людьми. Ему велѣно было царемъ отъ казаковъ городъ Сибирь принять. Въ пору подкрѣпленье пришло, потому что казаковъ уже немного осталось.

Весна 1574 года. Зазеленѣли берега Иртыша. Весело бѣгутъ воды величавой рѣки, звонко птички щебечутъ. А казаки что-то нерадостны въ городѣ Сибири. У воротъ городскихъ Грицько на караулѣ стоитъ, а Степанъ подошелъ къ нему, разговариваетъ.

— Давно Максимъ поѣхалъ,—говоритъ Степанъ,—пора бы и вернуться.

— Да, многонько нашихъ уѣхало. Вотъ Кольцо къ этому мурзѣ Карачу...

— А знаешь, мнѣ что сдается, Грицько. Не промахнулся ли тутъ Ермакъ Тимофеевичъ. Конечно, этотъ Карача давно отъ Кучума ушелъ, послѣ самой битвы подъ Чувашьей горой; слышно, тогда Кучумъ много горевалъ о томъ. Да все-таки не слѣдъ бы этому Карачѣ довѣряться. Первое дѣло, стоитъ онъ далеко—на Тарѣ-рѣкѣ, не ближнее мѣсто

отсюда, рукой не достанешь. Второе—посла прислалъ съ шертной *) грамотой: «я-де хочу служить и прямить вашему царю, да ногаевъ боюсь, такъ пошли мнѣ казаковъ на подмогу». Ермакъ и повѣрилъ, даже заложниковъ не взялъ, а послалъ къ Карачѣ атамана Кольцо. Съ нимъ людей не гораздо много—всего сорокъ человѣкъ. А что у того Карачи на умѣ Богъ вѣсть.

— Кто же виноватъ, что Ермакъ поторопился? Твой сынокъ Максимъ сталъ Ермака уговаривать, что надо поскорѣе съ сибиряками въ мирѣ быть, чтобы, значитъ, торгъ завести: такъ-де и Строгановы наказывали. У него все торгъ на умѣ; вотъ и теперь поѣхалъ развѣдывать, не слыхать ли чего про торговые караваны. А Михайловъ поѣхалъ узнать о Кольцѣ, потому что о немъ ни слуху, ни духу.

— А теперь и сами Максимъ и Яковъ Михайлычъ не ворочаются. Не случилось ли чего.

— Богъ дастъ, вернутся.

— Все сны недобрые видятся. Да и такъ какъ-то съ прошлой осени все худо идетъ. Пришелъ воевода съ ратными людьми—мы всѣ рады были, а надолго ли? Насталъ это голодъ...

— Мудрено ли? Мы запасу на зиму только для себя приготовили, а тутъ людей чуть не втрое прибыло.

— Вотъ и перемерли почитай всѣ ратные люди, да и Болховской. Много ли насъ осталось? Кромѣ тѣхъ, что съ Кольцомъ, Михайловымъ да Максимомъ ушли, и трехъ сотенъ не наберется.

— Никакъ кто-то скачетъ? Такъ и есть—Максимъ!

— Слава те, Господи!

— Ну, что, сынокъ?—спросилъ Степанъ,—обнимая Сокола.

— Все слава Богу. Слышно, бухарскіе купцы сюда собираются, только Кучумъ не пускаетъ... Ну, да мы зададимъ ему трезвона и лихо заторгуемъ. Вотъ какъ въ Пермь поѣду, Дуняшѣ гостинцевъ навезу.

— Ты все о своей бабѣ,—сказалъ Грицько.

— Извѣстно, не казакъ бездомовый. Нѣтъ, братъ, кому Богъ такую жену пошлетъ, какъ моя Дуняша... Это что такое?

---

*) Клятвенной.

По степи, во весь опоръ, мчался казакъ. Когда онъ у воротъ соскочилъ съ коня, конь повалился на землю отъ изнеможенія.

— Бѣда, братцы!—кричалъ казакъ,—повѣстите атамановъ. Карача атамана Кольцо съ товарищи измѣной перерѣзалъ, насъ съ Михайловымъ въ засаду заманилъ, и только я одинъ успѣлъ ускакать—благо конь хорошъ былъ. А вслѣдъ за мной Карача со всей силой татарской валитъ. Тысячъ пять, коли не больше, будетъ.

Чрезъ нѣсколько часовъ русскіе были осаждены татарами. Начались отчаянныя битвы. Татаръ было болѣе двадцати на каждаго русскаго, но превосходство оружія и храбрость казаковъ торжествовали. Прошло нѣсколько дней.

Ночью Ермакъ съ Мещерякомъ и Максимомъ вышелъ осмотрѣть караулы. На самомъ близкомъ къ непріятелямъ стоялъ Лапа.

— Смотри, Мещерякъ,—сказалъ Ермакъ,—къ нашему караульному кто-то ползетъ.

— И впрямь. Да какая это ворона тамъ поставлена? Развѣ онъ не видитъ?

— Непремѣнно видитъ, Матвѣй Иванычъ,— молвилъ Соколъ,—тутъ что-нибудь другое. Тамъ не ворона, а Лапа на караулъ поставленъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ползущій человѣкъ поднялся, спокойно пошелъ къ Семену и завелъ съ нимъ, повидимому, совершенно дружескій разговоръ.

— Что за человѣкъ?— закричалъ Ермакъ.— Ни съ мѣста, или убью!

Неизвѣстный, видимо, ужасно испугался, хотѣлъ бѣжать, но, услыша угрозу Ермака, присѣлъ на корточки. Семенъ спокойно оборотился къ атаману.

— Свой. Родня.

— Чья родня?

— Моей бабы братъ.

— Въ эко родство произошелъ,—сказалъ Соколъ.

— Зачѣмъ его нелегкая принесла?—спросилъ Ермакъ.

— Сказываетъ, баба родила.

— Да что онъ съ Карачей что-ли?

— Нѣтъ.

— Какъ же его пропустили?

— Думали, свой.

— Что же, онъ ничего про Карачу не сказывалъ?

— Праздникъ у нихъ. Кумысу налопались. Дрыхнутъ.

— Мещерякъ,— сказалъ Ермакъ, немного подумавъ, —собери сотню молодцовъ и ударь на нихъ. А ты, Лапа, скажи шурину, чтобы провелъ атамана получше. Только уговоръ лучше денегъ: измѣнитъ, тутъ ему и смерть.

— Самъ задушу.

Мещерякъ нанесъ непріятелямъ страшное пораженіе. Двое сыновей Карачи и множество татаръ были убиты. Утромъ татары оправились и окружили Мещеряка, но Ермакъ ударилъ на нихъ изъ города и рѣшилъ побѣду. До двухъ тысячъ татаръ погибло въ страшной битвѣ, остальные разбѣжались безъ оглядки въ разныя стороны.

— Ну, теперь можно и отдохнуть, Ермакъ Тимофеичъ, —говорилъ Мещерякъ.

— Нѣтъ еще, Матвѣй Иванычъ, вотъ Соколъ сказывалъ, что бухарцы съ товаромъ сюда идутъ, такъ я на встрѣчу пойду съ полсотней ребятъ. Ты, Соколъ, дорогу указывай.

— Лапу бы съ собой взять,— сказалъ Соколъ,—онъ парень надежный; какъ онъ сегодня этихъ татаръ душилъ — страсть!

— Ушелъ Лапа,—отвѣчалъ Грицько,—видно, къ своей бабѣ.

— Ну, такъ безъ него обойдемся. Прощай, тятька! Навеземъ Дуняшѣ бухарскихъ гостинцевъ. Такихъ и у ея отца, попа, не бывало.

Прошло съ мѣсяцъ. Смотрятъ вдаль Мещерякъ и Степанъ. Думается Мещеряку о славномъ атаманѣ Ермакѣ Тимофеичѣ, а Степану о сынѣ.

— Хоть бы сегодня-то воротились,—сказалъ Степанъ,— сегодня большой праздникъ: второго Спаса *). У насъ на Вяткѣ яблоки святятъ.

— Разживемся попомъ и мы святить будемъ.

— Смотри-ка, атаманъ, никакъ стружекъ плыветъ.

— Да, а въ стружкѣ казаки... нѣтъ, не казаки. Это Максимъ съ Лапой... Одни! Что это значитъ? Эй! собирать казачій кругъ.

Вышелъ Максимъ изъ струга, упалъ на землю и залился слезами.

---

*) Преображеніе, 6-го августа.

— Что ты? Что съ тобой?

— Нѣтъ, братцы, нашего атамана Ермака Тимофеича! Гулъ не гулъ, стонъ не стонъ прошелъ по казацкому кругу.

— Долго мы искали бухарцевъ, нигдѣ не нашли,—сталъ разсказывать Соколъ,—стали сюда ворочаться, недалечко ужь были. Прошлой ночью мы истомились... ночь та, братцы, знаете, была такая ненастная. Вышли мы изъ стуговъ, полегли да и заснули богатырскимъ сномъ. Послѣдній сонъ это былъ, братья-товарищи! Тяжело мнѣ спалось, видѣлось, будто моя Дуняша у колыбельки сидитъ, а въ колыбелькѣ дитя—наше дитя. И будто молится она, Дуняша: «сохрани его, Пречистая Матерь, не оставь наше дитя сиротой!» И вдругъ будто закричитъ она: «Максимъ! ножъ надъ тобой!» Я закричалъ и проснулся... Смотрю, кругомъ нашихъ сонныхъ татары рѣжутъ. Я выстрѣлилъ въ поганыхъ, благо ружье близко лежало... они замялись. Я тотчасъ къ рѣкѣ въ стружокъ, оттолкнулся, поплылъ, а самъ на берегъ смотрю. Тамъ бой идетъ. Ермакъ Тимофеичъ, видно, отъ моего выстрѣла проснулся и коситъ поганыхъ направо и налѣво, а панцырь на немъ такъ и свѣтится. На ту пору дождь ужь пересталъ и мѣсяцъ взошелъ. Пробивается Ермакъ Тимофеичъ къ рѣкѣ, а я крикнулъ: «сюда, атаманъ»! Поганцы увидали меня, бросились въ другой стружокъ, ко мнѣ поплыли... Каюсь передъ вами, грѣшный: какъ увидалъ я это, ударилъ въ весла: вѣдь тамъ у меня жена, ребенокъ... А потомъ совѣстно стало, я остановился. Грѣшно, думаю, лучше помереть вмѣстѣ! Смотру, атаманъ прорвался промежъ поганыхъ, бросился въ рѣку и поплылъ. Только каково плыть въ панцырѣ! А тутъ еще стрѣлы со всѣхъ сторонъ сыплются! Я стою... Вдругъ слышу крикъ; «Тону! Не жди меня! Плыви къ товарищамъ! Пусть помолятся обо мнѣ! Прощай, матушка святая Русь!» И на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ плылъ, только круги по водѣ!.. Я ударилъ въ весла. Но поганые за мной. Проѣхалъ я больше половины рѣки. Они догоняютъ. Гребу, что есть силы, а самъ думаю: «видно и мой конецъ пришелъ». Вдругъ съ берега, къ которому я подъѣзжалъ, раздался выстрѣлъ и засвистѣло нѣсколько стрѣлъ, да не въ меня, а въ моихъ супротивниковъ. Они на утекъ. Я чуть не безъ памяти къ берегу подплылъ, а тамъ Лапа. Это онъ съ своими родичами остяками меня выручилъ.

Понуря головы, стояли казаки. Крупныя слезы катились

изъ молодецкихъ очей, а и не замѣчали этого сподвижники Ермака Тимофеича.

— Вѣчная ему память пока стоитъ русская земля!

Сотворили казаки земной поклонъ и зарыдали какъ малыя дѣти.

— Что теперь дѣлать, братья-товарищи?—спросилъ Мещерякъ.

— Что больше? въ Пермь идти.

— И впрямь! Что мы теперь? Какъ тѣло безъ головы.

Татары, несмотря на гибель Ермака, такъ еще боялись казаковъ, что не осмѣливались напасть на городокъ, не посмѣли и загородить дорогу казакамъ, когда они поплыли въ обратный путь.

Нѣсколько часовъ плыли не останавливаясь казаки, все разговаривая про своего славнаго атамана.

— Стойте!—крикнулъ Максимъ.—Вотъ здѣсь...

Всѣ сняли шапки и перекрестились.

— Хоть бы тѣло-то его можно было отыскать, похоронить да крестъ поставить,—сказалъ Степанъ.

— А можетъ и лучше такъ-то,—молвилъ Мещерякъ.—Трупъ изъ могилы поганые бы вынули да надругались. А Ермака Тимофеича и безъ креста не забудутъ пока свѣтъ стоитъ.

— Прощай!—молвилъ Семенъ Соколу.

— Ты куда?

— Къ своимъ: къ бабѣ съ ребенкомъ.

— Къ остячкѣ-то?

— Ребенокъ мой.

— Да вѣдь убьютъ?

— Ни въ жизть. Любятъ меня. Безъ меня медвѣди одолѣютъ.

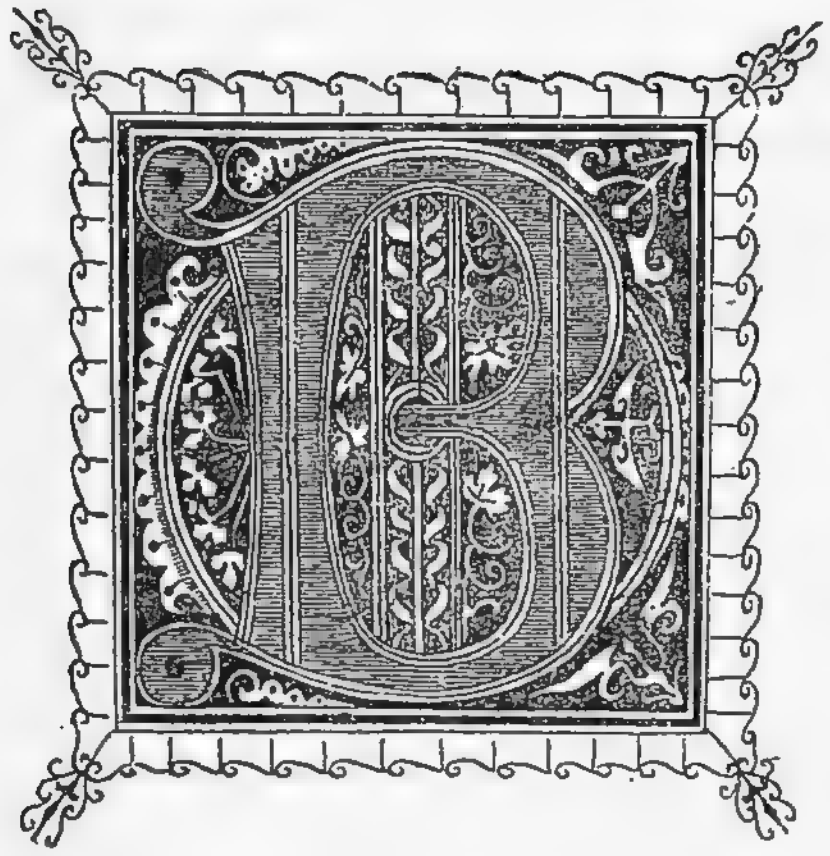
Струги поплыли. Лапа зашагалъ по степи. Соколъ долго смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— А знаешь что, тятька?—сказалъ онъ Степану,—вѣдь мы покоримъ Сибирь, безпремѣнно покоримъ. Не мы, такъ вонъ такіе, какъ этотъ Лапа, покорятъ. Ему что? ни холоду, ни голоду не боится. Знай претъ какъ медвѣдь. И остякъ, и вогуличъ ему свой человѣкъ. А душа-то все русская, своихъ не забудетъ и гдѣ нужно поможетъ. Я вонъ грѣшный человѣкъ, когда нужно было и Ермака Тимофеича спасать, о Дуняшѣ вспомнилъ, а ему всякая баба Дуняша.

VII.

ВО СЛАВУ БОЖІЮ!

(1551—96 г.)



Ъ пріемной залѣ епископскаго дворца, въ Вильнѣ, разговаривали вполголоса двое монаховъ: одинъ уже пожилой, другой лѣтъ двадцати, не болѣе.

— Навѣщалъ ты ребенка, Климентъ? — спросилъ старикъ.

— Да.

— Что же, онъ здоровъ?

— Славный мальчуганъ. Немудрено: кормилица такая здоровая.

— Отдалъ ей деньги?

— Какъ же. Очень благодаритъ епископа.

Климентъ улыбнулся исподтишка. Но старикъ замѣтилъ улыбку и строго спросилъ:

— Чему ты смѣешься?

— Я не смѣялся,—отвѣчалъ Климентъ смутясь.

— Еще запираешься! Признавайся сейчасъ, не то худо будетъ.

— Я, дядюшка...

— Я тебѣ не дядя, а отецъ Марцеллъ.

— Видишь, когда я выходилъ отъ кормилицы, такъ слышалъ разговоръ двоихъ мѣщанъ: «Опять монахъ у этой толстухи,—сказалъ одинъ».—«Немудрено,—отвѣчалъ другой, —вѣдь она кормитъ епископскаго ребенка».

— Ахъ, они безбожники!—вскричалъ Марцеллъ.—Навѣрно, это были проклятые еретики! Ни одинъ добрый католикъ не сталъ бы дурно говорить о епископѣ. Благодареніе Богу, онъ мужъ рѣдкаго благочестія. Хорошо, какъ бы всѣ монахи на него походили. А ты чего зубы скалилъ? Развѣ повѣрилъ клеветѣ?

— Сохрани Богъ!

— То-то. Еслибы я и не зналъ ничего объ этомъ ребенкѣ, и тогда не повѣрилъ бы клеветѣ на епископа — не такой онъ человѣкъ. А я навѣрное знаю. Помнишь, какъ мы ѣздили два мѣсяца тому назадъ въ Троки?

— Помню. Тогда вѣдь вы этого ребенка и привезли.

— Знаешь, тутъ по дорогѣ все лѣсъ. А день выдался такой хорошій. И вздумалось епископу прогуляться. Вышелъ онъ изъ коляски и пошелъ со мною впередъ. Коляска и свита сзади потихоньку ѣхали. Вдругъ епископъ увидѣлъ на самой дорогѣ какой-то сверточекъ.—«Посмотри-ка, говоритъ, отецъ Марцеллъ, что это такое!» Посмотрѣлъ я—оба мы и ахнули—въ сверточкѣ младенецъ мѣсяцевъ осьми, не больше, лежитъ и спитъ. И это на самой дорогѣ. Не вздумайся епископу выйти изъ коляски, кто знаетъ, можетъ быть, затоптали бы бѣдное дитя! Епископъ приказалъ положить его въ коляску. Пріѣхавъ въ Троки, епископъ долго разыскивалъ, кому бы могъ принадлежать ребенокъ. Ничего не узнали. Тогда епископъ и сказалъ: «то рука Божія! недаромъ Богъ привелъ мнѣ избавить его отъ смерти. Его непремѣнно тамъ или волки съѣли бы, или, могло случиться, затоптали бы, не разглядѣвъ. Надо воспитать его». Ну, и велѣлъ отдать кормилицѣ.

— И ничего съ ребенкомъ не было, по чему бы узнать чей онъ?

— Былъ на немъ схизматическій крестикъ. У насъ тотъ крестъ хранится. Но воспитаемъ ребенка добрымъ католикомъ. Такъ лучше ему своихъ нечестивыхъ родителей и не знать. Мы сдѣлаемъ его благочестивымъ служителемъ церкви Божіей. Теперь нужно такихъ служителей, очень нужно. Вотъ ты, человѣкъ молодой, еще не можешь понять, какая страшная бѣда намъ грозитъ.

— Гдѣ мнѣ знать, дя... отецъ Марцеллъ.

— Да забудь, что я твой дядя. Теперь я духовный твой отецъ, да при помощи Божіей замѣняю тебѣ и отца

по плоти. Для того я тебя отъ сохи взялъ и, несмотря на юныя лѣта твои, убѣдилъ епископа возвести въ санъ діакона. А ты старайся заслужить столь великую честь.

— Я стараюсь, отецъ Марцеллъ.

— Надо теперь стараться всѣми силами. Вотъ по грѣхамъ нашимъ прошло уже болѣе тридцати лѣтъ, какъ это исчадіе ада, слуга антихриста, богопротивный Лютеръ дерзнулъ возстать противъ святѣйшаго отца, папы. Сжечь бы его, сатанино отродье, сжечь да и пепелъ по воздуху развѣять, да нельзя было. Нашлись у него могучіе покровители, такіе же богопротивники, какъ и онъ. И вотъ стала распространяться нечестивая ересь. Возстали и другіе звѣри апокалипсиса: Цвингли, Кальвинъ. Ученіе сыновъ тьмы проникло и въ нашу богоспасаемую Литву. Одиннадцать лѣтъ тому назадъ проявился здѣсь, въ Вильнѣ, школяръ Авраамъ Кулява. Казался онъ мужемъ ученымъ и благочестивымъ. Ему и дозволили преподаваніе нравственныхъ и богословскихъ наукъ. Что же оказалось? Дошло до епископа, что этотъ Кулява изрыгаетъ хулы на святѣйшаго отца и проникнутъ злочестивымъ ученіемъ сыновъ тьмы. Епископъ удалилъ его отъ должности и испросилъ королевское повелѣніе объ изгнаніи отсюда еретика. Но богопротивныя плевелы уже были посѣяны и принесли богомерзкіе плоды. Многіе изъ шляхетства заразились лютеровою ересью, а изъ мѣщанства—кальвиновою. Дошло до того, что нѣмецкій проповѣдникъ Винклеръ даже съ каѳедры въ костелѣ св. Анны дерзнулъ возглашать богохульныя ученія. Епископъ запретилъ ему входъ въ костелъ, но нашелся защитникъ. Чуть не первый виленскій богачъ Морштинъ, уже зараженный ересью, завелъ въ своемъ домѣ училище, а учителемъ назначилъ этого злостнаго еретика Винклера. Что тутъ было дѣлать епископу? Король хладенъ къ дѣламъ вѣры, а безъ королевской воли можно-ли было того еретика обуздать. Счастье еще, что Морштинъ отдалъ душу сатанѣ, а затѣмъ и Винклеръ убѣжалъ въ Прусскую землю. А теперь настала новая бѣда, горше первой... Да что это нѣтъ пріоровъ духовскаго и бернардинскаго монастырей? Ты повѣстилъ ихъ, что епископъ ихъ ожидаетъ?

— Какъ-же, повѣстилъ.

Скоро въ пріемную явились два монаха, составлявшіе рѣзкую противоположность между собою: духовскій пріоръ—доминиканецъ небольшого роста, худощавый, съ сверкающими

черными глазами; напротивъ, бернардинскій пріоръ—высокій, полный мужчина, съ лицомъ, цвѣтущимъ здоровьемъ, и красноватымъ носомъ, какъ-бы подтверждавшимъ молву злыхъ языковъ о томъ, что въ погребахъ богатаго бернардинскаго костела находятся запасы превосходнаго венгерскаго вина. Вышелъ и Кипріянъ, епископъ литопецкій, суффраганъ виленскій, высокій, пожилой, но еще красивый мужчина съ выразительнымъ, энергическимъ лицомъ.

Климентъ ушелъ. Прочіе по знаку епископа сѣли и онъ началъ говорить:

— Положеніе святой римско-католической церкви въ Вильнѣ ужасно. Волки со всѣхъ сторонъ расхищаютъ Христово стадо. Какихъ тутъ ересей нѣтъ! Лютеране, кальвинисты, анабаптисты и даже антитринитары и аріяне! Я имѣю вѣрное свѣдѣніе, что послѣднимъ покровительствуетъ воевода Кишка. Но всего хуже, что діаволъ уловилъ въ свои сѣти того, кто всѣхъ болѣе, по сану своему, долженъ бы былъ защищать святую церковь. Братъ Марцеллъ, повтори, что ты узналъ о воеводѣ виленскомъ.

— Князь Николай Радзивилъ Черный,—началъ Марцеллъ, — пригласилъ къ себѣ, на Лукишки *), сыновъ діавола, именуемыхъ кальвинистскими проповѣдниками. Туда открыто стекаются и вельможные паны и мелкая шляхта. Пановъ и шляхтичей кальвинистовъ въ Вильнѣ больше, чѣмъ католиковъ. А мѣщане почти всѣ или греческіе схизматики или вдались въ лютерову ересь.

— Такъ что теперь,—сказалъ епископъ,—едва ли пятая часть жителей Вильны добрые католики; остальные или схизматики, или еретики. Вотъ положеніе дѣлъ. Какія-же бы вы думали принять противъ этого мѣры? Прежде чѣмъ созвать капитулъ, я хотѣлъ-бы посовѣтоваться съ вами.

— По-моему,—сказалъ доминиканецъ,—противъ этого только одно средство. Литва не единственное государство, куда проникла ересь. Германія, Франція, Швейцарія и Нидерланды совершенно заражены ею. Въ Англіи, Швеціи и Даніи она даже торжествуетъ надъ правою вѣрою. Нѣтъ или очень мало еретиковъ только въ Испаніи. А отчего? Оттого, что тамъ давно уже учреждена святѣйшая инквизиція. Это Богу любезное учрежденіе хранитъ правую вѣру. Подумалъ-

*) Такъ называется одно изъ виленскихъ предмѣстій.

бы кто-нибудь въ Испаніи не только сказать, но даже помыслить противъ святѣйшаго отца папы — инквизиціи тотчасъ будетъ извѣстно, потому что вездѣ есть ея очи и уши. Десятки тысячъ людей доводятъ до ея свѣдѣнія обо всемъ, что можетъ вредить святой апостольской вѣрѣ. Богохульникъ отецъ не можетъ быть увѣренъ, чтобы на него не донесъ благочестивый сынъ. Чадолюбивая и добродѣтельная мать не усомнится предать отступника сына. И тотчасъ же враги апостольской вѣры очутятся въ темницахъ святѣйшей инквизиціи. Бѣжать оттуда невозможно, всѣ связи преступниковъ съ внѣшнимъ міромъ прерваны, ни откуда не увидятъ они помощи и утѣшенія. Строжайшій допросъ заставитъ ихъ сознаться. Если они упорствуютъ, пытки развяжутъ имъ языкъ. Проникнутые безграничною преданностію апостольской вѣрѣ, святѣйшіе отцы инквизиторы не увлекутся ложнымъ человѣколюбіемъ. Сокрушатся кости грѣшниковъ, вытянутся жилы: чтобы спасти души грѣшниковъ, святые отцы не пощадятъ ихъ тѣла. Наконецъ, когда еретики сознаются, наступаетъ торжественное аутодафе, воистину названное дѣломъ святой вѣры. Какое торжество апостольской церкви! Боголюбивый король, благочестивая королева, все духовенство, вельможи и народъ десятками тысячъ стекутся на площадь, чтобы видѣть казнь людей, измѣнившихъ Богу! Запылаютъ костры и на нихъ нечестивцы погибнутъ въ назиданіе благочестивому народу. Никакія мірскія доблести, никакія заслуги не спасутъ нечестивцевъ, осужденныхъ святѣйшею инквизиціею. Такъ было при благочестивомъ королѣ Фердинандѣ, удостоенномъ отъ святѣйшаго отца папы наименованіемъ католика, такъ и теперь при великомъ императорѣ Карлѣ.

— И тотъ же Карлъ, — замѣтилъ епископъ, — очень мало могъ сдѣлать противъ еретиковъ въ Нидерландахъ и ничего не сдѣлалъ въ Германіи. Развѣ не издавалъ онъ въ Нидерландахъ грозныхъ эдиктовъ? Развѣ не повелѣлъ онъ казнить смертію каждаго еретика и даже тѣхъ, кто приметъ еретика въ свой домъ или дастъ ему пищу, или не донесетъ о мѣстѣ его пребыванія? И что же? ересь въ Нидерландахъ не только не уменьшается, но поминутно возрастаетъ.

— Оттого, что эдикты не исполняются. Говорятъ, что императоръ Карлъ родился во фламандскомъ городѣ; любитъ

фламандцевъ и потому не довольно строгъ къ богоотступникамъ.

— А почему ты думаешь, что нашъ король будетъ къ нимъ строгъ? Если бы онъ слѣдовалъ совѣтамъ своей благочестивой матери, то развѣ святая церковь была бы въ такомъ положеніи? Когда онъ не послушался ея въ важнѣйшемъ дѣлѣ жизни и совокупился бракомъ съ сестрою еретика, Варварою Радзивиллъ, когда самъ виленскій воевода, одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ короля, покровительствуетъ еретикамъ, такъ развѣ ты думаешь, что Сигизмундъ Августъ согласится ввести въ Литву инквизицію?

— Король слабохарактеренъ. Если святѣйшій отецъ папа выразитъ неуклонное желаніе ввести сюда святѣйшую инквизицію, то король не устоитъ.

— Но Радзивиллъ и другіе еретики не слабохарактерны. Развѣ ты думаешь, что они допустятъ исполнить хотя одинъ приговоръ инквизиціи?

— Нельзя ли было бы, — сказалъ Марцеллъ, — поссорить еретиковъ съ схизматиками?

— Прекрасная мысль, но какъ ее исполнить?

— Исподволь. Радзивиллы съ Хошкевичами и теперь не въ ладу.

— Надо всячески поддерживать эту непріязнь. Вообще чѣмъ больше непріязни между вельможами, тѣмъ лучше. Тѣмъ скорѣе можетъ господствовать духовенство и направлять государство къ благимъ цѣлямъ. Но намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на само духовенство. Чѣмъ всего болѣе выигрываютъ еретики? Тѣмъ, что заботятся объ образованіи. Посмотрите, сколько у нихъ гимназій и типографій. А у насъ какія учебныя заведенія?.. стыдно сказать.

— Духъ благочестія, однако же, царитъ въ нихъ, — возразилъ доминиканецъ.

— Это очень хорошо, но пастырю церкви еще нужны и познанія, особенно въ наше страшное время, когда стадо наше расхищаютъ словесные волки. А каковы познанія нашихъ ксендзовъ? Они даже обѣдни не могутъ хорошенько заучить, то и дѣло сбиваются и далеко не все понимаютъ въ богослуженіи. А что они смыслятъ въ наукахъ? Недавно одинъ, разговаривая со мною, смѣшалъ Іоанна Предтечу съ Іоанномъ Богословомъ, а другой споридъ и увѣрялъ, что апостолъ Павелъ изъ язычниковъ. Какъ же, говоритъ, и въ

писаніи сказано, что онъ апостолъ языковъ! И вотъ съ такимъ-то образованіемъ ксендзамъ приходится бороться съ еретическими проповѣдниками, которые священное писаніе, какъ свои пальцы, знаютъ. Непремѣнно надо поднять наши учебныя заведенія.

— Непремѣнно,—согласился бернардинъ.

— А еще важнѣе,—продолжалъ епископъ, строго взглянувъ на него, — обратить вниманіе на жизнь духовенства. До свѣдѣнія нашего дошло, что не только ксендзы, но даже монахи предаются пьянству и всевозможнымъ порокамъ. Я никого не называю, потому что, по латинской пословицѣ, имена въ подобномъ случаѣ возбуждаютъ ненависть. Но имѣяй уши слышати да слышитъ. Затѣмъ бдительность и бдительность. Король ѣдетъ сюда. Попробую сказать ему, что могу, о его обязанностяхъ къ святой вѣрѣ, но плохо надѣюсь на успѣхъ. Боюсь, чтобы при этомъ случаѣ Радзивиллъ еще болѣе не повредилъ намъ. Наблюдайте за нимъ и чуть только что узнаете, доносите мнѣ.

Епископъ угадалъ: король Сигизмундъ-Августъ не обратилъ серьезнаго вниманія на его представленія, прекрасно принялъ епископа, обласкалъ, но, услышавъ объ еретикахъ, сейчасъ заговорилъ о другомъ. Король былъ добродушный весельчакъ, равно ласковый съ католиками, православными и протестантами. Особенно же онъ внимательно отнесся къ Радзивиллу, можетъ быть, потому, что хотя Варвара Радзивиллъ уже умерла и король былъ женатъ послѣ нея на германской принцессѣ, но все еще сохранилъ воспоминаніе о прелестной женщинѣ, которая когда-то очаровала его своею красотой и любезностью. А можетъ быть онъ хотѣлъ почтить заслуги и высокое значеніе Радзивилла, котораго всѣ признавали первымъ магнатомъ въ Литвѣ и которому германскій императоръ далъ княжескій титулъ.

— Ну, что, князь? — спросилъ онъ смѣясь, оставшись съ нимъ наединѣ,—какъ поживаютъ твои еретики?

— Понемножку, государь,—отвѣчалъ Радзивиллъ, тоже усмѣхнувшись, — отличныя проповѣди говорятъ у меня на Лукишкахъ. Не хотите ли послушать?

— А епископъ что скажетъ?

— Тоже проповѣдь, только по-латыни. Меня выбранитъ, ну, да бѣда не велика—слушатели не поймутъ.

— Послушай, князь, ты меня заразишь ересью.

— Очень бы желалъ. Позвольте просить осчастливить вашимъ посѣщеніемъ балъ, который я даю чрезъ три дня.

— Непремѣнно, непремѣнно.

— А въ нашей церкви, государь, вы увидите тѣхъ же самыхъ милыхъ грѣшницъ, которыя ждутъ не дождутся, когда встрѣтятся съ обожаемымъ государемъ.

— Будто онѣ такія богомольныя?

— Литвинки высшаго круга то же, что польки. Любятъ грѣшить, любятъ и каяться. Между ними ваше величество увидите нѣсколькихъ, еще вамъ неизвѣстныхъ.

— И есть миленькія?

— Думаю, что даже такой знатокъ и любитель, какъ Сигизмундъ-Августъ, останется доволенъ.

— А когда у васъ будутъ проповѣдовать?

— Завтра.

— Развѣ въ самомъ дѣлѣ пріѣхать?

— Осчастливьте, государь.

При этомъ разговорѣ былъ тайный свидѣтель — одинъ изъ дворцовыхъ служителей. Чрезъ полчаса онъ опрометью бѣжалъ къ епископскому дворцу.

На завтра Сигизмундъ-Августъ съ Радзивилломъ и небольшою свитою поѣхалъ изъ королевскаго дворца на Лукишки. Ѣхать имъ приходилось мимо римско-католическаго каѳедральнаго собора.

— Что это такое? — обратился король къ одному изъ пріѣхавшихъ съ нимъ изъ Кракова поляковъ,—изъ собора выходитъ какая-то процессія. Развѣ у насъ праздникъ?

— Кажется, никакого нѣтъ.

Процессія выходила безъ крестовъ и хоругвей. Только епископъ, шедшій впереди, несъ небольшой крестъ. За нимъ, по два въ рядъ, слѣдовали множество монаховъ и ксендзовъ. Процессія повернула навстрѣчу королю. Едва король успѣлъ остановить лошадь, какъ епископъ схватилъ ее за узду и громко воскликнулъ:

— Государь! не по этой дорогѣ предки твои ходили въ домъ Божій, а вотъ по которой!

И онъ указалъ на костелъ. При своемъ высокомъ ростѣ, въ торжественномъ облаченіи, со сверкающими глазами, въ величественной позѣ, епископъ былъ прекрасенъ въ эту минуту

— Ты заблудился, государь! Ты оставляешь мать, которая возвела тебя на престолъ, и спѣшишь къ мачихѣ.

И отдавъ крестъ діакону, епископъ крестообразно распростерся на дорогѣ, воскликнувъ:

— Только по нашимъ тѣламъ ты поѣдешь туда!

Всѣ монахи и ксендзы распростерлись по примѣру епископа. Августъ сошелъ съ коня и отправился въ костелъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Умеръ толстый настоятель бернардинскаго монастыря. Марцеллъ поступилъ на его мѣсто и взялъ съ собой племянника своего Климента. Затѣмъ скончались епископъ Павелъ, а потомъ и князь Николай Радзивиллъ, прозванный Чернымъ. Благодаря его покровительству, кальвинизмъ прочно утвердился въ краѣ. Епископъ, несмотря на свою энергію, ничего не могъ противъ этого сдѣлать. Умирая, онъ завѣщалъ своего воспитанника, маленькаго Якуба, найденнаго имъ на дорогѣ въ Троки, попеченіямъ Марцелла. Тотъ взялъ его къ себѣ, въ монастырь, и очень привязался къ мальчику, который былъ уменъ и понятливъ не по лѣтамъ.

Марцеллу было много хлопотъ въ монастырѣ, потому что при его предшественникѣ бернардины привыкли къ разгульной жизни. Но мало-по-малу, обитель и братія приняли не только совершенно приличный, но даже строгій видъ и перещеголяли доминикановъ, гдѣ пріоръ, совѣтовавшій ввести въ Литву инквизицію, тоже умеръ, а преемникъ его оказался не прочь отъ благъ міра сего.

Однажды, когда тринадцатилѣтній Якубъ очень старательно твердилъ заданный ему урокъ, Марцеллъ, видимо взволнованный, ходилъ по кельѣ.

Мальчикъ, удостовѣрясь, что безукоризненно знаетъ урокъ, взглянулъ на Марцелла и спросилъ:

— Отецъ пріоръ, отчего давно не видать отца Климента?

— Ты никогда его больше не увидишь.

— Что съ нимъ сдѣлалось?

— Онъ недостоинъ святого мѣста сего. Что дѣлаютъ съ членомъ, зараженнымъ проказою?

— Отсѣкаютъ и прочь бросаютъ.

— Такъ поступлено и съ нимъ. Великое званіе онъ принялъ и недостоинъ былъ носить. Каковъ долженъ быть монахъ?

— Долженъ возлюбить Господа Бога всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душою своею и всѣмъ помышленіемъ своимъ,

отречься суеты міра сего, отречься діавола и прелестей его.

— А думаешь-ли ты быть такимъ монахомъ?

— Ахъ, отецъ пріоръ! что лучше такой доли? Одного боюсь, сподобитъ ли меня Господь? Слаба моя природа. Въ прошедшую пятницу я далъ обѣтъ ничего не ѣсть цѣлый день.

— И что же?

— Насилу сдержалъ. Особенно вечеромъ, когда запахъ изъ кухни щекоталъ мои ноздри, я насилу удержался и только усиленнымъ бичеваніемъ смирилъ мою плоть.

— Хорошо. А потомъ что?

— Потомъ заснулъ. А какіе сны я видѣлъ, отецъ пріоръ. Будто иду по лугу, усѣянному цвѣтами. Наклонился сорвать цвѣтокъ, а надъ нимъ змѣя.

— Изображеніе мірскихъ сладостей. И подъ ними таятся змѣи.

— Убоялся я, сотворилъ крестное знаменіе, и змѣя исчезла, а явился крылатый юноша и сказалъ мнѣ: «полетимъ со мною!» И долго мы летѣли. И вдругъ послышались звуки органа и пѣніе, такое пѣніе, лучше котораго я никогда не слыхалъ. Сердце у меня забилось, слезы полились изъ глазъ, и я проснулся.

— Миръ съ тобою, дитя. Будешь ли подвизаться за церковь Божію?

— Да сподобитъ меня Господь!

Новый епископъ виленскій, Валеріанъ Протасевичъ, очень любилъ Марцелла и поручалъ ему самыя важныя дѣла. Въ концѣ 1568 года его занимало одно изъ такихъ дѣлъ. Сигизмундъ-Августъ былъ уже очень старъ, но не имѣлъ сыновей. Съ нимъ прекращалась династія Ягеллоновъ. Поляки очень боялись, что, при выборѣ короля изъ другой династіи, Литва отдѣлится отъ Польши. Поэтому имъ хотѣлось прочнѣе скрѣпить соединеніе двухъ государствъ. Пока былъ живъ Радзивиллъ Черный, нельзя было и думать объ этомъ, потому что онъ былъ врагъ такого соединенія и обыкновенно говорилъ: «Поляки льнутъ къ Литвѣ, какъ пчелы къ цвѣтамъ, а высосутъ медъ и бросятъ».

Но по смерти его начались усиленныя дѣйствія для соединенія двухъ государствъ. Протасевичъ призвалъ къ себѣ Марцелла и сказалъ ему:

— Поѣзжай въ Краковъ, повидайся съ примасомъ и условься, какъ дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ. По-моему, и для святой церкви вопросъ о соединеніи двухъ государствъ есть вопросъ о жизни и смерти: если Литва отдѣлится отъ Польши, то схизматики и еретики насъ совсѣмъ задавятъ.

Чрезъ мѣсяцъ Марцеллъ возвратился.

— Ну, какъ дѣла?—спросилъ епископъ.

— Благодареніе Господу, хороши. Поляки всѣ желаютъ соединенія, литовцы почти всѣ противъ, но неожиданно кіевскіе, волынскіе и подольскіе паны тоже за соединеніе. А главное—что всего важнѣе—можно разсчитывать на короля.

— О! въ такомъ случаѣ наше дѣло выиграно! Сигизмунда всѣ любятъ! Но какъ онъ преклонился на нашу сторону? Давно ли онъ самъ говорилъ, что считаетъ себя въ Польшѣ не королемъ, а королевниным слугою.

— Слыхалъ-ли владыко объ орденѣ іезуитовъ?

— Слыхалъ, что его основалъ испанецъ Лойола, что іезуиты люди очень умные и ученые.

— Вотъ они-то и устроили это дѣло.

— Какъ такъ?

— Они не походятъ на другіе монашескіе ордена. Къ нимъ могутъ тайно принадлежать мірскіе люди и даже женщины. Одна изъ такихъ женщинъ и преклонила короля.

— Вѣрно, молода и хороша.

— Говорятъ, что красавица.

— Теперь понятно.

— А что здѣсь?

— Часъ отъ часу хуже. На наше духовенство совсѣмъ нельзя положиться. Такихъ, какъ ты, можно по пальцамъ перечесть. Остальные или невѣжды, или ведутъ такую жизнь, что срамятъ свой санъ.

— Осмѣлился бы я предложить владыкѣ...

— Что такое?

— Пригласить сюда іезуитовъ. По учености и уму они всякаго еретическаго проповѣдника одолѣютъ, по ловкости никто въ мірѣ съ ними не сравнится. А святѣйшему отцу папѣ они дали обѣтъ повиноваться не только до смерти, но даже до смертнаго грѣха.

— Какъ такъ?

— Да, то-есть, если, служа святой апостольской церкви, нужно было бы совершить смертный грѣхъ, они и передъ тѣмъ не отступятъ.

— Я подумаю о твоемъ предложеніи. Кажется, намъ ничего болѣе не остается.

«А хорошо бы,—думалъ Марцеллъ,—если бы іезуиты прибыли сюда и выучили моего Якуба. Теперь онъ уже все знаетъ, что могли ему передать здѣшніе учители».

Епископъ призвалъ іезуитовъ. Нѣкоторые литовцы хотѣли было не впустить ихъ въ Вильну, но королевская стража защитила ихъ, и пять отцовъ іезуитовъ прибыли въ Вильну. Сначала ихъ присутствія тамъ совсѣмъ не было замѣтно.

Въ іюлѣ 1569 года оживленный разговоръ происходилъ въ маленькой комнатѣ при виленской типографіи Бобича и Мамоничей. Бобичъ только-что возвратился изъ Люблина и передавалъ своему товарищу важныя вѣсти.

— Сперва казалось, будто изъ этого люблинскаго сейма ничего не выйдетъ. Литовцы, по обыкновенію, перессорились съ поляками, даже на короля осердились и 1 марта уѣхали съ сейма и съ королемъ не простились. Но князья Острожскій и Чарторійскій сказали, что и безъ нихъ дѣло обойдется.

— Неужели и князь Константинъ Острожскій на польскую сторону перешелъ?

— Какъ можно! Князь какъ былъ, такъ и остался главнымъ защитникомъ православныхъ во всемъ литовскомъ государствѣ. Да вишь, на бѣду литовскіе и русскіе паны не ладятъ между собою, а тутъ еще, можетъ быть, не обошли ли князя іезуиты—вѣдь они куда хитры. Что они здѣсь подѣлываютъ?

— Худого пока ничего. Школу открыли, проповѣдуютъ. Есть у нихъ проповѣдникъ Скарга, точно мастеръ говорить. И я сходилъ, послушалъ. По-моему, ни одинъ ни изъ нашихъ, ни изъ кальвиновъ, ни изъ лютеранъ съ нимъ не сравняется.

— Острожскій да Чарторійскій уговорили и оставшихся еще на сеймѣ литовцевъ не противиться соединенію. Вотъ и подписали соединеніе Литвы съ Польшею, значитъ, чтобы государь всегда одинъ былъ. Ну, а прочее-то не все вмѣстѣ: канцелеръ, подканцелеръ, маршалы, гетманы, войско, за-

коны будутъ особые. А вотъ что скверно: Подляхія, Волынь, Украйна и Брацлавское воеводство отошли къ Польшѣ. А Инфлянтами *) постановлено сообща владѣть. Литовцы, что прежде уѣхали съ сейма, какъ прослышали объ этомъ, то воротились и на колѣняхъ просили короля, чтобы уничтожить это соединеніе, да онъ не согласился.

— Да, плохо намъ будетъ. Особенно, знаешь-ли, потому, что одно дѣло не удалось.

— Какое?

— Лѣтъ восемь или девять тому назадъ проѣзжалъ здѣсь московскій посолъ Ѳедоръ Сукинъ. Онъ родня приходится московскому печатнику Петру Тимофеичу Мстиславцу, моему пріятелю, такъ поэтому мы съ нимъ часто видались. Онъ и разсказывалъ мнѣ, зачѣмъ былъ посланъ. Въ ту пору у московскаго царя первая его жена Анастасія Романовна умерла, онъ и вздумалъ посвататься къ которой-нибудь изъ сестеръ королевскихъ. По наказу государеву, Сукинъ меня про королевскихъ сестеръ разспрашивалъ: сколько имъ лѣтъ, каковы ростомъ, какъ тѣльны **), какова которая обычаемъ и которая лучше. А если которая старше двадцати пяти лѣтъ, или больше, или очень суха, или съ какимъ дурнымъ обычаемъ, то о такой отъ царя говорить съ королемъ было заказано. Просилъ меня Сукинъ, нельзя ли парсонъ ихъ достать. Я сказалъ, что парсонъ достать никакъ не можно, а королевенъ я видывалъ, и младшая, Екатерина, лучше. Вотъ Сукинъ пріѣхалъ къ королю да и посватался его сестру Екатерину за московскаго царя. А король отвѣтилъ, что надо ему по тому дѣлу обослаться съ императоромъ и другими сродниками, да и съ польскими радными панами посовѣтоваться, потому что королевны родились въ Польшѣ и приданое ихъ тамъ. Потомъ король и согласился было выдать Екатерину за царя, да посолъ просилъ, чтобы ему дозволено было ударить ей челомъ и посмотрѣть ее. Король на то не согласился, сказалъ, что то не въ обычаѣ, и большая брань у него за то съ радными панами будетъ. Позволили, однако-жъ, послу посмотрѣть ее, когда она въ костелъ

---

*) Такъ называлась западная часть нынѣшней Витебской губерніи.

**) Подлинное выраженіе наказа. Парсона—портретъ.

пойдетъ. А потомъ дѣло разошлось, и вышла она за финляндскаго принца Ивана, брата шведскаго короля. Теперь у нихъ, слышно, сынокъ Сигизмундъ есть, онъ и шведскимъ королемъ будетъ. А знаешь, что изъ этого выйти можетъ?

— Что?

— Этого самаго Сигизмунда вѣдь могутъ польскимъ королемъ и литовскимъ великимъ княземъ выбрать. Что тогда? Не только намъ, и московскому государству можетъ плохо быть. А женись бы царь на Екатеринѣ, то, можетъ быть, его бы выбрали.

— Наврядъ. Слышно, очень онъ лютъ.

Якубъ, на видъ двадцатилѣтній красивый юноша, учился въ виленской іезуитской коллегіи. На праздникъ пасхи пришелъ онъ къ Марцеллу.

— Ну что? какъ у васъ?—спрашивалъ Марцеллъ.

— Ахъ, отецъ пріоръ, какъ я счастливъ, какъ благодаренъ тебѣ! Ты истинный отецъ мнѣ не по грѣшной плоти, а по духу. Ты воспиталъ меня, а теперь доставилъ возможность учиться у такихъ профессоровъ, какъ нашъ ректоръ Варшовицкій, какъ Скарга и Вуйко! Ихъ лекціи—чистѣйшее наслажденіе. Кажется, если бы я пропустилъ хоть одно слово, то былъ бы недоволенъ собою.

— А они тобою довольны?

— Хвалятъ и поощряютъ. Прошлый мѣсяцъ у насъ даны были для сочиненій нарочно такія темы, гдѣ, главнымъ образомъ, надо было доказать искусство въ діалектикѣ: въ какое время года сотворенъ міръ—весной или осенью? Гдѣ находился рай и существуетъ ли онъ нынѣ? Настоящій ли змѣй прельстилъ Еву? Одинаковый ли вкусъ находили въ маннѣ добрые и злые? Употреблялъ ли Соломонъ червей и зеліе, вмѣсто желѣза, при постройкѣ іерусалимскаго храма? Въ особенныхъ ли комнатахъ трудились 70 толковниковъ при переводѣ библіи? Я выбралъ первую тему и доказалъ, какъ умѣлъ, что міръ былъ сотворенъ весной. Профессоръ прочелъ сочиненіе и сказалъ: «Превосходно! а теперь, сынъ мой, ты напиши другое сочиненіе и докажи, что міръ сотворенъ осенью».

— Ты и написалъ?

— Трудно было, однако написалъ.

— Да какъ же—и весной и осенью?

— На то діалектика. А въ награду за это въ анте-

моділи, которая будетъ въ праздникъ тѣла Господня происходить на улицѣ во время крестнаго хода отъ нашего свентоянскаго костела, мнѣ назначено представлять знаешь кого?

— Кого?

— Апостола Павла. Профессоръ даже объяснилъ мнѣ почему. «По кресту, который былъ при тебѣ найденъ въ дѣтствѣ,—сказалъ онъ мнѣ,—можно думать, что ты рожденъ въ схизматической фамиліи. Но Богъ чуднымъ дѣйствіемъ своего промысла обратилъ тебя отъ тьмы къ свѣту, какъ древле св. апостола Павла. Горишь ты ревностію къ святой апостольской вѣрѣ и отличаешься даровитостію. И нынѣ, хотя въ малой вѣрѣ, уподобляешься ты св. апостолу Павлу. А потому и достоинъ представлять его».

— А что-же будетъ представлено?

— Очень много. На первомъ возѣ олицетворенная природа со множествомъ звѣрей, на другомъ—императоръ Оттонъ, ѣдущіи со св. причастіемъ въ рукахъ на сраженіе съ венгерцами, на третьемъ—сцены изъ Апокалипсиса, далѣе возы съ мучениками и подвижниками; потомъ въ пароконной бричкѣ Римъ подъ покровомъ святыхъ апостолъ Петра и Павла,—тутъ и я буду, предъ бричкой полетитъ поэзія со стихотворцами, а сзади пойдетъ краснорѣчіе съ ораторами.

— А апостоломъ Петромъ кто же будетъ?

— Воловичъ.

— Какой Воловичъ?

— Генрихъ, племянникъ каштеляна.

— Да вѣдь каштелянъ послѣ канцлера Радзивилла самый злѣйшій врагъ отцовъ іезуитовъ. Какъ-же его племянникъ попалъ къ нимъ въ коллегію?

— Потому попалъ, что нигдѣ въ Вильнѣ да и во всемъ краѣ не учатъ лучше, чѣмъ въ нашей коллегіи. Говорятъ, впрочемъ, панъ каштелянъ долго не соглашался, да пани Тереза, мать Генриха, его убѣдила. Отцы іезуиты были очень рады, что онъ поступилъ. Изъ уваженія къ его знатному роду онъ и будетъ представлять св. апостола Петра. А самъ Генрихъ ничуть не гордъ. Со мной онъ даже друженъ. Я всегда за него сочиненія пишу.

— Развѣ это у васъ позволяется?

— Обыкновенно ученикамъ строго запрещено, а для

знатныхъ дозволено подъ рукой. «Къ чему имъ, говорятъ отцы іезуиты, утруждать себя наравнѣ съ людьми незнатными? Имъ предстоитъ или ратное поле, или придворная служба. Для того и другого имъ нужны ловкость, познаніе языковъ. А діалектическія тонкости къ чему? Если бы и случилось впослѣдствіи какое-нибудь мудреное дѣло, при обсужденіи котораго потребовались бы особыя умственныя соображенія, такъ развѣ не могутъ они обратиться за совѣтомъ къ кому-либо изъ ихъ бывшихъ наставниковъ или тѣхъ изъ товарищей, которые, получивъ надлежащее образованіе, сдѣлаются членами нашего святого ордена? Изнурять напрасными трудами ихъ не слѣдуетъ. А подавать сочиненія они должны: во-первыхъ, потому что того требуетъ школьная дисциплина, во-вторыхъ, и для того, чтобы ихъ родители и родственники утѣшались, смотря на похвальные отзывы объ нихъ, и такимъ образомъ болѣе знатныхъ людей привлекалось бы въ коллегію». Все это, впрочемъ, высказывается не явно, а подъ секретомъ, а мнѣ было сказано, когда Воловичъ въ первый разъ попросилъ меня написать сочиненіе, а я усумнился и спросилъ, можно ли это сдѣлать.

— Благодареніе Всевышнему, что знатные люди начинаютъ отдавать дѣтей въ іезуитскія коллегіи. И много у васъ схизматиковъ и еретиковъ?

— Сначала совсѣмъ не было. А теперь схизматиковъ столько набралось, что отцы іезуиты думаютъ раздѣлить каждый классъ на двѣ части: латинскую и греческую. Правда, въ греческой будетъ гораздо менѣе учениковъ, но я слыхалъ, что предполагаютъ переводить и католиковъ съ латинской половины на греческую за дурное поведеніе или лѣность.

— По дѣломъ! Не балуйся и учись.

— Изъ схизматиковъ много совсѣмъ такихъ грубыхъ—поповскія дѣти. Было у насъ въ школѣ представленіе: предъ судъ Іисуса Христа предстали святѣйшій отецъ папа, греческій патріархъ, Лютеръ и Магометъ. Конечно, святѣйшій отецъ пошелъ въ царствіе небесное, а тѣ трое въ адъ. Такъ схизматики обидѣлись, что патріархъ осужденъ наравнѣ съ Магометомъ и Лютеромъ. Да что на нихъ смотрѣть! Есть изъ нихъ знатные—тѣмъ такъ-же хорошо, какъ и Воловичу. А прочихъ въ черномъ тѣлѣ держатъ: въ антемодіи имъ назначено звѣрей представлять. Одинъ изъ нихъ Смоличъ, са-

мый грубый, не захотѣлъ. Подумайте, не хотѣлъ, когда отцы іезуиты приказывали! За то его въ темную посадили.

— А гдѣ у васъ темныя?

— Въ подвалѣ. Я самъ не бывалъ тамъ, а говорятъ, что нехорошо тамъ сидѣть. И даютъ тамъ только хлѣбъ да воду. Схизматики хотѣли-было пронести кое-что Смоличу, да отцы іезуиты узнали. И глупы были схизматики, когда думали, что отцы іезуиты не узнаютъ. Они все знаютъ.

— Будто все?

— Какъ-же! Каждый воспитанникъ обязанъ докладывать отцамъ іезуитамъ все, что онъ узнаетъ о товарищахъ. Грубіянъ Смоличъ меня за это доносчикомъ назвалъ. Да развѣ это доносъ? Развѣ я на исповѣди не обязанъ все сказать? А видя или слыша дурное, я долженъ въ этомъ исповѣдаться, иначе я становлюсь участникомъ грѣха. Кажется, это ясно?

— Ясно. Такъ схизматиковъ у васъ довольно, а еретиковъ?

— Не такъ много, а есть. Но недавно намъ объявили о чудесномъ случаѣ, который ясно показываетъ, какъ Божій Промыслъ покровительствуетъ апостольской церкви въ Литвѣ.

— Что такое?

— Сынъ извѣстнаго покровителя всѣхъ еретиковъ и лютѣйшаго еретика Радзивилла Чернаго, по прозванію Сиротка, поѣхалъ путешествовать. Благочестивая мать устроила, что въ его свитѣ было двое отцовъ іезуитовъ. Она понемногу начала трудиться надъ обращеніемъ его въ лоно св. апостольской церкви. Но долго все было напрасно. Онъ уже началъ колебаться, но не рѣшался. Наконецъ чудо обратило его. Сидѣлъ онъ съ отцами іезуитами и другими собесѣдниками за обѣденнымъ столомъ. Подали жареныхъ каплуновъ. «Вотъ вы все сомнѣваетесь, князь,—сказалъ одинъ изъ отцовъ іезуитовъ,—а для вѣрующаго нѣтъ сомнѣній. Хотите-ли, чтобы эти каплуны полетѣли?»—«Будто это возможно?»—возразилъ Родзивиллъ.—«Вѣрующему все возможно»,—отвѣчалъ отецъ іезуитъ, и каплуны полетѣли.

— Полетѣли?

— Да, полетѣли какъ живые. Когда намъ это разсказывали, дуракъ Смоличъ захохоталъ. Глупецъ! если вѣра горами двигаетъ, то и жареные каплуны могли, по вѣрѣ,

полетѣть. Радзивиллъ Сиротка такъ былъ пораженъ этимъ чудомъ, что принялъ св. апостольскую вѣру.

— Благодареніе Всевышнему!

— Не менѣе способствуютъ обращеніямъ и наши коллегіи. Ихъ вездѣ довольно. Есть въ Ковнѣ, Гроднѣ, Минскѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, Крожахъ, Несвижѣ, Оршѣ, Брестѣ, Новгородѣ-Сѣверскомъ, Мстиславлѣ, Динабургѣ, Илукштѣ, Шонбергѣ. Нашу думаютъ въ академію возвести. Только канцлеръ Радзивиллъ и каштелянъ Воловичъ препятствуютъ.

Пообѣдавъ у пріора, Якубъ отправился гулять и у Острыхъ воротъ повстрѣчался съ Генрихомъ Воловичемъ.

— А, дружище!—вскричалъ Генрихъ,—какъ хочешь, пойдемъ ко мнѣ.

— Какъ-же, право, я не знаю. Я не привыкъ бывать въ обществѣ, особенно въ знатномъ.

— И не привыкнешь, если не будешь бывать.

Самому Якубу хотѣлось взглянуть на общество ясновельможныхъ пановъ, и онъ пошелъ.

Мать Генриха, Тереза Воловичъ, живая, красивая, хотя уже тридцатипятилѣтняя женщина, быстрымъ взоромъ окинула Якуба, и наружность молодого человѣка ей, видимо, понравилась. Съ своей стороны, Генрихъ не скупился на рекомендацію.

— Вы знаете,—говорилъ онъ,—что нашего Скаргу прозвали литовскимъ Златоустомъ, а Якубъ, по моему мнѣнію, первый ученикъ въ коллегіи и современемъ самого Скаргу за поясъ заткнетъ.

Якубъ, краснѣя, поцѣловалъ руку пани Терезы.

— Зачѣмъ панъ христіанскихъ обычаевъ не соблюдаетъ,—сказала она,—на Пасхѣ не руку цѣлуютъ, а христосуются.

— Непремѣнно, непремѣнно!—закричалъ Генрихъ, смѣясь, — и съ Юзей и съ Цецилькой.

Юзя была молоденькая, красивая, черноглазая брюнетка, дочь пана Паца, друга фамиліи Воловичей, а Цецилька—бѣдная дальняя родственница Воловичей, прелестная дѣвочка, почти дитя съ голубыми глазами и бѣлокурыми волосами.

Пришлось Якубу и съ ними похристосоваться.

— Ты, Юзя,—шепнулъ ей Генрихъ,—постарайся поразвязать моего пріятеля-философа.

Юзя дѣйствительно старалась, и въ продолженіе всего вечера, когда собралось много молодежи и начались разныя игры, какъ-то всегда такъ дѣлалось, что Юзя была подлѣ Генриха и Цецилька подлѣ Якуба.

Въ слѣдующую ночь не снились Якубу обычные сны, въ которыхъ повторялись образы жизни въ коллегіи, не разрѣшалъ онъ мудренаго вопроса, настоящій ли змѣй соблазнилъ праматерь Еву, но предъ нимъ безпрестанно мелькали голубые глазки, розовыя щечки и бѣлокурые локоны.

Черезъ три года іезуитъ Вуйко такъ докладывалъ знаменитому Скаргѣ, тогда уже сдѣлавшемуся ректоромъ училища:

— Мы въ опасности потерять одного изъ лучшихъ учениковъ. Воспитанникъ пріора бернардиновъ Якубъ сблизился съ Генрихомъ Воловичемъ. Казалось, изъ этого ничего не могло выйти, кромѣ хорошаго. Благоразуміе и осмотрительность Якуба могли удерживать легкомысленнаго Генриха, а горячая привязанность Якуба къ святой церкви могла повліять на Воловича. Къ сожалѣнію, никто не обратилъ вниманія на то, что Якубъ часто бываетъ въ домѣ матери Воловича. Ни Якубъ, ни Генрихъ не говорили, что тамъ дѣлается, а кромѣ ихъ никого изъ нашихъ тамъ не бывало. Что-же оказалось? Якубъ влюбился въ воспитанницу пани Воловичъ, какую-то красавицу Цецильку.

— Какая глупость! Мѣнять обезпеченное, можетъ быть блестящее, положеніе на нищенство съ женой и ребятишками.

— Нищенства не будетъ. Воловичи обѣщались обезпечить его на первый случай, а потомъ доставить мѣсто. Онъ человѣкъ даровитый.

— Потому и не надо упускать изъ нашего общества, что онъ даровитъ. Мало этого, энтузіастъ, а такіе люди всего полезнѣе, если ихъ умѣючи направить. Они не задумаются пожертвовать и жизнію, гдѣ нужно. И сдѣлаютъ это не какъ жертва, ведомая на закланіе, а съ восторгомъ, который возбудительно подѣйствуетъ на мысли людей. Непремѣнно нужно его удержать.

— Но какъ? Я было думалъ намекнуть ему, что нѣтъ надобности портить свою будущность и оставлять орденъ для Цецильки, что ее можно выдать замужъ, а онъ можетъ сдѣлаться ея духовникомъ, другомъ дома... и орденъ снисходительно смотритъ на человѣческія слабости.

— Нѣтъ, это не годится. Этотъ Якубъ, какъ большая часть русскихъ, принадлежитъ, по моему, къ людямъ низшей породы. Они могутъ быть учеными, умными, но развиться на столько, чтобы усвоить великій девизъ нашего ордена: «цѣль оправдываетъ средства», не способны. Они младенчески увлекаются, въ увлеченіи могутъ многое сдѣлать, но все-таки остаются младенцами и, пожалуй, бросятъ самое дѣло, когда увидятъ, что въ подробностяхъ не все такъ гладко, какъ бы имъ хотѣлось. А можно вотъ что сдѣлать: сказать, что по нашимъ свѣдѣніямъ Цецилія прекрасная дѣвушка, и что хотя намъ жаль разстаться съ такимъ превосходнымъ ученикомъ, но только что онъ кончитъ курсъ, значитъ, чрезъ три мѣсяца, то мы не только не будемъ препятствовать его счастію, но, въ чемъ можемъ, готовы ему содѣйствовать. При этомъ посовѣтовать, чтобы онъ тотчасъ-же признался во всемъ своему воспитателю, бернардинскому пріору... А между тѣмъ перевести Якуба на житье въ зеленую комнату... понимаешь?

— Дѣйствительно, на первый разъ трудно придумать лучше... а дальше посмотримъ.

Едва Якубъ признался Марцеллу въ своей любви, тотъ возопилъ, какъ ужаленный змѣею.

— Какъ, ты хочешь оставить путь спасенія и кинуться въ бездну мірскихъ грѣховъ!

— Какой же это грѣхъ—жениться:

— Но подумай, кто ты? Тебя въ дѣтствѣ Господь чуднымъ образомъ избавилъ отъ смерти. И чрезъ кого избавилъ? Чрезъ святого епископа, который смерти не боялся, чтобы избавить короля отъ совращенія въ ересь! Кости его содрогнутся во гробѣ, услыхавъ о твоемъ беззаконіи.

— Да развѣ лучше было-бы, если бы я произнесъ монашескіе обѣты, любя женщину?

— Женщину! сосудъ сатанинъ! исчадіе діавола!

— Моя Цецилія больше похожа на ангела, чѣмъ на діавола.

Кончилось тѣмъ, что оба разгорячились и наговорили много лишняго другъ другу. Старикъ даже занемогъ. Узнавъ объ этомъ, Якубу стало стыдно за свою горячность. Онъ искренно любилъ старика. Въ это время онъ жилъ уже въ зеленой комнатѣ. Долго онъ не могъ заснуть, почти до полуночи. Но скоро его разбудилъ странный шумъ. При-

Кровь застыла въ жилахъ Якуба.

Application

слушавшись, онъ распозналъ стоны и звонъ цѣпей. Съ удивленіемъ онъ началъ осматриваться. Вдругъ около стѣны, противъ кровати Якуба появилось что-то бѣлое. Кровь застыла въ его жилахъ, волосы стали на головѣ дыбомъ. Да, предъ нимъ точно привидѣніе. Сѣдой, изможденный страданіями старикъ въ цѣпяхъ.

— Страдаю! мучусь въ адскомъ огнѣ! — простонало привидѣніе.

— Кто ты? — прошепталъ въ ужасѣ Якубъ.

— Отецъ твой! И ты виною моихъ мукъ. Я скончался въ нечестивой схизмѣ и по правосудію Божію страдаю за то. Но муки мои стали облегчаться съ тѣхъ поръ, какъ ты принялъ желаніе оставить нечестивый міръ и всѣми силами послужить святой апостольской церкви. Но теперь ты оставилъ это желаніе и муки усугубились. Сжалься! пощади меня! Я отецъ твой!

И со страшнымъ стономъ, потрясая цѣпями, привидѣніе исчезло.

Нѣсколько дней Якубъ ходилъ какъ потерянный, но потомъ понемногу оправился и пошелъ къ Воловичамъ.

Въ ту же самую ночь, передъ утромъ, Генрихъ Воловичъ вбѣжалъ къ ректору, къ которому во всякое время былъ доступъ знатнымъ воспитанникамъ.

— Со мной бѣда случилась, панъ ректоръ.

— Что такое?

— Шелъ я по Бернардинской улицѣ и, правду сказать, порядочно выпивши. И вспомнилось мнѣ, что недалеко живетъ схизматическій попъ. Дай, думаю, разобью у него окна. И пошелъ.

— Неблагоразумно одному пускаться на этакія дѣла.

— Знаю, что неблагоразумно. Да было добре выпито. Только-что я бросилъ камень въ окна, вдругъ меня схватила какая-то бестія. Я рваться, нѣтъ, силенъ, не пускаетъ. А между тѣмъ поднялся шумъ, бѣгутъ люди. Я выхватилъ кинжалъ, думаю, испугается, отстанетъ. Не тутъ-то было. Еще крѣпче держитъ и оретъ во всю глотку. Я и хватилъ его кинжаломъ. Онъ повалился. Чуть ли я не убилъ его. У меня и хмѣль куда пропалъ. Слышу, бѣгутъ, я отъ нихъ, но они за мной бѣжали до самой коллегіи. Сюда, конечно, сунуться не посмѣли.

— Видали пана въ лицо?

— Не думаю, ночь темная. Но навѣрно знаютъ, что воспитанникъ коллегіи. Я слышалъ, какъ они кричали: «мало того, что эти школяры въ нашихъ поповъ камнями бросаютъ да окна у нихъ бьютъ, а еще людей на улицахъ рѣзать стали».

— Нехорошо, панъ Воловичъ.

— Самъ знаю, что скверно.

— Конечно, пана не повѣсятъ, если онъ и убилъ какого-нибудь мѣщанина. Можно будетъ сказать, что онъ хотѣлъ пана ограбить и панъ ударилъ его, защищаясь. А все шумъ, скандалъ будетъ. Дойдетъ и до каштеляна и до пана Паца дойдетъ. Какъ панъ Пацъ и невѣста твоя, панна Юзя, на это дѣло взглянутъ?

— Пожалуй и нехорошо.

— Лучше всего это дѣло скрыть.

— Да развѣ возможно? Вѣдь видѣли, что я сюда убѣжалъ.

— Все возможно. Только надо вотъ что сдѣлать. Несмотря на темноту ночи, нельзя ручаться, что пана въ лицо не видали. Такъ прежде всего нужно отъ пана всякое подозрѣніе отклонить. Для этого пану надо тотчасъ переодѣться, выйти другимъ ходомъ и поспѣшить въ домъ матушки, а ее уговорить со всей фамиліей сегодня же утромъ куда-нибудь уѣхать. И лучше бы такъ уѣхать, чтобы съ мѣсяцъ никто не зналъ, куда вы уѣхали. Тогда всякому здѣсь можно будетъ сказать, что пана и въ городѣ не было, когда то дѣло совершилось.

— Прекрасно! Бѣгу сейчасъ-же.

— А кинжалъ панъ оставитъ. Да поѣдете, не забудьте панну Цецильку взять. А то она, по женскому разуму, жениху своему Якубу проболтается.

— Якубъ меня любитъ, не выдастъ.

— Это вѣрно. Но человѣкъ онъ такой, что солгать не рѣшится. А тутъ необходимо лгать будетъ, что, конечно, для благой цѣли дозволительно.

Утромъ большая толпа народа собралась къ костелу св. Яна и находившейся подлѣ него іезуитской коллегіи. Кричали, что одинъ изъ іезуитскихъ воспитанниковъ опасно ранилъ кинжаломъ мѣщанина на Бернардинской улицѣ. Самъ ректоръ вышелъ къ толпѣ.

— Глубоко сожалѣю, друзья мои, объ этомъ несча-

стномъ событіи. Вотъ на первый случай сто злотыхъ на пзлѣченіе раненаго. Я произвелъ уже слѣдствіе и окровавленный кинжалъ найденъ у воспитанника коллегіи Смолича. Онъ сынъ священника греческаго закона и всегда отличался буйствомъ и неповиновеніемъ, такъ что его уже два раза хотѣли исключить изъ коллегіи. Онъ будетъ сегодня же исключенъ и преданъ въ руки правосудія.

Толпа разошлась совершенно удовлетворенная. Нѣкоторые даже закричали vivat ректору.

Вечеромъ Якубъ пошелъ къ пани Воловичъ, но не нашелъ никого, кромѣ двухъ или трехъ слугъ, которые даже не знали, куда уѣхала пани съ сыномъ и Цециліею. Якуба оскорбило, что Цецилія даже не оставила ему извѣстія о томъ, куда она уѣхала. Печальный, онъ возвратился въ коллегію и его тотчасъ позвали къ ректору.

— У меня есть до тебя важное дѣло, — сказалъ ректоръ. — Дѣло столь важное, что ты будешь служить вмѣстѣ святой церкви и польско-литовскому государству.

— Душою радъ, отецъ ректоръ. Служить церкви я всегда радъ и если задумалъ...

— Не будемъ говорить объ этомъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы искоренить богопротивную схизму въ польско-литовскомъ государствѣ. Это и государству необходимо — сколько отъ нихъ происходило потрясеній. Умеръ король Сигизмундъ — сколько они дѣлали интригъ, чтобы избрать на польскій престолъ московскаго тирана или сына его Ѳеодора! Къ счастью еще, они скупы и глупы, не хотятъ дать ни копѣйки, а безъ этого на выборахъ ничего не подѣлаешь. Французскій принцъ Генрихъ обѣщалъ двѣсти тысячъ червонцевъ и былъ выбранъ польскимъ королемъ. Но ему не понравилось въ Польшѣ и, узнавъ, что братъ его, французскій король, умеръ, Генрихъ бѣжалъ во Францію и сталъ тамъ царствовать. Схизматики опять принялись интриговать, но, благодареніе Богу, опять неудачно. Выбранъ былъ нынѣ царствующій, благочестивый король Стефанъ Баторій. Богъ благословилъ его побѣдами надъ московскимъ тираномъ. Царь Иванъ просилъ святѣйшаго отца папу прислать посредника для заключенія мира между королемъ и царемъ. Этотъ посредникъ изъ нашего ордена, Антонъ Поссевинъ, мужъ великаго ума. Онъ составилъ планъ о конечномъ искорененіи схизмы. Это будетъ называться уніею, подобно

той, какая состоялась на Флорентинскомъ соборѣ, но схизматики, по безразсудству своему, ее не приняли. Имъ оставятъ всѣ ихъ суевѣрія, но съ тѣмъ, чтобы они признали главою церкви святѣйшаго отца папу. Прочее придетъ само собою. Дѣло подготовляется понемногу. Уже въ Литвѣ многіе изъ духовенства схизматическаго на это согласны. Въ числѣ ихъ епископы: Ѳеодосій Лазовскій въ Брестѣ и Іона Красинскій въ Луцкѣ. Къ нимъ-то тебя я и посылаю. Они тебѣ скажутъ, чѣмъ ты можешь послужить святому дѣлу. Да еще вотъ что: возьми ты съ собой крестикъ, что на тебѣ маленькомъ найденъ... Можешь показывать его тамошнему духовенству: болѣе къ тебѣ довѣрія будутъ имѣть, когда своимъ считать станутъ.

Ѳеодосій Лазовскій очень ласково принялъ Якуба и поручилъ ему съѣздить къ нѣкоторымъ православнымъ священникамъ, чтобы самому увидѣть насколько они расположены къ Уніи. Въ числѣ ихъ былъ Аѳанасій Смоличъ, родной братъ того Смолича, который вмѣстѣ съ Якубомъ учился въ іезуитской коллегіи.

— Братья составляютъ совершенную противоположность,—говорилъ Лазовскій.—Ефремъ—тотъ, что учился въ коллегіи по протекціи пана Гедройца, буянъ, а Аѳанасій совершенная овца, мало того—трусъ. Его пугнуть, такъ онъ не только въ Унію—въ магометанство перейдетъ.

Аѳанасій Смоличъ встрѣтилъ Якуба съ униженными поклонами, изъ силъ выбивался, угощая его, и тотчасъ же сталъ жаловаться на свою горькую участь.

— Какое наше житье теперь!—говорилъ онъ,—патронами нашей церкви были паны Гедройцы *) и точно покровительствовали: всѣмъ помогали, по ихъ милости братъ и въ коллегію отцовъ іезуитовъ попалъ, да не умѣлъ тѣмъ пользоваться. А теперь, какъ паны Гедройцы приняли римско-католическую вѣру, то и вниманія на меня не обращаютъ. Мнѣ бы вотъ еще двѣ уволоки **) земли, такъ и могъ бы я перебиваться съ семействомъ, да откуда ихъ получить. Вонъ въ Вильнѣ или во Львовѣ попамъ хорошо: православныя братства завелись—всѣмъ помогаютъ попамъ, а у насъ еще и братствъ нѣтъ.

---

*) Въ западно-русской церкви былъ тоже называемый патронатъ, по которому знатное дворянство покровительствовало церквамъ.

**) Поземельная мѣра въ западномъ краѣ.

— Что вамъ на братства надѣяться,—сказалъ Якубъ,—гораздо лучше соединиться со святою католическою церковію.

— Если будетъ на то воля господина епископа, могу ли противостать? Не такой я человѣкъ, чтобы властямъ предержащимъ не повиноваться. Испытанъ горькою судьбиною, можно сказать, изъ чрева матери.

— Какъ такъ?

— У моего родителя было два сына: Ефремъ и Мартынъ погодки: старшему еще не исполнилось двухъ лѣтъ, а Мартыну не было и года, и опять моя родительница сдѣлалась беременна, именно мною. По дѣламъ нужно ей было съѣздить въ Вильну и Троки. Взяла она съ собою Мартына, а Ефремъ съ родителемъ остался. И надо же было случиться такой бѣдѣ. Понесли родительницу лошади, такъ что сани опрокинулись, и братецъ-то Мартынъ выпалъ изъ нихъ, а родительницу чуть живую лошади принесли въ деревеньку версты за двѣ отъ дороги. Тамъ она промучилась сутки трои да Богу душу и отдала. А я родился на Божій свѣтъ двумя мѣсяцами раньше чѣмъ слѣдовало. Можетъ быть отъ того я такой и робкій.

— А что же съ твоимъ братомъ сдѣлалось, что изъ саней-то выпалъ?

— Безъ вѣсти пропалъ.

— Да развѣ не искали?

— Кому было искать. Родитель пріѣхалъ туда недѣли черезъ три. Конечно, на дорогѣ не нашли. Надо полагать, младенца волки съѣли.

— И никакихъ примѣтъ не было, по которымъ бы младенца могли сыскать?

— Былъ кипарисный крестикъ, правда, примѣтный, потому что съ греческой надписью; съ Аѳонской горы родителю три такихъ крестика было привезено. Одинъ и теперь на мнѣ, другой на Ефремѣ, а третій былъ на младенцѣ.

— А давно это случилось?

— Да годовъ двадцать шесть будетъ.

— И на пути изъ Вильны въ Троки?

— Точно такъ.

— А не знакомъ ли тебѣ этотъ крестикъ?

— Ахъ, батюшки! точь въ точь мой!

— Не мудрено, потому что я твой братъ, только теперь не Мартынъ, а Якубъ.

Дня чрезъ два неожиданно явился и третій братъ Ефремъ. Съ удивленіемъ выслушалъ онъ разсказъ о спасеніи Мартына-Якуба и сказалъ:

— Радуюсь, что Богъ привелъ съ тобой увидѣться. Только брось ты этихъ подлецовъ іезуитовъ.

— Напрасно ты такъ при мнѣ говоришь,—горячо вступился Якубъ.—Я имъ всѣмъ обязанъ, люблю ихъ и уважаю.

— А я имъ тѣмъ обязанъ, что меня чуть не повѣсили понапрасну.

— И это ты напрасно говоришь. Зачѣмъ же ты ударилъ кинжаломъ того мѣщанина на Бернардинской улицѣ?

— Ударилъ! А ты видѣлъ, какъ я его ударилъ?

— Не видалъ, но у тебя нашли окровавленный кинжалъ.

— Нашли, потому что подлецы іезуиты его подбросили. А я не только не кололъ имъ никого, да всю ночь изъ коллегіи не выходилъ, а спокойно храпѣлъ на постели. Просыпаюсь, а меня вяжутъ. Даже путемъ не сказали, въ чемъ я виноватъ, потащили въ тюрьму.

— Какъ же ты оттуда вышелъ?—спросилъ Аѳанасій.

— И самъ не знаю какъ—вывели какіе-то люди въ маскахъ. Догадываюсь, что это тоже іезуитскія продѣлки. Видно, нужно было свалить на меня вину какого-нибудь знатнаго негодяя, а на висѣлицу меня отправить все же не хотѣли. Не изъ жалости ко мнѣ: они и отца родного не жалѣютъ, а чтобы молвы не было, что іезуитскій воспитанникъ повѣшенъ.

— Кажется напрасно ты, братецъ, на отцовъ іезуитовъ нападаешь. Вотъ ихъ и нашъ владыко Ѳеодосій уважаетъ.

— Ѳеодосій такой же подлецъ, какъ и они.

— Непригожія рѣчи говоришь ты, братецъ, владыко... Господи прости, страшно вымолвить.

— Да развѣ по правдѣ Ѳеодосій да Іона Красинскій въ архіереи попали? Не продѣлками тѣхъ же іезуитовъ? И ужь смастерятъ же они какую-нибудь штуку. Теперь вотъ новый календарь ввели, и сколько гоненій было на православныхъ, которые не хотятъ его принимать.

— Этотъ новый календарь грегоріанскій,— возразилъ Якубъ,—гораздо точнѣе прежняго юліанскаго и основанъ на астрономическихъ вычисленіяхъ.

— На астрономическихъ? Тутъ и астрономія пригодилась! А прежде астрономовъ въ тюрьму сажали и на костеръ возводили за то, что они говорили, что земля вокругъ солнца ходитъ.

— Это не іезуиты дѣлали.

— Іезуиты почище сдѣлаютъ. Смотри-ка, что они за сопротивленіе новому календарю творили. Собирается народъ въ праздникъ въ церкви, а они разгонятъ. Теперь-де не праздникъ.

— Не наше дѣло объ этомъ толковать.

— Наше—только разбирать, какой змѣй прародительницу Еву прельстилъ. Однако, прахъ ихъ побери—что намъ изъ-за нихъ ссориться! Я шелъ сюда только съ братомъ повидаться, а вмѣсто того двоихъ нашелъ. Поцѣлуемся же, милые братцы. Можетъ быть, Богъ и не приведетъ еще увидѣться. Я отсюда прямо въ Запорожье. Тамъ забуду и отцовъ іезуитовъ, и пановъ радныхъ, и всякую сволочь. Еще поцѣлуемся. Ты, Мартынъ, берегись лисицъ—онѣ не хуже волковъ грызутъ. А ты, Аѳанасій, ты человѣкъ бѣдный и слабый, тебя мнѣ особенно жаль. Берегись. Не продай вѣры Христовой за лишнюю уволоку земли!

У Лазовскаго, у брата и у другихъ священниковъ Якубъ пробылъ больше трехъ недѣль. Надо было ему поспѣть въ Вильну къ выпускному экзамену. Онъ зналъ, что для знатныхъ студентовъ этотъ экзаменъ былъ одна комедія—имъ заранѣе сказывали, о чемъ ихъ спросятъ. Но для бѣдныхъ студентовъ экзаменъ былъ не бездѣлица. Ихъ спрашивали довольно строго.

Но вдругъ онъ почувствовалъ себя больнымъ, почувствовалъ какъ разъ послѣ того, какъ пообѣдалъ у Лазовскаго. Епископъ очень сожалѣлъ объ этомъ и самъ прислалъ врача, который и вылѣчилъ Якуба. Но вылѣчилъ не скоро, такъ что время экзаменовъ прошло.

Однако-жъ, оказалось, что объ экзаменахъ безпокоиться нечего. Самъ отецъ ректоръ написалъ къ Якубу очень милостивое письмо, въ которомъ сердечно сожалѣлъ объ его болѣзни, сообщалъ о пріятной новости, что ихъ коллегія возведена на степень академіи, поздравилъ съ отысканіемъ брата и писалъ, что къ экзамену нечего торопиться: къ нему допустятъ Якуба когда угодно, и отецъ ректоръ увѣренъ, что поздравитъ его со степенью баккалавра.

Между тѣмъ Генрихъ Воловичъ съ матерью и Цециліей воротились въ Вильну.

— Какъ-же это, отецъ ректоръ,—говорилъ Генрихъ,—за мою вину невиннаго наказали? Это нехорошо.

— Чѣмъ же его наказали? Изъ коллегіи исключили? Да его двадцать разъ прежде надо было исключить. А въ тюрьмѣ онъ просидѣлъ всего одни сутки. По моей же просьбѣ его и выпустили, мои люди и вывели.

— Что не видать Якуба?

— А панъ не слыхалъ? Ему были чудныя видѣнія: покойный отецъ являлся. И Якубъ такъ былъ тѣми видѣніями потрясенъ, что совсѣмъ отказался отъ міра.

— Какъ отказался? А Цецилія?

— Ищите ей другого жениха.

— Это неблагородно.

— Панъ забылъ, что Якубъ посвящаетъ себя служенію святой церкви.

— Посвящаетъ или не посвящаетъ, а я его къ себѣ въ домъ не пущу.

Затѣмъ Генрихъ не безъ труда выучилъ, что было назначено отцами іезуитами. Немного совралъ на экзаменѣ, но все-таки получилъ ученую степень на томъ основаніи, что занимался хорошо, а если смѣшался, то отъ робости. Отецъ ректоръ имѣлъ утѣшеніе самъ обвѣнчать Генриха съ Юзой и сказалъ при этомъ случаѣ превосходную и назидательную рѣчь. Болѣе полугода провелъ Якубъ внѣ Вильны. Когда онъ воротился туда, предъ Свентоянскимъ костеломъ была большая толпа народа. Смотрѣли свадьбу. Янъ подъѣхалъ какъ быть въ ту минуту, когда новобрачные выходили изъ костела. Онъ взглянулъ на нихъ.

Шла его Цецилія объ руку съ усатымъ паномъ.

Не помня себя, Янъ прошелъ въ свою комнату, упалъ на постель и зарыдалъ. Скоро чья-то рука ласково опустилась на него. Якубъ поднялъ голову. На него съ самымъ нѣжнымъ участіемъ смотрѣлъ отецъ ректоръ.

— Не плачь, мой сынъ,—сказалъ онъ,—она не стоила тебя. Забудь измѣнницу земную невѣсту и обручи себя небесной невѣстѣ—святой церкви.

Якубъ принялъ монашескіе обѣты и получилъ степень баккалавра.

Воротился изъ московскаго путешествія Поссевинъ, посѣтилъ Скаргу.

— Что я слышалъ,—спросилъ отецъ ректоръ,—твоя поѣздка была неудачна?

— Развѣ можетъ что-нибудь удасться съ этими московскими медвѣдями? Прежде всего мнѣ пришлось съ ихъ послами побраниться. Представь себѣ: они святѣйшаго отца папу въ своихъ грамотахъ попомъ называютъ. Я такъ ихъ прямо и назвалъ ворами.

— И хорошо сдѣлалъ.

— Съ досады у одного изъ нихъ я даже пуговицы у шубы оборвалъ, а грамоту швырнулъ. Но царь еще хуже ихъ! Онъ самъ вздумалъ со мной состязаться о вѣрѣ. И знаешь, какой вопросъ далъ: «отчего у тебя борода подсѣчена? ты въ римской вѣрѣ попъ, а бороду сѣчешь».

— Что-же ты отвѣчалъ на такой глупый вопросъ?

— Отвѣчалъ, что я бороду не сѣку, но брею. А онъ мнѣ: «сказывалъ нашъ посолъ, что папу Григорія носятъ на престолѣ, а на сапогѣ у папы крестъ, мы же крестъ Христовъ чтимъ и ниже пояса не носимъ». Я ему отвѣчалъ, что святѣйшій отецъ глава всѣхъ христіанъ, учитель всѣхъ государей и сопрестольникъ апостола Петра. А онъ и пошелъ, и пошелъ. Папѣ, говоритъ, подобаетъ смиреніе, а не возноситься. И который папа того не дѣлаетъ, тотъ волкъ, а не пастырь!

— И громъ не разразилъ богохульника!

— Главное, что и отомстить-то нечѣмъ было, потому что послѣ неудачи, подъ Псковомъ, Баторій самъ былъ радъ миру.

— Баторію эта неудача подѣломъ. Это Божья кара. Пока онъ былъ вѣренъ святой церкви, ему все удавалось, а теперь сталъ холоденъ: не велѣлъ схизматиковъ за сопротивленіе новому календарю преслѣдовать, а съ епископомъ Протасевичемъ что сдѣлалъ. Въ похвальной ревности къ святой вѣрѣ епископъ велѣлъ собрать всѣ еретическія книги, особенно эти переводы библіи, которые всего больше вреда дѣлаютъ, и сжечь рукою палача. Глупый народъ возмутился. И что-же, король написалъ епископу: «Мы дали присягу обезпечивать свободу совѣсти всякаго, а потому запрещаемъ нарушать спокойствіе, а убѣжденія людей предоставляемъ на судъ самого Бога». И это пишетъ католическій государь!

— Какой онъ католическій! Въ Трансильваніи еретикамъ покровительствовалъ. А что унія?

— Идетъ помаленьку.

Вскорѣ она пошла не помаленьку. По смерти Стефана Баторія, несмотря на всѣ усилія многочисленной партіи, желавшей избрать на польскій престолъ Ѳеодора Ивановича, царя московскаго, былъ избранъ Сигизмундъ, король шведскій, сынъ принцессы Екатерины, за которую когда-то сватался Иванъ Васильевичъ Грозный.

При этомъ одна надежда іезуитовъ не исполнилась, именно они не могли обратить на ненавистную имъ Россію соединенныя силы Швеціи, Польши и Литвы: напротивъ, за излишнюю ревность къ католицизму, шведы лишили Сигизмунда шведскаго престола и выбрали себѣ другого короля, который всю жизнь враждовалъ съ Сигизмундомъ. Но за то въ Литвѣ и Польшѣ іезуиты могли дѣлать что имъ угодно, потому что Сигизмундъ былъ ихъ воспитанникъ и преданъ имъ всею душою.

— Какъ бы только намъ эти братства не помѣшали,— говорилъ Якубъ одному изъ іезуитовъ.

— Конечно, они много поддерживаютъ схизму: строятъ церкви, заводятъ типографіи и школы. Но за то ихъ распри со схизматическими епископами привлекли послѣднихъ на нашу сторону. Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ именно потому и склонился къ уніи, что поссорился съ тамошнимъ братствомъ. Владимірскій епископъ, Ипатій Поцѣй, совсѣмъ нашъ. Всего труднѣе было уломать луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго. Да спасибо луцкому старостѣ Семашкѣ: такъ прижалъ Терлецкаго, что тотъ пересталъ разыгрывать роль защитника православія. Къ тому же за нимъ водится много грѣшковъ, за которые ему могло достаться отъ константинопольскаго патріарха.

— Да, съ тѣхъ поръ, какъ патріархъ Іеремія отрѣшилъ кіевскаго митрополита Онисифора за то, что онъ былъ изъ двоеженцевъ, всѣ епископы стали побаиваться. Ну, а преемникъ Онисифора, Михаилъ Рагоза?

— Онъ недоволенъ тѣмъ, что въ зависимости отъ патріарха. Да и всѣмъ имъ хочется имѣть равныя права съ католическими епископами.

Дѣйствительно, Рагоза, Поцѣй, Терлецкій, другіе епископы и часть духовенства подписали актъ объ уніи, съ которымъ Поцѣй и Терлецкій отправились въ Римъ, гдѣ и были приняты съ восторгомъ. Но когда на соборѣ въ Брестѣ, въ

1596 году, собрались приверженцы уніи и враги ея, то послѣднихъ оказалось гораздо болѣе. Уніаты было струсили, но князь Острожскій, глава православной партіи, объявилъ, что не прибѣгнетъ къ насильственнымъ мѣрамъ. И на этомъ соборѣ послѣдовало основаніе уніатской церкви.

Якубу одновременно пришлось прочитать двѣ папскія буллы. Въ одной, опубликованной къ народу, говорилось, что уніатская церковь сохранитъ всѣ православные догматы и обряды, а въ другой, секретной, къ епископамъ, предписывалось имъ принимать всѣ мѣры къ постепенному искорененію схизматическихъ заблужденій.

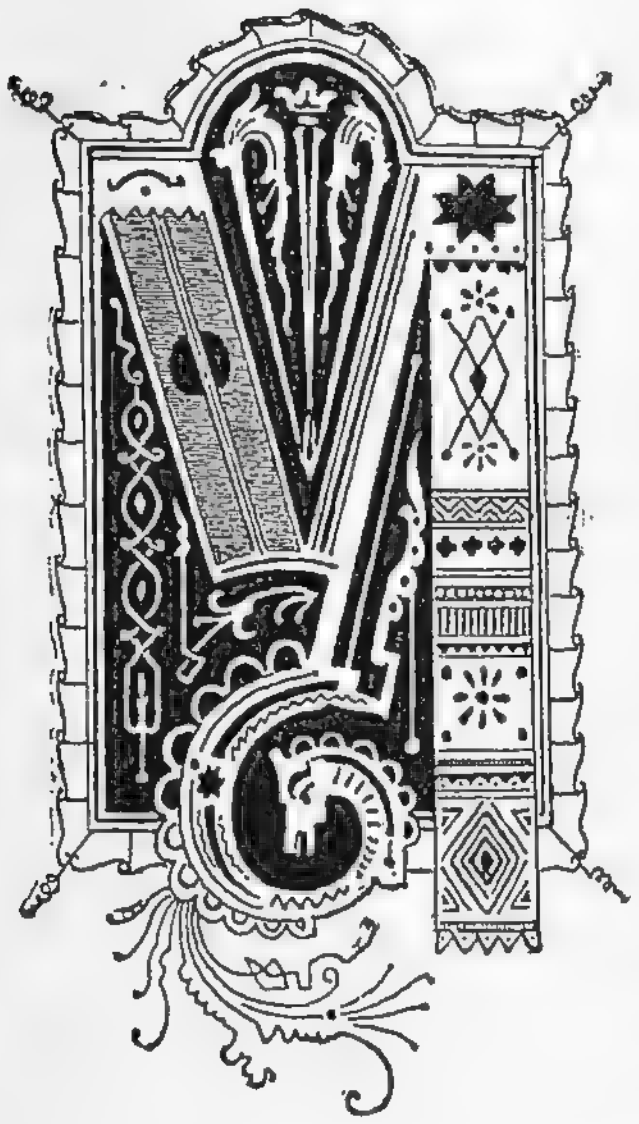
— Такое противорѣчіе, — задумчиво сказалъ Якубъ,— хорошо ли это?

— Все хорошо,—отвѣчалъ отецъ іезуитъ,—что дѣлается во славу Божію (ad magnam Dei gloriam)!

VIII.

ВОТЪ ТЕБѢ, БАБУШКА, И ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ!

(1591 — 1605 гг.)



боярина Александра Никитича Романова были красивыя хоромы. Домъ былъ большой, трехъэтажный, наверху терема, въ среднемъ этажѣ образная и жилые покои съ сѣнями, а внизу многочисленныя подклѣты, гдѣ хранилось боярское добро. Обширный дворъ былъ обставленъ строеніями, въ которыхъ помѣщалась дворня боярина—нѣсколько сотъ человѣкъ. За домомъ простирался обширный садъ. Зимой 1594 года въ саду на прудѣ были устроены ледяныя горы. Дворовые мальчики приготовили себѣ еще другую потѣху: они устроили изо льда крѣпость.

— А вѣдь хорошо вышло,—говорилъ мальчикъ лѣтъ тринадцати,—и воро а, и валъ, и рвы, все какъ слѣдуетъ. Юшка молодецъ: сказалъ, что выучитъ насъ, какъ настоящую крѣпость построить—и выучилъ.

— Теперь, Гаврюшка,—отвѣчалъ Юшка, годами двумя помоложе Гаврилы,—надо намъ эту самую крѣпость брать.

— А брать, такъ и возьмемъ.

— Крѣпость эта будетъ сильный городъ Казань. Брать ее станетъ царь Иванъ Васильевичъ, а оборонять поганый татарскій царь. Кто будетъ царемъ Иваномъ?

— Не кому, кромѣ тебя быть. Ты крѣпость строилъ, тебѣ и брать. Такъ ребята?

— Ладно!—закричали дѣти.

— Я хочу царемъ быть,—сказалъ толстый мальчикъ постарше Гаврюшки.

— Вишь какой царь выѣхалъ! А вотъ развѣ что, Яшка, образина у тебя какъ есть татарская—такъ будь ты поганымъ татарскимъ царемъ.

— Я тятькѣ скажу.

— Боимся мы твоего тятьки! — закричалъ на него Юшка.—Вишь, думаешь, что ты казначеевъ сынъ, такъ мы тебѣ покоряться станемъ. Играй, какъ слѣдуетъ, не кляузничай, а не то прогонимъ, да еще бока намнемъ.

— Вѣстимо!—закричали мальчики,—безпремѣнно намнемъ. Будь поганымъ царемъ, не то убирайся къ лѣшему!

Яшка покорился, но злобно посматривалъ на своихъ недруговъ, особенно на Юшку и Гаврюшку. Мальчики раздѣлились на двѣ партіи: одна, подъ начальствомъ Яшки, должна была защищать крѣпость, другая, подъ предводительствомъ Юшки—брать ее; оружіемъ были снѣжки. Битва вышла упорная. Та и другая сторона разгорячились. Юшка и Гаврюша дѣйствовали энергичнѣе всѣхъ и, благодаря ихъ храбрости, побѣда стала склоняться на сторону осаждающихъ. Гаврюшка, наконецъ, взлѣзъ на валъ и громко закричалъ «ура!» въ знакъ побѣды, но въ ту же минуту застоналъ и заплакалъ. Яшка засмѣялся.

Юшка былъ невзрачный мальчикъ, небольшого роста и, повидимому, не сильный. Когда Гаврюша застоналъ, съ Юшкой какъ-будто случилось какое-то превращеніе. Глаза его засверкали, зубы стиснулись, какъ кошка, онъ бросился на Якова и хотя тотъ былъ старше его, вдвое толще и, повидимому, сильнѣе, но скоро застоналъ подъ ударами Юшки.

— Посмотрите, братцы,—кричалъ Юшка, немилосердно тузя «поганаго татарскаго царя»,—чѣмъ онъ въ Гаврюшку бросилъ.

Оказалось, что было брошено камнемъ, и у Гаврюшки все лицо окровавлено, даже глазъ чуть не выбитъ. Это ужасно разсердило мальчиковъ.

— Валяй его, ребята!—кричали они,—научимъ мошенника, какъ въ глаза каменьями бросать!

— Постойте, ребята,—вдругъ сказалъ Юшка, переставая колотить своего врага,—надо его, душегубца, судить. Какъ я теперь царь, Иванъ Васи ьевичъ, то и разсужу его судомъ праведнымъ.

— Что, что? какія ты рѣчи говоришь!—раздался грозный голосъ.

Дѣти оглянулись и увидѣли толстаго, краснощекаго мужчину. Это былъ отецъ Яшки, дворовый человѣкъ и казначей боярина Александра Никитича Романова, второй Бартеневъ. Увидя его, мальчики, кромѣ Юшки, Гаврюшки и Яшки, разбѣжались.

— Какія ты рѣчи говоришь, пострѣленокъ?

— Я то говорю, что твой сынъ въ убійствѣ повиненъ. И какъ я теперь царемъ...

— Бартеневъ схватилъ Юшку.

— Тятька! хорошенько его,—кричалъ Яшка,—онъ, собака, избилъ меня.

— Я ему задамъ! Да напередъ допросить надо. Отчего онъ бездѣльныя рѣчи говоритъ? Слушай ты, щенокъ, подними голову, смотри мнѣ въ глаза.

— Не подниму.

— Это отчего?

— Зарѣжешь. Вотъ царевичъ поднялъ головку,—его и зарѣзали.

— Караулъ!—закричалъ Бартеневъ,—да тутъ совсѣмъ измѣнное дѣло.

— Точно, дѣло что-то неладно,—проговорило новое лицо, подошедши къ ледяной крѣпости такъ тихо, что Бартеневъ этого и не замѣтилъ.

Это былъ дьякъ Власьевъ, осанистый мужчина, съ густою бородой. Онъ плавно ходилъ «неслышными стопами», низко кланялся, былъ весьма сладкорѣчивъ и почти никогда не глядѣлъ на того, съ кѣмъ разговаривалъ. А если, случалось, взглянетъ на человѣка, то, кажется, глаза его такъ и стараются проникнуть въ самую душу; что же было на душѣ у самого Власьева, то едва-ли кто-нибудь могъ вывѣдать. Онъ былъ въ большомъ почетѣ и занимался посольскими дѣлами. На ту пору ему случилось быть въ гостяхъ у Александра Никитича Романова, и Власьевъ уже откланялся ему, но вздумалъ, прежде чѣмъ уѣхать домой, пройтись по саду, поглядѣть, какъ его сыновья, гостившіе у Ро-

манова, съ ледяной горы катаются. У горы онъ услышалъ крикъ, происходившій у ледяной крѣпости, и заглянулъ туда посмотрѣть, что дѣлается. Онъ слышалъ послѣдній разговоръ Бартенева съ Юшкой. Бартеневъ, увидавъ дьяка, низко ему поклонился.

— Непригожія рѣчи паренекъ говоритъ,—сказалъ дьякъ.

— Богопротивныя рѣчи, твоя милость.

— О томъ дѣлѣ сыскать надо. Можетъ, парень не отъ своего разума говоритъ.

— Бѣсовскій у него разумъ, такого озорника во всей дворнѣ нѣтъ.

— Допросимъ, допросимъ.

— Покрѣпче надо, твоя милость. Упоренъ вельми. Сдѣлаетъ какую пакость, ни за что не покается. Конечно, если бы, къ примѣру, розгачами хорошенько попугать, такъ сказалъ бы. Да въ прежнихъ его воровскихъ дѣлахъ бояринъ свое милосердіе являлъ. Но, по теперешнимъ его богомерзкимъ рѣчамъ, полагать надо, не миновать ему березовыхъ.

— А ты погоди до боярина доводить. Я сперва мальца допрошу. У меня заговоритъ.

— Значитъ, съ пристрастіемъ?

Дьякъ улыбнулся.

— Не жалѣй его, собаку, твоя милость. Очень онъ продерзостенъ, и потребно его проучить.

Бартеневъ довелъ Юшку до саней дьяка, и Власьевъ увезъ мальчика къ себѣ. Юшка былъ блѣденъ какъ полотно, но крѣпился, не плакалъ. Дорогой дьякъ не разговаривалъ съ нимъ, но частенько на него посматривалъ. У себя дома дьякъ заперъ его въ маленькой повалушѣ, и только тогда Юшка заплакалъ. Онъ былъ увѣренъ, что дьякъ сейчасъ воротится и примется сѣчь его.

Дьякъ скоро воротился. Въ рукахъ у него былъ пряничный пѣтухъ.

— Ты не плачь, Юшка,—ласково заговорилъ онъ.—Я тебя не обижу, я вѣдь и отца твоего покойнаго зналъ. Посмотри, что у меня!

— Пѣтухъ,—отвѣчалъ мальчикъ, ободряясь.

— Такъ возьми ты этого самаго пѣтуха и съѣшь. Боярскій казначей хотѣлъ тебя за то обидѣть, что ты его мальчишку побилъ, а я тебя въ обиду не дамъ. За что ты парнишку побилъ?

— Камнемъ вмѣсто снѣжковъ бросилъ, Гаврюшкѣ рожу разбилъ.

— Экой мошенникъ! Что-же ты хотѣлъ съ нимъ сдѣлать?

— Праведнымъ судомъ судить хотѣлъ. Потому, какъ я царь...

— Отчего же ты царь?

— А какъ-же, я царь Иванъ Васильевичъ, Казань, славный городъ, бралъ, а онъ былъ поганымъ казанскимъ царемъ.

— Вотъ что! Правда, что никакой вины за тобой нѣтъ. Такъ я и боярину скажу. Ничего тебѣ казначей не сдѣлаетъ, не бойся. А что ты про царевича толковалъ?

— Это есть сказка такая.

— Сказка?

— Да. Жилъ у боярина убогій человѣкъ, сказки сказывалъ.

— И эту тоже?

— Да.

— А ты сказки любишь?

— Страхъ люблю.

— Вотъ и я тоже. Особливо, когда занятная. Про царевича я сказки не слыхивалъ. Того царевича зарѣзали что ли?

— Зарѣзали.

— Какъ же его зарѣзали?

— Видишь, у царевича былъ братъ царемъ, а того царя колдунъ околдовалъ. И задумалъ колдунъ царевича извести, и сослалъ царевича, значитъ, заключилъ. И мать царевича заточилъ. А приставилъ къ нимъ лихого человѣка, чтобы царевича зельемъ опоить. Вотъ и насыпалъ лихой человѣкъ зелья царевичу въ питье, а царица свѣдала, да питье за окошко; собака то питье полакала, да тотчасъ издохла. И пуще стала царица своего сына беречь. Лихой человѣкъ ему зелья въ ѣду всыпалъ, а царица ѣду кошкѣ отдала, кошка и подохла. И говоритъ лихой человѣкъ колдуну: «Никакъ не можно, говоритъ, царевича зельемъ извести, а надо его зарѣзать. Есть у меня сынишка. Тотъ это дѣло спроворить можетъ. А еще намъ мамка царевича да ея сынъ помогутъ». На томъ колдунъ съ лихимъ человѣкомъ и порѣшили. А царица сына пуще глазу берегла и

никуда безъ себя не пускала. Только съ ней недугъ приключился. А мамка и говоритъ: «Денекъ-то сегодня хорошій выдался, и солнышко грѣетъ, и птички поютъ, не слѣдъ бы царевичу въ такой день въ хоромахъ сидѣть.»—«Не могу, говоритъ царица, я съ нимъ идти, а одного пустить не хочется».—«Зачѣмъ одного,—это кормилица-то говоритъ,—я съ нимъ пойду, да и недалечко, вотъ только по двору и погуляемъ».—«Ну, по двору, пожалуй, можно», сказала царица. А дворъ-то былъ большой-пребольшой. Только-что царевичъ спустился съ крылечка, и подходятъ къ нему мамкинъ сынъ, да сынъ лихого человѣка, да еще третій убивецъ. А царевичъ-то ихъ и не боялся, потому и прежде видалъ. Мамкинъ сынъ и говоритъ: «Царевичъ, это у тебя новое ожерелье?» А царевичъ ему на то: «Нѣтъ, говоритъ, старое». Да, чтобы, значитъ, показать ожерелье, головку-то и поднялъ, а тотъ ему сейчасъ ножемъ въ горло и ткнулъ. Вотъ это самое я давича и вспомнилъ. А казначей вѣдь злой-презлой, какъ губы у него затрясутся, задрожитъ весь, радъ убить. Ну, я и не хотѣлъ голову поднимать.

— Это ты хорошо сдѣлалъ. А что-же царевичъ?

— Царевича зарѣзали. А на колокольню-то, подлѣ двора, шелъ въ то время человѣкъ звонить, увидѣлъ, что царевича рѣжутъ, и ударилъ въ набатъ. Народъ сбѣжался, убивцевъ разорвалъ, и къ царю обо всемъ грамату отписали. А колдунъ ту грамату перенялъ да и написалъ вмѣсто того, что царевичъ самъ себя убилъ. Царь-то и повѣрилъ. А на могилкѣ-то у царевича цвѣты выросли, а на цвѣтахъ кровь неповинная. И сидятъ на цвѣтахъ птицы и поютъ пѣсни про то, какъ царевича убили. Колдунъ злится, потому что не даютъ ему спать эти пѣсни. Велитъ онъ птицъ поймать, а поймать ихъ никакъ невозможно. Полетятъ онѣ далеко, далеко и все поютъ какъ царевичъ убитъ, а потомъ на могилку воротятся и опять поютъ, а колдунъ никакъ заснуть не можетъ.

— Точно, мудрено заснуть. Гдѣ-же теперь убогій человѣкъ, что эту сказку разсказывалъ?

— Ушелъ, къ Троицѣ-Сергію ушелъ. А потомъ, сказывалъ, въ Соловки пойдетъ, да въ Кіевъ пойдетъ.

— И часто онъ романовской дворнѣ эту сказку разсказывалъ?

— Дворнѣ не сказывалъ, потому—дворовые надъ нимъ

смѣялись. Мнѣ одному сказывалъ, потому что меня любилъ. А мнѣ много разъ сказывалъ, потому что мнѣ занятно, что птицы-то поютъ, и никакъ ихъ колдунъ унять не можетъ.

— Ну, а ты эту сказку разсказывалъ?

— Только Гаврюшкѣ да тебѣ.

— Такъ вотъ что—не сказывай ты ее никому, да и Гаврюшкѣ накажи, чтобы никому не говорилъ.

— Отчего?

— Уменъ ты, паренекъ, не по годамъ. Тебѣ сказать можно. Слыхалъ ты о царевичѣ Дмитріѣ?

— Какой такой царевичъ?

— Ну, не знаешь, такъ и ладно. Видишь-ли: у нашего царя былъ братъ, который въ Угличѣ померъ. Такъ, чтобы царя не печалить, о мертвыхъ царевичахъ говорить не велѣно. А кто говорить станетъ, тѣхъ сѣчь указали. Смекаешь?

— Смекаю.

— А вины за тобой я никакой не вижу и передъ бояриномъ тебя оправлю. Теперь ступай въ застольную да пообѣдай. Потомъ переночуй у меня, а завтра я тебя къ боярину отвезу.

Юшка ушелъ, а дьякъ долго что-то про себя разсуждалъ да ухмылялся. Только и можно было разслышать:

— Ну, Борисъ Ѳедоровичъ! поздоровится ли тебѣ? Вѣдь это ужь прямо «изъ устъ младенецъ и ссущихъ». Да какъ важно выдумали; вишь птицы поютъ, и никто ихъ унять не можетъ!

Пришелъ къ Власьеву гость, одѣтъ по-польски, человѣкъ статный и рослый. Дьякъ засуетился, его принимая, двери приперъ, да посмотрѣлъ, нѣтъ ли кого въ ближней горницѣ.

— Здорово, панъ Станиславъ, какъ поживаешь?

— Скверно, бояринъ, скверно.

Гость зналъ, что Власьевъ не бояринъ, да такъ, изъ вѣжливости, его называлъ.

— А развѣ что нехорошее случилось?

— Чего хуже! Самъ ты знаешь, съ какимъ предложеніемъ кесарь Рудольфъ меня прислалъ. Чего, кажется, для васъ выгоднѣе? Велѣно мнѣ собрать тысячъ десять запорожцевъ, чтобы съ ними залечь всѣ дороги крымскимъ людямъ, чтобъ имъ нельзя было идти къ султану на помощь, да и

пойти въ турецкую землю и опустошать ее. А запорожцы, безъ вѣдома царя, идти не хотятъ, такъ кесарь просилъ, чтобы царь прибавилъ къ запорожцамъ своихъ людей и послалъ бы ихъ подъ своимъ знаменемъ, да и казной помогъ. Какъ же этого было не сдѣлать, когда крымцы ваши лютые вороги?

— Такъ что-же?

— Э! будто не знаешь, что мнѣ велѣно сказать! Вѣдь у тебя посольскія дѣла!

— Мнѣ гдѣ все знать? Я человѣкъ маленькій, подначальный. Тутъ всѣмъ ворочаютъ дьяки Щелкановы, а главное самъ Борисъ Ѳедоровичъ.

— Годуновъ-то, я полагаю, мнѣ и насолилъ—видно, ему кесарь мало поминковъ прислалъ, али чести оказалъ мало. Сказано мнѣ, зачѣмъ грамота, которую мнѣ далъ кесарь Рудольфъ, написана вмѣстѣ на имя московскаго царя, воеводы волошскаго Аарона и князя Збаражскаго и всѣхъ честнѣйшихъ и удалыхъ рыцарей въ войскѣ запорожскомъ. Видишь, будто потому мнѣ у царя быть не пригоже, что князь Збаражскій холопъ литовскаго государя, и къ московскому государю писать въ одной граматѣ съ холопомъ не годится. И за то-де я достоинъ большой опалы, но для Рудольфа кесаря опалы царь на меня не наложилъ и къ кесарю меня отпускаетъ.

— Ну, отпускаетъ, такъ дѣлать нечего, ѣхать надо.

— И поѣду. А есть еще у меня дѣло къ тебѣ отъ тѣхъ... отъ отцовъ.

— Какихъ такихъ отцовъ! знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

Дьякъ опять выскочилъ въ другую комнату, осмотрѣлъ ее, воротился и заперъ дверь на крюкъ.

— Ну, такъ, видно, ошибка,—сказалъ улыбаясь полякъ,—а они велѣли-было тебѣ отдать вотъ эту вещицу.

И онъ подалъ дьяку дорогую золотую цѣпь.

— Мнѣ? Власьеву?

— Видно, другому какому Власьеву.

— Другого Власьева нѣтъ. Можетъ и въ самомъ дѣлѣ мнѣ. А грамтоки нѣтъ?

— Они говорятъ, что умные люди грамотъ понапрасну не пишутъ, потому что грамоту можетъ и не тотъ прочитать, кому она написана. А сказано мнѣ спросить у тебя

по тремъ дѣламъ, да чтобы и ты тоже на словахъ отвѣчалъ. Первое дѣло, что Годуновъ и что бояре?

— Говори шопотомъ, какъ я. Если писать нельзя, то кричать и подавно. Слушай. Разскажу съ самаго начала за всѣ десять годовъ, съ того самаго времени, какъ царь Иванъ Васильевичъ умеръ. *Они*-то изъ этого многое знаютъ, да ты лучше запомнишь, если все съ начала знать будешь. Только-что царь померъ, бояре поссорились: Богданъ Бѣльскій каверзы строилъ противъ царя Ѳедора Ивановича, хотѣлъ престолъ его брату, младенцу Димитрію, предоставить. Народъ взволновался. Богдана Бѣльскаго въ Нижній-Новгородъ сослали, разослали также Ляпуновыхъ и Кикиныхъ. Воцарился Ѳедоръ Ивановичъ. Сперва первымъ въ думѣ боярской былъ Юрьевъ, иначе Романовъ; родъ его самый старыій боярскій, а супругу царя Ивана Васильевича, Анастасію Романовну, вся русская земля помнитъ и любитъ, по ней и Романовымъ почетъ и любовь. Но захворалъ Юрьевъ, и всѣми дѣлами Годуновъ ворочать сталъ. Царь свою супругу, Ирину Ѳедоровну, крѣпко любить, а Годунову она родная сестра, такъ какъ ему и Бориса Ѳедоровича не любить. Да и уменъ Годуновъ! Узналъ, что много бояръ противъ него, такъ онъ къ самому старшему изъ нихъ, Ивану Ѳедоровичу Мстиславскому, подъѣхалъ: отцомъ сталъ его называть. Мстиславскій тоже-было сталъ его сыномъ называть, да Шуйскіе, Воротынскіе и другіе бояре и служилые люди уговорили Мстиславскаго опять перейти на ихъ сторону. И положили они убить Годунова на пиру, въ домѣ Мстиславскаго. Борисъ Ѳедоровичъ объ этомъ свѣдалъ и успѣлъ къ себѣ дьяковъ Щелкановыхъ переманить—ихъ тоже отцами назвалъ. А дьяки, братецъ ты мой,—сила, потому—имъ книжное писаніе Господь открылъ и разума у нихъ не въ примѣръ больше, чѣмъ у бояръ. Вотъ и одолѣлъ Борисъ Ѳедоровичъ: Мстиславскихъ въ Кирилловѣ монастырѣ постригли, Воротынскихъ и другихъ разослали. А Шуйскихъ Борисъ Ѳедоровичъ побоялся тронуть, потому что Ивана Петровича Шуйскаго весь народъ любилъ, особливо московскіе горожане—всѣмъ еще было памятно, какъ Иванъ Петровичъ Псковъ отъ вашего короля Батура оборонялъ. Но митрополитъ Діонисій уговорилъ Шуйскихъ съ Годуновымъ помириться. Какъ услыхали объ этомъ московскіе горожане, такъ стали Шуйскими недовольны и сказали имъ: «Помирились

вы нашими головами, и всѣмъ отъ Бориса пропасть, да и намъ погибнуть». И точно, эти самые купцы, что тѣ слова говорили, были схвачены и усланы невѣдомо куда. Свѣдали объ этомъ Шуйскіе и опять распалились на Годунова. Разсердился на него и митрополитъ Діонисій,—былъ уменъ и сладкорѣчивъ, его всѣ не иначе какъ мудрымъ граматикомъ называли. Вотъ и умыслили они уговорить царя развестись съ Ириною Ѳедоровною за ея неплодіе—тогда бы и Борису Ѳедоровичу конецъ. Тутъ, однако, онъ митрополита опять умаслилъ. Да чѣмъ? Вѣдь выдумаетъ же человѣкъ! Право, хоть бы и дьяку какому! Вишь лучше, что у царя дѣтей нѣтъ, а одинъ наслѣдникъ, братъ Дмитрій Углицкій, а будь у царя сыновья, то можетъ у нихъ съ Дмитріемъ усобица выйти. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ гладко. А можетъ быть, митрополитъ, какъ человѣкъ разумный, тоже смекнулъ, что царь очень супругу любитъ и ни за что съ ней не разведется. Какъ-бы-то ни было, а митрополитъ не согласился съ Шуйскими уговаривать царя на разводъ. Тогда Годуновъ съ Шуйскими раздѣлался: Ивана Петровича и его сына отправили въ ссылку, а тамъ они, «волею Божіею, помре».

— Слыхалъ, что ихъ удавили.

— Не отъ меня слышалъ. Я о такихъ дѣлахъ говорить не охочъ. Прочіе Шуйскіе уцѣлѣли, потому что главный изъ нихъ, Василій Ивановичъ, куда хитеръ: на обухѣ рожь молотитъ, зерна не уронитъ. Пріятелямъ Шуйскихъ тоже крѣпко досталось. Діонисій вздумалъ передъ государемъ за нихъ печаловаться, за то и самъ лишенъ сана и въ монастырь сведенъ. А вмѣсто него поставленъ Іовъ, Годунову первый другъ и пріятель. А теперь особливо онъ за Бориса Ѳедоровича животъ свой готовъ положить.

— Почему?

— Потому что онъ его патріархомъ всероссійскимъ сдѣлалъ, да такъ ловко, что поучиться надо. О томъ, что въ Москвѣ надо быть особому патріарху—давно ужь думали. Вѣдь цареградскій-то патріархъ теперь въ рабствѣ у турецкаго султана, такъ и не пригоже казалось, что русская церковь тому патріарху подчинена. Да и сами восточные патріархи на то согласились, чтобы въ русскомъ царствѣ особый патріархъ былъ. Вотъ и пріѣхалъ, семь годовъ тому назадъ, въ Москву цареградскій патріархъ Іеремія за сборомъ. И говорилъ онъ съ Годуновымъ тайныя рѣчи. Году-

новъ-то ему и предложилъ быть всероссійскимъ патріархомъ, только предложилъ неспроста. Іереміи-де быть патріархомъ, да жить во Владимірѣ, а въ Москвѣ жить, попрежнему, митрополиту Іову—если бы такъ-то сдѣлалось, что-же бы патріархъ могъ значить? Іеремія и говоритъ: «Согласенъ, только быть мнѣ во Владимірѣ не можно, потому что патріархи всегда бываютъ при государѣ, а что за патріаршество жить не при государѣ?» Государь объ этомъ тотчасъ боярской думѣ объявилъ, да такія слова прибавилъ: «какъ намъ сопрестольника великихъ чудотворцевъ и достохвальнаго житія мужа, святого и преподобнаго отца нашего и богомольца Іова митрополита отъ Пречистой Богородицы и отъ великихъ чудотворцевъ изгнать и сдѣлать греческаго закона патріарха, а онъ здѣшняго обычая и русскаго языка не знаетъ и ни о какихъ дѣлахъ духовныхъ намъ съ нимъ говорить безъ толмача нельзя». Тутъ ужь ясно было дѣло, что никому, кромѣ Іова, патріархомъ не быть. Такъ и сдѣлалось: ужь теперь пять лѣтъ прошло, какъ Іовъ патріархомъ, а Годуновъ будто и въ сторонѣ: будто все само собой сдѣлалось. Теперь же, какъ патріархъ за него горой стоитъ, да и бояръ, которые побойчѣе, онъ убралъ, можешь смекнуть, какова его сила.

— А самъ царь въ колокола звонитъ?

— Надъ этимъ ты, панъ Станиславъ, смѣяться не моги. Ты не нашей вѣры, такъ и смѣешься. А смѣшного тутъ ничего нѣтъ. Великій государь точно, иногда, въ колокола звонитъ, такъ это потому, что весьма онъ къ церкви Божіей прилежитъ. Проснется до свѣта, одѣнется и умоется, тотчасъ къ нему приходитъ отецъ духовный со крестомъ. Приложится государь къ честному кресту, помолится передъ иконой святого, котораго въ тотъ день празднуютъ, потомъ духовникъ его святою водою окропитъ, поздоровается государь съ государыней и пойдетъ съ нею къ заутрени, послѣ заутрени бояръ приметъ, а такъ къ обѣднѣ пойдетъ. Такъ развѣ это худо, что онъ молится? Можетъ быть, за его молитвы еще наша земля только и держится? А молитва государеву дѣлу не мѣшаетъ. Царь Иванъ Васильевичъ тоже много молился, еще въ иноческомъ платьѣ ходилъ, да и опричниковъ всѣхъ иноками одѣлъ, а государствомъ правилъ.

— Ему тоже Симеонъ Бекбулатовичъ помогалъ.

— Ты все смѣешься, панъ. Конечно, Иванъ Василье-

вичъ для смѣху этого крещенаго касимовскаго царька велѣлъ называть царемъ, даже для вида ему царскія почести отдавалъ, да развѣ что онъ смѣлъ безъ воли Ивана Васильевича сдѣлать? Симеонъ Бекбулатовичъ хоть царемъ именовался, да можетъ дрожалъ всякій разъ, какъ предъ грозныя очи царя Ивана Васильевича становился.

— Ну, Годуновъ предъ Ѳедоромъ не дрожитъ.

— Чего дрожать! Съ какимъ дѣломъ кто къ царю ни придетъ, онъ всѣхъ къ Борису Ѳедоровичу посылаетъ. Да вотъ послы иноземные, развѣ они не два посольства правятъ: одно къ царю, другое къ Борису Ѳедоровичу. Сколько пословъ пріѣзжало: и отъ кесаря, и отъ аглицкой королевы, и отъ персидскаго шаха, отъ польскаго и шведскаго королей. Кто изъ нихъ Бориса Ѳедоровича обошелъ? Кесарь его называлъ дражайшимъ, особенно любительнымъ своимъ, пріятеля своего царя начальнымъ, тайной думы думцемъ и властелемъ. А шахъ писалъ, что онъ на Бориса Ѳедоровича всю надежду полагаетъ, что Борисъ Ѳедоровичъ много разуменъ и справедливъ, что имя его и слава во всей восточной и полуденной странѣ сіяетъ. И аглицкая королева тоже себя называла любительной сестрой Бориса Ѳедоровича. А крымскій ханъ такъ написалъ хорошо, что я наизусть выучилъ: «брата нашего большому визирю и доброму карачею и въ боярахъ начальнѣйшему и въ крестьянскомъ законѣ въ своей странѣ, между своихъ сверстниковъ, честнѣйшему другу нашему Борису множествомъ многъ поклонъ». А сколько у Бориса Ѳедоровича вотчинъ и всякаго добра! Говорятъ, онъ со сродниками своими можетъ изъ своихъ вотчинъ сто тысячъ войска выставить. Вотъ онъ какой человѣкъ!

— Ну, теперь другой вопросъ — что о царевичѣ Димитріѣ Углицкомъ слышно?

— Это я могу тебѣ по сыскному дѣлу разсказать. Для сыску ѣздили въ Угличъ крутицкій митрополитъ Геласій, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, окольничій Клешнинъ.

— Все годуновскіе пріятели.

— Кромѣ самаго главнаго—Шуйскаго.

— Это, который на обухѣ рожь молотитъ.

— А по ихъ сыску патріархъ объявилъ на соборѣ, что царевичу Димитрію смерть учинилась Божьимъ судомъ, а дядя царевича, Михайло Нагой, государевыхъ приказныхъ людей: дьяка Михайлу Битяговскаго съ сыномъ, Никиту Ка-

чалова и другихъ людей, которые стояли за правду, велѣлъ побить напрасно. За то Нагіе и наказаны, наказаны и угличане, которые тѣхъ людей за правду убили. Изъ сыскного дѣла видно, что царевичъ игралъ, да въ падучей болѣзни ножомъ укололся,—ну, значитъ—Божьимъ судомъ.

— А всѣ знаютъ, что дьякъ Битяговскій нарочно для этого дѣла былъ Годуновымъ въ Угличъ посланъ, хотѣлъ тамъ царевича отравить, да не удалось: мать за царевичемъ хорошо смотрѣла, а потомъ мамка, Волохова, царевича предала, сынъ ея, да сынъ Битяговскаго, да племянникъ его Качаловъ царевича и зарѣзали — за то ихъ угличане и побили. Объ этомъ всѣ говорятъ.

— Кто говоритъ? не слыхалъ. Да кому и говорить? Про то дѣло только угличане знаютъ, а угличане кои въ Сибирь въ городъ Пелымъ сосланы, коимъ языки отрѣзаны. Никто не говоритъ. Птицы поютъ, точно.

— Какія птицы?

— Это я про сказку про одну.

— И мать царевича постригли. Видно за тѣхъ же добрыхъ людей?

— Если знаешь, такъ зачѣмъ спрашиваешь?

— Теперь послѣднее дѣло. Нашелъ ли ты человѣка?

Власьевъ даже задрожалъ.

— Что съ тобой, бояринъ?

— Ничего. Холодно что-то. Не совсѣмъ я понимаю, о чемъ ты меня спрашиваешь.

— А я и совсѣмъ не понимаю. Да мнѣ и нужды мало. Отцы въ моихъ дѣлахъ мнѣ помогаютъ, такъ я взялся тебя по ихъ просьбѣ спросить. Первыя-то два дѣла понятны, а послѣднее—кто его знаетъ, какое оно. А отцы больше всѣхъ имъ дорожатъ и велѣли тебѣ сказать, что для этого дѣла они ничего не пожалѣютъ.

— Значитъ, человѣка надобно? Скажи ты отцамъ, что мудрено это, такого человѣка сыскать... не нашелъ я... нѣтъ, постой, постой...

Власьевъ подумалъ нѣсколько минутъ.

— Скажи ты, панъ, одно слово отцамъ.

— Какое?

— Наклевывается.

— Что это значитъ?

— Развѣ панъ не видалъ, какъ рыбу удятъ? Клюетъ

она червячковъ. Вотъ, когда удочку забросятъ и надѣются на что-нибудь, то и говорятъ: наклевывается.

— Не поймешь тебя, бояринъ: то у тебя рыбы, то птицы.

— Гдѣ намъ съ тобой, панъ, все понимать. Да ты не безпокойся—отцы поймутъ.

Распрощался дьякъ съ своимъ гостемъ, паномъ Станиславомъ Хлопицкимъ, пообѣдалъ, отдохнулъ — позвалъ къ себѣ Юшку и повезъ его къ Романову.

— А что, паренекъ,—спросилъ онъ дорогой,—учишься ты грамотѣ?

— Нѣтъ.

— Надо безпремѣнно учиться. Ты паренекъ умный, а грамота свѣтъ открываетъ. Я скажу боярину, чтобы велѣлъ тебя учить: изъ тебя толкъ будетъ.

Дѣйствительно, дьякъ совершенно оправдалъ Юшку отъ навѣтовъ Бартенева и даже, благодаря покровительству Власьева, Юшка началъ учиться грамотѣ.

Бартеневъ ничего не могъ сдѣлать главному врагу своего сына и потому началъ срывать сердце на Гаврюшкѣ,— безпрестанно придирался къ нему. Мѣсяца два терпѣлъ Гаврюша, наконецъ, пришелъ къ своему пріятелю, Юшкѣ, и началъ прощаться съ нимъ.

— Куда ты ѣдешь?

— Къ бабушкѣ. Попутчики есть.

— А гдѣ твоя бабушка?

— Въ вотчинѣ боярина Салтыкова живетъ. Тамъ ея мужъ и сыновья работаютъ. А дочь-то ея моя мать была. Теперь, какъ тятька съ матерью померли, такъ мнѣ некуда, кромѣ бабушки, дѣться. Бояринъ призрѣлъ-было меня, да отъ Бартенева житья нѣтъ.

Недѣли черезъ двѣ Гаврюшка былъ уже у своей бабушки, Ненилы Веревкиной. Ненила, женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ, рослая, полная и веселая, встрѣтила его очень ласково и расцѣловала.

— Ну, вотъ, голубчикъ, и хорошо, что ты пришелъ. У родной-то бабушки, чай, житье получше, чѣмъ у чужихъ людей. Мы хоть и крестьяне, а живемъ, слава Богу. Изба просторная, а большака женила, такъ другую поставила, клѣть на подклѣти есть, мыльня, да два сѣнничка, да сарайчикъ. Семья хоть и большая, да всѣмъ мѣсто будетъ. А вотъ женимъ тебя, такъ еще избу поставимъ.

— Молодъ еще я, бабушка.

— Что за молодъ! Пятнадцати годовъ жениться можно, раньше попъ, точно, не вѣнчаетъ. А тебѣ, чай, скоро пятнадцать-то будетъ. У насъ вонъ и невѣста подъ бокомъ: Семенова Аксютка, тоже скоро двѣнадцати годковъ будетъ, значитъ, повѣнчать можно. Ничего, заживемъ. Ты къ нашей работѣ попривыкнешь, а съ работой сытъ будешь.

Точно, Гаврюшка скоро удостовѣрился, что бабушка его съ семьей живутъ въ довольствѣ, ѣдятъ досыта, ни одинъ праздникъ безъ пироговъ не обходится, а иной разъ такой растегай на столъ подадутъ, что ѣшь, да облизывайся. Въ воскресенье бабушка разрядится,—надѣнетъ кику, да серьги на серебрѣ съ жемчугами, да сарафанъ крашенинный съ передцомъ—что твоя купчиха.

— Одно у насъ нехорошо, — говорила она, — бояринъ нашъ.

— Какой бояринъ?

— Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ. Мы на его землѣ живемъ. Такой онъ, прости Господи, блажной. Иной разъ человѣкъ точно виноватъ, и онъ слова не скажетъ, а другой разъ ни за что, ни про что, какъ звѣрь накинется, мало, что обругаетъ человѣка, а еще прибить норовитъ. Давно бы мы ушли, да жалко, обжились здѣсь.

— Куда же вы уйти хотѣли?

— Да и теперь хотимъ, тутъ, перейти поблизости. Изба-то и все строеніе наши, такъ вдаль нельзя, а на ближнее мѣсто можно перевезти и тамъ поставить. Вотъ такъ съ мужемъ и положили: доживемъ у Салтыкова до Юрьева дня, а тамъ и прощай.

Самъ Салтыковъ жилъ не въ той вотчинѣ, а въ другой, верстахъ въ тридцати, въ эту же осень былъ въ Москвѣ. Мѣсяца за два до Юрьева дня, въ праздничный день, Ненила сидѣла передъ своей избой на завалинкѣ. Видитъ, скачетъ нѣсколько вершниковъ.

— Эй, тетка! — закричалъ одинъ изъ нихъ, — твоя-то изба всѣхъ попригоже, такъ приготовь ее для дорогого гостя. Бояринъ изъ Москвы ѣдетъ, такъ хочетъ въ этой вотчинѣ пообѣдать: домой вѣдь раньше ночи не будетъ. Такъ чтобы все было чисто.

— Хорошо, кормилецъ. Не въ первый разъ. Жаль вотъ, мужа нѣтъ.

— А гдѣ онъ?

— Да поѣхалъ въ торговое село на базаръ.

Пріѣхалъ бояринъ, сутуловатый, коренастый мужчина. Грозенъ онъ былъ видомъ, особенно страшно смотрѣли глаза изъ-подъ нависшихъ бровей. Плотно покушалъ онъ, а почивать послѣ обѣда вздумалось ему на сѣнникѣ.

Почиваетъ бояринъ, знатно похрапываетъ, а люди его втихомолку промежъ себя разговариваютъ. Вдругъ бояринъ проснулся и хриплымъ голосомъ сказалъ:

— Пить!

На бѣду люди Михайлы Глѣбовича того приказа не разслышали. Плохо бы имъ пришлось отъ крутого боярина, да, спасибо, Гаврюшка выручилъ. Онъ, какъ быть, вертѣлся около сѣнничка, мигомъ слеталъ въ погребъ и подалъ боярину цѣлую ендову бабушкина квасу. Ненила приготовлять квасъ была мастерица, и бояринъ, попивши, крякнулъ и сказалъ:

— Молодецъ! Твой, что-ли, парень-то?—обратился онъ къ Ненилѣ, стоявшей неподалеку.

— Мой, государь бояринъ.

— Ловокъ. А ты хозяйка, что-ли?

— Да, государь бояринъ.

— Мужъ живъ?

— Какъ же. Въ отъѣздѣ онъ теперь. Жалѣть будетъ, что твою боярскую милость не видѣлъ. Онъ еще тебѣ челомъ бить хотѣлъ.

— О чемъ?

— Поблагодарить твою боярскую милость за хлѣбъ за соль да сказать, что мы къ Юрьеву дню отходить собираемся.

Бояринъ захохоталъ.

— Отходить? далеко ли?

— Недалечко, государь бояринъ.

— Точно, далеко не уйдете. Эка у васъ глушь! Неужто у васъ не слыхали про царевъ указъ, что на всѣхъ торгахъ выкликали?

— Какой такой указъ?

— А такой, что крестьянамъ больше переходить съ мѣста на мѣсто не дозволено. Гдѣ живете, тутъ и оставайтесь. Вы, значитъ, къ землѣ прикрѣплены.

— Что это, государь бояринъ, я вдомекъ не возьму.

— Эка баба глупая! Понимаешь ты, что теперь вотъ ты со всѣмъ своимъ родомъ-племенемъ должна оставаться у меня, Михайла Салтыкова, на вѣки вѣчные.

— Да какъ же, бояринъ, вѣдь мы не холопы, не кабальные, а люди вольные. Какъ же намъ могутъ запретить въ другую вотчину перейти?

— Небось, у тебя, простоволосой, спросятъ. Привыкли вы шататься-то, а теперь этому конецъ. По крайней мѣрѣ, у меня никто не уйдетъ. А не то такъ вздую, что поневолѣ недѣли двѣ на мѣстѣ сиднемъ сидѣть будетъ.

Въ это время подошелъ и ударилъ челомъ боярину Ненилинъ мужъ, только-что возвратившійся изъ торговаго села. На немъ лица не было.

— Степанычъ! да неужто это правда? — спросила Ненила.

— Правда, — печально отвѣчалъ онъ, — я слышалъ на торгу царевъ указъ.

— Смотри, у меня не дурить!—грозно крикнулъ бояринъ,—да и женѣ закажи.

— Закажу, государь бояринъ. Смѣемъ ли мы противъ царева указа?

— Парня соберите, онъ со мной поѣдетъ.

— Зачѣмъ?

— Ты опять, баба, затараторила. Зачѣмъ? То мое дѣло, хочу, въ дворню возьму, хочу, татарамъ продамъ.

— Развѣ и это въ царевомъ указѣ прописано?—спросила Ненила мужа.

— Объ этомъ въ указѣ нѣтъ,—робко отвѣчалъ тотъ.

— Нѣтъ!—прикрикнулъ бояринъ,—смѣете супротивничать?

— Что-же, государь бояринъ, — сказала Ненила,—мы въ своихъ дѣлахъ вольны.

— Вольны! я вамъ дамъ волю. Эй, закатить ей полсотни горячихъ. А парня взять.

— Помилуй, государь бояринъ, — вскричали, бросившись на колѣна, мужъ и дѣти Ненилы и Гаврюшка. Она сама стояла, какъ вкопанная.

— Молчать! Не то вамъ тоже будетъ. Я покажу, каково Салтыкову грубить.

Началось истязаніе.

Вдругъ выскочилъ человѣкъ въ колпакѣ, въ рубахѣ и

штанахъ, сшитыхъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ. Это былъ шутъ Салтыкова.

— Эко завизжала!—приговаривалъ онъ,—небось, Глѣбычъ уймета—онъ на это мастеръ. Видишь, стихать стала. Теперь не сбѣжишь. Глѣбычъ правду молвилъ, что у него двѣ недѣли сиднемъ сидѣть будешь. Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!

Гаврюшку насильно посадили въ телѣгу и повезли. Проѣхали версть двадцать. Стало темнѣть. Гаврюшка долго плакалъ, но ничего не говорилъ. Онъ понялъ, что отъ разговоровъ только хуже будетъ. Въ телѣгѣ съ нимъ сидѣло трое людей. Но двоихъ зачѣмъ-то кликнули, третій задремалъ. Гаврюшка осмотрѣлся. Ихъ телѣга ѣхала послѣдняя.

— Господи благослови! Была не была!

И онъ тихонько спустился изъ телѣги на землю. Никто этого не замѣтилъ. Чрезъ минуту Гаврюшка одинъ остался на дорогѣ и бросился въ лѣсъ.

Куда бѣжать? къ бабушкѣ нельзя: тамъ прежде всего искать станутъ. И мальчикъ пустился, куда глаза глядятъ, съ единственною цѣлью — только уйти какъ можно дальше отъ Салтыкова и его дворни.

Лѣсъ становился гуще и гуще, выше и выше. Разыгрывалась непогода. Гаврюшка не боялся ея, потому что давно привыкъ къ лѣсу, случалось ему и ночевать тамъ. Вотъ огромный дубъ, изъ-подъ него несется какой-то храпъ. Не звѣрь ли? Нѣтъ, человѣкъ спитъ подъ дубомъ. Спитъ, разметавшись, роста огромнаго, волоса и борода длинные, изъ-подъ рваной рубашки видна грудь, тоже вся въ волосахъ.

— Батюшки! не лѣшій ли?—подумалъ Гаврюшка.

И припоминалась ему сказка, какъ одинъ парень бѣжалъ въ лѣсъ отъ злыхъ людей, и прилучилась гроза. А въ лѣсу парень увидалъ огромнаго мужичину, всего въ волосахъ. Спитъ мужичина, похрапываетъ, громъ гремитъ, а онъ не слышитъ. Разбудилъ парень мужика, и только-что мужикъ всталъ и тотчасъ же дерево зажглось отъ молніи. «Ну, худо бы мнѣ пришлось,—сказалъ мужикъ, какъ бы не ты, паренекъ». А былъ этотъ мужичина лѣшій, полюбилъ онъ паренька, отъ всякихъ бѣдъ спасалъ, только, по своему поганому разуму, все же надуть хотѣлъ: далъ выбирать одну изъ двѣнадцати невѣстъ. Одиннадцать то были

дочери того лѣшаго, а двѣнадцатая поповна, которую лѣшій къ себѣ увелъ, потому что мать, не въ добрый часъ, ее въ сердцахъ къ чорту послала. Изъ лица всѣ невѣсты казались одинаковы, да спасибо, поповна парня надоумила: велѣла невѣстъ за руки брать, у коей руки холодныя, та чертовка, а у одной только поповны руки горячія. Парень ее и выбралъ, а лѣшій ему и свадьбу справилъ и приданое за невѣстой далъ.

«А вѣдь и этого того и гляди какимъ ни на есть сукомъ треснетъ,— думалъ Гаврюшка,— дай-ка я разбужу его».

И онъ закричалъ:

— Вставай, дядюшка!

Незнакомецъ не услыхалъ, тогда Гаврюшка потрясъ его за руку. Тогда тотъ вскочилъ и, въ ту же мунуту, выхватилъ ножъ изъ-за сапога.

Гаврюшка побѣжалъ бы во всю прыть, да не въ такія руки попался, изъ которыхъ бы можно было вырваться.

— Батюшка родимый! — завопилъ онъ, — помилосердуй!

— Откуда ты?

— Отъ боярина Салтыкова сбѣжалъ.

— Сбѣжалъ? Ладно. Я укрою.

Прошло семь лѣтъ слишкомъ.

Дремучій лѣсъ и много народу въ лѣсу. У всѣхъ оружіе: у кого топоръ, у кого ножъ, а у иныхъ вилы, есть люди и съ мечами, и съ самопалами. Многіе совсѣмъ въ лохмотьяхъ, а иные странно одѣты: кафтанъ, напримѣръ, хорошій, хоть бы купцу надѣть, а на ногахъ лапти, либо на головѣ шапченка совсѣмъ истрепанная. На лужайкѣ Гаврюшка съ тѣмъ мужикомъ, который укрыть его обѣщалъ. Гаврюшка уже взрослый, сильный молодецъ. Мужикъ одѣтъ въ боярскую шапку, въ дорогой кафтанъ и въ сафьянные сапоги, сидитъ на персидскомъ коврѣ.

— Позвать сюда полонянника,—говоритъ онъ.

Нѣсколько человѣкъ приводятъ коренастаго молодца, лѣтъ двадцати пяти.

— Кто ты таковъ?

— Боярскій сынъ Василій Сысоевъ. А тебя какъ кликать?

— Обо мнѣ, чай, слыхалъ: атаманъ Хлопка Косолапъ.

— Точно, слыхалъ.

— Зачѣмъ ты вчера двоихъ моихъ молодцовъ изуродовалъ?

— А зачѣмъ они пятеро на одного навалились? Не то, что двоихъ, а всѣхъ бы пятерыхъ помялъ, да другіе подоспѣли, ну и связали.

— Такъ, видно, Богъ силой не обидѣлъ.

— Ничего: предъ блаженной памяти царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ съ медвѣдями барахтался. Пятерыхъ повалилъ, за то государь мнѣ три рубля пожаловалъ.

— А зачѣмъ ты въ наши лѣса пришелъ?

— Правды ищу.

— Правды? Такъ не хочешь ли въ нашу дружину?

— Это въ твоей дружинѣ-то правда? у вора-то?

— Не лайся—велю повѣсить.

— А пожалуй вели. Вишь чѣмъ пригрозилъ, точно я смерти не видывалъ.

— Ты парень точно... ничего... Отчего же ты вздумалъ правды искать?

— Оттого, что кривды много. Вотъ померъ государь, Ѳедоръ Ивановичъ, жена его въ монастырь ушла. Кому, значитъ, присягать? Говорятъ, Борису Годунову. Шалишь, говорю, тому надо присягать, кого вся земля выберетъ. Потомъ слышу, что и самъ Борисъ отъ царскаго вѣнца отказался. Потомъ съѣхались выборные, его царемъ и выбрали. Ладно, думаю, теперь по правдѣ. А послѣ не то вышло.

— Не то?

— Да, не то, настоящихъ земскихъ людей на соборѣ мало было, больше попы, дьяки, да разные служилые люди. Попы потому голосъ за Бориса подали, что патріарху хотѣли угодить, а служилые люди Борису. Ну, и пошли всѣмъ соборомъ его на царство просить и народъ погнали, святыя иконы подняли, а онъ долго не соглашался. Да послѣ я узналъ, что это было только ломанье одно—самъ онъ все къ тому велъ, чтобы царемъ быть. Для того и патріархомъ Іова поставилъ, для того и Юрьевъ день отмѣнилъ—служилымъ людямъ это съ руки: они прежде жаловались, что крестьяне отъ нихъ все уходятъ.

— И у тебя, чай, крестьяне были?

— У меня не было. Нашъ родъ бѣдный. Сысоевымъ разжиться не съ чего. Мы по правдѣ живемъ. А какъ хо-

дилъ это народъ Бориса на царство просить, довольно я посмѣялся. За народомъ пристава стоятъ съ палками. «Просите!»—говорятъ. Народъ и проситъ, оретъ во все горло. «Плачьте!»—говорятъ пристава, ну народъ и плачетъ, у иного слезъ нѣтъ, такъ глаза слюнями намочатъ. Однако, ничего, сталъ Борисъ царствовать. Сперва будто все хорошо было. Прошелъ слухъ, что ханъ на Москву идетъ, Борисъ собралъ рать несмѣтную, такъ что ханъ испугался, мира попросилъ.

— А говорятъ, что ханъ совсѣмъ и не хотѣлъ на Моску идти, а Борисъ все это выдумалъ.

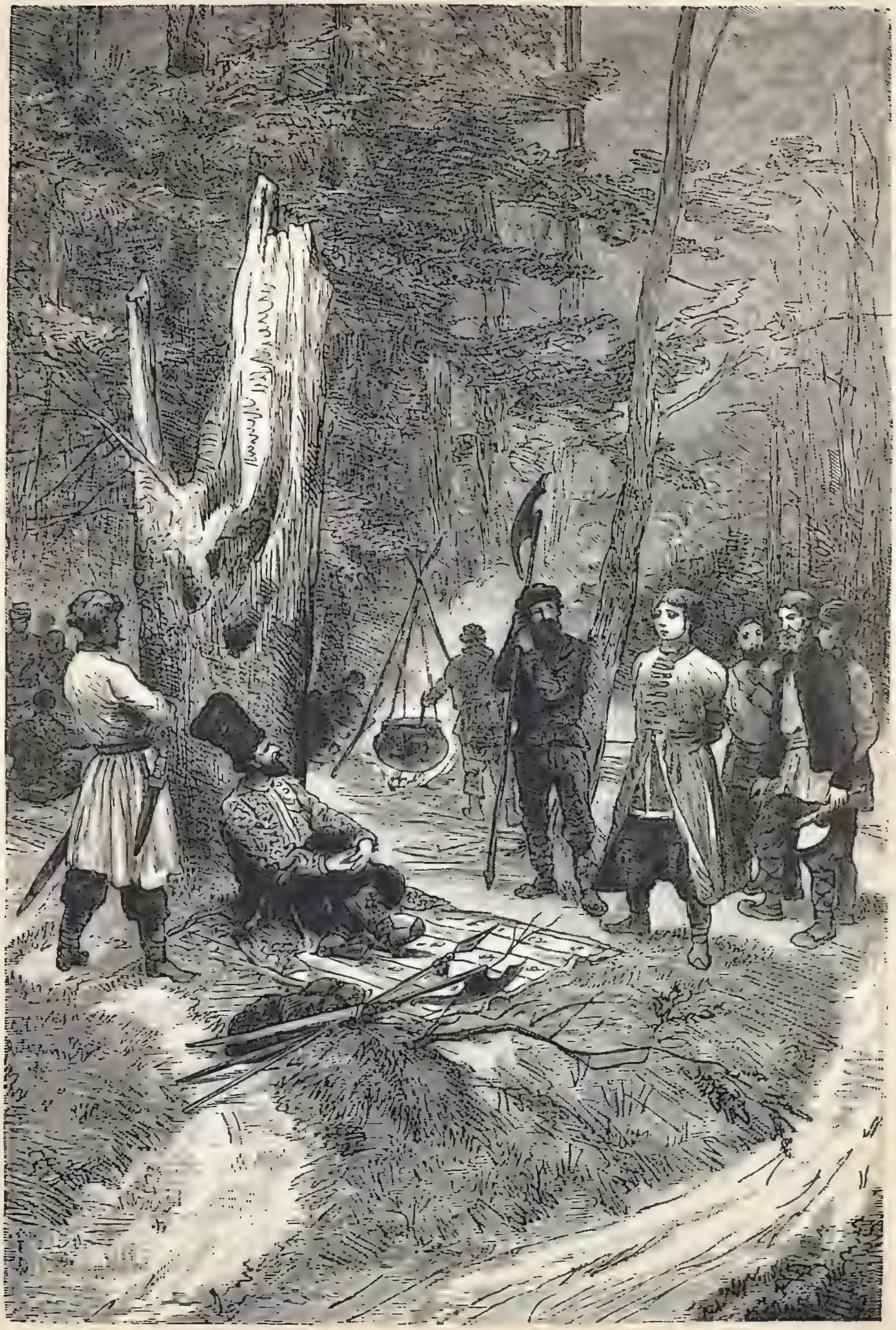
— Отъ него станется—гораздъ на выдумки. Видѣлъ я, какъ онъ, послѣ царскаго вѣнчанья, благословеніе отъ патріарха принималъ, такъ даже заплакалъ Борисъ, рубашку трясетъ и говоритъ: «раздѣлю со всѣми, не будетъ въ моемъ царствѣ бѣднаго человѣка».

— Сдержалъ слово! Сколько народу съ голоду перемерло.

— Не говори! Былъ я на Москвѣ, какъ голодъ сдѣлался. Какъ прошелъ слухъ, что Борисъ велѣлъ бѣднымъ изъ царской казны деньги раздавать, народъ и хлынулъ отовсюду въ Москву. Господи, что тогда сдѣлалось! Идешь это по улицѣ, а повсюду трупы, у коихъ во рту навозъ, у коихъ и того хуже.

— Чего! говорятъ, отцы и матери дѣтей ѣли.

— И то было. На торгу пироги съ человѣческимъ мясомъ продавали. Да со мной съ самимъ какой случай вышелъ. Зашелъ я къ знакомому посадскому, смотрю: въ избѣ никого нѣтъ, я заглянулъ въ погребъ, смотрю: тамъ мертвецъ лежитъ. А на ту пору и хозяйка идетъ. «Что это у тебя?» говорю. Она и повинилась во всемъ. Мужъ-то у нея ушелъ, она и сговорилась съ тремя другими бабами. Пошла она на базаръ, сторговала возъ дровъ. Крестьянинъ привезъ дрова и зашелъ въ избу за расплатой, а бабы бросились на него да удавили. Лошадь его съѣли, а трупъ его припрятали, чтобы потомъ съѣсть. Такъ вотъ какія дѣла. А все за Борисовы беззаконія. Какая у него правда? Сколько теперь на Москвѣ этихъ доносчиковъ развелось—награждаютъ ихъ, собакъ, за доносы, а за клевету не казнятъ. Молвилъ что-нибудь человѣкъ, иной совсѣмъ спроста, тотчасъ донесъ и потащать бѣднягу къ Сенькѣ Годунову. А



— А зачѣмъ ты въ наши лѣса пришелъ?

тотъ пытать начнетъ, всѣ жилы вытянетъ. Сколько народу такъ-то погибло! Да не то что простому народу, боярамъ житья нѣтъ. Вотъ окольничій Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій —совсѣмъ хорошій человѣкъ. Послалъ его Борисъ въ поле ставить городъ Борисовъ, онъ своими людьми поставилъ башню и городки и укрѣпилъ всякими хитростями, ратныхъ людей многое множество поилъ и кормилъ всякой день, бѣднымъ раздавалъ платье, деньги и запасъ. И всѣ его на Москвѣ похваляли. А какой-то наушникъ и шепнулъ царю, будто Бѣльскій похваляется, себя царемъ Борисовскимъ называетъ, такъ Борисъ его сослалъ, да еще прежде надругался. У Богдана Яковлевича была борода такая важная, окладистая, такъ Борисъ велѣлъ своему нѣмцу ту бороду по волоску выщипать. Такихъ нѣмцевъ шестеро у Бориса живутъ, ото всякой черной немочи его лѣчатъ. Охочъ онъ до нѣмцевъ-то—тѣлохранителей нѣмцевъ держитъ. Такіе гордые, какъ пѣтухи выступаютъ. Говорятъ, молодыхъ бояръ въ мѣмецкую землю учиться послалъ. Добру тамъ научатся! Пожалуй, въ латынскую вѣру отпадутъ! А что онъ съ Романовымъ сдѣлалъ? Люди хорошіе, смирные, никому отъ нихъ зла не было, родъ древній, знаменитый, прирожденнымъ царямъ самая близкая родня, а Борисъ ихъ, по навѣту доносчика Бартенева, погубилъ.

— Развѣ этотъ мошенникъ еще живъ?—спросилъ Гаврюшка.

— Не издохъ еще. Сенька Годуновъ съ Бартеневымъ наложили въ мѣшки разныхъ кореньевъ, Бартеневъ подбросилъ ихъ въ кладовую боярина Александра Никитича Романова да и донесъ, что Романовы зельемъ хотятъ государя извести. Вотъ и стали Романовыхъ судить. Бояре на нихъ пышали какъ звѣри и такъ кричали, что за шумомъ Романовы и отвѣчать не могли. Всѣхъ ихъ сродниковъ: Черкасовыхъ, Шестуновыхъ, Рѣпниныхъ, Сицкихъ, Карповыхъ, забрали. Принялись пытать, дворню забрали, тоже пыткѣ предали. Потѣшился Сенька! Никто ничего противъ Романовыхъ не показалъ, а все же ихъ обвинили и разослали въ заточенье; теперь, пожалуй, иныхъ и попридушили. А изъ нихъ старшаго, Ѳедора Никитича, я довольно зналъ—разумный и добрый человѣкъ.

— Что и говорить! Кровопивецъ этотъ Борисъ. Говорятъ, онъ и царя Ѳедора извелъ.

— Отъ него станется. Да чего Ѳедора—тутъ онъ можетъ царству позавидовалъ,—а то вотъ какое дѣло было: задумалъ Борисъ свою дочь за иноземнаго князя отдать. Вишь, за своего боярина отдать невозможно—больно великъ человѣкъ Борисъ, знать больше прирожденныхъ царей, кои своихъ дочерей за бояръ отдавали. Ну, привезли шведскаго королевича, да не по нраву пришелся, прогнали. Другого, датскаго, Ивана королевича привезли. Я его видѣлъ, какъ онъ въ Москву въѣзжалъ. Молоденькой такой, красивый и одѣтъ хоть по-нѣмецки, а хорошо. Платьеце алъ атласъ съ канителью, шляпка пуховая съ кружевцами, чулочки алые, башмаки алые сафьянные. И ласковой такой, всѣ его полюбили. Что-же? въ одночасье померъ. Говорятъ, Борисъ позавидовалъ, что народъ его любитъ, и извелъ королевича.

— А главное—на Борисѣ кровь царская да неповинная—онъ царевича Димитрія зарѣзалъ.

— Ну, это еще, можетъ быть, и не такъ.

— А какъ же?

— Вотъ что со мной, въ прошломъ году, на масленицѣ было. Повстрѣчался я съ однимъ чернецомъ. Ростомъ невеличекъ, а шустрый такой и рѣчистый. Позвалъ я его на блины. И выпили мы. Какъ выпили и стали по душѣ говорить. И о царевичѣ заговорили. «Жаль, говорю, его, сердечнаго. Теперь бы ужь большой, говорю, былъ и царствовалъ бы на прародительскомъ престолѣ». А инокъ мнѣ на это: «Еще, можетъ быть, и будетъ царствовать».—«Какъ, говорю, нечто мертвые могутъ царствовать?»—«Мертвые, извѣстно, говоритъ, не могутъ, да мертвый ли онъ?»—«Какъ же не мертвый, когда его въ Угличѣ зарѣзали?»—«Зарѣзали, да иного вмѣсто него».—«Какъ такъ?»—«Да такъ. Болтать-то много опасно, здѣсь и у стѣнъ уши есть. А ты жди вѣстей либо изъ Сѣверской земли, либо изъ Литвы». И не сталъ больше монашекъ заговаривать, заторопился и ушелъ. А у меня это слово запало. А что, какъ царевичъ въ самомъ дѣлѣ живъ?

— Хорошо бы!

— Чего лучше! Думалъ я, думалъ, цѣлый годъ слишкомъ думалъ, да и порѣшилъ идти въ Сѣверскую землю, а оттуда, если надо, и въ Литву, поискать прирожденнаго государя. А сыщу, буду ему служить до скончанія живота моего.

— Не найдешь. Пойдемъ-ка лучше со мной на Москву. У меня рать сила несчетная.

— Извѣстно! Чай ты и считать не умѣешь.

— А ты не груби! Хочу я боярамъ за ихъ многія обиды отплатить, да до самого Бориса доберусь. А ужь въ Москвѣ натѣшимся! Всѣ мои молодцы разодѣнутся. Пойдемъ съ нами!

— Не пойду. Никогда Сысоевы въ воровскихъ дѣлахъ не хаживали.

— Говорю — не ругайся. Повѣшу.

— Не повѣсишь. Что тебѣ меня вѣшать — вѣдь я не бояринъ.

Дѣйствительно, Сысоевъ даже полюбился Хлопкѣ. Подержалъ онъ его, подержалъ и отпустилъ. Зашагалъ молодецъ въ Сѣверскую землю. По маломъ времени, Хлопка съ своей ратью на Москву пошелъ. Борисъ Ѳедоровичъ выслалъ противъ него окольничаго Ивана Басманова съ войскомъ. Началась злая сѣча. Басмановъ былъ убитъ, но царская рать одолѣла — Хлопку взяли въ плѣнъ и казнили. Товарищей его многихъ перебили и перевѣшали, остальные въ Сѣверскую землю побѣжали: тамъ и укрываться сподручнѣе было, да и бѣжать удобнѣе на Донъ, въ Запорожье или въ Литву.

Пошелъ туда и Гаврюшка Веревкинъ. Долго онъ тамъ скитался. Наконецъ пришелъ въ одно село недалеко отъ Стародуба.

Проходя мимо паперти церковной, Гаврила увидалъ на ней нищаго, высокаго роста, на деревяшкѣ, вмѣсто правой руки болтался у него пустой рукавъ. Лицо показалось Веревкину знакомымъ. Онъ сталъ всматриваться.

— Ба! никакъ Сысоевъ?

— Онъ и есть. И тебя я гдѣ-то видалъ? Да, у Хлопки Косолапа.

— Кто это тебя такъ изуродовалъ?

— А такіе же воры, какъ ты съ Хлопкой. Напали на меня недалеко отъ здѣшняго села. Я таки ихъ отдѣлалъ порядкомъ, будутъ и меня помнить. А они, псы, у меня руку и ногу отрубили. Теперь работать не могу, пришлось Христовымъ именемъ питаться. Да что дѣлать? Вѣдь это не грѣшно, коли не могу работать. Да вотъ что жалко, не могу царевичу послужить.

— Какому царевичу?

— Димитрію. Вѣдь онъ объявился.

— Что ты?

— Какъ же! Мнѣ инокъ одинъ разсказывалъ и такъ хорошо разсказывалъ. Живетъ, говоритъ, въ Литовской землѣ богатый князь Адамъ Вишневецкій. Много у него вотчинъ и многіе у него изъ шляхетскаго рода служатъ. И проявился, говоритъ, у него на службѣ младый вьюношъ. По долгу ли, вмалѣ разболѣлся тотъ вьюношъ, помирать сталъ, духовнаго отца призвалъ къ себѣ, покаялся во грѣхахъ, да и говоритъ: «Есть еще у меня на душѣ тайна великая, да не могу я, честный отче, той тайны и на духу открыть. А есть у меня малый сверточекъ харатейный — тамъ эта тайна и прописана». Отецъ духовный о томъ князю сказалъ, а князь повелѣлъ тотъ сверточекъ сыскать и предъ свои очи принести. А какъ прочитали, что тамъ было написано, то и увидали, что тотъ младый вьюношъ никто другой, какъ царевичъ Димитрій, что Богъ да добрые люди спасли его отъ злыхъ умысловъ Годунова, воспитали втайнѣ, да и въ Литовскую землю вывели. Князь очень возрадовался, что ему честь такая — въ его дому московскій царевичъ служилъ. А потомъ всталъ царевичъ и выздоровѣлъ.

— А какъ монахъ навралъ?

— Нѣтъ, не навралъ. И другія вѣсти о томъ доходятъ. Вотъ тебѣ бы къ царевичу пойти, ничѣмъ лучше вы свои воровскія дѣла отмолить не можете, какъ ежели своему прирожденному государю вѣрой и правдой послужите. Мы, калѣки, ничего больше сдѣлать не можемъ, какъ объ его государскомъ здоровьѣ денно и нощно молиться. А вы должны животъ за него положить.

— А что о немъ слышно? Каковъ онъ?

— Говорятъ, зѣло разуменъ и милостивъ.

— И Юрьевъ день возворотитъ?

— Безпремѣнно возворотитъ.

— Вотъ это дѣло. Видѣлъ, братъ, я, каково это было вольнымъ людямъ холопами сдѣлаться, помню, какъ и мою бабушку истязали. Встрѣчусь съ Салтыковымъ, тоже не забуду.

Скоро со всѣхъ сторонъ слухи о царевичѣ стали доходить до Веревкина. Всѣ почти то-же говорили, что и Сысоевъ. Веревкинъ перебрался чрезъ литовскую границу и

достигъ мѣста пребыванія царевича. Тамъ онъ нашелъ не мало русскихъ людей, которые тоже пришли поклониться прирожденному государю.

Дожидаясь выхода царевича, Гаврила разговорился съ однимъ донскимъ казакомъ, по имени Нехорошко Картавый.

— Большая помощь царевичу отъ донскихъ казаковъ будетъ, — говорилъ Нехорошко. — Не любятъ они Бориса. Я еще при царѣ Ѳедорѣ сбѣжалъ къ нимъ изъ Серпухова и сказывалъ имъ, что товарищамъ ихъ въ Москвѣ большая нужда, государева жалованья не даютъ и на Донъ не пускаютъ. И бѣглые холопы, что со всѣхъ сторонъ на Донъ идутъ, тоже не добромъ Годунова поминаютъ. Весь Донъ, поголовно, станетъ за царевича.

— Да отовсюду къ нему придутъ, — сказалъ одинъ изъ русскихъ, — мы вотъ изъ Ржева. Отъ налоговъ да отъ всякой тяготы много тамъ народу въ лѣса ушло. Тамъ у насъ славный атаманъ Мухортъ былъ. А послѣ того, какъ онъ убитъ, мы кое-какъ перебивались и теперь рады прирожденному государю послужить.

— Идетъ, идетъ царевичъ! — раздалось въ толпѣ.

Вошелъ молодой человѣкъ, средняго, почти низкаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, смуглый, съ темноголубыми глазами, рыжеватый, безъ бороды, и съ бородавкою подлѣ носа подъ правымъ глазомъ.

Гаврила всмотрѣлся въ него и чуть не ахнулъ—передъ нимъ стоялъ Юшка!

Царевичъ ли, Юшка ли, а смотритъ соколомъ, говоритъ мастеръ, всѣмъ привѣтливое слово сказалъ, бѣднымъ изъ своей казны помочь велѣлъ, всѣмъ очень понравился. Гаврилѣ не только одежу новую, но еще коня и оружіе дали.

На завтра Гаврила въ раздумьѣ сидѣлъ на своемъ новомъ конѣ у воротъ дома, гдѣ жилъ «прирожденный государь». Вдругъ онъ самъ появился на конѣ, съ нимъ какой-то полякъ.

— Славная погода, панъ Бучинскій, — сказалъ царевичъ, — мнѣ хочется по лѣсу проѣхаться, черезъ часъ вернусь. Такъ и скажи, если кто меня спроситъ. А ты, молодецъ, — обратился онъ къ Веревкину, — поѣдемъ со мной.

И они, вдвоемъ, поскакали въ лѣсъ.

— Экой смѣлый! — думалъ Веревкинъ, — одинъ одинехонекъ со мной по лѣсу ѣдетъ, да еще не смотритъ на меня.

А я сзади — что мнѣ стоитъ его стукнуть... чай, Борисъ дорого бы за это заплатилъ. А и впрямь... Вѣдь тутъ обманъ одинъ. Какой онъ царевичъ? Такой же, какъ я. А теперь изъ-за него безпремѣнно выйдетъ усобица. Русскіе другъ друга рѣзать станутъ изъ-за обмана...

Царевичъ вдругъ осадилъ коня, обернулся къ Гаврилѣ и засмѣялся.

— Что, Гаврюша, задумался? Губы развѣсилъ, такъ же какъ вчера, когда меня увидѣлъ.

— Такъ и ты самъ говоришь, что ты...

— Думаешь, Юшка или Гришка Отрепьевъ? Всѣ такъ думали въ ту пору, какъ мы съ тобой ледяную крѣпость брали. Да съ тоѣ поры много воды утекло. Помнишь ты дьяка Власьева?

— Это борода такая большая?

— Да. Онъ у Бориса всѣми посольскими дѣлами заправляетъ и у меня заправлять будетъ. Я его вѣрной службы никогда не забуду. Помнишь, какъ онъ тогда меня отъ ледяноѣ крѣпости увелъ? Тогда онъ долго со мной разговаривалъ и боярину Романову сказалъ, чтобы меня грамотѣ учить. Дивились вы, что я скоро выучился, а не мудрено было, потому что я и прежде зналъ—у Власьева часто бывалъ. Минуло мнѣ шестнадцать лѣтъ. Ужь Борисъ, своимъ воровскимъ умысломъ, на мой прародительскій престолъ сѣлъ. Пріѣхали литовскіе послы: панъ Сапѣга и другіе. Въ ту пору пришелъ я къ Власьеву. Увелъ онъ меня въ дальнюю горницу, двери заперъ, поклонился въ землю, да и говоритъ. «Припомню, говоритъ, тебѣ, что ты и самъ помнишь. Когда царевича Димитрія съ его матерью, царицею, въ городъ Угличъ сослали, а тамъ сталъ Годуновъ съ своими клевретами на жизнь его умышлять, тогда еще много въ царствѣ вѣрныхъ ему людей оставалось. И видятъ они, что злодѣй непремѣнно его изведетъ, потому что у того злодѣя сила великая и охранить царевича отъ воровскихъ умысловъ никакъ невозможно. Какъ же тутъ быть? Думали они, думали и придумали наконецъ. Былъ при царевичѣ лѣкарь, честный мужъ, по имени Симеонъ. Его-то и уговорили вѣрные слуги царскіе, чтобы царевича спасти. А надо было тѣмъ дѣломъ торопиться. Жена царя Ѳедора Ивановича брату своему Годунову управленіе царствомъ доставила, а онъ, какъ звѣрь лютый, кровь человѣческую проливалъ, двухъ

князей Шуйскихъ удавилъ, касимовскаго царя Симеона Бекбулатовича, что при царѣ Иванѣ Васильевичѣ царствомъ управлялъ, Годуновъ зрѣнія лишилъ, сына его Ивана отравилъ, митрополита Діонисія въ монастырь сослалъ и сказалъ царю, что онъ померъ, хотя извѣстно, что онъ и понынѣ живъ. Видя такія его воровскія дѣла, царевичъ Димитрій, хотя и младъ былъ, но когда царь Ѳедоръ прислалъ къ нему въ Угличъ Андрея Клешнина, годуновскаго приверженца, то царевичъ велѣлъ Годунову сказать, чтобы онъ русскихъ людей не губилъ. Тогда Годуновъ порѣшилъ непремѣнно царевича извести, для того и Битяговскаго въ Угличъ послалъ. А былъ, въ ту пору, въ Угличѣ сирота малой, царевичу одногодокъ, Юрій Отрепьевъ, сынъ галицкаго сына боярскаго Богдана Отрепьева, убитаго литвиномъ въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ. На царевича даже лицомъ былъ похожъ. Царевичъ на ту пору занедужился. Да что дальше—ужь ты вѣрно помнишь, какъ лѣкарь Симеонъ ночью пришелъ къ тебѣ, сказалъ, какая бѣда тебѣ грозитъ, и началъ слезно просить, чтобы ты себя и все царство русское пожалѣлъ, зракъ раба пріялъ, позволилъ бы на свое мѣсто того Юрія поставить, а самъ бы въ неизвѣстности пребывалъ, пока въ совершенный возрастъ придешь и злодѣя Годунова, за его воровскія дѣла, накажешь. И жалко тебѣ было государыню, свою родительницу, оставить и даже въ обманъ ввести, но хотя еще малъ ты былъ, но Богъ великимъ разумомъ и крѣпостію духа тебя наградилъ, и ты на слезное моленіе вѣрнаго раба своего Симеона соизволилъ, въ рубищѣ облекся и въ тайное мѣсто Симеономъ уведенъ былъ, а Отрепьевъ на царское твое ложе возлегъ. И толико онъ былъ схожъ съ тобою, что даже государыня, твоя родительница, того обмана не замѣтила, а если и замѣчала въ своемъ сынѣ нѣкую ремѣну, то мнила, якобы оная отъ болѣзни приключилась. А, по маломъ времени, злодѣи, Битяговскій съ Волоховымъ, да съ Качаловымъ невинную кровь пролили, мня, якобы царевича погубили. Ты же тогда въ Москву вѣрными людьми былъ отвезенъ. Царю, твоему брату, Годуновъ сказалъ, будто бы ты въ падучей зарѣзался, царь много о томъ горевалъ и приказалъ тѣло младенца, убіеннаго вмѣсто тебя въ Угличѣ, въ Москву перевезти, но патріархъ, по наущенію Годунова, сказалъ, что не слѣдуетъ тѣло самоубійцы вмѣстѣ съ помазанниками Божіими хоронить. Братъ твой хотѣлъ

самъ въ Угличъ на похороны ѣхать, но Годуновъ его отговорилъ, сказавъ, что въ Угличѣ повѣтріе большое. Да подговорилъ тогда Годуновъ крымскаго хана на Москву наступить. И самъ вдвое больше войска собралъ, чѣмъ у татаръ было, да Годуновъ расположилъ войско подъ Москвою и запретилъ своимъ, подъ смертною казнію, нападать на непріятеля. И три дня наша рать татарамъ въ глаза смотрѣла, а они, пожегши и пограбивши и многія тысячи православныхъ христіанъ побравши, по-здорову во свояси пошли. И того еще Годунову мало было: чтобы народную молву отъ тебя отвлечь, приказалъ онъ тайно Москву поджечь, а тѣхъ поджигальщиковъ Андрей Клобуковъ перехваталъ и за то Годуновъ Клобукова въ пыткахъ замучилъ. А въ Угличѣ никакого повѣтрія не было, но лилась кровь неповинная—каралъ Годуновъ за то, что они злодѣевъ наказали, иныхъ убили, другимъ языки отрѣзали и тысячами въ Сибирь ссылали, гдѣ они цѣлый городъ Пелымъ населили. Мы же, твои вѣрные слуги царскіе, тебя во дворъ къ боярину Романову помѣстили, потому что хотя бояринъ дѣла нашего и не видалъ, но, по добротѣ его, мы надѣялись, что жизнь твоя у него худа не будетъ. Такъ и вышло. А теперь Годуновъ и смерть брата твоего ускорилъ и самъ воровскимъ умысломъ на твой прародительскій престолъ сѣлъ. И ничего мы, твои вѣрные слуги, сдѣлать для тебя не могли, потому что ты еще не въ совершенномъ возрастѣ былъ, а у злодѣя вся власть въ рукахъ. Теперь же тебѣ жить у Романова не годится, потому что у Годунова въ каждомъ боярскомъ дому доносчики есть, а у Романовыхъ наипаче: Романовыхъ онъ больше всѣхъ бояръ боится. И чуть ли въ романовскомъ дому доносчикомъ не Бартеневъ, а онъ тебя ненавидитъ. И потому для береженья твоего царскаго здоровья надо тебѣ, государь царевичъ, лучше всего въ какую-нибудь обитель уйти—иноческаго сана не принимать, потому что, уповаемъ на Всевышняго, еще ты на свой прародительскій престолъ вступишь,—а быть только послушникомъ и иноческую одежду носить, въ ней ты для злыхъ людей менѣе будешь примѣтенъ. А теперь тебѣ я еще и радостную вѣсть скажу: въ литовскомъ государствѣ у тебя благопріятели есть, и если ты, по нуждѣ, въ литовскую землю убѣжишь, тамъ тебѣ всячески помогутъ». Послѣ такой рѣчи дьяка, я его обнялъ и поцѣловалъ, и по его словамъ и сдѣлалъ. Былъ я потомъ въ

разныхъ обителяхъ, служилъ и у самого Іова: онъ меня изъ Чудова монастыря для книжнаго письма бралъ; видѣлъ я лицомъ къ лицу и недруга моего Годунова. Не сказало ему вѣщее сердце, что не едъ нимъ человѣкъ, который для него всѣхъ царей земныхъ страшнѣе. Только видя лютость Годунова противъ сродниковъ моихъ, Романовыхъ, и казнь, что за его грѣхи Господь на русскую землю послалъ—какъ люди отъ голода мертвечиной, всякой нечистью и даже человѣческой плотію питались,—не воздержался я и проговорилъ, что буду царемъ на Москвѣ. Ростовскій митрополитъ Іона донесъ о томъ сперва патріарху, а потомъ и Годунову. Годуновъ велѣлъ дьяку Смирнову Васильеву сослать меня за крѣпкимъ смотрѣньемъ въ Кирилловъ монастырь. Но Власьевъ узналъ о томъ и, чрезъ дьяка Ефимьева, такъ уладилъ дѣло, что Смирновъ царскимъ указомъ замедлилъ, а тѣмъ временемъ Власьевъ меня изъ Москвы проводилъ. Сперва поѣхалъ я въ Галичъ, оттуда въ Муромъ, однако и тамъ было не безопасно, потому и порѣшилъ я въ Литовскую землю идти. Но дороги туда я не зналъ хорошенько, а потому заѣхалъ въ Москву. Тамъ мнѣ на Варварскомъ крестцѣ Власьевъ указалъ монаха Пафнутьева Боровскаго монастыря, Варлаама, сказалъ, что этотъ монахъ на своемъ вѣку не мало шатался, такъ ему всѣ дороги вѣдомы. Я тотчасъ къ Варлааму подошелъ, угостилъ его, а онъ на это падокъ, тотчасъ подружился со мной. Я ему и разсказалъ, что живу въ Чудовомъ монастырѣ, тамъ похвалу московскимъ чудотворцамъ сложилъ, что патріархъ, видя такое мое досужество, взялъ меня къ себѣ, а потомъ съ собою и въ царскую думу сталъ брать. И мірской славы я не хочу, а слышалъ, есть въ Черниговѣ монастырь, такъ не пойдетъ ли туда Варлаамъ и я бы съ нимъ пошелъ. А Варлаамъ мнѣ на это сказалъ, что черниговскій монастырь мѣсто неважное и послѣ Чудова мнѣ тамъ не привыкнуть. Я тутъ и сказалъ Варлааму, что хочу въ Кіевъ въ Печерскій монастырь, гдѣ многіе старцы души свои спасли, и сталъ звать Варлаама туда съ собою, а потомъ бы идти вмѣстѣ же въ святой градъ Іерусалимъ, гробу Христову поклониться. «Печерскій-то монастырь, — сказалъ Варлаамъ,—за рубежомъ въ Литвѣ, а за рубежъ теперь идти трудно».—«Вовсе, говорю, не трудно, потому что нашъ государь взялъ съ королемъ миръ на двадцать два года и теперь вездѣ просто, заставъ нѣтъ». Варлаамъ подумалъ, по-

думалъ, да и согласился; на завтра мы изъ Москвы и вышли съ третьимъ чернецомъ Мисаиломъ. Съ ними я перебрался за литовскій рубежъ, пожилъ въ Кіевѣ, въ Острогѣ, въ сѣчи Запорожской. Тамъ у меня теперь много пріятелей, только кличъ кликну, всѣ придутъ. А какъ я объявился у Вишневецкаго, ты, вѣрно, уже слышалъ. И литовскіе пріятели правду Власьеву сказали: помогаютъ мнѣ во всемъ. Король Сигизмундъ меня царевичемъ призналъ. Первые паны со мной на Бориса пойдутъ, воевода Сендомирскій за меня дочь выдаетъ. Русскіе люди ко мнѣ отовсюду собираются. За меня Польша, Литва, запорожцы, донцы, а кто станетъ за Бориса, у кого поднимется рука на прирожденнаго государя? А если и поднимется, я не боюсь. Меня самъ Богъ сохранилъ, будетъ и впередъ хранить.

— А что ты, государь, съ Юрьевымъ днемъ подѣлаешь?

— Все по старинѣ будетъ, какъ до Бориса.

Веревкинъ сошелъ съ коня и поклонился въ землю.

— Вели, государь, на бой идти, вели Бориса въ клочки разорвать, вели въ огонь лѣзть — Гаврило Веревкинъ все исполнитъ.

7 мая 1605 года. Большое русское войско стоитъ въ Комарицкой волости, въ Сѣверской землѣ. Кучка ратниковъ столпилась около рѣчки, коней нѣтъ, а между тѣмъ толкуютъ между собою. Въ числѣ ратниковъ Гаврила Веревкинъ. Что онъ тутъ дѣлаетъ? Это войско не «прирожденнаго государя», а Ѳедора Борисовича Годунова, потому что Борисъ Ѳедоровичъ уже скончался, а вмѣсто него воцарился его сынъ Ѳедоръ. Двое нѣмцевъ изъ иноземной дружины, служившей Годуновымъ, проходятъ мимо. Одинъ изъ нихъ раскланялся съ русскимъ ратникомъ.

— Что, товарищъ,—крикнулъ нѣмецъ,—еще не разучился по-нѣмецки? Hilf Gott помнишь?

И нѣмцы прошли, смѣясь.

— Что онъ такое толкуетъ?—спросилъ Веревкинъ.

— А это онъ про битву при Добрыничахъ. Какъ налетѣлъ на насъ тотъ-то...

— Царевичъ?

— А ты не ври, дойдетъ до Басманова, онъ тебя вздуетъ за царевича. Ну, кто бы ни былъ, а драться молодецъ. Какъ налетѣлъ это на насъ, мы дрогнули, побѣжали, а нѣмцы стоятъ крѣпко да кричатъ: «ихъ годъ!» Мы сперва не рас-

познали, что это значитъ, да послѣ догадались, что это ихъ нѣмецкій заговоръ противъ смерти али раны, давай и сами кричать: «ихъ годъ!» и, точно, побѣда-то за нами осталась.

— Еще бы, когда наши вдругъ изъ пушекъ, да изъ многихъ тысячъ пищалей выпалили.

— А другіе говорятъ, Мишка, что потому только мы побѣдили, что казаки были подкуплены и намъ передались.

— Только ли, не только, а все же мы побѣдили, одна только побѣда наша и была, а прежде подъ Новгородомъ Сѣверскимъ насъ крѣпко побили. Хорошо, что Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ этотъ городъ отстоялъ.

— Ну, еще это неизвѣстно, — сказалъ Веревкинъ, — хорошо ли, нѣтъ ли.

— А и впрямь, ребята,—прибавилъ Мишка,—ну, изъ чего мы деремся? Вотъ теперь архірей насъ къ присягѣ приводилъ. «Къ вору, который называется Димитріемъ Угличкимъ, не приставать». Прежде его все Гришкой Отрепьевымъ называли, а теперь ужь не называютъ. Кто же онъ такой?

— Извѣстно, царевичъ.

— А коли царевичъ, то драться супротивъ его не грѣшно ли будетъ?

— Слышали ли вы, братцы,—спросилъ Веревкинъ, — отчего Борису смерть прилучилась?

— Говорятъ, изъ-за стола всталъ, кровь хлынула у него изо рта, изъ ушей и изъ носа, а черезъ два часа Богу душу отдалъ.

— Кровь хлынула! Да отчего хлынула? А слыхали вы, какія знаменія на небѣ являлись? Огненныя полчища другъ съ другомъ бились, по два мѣсяца, по три солнца являлись. Звѣзда съ хвостомъ появилась. А на землѣ что творилось? Собака собаку пожрала, лисицы по Москвѣ бѣгали, волки стаями ходили, родились страшные уроды. Вотъ какъ обо всемъ объ этомъ до Бориса довели, онъ и велѣлъ дьяку Власьеву нѣмецкаго волхва вопросить, что все это означаетъ? А какъ Власьевъ ему про отвѣтъ волхва сказалъ, онъ и забоялся, такъ забоялся, что зелье принялъ, оттого и померъ.

— Вотъ что я тебѣ, молодецъ, скажу,—молвилъ одинъ изъ ратниковъ, одѣтый и вооруженный получше другихъ,— пришелъ ты къ намъ невѣдомо откуда, сказалъ только, что хочешь за царя биться, тебя и приняли, потому приняли,

что точно у насъ настоящаго порядка нѣтъ. А пригоже ли тебѣ такія рѣчи говорить, да вора царевичемъ называть?

— А ты почему знаешь, что онъ воръ?

— Я вотъ лучше пойду, да воеводамъ объявлю. Ты имъ и давай отвѣтъ за бездѣльныя рѣчи.

И онъ пошелъ къ столу.

— Иди, наушничай. Все годуновское царство доносами только и стоитъ. Ими Романовыхъ, Черкасскихъ, Сицкихъ извели. А вы послушайте, братцы, пока этотъ шелкокафтанникъ ушелъ, я съ вами по душѣ поговорю. Мишка правду молвилъ, что не слѣдъ биться противъ прирожденнаго государя. А что онъ настоящій царевичъ, развѣ самъ Богъ не указуетъ. Ну-ко, побей бы другого такъ, какъ его рать при Добрыничахъ побили, и праху бы его не осталось. А онъ, черезъ мѣсяцъ, рать лучше прежней собралъ. А теперь сколько разъ его Годуновъ извести хотѣлъ. Въ Польскую землю Пыхачева за тѣмъ присылалъ, въ Путивль монаховъ съ зельемъ, а Богъ царевича сохранилъ. Что-же, развѣ это спроста?

— Да, говорятъ, онъ не нашей вѣры?

— Неправда, братцы. Велѣлъ онъ изъ Курска въ Путивль чудотворную икону Божіей Матери принести, съ честію ее встрѣтилъ, въ своихъ палатахъ поставилъ и каждый день на колѣняхъ предъ нею молился.

— Такъ онъ православный?

— Все равно, что мы съ тобой.

— Зачѣмъ же нехристей съ собой ведетъ?

— Экіе вы какіе! Да развѣ возможно ему было одному въ русскую землю войти? Тогда Борисъ тотчасъ бы его сцапалъ. Ну, царевичъ и захватилъ съ собой поляковъ. А стали они своевольничать, ушли отъ него, осталась самая малость, онъ нисколько и не горюетъ, потому что теперь у него уже довольно вѣрныхъ русскихъ людей. И увидите вы, братцы, что онъ Годуновыхъ безпремѣнно одолѣетъ, потому что за него, за прирожденнаго государя, каждый человѣкъ бьется, не жалѣючи живота своего. А за Годуновыхъ биться какая корысть? Развѣ за посулы ихніе? Такъ мягко стелютъ, да жестко спать. Вольный народъ закабалили. По ихъ грѣхамъ, сколько неповинныхъ людей померло. А воинству еще грубятъ: вонъ Борисъ передъ самой смертью прислалъ сказать воеводамъ, что дѣла ведутъ нерадиво: сколько-де рати извели, а Гришку не поймали.

— Это точно, тѣми словами они все воинство обидѣли: объ этомъ тогда большой разговоръ былъ.

— А Димитрій царевичъ не таковъ: ужь онъ, если что обѣщаетъ, такъ непремѣнно сдержитъ. И знаете ли, что обѣщалъ царевичъ всему православному черному люду, обездоленному Годуновымъ? Воротить то, что краше намъ яснаго солнышка, нашу волюшку вольную, воротить Юрьевъ день!

— Что ты? Да вправду-ли?

— Хотите, всѣми святыми побожусь. Да неужто я васъ стану обманывать? Вѣдь я такой же крестьянинъ, какъ вы, тоже, по милости Годунова, изъ вольнаго человѣка холопомъ сталъ. Покуда съ вами шелкокафтанникъ былъ, я и не говорилъ по душѣ. Имъ Юрьевъ день не по нутру, имъ любо, чтобы простой народъ у нихъ въ кабалѣ былъ, и Годуновымъ любо, а царевичъ-то, прирожденный государь, ему мы все равно, что дѣтки, дѣтокъ-то своихъ ему жалко.

— А что, ребята, вѣдь онъ вправду!

— Юрьевъ день воротитъ — первое дѣло!

— Бросимъ, ребята, Годуновыхъ, пойдемъ къ царевичу!

— Пойдемъ!

— Постойте, православные, — сказалъ Гаврило, — и идти нечего. Вы думаете, я одинъ изъ курскаго войска сюда пришелъ? Нѣтъ, насъ человѣкъ со сто сюда пришло. Погодите маленько, мы всю рать уговоримъ за царевича стать.

— Дѣло!

— Извѣстно! и мы поможемъ!

— А шелкокафтанники не захотятъ, — съ ними справимся!

— И то можно.

— Насъ-то впятеро побольше будетъ.

— Только вотъ народъ?

— Народъ потихоньку окружить нашими людьми надо. Пушкарей-то много и изъ черныхъ людей.

— А воеводы не захотятъ, — связать!

— Басманова-то не скоро свяжешь.

— Можно и пристукнуть.

— Эй! скорѣй собираться въ ряды, — вскричалъ прибѣжавшій ратникъ.

Войско собралось и стало въ ряды. Выѣхали воеводы: Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, князья Василій и Иванъ Васильевичи Голицыны и Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ. Позже другихъ подъѣхали князья Катыревъ-Ростовскій и Телятевскій. Хотя въ сущности главнымъ начальникомъ войска былъ Басмановъ, но ему, какъ человѣку не родовитому, многіе изъ воеводъ не захотѣли бы повиноваться, поэтому для виду первымъ воеводою былъ назначенъ Ростовскій, а Басмановъ — вторымъ. Катыревъ пріѣхалъ теперь гнѣвный.

— Что это значитъ, Петръ Ѳедоровичъ, — сказалъ онъ Басманову, — ты рать собираешь, даже не повѣстя меня?

— Важное дѣло есть, князь, — сказалъ Басмановъ, улыбаясь.—Православные! — началъ онъ говорить войску, и далеко разносилась рѣчь его, — сами вы вѣдаете, что бился я за царя Бориса, не щадя живота своего. Потому бился, что супротивника его самозванцемъ считалъ. А теперь я созвалъ васъ для того, чтобы объявить, что больше противъ него биться не стану. Увѣрился я, что онъ точно Димитріи царевичъ. А противъ прирожденнаго государя биться грѣшно.

— Измѣна! — крикнулъ Ростовскій.

— Помолчи, князь, — шепнулъ ему Салтыковъ, — не то худо будетъ.

Но словъ Ростовскаго и разслышать нельзя было, потому что по всей рати раздались крики:

— Вѣрно! ладно сказалъ бояринъ! Не можемъ биться съ прирожденнымъ государемъ! Многая лѣта царю Димитрію Ивановичу!

— Значитъ и вы, православные, то же думаете? — продолжалъ Басмановъ, — ну и слава Богу! Я и воеводы: Василій Васильевичъ и Иванъ Васильевичъ Голицыны и Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ прирожденному государю крестъ поцѣлуемъ. Можетъ и вы того же хотите?

— Хотимъ! Хотимъ!

— Вишь, собака, Мишка догадался, вильнулъ хвостомъ, — проговорилъ сквозь зубы Веревкинъ, — не то я бы съ нимъ раздѣлался! Да подожду, авось еще сосчитаемся!

— А я, — громко сказалъ Катыревъ-Ростовскій, — крестъ цѣловалъ царю Ѳедору Борисовичу и измѣнить ему не хочу.

— И я, — промолвилъ Телятевскій.

— Ну и ступайте къ нему, — спокойно сказалъ Басмановъ, — и ратные люди, кто хочетъ, пускай идутъ, держать не будемъ. По времени сами одумаетесь.

— Вѣрно, вѣрно, бояринъ! — кричали ратники, — ура государю Димитрію Ивановичу!

Немногіе ратники побѣжали съ Ростовскимъ и Телятевскимъ въ Москву, нѣкоторые по домамъ разошлись. Иванъ Васильевичъ Голицынъ съ другими воеводами поѣхалъ въ Путивль къ «прирожденному государю» объявить, что воинство ему челомъ бьетъ, за прежнюю супротивность прощенія проситъ и хочетъ ему, великому государю, присягнуть.

«Прирожденный государь» принялъ пословъ отъ рати съ великою ласкою, войску повелѣлъ подъ Орелъ идти и тамъ его дожидаться. Все это Голицынъ и воеводы передали войску, войско присягнуло царю Димитрію Ивановичу и пошло, куда указано.

— Что ты не веселъ, братъ? — спросилъ Василій Васильевичъ Голицынъ брата, оставшись съ нимъ наединѣ.

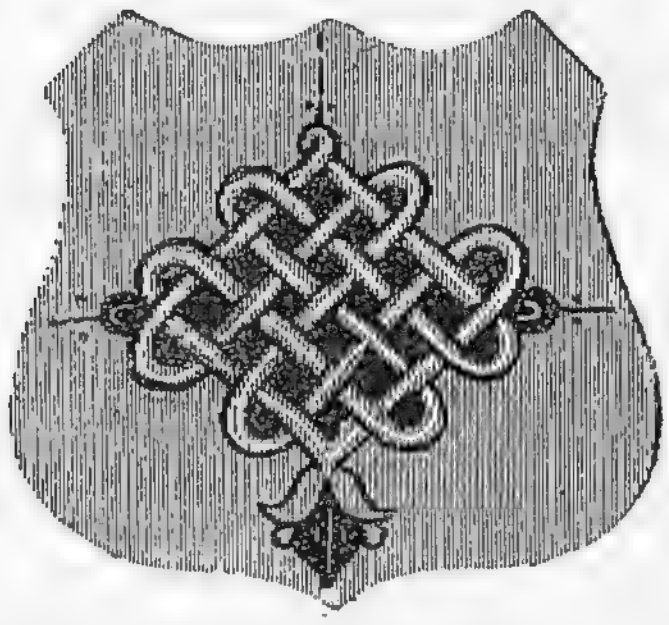
— Братъ! Вѣдь я на Москвѣ чернеца Гришку Отрепьева видывалъ. Вѣдь это мы ему присягнули!

— Теперь ужь поздно! — отвѣчалъ Василій Васильевичъ.—Надо ему служить, а не то будетъ худо. Да, можетъ быть, ты еще и ошибся.

Дѣйствительно князь Василій Васильевичъ царю Димитрію Ивановичу поусердствовалъ. Получено было царемъ въ Тулѣ извѣстіе, что въ Москвѣ народъ на Ѳедора Годунова возсталъ, а князь Василій Ивановичъ Шуйскій, по просьбѣ народа, правду сказалъ, что Димитрій царевичъ въ Угличѣ спасся отъ убійцы, а вмѣсто него убитъ и похороненъ повъ сынъ; народъ Ѳедора Годунова съ матерью и сестрой изъ царскаго дворца вывелъ и государю Димитрію Ивановичу присягнулъ. Тогда князья Василій Голицынъ да Мосальскій поѣхали отъ царя на Москву — народу царскую милость объявить, патріарха Іова съ безчестіемъ изъ собора во время службы вывели и въ Старицкій монастырь сослали, а потомъ съ Молчановымъ, Иваномъ Ѳедоровымъ и тремя стрѣльцами въ старый домъ Борисовъ пошли, гдѣ теперь сведенный царь Ѳедоръ съ матерью да сестрой жили. И слышались въ томъ домѣ шумъ и крики великіе. А выйдя

изъ дома, бояре народу объявили, что царица Марья и сынъ ея со страху отравились.

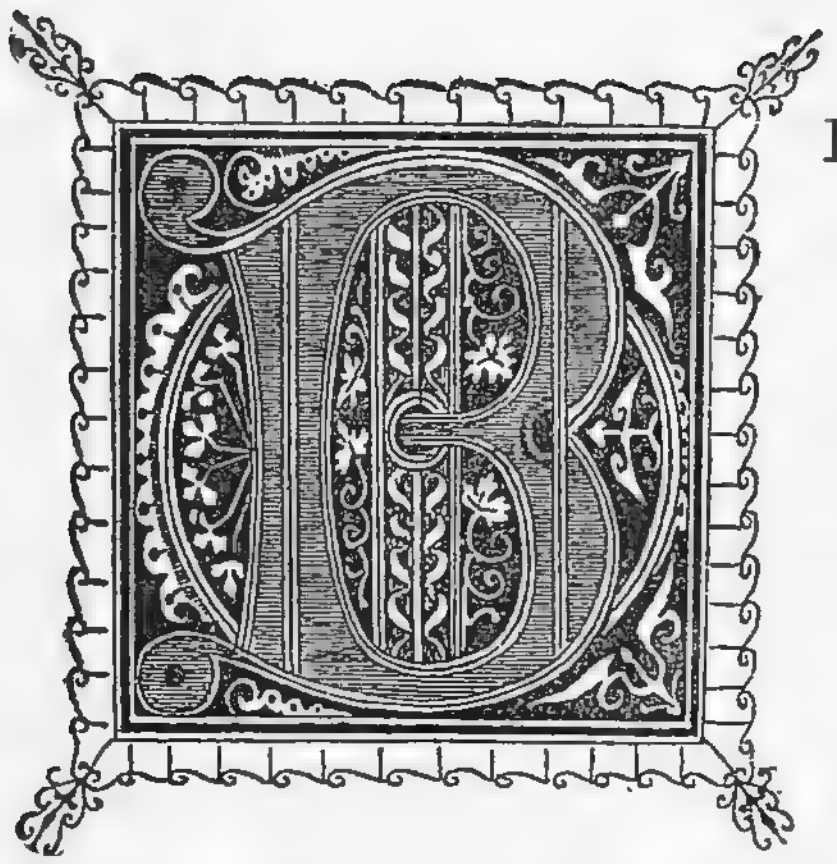
20 іюня 1605 года «прирожденный государь» въ Москву вступилъ.



IX.

ВОРОВСКІЯ ДѢЛА.

(1606—1607 гг.).



ЕСНОЙ 1606 года, въ субботу, на шестой недѣлѣ великаго поста, въ Покровскомъ соборѣ, близъ Кремля, оканчивалась ранняя обѣдня. Соборъ этотъ былъ построенъ въ память взятія Казани Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ и украшенъ внутри и снаружи, подобно знаменитымъ кремлевскимъ соборамъ. Причастниковъ было довольно много. Одинъ изъ нихъ, низенькій, худощавый человѣкъ, лѣтъ за тридцать, съ блѣднымъ лицомъ и жиденькой бородкой, всю обѣдню молился на колѣняхъ. По временамъ слезы катились по его исхудалымъ щекамъ. Повторяя за священникомъ: «но яко разбойникъ исповѣдую: помяни мя, Господи, въ царствіи Твоемъ!», онъ зарыдалъ, какъ ребенокъ. Причастившись, онъ долго еще молился предъ иконой Божіей Матери и, казалось, не замѣчалъ своихъ слезъ. Наконецъ, когда обѣдня кончилась, онъ всталъ, перекрестился, прошепталъ: «благослови, Господи!» и твердыми шагами вышелъ изъ церкви.

На площади было много народу. Кто выходилъ изъ церкви, кто по домамъ шелъ, а кто и просто поглазѣть. Толкотня особенно увеличивалась оттого, что поминутно про-

ѣзжали бояре, окольничіе и думные дворяне и дьяки, собираясь въ царскую думу. Всѣмъ имъ низко кланялись, но по проѣздѣ нѣкоторыхъ народъ подсмѣивался надъ ними и награждалъ прозвищами, на которыя нашъ простолюдинъ такой мастеръ.

Особенно низко кланялись одному; большая часть смотрѣла на него съ любовью и нелицемѣрнымъ уваженіемъ, и если были въ толпѣ недруги его, то не осмѣливались громко говорить. Онъ привѣтливо раскланивался на обѣ стороны. Но видъ его былъ неласковый, смотрѣлъ онъ исподлобья и сурово, круглое лицо наполовину было закрыто большою сѣдою бородою; ротъ у него былъ большой, носъ длинный и горбатый. Когда онъ поровнялся съ пѣшеходомъ, который такъ усердно молился и причащался въ Покровскомъ соборѣ, то кивнулъ головой на низменный поклонъ пѣшехода и сказалъ:

— Здорово, Тимоша!

— Здравствуй, батюшка, бояринъ Василій Ивановичъ!

И Тимоша поспѣшно пошелъ за бояриномъ, ѣхавшимъ въ царскій дворецъ.

У дворцоваго крыльца стояли на часахъ нѣмецкіе воины въ бархатныхъ плащахъ, обшитыхъ золотымъ позументомъ, въ рукахъ у нихъ были бердыши съ золотымъ царскимъ гербомъ; древки бердышей были обтянуты бархатомъ, прикрѣпленнымъ вызолоченными серебряными гвоздиками, увиты серебряною проволокою и украшены серебряными и золотыми кистями. На крыльцѣ стояли двое молодыхъ людей, одѣтыхъ по-русски. Они не совсѣмъ дружелюбно посмотрѣли на проходившаго мимо ихъ боярина, однако же низко поклонились ему, а онъ имъ и головой не кивнулъ.

— Спѣсивъ Шуйскій!—проговорилъ младшій изъ двоихъ, когда бояринъ уже прошелъ въ царскіе покои.

— Да, головы наклонить не хочетъ. А давно ли она на плахѣ лежала? Напрасно вотъ царь-то его помиловалъ. Шутка дѣло — сталъ прирожденнаго государя самозванцемъ называть!

— Не знаю, что эти москвичи ему вѣрятъ! Здоровъ онъ врать-то: сперва по сыску нашелъ, что царевичъ Димитрій самъ зарѣзался, потомъ говорилъ, что Богъ его отъ убійцъ спасъ, а тутъ опять сталъ толковать, что царевичъ убитъ, и на царскомъ престолѣ самозванецъ сидитъ!

— А москвичи вѣрятъ, потому что всѣхъ Шуйскихъ любятъ, помня покойнаго Ивана Петровича. А этотъ Васька настоящая змѣя! Развѣ онъ спроста вралъ-то? Нужно было къ Годунову поддѣлаться — Шуйскій и сказалъ, что царевичъ самъ себя ножомъ укололъ, понадобилось Годуновыхъ извести, объявилъ, что царевичъ спасся, а теперь для того молву Шуйскій пустилъ, чтобы царя извести. Эхъ, слово бы только молвилъ мнѣ батюшка царь — придушилъ бы я стараго скареда, какъ Ѳедьку Годунова задушилъ.

— Чего душить! Соборъ Шуйскаго за измѣнное дѣло на смерть осудилъ, а батюшка-царь помиловалъ.

— Не въ мѣру царь милостивъ! Не то Шуйскаго, всѣхъ бы бояръ извести надо. На нихъ надѣяться-то нечего. То ли дѣло голутвенные люди — сказано: помремъ за царя Димитрія, и помремъ.

— Это ты, Миша, вѣрно. Только опять нельзя же бояръ извести...

— А почему нельзя? Небось, Иванъ Васильевичъ ихъ не баловалъ. А тутъ царю нечего бы и руки марать. Молвилъ бы да нашимъ молодцамъ волю далъ...

— У тебя точно рука не дрогнула бы. Пожалуй, со всѣмъ родомъ, племенемъ...

— Зачѣмъ со всѣмъ? боярынь, которыя помоложе, да боярышень мы бы оставили, за себя бы взяли, вотъ я бы на невѣстѣ Василья Шуйскаго, на княжнѣ Буйлосовой женился.

— Вишь, губа-то у тебя не дура.

— Эхъ, Гаврюшка, чѣмъ я не женихъ? и ростомъ, и дородствомъ взялъ. Не то, что эти старые псы — Шуйскій да Мстиславскій, что сѣды, какъ лунь, а жениться вздумали.

— Что-же дѣлать, когда раньше нельзя было — Годуновъ не позволялъ.

— Вѣдь экая собака — всякому-то какую ни на есть пакость придумывалъ.

— А ужь намъ всего хуже. По-моему, за Юрьевъ день онъ и съ престола слетѣлъ. Теперь, Богъ милостивъ, царь Юрьевъ день воротилъ.

— Ну, еще не воротилъ.

— Говоритъ, нельзя вдругъ. Надо вишь понемножку. Вотъ на первый случай царь и далъ указъ, чтобы тѣхъ хо-

лопей не ворочать, коихъ вотчинники, въ голодные года, не прокормили, и съ голодухи тѣ холопы ушли. А развѣ такихъ холопей мало?

— А по-моему, надо не понемножку. Всѣхъ бы этихъ бояръ да дворянъ...

— Эко, всѣхъ! Надо-же кому-нибудь у царя въ приближеньи быть.

— А мы-то на что? Теперь вотъ мы съ тобой, Мишка Молчановъ да Гаврюшка Веревкинъ такъ и писаться должны, даже Михайлецемъ либо Гаврильцемъ, какъ дьяковъ какихъ-нибудь, насъ не напишутъ. А тогда бы съ *вичемъ* писались — ближніе бояре Михайло Савичъ Молчановъ да Гаврила Ивановичъ Веревкинъ. А царское здоровье пуще бы бояръ, да вонъ этихъ пѣтуховъ, что у крыльца расхаживаютъ, берегли.

— Кажись, теперь никакихъ пустыхъ слуховъ нѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Петрушку Тургенева да Ѳедьку Калачника, за непригожія рѣчи про государя, казнили, больше такихъ рѣчей не слышно. Да врядъ народъ и повѣритъ. Я вѣдь тогда самъ слышалъ: Калачникъ, когда его съ Тургеневымъ на смерть вели, закричалъ: «приняли вы вмѣсто Христа антихриста и поклоняетесь посланному отъ сатаны!», а народъ за то въ него камнями пустилъ да закричалъ: «по дѣломъ тебѣ смерть!» такъ другимъ не повадно.

— А много ты знаешь! А вотъ что вечоръ со мной было. Пошелъ я по Стрѣлецкой слободѣ побродить. Смотрю, у стрѣльца Ивашки огни. Чтой-то, думаю, неужто пиръ. Дай, подойду, посмотрю. Ну, подошелъ къ окну, такъ что и рѣчи изъ избы слышны стали. Что-же? У Ивашки шестеро стрѣльцовъ въ гостяхъ и всѣ ругательски государя ругаютъ.

— Что-же ты?

— Вечоръ же все Басманову сказалъ. Теперь ужь всѣхъ семерыхъ скрутили.

Между тѣмъ, въ дворцовой палатѣ происходило засѣданіе боярской думы. Палата эта была великолѣпно украшена, стѣны ея обиты шелковыми персидскими тканями, цвѣтныя изразцовыя печи были въ ней съ серебряными рѣшетками, а замки у дверей съ позолотой. Царь сидѣлъ на престолѣ, вылитомъ изъ чистаго золота, обвѣшанномъ алмазными и жемчужными кистями; снизу его поддерживали

два серебряные льва, сверху покрывалъ крестъ, на крестѣ четыре щита, надъ которыми былъ золотой шаръ и орелъ, тоже золотой. Отъ трона на обѣ стороны, до дверей, у стѣнъ палаты были скамьи, обитыя бархатомъ; на нихъ сидѣли бояре, окольничіе и думные дворяне; думные дьяки большею частію стояли, только нѣкоторые изъ нихъ сидѣли вмѣстѣ съ паномъ Бучинскимъ, царскимъ секретаремъ.

— Вотъ, бояре,—сказалъ царь,—получены двѣ противорѣчивыя грамоты по одному и тому же дѣлу. Читай, панъ Бучинскій.

— Первая грамота отъ терскаго воеводы, Петра Головина. Вотъ онъ что пишетъ: «Воры изъ терскихъ казаковъ многими воровскими дѣлами промышляютъ. Сперва умыслили они на рѣку Куру идти и терскія области пограбить, а потомъ хотѣли персидскому шаху поддаться, да тотъ ихъ умыселъ не удался. Тогда триста изъ нихъ съ атаманомъ Ѳедькой Бодыринымъ такое воровское и измѣнное дѣло затѣяли: молву пустили, яко бы царица Ирина, бывъ не праздна, родила сына Петра, а лихіе люди того сына подмѣнили Ѳеодосіею, которая въ маломъ времени и скончалась, а будто тотъ царевичъ Петръ здравствуетъ и у нихъ, воровъ, терскихъ казаковъ, пребываетъ. И вѣдомо мнѣ учинилось, что они, воры, двоихъ казаковъ подговаривали: астраханца Митьку да муромца Илейку. А Митька сказалъ, что царевичемъ назваться не можетъ: потому—на Москвѣ никогда не бывалъ, тамошнихъ дѣлъ и царскихъ обычаевъ не знаетъ. А Илейка на то воровское дѣло согласился. И про того Илейку и про всѣ его воровскія дѣла мнѣ все доподлинно вѣдомо учинилось. Родомъ тотъ Илейка изъ города Мурома, Ваньки Коровина сынъ, жилъ въ Нижнемъ, у купца Гозильникова въ сидѣльцахъ, яблоками да горшками торговалъ, а послѣ у торговыхъ людей въ кормовые казаки нанимался, съ судами по Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ ходилъ, такожъ въ царскомъ войскѣ сперва въ казакахъ, а потомъ въ стрѣльцахъ былъ, въ Терскомъ городѣ у Григорья Елагина служилъ, а потомъ опять въ казакахъ на Терскъ съ головой Аѳанасьемъ Андреевымъ пошелъ. И про то воровское дѣло всякій разумный человѣкъ разсудить можетъ. Ибо вѣдаемъ, что царица Ирина родила дщерь Ѳеодосію, въ лѣто отъ сложенія міра семьтысящъ пятьсотое, и тотъ младенецъ теперь не больше четырнадцати годовъ былъ бы, а вору Илейкѣ

подъ двадцать. Но черный и некнижный народъ смущается и къ тѣмъ ворамъ казакамъ пристаетъ. А тебѣ бы, великому государю, ко мнѣ, своему холопу, ратныхъ людей съ нарядомъ и зельемъ на подмогу прислать, и я бы тѣхъ воровъ переловилъ».

— Хорошо терской воевода,—замѣтилъ князь Василій Шуйскій,—все по ряду пишетъ.

— Подъячій у него хорошій есть, — отозвался одинъ изъ дьяковъ,—никто какъ онъ это писалъ.

— А вотъ, друзья, грамота,—сказалъ Бучинскій,—отъ Петра Ѳедоровича и казаковъ.

«Государь дядюшка! вѣдать намъ учинилось, что ты, молитвами святыхъ угодниковъ, на прародительскомъ престолѣ сѣлъ и воровъ, что хотѣли тебя извести, казнилъ. Такъ ты и напредь дѣлай — воямъ-боярамъ потачки не давай. Вотъ и вѣрные мои слуги, казаки, на нихъ жалуются. «Государь хотѣлъ насъ пожаловать, говорятъ, да тѣ-же бояре, переводятъ жалованье бояре, да не дадутъ жалованья». И меня лихіе люди, Борька да Сенька Годуновъ съ товарищи, хотѣли извести. Да Матерь Божія Владимірская отъ ихъ умысловъ меня, все равно какъ тебя же, сохранила. А теперь тебѣ челомъ, государь дядюшка, бью и радъ твоей государской милости вѣрой и правдой служить».

— Ну, какъ же вы думаете объ этомъ, бояре?—спросилъ царь.

— А надо того вора поймать и повѣсить, — сказалъ Мстиславскій,—всякій воръ царевичемъ назовется, такъ ему и вѣрить.

Нѣкоторые бояре переглянулись между собою, Шуйскій погладилъ бороду, что онъ обыкновенно дѣлалъ въ хорошемъ расположеніи духа.

— По-моему, дѣло надо разобрать хорошенько, — молвилъ Басмановъ,—откуда это вышло? по-моему, не спроста. Казакамъ, да еще на Терекѣ, гдѣ бы такъ и выдумать. Сыскать бы, чье это дѣло.

— Сыскать, конечно,—согласился Шуйскій.

— А съ ворами-казаками что сдѣлать? — спросилъ Голицынъ.

— Какъ же, князь, — сказалъ царь, — ты, не разобравши дѣла, ихъ ворами называешь? Кто противъ нихъ пишетъ? подъячій? Такъ ему и повѣрить! Мы такъ сдѣ-

лаемъ, что они сами въ Москву придутъ. Напишите-ка, что я племянника, вмѣстѣ съ казаками, сюда зову. А тамъ увидимъ: обманщикъ онъ, накажемъ, а не обманщикъ, пожалуемъ. Брата Ѳедора я всегда любилъ и почиталъ и сыну его готовъ всякое добро сдѣлать. Родного человѣка я бы желалъ имѣть около себя. Мнѣ ужь случалось высказывать вамъ, бояре, свое задушевное желаніе. Но сегодня я хочу поговорить о немъ хорошенько. Стыдъ и срамъ всему православному христіанству, что въ Царьградѣ господствуютъ турки. Могли ли бы они тамъ удержаться, если бы противъ нихъ соединились всѣ христіанскіе государи? Даже не всѣ, я уже предложилъ союзъ братьямъ нашимъ: императору Рудольфу и королю Сигизмунду. Нашихъ соединенныхъ силъ совершенно достаточно, чтобы справиться съ турками. По-моему, русскому царю больше всѣхъ надо о томъ хлопотать. Развѣ нашъ прадѣдъ, Иванъ Васильевичъ, не женился на Софьѣ Ѳоминишнѣ, наслѣдницѣ византійскаго престола? По ней и я того престола наслѣдникъ. Опять Крымъ? Что можетъ быть для русскаго царства хуже этого разбойничьяго гнѣзда? А управившись съ турками, ничего не будетъ стоить покорить Крымъ. Поэтому я ничего не пожалѣю, чтобы совершить это великое дѣло.

— Конечно, ничего не надо жалѣть, — сказалъ Шуйскій, — говорятъ, Жижмонтъ хочетъ мириться съ тѣмъ, чтобы отдать ему Сѣверскую землю.

— Ни вершка земли я ему не отдамъ, — съ живостью вскричалъ царь.

— Говорятъ, еще онъ хочетъ, чтобы пустили въ Москву іезуитовъ и латинскія каплицы здѣсь были поставлены.

— Іезуитовъ не пущу и каплицъ не дамъ строить — одну, пожалуй, можно, потому что отчего же въ ней полякамъ по своему обряду не молиться, когда другіе иноземцы молятся. Но я сдѣлаю это не потому, что брату нашему Сигизмунду угодно. Какъ съ нимъ разговаривать, ужь это мое дѣло. Ему вонъ не понравилось, что я принялъ титулъ непобѣдимаго императора, но я постараюсь на дѣлѣ доказать, что я стою этого титула. А воевать съ турками Сигизмунду не меньше насъ надо. Теперь не въ томъ дѣло. Надо приготовляться къ походу. Сколько мы можемъ выставить войска?

— При братѣ твоемъ,—отвѣчалъ Басмановъ,—собиралось и до пятисотъ тысячъ.

— И половины довольно. Но главное — нужно войско обучить. Вотъ въ чемъ наша главная бѣда, бояре, что мы во всякой наукѣ далеко отъ иноземцевъ отстали. Построена ли крѣпость для ратной потѣхи?

— Построена.

— Хорошо. Мы на ней учиться будемъ крѣпости брать. Надо все войско по отрядамъ сюда приводить для ратной науки. Кого бы для начала привести?

— Всего лучше,—отвѣчалъ Шуйскій, — псковичей да новгородцевъ: они, пожалуй, и половчѣе другихъ будутъ.

— А сколько ихъ наберется?

— Тысячъ восемнадцать.

— Хорошо. Велѣть имъ придти сюда. А казны у насъ хватитъ? Въ этомъ на Рудольфа и Сигизмунда надѣяться нечего. Еще имъ придется помогать. Что-же казна?

— Благодареніе Господу! И золота, и серебра довольно. А жемчуговъ ведрами мѣрять. Твой родитель охотникъ до нихъ былъ, издалека доставалъ. Опять мѣховъ всякихъ у насъ много.

— Все-таки этой казны, — сказалъ Шуйскій, — для войны съ турскимъ салтаномъ не хватитъ. А вотъ могли бы въ этомъ дѣлѣ святыя обители помочь—дѣло вѣдь богоугодное. А обители святыя богаты, осмотрѣть бы ихъ, вѣдомости ихъ доходамъ составить, оцѣнить вотчины. Къ чему инокамъ богатство? только соблазнъ. Можно бы и все изъ обителей на войну противъ враговъ Христовыхъ взять, только самое необходимое оставить.

— Нѣтъ, этого я не хочу дѣлать,—сказалъ царь,—а конечно, обители могли бы помочь по силѣ своей. Жалѣю, нѣтъ сегодня въ думѣ владыки патріарха, говорятъ, недуженъ. Да, послѣ думы, я къ нему съѣзжу, потолкую объ этомъ. Скоро, бояре, у меня большой праздникъ будетъ: окольничій Власьевъ пишетъ, что Марина Юрьевна съ родителемъ своимъ и послами королевскими уже отправилась въ путь къ намъ, въ Москву. Надо все приготовить къ пріѣзду дорогихъ гостей.

— Какъ-же! Какъ-же!—вскричалъ Шуйскій,—царицу и ея сродниковъ по-царски надо и встрѣтить. Вотъ доведись до меня, кажется, послѣдней рубашки не пожалѣю.

— Спасибо, Василій Ивановичъ,—ласково сказалъ царь.

— Безпремѣнно надо для нихъ, — продолжалъ Шуйскій,—всѣ кремлевскія палаты и дома очистить.

— А торговыхъ да духовныхъ людей погнать?—возразилъ Басмановъ,—жалобиться будутъ.

— Это для царя-то, государя, потѣсниться не захотятъ? Жизни своей не жалѣть должны, не токмо..

— Да можно ихъ за то и наградить,—сказалъ царь.— Ну, на сей день довольно, бояре. О другихъ дѣлахъ завтра поговоримъ.

И, сопровождаемый думными людьми, царь пошелъ по Красному крыльцу.

У крыльца стояли уже нѣсколько конныхъ спальниковъ, долженствовавшихъ сопровождать царя къ патріарху. Два конюха съ трудомъ удерживали превосходнаго аргамака, на которомъ собирался ѣхать царь. Сѣдло на конѣ, узда и стремена были украшены золотомъ, изумрудами и яхонтами.

Толпа народа любовалась на богато украшеннаго коня. Впереди ея, у самаго крыльца, стоялъ тотъ человѣкъ, который утромъ такъ усердно молился въ Покровскомъ соборѣ.

— Что ты? съ просьбой что-ли къ царю?—окликнулъ его Молчановъ.

— Съ просьбой, дѣло есть.

— Становись ко крыльцу.

— Ну, конь, ребята!—говорили въ толпѣ.

— А сбруя-то? какъ жаръ горитъ.

— А видѣлъ ты царскую колесницу али сани?

— Нѣтъ.

— Серебромъ, братъ, окованы, бархатомъ и соболями обиты. Да не любитъ царь на нихъ ѣздить. Почитай, всегда на конѣ.

— А конь—звѣрь-звѣремъ. Вонъ конюхи насилу держатъ.

— Вотъ погляди, какимъ соколомъ царь на него вскочитъ.

Царь показался на Красномъ крыльцѣ. Весь народъ ударилъ челомъ. Только тотъ человѣкъ, что ближе всѣхъ къ крыльцу стоялъ, не шевельнулся.

— Ты что!—закричалъ одинъ изъ бояръ, — одурѣлъ что-ли?

— Оставь его, бояринъ,—сказалъ царь,—кто ты таковъ?—продолжалъ онъ, обращаясь къ незнакомцу.

— Дьякъ, Тимоѳей Осиповъ.

— Что тебѣ надо?

— Слово тебѣ сказать хочу.

— Какое? говори.

— А вотъ какое. Ты воистину Гришка Отрепьевъ, раєстрига, а не цезарь непобѣдимый, не царевъ сынъ Димитрій, но грѣху рабъ и еретикъ.

Всѣ какъ бы оцѣпенѣли отъ этихъ словъ, такъ они были неожиданны. Пользуясь минутнымъ смятеніемъ, Осиповъ могъ бы попытаться броситься въ толпу и скрыться, но онъ нѣсколько мгновеній стоялъ неподвижно, лицо его сіяло, онъ шепталъ:

— Слава Тебѣ, Господи! Мать Пречистая Владычица! Привелъ Господь! сподобилъ!

Истово перекрестился онъ и въ землю поклонился предъ Успенскимъ соборомъ. Его тотчасъ схватили.

Царь уже мчался къ Чудову монастырю.

Басмановъ въ смущеніи шелъ ко дворцу. Ему встрѣтились двое нѣмцевъ не изъ ратныхъ людей. Они тоже видѣли сцену у крыльца. Одинъ изъ нихъ, постарше, заговорилъ съ Басмановымъ, съ которымъ былъ давно и коротко знакомъ.

— Батюшка, Петръ Ѳедоровичъ! скажи ты мнѣ, сдѣлай милость, о чемъ я тебя попрошу. Говори прямо, все равно, что глазъ на глазъ: это со мной мой зять Мартинъ Беръ, человѣкъ вѣрный—не проболтается.

— Что тебѣ надо, Конрадъ?

— Имѣетъ ли всемилостивѣйшій государь законное право на русскій престолъ?

— Вамъ, нѣмцамъ, онъ все равно, что отецъ и братъ,—сказалъ Басмановъ,—онъ жалуетъ васъ болѣе, чѣмъ всѣ прежніе государи. Молитесь вмѣстѣ со мной о его счастьѣ. Хотя онъ не истинный царевичъ, однако нашъ государь: мы ему присягнули, да лучше его царя и не найти.

И Басмановъ поспѣшно ушелъ отъ нѣмцевъ.

— То же самое мнѣ говорили'—сказалъ Конрадъ,—аптекарь, который сорокъ лѣтъ царю Ивану служилъ, и царевича хорошо зналъ, и повивальная бабка—лифляндка, которая безотлучно при царевичѣ и въ Угличѣ жила

— Пожалуй, этакъ большія бѣды выйдутъ,—замѣтилъ Мартинъ.

— Мы имъ не поможемъ!—печально отвѣчалъ Конрадъ,—а объ этомъ я въ своихъ запискахъ отмѣчу.

Записки Конрада Буссова сохранились до нашего времени, только долгое время приписывались его зятю, Мартину Беру.

Между тѣмъ царь, побывавъ у патріарха Игнатія, подъѣхалъ къ отряду стрѣльцовъ, собранному на площади, по его приказанію.

— Вчера, ребята, — сказалъ онъ,—донесли мнѣ, что семеро изъ вашихъ товарищей говорили обо мнѣ непотребныя рѣчи. Они и сами въ томъ сознались. Я велѣлъ васъ для того созвать, чтобы вы сами назначили, что съ ними за то сдѣлать. Вотъ и ихъ привели къ вамъ.

— Спасибо, государь!—крикнули стрѣльцы.

Голова Григорій Микулинъ выступилъ впередъ.

— Дай волю мнѣ, государь,—сказалъ онъ,—я у тѣхъ измѣнниковъ не только что головы поскусаю, и черева изъ нихъ своими зубами повытаскаю.

Стрѣльцы обнажили сабли, бросились на семерыхъ обвиненныхъ товарищей и изрубили ихъ въ куски.

Въ это самое время Василій Ивановичъ Шуйскій въ своемъ боярскомъ домѣ бесѣдовалъ тайно съ князьями Васильемъ Васильевичемъ Голицынымъ и Иваномъ Семеновичемъ Куракинымъ и съ думнымъ дворяниномъ Татищевымъ.

— Что?—сказалъ Шуйскій послѣднему,—не прогулялся въ Вятку?

— Нѣтъ. Разстрига, по просьбѣ Басманова, пожаловалъ. Я вотъ ихъ обоихъ отблагодарю!

— Да за что на тебя Разстрига распалился?

— А ты не знаешь?—со смѣхомъ отвѣчалъ Шуйскій, вмѣсто Татищева.—Да вѣдь ты въ подмосковную уѣзжалъ, такъ и не слыхалъ. Въ четвергъ мы обѣдали у Разстриги. Вдругъ подаютъ телятину. Въ великій-то постъ! Ну я, чтобы всѣмъ было попримѣтнѣе, и сталъ потихоньку говорить, что у насъ, русскихъ, телятина яства не положеная.

— А я не выдержалъ, — промолвилъ Татищевъ, — да прямо и брякнулъ, что однимъ еретикамъ можно себя такимъ яствомъ осквернить.

— Такъ за это тебя и въ Вятку?

— Ну, теперь милость явили! По гробъ благодаренъ буду!

— А молодецъ Осиповъ! побольше бы такихъ!

— Народъ-то слышалъ.

— А казнятъ Осипова — народъ мученикомъ чтить будетъ.

— И самъ Разстрига,—прибавилъ Шуйскій,—хоть и мѣдный лобъ, а не нашелъ, что сказать.

— Дивовался я сегодня на тебя, Василій Ивановичъ,—прервалъ его Салтыковъ,—какія ты рѣчи сегодня въ Думѣ говорилъ.

— А какъ же не говорить? Вѣдь я теперь съ Ѳедькой Басмановымъ первые совѣтники великаго государя. И онъ ко мнѣ милостивъ—не по заслугамъ жалуетъ.

— Такъ развѣ ты для этого?

— Да, чтобы послужить ему вѣрой и правдой. Смекай-ка самъ. Къ Москвѣ восемнадцать тысячъ новгородцевъ и псковичей придутъ, а они хлѣбъ-соль Шуйскихъ помнятъ, да и о Разстригѣ имъ довольно сказано.

— А! значитъ, намъ подмога!

— А духовные да купцы, коихъ изъ Кремля погонятъ, тоже, чай, за то великаго государя поблагодарятъ.

— Ну, а о каплицахъ да обителяхъ для чего ты говорилъ?

— Жаль, великій государь на мои слова не согласился—больше бы ему ничего и не нужно! Да и то хорошо. Все-таки можно будетъ сказать, что онъ объ этомъ въ Думѣ говорилъ.

— Экой у тебя разумъ, Василій Ивановичъ!

— А въ народѣ сильно поговариваютъ, что онъ постовъ не блюдетъ, въ баню не ходитъ, передъ обѣдомъ рожи не перекреститъ, всякую запрещенную снѣдь жретъ.

— Погоди,—сказалъ Шуйскій,—еще не то заговорятъ, какъ поганая Маринка со своими ляхами пріѣдетъ. И прежде поляки буйствовали, да Разстрига хитеръ: воли имъ не давалъ, вонъ Линскаго за буйство велѣлъ кнутомъ отодрать, а теперь гостей, что съ государыней царицей пріѣдутъ, нельзя же драть. Прежнихъ-то онъ и распустилъ, осталось немного, а съ Мариной опять наѣдутъ.

— И буянить будутъ безпремѣнно.

— А намъ и съ руки. Да надо пустить вотъ еще какой слухъ: что Разстрига для того хочетъ сдѣлать приступъ къ деревянному городку за Срѣтенскими воротами, чтобы во время потѣхи окружить и перебить всѣхъ бояръ, а потомъ безъ помѣхи полцарства отдать полякамъ, а народъ въ латинство привести.

2-го мая, невѣста царя, Марина Мнишекъ, дочь сандомирскаго воеводы Мнишка, пріѣхала въ Москву и остановилась въ Вознесенскомъ монастырѣ. Съ нею пріѣхали польскіе паны Олѣсницкій и Гонсѣвскій, отецъ ея пріѣхалъ раньше. Начались пиры за пирами и продолжались цѣлыхъ двѣ недѣли, въ продолженіе которыхъ совершилась коронація Марины и бракъ ея съ царемъ.

— Ну, Шуйскій,—говорилъ, 16-го числа, царь Василью Ивановичу Шуйскому,—терпѣливъ ты, нечего сказать, сколько времени помолвилъ свою княжну, а до сихъ поръ не женишься—я на тебя не похожъ.

— Гдѣ же мнѣ съ тобой равняться, государь. Опять и супруга твоя красоты неописанной.

— А я слышалъ, что не всѣмъ русскимъ нравится: и ростомъ не велика, и не толста. Русскіе вѣдь поплотнѣе любятъ.

— Что ты, царь-государь, а обхожденье, а рѣчи? одно слово—царица.

— Все-таки я поторопился, 8-го мая обвѣнчался, на Николинъ день, вѣдь грѣшно, мнѣ тогда въ голову не пришло, а владыка патріархъ не напомнилъ.

— Можетъ и самъ позабылъ: не русскій онъ, а грекъ, гдѣ ему всѣ наши обычаи помнить. Да что тебѣ, государь, о томъ думать: простому человѣку нельзя, а тебѣ все можно.

— Что тамъ за шумъ?

Оказалось, что двое алебардщиковъ, нѣмцевъ, привели русскаго, который говорилъ непригожія рѣчи о государѣ. Капитанъ первой роты иноземной царской стражи, французъ Маржеретъ, доложилъ о томъ царю и привелъ алебардщиковъ вмѣстѣ со взятымъ человѣкомъ. Послѣдній едва держался на ногахъ.

— Да онъ пьянъ мертвецки,—сказалъ царь.

— Тѣмъ скорѣе надо его выслушать, государь. Знаете, in vino veritas.

— Полно, мой храбрый Маржеретъ. Развѣ вашъ Генрихъ IV обращаетъ вниманіе на болтовню пьяныхъ?

— Иногда и это нужно.

— Хорошо, я его самъ допрошу. Знаешь ты меня?— спросилъ царь пьянаго.

— Тебя?.. не знаю.

— А царя знаешь?

— Царя-то у насъ нѣтъ.

— Вотъ какъ!

— Еретикъ на царствѣ сидитъ... телятину жретъ... пляшетъ, какъ скоморохъ... хари носитъ... въ баню не ходитъ.

— Уведите-ка его, пусть проспится. Алебардщикамъ дать по червонцу, да сказать, чтобы пьяныхъ не трогали. Мало-ли что пьяный сболтнетъ. Да если только это худое говорятъ про меня въ народѣ, что онъ болталъ, такъ, кажется, не велики преступленія.

— Въ глазахъ московитовъ они, пожалуй, и велики. Всячески для примѣру наказать не мѣшаетъ.

— Не люблю я этого. Видишь, капитанъ, есть два способа царствовать. Одинъ страхомъ сдерживать людей, другой—привязывать ихъ къ себѣ милостями, прощеніемъ и любовью. Я предпочитаю послѣдній. Результаты до сихъ поръ были хороши. Не правда ли, Шуйскій?

— Самъ знаешь, государь, что за твои милости я готовъ голову сложить.

— А все-таки, государь, не велишь ли созвать на ночь всѣхъ нѣмецкихъ тѣлохранителей во дворецъ?

— Если тебѣ хочется, пожалуй.

Вошли Веревкинъ и Молчановъ. Маржеретъ ушелъ исполнять приказанія.

— Государь,—сказалъ послѣдній,—въ народѣ непригожія рѣчи говорятъ.

— Надоѣло! и слушать не хочу! Что это за безпрестанные доносы. Годуновъ ихъ любилъ, да что оттого пользы было? Опять вездѣ шпіоновъ завести, да еще моленіе при заздравной чашѣ, какъ при Годуновѣ, на всякомъ пиру. Какъ вы тогда молились? чай, помнишь, Шуйскій?

— Какъ не помнить. «Чтобъ онъ, Борисъ, единый подсолнечный царь и его царица и ихъ царскія дѣти на многія лѣта здоровы были и счастливы, недругамъ своимъ

страшны, чтобы великіе государи его царскому величеству послушны были съ рабскимъ послушаніемъ и отъ пресѣченія меча его всѣ страны трепетали, чтобы его прекрасноцвѣтущія, младоумножаемыя вѣтви царскаго изращенія въ наслѣдіе превысочайшаго россійскаго царствія были на вѣки и нескончаемые вѣки безъ урыву, а на насъ бы, рабахъ его, отъ пучины премудраго его разума и обычая и милостиваго права неоскудныя рѣки милосердія изливались выше прежняго».

— Вонъ какъ! кстати о вѣтвяхъ. Что Ксенія Борисовна?

— Постриглась.

— Чай, тужитъ. Жаль бѣдняжку. Постарайся, Шуйскій, чтобы она ни въ чемъ не нуждалась. А доносовъ я и слышать не хочу. Да вотъ какъ: Годуновъ награждалъ доносчиковъ, а я наказывать буду.

Въ палату быстро вошелъ тесть царскій, Сендомирскій воевода, Юрій Мнишекъ.

— Государь! въ Москвѣ нехорошо. Въ разныхъ мѣстахъ народъ подрался съ поляками. У дома, гдѣ живетъ князь Вишневецкій, разъ собралось до четырехъ тысячъ черни, насилу разогнали. Сегодня такое волненіе, что послы поставили у себя на дворѣ стражу; я тоже всю свою пѣхоту поставилъ, и люди донесли мнѣ, что москвичи не продаютъ имъ пороха и оружія. Что это значитъ?

— А то значитъ, что сошлись два народа съ разными нравами и обычаями. Что мудренаго, что черные люди поспорятъ, когда самъ панъ Олѣсницкій такого шума надѣлалъ изъ-за того, что я его, по нашему обычаю, не за однимъ столомъ съ собой посадилъ.

— Это понятно — онъ не хотѣлъ честь своего государя уронить.

— Зачѣмъ же вы кричали о моемъ Власьевѣ, когда онъ хлопоталъ о моей чести?

— Да какъ онъ хлопоталъ? Кардиналъ, во время обрученія государыни Марины Юрьевны, спрашиваетъ Власьева: «Не давалъ ли царь обѣщанія другой невѣстѣ?» Власьевъ отвѣчаетъ: «А мнѣ какъ знать? о томъ мнѣ ничего не наказано». Бились, бились съ нимъ, наконецъ онъ отвѣчалъ: «Если бы обѣщалъ другой невѣстѣ, то не послалъ бы меня сюда». Потомъ не хотѣлъ взять государыню за руку, а не-

премѣнно хотѣлъ прежде свою руку обернуть въ чистый платокъ, о томъ хлопоталъ, чтобы платье его къ платью государыни не прикасалось, за королевскимъ столомъ ѣсть не хотѣлъ, говорилъ, что холопу неприлично ѣсть при такихъ высокихъ особахъ, а довольно и смотрѣть, какъ они кушаютъ.

— Можетъ быть, все это очень смѣшно, но Власьевъ не по глупости такъ дѣлалъ. Напротивъ, онъ человѣкъ очень умный и думалъ, что, дѣйствуя иначе, умалитъ честь своего государя. А въ ссорахъ съ русскими поляки сами виноваты. Давно-ли ко мнѣ явились съ жалобой, что полякъ вытащилъ боярыню, ѣхавшую въ повозкѣ, и...

— Ты знаешь, государь, что, по слѣдствію, это оказалось ложнымъ. А я прошу тебя принять мѣры.

— Государь уже принялъ, — сказалъ Шуйскій, — велѣлъ на ночь собрать около дворца всѣхъ нѣмецкихъ тѣлохранителей.

— Вздоръ, не надо, — возразилъ царь, покраснѣвъ, — никто не скажетъ, что царь Димитрій боится чего-нибудь, находясь среди своего народа. Шуйскій, скажи, чтобы около дворца не было ни одного человѣка болѣе противъ обыкновенной стражи. А чтобы успокоить тебя, панъ, я велю разставить по улицамъ стрѣлецкую стражу.

— Миша! — сказалъ Веревкинъ, оставшись наединѣ съ Молчановымъ.

— Что?

— Какъ царь-то велѣлъ нѣмцевъ распустить, Шуйскій погладилъ бороду и ухмыльнулся — не по нраву мнѣ эта усмѣшка — какъ бы худа какого не вышло?

— Непремѣнно выйдетъ. Видишь, царь совсѣмъ въ этихъ бояръ ввѣрился, а настоящимъ своимъ слугамъ вѣры не даетъ. Каковъ! За доносы казнить буду! Его же здоровье берегутъ, а онъ казнить.

— А все же беречь надо. Безъ него намъ, голутвеннымъ людямъ, плохо будетъ.

— Я хоть и не совсѣмъ изъ голытьбы, а вотъ этихъ бояръ крѣпко не люблю, насолили они мнѣ.

— Побережемъ царя. Знаешь, что я придумалъ. Пройду я ночью въ домъ Шуйскаго да посмотрю, что тамъ дѣлается.

— Шею свернутъ.

— Ты думаешь, я такъ зря полѣзу? Нѣтъ, братъ, я знаю, какъ за это дѣло взяться. Я вѣдь долго жилъ въ дому боярина Александра Никитича Романова, всѣ ходы и лазы знаю. Нынѣ тотъ домъ запустѣлъ. Когда царь Романовыхъ изъ ссылки, куда ихъ упряталъ Годуновъ, воротилъ, то домъ, за смерью Александра Никитича, его женѣ достался, да она тамъ не живетъ, а только холопы въ маломъ числѣ. Всѣ они меня знаютъ, я къ нимъ приду да и останусь ночевать. А домъ-то Александра Никитича съ домомъ Шуйскаго задами смежной. Я и лазейку знаю, какъ туда пробраться. Тамъ высмотрю.

— Хоть и высмотришь и скажешь царю, а онъ не повѣритъ. Я вотъ лучше придумалъ. Буду ночевать на царской конюшнѣ. Конюхи свои люди. Я къ ночи всякой разъ буду сѣдлать трехъ коней: для себя, для тебя и для *него*.

Въ сумерки Веревкинъ пробирался къ дому Романова. Несмотря на май мѣсяцъ, съ ночи насталъ сильный холодъ.

Двѣ женщины хлопотали въ огородѣ.

— Ой, дѣвонька! — говорила одна изъ нихъ,—эка бѣда, какъ бы все не померзло.

— Экой холодъ Богъ послалъ.

— Не Богъ послалъ, а дьявольское навожденіе. Замѣсто царицы-то у насъ теперь вѣдьма.

— Что ты?

— Какъ же! Слышь ты, и послѣ свадьбы въ баню не пошла.

— Не пошла?

— Не можетъ, потому — хвостъ увидятъ. И царь-то, говорятъ, не царь, а...

Веревкинъ и слушать дальше не сталъ.

«Даже бабы толковать стали!» — подумалъ онъ.

Люди Романова приняли Веревкина съ радостью и даже съ почетомъ. Это нѣсколько помѣшало его планамъ. Его такъ усердно угощали, что не раньше полуночи, когда ужъ его хозяева заснули, онъ могъ уйти въ садъ. Тамъ онъ скоро отыскалъ знакомую лазейку въ садъ Шуйскаго. Потомъ дальше подвигаться ему приходилось съ большою осторожностью, онъ понималъ, что ему плохо придется, если его увидятъ.

Подходя къ хоромамъ и двору Шуйскаго, онъ, къ удивленію своему, замѣтилъ, что тамъ множество народа.

Гаврила тотчасъ смекнулъ, что это для него выгодно. Значитъ, на дворѣ Шуйскаго есть и сторонніе люди, и въ толпѣ всего лучше укрыться. Веревкинъ такъ и сдѣлалъ. Однако, онъ и тутъ не измѣнилъ своей осторожности и, чуть замѣчалъ знакомое лицо, держался подальше. А знакомыхъ было немало: сотниковъ, пятидесятниковъ, купцовъ. Всѣ были вооружены. Недолго, впрочемъ, ему пришлось и пробыть на дворѣ.

Изъ хоромъ показались бояре, впереди всѣхъ Василій Ивановичъ Шуйскій, оба Голицыны, Куракинъ, Татищевъ и многіе другіе. Всѣ были въ панцыряхъ. Шуйскій поклонился на всѣ стороны и началъ говорить:

— Православные, Москва гибнетъ! Давно я говорилъ, что вмѣсто царя у насъ самозванецъ; въ ту пору мнѣ никто не помогъ и чуть головы своей я не потерялъ. А теперь въ Москву вошли многія тысячи поляковъ, да и на царствѣ полякъ сидитъ. Только нѣмцевъ да поляковъ любитъ и жалуетъ, тѣмъ, кто на гудкахъ играютъ, больше жалованья, чѣмъ боярамъ, даетъ, храмы Божіи—Николая Чудотворца и Успенія Божіей Матери—осквернили: позволилъ некрещенымъ ляхамъ туда псовъ приводить, пастырей церковныхъ изъ домовъ выгналъ и латынянъ туда помѣстилъ, да и самъ на поганой полькѣ женился. Если мы не встанемъ за вѣру, то много онъ бѣдъ надѣлаетъ. А я для вѣры на все готовъ, только помогите, православные. Нашихъ нѣсколько сотъ тысячъ, а нехристей немного, да и тѣ въ разныхъ мѣстахъ, я ужь велѣлъ и дома помѣтить, въ коихъ они живутъ. Псковскія и новгородскія дружины, по моему приказу, въ городъ вступили и всѣ двѣнадцать кремлевскихъ воротъ заняли, а нѣмцевъ отъ дворца я уже распустилъ, только тридцать человѣкъ ихъ осталось, есть еще тамъ и стрѣльцы, да тѣ противъ насъ не пойдутъ. Готовы-ли, православные, за нами, боярами, идти?

— Готовы! Всѣ готовы за вѣру животъ положить.

Веревкинъ дальше не сталъ слушать и понемногу пробрался въ садъ Шуйскаго. Оттуда онъ увидалъ, что заговорщики садятся на коней, и впереди всѣхъ Шуйскій съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечемъ въ другой.

Опрометью пробѣжалъ Гаврило оба сада и дворъ Романова. Дорогою онъ соображалъ:

«Они, вѣрно, пойдутъ чрезъ Фроловскія ворота, а мнѣ надо обходомъ чрезъ другія».

Пробѣгая по Ильинкѣ, онъ услышалъ, что въ церкви Ильи Пророка ударили въ набатъ. Скоро набатный звонъ раздался по всѣмъ московскимъ колокольнямъ.

Народъ, полуодѣтый, въ тревогѣ, выбѣгалъ на улицы.

— Что такое? Что случилось?

— Царя хотятъ зарѣзать, — кричали всадники, скачущіе во весь опоръ по улицамъ.

— Кто?

— Поляки! Да бояре ужь къ нему на подмогу пошли, а вы, православные, тѣхъ поляковъ поудержите, что возлѣ васъ живутъ, и мы поможемъ.

Народъ вооружался чѣмъ попало и бѣжалъ къ домамъ, занятымъ поляками, которыхъ давно уже москвичи ненавидѣли.

Кремлевскія ворота были заняты отрядомъ ратныхъ людей.

— Стой! куда ты? — закричалъ онъ Веревкину.

— Пропустите! я княземъ Васильемъ Ивановичемъ Шуйскимъ посланъ. Не держите, братцы. Сами знаете, какое дѣло.

Его пропустили. Еще подбѣгая ко Кремлю, онъ уже слышалъ выстрѣлы и крики.

«Можно ли въ покои? — думалъ Гаврила, — дай, проберусь сперва въ конюшни, посмотрю, что Молчановъ дѣлаетъ».

Молчановъ уже сидѣлъ на конѣ и держалъ двухъ другихъ.

— Садись скорѣе, Мишка, да и на утекъ, пока цѣлы.

— А царь?

— Ему не поможемъ. Ему, вѣрно, конецъ пришелъ.

— Да что случилось, разсказывай.

— Что разсказывать-то. Какъ сказано — осѣдлалъ я коней. Лежу, не спится. Вдругъ набатъ. Думаю, пожаръ, что-ли, кинулся на крыльцо. Вижу, валитъ народу видимо, невидимо. На крыльцѣ Басмановъ спрашиваетъ: что вамъ надо? а ему на то: «выдай самозванца!» Онъ велѣлъ нѣмцамъ народъ сдерживать, а самъ къ государю въ опочивальню побѣжалъ. Я за нимъ, а за мной еще одинъ изъ тѣхъ, что ко дворцу шли; нѣмцы оплошали, пропустили его. Вбѣжалъ онъ въ опочивальню да и заоралъ: «Ну, безвременный царь! проспался ли ты? Зачѣмъ не выходишь къ народу и не

даешь ему отвѣта?» Басмановъ схватилъ царскій мечъ и отрубилъ голову крикуну, а царь выхватилъ мечъ у одного изъ нѣмцевъ, бросился къ народу и кричалъ: «я вамъ не Годуновъ». Они стрѣлять стали. Тогда царь ушелъ. Взошли на крыльцо Шуйскій и другіе бояре. Басмановъ сталъ ихъ уговаривать, чтобы не выдавали царя, а Татищевъ какъ хватитъ его ножомъ! И трупъ его тотчасъ съ крыльца сбросилъ. Вижу, опять царь бѣжитъ. Нѣмцы, между тѣмъ, съ народомъ схватились, да что они могли топориками своими сдѣлать! Будь бы они всѣ да съ ружьемъ, можетъ быть, не то бы было. Царь видитъ — дѣло худо, побѣжалъ къ царицѣ, волосы на себѣ рветъ, я за нимъ. У царицы всѣ въ переполохѣ. Царь закричалъ: «спасайся, Марина!» и побѣжалъ дальше. А я отсталъ отъ него и побѣжалъ на конюшню.

— Значитъ, царь еще живъ! Надо его выручить.

— Да поди, выручай. Своя голова дороже.

— Не стыдно тебѣ! Вѣдь ты присягалъ ему, милостями его взысканъ.

— Нечего растобарывать! Хочешь, поѣзжай со мной, не то ступай къ лѣшему! Я и одинъ уѣду.

— Недалеко уѣдешь. У всѣхъ воротъ караулы стоятъ. Со мной точно проѣдешь, потому я слово такое знаю. А безъ меня шею свернутъ.

— Врешь?

— Попробуй. Лучше слушай, Мишка, мою рѣчь. Дожидайся меня здѣсь съ конями. А я попытаюсь царя выручить. Выручу и слава те, Господи, тогда всѣхъ проведу. Не вернусь черезъ часъ, поѣзжай одинъ.

Можетъ быть, Молчановъ повѣрилъ, что одного его не пропустятъ, а можетъ быть и совѣстно стало, только онъ рѣшился подождать.

Веревкинъ бѣжалъ по той сторонѣ дворца, которая выходила къ сломанному дому Годунова. Тамъ онъ догналъ стрѣльца, который тоже бѣжалъ во дворецъ. Стрѣлецъ оказался знакомый.

— Куда ты?—спросилъ Веревкинъ.

— Къ царю.

— Гдѣ онъ?

— Въ палатахъ. Мы тутъ близко на караулѣ стояли. Смотримъ, кто-то изъ окна на подмостки скочилъ, что для

праздника сдѣланы, хотѣлъ ниже соскочить, да поскользнулся, палъ на земь, застоналъ. Подбѣжали мы и ахнули. Видимъ, царь лежитъ. Водой его спрыснули, къ годуновскому дому снесли. Очнулся онъ, говоритъ: «спасите, ребята, отъ измѣнниковъ бояръ; за то все ихъ имѣнье и женъ вамъ отдамъ». Ну, наши понесли его въ палаты, а меня послали еще другихъ стрѣльцовъ на подмогу кликнуть, да я никого не сыскалъ.

— Побѣжимъ скорѣе.

Но чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе было бѣжать. Весь дворецъ былъ полонъ народомъ. Все немилосердно грабили, срывали даже бархатъ съ лавокъ, ручки съ дверей, рѣшетки съ изразцовыхъ печей. Веревкина и стрѣльца догналъ нѣмецкій копейщикъ. И его зналъ Веревкинъ. Это былъ лифляндскій дворянинъ, Вильгельмъ Фирстенбергъ.

— Не знаешь ли чего-нибудь о царѣ?

— Ищу его. Если нужно, умру съ нимъ.

— Ваши гдѣ?

— Перевязаны. Я одинъ ускользнулъ. Видѣлъ я, какъ царя несли мимо того мѣста, гдѣ наши, онъ увидѣлъ ихъ, такъ даже заплакалъ. А потомъ я за толпой отсталъ. Да стрѣльцы его обороняютъ.

Наконецъ толпа совершенно загородила дорогу. Послышались голоса.

— Не выдадимъ!—кричали стрѣльцы.

— Такъ вотъ что, ребята, пойдемъ на стрѣлецкія слободы, заберемъ ихъ женъ и дѣтей, посмотримъ, какъ они тогда вора не выдадутъ.

— Постойте! спросите царицу Марѳу. Если она скажетъ, что это ея сынъ, то мы всѣ за него помремъ; если же скажетъ, что онъ не сынъ ей, то Богъ въ немъ воленъ.

— Хорошо!

Толпа разступилась; вышелъ князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ. Пользуясь этимъ, Веревкинъ и два его спутника вбѣжали въ палату. Стрѣлецъ прошелъ къ своимъ, Фирстенбергъ подбѣжалъ къ царю, но Веревкинъ не успѣлъ этого сдѣлать, потому что его кто-то удержалъ за руку. Онъ оглянулся. Оказалось, что его держитъ его пріятель, дворовый человѣкъ Голицына.

— Не ходи, убьютъ,—шепнулъ онъ.

Веревкинъ пріостановился. Но ему уже видно было царя.

Онъ лежалъ на лавкѣ, стрѣльцы стояли кругомъ, но бояре впереди другихъ заговорщиковъ все ближе и ближе подступали. Иному удавалось щипнуть, другому — кольнуть его. Одинъ успѣлъ надѣть на него поварской колпакъ. Они увидѣли Фирстенберга.

— Экой усердный песъ нѣмецкій! и теперь не покидаетъ своего царя! — вскричалъ одинъ изъ бояръ и закололъ Фирстенберга.

— Всѣхъ ихъ надо до одного перебить!

— Зачѣмъ? Они люди смирные, отъ нихъ никому обиды не было. Вотъ съ поляками такъ надо расправиться.

— Ихъ ужь угощаютъ!

— Поглядите на царя всероссійскаго!

— Такой царь у меня на конюшнѣ!

Одному изъ бояръ удалось подскочить къ несчастному и ударить его въ лицо.

— Говори, кто ты? кто твой отецъ, и откуда ты родомъ?

— Вы всѣ знаете, что я царь вашъ, сынъ Ивана Васильевича. Спросите мать мою—она въ монастырѣ, или выведите меня на лобное мѣсто и дайте поговорить съ народомъ.

— Я былъ у царицы Маріы, — вскричалъ, вбѣгая, Иванъ Васильевичь Голицынъ, — она говоритъ, что сынъ ея убитъ въ Угличѣ, а это самозванецъ. Тоже и Нагіе говорятъ.

Изъ толпы выскочилъ боярскій сынъ Валуевъ и вскричалъ:

— Что толковать съ еретикомъ! Вотъ я благословлю этого польскаго свистуна!

И онъ выстрѣлилъ въ несчастнаго въ упоръ.

— Бей! руби его!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Убирайся, пока цѣлъ,—шепнулъ опять пріятель Веревкину.

Черезъ нѣсколько минутъ, Веревкинъ и Молчановъ, во весь опоръ, летѣли къ тѣмъ же воротамъ, чрезъ которыя раньше Веревкинъ вошелъ въ Кремль.

— Пропускайте скорѣе! — крикнулъ Веревкинъ ратнымъ, — князь Василій Ивановичъ послалъ меня съ приказомъ къ нашимъ, что съ поляками расправляются.

— А что воръ?

— Убитъ, — глухо проговорилъ Веревкинъ, — я самъ видѣлъ.

— По дѣломъ! Ура царю Василью Ивановичу!

— Вотъ оно — что, думалъ Гаврила, несясь по московскимъ улицамъ.

За нѣсколько верстъ отъ города Молчановъ остановилъ коня.

— Теперь можно и вздохнуть маленько, — сказалъ онъ, — погони не будетъ, не до насъ теперь. Съ поляками тамъ расправляются, а тѣ тоже даромъ въ руки не дадутся. Тѣмъ, кои въ царскихъ палатахъ были, досталось. Марина-то сама, я слыхалъ, сперва въ погребъ сбѣжала, а потомъ подъ юбку къ своей старшей боярынѣ спряталась — благо, юбки-то онѣ носятъ широкія.

— А старуху-то развѣ не тронули?

— Что старую каргу трогать! У меня тутъ усадебка есть. Тамъ постоимъ малое время.

Въ усадебкѣ Молчанова оказалось немного жителей. Одинъ изъ нихъ поразилъ своей наружностью даже Веревкина, который мало чему дивился. Это былъ человѣкъ средняго роста, но въ плечахъ, какъ говорится, косая сажень, съ высокою грудью и сильными, мускулистыми руками.

— Съ этимъ молодцомъ, пожалуй, и покойный атаманъ Косолапъ не справился бы.

— Куда твоему Хлопкѣ съ Ванюхой тягаться. Ванюха, братъ, во всякихъ земляхъ бывалъ: и въ татарскомъ полону, и у турокъ на ихъ корабляхъ весломъ гребъ. Хорошо тамъ, Ванюха?

— Чтобъ имъ подохнуть, собакамъ. Ну, да кои потомъ мнѣ въ руки попадались, имъ тоже досталось.

— А потомъ ты гдѣ былъ?

— Въ венедицкой землѣ?

— Какая такая земля?

— А городъ на самомъ морѣ стоитъ, замѣсто улицъ канавы, а ѣздятъ не въ колымагахъ и не въ саняхъ, а на лодкахъ. Церковь есть большущая, больше нашего Успенскаго, и палатъ много, и львы каменные стоятъ.

— А теперь ты Успенской повидать захотѣлъ?

— Да въ Польшѣ заслышалъ я, что теперь на Руси такіе люди, какъ я, надобны, пробраться хотѣлъ, да въ кандалы попалъ. Спасибо, ты вызволилъ.

— А теперь, братъ, въ Москву лучше не показывайся. Тамъ царя Димитрія убили; слышно, Василій Шуйскій царемъ будетъ, своему брату—боярамъ волю даетъ и сейчасъ тебя, добра молодца, Телятевскій сцапаетъ да опять закабалитъ, да еще за побѣгъ вздуетъ. А вотъ не хочешь ли лучше со мной поѣхать?

— Отчего же? Пожалуй!

— Еще мы, братъ, поживемъ! Я еще подсыплю имъ, боярамъ-то, жару.

Отъ усадьбы поѣхали уже втроемъ. Невдалекѣ была рѣчка, чрезъ которую перевозили на паромѣ. Молчановъ вынулъ червонецъ, подалъ мужику паромщику и сказалъ:

— Выпей за здоровье царя Дмитрія Ивановича!

Мужикъ поклонился до земли.

— Что ты это, — сказалъ Веревкинъ, когда они уже отъѣхали отъ парома,—за здоровье мертваго пить велишь.

— Мертваго! Царевича Дмитрія вѣдь тоже въ Угличѣ зарѣзали, да мы ему служили вѣрой и правдой.

— Ну, тамъ иного убили.

— И здѣсь могли иного убить.

— Да я своими глазами видѣлъ.

— И тамъ многіе своими глазами видѣли, что царевичъ убитъ, а онъ живъ остался. Нынѣ, братъ, время такое: своимъ-то глазамъ да ушамъ вѣрить не надо.

— А чему же?

— Да чему приведется. Вотъ ты вѣришь Юрьеву дню. А какъ думаешь, Шуйскій воротитъ его?

— Извѣстно, не воротитъ.

— А если мы теперь прирожденному государю, спасенному чуднымъ Божьимъ произволеніемъ, вѣрой и правдой послужимъ вмѣстѣ со всѣми голутвенными людьми, закабалитъ онъ тѣхъ людей али нѣтъ?

— Извѣстно, нѣтъ. Да какому государю? отколѣ его взять?

— Отколѣ его взять, я и самъ покамѣстъ не знаю. А только нуженъ онъ намъ, такой-то государь. А еще сказывалъ ты, Гаврила, что когда стрѣльцы обороняли того-то, кто его тамъ знаетъ, кто онъ такой, царь ли, или на царя похожъ только, такъ онъ за то обѣщался стрѣльцамъ боярское имѣнье да женъ отдать. Вотъ если бы тебѣ, Ванюха, пообѣщали?

И Валуевъ выстрѣлилъ въ несчастнаго въ упоръ.

— Разлюбезное бы дѣло!

— Ну, значитъ, дѣлу и конецъ. Такихъ-то людей, какъ вы двое, сколько найдется. Коимъ Юрьевъ день нуженъ, коимъ боярышень да добро боярское. Сколько такихъ?

— Да вся голытьба.

— А ей счету нѣтъ. А бояре-то, вы думаете, всѣ заодно будутъ? Шуйскій недаромъ хлопоталъ, навѣрно царемъ будетъ. Московскіе да новгородскіе горожане, что онъ въ Москву привелъ, помогутъ. А Мстиславскому-то не любо покажется, дуракъ-дуракъ, а тоже, чай, охота царемъ сдѣлаться и крѣпко помнитъ, что Шуйскаго онъ старше. Опять Василій Голицынъ тоже, чай, на царское мѣсто зарится. Опять твой, Гаврила, пріятель, Салтыковъ, Рубецъ Масальскій, Шаховской, Бѣльскій, Власьевъ,—всѣ вѣдь они Шуйскаго терпѣть не могутъ, будутъ они ему прямить али нѣтъ? Будь я на его мѣстѣ, я бы всѣмъ имъ головы свернулъ, а онъ не таковъ, не посмѣетъ. Онъ вонъ самъ-то и на того, — царь что ли онъ, али кто другой — и на того самъ-то не полѣзъ, а только другихъ подговаривалъ, чтобы поскорѣе съ еретикомъ покончить. Самъ я это слышалъ, надоѣло на конѣ сидѣть, такъ издали подходилъ на малое время. Вотъ и выходитъ, что бояре да дворяне не всѣ будутъ заодно стоять, а мы всѣ заодно. А сколько ихъ и сколько насъ? Смекнули?

— Все такъ, да царь...

— Наладила сорока Якова! Царя намъ, *своего* царя нужно, чтобы именемъ его всѣ голутвенные люди заодно стали. А нужно, такъ и найдется. Знаешь поговорку: «было бы болото...» А у насъ вотъ есть Ванюха Болотниковъ... Можешь, Ванюха, кашу заварить?

— Только бы сотня ребятъ подходящихъ!

— Эко—сотни! тысячи, тьмы найдутся. А для перваго начала вотъ хоть этотъ мужикъ, перевозчикъ, разскажетъ, что-де царь проѣзжалъ, червонный пожаловалъ. А если царь проѣзжалъ, кто же въ Москвѣ убитъ-то, поняли?

— Теперь я догадался, отчего ты расщедрился.

— Гдѣ надо, за деньгой не постоимъ. И по всей дорогѣ тотъ же слухъ пустимъ.

Прошелъ ровно годъ. Въ маѣ 1607 года нищіе разговаривали на паперти одной изъ стародубскихъ церквей. Обѣдня была въ половинѣ, народу проходило мало, такъ мило-

стыню просить было не у кого; нищіе и занялись разговоромъ.

— Такъ ты, Семенъ, изъ Москвы пришелъ,—спрашивалъ высокій человѣкъ на костылѣ и безъ руки маленькаго худощаваго нищаго съ плутовскими глазами.

— Изъ Москвы, Василій Сысоичъ.

— Стало все своими глазами видѣлъ?

— Какъ не видать! Ударили это въ набатъ, я тоже хотѣлъ постоять за вѣру православную, сунулся было туда, гдѣ польскіе послы стояли. Такъ нѣтъ, русскіе ратные люди не пущаютъ, Шуйскимъ посланы. «Пословъ, говорятъ, нельзя трогать.» Какая же это правда: поляки всякую пакость дѣлали, храмы Божіи осквернили, а ихъ за то трогать нельзя.

— Въ Москвѣ давно правды нѣтъ, я оттого и ушелъ оттуда.

— Вотъ и я тоже. Побѣжалъ это я къ Кремлю. Вижу, у Вознесенскаго монастыря тьма народу. — «Что, я говорю, дѣлаете?» — «Да вотъ надо царицу Марѳу спросить.» — «О чемъ?»—«А какъ же, вѣдь она сперва сказала, что ея сынъ на царствѣ сидитъ.»—«Говоритъ, потому сказала, что убоялась.»—«Потому ли, по другому, а сказала, а теперь бояре говорятъ, что она повинилась, согрѣшила-де передъ Богомъ, то не царевичъ, а воръ. Ну, теперь мы сами ее спросить хотимъ.» Точно, царица вышла, стали ее спрашивать: «твой это сынъ али воръ?» А она имъ на то: «вы бы меня спрашивали объ этомъ, когда еще онъ живъ былъ, а теперь ужь, извѣстно, не мой.» Только отъ нея мы и слыхали. Гляжу, на Красной площади трупъ *его* лежитъ, харя *) на немъ надѣта, подлѣ дудка да волынка, вишь живой-то былъ до нихъ охочъ; у ногъ его, на скамьѣ, трупъ Басманова, вмѣстѣ Басманова-то положили, такъ и сказали: «ты его живого любилъ и съ мертвымъ не разставайся.» Потомъ Басманова похоронили у Николы Мокраго, а *его* въ убогомъ домѣ за Серпуховскими воротами. И прошли, братцы мои, слухи, что надъ *его* могилою чудеса даются, да и морозъ лютой неспроста стоитъ. Вотъ трупъ-то *его* вырыли, сожгли на котлахъ, смѣшали пепелъ съ порохомъ да и выпалили въ ту сторону, откуда *онъ* пришелъ. Про колдовство и жены

*) Маска.

его много толковали: вишь она изъ царскихъ палатъ сорокой улетѣла.

— А чудное дѣло, братцы мои, — молвилъ другой нищій, — повстрѣчались мы у самаго рубежа съ полякомъ съ однимъ, онъ изъ Москвы убѣгъ, Хвалибогъ прозывается, у *него* комнатнымъ слугой былъ. Такъ этотъ Хвалибогъ сказывалъ, что трупъ, что былъ на Красной площади, нисколько на царя не походилъ: какой-то толстый, съ бритымъ лбомъ, грудь косматая, а царь худощавъ, кудри носилъ, волосъ у него на груди не было.

— Чего Хвалибогъ твой! — вскричалъ Сысоевъ,—чай, всѣ Гаврилу Веревкина знаете?

— Какъ не знать! Удалый парень, весь народъ его почитаетъ.

— То-то. Онъ у царя въ приближеньи былъ да вмѣстѣ съ нимъ изъ Москвы убѣгъ, а тамъ, на Москвѣ, вмѣсто царя кого-то другого убили, можетъ и впрямь польскаго колдуна.

— И бояре-то не всѣ вѣрятъ, — сказалъ Семенъ,—что прирожденный государь убитъ: вѣдь не они Шуйскаго и царемъ-то выбрали. Они Игнатія грека съ патріаршаго престола свели и говорили, что надо патріарха выбрать, а москвичи да новгородцы, старые Шуйскихъ пріятели, какъ заорутъ: «прежде всего не патріарха, а царя надо. И некому быть царемъ, кромѣ Василья Ивановича.» Ну, бояре и согласились, тоже головъ своихъ жалко. А сталъ Шуйскій царемъ и началъ бояръ, на коихъ не надѣялся, въ дальнія мѣста, будто на воеводство, ссылать: Масальскаго въ Карелу, Власьева въ Уфу, Салтыкова въ Иванъ-Городъ, Бѣльскаго въ Казань, Шаховского въ Путивль.

— А Шаховской-то сейчасъ въ Путивлѣ и объявилъ, что царь Дмитрій Ивановичъ живъ, только отъ враговъ скрывается. Шаховской и царскую печать показалъ, что Дмитрій Иванычъ съ собой изъ Москвы унесъ.

— Гдѣ-то онъ, сердечный!

— Гдѣ ни на есть, да объявится.

— А хитеръ же, братцы мои, этотъ Шуйскій,—сказалъ Семенъ.—Вмѣсто Игнашки-то патріархомъ Гермогена, митрополита казанскаго, поставили. Говорятъ, суровъ, а мужъ праведный. И вѣдомо ему учинилось, что тѣло того младенца, что въ Угличѣ отъ Годунова погибъ, нетлѣнно и

чудеса отъ тѣхъ мощей совершаются. Вотъ Шуйскій повѣлѣлъ эти мощи въ Москву перенести, самъ даже до Архангельскаго собора нести помогалъ. «Молитесь, говоритъ, православные, новоявленному мученику, святому Димитрію царевичу». А прежде объявлялъ, что царевичъ самъ въ Угличѣ зарѣзался!

— Шуйскій объявитъ!

— Какъ о словахъ Шаховского узнали, по Москвѣ толки пошли. Народъ собираться сталъ. Прошелъ слухъ, что царь хочетъ съ народомъ говорить. Ну, народу собралось столько, что и не протолкаешься. Вотъ и вышелъ царь къ обѣднѣ, остановился, да и говоритъ боярамъ: «Напрасно, говоритъ, вы крамолы строите, вы меня выбрали, вы и низложить можете. И царскій посохъ и шапку отдамъ. Выбирайте, говоритъ, кого хотите». Ну, а потомъ видитъ, что все смирно, взялъ опять шапку и посохъ. «Накажите, говоритъ, виновныхъ». Ну, пятерыхъ кнутомъ и выдрали. А потомъ стали по Москвѣ подметныя граматы отъ царя Дмитрія поднимать. По грѣхамъ моимъ и я одну поднялъ. А тутъ еще на меня напраслину взвели, будто я въ татебныхъ дѣлахъ повиненъ. Ну, я и убѣгъ.

— А Шаховского-то, ребята,—сказалъ другой нищій,—я довольно знаю. Онъ надъ царевымъ войскомъ воеводой Ивана Болотникова поставилъ. Вотъ такъ воевода. Кулакомъ быка повалитъ. Я въ томъ войскѣ былъ, пока меня не искалѣчили. Пошли мы съ нимъ. То-то житье было. Сколько мы этихъ бояръ да дворянъ перевѣшали. А добро ихъ намъ доставалось. Подъ Кромами насъ князь Юрій Трубецкой съ ратью встрѣтилъ, вчетверо больше нашей. Мы его побили. Сколько смѣху надъ полонянниками было. Такъ имъ говорили: «Что взяли съ вашимъ царемъ Шубникомъ?» Тутъ къ намъ большая рать собралась. Истома Пашковъ къ присягѣ царю Дмитрію Тулу, Веневъ и Каширу привелъ, а Сумбуловъ да Прокопъ Ляпуновъ—Рязань. Брата Ляпунова, Захара, мы давно знаемъ. Его еще при царѣ Борисѣ кнутомъ били за то, что онъ на Донъ казакамъ вино посылалъ, панцырь и шапку желѣзную продавалъ. А Прокопу мы рады были, потому такой слухъ, что онъ дока въ ратномъ дѣлѣ. Еще двѣнадцать городовъ за царя встали. Къ самой мы Москвѣ подошли. Только тутъ дворяне смѣтили, что къ намъ на свою погибель пристали.

Ляпуновъ и Сумбуловъ отъ насъ къ Шуйскому перешли, а Пашковъ такъ во время самаго боя, у Коломенскаго села, на сторону Михайла Скопина-Шуйскаго перешелъ. Ну, Михайла младъ человѣкъ, а драться мастеръ. Три дня съ нами подъ Коломенскимъ бился и одолѣлъ. Тутъ меня и изувѣчили. Пришлось Христовымъ именемъ питаться. А Болотниковъ въ Калугу ушелъ, теперь, говорятъ, въ осадѣ сидитъ, и Шуйскій самъ пошелъ на него со всей ратью.

— Эй, нищая братія!—крикнулъ человѣкъ въ казацкомъ платьѣ,—не знаете ли, гдѣ тутъ Гаврилу Веревкина сыскать?

— А вотъ четвертый домъ налѣво.

Казакъ сыскалъ Веревкина и подалъ ему грамату. Веревкинъ, еще живя у Романовыхъ, около пріятеля своего, Юшки, немножко научился читать. А потомъ, живя на Москвѣ, въ приближеньи у царя, еще больше навострился и теперь, хотя съ трудомъ, но прочелъ слѣдующую грамату:

«Выручай, Гаврило. Плохо приходится. Молчановъ царемъ назваться не захотѣлъ, а безъ царя ничего не подѣлаемъ. Народъ заодно не стоитъ. Меня Шаховской совсѣмъ стѣснилъ. Хоть роди, да давай царя. А царь будетъ, отъ рубежа до Москвы все наше—только бы избавиться отъ Шуйскаго. Болотниковъ».

— Это самъ Болотниковъ писалъ?

— Когда самъ онъ не умѣетъ. Дьякъ писалъ, да со словъ его. Онъ велѣлъ тебѣ сказать: если не поможешь,—совсѣмъ конецъ пришелъ.

Послышался звукъ набатнаго колокола.

— Что тамъ?

— Народъ созываютъ. Изъ Путивля какого-то вора привезли.

Веревкинъ пошелъ на площадь. Она была полна народомъ. Нѣсколько боярскихъ дѣтей изъ Путивля окружали связаннаго человѣка. Въ Стародубѣ въ то время никакого воеводы не было. Нѣсколько людей, выдавшихся впередъ своимъ умомъ и смѣлостью, заправляли всѣмъ. Къ числу ихъ принадлежали Веревкинъ и Сысоевъ. Послѣдній, хотя и питался Христовымъ именемъ, но имѣлъ на черный народъ огромное вліяніе. Если бы онъ захотѣлъ, то давно могъ бы припѣваючи жить на чужой счетъ, но не таковскій былъ человѣкъ, онъ предпочиталъ Христовымъ именемъ питаться. Многіе на него какъ на святого смотрѣли.

— Что вамъ надо?—спрашивали стародубцы боярскихъ дѣтей.

— Да вотъ объявился у насъ въ городѣ человѣкъ, говоритъ, что изъ вашего города пріѣхалъ, что у васъ здѣсь Андрей Андреичъ Нагой и вѣдомо ему, что царь Димитрій живъ, и у васъ, въ Стародубѣ, укрывается. Мы того человѣка связали да къ вамъ и привезли. Допрашивайте, какъ знаете.

— Этого человѣка я знаю,— сказалъ одинъ посадскій,—онъ у меня съ товарищемъ стоялъ, товарищъ его и по сейчасъ у меня стоитъ.

— Ладно. Этого развяжите, а его товарища приведите сюда.

— Какъ тебя зовутъ?—стали спрашивать человѣка, привезеннаго изъ Путивля.

— Московскій подъячій Александръ Рукинъ.

— А кто твой товарищъ?

— Андрей Андреичъ Нагой, сродникъ царевъ.

«Царева сродника» тоже привели на площадь. Это былъ средняго роста некрасивый человѣкъ, съ орлинымъ носомъ, черными глазами и черными вьющимися волосами.

— Ты Нагой?

— Я.

— Родня царю?

— Извѣстно, родня.

— А гдѣ царь укрывается?

— Не вѣдаю.

— Какъ не вѣдаешь, когда Рукинъ твоимъ именемъ говорилъ, что онъ здѣсь, въ Стародубѣ, укрывается?

— Мало ли чего онъ болталъ. Мнѣ какое дѣло?

— Ты не верти хвостомъ. Отъ насъ не увильнешь. Это дѣло государское. Заставимъ говорить.

— Какъ это вы заставите?

— А огонька разложимъ да пяты подогрѣвать станемъ.

— Не скажу.

— Посмотримъ.

Начали дѣлать приготовленія къ пыткѣ. Нагой былъ очевидно въ большомъ волненіи. Вдругъ онъ стиснулъ зубы, глаза его засверкали, какъ горящіе угли, онъ задрожалъ. Казалось, онъ рѣшился на что-то отчаянное.

Онъ бросился къ ближайшему стародубцу, выхватилъ у него палку и закричалъ:

— Пытать меня! Ахъ вы, собаки! Еще вы меня не знаете. Я государь!

Народъ стоялъ въ остолбенѣніи.

— Я же васъ хотѣлъ любить да жаловать, Юрьевъ день вамъ отдать и добро боярское, а вы...

Веревкинъ подошелъ къ нему, поклонился въ землю и сказалъ:

— Здравствуй, царь, государь, Дмитрій Ивановичъ! не чаялъ я, изъ Москвы съ тобой отъ лютыхъ вороговъ ѣдучи, такъ скоро теперь увидѣться.

— Многія лѣта государю Дмитрію Ивановичу!—закричалъ Сысоевъ.—Просите, ребята, прощенья у его царской милости.

И народъ повалился на колѣни, крича:

— Виноваты, государь, предъ тобою!

«Великій государь» соизволилъ простить ихъ и государевой своей лаской пожаловалъ, а Гаврилу Веревкина стародубскимъ воеводой назначилъ. Изъ Стародуба повсюду полетѣли граматы, въ которыхъ стародубцы приглашали жителей другихъ городовъ послужить «прирожденному государю». Начало собираться войско.

— А я, государь Дмитрій Ивановичъ,—сказалъ Сысоевъ,—мечемъ тебѣ служить не могу, такъ сослужу другую службу. Положу за тебя свою голову.

— Какъ же?

— Послѣ узнаешь.

Кромѣ этого, Сысоевъ не хотѣлъ ничего сказать и ушелъ изъ Стародуба.

Прошла половина октября. Царь Василій Ивановичъ съ стотысячнымъ войскомъ все еще стоялъ подъ городомъ Тулой, гдѣ укрѣпились Болотниковъ, казакъ Илейка, называвшій себя царевичемъ Петромъ, мнимымъ сыномъ царя Ѳеодора, и князь Шаховской, и бились, пока голодъ не заставилъ ихъ сдаться.

Бояре собрались къ царской палаткѣ, ожидая выхода Василія Ивановича. Впереди всѣхъ стояли князья Мстиславскій, Андрей Голицынъ и Лыковъ. Почти подлѣ нихъ всталъ красивый, довольно еще молодой человѣкъ. Онъ поклонился князьямъ, Голицынъ и Лыковъ отвѣчали на поклонъ, а Мстиславскій и не взглянулъ.

— Смотри, Ляпуновъ обидится,—шепнулъ Голицынъ Мстиславскому.

— Очень мнѣ нужно!

Дѣйствительно, Ляпуновъ покраснѣлъ отъ гнѣва, хотѣлъ-было что-то сказать, но удержался и сталъ прислушиваться къ разговору бояръ.

— Слава Богу, дѣла хорошо идутъ,—сказалъ Лыковъ.

— Давай Богъ!—отвѣчалъ Мстиславскій,—а что впередъ будетъ?

— Ну, только бы съ этими ворами управиться, а тамъ все хорошо пойдетъ.

— Не вѣрится, князь, не вѣрится съ тѣхъ поръ, какъ въ Архангельскомъ соборѣ знаменія были.

— Знаменія?

— А ты развѣ не знаешь? Да ты на ту пору въ Москвѣ не былъ. Какъ же! Сторожа, что у собора ночью караулили, услыхали тамъ голосъ, говоръ, смѣхъ, а потомъ плачъ, соборъ освѣтился, и одинъ толстый голосъ заглушилъ другіе, говорилъ за упокой. Что это значитъ?

— А Богъ вѣсть!

— По-моему, не къ добру.

— Конечно, не къ добру,—сказалъ Ляпуновъ,—это значило, что ты, князь, отъ Калуги убѣжишь.

— Какъ ты смѣешь мнѣ это говорить?

— Отчего же не смѣть? Что ты мнѣ на поклонъ не отвѣчалъ, такъ и говорить нельзя? А отчего не сказать того, что всему свѣту вѣдомо? Ты, князь, въ Калугѣ осаждалъ вотъ этого вора, Болотникова, да услыхалъ, что Телятевскій твой отрядъ, подъ Пчельной, побилъ, ты и на-утекъ.

— Прокопъ Петровичъ!—сказалъ Лыковъ,— не пригоже такъ боярину Мстиславскому говорить: вѣдь онъ первый въ царской Думѣ, а притомъ на рати съ кѣмъ несчастье не бываетъ.

— Да вѣдь если я,—возразилъ Ляпуновъ,—скажу, что вы съ княземъ Голицынымъ у Восмы вѣрой и правдой за царя постояли, ратныхъ людей одушевили, сами молодцами бились и вашей доблестью самозванцово войско побито и въ Тулу вогнано — вѣдь вы не обидитесь. Быль молодцу не укоръ. Нечего и князю Мстиславскому за правду обижаться.

— А вотъ я царю скажу, такъ онъ разсудитъ за твои бездѣльныя рѣчи.

— Чѣмъ бездѣльныя? Развѣ лучше про знаменья ка-

кія-то разсказывать да тѣмъ у войска духъ отнимать? Тоже царь, чай, не похвалитъ, когда про такіе разсказы услышитъ. А слово что, пустое дѣло. Слова тогда хороши, когда на дѣлѣ сбудутся. Вонъ пришелъ къ царю муромскій боярскій сынъ Кривковъ и сказалъ, что рѣку Упу запрудитъ, тѣмъ принудитъ Тулу къ сдачѣ. Сперва всѣ надъ нимъ смѣялись, а потомъ дали волю. Онъ велѣлъ каждому изъ ратныхъ людей привезти по мѣшку съ землею и началъ прудить рѣку; вода обступила городъ, влилась внутрь его, насталъ тамъ голодъ, Тула и сдалась. Такъ, значитъ, кривковскія слова были не пустошныя, не то, что рѣчи сторожей у Архангельскаго собора, какъ они спьяна говорили.

— Ну, а все-таки часто рѣчи не сбываются,—сказалъ Голицынъ. — Вонъ Болотниковъ съ Илейкой говорили, что если царь имъ помилованья не дастъ, такъ они скорѣе съѣдятъ другъ друга, чѣмъ сдадутся, и вотъ же сдались.

— Голодъ-то не тетка!

— Недолго Илейкѣ пришлось себя Петромъ Ѳедоровичемъ величать: вздернули молодца на висѣлицу.

— Такъ бы и всѣхъ надо, кто съ Болотниковымъ дружилъ,—сказалъ Мстиславскій, поглядывая на Ляпунова.

— Кромѣ тѣхъ, князь, — отвѣчалъ Ляпуновъ, — кто покаялся, во-время отъ вора отсталъ да смирить его помогъ. А съ Болотниковымъ, я слышалъ, въ Каргополѣ, куда его сослали, что-то приключилось!

— Утопили его. Собакѣ собачья и смерть!

— Вотъ еще теперь Богъ помогъ бы того вора поймать, что въ Стародубѣ Дмитріемъ назвался. Да кто онъ такой?

— Да кто его знаетъ. Одни говорятъ, что поповъ сынъ, Матвѣй Веревкинъ, родомъ изъ Сѣверской страны; другіе—что поповичъ Дмитрій изъ Москвы, отъ церкви Знаменья на Арбатѣ, иные, что сынъ князя Курбскаго; кто говоритъ — царскій дьякъ, а другіе — школьный учитель, Иванъ, изъ города Сокола, а иные толкуютъ, что жидъ.

Вышелъ царь и ласково раскланялся.

— Спасибо за службу, бояре. Завтра въ Москву пойдемъ. А теперь разсудите, что съ княземъ Шаховскимъ дѣлать. Помните, какъ я, по вашему и земскихъ людей

избранью, на престолъ вступилъ, такъ обѣщался, что мнѣ всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими, смерти не предать, дворовъ и животовъ у братьи его, у женъ и дѣтей не отнимать, если они съ нимъ въ мысли не были. То слово государское хочу я и теперь сдержать. Идите, судите Шаховского, какъ Богъ на душу положитъ, я самъ и не пойду съ вами—чтобы всякому вольно было говорить, что захочетъ. Князья Мстиславскій и Голицынъ мнѣ вашъ приговоръ скажутъ.

— Разсудимъ, государь,—сказалъ Ляпуновъ,—какъ не разсудить, Шаховской всей крови заводчикъ.

— Государь,—сказалъ одинъ изъ стольниковъ, когда ушли бояре,—убогой человѣкъ, безъ руки и безъ ноги, хочетъ предъ твои царскія очи стать, про государево дѣло сказать.

— Какой такой убогій человѣкъ? Приведи.

Привели Василья Сысоева.

— Что тебѣ надо?

— Правды одной. Ее цѣлый вѣкъ ищу.

— Видно, на судѣ обидѣли?

— Никто меня обидѣть не можетъ. Потому что я убогъ человѣкъ—что у меня взять?

— Такъ что-же тебѣ надо?

— Первое дѣло: скажи ты мнѣ, зачѣмъ ты подъ прирожденнымъ государемъ Дмитріемъ Ивановичемъ царства подыскался?

— Что? что такое? Схватить его!

— Чего хватать! И самъ не уйду! Съ одной ногой куда уйдешь. А вотъ что, Василій Ивановичъ, попомни ты день судный, покорись государю, царю Дмитрію Ивановичу.

— Пытать его! На медленномъ огнѣ жечь! Допытаться надо, кто его подучилъ.

— Жги! Боюсь, что-ли, думаешь? А ты смертный-то часъ попомни. Вонъ борода-то у тебя вся сѣдая—можетъ и жить-то недолго остается. А изъ-за тебя будетъ литься кровь христіанская. За ту кровь отвѣтъ передъ Богомъ дашь.

Исполнили приказаніе царя.

— Говори, кто тебя научилъ?—кричалъ онъ.

— Чего учить? Видишь, вотъ я на огнѣ горю, да не стону—этому, братъ, не выучишь.

— Покайся, прощу.

— Чего тебѣ каяться? Въ чемъ было, такъ попу на духу покаялся. А ты, вотъ, покайся. Худо, какъ безъ покаянья на страшный судъ пойдешь. Тамъ, братъ, хуже поджаривать будутъ, чѣмъ ты меня теперь.

Пришли Мстиславскій съ Голицынымъ и сказали, что бояре приговорили Шаховского на Кубенское озеро, въ пустыню сослать. Приговоръ былъ почти единогласный, только Ляпуновъ и человѣка два другихъ хотѣли наказать «заводчика всей крови» построже. Царь утвердилъ приговоръ.

— Правды у тебя нѣтъ, Шуйскій,—говорилъ Сысоевъ, задыхаясь отъ дыма,—за что ихъ казнить? Чѣмъ виноваты, что за прирожденнаго царя стояли? А если казнить, такъ казнить одинаково—вина-то одна. А ты одного повѣсилъ, другого утопилъ, а третьяго только въ ссылку сослалъ. Развѣ это правда? А безъ правды нельзя царствовать!

— Придушите его!

X.

ГОЛУТВЕННЫЕ И ЗЕМСКІЕ ЛЮДИ.

(1608—1613 гг.).

СЛУЧАЛОСЬ ли вамъ проѣзжать чрезъ густой, высокій лѣсъ? Извиваясь тянется узенькая дорога, по обѣимъ сторонамъ ея стоятъ исполины-деревья, стволы ихъ такъ прямы, что, кажется, будто передъ вами строй гигантовъ-солдатъ; за первыми рядами виднѣются вторые, далѣе третьи, четвертые и такъ безъ конца, пока вся масса деревьевъ не сольется въ одну непроглядную темь. Проѣханная часть дороги скрылась за ближайшей извилиной, за другой извилиной не видно дальнѣйшаго пути, мракъ и тѣнь окружаютъ васъ со всѣхъ сторонъ и только наверху виднѣется узкая полоса голубого неба. Жутко становится въ такомъ лѣсу, особенно подъ вечеръ. Какъ-то невольно приходятъ въ голову разсказы о тѣхъ временахъ, когда, пускаясь въ такой лѣсъ, путникъ набожно крестился и чутко прислушивался къ малѣйшему шуму въ лѣсной тиши. И не напрасно было его безпокойство: на каждомъ шагу его ждала опасность: то лютый лѣсной звѣрь, то еще болѣе опасный врагъ—удалый добрый молодецъ, что взялъ себѣ трехъ товарищей: ночь темную, кистень, да острый ножъ. Мелькнувшій въ чащѣ лѣсной одинокій деревянный крестъ еще живѣе возбуждаетъ въ васъ подобныя думы и чудится вамъ

страшная драма: «стоны жертвы и мольбы ея и грозныя лица, такія же суровыя и непреклонныя, какъ эти вѣковыя деревья.»

Но если жутко становится намъ нынѣ, когда о разбойникахъ сохранились только преданія, и уже нѣтъ предателей-ямщиковъ, когда-то дававшихъ имъ знакъ условнымъ свисткомъ о приближеніи вѣрной добычи, то каково-же было ѣхать по дремучему лѣсу въ 1608 году, когда и среди многочисленнаго города человѣкъ не чувствовалъ себя въ безопасности.

Однако, число путешественниковъ, пробиравшихся въ концѣ августа 1608 года по дорогѣ изъ Москвы около Бѣлой, было такъ велико, что могло бы совершенно ихъ успокоить отъ всякихъ опасеній. Впереди ѣхали двое людей, одинъ, повидимому, стрѣлецкій голова, другой дьякъ, за ними отрядъ конницы «съ огненнымъ боемъ», потомъ нѣсколько колымагъ, опять конный отрядъ, а за нимъ еще пѣшіе ратники; всего ратныхъ людей было до тысячи. Голова съ дьякомъ бесѣдовали между собою.

— Отчего это, кумъ, — спрашивалъ голова, — великій государь на благовѣщенскаго протопопа Терентія опалу положилъ? Я мелькомъ слышалъ, да что-то въ толкъ не возьму.

— Немудрено, ты на Москвѣ человѣкъ новый, и хоть великій государь тебя своей милостью жалуетъ, да не такое это дѣло, чтобы о немъ въ царскихъ палатахъ говорить. А я это дѣло довольно знаю.

— Разскажи, кумъ.

— Ратные люди поотстали отъ насъ, разсказать можно. Видишь ли, великій государь Тулу осаждалъ, гдѣ воръ Болотниковъ укрылся. И приходитъ къ протопопу Терентію нѣкій мужъ духовный и говоритъ: «Было, отче, мнѣ видѣніе.»— «Какое, сыне?»—«Въ самомъ Успенскомъ соборѣ явился мнѣ мужъ въ одѣяніяхъ блещущихъ, а ликъ его былъ грозенъ и по лику я увѣрился, что это самъ Господь Іисусъ Христосъ. И рекъ Онъ мнѣ: «Прогнѣвалъ меня московскій народъ лукавыми своими дѣлами, праздными и богомерзкими обычаями, бороды стригутъ, нечестивыя дѣла творятъ и судъ неправедный, правымъ насилуютъ, грабятъ чуждыя имѣнія, нѣтъ истины ни въ царѣ, ни въ церковномъ чинѣ, ни въ цѣломъ народѣ. И тотъ народъ мой возлюбленный былъ, новый Израиль, но наказуя накажу его и поражу казнями великими».

И заклялъ тотъ человѣкъ протопопа Господомъ Богомъ, чтобы онъ имени его никому не открывалъ. А протопопъ его сказаніе по-ряду списалъ. На ту пору государь, усмиря воровъ, воротился съ великимъ торжествомъ. Терентій списокъ о видѣніи показалъ владыкѣ патріарху, а владыко царю. И царь распалился на Терентія.

— А по-моему, глупо Терентій и сдѣлалъ. Можетъ быть, тутъ какой-нибудь подвохъ отъ тушинскаго вора былъ.

— Ну, этого ты, кумъ, не говори. Я отца Терентія довольно знаю: онъ моей женѣ дядей приходится. Мужъ онъ разумный. Нельзя же было о такомъ необычномъ дѣлѣ до владыки не довести, узнай патріархъ другими путями— Терентій бы отвѣчать сталъ. А отъ вора какого въ тѣ поры подвоха было ждать, когда онъ только-что проявился.

— Толкуй тутъ —проявился! Онъ, братъ, чернокнижникъ. Я это доподлинно знаю. Я вѣдь подъ Болховымъ былъ. Войска у насъ было довольно, не въ примѣръ больше, чѣмъ у вора. Правда, главный воевода, Дмитрій Ивановичъ Шуйскій, хотя онъ и царевъ братъ, а больше на бабу, чѣмъ на воеводу похожъ. Да какова баба! Вотъ хоть его же жена Катерина. У, баба нравная!

— Еще бы ей не нравной быть! Чай, дочка Малюты Скуратова—супротивъ такого кровопивца мало найдется.

— За то другой воевода, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, человѣкъ хорошій. Что-же, братецъ ты мой? Какъ пришлось намъ съ воромъ биться, у насъ словно руки опустились. Даже Голицынъ побѣжалъ. А съ тѣхъ поръ, какъ воръ въ Торжкѣ засѣлъ, что у насъ дѣлается? Видана ли такая шатость? Сколько народу изъ Москвы къ нему сбѣжало!

— Что говорить! И такіе есть, что сбѣгутъ изъ Москвы въ Тушино, воръ ихъ пожалуетъ, а они опять въ Москву съ повинной придутъ; ну и царь ихъ жалуетъ, а они, по маломъ времени, въ Тушино уйдутъ. Недаромъ ихъ перелетами прозвали.

— Диви бы черный народъ одинъ къ нему шелъ! Голутвеннымъ людямъ, извѣстно, только бы пограбить. А то подико-сь—князья Катыревъ, Трубецкой и Троекуровъ вздумали ему передаться. Изъ-за нихъ Михайла Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій и Иванъ Никитичъ Романовъ ничего не

могли съ воромъ подѣлать—онъ къ Москвѣ и подошелъ. Что же все это—спроста?

— Извѣстно, не спроста. Трудно съ ними справляться.

— А теперь вотъ, помоги Богъ, намъ поздорову свой обозъ довезти, такъ вору оттого не поздоровится.

— Какъ такъ?

— Экой ты, кумъ, недогадливый! А еще приказный человѣкъ! Кто съ нами ѣдетъ? Маринка, да отецъ ея, да послы польскіе, что послѣ Разстриги на Москвѣ задержаны. А почему они отпущены? Чтобы въ угоду королю Жигимонту, да литовскимъ панамъ раднымъ сдѣлать. А за это за самое Жигимонтъ, да паны, тѣмъ полякамъ, что вору въ Тушинѣ помогаютъ, велятъ прочь уйти. А безъ поляковъ воръ не гораздо много сдѣлаетъ. Вотъ оно дѣло-то какое. Сказано мнѣ: сдѣлаешь дѣло, царь своимъ жалованьемъ пожалуетъ, тѣмъ, чего у тебя и на разумѣ нѣтъ. Ну, я и прямлю великому государю. Трудно, а прямлю. Особливо съ послами трудно, велѣно имъ угождать для того, знаешь, чтобы они Жигимонгу, да панамъ раднымъ не жаловались. А угодить имъ развѣ легко? Вишь какіе они горделивые—что твой павлинъ. Опять же я и рѣчи ихъ не понимаю, а по-русски они ни въ жизнь не заговорятъ. Вотъ я и радъ, что ты, кумъ, къ намъ присталъ: ты по-польски-то балакаешь. Да и веселѣе съ тобой — можно по душѣ поговорить, все же свой человѣкъ. А съ ратными людьми я много-то не разговариваю. Кто ихъ тамъ знаетъ при нынѣшней-то шатости.

— Это вѣрно.

— А пуще всего я боюсь, чтобы воръ насъ не перехватилъ... Постой-ка, никакъ въ лѣсу человѣкъ идетъ.

Дѣйствительно, въ чащѣ лѣсной показался рослый, здоровый, молодой парень. По одеждѣ онъ былъ крестьянинъ, но вооруженъ и ножомъ, и топоромъ, и кистенемъ. Онъ прямо подошелъ къ головѣ и дьяку, низко поклонился имъ и сказалъ дьяку:

— Не твоя ли милость будешь дьякъ Степанъ Соловецкій?

— Да.

— Къ тебѣ отъ твоего братца, отъ Ѳедора Андреевича, грамотка есть.

Дьякъ прочиталъ грамотку. Тѣмъ временемъ парень шагалъ по опушкѣ лѣса, не отставая отъ всадниковъ, которые ѣхали шагомъ.

— Ты что за человѣкъ?—спросилъ его голова.

— А государевъ смердъ, Максимка Сычевъ.

— Какъ же сюда попалъ?

— Изъ Москвы Андроновымъ посланъ.

— Какъ же насъ догналъ?

— Наперво я на конѣ ѣхалъ, да уморился конь, такъ я его въ деревушкѣ у сродника оставилъ, а самъ цѣликомъ по лѣсу пошелъ—такъ-то не въ примѣръ ближе.

— Стало, лѣсъ хорошо знаешь?

— Эвона! Какъ не знать! Какъ свои пять пальцевъ. До самаго до рубежа всѣ пути мнѣ вѣдомы.

— Ну, голова! — сказалъ Соловецкій, окончивъ чтеніе,—большое спасибо ты мнѣ за эту грамотку скажешь.

— Что такое?

— Тотчасъ. Отойди-ка къ ратнымъ людямъ, молодецъ!

Парень повиновался.

— Дѣло тайное,—продолжалъ дьякъ.—Андроновъ, что грамоту написалъ, мнѣ двоюроднымъ братомъ приходится, да мы съ нимъ какъ родные живемъ. Большая ему удача вышла.

— Какая?

— Дня три тому назадъ, онъ вора, Михайлу Молчанова, поймалъ. А о Молчановѣ ты слыхалъ?

— Нѣтъ.

— Онъ чернокнижникъ, за то его и кнутомъ били, онъ въ приближеньѣ былъ у Разстриги, а потомъ въ Литву сбѣжалъ. За его поимку Андронову большое жалованье отъ государя будетъ. А еще до пріѣзда съ Молчановымъ въ Москву Андроновъ того вора пыталъ. И знаешь, что тотъ воръ показалъ? Объ этомъ въ грамоткѣ и написано.

— Ну?

— Воръ-то тушинскій за нами погоню послалъ, какого-то Воловскаго.

— Что ты?

— А Воловскій по маломъ времени воротился, сказалъ, что догнать не могъ.

— Ну, и слава те, Господи!

— Погоди. А воръ другого поляка за нами послалъ, Зборовскаго, съ ратью. Придется тебѣ, кумъ, биться.

— Оборони, Господь! Знаешь, какая шатость въ людяхъ!

— А безъ бою дѣло не обойдется. Судя по письму,

Зборовскій скоро насъ догонитъ. Вишь мы ѣдемъ, какъ съ молокомъ. Вонъ пѣшъ человѣкъ насъ догналъ.

— Какъ ихъ, еретиковъ проклятыхъ, заставить скорѣй-то ѣхать! Одинъ изъ пословъ больнымъ оказывается. А нудить ихъ заказано.

— Ну, такъ безъ бою нельзя. Дорога одна извѣстная, какъ не догнать. Вотъ какъ бы нѣсколько дорогъ было.

— А можетъ быть, есть и другая дорога?

— Я слыхалъ, что есть. Да мнѣ почемъ знать — я не здѣшній.

— Ахъ, постой-ка! Этого парня, что письмо принесъ, ты не знаешь?

— Самъ не знаю, а Андроновъ его хвалитъ.

— Вѣрный человѣкъ?

— Андроновъ пишетъ, что вѣрный.

— Постой-ка. Эй, малый, поди сюда!

Парень подошелъ.

— Ты говоришь, пути здѣшніе тебѣ вѣдомы?

— Чай, не мало я по нимъ наслонялся. Съ самаго съизмалѣтства.

— Къ рубежу одинъ путь?

— Какое одинъ! Да вотъ тутъ сейчасъ поворотъ на проселокъ есть. Къ рубежу важно по немъ проѣхать, еще ближе, только дорога похуже.

— А колымага по немъ пройдетъ?

— Какъ не пройдетъ!

— И ты по тому пути можешь насъ къ рубежу вывести?

— И малый ребенокъ проведетъ.

— Такъ вотъ что, парень, проведи-ка ты насъ тѣмъ путемъ, я тебѣ за то полтину дамъ.

— Много благодарны, государь бояринъ.

— Только вотъ что, голова,—заговорилъ дьякъ,—какъ о томъ у пословъ спроситься?

— Это для чего?

— А скажутъ, нарочно по тряской дорогѣ повезли.

— И то! Ну, ужь наказанье съ ними! Поѣзжай ты, кумъ, поговори, умасли ихъ. Только о письмѣ ни-ни. Тамъ придумай что нибудь.

— Да ты бы самъ.

— Экой ты какой! Сказалъ я тебѣ, что ихъ рѣчи не понимаю.

— Какъ бы мнѣ въ отвѣтѣ не быть.

— Неужто я тебя выдамъ. Поѣзжай, кумъ, Христомъ-Богомъ прошу, поѣзжай.

— Ну, инъ ладно.

Въ это самое время, въ колымагѣ, что ѣхала впереди другихъ, тоже происходилъ разговоръ. Въ ней сидѣло четверо людей, одѣтыхъ по-польски. Первыя мѣста занимали важный, горделивый панъ и молодая, очень красивая женщина. Противъ нихъ сидѣли толстая женщина и человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ долгополомъ сюртукѣ и шляпѣ съ широкими полями.

— Не печальтесь, государыня,—говорилъ онъ.

— Не печалиться! — вскричала молодая женщина, — легко это сказать, но не легко исполнить. Вытерпѣть столько, сколько пришлось мнѣ — право, можно съ ума сойти! Чего стоитъ эта ужасная ночь!

— Богъ испытуетъ своихъ избранниковъ, государыня. Онъ же и хранитъ ихъ. Развѣ Провидѣніе не спасло васъ чудеснымъ образомъ въ ту роковую ночь? Оно же сохранило и вашего вѣнценоснаго супруга.

— Да... говорятъ.

— Неужели вы, государыня, не вѣрите?

— Какъ не вѣрить, но это такъ чудесно.

— Чудесно, потому что совершилось, по волѣ Провидѣнія, для блага несчастнаго народа, сидящаго, по точному выраженію, святѣйшаго отца, во тьмѣ и сѣни смертней. Народъ этотъ исполненъ заблужденій, но имѣетъ и хорошія качества, въ числѣ ихъ безпредѣльную преданность своимъ государямъ. Вотъ это-то и спасло государя, вашего супруга. Когда онъ оставилъ васъ въ ту ужасную ночь, съ нимъ встрѣтился одинъ изъ такихъ преданныхъ людей, палъ къ его ногамъ и сказалъ: «Государь, позволь мнѣ спасти тебя, пожертвовавъ своею жизнію».

— Какъ?—спросилъ государь.

— Перемѣнимся одеждою.

— Государь нѣсколько времени не соглашался, но тотъ заклиналъ его благомъ народа, и онъ уступилъ мольбѣ преданнаго слуги. Къ счастію, слуга и наружностію походилъ на государя и потому могъ совершить свой геройскій подвигъ, пожертвовать жизнію за царя. А между тѣмъ, царь съ двумя другими слугами умчался изъ Москвы.

Повторяю, все это очень просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ чудесно.

— Какъ вы все это знаете, отецъ мой?

— Нашъ орденъ знаетъ много тайнъ, невѣдомыхъ для другихъ людей.

— И вы видѣлись съ кѣмъ-нибудь изъ лицъ, встрѣчавшихъ спасеннаго царя?

— Да. Говорятъ, онъ очень измѣнился, такъ что трудно узнать его. Но тотъ же геройскій духъ царитъ въ немъ.

— Этотъ геройскій духъ самое драгоцѣнное качество въ Димитріи. Но что мнѣ пользы въ этомъ? Развѣ не везутъ меня, какъ плѣнницу, въ Литву? Боже мой! какое униженіе! Развѣ для того я отказала въ моей рукѣ столькимъ благороднымъ рыцарямъ, чтобы явиться бѣглянкой, развѣнчанной царицей и только по роду своему стать въ ряды съ шляхтянками! Когда я прощалась съ Сигизмундомъ, отправляясь въ Московію, я преклонила предъ нимъ колѣна, но это была одна вѣжливость, въ душѣ я сознавала, что я уже равна съ нимъ. А теперь!

— Государыня! Мнѣ думается, что мы не доѣдемъ до Литвы.

— И я то же думаю,—сказалъ, улыбаясь, Мнишекъ.

— Неужели? Есть надежда? Ради Бога, говорите прямо, не мучьте меня намеками. О! если бы это сбылось! Только бы опять ее, корону—и я всѣмъ готова для нея пожертвовать!

— Позвольте еще одно вамъ сказать, государыня. Простите, если буду говорить смѣло. Пастырь церкви не можетъ, говоря и съ вѣнценосными особами, утаивать истину. Вся исторія вашего супруга полна высокаго назиданія. Богъ спасаетъ его отъ убійцъ, просвѣщаетъ свѣтомъ истинной вѣры и возвращаетъ ему прародительскій престолъ. Но что обязался сдѣлать Димитрій? Просвѣтить истинною вѣрою и народъ свой. А исполнилъ-ли онъ это? Развѣ другъ его Рапслони, посылая ему въ подарокъ латинскую библію, не написалъ, чтобы онъ обратилъ вниманіе на глаголъ Божій къ израильтянамъ: «Нынѣ аще послушаніемь послушаете гласа моего и снабдите завѣтъ мой, будете мои люди суще отъ всѣхъ языкъ». Но послушалъ-ли царь это дружеское предостереженіе?

— Димитрій говорилъ, что надо дѣйствовать осторожно, что московиты очень упорны въ дѣлѣ религіи.

— Конечно, осторожность необходима, но тѣмъ не менѣе нужно дѣйствовать, и дѣйствовать систематически. Не къ тому я завелъ этотъ разговоръ, чтобы укорять вашего супруга: перстъ Божій посланнымъ испытаніемъ уже наказалъ его ошибку. Но сохрани, Богъ, чтобы эта ошибка не повторилась. И я твердо увѣренъ, что она не повторится. Развѣ не писалъ святѣйшій отецъ нѣкогда царю Димитрію: «Мы не сомнѣваемся, что такъ какъ ты хочешь имѣть сыновей отъ этой превосходной женщины, рожденной и свято воспитанной въ благочестивомъ католическомъ домѣ, то хочешь также привести въ лоно римской церкви и народъ московскій». И теперь вся надежда наша на васъ, государыня.

— Повѣрьте, что только могу сдѣлать...

— О, чего не можетъ сдѣлать женщина, щедро одаренная всѣми дарами природы, развитыми образованіемъ. Есть французская пословица: чего хочетъ женщина, того хочетъ Богъ. Нѣкоторые ее считаютъ нечестивою. Но я толкую не такъ: женщины—я разумѣю избранныхъ женщинъ—суть провозвѣстницы небесной воли на землѣ, точно такъ, какъ ангелы вѣстники ея на небѣ. Безъ сомнѣнія, вы, государыня, настоите, чтобы Димитрій исполнялъ совѣты, данные ему въ Польшѣ.

— Какія наставленія?

— Сущность ихъ, сколько мнѣ извѣстно, вотъ въ чемъ. Государственныя должности раздавать не по породѣ или какимъ-либо земнымъ отличіямъ, а тѣмъ лицамъ, которыя обнаружатъ склонность къ уніи. Имъ можно обѣщать по принятіи уніи сенаторскій титулъ. Не для чего постоянно держать при себѣ бояръ, а надо только, по временамъ и по мѣрѣ надобности, призывать для совѣта мужей зрѣлыхъ и доблестныхъ. Необходимо запретить всякія собранія. Нужно имѣть преданныхъ тѣлохранителей, по крайней мѣрѣ, на половину изъ иностранцевъ, которые бы никого не пропускали въ мѣсто пребыванія государя, безъ его вѣдома. Въ комнатные служители тоже надо выбирать съ большею осторожностію. Лучше всего въ тѣ и другіе принимать только добрыхъ католиковъ и людей, склонныхъ къ уніи. Не надо, однако-жъ, отдалять отъ двора и московитовъ, весьма было

бы полезно, если бы при вашей особѣ состояло нѣсколько боярынь и боярышень. Нашимъ слѣдуетъ сблизиться съ московитами. При этомъ наше образованіе несомнѣнно подчинитъ ихъ варварство. Развѣдывать — не затѣвается ли заговоровъ, удалять отъ государя еретиковъ и еретическія книги. Лучше всего совсѣмъ выгнать изъ государства еретиковъ и константинопольскихъ монаховъ и запретить имъ въѣздъ въ Московію. Резиденцію государя необходимо перенести изъ Москвы. Государю самому рѣдко и осторожно говорить объ уніи, но выбрать людей, чрезъ которыхъ можно повести дѣло такъ, чтобы сами русскіе предложили о преобразованіи нѣкоторыхъ неважныхъ предметовъ вѣры. Это и проложитъ путь уніи. Надо указать на пороки и невѣжество схизматическаго духовенства, на то, что его доходы не обращаются на образованіе и полезныя дѣла. Возбудить вопросъ объ отношеніи патріарха московскаго къ византійскому, откуда его власть. Намекнуть черному духовенству о льготахъ, бѣлому о должностяхъ, народу о свободѣ, всѣмъ о рабствѣ грековъ, которыхъ можно освободить только посредствомъ уніи, съ христіанскими государями.

Дьякъ съѣздилъ къ посламъ, переговорилъ съ ними и воротился къ стрѣлецкому головѣ.

— Ну, кумъ, никакъ не могъ уломать: Олѣсницкій согласился ѣхать по прямой дорогѣ, а Гонсѣвскій и слышать не хочетъ—недуженъ, всего меня растрясетъ.

— Господи! Что-же дѣлать? Да не погляжу я на него!

— Опасно, кумъ, въ отвѣтѣ будемъ... А знаешь, что я придумалъ. Тебѣ вѣдь главное надо Марину да ея отца сберечь?

— Извѣстно.

— А на пословъ наплевать. Ну, и пусть Гонсѣвскій ѣдетъ тѣмъ путемъ. Еще лучше: для погони отводъ будетъ.

— И вѣрно. Ну, голова у тебя, кумъ.

— И твоя ничего. Кто, какъ не ты, выдумалъ по другой дорогѣ поѣхать и тѣмъ поляковъ надуть? Разумное это дѣло.

— Тоже, кумъ, и у нашего брата не кочанъ капусты на плечахъ.

На поворотѣ путники раздѣлились. Гонсѣвскій въ своей колымагѣ поѣхалъ по большой дорогѣ, за нимъ сотня всадниковъ, прочіе свернули на проселокъ.

— Постой, кумъ!—крикнулъ дьякъ,—вели-ка сколько ни на есть деревъ срубить да повалить на нашу дорогу, и дивно будетъ, что по ней не ѣздятъ.

— Ай-да кумъ, спасибо! Лихо дѣло обдѣлали!

Стало темнѣть. Впереди вмѣстѣ съ головой и дьякомъ ѣхалъ и проводникъ Сычевъ, которому дали лошадь изъ заводныхъ.

— А есть тутъ гдѣ ни на-есть деревенька?—спросилъ голова проводника.—Можно заночевать?

— Какъ же! Вотъ скоро отдохнешь.

— Что это тамъ чернѣетъ? Ахъ, батюшки! никакъ дорога зава...

Голова не договорилъ и свалился отъ удара кистенемъ, нанесеннаго проводникомъ. Дьякъ и проводникъ бросились къ опушкѣ лѣса. Изъ-за лѣса, сдѣланнаго на дорогѣ, раздался залпъ. Нѣсколько конныхъ русскихъ ратниковъ упали, прочіе бросились вразсыпную. Черезъ пять минутъ Мнишекъ и Олѣсницкій были окружены коннымъ польскимъ отрядомъ и быстро помчались по дорогѣ въ Тушино.

— А ты съ нами?—спросилъ бывшій проводникъ дьяка.

— Нѣтъ, Гаврюша, ворочусь на Москву, буду батюшкѣ царю, Василью Ивановичу, вѣрой и правдой слу жить. Вотъ разскажу о несчастьѣ, что съ его вѣрнымъ стрѣлецкимъ головой сдѣлалось. Царь за то меня пожалуетъ.

— Какъ бы пеньковымъ ошейникомъ не пожаловалъ?

— За что это? Вотъ тебя поймаютъ, такъ точно повѣсятъ, потому что вся бѣда отъ тебя приключилась: ты и въ засаду завелъ и голову убилъ. А я что? Мое дѣло сторона.

— А грамотка?

— Ее, братъ, больше никто читать не будетъ. А еже-ли бы, примѣрно, ты, Гаврила Веревкинъ, царю Василью Ивановичу показалъ, что ты грамотку мнѣ приносилъ, такъ развѣ тебѣ повѣрить можно, особливо противъ такого вѣрнаго царскаго слуги, какъ я.

— Ну, а какъ мы тебя, вѣрнаго царскаго слугу, не пустимъ?

— А Андроновъ-то на что? Выручитъ.

— А ты, пожалуй, при случаѣ, его на Москвѣ выручишь.

— И то можетъ статься. Теперь, братъ, и такъ водится: одинъ родной братъ на Москвѣ живетъ, а другой въ

Тушинѣ, ну и каждый своему особливому царю вѣрой и правдой служать.

— А осина по обоимъ стосковалась.

— Осина? На осину никогда не попадетъ тотъ, кто живетъ съ оглядкой.

Весело подъѣзжала Марина Юрьевна къ Тушину, пѣла, разговаривала, смѣялась. Верстъ за пять до Тушина встрѣтилъ ее небольшой польскій отрядъ. Начальникъ его, красивый, статный всадникъ, подъѣхалъ къ колымагѣ.

— А, панъ Будзило! Очень рада васъ видѣть.

— Жалѣю, государыня, что не могу раздѣлить вашей радости.

— Что это значитъ? Панъ измѣнился, живя среди московитскихъ медвѣдей.

— Знаете ли, къ кому вы ѣдете?

— Странный вопросъ! къ царю Димитрію.

— Гдѣ царь Димитрій, и даже живъ ли онъ, я не могу вамъ сказать. Но въ Тушинѣ, вмѣсто него, низкій самозванецъ.

— А вы ему служите?

— Онъ намъ служитъ. Онъ нуженъ для нашихъ цѣлей. Вы знаете, какъ я былъ близокъ къ царю. Такъ вотъ я свидѣтельствую вамъ, что этотъ Тушинскій совсѣмъ не похожъ на него лицомъ, а по характеру онъ совершенная противоположность: вмѣсто храбраго рыцаря Димитрія это... чортъ знаетъ что такое, не то человѣкъ, не то жидъ. Простите, что я васъ огорчилъ. Но мнѣ жаль васъ, и я счелъ своею обязанностію предупредить васъ.

Онъ поклонился и помчался къ Тушину. Марина залилась слезами.

— А вы увѣряли меня, что это Димитрій!—гнѣвно сказала она іезуиту.

— Конечно, я могъ ошибиться, я не видѣлъ самъ, а только слышалъ.

— Боже мой! Что мнѣ дѣлать! Что мнѣ дѣлать!

— Государыня! Позвольте напомнить вамъ ваши собственныя слова: «только бы опять ее, корону, и я всѣмъ готова для нея пожертвовать!»

— Какъ! Что вы хотите сказать?

— Если человѣкъ, царящій въ Тушинѣ, не Димитрій, то, значитъ, Димитрій погибъ, и разсказъ о спасеніи его не вѣренъ. Тогда ваша корона—прекрасный сонъ.

— Сонъ! нѣтъ, вы не то хотѣли сказать.

— Есть люди, которыхъ удовлетворяетъ скромный жребій, но есть возвышенныя души, которыя стремятся занять то положеніе, которое прилично ихъ уму и положенію. Для этого иногда нужно выдержать тяжелую борьбу. Они не боятся такой борьбы.

— Борьба, но не позоръ!

— Позоръ — занять тронъ одной изъ могущественнѣйшихъ монархій въ свѣтѣ, вывести заблуждающійся народъ на путь истины—развѣ это называется позоромъ?

— И для этого признать мужемъ обманщика! Вы забыли, что говорите съ женщиной.

— Развѣ нельзя съ нимъ тайно обвѣнчаться? Я говорю не съ женщиной, которая удовлетворится тряпками, хлопотами въ дѣтской и мѣщанскою любовью, а съ государыней, на которую теперь съ ожиданіемъ устремлены очи всего христіанскаго міра, отъ рѣшенія которой зависитъ участь народовъ.

— Марина, — промолвилъ Мнишекъ, — вѣрить словамъ Будзилло вполнѣ нельзя. Многіе въ Тушинѣ не желаютъ, чтобы мы тамъ были, потому что при насъ ихъ значеніе уменьшится. Поэтому и Воловскій не хотѣлъ насъ догнать. Конечно, это очень вѣроятно, что этотъ... тушинскій царь не похожъ на Димитрія наружностью—въ этомъ отношеніи Будзиллѣ невозможно было лгать, потому что обманъ тотчасъ же изобличился бы, но его отзывъ о характерѣ... претендента не вѣренъ. Чтобы рѣшиться взять на себя такую роль, надо много воли и твердости духа.

Марина Юрьевна встрѣтилась съ тушинскимъ царькомъ, какъ съ мужемъ, спасеннымъ отъ смерти. Чрезъ нѣсколько времени іезуитъ тайно обвѣнчалъ ихъ.

Странное зрѣлище представляла Калуга въ исходѣ 1610 года. Какого только народа не толпилось на ея улицахъ. И поляки, и донскіе казаки, и запорожцы, и татары, и другіе инородцы; русскихъ, пожалуй, меньше, чѣмъ иного народу. Да изъ русскихъ родовитыхъ людей было мало, а все голь перекатная, которая собралась послужить своему царю, котораго величали: кто «прирожденнымъ государемъ», кто «тушинскимъ воромъ», кто «царькомъ.»

Самъ царекъ сидѣлъ въ просторной избѣ, въ одномъ изъ лучшихъ калужскихъ домовъ, которую приверженцы

царька называли царевыми хоромами. Передъ царькомъ стояла большая стопа меду, и «великій государь» уже былъ изрядно выпивши. Передъ нимъ стоялъ человѣкъ въ шутовской одеждѣ, неразлучный его собесѣдникъ, шутъ Иванъ Кошелевъ.

— Ты, Ванюха, не сомнѣвайся, — говорилъ царекъ,— ужь я буду на Москвѣ, вѣнчаюсь въ Успенскомъ. «Слава и велелѣпіе возложиша на него».

— А какъ потомъ изъ пушки выпалятъ, какъ тѣмъ первымъ?

— Когда-то будетъ, а до тѣхъ поръ поживемъ. Да и теперь чѣмъ худо? Кто въ Калугѣ смѣетъ мнѣ препятствовать? Низложу всякаго врага и супостата. Повелю тебѣ, Ванька, голову срубить и срубятъ.

— Мнѣ не срубишь: потому—безъ меня скучно будетъ.

— Это разъ, а другое слуга ты мой вѣрный. А другому всякому срублю. А въ Тушинѣ скверно было. Рожинскій всѣмъ распоряжался. Вишь польскій гетманъ! А я-то кто? Кто я, Ванька?

— Великій государь.

— То-то. А онъ, собака, какъ моего вѣрнаго гетмана Мѣховецкаго убилъ, такъ и сталъ верховодничать. А ужь какъ прослышали эти поляки, что Жигимонтъ ихъ на Смоленскъ пошелъ, такъ совсѣмъ взбѣленились: надо имъ къ своему государю воротиться, да хоть бы съ моего вѣдома, а то только ругаются. Тышкевичъ въ глаза меня мошенникомъ назвалъ, а Рожинскій прибить собирался. Ну, я удалился. Понимаешь?

— Какъ не понимать. Крестьяниномъ ты одѣлся, сѣли мы съ тобой въ навозныя сани да и уѣхали.

— Это ничего, что въ навозныя. При гоненіяхъ это бываетъ. И въ писаніи примѣры есть. Вотъ хоть царь Давидъ—вбродъ шелъ, камнями въ него бросали. А послѣ онъ сокрушилъ врага и мѣстника. И я сокрушу. Какъ бы не польская шатость, я давно бы на Москвѣ сидѣлъ.

— А Михайла Скопинъ-Шуйскій?

— Что Скопинъ? Молодъ онъ со мной тягаться.

— Однако онъ подъ Тверью да подъ Калязинымъ каково Заборовскаго да Сапѣгу вздулъ.

— А кто виноватъ? Самъ Сапѣга. Привязался онъ осаждать Троицкую лавру. Извѣстно, хотѣлось поживиться, да

какъ бы не такъ. Тутъ взятки гладки. Онъ думалъ, что легко русскихъ въ полѣ побивать, но и тутъ то же будетъ. Какъ бы не такъ! Русскіе въ полѣ-то отчего плохо дерутся? Оттого, что не хотятъ на прирожденнаго государя руку подымать. Опять же и строю не знаютъ. Царемъ на Москвѣ буду, такъ научу. Теперь нельзя, народъ вольный, къ питью охочъ. А нехорошо это пьянство, Ванька?

— Чего хорошаго!

— А Троицу-Сергія оборонять, тутъ иное дѣло. Тутъ за угодника бились. Опять же крѣпость оборонять и строю никакого не надо — валяй чѣмъ ни попало. И выходитъ вонъ — крестьянинъ простой Суета пойдетъ на поляковъ, на цѣлую толпу, да и валитъ направо и налѣво. А Селенинъ Ананья—недаромъ его Сергіевымъ витяземъ прозвали. Слышно, такъ его поляки боялись, что въ бою подальше отъ него держались, самого Лисовскаго поранилъ. Вотъ и потеряли они. Сапѣга да Лисовскій, чуть не половину рати понапрасну. Такъ Скопину-Шуйскому не мудрено было съ ними справиться.

— А говорятъ, и въ обители тѣсновато было и воды маловато, а соли и уксусу совсѣмъ не было, оттого и цынга приключилась. А я думаю, что все это пустое дѣло: соль да уксусъ, было бы вино, а безъ уксуса прожить можно.

— Вѣрно. А еще полякъ-то Мартіасъ — каково было троицкихъ сидѣльцевъ поддѣлъ, передался будто къ нимъ, стрѣльбѣ сталъ учить, другъ пріятель воеводѣ Долгорукому сталъ, такъ что ночною стражею начальствовалъ. Удружилъ бы онъ имъ, какъ бы другой полякъ, Нѣмко, не вывелъ его на свѣжую воду.

— А пуще всего обители святой Сергій да Никонъ помогли. Говорятъ, они въ видѣніяхъ являлись, а въ затворенныхъ храмахъ лики ангельскіе надъ убіенными троицкими сидѣльцами вѣчную память пѣли.

— Видишь, а поляки хотѣли обитель взять.

— Да ты самъ...

— Молчи. Когда на Москвѣ буду, отмолю грѣхи, къ Троицѣ-Сергію пѣшъ пойду, отмолю. Мнѣ бы только на царствѣ утвердиться, а ужь процвѣту благочестіемъ. Поляковъ въ грозѣ держать буду.

— А жену?

— Ну ее! ломается больно, послушанія не оказываетъ,

а въ писаніи что сказано: «Жена да боится своего мужа».

— Можетъ, оттого ломается, что непраздна.

— Это радость мнѣ большая,—наслѣдника престола мнѣ родитъ. Лучше послѣ меня шатости въ народѣ не будетъ. А то теперь сколько этихъ самозванцевъ развелось! въ Астрахани царевичъ Августъ объявился, потомъ будто братъ мой Иванъ, и третій назвался Лаврентьемъ, сыномъ этого Ивана, въ степи опять царевичъ Ѳедоръ, царевичъ Климентій, царевичъ Савелій, царевичъ Семенъ, царевичъ Василій, царевичъ Ерошка, паревичъ Гаврилка, царевичъ Мартынка, все будто наши племянники отъ брата нашего Ѳедора.

— А настоящій-то только ты одинъ?

— Какъ есть. Меня весь черный людъ почитаетъ. А сочти-ка, сколько его? Словно песка морского. Сяду на Москвѣ, изъ чернаго люда да изъ казаковъ и думу боярскую наберу.

— А прежнихъ бояръ?

— Всѣхъ порѣшу. Что мнѣ въ нихъ! У меня и безъ нихъ найдется кому въ думѣ быть. Вотъ тебя посажу, Гаврюшку Веревкина.

— Да еще воротится ли онъ къ тебѣ?

— Безпремѣнно воротится. Ему безъ меня, какъ рыбѣ безъ воды, жить не можно.

— Да еще живъ ли онъ?

— Живъ, его въ полонъ взяли, когда Куракинъ, Голицынъ да Лыковъ нашу рать побили.

Послышались торопливые шаги, растворились двери, и Гаврила Веревкинъ—легокъ на поминѣ—вбѣжалъ въ избу.

— Здравствуй, великій государь!

— Молодецъ, Гаврила! Ушелъ изъ полону?

— Ушелъ. Давно я ушелъ, да на Москвѣ остановился —хотѣлось тебѣ послужить да съ Мишкой Салтыковымъ сосчитаться.

— А онъ—ворогъ твой?

— Смертельный. Онъ всю нашу семью погубилъ. Я какъ услыхалъ, что ты ушелъ изъ Тушина, а воры: Мишка Салтыковъ, да сынъ его Ивашка, Рубецъ Мосальскій, Хворостинъ, Плещеевъ, Вельяминовъ, Грамотинъ, да Молчановъ съ Андроновымъ и другими сбѣжали къ Жигимунту

подъ Смоленскъ да и били челомъ, будто ото всей земли, чтобы Жигимунтъ пожаловалъ сына своего на русское царство далъ—какъ услыхалъ я это, обезумился, а притомъ и возрадовался. Нельзя мнѣ было до тѣхъ поръ на Мишку Салтыкова напасть, потому что при одномъ дѣлѣ мы служили, а теперь, погоди, братъ, я до тебя доберуся, отольются волку овечьи слезы.

— Да ты разскажи, что на Москвѣ.

— Разскажу. Все по ряду разскажу. Съ самаго моего полону.

— Ладно. Я хоть о московскихъ дѣлахъ довольно знаю, да лучше все по ряду услыхать. Будетъ понятнѣе.

— Взяли меня въ полонъ, спрашиваютъ: кто таковъ? Я своимъ-то именемъ не назвался, потому что я хоть человѣкъ и маленькій, а имя-то мое довольно знаютъ. «Сычевъ» говорю. Ну, Сычевъ, такъ Сычевъ. Привели меня въ Москву, посадили на казенныя харчи. Вижу, со мной мужичокъ сидитъ. Разговорились.—Какъ тебя, спрашиваю, зовутъ? — «Умойся грязью.» — Что? — «Умойся грязью — такое прозвище ношу,» говоритъ.—Ну, носишь, такъ и носи, а какъ ты, милый человѣкъ, сюда попалъ?—«Да изъ Пскова. Тамъ насъ, черныхъ людей, воевода Петръ Шереметевъ да набольшіе люди стали сильно заѣдать, такъ мы и озлобились на нихъ. А они и придумали пятерыхъ изъ насъ, что коноводами были, меня, да Самсона Тимоѳинца, да Ерему Сыромятника, Овсейка Ржову, да Илюшку Мясника, къ государю послать съ деньгами на Москву. А царю отписали, что мы бунтуемъ. Насъ четверыхъ въ тюрьму и посадили, одного Ерему помиловали, потому что онъ на воеводу много всякаго рукодѣлья дѣлалъ». — Видишь, говорю, какая правда-то у Шуйскаго, а у батюшки царя Димитрія Иваныча не то: онъ всѣмъ чернымъ людямъ отецъ родной.

— Спасибо, Гаврила, ты и въ тюрьмѣ-то за меня старался.

— Такъ старался, что этотъ «Умойся грязью» напослѣдокъ говоритъ мнѣ: «только бы отселѣ Богъ вынесъ, да во Псковъ воротиться, есть тамъ у насъ такой мужичокъ Тимоѳей, прозвищемъ Кудекуша Трепецъ»...

— Экія у нихъ прозвища-то.

— «Такъ этотъ Кудекуша большую силу имѣетъ и весь

Псковъ въ государеву волю приведетъ». Ладно, говорю, милый человѣкъ, стало быть, только убѣчь нужно, а въ этомъ ты не сумлѣвайся. Еще и запора такого не бывало, изъподъ коего бы я не убѣжалъ. Вотъ и убѣгли мы съ нимъ. Онъ во Псковъ пошелъ, а я на Москвѣ остался, разспрашиваю, что Шуйскій. Самому, говорятъ, давно бы не усидѣть, да патріархъ за него стоитъ. Еще въ прошломъ году, какъ Самбуловъ съ Гагаринымъ да Грязнымъ сверзить Шуйскаго хотѣли, такъ патріарха насильно на лобное мѣсто притащили, пескомъ и соромъ обсыпали, а онъ не убоялся, и ничего они безъ патріарха сдѣлать не могли. А теперь, когда князь Михайла Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій со шведскимъ воеводой Яковомъ Полтусовымъ Сапѣгу побили и воръ тоже побитъ... Это, не погнѣвись, государь, они тебя такъ называли.

— Ну, ихъ! Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

— Такъ теперь, говорятъ, Шуйскій крѣпко на царствѣ стоитъ. Вотъ какъ это самое слово мнѣ сказали, а мимото и идетъ какой-то блаженненькой. «Кто это на царствѣ сидитъ?»—спрашиваетъ.—«А государь Василій Ивановичъ.» Блаженненькой какъ завопитъ: «Михайло, Михайло будетъ царемъ на Москвѣ!» И похоже на то было. Какъ по веснѣ Рожинскій съ поляками и твоими измѣнниками къ Жигимунту убѣгъ и тушинскій станъ выжегъ, а Михаилъ Скопинъ въ Москву вступалъ, такъ народъ падалъ ницъ передъ нимъ, со слезами били челомъ за то, что ихъ отъ голодной смерти спасъ.

— Да, безъ него выморили бы мы ихъ голодомъ.

— А дьячокъ одинъ даже въ ту пору такъ молвилъ: «Это какъ Давидъ съ Сауломъ. Саулъ побѣдилъ тысящи, а Давидъ тьмы». Да слышно, Прокопъ Ляпуновъ не выдержалъ, билъ челомъ Михаилу, чтобы онъ на царство сѣлъ. Только Михайла человѣкъ простой, не захотѣлъ подъ дядей подыскиваться.

— А Василій на Михайлу за то разсвирѣпѣлъ.

— Кто его знаетъ? съ виду ласковъ былъ, да какъ тому вѣрить? Кто лучше Шуйскаго во всемъ Московскомъ царствѣ притвориться сумѣетъ. А вотъ братъ его, Митька, рвалъ и металъ. Тоже хоть бабій разумъ, а на царствѣ быть хочется. У Василья дѣтей нѣтъ, такъ Дмитрій мнилъ къ нему въ наслѣдники попасть, а какъ Михайло-то про-

славился, то и помышлять о томъ было нечего. А пуще разлютовалась его жена Катерина, баба ехидная, настоящее скуратовское сѣмя. Вотъ недѣль черезъ семь послѣ вступленья Михайлы въ Москву разносится слухъ, что онъ въ одночасье померъ. Всѣ такъ и ахнули. Это, говорятъ, Димитрія съ Катериной дѣло.

— Да такъ и было доподлинно.

— Кто тамъ ихъ знаетъ? Скопинъ на крестинахъ у Ивана Воротынскаго захворалъ. Тамъ-то, кажись, какъ бы Катеринѣ это дѣло сдѣлать. Только отъ нея все станется. А тутъ стали поговаривать, что и Василій Шуйскій въ томъ дѣлѣ участникъ. Не захотѣлось вишь ему Сауломъ при Давидѣ быть. Я, конечно, тоже о томъ слухѣ постарался. А главное Захаръ Ляпуновъ, давно ужь онъ до Шуйскаго добирался, а тутъ случай хорошъ вышелъ. Послышимъ, Митька Шуйскій съ ратью противъ польскаго гетмана Жолкѣвскаго пошелъ, а Жолкѣвскій подъ Клушинымъ такъ его расщелкалъ, что любо-дорого. Вотъ и собрались мы не въ маломъ числѣ, пришли въ царскія палаты. Захаръ прямо Шуйскому и говоритъ: «Долго ли за тебя кровь христіанская литься будетъ. Положи царскій посохъ, а мы о себѣ ужь какъ-нибудь промыслимъ». А Шуйскій какъ принялся костить его. «Какъ ты смѣлъ, говоритъ, это мнѣ вымолвить, когда бояре ничего не говорятъ?» Да съ ножомъ на Захара кинулся. А Захаръ въ эти двери, не поклонясь, не пройдетъ, да въ плечахъ косая сажень. «Какъ возьму я тебя въ руки, говоритъ Шуйскому, такъ и сожму всего». Однако, на тотъ разъ у нихъ до драки не дошло. Собрались бояре и народъ къ Серпуховскимъ воротамъ и порѣшили бить челомъ Шуйскому, чтобы съ царства сошелъ, а взялъ себѣ въ удѣлъ Нижній Новгородъ. Ну, тутъ Василью было дѣлать нечего, покорился и переѣхалъ со своей молодой женой въ свой прежній боярскій домъ. Однако, мутить и тутъ не пересталъ: сносился со своими сторонниками, стрѣльцовъ подкупалъ. А москвичи не всѣ противъ него были, потому только и согласились его съ царства свести, что думали, будто твои люди тебя бросятъ, если они отъ Шуйскаго отрекутся. Ну, мы, извѣстно, тебя не бросимъ. Мы безъ тебя, что рыба безъ воды.

— Что я тебѣ, Ванька, говорилъ?

— А тутъ, слышимъ, патріархъ говоритъ: надо опять Шуйскаго на царство возвести. Вотъ на третій день Захаръ Ляпуновъ, да князья: Засѣкинъ, Тюфякинъ и Меринъ Волконскій. да Аксеновъ, да еще насъ нѣсколько человѣкъ взяли съ собой монаховъ изъ Чудова монастыря и пошли къ Шуйскому. «Постригись!» говоримъ. Куда, и слышать не хочетъ. Ну, дѣлать нечего. Взяли старика подъ руки, а монахи обрядъ совершаютъ — ихъ мы тоже пугнули. Шуйскій не захотѣлъ отвѣтовъ, какіе нужно, говоритъ, такъ за него Тюфякинъ проговорилъ. Слышно, послѣ патріархъ толковалъ, что постригся-де не Шуйскій, а Тюфякинъ. Ну, да тамъ какъ хочешь толкуй, а все-таки постригся. Ну, съ Васильемъ, значитъ, москвичи раздѣлались. Тутъ хлопоты пошли, кому на его мѣстѣ быть. Мы, извѣстно, тебѣ радѣли и такихъ радѣльщиковъ у тебя на Москвѣ не мало, только все же супротивниковъ больше. Бояре — знаетъ кошка, чье мясо съѣла — тебя боятся, потому знаютъ, что за тобой имъ плохо придется. Патріархъ къ тому тянулъ, чтобы сейчасъ выбрать всей землей государя изъ русскихъ. Не будь бы Филаретъ Никитичъ въ монашествѣ, пожалуй, его бы выбрали! Романовы хотя и бояре, а люди хорошіе, ихъ и черный людъ любитъ. Да нельзя же монаха въ цари выбрать, хоть тоже, чай, онъ монашество не по своей охотѣ принялъ. Сынъ его Михайла еще отрокъ, а не такое теперь время, чтобы отроку землей править. Ну, вотъ одни стали подумывать о Васильѣ Голицынѣ, а другимъ нечистый шепнулъ Владиславу покориться. Больше тутъ твои измѣнники, Мишка Салтыковъ съ товарищи, мутили. Ну, да съ Мишкой, живъ буду, раздѣлаюсь.

— И мнѣ попадется, казнить повелю.

— Ловокъ, собака, не попадется. Вотъ развѣ я доберусь. И стали они говорить: «того гляди, тушинцы ворвутся, тогда всѣхъ, у кого мошна потолще, пограбятъ». Это они, пожалуй, и правильно.

— Отчего царевыхъ супротивниковъ и не пограбить?

— Извѣстно. Только такихъ-то людей, съ толстой мошной, на Москвѣ не мало. Имъ вѣдь все равно, кто ни попъ, тотъ и батька, лишь бы мошну соблюсти. Владиславовы сторонники, какъ ихъ твоею ратью припугнули, такъ они всѣ за Владислава и стали. Захаръ Ляпуновъ видитъ—дѣло

худо и придумалъ: ночью твое войско въ Москву ввести, я ужь за то ему, отъ твоего имени, съ три короба обѣщалъ.

— Я бы точно наградилъ его.

— Да дѣло не выгорѣло. Мстиславскій съ другими боярами послалъ къ Жолкѣвскому сказать, чтобы скорѣе шелъ Москву отъ тебя оборонять, потомъ опять по волѣ патріарха написали, чтобы остановился, не подходилъ. На ту пору, помнишь, твои сторонники начали Москву добывать. Тутъ всѣ тонкокафтанники перепугались. «Лучше, говорятъ, служить королевичу, чѣмъ быть побитыми отъ своихъ холопей и въ вѣчной работѣ у нихъ мучиться». Патріархъ и Филаретъ стали увѣщевать ихъ, что нехорошо еретику покоряться. Куда, и слышать не хотятъ. Ну, опять позвали Жолкѣвскаго, онъ пришелъ съ Ванькой Салтыковымъ. Ванька съ твоими измѣнниками помогъ боярамъ тебя отъ Москвы отбить. Ну и порѣшили москвичи Владислава на царство посадить. Патріархъ только одного добился, чтобы при этомъ Владиславъ нашъ законъ принялъ.

— А онъ, думаешь, приметъ?

— Какое! Дѣло не выгоритъ! За четыре дня до Новаго года *) москвичи присягнули Владиславу, а черезъ два дня послѣ присяги пригналъ изъ Смоленска Ѳедька Андроновъ съ грамотой отъ Жигимунта, а въ грамотѣ говорилось, что самъ король хочетъ на Москвѣ царствовать. Эту грамоту онъ къ Жолкѣвскому написалъ, московскіе дураки о ней и не знали. Да Андроновъ со мной повстрѣчался, старую дружбу мы вспомнили, я сказалъ, что ужь отъ тебя отступился, ну выпили мы, онъ съ пьяныхъ глазъ и проболтался. Отъ него же я узналъ и то, что Жолкѣвскій съ боярами придумали захватить тебя въ Угрѣшскомъ монастырѣ, гдѣ ты на ту пору былъ. Я о томъ тебѣ и вѣсть подалъ.

— На томъ спасибо. Я тогда въ Калугу-то совсѣмъ и убрался. Что ты до сихъ поръ разсказывалъ, мнѣ, почитай, все вѣдомо. А съ той поры мало мнѣ вѣстей изъ Москвы доходило.

— Придумали бояре подъ Смоленскъ большихъ пословъ отпустить, молить Жигимунта, чтобы онъ сына на московское царство отпустилъ. Поѣхали Филаретъ, да Василій Го-

*) Новый годъ тогда праздновался 1-го сентября.

лицынъ, спасскій архимандритъ Ефимъ, троицкій келарь Авраамій Палицынъ, дворянинъ Сукинъ, дьяки Томила Луговскій и Сыдавній Васильевъ. Спустя малое время и я за ними поѣхалъ, чтобы о Смоленскѣ все для тебя вывѣдать.

— Опять спасибо. Благій рабъ и вѣрный, надъ многими тя поставлю.

— Послы и наказъ повезли, какимъ обычаемъ Владиславу на царствѣ быть. Вишь не только самому въ нашу вѣру перейти, да и жениться въ Москвѣ, на дѣвицѣ греческаго закона, королю отъ Смоленска отступить, полонянниковъ русскихъ выдать, Владиславу привезти изъ Польши немногихъ людей, съ папежемъ не сноситься, и кто изъ московскихъ людеій, по малоумію, отъ греческой вѣры отступитъ, того казнить.

— Ну, дѣло не выгоритъ!

— Василія Шуйскаго отправили въ Волоколамскій монастырь, жену его въ Суздальскій-Покровскій, братьевъ въ Бѣлую, а потомъ Жолкѣвскій Василья съ братьями подъ Смоленскъ къ Жигимунту увезъ. Хитеръ этотъ Жолкѣвскій. Сперва его не хотѣли въ Москву пускать. Онъ просился-было въ Новодѣвичьемъ монастырѣ стать, такъ патріархъ сказалъ, что полякамъ съ монахинями быть непригоже, а монахинь для поляковъ вывести тоже нельзя.

— Старикъ ничего. Хоть супостатъ мой, а скажу—стойкій.

— Тутъ Жолкѣвскій и началъ лисить, сказалъ, что высылаетъ противъ тебя полки, какъ только московскіе будутъ готовы, обѣщалъ поляковъ строго въ Москвѣ держать. Его туда и впустили. Сперва онъ своихъ точно строго держалъ. Одинъ полякъ въ икону Божьей Матери спьяна выпалилъ, такъ его къ отсѣченію рукъ и къ сожженью приговорили, другой—дѣвушку увелъ, такъ кнутомъ выпороли.

— Это они для первоначалу, чтобы народъ обольстить.

— Извѣстно. Въ окольныхъ городахъ, гдѣ имъ позволено было припасы собирать, они много насильства подѣлали. Но въ Москвѣ ни, ни, ни. Жолкѣвскій всѣмъ сумѣлъ въ ухо влѣзть. Стрѣльцы такъ его полюбили, что для него все рады были сдѣлать—онъ имъ поляка Гонсѣвскаго и въ начальники далъ. Даже патріархъ хвалилъ его и не разъ въ гости къ нему ходилъ. Только Жолкѣвскій смекнулъ, что рано ли, поздно ли, а москвичи узнаютъ, какъ онъ ихъ

оплелъ. За добра ума и поѣхалъ къ Жигимонту подъ Смоленскъ и Василья Шуйскаго съ братьями съ собой забралъ. А москвичи любовно попрощались съ нимъ. Вмѣсто него набольшимъ на Москвѣ Гонсѣвскій остался.

— А что Смоленскъ?

— Шеинъ крѣпко Смоленскъ отстаиваетъ отъ Жигимонта. Одну пору было воевода ослабѣлъ, такъ архіепископъ Сергіи его укрѣпилъ. И всѣ смоленскіе сидѣльцы порѣшили стоять до послѣдняго. Московскіе послы пріѣхали къ Жигимонту, сказали, что къ наказу слѣдовало, и пошелъ у поляковъ разговоръ: отпускать королевича али нѣтъ. Стали говорить, что королевичъ младъ, а при теперешнихъ дѣлахъ разумнаго мужа на московскомъ государствѣ надо. Да какъ и полякамъ съ москвичами сладить? Чтобы они ужились, потребно содѣйствіе Святаго Духа. А для Польши главное Смоленскъ да Сѣверскую землю взять. Стали поляки послам говорить: «вы бы велѣли смольнянамъ присягнуть королю и королевичу вмѣстѣ, тѣмъ бы вы оказали почесть королю. А не взявъ государю нашему Смоленскъ, прочь не отхаживать». На польскій наказъ объявили, что въ вѣрѣ и женитьбѣ королевича воленъ Богъ да онъ самъ, о числѣ людей при семъ надо съ нимъ договориться. Послы никакъ не хотѣли приказывать смольнянамъ сдаться. Такъ поляки хотѣли, чтобы послы велѣли въ Смоленскъ польскихъ ратныхъ людей довольное число впустить.

— То же бы самое, что въ Москвѣ, вышло.

Вошелъ татаринъ изъ тѣлохранителей царька и сказалъ ломанымъ русскимъ языкомъ:

— Бачка! тамъ царь приходилъ. Хочетъ тебѣ саламаликъ сказать.

— Какой такой царь?

— Нашъ, касимовскій.

— Зови.

— Попался салма!—вскричалъ царекъ,—знаешь, вѣдь этотъ касимовскій царь отступился отъ меня, когда я изъ монастыря сюда ушелъ, онъ къ Жолкѣвскому перебѣжалъ.

Вошелъ пожилой татаринъ.

— Здоровъ будь, Дмитрій Иванычъ!

— Люди говорятъ, царь.

— Гдѣ намъ разбирать, кто на Руси царь. Кто на Москвѣ сидитъ, тому и служимъ.

— А кто на Москвѣ сидитъ?
— Владиславъ.
— Полно, такъ-ли? А прежде ты мнѣ служилъ.
— Мало-ли что было прежде. Я человѣкъ вольный.
— Какъ-же! самъ царь!
— Въ Касимовѣ такой же царь, какъ ты въ Калугѣ.
— Ахъ, ты... Такъ ты не служить мнѣ пріѣхалъ?
— Извѣстно, не служить.
— Зачѣмъ-же?
— А парнишко моіі здѣсь остался, такъ взять хочу.
— Вотъ какъ!
— Я царю Владиславу присягнулъ, такъ и сыну баловаться нечего—пускай Владиславу служитъ.

— Да что ты шутки шутить со мною что-ли вздумалъ? Самъ мнѣ измѣнилъ, да еще сына отъ меня переманивать хочешь. Нешто я позволю?

— Мало-ли отъ тебя народа уѣхало.

— Уѣхали тогда оттого, что власть взяли. А здѣсь я супротивниковъ-то сокращу.

— Какъ-бы это такъ? Ты не безобразничай. Я не простой человѣкъ. За меня тебѣ самому худо будетъ.

— А! еще ты, салма, стращать вздумалъ.

Царекъ хлопнулъ въ ладоши. Вошли нѣсколько казаковъ.

— Взять этого салмоѣда, утопить.

И прежде чѣмъ татаринъ успѣлъ опомниться, его потащили изъ избы.

— Смотри, государь! — сказалъ Веревкинъ, — какъ-бы изъ-за него, въ самомъ дѣлѣ, лиха не было. Вѣдь у тебя, попрежнему, стража изъ татаръ.

— Такъ ты думаешь, они меня на этого стараго пса промѣняютъ? Нѣтъ, братъ, я въ этомъ родителю мосму, царю Ивану Васильевичу, и послѣдую. Онъ почему опричниковъ къ себѣ приблизилъ? Потому, что народъ ненавидѣлъ ихъ. Не будь царя, ихъ бы въ клочья разорвали. Такъ, поневолѣ, имъ приходилось за царя держаться. Вотъ и татаръ здѣсь также всѣ ненавидятъ. Значитъ, имъ и нужно мою голову беречь. А вотъ сынъ этого стараго пса, точно, на меня озлится, да я его куда-нибудь подальше ушлю.

Дня черезъ два, царекъ собрался ѣхать на охоту за зайцами. Его сопровождали: Веревкинъ, Кошелевъ и человѣкъ пятьдесятъ татарской стражи.

— А русская стража гдѣ?—спросилъ царекъ.

— На коней садятся, сейчасъ догонятъ,—отвѣчалъ Урусовъ, начальникъ татарской стражи.

Однако, отъѣхали версты двѣ отъ города, а русская стража не догоняла, да и въ виду ея не было.

— Не ѣзди дальше,—шепнулъ Веревкинъ царьку,—дѣло неладно.

Самозванецъ остановился.

— Что сталъ?—спросилъ Урусовъ.

— Не хочу сегодня охотиться.

— Такъ мы хотимъ,—отвѣчалъ Урусовъ,—и ударилъ самозванца ножомъ.

Веревкинъ бросился было на помощь царьку, но тяжелый ударъ оглушилъ его, и онъ свалился съ коня. Кошелевъ, во весь опоръ, помчался въ Калугу. Татары, изрубивъ самозванца, поскакали въ степь.

Марина Юрьевна въ это время была нездорова. Съ ней ужъ никого не оставалось изъ ея польскихъ людей: ни духовника іезуита, ни опальной гофмейстерши. Въ настоящую минуту съ нею бесѣдовалъ рослый, красивый казачій атаманъ Заруцкій.

— Такъ Сапѣга сплоховалъ?—спрашивалъ Заруцкій.

— Какой онъ рыцарь! — отвѣчала Марина,—ему бы только монастыри грабить. И то пятнадцать мѣсяцевъ Сергіевъ монастырь осаждалъ, да со стыдомъ ушелъ, а было у него и Лисовскаго въ десять разъ больше войска, чѣмъ въ монастырѣ защитниковъ. И какіе защитники! монахи!

— Ну, иной монахъ двухъ ратниковъ стоитъ. Да русскіе вообще крѣпко города отстаиваютъ. Вонъ Елецкій да Волуевъ отстояли же Царево-Заіімище, даже отъ кого? отъ Жолкѣвскаго.

— Вотъ видишь, отстояли, а Сапѣга, когда русскіе и шведы побили его подъ Дмитровымъ, такъ совсѣмъ потерялъ голову, и непріятели взяли бы Дмитровъ, если бы мои донцы не отстояли. Поляки, при этой оборонѣ, до того меня разсердили, что я какъ увидала, какъ они на валахъ стоятъ, а на самихъ лица нѣтъ отъ страха, то и не утерпѣла, закричала на нихъ: «что вы дѣлаете, негодяи, я женщина, а не потеряла духа». А потомъ слышу, что Сапѣга хочетъ меня королю выдать, пришла къ нему и говорю: «не будетъ того, чтобы ты мною торговалъ, у меня

здѣсь свои донцы, если посмѣешь меня останавливать, я тебѣ битву дамъ». Онъ не посмѣлъ, и я уѣхала въ Калугу.

— Говорятъ, верхомъ, въ мужскомъ платьѣ.

— На эти пустяки я и вниманія не обращаю. Не все-ли равно? Развѣ не такъ же я убѣжала изъ Тушина? И надо было бѣжать, избѣгая послѣдней бѣды и поруганія. Что тамъ дѣлали? За бокалами надо мной глумились, не щадили моей доброй славы, равняли меня съ самыми послѣдними женщинами. Я и ушла отъ нихъ къ Сапѣгѣ, а отъ Сапѣги сюда.

— Не на радость.

— А что бы ни было, я отъ правъ своихъ не отступлюсь. Я коронована на Московскомъ царствѣ, что бы о другихъ ни говорили, а я не обманщица, я законная царица.

— А вотъ родится у тебя сынъ и будетъ царемъ. За то тебѣ Иванъ Заруцкій головой ручается.

— Благодарю, Заруцкій. За то...

— Государыня, Марина Юрьевна!—закричалъ Кошелевъ, вбѣгая,—царя измѣнники татары зарѣзали.

Марина страшно поблѣднѣла.

— Дуракъ!—закричалъ на него Заруцкій.

— Что? думаешь, онъ испугалъ меня. Другая, въ моемъ положеніи, упала бы въ обморокъ. Я ужь этому разучилась. За мной! на площадь! смерть убійцамъ!

Въ городѣ еще оставалось сотни двѣ татаръ, которые, можетъ быть, и не знали объ умыслѣ Урусова съ товарищами. Ихъ побили и дворы ихъ пограбили. Поскакали на мѣсто убіійства, нашли трупъ царька и тяжело раненаго Веревкина.

Долго пришлось Веревкину поправляться въ Калугѣ послѣ выздоровленія отъ ранъ, до іюня слѣдующаго года. Много вѣстей услыхалъ онъ тамъ: что Сигизмундъ стѣснилъ Смоленскъ до крайности, а Владислава на царство не даетъ, что поднялось для освобожденія русской земли отъ поляковъ ополченіе земскихъ людей, подъ начальствомъ Прокопа Петровича Ляпунова, что уже стоитъ оно подъ Москвой, что тамъ соединились съ нимъ рати казаковъ и голутвенныхъ людей, подъ начальствомъ князя Трубецкого и Заруцкаго, что съ Заруцкимъ и Марина и что полякамъ въ Москвѣ приходится худо.

«Куда мнѣ ѣхать? — разсуждалъ Веревкинъ по выздоровленіи. — Въ Москву? Кому тамъ служить? Маринину сыну? Значитъ, Заруцкому? не хочу. Довольно, что и тому пьяницѣ служилъ. Тотъ все-таки Дмитріемъ Ивановичемъ назывался. Опять, пожалуй, на глаза Прокопу Ляпунову попадусь, а онъ человѣкъ горячій, хоть и пріятель я былъ его брату Захару, а Прокопъ, пожалуй, повѣситъ. Онъ, слышно, крѣпко до всѣхъ казаковъ и голутвенныхъ людей добирается. Махну-ка я въ Великій Новгородъ. Тамъ, слышно, поблизости Ванька Салтыковъ, не удастся-ли съ нимъ за отца его, Мишку, разсчитаться».

Сказано, сдѣлано. Чрезъ нѣсколько дней пути нашлись попутчики въ Новгородъ. Это были дьякъ Самсоновъ и съ нимъ двое ратныхъ людей. Веревкинъ назвалъ себя Максимкой Сычевымъ. Услужливостью и расторопностью онъ успѣлъ дьяку понравиться.

— Зачѣмъ твоя милость въ Новгородъ ѣдетъ?

— А граматку въ Новгородъ отъ воеводъ: Ляпунова, Трубецкого да Заруцкаго везу.

— Какъ это мнѣ невдомекъ. Трубецкой и Заруцкій бояре, Трубецкой еще князь, а Ляпуновъ думный дворянинъ, ты же его имя прежде всего выговорилъ.

— Эка! Да развѣ ты не знаешь, что все дѣло однимъ Прокопомъ Петровичемъ держится, безъ него все бы прахомъ пошло.

— А велика рать?

— Тысячъ со сто будетъ. Сперва Прокопъ Петровичъ въ малыхъ людяхъ поднялся, наши измѣнники, что полякамъ передались, противъ него Сумбулова и черкасъ *) выслали, да, спасибо, князь Дмитрій Пожарскій подоспѣлъ и побилъ Сумбулова.

— Удалъ этотъ Пожарскій! Онъ и прежде тушинцевъ не разъ побивалъ.

— Ему теперь худо пришлось.

— Какъ такъ?

— Какъ прослышали поляки и наши измѣнники, что въ Москвѣ заперлись, что земское ополченіе идетъ, начали они сперва всячески тѣснить владыку патріарха Гермогена. Мишка Салтыковъ пришелъ къ нему съ другими боярами

*) Черкасами тогда называли казаковъ.

да и говоритъ: «Ты писалъ, чтобы ратные люди шли къ Москвѣ; теперь напиши, чтобы воротились назадъ». А патріархъ ему на то: «Напишу, если ты, измѣнникъ, вмѣстѣ съ литовскими людьми, выйдешь изъ Москвы; если же вы останетесь, то всѣхъ благословляю помереть за православную вѣру». Патріарха посадили за приставы. А потомъ Салтыковъ сталъ поляковъ подговаривать, чтобы они черныій народъ московскій перебили. И по всѣмъ площадямъ поляки стояли наготовѣ съ оружіемъ; однако, рѣзни не начали. Мишка разсердился и говоритъ: «Былъ случай, а вы Москву не били, ну, во вторникъ они васъ будутъ бить; я этого ждать не буду; возьму жену и поѣду къ королю». Во вторникъ поляки стали таскать пушки на башни въ Кремлѣ и въ Китай-городѣ, стали заставлять и русскихъ извозчиковъ, чтобы они имъ помогали, тѣ не послушались, началась драка, а нѣмцы, что подъ Клушинымъ русскимъ измѣнили и къ полякамъ перешли, и давай безоружный народъ рѣзать. Въ Китай-городѣ семь тысячъ человѣкъ безоружныхъ побили. Князя Андрея Голицына, котораго прежде за приставы въ его домѣ посадили, тутъ поляки зарѣзали. Однако, въ Бѣломъ-городѣ русскіе вооружились чѣмъ попало Пробрались въ городъ и ратные русскіе люди, съ ними князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, Бутурлинъ и Колтовской. Пожарскій на Стрѣтенкѣ отбилъ поляковъ и втопталъ въ Китаи-городъ, Бутурлинъ въ Яузскихъ воротахъ сталъ, Колтовской—на Замоскворѣчьѣ. Тогда Мишка Салтыковъ полякамъ посовѣтовалъ: «Надо ихъ огнемъ выкурить», да тотчасъ свой домъ и зажегъ. Запалили поляки городъ въ разныхъ мѣстахъ, на бѣду страшный вѣтеръ поднялся. Народъ бросился тушить пожаръ, поляки и одолѣли. Пожарскаго, еле живого отъ ранъ, стрѣльцы въ Троицкой монастырь свезли.

— Неужли Богъ тому, Мишкѣ Салтыкову, потерпитъ?

— А сынъ Мишки, Иванъ, боярами измѣнниками былъ въ Великіи Новгородъ посланъ, чтобы новгородцевъ къ присягѣ Владиславу привести и Новгородъ отъ шведовъ оборонять. Да новгородцы Владиславу присягать не хотѣли, Ваньку Салтыкова заманили къ себѣ да въ тюрьму посадили, и воеводамъ, Ляпунову съ товарищами, о томъ отписали.

— А воеводы что?

— Воеводы меня съ граматой туда послали.

— Ты его, кровопивца, хорошенько.

— Не спущу. Теперь ихъ воровскимъ промысломъ Жигимонтъ и Смоленскъ взялъ.

— Развѣ ужь взялъ?

— Какъ же! Долго смольняне отбивались, изъ восьмидесяти тысячъ ихъ только восемь тысячъ осталось, а тутъ еще предатель Дедешинъ указалъ Жигимонту на часть стѣны, что осенью на спѣхъ построена и не прочна, поляки повалили ее пушками и пошли на приступъ. Взяли городъ, и Шеинъ въ полонъ попалъ. Да это что? въ честномъ бою. А вотъ честно ли, что пословъ: Филарета Никитича, Голицына да Луговского, какъ полонянниковъ, въ Польшу увезли?

— Спрашивай у нихъ правды.

— За то имъ въ Москвѣ туго приходится. У Симонова монастыря попытались было они схватиться съ нашими, да еле ноги унесли. Теперь ихъ со всѣхъ сторонъ окружили. Сперва Ляпуновъ сталъ у Яузскихъ воротъ, Трубецкой съ Заруцкимъ противъ Воронцовскаго поля, Измайловъ у Срѣтенскихъ воротъ, Мосальскій у Тверскихъ, ярославичи и костромичи у Покровскихъ, а потомъ наши заняли, почитай, всю стѣну около Бѣлаго-города. Сапѣга было подошелъ: сперва хотѣлъ за нашихъ стоять, потомъ вздумалъ Гонсѣвскому помочь, да ничего подѣлать не могъ и къ Переяславлю пошелъ, а наши и весь Бѣлый-городъ у поляковъ отняли.

Пока ѣхали до Новгорода, Веревкинъ всячески вооружалъ дьяка противъ Салтыковыхъ. Въ Новгородѣ они, дѣйствительно, нашли Ивана Салтыкова въ тюрьмѣ. Онъ клялся, что ничего противъ Московскаго государства не замышляетъ, что если бы отецъ его пришелъ съ литовскими людьми, то онъ сталъ бы и противъ отца биться.

Но дьякъ разсказалъ про дѣла Михайлы Салтыкова въ Москвѣ. Новгородцы пришли въ ярость.

— И сынъ такой же воръ! — кричали они.

Несчастнаго подвергли пыткамъ и, наконецъ, посадили на колъ.

— Весело будетъ, Мишка, тебѣ услышать? — говорилъ Веревкинъ, — эхъ, какъ бы и до тебя дошелъ чередъ.

Скоро послѣ того враги подступили къ Новгороду. Это былъ знаменитый шведскій полководецъ, Яковъ Делагарди, который когда-то помогалъ Скопину-Шуйскому поби-

вать поляковъ и тушинцевъ, а теперь сталъ врагомъ русскихъ. Онъ требовалъ, чтобы на московскій престолъ былъ возведенъ сынъ шведскаго короля, Филиппъ. Одинъ переметчикъ, Иванъ Шваль, ночью ввелъ шведовъ въ Новгородъ. Застигнутые врасплохъ, новгородцы только въ двухъ мѣстахъ защищались отчаянно. Стрѣлецкій голова Гаютинъ, дьякъ Голенищевъ, Орловъ и казачій атаманъ Шаровъ съ сорока казаками бились, не принимая никакихъ предложеній о сдачѣ, и всѣ до одного были перебиты. Софійскій протопопъ Аммосъ заперся съ нѣсколькими новгородцами въ своемъ дворѣ и много перебилъ шведовъ; они въ злобѣ сожгли дворъ со всѣми его защитниками. Воевода Бутурлинъ, послѣ продолжительнаго сопротивленія, вышелъ изъ города. Въ его отрядѣ былъ и Веревкинъ.

«Куда теперь дѣться? — думалъ онъ, — дай побываю въ своемъ родномъ селѣ».

Гаврила давно не бывалъ тамъ, съ той самой поры, какъ Годуновъ отнялъ у крестьянъ Юрьевъ день, значитъ, годовъ семнадцать.

Но не скоро удалось Веревкину туда попасть. Родимое село было далеко отъ Новгорода, да на полпути туда у Гаврилы разболѣлись раны, полученныя въ Калугѣ, пришлось надолго остановиться; насилу къ ноябрю добрался онъ до своей родины.

«Жива-ли бабушка? — думалъ онъ, — какъ-то ея дѣтки поживаютъ? Ничего, чай. Въ тѣхъ мѣстахъ польскіе и литовскіе люди не бывали.

Однако-жъ, подъѣзжая къ селу, онъ видѣлъ, что оно почти все погорѣло, въ томъ числѣ и домъ его бабушки. Но церковь цѣла осталась.

«Дай, пойду туда, — подумалъ Веревкинъ, — спрошу у попа, онъ, навѣрно, знаетъ».

Обѣдня только-что кончилась. Священникъ, старичокъ лѣтъ за семьдесятъ, тихонько спускался съ паперти. Гаврила подошелъ къ нему подъ благословеніе.

— Не знаешь ли, батюшка, — спросилъ онъ, — что сталось у васъ на селѣ съ Веревкиными?

— Какъ не знать! Перебиты! Всѣ до одного перебиты, голубчикъ.

— Кто же перебилъ? Поляки или казаки?

— Какое! свои же воровскіе люди.

— Да за что же?

— Развѣ воры разбираютъ? Какъ по грѣхамъ нашимъ замутилось русское царство, такъ первымъ дѣломъ холопы на баръ возстали. У насъ, въ сосѣдствѣ, сколькихъ перерѣзали. У насъ бояринъ-то далеко живетъ, такъ народъ хотѣлъ тіуна его да ключника порѣшить — не любитъ ихъ народъ. Насилу я тогда уговорилъ мужичковъ тіуна съ ключникомъ не трогать, да потому больше уговорилъ, что бояриномъ настращалъ, что онъ за то покараетъ, а нашъ бояринъ Михайла Глѣбовичъ, извѣстно, человѣкъ сильныіі. Сколько царей на Москвѣ перебывало и правителей разныхъ, а онъ у всѣхъ въ силѣ, и въ семибоярщинѣ *) самъ участникъ. Ну, а пограбили холопы бояръ да тіуновъ, тѣмъ не удоволились, начали и своего брата грабить. Сунулись къ сосѣдямъ нашимъ, романовскимъ крестьянамъ, ну, тѣ всѣ заодно стоятъ, отбились отъ воровъ. А къ намъ воры пришли, такъ куда намъ заодно стать. Вотъ все пожгли и пограбили и народу много побили, кои оборонялись, тѣхъ и побили, вотъ какъ Веревкиныхъ.

— А старушка у Веревкиныхъ была, бабушка, съ ней что?

— Сперва ея не тронули, а какъ невѣстку ея, молодуху, да дочку воры потащили, учала она воровъ костить, они ее и пришибли, да такъ разлютовались, что и ребятъ малыхъ не пожалѣли.

Веревкинъ поникъ головой. Воры, не иноземцы, не казаки, а свои воры побили всѣхъ его кровныхъ, малыхъ дѣтей не жалѣючи, а кто воровству былъ пособникъ, а потомъ и заводчикъ?

— Батюшка, я Веревкинымъ родня прихожусь, не отслужить ли панихиды по убіеннымъ рабамъ Божіимъ?

Началась панихида, сталъ Веревкинъ молиться и вспомнилъ, что давно не молился. Запѣли: «со святыми упокой!» и зарыдалъ онъ, какъ ребенокъ, въ первый разъ зарыдалъ, съ тѣхъ поръ, какъ плакалъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ, смотря на истязанія бабушки Салтыковымъ.

Идутъ они съ батюшкой изъ церкви, а на встрѣчу пожилой мужичокъ въ телѣжкѣ ѣдетъ.

---

*) Во время междуцарствія, по свержеиіи Шуйскаго, правленіе бояръ называется семибоярщиной.

— Глаза-то плохи стали, не разгляжу, — сказалъ священникъ.—Ай, батюшки! Никакъ, Иванушка!

Мужичокъ соскочилъ съ телѣжки и подбѣжалъ къ священнику. Тотъ сперва благословилъ, а потомъ поцѣловалъ его.

— Что, воротился изъ Нижняго? По-добру, по-здорову?

— Слава Богу, батюшка!

— Какъ хочешь, а заходи ко мнѣ. Чай, вѣстей много привезъ.

— Есть-таки. Я къ тебѣ и ѣхалъ, батюшка.

— Милости просимъ! Да и ты бы, молодецъ, зашелъ. На панихидѣ-то я видѣлъ, что ты скорбишь. Такъ можешь поговорить хоть съ нами, все же легче, чѣмъ одному горе мыкать.

Къ священнику набралось много гостей послушать вѣстей Иванушки—чуть не всѣ мужики, что уцѣлѣли на селѣ. Иванушка началъ разсказывать.

— Слышали вы, православные, что земскаго воеводу, Прокопа Петровича Ляпунова, подъ Москвой, воровскимъ умысломъ убили. Иванушка Заруцкій съ Гонсѣвскимъ грамоту отъ имени Ляпунова написали, будто онъ повелѣлъ: гдѣ поймаютъ казака, бить и топить. Казаки собрали кругъ, позвали Ляпунова да какъ волки на него и набросились. А изъ русскихъ тамъ былъ только Иванъ Никитичъ Ржевскій, Ляпунову недругъ, но грудью за него сталъ: казаки обоихъ и изрубили. Послѣ того, вся рать Ляпунова разошлась, а многіе были побиты и ограблены казаками. Трубецкой и Заруцкій остались подъ Москвой, да что въ нихъ толку! Слышимъ, Новгородъ шведы взяли, Псковъ какому-то новому самозванцу дьякону Сидоркѣ присягнулъ — тамъ какой-то Кудокуша всѣмъ дѣломъ заправлялъ. Сидоркѣ же и Трубецкой да Заруцкій со всѣми казаками присягнули. Смоленскъ Жигимундъ забралъ, хорошо, что еще дальше не пошелъ. Говорятъ, потому, что поляки плохо его слушаютъ. Вотъ и пріѣзжаю я въ Нижній. Тамъ объ этихъ дѣлахъ только и говорятъ. Разсказываютъ еще, что было тамъ одному благочестивому человѣку по имени Григорью видѣніе: свѣтъ великій облисталъ, явились два мужа и повелѣли всему государству покаяться и очиститься. Вотъ и приговорили нижегородцы три дня всѣмъ народомъ поститься, отъ пищи и питья воздерживаться, даже и съ грудными младенцами, отписали и въ другіе города, и тѣ тоже согласились на это.

А потомъ пришла въ Нижній грамота отъ Сергія-Троицы, отъ архимандрита Діонисія. А тотъ Діонисій святъ человѣкъ, еще когда онъ юнъ былъ, его какой-то человѣкъ всенародно обидѣлъ, а онъ, вмѣсто того, чтобы на обидчика разсердиться, ему же поклонился, да прощенья просилъ, и когда народъ сталъ бранить того человѣка, такъ Діонисій за него заступился. Такъ этотъ самый Діонисій по всей русской землѣ умиленныя грамоты разсылаетъ, чтобы Бога и вѣру святую попомнили, на силу креста Господня упованіе возложили и сообща противъ предателей и польскихъ людей постояли. Какъ стали такую грамоту въ Нижнемъ, въ соборѣ, читать, такъ стонъ пошелъ. Старцы и мужи, какъ младенцы, зарыдали. А тутъ тамошній земскій староста, Козьма Мининъ-Сухорукій, мясной торговецъ, сталъ говорить. Смотрѣлъ я на него въ ту пору и не узнавалъ. Мужикъ онъ простой и довольно я его знаю, не разъ у него и въ гостяхъ бывалъ. А тутъ онъ будто другой сталъ. Глаза сверкаютъ, лицо словно въ огнѣ горитъ. «Православные,—говоритъ,—послѣдняя намъ бѣда пришла, да неужто же Господь милосердый покинетъ насъ? А намъ тоже вѣру святую попомнить надо. Постоимъ за нее до послѣдняго. Да тоже женъ и ребятишекъ нашихъ ворогамъ не выдадимъ. Что мы теперь живемъ? Сегодня наше, а на завтра что будетъ? Придутъ супостаты, все разорятъ: храмовъ святыхъ не пожалѣютъ. самихъ насъ перебьютъ. Не лучше ли въ честномъ бою умереть? Опять имѣнье. Чѣмъ супостатамъ на грабежъ, такъ не лучше ли его на ратниковъ, что за вѣру святую будутъ биться, отдать? Все и надо отдать, православные, ничего не жалѣть: нѣтъ своего, занять, женъ и дѣтей заложить, лучше имъ у своихъ въ кабалѣ побыть, чѣмъ ворогу на поруганье достаться. Вотъ я для начала сто рублевъ на святое дѣло даю.» Взволновался народъ, услышавъ такую рѣчь. «Правду, правду Мининъ молвилъ,—послышалось со всѣхъ сторонъ,—ничего не надо для святого дѣла жалѣть!» И стали собирать казну и ратниковъ готовить, а воеводой князь Дмитрій Михаиловичъ Пожарской будетъ, а надъ казной Мининъ поставленъ: Я тоже, что могъ, отдалъ, да и теперь въ нашей романовской вотчинѣ кой-что понабрали и парни тоже повыискались, кои за вѣру святую хотятъ постоять. А, кажись, ничего бы такъ не желалъ, какъ за вѣру святую да за родимую землю помереть.

— Что-же, батюшка,—заговорили въ толпѣ,—и у насъ пареньки есть.

— И хоть немного, послѣ нашего разоренья, да соберемъ.

— Постойте, православные,—вскричалъ Веревкинъ, — вотъ у меня въ поясу зашито двѣсти рублей червонцами. Не добромъ они нажиты, да пусть на доброе дѣло пойдутъ. А пареньки ваши, вѣрно, ратнаго дѣла не знаютъ, такъ я ихъ подучу, на мои деньги оружье имъ купимъ, а потомъ всѣ ко князю Дмитрію Михайловичу пойдемъ. А тебѣ, старичокъ, поклонъ до земли. Своимъ разсказомъ ты тяготу съ души моей снялъ. Знаю я теперь, что мнѣ дѣлать, чтобъ мое окаянство замолить. Да скажи мнѣ, какъ величать тебя?

— А боярина Романова крестьянинъ Иванъ Сусанинъ.

Веревкинъ привелъ въ Ярославль ко князю Пожарскому, въ апрѣлѣ 1612 года, сотню хорошо вооруженныхъ молодцовъ.

Тамъ ему старинный знакомый казакъ Обреска встрѣтился. Сперва Веревкинъ не хотѣлъ-было съ нимъ разговаривать, но потомъ передумалъ, видно, ему пришла въ голову какая-нибудь мысль. Онъ даже порядочно угостилъ его.

— Откуда ты, Обреска?

— Изъ-подъ Москвы, отъ Заруцкаго сбѣжалъ.

— Что тамъ дѣлается?

— Да ничего. Наши, скуки ради, съ поляками иной разъ подерутся, а больше до своихъ тонкокафтанниковъ добираются. Да вотъ еще: патріархъ померъ.

— Какъ такъ?

— Поляки хотѣли, чтобы патріархъ отписалъ къ нижегородцамъ, чтобы не ходили на Москву. Послали Салтыкова его уговаривать. Патріархъ не хотѣлъ, Салтыковъ на него съ ножомъ кинулся, а патріархъ крестомъ оградился да и говоритъ: «да будутъ благословенны тѣ, что идутъ для очищенія русскаго государства, а вы, измѣнники, будьте прокляты!» Поляки за то голодомъ патріарха и уморили.

— Стойкой онъ человѣкъ.

— А понапрасну. Ничего изъ этого не выйдетъ.

— Изъ чего?

— Изъ нижегородскаго похода.

— Это почему?

— Видишь, Гаврила, душевный ты человѣкъ. Мы со

Степкой нарочно для этого дѣла сюда и пришли. Степку помнишь?

— Какъ не помнить! Сколько разъ въ бою вмѣстѣ были. Крестами помѣнялись.

— Ну, такъ онъ со мной. Другихъ людей подбираемъ Человѣкъ съ десятокъ ужь нашли; одинъ изъ нихъ, Хваловъ, у Пожарскаго и живетъ, да лучше тебя никого не найти.

— Дѣло-то какое?

— Пожарскаго ухлопать. Сперва соннаго хотѣли, а теперь порѣшили гдѣ-нибудь въ тѣснотѣ дѣло сдѣлать. Э! да вонъ никакъ Хваловъ сюда и бѣжитъ. Что тебѣ?

— Время! — крикнулъ Хваловъ.

— Обреска и Веревкинъ побѣжали за нимъ.

Князь Дмитрій Михайловичъ былъ въ съѣзжей избѣ. Оттуда его позвали пушки смотрѣть.

— Готовъ, Степанъ?—шепнулъ Обреска рослому казаку.

— Да. А вы поставьте народъ въ дверяхъ.

По знаку Обреска, человѣкъ бросился къ дверямъ и тамъ стало тѣсно. Степанъ протискался къ князю, Веревкинъ за нимъ, да пробраться не можетъ,—народу много.

— Вишь какъ стѣснились,—сказалъ широкоплечій казакъ, — постой, батюшка, князь, я проведу тебя, дай-ка руку.

— Ты навѣрно проведешь,—отвѣчалъ Пожарскій, улыбаясь и подавая ему руку,—вишь у тебя плечища-то какія!

Въ эту минуту Степанъ выхватилъ ножъ.

— Степка, попомни Бога!—закричалъ Веревкинъ.

У Степки рука дрогнула. Онъ хотѣлъ ударить Пожарскаго въ животъ, но промахнулся и ранилъ въ ногу Романа. Тотъ застоналъ.

— Что это? — сказалъ Пожарскій, — какъ можно въ этакой тѣснотѣ съ ножами!

Но Веревкинъ уже держалъ Степана за воротъ и кричалъ:

— Это тебя хотѣли зарѣзать, князь!

Заговорщиковъ перехватали, и они повинились, что были подосланы Заруцкимъ.

Придя къ Москвѣ, Пожарскій не сталъ вмѣстѣ съ казаками Трубецкого, а Заруцкій еще раньше ушелъ изъ-подъ Москвы въ Коломну. Веревкинъ выпросилъ у Пожарскаго позволеніе сдать начальство надъ своей сотней другому и уйти въ станъ Трубецкого.

Еще раньше этого часть польскаго войска ушла изъ Москвы. Надъ остальными начальствовалъ Струсь. На помощь ему пришелъ гетманъ Хоткевичъ. 22-го августа 1612 года у него началась упорная битва съ Пожарскимъ. Казаки Трубецкого спокойно посматривали на сраженіе, не принимая въ немъ участія.

Четыре казачьи атамана: Филатъ Можаковъ, Аѳанасій Коломна, Дружина Романовъ и Марко Козловъ вмѣстѣ съ Веревкинымъ были въ числѣ такихъ зрителей.

— Что-же мы своимъ не помогаемъ?—спрашивалъ Веревкинъ.

— Трубецкой не велѣлъ.

— За то сердится, что Пожарскій въ нашъ городокъ къ Яузскимъ воротамъ не пошелъ, а свои у Арбатскихъ поставилъ.

— Это и всей нашей рати обида.

— За то и слышалъ ты, какъ наши покрикивали земской рати: «богаты пришли изъ Ярославля и одни отстоитесь отъ гетмана».

— А пуще всего Трубецкой за то сердится, что онъ бояринъ, а Пожарскій только стольникъ, тутъ же не только рядомъ, а, пожалуй, и впереди сталъ.

— Трубецкой даже и тѣхъ сотенъ не хотѣлъ пускать, кои къ нему отъ Пожарскаго были присланы, да головы, видно, его не послушались.

— Да смотри-ка, какъ черезъ рѣку катаютъ.

— А вамъ, братцы,—сказалъ Веревкинъ,—не грѣшно смотрѣть, какъ вашихъ же братьевъ русскихъ бьютъ? Попомните Бога! Да и то вспомните, каково отъ поляковъ житье вашимъ братьямъ въ Литовскомъ государствѣ, а храни Богъ, утвердятся въ Москвѣ, и здѣсь то же будетъ.

— А и впрямь!

— Что Трубецкого слушать!

— Какъ своимъ не помочь.

— На насъ тоже крестъ есть.

— Гей, молодцы! на коней! — крикнули всѣ четыре атамана своимъ казакамъ.

Увидя, что ихъ отряды двинулись черезъ рѣку, самъ Трубецкой присталъ къ нимъ, съ крикомъ:

— Куда вы?

— Куда надо!—отвѣтили атаманы,—отъ вашей ссоры

московскому государству и ратнымъ людямъ пагуба становится.

Прибытіе къ Пожарскому подкрѣпленія рѣшило битву. Но 24-го числа она возобновилась. Опять казаки не хотѣли помогать земскому ополченію, но Авраамій Палицынъ уговорилъ ихъ, а Мининъ рѣшительнымъ ударомъ съ трехсотенной дружиной разстроилъ поляковъ. Хоткевичъ отступилъ на Воробьевы горы, а потомъ въ Можайскъ. Потомъ казаки, по наговору злыхъ людей, кричали, что они голодны и холодны и стоять подъ Москвою не могутъ. Архимандритъ Діонисій прислалъ имъ изъ Троицкой лавры сосуды и облаченія церковныя. Казакамъ совѣстно стало—они воротили присланное и обѣщались все претерпѣть, а отъ Москвы не уйти.

Поляки терпѣли въ Москвѣ страшный голодъ, но не сдавались до 27-го ноября. Въ этотъ день русскіе вступили въ Москву. Затѣмъ были созваны выборные люди со всей земли и стали выбирать царя. На одномъ изъ засѣданій собора вошелъ какой-то дворянинъ изъ Галича, а потомъ донской атаманъ, и оба подали письменныя мнѣнія. Когда эти мнѣнія прочитали, то увидѣли, что они хотятъ выбрать Михаила Ѳедоровича Романова. 21-го февраля 1613 года въ послѣдній разъ собрался соборъ, каждый подалъ письменное мнѣніе—всѣ единогласно за Романова. Спросили народъ, наполнявшій Красную площадь:

— Кого хотите въ цари?..

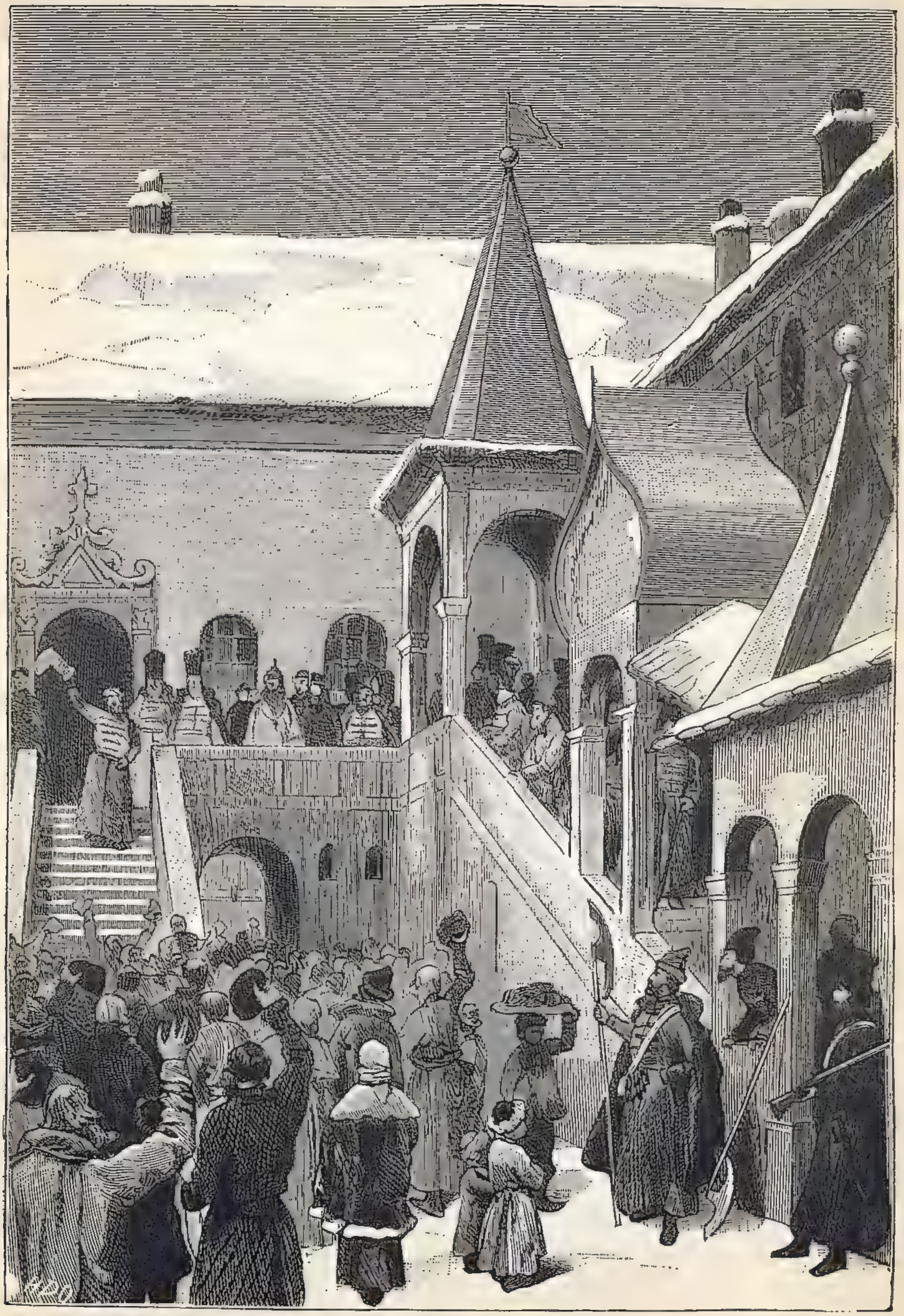
— Михаила Ѳедоровича Романова.

Веревкинъ воротился въ родное село. Его встрѣтили съ почетомъ и радостью люди изъ обѣихъ вотчинъ: салтыковской и романовской.

— А что не видать Сусанина?

— Воры хотѣли Михаила Ѳедоровича убить и пытали Сусанина, чтобы узнать, гдѣ нареченный царь, а Сусанинъ не выдалъ его, умеръ въ пыткахъ.

— Вѣчная ему память! Сподобилъ его Господь, по желанію, за родимую землю помереть. Праведная смерть эта! Такіе грѣшники, какъ я, и не стоятъ ея. А меня, грѣшника, простите, добрые люди! Въ обитель святую пойду. Много крови на душѣ, надо ее отмолить!

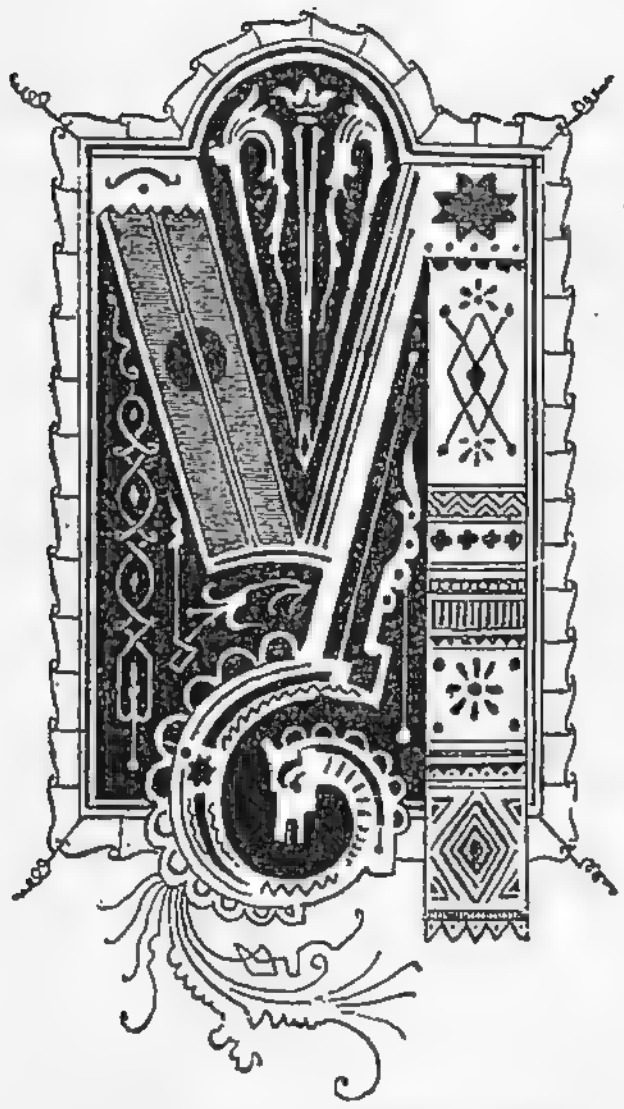


— Кого хотите въ цари?...

XI.

КАЗАЦКІЙ БАТЬКО.

(1647—49 г.).



ляхи ихъ поминаютъ. Лебеда да Наливайка, Тарасъ, Остраница, Гуня—люди были.

ГОМОНИЛИСЬ?

— Кто на столѣ, кто подъ столомъ. Панъ Кречевскій на лавкѣ растянулся, такой храпъ пускаетъ, какъ труба трубитъ. Только батька съ Барабашемъ сидятъ.

— Пріятели! Дважды вмѣстѣ въ послахъ отъ казаковъ хаживали.

— Хаживали, да гусь свиньѣ не товарищъ. То батька, а то чортъ знаетъ что такое!

— А все же старшимъ надъ нами поставленъ.

— Вражи ляхи поставятъ! Такіе ли у насъ гетманы были? Чай, сами

— А Конашевичъ-Сагайдачный?

— Что, Конашевичъ? Не казакъ онъ былъ, а шляхтичъ, на шляхетскую руку и тянулъ.

— Его, говорятъ, теперешній король Владиславъ жаловалъ?

— Еще бы не жаловать! Пошелъ Владиславъ московское царство добывать, поляковъ съ нимъ мало пошло, надѣялся, что русскіе пристанутъ. Не тутъ-то было. Русскіе, какъ выбрали Михаила Романова, отца нынѣшняго московскаго царя, то ни о комъ больше и слышать не хотѣли.

Худо бы Владиславу пришлось, какъ бы его Сагайдачный не выручилъ. А въ другой разъ, подъ Хотиномъ, онъ же Владислава выручилъ отъ турокъ.

— Стало, удалецъ же былъ.

— Удалецъ, да для вѣры святой и вольности казацкой ничего не сдѣлалъ.

— Для вольности такъ, а о вѣрѣ ты не говори. Развѣ не по его просьбѣ Іовъ Борецкій былъ митрополитомъ въ Кіевѣ поставленъ, а потомъ и архіереевъ православныхъ поставилъ.

— Такъ-то такъ, а все-таки въ Конашевичѣ была шляхетская душа, не казачья.

— Вотъ бы нашего батьку гетманомъ!

— А думаешь, не будетъ? Всѣмъ перебывалъ: подъ Цецорой простымъ казакомъ бился, тамъ его отецъ Михайло убитъ, тамъ и онъ самъ въ полонъ взятъ и въ неволѣ два года пробылъ; когда на Москву ходили, Зиновій отъ короля Владислава саблю за храбрость получилъ, при гетманѣ Томиленкѣ сотникомъ былъ и вмѣстѣ съ Барабашемъ два раза въ послахъ къ ляхамъ ѣздилъ, при Павлюкѣ писаремъ. Недаромъ Зиновья Богданомъ прозвали—точно отъ Бога онъ посланъ, чтобы насъ отъ ляховъ защитить.

— И диво мнѣ—вѣдь учился у нихъ, у самыхъ езуитовъ, латынь знаетъ, начнетъ съ полякомъ говорить, что твой полякъ, а душу имъ не продалъ.

— Оттого, что душа-то у него казацкая. Не то, что чортовъ сынъ Барабашъ. Знаешь, что онъ батькѣ сегодня вымолвилъ? Богданъ такъ ему и наливаетъ стопу за стопой, видитъ, что подпилъ Барабашъ, и говоритъ ему: «что ты, кумъ, держишь листъ королевскій?» А Барабашъ ему на то: «Тебѣ-то его на что? мы податей не платимъ, въ польскомъ войскѣ не служимъ. Лучше намъ, начальнымъ людямъ, брать деньги да сукна, чѣмъ съ чернью связаться, таскаться по лѣсамъ да буеракамъ и своимъ тѣломъ комаровъ, какъ медвѣдей, кормить». Батько сталъ ему поддакивать, да не то у него на умѣ!

— Извѣстно, не то. Что на умѣ у него — не Барабашу узнать! Только Богъ святый знаетъ, что Хмѣльницкій думаетъ, гадаетъ.

— А ляхи ему много добра подѣлали, особливо этотъ Чаплинскій—вишь злится, что Богданъ панью у него отбилъ.

— Да и на хуторъ зарится.

— Еще бы! такихъ хуторовъ, какъ Суботово, и у пановъ немного. Смотри-ка, сколько на гумнѣ хлѣба, копъ сотни четыре наберется, опять мельница, пасѣка.

— Надо батькѣ беречься. Не сгинуть бы, какъ Путивлецъ, Мурка да Рипка.

— Ты тогда, Ганжа, никакъ съ ними былъ? Какъ тебя Богъ отъ гибели спасъ?

— И самъ не знаю. Шли мы тогда къ Остраницѣ на подмогу. Верстъ за пятнадцать отъ Лубенъ накинулись на насъ ляхи. Ну, мы тотчасъ изъ возовъ таборъ. Только пушками вражи ляхи шибко бьютъ и гусары таборъ пробиваютъ. Ждали мы, что Остраница насъ выручитъ, не дождались. И вышла смута. Одни кричатъ: «будемъ до послѣдняго биться». — Другіе: «лучше мира просить». Ихъ сторона осилила, и попросили мы мира. А поляки говорятъ: «выдайте старшинъ, оружіе положите и будетъ вамъ миръ». Говорилъ я тогда: «не вѣрьте вражимъ ляхамъ». Не послушались, выдали Путивльца и Мурка и Рипку. Сами плакали, какъ выдавали, говорили Путивльцу: «нехай, твоя голова за всѣ наши головы! Прощай, господарю!» И оружіе сложили. Тутъ ляхи, какъ волки, бросились на насъ и начали безоружныхъ побивать. Взяла меня злость, схватилъ я оглоблю отъ воза и сталъ бить поганыхъ, собрались вокругъ меня молодцы, бились мы, пока сила была, и всѣхъ ляхи сгубили, одного меня не добили, мертвымъ сочли, а потомъ добрые люди меня подобрали и насилу въ полгода я отъ ранъ выздоровѣлъ, которыми тогда свою милость ляхи явили.

— А мы тѣмъ временемъ на Сунѣ съ Остраницею стали, Скидонъ, Трехтемировъ и три другихъ города взяли, а Бардаченко къ Кіеву пошелъ, да реестровые казаки *) и татары на него ударили, онъ по Днѣпрѣ-Словутѣ уплылъ. А къ ляхамъ Ярёмка Вишневецкій подошелъ.

— Собака! Еще русскій князь, а вѣру Христову предалъ, къ ляхамъ присталъ, облатынился. Остраница тогда Сикиряваго къ Лубнамъ послалъ. Разумный былъ казакъ

---

*) Реестровыми назывались казаки, которые были внесены въ списки по полкамъ, получали жалованье и права; прочіе казаки назывались выписчиками или гультяями. Реестровые иногда дѣйствовали заодно съ поляками.

Сикирявый, онъ когда-то съ Дорошенкой въ Крымъ ходилъ. Тогда Дорошенко татаръ подъ Бѣлой-Церковью побилъ, одиннадцать тысячъ невѣрныхъ собакъ на мѣстѣ порубилъ, а потомъ на Крымъ пошелъ. Тамъ, въ то время, два брата о ханствѣ спорили: Махметъ-Гирей и Джанибекъ-Гирей. Наши пошли Махмету помогать. Два дня тамъ бились, на первой казаки одолѣли, а на второй Махметовы татары измѣнили, самъ онъ былъ убитъ. Тогда и Дорошенку взяли въ полонъ, голову его на стѣнахъ Кафы воткнули. А Сикирявый ушелъ и много разъ послѣ того со всякой нечистью, и съ туркой, и съ татариномъ, и съ ляхомъ, воевалъ и такое слово зналъ, что его ни пуля, ни сабля взять не могли.

— Характерникъ *), значитъ, былъ?

— А пропалъ человѣкъ ни за что! Увидалъ таборъ реестровыхъ, думалъ, что свой, и въѣхалъ туда; реестровые на него бросились, онъ на дубъ взлѣзъ, да не укрылся, взяли его. Скоро послѣ того и Остраница къ москалямъ ушелъ. Дмитро Томашевичъ Гуня гетманомъ сталъ. Просилъ онъ у крымскаго Калги подмоги себѣ, да тотъ не помогъ. Пришлось однимъ отгрызаться. И отбивался же Гуня! Сами ляхи дивовались. Окопались мы у того мѣста, гдѣ рѣка Старица въ Словуту Днѣпръ впадаетъ. И пошелъ у насъ бой. Нападутъ пѣшіе ляхи, а за ними другіе, а конные наготовѣ стоятъ. Окопы они сдѣлали, на окопахъ пушки, да сверху и палятъ на насъ. Въ Гуню вдругъ изъ трехъ пушекъ выпалили, да вмѣсто него казака убили, что бунчукъ передъ нимъ несъ. Гуня тоже того собаку гетмана Потоцкаго подстрѣлить хотѣлъ, да вмѣсто него въ коня попалъ. Разъ мы ночью прокрались къ ляхамъ, смѣшались съ реестровыми, а потомъ вдругъ набросились, много вороговъ побили и пушки у нихъ поклепали. Да ѣсть стало нечего, пришлось не ѣсть, а какъ собакамъ выть, не было ни хлѣба, ни мяса, только вода да маленько конины. Ну и жолнеры **) немного лучше насъ жрали. Ждали мы полковника Филоленка себѣ на выручку, онъ и пришелъ къ намъ, да обозъ весь истерялъ, того, что привезъ, намъ только на два дня стало. Пришлось или помирать голодной смертью, или сдаться.

---

*) Чародѣй.

**) Польскіе солдаты.

Гуня къ москалямъ ушелъ, и мы сдались. Тутъ и потеряли мы совсѣмъ казацкія вольности. Тогда и батько изъ писарей въ сотники попалъ, а я при немъ джурой *) остался.

— Микита!—кликнулъ Хмѣльницкій, выходя изъ хаты.

Одинъ изъ разговаривавшихъ джуръ подошелъ къ нему.

— Скорѣй садись на коня, — продолжалъ Хмѣльницкій,—скачи къ пани Барабашихѣ, скажи, что ея панъ велѣлъ тотъ листъ отдать, что онъ отъ короля получилъ.

— А какъ не повѣритъ?

— Вотъ его шапка и платокъ. Онъ ихъ за тѣмъ къ паньѣ и посылаетъ, чтобы она повѣрила.

Микита ночью прискакалъ въ городъ Черкасы, гдѣ жилъ Барабашъ, и началъ стучаться.

Пани Барабашиха, жена Барабаша, начальника днѣпровскихъ казаковъ, не молодая, но еще красивая женщина, вышла къ нему.

— Что тебѣ?

— Вотъ шапка и платокъ пана Барабаша: вмѣсто цидулки **) къ тебѣ прислалъ. Заспорилъ онъ съ панами. Нужно ему привилею, что король далъ. Такъ послалъ къ тебѣ, чтобы ты мнѣ ту привилею дала.

— Сдурилъ онъ, что вздумалъ съ Хмѣльницкимъ гулять. Вотъ тамъ въ стѣнѣ, надъ воротами, въ погребцѣ, она въ землю зарыта.

Отыскавъ грамоту на права, данныя королемъ, Микита во весь опоръ поскакалъ въ Суботово. Однако онъ пріѣхалъ только къ утру. Гости Хмѣльницкаго уже разъѣхались. Со всѣхъ сторонъ собирались казаки.

— Походъ сказанъ,—говорилъ Ганжа Микитѣ.

— Куда?

— Въ степи появился татарскій загонъ ***). Староста Конецпольскій велѣлъ своей надворной командѣ и нашимъ казакамъ на татаръ идти. Пріѣхалъ отъ него съ приказомъ казакъ Дачевскій. Не поглянулся онъ мнѣ, этотъ казакъ.

— А что?

— Все-то онъ высматриваетъ, всѣхъ выспрашиваетъ.

— Ужь не пронюхали-ли ляхи о привилеѣ?

---

*) Джура—оруженосецъ.

**) Письма.

***) Шайка.

— Когда же было? Да у батьки не найдутъ. Онъ не Барабашъ, не будетъ вмѣстѣ съ бабой привилею прятать.

Скоро сотня Хмѣльницкаго открыла татарскій загонъ и схватилась съ нимъ. Хотя непріятелей было гораздо больше, но казаки бились молодцами. Въ жару схватки Ганжа и Микита отдѣлились отъ Хмѣльницкаго, подлѣ котораго они обыкновенно держались въ битвѣ; напротивъ, Дачевскій очутился сзади его. Осмотрѣлся онъ по сторонамъ и увидѣлъ, что вниманіе всѣхъ занято непріятелемъ. Онъ подскочилъ къ Хмѣльницкому и изо всей силы ударилъ его по головѣ. Къ счастію, на головѣ Богдана была шапка-мисюрка *); она ослабила ударъ. Однако Богданъ зашатался. Въ эту минуту Ганжа подъѣхалъ къ нему.

— Прости меня, сотникъ,—сказалъ Дачевскій,—я думалъ, что это татаринъ.

— Немудрено и ошибиться,—отвѣчалъ Тымошъ, пристально смотря на Дачевскаго.

— Что велишь дѣлать, сотникъ?

— Собрать сотню, отступить,—проговорилъ Богданъ.

Сотня отступила, но подоспѣлъ Чаплинскій и разбилъ татаръ. У Хмѣльницкаго отъ удара только нѣсколько времени голова болѣла. Онъ отправился въ свой хуторъ. Ганжа отпросился у него на нѣсколько дней и скоро отыскалъ Дачевскаго.

— У меня до пана просьба есть.

— Какая?

— Надоѣло мужику служить.

— Мужику?

— Да, Хмѣльницкій все равно, что мужикъ. Нельзя ли мнѣ къ пану Чаплинскому поступить?

— Да развѣ ты впрямь хочешь Хмѣльницкаго бросить?

— А панъ не вѣритъ? Не хотѣлъ бы, такъ сказалъ бы всѣмъ, что панъ нарочно Хмѣльницкаго по шапкѣ ударилъ. Я вѣдь видѣлъ это. Пану, пожалуй, отъ казаковъ нехорошо бы было. А мнѣ что въ чужія дѣла мѣшаться. Тогда же подумалъ, что, можетъ быть, панъ Чаплинскому за меня словечко молвитъ.

— Что-же, можно!

— Такъ я въ Суботово и ворочаться не буду.

---

*) Въ родѣ шлема.

— Можетъ быть, и воротишься.

— Какъ-такъ?

— Развѣ Хмѣльницкій по закону хуторомъ владѣетъ? Панъ Конецпольскій ему землю далъ и взять можетъ.

— Давно ужь Хмѣльницкій владѣетъ, постройки сдѣлалъ.

— За то и дохода немало получалъ. А теперь, когда, по его милости, татарскій загонъ чуть не ушелъ, панъ подстароста Чаплинскій обвинялъ его предъ паномъ Конецпольскимъ въ трусости и неспособности. За заслуги пана Чаплинскаго тотъ хуторъ ему пойдетъ.

— Конечно, если панъ Конецпольскій велѣлъ.

— Не то, что велѣлъ, а мѣшать не будетъ. Панъ Чаплинскій самъ справится. Да этимъ дѣло не кончится. Хмѣльницкій—опасный человѣкъ, за нимъ въ оба смотрятъ. На него и панъ Барабашъ недавно пану Конецпольскому жаловался. Опять, зачѣмъ Хмѣльницкій съ паномъ Оссолинскимъ видѣлся? Ты вотъ служилъ у Хмѣльницкаго, не слыхалъ ли, о чемъ они толковали?

— Гдѣ мнѣ слышать! Хмѣльницкій хитеръ, не станетъ явно разговаривать. Да и о чемъ ему говорить съ такимъ важнымъ паномъ?

— О чемъ? Оссолинскій правая рука короля. И они съ королемъ что-то недоброе затѣваютъ, такъ имъ такіе пройдохи, какъ Хмѣльницкій, надобны.

— Кому они ненадобны!

— А солнце добре припекаетъ! У тѣхъ кустовъ отдохнуть бы.

— Отчего не отдохнуть.

Казаки сошли съ коней, пустили ихъ. Дачевскій растянулся подъ кустомъ. Вдругъ Мартынъ бросился на него и крѣпко сдавилъ ему горло.

— Что ты?—прохрипѣлъ Дачевскій.

— Прости меня! я думалъ, что турокъ!

Вмигъ онъ обезоружилъ и связалъ Дачевскаго.

— Ну, теперь, панъ Дачевскій, охота тебѣ идти въ самое пекло? *) Не хочешь, такъ говори правду.

— Помилуешь?

— Въ пекло не пошлю.

---

*) Адъ.

— Спрашивай.
— Кто тебя подучилъ убить Хмѣльницкаго?
— Чаплинскій.
— Скоро онъ на Суботово нападетъ?
— Не сегодня, завтра.
— Много съ нимъ народу?
— До сотни будетъ.
— Ладно. Ну, теперь молись Богу!
— Зачѣмъ?
— А вотъ я тебя сейчасъ пристукну.
— Да вѣдь ты обѣщалъ?
— Не посылать тебя въ пекло? И не посылаю. Время даю помолиться. Покаешься, въ пекло не попадешь.
— Помилуй!
— Это васъ, предателей, миловать? Да развѣ не отъ васъ вся бѣда на Украйнѣ? Ужь если у тебя поднялась рука на казацкаго батьку, такъ надо ждать отъ тебя всякаго лиха. Нѣтъ, молись! Ганжа зарокъ далъ ни одному предателю не служить!

Покончивъ съ Дачевскимъ, Ганжа поскакалъ въ Суботово.

«Какъ бы не опоздать»,—думалъ онъ.

Недалеко уже оставалось ему до хутора, какъ онъ услышалъ за собой конскій топотъ. Оглянулся, ѣдутъ Хмѣльницкій съ Микитой.

— Откуда Богъ несетъ?
— Изъ монастыря.

«А,—подумалъ Ганжа,—видно, привился теперь въ добромъ мѣстѣ».

По направленію къ Суботову показался густой столбъ дыму.

— Что это, пожаръ?—вскричалъ Хмѣльницкій—никакъ у насъ! Живѣе, хлопцы!
— Постой, батько!—сказалъ Ганжа,—на ножъ наткнешься. То не простой пожаръ. Тамъ Чаплинскій.
— Ты отъ кого свѣдалъ?
— Отъ Дачевскаго, что тебя убить хотѣлъ.
— Можетъ быть, онъ вретъ?
— Больше врать не будетъ. Передъ смертью покаялся, что Чаплинскій подучилъ его убить тебя, а самъ съ сотней людей на Суботово нападетъ. Такъ намъ троимъ туда нечего соваться.

— Все же надо посмотрѣть, что они тамъ дѣлаютъ.

Микита остался при коняхъ, Хмѣльницкій и Ганжа осторожно пошли между высокою травою. Скоро они увидѣли суботовскую мельницу въ пламени. Изъ дома доносились буйные крики.

— Эхъ, какъ бы была здѣсь наша сотня! — сказалъ Ганжа.

Хмѣльницкій молчалъ.

Въ кустахъ раздался стонъ. Ганжа подползъ туда и увидалъ десятилѣтняго мальчика, лежавшаго безъ чувствъ.

— То нашъ панычъ!—сказалъ онъ.

Осторожно онъ перенесъ ребенка къ тому мѣсту, гдѣ былъ Хмѣльницкій.

— И дитя не пожалѣли!—сказалъ Богданъ.—Тутъ нечего дѣлать. Поѣдемъ въ хуторъ къ Богуну.—Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого, Богунъ, широкоплечій силачъ, разговаривалъ въ своей хатѣ съ пріѣхавшимъ къ нему изъ Брацлава гостемъ Данилой Нечаемъ.

— Жалко смотрѣть было, Данило,—говорилъ Богунъ,—шутка ли—такъ высѣкли вражи ляхи ребенка, что дитя на другой день умерло. Богданъ видѣлъ, какъ оно мучилось, стонало. Не поздоровится за это ляхамъ!

— По-моему,—сказалъ Нечай,—давно бы кличъ кликнуть по всей Украйнѣ да и раздѣлаться съ ляхами.

— Легко сказать, да не легко сдѣлать. И съ однимъ кварцянымъ *) войскомъ не скоро сладишь. А тутъ еще панскія надворныя команды. У одного Яремки Вишневецкаго, коли захочетъ, тысячъ двадцать наберется.

— Богоотступникъ! Изъ православной вѣры въ латынство пошелъ!

— То правда, а воинъ хорошій. Опять Потоцкіе, Кецпольскіе, Калиновскіе, да мало ли ихъ! Чтобы съ ними справиться—мало силы, нужно еще разумъ. У насъ съ тобой силы довольно...

— У тебя и разума не занимать стать.

— Гдѣ мнѣ противъ Богдана! Помяни мое слово—отплатитъ онъ ляхамъ! Шутка ли, мало, что черный людъ притѣсняютъ всячески, и съ казацкой старшиной такія дѣла дѣлаютъ.

---

*) Кварцяное—постоянное войско Рѣчи Посполитой, т.-е. польскаго государства. Надворными командами назывались войска пановъ.

— Что-же онъ теперь задумалъ?

— Пожаловался судьямъ и свидѣтельство на владѣніе Суботовымъ, за подписью Конецпольскаго, представилъ.

— Что-же они?

— Говорятъ, что свидѣтельство незаконно, надо бы было записать его въ земскихъ книгахъ воеводства. А теперь, говорятъ, и судить не будемъ, хочешь, такъ въ Варшавѣ сейму жалуйся.

— И тамъ тоже будетъ.

— Извѣстно.

— А гдѣ онъ теперь?

— Поѣхалъ куда-то. Надо джуру спросить. Эй, Микита! Гдѣ панъ Хмѣльницкій?

— Уѣхалъ съ Чаплинскимъ биться.

— Какъ съ Чаплинскимъ?

— Онъ Чаплинскаго на бой вызвалъ. Я и граматку возилъ и отвѣтъ привезъ. Будутъ у самаго Тясмина биться.

— А панъ Хмѣльницкій съ кѣмъ поѣхалъ?

— Одинъ!

— Ой бѣда! Скорѣе на коней и за нимъ. Дай Богъ поспѣть во-время. А гдѣ Ганжа?

— Панъ Хмѣльницкій его въ Подоль отпустилъ. Тамъ у Ганжи невѣста.

Стрѣлой неслись казаки къ рѣкѣ Тясмину. Скоро прибыли они на мѣсто, назначенное для поединка Хмѣльницкаго съ Чаплинскимъ. Микита хорошо зналъ это мѣсто и прямо туда привелъ казаковъ. Тамъ, въ лѣсу, была небольшая поляна. Все въ ней носило слѣды недавней отчаянной схватки, трава помята, во многихъ мѣстахъ покрыта кровью. Но ни одного человѣка не было.

— Опоздали!—воскликнулъ Богунъ.

— Погибъ казацкій батько!—говорилъ, плача навзрыдъ, Микита.

— Нѣтъ! еще не погибъ!—раздался громкій голосъ,—есть у меня сабля въ рукахъ! Еще не погибла казацкая мать!

И съ этими словами Хмѣльницкій выѣхалъ изъ лѣса.

— Слава Богу! слава Богу!—закричали казаки, бросаясь къ нему.—Что съ тобой было?

— Пріѣхалъ я на поляну, схватился съ Чаплинскимъ, вдругъ трое бросаются на меня сзади. Хорошо, что я на-

дѣлъ панцырь. И добрый панцырь. Не могли, псы, его прорубить. Я оглушилъ Чаплинскаго ударомъ да за тѣхъ трехъ принялся. Побѣжали, немало ихъ крови на полянѣ осталось. Я сгоряча за ними. Жалко, не догналъ Чаплинскаго. Да будутъ помнить казацкую саблю.

Тѣмъ временемъ Ганжа уже добрался до Подоліи и подъѣзжалъ къ хуторку, гдѣ жила его Ганна. За версту отъ хуторка стояла корчма. Хозяинъ ея, еврей, горячо спорилъ съ нѣсколькими женщинами, столпившимися у навѣса.

— Будь ласковъ, панъ Мовша,—говорила одна изъ нихъ,—отопри церковь, мое дитя уже двѣ недѣли какъ родилось, а не крещено. Дитя слабое, умретъ некрещеное, грѣхъ на душѣ будетъ.

— Плати, что положено, такъ и отопру.

— А моего бѣдняжку похоронить бы надо, отпѣть въ церкви,—говорила другая.

— А деньги гдѣ? Безъ денегъ не можно. Безъ денегъ зарывай гдѣ хочешь.

— Да развѣ онъ собака?

— Вай, вай! Собака! Человѣкъ безъ денегъ хуже собаки! А ты, Ганка, скажи своему мужу, чтобы сегодня денегъ несъ.

— Да что онъ понесетъ? Ничего у насъ нѣтъ.

— А корова? Давай корову.

— Да какъ мы будемъ жить безъ коровы? Вѣдь у насъ ребятишки. Какъ они безъ молока будутъ?

— А мнѣ что за дѣло? Задолжалъ, такъ отдавай.

— Да развѣ онъ деньги бралъ у тебя? Все за эту проклятую горѣлку. Да что ты, чай, присчиталъ вдвое.

— Присчиталъ! Ты грубить смѣешь! Я честный еврей. А ты кто? мужъ твой хлопъ, а ты псюха. Сегодня же заплатить долгъ, а не то самъ корову возьму. А за грубость ремня попробуешь.

«Этакъ поганый песъ надъ православными христіанами ругается,—подумалъ Ганжа, но не остановился, потому что торопился къ Ганнѣ, да и то зналъ, что ссорой съ жидомъ нисколько не поможетъ бѣднымъ женщинамъ.

Ганна, чернобровая, румяная, статная дѣвушка, стояла на дворѣ, гнѣвно посматривая на двухъ жолнеровъ *), которые укладывали съѣстное въ телѣгу.

---

*) Солдатъ.

— Ну, собрали свою стацію *), такъ что-же стали?— сказала Ганна,—убирайтесь!

— А вотъ еще тебя надо поцѣловать, красавица,—сказалъ одинъ изъ жолнеровъ.

— Оставь, Казимиръ, — шепнулъ другой жолнеръ,— ротмистръ узнаетъ, осердится, онъ самъ ее запримѣтилъ.

Ганна услыхала это.

— Ни тебѣ, ни твоему ротмистру ничего не удастся,— вскричала она,—вы думаете, что какъ бѣдную Мотрю, то и другихъ дѣвушекъ? Такъ за меня есть кому вступиться. Остапъ меня въ обиду не дастъ. Да вотъ еще женихъ придетъ. Да вотъ онъ, мое серденько!

И она бросилась на встрѣчу къ Ганжѣ и горячо обняла его. Отца и матери у Ганны не было. Она жила въ хуторкѣ съ братомъ своимъ Остапомъ и нѣсколькими работниками и работницами.

Хороша была Ганна, но Остапъ еще краше ея. Черныя очи, правильное смуглое лицо, смѣлая осанка, высокій ростъ и стройность дѣлали его совершеннымъ красавцемъ.

Прошло нѣсколько дней. Явился въ хуторъ Мовша.

— Что ему надо?—съ неудовольствіемъ спросилъ Ганжа.

— Дѣло имѣю до пана Остапа,—говорилъ Мовша, сіяя улыбками и кланяясь.—Медъ я получилъ, такой медъ, что еще и на свѣтѣ такого не бывало.

— Ну, такъ давай сюда.

— Не могу. Въ боченкахъ держу—такъ лучше. Не будетъ ли панъ ласковъ, не зайдетъ ли ко мнѣ. А медъ такой, что и на свѣтѣ не бывало.

Вечеромъ Остапъ и Ганжа пошли въ корчму. Медъ точно оказался отличный. Только странное дѣло. Чтобы такое, казалось, медъ казаку, привыкшему пить горѣлку почти какъ воду. Но когда казаки немного выпили меду, хотѣли поднятся, то оказалось, что ноги имъ не служатъ. Отуманились казацкія головушки, склонились на столъ, будто на мягкую постель.

Долго спали казаки. Проснулись—ужь утро. Передъ ними работница съ хутора, плачетъ навзрыдъ.

— Что ты? Что съ тобой?

— Ой, бѣда! Ночью жолнеры на хуторъ наѣхали. Пан-

*) Поборъ на содержаніе войска.

ночку увезли. Хлопцевъ перевязали. Намъ... намъ тожъ лихо было.

Вскочили казаки, схватились за сабли.

— То дѣло этого поганаго ротмистра! — вскричалъ Остапъ.

— Да жида корчмаря! Ты думаешь, мы спроста уснули? Надо допросить его.

Но жида нигдѣ не нашли. Жена его сказала, что онъ въ городъ уѣхалъ.

— Поѣду я къ князю Четвертинскому, — сказалъ Остапъ,—онъ православный да и батьку зналъ, можетъ заступится.

— А я выслѣжу того ротмистра. Дай мнѣ человѣка, чтобы путь къ нему указалъ.

Расторопный малый, по имени Грицько, отправился съ Ганжей, а Остапъ поѣхалъ къ Четвертинскому. Сначала онъ поскакалъ, но потомъ задумался, конь шагомъ пошелъ, а казакъ и не замѣчалъ этого.

«Зачѣмъ я ѣду? — думалъ онъ.—Что изъ того, что Четвертинскій православный? Развѣ онъ не такой же панъ, какъ другіе? воронъ ворону глазъ не выклюетъ. Они хлопа и за человѣка не считаютъ. И казакъ для нихъ не лучше хлопа. Развѣ *ее* попросить? Она ко мнѣ ласкова. Ласкова... иной разъ даже думается... да развѣ то статочное дѣло? И пани тоже казаковъ за людей не считаютъ. Будто казакъ любить не можетъ, да такъ любить, что ея лысому, обрюзглому пану и не приснится... А если бы и полюбила? Что изъ того выйдетъ? Развѣ выкрасть темною ночью, самому махнуть на Запорожье, а ее поселить на маломъ хуторкѣ около пороговъ, куда ни ляхъ, ни татаринъ не проберутся. Эхъ, только бы полюбила.

Услышалъ казакъ за собой конскій топотъ, схватился за саблю. Кто знаетъ, кто догонитъ—другъ или недругъ? Показался Грицько, мчится во весь опоръ.

— Бѣда, пане!

— Что такое?

— Добрались мы до села, гдѣ тѣ жолнеры стоятъ. Видимъ, панночку Ганну сажаютъ въ колымагу, блѣдная такая, глаза заплаканы. Подлѣ нея тотъ ротмистръ стоитъ. Увидала она Ганжу и крикнула... Тотъ и забылъ, что насъ двое, а ихъ сотня. Выхватилъ саблю, бросился на ротми-

стра. Да что могъ сдѣлать? Поранилъ нѣсколькихъ ляховъ, а все же его скрутили, а панночку увезли. Я скорѣе къ тебѣ поѣхалъ.

«Только на Четвертинскую и надежда», — подумалъ Остапъ.

Онъ пріѣхалъ въ богатый замокъ князя Четвертинскаго, гдѣ его хорошо знали. Хорошенькая покоевка *) доложила о немъ княгинѣ.

Княгиня вышла. Господи! Гдѣ такія красавицы родятся? Смотрѣлъ бы на нее, не насмотрѣлся бы, любовался бы, не налюбовался. Вспыхнулъ Остапъ яркимъ румянцемъ, увидѣвъ ее. Она ласково взглянула на него. Онъ разсказалъ ей, въ чемъ дѣло, и просилъ защиты. Она, видимо взволнованная его разсказомъ, обѣщала свое заступничество и, когда казакъ хотѣлъ поблагодарить ее, протянула ему руку.

Онъ схватилъ руку княгини и жадно припалъ къ ней устами. Что это? Или ему почудилось или въ самомъ дѣлѣ княгиня слегка пожала его руку? Шатаясь, какъ пьяный, вышелъ онъ изъ княжескаго палаца.

Княгиня сдержала слово, заступилась за казаковъ. Ганжу освободили. Но невѣста его навсегда пропала, не могли и узнать, что съ ней сдѣлалось.

— Теперь къ батьку! — крикнулъ Ганжа, — на него только и надежда!

— А оттуда?—спросилъ Остапъ.

— Оттуда на Запорожье.

— Такъ и я съ тобой. Мнѣ надо побывать тамъ.

Хмѣльницкій, кромѣ Суботова, владѣлъ еще маленькимъ хуторкомъ въ Брацлавскомъ полку. Ганжа разсчитывалъ, что Хмѣльницкій поѣдетъ туда, воротясь изъ Варшавы, поэтому и самъ отправился туда.

Уже казакамъ недалеко оставалось до этого хуторка, какъ ихъ застигла ночь. Нужно было дать отдохнуть усталымъ конямъ, и казаки остановились въ лѣсу.

— Ой, животы подвело, ѣсть хочется, — говорилъ Остапъ.—Теперь-бы щербы **).

— Куда щерба! хорошо бы и саламаты ***). Да и та

---

*) Горничная.
**) Запорожская похлебка изъ рыбы.
***) Ржаное квашеное тѣсто.

вся вышла. А постой, здѣсь близко корчма должна быть. Навѣдаюсь туда, не найду ли чего-нибудь.

Ганжа пѣшкомъ отправился къ корчмѣ. Онъ скоро замѣтилъ, что въ ней отрядъ жолнеровъ. Онъ не хотѣлъ показываться имъ на глаза, а все-таки не оставлялъ своего намѣренія — добыть у жида чего-нибудь съѣстного. Поэтому онъ зашелъ сзади корчмы и только-что хотѣлъ постучаться въ окно, какъ услыхалъ тамъ разговоръ.

— Такъ велѣно его схватить?

— Да, панъ Конецпольскій сперва его на банкетъ позвалъ, чтобы тамъ скрутить, да хитеръ Хмѣльницкій, не поѣхалъ. Вотъ панъ гетманъ и послалъ насъ схватить его.

— Не мало-ли насъ? всего двадцать человѣкъ.

— А съ Хмѣльницкимъ только четверо.

— Да какіе четверо! Нечай, Богунъ, Кривоносъ... это все отчаянный народъ.

— А ты-жъ меня, панъ Тымошъ, за что считаешь?

— Твоя храбрость, панъ хорунжій, всему свѣту извѣстна.

Ганжа опрометью добѣжалъ до Остапа и вмѣстѣ съ нимъ поскакалъ къ хуторку Хмѣльницкаго.

Тамъ ихъ встрѣтилъ толстый, неповоротливый человѣкъ, повидимому, страшной силы.

— Что, Кривоносъ, — спросилъ его Ганжа, — батько здѣсь?

— Да.

— Кто съ нимъ?

— Одинъ Микита.

— А Нечай съ Богуномъ?

— Уѣхали казаковъ оповѣщать.

— Ой, худо. Ну, да запри покрѣпче ворота. А я пойду батьку будить.

Ганжа разбудилъ Хмѣльницкаго и разсказалъ, какая опасность.

Немного спустя, небольшой польскій отрядъ подъѣхалъ къ воротамъ.

— Эй, отворяйте!

— Да кто вы?

— Отъ гетмана короннаго.

— Тотчасъ.

Изъ-за воротъ раздались мѣткіе выстрѣлы. Хорунжій и

четверо другихъ поляковъ пали мертвые. Осторожный Тымошъ, оставшійся, за смертію хорунжаго, начальникомъ отряда, во весь опоръ поскакалъ отъ хуторка и весь отрядъ за нимъ.

— На коней, хлопцы!—крикнулъ Хмѣльницкій.

Они прискакали въ рощу, гдѣ уже ихъ дожидались Нечай, Богунъ, Павелъ Тетеря, Мартынъ Пушкаренко, Мартынъ Небаба, Матвѣй Гладкій и около пятидесяти иныхъ казаковъ, большею частію эсауловъ и сотниковъ. Полковниковъ ни одного не было, потому что польское правительство тогда назначало полковниками только преданныхъ себѣ людей.

— Нѣтъ правды въ Польшѣ,—началъ говорить Хмѣльницкій,—мое дѣло на сеймѣ и не разсматривали, а только меня осмѣяли. А король Владиславъ сказалъ мнѣ: «ты воинъ. Если Чаплинскій могъ найти себѣ пріятелей и товарищей, и ты можешь найти. Знаю, какъ паны тѣснятъ казаковъ, но помочь казакамъ я не въ силахъ. Но пора вамъ вспомнить, что вы воины: кто вамъ запрещаетъ постоять за себя? А я всегда вашимъ благодѣтелемъ буду».

— Давно пора за сабли взяться,—сказалъ Нечай.

— Многія лѣта королю!—закричала толпа.

— А еще раньше пріѣзжали отъ короля на Украйну его канцлеръ Оссолинскій и панъ Любовицкій. Я вотъ при Нечаѣ и Богунѣ съ ними разговоръ имѣлъ. Они сказали мнѣ, что король хочетъ, чтобы мы на Турцію напали, дали королевскій листъ и денегъ на челны, а меня гетманомъ король назначилъ. Я гетманства не принялъ — это кого рада назначитъ, деньги въ вѣрномъ мѣстѣ спряталъ, а потомъ еще привилею отъ Барабаша досталъ—старшимъ онъ у насъ почитался, да онъ ту привилею утаивалъ—какой онъ полковникъ! Быть ему полковникомъ не надъ казаками, а надъ свиньями.

— Точно! справедливо!

— Не думаетъ онъ о казацкихъ вольностяхъ!

— А ляхи тѣснятъ насъ.

— Хуже жидовъ и собакъ считаютъ!

— Женъ и дочерей увозятъ!

— Имѣнье несправедливо отнимаютъ!

— Вѣру святую гонятъ!

— Да, я ту привилею выручилъ, — продолжалъ Бог-

данъ. — Вотъ она. Долго ли намъ терпѣть? Большая часть казаковъ въ хлоповъ обращена, панщину работаютъ, за лошадьми и собаками панскими ходятъ, печки топятъ. Число реестровыхъ до шести тысячъ уменьшено, съ тѣмъ, чтобы все казачество искоренить. Да и реестровымъ что за жизнь? Полковники да и многіе сотники назначены не по нашему выбору, а изъ шляхты. Они заставляютъ на себя работать казаковъ, какъ рабовъ. Жалованье, положенное отъ короля и Рѣчи Посполитой, по тридцати золотыхъ на казака, полковники и сотники себѣ берутъ. Отобьетъ въ походѣ казакъ татарскаго коня — полковникъ себѣ того коня беретъ, поймаетъ казакъ языка — полковникъ посылаетъ языка къ гетману съ жолнеромъ — тому и похвала, а казацкая отвага скрыта. Посылаютъ казаковъ по степи съ соколами да ястребами къ пріятелямъ, а поймаютъ казака татары—и былъ таковъ. А какъ за всякую малѣйшую вину казаковъ наказываютъ, даже убиваютъ, даже дѣтей нашихъ побиваютъ! А еще эти у пановъ старосты дозорцы, и особенно собаки жиды. Иной подлецъ богаче пана сталъ, нѣсколько цуговъ коней завелъ, а все почему? Потому, что нашу кровь пьютъ. Сколько поборовъ разныхъ они выдумываютъ: съ воловъ, съ молотаго хлѣба, съ крещенія младенцевъ. Церкви святыя у жидовъ на арендѣ! Безъ жида ни крестить, ни хоронить, ни вѣнчать нельзя. Паны вѣру святую гонятъ, церкви разоряютъ, принуждаютъ насъ къ уніи, жидамъ святые сосуды продаютъ, поповъ мучатъ, архіереевъ изгоняютъ. Долго ли это терпѣть?

— За сабли! за сабли!

— Только вотъ что,—возразилъ Тетеря,—съ однѣми саблями что сдѣлаешь. А комиссары всѣ пушки съ собой забрали. Безъ пушекъ намъ худо будетъ.

— Правда! правда!—закричало нѣсколько голосовъ.

— Точно, намъ однимъ не управиться, — согласился Хмѣльницкій.—Надо кого-нибудь на подмогу позвать. Думалъ я сперва москалей. Да ихъ не такъ давно ляхи подъ Смоленскомъ побили, наврядъ теперь москали еще оправились и станутъ намъ помогать. А поможетъ намъ листъ королевскій. Король затѣялъ воевать съ турками и татарами. Посолъ веницейскій его на то подбилъ, король для того и наемное войско изъ нѣмцевъ набралъ и намъ для этой войны листъ и деньги далъ. Но венеціяне и кесарь ему не помогли, а

паны осерчали на него и заставили нанятыхъ нѣмцевъ распустить. Теперь же, если мы къ крымскому хану умнаго человѣка пошлемъ и тотъ хану листъ королевскій покажетъ, въ которомъ намъ велѣно на татаръ идти, что тогда ханъ скажетъ?

— Славно придумано!—сказалъ Богунъ,—разумнѣе ничего и придумать нельзя. И некому въ Крымъ съ тѣмъ листомъ кромѣ пана Хмѣльницкаго ѣхать, потому что разумнѣе его во всей Украйнѣ человѣка нѣтъ.

— Правда! правда!

— Вотъ намъ и подмога.

— Вмѣстѣ съ татарами мы непремѣнно ляховъ побьемъ!

— Помоги, Господи, пану Хмѣльницкому!

— А коли самъ король тебя гетманомъ назначилъ, то по Божьей волѣ это случилось. Быть тебѣ нашимъ гетманомъ!

— Быть! быть!

— Поѣзжай въ Крымъ!

— Просимъ! просимъ!

— Способнѣе тебя никого нѣтъ.

— Въ Крымъ пойду. А что до гетманства, то позвольте, панове, до будущаго времени отложить. Напередъ надо показать, достоинъ ли я вашимъ гетманомъ быть. А служить вамъ я радъ. Созывайте казаковъ и всѣхъ земляковъ нашихъ. Станемъ за церковь и вѣру православную! возвратимъ наши золотыя вольности. Думаю, что всѣ казаки пристанутъ къ намъ! Станемъ единодушно! Да поможетъ намъ Богъ!

— Умремъ другъ за друга!—загремѣла толпа.—Отомнамъ Богъ!

стимъ за обиды! Защитимъ вѣру святую! Да поможетъ

3-го мая 1648 года нѣсколько десятковъ байдаръ *) плыли внизъ по Днѣпру. На нѣкоторыхъ изъ нихъ сидѣли реестровые казаки, на другихъ люди, одѣтые въ нѣмецкое платье. Главнымъ начальникомъ былъ Барабашъ.

— У Каменнаго затона остановимся,—сказалъ онъ,—тутъ и лагерь пана Потоцкаго долженъ быть недалечко. Отдохнемъ да и соединимся съ нимъ. А ты, панъ Кречовскій, впереди на байдарѣ плылъ, не слыхалъ ли что о Хмѣльницкомъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Вѣдь этакой сорви-голова! Возмутилъ таки Запорожье!

---

*) Большихъ лодокъ.

да говорятъ, и татаръ на подмогу привелъ. Ну, да не долго погуляетъ! Дадимъ ему себя знать!

— Извѣстно, дадимъ.

— Ты, панъ Кречовскій, съ половиной людей на берегъ выйди, а я съ остальными на байдарахъ останусь.

Медленно выходили войска на берегъ. Неудовольствіе было видно на всѣхъ лицахъ. Особенно роптали одѣтые по-нѣмецки, но говорившіе чистымъ малороссійскимъ нарѣчіемъ воины.

— Вишь какъ пріодѣли насъ вражьи ляхи,—говорилъ одинъ изъ нихъ,—казаковъ да въ нѣмецкую одежду.

— Нѣмецкой пѣхотой называютъ!

— Противъ своихъ братьевъ идти велятъ!

— Присягнуть заставили. Не вѣрятъ, вражьи дѣти.

— И насъ, и казаковъ, и драгунъ присягать заставили.

— Гей, гей, панове, собирайтесь: рада будетъ.

— Что такое? какая рада?

Однако же всѣ пошли. Собралась *черная* рада, то-есть безъ начальства. Посреди казаковъ и русскихъ пѣхотинцевъ, одѣтыхъ по-нѣмецки, явился Ганжа.

— Хмѣльницкій и все Запорожье вамъ поклонъ посылаютъ,—заговорилъ онъ.—Мы идемъ за вѣру, за казачество и за весь русскій народъ. Съ нами и татары, Тугай-бей, всему свѣту извѣстный богатырь, со своей ордой. А вы будете ли кровь своихъ братьевъ проливать? Развѣ не одна мать Украйна насъ народила? что лучше оборонять: костелы или церкви Божіи?

Подошелъ Кречовскій.

— Вѣрно, вѣрно человѣкъ говоритъ,—сказалъ онъ. Кречовскій въ то утро, ѣхавъ отдѣльно отъ другихъ байдаръ, видѣлся съ Хмѣльницкимъ.

— Не будемъ со своими биться,—закричали въ толпѣ.

— Какой стыдъ недругамъ противъ братьевъ помогать!

— А ну къ чорту ляшское знамя!—воскликнулъ пѣхотинецъ, одѣтый по-нѣмецки, и бросилъ знамя въ Днѣпръ.

Возстаніе съ берега перешло и на байдары. Убили нѣсколько человѣкъ, преданныхъ полякамъ. Барабаша пришибъ Филонъ Джеджалыкъ, казакъ изъ крещеныхъ татаръ.

Рано утромъ на другой день польское войско, стоявшее у Желтыхъ Водъ, приготовлялось къ битвѣ съ Хмѣльниц-

кимъ. Начальникомъ войска считался Стефанъ Потоцкій, молодой человѣкъ двадцати шести лѣтъ, сынъ короннаго гетмана Потоцкаго; но съ нимъ былъ опытный воинъ, казацкій комиссаръ Шембергъ, которому гетманъ и поручилъ распоряжаться. Въ числѣ второстепенныхъ вождей были Сапѣга и Чарнецкій.

Всѣ они четверо внимательно смотрѣли на казацкій лагерь. Запорожцы по своему обычаю составили изъ возовъ четыреугольникъ и сидѣли, укрывшись за нимъ.

— Они, должно быть, трусятъ,—замѣтилъ Потоцкій,—въ прежнее время выскакивали изъ обоза, стрѣляли, бранились. Теперь ничего этого нѣтъ. Видно, какъ увидали наше войско наготовѣ, такъ и остыла охота сражаться.

— Не затѣваютъ ли какую хитрость?—замѣтилъ Чарнецкій.

— А можетъ быть, самого Хмѣльницкаго нѣтъ въ обозѣ,—прибавилъ Шембергъ,—безъ него они и не наступаютъ.

— Скорѣе бы битва!—вскричалъ Сапѣга,—такъ и хочется наказать этихъ измѣнниковъ.

Поднялся густой столбъ пыли.

— Вотъ и Барабашъ идетъ,—сказалъ Потоцкій.

— Да какіе молодцы эти реестровые!—замѣтилъ Сапѣга.—Такъ прямо и идутъ на запорожцевъ.

— Надо поддержать ихъ,—прибавилъ Потоцкій,—ударимъ всѣ вмѣстѣ, прикажите, паны, войску приготовиться.

Но воины Барабаша ближе и ближе подходили къ запорожцамъ, а изъ лагеря послѣднихъ не раздалось ни одного выстрѣла. Вдругъ запорожцы вышли на встрѣчу къ войску, шедшему напасть на нихъ, по мнѣнію поляковъ, и съ обѣихъ сторонъ раздались радостныя восклицанія. Мнимые враги начали обниматься въ виду поляковъ.

— Измѣна!—воскликнулъ Чарнецкій.

— Что же теперь дѣлать?—спросилъ Потоцкій.

— Надо отбиваться въ лагерѣ,—отвѣчалъ Чарнецкій,—и извѣстить обо всемъ гетмана.

Поляки укрѣпились и послали Яцка Райскаго съ письмомъ къ гетману. Казаки быстро вышли изъ лагеря и двинулись впередъ. Поляки принялись стрѣлять изъ пушекъ, а у казаковъ пушекъ не было. Съ одной стороны пошли на казаковъ жолнеры, съ другой драгуны.

Вдругъ въ тылу поляковъ загремѣлъ крикъ «алла!» и явились татары, союзники казаковъ. Драгуны, состоявшіе изъ русскихъ, поворачиваютъ изъ польскаго лагеря вправо, вырываются въ поле и соединяются съ казаками, жолнеры разбиты, и все польское войско готово бѣжать.

Соколомъ подлетаетъ Потоцкій къ своимъ.

— Развѣ вы овцы, бѣгущія отъ волковъ? Лучше умереть въ битвѣ, чѣмъ бѣжать и все-таки погибнуть въ бѣгствѣ!

Войско опять устраивается, и снова поляки храбро отбиваются отъ казаковъ. На завтра битва тяжелѣе для польскаго войска, оно окружено врагами и лишено воды.

Ганжа подлетаетъ къ польскому лагерю съ письмомъ въ рукѣ.

— Вотъ ваша цидула къ гетману,—кричитъ онъ,—до насъ дошла.

Поляки узнаютъ письмо, и вопль отчаянія раздается въ ихъ рядахъ.

— Сдайтесь, панове!— продолжалъ Ганжа,— на нашу милость. Мы вамъ милость окажемъ!

— Вы съ Павлюка съ живого кожу содрали,—кричитъ Джеджалыкъ,—а Наливайку въ мѣдномъ котлѣ изжарили, и мы вамъ милость покажемъ.

Вдругъ скачетъ къ польскому лагерю самъ Хмѣльницкій и кричитъ громкимъ голосомъ:

— Не губите себя понапрасну, панове! лучше пришлите кого-нибудь для переговоровъ, но поскорѣе, пока не пришелъ Тугай-бей съ татарами.

Поляки прислали для переговоровъ Чарнецкаго, перваго храбреца въ войскѣ. Хмѣльницкій принялъ его очень ласково. Отъ поляковъ онъ потребовалъ только, чтобы они выдали пушки, а тамъ пусть идутъ, куда угодно. Поляки потребовали клятвеннаго обѣщанія, что казаки ихъ пропустятъ. Казаки поклялись, получили пушки и заложниковъ, данныхъ предъ переговорами, задержали у себя Чарнецкаго, но поляки такъ торопились идти, что не стали долго требовать его возвращенія.

Поляки поспѣшно пошли въ Украйну; казаки слѣдовали за ними, не дѣлая имъ никакого вреда. 8 мая, польское войско дошло до урочища Килжьихъ-Байраковъ. Вдругъ поднялась пыль, раздались грозные крики, и явился Тугай-

бей съ татарами. Поляки двинулись впередъ, но оказалось, что пройти нельзя: дорога завалена лѣсомъ и каменьями. Татары взяли у казаковъ польскія пушки и начали изъ нихъ стрѣлять въ поляковъ; потомъ съ четырехъ сторонъ бросились на польское войско. Потоцкій умеръ геройскою смертью. Шембергъ и Сапѣга достались въ плѣнъ казакамъ, всѣхъ прочихъ перебили или взяли въ плѣнъ татары.

Въ это время войско короннаго гетмана стояло около Черкасъ. Богатый панъ Сѣнявскій праздновалъ свои именины. Его богато убранный шатеръ былъ заставленъ столами. На столахъ стояли сдѣланные изъ сахара львы, козы, лани, розы и деревья. Посуда была изъ драгоцѣннаго фарфора или изъ серебра, чарки и кубки чеканные, золотые.

На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ коронный гетманъ Потоцкій, по правую его руку—помощникъ его, польный гетманъ Калиновскій, по лѣвую—князь Корецкій. Много тутъ было и другихъ пановъ.

— Что-то долго отъ нашихъ отрядовъ вѣстей нѣтъ,— сказалъ Корецкій.

— Это хорошій знакъ,— отвѣчалъ Потоцкій,— стало быть, имъ помощь не нужна. Вѣроятно, скоро пришлютъ плѣнниковъ и возы съ добычей. Я радъ за Стефана: въ его лѣта очень пріятно прославиться подвигами. Признаюсь, я для того и послалъ его, чтобы слава вписала его имя въ исторію.

— Только жаль,—возразилъ Калиновскій,—что большая часть войска у пана Стефана русскіе—ненадежны они.

— Предводители: Барабашъ и другіе совершенно надежны, а народъ—глупое стадо всегда за вожакомъ идетъ.

— Драгунъ изъ войска пана Стефана!—доложилъ жолнеръ.

— А! введи скорѣе.

Ввели драгуна.

— Ну, что? тебя панъ Стефанъ прислалъ?

— Нѣтъ. Самъ ушелъ.

— Какъ же ты смѣлъ?

— Не ушелъ бы, драгуны убили бы, не любятъ меня, подляшкомъ зовутъ.

— Да развѣ они могутъ убить за преданность правительству?

— Они жъ ляхамъ фигу показали.

— Что такое?

— Ушли къ Хмѣльницкому, и они, и пѣхота, и реестровые.

— Ты врешь, бездѣльникъ!

— Какъ есть, утекли.

— Не можетъ быть! Ихъ бы перебили за то!

— Куда перебить! Они жъ вмѣстѣ съ Хмѣльницкимъ пановъ оцѣпили со всѣхъ сторонъ, воду переняли. Паны у Желтыхъ Водъ еле живы сидятъ.

— Скорѣе надо послать имъ помощь,—воскликнулъ Калиновскій.

— Все это вздоръ,—отвѣчалъ Потоцкій.—Если бы это такъ было, развѣ этотъ бездѣльникъ ушелъ бы одинъ изъ всѣхъ? Тамъ есть люди, у которыхъ кони получше, чѣмъ у него. А, понимаю! Это хитрость, враги его нарочно подослали, чтобы заставить насъ выйти отсюда. Бросить этого негодяя въ тюрьму!

Давно было извѣстно, что панъ коронный гетманъ всегда имѣлъ мнѣніе, совершенно противоположное тому, что думалъ панъ польный гетманъ. По обыкновенію, и здѣсь Потоцкій противорѣчилъ Калиновскому.

Вошелъ панъ Гдѣшинскій, воротившійся съ объѣзда.

— Что узналъ, панъ?

— Ничего. Хлопы молчатъ, ничего отъ нихъ не услышишь. Только смотрятъ звѣрями: вѣрно, замышляютъ недоброе.

— Вѣрно для того и хотѣли выманить насъ отсюда въ степь, чтобы въ тылу у насъ бунтъ поднять. Да я не хочу и срамить себя походомъ противъ хлоповъ. Съ ними и Стефанъ расправится.

— А я мало вѣрю,—замѣтилъ Сѣнявскій,—чтобы хлопы возстали. Мои, кажется мнѣ, даже любятъ меня.

— Ты ихъ, панъ, очень балуешь.

— Что прикажешь дѣлать, панъ—не люблю наказывать! Мнѣ все кажется, что если велю хлопа высѣчь, то аппетитъ потеряю.

Всѣ паны засмѣялись надъ простодушнымъ старикомъ. Они отъ такихъ вещей аппетита не теряли.

Чрезъ два дня къ Потоцкому привели раненаго шляхтича, спасшагося съ Желтыхъ Водъ.

— Все погибло, панъ гетманъ,—сказалъ онъ,—обозъ

взятъ, войско побито, Сапѣга, Чарнецкій, Шембергъ въ плѣну.

— А сынъ мой?

— Весь израненъ, теперь, вѣрно, со свѣтомъ простился.

Заплакалъ старикъ.

— Для того ли, Стефанъ,—говорилъ онъ,—я далъ тебѣ булаву, чтобы ты вымѣнялъ ее на могильный заступъ!

Паны со всѣхъ сторонъ собирались, чтобы утѣшить гетмана и посовѣтоваться, что дѣлать.

— Надо тотчасъ идти впередъ,—говорилъ Калиновскій,—и наказать хлоповъ.

Потоцкій успѣлъ уже порядочно выпить съ горя.

— Да, я ихъ накажу!—кричалъ онъ,—страшно накажу. Много ихъ крови пролью за кровь моего сына. Пусть сюда сунутся! войско у меня хорошо—мнѣ не въ первый разъ воевать съ казаками. Но отсюда не пойду, здѣсь позиція выгодна.

— Припасовъ здѣсь трудно достать,—сказалъ Корецкій,—не лучше ли назадъ отойти?

— Да, отступить и укрѣпиться,—говорили другіе паны.

— Я согласенъ на это,—отвѣчалъ Потоцкій.

— Отступленіе роняетъ духъ войска,—замѣтилъ Калиновскій.

— А всего болѣе роняютъ его противорѣчія, раздоры.

— Когда дается дѣльное приказаніе—кто будетъ противорѣчить?

— Панъ имѣетъ привилегію быть дѣльнымъ.

— Дѣльнымъ самому себя нечего называть—хорошо, если другіе назовутъ. Вотъ нехорошо, если пьяницей и старымъ волокитой зовутъ.

Можетъ быть, у пановъ гетмановъ и до сабель дошло бы, но Сѣнявскій успѣлъ кое-какъ ихъ помирить.

Поляки отступили къ мѣстечку Корсуну, выжгли его, а жителей перебили, не щадя даже младенцевъ. Калиновскій противился такому варварству, но Потоцкій, по обыкновенію, его не слушалъ. Явились наконецъ Хмѣльницкій и Тугай-бей. Начались схватки.

Захватили поляки плѣнника и привели къ Потоцкому, у котораго въ ставкѣ были и другіе военачальники.

— Огня!—крикнулъ Потоцкій,—пытать собаку!

— Зачѣмъ пытать? Я и такъ все, что знаю, скажу. Я реестровый казакъ, Микита Галаганъ, вашей панской милости доброжелатель.

— А вотъ мы тебя, доброжелателя, поджаримъ.

Началась пытка.

— Сколько войска у Хмѣльницкаго и у Тугай-бея?

— Казаковъ и счесть нельзя, со всѣхъ сторонъ сходятся. Можетъ пятьдесятъ тысячъ, а можетъ и больше. У Тугай-бея столько-же, да еще ханъ со всей ордой идетъ.

На самомъ дѣлѣ, у Хмѣльницкаго было пятнадцать тысячъ, у Тугай-бея четыре тысячи, а ханъ и не выходилъ на битву, оставался въ Крыму. Но казаки и татары цѣлый день предъ тѣмъ гарцовали, и войско ихъ съ виду казалось въ нѣсколько разъ многочисленнѣе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ.

Плѣнника вывели изъ палатки.

— Надо отступать какъ можно поспѣшнѣе,—сказалъ одинъ изъ пановъ,—пока ханъ не пришелъ.

— Непремѣнно, а то мы здѣсь отъ жажды помремъ: я слышалъ, что казаки воду отводятъ отъ Стебнова за милю отсюда.

— Да и войско наше ненадежно. Я самъ слышалъ, какъ слуги и оруженосцы толковали: Хмѣльницкій насъ побьетъ, если будемъ стоять за пановъ.

— И панъ не наказалъ негодяевъ? Слѣдовало разстрѣлять для примѣра.

— Я наказалъ, но не разстрѣливалъ: вѣдь толковали поляки!

— Поляки!

— А тутъ еще войско кометой напугано.

— Да, слухи носятся, что король умеръ.

— И припасовъ у насъ мало.

— Потому мало,—возразилъ Калиновскій,—что мы безо всякой надобности Корсунь сожгли. Но робѣть нечего. Лучше всего—выйти въ открытое поле, всѣми силами броситься на врага и однимъ ударомъ сломить его.

— Легко сказать!—отвѣчалъ Потоцкій,—войско наше мало и упало духомъ. А непріятели—гидра—сколько головъ ни руби, новыя выростутъ. Лучше всего—отступить укрѣпленными четырехугольниками.

— Такъ мы погубимъ войско.

— Что это такое!—вскричалъ Потоцкій.—Я здѣсь главный. Когда пробощъ *) въ приходѣ, тогда у викарія власти нѣтъ. Дѣло польнаго гетмана исполнять, а не командовать. Да сегодня и сражаться нельзя: понедѣльникъ—несчастный день.

Между тѣмъ Галаганъ стоялъ возлѣ палатки гетмана. Безпорядокъ въ польскомъ войскѣ былъ такъ великъ, что за плѣннымъ плохо присматривали, и онъ могъ бы уйти, если бы захотѣлъ. Но онъ и не думалъ объ этомъ. Вдругъ онъ увидѣлъ неуклюжаго, приземистаго человѣка. Лицо его выражало удивленіе.

— И ты, Кривоносъ, здѣсь? Смотри, поймаютъ.

— Въ жупанѣ-то? Чѣмъ я не полякъ? А поймаютъ, уйду. Вѣдь не даромъ я характерникъ **). Что Хмѣлю сказать?

— Повѣрили.

— Такъ я на дорогу съ корсунцами пойду. А ты?

— Останусь. Еще казацкому дѣлу послужу.

Кривоносъ ушелъ. Паны вышли изъ палатки. Вышелъ и Потоцкій. Разгнѣвавшись, онъ по обыкновенію выпилъ. Микита подошелъ къ нему и поцѣловалъ полу его платья.

— Что тебѣ?

— Хотѣлъ бы послужить вельможному пану гетману.

— Чѣмъ послужить?

— Да чѣмъ хочешь. Я здѣшній уроженецъ. Мнѣ всѣ пути вѣдомы.

— А! это кстати. Веди мое войско на Богуславъ. Но смотри—измѣнишь—шею сверну.

— Что ты, гетманъ! Тоже своей головы жалѣю.

Двинулись поляки въ путь: возы съ запасами и панскіе рыдваны въ восемь рядовъ, въ срединѣ четырехугольника, пушки, съ правой стороны Потоцкій пьяный храпѣлъ въ каретѣ, слѣва Калиновскій, на бѣду очень близорукій. Казаки и татары шли сзади, то налетали на обозъ, пускали пули и стрѣлы, то опять возвращались. Тяжело было панамъ въ лѣтній жаръ въ панцыряхъ, однако прошли пять верстъ. У деревни Гроховецъ тысяча восемьсотъ русскихъ драгунъ выскочили изъ польскаго лагеря и передались казакамъ.

---

*) Настоятель.
**) Колдунъ.

Микита Галаганъ шелъ впереди, окруженный толпою рейтаровъ.

— Куда ты насъ завелъ?—крикнулъ одинъ изъ нихъ.

На пути лежали срубленныя деревья.

— Смерть измѣннику! — кричали жолнеры, рубя Микиту саблями.

— Будь здорова, мати Украино!—проговорилъ онъ падая.

Изъ-за деревъ посыпались пули. Тамъ засѣлъ Кригоносъ съ корсунцами. Сзади налетѣлъ Хмѣльницкій и ногаи съ Тугай-беемъ. Полякамъ пришлось спускаться съ горы, внизу которой былъ ровъ. Пушки и возы съѣзжали съ горы и падали въ этотъ ровъ. Передніе кричали заднимъ: «стой!», но тѣ не въ силахъ были остановиться. Возы падали одинъ за другимъ. Иные бросались въ сторону съ дороги и попадали въ овраги. Съ горы стрѣляли казацкія пушки, и со всѣхъ сторонъ напирали казаки и татары.

Корецкій съ двумя тысячами жолнеровъ прорвался, потерявъ девятьсотъ человѣкъ, и ушелъ, всѣ прочіе поляки были побиты или взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ раненый Калиновскій и Потоцкій.

— Что, панове?—спрашивали казаки,—не будете ходить Запорожья добывать? Озябли, паны? Дай имъ, панъ Хмѣльницкій, кожуховъ.

Потоцкаго одѣли въ сѣрую свитку и посадили верхомъ на пушку.

— Потоцкій! Потоцкій!—кричали казаки,—у тебя розумъ жиноцькій!

Дѣйствительно, Потоцкаго и другихъ знатныхъ плѣнниковъ казаки отдали въ плѣнъ крымцамъ.

Гроза прошла по всей Украйнѣ. Составились гайдамацкіе загоны, то-есть шайки хлоповъ, которыя всюду истребляли пановъ и жидовъ.

Множество народа собралось въ замкѣ Тульчинѣ (иначе Нестеровъ или Нестерваръ), принадлежавшемъ князю Янушу Четвертинскому. Искали у него покровительства и польскіе шляхтичи, и жиды, которыхъ собралось множество. Четвертинскій несмотря на то, что Остапъ называлъ его лысымъ и обрюзглымъ, былъ человѣкъ храбрый, надворная команда его довольно многочисленна, и потому окрестные жители надѣялись, что подъ покровительствомъ его спасутся отъ загоновъ.

Скоро налетѣлъ Ганжа со своими удальцами. Начались битвы. Осажденные оборонялись храбро. Но казаки стали стрѣлять изъ пушекъ, и тогда положеніе тульчинцевъ сдѣлалось невыносимо: ни на улицѣ, ни въ домахъ имъ не было покоя. Тогда князь началъ переговоры. Узнавъ, что предводитель казаковъ Ганжа, княгиня велѣла сказать ему:

— Вспомни, что я тебя спасла отъ смерти. Притомъ я и мой мужъ да и большая часть нашихъ людей православные.

Отъ Ганжи послѣдовалъ снисходительный отвѣтъ:

— Если дадите за себя откупъ, мы отойдемъ, а жидовъ ни за какія деньги не помилуемъ. Выдайте ихъ.

Поляки обрадовались, что такъ дешево отдѣлались. Евреевъ было съ женщинами и дѣтьми три тысячи. Они на колѣняхъ умоляли поляковъ не выдавать ихъ казакамъ, цѣловали руки и полы одежды пановъ.

— Богъ накажетъ васъ,—говорили они,—за насъ невинныхъ. Вы и насъ погубите, и сами пропадете.

Поляки силою выгнали ихъ, и они погибли въ ужасныхъ мукахъ. Въ числѣ ихъ Ганжа узналъ своего стараго знакомаго Мовшу и велѣлъ его повѣсить вверхъ ногами: такъ онъ и умеръ послѣ продолжительныхъ мученій. Слово, данное полякамъ, Ганжа сдержалъ и, взявъ выкупъ, отступилъ.

На радости, что избавились отъ страшныхъ враговъ, паны принялись пировать.

— Нельзя не выпить,—говорилъ панъ Дмуховскій,—времена страшныя. Только выпьешь, такъ и позабудешь горе. Вся Украйна во власти хлоповъ. Король умеръ. Знатные паны Богъ вѣсть куда дѣвались.

— Говорятъ, Іеремія Вишневецкій поднялся и страшно расправляется съ хлопами.

— Ну, Вишневецкій никому не уступитъ. Помните, какъ онъ Конецпольскаго за Гадячъ изрубить хотѣлъ.

— Говорятъ, онъ восемь тысячъ войска собралъ и вездѣ бьетъ хлоповъ, вѣшаетъ и сажаетъ на колъ.

— Эхъ, какъ бы и тѣхъ бездѣльниковъ посадилъ, которые сюда прих...

Панъ не договорилъ. Раздался страшный шумъ, подобный тысячѣ выстрѣловъ. Зала, гдѣ паны пировали, затряслась. Въ страхѣ выбѣжали на дворъ и увидали, что взорва-

лась башня, наполненная порохомъ. По двору бѣгали съ обнаженными саблями за поляками казаки, впущенные людьми Четвертинскаго, и рубили пановъ, кого попало.

— Пощадите!—кричали паны,—вѣдь мы помирились съ вами.

— Помирился загонъ Ганжи, а мы изъ загона Остапа Павлюка, ганжинцы не захотѣли дѣлиться съ нами тѣмъ, что съ васъ взяли.

— Да мы и вамъ заплатимъ.

— А заплатите, такъ мы, пожалуй, и помиримся. Пойдемте мировую пить.

Началась пирушка. Не весела она была для пановъ, но дѣлать нечего: чтобы угодить страшнымъ гостямъ, приходилось полякамъ быть веселыми. Окна были отворены. Панъ Дмуховскій выглянулъ въ одно изъ нихъ и оцѣпенѣлъ отъ ужаса.

— Что это такое?—пробормоталъ онъ.

— Ничего. Хлопцы тѣшатся,—отвѣчалъ казакъ.

Потѣха состояла въ томъ, что по сторонамъ повѣшеннаго Мовши казаки повѣсили съ одной стороны ксендза, съ другой собаку и подписали: «ксендзъ, жидъ, та собака — усе віра однака.»

— Друзьями называетесь, а надъ нашей вѣрой такъ надругались,—сказалъ панъ.

— А вы надъ нашей не ругались? А если пану обидно, пойдемъ на дворъ, тамъ дѣло разсудимъ.

Вышелъ панъ Дмуховскій на дворъ, и ему тамъ голову отрубили. Другой панъ поспорилъ съ запорожцемъ, ихъ будто мирить стали, вывели на дворъ и тоже пану голову отрубили. Потомъ стали таскать туда другихъ пановъ, которыхъ ожидала та же участь. Вытащили и князя Четвертинскаго. Его собственные люди набросились на него, притащили связаннаго князя ко пню, и одинъ изъ нихъ, мельникъ, топоромъ отрубилъ голову князю.

Остапъ вошелъ въ комнату княгини, куда до того времени не проникъ ни одинъ казакъ, потому что онъ поставилъ караулъ изъ надежныхъ людей.

— И ты пришелъ воевать со мной и моими?—спросила княгиня.

— Пришелъ добывать тебя. Развѣ иначе ты могла бы мнѣ достаться?

Вечеромъ Остапъ повѣнчался съ княгиней.

Осенью 1649 года кіевскія улицы покрыты были народомъ въ праздничныхъ одеждахъ. Видно было, что готовилось какое-то торжество. Толпа мѣщанъ толковала на улицѣ.

— Такъ ты все время съ батькой былъ?—спрашивалъ запорожца одинъ изъ мѣщанъ.

— Да. Подъ Пилявцами было у ляховъ трое небольшихъ пановъ: князь Заславскій, что больше всего попировать да полежать любилъ, Конецпольскій — совсѣмъ молокососъ, да Осторогъ—этотъ всякую науку проглотилъ. Батька прозвалъ Заславскаго перыною, Конецпольскаго дытыною, а Осторога латыною. Первый день еще ляхи ничего, бились, а на завтра услыхали, что татары идутъ, и струсили. А тѣмъ временемъ мы два полка ляховъ вырѣзали. Тутъ какъ побѣгутъ они — вдововоль мы натѣшились. Чуть не всѣ казаки въ кармазинные жупаны одѣлись. Сколько намъ золота, серебра, коней, всякаго добра досталось.

— Ну, а потомъ что-же?

— Потомъ мы узнали, что вмѣсто покойнаго Владислава королемъ его брата Яна Казиміра выбрали. Батько сперва обрадовался, думалъ, что новый король будетъ ласковъ къ намъ. Да извѣстно, паны его противъ насъ настроили. Къ намъ на подмогу ханъ крымскій Исламъ-Гирей пришелъ и донцы пришли. Подъ Зборожемъ встрѣтились мы съ поляками. Налетѣли мы на поляковъ со всѣхъ сторонъ, такъ что они и не ожидали этого. Побили мы ихъ и къ ночи со всѣхъ сторонъ окружили, могли бы всѣхъ побрать. Пустили мы короля, за то и вольности себѣ выговорили. Реестровыхъ сорокъ тысячъ будетъ, ну да такъ говорится, а кто тамъ ихъ сосчитаетъ—будетъ ихъ, сколько батько захочетъ. Чигиринъ со всѣмъ округомъ батькѣ достался. Жолнеры и жиды носа не должны показывать тамъ, гдѣ казаки живутъ, езовиты тоже, нашъ митрополитъ въ польскомъ сенатѣ сидѣть будетъ.

Зазвонили въ колокола, духовенство съ крестами вышло изъ церкви. Дозорцы *) расчищали въ толпѣ дорогу для городскихъ чиновниковъ, шедшихъ встрѣчать Хмѣльницкаго. Впереди шелъ бурмистръ съ хлѣбомъ солью, войтъ **), двад-

---

*) Полицейскіе.

**) Предсѣдатели присяжныхъ, называемыхъ лавниками.

цать четыре райца *), потомъ цехи: ткацкій, малярскій, ковальскій, бондарскій и другіе со своими значками.

Показался Хмѣльницкій на дорогомъ аргамакѣ, окруженный полковою старшиною. Ихъ одежда, оружіе и конская сбруя блистали золотомъ и серебромъ. За нимъ слѣдовалъ чигиринскій полкъ, составлявшій какъ бы гвардію гетмана.

Загремѣли неумолкаемыя восклицанія:

— Спасибо, батьку, що свободивъ насъ отъ кормыги ляхской!

— Радуйтесь, братья,—говорилъ Хмѣльницкій, кланяясь на всѣ стороны,—подъ Зборовымъ русская сила была поставлена на вѣсы съ польскою и перевѣсила: теперь цѣлый свѣтъ узнаетъ, что значатъ казаки.

---

*) Райцы—члены главнаго правительственнаго мѣста въ городѣ — магистрата, предсѣдатель котораго назывался бурмистромъ.

XII.

ПАТРІАРХЪ — ВЕЛИКІЙ ГОСУДАРЬ.

(1652 — 1676 гг.).

ЪЪ 1652 году, лѣтомъ, у попа Саввы были гости: никольскій попъ Прокофій, суздальскій Никита, да еще два старика: одинъ, лѣтъ восьмидесяти, тоже бывшій тверской попъ Несторъ, а другой — помоложе — стрѣлецкій сотникъ Иванъ Копьевъ.

— До насъ въ Суздаль, — говорилъ Никита, — слухи о тѣхъ мятежахъ доходили, а все-же мы доподлинно всего не знали.

— А я, — отвѣчалъ Савва, — свидѣтелемъ всего дѣла былъ. Государь на ту пору къ Троицѣ Сергію ѣздить изволилъ. Вотъ иду я въ это время немного спустя послѣ обѣда, гляжу — народу толпа, въ немъ нестроеніе, кричатъ, что окольничіе Плещеевъ и Траханіотовъ народъ грабятъ, а Милославскій съ Морозовымъ имъ во всемъ потакаютъ. Сколько-де разъ на нихъ и просьбы подавали, да не доходятъ просьбы до государя: бояре ихъ сокрываютъ. А одинъ подлѣ меня, пьяненькій, такъ совсѣмъ непригожія рѣчи началъ говорить: «Лучше бы-де, когда бы государь на дочери Рафа Всеволожскаго женился, вѣдь онъ ее и выбралъ, да бездѣльникъ Мишка Ивановъ ее испортилъ и родителя ея оговорилъ, за что ихъ и въ Сибирь сослали, а тѣмъ време-

немъ Морозовъ государя уговорилъ на дочери Ильи Даниловича Милославскаго жениться». Только было хотѣлъ я того крикуна унять и сказать передъ народомъ, что Всеволожская въ падучей была, какъ вдругъ, гляжу, государь ѣдетъ. Народъ такъ къ нему и кинулся, кричитъ: «помилуй, государь, защити!» Одинъ даже коня государева за узду взялъ. Ну, вы знаете, колико благодушенъ государь.

— Что и говорить! Аки кроткій Давидъ.

— Въ этомъ,—сказалъ Копьевъ,—онъ на своего родителя, царя Михаила Ѳедоровича, похожъ. Какъ вѣдь онъ о новгородскихъ измѣнникахъ писалъ: «если чья и вина была, то мы ни на комъ не поищемъ, всѣ вины нашимъ царскимъ милосердіемъ покроемъ». Вотъ это милосердіе, какъ твердый адамантъ, и престолъ его утвердило.

— Такъ и тутъ,—продолжалъ Савва,—государь ласково съ народомъ заговорилъ, обѣщалъ дѣло разобрать и вмѣсто Плещеева иного человѣка поставить. Народъ повеселѣлъ, расходиться сталъ. Проѣхалъ государь. Тутъ бояре, плещеевскіе пріятели, учали народъ ругать, мало того: въ толпу въѣхали и нагайками народъ хлестали. Ну и досталось же имъ самимъ! Какъ пустили въ нихъ камнями, такъ еле-еле во дворецъ уѣхать успѣли. Морозовъ убѣжалъ, а Плещеева и дьяка Чистаго убили. Ну, тутъ служилые нѣмцы пришли, стали передъ дворцомъ, а къ народу вышелъ Никита Ивановичъ Романовъ. Его и безъ того всѣ любятъ, а какъ увидѣли, что онъ къ народу идетъ, держа свою шапку боярскую въ рукахъ, такъ толпа тотчасъ и стихла. Онъ началъ съ ней любовно говорить и обѣщалъ, что Морозова и Траханіотова накажутъ. Народъ и разошелся. А по маломъ времени крестный ходъ былъ. Во время хода и началъ государь народу говорить: «тяжко мнѣ Морозова осудить, онъ человѣкъ мнѣ дорогой, мужъ сестры царицыной». Говоритъ это, а у самого слезы на глазахъ. Народъ увидалъ это, стали царю въ землю кланяться и говорить, что на Морозова зла не мыслятъ. А царь обѣщалъ пошлину на соль уменьшить.

— Изъ-за этой пошлины все и вышло. Шутка ли, изъ-за нея приходилось народу соль дорогою цѣною покупать.

— Опять и то обидно было, что изъ казны стали богомерзкую траву — табачище продавать, — сказалъ Прокофій. — При благовѣрномъ государѣ, царѣ Михаилѣ Ѳедоро-

вичѣ, никто не смѣлъ этого табачища пить, потому что за это носы рѣзали. А тутъ наткось—пей, сколько хочешь, только денегъ побольше плати. Это ужь противъ вѣры выходитъ.

— Ну, ужь ты ревнитель!—сказалъ Копьевъ.

— Нельзя не ревновать: времена такія! Первые люди въ государствѣ непотребныя новшества вводятъ. Одинъ ли теперь табакъ? Всякую траву неосвященную и въ законѣ неположенную жрать стали.

— Ну, это что-же? При блаженной памяти царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, какъ нѣмцы да голландцы наѣхали, развели это они спаржу да салатъ, чего у насъ въ прежніе годы не водилось. Много тогда надъ ними смѣху было. «Видно,—говорилъ народъ,—у нихъ голодная сторона, хлѣба нѣтъ, такъ траву, какъ коровы, ѣдятъ». А послѣ ничего, и сами стали спаржу и салатъ ѣсть.

— Ну, не всѣ. Да еще спаржа и салатъ ничего бы, а то сколько этихъ яствъ и питей неположенныхъ проявилось: чай да сахаръ, да кофей и Богъ знаетъ, какая нечисть.

— Какъ же, на-дняхъ ко мнѣ сѣнная дѣвушка приходила, такъ сказывала, что царица боярыню Морозову пожаловала, голову сахару ей прислала.

— Голову! Видишь, и названья-то не христіанскія. Голову! Точно человѣчью. А тутъ еще и въ палатахъ какую нечисть ставить стали—зеркала! Накось! Въ хоромахъ, гдѣ иконы святыя стоятъ, эту нѣмецкую выдумку ставить. Въ писаніи сказано: «аки зерцало въ гаданіи». А гаданіе-то что такое? Эти рафли, да звѣздочеты. Отъ кого это? Отъ врага рода человѣческаго. И зеркала отъ него же.

— А хуже всего,—сказалъ Савва,—царскаго постельничаго Ртищева выдумки. У самой у Москвы Андреевскій монастырь построилъ, ну что-же, дѣло богоугодное, да вышло не то. Вмѣсто того, чтобы русскіе благочестивые монахи тамъ были, Ртищевъ, — глядикось — тридцать монаховъ изъ Кіева выписалъ, видишь, чтобы нашихъ учить. Выучатъ добру! Сталъ это у нихъ Лучка Голосовъ учиться, такъ пришелъ, слезами заливается, говоритъ: «не хочу я у кіевскихъ старцевъ учиться. Старцы недобрые, я ученьемъ только Ѳедору Ртищеву маню, а учиться никакъ не хочу: кто по-латыни научится, тотъ съ праваго пути совратится. А самъ Ртищевъ, слышно, у тѣхъ чернецовъ греческой грамотѣ обучается и въ той грамотѣ еретичество есть».

— А ко мнѣ,—прибавилъ Прокофій, — благовѣщенскій дьячекъ Костка заходилъ, такъ сказывалъ, что Ртищевъ проѣзжую грамоту досталъ Перфилкѣ Зеркальникову да Ванькѣ Озерову: поѣхали въ Кіевъ у тамошнихъ старцевъ латыни доучиваться, а воротятся—хороши будутъ.

— Не говори! въ чужихъ краяхъ много русскимъ людямъ сомущенья,—согласился и Копьевъ,—мнѣ подъячій Грязевъ сказывалъ—его къ аглицкому королю съ грамотой посылали и велѣли провѣдать, что съ тѣми русскими людьми подѣялось, коихъ Годуновъ въ чужія земли для науки посылалъ. Такъ что-же? Трое такихъ-то въ аглицкомъ королевствѣ люторову ересь приняли, одного агличана даже попомъ своимъ поставили. И агличане выдать ихъ никакъ не хотятъ.

— Да еще лучше, если они тамъ останутся, и хуже какъ воротятся, да смуты заводить станутъ. У насъ и своихъ смутъ довольно. Шутка-ли: въ Сольвычегодскѣ возмущенье, во Псковѣ, въ Новѣгородѣ. Да и здѣсь на Москвѣ Савинка Корѣпинъ, да Аѳонька Собачья-Рожа съ товарищи какія рѣчи говорили?

— А что?

— Какъ же! «Быть-де замятнѣ, кровопролитію и грабежу. Есть и добрые бояре: Никита Ивановичъ Романовъ, князья Черкасскіе и Иванъ Андреевичъ Голицынъ, тѣ къ намъ пристанутъ, а мы всѣмъ міромъ станемъ и Морозова съ Милославскимъ побьемъ».

— Ну, за тѣ рѣчи Савинку казнили, а другихъ посѣкли и дѣлу конецъ, — сказалъ Копьевъ. — Да это что — только рѣчи бездѣльныя. А вотъ то ли было, какъ блаженной памяти государь Михаилъ Ѳедоровичъ воцарился. Сколько съ однимъ Заруцкимъ хлопотъ было. Я это довольно знаю, съ покойнымъ головой Васильемъ Хохловымъ самъ подъ Астрахань ходилъ. Убѣжалъ это туда черкашенинъ *) Ивашка Заруцкій, а съ нимъ безбожная люторка еретица Маринка, да сынишка ея, и всю они Астрахань заполонили, воеводу князя Хворостинина и многихъ иныхъ побили, и туда къ Ивашкѣ многіе воровскіе казаки пришли. И пронесся слухъ, что въ самое Свѣтлое Воскресенье хочетъ Ивашка съ ворами всѣхъ лучшихъ людей въ Астрахани

*) Черкасами называли днѣпровскихъ казаковъ.

перерѣзать, они и учинили съ нимъ бой. А на ту пору Хохловъ съ нами въ Астрахань подоспѣлъ и мы воровъ побили. А до того Ивашка въ Астрахани всѣмъ заправлялъ, даже царемъ Дмитріемъ именовался. Ну, какъ мы его побили, и утекъ онъ съ Маринкой на Яикъ, только тамъ имъ ужь не такое житье было, не они, а тамошній атаманъ Усъ всѣмъ заправлялъ. Тутъ стрѣлецкія головы Пальчиковъ да Онучинъ воровъ изловили, Заруцкаго посадили на колъ, сына Маринки повѣсили, а она сама въ тюрьмѣ съ тоски померла. Да одинъ-ли Заруцкій? Вотъ тоже Баловень да Лисовскій! Баловень съ казаками къ самой Москвѣ подошелъ. Тутъ ихъ Измаиловъ да Лыковъ побили, больше трехъ тысячъ въ полонъ взяли и Баловня повѣсили. Опять Лисовскій. Съ нимъ только князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и могъ справляться. И то подъ Орломъ Лисовскій воеводу Пушкина побилъ, да и самъ Дмитрій Михайловичъ въ обозѣ насилу отбился, мало съ нимъ людей было, не больше шестисотъ, а лисовчиковъ тысячи три. Ратные люди, что были тогда съ Пожарскимъ, сказывали мнѣ, что уговаривали его отступить, да онъ не хотѣлъ, такъ и сказалъ: «всѣмъ намъ помереть на этомъ мѣстѣ». Ну, Богъ помиловалъ, другіе воеводы подоспѣли, одолѣли ворога и пошли за нимъ кружить: сперва къ Кромамъ, потомъ къ Бѣлеву, къ Лихвину, къ Перемышлю, къ Калугѣ, къ Вязьмѣ — даже заболѣлъ Дмитрій Михайловичъ отъ истомы! А Лисовскій бросился къ Ржеву, потомъ къ Кашину, къ Угличу и до самаго Алексина прокрался, а потомъ и въ Литву ушелъ да, слава Богу, подохъ. А какіе разбойники его люди, эти лисовчики были, не въ примѣръ хуже всякихъ казаковъ!

— Чай, тоже и казаки между ними были?

— Были и казаки и поляки, да тоже и нѣмцы и всякій сбродъ. Мнѣ вотъ переводчикъ Ѳоминъ сказывалъ. Хорошій онъ человѣкъ былъ, отъ царя Михаила Ѳедоровича къ цезарю ѣздилъ и честь государеву крѣпко оберегалъ. Когда онъ поклонъ отъ государя цезарю правилъ, то цезарь противъ царскаго именованья не всталъ, а Ѳоминъ ему тотчасъ: «Ты-де этимъ царю нелюбье показываешь». А потомъ, когда грамоту стали давать не съ полнымъ государевымъ именованьемъ, такъ онъ той грамоты и не взялъ. Этотъ самый Ѳоминъ сказывалъ мнѣ, что у нихъ въ цесарской землѣ много такихъ ратныхъ людей, что за деньги самому

нечистому служить станутъ. Я было не повѣрилъ, а послѣ самъ такихъ людей увидалъ.

— Какъ такъ?

— А видишь, царю Михаилу Ѳедоровичу приходилось воевать и со свейскимъ королемъ и съ польскимъ Владиславомъ королевичемъ; королевичъ съ черкасскимъ гетманомъ Сагайдачнымъ подъ самую Москву подступалъ. Я въ ту пору тоже Арбатскія ворота защищалъ, хорошіе у насъ воеводы: Годуновъ, Леонтьевъ, Урусовъ да Антоновъ въ томъ мѣстѣ были и отбили мы поляковъ. А все же тогда въ деревнѣ Деулинѣ съ ними замиренье вышло не совсѣмъ къ нашей выгодѣ: Смоленскъ за ними остался. Только то и хорошо, что по этому замиренью государева родителя, Филарета Никитича, изъ польскаго полону выручили, по маломъ времени онъ и патріархомъ учинился.

— Истинный патріархъ былъ! Недаромъ великимъ государемъ именовался. Царь во всемъ съ нимъ совѣтенъ былъ.

— Еще бы! на то онъ и родитель.

— Онъ бы новшествъ не допустилъ.

— А было ему и царю обидно, что Смоленскъ за полякомъ остался. И стали они къ войнѣ готовиться, рать собирать. Вотъ тогда-то я на этихъ нѣмецкихъ наемщиковъ и насмотрѣлся.

— Немного отъ нихъ толку вышло.

— Какой толкъ! Пошли мы съ бояриномъ Михайломъ Борисовичемъ Шеинымъ подъ Смоленскъ. Горделивый былъ воевода, тѣмъ славился, что во время московскаго разоренья долго Смоленскъ отъ ляховъ оборонялъ, тѣмъ и бояръ другихъ попрекалъ, такъ прямо и говорилъ: «Я-де тогда служилъ, когда другіе за печью сидѣли». Рать съ нимъ большая пошла, тысячъ тридцать, побольше, да еще другіе воеводы иную рать вели, снарядъ тоже большой у насъ былъ, пушекъ больше полутораста, и зазнамо въ долгій походъ пошли, сколько этого запасу было наготовлено всякаго: сухарей, крупы, толокна, солоду, масла, ветчины. Сперва дѣло хорошо шло. Въ то время у поляковъ король Жигимунтъ умеръ, а замѣсто его другого еще не выбрали и безурядица была. Много мы городовъ побрали, подошли подъ Смоленскъ. Да тамъ хорошій воевода ляшскій Станиславъ Воеводскій сидѣлъ, восемь мѣсяцевъ отъ насъ отбивался. А

тѣмъ временемъ ляхи Владислава на королевство выбрали, онъ самъ и пришелъ Смоленскъ выручить. Тутъ и стали эти проклятые нѣмцы отъ насъ къ ляхахъ перебѣгать. А другіе принялись промежъ себя ссориться: были у нихъ два полковника Лесли да Сандерсонъ, такъ тѣ при самомъ Шеинѣ промежъ себя поругались, Лесли пистоль выхватилъ да тутъ же на мѣстѣ Сандерсона и пристрѣлилъ. Больше отъ нихъ помѣхи, чѣмъ подмоги было.

— Какая отъ басурманъ подмога! — заговорилъ молчавшій до тѣхъ поръ Несторъ. — Это только такъ говорятъ, что у нихъ разуму и познанья въ ратномъ дѣлѣ больше, чѣмъ у насъ.

— Извѣстно. Хороши у насъ воеводы, такъ и мы всякаго нѣмца и ляха побьемъ.

— А на счетъ ратнаго измышленія, — продолжалъ Несторъ, — такъ и мы не хуже нѣмца измыслить можемъ. Я еще за четыре года до смоленскаго похода государю о моемъ Рѣдкодубѣ челобитье подавалъ. Вотъ теперь больше двадцати годовъ прошло, а помню, какъ я въ той челобитной писалъ: «из ѣщаю тебя, государя, о такомъ великомъ дѣлѣ и на страхъ поступаю, паче же страха уповаю на Бога, отъ котораго такое дарованіе я принялъ, что не открылось прежнимъ родамъ при прежнихъ государяхъ, и въ другихъ государствахъ не открылось такое дѣло, какое мнѣ милостивый Господь Богъ открылъ къ твоей государской славѣ и озлобленной землѣ нашей къ избавѣ, твоимъ супостатамъ на страхъ и удивленіе: сострою тебѣ походный городокъ, называемый Рѣдкодубъ, небольшими деньгами, походъ ему будетъ не на многихъ подводахъ, а ратные люди могутъ въ немъ держаться и укрываться, какъ въ настоящемъ непо-движномъ городѣ». А бояре мнѣ позавидовали, все хотѣли, чтобы я имъ образецъ сдѣлалъ. А я, свѣтлыхъ государевыхъ очей не видя, боярамъ не вѣрилъ и образца не дѣлалъ. И меня же подъ началъ, въ Казань, въ Преображенскій монастырь, сослали!

— Кто знаетъ, — сказалъ Копьевъ, — можетъ быть, подъ Смоленскомъ твой Рѣдкодубъ намъ и пригодился бы. Только въ людяхъ шатость большая пошла: и холодно, и голодно было. А тутъ еще и свои ратные люди убѣгать стали. И такая намъ тѣснота была, что Шеинъ сдаться согласился; знамена и весь народъ королю выдали, только люди живы

ушли. Не забуду я этого дня: не одинъ человѣкъ плакалъ тогда, какъ знамена отдавали! А Шеину въ Москвѣ за эту сдачу голову отрубили, и второму воеводѣ Измайлову тоже.

— А что теперь о черкасахъ слышно? — спросилъ Никита.

— Плохи ихъ дѣла, — отвѣчалъ Савва, — недавно сюда два грека пріѣзжали, Иванъ Петровъ да монахъ Павелъ, собирали на ихъ монастыри, и у меня бывали, а прежде они при самомъ Хмѣльницкомъ жили. Они о тамошнихъ дѣлахъ довольно знаютъ. Ну, я тоже любопытствовалъ, такъ они и поразсказали. Съ самой съ этой уніи большое въ той сторонѣ утѣсненье по вѣрѣ. Кабы не братства да не казаки, такъ совсѣмъ бы православнымъ и жить нельзя.

— Что за братства такія?

— А перво-на-перво это люди вмѣстѣ сходились, чтобы сообща попраздновать, а потомъ и дѣломъ стали заниматься церкви стали устроять, школы, священный чинъ снабжать. Первое такое братство въ городѣ Львовѣ святѣйшій патріархъ константинопольскій Іоакимъ благословилъ. А потомъ такія братства въ Кіевѣ, въ Вильнѣ и въ другихъ городахъ явились. И много они для вѣры православной дѣлаютъ. А больше того казаки. Когда Хмѣльницкій самого короля польскаго побилъ и чуть было въ полонъ не взялъ, тогда король на все согласился: чтобы и вѣру православную не тѣснить, и что кіевскій митрополитъ въ польской боярской думѣ, что у нихъ сенатомъ прозывается, сидѣть будетъ. А потомъ ничего этого ляхи не исполнили, кіевскаго митрополита въ сенатъ и не пустили, вся ихъ шляхта на Украйну собралась, говорятъ, триста тысячъ ратныхъ людей было. Ну, и Хмѣльницкій противъ нихъ съ черкасами вышелъ. Пришелъ къ нему и крымскій ханъ на подмогу. Только во время боя крымцы побѣжали, Хмѣльницкій догонять ихъ кинулся, а они тѣмъ временемъ съ ляхами на томъ помирились, чтобы татарамъ домой уйти и на пути черкасовъ грабить, а ляховъ не трогать. И пограбили же они, собаки! Говорятъ, тутъ и ляхамъ инымъ досталось. И Хмѣльницкаго съ собой въ Крымъ въ неволю увели. Тѣмъ временемъ ляхи черкасъ совсѣмъ побили.

— А лихо эти черкасы бьются, — сказалъ Копьевъ, — вотъ тоже донскіе казаки бѣдовый народъ. Они при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ какое дѣло сдѣлали! Крѣпость Азовъ

взяли да тамъ и засѣли. А изъ того Азова надъ крымскими татарами всегда промышлять можно, такъ ихъ, крымцевъ-то, прижать можно, что ни одна собака оттуда въ московскую землю и носа не покажетъ. Да та бѣда, что крымскій ханъ подъ турскимъ салтаномъ, такъ и тутъ салтанъ за него заступился, больше двухъ сотъ тысячъ войска подъ Азовъ прислалъ. А казаковъ-то всего тысячъ пятокъ было. Только и бились же они! Даже бабы имъ помогали. Пять мѣсяцевъ отбивались и наконецъ басурмане ушли. Только видятъ казаки, что имъ все-таки однимъ въ Азовѣ не отсидѣться, и стали просить царя, чтобы онъ городъ подъ свою высокую руку взялъ. Ну, не взяли тогда напрасно.

— Ну, это ты не дѣло говоришь. Совсѣмъ не напрасно. Не зря это дѣло сдѣлано. О томъ дѣлѣ соборъ былъ, изо всякихъ чиновъ люди выбраны. Всѣ и сказали, что повелитъ государь, то готовы на брань съ татарами и съ туркой идти, да только разоренье отъ неправедныхъ судовъ, отъ поборовъ да отъ пожаровъ и многіе люди оттого дворишки свои мечутъ.

— Ужь подлинно эти дьяки да подъячіе наказанье Божье! У сотника Колонтаева дѣло было, да самому не здоровилось, такъ онъ за дѣломъ слугу посылалъ, а чтобы слуга чего не забылъ, такъ памятку писаную ему далъ. Слуга-то безграмотный, такъ ко мнѣ по знакомству моему съ Колонтаевымъ зашелъ, чтобы я памятку прочелъ. А она мнѣ занятна показалась, я и списалъ про себя. «Дьяку Сычину три рубля, говоритъ, отдай, да куръ, да пива, да ветчины, а подъячему Степкѣ Ремезову три алтына, да рыбы сушеной, да вина—проклятый Степка всѣ дѣла въ лапы забралъ, отъ моего имени Степку не проси, я его, подлаго вора, чествовать не хочу: онъ жадущая рожа и пьяная».

— Да, а не снеси этакой жадущей рожѣ трехъ алтынъ—и дѣло пропало.

— И то бываетъ, что возьметъ собака, а ничего не сдѣлаетъ.

— А знаете, кого я нынѣ повстрѣчалъ?

— Кого?

— Гавриловскаго попа Ивана. Хотѣлъ къ тебѣ зайти.

— Неужто его лукавый принесетъ! — вскричалъ Прокофій, — не терплю я этого человѣка. Будто нашъ, хлѣбъ-соль водитъ, а самъ на противную сторону тянетъ. Шутка

ли что выдумали! Испоконъ вѣка такъ велось, что пока поютъ, а либо дьяконъ ектенью говоритъ, чтецъ тѣмъ временемъ читаетъ. Иначе какъ же успѣешь все вычитать по уставу. Вонъ на Аѳонѣ по четырнадцати часовъ всенощную служатъ, а у насъ нельзя. Надо и въ приходскомъ храмѣ отслужить и въ домовые поспѣть, а опять молебны, панихиды да требы разныя. Да и народъ долго держать нельзя. Такъ нѣтъ, выдумали единогласіе, пока поютъ, али ектенью говорятъ, читать не смѣй. И Иванъ къ той ереси присталъ. Я не вытерпѣлъ да прямо ему и буркнулъ: «Бѣса вы имате въ себѣ и вси ханжи». А онъ мнѣ на то съ такой ехидной улыбочкой: «Да и духовникъ государевъ, благовѣщенскій протопопъ Вонифатьевъ, тожъ мыслитъ». А я на то: «И Вонифатьевъ ханжа».

— Это ты напрасно,—возразилъ Никита,—онъ человѣкъ разумный и благочестивый и въ исправленіи церковныхъ книгъ много помогъ. Теперь, благодареніе Богу, все какъ слѣдуетъ мы въ книги внесли: и о сугубой аллилуіи, и о двуперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія.

— А много васъ исправителей?—спросилъ Несторъ.

— Отецъ Стефанъ Вонифатьевъ, ключарь Успенскаго собора Иванъ Нероновъ, дьяконъ Благовѣщенскаго собора Ѳедоръ, протопопъ изъ Юрьевца Повольскаго Аввакумъ, муромскій протопопъ Логгинъ, костромской Даніилъ, романовскій попъ Лазарь и я грѣшный.

— То-то, вы смотрите, хорошенько исправляйте, грѣха не надѣлайте. При Шуйскомъ тоже уставы исправляли да печатали, а патріархъ Филаретъ ихъ отбирать велѣлъ да такъ написалъ: «Эти уставы печаталъ воръ, бражникъ, Троицкаго Сергіева монастыря крылошанинъ Логгинъ, и многія въ нихъ статьи напечаталъ не по апостольскому и не по отеческому преданію, а своимъ самовольствомъ». А этотъ Логгинъ куда боекъ былъ, какъ онъ вмѣстѣ съ уставщикомъ Филаретомъ надъ троицкимъ архимандритомъ Діонисіемъ своевольничалъ. Я въ то время подъ началомъ тамъ былъ, такъ своими глазами видѣлъ. Любилъ отецъ Діонисій поученія святыхъ отецъ читать, иной разъ другихъ заставлялъ, а иной разъ и самъ читалъ, а Логгину это не понравилось. Сперва онъ кричать сталъ: «Не твое, говоритъ, дѣло пѣть и читать, зналъ бы то одно, архимандритъ, чтобъ съ мотовиломъ своимъ на клиросѣ какъ болванъ онѣмѣвъ стоять». А другоіі

разъ такъ Логгинъ книгу изъ рукъ Діонисія вырвалъ, аналой уронилъ, посохъ Діонисіевъ изломалъ и самого его оплевалъ. Такъ этихъ Филарета съ Логгиномъ мужиками-горланами и прозвали.

— А смиренъ очень былъ Діонисій—онъ бы ихъ шелепами.

— Точно что смиренъ, только встанетъ послѣ такой обиды предъ образомъ Божіей Матери да со слезами и молится. А за книги онъ вельми пострадалъ.

— Да, и мы слыхали.

— Какъ же! Онъ въ требникѣ, въ молитвѣ, гдѣ было написано: «Пріиди, Господи, и освяти воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ и огнемъ», вычеркнулъ слова «и огнемъ». Логгинъ съ Филаретомъ тотчасъ на него доносъ, что Діонисій съ товарищи Духа Святаго не исповѣдуютъ «яко огнь есть». Тогда намѣсто патріарха крутицкій митрополитъ Іона управлялъ, не разобралъ хорошенько дѣла и много было отцу Діонисію безчестья и позора, въ оковахъ его водили, били, толкали, плевали на него, пятьсотъ рублей просили, чтобы оправить. А онъ, голубчикъ, бывало, только улыбнется на это, говоритъ: «Сибирью и Соловками мнѣ грозите, а я этому и радъ, это мнѣ и жизнь». А потомъ іерусалимскій патріархъ Θеофанъ пріѣхалъ въ Москву и совсѣмъ Діонисія оправдали, сказалъ, что и въ греческихъ требникахъ словъ «и огнемъ» нѣтъ. Діонисій восемь часовъ въ отвѣтѣ стоялъ, всѣхъ своихъ супротивниковъ посрамилъ и опять къ Троицѣ въ архимандриты возвращенъ.

— Да, вотъ какъ люди за правду стояли,—сказалъ Прокофій,—а у насъ не то. Я было съ другими попами на соборѣ объ единогласіи говорилъ, что лучше умереть, а къ выбору объ единогласіи рукъ не прикладывать. Да нѣтъ, сами Вонифатьевъ да Нероновъ честь мірскую лучше души своей возлюбили и въ ту ересь преклонились.

— А не надо было такъ горячиться,—возразилъ Савва.—Вотъ я такъ иначе сказалъ: «Мнѣ руки не прикладывать, напередъ бы бояре да окольничіе приложили». Такъ-то полегче говорить не въ примѣръ лучше. Не подобаетъ противу рожна прати.

— Ну, это ты напрасно, отецъ Савва,—сказалъ Никита.—Коли правда, то и надо за нее стоять. Вотъ теперь, говорятъ, иные мыслятъ, что въ символѣ вѣры подобаетъ во

второмъ членѣ слово *а* исключить, что, дескать, такое единая буква *азъ*? Не надо ее въ словахъ «рожденна, а не сотворенна». Но великая зѣло сила въ семъ азъ сокровенна!

— Что и говорить!—прибавилъ Прокофій,—все старое какъ зеницу ока блюсти надо. Какъ святые угодники спаслись? по старинѣ. Ну, и разумѣй. А тутъ повыдумали, чтобы іереямъ въ церквахъ поученья говорить. Православное ли это дѣло? Такъ только у люторовъ да у латынъ дѣлается.

— А все этотъ Епифаній Славенецкій выдумываетъ, котораго Ртищевъ вмѣстѣ съ другими тридцатью изъ Кіева вывезъ. Ужь эти мнѣ тридцать! Точно тридцать сребренниковъ, за кои Господь нашъ Іисусъ Христосъ проданъ былъ!

— А говорятъ, того Епифанія очень митрополитъ Никонъ жалуетъ.

— Много что-то о томъ Никонѣ слыхать,—сказалъ Несторъ,—да хотѣлось бы все по ряду.

— Могу и по ряду сказать тебѣ. Родился онъ въ девяноста верстахъ отъ Нижняго-Новгорода въ селѣ Вельмановѣ, отъ крестьянина, въ мірѣ Николай назывался, грамотѣ обучился и въ обитель Макарія Желтоводскаго поступилъ, потомъ попомъ былъ да, по согласію съ женою, разошелся съ нею и въ Анзрскій скитъ, у Бѣлаго моря, поступилъ, потомъ въ Кожезерскомъ монастырѣ былъ, тамъ во игумены выбранъ, по дѣламъ въ Москвѣ бывалъ и великому государю полюбился, здѣсь его въ архимандриты Новоспасскаго монастыря поставили, но каждую пятницу въ дворцовую церковь онъ пріѣзжалъ и съ царемъ бесѣдовалъ, за утѣсненныхъ, вдовъ и сиротъ печаловался, а три года тому назадъ въ митрополиты новгородскіе посвященъ. А когда въ Новгородѣ гиль *) поднялся, то Никонъ сперва народъ уговаривалъ, а потомъ главныхъ гильщиковъ: Томилку Слѣпого, Прошку Козу, Сорокоута Копыто да Елисея Лисицу проклялъ. А гильщики къ нему на дворъ пришли, били его и чуть живота не лишили. Послѣ же, когда князь Иванъ Никитичъ Хованскій съ ратью усмирять новгородцевъ пришелъ, то митрополитъ Никонъ своимъ разумомъ ему помогъ. А въ нынѣшнемъ году, когда онъ въ Москву прибылъ, то государь съ великою любовью его принялъ, и уговорилъ онъ

*) Гиль—мятежъ.

государя перенести въ Успенскій соборъ гробницы патріарховъ: Гермогена изъ Чудова монастыря, Іова изъ Старицы и мощи святого митрополита Филиппа изъ Соловокъ. За тѣми мощами самъ митрополитъ Никонъ поѣхалъ. А мужъ онъ разумный и твердый, самъ всякое правило церковное исполняетъ да и отъ другихъ требуетъ. Поѣхали съ нимъ князья Иванъ Хованскій и Лобановъ, такъ жалуются, что митрополитъ заставилъ Хова скаго у правила стоять, а Лобанова говѣть. Теперь надо бы ему скоро и въ Москву вернуться.

Вошелъ новый гость—гавриловскій попъ Иванъ. Прокофій покосился на него, но онъ и вниманія на это не обратилъ.

— А знаете, отцы, вѣдь вѣстей много.

— Какія такія вѣсти?

— Вечоръ владыки Никона протодіаконъ пріѣхалъ, возвѣстилъ, что владыка скоро пожалуетъ, скоро значитъ веліе торжество будетъ—встрѣча честныхъ мощей святителя Филиппа.

— Конечно, конечно, великое торжество.

— А затѣмъ и выборъ патріарха послѣдуетъ и, помяните мое слово, будетъ у насъ патріархомъ владыка Никонъ.

— Давай Богъ!

— Конечно, чего лучше! Только не всѣ тому возрадуются. Безпорядковъ онъ не потерпитъ. Онъ уже говорилъ: «Благочинія въ храмахъ Господнихъ нѣтъ: всякая старуха свой образъ въ храмъ тащитъ, поставитъ гдѣ попало да передъ нимъ и молится—развѣ, говоритъ, это можно допустить?»

— Испоконъ вѣка такъ было.

— Мало ли что было, да не будетъ. Еще, говорятъ, по совѣту съ учеными мужами онъ многія ошибки въ книгахъ, исправленныхъ при патріархѣ Іосифѣ, усмотрѣлъ.

— Какія такія ошибки?

— Да примѣрно о ризѣ Божіей Матери въ греческихъ книгахъ сказано, что она паче електра просвѣщается, а електронъ по-гречески значитъ драгоцѣнный камень, а у насъ въ книгахъ написано въ одномъ мѣстѣ електоръ, а въ другомъ алекторъ. Електоръ значитъ избиратель, а алекторъ—пѣтухъ, и выходитъ, что риза больше избирателя либо пѣтуха просвѣщается.

— Да ты откуда это все знаешь? Тоже, чай, много по-гречески смыслишь?

— Ужь мы знаемъ, что знаемъ.

— Много ты знаешь, — прикрикнулъ Прокофій, — ты, пожалуй, скажешь, что и креститься-то насъ иначе заставятъ.

— А можетъ, и заставятъ.

— Ну это, братъ, врешь. Я самъ видѣлъ, что владыка Никонъ, такъ же какъ мы, двумя перстами крестится.

8 января 1654 года большое торжество готовилось въ Переяславлѣ. Раннимъ утромъ совѣщались между собою московскіе послы: бояринъ Бутурлинъ, окольничій Алферьевъ и думный дьякъ Лопухинъ.

— Что же ты развѣдалъ?—спрашивалъ Бутурлинъ Лопухина.

— Да все хорошія вѣсти. Наши ходили между народомъ, прислушивались. Весь народъ подъ руку великаго государя желаетъ, очень ужь имъ эти ляхи насолили.

— Ну, слава ти, Господи! А то не легкое наше дѣло. Хмѣльницкій и вся старшина, конечно, тоже поддаться великому государю желаютъ, потому что ляхи подъ Берестечкомъ ихъ побили и по Бѣлоцерковскому миру всѣ вольности у нихъ отняли. Только вѣдь они къ нашимъ-то московскимъ порядкамъ не привыкли. Придется съ ними повозиться.

— А съ ними когда кончимъ, съ митрополитомъ Сильвестромъ начнется,—сказалъ Алферьевъ,—вѣдь сколько разъ Хмѣльницкій своихъ посланцевъ къ царю засылалъ, а Сильвестръ ни гугу. И въ прошломъ году, когда отъ гетмана въ Москву Кодратъ Бырляй и Стефанъ Мужловскій пріѣзжали просить великаго государя принять ихъ подъ свою высокую руку, какъ бы, кажется, о томъ же и митрополиту не попросить? А онъ—ни-ни.

— Не хочется владыкѣ Никону подчиниться,—замѣтилъ Лопухинъ,—подъ константинопольскимъ патріархомъ не въ примѣръ легче быть.

— А ужь владыки Никона не минуетъ. Не такой человѣкъ патріархъ. Помню я, какъ его уговаривали на патріаршество вступить, а онъ отказывался. Тогда вѣдь самъ великій государь, при мощахъ святого Филиппа, лежа на

землѣ и обливаясь слезами, умолялъ со всѣми нами Никона принять патріаршество. А Никонъ вопросилъ: «Будете ли почитать меня, какъ отца и архипастыря, и дадите ли устроить церковь?» Всѣ въ томъ поклялись.

— И теперь владыка Никонъ, все равно, что Филаретъ Никитичъ, великимъ государемъ пишется.

— А побаиваются его побольше, чѣмъ самого царя. Такъ статочное ли дѣло, чтобы онъ Сильвестра подъ свою руку не подвелъ. Ну, да если народъ здѣшній подъ высокую руку государеву хочетъ, такъ, Богу споспѣшествующу, мы всѣ эти дѣла обдѣлаемъ. Тоже я и на писаря Высовскаго не мало надѣюсь: теперь какъ гетманъ частенько испиваетъ, такъ писарь почитай всѣ дѣла ведетъ, а онъ хоть родомъ ляхъ да и плутъ большой, но нашу руку держитъ, не даромъ ему подъячій Ѳоминъ сорокъ восемь соболей отдалъ. А, да никакъ вотъ онъ на дворъ въѣзжаетъ, легокъ на поминѣ.

Вошелъ Высовскій и объявилъ, что у гетмана со всею казацкою старшиною тайная рада была, и они порѣшили подъ государеву руку подклониться, а теперь послы бы пожаловали на всенародную раду. А ужь цѣлый часъ въ барабаны бьютъ, на ту раду народъ созываютъ.

Видимо-невидимо собралось казаковъ и чернаго народа на эту раду. Хмѣльницкій началъ говорить:

— Панове полковники, эсаулы, сотники, все войско запорожское и всѣ православные христіане! всѣмъ вамъ извѣстно, какъ насъ Богъ освободилъ изъ рукъ враговъ, преслѣдующихъ церковь Божію, озлобляющихъ все православное христіанство, хотящихъ искоренить насъ такъ, чтобы и имя русское не упоминалось на нашей землѣ. Всѣмъ намъ ужь это стало несносно и видимо, что нельзя намъ больше жить безъ царя. Поэтому и собрали мы сегодня всенародную раду, чтобы вы вмѣстѣ съ нами выбрали себѣ государя изъ четырехъ, кого захотите: первый царь турецкій, который много разъ призывалъ насъ подъ свою власть чрезъ своихъ пословъ; второй—ханъ крымскій; третій—король польскій, который и теперь можетъ принять насъ въ свою милость, если сами захотимъ; четвертый—православный царь Великой Руси Алексѣй Михайловичъ, всея Руси самодержецъ восточный, котораго уже шесть лѣтъ мы безпрестанно умоляемъ быть царемъ и государемъ нашимъ.

Кого хотите, того и выбирайте! Турецкій царь—басурманъ. Всѣмъ намъ извѣстно, какія бѣды терпятъ наши братья, православные христіане, живущіе подъ его властью, въ какомъ угнетеніи они отъ безбожниковъ. Крымскій ханъ тоже басурманъ; хотя мы, по нуждѣ, и свели съ нимъ дружбу, однако, чрезъ то нестерпимыя бѣды претерпѣли, плѣненіе и нещадное пролитіе крови христіанской. Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ не надо и сказывать: сами знаете, что они жида и собаку лучше, чѣмъ нашего брата, христіанина, почитали! А православный христіанскій царь восточный одного съ нами греческаго благочестія, одного исповѣданія; мы съ православіемъ великой Руси едино тѣло церкви, имѣющее главою Іисуса Христа. Этотъ-то великій царь христіанскій, сжалившись надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ нашей Малой Руси, не презрѣвъ нашихъ шестилѣтнихъ моленій, склонилъ теперь къ намъ свое милостивое царское сердце и прислалъ къ намъ своихъ великихъ ближнихъ людей съ царскою милостію. Возлюбимъ его съ усердіемъ: кромѣ его царской руки, мы не найдемъ благоотишнѣйшаго пристанища. Кто насъ не захочетъ послушать, тотъ пусть идетъ, куда хочетъ—вольная дорога.

Вся площадь загремѣла единогласнымъ крикомъ:

— Волимъ подъ царя восточнаго! Лучше намъ умереть въ нашей благочестивой вѣрѣ, нежели достаться ненавистнику Христову!

— Всѣ такъ хотите?—спрашивалъ переяславскій полковникъ, обходя площадь.

— Всѣ! всѣ!

И Хмѣльницкій воскликнулъ:

— Буди тако! Да укрѣпитъ насъ Господь подъ царскою крѣпкою рукою!

— Боже, утверди!—кричалъ народъ,—Боже, укрѣпи, чтобы мы навѣки всѣ были едино!

Прочитали условія, на которыхъ Украина соединялась съ Московскимъ государствомъ. Вступали въ подданство царя всѣ казаки по обѣимъ сторонамъ Днѣпра; имъ предоставлялось собственное управленіе, право выбирать гетмановъ, сохраненіе правъ сословій, число реестровыхъ казаковъ назначалось въ 60,000. Сказалъ рѣчь и Бутурлинъ, а потомъ народъ сталъ расходиться, а послы и гетманъ со старшиной поѣхали въ соборъ, гдѣ дожидалось духовенство, и переяслав-

ское, и пріѣхавшее изъ Москвы. Московскіе духовные хотѣли приводить гетмана и старшину къ присягѣ, но гетманъ сказалъ:

— Надо сперва посламъ присягнуть отъ имени царскаго величества въ томъ, что великій государь не нарушитъ нашихъ правъ и не выдастъ насъ польскому королю.

— Никогда мы за государя не присягнемъ,—отвѣчалъ Бутурлинъ,—да гетману и говорить объ этомъ непристойно: подданные должны вѣрить своему государю, который не лишитъ ихъ правъ и отъ недруговъ защититъ.

— Мы поговоримъ объ этомъ съ полковниками и со всѣми людьми, — сказалъ Хмѣльницкій и вышелъ изъ церкви.

Чрезъ нѣсколько времени воротились два полковника и сказали, что необходимо посламъ присягать.

— Небывалое дѣло,—говорилъ Бутурлинъ,—подданные присягаютъ государю, а не государь подданнымъ.

— Польскіе короли всегда присягали.

— Они не вѣрные и не самодержцы, они и присяги не хранятъ, а государево слово перемѣнно не бываетъ.

— Мы этому вѣримъ, да казаки простые не вѣрятъ—имъ присяга нужна.

— Великій государь, ради православной вѣры и святыхъ Божіихъ церквей, васъ подъ свою высокую руку, по вашему челобитью, пріялъ, и вамъ надо эту милость помнить, служить великому государю и всякаго добра ему хотѣть, войско запорожское къ вѣрѣ привести, а незнающихъ людей унимать отъ непристойныхъ рѣчей.

Полковники отнесли этотъ отвѣтъ къ гетману и казацкому старшинѣ.

— Что дѣлать?—сказалъ Тетеря,—этакъ москали намъ на шею сядутъ.

— А поссориться съ ними,—замѣтилъ Высовскій,—какъ бы отъ народа чего не вышло.

Кончилось тѣмъ, что гетманъ и все войсковое начальство отказалось отъ своего требованія и присягнуло царю. Хмѣльницкій получилъ царскіе дары: знамя, булаву, ферязь, то-есть, одежду и шапку, получили подарки полковники и казаки. Народъ и казаки присягали въ теченіе цѣлаго года.

Торжественно вступили послы въ Кіевъ. Впереди ѣхали казаки съ распущенными знаменами. Потомъ вели двѣнад-

цать царскихъ коней турецкой породы съ чепраками и сѣдлами, вышитыми золотомъ, шелъ полкъ боярскихъ дѣтей въ собольихъ шубахъ, опять вели рядъ турецкихъ коней, которыхъ сбруя сверкала жемчугами и золотомъ, и несли четыре знамени: на одномъ былъ вышитъ левъ, на другомъ—единорогъ, на двухъ остальныхъ — морскія чудища. Наконецъ ѣхали послы въ великолѣпныхъ боярскихъ одеждахъ.

Митрополитъ привѣтствовалъ пословъ рѣчью и отслужилъ молебенъ съ провозглашеніемъ здравія царской фамиліи. Но на вопросъ Бутурлина, отчего митрополитъ вмѣстѣ съ Хмѣльницкимъ не писалъ къ царю, Сильвестръ Коссовъ отвѣчалъ, что онъ и не зналъ о сношеніяхъ гетмана съ царемъ. Шляхта и слуги митрополита не хотѣли присягать царю, и митрополитъ говорилъ, что они служатъ по найму и присягать имъ не надо. Потомъ сталъ говорить, что за такую присягу король велитъ изрубить епископовъ и духовенство, находящихся во владѣніяхъ короля, а онъ, митрополитъ, за души ихъ будетъ Богу отвѣчать. Но отъ Бутурлина было не легко отдѣлаться и кончилось тѣмъ, что шляхта и слуги все-таки присягнули. Чрезъ полгода поѣхалъ въ Москву отъ кіевскаго митрополита и духовенства бить челомъ государю никольскій игуменъ Иннокентій Гозель.

Въ концѣ 1654 года Вязьма сдѣлалась многолюднымъ городомъ: столько наѣхало туда высокихъ посѣтителей. Сюда прибылъ царь изъ похода подъ Смоленскъ, вслѣдъ затѣмъ пріѣхала и царица съ семействомъ царскимъ изъ Калязина.

— Благодареніе Господу Богу!—говорила царица, со слезами обнимая царя,—привелъ еще Господь съ тобою, великій государь, увидѣться, а я ужь не чаяла. Какъ проводила я тебя, свѣтъ мой, на войну, то чего, чего не передумала—ни одной-то ночи спокойно не спала.

— А Господь помогъ,—отвѣчалъ царь.—Подъ Смоленскомъ ужасные приступы были, ляхи крѣпко оборонялись. Ночью съ Успеньева дня на Спасовъ много пролилось христіанской крови. Наши ратные люди зѣло храбро приступали, на башню и на стѣну взошли, да по грѣхамъ нашимъ ляхи подъ башню порохъ подкатили и многіе наши люди опалились. Ну, а потомъ, Господу споспѣшествующу, дѣло уладилось. Смоленскъ сдался и опять нашимъ городомъ сталъ. Да не столько меня война крушила, сколько вѣсти изъ Москвы.

— Охъ! и не говори, великій государь! Какъ началась эта язва, уѣхала я, по твоему наказу, изъ Москвы, а вѣсти оттуда все приходили одна другой страшнѣе.

— Да, посѣтилъ Господь! и язва и возмущеніе.

— Гиль больше, слышно, противъ владыки патріарха былъ. По его, слышь, повелѣнію, съ иконы Спаса нерукотвореннаго лицо и образъ соскребены были, знать, не по чину написаны, а народъ оскорбился—святынѣ,—говоритъ,—надруганіе. Да тоже за то народъ волновался, что, по повелѣнію владыки, старецъ Арсеній книги поправляетъ, а народъ говоритъ: не поправляетъ, а портитъ.

— Несвѣдущій народъ говоритъ. Книги по соборному постановленію исправляются. Исправляютъ ихъ люди свѣдущіе, а прежде невѣжды ихъ испортили.

— Народъ еще говоритъ, что владыка возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко, что не доступенъ онъ не только для черныхъ людей, но и для духовнаго чину. Бояре тоже говорятъ, что онъ очень превозносится. Пишется великимъ государемъ.

— То по указу нашему.

— И въ дѣлахъ себя превыше государя ставитъ.

— Не любятъ его бояре, такъ и говорятъ. А онъ праведный мужъ. И въ Москвѣ народъ отъ скорби возсталъ. Точно, скорбь была великая. Вотъ вѣсти какія собраны. У одного Никиты Ивановича въ дворнѣ 352 человѣка померло, съ небольшимъ сто осталось, у Стрѣшнева вся дворня перемерла, одинъ мальчикъ въ живыхъ остался, тожъ и у другихъ бояръ, въ Чудовѣ монастырѣ изъ двухсотъ слишкомъ монаховъ 86 осталось. А въ нашихъ трехъ дворцахъ еле пятнадцать человѣкъ вживѣ осталось, по дворамъ пройти нельзя: сугробы снѣжные и чистить некому. Въ другихъ городахъ тоже смертность большая, особенно въ Переяславлѣ Рязанскомъ: тамъ изъ трехъ тысячъ человѣкъ съ небольшимъ четыреста осталось!

— А намъ изъ Москвы писали, что тамъ пророчица какая-то проявилась—Степанида Калужанка съ братомъ Терешкою, видѣнія разсказываютъ и книги печатать претятъ. А государь патріархъ отписалъ, что рѣчи ихъ бездѣльныя враки.

— Враки и есть, только народъ смущаютъ.

Прошло десять лѣтъ. Москва оправилась отъ постиг-

шаго ее морового повѣтрія и сдѣлалась, попрежнему, многолюдна. Въ воскресенье, 18 декабря 1664 года, множество народа собиралось въ Успенскій соборъ, слышно было, что къ поліелею выйдетъ владыка ростовскій Іона. Но владыки еще въ церкви не было, служба не начиналась и причетники перешептывались въ алтарѣ.

— Говорятъ, замиренье съ Литвой скоро будетъ.

— Давай-то Господи! Тяжела эта война. Сперва было ходко дѣло пошло, государь всю Литву покорилъ, а тамъ какъ померъ старикъ Хмѣльницкій, да стали гетмановать сперва Выговскій, а потомъ сынишка Хмѣльницкаго Юрій, все врозь пошло: опять они къ ляхамъ передались. А тутъ еще со шведомъ война.

— Говорятъ, за поляка тоже вышло. Великій государь мыслилъ, что поляки его королемъ изберутъ, а шведъ въ ту пору крѣпко ихъ обижалъ, великій государь и заступился за нихъ, началъ со шведомъ войну.

— А говорятъ еще, промыслить хотѣлъ стародавнія русскія земли, что къ шведу въ смутное время отошли.

— Ничего не промыслили! Бились, бились, да по миру со шведами всякій при прежнемъ остался.

— Да и ляхи побивать стали: подъ Чудновымъ да подъ Конотопомъ сколько нашей силы погибло. Тогда и въ Москвѣ дрожью дрожали, чтобы ляхъ сюда не пришелъ съ черкасами.

— А теперь черкасы ничего. Гетманъ Брюховецкій великому государю прямитъ, даже на русской, на княжнѣ Долгорукой, женился. Говорятъ, скоро миръ будетъ.

— Хорошо, что у насъ-то мирно.

— Какъ у насъ?

— Да ты вотъ недавно служишь при Успенскомъ, такъ не знаешь, каково у насъ при святѣйшемъ Никонѣ было. У! нравный человѣкъ. А я, братъ, близко видѣлъ.

— А что?

— Да вотъ больше шести годовъ прошло, а я какъ теперь вижу. Было это лѣтомъ, въ праздникъ ризы Господней. Стою это я почитай на томъ же мѣстѣ, гдѣ теперь, а владыка вонъ тамъ на своемъ сѣдалищѣ сидитъ, отсюда то все и видно. И былъ владыка гнѣвенъ, а мы всѣ и знали отчего. Не задолго передъ тѣмъ былъ обѣдъ во дворцѣ, грузинскаго царевича, Теймураза, чествовали, а владыку патріарха на обѣдъ не позвали, онъ и послалъ во дворецъ го-

сударевъ своего дворянина узнать о томъ, а на ту пору окольничій Хитрово путь царевичу очищалъ да палкой того дворянина и огрѣлъ. Владыка просилъ дѣло разыскать, царь обѣщалъ да все еще тѣмъ дѣломъ медлилъ. Ну, да въ тотъ день надѣялись, что государь въ храмъ пожалуетъ, такъ полагать надо, Никонъ думалъ тутъ это дѣло покончить. Да замедлилъ государь, а владыко и прогнѣвался—не привыкъ онъ дожидаться. Вдругъ входитъ князь Юрій Ромодановскій и говоритъ, чтобы царя не дожидались къ обѣднѣ. Видно было, что это не понутру владыкѣ, однако ничего. А тутъ Ромодановскій и говоритъ патріарху: «Царское величество на тебя гнѣвенъ, ты пишешься великимъ государемъ, а у насъ одинъ великій государь царь». Засверкали очи у владыки. «Я, говоритъ, не самъ собою великимъ государемъ называюсь, а царское величество такъ повелѣлъ». А Ромодановскій ему на то: «Царское величество велѣлъ тебѣ сказать, чтобы ты впередъ великимъ государемъ не писался». Ну, ничего, ушелъ Ромодановскій, начали литургію служить, къ концу ея владыка приказываетъ ключарю поставить ко дверямъ храма по сторожу, чтобы народъ не выпускать, сказывать-де поученіе будетъ. Ну, и сказалъ поученіе! «Лѣнивъ, говоритъ, былъ я васъ учить, окоростовѣлъ отъ лѣни, а отъ меня и вы окоростовѣли. Съ сего времени я вашъ не патріархъ и если помыслю быть патріархомъ, то буду анаѳема». Народъ заплакалъ, заговорилъ: «Кому ты насъ сиротъ оставляешь?» А Никонъ на то: «Кого вамъ Богъ дастъ и Пресвятая Богородица изволитъ». И хотѣлъ въ одежду простого монаха облачиться, да народъ не допустилъ. Пошелъ владыка въ ризницу, написалъ къ царю письмо, облекся въ мантію съ источниками, а черный клобукъ и посохъ Петра митрополита поставилъ на святительскомъ мѣстѣ. взялъ простую палку и пошелъ было изъ собора, да народъ не пустилъ его. Пришелъ отъ государя князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, подошелъ къ патріарху подъ благословеніе, а тотъ не благословляетъ. «Прошло, говоритъ, мое благословеніе, недостоинъ я быть въ патріархахъ». Князь именемъ царскимъ его уговаривалъ патріаршества не оставлять, да куда—Никонъ и слушать не хотѣлъ. Вышелъ онъ изъ церкви, хотѣлъ въ колымагу сѣсть, а народъ лошадей выпрягъ, такъ онъ пѣшкомъ на Воскресенское подворье ушелъ, а потомъ въ Воскресенскій монастырь уѣхалъ.

— Тамъ и теперь живетъ?

— Да; сколько разъ туда къ нему ѣздили, все воюетъ. Черезъ два года послѣ его ухода соборъ на Москвѣ былъ, порѣшили, что онъ за вины чуждъ долженъ быть архіерейства и чести и священства, да Епифаній Славенецкій государю написалъ, что въ канонахъ такого правила нѣтъ, чтобы низвергать архіерея, оставившаго свой престолъ, но не отрекшагося отъ архіерейства.

— Да вѣдь Никонъ отрекся?

— То-то, что нѣтъ. Послѣ онъ говорилъ, что только московскимъ патріархомъ не хочетъ быть, а отъ патріаршества не отрекается. Властный онъ человѣкъ, надменный, хотѣлъ больше царя быть, да выше лба уши не растутъ. А тутъ греческій архіерей былъ Паисій Лигаридъ, сказываютъ, вельми ученый. Его самъ Никонъ любовно принялъ, а потомъ къ этому Паисію статьи послали о Никоновыхъ поступкахъ, такъ онъ Никона во всемъ обвинилъ. Да и попался же онъ! Окольничій Бабарыкинъ на Никона челомъ билъ, что по патріаршему указу Воскресенскаго монастыря люди рожь на поляхъ, что монастырь у Бабарыкина оспариваетъ, сняли. Такъ государь и послалъ то дѣло разыскать бояръ и духовныхъ, въ томъ числѣ Лигарида. Какъ напустится на него Никонъ! «Воръ, говоритъ ты, нехристь, собака, самоставленникъ, мужикъ»!

— Нравный человѣкъ!

— Вельми нравный. Другихъ архіереевъ Анною и Каіафою называлъ. А дворянинъ Сытинъ на Никона челомъ билъ, что Никонъ его мужиковъ пытать велѣлъ, а коихъ и повѣсилъ. А про государя Никонъ непригожія рѣчи постоянно, слышь, говоритъ.

Прибылъ владыка Іона, началась утреня. Когда читали вторую каѳизму, вдругъ послышался шумъ, растворились двери, вошла толпа монаховъ, за ними несли крестъ, а за крестомъ явился патріархъ Никонъ.

— Перестань читать,—раздался его властный голосъ.

Всѣ будто оцѣпенѣли въ церкви; чтеніе прекратилось; Никонъ сталъ на патріаршемъ мѣстѣ, монахи, пріѣхавшіе съ нимъ, пропѣли «исполаети, деспота» и «достойно». Потомъ по приказу патріарха діаконъ началъ ектенью, а Никонъ приложился къ мощамъ и къ иконамъ, опять сталъ на патріаршее мѣсто, прочиталъ молитву и велѣлъ позвать къ

себѣ подъ благословеніе ростовскаго владыку.

Подошелъ Іона, а за нимъ и все бывшее въ храмѣ духовенство.

— Возвѣсти великому государю о моемъ приходѣ,— сказалъ патріархъ Іонѣ.

Служба продолжалась во храмѣ, но мало кто ее слушалъ; кто глядѣлъ на знаменитаго патріарха, кто посматривалъ на окна дворца, которыя засвѣтились огнями: очевидно, гамъ происходила суматоха.

Наконецъ въ дверяхъ собора показались князья Никита Ивановичъ Одоевскій и Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, окольничій Родіонъ Стрѣшневъ и дьякъ Алмазъ Ивановъ и подошли къ патріарху. Долгорукій сказалъ ему:

— Ты самовольно оставилъ патріаршій престолъ, обѣщался патріархомъ не быть и въ монастырь уѣхалъ, о томъ и ко вселенскимъ патріархамъ писано. А теперь для чего въ Москву пріѣхалъ и въ храмъ вошелъ безъ вѣдома государева? Ступай въ монастырь.

— Я сошелъ съ престола никѣмъ не гонимый,—отвѣчалъ Никонъ,—и теперь пришелъ незваный, чтобы великій государь миръ учинилъ. Отъ суда вселенскихъ патріарховъ не бѣгаю. А пришелъ я по явленію. Отнесите вотъ это письмо къ государю.

— Безъ его вѣдома мы принять письмо не смѣемъ.

И пошли извѣщать обо всемъ государя. Служба уже кончилась, но народъ не расходился изъ церкви, дожидаясь, чѣмъ кончится дѣло; началъ народъ толпиться и около церкви. У самыхъ дверей сталъ человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, крѣпкаго сложенія, съ черною густою бородой.

Воротились бояре, сказали Никону:

— Великій государь велѣлъ письмо взять, а тебѣ въ Воскресенскій монастырь ѣхать.

— Въ монастырь поѣду, но изъ храма не выйду, пока на письмо отповѣди не получу.

Въ письмѣ Никонъ разсказывалъ государю, что, будучи въ маломъ снѣ, видѣлъ онъ, что будто въ Успенскомъ соборѣ стоитъ, свѣтъ сіяетъ большой. Стоятъ усопшіе святители, одинъ святолѣпный мужъ обходитъ другихъ съ хартіею и киноварницею въ рукахъ и всѣ подписываются. «И спросилъ я его, писалъ Никонъ, что они подписываютъ?» Тотъ отвѣчалъ: «О твоемъ пришествіи на святой престолъ».

Я спросилъ: «А ты подписалъ ли»?—«Подписалъ». И показалъ мнѣ свою подпись: «Смиренный Іона митрополитъ».

Между тѣмъ толпа народа все прибывала къ церкви. Хотя еще не начинало свѣтать, но въ тѣ времена вставали рано, и вѣсть о прибытіи патріарха уже успѣла распространиться.

— Глякось, глякось, дядя, что на небѣ-то!—крикнулъ мальчикъ.

Всѣ подняли головы. Между звѣздами увидѣли одну съ хвостомъ—комету. Послышались восклицанія.

— Охъ, не къ добру!

— Быть бѣдѣ!

— Опять война!

— Какой войнѣ быть,—замѣтилъ стрѣлецъ,—со шведомъ миръ, да слышно и съ ляхомъ скоро замиренье будетъ.

— Будто только и народу на свѣтѣ, что шведъ да ляхъ,—возразилъ чернобородый.

— Съ кѣмъ же еще воевать?

— Да вотъ казаки завсегда воюютъ. Сколько этихъ казаковъ: и черкасы, и на Дону, и на Яикѣ, и всѣ воюютъ, съ туркой, съ крымцами, съ ногаями, съ казылбашами.

— Это что за казылбаши такіе?

— Да за моремъ за Хвалынскимъ живутъ *). Богатый народъ. Есть чѣмъ у нихъ поживиться.

— И ты не изъ казаковъ ли?

— Былъ и казакомъ. А потомъ на богомолье ходилъ. Въ Соловкахъ Богъ сподобилъ быть.

— Говорятъ, старцы строгіе?

— Самые строгіе старцы, никакихъ новшествъ не пріемлютъ. Новыхъ книгъ знать не хотятъ.

Опять воротились бояре къ Никону и сказали, что ему велѣно въ Воскресенскій монастырь ѣхать. Никонъ приложился къ образамъ, взялъ посохъ Петра митрополита и пошелъ къ дверямъ.

— Оставь посохъ,—сказалъ ему Стрѣшневъ.

— Силой отними, — отвѣчалъ Никонъ, вышелъ изъ храма и, подойдя къ санямъ, сталъ отрясать ноги, говоря:

— Идеже аще не пріемлютъ васъ, исходя изъ града

---

*) Хвалынское море—Каспійское; казылбаши—персы.

того, и прахъ, прилипшій къ ногамъ вашимъ, отрясите во свидѣтельство на ня.

— Ничего,—сказалъ смѣясь молодой стрѣлецкій полковникъ,—мы этотъ прахъ подметемъ.

— Смотри, чтобы глаза не засорились,—молвилъ чернобородый.

Полковникъ глянулъ туда, но въ толпѣ не видно было, кто говорилъ.

— Да размететъ васъ Господь Богъ!—сказалъ Никонъ боярамъ, указывая на комету,—оною божественною метлою, яже является на дни многи.

Сани тронулись, за ними поѣхали князь Димитрій Алексѣевичъ Долгорукій и Матвѣевъ.

— Хорошо ты этому полковнику молвилъ,—сказалъ стрѣлецъ чернобородому.—Терпѣть ихъ не могу. Заѣли они насъ, собаки. Какъ тебя звать-то?

— Стенька Разинъ.

За городомъ Долгорукій, подойдя съ Матвѣевымъ прощаться съ Никономъ, сказалъ:

— Великій государь велѣлъ у тебя, святѣйшій патріархъ, прощенія и благословенія просить.

— Богъ проститъ, если не отъ него смута,—отвѣчалъ Никонъ.

Почти ровно чрезъ два года послѣ этого царь Алексѣй Михайловичъ такъ бесѣдовалъ съ любимцемъ своимъ Артамономъ Сергѣичемъ Матвѣевымъ.

— Тяжело мнѣ, Артамоша, очень тяжело! Вѣдь я любилъ его какъ самаго сердечнаго друга, почиталъ какъ отца. Сколько пытались противъ него говорить самые близкіе ко мнѣ люди, я всегда отклонялъ разговоръ, хотя и зналъ, что правду они говорятъ, что очень высится владыка патріархъ. Великая душа у него и разумъ великій, да и гордость великая. Ни одному-то онъ человѣку ни въ чемъ не уступитъ, никогда своей ошибки не признаетъ. Въ церкви онъ такъ началъ самовластвовать, что уже и терпѣть нельзя было: архіереевъ безъ вѣдома освященнаго собора низлагалъ, а попамъ и чернецамъ подъ часъ такъ доставалось, что такому сану совсѣмъ непригоже. Да и въ государнія дѣла мѣшаться началъ, больше меня хотѣлъ быть. Я и хотѣлъ ему показать, что его дѣло церковью править, а не царствомъ, думалъ, что онъ, конечно, посердится да обдумается. Что же?

шуму на весь свѣтъ надѣлалъ, вздумалъ патріаршество слагать. Не только для виду, думалъ, что я просить его стану, чтобы онъ вину мою простилъ. Не могъ я этого сдѣлать. Онъ не папа римскій, а я не франкскій, али нѣмецкій король. Да по нынѣшнему времени и короли на папу не очень смотрятъ. И чего онъ на меня ни говорилъ: и въ церковныя-то дѣла будто я мѣшаюсь, и его тѣсню. А я, чтобы его успокоить, чего бы не далъ. Какъ бы я не царь былъ, я бы ему въ ноги поклонился, прощенья попросилъ, чтобы его прежнюю любовь воротить, да царство мнѣ не для того отъ Бога дано, чтобы унизить его предъ властолюбцемъ. Ну, пока дѣло шло обо мнѣ да близкихъ моихъ, я еще терпѣлъ, а теперь онъ что сдѣлалъ? Написалъ вселенскимъ патріархамъ, да какое письмо. И зазорно оно: что объ насъ во всемъ свѣтѣ подумаютъ, вотъ это мѣсто прочитавши: «Бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ научилъ собаку сидѣть и передними лапами благословлять, ругаясь благословенію Божію, и называлъ собаку Никономъ патріархомъ». Владыка во гнѣвѣ всякой сплетнѣ вѣритъ да по всему свѣту ее оглашаетъ. Да это бы еще ничего: умный человѣкъ пойметъ, что вправду, а что во гнѣвѣ написано. Да онъ все наше царствованіе порочитъ и такъ порочитъ, что, не зная дѣла, можно вѣру ему дать. Что я зря, что ли, Уложеніе выдалъ? Никонъ уменъ, да князья Одоевскій, Прозоровскій и Волконскій съ дьяками Леонтьевымъ и Грибоѣдовымъ, что Уложеніе составляли, всѣ дураки что ли? Да развѣ князь Юрій Долгорукій не съ выборными ото всей земли Уложенье разсматривалъ? Всѣ они Уложенье подписали, что же, али между ними умнаго человѣка не нашлось? Не поняли они того, что ихъ же по Уложенью судить будутъ, такъ ежели оно худо, то и имъ худо будетъ? Вся земля Уложенье приняла, а Никону оно не по нраву. Ну, не по нраву, такъ говори, какъ и говаривалъ мнѣ, да не могу же я по его рѣчамъ такое дѣло мѣнять. А смотри-ка, что онъ вселенскимъ патріархамъ пишетъ: «Книга св. Евангелію, правиламъ святыхъ апостоловъ, св. отецъ и законамъ греческихъ царей во всемъ противная, понимаютъ ее больше Евангелія; въ ней-то въ 13 главѣ указано о монастырскомъ приказѣ; другихъ беззаконій, написанныхъ въ этой книгѣ, не могу описать—такъ ихъ много! Много разъ говорилъ я царскому величеству объ этой проклятой книгѣ, чтобы ее искоренить,

но кромѣ уничиженія не получилъ ничего». Это онъ у меня-то въ уничиженіи былъ! А дальше пишетъ: «Царь забралъ себѣ патріаршескія имѣнія, также берутъ, по его приказанію, имѣнія и другихъ архіереевъ и монастырскія, берутъ людей на службу, хлѣбъ, деньги, берутъ немилостивно, весь родъ христіанскій отягчилъ данями, сугубо, трегубо и больше, но все безполезно». А у него льготно было и много въ пользу? Такъ-то онъ хочетъ меня еретикомъ, грабителемъ и утѣснителемъ моего народа показать. Тутъ онъ хулу не на меня, грѣшнаго Алексѣя, пишетъ, а царское величество оскорбляетъ.

— Вѣдь не дошло письмо-то до патріарховъ.

— Не дошло, да все же онъ писалъ и послалъ къ нимъ. А съ патріархами Макаріемъ Антіохійскимъ и Паисіемъ Александрійскимъ я вчера долго бесѣдовалъ. Они говорятъ, что надо позвать Никона на соборъ и потребовать отъ него отвѣта. Я и послалъ за Никономъ псковскаго владыку Арсенія съ двумя архимандритами. Чай скоро вернутся. А что дѣло?

— Да не сегодня, завтра, миръ въ Андрусовѣ съ поляками будетъ.

— А корабликъ?

— Совсѣмъ готовъ.

— Орломъ его назвать. Эхъ, Артамоша, не удалось намъ у шведа приморской земли отнять. А нужны намъ пристани, очень нужны.

— Богъ милостивъ, будутъ и пристани.

— Псковскій владыка изъ Воскресенскаго воротился,— сказалъ вошедшій стольникъ.

— Зови, скорѣе зови. Ну, что?—спросилъ царь, принявъ благословеніе у вошедшаго Арсенія.

— Да вотъ что, великій государь, онъ отвѣтилъ: «я, говоритъ, поставленіе святительское и престолъ патріаршескій имѣю не отъ Александрійскаго и не отъ Антіохійскаго патріарховъ, но отъ Константинопольскаго. Александрійскій и Антіохійскій патріархи и сами живутъ не въ Александріи и не въ Антіохіи: одинъ живетъ въ Египтѣ, а другой въ Дамаскѣ; если же патріархи пришли по согласію съ Константинопольскимъ и Іерусалимскимъ патріархами для духовныхъ дѣлъ, то я въ царствующій градъ Москву приду духовныхъ дѣлъ ради».

— Господи! какой человѣкъ! Еще ничего не видя, онъ уже вселенскимъ патріархамъ досаждаетъ!

Однако наконецъ Никонъ явился на судъ, но не со смиреніемъ, какъ отъ него требовали, а по патріаршески вошелъ въ столовую избу, гдѣ засѣдали государь, Паисій и Макарій съ русскими архіереями. Во время суда онъ опять сказалъ патріархамъ, что они не въ Антіохіи и Александріи живутъ. Антіохійскій патріархъ спросилъ его:

— Знаешь-ли, что Антіохійскій патріархъ судья вселенскіи?

— Тамъ себѣ и суди,—отвѣчалъ Никонъ.

— А когда благословили вселенскіе патріархи Іова, митрополита Московскаго, на патріаршество, въ то время гдѣ они жили?

— Я въ то время не великъ былъ.

Показали Никону свитки, содержащіе полномочіе Константинопольскаго и Іерусалимскаго патріарховъ и отъ ихъ имени Паисію и Макарію судить Никона.

— Рукъ ихъ не знаю,—сказалъ Никонъ.

— Истинныя то руки патріаршескія,—отвѣчалъ Антіохійскій патріархъ.

— Широкъ ты здѣсь, — сказалъ Никонъ, — какъ то отвѣтъ дашь предъ Константинопольскимъ патріархомъ!

12-го декабря 1666 года кончился судъ надъ Никономъ. Ему объявили такія вины: проклиналъ россійскихъ архіереевъ въ недѣлю православія мѣсто всякаго стязанія и суда; покинутіемъ престола заставилъ церковь вдовствовать восемь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ; одного архіерея назвалъ Анною, другого Каіафою, бояръ—одного Иродомъ, другого Пилатомъ, порицалъ патріарховъ, что они не владѣютъ древними престолами, а скитаются внѣ епархій, судъ ихъ уничижалъ. Уложеніе еретической книгой назвалъ; государя называлъ мучителемъ неправеднымъ, уподоблялъ Іеровоаму и Оссіи, говорилъ, что Россійская церковь къ латинскимъ догматамъ преклонилась; Павла, епископа Коломенскаго, самъ собою низвергъ, мантію снялъ и предалъ на лютое біеніе, такъ что Павелъ съ ума сошелъ и погибъ безвѣстно; отца своего духовнаго велѣлъ безъ милости бить; въ Воскресенскомъ монастырѣ многихъ людей кнутомъ и палицами мучивъ, на пыткѣ жегъ.

«За то отнынѣ, сказано въ приговорѣ, не будеши

патріархъ и священная да не дѣйствуеши, но будеши яко простой монахъ».

Александрійскій патріархъ снялъ съ Никона клобукъ и панагію и сказалъ ему:

— Впредь патріархомъ не сказывайся и не пишись, зовись монахомъ Никономъ, въ монастырѣ живи тихо и безмятежно и моли Бога о своихъ согрѣшеніяхъ.

— Знаю безъ вашего наученія, какъ мнѣ жить,—отвѣчалъ Никонъ,—а что клобукъ и панагію съ меня сняли, то жемчугъ съ нихъ раздѣлите по себѣ, достанется вамъ золотниковъ по пяти или по шести. Вы султанскіе невольники, бродяги, повсюду ходите за милостыней, чтобы было чѣмъ султану дань заплатить.

Повезли Никона въ заточеніе въ Ѳерапонтовъ бѣлозерскій монастырь. Царь прислалъ ему денегъ и шубу и просилъ благословенія себѣ и своему семейству. Никонъ денегъ и шубы не взялъ и благословенія не далъ.

Въ слѣдующемъ 1667 году было заключено на 13 лѣтъ перемиріе съ Польшею въ Андрусовѣ, около Смоленска. За московскимъ государствомъ остались: Смоленскъ и часть Малороссіи до Днѣпра и Кіевъ на два года, но случилось такъ, что Кіевъ навсегда остался во власти русскихъ.

Опять вспомнилъ царь о Никонѣ, просилъ у него прощенія и благословенія. Никонъ отвѣчалъ: «ты меня осудилъ и заточилъ и я тебя трикраты проклялъ по божественнымъ заповѣдямъ паче Содома и Гомора, въ первый разъ—какъ уходилъ съ патріаршества ради гнѣва твоего, выходя изъ церкви, отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ, во второй разъ—какъ приходилъ предъ Рождествомъ и былъ изгнанъ — во всѣхъ воротахъ городскихъ отрясалъ прахъ; въ третій разъ—какъ былъ у тебя въ столовой и, обратясь къ тебѣ, отрясая прахъ ногъ, говорилъ: «кровь моя и грѣхъ всѣхъ буди на твоей главѣ».

Въ томъ же году явился на Дону Стенька Разинъ, разбилъ на Волгѣ караванъ судовъ, пробрался на Яикъ, оттуда по Хвалынскому морю на казылбашей пошелъ, ихъ царство пограбилъ и съ большой добычей воротился. А чрезъ три года онъ пришелъ на Астрахань, взялъ Саратовъ, Самару и другіе города и распустилъ слухъ, что съ нимъ Нечай идетъ и Никонъ патріархъ. Нечаемъ онъ называлъ царевича Алексѣя, недавно умершаго. Начальныхъ людей онъ

вездѣ убивалъ, а народу давалъ казацкое устройство. Голытьба къ нему тысячами собиралась. Наконецъ подъ Симбирскомъ его князь Барятинскій разбилъ, онъ убѣжалъ на Донъ, тамъ былъ схваченъ атаманомъ Яковлевымъ и домовитыми казаками, а въ 1671 году казненъ въ Москвѣ. Послѣ него въ Астрахани атаманъ Васька Усъ свирѣпствовалъ и тамошняго архіерея убилъ, однако тоже потомъ казненъ былъ.

А между тѣмъ Никонъ жилъ въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ, гдѣ сперва его монахи какъ патріарха почитали и всякихъ чиновъ люди пріѣзжали къ нему и благословеніе принимали. Но въ 1668 году донесли государю, что пріѣзжали къ Никону воры донскіе казаки и говорили: «если захочешь, то мы тебя попрежнему на патріаршество посадимъ», и будто Никонъ хотѣлъ бѣжать изъ Ѳерапонтова и жаловаться народу на неправое заточеніе.

Никона затворили въ келью. Но когда умерла царица Марья Ильинишна, царь послалъ къ Никону денегъ на поминовеніе души ея. Никонъ денегъ не взялъ.

Но въ 1671 году Никонъ написалъ царю, что онъ, «вѣдая свою худостъ и недостатокъ ума», проситъ, чтобы его патріархомъ не ставили, а потомъ отпустить его въ монастырь, а когда государь просьбы не исполнилъ, то Никонъ нарочно сталъ ему досаждать. Теперь же Никонъ прощенія просилъ и писалъ: «отверженъ я въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ шестой годъ, а какъ въ кельи затворенъ — тому четвертый годъ. Теперь я боленъ, нагъ и босъ и креста на мнѣ нѣтъ третій годъ, стыдно и въ другую келью выйти».

Въ январѣ 1672 года прискакалъ въ Ѳерапонтовъ монастырь Лопухинъ и сказалъ Никону:

— Тебѣ, святому и великому отцу, указалъ государь говорить, что онъ примиренія съ тобою съ любовію желаетъ и самъ прощенія проситъ.

Но при этомъ Лопухинъ сказалъ также, что Разинъ на допросѣ показалъ, что будто къ нему подъ Симбирскъ пріѣзжалъ старецъ отъ Никона и говорилъ, чтобы онъ шелъ вверхъ Волгою, а Никонъ съ своей стороны пойдетъ, потому что ему тошно отъ бояръ, а есть у него наготовѣ на Бѣлоозерѣ съ 5000 человѣкъ. Тотъ старецъ и на бою былъ, своими руками боярскаго сына закололъ въ глазахъ Разина и изъ-подъ Симбирска ушелъ.

Никонъ отвѣчалъ, что о Разинѣ ничего не знаетъ, и просилъ перевести его въ Воскресенскій или Иверскій монастырь. Туда его не перевели, но въ Ѳерапонтовѣ положеніе его улучшили, и царь прислалъ ему богатые подарки.

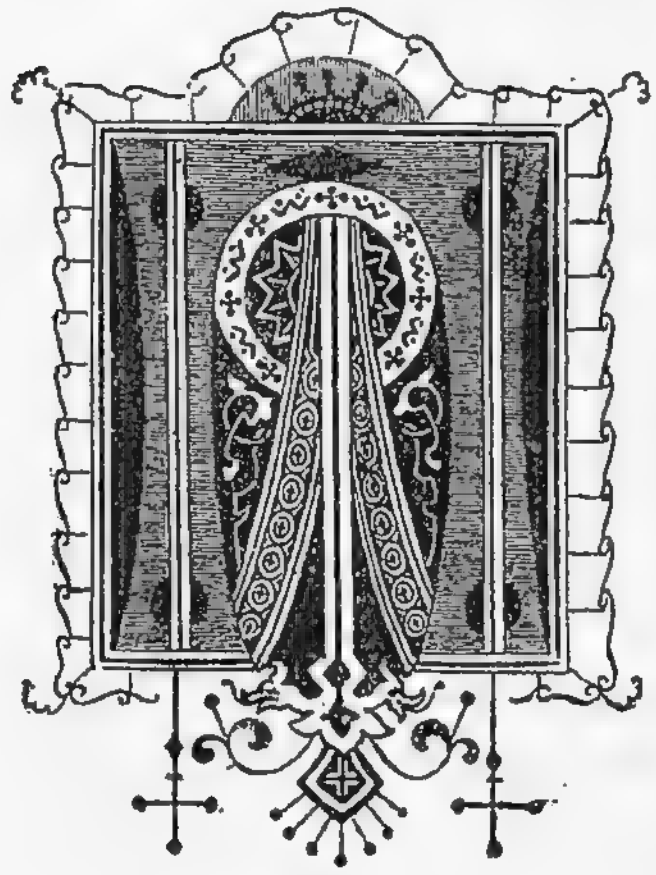
Сломился сильный характеръ патріарха — великаго государя, онъ впалъ въ какое-то дѣтство. Былъ въ монастырѣ поваръ Ларіонъ и говоритъ «доброста», а Никону послышалось «добръ—Астарта», и онъ жаловался, что Лорка его Астартомъ называетъ. Въ другой разъ онъ просилъ государя прислать ему «винограду въ патокѣ, яблочекъ, сливъ и вишенокъ». Принялся онъ лѣчить и въ Москвѣ для него лѣкарства закупали: масло деревянное, ладанъ росной, скипидаръ, траву чекуй, звѣробой, нашатырь, квасцы, купоросъ, камфору, камень безуй. И Никонъ царскому посланному разсказывалъ, что былъ ему глаголъ: «отнято у тебя патріаршество, за то дана чаша лѣкарственная».

Въ 1676 году скончался царь Алексѣй Михайловичъ. Въ царствованіе сына и преемника его Ѳеодора, сначала Никону стало хуже и его изъ Ѳерапонтова монастыря перевели въ Кирилловъ-Бѣлозерскій, а потомъ, по ходатайству тетки своей Татьяны Михайловны, царь позволилъ Никону переѣхать въ любимый его построенный имъ Воскресенскій монастырь, называемый иначе Новымъ Іерусалимомъ, но на пути туда Никонъ скончался, въ 1681 году.

XIII.

РЕВНИТЕЛЬ ОТЕЧЕСКИХЪ ПРЕДАНІЙ *).

(Изъ раскольническаго быта 1680 г.).



ОБЫВШИЛАСЬ **), матка, побывшилась.

— Отъ чего же доспѣлась-то?

— Знать, Господня воля.

— А слыхалъ, Ѳедоръ больно училъ ее.

— Училъ, страсть какъ училъ! Да какой мужъ жену не учитъ!

— Вѣстимо! Да онъ ужь не по закону. Извѣстно, какой мужъ нашу сестру не учитъ, да все же не такъ. Ну, постегаетъ али потреплетъ иной разъ во хмѣлю и куда больно. Я вонъ къ своему, когда онъ хмѣленъ, и не подхожу. А Ѳедька, сказываютъ, свою каждый день билъ, такъ она безъ синяковъ и не ходила, а бывало послѣ побой часа два лежитъ, пока отдышится.

— Такъ, такъ, все бывало.

— Не жалѣлъ онъ ее совсѣмъ.

— Не жалѣлъ. Отецъ-то покойникъ женилъ его, когда ему только двѣнадцать годковъ было, а Ненилкѣ всѣ двадцать пять. Такъ не безъ того, въ тѣ поры и она Ѳедьку бивала. А тутъ онъ подросъ, покуда батька живъ былъ, жену трепать не смѣлъ, а какъ старикъ побывшился, Ѳедька и принялся на Ненилкѣ старину вымещать.

---

*) Рѣчь идетъ объ одномъ расколоучителѣ.

**) Умерла.

— Сказываютъ, она порченая была.

— Кликала *). Учнетъ это по полу кататься, пѣна у рта, а сама вопитъ. Въ тѣ поры Ѳедька къ ней приступиться боялся. И такая-то у нея сила на то время была что страсть. На Троицу привели ее въ церковь, она и давай кликать, потащили ее вонъ, такъ что жс? пятеро мужиковъ сладить не могли.

— Это отъ нечистаго?

— Знамо, отъ него. И лѣчилась она. Знаешь лѣкарку Матрену, къ ней ходила, новину холста снесли. Та и шептала надъ ней, и богоявленской водой вспрыскивала, не могла исцѣлить: «Сильна, говоритъ, у тебя порча».

— А Ѳедька что же?

— Тоже испугался. Есть тутъ старецъ одинъ, Сергѣемъ зовутъ, говорятъ, отъ порчи отчитываетъ, такъ его Ѳедька розыскалъ. Ну, сталъ это старецъ надъ Ненилкой отъ святого писанія читать, а Ѳедькѣ говоритъ: «Ты ее, говоритъ, ослобони маленько, не бей смертнымъ боемъ». Ѳедька и послушался. Стала Ненилка поправляться, и кликала меньше, и на человѣка стала походить. А тутъ Миколинъ день пришелъ, перепились это мужики, спьяна-то Ѳедька опять и принялся Ненилку дуть, а она еще на грѣхъ непраздна была. Сосѣди сбѣжались, отняли ее у мужа, видятъ, баба пластомъ лежитъ, побѣжали за повитухой **).

— Чай, за Степанидой?

— Степанида все какъ слѣдуетъ дѣлала: и встряхивала Ненилку, и за ноги привѣшивала. Не помогло, и маленькой мертвенькой родился, и сама Ненилка побывшилась. Бабушка Орина изъ ихъ деревни забѣгала, такъ и разсказывала.

— Сходить бы, проститься.

— И то, уберемся, такъ пойдемъ.

Обѣ разговаривавшія бабы чрезъ нѣсколько времени пошли въ деревню, гдѣ жила Нениla. Но прежде чѣмъ они пришли туда, ихъ настигла третья баба, которая чуть не бѣгомъ туда бѣжала.

— На Ненилкинъ дворъ идете? — окликнула она ихъ.

— Да.

— Скорѣе, скорѣе, бабоньки, а то ничего не увидимъ.

---

*) Женщинъ, одержимыхъ истерическими припадками, крестьяне зовутъ кликушами.

**) Повивальная бабка.

— А что тамъ?

— Развѣ не слыхали? чудеса да и только! Ненилка ожила.

— Что ты?

— Какъ есть ожила! Сѣла, ей ѣсть дали. Монахъ-то Сергѣй и говоритъ: «Обмирала *) это она, видѣнье ей было, знать, она Господу угодна. Сперва я съ ней поговорю, исповѣдаю ее, а потомъ она народу разскажетъ, что на томъ свѣтѣ видѣла».

— На томъ свѣтѣ?

— А какъ же? Душа-то ея на тотъ свѣтъ уходила и тамъ все видѣть сподобилась.

— Ай, дѣвоньки!

— Теперь она разсказываетъ, а отецъ Сергѣй сидитъ подлѣ да толкуетъ. Народу сколько собралось—страсть.

Ѳедька, хотя испивалъ и любилъ жену «учить», но хозяйства, которое ему досталось отъ отца, не разстроилъ, а старикъ былъ мужикъ домовитый. Дворъ у него былъ просторный, обнесенъ тыномъ, клѣть съ подклѣтомъ, баня съ предбанникомъ, подпогребница, изба большая и свѣтлая, кругомъ ея лавки, въ переднемъ углу нѣсколько иконъ. Теперь подъ ними сидѣлъ монахъ Сергій, а подлѣ на лавкѣ лежала обмиравшая Ненила. Не только изба, но и дворъ были наполнены народомъ, такъ что троимъ пришедшимъ бабамъ много стоило труда, чтобы пробраться на такое мѣсто, откуда былъ слышенъ слабый голосъ Ненилы, разсказывавшей, что она видѣла во время обмиранья.

— И пришла я въ мѣсто смрадное, — говорила она.

— А кто въ томъ мѣстѣ сидѣлъ?—спрашивалъ Сергій.

— Обличье у нихъ не русское.

— Брады бритыя?

— Всѣ до одной бриты.

— И одежда не русская, кургузая?

— Кургузая.

— Значитъ то не русскіе люди, а поганые нѣмцы, папежи, люторы и другіе еретики,—объяснилъ Сергій, —

**) Случается, что иногда люди погружаются въ летаргическій сонъ, во время котораго ихъ легко считать мертвыми. Такой сонъ разумѣется и здѣсь.

и смрадъ отъ того, что они на семъ свѣтѣ проклятое зелье табачище пили *).

— А потомъ я видѣла, какъ другихъ людей нещадно били и мучили.

— А кто мучилъ? Эфіопи черніи, хвостатыи?

— Точно, черные и хвостатые.

— Въ какомъ одѣяніи были тѣ, которыхъ мучили?

— Красно одѣты, въ собольихъ шубахъ и въ шапкахъ высокихъ.

— То судіи неправедныи, воеводы и дьяки, иже православныхъ христіанъ утѣсняютъ, мзду неправедную берутъ. Не запримѣтила-ли ты, не были-ли они крючьями за ребра подвѣшены?

— Были и такіе.

— А праведныхъ сподобилась узрѣть?

— Сподобилась.

— И рекли они тебѣ, за что пострадали?

— Сказывали.

— За то, что не отреклись вѣры отеческія. За то и пытками пытаны, и огнемъ жегомы были за то.

— За то, за то.

— А теперь во царствіи небесномъ услаждаются такою сладостію, о ней же не лѣть языку человѣческому рещи, а мучители ихъ въ этомъ огнѣ страждутъ.

— Охъ, страждутъ! страждутъ!

Бабы начали хныкать, а нѣкоторыя и всхлипывать.

— И будутъ въ этомъ огнѣ всѣ, что не по старымъ книгамъ служатъ?

— Охъ, будутъ! будутъ!

— Вмѣсто креста честнаго, щепотью крестятся?

— Ой, тошнехонько, будутъ!

— Вмѣсто пречистаго имени Іисуса Христа нѣкоего Іисуса призываютъ. Пожгутъ ихъ огнемъ несгораемымъ **).

— Ой, пожгутъ! пожгутъ!

— Такъ-то, православные. А я вамъ вотъ о великомъ подвижникѣ протопопѣ Аввакумѣ повѣдаю.

---

*) Надо припомнить, что это говоритъ раскольникъ, считающій употребленіе табаку смертнымъ грѣхомъ. Въ слѣдующихъ словах видна его ненависть къ боярамъ.

**) Надо принять въ соображеніе, что это говорятъ раскольники которые думаютъ, что слѣдуетъ писать *Ісусъ*, что Аввакумъ — подвижникъ и святой человѣкъ и что онъ правильно исправлялъ книги.

— Скажи, кормилецъ.

— Святой жизни былъ Аввакумъ и вельми учителенъ. Въ юныхъ лѣтахъ въ попы былъ поставленъ. И сталъ предъ воеводами за черный народъ заступаться. И возгорѣлись на него воеводы яростію великою. Одинъ въ церковь къ нему вломился, тамъ его билъ и въ ризахъ святыхъ по землѣ волочилъ, другой на дому страдальца Христова билъ, потомъ дважды въ отца Аввакума изъ пищали стрѣляли, но Господь святого отца спасъ. И ушелъ отецъ Аввакумъ на Москву; тамъ его начальные люди и самъ великій Государь возлюбили, велѣли на приходъ воротиться. А тѣмъ временемъ вороги и хоромы его пожгли. Онъ новыя хоромы поставилъ. И пришли на село скоморохи съ бубнами и медвѣдями; отецъ Аввакумъ скомороховъ изгналъ, хари и бубны у нихъ изломалъ и медвѣдей отнялъ. А проѣзжалъ въ тѣ поры Волгою бояринъ Шереметевъ съ сыномъ. Ему скоморохи на отца Аввакума жалобу принесли. И сталъ бояринъ отца Аввакума укорять, а потомъ утишился, подъ благословеніе къ нему подошелъ, велѣлъ и сыну благословиться. Тогда отецъ Аввакумъ узрѣлъ, что младый Шереметевъ, возлюбя прелесть міра сего, честную браду свою обрилъ. И началъ его святой отецъ за то беззаконіе обличать, а Шереметевъ возгорѣлся яростію великою и повелѣлъ святого отца въ Волгу бросить, потомъ однако-же не убилъ его, но вельми надъ нимъ надругался. И пошелъ опять святый отецъ на Москву. Тамъ государь указалъ его въ Юрьевецъ поволжскій протопопомъ поставить. И смутилъ діаволъ тамошнихъ людей на святого мужа, и многое онъ отъ нихъ поруганіе и безчестіе принялъ. А потомъ снова въ царствующій градъ пришелъ и указано ему было вмѣстѣ съ другими святыми мужами церковныя книги исправлять. Исправили они эти книги во всемъ какъ подобало. А потомъ Божіимъ попущеніемъ учинился на патріаршемъ престолѣ пребеззаконный Никонъ. И собралъ онъ эллинскихъ и латинскихъ отщепенцевъ и предалъ имъ книги святыя. А они въ тѣ книги премногія и хульныя мечтанія помѣстили: и о сложеніи перстовъ, и объ аллилуіи и объ имени Іисусовомъ. Но твердые вѣры ревнители тѣхъ новыхъ книгъ не пріяли. А въ славной обители Соловецкой иноки за вѣру святую даже до крови пострадали и въ осадѣ отъ царской рати сидѣли, муки и смерть пріяли. Не совратился въ Никоново нечестіе и преподобный Аввакумъ, и взяли его за то

отъ всенощной со стрѣльцами, на патріаршемъ дворѣ ночью на цѣпь посадили, а потомъ въ темную палату, гдѣ преподобный три дня и три нощи не пилъ и не ѣлъ, сидя въ тьмѣ, и никого тамъ не было, токмо мыши, и тараканы, и сверчки. А на утро стали преподобнаго увѣщевать, чтобы онъ Никону покорился, а преподобный Никона отъ писанія уличалъ и поносилъ. Въ то же время былъ и другой ревнитель древняго благочестія, протопопъ Логгинъ; остригли его въ соборной церкви, сняли съ него однорядку и кафтанъ. Логгинъ же разжегся ревностію божественнаго огня, Никона порицалъ, черезъ порогъ въ алтарь въ глаза Никону плевалъ, и совлекши съ себя рубашку въ глаза Никону бросилъ. Аввакума же, по просьбѣ государя, не разстригли, а сослали въ Сибирь, въ градъ Тобольскъ въ заточеніе. Въ Тобольскѣ отецъ Аввакумъ священнодѣйствовалъ, но на діакона его церкви воздвигся нѣкій дьякъ Струна и, придя со многими людьми во храмъ, ухватилъ діакона за браду. Преподобный Аввакумъ, того не стерпя, схватилъ Струну, посадилъ на полу посередъ церкви и за церковный мятежъ постегалъ его ремнемъ нарочито. А потомъ бысть преподобному Аввакуму веліе искушеніе отъ діавола, и началъ онъ на Никонову ересь покойно взирать. Но по семъ видѣніе преподобному бысть, и нѣкій мужъ священнолѣпенъ рече ему: «блюдися отселѣ, да не полма растесанъ будеши». И отвезли преподобнаго въ нѣкую страну Даурію и отдали въ руки звѣрообразному воеводѣ Пашкову. И учалъ воевода преподобнаго изъ дощеника выбивать: «ты-де, еретикъ, иди въ горы со звѣрьми и птицами витать,» а преподобный ему въ обличеніе писаньеце написалъ. Тогда Пашковъ, яко дикій звѣрь, устремился на него, заушенія чинилъ и разболакивая кнутомъ билъ. А сынъ воеводскій за святаго отца сталъ воеводу молить, и воевода, разсвирѣпѣвъ на сына, съ мечомъ кинулся. Но дощеникъ воеводскій на мель сѣлъ, а Еремей, сынъ воеводы, сказалъ ему: «за грѣхъ Богъ тебя наказуетъ, напрасно протопопа избилъ, пора покаяться». А Пашковъ, пуще разсвирѣпѣвъ, трижды изъ пищали въ сына стрѣлялъ, и всякій разъ осѣчка была. Повергъ воевода пищаль на земль, а сынъ взялъ ее и выстрѣлилъ. Тогда воевода уразумѣлъ свое окаянство, возрыдалъ и рекъ: «согрѣшихъ, проліяхъ кровь неповинную». Потомъ заточили преподобнаго въ острогъ, а тамъ коли накормятъ, коли нѣтъ; мыши ему зѣло

докучали, а онъ ихъ скуфейкой билъ. Два сына его въ нуждахъ померли, а протопопица не однова говорила: «долго ли мука сія, протопопъ, будетъ?» А онъ ей: «Марковна! до самыя смерти!» Потомъ неоднократно преподобнаго въ Москву привозили и царскимъ именемъ говорили ему: «протопопъ, вижу я твое чистое и непорочное и благоподражательное житіе, прошу твоего благословенія съ царицею и чады, помолись о насъ. Пожалуй, послушайся меня, соединись со архіереями, хотя и небольшимъ чѣмъ». Но онъ и сего не восхотѣлъ.

Недѣли три собирался отовсюду народъ посмотрѣть Ненилу и послушать разсказы монаха Сергія про отца Аввакума и другихъ подвижниковъ древняго благочестія, иже отъ никоніанъ огнемъ жегомы быша. Не мало при этомъ перепадало Сергію приношеній отъ благочестивыхъ людей, особенно отъ женщинъ. И замыслилъ Сергій идти съ Ненилою по разнымъ градамъ, а можетъ быть и въ царствующій градъ, вездѣ уча правой вѣрѣ и собирая посильныя подаянія. Ѳедька не смѣлъ противорѣчить; несмотря на то, что въ тѣ времена всѣ признавали, что мужъ имѣетъ право «учить» жену, сколько душѣ угодно, если бы теперь Ѳедька вздумалъ пальцемъ тронуть жену, то худо бы ему пришлось, потому что народъ считалъ ее чуть не за святую. Но планы Сергія разстроились тѣмъ, что Ненила неожиданно померла и на этотъ разъ не ожила. Но передъ смертью она объявила свою послѣднюю волю, чтобы единственный ея сынъ десятилѣтній Игнашка шелъ съ Сергіемъ для послугъ святому отцу и для спасенія души своей. Ѳедькѣ это не очень нравилось, но противорѣчить своей прославившейся женѣ онъ не посмѣлъ. Послѣ похоронъ Ненилы Игнашка съ Сергіемъ отправились въ близъ лежащій городъ Лухъ.

Никогда не случалось Игнашкѣ бывать въ городахъ, всему онъ удивлялся, хотя нельзя сказать, чтобы Лухъ заслуживалъ большого удивленія. Видя большія строенія, онъ старался угадать ихъ значеніе, припоминая, что слыхалъ въ сказкахъ, наконецъ рѣшился спросить монаха:

— Дяденька, что это за хоромы?

— Земская изба, кружечный дворъ, конская изба, а это вонъ, гдѣ лавки — гостиный дворъ.

— А царь гдѣ живетъ?

— А какой тебѣ царь? Развѣ въ Лухѣ есть царь? Тутъ

только воевода сидитъ, да и тотъ изъ ледащихъ, изъ приказныхъ людей.

— Ай, ай, какая стѣна-то высокая да длинная.

— Не гораздо высокая. Ею городъ огороженъ. Теперь мы по посаду шли, а вотъ воротами въ самый городъ войдемъ.

Въ самомъ городѣ глаза у Игнашки пуще разбѣжались. Были тамъ церковь, казенный погребъ, гдѣ хранилась пороховая казна, тюрьма, воеводскій дворъ, осадные дворы помѣщиковъ, въ которые помѣщики въѣзжали, если на помѣстья нападалъ какой-нибудь непріятель, отъ котораго приходилось отсиживаться въ городѣ, съѣзжая или приказная изба и губная изба. Послѣднія два строенія почему-то особенно заинтересовали Игнашку, и онъ спросилъ монаха:

— А въ этихъ хоромахъ что дѣлаютъ?

— Въ съѣзжей избѣ воевода судитъ, а въ губной избѣ губной староста и цѣловальники убивцевъ да воровъ судятъ.

Передъ съѣзжей избой они увидали зрѣлище, которое отвлекло ихъ вниманіе отъ другихъ предметовъ. На землѣ лежало человѣкъ пять со связанными руками и съ ногами, забитыми въ колодки. Другіе десять человѣкъ стояли около нихъ, одного изъ лежавшихъ сѣкли, не торопясь, съ разстановками.

— Что, опять правежъ?—спросилъ монахъ посадскаго, который довольно равнодушно посматривалъ на эту сцену.

— Да вотъ десятую деньгу на войну не заплатили, такъ и порютъ за то.

— Многонько приходится платить?

— Не говори! Дани, оброки, на выкупъ плѣнныхъ, стрѣлецкія деньги, ямскія, пролубныя, на кормъ воеводамъ, въ подмогу подъячимъ, сторожамъ, палачамъ, тюремнымъ, губнымъ цѣловальникамъ, на строеніе воеводскихъ дворовъ, губныхъ избъ и тюремъ, въ приказную избу на свѣчи, бумагу, чернила да дрова, а кромѣ того подводы давай, ратнымъ людямъ муку ржаную, сухари, крупу, толокно, мосты чини, да и конца нѣтъ нашей тяготѣ. Прежде только тяглые платили, а нынѣ всѣхъ бобылей и захребетниковъ переписали да къ оброкамъ привели *). Да что захребетники! Отъ насъ и тяглецы-то убѣгли было.

*) Тяглые люди—владѣвшіе землей или домомъ, бобыли — бездомовые люди, захребетники—жившіе въ зависимости отъ другихъ людей.

— Убѣгли?

— Какъ же! За князя Рѣпнина заложились *). У него близко богатое село Мышъ есть, такъ туда и убѣгли. Ну, а горожанамъ не въ мочь стало: вѣдь приходилось за бѣглыхъ-то платить. Вотъ они и били челомъ, чтобы значитъ бѣглыхъ воротить.

— Что же, воротили?

— Да воротили, да не на радость.

— А что?

— А прикащикъ рѣпнинскій Шибаевъ да двое мышинскихъ крестьянъ Стараловы и обозлились за то на насъ. И допекли же они насъ, разбойники. Нашимъ теперь мимо ихъ села проѣзду нѣтъ: смертнымъ боемъ бьютъ, а отъ насъ и въ Нижній и въ Балахну мимо нихъ дорога — тамъ только и торги наши, да еще въ Тихоновой пустынѣ, а какъ поѣдешь? И въ пустынѣ тоже. Нашихъ трое торговали тамъ пряниками, мыломъ да ягодами. Вдругъ Шибаевъ налетѣлъ съ мышинскими, весь товаръ побросалъ, а за нашими людьми съ ножами гнались. Другой разъ тоже торговцевъ нашихъ пограбили да двоихъ ножами покололи. Нынѣ ужь на ярмарку туда почитай всѣ наши горожане поѣхали, знаешь, въ многолюдствѣ-то безопаснѣе. Въ городѣ только бабы, старый да малыи остались, да вотъ еще воеводскіе люди правежъ чинятъ. И воеводскихъ людей у насъ немного: теперь почитай всѣ на площади... Кто это тамъ скачетъ? Пыль какую подняли... Аи, батюшки, да никакъ это Шибаевъ.

И посадскій пустился безъ оглядки бѣжать съ площади.

До семидесяти вооруженныхъ конниковъ явились передъ съѣзжей избой. Воеводскіе люди оторопѣли и въ минуту были перевязаны.

— Гдѣ башъ собачій сынъ воевода?—кричалъ Шибаевъ.— Я его запорю до смерти!

Но воевода успѣлъ спрятаться. Побушевавъ въ съѣзжей избѣ, Шибаевъ бросился къ кабаку, разбилъ тамъ чуланы и угостился со своими сподвижниками. Потомъ они стали ѣздить по посаду, крича: «бейте, катайте посадскихъ людей до смерти!» Женщины, дѣти, старики, оглашая воздухъ

---

*) У богатыхъ помѣщиковъ было выгоднѣе жить, чѣмъ въ городахъ, поэтому горожане убѣгали и закладывались за помѣщиковъ, т.-е. дѣлались ихъ крѣпостными.

отчаянными воплями, бѣжали въ лѣсъ; кого достигала полу пьяная шайка, тѣмъ доставалось.

Сергій съ Игнашкой спрятались на огородѣ. Хотя они были люди сторонніе, но монахъ догадался, что Шибаевъ не посовѣстится обобрать его. Чрезъ нѣсколько часовъ мышинцы убрались изъ города. Немного погодя Сергій встрѣтился съ тѣмъ посадскимъ, съ которымъ разговаривалъ у земской избы.

— А ты бы, старче, подальше убирался.

— Зачѣмъ?

— Попадешь воеводѣ на глаза—худо будетъ.

— За что?

— А такъ, здорово живешь. Онъ теперь, послѣ шибаевской трепки, лютъ, такъ, пожалуй, на тебѣ сердце сорветъ. А первое дѣло, поживиться захочетъ; онъ на это дѣло бѣдовый.

— Мастеръ, значитъ.

— Чего не мастеръ. Вотъ въ новый годъ отнесли ему пирогъ въ 5 алтынъ, налимовъ на 26 алтынъ, да деньгами 4 алтына, да воеводѣ три алтына, да сыну 8 денегъ, а на завтра опять четверть говяжью да щуку, а на третій день щуку да сотню свѣчъ, а на пятый опять четверть говяжью. Кажись бы довольно, а онъ все, какъ собака, рветъ. И женѣ его давай, ребятишкамъ, и челяди, и блаженненькому, что у него на дворѣ живетъ, денежку сунь. А подъячимъ само по себѣ. Такіе аспиды, что бѣда.

Началась для Игнашки бродячая жизнь съ отцомъ Сергіемъ. Эта жизнь не лишена была пріятности. Они бродили по безконечному ярко зеленому саду, который представляли тогда русскіе лѣса въ лѣтнее время. То проходили мимо величавыхъ, стройныхъ сосенъ, то по шумливой березовой рощѣ. Милліонъ голосовъ оглашалъ этотъ океанъ зелени. Безчисленное множество пернатыхъ вилось около деревьевъ, по вершинамъ прыгали бѣлки, внизу зайцы, по временамъ показывалась лисица или волкъ, дикія свиньи, множество мелкихъ животныхъ. Пожелай отецъ Сергій ловомъ заняться, не было бы недостатка ни въ дичи, ни въ рыбѣ. Да лѣнивъ былъ монахъ, предпочиталъ онъ въ деревеньку придти, поучать простой людъ отъ божественнаго писанія и, сидя въ переднемъ углу, угощаться лучшимъ кускомъ, да медкомъ, бражкой, пивцомъ да кваскомъ запивать. Принимали его ино-

— Да размететь васъ Господь Богъ,—сказалъ Никонъ боярамъ.

гда и помѣщики, которые еще держались старыхъ книгъ. У нихъ въ хоромахъ было Сергію не житье, а масленица, да и Игнашкѣ не худо. А ловомъ никакимъ монахъ не занимался, если въ лѣсу встрѣчалось мѣсто, гдѣ много ягодъ, такъ приказывалъ Игнашкѣ набрать — тѣмъ только они отъ лѣса и пользовались. Но любилъ монахъ всхрапнуть въ лѣсу, особенно въ жаркое время. Растянется подъ деревомъ да велитъ Игнашкѣ мухъ и комаровъ отмахивать. Полежитъ малое время да и захрапитъ, словно на трубѣ играетъ, не только мухи и комары — въ то время и пушка его не разбудитъ. А Игнашка тѣшится, ягодки собираетъ, жучковъ да бабочекъ ловитъ, а то и птичье гнѣздо добудетъ. Обносился онъ, такъ Сергій ему кой-какого старья своего далъ.

— А въ жилье придемъ, такъ попроси какую-нибудь христолюбивую старицу сшить.

И точно христолюбивая старица обшила Игнашку. Такъ и жили они, какъ птицы небесныя: не пахали, не сѣяли, а собирали довольно. Игнашка подмѣтилъ даже, что отецъ Сергій на гайтанѣ у креста мѣшечекъ носитъ и въ томъ мѣшечкѣ серебра довольно, да чуть-ли и золотыхъ нѣтъ.

Наступила осень, холодно въ лѣсу стало да и неприглядно: листъ пожелтѣлъ, обвалился; невесело въ лѣсу. Пришли Сергій съ Игнашкой въ селеніе христолюбцевъ. Тѣ монаху ни вѣсть какъ обрадовались. Началъ онъ у нихъ и служить, и ребятъ крестить, и свадьбы вѣнчать, и хоронить. Имѣлъ ли онъ на то право, никто не спрашивалъ: одежда на немъ монашеская, видъ степенный. А къ попу ѣхать за требами далеко, да и беретъ онъ не въ примѣръ больше отца Сергія. Правда, Сергій выпить любитъ, во хмѣлю ругается, а подчасъ и дерется. Не мало тогда и Игнашкѣ тычковъ доставалось. Да время было такое, что не только дѣти, — и взрослые за тычкомъ не гнались. А мужичкамъ даже занятно, что отецъ Сергій съ ними и выпьетъ и побесѣдуетъ. Если же и подерется — что за бѣда, подчасъ и ему сдачи дадутъ. Потомъ примирятся, на мировой снова выпьютъ. Грѣхъ, во хмѣлю совершенный, отецъ Сергій отпускалъ. Вотъ если кто крестится не такъ, молится не по-старому, али постовъ, среды и пятницы не блюдетъ—таковымъ нѣтъ прощенія. Попадутъ къ Сергію на духъ, такъ безъ эпитемьи не отдѣлаются. Да и не на духу, такъ просто, въ разговорѣ, обличитъ. Потому—старецъ строгій, учительный.

Пошатался такъ Игнашка съ отцомъ Сергіемъ года два. Грамотѣ его старецъ не выучилъ, присѣсть не хотѣлось, да и самъ Сергій, по правдѣ сказать, не силенъ былъ въ ней. Но Игнашка довольно наслышался, какъ слѣдуетъ по старымъ книгамъ креститься и молиться, иной разъ, за недосугомъ отца Сергія, могъ разрѣшить недоумѣнія крестьянокъ по этому поводу. И не одна изъ нихъ говорила:

— Экой паренекъ маленькій, а поди какой ученый!

— Немудрено,—прибавляла другая,—у этакаго человѣка въ наукѣ живетъ.

Наступила весна 1682 года. Сергій съ Игнашкой пришли въ одно селеніе христолюбцевъ недалеко отъ Москвы.

— А въ Москвѣ, отецъ святой,—сказалъ имъ хозяинъ, большая замятня.

— Что такое?

— Мы путемъ-то и не знаемъ. Какъ будто, али кто государя убилъ, али бояръ перебили.

— Объ этомъ дѣлѣ провѣдать надо,—молвилъ Сергій,—махнемъ, малый, на Москву.

Пошли въ Москву. Вотъ тутъ-то пришлось дивиться Игнашкѣ. Еще когда подходили къ Москвѣ да взглянули на нее съ горы, такъ Игнашка ахнулъ. Далеко, далеко, насколько глазами окинуть можно, все дома да дома, а промежъ нихъ палаты бѣлокаменныя, да сады, да стѣны съ башнями, а надо всѣми ими главы да колокольни церквей. И сколько этихъ церквей—въ Лухѣ домовъ столько не будетъ.

— То Москва?—спросилъ онъ.

— Да, она, матушка бѣлокаменная.

— А церквей-то сколько?

— Сорокъ сороковъ.

— У! А на горѣ-то что?

— Кремль. Соборы Успенскій, Архангельскій, да Благовѣщенскій, да дворецъ государевъ. А вонъ стоитъ съ золотой главою Иванъ Великій *). А видишь стѣны-то: одна около Кремля, другая около Китай-города, третья около Бѣлогорода. А тутъ еще монастыри стѣнами обнесены.

— Ты, слыхалъ я, однова про Китай разсказывалъ, и онъ стало быть здѣсь?

— Здѣсь не прямой Китай, а такъ мѣсто зовется.

---

*) Ивановская колокольня.

— А какъ же въ эту Москву идти, тутъ и дороги не найдешь.

— Сыщемъ, небось.

— Все дома, да хоромы, да церкви, и конца нѣтъ.

— Есть конецъ. Съ каждаго конца Москвы слобода. Есть Ямская, Стрѣлецкая, Гончарная. Въ Гончарную-то мы и пойдемъ. А есть и проклятая слобода, Кокуй, гдѣ поганые нѣмцы живутъ.

Прошли на Гончарную слободу, остановились у тамошняго жителя Саввы Романова.

Сергій и Савва трижды облобызались.

— Много лѣтъ здравствовать, гость дорогой,—говорилъ Савва,—вотъ легокъ на поминѣ, въ пору поспѣлъ. Я только-что о тебѣ думалъ.

— Аль дѣло есть?

— Большое дѣло найдется. Да ты о здѣшнихъ-то дѣлахъ наслышался ли?

— Идя сюда, много наслышался, да толкомъ не знаю.

— А вотъ дай сперва гостя дорогого чѣмъ Богъ послалъ попотчивать, въ баньку сходи, а тамъ и побесѣдуемъ.

— Довольно тебѣ извѣстно,—началъ бесѣдовать Савва,—что великаго государя Алексѣя Михайловича чародѣйствомъ къ себѣ приколдовалъ Артамонъ Матвѣевъ, такъ что первымъ человѣкомъ въ государствѣ сталъ.

— А отеческимъ преданіемъ пренебрегъ, по стѣнамъ въ хоромахъ изображенія неподобныя и зеркала развѣсилъ, сына кургузымъ нѣмцемъ одѣлъ, а сыну волосъ не остригъ.

— Да только ли это! И на то смутилъ онъ великаго государя, что заѣзжіе нѣмцы въ царскихъ палатахъ комедь представляли. Много о той комеди въ Москвѣ слышно было—представляли: какъ Юдиѳь царю Олоферну голову отрубила.

— Впрямь отрубила?

— Только глаза сатанинскою хитростію отводили, а нѣмецъ, изображавшій Олоферна, здравъ оставался. А потомъ искушалъ пребеззаконный Матвѣевъ царя, чтобы онъ и на пляски комедіантовъ смотрѣлъ.

— Оле, горести несказанныя! Оле, злочестіе нестерпимое! Уже и въ царскихъ палатахъ плясавицы оныя, подобно Иродіадѣ, древлей плясавицѣ злочестивой, безстудныя плясанія и хребетомъ вилянія производятъ.

— А когда скончалась благочестивѣйшая государыня изъ роду Милославскихъ...

— Утѣснители народу эти Милославскіе.

— Точно вороваты, да обычаевъ отеческихъ не нарушали. По смерти царицы хитростію *) Матвѣева царь женился на его сродницѣ Нарышкиной. И приблизились Нарышкины къ престолу царскому. И всѣ тѣ Нарышкины пребеззаконные. Егда же преставися великій государь Алексѣй Михайловичъ, то остались у него отъ первой жены два сына Ѳедоръ да Иванъ, дщери Евдокія, Марѳа, Софья да Екатерина, а отъ другой сынъ Петръ да дщери Наталья и Ѳедора. А царевичъ Ѳедоръ больной лежалъ, слышно опухъ весь, а второй по немъ царевичъ Иванъ главою скорбѣлъ. И умыслилъ Матвѣевъ трехлѣтняго Петра на престолъ царскій посадить, а самому царствомъ править, да бояре не похотѣли и поставили царемъ Ѳедора Алексѣевича.

— Не гораздо много прибыли. Вѣдь училъ царя еретикъ и латинецъ Симеонъ Полоцкій.

— Истинно. И не было при немъ древнему благочестію покрова. Но злоба Матвѣева сокрушилась. Еще царю Алексѣю Михайловичу доносили, что Матвѣевъ чернокнижникъ, да околдованный царь не внялъ этому. А когда донесли царю Ѳедору,—онъ велѣлъ дѣло розыскать. По сыску нашли у Матвѣева чернокнижную книгу **) и сослали его въ Пустозерскъ. Опять въ силѣ стали бояре Милославскіе да дворецкій бояринъ Хитрово. Верховая ***) боярыня Хитрово истинная праведница, постится такъ, что чернецу впору, такъ ее постницей и прозвали. Но на древняго благочестія поборниковъ гоненіе не унималось. Въ прошломъ году благочестивый мужъ Герасимъ шапочникъ съ Ивановской колокольни бросилъ листы въ народъ, а на тѣхъ листахъ писано, чтобы щепотью ****) не креститься, имя Іусова не мѣнять, на семи просфорахъ служить. И за то Герасима

---

*) Надо помнить, что это разсказываетъ раскольникъ, врагъ Матвѣева. Дѣйствительно же царь случайно увидѣлъ въ его домѣ Наталью Кирилловну Нарышкину, которая ему очень понравилась. Матвѣевъ даже упрашивалъ царя не жениться на ней. Точно также совершенно неосновательно обвиненіе Матвѣева, будто онъ хотѣлъ возвести на престолъ Петра вмѣсто Ѳедора.

**) Лѣчебникъ съ аптекарскими знаками.

***) Верхъ—дворецъ государевъ.

****) Тремя перстами.

шапочника да Осипа сабельника истязали. На Дону Іовскую пустынь разорили. Въ Тюмени толмачъ Елизарьевъ съ сыномъ, да монахиня, да трое мужей благочестивыхъ за обличеніе никоніанцевъ пострадали, а на Березовкѣ монахъ Даніилъ со ученики, видя, что грядетъ князь міра сего, и небеснаго царствія взыскуя, сами въ своихъ избахъ сожглись.

— Слыхалъ я о тѣхъ гоненіяхъ и бѣдахъ, слыхалъ.

— Какъ не слыхать! А въ томъ же году соборъ въ Москвѣ на ревнителей древняго благочестія былъ и осудилъ ихъ.

— Судъ нечестивыхъ погибнетъ.

— Погибнетъ и есть. А у царя Ѳедора супруга преставилась. И стали у него въ приближеньи Языковъ да Лихачевъ. Оженился государь вторично на Марѳѣ Матвѣевнѣ Апраксиной да черезъ два съ половиной мѣсяца послѣ того и померъ.

— Говорятъ, первая-то его жена ляшскаго рода была, ляшской и обычай на Москвѣ повелся, стали брады брить, сабли и одежду польскую носить, какую-то, слышь, Латынскую школу завели, вмалѣ царь совсѣмъ въ ляшскую вѣру не превратился.

— Истинно было все то. А другая-то жена, сродница Матвѣеву, и уговорила царя Матвѣева въ Луху перевести. Когда же царь скончался, умыслили Нарышкины, да Матвѣевъ, да Языковъ съ товарищами, чтобы царемъ Петръ былъ, зане царевичъ Иванъ скорбѣлъ главою. Той же льсти и патріархъ Іоакимъ послѣдовалъ.

— Волкъ въ одежѣ пастыря *).

— Истинно такъ. И не мало черныхъ людей и бояръ одинаково съ ними мыслили, потому-де, что хотя и младъ царевичъ Петръ, да не по годамъ разуменъ. Вышелъ патріархъ съ боярами на крыльцо, а народъ собрался на площади передъ церковью Спаса. Патріархъ и спросилъ, кому изъ двоихъ царевичей быть на царствѣ. Я было, да дворянинъ Сумбуловъ, да еще кое-кто изъ нашихъ крикнули: «Ивану Алексѣевичу!» А вся толпа заорала: «Петру Алексѣевичу!» По-ихнему и стало. Да не надолго.

— Слыхали!

---

*) Говоритъ раскольникъ, врагъ патріарха.

— У меня много знакомыхъ стрѣльцовъ: давно хлѣбъ-соль водили. Прихожу я однажды къ Кузьмѣ Чермному. Ну, выпили мы и стали по душѣ говорить. «Знаешь, говоритъ, Савва, быть у насъ скоро гилю *) великому».—Отчего?—говорю. «А какъ же, говоритъ, Нарышкины съ Матвѣевыми царя Ѳедора извели, да и царевича Ивана извести хотятъ».

— Ну, Матвѣеву изъ Луха мудрено было Ѳедора изводить.

— А ты забылъ, что онъ колдунъ. Колдунъ можетъ за тысячу верстъ извести.

— И то правда.

— А слухъ ходилъ, что не сами Нарышкины и Матвѣевы, а по ихъ наущенію нѣмецъ дохтуръ Гадинъ **) зельемъ царя извелъ. И чудное, братецъ ты мой, дѣло. Какъ это цари этимъ иноземцамъ себя лѣчить дозволяютъ. Первое дѣло нехристь, да и прозвище такое—прямая гадина.

— Слышно, дохтуры всякое снадобье, что царю готовятъ, напередъ сами отвѣдываютъ.

— Это такъ. И не одни дохтуры, вотъ и Матвѣевъ, когда на него говорили, что онъ извелъ царя Алексѣя Михайловича, тоже оспаривалъ: «Я, говоритъ, вмѣстѣ съ дохтуромъ да съ боярином Хитрово всякое снадобье, приготовленное для царя, отвѣдывалъ да и остатки допивалъ».

— Ну, что же у васъ дальше съ Чермнымъ было?

— Не одинъ тутъ Чермный верховодилъ, тоже Борисъ Одинцовъ, Абросимъ Петровъ, изъ начальныхъ людей полуполковники: Иванъ Озеровъ да Иванъ Цыклеръ.

— Изъ нѣмцевъ, знать.

— Изъ нѣмцевъ, да нашъ законъ принялъ. Лихой парень. Тоже стольники Александръ Милославскій, Иванъ и Петръ Андреичъ Толстые. Постельница Ѳедора Семеновна Родимица имъ вѣсти сверху отъ царевны Софьи приносила и много о неправдахъ Нарышкиныхъ да Матвѣева говорила. Бояре Иванъ Андреичъ Хованскій да Иванъ Михайловичъ Милославскій тоже съ нимъ были заодно, только не выставлялись до времени.

— Извѣстно дѣло—чужими руками жаръ загребать не въ примѣръ лучше. Знаю я ихъ обоихъ довольно. Мило-

*) Мятежу.
**) Фонъ-Гаденъ.

славскій—что твоя лисица, а Хованскій не даромъ тараруемъ прозванъ.

— Ну, ты, братъ, о Хованскомъ такъ не говори: услышитъ кто ни на есть изъ стрѣльцовъ, башку снесутъ. Онъ имъ теперь замѣсто отца родного. Да и нашей вѣры ревнитель.

— А коли такъ, дай ему Господь долгій вѣкъ и на враги побѣду и одолѣніе.

— Аминь. Вотъ, братецъ ты мой, утромъ дней черезъ шесть послѣ вешняго Николы иду я близъ Стрѣлецкой слободы, слышу тамъ въ набатъ бьютъ. Думаю, не пожаръ ли, побѣжалъ туда. Вижу, стрѣльцы собираются, строятся. Спрашиваю Чермнаго, что такое? «Пріѣзжали, говоритъ, сегодня къ намъ Александръ Милославскій да Петръ Толстой, сказывали, что Нарышкины царевича Ивана задушили. Такъ мы всѣ наверхъ идемъ, царскихъ измѣнниковъ казнить. Намъ и листы съ ихъ именами розданы». Собрались стрѣльцы, взяли знамена, ударили въ барабаны и пошли въ Кремль. И я за ними.

— А что же бояре?

— Надо быть, перепугались. Сколько ихъ тутъ на Москвѣ, соберись-ка они всѣ съ челядью да солдатскіе полки, такъ не скоро-бы ихъ стрѣльцы одолѣли.

— А солдаты не заодно со стрѣльцами были?

— Только бутырскіе заодно. Видишь, прежде такое дѣло было. Жаловались стрѣльцы да и бутырскіе на своихъ полковниковъ и начальныхъ людей, что очень тѣснятъ ихъ, жалованье не отдаютъ, на себя работать заставляютъ. Такъ тогда бояре струсили: полковниковъ головой стрѣльцамъ выдали. Не мало стрѣльцы тогда своихъ начальныхъ людей побили. Это имъ и духу теперь придало. Опять же и изъ стрѣльцовъ Сухаревскій полкъ съ другими не пошелъ.

— Какъ такъ?

— Пятисотника Бурмистрова да пятидесятника Борисова послушались.

— Какъ же за то стрѣльцы Бурмистрова съ Борисовымъ не ухлопали?

— А Сухаревскій полкъ заступился бы, нельзя же съ цѣлымъ полкомъ драться, на своихъ рука не подымется.

— Ну, что же дальше было?

— Пришли это мы въ Кремль, кричимъ: «Зачѣмъ ца-

ревича Нарышкины удушили? Выведемъ измѣнниковъ и губителей царскаго рода!» Смотримъ, выходитъ на крыльцо царица, ведетъ одной рукой царевича Ивана, другой Петра; мы такъ и онѣмѣли. Однако иные стрѣльцы и тутъ не повѣрили, приставили лѣстницу, взлѣзли на крыльцо да и спрашиваютъ: «Прямой ли ты царевичъ, Иванъ Алексѣичъ? Кто тебя изъ бояръ измѣнниковъ изводитъ?» А онъ и сказалъ на то: «Никто меня не изводитъ и жаловаться мнѣ не на кого». И видимъ, что точно прямой царевичъ — всѣ стрѣльцы его довольно знаютъ. А тутъ еще вышелъ Матвѣевъ да и давай стрѣльцовъ медоточивыми словесами уговаривать. Вотъ и послышались голоса: «И впрямь намъ все наврали! Царевичъ живехонекъ! Пойдемте, ребята, въ слободы! А ты, бояринъ, постарайся, чтобы царь на насъ не гнѣвался».—Хорошо, говоритъ, постараюсь,—и ушелъ наверхъ. А тутъ стали промежду рядовъ люди ходить и уговаривать стрѣльцовъ, чтобы не ворочались, не выведя измѣну, что-де, хоть теперь царевичъ не убитъ — послѣ убьютъ. Появились на площади и боченки съ виномъ, слышно, царевна Софья выслала. Ну, выпили мы, посмѣлѣе стали, кто поудалѣй, ко крыльцу подошли, какъ тутъ выскочитъ Долгорукій...

— Юрій?

— Нѣтъ, сынъ его Михайла. Юрій ужь очень старъ сталъ, такъ начальство надъ стрѣльцами перешло къ сыну его Михайлѣ. Юрья-то стрѣльцы и любили и побаивались, а Михайлу въ грошъ не ставили. А онъ принялся кричать на нихъ: «Ахъ, говоритъ, вы такіе, сякіе, пошли сейчасъ въ слободы, а то, говоритъ, перепорю».—Не много ли будетъ? — молвили ему стрѣльцы. А онъ пуще наскакиваетъ. Вотъ стрѣльцы обозлились, взлѣзли опять на крыльцо да внизъ его бросили, прямо на копья тѣхъ, что внизу стояли. «Любо ли?»—закричали стрѣльцы сверху. — Любо! — загудѣла толпа. Кто на крыльцо полѣзъ, кои другими ходами. Я попалъ въ толпу, что по сѣнямъ Грановитой палаты бѣжала. Вломились мы въ покои. Стрѣльцы бросились на Матвѣева. Царица и князь Михайла Алегуковичъ Черкасскій хотѣли оборонять его. Куда ты! изъ рукъ вырвали. Онъ было схватилъ подъ руку Петра. Ну, извѣстно, и то не помогло. Подивился я тогда на маленькаго царя. Другой бы сробѣлъ, заревѣлъ, а онъ ничего, смотритъ какъ молодой

Смотримъ, выходитъ на крыльцо царица.

кречетъ. Сбросили Матвѣева на площадь противъ Благовѣщенскаго собора и тамъ разрубили на мелкія части. Сунулся было патріархъ къ стрѣльцамъ, да ему закричали: «Намъ совѣтовъ не нужно, а время разбирать, кто намъ надобенъ!» А наверху все вверхъ дномъ. Царица съ сыномъ ушла въ Грановитую палату. А стрѣльцы повсюду бѣгаютъ, даже въ покояхъ царевича вездѣ царскихъ вороговъ ищутъ, подъ кровати заглядываютъ, перины перетряхиваютъ, въ чуланахъ роются, даже въ церквахъ престолы и жертвенники ощупываютъ, копьями въ нихъ тычутъ.

— Не подобало бы.

— Смотрю я, бьютъ какого-то боярина, кричатъ, что Аѳанасій Нарышкинъ имъ попался. Подошелъ я поближе, смотрю, вовсе это не Нарышкинъ, а стольникъ Ѳедоръ Салтыковъ. Зналъ я, что на Салтыковыхъ никто зла не думалъ, говорю: «Что это вы сдѣлали?»—Ошиблись,—говорятъ.

— Попасть подъ такую ошибку несходно!

— Сходимъ, говоритъ, къ отцу его Петру Михайловичу, повинимся передъ нимъ. Ну, пошли, и я съ ними, поглядѣть, что будетъ. И стойкой старикъ этотъ Салтыковъ. Хоть бы поморщился, когда стрѣльцы передъ нимъ винились: «Божья воля!» говоритъ, еще велѣлъ насъ виномъ да пивомъ угостить. А Нарышкинъ Аѳанасій все-таки не скрылся. Царицынъ карло Хомяка зло на него имѣлъ, такъ и указалъ, что Нарышкинъ спрятался въ сѣнной церкви Воскресенія подъ престоломъ, стрѣльцы его оттуда вытащили, убили и бросили на площадь. Другого Нарышкина, Ивана Ѳомича, въ своемъ домѣ за Москвой-рѣкой отыскали и тоже порѣшили. Идемъ мы отъ Салтыкова, смотримъ, стрѣльцы тѣло боярина волокутъ и кричатъ: «Дорогу! вотъ князь Григорій Ромадановской идетъ!» На Ромадановскаго они давно злы были, еще въ Чигиринскомъ походѣ, какъ онъ Украйну отъ турокъ ходилъ оборонять, такъ тѣснилъ стрѣльцовъ, вотъ они старину припомнили да и раздѣлались съ нимъ. Вотъ какъ мы съ этими стрѣльцами повстрѣчались, тѣ, что къ Салтыкову ходили, и начали его хвалить: «Не злится-де нисколько, еще вина подалъ!»—А знаете, ребята,—крикнулъ кто-то изъ стрѣльцовъ,—сходимъ-ка тоже къ Юрью Долгорукому, повинимся, сынишка его Мишка безпутный былъ, а старикъ хорошій, воздадимъ ему честь.

— Хороша честь!

— Извѣстно, спьяна. Ну, пришли. А Юрью, чай, годовъ восемьдесятъ было, лежалъ онъ больной. Тоже ничего не сказалъ, велѣлъ пива да вина вынести. Выпили мы да ушли. Только идемъ, а за нами холопъ князь-Юрья бѣжитъ. Я и холопа того довольно знаю, князь незадолго до того его постегалъ. «Знаете,—закричалъ холопъ стрѣльцамъ,—что князь говорилъ?»—А что? «Только-что вы ушли, а къ нему прибѣжала невѣстка, князя Михайлова жена, выть начала, а онъ и говоритъ ей: не плачь! щуку-то они съѣли, а зубы остались, не долго имъ, ворамъ, бунтовать, скоро будутъ висѣть на зубцахъ по стѣнамъ Бѣлаго да Земляного города!» — Такъ вотъ онъ какъ! — закричали стрѣльцы, воротились, вытащили Долгорукаго на дворъ и разрубили на части. Ну, погуляли стрѣльцы цѣлый день, повоевали и домой ушли, а у воротъ вездѣ, въ Кремлѣ, въ Китаѣ и въ Бѣломъ городѣ крѣпкіе караулы разставили.

— И карманы тоже, чай, набили?

— Не безъ того. И людямъ ни въ чемъ неповиннымъ досталось. Волокутъ это стрѣльцы убитаго боярина, кричатъ: «любо ли»? отвѣчай «любо!» не то худо будетъ. На завтра утромъ собрались стрѣльцы, кой-кто и изъ нашихъ пришелъ.

— А холопи?

— Холопи къ стрѣльцамъ, почитай, не приставали. Опять пошли мы въ Кремль, кричатъ стрѣльцы, что ежели Ивана Нарышкина, брата царевича, не выдадутъ, то они всѣхъ бояръ перебьютъ. На Ивана Нарышкина пуще всѣхъ злы были. Когда еще царя Ѳедора погребали, я смотрѣлъ въ ту пору. Диву мы дались, какъ увидали за гробомъ царевну Софью. Никогда допрежъ того не водилось, чтобы царевны передъ народомъ показывались. А она идетъ голубушка за гробомъ, убивается, такъ ревмя и реветъ. Весь народъ въ ту пору это запримѣтилъ. А царица Наталья съ Петромъ не дождались конца отпѣванья, наверхъ ушли. Въ тѣ поры тетки царевы Анна да Татьяна Михайловны на то прогнѣвались, послали монахинь царицѣ сказать: «Хорошъ-де братъ, отпѣванья не дождался»! А царица точно безъ гнѣва отвѣтила: «Ребенокъ-де, не могъ такой длинной службы выстоять». Ивана Нарышкина на ту пору только-что изъ ссылки воротили. Такъ онъ важный, какъ пѣтухъ, ходилъ

и молвилъ: «Кто умеръ, тотъ пусть и лежитъ, а царское величество не умиралъ, живъ». И такъ это слово всѣмъ тогда обидно показалось. Такъ всѣ и подумали, что Иванъ Нарышкинъ дерзостный человѣкъ. И какъ стали про него разсказывать, что будто царскій вѣнецъ и одѣяніе на себя примѣривалъ, то многіе тому и повѣрили. Такъ вотъ стрѣльцы пуще всего до него добирались. Однако на другой день не поймали его: вдова царя Ѳедора у себя его скрыла. А какъ были мы на другой день въ Кремлѣ, подъѣхалъ къ намъ князь Хованскій да и спрашиваетъ: «Не выслать ли изъ дворца царицу Наталью Кирилловну?» А они закричали: «любо! любо!» Однако на другой день ничего не сдѣлали, пришли на третій. Моя одна знакомка служитъ въ постельницахъ наверху, такъ она разсказывала мнѣ. Какъ пришли на третій день стрѣльцы, такъ и учали царевны и бояре упрашивать царицу, чтобы она выдала брата. Царевна Софья такъ прямо и сказала: «Брату твоему не отбыть отъ стрѣльцовъ; не погибать же намъ всѣмъ за него!» Привели Нарышкина въ церковь Спаса за золотой рѣшеткой. Начала царица съ братомъ прощаться. Постельница говоритъ: «Глядя на нее, и я наплакалась». А царевна Софья посовѣтовала, чтобы Нарышкинъ взялъ образъ Богоматери да съ нимъ къ стрѣльцамъ вышелъ. «Увидятъ-де образъ, такъ, можетъ быть, и ничего не сдѣлаютъ». А стрѣльцы знай покрикиваютъ. Перетрусили бояре, стали торопить царицу. Князь Одоевскій сказалъ ей: «Сколько вамъ, государыня, ни жалѣть, а все ужь отдать придется; а тебѣ, Иванъ, отсюда скорѣе идти надобно, а то намъ всѣмъ придется погибнуть изъ-за тебя».

— Что же? образъ Нарышкину не помогъ?

— Извѣстно, не помогъ. Схватили его, потащили въ константиновскій застѣнокъ, стали пытать, однако онъ и съ пытки не повинился. А вотъ Гадинъ такъ не вытерпѣлъ. Онъ, зная бѣду неминучую, ушелъ изъ нѣмецкой слободы, двои сутки въ Марьиной рощѣ скитался, да голодъ не свой братъ: опять въ свой Кокуй пришелъ. Тѣмъ временемъ у него похозяйничали. Какихъ только гадовъ сушеныхъ у него не нашли!

— Безъ гадовъ нельзя, колдунамъ гады первое дѣло.

— Сцапали Гадина, онъ сперва ни въ чемъ не признался. «Какъ, говоритъ, могъ я государя уморить, когда

всѣ снадобья и самъ я и бояре пробовали?» А стрѣльцы ему на то: «Коли за отраву тебя не казнять, такъ за чернокнижество надо!» А какъ на дыбу его встянули, такъ онъ и повинился. «Дайте, говоритъ, три дня сроку, такъ я всѣхъ достойныхъ казни укажу».— Долго ждать!— крикнули стрѣльцы и порѣшили его. Казнили и Языкова. А потомъ стрѣльцы потребовали, чтобы государь Иванъ Алексѣевичъ тоже царствовалъ. Такъ и сталось. А правительницей царевна Софья сдѣлалась.

— Не бабье бы это дѣло.

— А развѣ встарину святая княгиня Ольга не правила?

— То другое дѣло. За малолѣтствомъ сына кому какъ не матери править.

— Ну, а тутъ царь Иванъ скорбенъ главою, такъ вмѣсто его сестра побудетъ. Начальникомъ надъ стрѣльцами Хованскій поставленъ, только онъ во всемъ Алексѣя Юдина, выборнаго отъ Воробина полка, слушается.

— Знаю его, крѣпко древняго благочестія держится.

— Вотъ тутъ-то и пошло настоящее дѣло. Стрѣльцовъ деньгами наградили, надворной пѣхотой назвали да столбъ на Красной площади поставили, на немъ вины побитыхъ бояръ написали, чтобы тотъ столбъ въ похвальбу стрѣльцамъ былъ, что они за царя постояли. Да только, что всѣ эти награды? Тлѣнъ и суета. О душѣ подумать надо.

— Извѣстно, душа прежде всего.

— Изъ стрѣльцовъ больше такихъ, которые старую вѣру держатъ, въ Титовомъ полку почитай всѣ. Вотъ и стали тамъ толковать, какъ бы старую вѣру изыскать и подать челобитную, чтобы патріархъ и власти дали отвѣтъ отъ божественнаго писанія, за что они старыя книги возненавидѣли и возлюбили новую латино-римскую вѣру? Въ полку не нашлось человѣка, кто сумѣлъ бы написать челобитную. Стали они спрашивать нашего чернослободца Семена Калачникова, не знаетъ ли онъ такого человѣка, а онъ меня, да Ивана Курбатова, да Никиту Борисова спросилъ. А мы всѣ въ одинъ голосъ и сказали, что нѣтъ такого ревнителя отеческихъ преданій какъ ты, честный отче.

— На добромъ словѣ спасибо.

— Еще бы я о тебѣ того не сказалъ! Слава Богу, въ то время тебя довольно зналъ, когда я келейникомъ Ма-

карьевскаго Желтоводскаго монастыря былъ. А тутъ, какъ нарочно, ты пришелъ. Не явное ли то произволеніе Божіе?

— Воистину!

— Постоимъ за правую вѣру.

— Постоимъ.

И принялся отецъ Сергій писать челобитную, постарался же, часовъ пять за ней просидѣлъ, даже въ потъ его не разъ бросало. Калачниковъ тѣмъ временемъ въ Титовъ полкъ побѣжалъ съ радостною вѣстью, что ревнитель отыскался. Пришелъ изъ полка пятисотенный съ другими стрѣльцами.

— Попекитесь, братія,—сказалъ Сергій,—о столькихъ душахъ, погибающихъ отъ новыхъ книгъ, не дайте насъ на поруганіе, какъ прежде, братію нашу жечь да мучить, а мы готовы обличать ихъ новую вѣру.

— Готовы, честный отче,—отвѣчалъ пятисотенный,—съ вами заодно умереть за старое благочестіе; коротко скажемъ: что будетъ вамъ, то и намъ.

А когда стали читать стрѣльцамъ передъ съѣзжей избой челобитную, сочиненную Сергіемъ, то они диву дались, а нѣкоторые отъ умиленія даже заплакали.

— Отъ роду не слыхали мы такого описанія ересей въ новыхъ книгахъ!

— Подобаетъ, братія, постоять за старую вѣру и кровь свою пролить за Свѣта Христа. За тлѣнное готовы головы свои положить, за Христа Свѣта для чего не умереть?

Доложили Хованскому, что отыскался ревнитель и что челобитная на обличеніе никоніанцевъ готова. Повели ревнителя и въ домъ къ боярину. Но тамъ пришлось часа три подождать, потому что у Хованскаго были гости. Вышелъ наконецъ бояринъ, ласково принялъ старца, чтобы увѣрить въ своемъ православіи, символъ вѣры, какъ онъ въ расколь-ничьихъ книгахъ пишется, прочиталъ, не выпустилъ аза, а о Духѣ святомъ такъ: «И въ Духа святаго, Господа истиннаго животворящаго» *). Къ этому бояринъ прибавилъ:

— Тако вѣрую и тако исповѣдую и молю Бога, дабы умилосердился о народѣ христіанскомъ, не далъ до конца погибнуть душамъ христіанскимъ отъ нынѣшней новой Никоніанской вѣры. Тлѣнную славу міра сего во уметы вмѣняю. Ибо что она? Едино благочестіе на все полезно.

---

*) Т.-е. какъ читаютъ раскольники.

— Изволь, царскій бояринъ,—сказалъ Сергій,—послушать.

Прослушавъ челобитную, Хованскій спросилъ, кто ее написалъ.

— Азъ худый потрудихся.

— Вижу тебя, отче, инока смиренна и тиха и неродословна, не будетъ тебя на такое великое дѣло, надо противъ нихъ человѣку многоглаголивому отвѣтъ держать.

— Хотя я и не многословесенъ и не навыченъ крикамъ ихъ и высокорѣчію, однако надѣюсь на Сына Божія, рече бо: «Не вы будете глаголющіи, но Духъ Отца вашего».

— Конечно, конечно, а все бы старцевъ словесныхъ поискать.

— Да ужь пришли,—сказалъ пятисотенный,—изъ Волоколамскихъ пустынь отцы Савватій, Дороѳей да Гавріилъ.

— А еще я наслышанъ,—прибавилъ Сергій,—что пришелъ и отецъ Никита, что вмѣстѣ съ Аввакумомъ, Ѳедоромъ и Лазаремъ книги исправлялъ и потомъ отъ никоніанцевъ вкупѣ же мученіе пріяли.

— Да слышно, тогда Никита отъ исповѣданія вѣры отрекся и писаніе на себя далъ.

— Не въ силу, зане дано страха ради іудейска.

5 іюля огромная толпа стрѣльцовъ и чернослободцевъ шла въ Кремль. Отпѣвъ молебенъ и благословясь у отца Никиты, они отправились поискать старой вѣры. Никита несъ крестъ, Сергій евангеліе, одинъ изъ монаховъ икону страшнаго суда, другой икону Божіей Матери, иные несли книги и аналои. Народъ отовсюду выбѣгалъ и слѣдовалъ за раскольниками.

— Слышно, съ патріархомъ о вѣрѣ претися будетъ.

— Пусть прутся! Послушаемъ, чья правда.

— Гляди-кось, у монаховъ клобуки-то какіе. Совсѣмъ на глаза надвинуты.

— По старинѣ значитъ.

— Встарину-то лучше было.

— А сами вишь какіе испитые.

— Не толсты брюхи-то у нихъ, знать постятся.

Однако-жъ не всѣ стрѣльцы шли съ раскольниками. Недалеко отъ Кремля двое изъ нихъ разговаривали, глядя на идущую толпу.

— Пошли мутить!

— И князь, говорятъ, съ ними заодно.

— Какъ же, говорятъ, сказалъ имъ: «Самъ я пою и вѣрую по старымъ книгамъ».

— Никита, сказываютъ, просилъ, чтобы патріархъ противъ ихъ челобитной отвѣтъ далъ раньше вѣнчанья государей, чтобы вѣнчанье, слышь, по старинѣ было, чтобы патріархъ на семи просвирахъ служилъ и крестъ на просвирахъ былъ по-старому. Князь сказалъ, что по-старому и будетъ. Никита и просвирню нашелъ, она ему просвиры по-ихнему испекла, онъ и въ Успенскій съ ними въ день вѣнчанья царей пошелъ, да за народомъ пробраться не могъ. Такъ просвиры свои и роздалъ.

— Больше они на этого Никиту надѣются, а онъ недаромъ Пустосвятомъ прозванъ.

— Да еще что выдумали! по всѣмъ нашимъ приказамъ стали челобитную носить, чтобы, значитъ, подписывались. А чего подписываться-то? Я такъ прямо и сказалъ: Никого мучить за старую вѣру не дадимъ, а подписываться тоже не будемъ. Старцы намутятъ да и уйдутъ, а о вѣрѣ спорить не наше дѣло».

— Изъ восемнадцати приказовъ только въ девяти да еще пушкари подписались. А князю сказали, что всѣ полки и чернослободцы хотятъ за старую вѣру стоять.

— Изъ чернослободцевъ тоже есть мужики задорные. Вотъ, примѣрно, Павелъ Даниловецъ. Онъ вмѣстѣ съ другими слобожанами и нашими выборными къ патріарху ходилъ. Выборныхъ, сказываютъ, патріархъ угостилъ. Учалъ имъ патріархъ говорить, что онъ пастырь и не слѣдъ супротивъ него бунтоваться. А Павелъ ему на то: «Вправду, говоритъ, вы образъ Христовъ на себѣ носите, а Христосъ сказалъ: «Научитеся отъ Меня, яко кротокъ есть и смиренъ сердцемъ», а не срубами, не огнемъ, не мечомъ грозилъ.

— Отпѣлъ, значитъ, патріарху-то.

— Однако и патріархъ ему на то: «Казнили-де за то, что насъ еретиками называютъ и церкви не повинуются». А какъ сталъ патріархъ благословлять, такъ Павелъ говоритъ: «Благослови по-старому». Патріархъ не согласился, Павелъ такъ безъ благословенья и ушелъ. А князь, сказываютъ, его въ голову поцѣловалъ и сказалъ: «Не зналъ я, малый, тебя до сей поры».

— А вчерась видѣлъ я, братецъ ты мой, на Красной пло-

щади. Принялись тамъ эти старцы проповѣдывать. Патріархъ и выслалъ противъ нихъ Савву. Ну, и досталось же тому Саввѣ! Едва ноги унесъ.

— А третьягодня за то же монаха Чешиху у Москворѣцкихъ воротъ помяли.

Раскольники остановились у Архангельскаго собора, разставили аналои, покрыли ихъ пеленами, разложили крестъ, евангеліе, образъ, зажгли свѣчи. Выборные стрѣлецкіе пошли наверхъ къ Хованскому спросить, когда изволитъ быть собору.

— Смотри-ка, смотри, кто тамъ у Грановитой палаты?

— Я знаю, кто: Верхоспасскій протопопъ Василій.

— Эй, ты! Что тебѣ надо?

— Владыко патріархъ послалъ меня,—сказалъ Василій, дрожа отъ страха,—прочитать обличеніе на Никиту, какъ онъ прежде раскаивался предъ соборомъ во всѣхъ своихъ раскольничьихъ заблужденіяхъ.

— Читай!

— Не надо!

— Мало ли что скажешь, какъ жечь будутъ.

— Говорятъ, молчи, не читай!

И стрѣлецъ ударилъ протопопа, тетрадь у него отняли, хотѣли изорвать, а самого потащили къ раскольничьимъ монахамъ.

— Зачѣмъ его бить?—сказалъ Сергій,—вѣдь онъ не самъ собою пришелъ, а присланъ патріархомъ. Пусть дочитываетъ.

Но за шумомъ нельзя было и разслышать, что читалъ Василій, а толпа волновалась, хотѣла его каменьями побить.

— Что всуе трудишься?—сказалъ ему Сергій,—видишь, никто не слушаетъ.

— А ты самъ,—крикнули изъ толпы,—отче, поучи насъ.

— Наставь, како избѣжать прелести никоніанскія.

Сергій взлѣзъ на скамью и началъ читать написанныя въ Соловецкомъ монастырѣ тетради о крестномъ знаменіи, о крыжѣ, просфорахъ и прочихъ новшествахъ. Читалъ онъ гнусливымъ голосомъ нараспѣвъ. Толпа не понимала большую часть того, что онъ читалъ, но тѣмъ не менѣе умилялась, многіе вздыхали, иные даже плакали.

— У! какъ народъ тѣснитъ,—шепнулъ отецъ Дорофей отцу Гавріилу,—съ меня потъ градомъ льетъ.

Сергій усталъ читать, остановился, но толпа кричала:

— Скажи намъ, Господа ради, отъ божественныхъ писаній, чтобы душамъ нашимъ не погибнути.

— Читай ты,—сказалъ Сергій Саввѣ Романову.

— Не мое это дѣло, а ваше,—отвѣтилъ тотъ,—на то вы и званы.

Воротились выборные и сказали, что патріархъ зоветъ отцевъ въ Грановитую палату.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Сергій,—пусть патріархъ свидѣтельствуетъ книги предъ всѣмъ народомъ, а въ палату мы не пойдемъ.

Народъ криками поддерживалъ это требованіе.

— Почему бы владыкѣ и нейти туда?—говорилъ наверху Хованскій Софьѣ.

— Это въ середину мятежниковъ идти,—отвѣчала она,—это, храни Богъ, пожалуй то же, что съ Саввой да съ Чешихой, будетъ. Пусть въ палату идутъ. И я пойду туда съ государями.

— Какъ это, государыня, возможно! Народъ буйный, дикій. Того и гляди, стрѣльцы вновь возмутятся. А въ мятежѣ народъ что звѣрь! Есть такія сорви-головы, что и на царей и на тебя руку поднимутъ!

— Буди воля Божія, а не оставлю святой церкви и ея пастыря.

Бояре между тѣмъ въ ужасѣ толпились во дворцѣ.

— Просите, ради Бога, царевну,—сказалъ имъ Хованскій,—чтобъ она не ходила въ Грановитую съ патріархомъ, а пойдетъ, то при нихъ быть и намъ и всѣмъ погибнуть.

Бояре принялись уговаривать царевну, но она настаивала, что непремѣнно пойдетъ въ палату. Съ ней вызвались идти царица Наталья Кирилловна и царевны Татьяна Михайловна и Марья Алексѣевна. Софья послала сказать патріарху, чтобы онъ шелъ въ Грановитую палату, но не черезъ Красное крыльцо, во избѣжаніе оскорбленій отъ раскольниковъ, а по ризположенской лѣстницѣ.

На царскомъ мѣстѣ на тронахъ сѣли царевны Софья и Татьяна, ниже ихъ въ креслахъ царица, царевна Марья и патріархъ, направо—архіереи, налѣво—бояре, другіе сановники и стрѣлецкіе выборные.

Раскольники съ шумомъ вошли въ Грановитую палату, разставили тамъ свои аналои и свѣчи какъ на площади. Свѣтскихъ лицъ, не раскольниковъ, Хованскій запретилъ пускать въ палату, даже священниковъ не всѣхъ пропустилъ и кричалъ на нихъ:

— Ахъ вы, плуты! Я ничего не знаю, а ихъ набралось, что кабацкихъ ярыжекъ!

— Зачѣмъ пришли въ царскія палаты?—спросилъ патріархъ раскольниковъ,—и чего требуете отъ насъ?

— Мы пришли къ царямъ государямъ,—отвѣчалъ Никита,—побить челомъ объ исправленіи православной вѣры, чтобъ дали намъ свое праведное разсмотрѣніе съ вами, новыми законодавцами, и чтобъ церкви Божіи были въ мирѣ и соединеніи.

— Не вамъ подобаетъ исправлять церковныя дѣла, — возразилъ патріархъ,—вы должны повиноваться матери своей святой церкви и архіереямъ, пекущимся о вашемъ спасеніи. Книги исправлены съ греческихъ и нашихъ харатейныхъ *) книгъ по грамматикѣ, а вы грамматическаго разума не коснулись и не знаете, какую содержитъ въ себѣ силу.

— Мы не о грамматикѣ пришли съ тобой говорить, а о церковныхъ догматахъ, ты вотъ скажи-ка мнѣ, зачѣмъ архіереи при осѣненіи берутъ крестъ въ лѣвую руку, а свѣчу въ правую?

Холмогорскій епископъ Аѳанасій началъ объяснять, отчего такъ дѣлается, но Никита бросился на него съ поднятымъ кулакомъ и закричалъ:

— Что ты, нога, выше головы ставишься? Я не съ тобой говорю, а съ патріархомъ.

Стрѣлецкіе выборные удержали Никиту. Софья вскочила съ мѣста.

— Видите, что Никита дѣлаетъ? Въ нашихъ глазахъ архіерея бьетъ, а безъ насъ и подавно-бы убилъ.

— Не билъ, государыня,—послышалось между раскольниками,—а только рукой отвелъ.

— Тебѣ-ли, Никита, съ патріархомъ говорить?—продолжала Софья, — не довелось тебѣ у насъ и на глазахъ быть. Помнишь-ли, какъ ты отцу нашему, и патріарху, и всему собору принесъ повинную, клялся великою клятвою

---

*) Харатья называютъ пергаментъ.

впередъ о вѣрѣ не бить челомъ, а теперь опять за то же принялся.

— Не запираюсь,—отвѣчалъ Никита,—поднесъ я повинную за мечемъ да за срубомъ, а на челобитную мою, которую я подалъ на соборъ, никто мнѣ отвѣта не далъ изъ архіереевъ; сложилъ на меня Семенъ Полоцкій книгу «Жезлъ», но въ ней и пятой части противъ моего челобитья нѣтъ: изволишь, я и теперь готовъ противъ «Жезла» отвѣчать, и если буду виноватъ, то дѣлайте со мной, что хотите.

— Не стать тебѣ съ нами говорить и на глазахъ нашихъ быть.

Софья приказала читать челобитную, сочиненную ревнителемъ. Въ этой челобитной говорилось между прочимъ, что чернецъ Арсеній еретикъ съ Никономъ поколебали душею царя Алексѣя Михайловича. Какъ стали читать это мѣсто, Софья опять вскочила и стала говорить со слезами на глазахъ:

— Если Арсеній и патріархъ Никонъ еретики, то и отецъ нашъ и братья еретики; выходитъ, что нынѣшніе цари не цари, архіереи не архіереи; мы такой хулы не хотимъ слышать, что отецъ нашъ и братья еретики—мы пойдемъ всѣ изъ царства вонъ.

— А давно тебѣ пора въ монастырь,—раздалось между раскольниками, — полно царствомъ-то мутить, намъ бы здоровы были цари государи, а безъ васъ пусто не будетъ.

Но стрѣлецкіе выборные и бояре, въ томъ числѣ и Хованскій, окружили Софью, когда она сошла со своего мѣста, и убѣждали остаться. Софья сказала стрѣльцамъ, что во всемъ они виноваты, и что раскольники, надѣясь на нихъ, сдѣлались такъ дерзки. Къ этому она прибавила:

— Если мы должны жить въ такомъ порабощеніи, то царямъ и намъ здѣсь больше жить нельзя: пойдемъ въ другіе города и возвѣстимъ всему народу о такомъ непослушаніи и разореніи.

Стрѣльцы испугались. Они знали, что если соберется войско изъ другихъ городовъ, то имъ придется плохо. Они стали увѣрять въ своей вѣрности и упросили Софью остаться. Она опять сѣла на прежнее мѣсто и началось состязаніе о вѣрѣ. Ссылаясь на Евангеліе, писанное святымъ митрополитомъ Алексѣемъ, и на постановленія собора русскихъ архіе-

реевъ вмѣстѣ со вселенскимъ патріархомъ Іереміей, осудившаго раскольничьи толки, патріархъ и православное духовенство опровергли всѣ нападки раскольниковъ.

— А посмотрите-ка,—сказалъ одинъ изъ православныхъ священниковъ, показывая одну изъ книгъ, въ которыя вѣровали раскольники,—что написано въ этой книгѣ, которой вы слѣдуете: «Разрѣшается на мясо въ великій четвертокъ и субботу!»

— Такіе же плуты какъ и вы печатали,—вскричалъ Никита.

Къ счастію, заблаговѣстили къ вечернѣ. Это послужило поводомъ къ прекращенію собора. Раскольники со своими образами, книгами и налоями торжественно пошли по Москвѣ и, поднимая два перста, кричали: «Всѣхъ препрѣли, всѣхъ побѣдили! Тако вѣруйте. Тако креститесь!»

— Послѣ такихъ трудовъ и отдохнуть надо,—сказалъ Сергій отцамъ Савватію и Гавріилу,—я, правду сказать, постомъ къ собору готовился и вчерась ничего не вкушалъ. А теперь все равно, что праздникъ.

— Разрѣшеніе вина и елея,—согласился Савватій.

— Подобаетъ вкусить укрухъ хлѣба и чепаруху вина,—прибавилъ Гавріилъ.

Надо полагать, что отцы вкусили не по одной чепарухѣ. Уже было за полночь, а они все еще продолжали вкушать, какъ въ покой къ нимъ спѣшно вошелъ отецъ Дорофей. На немъ, какъ говорится, лица не было.

— Бѣда, братіе!—вскричалъ онъ.—Злочестивая царевна ульстила стрѣльцовъ своими рѣчами и подарками. Никита уже схваченъ, сейчасъ и до насъ доберутся.

— Изыдемъ, братіе, изъ града сего.

— Мы въ свои пустыни.

— А я въ Заонежье, въ Выгорѣцкій скитъ, ко князю Мышицкому,—сказалъ Сергій.

Второпяхъ ревнитель оставилъ своего спутника Игнашку. Но въ Выгорѣцкій скитъ уйти Сергію не удалось. Его схватили, и только заступничество Хованскаго спасло его отъ смерти. Сергія сослали въ Ярославль, въ Спасскій монастырь, а Никиту Пустосвята казнили.

XIV.

ЦАРСТВЕННЫЯ БОЛЬШІЯ ПЕЧАТИ

II

государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель.

(1682—89 гг.).

АРСКІЙ дворецъ въ селѣ Коломенскомъ былъ точь-въ-точь хорошенькая игрушка. Флаги, башни, крыши въ видѣ сводовъ и бочекъ, «гульбища», т.-е. балконы около теремовъ, яркія краски придавали ему свѣжій, праздничный видъ. 2 сентября 1682 года онъ былъ особенно оживленъ. Великіе государи и царевна-правительница изволили совершать туда *походъ*, т.-е. поѣздку. По многочисленности свиты это дѣйствительно напоминало походъ. Впереди шествія ѣхалъ постельный возокъ, при которомъ находились постельничій и стряпчій съ ключемъ, съ ними 300 жильцовъ по три въ рядъ въ цвѣтномъ платьѣ, на лошадяхъ въ ратной сбруѣ. Потомъ 300 конныхъ стрѣльцовъ, по пяти въ рядъ, 500 рейтаръ и 12 стрѣлковъ съ длинными пищалями. За стрѣлками дьякъ конюшеннаго приказа, государевы аргамаки и иноходцы. Передъ царскою каретою бояринъ, по правую сторону ея окольничій. Цари ѣхали въ англійской каретѣ шестерней, а царевна Софья съ тетками и сестрами въ каптанѣ въ 12 лошадей. На возницахъ кафтаны были бархатные и такія же шапки съ соболемъ и перьями. Кони тоже были богато украшены.

Несмотря на такую многочисленность ратныхъ людей, сопровождавшихъ государя, у дворцовыхъ воротъ не было никакого караула, можетъ быть оттого, что слѣдовало бы караулить стрѣльцамъ, а они не слушались въ то время своего начальства и легко уклонялись отъ исполненія обязанностей, которыя почему-либо казались имъ тягостными.

Раннимъ утромъ у воротъ показался мальчикъ лѣтъ одиннадцати. Онъ боязливо осмотрѣлся кругомъ, какъ-будто боясь, чтобы его не запримѣтили. Удостовѣрясь, что его никто не видитъ, онъ досталъ изъ-за пазухи какую-то бумажку и бросилъ ее къ воротамъ. Совершивъ этотъ подвигъ, онъ пустился бѣжать. Но едва онъ отбѣжалъ саженъ сто, какъ услыхалъ крикъ:

— Игнашка!

Мальчикъ сперва испугался, но увидя того, кто его окрикнулъ, успокоился. Это былъ тоже мальчикъ, немного постарше Игнашки, красивый и превосходно сложенный. Одѣтъ онъ былъ, подобно Игнашкѣ, въ одной рубашенкѣ и въ обноскѣ шляпы.

— Алексашка!—вскричалъ Игнашка,—а я думалъ нивѣсть кто. Ты какъ здѣсь?

— А отецъ въ походѣ съ царемъ, такъ и я присталъ. Ты куда это, какъ заяцъ удиралъ?

— Не спрашивай!

— Вотъ такъ дуракъ! Если ты что ни на есть напакостилъ, такъ сказать волей-неволей заставятъ. А мнѣ коли скажешь, бѣда не велика—развѣ я друга выдамъ?

— И то, сказать что ли?

— Извѣстно, скажи.

— Изъ Москвы-то я, братъ, удралъ.

— Отчего?

— Опасно стало. Не люблю этихъ проклятыхъ нѣмцевъ. Одежда у нихъ кургузая, бороды нѣту.

— А тебѣ борода на кой лядъ?

— Нѣтъ, братъ, ты этого не говори. Спаса какъ на иконахъ пишутъ? Съ бородой. Опять Страшный судъ какъ написанъ? всѣ въ нѣмецкихъ платьяхъ да безъ бородъ въ муку вѣчную идутъ.

— Ну что съ тобой толковать! Ты начетчикъ. Тоже, чай, какъ Никита Пустосвятъ да твой Сергій съ патріархомъ о вѣрѣ спорить пойдешь.

— Спорить не пойду, а о писаніи ты, братъ, ни, ни. Потому—я много наслышался.

— Ну наслышался, такъ и ладно.

— Вотъ и началъ я этихъ богомерзкихъ нѣмцевъ дразнить. Коего встрѣчу и кричу «шишъ на Кокуй!» Одинъ меня и хотѣлъ плетью огрѣть, а я въ него камнемъ пустилъ. Да такъ это, братецъ ты мой, ловко,—въ самую переносицу угадалъ. И запримѣтили это они меня, окаянные.

— Вздули?

— Нѣтъ, да грозиться стали. Ну, кабы Сергій на Москвѣ былъ, нашлись бы у меня заступники, всякому бы глотку заткнули, а безъ него пожалуй и отдерутъ нѣмцы.

— Безпремѣнно отдерутъ.

— Вотъ и уплелъ я изъ Москвы. Лѣтомъ въ лѣсу не въ примѣръ и лучше. Походилъ я, какъ бывало съ Сергіемъ. А вечоръ поздненько иду недалеко отсюда. Вдругъ вижу, ѣдетъ бояринъ, должно быть изъ набольшихъ, потому народу съ нимъ много. Я тотчасъ съ дороги сошелъ и въ землю ему поклонился. А онъ коня остановилъ да и велѣлъ меня къ себѣ привести. Сталъ спрашивать, кто такой. Ну, я сперва сробѣлъ, а послѣ ничего, сталъ говорить. Вотъ онъ, братецъ ты мой, и спрашиваетъ меня: «можешь ты службу мнѣ сослужить?» — «Могу, государь бояринъ. — «Знаешь Коломенское?»—«Какъ не знать, недалечко отсюда, туда я и брелъ теперь.—«Такъ вотъ эту самую бумагу брось ты завтра раненько къ воротамъ дворцовымъ. А за то дѣло тебѣ цѣлый алтынъ. Только смотри, чтобы никто не видалъ, какъ будешь бумагу бросать, а если запримѣтятъ и возьмутъ тебя, то не моги сказать, откуда ее взялъ. Сдѣлаешь?»—Могу, говорю.—«Вижу, что можешь, говоритъ. Только знай, если бумагу затеряешь, либо наказа не исполнишь, найду тебя на днѣ морскомъ и кожу сдеру».

— Вишь какой живодеръ.

— Далъ мнѣ бумагу съ алтыномъ да и уѣхалъ.

— Ты и не узналъ кто?

— Не узналъ. Показалось мнѣ, будто челядь его Иваномъ Михайловичемъ величала. И то навѣрняка не знаю.

— Что же, бумагу ты кинулъ?

— Какъ есть, кинулъ.

— И никто не видалъ?

— Ни одна душа.

— Алтынъ проѣлъ?

— Половину проѣлъ. А на другую, хочешь, пряниковъ купимъ да съѣдимъ.

— Отчего не съѣсть?

Между тѣмъ во дворцѣ, въ обширномъ покоѣ бесѣдовали двое бояръ. Окна покоя выходили на дворъ, и изъ нихъ видно было, что дѣлалось у воротъ. Бояре оба были еще довольно молоды, статны и красивы. Въ чертахъ ихъ замѣтно было фамильное сходство.

— Такъ-то, Василій Васильевичъ, сталъ ты государственныя печати оберегателемъ.

— Да, Борисъ Алексѣевичъ, и хотѣлось бы мнѣ на этомъ мѣстѣ не ударить лицомъ въ грязь. Вотъ кабы супротивъ Аѳанасія Лаврентьича Ордынъ-Нащокина.

— Умный былъ человѣкъ.

— Мало такихъ умныхъ. Шутка ли, Андрусовское перемирье заключилъ. Вотъ какъ бы мнѣ по тому перемирью вѣчный миръ Богъ привелъ совершить да навсегда Кіевъ за русскимъ царствомъ удержать. Опять почты завелъ, куранты.

— Это точно занятно въ курантахъ почитать, что на свѣтѣ дѣется.

— А какъ его государь Алексѣй Михайловичъ любилъ. Въ ту пору какъ у Аѳанасья Лаврентьича великое горе сдѣлалось: сынъ его царю государю измѣнилъ да въ чужія земли самовольно отъѣхалъ, враги Нащокина, — а немало ихъ было, думали, что государь на него прогнѣвался. А царь вмѣсто того своей рукой къ нему написалъ, какъ брата утѣшалъ. Да, особенный пріятель царскій былъ Аѳанасій Лаврентьичъ, все равно, что Никонъ или Матвѣевъ.

— И тебѣ жаловаться нечего — чай тебя не меньше любятъ.

Василій Васильевичъ Голицынъ улыбнулся.

— И недруговъ у меня немало. За одно мѣстничество сколько людей на меня злится.

— Дураки злятся. Что ты, изъ своей выгоды что ли хлопоталъ? Нашего-то рода кто старше? Только Черкасскіе, Воротынскіе да Трубецкіе *). Стало быть, мы и по разря-

---

*) Голицыны принадлежали къ шестнадцати первенствующимъ родамъ, которыхъ потомки, обойдя низшіе чины, имѣли право поступать прямо въ бояре. За ними стояли: Хованскіе, Морозовы, Шереметьевы, Одоевскіе, Пронскіе, Шеины, Салтыковы, Рѣпнины, Прозо-

дамъ всегда впереди были. Не о себѣ, а о пользѣ общей ты радѣлъ.

— Истинно, какъ передъ Богомъ, такъ. Сколько бѣдъ было отъ этого мѣстничества! Ужь подлинно, какъ патріархъ сказалъ: «Богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее». Сколько разъ наше войско оттого враги били, что воеводы, поссорясь изъ-за мѣстничества, помогать другъ другу не хотѣли! Когда государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ пожелалъ узнать, отчего были наши неудачи въ битвахъ съ поляками и турками, могъ ли я умолчать, что главною причиною этихъ неудачъ было мѣстничество.

— Что ты указалъ и всѣ другіе умные люди стали говорить противъ мѣстничества, этому я не дивлюсь, а вотъ и до сей поры понять не могу, какъ это дураки-то его не отстаивали.

— Мнѣ сдается, что всѣмъ оно надоѣло. Развѣ всегда охотой мѣстничались? Иной смирный, пресмирный человѣкъ, кажись, его самого обругай или прибей—стерпитъ, а вздумаютъ за царскій столъ посадить не по разряду, такимъ ершомъ ощетинится, что и не совладѣешь. А отчего? Оттого, что стерпи онъ поруху роду, его свои поѣдомъ съѣдятъ: вѣдь безчестье не ему одному, а всѣмъ имъ.

— Воистину такъ. Оттого вѣдь на пирахъ-то и спорили о мѣстахъ. На войнѣ другое дѣло, тамъ и безъ мѣстничества не хочется быть подъ началомъ, если видишь, что человѣкъ пустой, а на царскомъ пиру конечно только, чтобы родовую честь не потерять, не хотѣли садиться ниже другихъ. И вѣдь умора бывало! Иной бояринъ важный да толстый такой, чай въ храмѣ Божіемъ съ трудомъ на колѣни становится, и тутъ лѣзетъ подъ столъ, чтобы безчестья избыть. А иной разъ за это еще батожьемъ побьютъ.

— Не любилъ батожья покойный государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, даже за драку и пьянство отмѣнилъ батожье и велѣлъ штрафъ взимать. Людьми хотѣлъ насъ сдѣлать: не даромъ его Симеонъ Полоцкій всякимъ наукамъ обучилъ. Вотъ и боярамъ въ землю кланяться воспретилъ.

ровскіе, Буйносовы, Хилковы, Урусовы. Члены слѣдующихъ за ними 15 родовъ поступали прямо въ окольничіе: Куракины, Долгорукіе, Бутурлины, Ромодановскіе, Пожарскіе, Волконскіе, Лобановы, Стрешневы, Барятинскіе, Милославскіе, Сукины, Пушкины, Измайловы, Плещеевы, Львовы.

— Все это хорошо. А какъ стали разрядныя книги жечь, такъ будто маленько жаль стало, думалось, наша боярская честь не умалилась бы.

— Это отчего? Вѣдь теперь у насъ родословныя книги есть, въ которыхъ заслуги предковъ прописаны.

— Да ты думаешь, я теперь жалѣю? Нѣтъ, теперь я мыслю такъ, что человѣку надо своимъ умомъ да заслугами впередъ идти, ничѣмъ другимъ—такъ намедни и царю Петру сказалъ.

— А что Петръ?

— Что твой орленокъ молодой!

— Орленокъ, да малъ! А кругомъ-то...

— Всякая нечисть. Что Хованскій?

— Топорщится какъ пѣтухъ индѣйскій. Распустилъ стрѣльцовъ до того, что они все, что угодно, творятъ, а его за то батюшкой величаютъ. Шутка ли, что съ полковниками дѣлаютъ! Яковлева съ пограничной службы взяли и казнили, Барсукова и Кравкова головой имъ выдали. Въ Москвѣ будто постоянный мятежъ: поѣдетъ куда-нибудь Хованскій, стрѣльцы за нимъ толпой бѣгутъ да кричатъ: «большой, большой ѣдетъ!»

— А онъ чванится! Не даромъ его Тараруемъ прозвали. Тараруй и есть, хвастунишка.

— Извѣстно, не изъ умныхъ, да рѣзню завести, имѣя подъ рукой такихъ сорванцовъ, какъ стрѣльцы, дѣло немудреное. Недаромъ же похвалялся: «когда меня не станетъ, то въ Москвѣ будутъ ходить по колѣна въ крови». Можетъ это и при немъ, при живомъ, случиться! А дерзость-то его какая! Повелѣно ему было къ именинамъ царя Ивана Алексѣевича прислать сюда стремянной стрѣлецкій полкъ, а онъ знаетъ, что этотъ полкъ больше другихъ царевну любитъ, такъ вмѣсто того, чтобы сюда послать, въ Кіевъ этотъ полкъ услалъ. Опять, когда стрѣльцы выдумали брать съ дворцовыхъ волостей по 25 рублей на всякаго взятаго оттуда стрѣльца, и бояре на то не согласились, что тогда Хованскій говорилъ стрѣльцамъ: «Дѣти! знайте, что ужь бояре грозятъ и мнѣ за то, что хочу вамъ добра; мнѣ стало дѣлать нечего, какъ хотите, такъ и промышляйте!»

— Да говорилъ ли?

— Такъ царевнѣ донесли.

— Можетъ быть, Иванъ Михайловичъ Милославскій. Онъ, сказываютъ, съ Хованскимъ поссорился.

— Какъ же! Иванъ Михайловичъ потому и въ деревню уѣхалъ. въ Москвѣ побаивается Хованскаго.

— Ужь онъ всегда такъ! Подальше куда-нибудь, въ потемкахъ, да оттуда, какъ кротъ, и подкопается.

— Мастеръ выдумывать! Хованскій тоже иной разъ постарается, да сметки такой какъ у Милославскаго нѣтъ. Вотъ недавно сказалъ правительницѣ: «приходили ко мнѣ новгородскіе дворяне и говорили, что ихъ братья хотятъ приходить нынѣшнимъ лѣтомъ въ Москву, бить челомъ о заслуженномъ жалованьѣ, а на Москвѣ всѣхъ сѣчь безъ выбора и безъ остатка». А царевна ему на то: «надо сказать объ этомъ въ Москвѣ на постельномъ крыльцѣ всякихъ чиновъ людямъ, а въ Новгородъ, для подлиннаго свидѣтельства, послать великихъ государей грамоту».

— Славно! Это вѣрно ты царевну научилъ? Что же Хованскій?

— Струсилъ, сталъ упрашивать, чтобы этого не дѣлали.

— Тараруй какъ есть: набѣдокуритъ да и въ кусты.

— А все-же по нынѣшнему времени много вреда надѣлать можетъ. Всякая выдумка народъ, а особенно стрѣльцовъ волнуетъ. Выкрестъ татарскій царевичъ Матвѣй сказалъ, что бояре хотятъ стрѣльцовъ перевести, тоже и посадскій Бизяевъ крикнулъ, такъ чуть было стрѣльцы не возмутились, а какъ путемъ принялись за Матвѣева и Бизяева, такъ они и повинились, что смуту затѣяли напрасно.

— Что и говорить. Надо за Тараруемъ крѣпко смотрѣть... Что это тамъ у воротъ? Никакъ Даниловъ какую-то бумажку поднялъ и не знаетъ, что съ ней дѣлать.

— Что ему съ ней дѣлать! Онъ въ грамотѣ не силенъ. А вотъ я его кликну. По нынѣшнему времени никакими пустяками пренебрегать не надо.

Князь Василій Васильевичъ кликнулъ стрѣлецкаго полковника Данилова, поднявшаго ту самую бумагу, которую бросилъ Игнашка у воротъ дворца. Прочитавъ ее, князь задумался.

— Что? видно не пустое дѣло?

— Да, надо сейчасъ царевнѣ доложить.

Царевна тотчасъ же приняла Голицына.

— Важный доносъ, государыня.

— Отъ кого?

— Подписали стрѣлецъ и двое посадскихъ.

— А на кого доносятъ?

— На князя Ивана Андреича Хованскаго и на сына его Андрея.

— Что же такое?

— Будто онъ десять стрѣльцовъ да пять посадскихъ къ себѣ на домъ призывалъ, научалъ ихъ царей, тебя, царицу Наталью, патріарха и властей, насъ Голицыныхъ, Одоевскихъ, Черкасскихъ и Ивана Михайловича и другихъ бояръ побить, царевенъ постричь, кромѣ Екатерины, на которой Андрею жениться, а Ивану на престолъ сѣсть, патріархомъ же выбрать, кто бы старыя книги любилъ.

— Отъ Хованскихъ станется! Не даромъ онъ чванится тѣмъ, что отъ Гедимина происходитъ.

— Надо это дѣло сыскать хорошенько, можетъ быть и клевета на Хованскихъ.

— Какъ сыскать-то? Начни сыскъ, тотчасъ стрѣльцы поднимутся.

— А надо такъ сдѣлать, чтобы было кому съ ними справиться. Послѣ завтра походъ въ Воробьево сказанъ, потомъ въ Павловское, въ Савинъ сторожевскій монастырь, въ Глѣбово и въ Воздвиженское, а въ Воздвиженское будетъ гетманскій сынъ Семенъ черезъ двѣ недѣли. Такъ вотъ и велѣть всѣмъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ къ тому сроку въ Воздвиженское собраться. Да не просто созвать, а сказать, чтобы шли на защиту царскаго дома, пожалуй можно прибавить, что отъ стрѣлецкой измѣны. Тогда охотнѣе придутъ, потому что стрѣлецкія смуты всѣмъ надоѣли.

— Нельзя быть умнѣе! Да вотъ еще что: Хованскихъ, будто ничего не бывало, тоже въ Воздвиженское позвать. Тамъ ихъ легче поймать, чѣмъ въ Москвѣ, между стрѣльцами.

— Наврядъ Хованскій пойдетъ... А впрочемъ, можетъ быть... человѣкъ такой: ни осторожности, ни большого ума у него нѣтъ—лишь бы почваниться.

17 сентября 1682 года, въ день именинъ Софьи, къ вечеру стрѣльцы толпами сходились въ своей слободѣ, что-то неспокойна была надворная пѣхота. Впрочемъ съ мая мѣсяца они постоянно волновались, но теперь слышалось что-то особенно тревожное. Толковали съ ними въ слободѣ и чернослободцы изъ раскольниковъ.

— Ты говоришь, паренекъ сказывалъ?

— Да, прибѣгъ изъ Пушкина.

— Можетъ, сглупа вретъ.

— Парень хоть малъ, да не глупъ. Онъ съ отцомъ Сергіемъ былъ. Мы его довольно знаемъ.

— Да статочное ли дѣло, чтобы на нашего батюшку да на стрѣлецкихъ выборныхъ напали? Вѣдь мы за это все царство разнесемъ.

— Какъ есть разнесемъ!

— Да гдѣ парнишко-то? Его бы допросить.

— Безпремѣнно допросить.

Привели Игнашку. Громадная толпа стрѣльцовъ окружила его.

— Эй ты, сыченокъ, что ты тамъ болталъ?

— А шелъ я по селу Пушкину. Смотрю: между гумнами шатры стоятъ. Я и побѣжалъ поближе. Вижу, много стрѣльцовъ и старый Хованскій князь.

— Ты развѣ его знаешь?

— Когда не знаю! Да и челядь говорила.

— Ну, что же дальше?

— А дальше князь да стрѣльцы поужинали и спать легли, а недалечко въ кустахъ и я легъ. Только-что разсвѣтало, я проснулся — смотрю въ кустахъ много ратныхъ людей, не стрѣльцовъ, а другихъ. Я притаился, да и слушаю, что говорить будутъ. Бояринъ и говоритъ ратныхъ людямъ: «вы, говоритъ, со всѣхъ сторонъ оцѣпите ихъ, чтобы ни одинъ не ушелъ и въ Москву вѣсти не далъ».

— Вишь, собаки, боятся!

— Вотъ и пошли они крадучись къ тому мѣсту, гдѣ князь со стрѣльцами былъ, а на меня страхъ напалъ, я и убѣгъ. Убѣгъ да и подумалъ: дай-ко я въ Москву удеру, да скажу все.

— Это ты хорошо, парнишко.

— Коли правду говорилъ, на пряники дадимъ.

— А врешь, такъ выпоремъ.

— Что мнѣ врать-то.

— Вѣдь можетъ, ребята, и правду парнишка-то сказываетъ. Бояре на насъ давно злятся—не мудрено, что сперва нашего набольшаго захотѣли извести.

— Зададимъ мы имъ за то!

— Будутъ помнить!

— Узнаютъ, каково съ надворной пѣхотой шутки шутить.

Совсѣмъ стемнѣло.

— Братцы! какой-то верховой гонитъ.

— Ай, никакъ князь.

Дѣствительно это былъ князь Иванъ, сынъ начальника стрѣльцовъ Ивана Андреича Хованскаго. Лицо его было блѣдно, одежда въ безпорядкѣ, видно было, что онъ проскакалъ нѣсколько верстъ не отдыхая.

— Бѣда, братцы!—закричалъ онъ,—моего отца и брата бояре сгубили.

Брань и грозные крики раздались отовсюду.

— А наши выборные стрѣльцы?

— Всѣ схвачены. Въ Пушкинѣ нечаянно напали на насъ и всѣхъ скрутили. Я одинъ едва успѣлъ уйти, и то не знаю какъ. Бросился къ брату Андрею въ нашу подмосковную на Клязьмѣ. Подбѣгаю туда, анъ навстрѣчу дворовый бѣжитъ и говоритъ, что князь Андрей тоже схваченъ. Меня, спасибо, этотъ дворовый укрылъ. Я у него и оставался, пока онъ сбѣгалъ въ Воздвиженское, узнать, что тамъ дѣлается.

— Что же тамъ?

— Привезли туда отца и брата, вину ему сказали, что вольно васъ держалъ, на многихъ людяхъ деньги безъ очныхъ ставокъ и безъ розыска правилъ, говорилъ слова злыя, что будетъ великое кровопролитіе, дѣла вопреки государевымъ указамъ отговаривалъ, съ великимъ шумомъ бояръ безчестилъ.

— Мы имъ честь покажемъ!

— И въ томъ винили, что за старую вѣру ратовалъ, указовъ государевыхъ ослушивался, на надворную пѣхоту наговаривалъ.

— Станетъ онъ наговаривать!

— Отецъ онъ нашъ былъ, а не начальникъ!

— Даже въ томъ обвинили, будто хочетъ царскій домъ извести и самъ на государство сѣсть.

— Статочное ли дѣло!

— Это все бояре—христопродавцы!

— Отецъ и братъ слезно просили, чтобы ихъ безвинно не казнить и клеветникамъ на нихъ очную ставку дать: отецъ говорилъ, что проклялъ бы сына, еслибы тотъ противъ государей мыслилъ... Оправдаться отцу и брату моему не

дали, и ихъ безъ указа великихъ государей казнили. Стремянной стрѣлецъ вершилъ отца на площади у большой московской дороги!

— Ахъ, онъ собака!

— Попадется намъ!

— Да что онъ! Съ боярами расправляться надо!

— Расправимся!

— Глядите-ко, изъ Лопухина полки сюда бѣгутъ.

— Знаете, ребята,—говорилъ стрѣлецъ изъ побѣжавшей толпы,—къ намъ сейчасъ въ полкъ Григорій Языковъ, сынъ окольничаго Павла, приходилъ, такъ какія вѣсти разсказывалъ.

— Какія?

— Одоевскіе, слышь ты, да Голицыны хотятъ надворную пѣхоту рубить, по дорогамъ на заставахъ всякихъ чиновъ люди и боярскіе холопы съ ружьями стоятъ, хотятъ на насъ идти и дворы наши пожечь.

— Засѣсть, ребята, въ Москвѣ.

— Въ Кремль!

— Снарядъ да зелье взять!

— Всѣхъ нашихъ вороговъ извести!

Стрѣльцы дѣйствительно захватили артиллерію и оружіе въ Кремлѣ, разставили повсюду караулы и готовились идти на Воздвиженское, но на завтра явился оттуда бѣжавшій стрѣлецъ и началъ разсказывать:

— Плохо, ребята! Отовсюду рать собирается, видимо-невидимо.

— Какая это рать? Дворяне-то чай по своимъ пуховикамъ тоскуютъ, а челядь пожалуй къ намъ пристанетъ.

— Не говорите: и дворяне и челядинцы, всѣ на насъ злятся, похваляются всѣхъ извести.

— Кто кого! Пока они въ Воздвиженское соберутся...

— Какое Воздвиженское! Цари съ царевной къ Сергію-Тройцѣ уѣхали.

— Къ Тройцѣ! Ай, худо дѣло!

— Тамошнія стѣны не возьмешь!

— Полякъ цѣлый годъ стоялъ да не взялъ!

— Обители никакъ взять не возможно!

— А тѣмъ временемъ дворяне соберутся!

— Чего соберутся! И то видимо-невидимо: многія тысячи собрались.

— Пожалуй и солдаты, кромѣ бутырскихъ, за нихъ станутъ.

— Надо на мировую пойти.

— Вали, ребята, къ патріарху, попросимъ его!

Патріархъ въ это время трудился, противъ раскольниковъ «Увѣтъ духовный» писалъ; вдругъ слышитъ шумъ, келейникъ докладываетъ, что стрѣльцы пришли.

— Владыко многомилостивый! Что опять у нихъ! Скажите, тотчасъ выйду.

Вышелъ патріархъ къ стрѣльцамъ, благословилъ ихъ, спросилъ, за чѣмъ пришли.

— Обносятъ насъ, владыко, передъ великими государями, а мы, надворная пѣхота, рады за нихъ животъ положить.

— Такъ и подобаетъ православному воинству. Да въ чемъ же васъ обносятъ?

— Будто мы на государей зло мыслимъ. А государямъ бы того на умѣ не держать и въ царствующій градъ безъ всякой опаски идти.

— Такъ вы и бейте имъ челомъ.

— Много навѣтовъ на насъ! Вотъ какъ бы ты, владыко, о томъ къ государямъ послалъ.

— Пошлю, пошлю.

Послалъ патріархъ Чудовскаго архимандрита къ Троицѣ, да не возвращается оттуда архимандритъ, а вмѣсто него пріѣхалъ отъ Голицына нарочный, сказалъ стрѣльцамъ, чтобы они вѣрно служили, всполоховъ и страхованія не дѣлали, что Хованскіе казнены за измѣну, стрѣльцамъ до того дѣла нѣтъ, судъ отъ Бога врученъ великимъ государямъ, а стрѣльцамъ о томъ не только говорить, но и мыслить не довелось; на стрѣльцовъ у великихъ государей гнѣва и опалы нѣтъ, а кто изъ стрѣльцовъ на службу въ Кіевъ назначенъ, тѣмъ бы идти, о своихъ же дѣлахъ пусть пришлютъ стрѣльцы челобитчиковъ, выборныхъ людей. Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ въ Москву для управленія ею бояринъ Михайла Петровичъ Головинъ. Онъ, несмотря на стрѣлецкіе караулы, тотчасъ же Кремль сильнымъ отрядомъ занялъ и сталъ распоряжаться такъ твердо, что стрѣльцы тотчасъ-же поняли, что ихъ не боятся. Опять стали они сходиться и толковать.

— Говорятъ, братцы, сто тысячъ народу у Троицы собралось.

— На насъ, говорятъ, такъ злы, что совсѣмъ искоренить хотятъ!

— Куда имъ искоренить!

— Сами всѣхъ бояръ перебьемъ.

— Что спьяна глотку-то дерешь? Перебьемъ, перебьемъ! Много-ли насъ? Да и стрѣльцы-то не всѣ заодно.

— А Бутырскіе совсѣмъ струсили!

— Надо, братцы, повиниться!

— А все это Иванъ Хованскій да Языковъ смуту надѣлали.

— Все бездѣльныя рѣчи говорили.

— А ты что тутъ, пострѣленокъ, шатаешься, — накинулся одинъ изъ стрѣльцовъ на Игнашку,—тоже съ вѣстями прибѣжалъ. Тебя бы, щенка, въ воду.

Въ воду Игнашка совершенно не желалъ и побѣжалъ отъ сердитаго стрѣльца, куда глаза глядятъ. Только сталъ онъ и другихъ стрѣльцовъ бояться, всѣ они сердиты, ни за что пришибутъ.

«Куда бы отъ нихъ схорониться,—думалъ онъ.—А! да вотъ монастырь — не пройду-ли туда? Въ святомъ мѣстѣ не тронутъ».

Игнашка вошелъ въ Заиконоспасскій монастырь, гдѣ въ то время шла вечерня, отстоялъ службу, видѣлъ, какъ строитель съ какимъ-то мужчиной къ себѣ въ келью пошелъ.

«Дай попрошусь у него, не приметъ-ли въ служки».

Строитель между тѣмъ бесѣдовалъ со своимъ гостемъ.

— Великаго разума человѣкъ князь Василій Васильевичъ, — говорилъ строитель, — онъ пользу науки понимаетъ. Ему-то архидіаконъ и поднесъ свои вирши. И какъ въ этихъ виршахъ складно написано:

Умоли убо самодержавцевъ сущихъ,
Да государи они то изволятъ,
Обще Господа о томъ да помолятъ,
Наукамъ велятъ быти совершеннымъ
И учителямъ людямъ извѣщеннымъ.

— Князь Голицынъ и намѣренъ такихъ людей призвать.

— Справедливо, отецъ Сильвестръ, разсуждаете, что наука первое дѣло для человѣка. Какъ это, бывши съ Борисомъ Петровичемъ въ чужихъ краяхъ, насмотрѣ ся я за-

морскихъ хитростей, то и понялъ, что ученье свѣтъ, а неученье тьма.

— Еще какія потемки-то, Алексѣй Александровичъ, сами во тьмѣ блуждаютъ и другихъ съ собой влекутъ. Вотъ хотя бы справщикъ Евѳимій и ризничій Акиѳъ, возмущаютъ они душою паріарха, подвигаютъ его противъ моихъ писаній. А почему? Потому что тонкостей грамматическихъ и риторическихъ не вѣдаютъ.

— Гдѣ имъ? гдѣ они были, что видали? А вы недаромъ съ покоіінымъ Ордыномъ-Нащокинымъ въ посольства для наученья ѣздили. Всякій знаетъ, что вы человѣкъ великаго ума и остроты ученой.

— Ну, какой такой умъ! Если и знаю что, то моему учителю, Симеону Полоцкому, обязанъ. Вотъ человѣкъ-то былъ! Чего онъ не зналъ? Не только грамматику, піитику и всякія словесныя науки, но въ философіи и психологіи преизрядень былъ, и въ астрологіи свѣдущъ.

— Что и говорить! Много этихъ наукъ всякихъ, и надо великаго ума быть, чтобы всѣ ихъ произойти. А какъ я понимаю — для русскаго народа наука теперь всего нужнѣе. Умомъ и сметкой его Господь не обидѣлъ, силой тоже. А если, примѣрно, насчетъ терпѣливости, такъ наврядъ другой такой народъ найдется. Только вотъ прямого ученья онъ не имѣлъ. И не токмо въ этихъ высокихъ наукахъ словесныхъ, или философическихъ, а даже и такъ въ общежитіи куда же намъ до нѣмцевъ али голландцевъ. Всему они научены, всякому мастерству, все у нихъ въ дѣло идетъ, изо всего копѣйку вытянутъ, а у насъ порой и богатство даромъ пропадаетъ.

— Вотъ и хлопочу я, Алексѣй Александровичъ, какъ бы побольше мальчиковъ въ науку набрать да ихъ на истинный разумъ наставить.

— Благое дѣло, отецъ Сильвестръ, вельми благое дѣло.

Въ это самое время доложили отцу Сильвестру Медвѣдеву, что паренекъ какой-то къ нему пришелъ. Этотъ паренекъ былъ Игнашка. Онъ понравился строителю и былъ имъ принятъ въ служки монастыря. Гость строителя, дворецкій боярина Шереметева, Алексѣй Александровичъ Курбатовъ тоже замѣтилъ смѣтливаго мальчика.

Чрезъ нѣсколько дней Медвѣдевъ поѣхалъ въ Троицкую Лавру, взялъ съ собоій и Игнашку. На дорогѣ туда по-

падались стрѣльцы по-одиночкѣ или по два, но они не имѣли дерзкаго и нахальнаго вида, которымъ отличались прежде, а шли смиренно и будто крадучись. Подъѣзжая къ лаврѣ, Медвѣдевъ увидѣлъ, что окрестности ея превратились въ лагерь: нѣсколько десятковъ тысячъ войска собралось тамъ. Въѣхавъ въ монастырскую ограду, онъ услышалъ страшный вой и стонъ и увидѣлъ странное зрѣлище. Болѣе двухъ тысячъ безоружныхъ стрѣльцовъ, съ петлями на шеѣ, съ плахами и топорами въ рукахъ, остановились предъ царскимъ домомъ. Съ обѣихъ сторонъ ихъ было войско, сзади толпа ихъ женъ и дѣтей, которыя прощались съ ними и оглашали воздухъ отчаянными воплями. Стрѣльцы трижды поклонились въ землю предъ царскимъ домомъ и положили головы на плахи.

Вышелъ изъ дворца окольничій Змѣевъ и объявилъ стрѣльцамъ, что великіе государи ихъ прощаютъ. Этотъ самый Змѣевъ былъ назначенъ ихъ начальникомъ, а послѣ замѣненъ думнымъ дьякомъ Ѳедоромъ Леонтьевичемъ Шакловитымъ. Ивана Хованскаго отправили въ ссылку. Стрѣльцы сами просили, чтобы былъ разрушенъ столпъ, поставленный въ воспоминаніе ихъ мнимыхъ заслугъ во время майскаго возмущенія. Стрѣльцы лишились названія надворной пѣхоты и большая часть ихъ выслана изъ Москвы въ другіе города.

Прошло четыре года. Игнашка учился въ Заиконоспасскомъ монастырѣ и уже началъ понимать грамматическія хитрости. Начался сильный споръ между тогдашними учеными о времени пресуществленія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову при совершеніи литургіи. Одного мнѣнія держался Медвѣдевъ, другого вызванные въ Россію греческіе ученые Іоанникій и Софроній Лихуды. Ихъ же мнѣнія держался и патріархъ, поэтому впослѣдствіи ученіе Симеона Полоцкаго и Медвѣдева было осуждено и названо хлѣбопоклонною ересью. Но это случилось уже послѣ, а въ 1688 году никто не смѣлъ осуждать Медвѣдева, потому что его очень любилъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, любимецъ и главный совѣтникъ правительницы царевны Софьи. Игнашка еще не настолько искусился въ грамматическихъ хитростяхъ, чтобы сознательно усвоить ученіе своего покровителя, только изъ привязанности къ нему держался его взглядовъ. Но вообще діалектическія тонкости онъ

мало понималъ. За то въ немъ открылся талантъ, который въ то время могъ проложить ему дорогу: Игнашка сталъ четко и красиво писать.

Этотъ талантъ и былъ причиною, что Медвѣдевъ въ 1686 году привелъ Игнашку въ домъ князя Василія Васильевича Голицына. Войдя въ палату, Игнашка былъ внѣ себя отъ изумленія. И было чему изумляться маленькому бродягѣ, который, шатаясь съ монахомъ Сергіемъ, а потомъ живя въ монастырѣ, не видалъ ничего кромѣ избъ да келіи. Вотъ современное описаніе палаты въ домѣ Голицына: «Въ палатѣ подволока накатная, прикрыта холстами, въ серединѣ подволоки солнце съ лучами и вызолочено сусальнымъ золотомъ, кругъ солнца бѣги небесные съ зодіями и съ планеты писаны живописью; отъ солнца на желѣзныхъ трехъ прутахъ паникадило, цѣна паникадилу сто рублей. А по другую сторону солнца мѣсяцъ въ лучахъ посеребренъ, кругъ подволоки въ двадцати клеймахъ рѣзныхъ позолоченыхъ писаны пророческія и пророчицъ лица. Въ четырехъ рамахъ разныхъ четыре листа нѣмецкихъ, за листъ по пяти рублей. Потреты: великаго князя Владиміра, царей Ивана IV, Ѳедора Ивановича, Михаила Ѳедоровича, Алексѣя Михайловича, Ѳедора, Ивана и Петра Алексѣевичей, четыре персоны королевскихъ. На стѣнахъ палаты въ разныхъ мѣстахъ зеркала, одно въ черепаховой рамѣ. Оконъ въ палатѣ 46, съ оконницами стекляными, въ нихъ стекла съ личинами. Въ одномъ углу стояли часы боевые во влагалищѣ черепаховомъ, оклеенные усомъ китовымъ, кожею красною, а въ другомъ углу еще чуднѣе: нѣмчинъ на конѣ, а въ лошади часы».

Голицыну нездоровилось, и потому онъ лежалъ въ спальнѣ. Медвѣдевъ, какъ близкій человѣкъ, пошелъ туда, а Игнашка остался въ палатѣ.

— Спѣшу поздравить, всемилостивѣйшій князь, — началъ говорить Сильвестръ.

— Вѣрно съ тѣмъ, что польскій король подписалъ договоръ, заключенный мною въ Москвѣ съ сенаторомъ Гримультовскимъ и князьями Огинскимъ и Потоцкимъ?

— Да. Симъ договоромъ князь стяжалъ себѣ безсмертную славу. Ибо теперь на вѣки отошли къ Россіи Сѣверская и Смоленская области, Кіевъ, матерь городовъ русскихъ, и войнолюбивое Запорожье. Великое это дѣло, на

вѣки вѣковъ незабвенное. И все сіе, безъ пролитія крови, единымъ великимъ разумомъ вашей княжеской милости учинено.

— Да, Богъ помогъ. Говорятъ, король Янъ Собѣсскій заплакалъ, когда подписывалъ, а все-таки подписалъ. И нельзя было не подписать! Велика турецкая сила, чуть-было турки Вѣну не взяли, король Янъ своей побѣдой ее спасъ, тѣмъ себѣ великую славу стяжалъ, да за то вся тяжесть воіны съ турками на него обрушилась, потому что на нѣмцевъ мало надежды — они охочи чужими руками жаръ загребать. Не поможемъ мы Польшѣ противъ турокъ, пропадать ей. Стало, и нужно было королю съ нами докончанье и альянсъ учинить.

— А ваша княжеская милость искусно тѣмъ воспользовалась. Посему и надо разумѣть тонкаго политика. А теперь уповательно къ той славѣ и иная—непобѣдимаго вождя—пріобщится.

— Давай Богъ. Точно, по условіямъ договора съ Польшею мы должны съ турками воевать и походъ на Крымъ сказанъ, а я вождемъ назначенъ.

— И уповательно доблестію всемилостивѣйшаго князя сокрушится крымская нечестивая гидра, столь гибельная для христіанскихъ государствъ. Слышно, что кесарь и польскій король и венедицкая республика совокупно съ нами на враговъ креста Господня пойдутъ.

— Да, король обязался, что кесарь и республика нашъ альянсъ примутъ.

— Великое дѣло, великое! Слава дней вашихъ до позднихъ потомковъ дойдетъ.

— Дай Богъ. А привелъ ты, отецъ Сильвестръ, надежнаго мнѣ переписчика, чтобы съ собой въ походъ взять?

— Какъ же, привелъ. Младъ еще онъ, а въ калиграфіи зѣло искусенъ. Разумѣетъ отчасти и по-латыни.

— А! это очень хорошо. Кликни-ка его сюда.

Въ спальнѣ князя Игнашка тоже нашелъ немало предметовъ, достойныхъ удивленія. Кровать, которая была нѣмецкаго дѣла, орѣховая, рѣзная, рѣзь сквозная, личины человѣческія и нѣмцы и травы на кровати, верхъ орѣховый же рѣзной въ срединѣ, зеркало кругомъ. Да висѣли въ рамахъ деревянныхъ золоченыхъ чертежи печатные нѣмецкіе на полотнѣ, четыре зеркала, двѣ личины человѣческія ка-

менныя арапскія; стулья были обиты кожами золотными, кресла съ подножіемъ, обиты бархатомъ. Были тамъ и шкатулки удивительныя со множествомъ выдвижныхъ ящиковъ; на столѣ стояла чернильница янтарная, а около стола фигура нѣмецкая орѣховая, у нея въ срединѣ трубка стеклянная, на ней мишень мѣдная, на мишени вырѣзаны слова нѣмецкія, а надъ трубкой въ стеклянной чашкѣ ртуть. Голицынъ пристально посмотрѣлъ на Игнашку и, видно, наружность его понравилась князю, потому что Голицынъ принялъ его къ себѣ въ службу.

Медленно собиралось русское войско. Большая часть его поставлялась владѣльцами имѣній. Имѣнія назывались помѣстьями, если давались пожизненно, и вотчинами, если были наслѣдственны. Распоряженія къ войнѣ давалъ приказъ *), называемый разряднымъ. Оттуда разсылались помѣщикамъ и вотчинникамъ распоряженія, куда, кому, когда и въ какомъ вооруженіи явиться. Владѣльцы богатыхъ помѣстій «являлись конны, людны и оружны», дворяне побѣднѣе—съ небольшой свитою и хуже вооруженные, самые бѣдные приходили безъ слугъ и едва вооруженные. Они везли съ собой и съѣстные припасы. Вооруженіе и одежда у нихъ были разнообразны, порядка рѣшительно никакого. Получше ихъ были устроены полки стрѣльцовъ (которыхъ всего было до 40,000 человѣкъ), солдатъ, рейтаръ, драгунъ и гусаръ; артиллерія была велика, но дурна. Всего численность войска простиралась до 400,000 человѣкъ, но это въ такомъ только случаѣ, если всѣ призванные были въ *естяхъ*, т.-е. на-лицо. Но дворяне неохотно отправлялись на войну, отрывавшую ихъ отъ домашнихъ занятій и привольной жизни. Поэтому многіе оказывались въ нѣтяхъ, т.-е. не являлись.

Численность войска, собравшагося въ 1687 году въ крымскій походъ, съ точностію неизвѣстна; по однимъ извѣстіямъ, оно простиралось до 200,000 человѣкъ, по другимъ—до 100,000. По тогдашнему обычаю оно раздѣлялось на 6 полковъ. Большимъ полкомъ командовалъ Василій Васильевичъ Голицынъ, главный воевода всей рати, и подъ

---

*) Названіе приказовъ произошло отъ того, что государь приказывалъ какому-нибудь боярину, окольничему или дьяку вѣдать какими-нибудь дѣлами, иногда давая ему для этого одного или двухъ товарищей. Приказовъ было до сорока: посольскій, разрядный, стрѣлецкій и проч.

нимъ бояринъ князь Щербатовъ и окольничій Змѣевъ, генералъ Шепелевъ и думный дьякъ Украинцевъ. Передовымъ полкомъ или Новгородскимъ разрядомъ—бояринъ Шеинъ и окольничій князь Барятинскій, Сторожевымъ полкомъ или рязанскимъ разрядомъ—бояринъ князь Владиміръ Дмитріевичъ Долгорукій и окольничій Скуратовъ, правой рукой или Сѣвскимъ разрядомъ окольничій Неплюевъ, лѣвой рукой или Низовскимъ разрядомъ—думный дворянинъ Леонтьевъ и Мамоновъ Дмитріевъ. Эртоуломъ, состоящимъ изъ малороссійскихъ казаковъ—ихъ гетманъ Самойловичъ. Кромѣ того былъ Бѣлгородскій полкъ подъ начальствомъ Бориса Петровича Шереметева. Изъ иностранцевъ, служившихъ въ русскомъ войскѣ и бывшихъ въ этомъ походѣ, первое мѣсто занималъ генералъ Гордонъ. Онъ оставилъ и описаніе этого похода. Казаковъ было до пятидесяти тысячъ. Никогда еще такое многочисленное русское войско не выступало противъ Крыма.

Несмотря на такія силы, не веселъ сидѣлъ въ своей палаткѣ, близъ рѣки Орель, царственныя большія печати оберегатель. Съ нимъ разговаривалъ красивый, статный, хотя уже пожилой человѣкъ въ казачьемъ платьѣ.

— Второй походъ навѣрно будетъ удачнѣе,—говорилъ онъ,—съ природой нельзя сражаться.

— Конечно, не будь этого пожара въ степи, мы теперь уже проникли бы въ Крымъ. И неслыханное дѣло этотъ пожаръ! Отчего прежде ничего подобнаго не было?

— Войсковая старшина донесла вашей милости, кто всему дѣлу виновникъ.

— Ты про доносъ на гетмана Самойловича говоришь? И ты тамъ подписался?

— Я что? Я только по преданности моей къ вамъ, князь, къ государынѣ царевнѣ и къ великимъ государямъ. А тутъ сколько старшинъ подписалось; обозный Бурковскій, судья Ваехѣевичъ, писари Прокоповъ и Кочубей, полковники Соломина, Лизогубъ, Забѣла и Гамалѣя.

— Знаю, знаю, стало быть очень Самойловичемъ не довольны.

— Какъ быть довольнымъ. По государевой милости вознесенъ онъ на высокое мѣсто не по роду; что онъ такое—вѣдь поповичъ. Ну, сначала и былъ онъ до людей ласковъ, а потомъ превознесся, сталъ гордиться не только

предъ казаками, но и предъ духовенствомъ. Старшины къ нему придутъ, стоять должны, попы должны передъ нимъ съ непокрытой головой стоять, на дворъ никто съ палкой къ нему войти не смѣетъ. Даже во храмѣ Божіемъ къ святымъ дарамъ самъ не приступаетъ: попъ долженъ къ нему носить. А пойдетъ куда-нибудь да попадись ему попъ на встрѣчу—бѣда попу, даромъ, что самъ поповичъ. Безъ кареты ни онъ, ни сыновья его никуда не выѣдутъ, гордъ больше всякаго сенатора, сыновья не полковниками, а панами называются, сердюцкую свою стражу завели, военныхъ людей гетманъ мало жалуетъ, чтобы свою власть возвысить, недоступенъ; даже попъ, хоть будь крайняя надобность, въ нѣсколько дней не можетъ добиться, чтобы его къ гетману пустили. Должности по гнѣву отнимаетъ, и не по пристойнымъ причинамъ, наказываетъ и безчеститъ кого хочетъ, безъ суда и доводу. За полковничьи мѣста большія взятки беретъ и потомъ позволяетъ такимъ полковникамъ людей тѣснить.

— Конечно, все это нехорошо.

— Можетъ быть, мы все это перенесли бы, еслибы не видали его явной измѣны. Сынъ его Григорій въ Черниговѣ войта и мѣщанъ бранилъ и смертно имъ грозилъ за то, что они хотѣли поставить на ратушѣ двуглаваго орла. А жена гетмана однажды такъ другимъ паньямъ проболталась: «Сердитъ теперь мой Иванъ на Москву и великія похвалки чинитъ, пожалуй то-же сдѣлаетъ, что и Брюховецкій». А сколько онъ препятствовалъ миру съ Польшею и началу нынѣшней войны!

— Правда! Не разъ присылалъ сказать великимъ государямъ, чтобы съ поляками докончанья не дѣлать, ненадежные-де они люди и лучше воевать съ ними, а не съ крымцами.

— Для него, конечно, лучше. Тогда бы онъ крымцевъ на Украйну привелъ да Москвѣ и измѣнилъ. Самъ вѣдь онъ не разъ во время нынѣшней войны проговаривался. Я слышалъ, какъ онъ говорилъ: «Купила Москва себѣ лихо да за свои гроши! Не послушала дурная Москва моего совѣта, помирилась съ поляками. А дождусь, что будутъ меня просить помирить ее съ Крымомъ, только ужь я буду знать, какъ ихъ мирить. Будутъ меня помнить, будутъ знать, какъ и насъ почитать!» Надъ царской монетой смѣялся, говорилъ,

что ханъ готовитъ твоей рати добрую встрѣчу. Говоритъ ему войтъ переяславскій, что много государевыхъ людей померло и очень много больныхъ лежитъ, а онъ ему на то: «Хотя бы и всѣ пропали, я бы горевать не сталъ!» Для похода дурное время указалъ, казаковъ на развѣдки не посылалъ и языковъ не добывалъ, надъ нашей неудачей смѣется. Старшина теперь такого мнѣнія, что не татары степь зажгли, а сдѣлано это по приказанію Самойловича.

— Послалъ я вашъ доносъ въ Москву и съ часу на часъ жду отвѣта.

Дворецкій Шереметева, Курбатовъ, по дѣламъ пріѣхалъ къ своему боярину въ войско. Недалеко отъ Голицынской ставки встрѣтился онъ съ Игнашкой, котораго хорошо зналъ, потому что часто видѣлъ у Медвѣдева.

— Что? здоровъ, малый?

— Господь милуетъ.

— А много у васъ народу безъ боя погибло?

— И не говори! Какъ степь-то загорѣлась, такъ думали, что всѣ лютой смертью погибнемъ.

— Ну, Господь спасъ! Кто это бравый такой изъ палатки Василья Васильевича выходитъ?

— Эсаулъ Иванъ Мазепа.

— А! въ лицо его не зналъ, а довольно о немъ наслышанъ. Говорятъ, куда уменъ, хитеръ и до женскаго пола падокъ. Сказываютъ, его за то одинъ панъ въ Польшѣ къ дикой лошади привязалъ да и пустилъ.

— А вотъ живъ остался.

— Да и въ люди вышелъ, сперва Дорошенкѣ служилъ, потомъ, Дорошенкѣ какъ плохо стало, къ Самойловичу перешелъ, дѣтей его училъ.

— А теперь его князь Василій Васильевичъ очень жалуетъ.

Пріѣхалъ изъ Москвы Шакловитый отъ царей съ милостивымъ словомъ къ войску за службу, всѣхъ отъ мала до велика спрашивалъ о здоровьѣ, а это въ то время была честь великая. У Голицына отлегло на сердцѣ. Походъ былъ рѣшительно неудаченъ, и онъ боялся, чтобы враги его въ Москвѣ этимъ не воспользовались. А недруговъ у него было немало. Особенно онъ боялся князя Черкасскаго. Но теперь онъ видѣлъ, что царевна Софья по прежнему расположена къ нему и что вся власть у нея въ рукахъ. За то

для Самойловича пришли дурныя вѣсти. Великіе государи указали, буде онъ старшинѣ и всему малороссійскому войску негоденъ, то «гетманомъ ему не быть, великихъ государей знамя, булаву и всякіе клейноты у него отобрать и послать его въ великороссійскіе города за крѣпкою стражею, дабы чрезъ него, отъ чего, Боже, сохрани, во всей Малороссіи не учинилось какого замѣшанія, бунта и кровопролитія, а на его мѣсто гетманомъ учинить, кого старшина со всѣмъ войскомъ Малороссійскимъ излюбятъ».

Самойловича сослали, а старшина и войско излюбили и выбрали гетманомъ того, кого излюбилъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ—Ивана Степановича Мазепу.

Черезъ два года Голицынъ предпринималъ новый походъ на Крымъ. Осаждалъ онъ Перекопъ, но не взялъ и отступилъ ни съ чѣмъ. Софья приказала изготовить ему отъ имени царей такую грамоту за этотъ походъ: «Мы, великіе государи, тебя, ближняго нашего боярина и оберегателя, за твою къ намъ многую и радѣтельную службу, что такіе свирѣпые и исконные креста святаго и всего христіанства непріятели твоею службою нечаянно и никогда неслыханно отъ нашихъ царскихъ ратей въ жилищахъ ихъ поганыхъ поражены и побѣждены и прогнаны, и что объявились они сами своимъ жилищамъ разорителями: отложа свою обычную свирѣпую дерзость, пришедъ въ отчаяніе и въ ужасъ, въ Перекопѣ посады и села и деревни пожгли, и изъ Перекопа съ своими поганскими ордами тебѣ не показались и возвращающимся вамъ не явились, и что ты со всѣми ратными людьми къ нашимъ границамъ съ вышеписанными славными во всемъ свѣтѣ побѣдами возвратились въ цѣлости — милостиво и премилостиво похваляемъ».

Царь Иванъ Алексѣевичъ конечно безъ спора подписалъ эту грамоту, но не то было съ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ. Онъ уже теперь былъ не ребенокъ, ему пошелъ восемнадцатый годъ, и онъ недавно женился на Евдокіи Ѳедоровнѣ Лопухиной. Въ дѣла правленія еще онъ не вступался, но уже замѣтно было, что онъ не только не покорялся, но напротивъ самъ требовалъ покорности. На этотъ разъ онъ однако уступилъ и подписалъ похвальную грамоту Голицыну, но до Софьи доходили слухи, что молодой царь вовсе не находилъ побѣдъ Голицына «во всемъ свѣтѣ славными» и напротивъ очень былъ недоволенъ крымскими по-

ходами. О словахъ Петра Софья легко узнавала, потому что двѣ постельницы царицы Натальи Кирилловны передавали Софьѣ все, что говорилось о ней у царицы. Поэтому, 27 іюля 1681 года, когда Голицынъ съ другими воеводами и генералами поѣхалъ благодарить Петра за награды, Софья съ волненіемъ дожидалась своего любимца, которому приказала прямо отъ царя пріѣхать къ себѣ.

Голицынъ вошелъ съ мрачнымъ видомъ.

— Ну что?

— Не принялъ.

— Какъ? Что-же воеводы говорятъ?

— Что сказать? Всѣ понимаютъ, что если бы меня не было, то онъ принялъ бы ихъ.

— Неслыханно! Это не тебѣ, а мнѣ бѣда! Впрочемъ, отъ него что ждать? Вѣдь въ Казанскую онъ сказалъ же мнѣ, чтобы я не шла въ крестномъ ходу, и въ досадѣ, что я все-таки пошла, развѣ не уѣхалъ онъ въ Преображенское!

— А дѣлать нечего — лучше бы тебѣ помириться съ нимъ.

— Помириться! Это опять, чтобы Наталья, Борисъ Голицынъ да Левъ Нарышкинъ верховодили! Ни за что на свѣтѣ! Слышала я, какія рѣчи они у царицы про меня говорятъ!

— Мало ли что говорятъ въ сердцахъ! Да и тѣ, кто сказываетъ, иной разъ прибавляютъ.

— Это ты за Голицына заступаешься, потому что онъ тебѣ двоюродный.

— Нѣтъ, царевна. Сама ты знаешь, что я за тебя помереть готовъ.

— Голубчикъ Васенька!

— Любя тебя скажу—лучше съ Петромъ не бороться.

— Невидаль Петръ! Съ потѣшными прохлаждается, самъ въ барабанъ бьетъ, нѣмецкій артикулъ съ ружьемъ выкидываетъ, да кораблишки какіе-то дрянные строитъ—такъ этимъ что-ли свой умъ показалъ?

— А на чемъ ему было на иномъ умъ показывать? Да еслибы и не было у него великаго ума, такъ онъ прирожденный царь. Противъ него кто пойдетъ?

— А стрѣльцы?

— Что стрѣльцы? Развѣ два года тому назадъ не го-

ворилъ Шакловитый стрѣльцамъ челобитную написать, чтобы ты царскимъ вѣнцомъ вѣнчалась? А что на это сказали стрѣльцы? Сперва схитрили: мы-де писать не умѣемъ. Имъ говорятъ, что напишутъ. Такъ опять спрашиваютъ, послушаетъ ли ихъ царь Петръ Алексѣевичъ? А когда Шакловитый сказалъ, что если царь не послушаетъ, то надо идти на верхъ и задержать Бориса Голицына и Льва Нарышкина, такъ развѣ стрѣльцы послушались!

— Тогда не послушались, теперь послушаются.

— Наврядъ. Да что толку смуту да междоусобье заводить? Помогли тебѣ стрѣльцы власть взять, а потомъ какъ было трудно ихъ унять, когда они за расколъ встали! А опять Хованскій? Говорилъ я тебѣ тогда, что его слишкомъ скоропостижно казнили не выслушавъ. Нехорошо такія дѣла дѣлать. Не добромъ за нихъ тебя помянутъ.

— Что тутъ помянутъ! Что о томъ думать, чѣмъ помянутъ, когда бѣда на носу. Развѣ третьяго дня не ждала я, что онъ на меня своихъ потѣшныхъ конюховъ пришлетъ? Нарочно я тогда поставила пятьсотъ стрѣльцовъ у Краснаго крыльца съ наказомъ слушать набата, которымъ дастся знать, что надо мною хитрость чинится.

— Никакой хитрости и не учинилось. Напрасно ты, царевна, слушаешь, что тебѣ шепотники да навѣтники говорятъ.

— Дивлюсь я тебѣ, князь Василій, тебя же смертно оскорбили, да ты же за нашихъ недруговъ заступаешься.

— Не заступаюсь, а не по силамъ борьба.

— Чего не по силамъ! Трусить, такъ не по силамъ. А я не струшу. Тутъ дѣло явное: или мнѣ быть, или ему. Неужели не найдется людей, которые бы отъ него избавили? У стрѣльц въ не дрогнетъ рука!

Глаза царевны блистали. Она дрожала отъ гнѣва.

— Если такова твоя воля, цавевна,—сказалъ Голицынъ, — то я тебѣ въ томъ дѣлѣ не пособникъ.

И онъ ушелъ изъ царскихъ палатъ.

— Не пособникъ!—говорила она.—Найдутся пособники. Очень чистъ ты, Голицынъ, и марать себя не хочешь. Не поднимается твоя рука на то, что ты считаешь худымъ! Знаю я это. И хоть говорятъ твои недруги, что за боченки съ червонцами отступилъ ты отъ Перекопа—во вѣки вѣковъ не повѣрю я. Ты ли будешь съ недруговъ червонцы брать,

когда свое добро чигиринцамъ раздавалъ. Да еслибы ты червонцевъ пожелалъ, развѣ я не озолотила бы тебя? За то я и люблю тебя, что ты всѣхъ честнѣе и умнѣе. А на это дѣло другіе неразборчивые найдутся.

И она велѣла позвать къ себѣ Шакловитаго.

— Ну что, сдѣлано, что я приказывала?

— Сдѣлано. Да и какъ же хорошо вышло. Подъячій Шошинъ — вылитый Левъ Кириллычъ Нарышкинъ. Вотъ одѣли мы его по-боярски, посадили въ сани да съ толпой нашихъ и пустили на то мѣсто, гдѣ малый стрѣлецкій караулъ стоялъ. Схватили стрѣлецкаго десятника, и учалъ его Шошинъ бить, а наши кричатъ: «Левъ Кириллычъ! за что его бить до смерти? душа христіанская?» Такъ что теперь всѣ стрѣльцы наслышаны, что Нарышкинъ ихъ братью билъ.

— Хорошо. А я стрѣльцовъ понадежнѣе сама призывала къ себѣ. Такъ имъ и говорила: «Можно ли на васъ надѣяться? Надобны ли мы вамъ? А если не надобны, то пойдемъ съ братомъ гдѣ-нибудь себѣ кельи искать». Говорила, что мнѣ житья нѣтъ отъ Нарышкина да отъ Бориса Голицына, что меньшаго моего брата съ ума споили, а старшаго ни во что ставятъ, комнату его всю завалили, а меня дѣвкой зовутъ. По двадцати пяти рублей я тѣмъ стрѣльцамъ роздала, и они обѣщались голову за меня положить.

— И положатъ, если нужно, государыня. Повели, государыня, Борьку Голицына и Левку Нарышкина убрать— мигомъ сдѣлаемъ.

— Что они мнѣ! Не въ нихъ сила.

— Извѣстно: Ну... если нужно... я на *все* пойду.

— И люди найдутся?

— Какъ не найтись! Можно подметное письмо бросить, что придумали-де потѣшные конюхи изъ Преображенскаго царя Ивана Алексѣевича и всѣхъ царевенъ побить. Ну, стрѣльцы, значитъ, ополчатся царскій домъ защитить. А тутъ подъ шумокъ вѣрные люди что надо и сдѣлаютъ. Не то можно въ Преображенскомъ зажечь, да во время пожара...

Наступило 1 сентября, по тогдашнему новый годъ. Надо бы празднику быть, но надъ Москвой словно повисла туча грозная: нѣтъ въ ней ни царя Петра, ни патріарха. ходятъ самые тревожные слухи. Наканунѣ праздника Иг-

нашка зашелъ къ Курбатову, но оказалось, что Алексѣя Александровича нѣтъ дома, и жена его въ слезахъ и страхѣ. Спрашиваетъ, что слышно?

— Хорошаго-то мало слышно. А гдѣ Алексѣй Александровичъ?

— Уѣхалъ съ бояриномъ къ Троицѣ.

— Ну, и хорошо.

— Ай, а тамъ-то что? Голубчикъ мой, тамъ-то что? Знаешь, что мнѣ одна странница поразсказала.

— Что?

— Недѣли три, слышь, тому назадъ спитъ это государь Петръ Алексѣевичъ крѣпкимъ сномъ въ Преображенскомъ, вдругъ его государя будятъ. «Спасайся, говорятъ, надежа государь, а то сейчасъ стрѣльцы придутъ на тебя, великаго государя, со злымъ умысломъ». А онъ голубчикъ въ одноій рубашечкѣ соскочилъ съ постели, побѣгъ на конюшню, сѣлъ на коня и поѣхалъ къ Троицѣ-Сергію. Ѣдетъ онъ, а стрѣльцы за нимъ гонятся. Пріѣхалъ государь въ обитель, а стрѣльцы за нимъ, вбѣжалъ онъ въ самый алтарь, чтобы отъ нихъ схорониться, а они за нимъ. Одинъ уже и ножъ надъ нимъ поднялъ, а другой говоритъ: «не здѣсь, не въ алтарѣ»...

— Наплела это монахиня. Точно, государь къ Троицѣ ушелъ, да никто за нимъ туда не гнался и ножомъ на него не замахивался. Самъ я слышалъ, какъ Шакловитому говорили о томъ, что царь Петръ Алексѣевичъ къ Троицѣ ушелъ, такъ Шакловитый только молвилъ: «вольно ему взбѣсяся бѣгать.»

— Это о государѣ-то онъ тебѣ сказалъ?

— Не пригоже сказалъ. Такъ и князь Василій Васильевичъ мыслилъ, какъ услыхалъ о тѣхъ словахъ.

— А все же, говорятъ, побоище будетъ.

— Дастъ Богъ, безъ того уладится.

Но самому Игнатію не вѣрилось, чтобы уладилось. На другоій день Голицынъ поѣхалъ къ Софьѣ, взялъ его съ собою. Передъ дворцомъ были собраны стрѣльцы, немало и народу. Только-что Голицынъ вошелъ во дворецъ, какъ на площади показался отрядъ стрѣльцовъ, присланный изъ Троицкаго монастыря. Начальникъ этого отряда полковникъ Нечаевъ былъ немедленно введенъ къ Софьѣ.

Софью окружали немногіе бояре, которые еще не уѣхали

къ Петру въ Троицкій монастырь, стрѣлецкіе полковники и пятисотники, начальники солдатскихъ и другихъ полковъ, бывшихъ въ Москвѣ. Нечаевъ подалъ ей грамоту отъ Петра. Прочитавъ ее, Софья вспыхнула.

— Какъ,—вскричала она,—братъ требуетъ присылки Ѳедора Шакловитаго и Сильвестра Медвѣдева къ Троицѣ для сыска! Да развѣ я не правительница! Развѣ не мое дѣло сыскивать? А ты какъ смѣлъ привезти такую грамоту? Взять его, отрубить ему голову въ примѣръ другимъ бунтовщикамъ.

— Чѣмъ онъ виноватъ, государыня? — сказалъ Голицынъ.

— Постой, князь, дай мнѣ говорить.

Нечаева увели, но Голицынъ успѣлъ шепнуть, чтобы замедлили казнью. Царевна вышла къ стрѣльцамъ, пріѣхавшимъ съ Нечаевымъ и прежде собраннымъ у крыльца.

— Для чего вы пріѣхали?—начала она говорить. —Съ какимъ указомъ? чему вы тому вѣрите, что вамъ въ Троицкомъ монастырѣ прочитали? тѣ письма отъ воровъ составлены, и вы безъ указу съ Москвы въ Троицкій монастырь не ѣздите, для того: братъ мой Петръ Алексѣевичъ меня къ себѣ въ монастырь не допустилъ. И для которыхъ людей вы присланы, и я ихъ вамъ не отдамъ, для того: будетъ отдать вамъ девять человѣкъ, а они оговорятъ и 100 человѣкъ, чему тому вѣрить? Довелось прислать тѣхъ въ Москву для розыску, которые ихъ оговариваютъ, и я васъ отпущу, и которые пойманы и сидятъ на съѣзжихъ избахъ—не дамъ, и для того въ Троицкій монастырь пошлю боярина. Знатно то дѣло клонятъ, хотятъ меня извести. Злые люди учинили между нами ссору и научили говорить объ умыслѣ противъ царя Петра Алексѣевича и другихъ. Завистью къ вѣрной службѣ и радѣнію Шакловитаго, назвали его заводчикомъ злого умысла. Чтобы развѣдать обо всемъ, я сама пошла къ Троицѣ, но царь Петръ Алексѣевичъ велѣлъ меня остановить по наущенію злыхъ совѣтниковъ, чуть меня не застрѣлили, и должна была я возвратиться съ великимъ срамомъ. Всѣмъ вамъ вѣдомо, какъ я эти семь лѣтъ правительствовала, а приняла правительство въ самое смутное время, учинила славный вѣчный миръ съ христіанскимъ сосѣднимъ государемъ, а враги креста Христова отъ оружія моего въ ужасѣ пребываютъ. Вы за ваши

службы пожалованы нашимъ великимъ жалованьемъ, и милость нашу къ себѣ всегда видѣли. Ужели послѣ того вы намъ учинитесь невѣрны, повѣривши вымыслу злыхъ людей, которые всему христіанству добра не желаютъ и смуту заводятъ? Не головы Ѳедора Шакловитаго ищутъ, ищутъ головы моей и брата моего, Ивана Алексѣевича.

Высказавшись, Софья немного успокоилась. Голицынъ, воспользовавшись этимъ, сказалъ ей, когда остался съ ней наединѣ:

— Неужели ты велишь казнить Нечаева?

— А онъ еще не казненъ?

— Прости меня, я велѣлъ повременить съ казнью. Посуди сама, государыня, развѣ онъ виноватъ? Не могъ же онъ не исполнить царскаго указу!

— Нельзя же опять и прощать это. Всѣ одинъ за другимъ такъ и бѣгутъ отъ меня къ Троицѣ. Надо примѣръ показать. Кто и злу заводчикъ былъ? Стрѣльцы же Мельновъ да Ладогинъ явились къ Петру съ доносомъ, что Шакловитый его убить хочетъ. А опять этотъ бездѣльникъ Цикперъ? Ужь онъ ли не былъ взысканъ моею милостію. А теперь ушелъ къ Петру, да еще доноситъ на меня. Потому что это не на Шакловитаго доносъ, а на меня.

— Все же нельзя человѣка неповиннаго казнить. Подумай сама, какъ и стрѣльцы на то посмотрятъ, что ихъ полковника безъ суда и безъ вины казнили?

— Ну, вели его отпустить.

Голицынъ поспѣшилъ исполнить приказаніе. Когда онъ возвратился, царевна спросила его, что дѣлается во дворцѣ.

— Царь Иванъ Алексѣевичъ бояръ и начальныхъ людей водкой угощаетъ, внизу стрѣльцовъ поятъ.

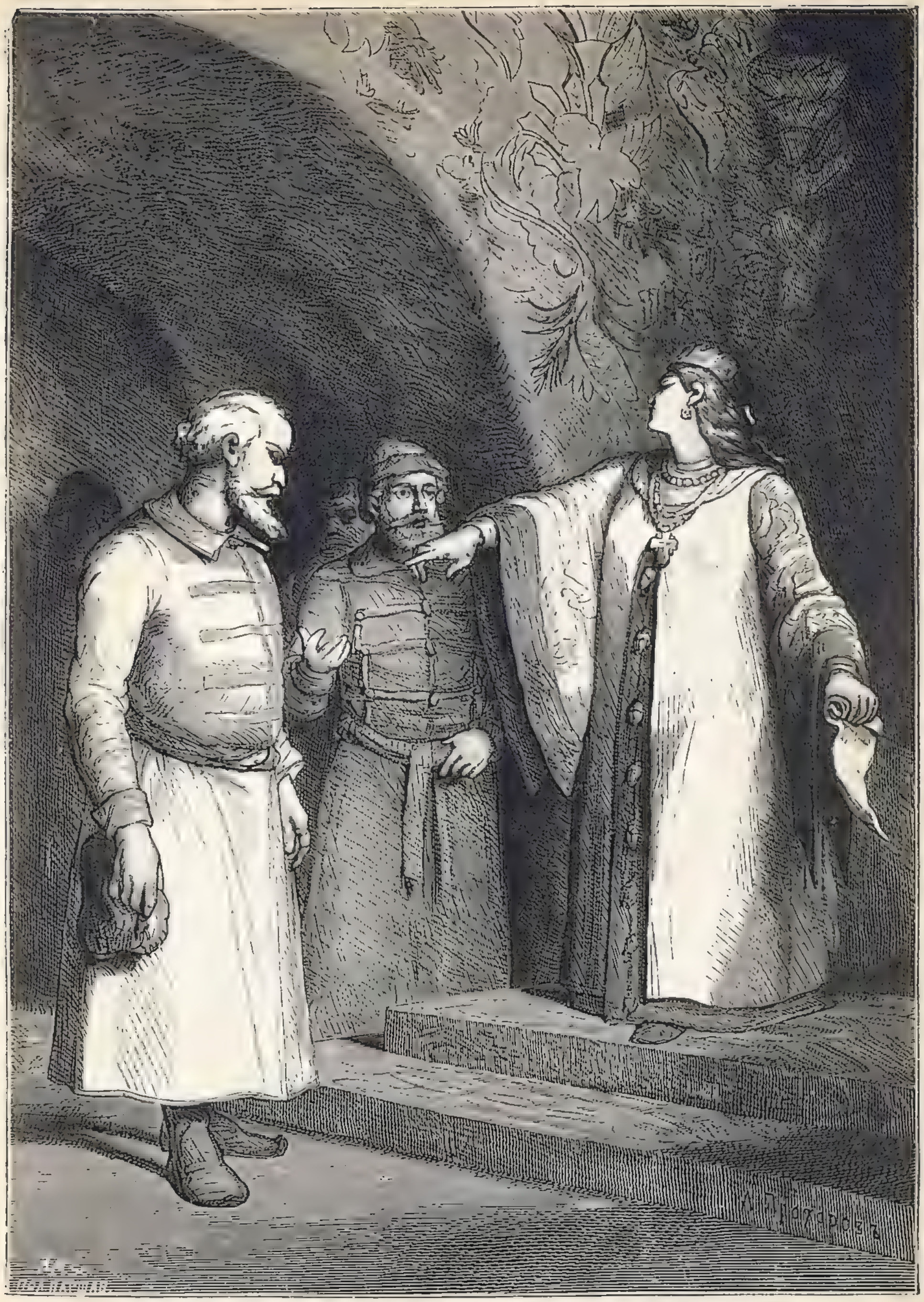
— Что-же дѣлать теперь? Неужели и они выдадутъ?

— Не знаю.

— Послушай. Съ тобой лучшіе воеводы на Крымъ ходили: Неплюевъ, Змѣевъ, Касоговъ, Украинцевъ, они тебя любятъ и за тобой поїдутъ. Что если-бы ты пошелъ къ Троицѣ?

— Не пойдутъ они на царя, да и я не пойду.

— Ну, если не хочешь, напиши по крайней мѣрѣ сказку ко всѣмъ чинамъ Московскаго государства. Напиши, что не своей волей я правительство приняла, а по челобитью всего народа, по благословенію патріарха, а теперь Нарышкины



— Какъ!—вскричала Софья —братъ требуетъ присылки Ѳедора Шаковитаго?.

меня и брата моего, царя Ивана Алексѣевича, безчестятъ, къ рукѣ не ходятъ, прибрали потѣшныхъ конюховъ, отъ которыхъ многимъ людямъ чинятся обиды и насилія. На челобитныя объ этомъ отъ царя Петра отвѣта нѣтъ, комнату царя Ивана полѣньями забросали, вѣнецъ его изломали.

— Государыня, вѣришь любви моей?

— Голубчикъ! Васенька!

— Все, что я написалъ, служа тебѣ, къ славѣ твоей написано. А того, что ты хочешь, я не могу писать.

— Прощай, князь. Найдутся люди.

Нашелся тотъ-же Шакловитый, принялся писать сказку, а Голицынъ домой уѣхалъ. Какъ громомъ поразило царевну извѣстіе, что Гордонъ съ своимъ полкомъ ушелъ къ Троицѣ. За нимъ тысячами послѣдовали другіе. Царь Иванъ объявилъ, что поддерживать ее противъ брата не станетъ.

6 сентября огромная толпа стрѣльцовъ явилась ко дворцу. Софья вышла къ нимъ.

— Государыня царевна! — сказалъ одинъ изъ нихъ,— слышно, у Троицы собралась рать видимо-невидимо, того гляди сюда придутъ. А мы погибать лютой смертью не хотимъ. Опять-же мы ни въ чемъ предъ царемъ не виноваты. Вотъ вамъ Шакловитый да Чермный да Гладкій. Ихъ выдачи онъ требуетъ. Ихъ и выдать надо.

— Какъ же это буду я своихъ вѣрныхъ слугъ на напрасную смерть выдавать?

— Ужь это тамъ разберутъ, напрасно или нѣтъ. А про Шакловитаго многимъ вѣдомо, что онъ на зло подговаривалъ.

— Зачѣмъ вы въ нашу ссору съ братомъ мѣшаетесь? Живите покойно.

— Какой тутъ спокой!

— Какъ ежели за Ѳедьку Шакловитаго да своими головами отвѣчать!

— Много будетъ!

— Выдай, не то сами возьмемъ!

— Эй, чего, ребята, дожидаться, валяй въ набатъ.

Бояре тоже принялись уговаривать Софью выдать Шакловитаго. Не вспомнила-ли она въ ту пору, какъ семь лѣтъ тому назадъ тѣ-же бояре уговаривали царицу Наталью Кирилловну выдать брата и кто тому дѣлу былъ заводчикъ.

Софья выдала Шакловитаго, Гладкаго и Чермнаго. Медвѣдевъ убѣжалъ, но потомъ былъ пойманъ. Голицынъ уѣхалъ въ свое подмосковное село Медвѣдково, пробылъ тамъ нѣсколько дней и пріѣхалъ къ Троицѣ съ Неплюевымъ, Змѣевымъ, Касоговымъ и Украинцевымъ.

Шакловитаго между тѣмъ пытали; сперва онъ сознался во всемъ, въ чемъ его обвиняли, потомъ говорилъ, что хотѣлъ убить только царицу Наталью Кирилловну, а на Петра умысла не имѣлъ. Шакловитаго, Гладкаго и Чермнаго казнили. Сильвестра Медвѣдева сперва только сослали. Обрадовались этому его противники, которые называли его лютымъ медвѣдемъ. Противники-таки побаивались его, потому что по общимъ отзывамъ онъ былъ «чернецъ великаго ума и остроты». Чрезъ два года явился новый доносъ, что Медвѣдевъ былъ въ связи съ какимъ-то полякомъ, которому будтобы говорилъ, что Софья выйдетъ замужъ за Голицына, а Медвѣдева сдѣлаютъ патріархомъ. Медвѣдевъ опровергалъ это, но стали говорить, что его книга «Манна», гдѣ онъ защищалъ хлѣбопоклонную ересь, еретическая. И книга была сожжена. Повинился онъ и въ томъ, что подъ портретомъ Софьи подписывалъ вирши съ титуломъ «вседержавнѣйшей самодержицѣ». Медвѣдевъ былъ казненъ.

За князя Василья Васильевича Голицына вступился его двоюродный братъ Борисъ Алексѣевичъ. Притомъ въ покушеніяхъ на жизнь Петра его никто не обвинялъ. Ему были сказаны только двѣ вины: неудача крымскаго похода да то, что онъ о дѣлахъ докладывалъ Софьѣ помимо государей. За это его сослали сперва въ Яренскъ, а потомъ въ Пустозерскъ и наконецъ въ Пинежскій волокъ, гдѣ онъ и умеръ. Неплюева за притѣсненія солдатамъ тоже сослали, Змѣева отправили въ его Костромскія вотчины, а Касоговъ и Украинцевъ остались на своихъ прежнихъ мѣстахъ.

7-го сентября 1689 года послѣдовалъ царскій указъ объ исключеніи имени царевны Софьи изъ царствующаго дома. Она была лишена участія въ правленіи и удалена въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ потомъ пострижена подъ именемъ Сусанны.

XV.

ОРЛЕНОКЪ РАСПРАВЛЯЕТЪ КРЫЛЬЯ.

(1694—96 г.).

ОЯРИНЪ Борисъ Петровичъ Шереметевъ долго ѣздилъ по чужимъ землямъ, познакомился съ европейскою жизнію и даже поступилъ въ число мальтійскихъ рыцарей. Его дворецкій, Алексѣй Александровичъ Курбатовъ, сопровождалъ его въ этихъ путешествіяхъ и, по свойственной русскому человѣку сметливости, много тамъ замѣтилъ такого, что можно перенять. Въ его квартирѣ, въ домѣ Шереметева, ужь было и зеркало и картины; жена его и пятнадцатилѣтняя дочка не прятались отъ мужчинъ.

Однажды утромъ самого Курбатова не было дома, а жена его и дочь сидѣли за вышиваньемъ. Съ ними бесѣдовалъ бывшій спутникъ отца Сергія, но уже не Игнашка, а Игнатій Ивановичъ Семеновъ, подъячій Ямскаго приказа.

— Очень мы перепугались, государыня Дарья Ивановна, — говорилъ онъ, — очень перепугались. Собрались мы это въ приказъ. Двое подъячихъ хмѣлькомъ сильно зашибаются, дьякъ въ сумлѣніи былъ, какъ бы они изъ приказа не ушли, и повелѣлъ сапоги съ нихъ снять и припря-

тать. А имъ, извѣстно, выпить хочется. Вотъ и стали они присматривать откуда-бы имъ бумаги достать, чтобы, значитъ, вымазать ее чернилами да и обернуть ею ноги—оно будто на сапоги и похоже. Вотъ и запримѣтилъ одинъ изъ нихъ подъ столомъ бумагу, схватилъ ее, да какъ разобралъ, что на ней надписано, такъ индо вскрикнулъ.

— А что-же тамъ написано было?

— Поднести великому государю «не распечатавъ».

— Ай, мои матушки!

— Увидалъ это дьякъ, сейчасъ велѣлъ того подъячаго связать, а бумагу къ боярину Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому отправить.

— Это къ нему-то зачѣмъ-же?

— А затѣмъ, что онъ всякія тайности вѣдаетъ. И насчетъ той бумаги очень мы сомнѣваемся—нѣтъ-ли въ ней какого ни на есть извѣта по измѣнному дѣлу. Тогда тому подъячему пытки не миновать, да грѣшнымъ дѣломъ, пожалуй, и всѣхъ насъ къ сыску притянутъ.

Машенька, дочка Курбатова, тревожно подняла головку и взглянула на Игнатія Ивановича. Дарья Ивановна покачала головой.

— Сохрани, Царица небесная! Ѳедоръ Юрьевичъ человѣкъ суровый. Къ нему и въ гости придти, такъ иной разъ душа въ пятки уйдетъ. Сродникъ нашего боярина былъ у Ѳедора Юрьевича въ гостяхъ, ну, сперва ничего, а потомъ распотѣшился бояринъ, хлопнулъ въ ладоши, растворились двери, и вошелъ престрашенный медвѣдь; гость перепугался, а медвѣдь къ нему и несетъ въ лапахъ чарку водки; ну, гость трясется, а пьетъ: не выпей, такъ, пожалуй, медвѣдь иначе попотчуетъ. Вотъ каково у Ѳедора Юрьевича гостямъ, а что ежели да къ нему подъ розыскъ идти!

— Теперь тѣмъ дѣломъ повременятъ, пока государь, а съ нимъ и Ромодановскій не пріѣдетъ. Только...

— Что-же ты будто поперхнулся?

— Поневолѣ поперхнешься. Говорить страшно...

— Говори, голубчикъ. Мы съ Машей никому не скажемъ, что отъ тебя слыхали. А человѣкъ ты книжный, тебя занятно послушать. Вотъ тоже Ѳеденьку люблю я, какъ онъ разсказывать начнетъ. Только не все у него поймешь: рѣчь-то у него, кажись, русская, а столько въ ней нѣмецкихъ словъ, что иной разъ и не поймешь.

— То-то вотъ и бѣда. Много у насъ этихъ нѣмцевъ развелось. Шутка-ли, почитай все мѣсто между Кокуемъ и Яузою своими дворами застроили.

— И дворы-то какіе! А щеголяютъ-то какъ! Намедни видѣла я Монсову дочь: вся въ шелку да въ бархатѣ. И ужь красива!

— Кирокъ своихъ тамъ настроили. И такой человѣкъ промежъ нихъ проявился, что себя святымъ пророкомъ, сыномъ Сына Божія называлъ и говорилъ, что онъ по гласу ангела на Москву пріѣхалъ. Дошли его хульныя слова до покойнаго святѣйшаго патріарха Іоакима. И былъ тотъ прельститель казненъ. А затѣмъ и царевъ указъ вышелъ, чтобы всѣхъ пріѣзжихъ изъ-за рубежа иноземцевъ крѣпко разспрашивать, изъ какой онъ земли, какого чина, къ кому и для чего ѣдетъ, и безъ указа никого изъ нихъ не пускать. Говорятъ, о томъ указѣ царицы и царевны постарались. Не любятъ онѣ нѣмцевъ. Даже царица Наталья Кирилловна въ прежніе годы, когда всѣхъ русскихъ именитыхъ людей чаркою вина изъ своихъ рукъ жаловала, то нѣмцевъ до того не допускала. А царица Евдокія Ѳедоровна и царевны всѣхъ нѣмцевъ за нехристей и беззаконниковъ почитаютъ.

— Не всѣ же царевны. Слышно, царевна Наталья ихъ жалуетъ.

— Это чтобы царю Петру Алексѣичу угодить. Потому что, за грѣхи наши, возлюбилъ онъ нѣмцевъ. Шутка-ли! въ ихъ слободу ѣздитъ, съ ними пируетъ. Знакомъ мнѣ подъячій съ патріаршаго двора, такъ сказывалъ, что патріархъ Іоакимъ передъ смертію отправилъ къ царю грамоту и въ тоій грамотѣ написалъ, чтобы еретиковъ начальными людьми надъ православнымъ воинствомъ не ставить, потому что они гнѣвъ Божій на воинство наводятъ. Когда православные христіане, по чину и обычаю церковному, молятся Богу, а они спятъ, еретики, и свои мерзкія дѣла исполняютъ; христіане постятся—они никогда: ихъ же Богъ чрево. Хорошо-ли это, что въ христіанскихъ полкахъ богомерзкіе живые идолы, злословящіе святую вѣру нашу и благочестіе, лютеры, кальвины, латины, начальники надъ православными, какъ волки надъ агнцами, поставлены?

— Говорятъ, и нынѣшній владыка патріархъ Адріанъ ихъ не жалуетъ.

— Какъ ихъ владыкѣ жаловать! А вотъ теперь увлекли

они царя къ городу *). Да еще по ихъ наущенію царь морское и корабельное дѣло возлюбилъ.

— Это наврядъ-ли такъ. Я отъ мужа слыхала, а онъ отъ самого боярина Бориса Петровича, что корабельное дѣло оттого пошло, что царь въ селѣ Измайловѣ, разбирая старыя вещи своего дяди Никиты Ивановича Романова, ботикъ нашелъ нѣмецкой работы, и тотъ ботикъ очень ему полюбился.

— Это такъ. Почему было царю корабельнымъ строеніемъ и не потѣшиться Вѣдь и царь Алексѣй Михайловичъ строить корабли похотѣлъ, и былъ выстроенъ при немъ корабль «Орелъ». Изъ тѣхъ нѣмецкихъ мастеровъ, кои тогда для корабельнаго строенья были призваны, и Карстенъ Брандтъ, что ботикъ строилъ и сталъ царю Петру корабли устроять. Да не въ томъ тутъ диво. Вѣдь царь самъ принялся корабли строить, съ топоромъ плотничать сталъ. Да и плавать великую охоту возымѣлъ, сперва по Яузѣ плавалъ, потомъ на Просяномъ пруду въ Измайловѣ, потомъ на Переяславскомъ озерѣ, а теперь смотри-ка, по морю плавать восхотѣлъ. Что это царское дѣло? не нѣмецкая хитрость?

— Это точно, отъ нѣмцевъ станется.

— Всякая погань отъ нихъ. Недаромъ прудъ, у котораго они себѣ хоромы при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ поставили, народъ оттого поганымъ прозвалъ. И вотъ, послушавшись злочестивыхъ нѣмцевъ, царь поѣхалъ на Бѣлое море. А слышно, то море самое бурное и что-то тамъ, слышно, съ великимъ государемъ учинилось...

— Не правда!—крикнулъ вошедшій молодецъ лѣтъ двадцати, рослый и красивый.

— Ахъ, батюшки, Ѳедоръ Львовичъ!—привѣтливо сказала хозяйка,—милости просимъ!

— Глубочайшій респектъ государынѣ Дарьѣ Ивановнѣ. Како въ вожделѣнномъ здравіи обрѣтаетесь? А васъ, Марья Алексѣевна, о томъ и вопрошать не надо. Единаго взгляда достаточно, чтобы всѣ ваши пріятства зрѣть.

И вошедшій воинъ поцѣловалъ руки дамъ. Игнатій Иванычъ тѣмъ временемъ свирѣпо смотрѣлъ на него.

— А что до слуховъ о великомъ государѣ,—продолжалъ онъ,—то чрезъ замедленіе въ почтахъ никакого коннесансу

---

*) Городомъ назывался тогда Архангельскъ.

о его пребываніи въ морскомъ вояжѣ не было. Нынѣ же благодареніе Богу, извѣщеніе получено, что его царское величество не сегодня—завтра въ царствующій градъ вернется.

— Слава тебѣ Господи! И ничего, значитъ, супротивнаго съ великимъ государемъ не учинилось?

— Великая аларма была. Когда его величество изволилъ морской вояжъ совершать, то поднялся штормъ и уже всѣ начали въ дисперацію приходить. Уже великій государь святыхъ таинъ пріобщился и самъ взялся за руль, но тутъ подошелъ къ его величеству нѣкій искусный лоцманъ Антипъ Тимоѳеевъ и ввелъ государеву яхту между Унскими рогами въ губу и поставилъ на якорь у монастыря Пертоминскаго. Тамъ его величество въ память своего спасенія и крестъ поставилъ. А затѣмъ великій государь корабль, построенный въ голландской землѣ, получилъ и съ цѣлою флотиліею по морю крейсъ свершилъ. Теперь же къ его возвращенію великія огненныя потѣхи готовятся, а такожъ для прикладу походъ въ Кожухово совершенъ будетъ.

— Вотъ огненную потѣху хорошо бы посмотрѣть. Мы съ Машенькой еще никогда не видали. А сказываютъ, куда занятно.

— Какъ же! Ракеты, звѣзды, колеса, шутихи, картины огненныя—подлинно всякаго удивленія достойно.

— Только,—замѣтилъ Игнатій,—иной разъ бѣда отъ той огненной потѣхи выходитъ: разъ дворянина ракета до смерти зашибла, а другой разъ порохомъ троихъ убило, да двоихъ изуродовало.

— Съ порохомъ надо осторожну быть,—возразилъ Ѳедоръ,—а кто сглупа за то дѣло хватится, то и безъ огненной потѣхи шею сломитъ. Да вотъ потѣшные походы—тоже въ нихъ князя Долгорукаго поранили, такъ что онъ Богу душу отдалъ, а все-же безъ тѣхъ походовъ никакъ не возможно, потому что они для арміи экзерцизъ.

— А часто тѣ походы бываютъ?

— Какъ же! Первый походъ былъ по Москвѣ-рѣкѣ на гребныхъ судахъ, въ другой разъ нашъ Семеновскій дворъ штурмовали, зѣло изрядная баталія была и чуть-было бѣда не приключилась. Гранаты и горшки съ горячимъ составомъ другъ въ друга кидали. Одинъ горшокъ лопнулъ подлѣ самого государя, все лицо ему опалило и офицеры подлѣ него были переранены.

— Ахъ, батюшки мои! Ужь я бы послѣ такой бѣды бросила эти потѣхи.

— Не легко былъ пораненъ великій государь, а потѣхъ не бросилъ, потому что тѣ потѣхи для настоящаго дѣла нужны. На прикладъ понадобилось бы фортецію вражескую брать—какъ бы мы то дѣло учинили, еслибъ напередъ на взятіи фортецій въ потѣшныхъ бояхъ не практиковались? Вотъ и повелѣлъ государь нарочитую фортецію по всѣмъ правиламъ воинскимъ устроить и та фортеція Пресбургомъ наименована. И штурмомъ брана была и великая притомъ баталія происходила, непріятели побѣждены были и на акордъ сдались. А нынѣ новая примѣрная баталія готовится. Для того и фортеція «безъименный городокъ» противъ деревни Кожухова устроена.

— Гдѣ же это Кожухово?

— Да верстахъ въ двухъ отъ Симонова монастыря. И слышно, съ одноій стороны будутъ полки: Преображенскій, нашъ Семеновскіій, Лефортовъ и Бутырскій, а съ другой стороны стрѣлецкіе. Уповательно, жаркая баталія будетъ.

— Неужто опять самъ великій государь сражаться будетъ?

— А то какъ же? Онъ самъ первый вездѣ. Всякую службу знаетъ, что и барабанщику, и солдату, и капралу, и сержанту дѣлать надлежитъ, все это онъ на опытѣ произошелъ, всякія тяготы наравнѣ съ простымъ потѣшнымъ несъ. Развѣ теперь мало въ нашихъ двухъ полкахъ Преображенскомъ да Семеновскомъ, что изъ потѣшныхъ сформированы, знатныхъ князей да бояръ? Трубецкой, Лобановъ-Ростовскій, Урусовъ, Голицыны, Черкасскій. А наравнѣ съ худородными служатъ и сказать ничего не могутъ, потому что батюшка царь больше всѣхъ трудится.

Дня чрезъ три послѣ этого Игнатій Иванычъ сидѣлъ вмѣстѣ съ другими подъячими въ Ямскомъ приказѣ. Невеселы были подъячіе, знали они, что воротился государь, а съ нимъ и грозный Ромодановскій и начнутъ сыскъ по подметному письму. Что какъ по тому письму всѣхъ ихъ заберутъ да въ застѣнокъ пошлютъ?

У Игнатія была еще другая причина печалиться. Приглянулась ему Машенька Курбатова. Хоть онъ и безродный человѣкъ, да все-же книжный и подъячій въ приказѣ, года чрезъ три, пожалуй, и дьякомъ будетъ, можно бы тогда и

посвататься. Тэлько видѣлъ онъ, что Курбатовы не по старымъ обычаямъ живутъ: за того дочку выдадутъ, кто ей полюбится. А любъ ли онъ ей? Иной разъ сдавалось Игнатію, будто такъ, а другой разъ сомнѣніе было, особенно отъ этого семеновца Ѳедора. Такой онъ бравый, а говоритъ такъ что твоя книга, да все мудреными словами. Что ежели онъ Машѣ больше чѣмъ Игнатій нравится?

Сидятъ подъячіе и строчатъ бумаги, вдругъ на улицѣ шумъ, растворились настежь двери, и вошелъ въ приказъ государь.

Перепугались подъячіе, повскакали съ мѣстъ, трясутся какъ въ лихорадкѣ, даже у дьяковъ и у бояръ, что сидѣли въ приказѣ, языкъ прильпе къ гортани.

Много пришло съ государемъ начальныхъ людей, но всѣхъ ихъ будто не видно, всѣ только и смотрятъ на высокаго красавца съ черными волосами, съ орлинымъ взглядомъ, съ молодецкой походкой. Какъ на него не глядѣть? Еще не вывелись богатыри на святой Руси: то-ли не богатырь? подкову гнетъ, серебряныя тарелки свертываетъ. А очи-то, очи-то! Поглядитъ ласково—и радость, словно въ свѣтлый праздникъ на душѣ, а грозно взглянетъ—лучше бы сквозь землю провалиться.

Таковъ двадцатилѣтній русскій царь государь Петръ Алексѣевичъ.

— Кто у васъ тутъ старшій дьякъ?—заговорилъ онъ.

— Я, великій государь,—отвѣчалъ дьякъ, кланяясь въ землю.

— Руки *) своихъ приказныхъ знаешь?

— Вѣдаю, великіи государь.

— У васъ тутъ въ приказѣ подметное письмо объявилось. Можетъ, кто изъ вашихъ приказныхъ и подбросилъ.

— На такое дѣло осмѣлятся-ли?

— Ну, еще тутъ храбрость не велика. Такъ вотъ посмотри письмо—руку не признаешь-ли?

— Не признаю, великій государь.

— Поглядите и вы,—сказалъ государь подъячимъ,—можетъ быть вы признаете.

Но не признали и подъячіе, да со страху плохо и ви-

---

*) Почерки.

дѣли, насилу и вымолвить смогли, что та рука имъ не вѣдома.

Но Игнатію рука была вѣдома. Только взглянулъ онъ на письмо, то сейчасъ же и увидалъ, что его писалъ Алексѣй Александровичъ Курбатовъ. Припомнилъ Игнатій, что въ тотъ день, какъ въ приказѣ нашлось подметное письмо, Курбатовъ часа за два предъ тѣмъ приходилъ въ приказъ.

Господи! Что тутъ дѣлать? Не назвать Курбатова? Солгать передъ самимъ царемъ? А какъ поведутъ въ застѣнокъ? Опять, выдать Курбатова—стариннаго благодѣтеля и отца Машеньки?

Не будь Курбатовъ отецъ Машеньки, Игнатій не удержался бы, но когда ему представилось, какъ она горько заплачетъ, если съ отцомъ ея случится бѣда, то Игнатій не выдержалъ и вмѣстѣ съ другими подъячими сказалъ: «не вѣдаю».

— Врутъ,—промолвилъ Ромодановскій,—повели, государь, мнѣ дѣломъ розыскать. У меня заговорятъ.

Но Петръ успѣлъ разсмотрѣть, какъ перетрусили подъячіе, и расхохотался.

— Что-то на дворѣ не холодно, а васъ всѣхъ лихоманка бьетъ. Да чего вы испугались? Думаете, что за это письмо казнить буду? Не казнить, а найдись человѣкъ, который то письмо писалъ, я его въ обѣ щеки расцѣлую.

Вотъ что! Значитъ молчать не надо: Машенькѣ не слезы, а радость будетъ. Откуда у Игнатія и смѣлость взялась.

— Кажись, ваше царское величество, я ту руку признаю.

— Вотъ какъ! Видишь, генералиссимусъ *) Фридрихъ, я тоже умѣю розыскивать,—вскричалъ царь смѣясь.

Всѣ развеселились, захихикали. Одинъ подъячій даже фыркнулъ и тотчасъ же для приличія прикрылъ ротъ рукой.

— Какъ же это ты,—продолжалъ царь, обращаясь къ Игнатью,—сперва руку не призналъ, а теперь признаешь?

— Сперва боялся ошибиться, а теперь, какъ разглядѣлъ...

— Плутовать ты, малый. Чья же рука?

---

*) Въ потѣшныхъ походахъ Петра, Ѳедоръ Юрьевичъ былъ генералиссимусомъ и царь называлъ его Фридрихомъ.

— Алексѣя Курбатова, дворецкаго боярина Бориса Петровича Шереметева.

— По боярину и дворецкій! Давай намъ Богъ побольше такихъ слугъ какъ Борисъ Петровичъ да Курбатовъ. Позвать Курбатова.

За Курбатовымъ тотчасъ же поѣхали.

Одинъ изъ спутниковъ царя отличался толщиною, краснымъ опухшимъ лицомъ и сине-багровымъ носомъ. Это былъ думный дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ. Онъ приставленъ былъ воспитывать Петра, но научилъ его только грамотѣ, потому что и самъ больше ничего не зналъ. До четырнадцати лѣтъ и Петръ только зналъ кое-что изъ исторіи да былъ начитанъ въ священномъ писаніи. Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, воротясь изъ посольства во Францію, привезъ Петру астролябію. Петръ не зналъ, какъ съ нею обращаться, и спросилъ у доктора нѣмца, не знаетъ ли онъ человѣка, который бы могъ тому Петра научить. Докторъ указалъ ему на голландца Франца Тиммермана. Тиммерманъ и самъ былъ не великій ученый, не могъ хорошенько поправить ошибки, которыя Петръ дѣлалъ въ ариѳметическихъ задачахъ. Однако Петръ научился у него ариѳметикѣ, геометріи и фортификаціи а потомъ не упускалъ ни одного представлявшагося случая чему-нибудь научиться и потому въ двадцать лѣтъ зналъ чуть не больше, чѣмъ каждый изъ окружающихъ его. Но если Никита Моисеевичъ былъ не силенъ въ наукахъ, то прославился иною спеціальностію, въ которой его никто превзойти не могъ. И природные русскіе и служившіе въ Москвѣ иностранцы были охотники и мастера выпить, но никто не превосходилъ въ этомъ искусствѣ Никиту Моисеевича. Поэтому Петръ назвалъ его князь-папою, патріархомъ Пресбургскимъ, Яузскимъ и всего Кокуя. Онъ долженъ былъ наблюдать за исправнымъ осушеніемъ кубковъ и поощрять своимъ примѣромъ собесѣдниковъ къ бою съ Ивашкою Хмѣльницкимъ, опаснымъ и лукавымъ врагомъ, послѣ сраженія съ которымъ нерѣдко всей компаніи Петра приходилось лежать костьми на мѣстѣ боя.

— Скажи, святѣйшій,—обратился Петръ къ Зотову,—если было бы сокровище потаенное, напримѣръ, анкеръ добраго вина, многіе люди мимо того клала проходили бы, его не примѣтивъ, а нѣкій прозорливецъ его бы открылъ,—что-бы ты тому прозорливцу учинилъ?

— Первымъ долгомъ напоилъ бы его елико можаху.

— По рангу твоему такъ и надлежитъ учинить. А мы должны иныя награды добрымъ прибыльщикамъ даровать. Расходу-то у насъ зело много предвидится, и вотъ прибыли откуда взять? И подлинно такъ сталось, что мимо ходили, а не видѣли. Сколько у насъ приказовъ, сколько прошеній каждый годъ подадутъ! Вотъ и придумалъ тотъ, кто это подметное письмо написалъ, чтобы впередъ всѣ эти прошенья не на простой бумагѣ писать, а на орленой *). Что же выйдетъ-то? Казнѣ прибыль, народу не тяжко, потому что не помногу со всякаго челобитчика сойдетъ, а ябеды меньше будетъ: по бездѣльнымъ дѣламъ челомъ бить не будутъ, чтобы на орленую бумагу не тратиться.

— Справедливо,—сказалъ Ромодановскій.

— То-то, генералиссимусъ. Вотъ мы сыскъ и покончили. А все тѣмъ подъячимъ твоихъ рукъ не уйти. Замѣтилъ я, что они ребята храбрые и чаятельно къ Марсову дѣлу весьма пригодны. Поэтому указываю имъ быть въ предстоящемъ Кожуховскомъ походѣ. Изъ дьяковъ конныя роты сформировать, а изъ подъячихъ пѣшія. А какъ примѣтно намъ было, что тѣ храбрые воины идти къ Ѳедору Григорьевичу не весьма охотны были, поэтому назначаемъ мы ихъ въ противную армію къ польскому королю.

Ввели Курбатова.

— Ты это письмо написалъ?—спросилъ Петръ.

— Виноватъ, государь!—вскричалъ Курбатовъ, падая на колѣни.

— Побольше бы такихъ винъ было! Обѣщалъ я тебя въ обѣ щеки расцѣловать и расцѣлую. А впередъ ты не подметныя мнѣ письма пиши, а именныя. И за всякую правду, которую казнѣ учинишь, весьма будешь пожалованъ.

Дѣйствительно, Курбатовъ былъ потомъ щедро награжденъ каменными палатами и деревнями и назначенъ дьякомъ въ оружейной палатѣ **).

Отлегло и на душѣ у подъячихъ, не боятся они розыска и страшнаго Ѳедора Юрьевича, да опять другая забота: указали имъ въ Кожуховскій походъ идти, а что тамъ-то будетъ? Случалось, что дьяки были вмѣстѣ и воеводами,

---

*) На гербовой.

**) Гербовая бумага введена позже азовскихъ походовъ.

въ удали никому не уступали, но это не со многими случалось, большая часть отроду въ ратныхъ дѣлахъ не бывала. А тутъ хоть не настоящій бой, а все же, слышно, въ тѣхъ потѣшныхъ походахъ подъчасъ крѣпко бьются.

Около половины сентября повстрѣчался Игнатій съ преображенскимъ солдатомъ, лицо показалось ему знакомое; солдатъ тоже въ него пристально всматривался и наконецъ закричалъ:

— Кой прахъ! Никакъ Игнашка?

— Никакъ Алексашка?

— Бывалъ Алексашкой. Ну что ты, какъ теперь?

— Подъячимъ въ Ямскомъ приказѣ.

— А, значитъ, будешь съ нами у Кожухова воевать.

— Не наше бы это дѣло.

— Экой ты шальной! Царь указалъ, такъ стало быть ваше. Русскій человѣкъ долженъ быть на всѣ руки. Вонъ батюшка-государь: за что ни примется, во всемъ мастеръ. Военный артикулъ лучше всѣхъ насъ знаетъ, ракеты пускать, корабли строить—никто изъ насъ лучше его не сдѣлаетъ. А въ книжномъ ученіи тоже всѣхъ сильнѣе.

— Говорятъ, еще нѣмцевъ надъ нами поставятъ!

— Такъ что же, что нѣмцевъ? Изъ нихъ много славныхъ людей. Вотъ хоть Лефорта возьми—душа человѣкъ. Зачнетъ это о чужихъ земляхъ разсказывать, заслушаешься. Опять, если надо пирушку смастерить—никто лучше его того дѣла не сдѣлаетъ. Со всякимъ ласковъ, всякому помочь готовъ. А сила у него великая—никого такъ государь, какъ Лефорта, не любитъ. А тоже нашъ полковникъ Менгденъ и маіоръ Вейде люди хорошіе.

— Стало, всѣ начальные люди нѣмцы.

— Погоди, и русскіе будутъ, да надо сперва выучиться. Покуда не выучимся, извѣстно, нѣмцы впереди будутъ. Да что же, и намъ не худо. Вотъ я и простой солдатъ, а батюшка царь меня знаетъ, жалуетъ. А кто изъ насъ до офицеровъ дослужился, съ тѣмъ и князья да бояре какъ со своимъ братомъ говорятъ. Иной разъ еще князь-то подъ началомъ у нашего брата. Да и всѣ намъ уваженье показываютъ. Сперва точно насъ только потѣшниками считали, а теперь нашего брата какъ слѣдуетъ понимаютъ. Вотъ ты подъячій, чай и мошну понабилъ.

— Ну, не гораздо.

— Тебѣ лучше знать. А присватайся-ка къ какой-нибудь дѣвкѣ ты и нашъ гвардейскій капралъ, такъ ты навѣрно съ носомъ отойдешь. Потому у капрала въ сватахъ полковникъ, а то и самъ царь пойдетъ. Вотъ тутъ какой-то прибыльщикъ проявился, Курбатовъ что ли. Слышно, государь его очень жалуетъ, значитъ хорошо тому Курбатову будетъ. А есть у насъ въ Семеновскомъ полку капралъ Ѳедоръ Сверчковъ—такъ недавно говорилъ, что хочетъ на дочкѣ Курбатова жениться. И Курбатовъ отдастъ, безпремѣнно отдастъ.

— А семеновцы тоже съ нами биться будутъ?

— Извѣстно, будутъ. Что же ты той баталіи трусишь?

— Чего трусить!

— То-то! Прежде ты молодцомъ былъ. Тебѣ бы не приказнымъ, а нашимъ братомъ гвардейцемъ быть. Надумайся-ка. А вздумаешь, такъ приходи въ нашъ полкъ и спроси Александра Меншикова.

4 октября лагери войскъ, сражавшихся въ Кожуховскомъ походѣ, представляли противоположное зрѣлище. Въ русскомъ войскѣ генералиссимуса Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго шелъ пиръ горой: Лефортъ былъ именинникъ и угощалъ всѣхъ на славу. Въ польской арміи, подъ начальствомъ польскаго короля Ивана Ивановича Бутурлина, всѣ сидѣли насупившись въ своемъ безыменномъ городкѣ. Это было земляное пятиугольное укрѣпленіе, обнесенное валомъ въ 5 аршинъ вышины и рвомъ до 4 аршинъ глубиною.

Къ ротѣ подъячихъ, въ которой числился Игнатій, подошли двое стрѣльцовъ.

— Садитесь, гости будете,—сказалъ имъ сотоварищъ Игнатія по приказу, неповоротливый толстякъ, по прозвищу Жукъ.

— Присѣсть что ли, Миша? — спросилъ стрѣлецъ своего товарища.

— По моему можно, Ваня,—отвѣчалъ другой.—Вишь сегодня какой у нихъ пиръ идетъ: на приступъ не полѣзутъ, такъ съ насъ не взыщется, что мы не на своихъ мѣстахъ.

— Ужь и надоѣло сидѣть, какъ прикована на одномъ мѣстѣ. Эхъ, выпустили бы насъ всѣхъ изъ этой загородки, задали бы мы трепку этимъ куцымъ.

— Не такъ-то гораздо трепку задашь. Мало мы на вылазку выходили? А все же насъ всегда побивали.

— Побивали! Для того насъ и сюда привели. Хоть изъ кожи вылѣзь, а все-таки сноровятъ, чтобы намъ побитымъ быть.

— Это зачѣмъ?--сказалъ Игнатій,— чего намъ зѣвать-то? Велѣно было бить—ну и будемъ биться со всякимъ усердіемъ.

— Ужь ваши подъячіе и такъ поусердствовали. Немало смѣху было, какъ вы съ царскими шутами да пѣвчими схватились. Бойцы другъ другу впору. Только самопалы-то вамъ не къ мѣсту; отъ вашего умѣнья немало ихъ пораз рывалось да самихъ стрѣлковъ опалило.

— Чай подъячихъ да дьяковъ сюда больше для смѣху и привели. Воины! Иной на конѣ сидитъ, такъ поглядишь на него, животы надорвешь. А какъ пустился это ты, Жукъ, бѣжать отъ пѣвчихъ, я и говорю Ванѣ: смотри-ка, какъ нашъ благопріятель улепетываетъ, а брюхо у него словно гора колышется.

— Ловко и вы отъ бутырцевъ улепетывали.

— Съ бутырцами драться не охота: свои люди. А вотъ теперь какъ солдаты своихъ укрѣпленьевъ со всѣхъ сторонъ наставили, слыхалъ я, тѣ укрѣпленья у нихъ редутами называются, и прямехонько противъ насъ въ укрѣпленьѣ засѣли семеновцы. Вотъ съ ними въ охоту подеремся, потому что не любимъ мы этихъ потѣшныхъ.

— Это ты, Ваня, не про всѣхъ говори. Я вотъ къ потѣшнымъ никакой злобы не имѣю.

— Ужь ты лучше молчалъ бы! Стрѣльцу да съ потѣшными ладить. Ужь ты самъ не хочешь ли въ потѣшные идти?

— Да ты-то за что злишься? Что они тебѣ сдѣлали?

— А хвалятся очень. Такіе аники-воины, что и не подходи. Что мы хуже ихъ, что-ли?

— Извѣстно, не хуже, да порядку у насъ нѣтъ настоящаго, оттого они насъ и побиваютъ.

— Порядку! Пришлось бы съ ними въ настоящую перевѣдаться—показалъ бы я имъ порядокъ.

— Хотѣлось бы и мнѣ съ семеновцами схватиться,— сказалъ Игнатій.

— А хочется, такъ пойдемъ къ нашему полку. Можетъ быть они сегодня спьяна и пойдутъ на насъ.

— Нѣмецъ ротный узнаетъ, лаяться начнетъ.

— Пусть лается. Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

Игнатію очень хотѣлось подраться съ Ѳедоромъ Сверчковымъ. Первое дѣло, Ѳедоръ надоѣлъ ему своимъ бахвальствомъ, второе—невѣсту отбиваетъ. Поэтому, несмотря на нѣмца, ротнаго командира, ушелъ онъ со стрѣльцами. Дѣйствительно, противъ нихъ въ редутѣ близехонько стояли семеновцы, Игнатій даже различилъ между ними своего врага Сверчкова.

Было далеко за полдень. Игнатій и стрѣльцы съ вала хорошо видѣли, какъ изъ палатки Лефорта поспѣшно начали расходиться гости.

— Видно, не гораздо же пировали,—замѣтилъ Миша, —смотрико-сь, какъ прытко бѣгутъ.

Вслѣдъ за тѣмъ началась какая-то суматоха во всемъ лагерѣ осаждающихъ.

— Они что-то затѣваютъ,—молвилъ Игнатій.

— Можетъ, огненную потѣху: они на это горазды.

— Нѣтъ, тутъ не потѣхой пахнетъ.

Дѣйствительно, оказалось серьезное дѣло. Грянули барабаны, и чрезъ нѣсколько минутъ вся армія осаждающихъ въ стройномъ порядкѣ двинулась на крѣпость. Они несли съ собою фашины, доски, мѣшки съ землею и катили двѣ, придуманныя самимъ царемъ, особаго устройства крытыя повозки съ зажигательными составами. Стрѣльцы, не ожидавшіе нападенія и непривыкшіе такъ скоро становиться въ боевой порядокъ, бросались на валъ, куда попало. Но они имѣли большое преимущество предъ наступающими въ томъ отношеніи, что тѣмъ нужно было переходить чрезъ ровъ и взлѣзать на валъ. Цѣль повозокъ, придуманныхъ царемъ, состояла въ томъ, чтобы прорвать валъ посредствомъ взрыва, но хотя подкаченныя къ валу повозки взлетѣли на воздухъ, однако же валъ остался невредимъ. Осаждавшіе завалили во многихъ мѣстахъ ровъ хворостомъ, набросали на него доски, навели мосты, приставили лѣстницы и полѣзли на валъ. Тѣмъ временемъ осажденные бросали въ нихъ гранаты и картечи, начиненныя горючими веществами, и лили изъ мѣдныхъ трубъ воду. Много солдатъ и офицеровъ между осаждающими были переранены, но другіе смѣло продолжали взбираться на валъ; осажденные отбивались палками и длинными шестами съ зажженными на концѣ ихъ пучками смоленой пеньки.

У Игнатія сильно забилось сердце: онъ увидалъ, что Сверчковъ, впереди другихъ товарищей, почти взлѣзъ на валъ.

— Я те шугну куцаго,—пробормоталъ Миша и бросился на него съ шестомъ.

Но Сверчковъ отбилъ шестъ ружьемъ и такъ ловко хватилъ стрѣльца прикладомъ, что тотъ повалился со стѣны внутрь крѣпости.

— Ура, ребята!—закричалъ Сверчковъ,—фортеція наша!

— Погоди!—промолвилъ Игнатій и бросилъ ему гранату прямо въ лицо.

Застоналъ молодецъ и повалился съ лѣстницы, увлекая въ своемъ паденіи другихъ солдатъ.

— Молодецъ подъячій!—закричали стрѣльцы,—ловко огрѣлъ, теперь вдругорядь не сунутся!

— Да и незачѣмъ!—сказалъ насмѣшливый голосъ сзади ихъ.

Это говорилъ Меншиковъ. Пока стрѣльцы храбро отбивали три полка, четвертый, Преображенскій ворвался въ крѣпость. Царь и Меншиковъ шли впереди всѣхъ.

— Сдавайтесь на аккордъ!—продолжалъ Меншиковъ.

Мудренаго нѣмецкаго слова стрѣльцы не поняли, но увидали, что дѣйствительно надо сдаваться. Часть ихъ товарищей убѣжала въ свой лагерь, другіе съ комендантомъ крѣпости генераломъ Традернихтомъ сдались.

Толпа побѣдоносныхъ полководцевъ окружала генералиссимуса, Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго. Плѣнные защитники крѣпости стояли тутъ же вблизи.

— Съ изрядною викторіею и взятіемъ фортеціи поздравляю и за службу благодарю,—говорилъ генералиссимусъ.

Отличившимся были объявлены награды, въ томъ числѣ Меншиковъ переведенъ въ бомбардирскую роту, которою командовалъ самъ царь.

— А вамъ генералъ,—сказалъ Ромодановскій Традернихту,—во уваженіе вашему мериту и зѣло храброй защиты фортеціи возвращаю шпагу.

— Хотя мы и побѣждены,—отвѣчалъ Традернихтъ,—а все же иные изъ нашихъ храбро бились и надлежало бы и ихъ наградить.

— Справедливо,—сказалъ царь,—о томъ вы представленіе брату нашему, его польскому величеству, сдѣлайте, мы же всѣ имъ даваемыя награды аппробуемъ.

— Особенно одинъ фасъ фортеціи противу редута семеновцевъ съ великою стоїйкостью держался,—говорилъ Традернихтъ,—и хотя еще, находясь въ плѣну, я не собралъ свѣдѣній, кому особливо сіе приписать можно, однако, уповательно вскорѣ сіе узнаю.

— Осмѣлюсь вашему превосходительству доложить, — сказалъ Меншиковъ, — что мнѣ это доподлинно извѣстно, потому что я очевидцемъ того дѣла былъ.

— Тогда доложи подробно.

— Когда уже наши войска въ фортецію побѣдоносно вступили, тогда обозрѣвалъ я, гдѣ еще непріятель на стѣнахъ держится, дабы диверсію для пораженія его, а нашихъ войскъ для подкрѣпленія учинить. Тутъ я усмотрѣлъ, что всѣ наши нападенія на тотъ фасъ фортеціи, о которомъ ваше превосходительство говорить изволили, малоусиленны были. Того для я не медля туда направился. Подходя къ тому мѣсту, я усмотрѣлъ, что семеновскаго полка Сверчковъ, съ превеликою храбростію фортецію штурмуя, уже на валъ взобрался и защитника онаго внутрь фортеціи низвергъ, такъ что вмалѣ и совершенно викторія въ его рукахъ была бы, но въ это время одинъ изъ защищавшихъ валъ подъячихъ Сверчкова гранатою поразилъ.

— И сильно поранилъ,—сказалъ полковникъ семеновскагополка Чамберсъ,—бѣдный Сверчковъ еле живъ лежитъ. Право, можно подумать, что его по злобѣ нарочно въ лицо ударили гранатой.

— Никакъ того не должно думать,—возразилъ Лефортъ, лицо котораго было подвязано,—мнѣ вотъ тоже опалили лицо, да что же дѣлать. A la guerre comme à la guerre. Если бы я того молодца запримѣтилъ, который такъ мою фигуру разукрасилъ, я бы ему рубль подарилъ, чтобы онъ выпилъ за мое здоровье.

— Справедливо говоришь, Францъ,—прибавилъ царь,—храбрость и въ непріятелѣ всякаго естима достоїна. Ну что же твоїи подъячіи?—продолжалъ онъ, обращаясь къ Меншикову.

— Такъ онъ искусно Сверчкова поразилъ, что тотъ на лѣстницу упалъ и собою другихъ семеновцевъ увлекъ, такъ что они никакого авантажу не получили.

— Молодецъ! Ему не подъячимъ бы быть. Спросить, не хочетъ ли онъ въ преображенскіи рядовымъ въ мою роту записаться?

— А брату нашему, его польскому величеству, объявите,—продолжалъ царь, обращаясь къ Градернихту,—что исходомъ баталіи я не вполнѣ доволенъ, особенно тѣмъ, что многіе стрѣльцы въ лагерь какъ зайцы побѣжали. На нынѣшнюю ночь мы фортецію займемъ, въ знакъ нашей викторіи. Поставить туда семеновцевъ: они больше всѣхъ потерпѣли, то хотя тѣмъ ихъ утѣшить. А на завтра польская армія снова вступить въ фортецію имѣетъ, и мы поведемъ осаду по всѣмъ правиламъ инженерной науки.

Дѣйствительно, еще одиннадцать дней продолжалась осада съ устроеніствомъ апрошей, минныхъ галлерей и подкоповъ, при чемъ всего болѣе удался подкопъ, устроенный царемъ, и зажженная имъ мина. Наконецъ «польская армія» была окончательно побѣждена, крѣпость и «польскій» лагерь взяты, самъ «король» со связанными назадъ руками приведенъ въ шатеръ генералиссимуса. Кожуховскій походъ кончился.

Сначала Игнатій, когда ему объявили предложеніе царя о поступленіи его въ преображенцы, хотѣлъ отказаться. Какъ ему служить вмѣстѣ съ щепотниками, вообще съ людьми, къ которымъ не лежало его сердце? Но онъ вспомнилъ о Машенькѣ, о томъ, что за гвардейца пойдетъ сватомъ полковникъ, а то пожалуй и самъ царь. Обученіемъ его Меншиковъ тщательно занялся, и чрезъ мѣсяцъ Игнатій явился къ Курбатову преображенцемъ.

Позднею осенью 1695 года окольничій Алексѣй Иванычъ Соковнинъ изволилъ тѣшиться охотою. Суровый былъ человѣкъ Алексѣй Иванычъ, въ старой вѣрѣ пребывалъ и прародительскихъ обычаевъ крѣпко держался. Изо всѣхъ забавъ только и любилъ онъ пріятельскую пирушку да охоту. По любви къ послѣдней забавѣ былъ онъ приближенный у царя Алексѣя Михайловича, который страстно любилъ охоту. И крѣпко любилъ Соковнинъ царя Алексѣя Михайловича, но когда услыхалъ, что царь-государь изволитъ повеселиться комедіею, какъ Юдифь Олоферну голову отрубила, то разсердился старикъ и плюнулъ. А потомъ сталъ выговаривать боярину Стрѣшневу, зачѣмъ царя до такихъ безстыдныхъ дѣлъ допускаетъ. И когда Стрѣшневъ ему отвѣтилъ, что ничего безстыднаго въ той забавѣ нѣтъ и что великіе византійскіе государи комедіями тѣшились, то Соковнинъ съ бояриномъ побранился. А государь началъ къ Соковнину съ

того времени нѣкую остуду чувствовать. И Соковнинъ, хотя по обычаю ежедневно являлся наверхъ, однако старался подальше держаться. А когда воцарился Ѳеодоръ и допустилъ при дворѣ нѣмецкое платье, то началъ Соковнинъ тяжело воздыхать и не разъ про пришествіе антихристово заговаривалъ. Потомъ, когда Василій Васильевичъ Голицынъ въ силѣ былъ, явно ко всякимъ новшествамъ склонялся и даже съ богопротивными іезуитами пріятство водилъ, то Алексѣй Иванычъ весьма возмутился духомъ и не мало крѣпкихъ словъ сказалъ про Голицына и правительницу царевну Софью. А когда царь Петръ Алексѣевичъ къ Троицѣ-Сергію отъѣхалъ и сталъ вѣрныхъ подданныхъ звать, чтобы его отъ стрѣлецкихъ злыхъ умысловъ оборонялн, Соковнинъ, по злобѣ на Софью и на Голицына, одинъ изъ первыхъ туда явился. Тамъ онъ сошелся со стрѣлецкимъ полковникомъ Цыклеромъ.

Хотя Цыклеръ былъ родомъ изъ басурманъ, но уже вѣру православную принялъ, а главное бранилъ Софью и Голицына — тѣмъ онъ крѣпко Соковнину и полюбился. А Цыклеру и не слѣдъ бы правительницу и князя бранить, потому что въ стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 года, когда Софья правительницей учинилась, Цыклеръ былъ изъ главныхъ зачинщиковъ и за то милостями царевны былъ весьма взысканъ. Да хитрый былъ человѣкъ Цыклеръ, пронырливый, смекнулъ онъ, что Петръ Алексѣевичъ одолѣетъ Софью, такъ заранѣе на его сторону перебѣжалъ, чтобы его милостями воспользоваться. Онъ не ошибся въ разсчетахъ, былъ награжденъ званіемъ думнаго дворянина и верхотурскимъ воеводствомъ. Соковнинъ, хотя и зналъ, что царь Петръ завелъ въ Преображенскомъ и Семеновскомъ селахъ какихъ-то потѣшныхъ и даже у какого-то нѣмца цыфири учится, но думалъ, что съ годами царь пустыя потѣхи оставитъ, а цыфири, пожалуй, почему и не научиться, хотя бы и у поганаго нѣмца. Но когда всѣмъ видимо сдѣлалось, что Петръ потѣхъ не бросалъ, а поганые нѣмцы у него въ приближеньѣ стали, то разсердился Соковнинъ.

— Эка невидаль,—говорилъ онъ,—что Лефортъ да Гордонъ къ Троицѣ явились! Ну, наградить ихъ за это, шубы дать, денегъ—они на это, собаки, жадны, затѣмъ къ намъ изъ чужихъ земель и лѣзутъ. А то въ приближеньѣ держать, на старинныхъ бояръ смѣнять! Видимо послѣдніе годы пошли.

Крѣпко недоволенъ былъ Соковнинъ государемъ, отъ Кожуховскаго похода отговорился, а когда былъ сказанъ походъ на турецкаго султана, то двухъ старшихъ сыновей благословилъ идти на враговъ креста Христова. Благо, они попали въ Бѣлгородскій разрядъ подъ начальство боярину Борису Петровичу Шереметеву, а онъ хотя тоже съ нѣмцами дружитъ, но худого про него сказать нечего. «Хоть и щепотникъ, — говорилъ Соковнинъ, — а все же супротивъ другихъ не въ примѣръ лучше». Но самъ Соковнинъ въ нѣтяхъ явился. Царь и не сталъ старика безпокоить. И вотъ въ то время, когда наши рати воевали, одна подъ Азовомъ, другая на устьѣ Днѣпра, старикъ Соковнинъ съ младшимъ сыномъ, подросточкомъ Ваней, охотился. Въ жару охоты онъ съ сыномъ далеко ускакалъ отъ своихъ ловчихъ и досужныхъ.

— Что это, родитель,—сказалъ Ваня,—Стрѣла такъ и рвется къ этимъ кустамъ, да еще воетъ?

— Посмотрѣть надо. Не звѣрь ли какой ни на есть. Тогда лучше его разглядѣть, нежели дожидаться, чтобы онъ невзначай на насъ бросился. Ничего, справимся, только подъѣзжать береженько надо.

Подъѣхали. Никакого звѣря не оказалось. Но въ кустахъ лежалъ человѣкъ. Должно быть раненъ, потому что кругомъ кровь.

— Поглядѣть бы, родитель, не живъ ли? — сказалъ Ваня.

— Чего глядѣть-то. Вишь въ потѣшной шкурѣ. Должно нехристь какой.

Незнакомецъ былъ въ солдатскомъ преображенскомъ мундирѣ.

— Господи Ісусе Христе!—прошепталъ раненый.

— Молитву Ісусову по-нашему творитъ,—сказалъ Ваня, вопросительно глядя на отца.

— Ну, инъ поглядимъ. Можетъ и въ самомъ дѣлѣ православный. Иные тоже не по своей волѣ эту кожурину надѣли.

Подъѣхали и слуги Соковнина. Незнакомца подняли, уняли кровь, шедшую изъ его раны, перевязали ее, привели его въ чувство. Онъ перекрестился двумя перстами.

— И впрямь православный,—сказалъ Соковнинъ.—Смотрите, беречь его какъ зѣницу ока.

Незнакомецъ оказался преображенскимъ бомбардиромъ Игнатіемъ Семеновымъ. Оказалось, что кромѣ раны у него еще переломлена нога. Онъ медленно и съ трудомъ оправлялся. Ваня частенько забѣгалъ навѣстить его. Пожаловалъ навѣдаться и самъ Алексѣй Иванычъ. Хотѣлось ему узнать, какъ человѣкъ староіі вѣры попалъ въ преображенцы, однако же дерзяго благочестія не отвергся, и какъ онъ затѣмъ очутился раненыіі въ кустахъ.

Игнатіій разсказалъ о своемъ поступленіи въ бомбардирскую роту и такъ продолжалъ разсказъ:

— По маломъ времени былъ сказанъ походъ на Крымъ. Такъ мы всѣ и думали, что на Крымъ идемъ, послѣ ужь узнали, что пойдемъ на Азовъ. Войско государь раздѣлилъ на три дивизіи...

— Ты сказывай толкомъ, а басурманскихъ словъ не говори.

— Значитъ, три разныхъ полка—передовымъ Гордонъ начальствовалъ, а остальными двумя Головинъ да Лефортъ.

— Двое нѣмцевъ въ начальныхъ людяхъ! Не нашлось русскихъ-то.

— Передовой полкъ въ Тамбовѣ былъ, а мы около Юрьева дня изъ Москвы выступили. Весело выступали, самъ государь, слышно, говорилъ: «шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть идемъ». Нашъ генералъ Артамонъ Михайловичъ Головинъ впереди всѣхъ ѣхалъ, вокругъ него комнатные люди и чужеземцы въ красныхъ кафтанахъ со знаменами и алебардами. А самъ-то царь велъ нашу бомбардирскую роту.

— Царское ли то дѣло!

— А солдаты радовались, что самъ государь съ ними идетъ.

— Что они, дураки, понимаютъ! Царь предъ народомъ какъ земноіі Богъ являться долженъ, чтобы взирали на него со страхомъ и трепетомъ. А тутъ подикось!

— Снарядъ съ нами большоіі былъ, больше 100 пушекъ, что по-иноземному мортирами зовутъ, да больше сорока пищалей голландскихъ. Поплыли мы Москвоіі-рѣкоіі, а потомъ Окоіі до Нижняго. И туго пришлось: бури, холода, а тутъ еще суда на мель попадаютъ, иныя кое-какъ до Нижняго дошли. Перегрузились въ Нижнемъ на паузки, проплыли до Царицына, а оттуда къ казачьему городку

Паншину пошли. Тягота большая была, потому что при войскѣ было не больше пятисотъ конниковъ и пришлось весь снарядъ на себѣ таскать. А въ Паншинѣ новая бѣда: хлѣба мало, а соли совсѣмъ нѣтъ. Сказываютъ, оттого вышло, что московскіе плуты купцы подрядились поставить въ Паншинъ всякій запасъ, да не поставили.

— Оттого вышло, что Божьяго благословенія не было.

— Потомъ Дономъ поплыли, въ Черкаскѣ останавливались, а немного послѣ Петрова дня къ Азову пришли. И учали турки по насъ ядрами палить. А той пальбы не токмо простые солдаты, но и комнатные люди и полковники такъ испугались, что стали Гордона просить скорѣе укрѣпленья поставить, по-иноземному шанцы.

— Нуте съ иноземными! Укрѣпленья, такъ укрѣпленья и говори.

— Ну, укрѣпились мы, не такъ страшно стало.

— Это, видно, не кожуховскія потѣхи!

— Куда кожуховскія! Потомъ велѣли намъ работать такъ же, какъ подъ Кожуховымъ, не знаю, какъ это по-русски называется.

— Поганая работа, такъ и нѣтъ русскаго названья. Называй по поганому.

— Батареи и редуты.

— Ну, что же, чай, какъ пришлось работать, лаялись?

— Потѣшные ничего, а стрѣльцы втихомолку, всего было. Къ туркамъ моремъ подкрѣпленье пришло. А къ намъ подвозить припасовъ невозможно было, потому что приходилось подвозить ихъ по Дону, а на Дону, верстахъ въ трехъ отъ Азова, двѣ турецкія каланчи стояли, на обѣихъ пушки, а промежъ ихъ протянуты желѣзныя цѣпи и сваи набиты. Но, слава Богу, тѣ каланчи были донскими казаками взяты.

— Казаки въ древнемъ благочестіи пребываютъ, за то Господь и поборяетъ по нихъ.

— А тутъ еще измѣнщикъ выискался, голландецъ Яковъ Энсенъ, мастеръ былъ бомбы метать, за то его царь полюбилъ и въ большомъ приближеньѣ держалъ. А онъ туркамъ передался и все подробно объ нашей рати разсказалъ.

— По дѣломъ! Не вѣрь нехристямъ!

— А тутъ такой грѣхъ случился. Стрѣльцы разъ вздремнули въ редутахъ послѣ обѣда, а турки какъ нагрянутъ на нихъ. Большой тутъ погромъ былъ! Быть бы всей нашей

рати побитой, какъ бы не подоспѣлъ нашъ полкъ да семеновскій да не отбили враговъ. Потомъ князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій редутъ на правомъ берегу Дона выстроилъ, облегли мы Азовъ потѣснѣе. Только и намъ нелегко было. Первое дѣло стрѣлки изъ крѣпости: мѣтки собаки, чуть кто изъ нашихъ голову изъ-за окоповъ выставитъ, они тотчасъ и подстрѣлятъ, другое дѣло — изъ крѣпости на всякъ часъ вылазки, а изъ степи татары громятъ. И порѣшили воеводы ко крѣпости приступъ сдѣлать. Однако и приступъ не удался. И много нашихъ было перебито. Царь особливо горевалъ о князѣ Троекуровѣ, котораго онъ своимъ другомъ называлъ. Покончили мы подкопы и подожгли,—что же? вмѣсто турокъ своихъ человѣкъ 30 убили да до сотни изувѣчили. Ужасъ на насъ нашелъ.

— А все оттого, что безъ Божья благословенья.

— И порѣшили вдругорядь на приступъ идти. Насъ съ семеновцами на суда посадили, а на тѣхъ судахъ борты высокіе и дыры наверху для ружей, а внизу для веселъ. Вотъ и напали на Азовъ мы отъ рѣки на судахъ, а прочее войско съ сухого пути. Мы и ворвались въ Азовъ, а прочее войско отбито было. Тогда турки-то всѣ на насъ и обрушились. Жутко намъ пришлось. Двое государевыхъ любимцевъ—Григорій Лукинъ и Екимъ Воронинъ тутъ были убиты и меня тутъ поранили. Много и другихъ нашихъ полегло. Меня, спасибо, товарищи на суда уволокли. Послѣ того государь порѣшилъ отступить отъ Азова. За нами только двѣ каланчи и остались, что донцами взяты.

— Не велика прибыль! Вотъ настоящіе-то наши православные русаки получше васъ успѣли на Днѣпру. Я о томъ отъ сыновей вѣдомость получилъ. Они тамъ двѣ турецкія крѣпости: Казакерманъ и Таганъ приступомъ взяли, а изъ двухъ другихъ Орслань-Ордека и Шагенъ-Кермана турки убѣгли. Ну, что же съ тобой дальше-то было?

— Лѣчился я отъ раны, полегчало мнѣ, я и сталъ проситься пораньше въ Москву ѣхать.

— Сродники что ли здѣсь есть?

— Нѣтъ, не сродники, а знакомые, Курбатовъ одинъ.

— Знаю. Тоже царь его изъ подлыхъ людей взыскалъ. Онъ до этого охочъ. Насколько знатные роды къ непригожимъ дѣламъ приневоливаетъ, настолько до подлыхъ людей охочъ.

— Вотъ и поѣхалъ я съ подводчикомъ. А около того мѣста, гдѣ ты меня, бояринъ, нашелъ, и понесли насъ лошади. Ямщикъ, надо полагать, убѣгъ, а меня въ кусты лошади выкинули, ногу мнѣ сломали, а тутъ еще азовская рана раскрылась и кабы не ты, бояринъ, не быть бы мнѣ въ живыхъ.

— Это ужь тебѣ за то Богъ послалъ, что ты, бывъ щепотниками окруженъ, никоніанской прелести не поддался. Хранилъ себя. Проклятымъ табачищемъ не осквернился?

— Помилуй Господи!

— Ну, такъ не унывай! Господь поможетъ. Конечно, воевать больше не будешь, да какая тутъ воіна? Чай послѣ азовскаго похода и *онъ* въ другой разъ не сунется!

Игнатій сталъ поправляться, только прихрамывалъ. Продолжать военную службу онъ очевидно не могъ и подалъ о томъ бумагу въ разрядный приказъ. Туда же, по протекціи Соковнина, его подъячимъ, въ ожиданіи царева отвѣта на прошеніе его, опредѣлили. Но отвѣтъ замедлился. А между тѣмъ слышно стало, что государь вторично на Азовъ въ походъ отправился. Къ Курбатовымъ Игнатій не пошелъ, не желая показаться Машенькѣ калѣкой.

Игнатій уже жилъ въ Москвѣ на квартирѣ. Туда частенько забѣгалъ Ваня Соковнинъ и очень съ нимъ подружился. Ваня былъ очень добрый, но впечатлительный мальчикъ, отца своего крѣпко любилъ и почиталъ.

Въ августѣ 1696 года Ваня сидѣлъ у Игнатья; вдругъ къ послѣднему явился неожиданный гость — Александръ Меншиковъ.

— Здравствуй, братъ Игнаша! какъ тебя Богъ милуетъ!

— Здравствуй, Алексаша, видишь, братъ, калѣкой сталъ.

— Ну, ничего. Я ужь слышалъ, царь тебѣ абшидъ отъ военной службы далъ и капраломъ пожаловалъ. А теперь на что ни на есть другое пригодишься. Ты вонъ и латынь знаешь. А царю такіе люди надобны. Онъ тебя не забудетъ. Не таковъ человѣкъ. Ежели онъ про кого узнаетъ, что человѣкъ способный, то втуне того человѣка не оставитъ. А насъ, братъ, съ презѣло изрядною викторіею поздравь.

— Съ какой викторіи?

— А мы оную фортецію Азовъ на аккордъ взяли.

— Что ты?

— Ты еще не слыхалъ? Не мудрено. Теперь на Москвѣ развѣ первые бояре о томъ знаютъ. А я прямо изъ арміи въ отпускъ пріѣхалъ, хотѣлось на Кокуй побывать, тамъ у аптекаря дочка есть...

— Какъ же вы фортепіио-то взяли? Я вѣдь думалъ, что царь больше туда не поiйдетъ.

— Царь-то не поiйдетъ? Нѣтъ, братъ. худо ты его знаешь. Что онъ разъ задумалъ, то непремѣнно сдѣлаетъ Разъ обожжется, другоiй разъ обожжется, а въ третiй непремѣнно на своемъ поставитъ. Другого на его мѣстѣ, конечно, и калачомъ къ Азову не заманили бы, а онъ первое дѣло началъ раздумывать, отчего намъ въ прошломъ году неудачно было. И додумался, что оттого, что турки своимъ съ моря помогали, да оттого, что мы въ инженерномъ и артиллерiйскомъ дѣлѣ аза въ глаза не смыслили. Вотъ и задумалъ онъ изъ цесарскоiй и другихъ земель хорошихъ инженеровъ да артиллеристовъ вызвать, чтобы туроkъ съ моря не пускать, флотъ построить.

— Флотъ?

— Да, и построилъ въ Воронежѣ. Немало мы тутъ потрудились, а у самого его такъ мозоли съ рукъ не сходили. Ужь по правдѣ онъ писалъ къ Стрѣшневу изъ Воронежа: «Мы, по приказу Божiю къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ своiй». Ужь подлинно въ потѣ лица! И построили мы, братецъ ты моiй, больше тридцати галеръ и брандеровъ. Одну галеру самъ царь строилъ. Она лучше всѣхъ вышла. Царь ее назвалъ Principium.

— Что за брандеры такiе?

— А это такiя суда, что наполнятъ ихъ всякимъ горючимъ снадобьемъ да и прицѣпятъ къ непрiятельскому кораблю, а потомъ и зажгутъ. Ну, значитъ, непрiятельскiй корабль загорится, а какъ до пороховой камеры огонь доiйдетъ, корабль фить! и взлетитъ на воздухъ. И собралась рать большая, не въ примѣръ больше, чѣмъ въ прошломъ году. Въ прошломъ году насъ тысячъ тридцать съ небольшимъ было, а въ нынѣшнемъ собралось до семидесяти. А Францъ Тиммерманъ, бывшiй царскiй учитель, привезъ намъ изъ Москвы знамя гербовное — на Москвѣ какой-то инокъ дѣлалъ, камчатное, коричневаго цвѣта, четвероугольное, съ откосомъ; вокругъ по голубоiй каймѣ подпись: 12

марта 7204. въ срединѣ золотой двуглавый орелъ, въ лапахъ у него копья, увиты хартіями, съ надписями; на груди орла изображеніе «Царя царей и Господа господей», на бѣломъ полѣ, съ громовыми стрѣлами; подъ орломъ море съ кораблями на парусахъ; въ откосѣ рядомъ съ орломъ въ облакахъ св. апостолы Петръ и Павелъ, держащіе камень вѣры. Начальникомъ царь боярина Шеина назначилъ.

— Ну, слава Богу, русскаго.

— Погоди, и всѣ русскіе будутъ. Дай только намъ выучиться. А безъ науки, братъ, плохо. Вотъ и пошли мы къ Азову. А турецкій флотъ къ нему на подмогу шелъ, да казаки донскіе, спасибо, такъ турокъ шугнули, что они прочь убрались, а потомъ нашъ флотъ пришелъ и дорогу имъ къ фортеціи преградилъ. Сунулись было татары — ихъ тоже вздули. И дураки же эти турки и татары, понадѣялись, что царь такъ скоро снова къ Азову не придетъ, фортецію не укрѣпили, даже наши рвы и насыпи, что мы въ прошломъ году дѣлали, они не тронули, такъ что эта прошлогодняя работа намъ пригодилась. Царь со своей галеры Principium всей осадой распоряжался, а Шеинъ только его волю творилъ. Вотъ и пошли осады, каждый день бой съ турками, что изъ крѣпости выходили, и съ татарами, что изъ степи наскакивали. Въ тѣхъ схваткахъ больше мы одолѣвали. Самъ царь нисколько себя не берегъ. Смотря на него, и другіе не трусили. Самъ я слышалъ, какъ онъ Лефорту разсказывалъ, что царевна Наталья Алексѣевна писала къ нему, чтобы онъ хранилъ себя отъ вражескихъ пулекъ. А онъ ей отвѣтилъ: «Я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобы не ходили». Разъ только нашимъ худо пришлось и то оттого, что они, отразя враговъ, бросились преслѣдовать ихъ вразсыпную, а не добрымъ строемъ, какъ слѣдовало по воинскому артикулу. Но подкопы наши никуда не годились, потому что нѣмецкіе инженеры еще не пріѣхали. Вотъ и стали спрашивать солдатъ и стрѣльцовъ, какъ лучше овладѣть Азовомъ. Они отвѣчали, что надо высокій земляной валъ возвести, привалить его къ непріятельскому валу и, засыпавъ ровъ, сбить турокъ съ крѣпостныхъ стѣнъ. Съ этимъ всѣ согласились, даже и генералъ Гордонъ. Вотъ и принялись мы строить этотъ валъ, страхъ какой навалили. Тутъ пріѣхали нѣмцы. И точно, свое дѣло знаютъ. Особливо

одинъ изъ нихъ полковникъ де-Граге. Какъ началъ онъ по фортеціи палить, тотчасъ палисады на угловомъ болверкѣ разрушили и наши бастіонъ заняли. А туть донцы съ запорожцами умыслили смѣлое дѣло. У запорожцевъ начальникомъ былъ наказной атаманъ Лизогубъ, о которомъ и Гордонъ говорилъ, что онъ «мужъ въ добродѣтели и въ военныхъ трудахъ искусный», а у донцовъ войсковой атаманъ Фролъ Миняевъ, тоже молодецъ. Вотъ они съ двумя тысячами казаковъ бросились на турокъ, сбили ихъ съ валу и чуть въ замокъ не ворвались. Однако, турки опомнились, ударили на нихъ, но тогда все наше войско имъ помогло и они удержались на валу. Тогда государь повелѣлъ намъ къ штурму готовиться, но турки не дождались его и сдались на аккордъ.

— Ну, слава те Господи! Хоть не напрасно мы кровь проливали.

— Теперь вся армія сюда идетъ и, слышно, тріумфальный ей въѣздъ готовится — будетъ чего посмотрѣть.

— Поглядимъ.

— А потомъ, слыхалъ я, знаешь ли, что царь затѣваетъ? Хочетъ въ чужія земли пословъ снарядить, чтобы, значитъ, съ разными потентатами альянцъ учинить. Да это что, еще ничего. А хочетъ многихъ дворянъ туда учиться послать. И это ничего. А вотъ главное — самъ хочетъ туда ѣхать.

— Какъ, самъ царь?—вскричали Ваня и Игнатій, а Ваня прибавилъ:—къ нехристямъ!

— Это ты, малецъ, о нехристяхъ напрасно! Не тебѣ о потентатахъ и важныхъ персонахъ разсуждать. Кто ты таковъ?

— Дворянинъ Иванъ Соковнинъ.

— Постой-ка! Соковнинъ! Такъ и есть. Въ реестрѣ дворянъ, которыхъ указано въ чужія земли послать, есть и Соковнины. Это, можетъ быть, ты, либо твои братья.

— Отецъ насъ къ басурманамъ не пуститъ.

— Отецъ? Это когда царь укажетъ? Нѣтъ, братъ, у нашего царя много не попрыгаешь. Онъ въ бараній рогъ согнетъ. Онъ и отца-то твоего туда зашлетъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

Въ сентябрѣ при въѣздѣ изъ Замоскворѣчья на Каменный мостъ, построены были тріумфальныя ворота по чер-

тежу и подъ надзоромъ дьяка Виніуса. Двуглавый орелъ подъ тремя коронами возвышался надъ фронтономъ среди знаменъ, прапоровъ, копій и протазановъ; подъ нимъ нарисованы были пушки, ядра, бомбы и морскія суда. На фронтонѣ находилась надпись: «Богъ съ нами, никто же на ны. Никогда же бываемо». Парящая слава въ одной рукѣ держала лавровый вѣнокъ, въ другой—масличную вѣтвь. Подъ нею была надпись: «достоинъ дѣлатель мзды своея». Въ срединѣ ворота висѣлъ зеленый вѣнокъ. Отъ него спускались златотканыя шпалеры, на одной находились слова: «возвратъ съ побѣды царя Константина»; на другой: «побѣда царя Константина надъ нечестивымъ царемъ Максентіемъ Римскимъ». Фронтонъ опирался на двѣ колоссальныя статуи: одна представляла богатыря, съ палицею въ правой рукѣ и съ зеленою вѣтвью въ лѣвой; другая — воина въ доспѣхахъ, съ обнаженнымъ мечомъ. Надъ ними были надписи: «Геркулесовою крѣпостью и Марсовою храбростью». На пьедесталѣ находились изображенія: подъ Геркулесомъ — азовскаго паши въ чалмѣ и двухъ скованныхъ турокъ; подъ Марсомъ — татарскаго мурзы съ двумя скованными татарами. Надъ тѣмъ и другимъ были надписи въ стихахъ:

Надъ пашею:

Ахъ! Азовъ мы потеряли,
И тамъ бѣдство себѣ достали.

Надъ мурзою:

Прежде на степяхъ мы ратовались,
Нынѣ же отъ Москвы бѣгствомъ едва спасались.

Подлѣ Геркулеса и Марса стояли пирамиды, перевитыя зелеными вѣтвями, съ надписями, на одной: «въ похвалу прехрабрыхъ воевъ морскихъ», на другой: «въ похвалу прехрабрыхъ воевъ полевыхъ». Пространство между пирамидами и перилами моста занято было двумя картинами на полотнѣ. Одна представляла бой на морѣ; другая—бой съ татарами и приступъ къ Азову; на первой сверхъ того нарисованъ былъ плывущій на морскомъ звѣрѣ Нептунъ, который говорилъ, какъ гласила надпись: «се и азъ поздравляю взятіемъ Азова и вамъ покоряюсь».

Войска совершили тріумфальное вступленіе въ Москву,

при чемъ главныя почести были предоставлены: Шеину, адмиралу Лефорту, Головину и другимъ полководцамъ. А царь шелъ предъ морскимъ регементомъ, въ мундирѣ капитана, въ шляпѣ съ бѣлымъ перомъ и съ протазаномъ въ рукѣ, за колесницей адмирала.

Вскорѣ подтвердились слова Меншикова о посольствѣ, отправляемомъ за границу, о томъ, что царь туда ѣдетъ и отправлятъ для науки дворянъ, въ томъ числѣ двухъ сыновей окольничаго Соковнина. Онъ пришелъ въ неописанную ярость, когда объ этомъ услышалъ.

— Это чтобы обасурманились!—кричалъ онъ,—чтобы лютерскую вѣру приняли! никогда тому не бывать, пока я живъ, скорѣе меня разорвутъ на части, скорѣе я разорву...

23 февраля 1697 года вечеромъ Ваня Соковнинъ поспѣшно вбѣжалъ въ квартиру Игнатья. На Ванѣ, какъ говорится, лица не было.

— Ой бѣда! бѣда, Игнаша!—повторялъ онъ.

— Да что съ тобой, что, голубчикъ?

— И сказать не смѣю.

— Говори, не бойся, не выдамъ.

— Дѣло такое страшное. Побожись, что никому не скажешь.

Игнатій побожился.

— Сегодня послѣ обѣда приходилъ къ родителю Цыклеръ, а я въ сосѣдней комнатѣ былъ, они, должно быть, не запримѣтили, я и слышалъ, о чемъ они говорили... Ахъ, лучше бы мнѣ не слышать...

— Да что же такое?

— Хотятъ они царя Петра извести.

— Неужели?

— Да, Цыклеръ сказалъ, что онъ подговаривалъ къ тому стрѣлецкаго пятисотеннаго Елизарьева да пятидесятника Силина, они, однако, не согласились. Но мужъ моей сестры, Ѳедоръ Матѳѣевичъ Пушкинъ, да стрѣльцы Филипповъ и Рохинъ, да донской казакъ Лукьяновъ на то согласны. Сперва хотѣли они царя въ домъ Цыклера завлечь и тамъ убить, а потомъ согласились домъ поджечь подлѣ Лефортова дома, гдѣ сегодня царь пировать будетъ, а когда царь на пожарь выйдетъ, изрѣзать его въ пять ножей.

— Страшное дѣло, Ваня!

— Страшное, голубчикъ Игнаша! страшное! Самъ же

родитель всегда толковалъ, что царь все равно что Богъ земной, а тутъ, Господи! будь это не отецъ моій, я бы тотчасъ къ царю побѣжалъ и все ему разсказалъ, да могу ли я отца выдать.

— А я?

— Ты? ты побожился, Игнаша, не сказывать, побойся Бога! не губи отца, вѣдь онъ тебя отъ лютой смерти спасъ.

— А какъ же царя-то вьдать? А изведутъ его, что съ царствомъ будетъ?

— Будетъ, слышь, царевна Софья править. Цыклеръ говорилъ, что и она на это согласна.

Молодые люди не знали на что рѣшиться. Игнатій понималъ, что долгъ и велѣвастъ ему спасти царя, но онъ любилъ Софью, Василья Васильевича Голицына, Соковнина, понималъ, что долженъ погубить послѣдняго, а можетъ быть и всѣмъ имъ повредить. Онъ не рѣшался идти съ доносомъ, а между тѣмъ приближалась страшная роковая ночь. Наконецъ ему пришла счастливая мысль.

— Знаешь что, Ваня, пойдемъ къ Лефортову дому и будемъ сторожить. Случится пожаръ, выйдетъ туда царь и мы за нимъ, будемъ охранять его.

— Ладно, голубчикъ.

Царь пировалъ у Лефорта. Ему доложили, что два стрѣльца желаютъ видѣть его по важному дѣлу. Это были Елизарьевъ и Силинъ. Онъ вышелъ къ нимъ въ другую комнату, и они сообщили ему объ умыслахъ Цыклера. Царь наскоро написалъ капитану преображенскаго полка, чтобы тотъ въ 9 часовъ вечера отправился къ дому Цыклера и арестовалъ всѣхъ, кого тамъ найдетъ.

Въ половинѣ десятаго царь отправился туда съ однимъ деньщикомъ. Къ удивленію своему, онъ не нашелъ въ домѣ Цыклера ни одного солдата. Въ этомъ, впрочемъ, не было ничего удивительнаго, потому что Петръ ошибся второпяхъ и въ запискѣ капитану вмѣсто девяти написалъ десять часовъ.

Заговорщики для приданія себѣ храбрости пировали. Соковнинъ забылъ свою боярскую спѣсь и сидѣлъ за однимъ столомъ съ неродовитыми людьми.

Царь смѣло вошелъ къ нимъ. Они, напротивъ, ужаснулись. Онъ сѣлъ за столъ, велѣлъ и имъ садиться и налилъ себѣ кубокъ вина.

Прошло нѣсколько минутъ. Они удостовѣрились, что съ царемъ только одинъ деньщикъ.

— Не для чего и пожара дѣлать,—шепнулъ Цыклеръ Соковнину.

— Пожалуй, здѣсь будетъ сподручнѣе.

— Не пора ли?

Петръ услышалъ это слово и не вытерпѣлъ, вскочилъ.

— Тебѣ не пора, бездѣльникъ, такъ мнѣ пора!—и однимъ ударомъ повалилъ Цыклера на землю.

Заговорщики вскочили и схватились за ножи.

Петръ поднялъ тяжелый столъ. Они отшатнулись, понимая, какое это страшное оружіе въ рукахъ такого силача.

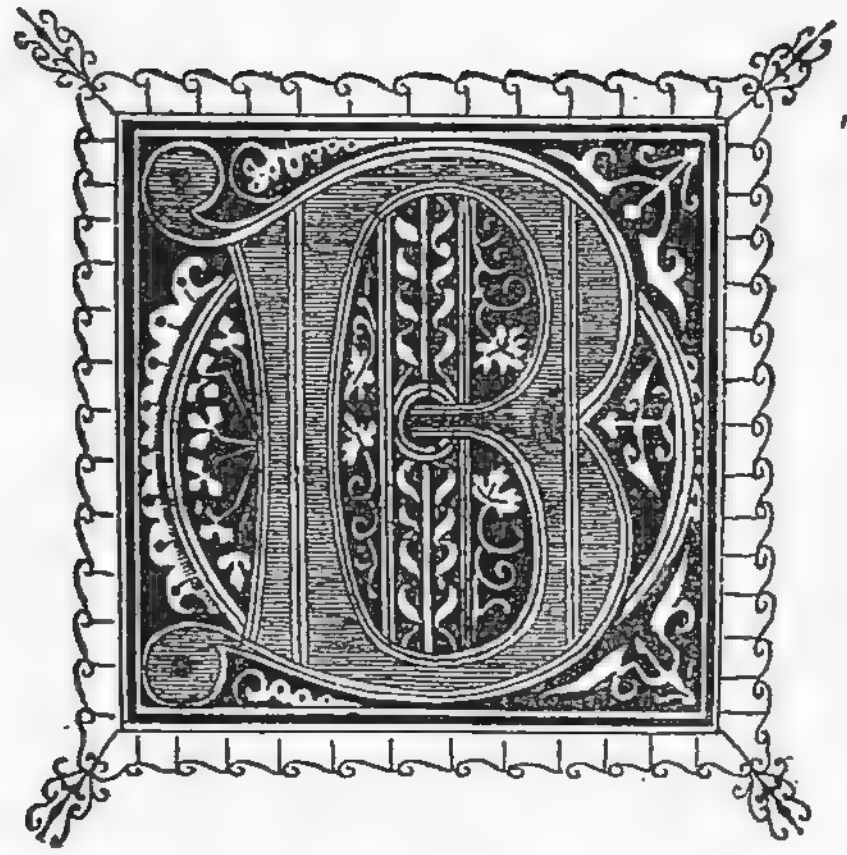
Ударило десять часовъ. Едва часы начали бить, вошли преображенцы и арестовали заговорщиковъ.

Петръ услышалъ это слово и не вытерпѣлъ, вскочилъ...

XVI.

ВЪ ГОСТЯХЪ И ДОМА.

(1697—99 гг.).



Ъ мартѣ 1696 года, рижское береговое предмѣстье Штадіенъ было оживлено болѣе обыкновеннаго. Туда много приходило людей изъ города, и вокругъ трехъ домовъ Гака, Преторіуса и Чильда была постоянно толпа. Въ этой толпѣ самъ Гакъ встрѣтился со знакомымъ голландскимъ купцомъ.

— Ярмарка у насъ здѣсь теперь!—сказалъ Гакъ.

— Немудрено! Всякому любопытно взглянуть! И вчера, когда послы въѣзжали, много было на улицахъ народу.

— Я не видалъ здѣсь пословъ, у дома встрѣтилъ. Гдѣ же они проѣзжали?

— Чрезъ Песчаныя ворота; тамъ и батальонъ войска стоялъ, у ратуши другой, а у Карловыхъ воротъ третій, а шварцгейптеры *) въ своихъ парадныхъ мантіяхъ и съ бѣлыми перьями на шляпахъ впереди посольской кареты съ двумя трубачами ѣхали.

— Это-то я видѣлъ. Видѣлъ и золоченую карету, въ которой ѣхали господа послы.

---

*) Щварцгейптеры—черноголовые, такъ назывались рижскіе граждане, пользовавшіеся особыми правами.

— Да, губернаторъ имъ почести оказалъ, и кареты выслалъ, и изъ пушекъ палить велѣлъ при ихъ въѣздѣ. А только, говорятъ, ѣхать имъ сюда было худо: припасовъ не давали и подводъ.

— Откуда и взять припасовъ такому множеству людей? Вѣдь съ послами не меньше двухсотъ пятидесяти человѣкъ. Такъ послѣ прошлогоднихъ неурожаевъ, развѣ легко набратъ запасовъ для нихъ? Да и зачѣмъ? Московиты народъ богатый—купятъ.

— Я думаю, и ты себя не забудешь, какъ придется съ ними разсчитываться?

— Хе, хе, хе! Кто себѣ врагъ!

— А правда-ли, носится такой слухъ—будто съ послами самъ царь московскій ѣдетъ?

— По-моему, пустяки. Послы тоже высокомочные люди. Первый—генералъ-адмиралъ и намѣстникъ новгородскій Лефортъ, родомъ изъ Женевы, второй—сибирскій намѣстникъ Головинъ и третій—болховскій намѣстникъ Возницынъ. И другіе есть знатные люди въ посольствѣ, но чтобы былъ между ними царь—не вѣрится! Вѣдь московскій царь, слышно, иначе не ѣстъ, какъ съ золота да съ серебра, а одѣвается въ кафтанъ, покрытый золотомъ, да въ шубу соболью. Такъ захочетъ-ли онъ нужду наравнѣ съ посольскими людьми терпѣть?

— Нынѣшній царь, говорятъ, не таковъ.

— Точно, и мы о томъ слыхали. Ну, да можетъ быть иногда для забавы что-нибудь необыкновенное и сдѣлаетъ.

— Не однѣ забавы! Вѣдь вонъ у турокъ Азовъ онъ взялъ! Это подвигъ не маловажный! Вся Европа объ этомъ заговорила.

— Дѣйствительно, говорятъ, онъ великій воитель. Поэтому-то, слышно, нашъ губернаторъ не совсѣмъ доволенъ, что такъ много московитовъ сюда пріѣхало. Ну, да онъ человѣкъ осторожный! Сколько вонъ теперь въ предмѣстьѣ солдатъ стоитъ.

— И въ крѣпости караулы удвоены. Только, по-моему, все это напрасно. Развѣ могутъ сдѣлать что-нибудь двѣ сотни московитовъ? Да если съ ними знатные люди, то развѣ захотятъ они съ такимъ рискомъ опасности подвергаться?

— Все же осторожность соблюдается. Въ городъ моско-

витовъ больше чѣмъ по шести человѣкъ не пускаютъ. И то съ карауломъ. Да еще заказано, чтобы къ валу они близко не ходили и укрѣпленія не осматривали.

Изъ дома Гака вышло нѣсколько молодыхъ людей; всѣ они были одѣты по-русски, кромѣ одного, одѣтаго по-голландски, въ темносѣрый кафтанъ.

— Гдѣ тутъ пройти къ морю?—спросилъ онъ по-нѣмецки Гака.

— А вашей милости зачѣмъ это нужно?—спросилъ Гакъ.

— Тутъ, говорятъ, ниже города, стоятъ голландскіе корабли, такъ намъ хотѣлось бы ихъ посмотрѣть.

— Я самъ съ тѣхъ кораблей,—сказалъ голландецъ,—могу васъ туда провести.

— Очень радъ, пойдемте.

— Придется идти мимо крѣпостного вала,—замѣтилъ Гакъ.

— Что же? вы боитесь, чтобъ мы его не съѣли?

— Всѣ тамъ ходятъ,—сказалъ голландецъ,—другой и дороги нѣтъ.

— Я такъ только сказалъ,—отвѣчалъ Гакъ,—это не мое дѣло.

— Вы не изъ штатовъ-ли?—спросилъ голландецъ молодого человѣка, одѣтаго по-голландски.

— Нѣтъ, русскій,—отвѣчалъ тотъ тоже по-голландски,—а одѣваться и говорить по-голландски очень люблю. Хочется поскорѣе до голландцевъ добраться—много я о ихъ землѣ наслышанъ.

— Голландцы рады будутъ такому гостю.

— Говорятъ, корабельное строенье у нихъ хорошо идетъ?

— Отлично. Въ Амстердамѣ отличныя верфи. Въ Заандскихъ мѣстечкахъ тоже.

— Да, я о Саардамѣ много слыхалъ отъ голландцевъ, которые русскому царю служатъ.

— Русскому царю... гмъ! а осмѣлюсь васъ спросить, правда-ли, будто его царское величество изволилъ сюда съ посольствомъ пожаловать?

— Я царя въ посольствѣ не видалъ. У него же и дѣла много: война съ турками, строеніе кораблей въ Воронежѣ. Вотъ и мы посланы строенью кораблей учиться.

— Въ Амстердамѣ выучитесь.

— Шумно, городъ большой.

— Ну, тогда въ Зааландскія мѣстечки, въ Саардамъ или въ иное.

— Отсюда хорошо фортецію видно,—заговорилъ одинъ изъ русскихъ.

— Дай-ка трубу.

— А ты, Ѳедя, для памяти начертилъ бы.

Но только-что Ѳедя принялся чертить, какъ проходившій мимо шведскій офицеръ закричалъ:

— Это что такое! Съ нашихъ укрѣпленій видъ снимаютъ.

— Не со злымъ умысломъ, а любопытства ради.

— Будетъ вамъ любопытство! Сейчасъ доложу коменданту.

И шведъ поспѣшно направился къ крѣпости.

— Что же, кончать что-лп чертежъ?

— Кончай.

— Какъ бы чего не вышло,—замѣтилъ осторожный голландецъ,—губернаторъ Далбергъ человѣкъ надменный и суровый.

— Не очень учтивъ, правда, другой бы къ нашимъ посламъ пріѣхалъ, а онъ отговаривается: въ горѣ, видишь, дочь больна али умерла.

— И съ нимъ надо большую осторожность соблюдать. Между иностранными купцами идетъ разговоръ, что онъ очень недоволенъ московскимъ посольствомъ и сказалъ, что вольничать ему не позволитъ. А когда кто-то ему замѣтилъ, что по слухамъ съ посольствомъ самъ царь, то губернаторъ, будто-бы, сказалъ: «Что мнѣ царь? Онъ подъ чужимъ именемъ ѣдетъ. Если нарушитъ народное право, то и его можно заарестовать».

— Вотъ какъ! Пойдемъ же дальше.

Подошли къ самымъ укрѣпленіямъ.

— Стой!—закричалъ шведскій часовой.

— Намъ къ морю нужно.

— Стой, говорятъ, не то убью.

И часовой прицѣлился. Явилось нѣсколько шведовъ на валу, въ томъ числѣ офицеръ.

— Осмѣлюсь доложить, — сказалъ голландецъ, — мнѣ нужно на мой корабль, а другой дороги нѣтъ.

— Ну, ты и иди со своимъ товарищемъ, а московитамъ нельзя.

— Пойдемъ, товарищъ,—сказалъ русскій, одѣтый по-голландски.

— Какъ?

— Намъ можно, такъ и пойдемъ. А вы,—продолжалъ онъ, обращаясь къ прочимъ русскимъ,—воротитесь.

Они на минуту замялись, но возражать не стали и повернули къ предмѣстью. Голландецъ со своимъ товарищемъ сѣли въ лодку и поплыли къ голландскимъ кораблямъ.

— Узнай Дальбергъ, что вы русскій...—сказалъ голландецъ.

— Не узнаетъ, спасибо этому платью. Да оно и на все пригодно: работать въ немъ не въ примѣръ лучше, чѣмъ въ русскомъ кафтанѣ. А укрѣпленья-то у шведовъ хорошія, только съ моря не додѣланы.

— Я не знаю, чего Дальбергъ и боится! Никого здѣсь опасныхъ сосѣдей нѣтъ. Это не то, что у насъ въ Голландіи, гдѣ каждую минуту французскаго короля опасаться надо.

— А вы его побаиваетесь?

— Людовикъ XIV человѣкъ такой. Я еще малъ былъ, какъ онъ чуть-было всю Голландію не завоевалъ. Только тѣмъ и отдѣлались отъ него, что шлюзы спустили, вода и заставила французовъ уйти. А потомъ сколько съ нимъ войнъ было. Да что войны! Война и теперь идетъ съ нимъ у насъ. Онъ среди мира нѣмецкіе города себѣ бралъ.

— Можетъ быть, тѣ нѣмецкіе города когда-то ему принадлежали?

— А если бы и такъ?

— Свое всегда обратно взять можно.

— Ну, этакъ, пожалуй, у шведовъ все бы обобрали. Померанію взяли бы нѣмцы, Лифляндію поляки, Эстонію и Ингрію русскіе.

— Русскимъ онѣ когда-то принадлежали, и Лифляндія тоже.

— Ну, теперь у шведовъ не возьмутъ. Сильны шведы! Со временъ Густава Адольфа ихъ вся Европа боится. Русскимъ едва-ли съ ними справиться.

— А полякамъ?

— Что поляки? У нихъ, слышно, чудныя дѣла творятся. Король умеръ, надо другого выбирать, а тутъ свое же войско взбунтовалось, принялось грабить, и татары напали А главное-то, говорятъ, такъ и вѣрить трудно: будто войско взбунтовала королева, а татаръ сынъ покойнаго короля на Польшу привелъ! Съ такими сосѣдями шведамъ можно спустя рукава жить.

— А вотъ и ваши корабли. Какая прелесть!

Русскій нѣсколько часовъ провелъ въ осмотрѣ корабля; все его интересовало, обо всемъ онъ подробно разспрашивалъ. И видно было, что разспрашиваетъ не изъ простого любопытства, а для того, чтобы научиться. Понравился онъ голландцу, тотъ угостилъ его и поѣхалъ провожать въ лодочкѣ на берегъ.

— Надоѣло жить въ Ригѣ,—говорилъ русскій дорогой.— Рабскимъ обычаемъ мы здѣсь живемъ и только зрѣніемъ сыты. Торговые люди здѣсь съ виду кажутся правдивы, а какъ стали имъ наши ямщики сани продавать, такъ они за копѣйку лаялись. Только и норовятъ, какъ бы содрать подороже.

— Коммерческое дѣло!

— И въ коммерціи честность нужна. А они втрое спрашиваютъ. Какъ бы можно было по Двинѣ проѣхать, я давно бы изъ Риги уѣхалъ.

— А что же, если денегъ не жалѣть, можно ботъ нанять. Хочешь, я могу это устроить?

— Устрой, сдѣлай милость. Хочется оставить это проклятое мѣсто.

— Завтра же боты будутъ готовы. Прощай.

— Благодарю за угощенье. Милости просимъ ко мнѣ, когда пріѣдешь въ русскую землю.

— Я въ Архангельскъ не ѣзжу.

— Отчего?

— Навигація тамъ только на короткое время, а то льды. Вотъ какъ бы была гавань у русскихъ на Балтійскомъ морѣ...

— Ну, если будетъ, пріѣзжай.

— Охъ, наврядъ будетъ!

— Отчего же? На Азовскомъ морѣ тоже не было, а теперь есть.

— Въ торговомъ дѣлѣ мало отъ нея пользы. Въ Азов-

ское море иначе, какъ черезъ Черное, не пройдешь, а черезъ Черное, пожалуй, турки не пустятъ.

— Тебѣ все нехорошо! Придется, видно, мнѣ къ тебѣ въ Голландію на русскомъ кораблѣ пріѣхать.

— Шутникъ!

Въ это время къ старшему изъ русскихъ пословъ, Лефорту, пріѣхалъ офицеръ отъ Дальберга съ выговорами.

— Ваши люди ужасно своевольничаютъ, генералъ,— говорилъ онъ,—развѣ это можно допустить—съемку фортификацій? Вы сами образованный генералъ и понимаете...

— Я прикажу, чтобъ этого не было,—отвѣчалъ Лефортъ,—но и самъ господинъ губернаторъ не исполняетъ обязательствъ по договорамъ. Припасовъ намъ не было...

— Виною голодъ.

— Держитъ насъ будто подъ карауломъ. Отвели для насъ что-то въ родѣ постоялаго двора.

Въ іюлѣ того же года въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ Кеппенбургѣ неожиданно яви..ось много высокихъ посѣтителей: курфирстина гановерская Софія съ тремя сыновьями, дочь ея Софья-Шарлотта, курфирстина бранденбургская, герцогъ Цельскій и множество придворныхъ дамъ и кавалеровъ.

— Разскажите, любезный Коппенштейнъ, — сказалъ принцъ Цельскій,—какъ были приняты послы.

— Съ великими почестями—больше нельзя было бы оказать, если бы самъ царь между ними находился. Трауръ, наложенный при дворѣ по случаю смерти его величества короля шведскаго Карла XI, былъ отмѣненъ. По всѣмъ улицамъ отъ Закгейма до Кнейпгофа были разставлены войска. За милю отъ Кеппенбурга встрѣтили пословъ господа генералъ кригсъ-комиссаръ и церемоніймейстеръ съ привѣтствіями, послѣ послы сѣли въ парадную карету, а свита ихъ въ придворные экипажи. Какъ только послы въѣхали въ Закгеймовы ворота, раздалась пушечная пальба съ городскихъ валовъ и съ крѣпости Фридрихсбурга. Войска отдавали имъ честь музыкою и барабаннымъ боемъ. Улицы, дома, даже крыши были наполнены народомъ. Кортежъ вышелъ великолѣпный. Впереди придворный конюшій и девять верховыхъ лошадей подъ дорогими чапраками, потомъ три роты конной лейбъ-гвардіи съ трубачами и литаврщиками, экипажи, богато убранныя лошади, гофмейстеръ съ

двѣнадцатью пѣшими пажами, шесть московитскихъ пажей въ нѣмецкихъ красивыхъ кафтанахъ и шесть калмыковъ. Вотъ интересныя особы! Говорятъ, они одного племени съ древними гуннами, которыхъ наши предки считали дѣтьми вѣдьмы. Представьте, лица мѣднокрасныя, скулы выдались, глаза какъ щелочки. А при этомъ, какъ у амуровъ, у нихъ лукъ со стрѣлами. Потомъ ѣхали московитскіе солдаты въ зеленыхъ мундирахъ и дворяне волонтеры въ зеленыхъ русскихъ кафтанахъ, наши кавалеры, посольскіе служители, а за ними двѣнадцать гаїдуковъ въ красныхъ венгерскихъ кафтанахъ, выложенныхъ серебряными галунами. За ними ѣхали придворные пажи. Послы со своими дворянами заключали шествіе.

— Великолѣпно!

— Не менѣе великолѣпно было представленіе пословъ. Они были въ парчевыхъ русскихъ кафтанахъ, унизанныхъ жемчугомъ и дорогими каменьями съ брильянтовыми пуговицами и въ горлатныхъ шапкахъ съ алмазными двуглавыми орлами. А какіе подарки поднесли они: камка, парча, горностаевые мѣха и соболи высокой цѣны.

— Но что самъ царь?—спросила курфирстина Софья.

— Онъ пріѣхалъ за десять дней до пословъ и тотчасъ же занялся изученіемъ артиллеріи подъ руководствомъ подполковника фонъ-Штернфельда.

— И что же, удачно?—спросила курфирстина Шарлотта.

— Ваша свѣтлость изволите знать фонъ-Штернфельда—онъ душой ни для кого не покривитъ. Онъ выдалъ царю аттестатъ, въ которомъ написалъ, что Петра Михайлова—такъ царю угодно называться—въ теоріи науки и въ практикѣ упражнялъ, и къ общему изумленію Петръ такіе оказалъ успѣхи и пріобрѣлъ свѣдѣнія, что вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ. Фонъ-Штернфельдъ меня честью увѣрялъ, что все это совершенная правда.

— И въ десять дней!

— Царь зналъ артиллерійскую науку раньше, а въ Кенигсбергѣ только усовершенствовался. Но тѣмъ не менѣе изумительно. У него геніальныя способности. Онъ необыкновенно быстро все усвоиваетъ, да не поверхностно, а съ

полнымъ знаніемъ дѣла. И ничто замѣчательное не ускользаетъ отъ его вниманія. Такъ онъ нарочно изъ Гальберштадта свернулъ въ сторону, чтобы осмотрѣть Ильзенбургскіе желѣзные заводы. Вообще, крѣпости, арсеналы, заводы, университеты, библіотеки, кунсткамеры — все онъ обозрѣваетъ, да такъ обозрѣваетъ, какъ будто онъ въ каждой наукѣ спеціалистъ.

— Удивительный человѣкъ! Какъ бы я хотѣла поскорѣе увидать его!

— Онъ бы давно здѣсь былъ, да прожилъ три недѣли въ Пилау, ожидая, кого изберутъ на польскій престолъ.

— И сбылось по его желанію—выбрали Августа II, курфирста саксонскаго.

— Не велика прибыль для Польши,—замѣтила Софья.

— Но для Московіи хорошо,—отвѣчала Шарлотта,—Августъ обязанъ выборомъ Петру и навѣрно будетъ ему благодаренъ.

— А главное, постоянно будетъ въ немъ нуждаться—это лучшее ручательство въ дружбѣ Августа, чѣмъ благодарность.

— И какъ царь искусно устроилъ все это!—замѣтилъ Коппенштейнъ:—придвинулъ къ польскимъ границамъ войско для поддержанія партіи Августа, а между тѣмъ написалъ къ полякамъ такое ловкое письмо, что самолюбіе ихъ было совершенно успокоено, прямо высказалъ, что онъ въ ихъ дѣла не мѣшается, но только заявляетъ, что ежели выберутъ принца де-Конти, то это будетъ знакомъ разрыва ихъ съ нимъ. Говорятъ, за день до полученія царскаго письма выборъ принца въ польскіе короли не подлежалъ никакому сомнѣнію, а получено письмо—и явилась партія, благопріятная курфирсту саксонскому, и притомъ сильнѣе французской партіи принца.

— А принцу мы должны быть благодарны,—замѣтила Софія,—царь хотѣлъ изъ Пилау ѣхать въ Голландію моремъ, и мы не увидали бы его; но онъ услыхалъ, что принцъ съ французскимъ флотомъ на Балтійскомъ морѣ, не захотѣлъ съ нимъ встрѣтиться и поѣхалъ сухимъ путемъ.

— Но что за изумительный человѣкъ этотъ царь,—вскричала Шарлотта,—воинъ, дипломатъ, ученый, морякъ...

— И плотникъ,—прибавилъ герцогъ Цельскій.

— Плотникъ?

— Спросите Коппенштейна.

— Точно такъ, ваша свѣтлость, — сказалъ Коппенштейнъ.—Царь въ совершенствѣ знаетъ плотничье и 13 другихъ производствъ.

Вошелъ придворный и доложилъ, что г. оберъ-командоръ *) прибылъ въ Коппенбургъ и остановился въ крестьянскомъ домѣ.

— Идите къ нему, любезный Коппенштейнъ,—сказала Софія,—и просите его отъ имени моего и курфирстины Софіи-Шарлотты пожаловать къ намъ на ужинъ.

Царь сначала отказался, потомъ согласился, но съ условіемъ, чтобы при свиданіи его съ курфирстинами не было никого постороннихъ ихъ фамиліи и чтобы свиданіе происходило запросто, безъ всякихъ церемоній. Придворные кавалеры и дамы надѣялись увидѣть его по крайней мѣрѣ у подъѣзда; но онъ и тутъ обманулъ ихъ ожиданія: по парадному подъѣзду прошли только послы, а царь незамѣтно пробрался заднимъ крыльцомъ.

Предъ столовою залою въ особой комнатѣ принцессы встрѣтили дорогого гостя.

— Какой красавецъ! — шептали фрейлины, которыя успѣли-таки посмотрѣть на него изъ столовой.

Но красавецъ былъ въ большомъ затрудненіи. До сихъ поръ онъ видалъ только русскихъ женщинъ да нѣмокъ съ Кокуя, которыя манерами совсѣмъ не походили на тѣхъ женщинъ, которыя теперь его встрѣтили. Онъ даже закрылъ лицо рукой.

Принцессы встрѣтили его ласковыми привѣтствіями.

— Ich kann nicht sprechen,—робко сказалъ Петръ.

Но мало-по-малу застѣнчивость его прошла, вскорѣ онъ совершенно оправился, и между нимъ и курфирстинами завязался оживленный разговоръ. Сѣли за ужинъ. Этотъ ужинъ тянулся четыре часа. Кушаньевъ было много, винъ въ изобиліи. Но Петръ, храбро боровшійся на Кокуѣ съ Ивашкой Хмѣльницкимъ, тотчасъ догадался, что здѣсь это не кстати, и пилъ очень умѣренно. Тѣмъ не менѣе онъ развеселился и къ концу ужина согласился, по просьбѣ курфирстинъ, чтобы въ столовую вошли придворные кавалеры и дамы. Но тутъ онъ не удержался, чтобы не напроказничать. Какъ

*) Такъ титуловали Петра въ проѣздъ его чрезъ Германію.

только придворные вошли, онъ взялъ самый большой стаканъ и сказалъ Лефорту:

— Адмиралъ! становись къ дверямъ и не выпускай никого, пока господа кавалеры не учинятъ мнѣ сатисфакцію.

Сатисфакція состояла въ томъ, что каждый изъ нихъ долженъ былъ выпить изъ рукъ царя по четыре большихъ стакана за здоровье курфирстинъ, курфирста и царя. По приказанію курфирстины, запѣли итальянскіе пѣвцы, которыхъ она привезла съ собой въ Коппенбургъ. Петръ подалъ лучшему пѣвцу стаканъ съ виномъ.

— Понравилось вамъ ихъ пѣніе?—спросила Шарлотта.

— Очень, но въ музыкѣ я не знатокъ. Первое мое удовольствіе фейерверки. Какой превосходный фейерверкъ былъ въ Кенигсбергѣ! Я не видалъ ничего подобнаго. Особенно картина нашего флота предъ Азовомъ!

— Жаль, что здѣсь мы ничего подобнаго не успѣли сдѣлать.

— Фейерверки я могу видѣть вездѣ, но такой бесѣды, какую здѣсь имѣю, наврядъ-ли встрѣчу. Въ такой бесѣдѣ больше чѣмъ на лекціи научишься *). А мы поѣхали сюда именно учиться. И всего больше учиться строить корабли. Четырехъ волонтеровъ я въ Кенигсбергѣ оставилъ учиться артиллерійской наукѣ, а всѣ остальные въ Голландію ѣдутъ учиться кораблестроенію.

— И вы будете учиться?

— Ахъ, это страсть моя! Отецъ мой очень любилъ охоту, а я къ ней ничего особеннаго не чувствую, но размѣрять, соображать постройку корабля, а потомъ самому работать топоромъ...

— А вы работаете?

— Посмотрите на мои руки.

— Руки точь-въ-точь какъ у того кузнеца, — сказала десятилѣтняя принцесса Софія-Доротея **),—котораго намъ представляли и говорили, что онъ страшный силачъ.

Царь засмѣялся, взялъ малютку за голову, поднялъ и поцѣловалъ два раза, перемявъ ея головной уборъ.

— Мнѣ бы хотѣлось, — сказала Софія-Шарлотта, —

---

*) Курфирстина Шарлотта была одна изъ умнѣйшихъ женщинъ своего времени. Философъ Лейбницъ говорилъ, что не всегда могъ отвѣчать на ея мудрые вопросы. Мать ея тоже отличалась умомъ.

**) Впослѣдствіи королева прусская, мать Фридриха Великаго.

посмотрѣть, какъ танцуютъ по-русски. Я нарочно для этого велѣла позвать московскихъ музыкантовъ. Если бы вы, господинъ оберъ-командоръ, сдѣлали мнѣ одолженіе, потанцовали.

— А я бы желалъ прежде взглянуть, какъ будутъ танцовать мои любезныя хозяйки.

— За этимъ дѣло не станетъ, — отвѣчала Софія.

И она открыла балъ съ Головинымъ. Мало-по-малу и всѣ русскіе принялись танцовать. Лефортъ указывалъ имъ позы и движенія. При этомъ они особенною ловкостью и знаніемъ дѣла не отличались, но за то сдѣлали удивительное открытіе. Они никакъ не подозрѣвали, что нѣмецкія дамы были въ корсетахъ, и сообщали другу другъ такое замѣчаніе:

— Чертовски жестки эти нѣмки.

— Въ это время уже немало голландскихъ мастеровъ работало на русскихъ верфяхъ въ Воронежѣ. Одинъ изъ нихъ Класъ Мушъ умеръ въ Москвѣ. Вдова его въ Саардамѣ очень нуждалась, но получила отъ русскаго государя въ подарокъ 500 гульденовъ, и дѣла ея поправились. Въ августѣ 1697 г. къ ней пришли пріятельницы ея: Марія Гитмансъ и Анна Метье. У первой изъ нихъ былъ въ Россіи сынъ Томасъ, у второй мужъ. День былъ праздничный, очень теплый и пріятный. Дочь фрау Мушъ одна справлялась въ кухнѣ, и три женщины вышли посидѣть въ садикъ предъ домомъ Мушъ. Подошли къ садику и двое мужчинъ: цирюльникъ Помпъ и Корнелій Марсенъ изъ Галлевега.

— А, фрау Гитмансъ! — вскричалъ Помпъ, — радъ васъ встрѣтить; слышалъ я, что вы не вѣрите тому, о чемъ я получилъ самыя вѣрныя вѣсти.

— Чему это?

— А тому, что московскій царь въ Саардамѣ.

— Подите вы! Развѣ это возможно?

— Для московскаго-то царя? Для него все возможно. Когда ужь онъ турецкаго султана отбрилъ лучше, чѣмъ я въ цирюльнѣ...

— Стало быть, султанъ теперь безъ бороды? — спросила Анна.

— Выросла. Да не объ его бородѣ рѣчь. Позвольте. Прошлое воскресенье сидимъ мы въ гербергѣ подъ вывѣ-

ской «Выдры». Сидимъ и попиваемъ. Вдругъ входятъ семеро рослыхъ молодцовъ, одинъ въ лакированной шляпѣ, красной фризовой курткѣ и холстинныхъ шароварахъ, а шестеро въ какой-то странной одеждѣ — послѣ мы уже узнали, что это московскіе кафтаны. Стали мы ихъ спрашивать, кто такіе. Отвѣчаютъ, что простые плотники. Извольте подумать, зачѣмъ это московскихъ плотниковъ понесетъ въ Голландію?

— Учиться.

— Ну хорошо, учиться. Это вы можете вѣрить. А кто слѣдитъ за политикоій, тотъ все наблюдаетъ. Я тотчасъ смекнулъ и говорю куму Марсену: это не даромъ. Сказалъ я это тогда тебѣ, Корнелій?

— Сказалъ. И пошли мы оба къ тебѣ.

— Приходимъ, а дома у меня сидитъ пріятель, зашелъ побриться. Сталъ я его брить, а онъ мнѣ между дѣломъ разсказываетъ, что получилъ изъ Москвы письмо, въ которомъ написано, что сюда отправилось великое посольство, а въ свитѣ его скрывается самъ царь. На первый разъ мы съ кумомъ такъ думали, что царь въ Амстердамѣ, кумъ даже поѣхалъ туда его посмотрѣть. А потомъ, соображая хорошенько, я догадался, что царь есть тотъ самый московитъ, который въ красной фризовой курткѣ ходитъ.

— Разсказывайте! Станетъ московскій царь такъ жить, какъ онъ живетъ. Вѣдь всѣ мы знаемъ, какую онъ квартиру у кузнеца Кита занимаетъ—двѣ крошечныя комнатки да каморка для спанья. Мы шире живемъ. А ѣстъ-то что? То же, что и мы. И не гордый совсѣмъ. Зашелъ ко мнѣ, поклонъ отъ сына изъ Москвы принесъ, все подробно разсказалъ, какъ мой голубчикъ Томасъ такъ живетъ. Вижу, человѣкъ хорошій, надо угостить, а чѣмъ? достатки мои небольшіе. Ну, подала стаканъ джину. Станетъ московитскій царь джинъ пить? Нѣтъ у него питья получше? А этотъ, дай Богъ ему здоровья, выпилъ да еще похвалилъ.

— Это все такъ. Но выпить джинъ и похвалить всякій можетъ. Почему и московитскому царю этого не сдѣлать? Да вы послушайте. Въ письмѣ, что изъ Москвы получено, примѣты царя написаны. Первое — ростъ очень большой.

— Что правда, то правда, — сказала Анна, — нѣтъ, я думаю, въ цѣломъ Саардамѣ человѣка выше этого московита,

что у Кита живетъ. Кто ни заговоритъ съ нимъ, всякому приходится голову поднимать.

— Разъ. Второе у царя голова временно трясется.

— И у московита тоже.

— Два. Идетъ царь, такъ правой рукой машетъ.

— И этотъ тоже.

— Три. На правой щекѣ у царя небольшая бородавка.

— И бородавка есть.

— Четыре. Что же вы скажите?

— Точно, сходство большое есть, — отвѣчала Анна, — и что онъ человѣкъ не гордый — тоже правда: у жены Яна Ренсена обѣдалъ.

— Мало-ли сходства бываетъ, — возразила Марія. — Что на щекѣ бородавка да рукой машетъ, такъ и долженъ быть царь. Слыханное-ли дѣло: чтобы царь такъ работалъ и всякую черную работу зналъ. Вотъ пришелъ на бумажную мельницу, спросилъ у мастера форму, черпнулъ ею изъ чана, гдѣ была масса, и сработалъ превосходный листъ. Да въ то время, какъ не работаетъ на верфи, гдѣ не перебываетъ? На лѣсопильняхъ, маслобойняхъ, бумагопрядильняхъ, сукновальняхъ — вездѣ, вонъ помогалъ строить крупчатку купца Кальфа *).

— Вотъ вы древней исторіи, фрау Гитмансъ, не читали, а тамъ упоминается, что одинъ римскій кесарь тоже работалъ въ саду.

— Можетъ быть, и работалъ для забавы.

— А московитскій царь разными мастерствами забавляется.

— Хороша забава! Сказываютъ плотники, что онъ за двоихъ работаетъ, такъ что потъ съ него катится. Веселая забава!

— Ну, кромѣ того и политика. Но не видали-ли вы его гдѣ-нибудь сегодня? Мы съ кумомъ Марсеномъ его по всему городу ищемъ.

— Зачѣмъ?

— Непремѣнно нужно мнѣ его увидать, — проговорилъ Марсенъ. — У меня натура такая, люблю все чрезвычайное. Проѣзжалъ англійскій король, я за двадцать миль поѣхалъ

---

*) Эта крупчатка существуетъ донынѣ и извѣстна подъ названіемъ «Великій князь».

его посмотрѣть. Привезли съ Ледовитаго моря бѣлаго медвѣдя, я не медля его посѣтилъ. Пріобрѣлъ купецъ Сальмъ рѣдкостную тюльпанную луковицу въ 10,000 гульденовъ, я до тѣхъ поръ не успокоился, пока ея не обозрѣлъ. Теперь вотъ московитскій царь — повѣрите-ли, съ тѣхъ поръ, какъ я объ немъ прослышалъ, спать не могу, аппетитъ потерялъ. Потому что удивительнѣе его нѣтъ ничего на свѣтѣ. Англійскій король ничѣмъ отъ другихъ потентатовъ не отличается, развѣ только поумнѣе нѣкоторыхъ изъ нихъ; бѣлый медвѣдь отъ своихъ собратій только цвѣтомъ отличается; луковица весьма замѣчательна, но въ Голландіи и другія такія есть. А царь? такого не было, нѣтъ...

— И не будетъ, — договорилъ Помпъ. — Потому кумъ непремѣнно желаетъ его увидать. Да на его несчастье сегодня, какъ нарочно, царя нѣтъ въ Саардамѣ.

— А не уѣхалъ-ли онъ на своемъ буерѣ, который онъ купилъ у Дирка Стофельса? Герритъ, братъ моего покойнаго Класа, служитъ на этомъ буерѣ каютъ-юнгою, такъ сказывалъ, что московскій господинъ — царь-ли онъ, нѣтъ-ли — не знаю, а только не простой плотникъ — собирается ѣхать сегодня, кажется, въ Бейтензанъ и Галорвегъ.

— Къ намъ! — вскричалъ Марсенъ, — Господи Боже мой! Я цѣлую недѣлю гоняюсь за нимъ, а онъ къ намъ ѣдетъ! Но надо спѣшить, чтобы воспользоваться счастливымъ случаемъ. Прощай, кумъ. Глубочайшее почтеніе милостивымъ госпожамъ.

Но судьба, вѣроятно, не на шутку преслѣдовала Марсена. Не прошло четверти часа послѣ того, какъ онъ и Помпъ ушли отъ дома госпожи Мушъ, какъ съ другой стороны къ этому дому подошелъ высокій московитъ въ красной курткѣ, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ желалъ видѣть Марсенъ.

— Какъ поживаете, фрау Мушъ? — громко сказалъ русскій, раскланиваясь съ дамами. — А! и вы здѣсь, фрау Гитмансъ!

— А это фрау Анна Метье, которой мужъ тоже въ Московіи, — сказала хозяйка.

— Знаю его, — отвѣчалъ русскій, — онъ хорошій мастеръ. Какъ мнѣ его не знать? Вѣдь я рядомъ съ нимъ корабль строилъ.

— Развѣ вы плотникъ? — спросила Анна.

— Да, и я плотникъ. Вотъ если бы вы видѣли, какъ я вчера и сегодня утромъ свой буеръ удѣлывалъ, такъ не спросили-бы. Потрудился я за нимъ! Спасибо вашему деверю, фрау Мушъ, онъ хорошо мнѣ помогалъ.

— За то и вы его жалуете.

— Люблю я усердныхъ работниковъ. Кстати, я позвалъ его съ женой завтра ко мнѣ обѣдать, чѣмъ Богъ послалъ. Не придете-ли и вы?

— Очень вамъ благодарна. А сегодня... если-бъ я осмѣлилась..

— Развѣ вы что-нибудь страшное задумали?

— Попросить васъ у меня отобѣдать.

— Ну, тутъ никакой смѣлости не нужно. Съ удовольствіемъ.

— Я слышала, — сказала Гитмансъ во время обѣда, — что много нашихъ ѣдетъ въ Московію.

— Слышно, принятъ въ русскую службу вашъ капитанъ Корнелій Крейсъ, онъ и набираетъ въ Амстердамѣ офицеровъ, лѣкарей, боцмановъ, констапелей, матросовъ, коковъ *).

— Поварихъ не нужно-ли? — пошутила хозяйка, — я бы пошла.

— Если такъ-же бы стали царскихъ матросовъ потчивать, какъ меня теперь, то хорошо-бы.

— Рада-бы я чѣмъ могла послужить московитскому царю. Утѣшилъ онъ меня въ горькомъ вдовствѣ своей щедрой милостью. Вотъ если бы вы могли передать его величеству мою благодарность.

— Говорить съ царемъ мнѣ не придется, а все же ему разговоръ нашъ будетъ извѣстенъ.

— Эй, камрадъ! — закричалъ съ улицы рослый московитъ, одѣтый по-голландски, — не пора-ли намъ на буеръ?

— И впрямь пора! Прощайте! Благодарю, хозяюшки, за хлѣбъ-соль.

Двое русскихъ пошли къ пристани и заговорили по-русски.

— Спасибо, Данилычъ, что меня кликнулъ. Перекусить я успѣлъ, а болтать съ бабами некогда. Однако хорошо, что хозяйка обѣдать позвала. Въ гербергъ идти, больше-бы времени потерялъ

---

*) Поваръ.

Разъ какой-то англичанинъ пріѣхалъ.

— Ты давненько, басъ *), съ буера ушелъ. Отчего пообѣдать раньше не успѣлъ?

— Домой забѣгалъ, а тамъ письма изъ Москвы получены. Ночью отвѣчать надо будетъ.

— Хорошія-ли вѣсти?

— Хорошія. У Шеина въ Азовѣ и у Протасова въ Воронежѣ хорошо дѣло идетъ. Кумпанства исправно работаютъ. Въ Польшѣ число сторонниковъ Августа ежечасно умножается. Хотя-бы Конти туда и приплылъ, да уповательно, никакого авантажа не получитъ. А намъ придется скоро отсюда въ Амстердамъ убираться.

— Почему?

— Первое — тамъ настоящее кораблестроеніе. А второе — здѣсь надоѣдать начинаютъ. Куда ни пойдешь, непремѣнно какой-нибудь зѣвака стоитъ и смотритъ. Даже завираться начинаютъ. Сперва, какъ слѣдуетъ, «Питеръ басъ» кликали, а теперь вдругъ «господинъ». Одинъ дуракъ даже «ваше царское величество» назвалъ.

Поѣхали. У Бейтензана оказалась толпа народу. Какъ только завидѣли буеръ, всѣ бросились къ нему. Особенно усердствовалъ Марсенъ.

— Вотъ, вотъ этотъ, самый-то высокій,—кричалъ онъ, нисколько не стѣсняясь.

— Молодчина!

— Да неужели онъ самъ работаетъ?

— Диковина!

— Пусти посмотрѣть!

— Батюшки! скамейки бы достать. А то намъ, женщинамъ, ничего не видно.

— Вотъ дураки-то!—вскричалъ басъ съ сердцемъ,— нечего здѣсь останавливаться. Къ Галфвегу!

— Смотрите! Они назадъ ѣдутъ.

— Ахъ, Господи! Мы и не видали его.

— Нѣтъ, ужь я увижу!—кричалъ Марсенъ, — во что бы то ни стало, сегодня же увижу.

Замѣтивъ, что буеръ направился къ Галфвегу, Марсенъ и нѣсколько другихъ голландцевъ, нетерпѣливо желавшихъ видѣть московитскаго царя, наняли катеръ и поплыли туда. При этомъ они щедро обѣщали на водку шести здоровен-

*) Мастеръ.

нымъ гребцамъ, если они опередятъ буеръ. Это оказалось возможнымъ, такъ какъ вѣтеръ не благопріятствовалъ буеру. Причаливъ къ берегу, басъ проворно выскочилъ, но толпа окружила его.

— Пропустите же!—съ сердцемъ сказалъ онъ.

Толпа разступилась, но Марсенъ стоялъ на самой дорогѣ, можетъ быть, онъ даже не слышалъ, что говорилъ басъ. Наконецъ-то исполнилось его завѣтное желаніе: онъ видѣлъ величайшую диковинку въ мірѣ, болѣе диковинную, чѣмъ англійскій король, бѣлый медвѣдь и дорогія луковицы. Онъ будто глазами съѣсть хотѣлъ баса, будто хотѣлъ сдѣлать диковинкѣ подробную опись: роста 2 аршина 14 вершковъ, волосы черные, взглядъ быстрый и проницательный и т. д. Съ разинутымъ ртомъ стоялъ онъ, не двигаясь съ мѣста.

— Пусти!—закричалъ басъ.

— Ваше царское величество!

Басъ окончательно потерялъ терпѣніе и звонкой пощечиной наградилъ своего почитателя.

— Браво!—закричала толпа.—Марсенъ! ты теперь пожалованъ въ рыцари!

Басъ ушелъ въ гербергъ и заперся тамъ. Черезъ часъ онъ вышелъ оттуда съ Данилычемъ заднимъ ходомъ.

На дорогѣ имъ попался торговецъ со сливами. Онѣ понравились басу и, купивъ ихъ, онъ скоро скушалъ больше половины. Встрѣтилась ему толпа мальчиковъ. Пяти или шести изъ нихъ басъ отдалъ сливы.

— А намъ что-же?—закричали прочіе.

— Вотъ бери.

Но когда мальчикъ хотѣлъ взять сливу, басъ отдернулъ руку.

— Зачѣмъ обманываешь!

— И безъ сливъ обойдетесь.

— Ахъ, ты, долговязый!

— Молчи!—прикрикнулъ Данилычъ на мальчика.

— Самъ молчи, московская образина!

— Давай сливъ!

— Самъ купи!

— Давай!

— Экой скупой!

— А еще басъ!

— Обѣшалъ, такъ давай.

— И безъ сливъ обойдетесь.

— Давай, не то худо будетъ!

— Ого!

— Давай!

— Бросай въ нихъ, ребята, каменьями.

Дѣйствительно, нѣсколько камней полетѣли въ баса и его спутника.

— Басъ! позволь мнѣ поучить этихъ негодяевъ.

— Полно, Данилычъ! Гдѣ намъ другихъ учить! Сами учиться пріѣхали. И баталія для насъ не выгодна. Смотрика, насъ двое, а ихъ больше десятка, въ такихъ обстоятельствахъ и ретироваться не стыдно. А объ ихъ озорствѣ все же бургомистру скажемъ.

Къ счастью, ни одинъ камень не попалъ въ московитовъ.

26 августа 1698 года рано всталъ молодой стольникъ, князь Василій Лукичъ Долгорукій, спѣшно накушался взварцу съ горячими калачами и началъ одѣваться. Надѣлъ сорочку съ косымъ, красиво вышитымъ воротомъ, просторныя исподницы, уходившія въ цвѣтные сапоги, шелковый красный зипунъ, сверхъ его синій шелковый кафтанъ въ обтяжку до колѣнъ съ козыремъ (стоячимъ воротникомъ) изъ бархата и съ длинными сбористыми рукавами, которые были стянуты у запястій брильянтовыми зарукавьями; кафтанъ подпоясалъ персидскимъ кушакомъ, надѣлъ бархатную ферязь, т.-е. длинное и широкое платье безъ перехвата и безъ козыря, съ длинными рукавами, застегнутое спереди, сверху донизу, рядомъ пуговицъ изъ дорогихъ каменьевъ; затѣмъ накинулъ опашень, или охобень, т.-е. широкій плащъ изъ дорогой матеріи съ такими же рукавами, длиною до пять, съ четырехугольнымъ парчевымъ откиднымъ воротникомъ, разукрашеннымъ подобно козырю; на голову онъ надѣлъ горлатную шапку съ бархатнымъ верхомъ, съ золотыми кистями, драгоцѣнными запонками и алмазнымъ перомъ.

Нарядившись такимъ образомъ, Василій Лукичъ поѣхалъ въ Преображенскій дворецъ, куда съѣзжались сановники представляться государю по возвращеніи его изъ-за границы.

Хотя Василій Лукичъ былъ человѣкъ молодой, но въ обхожденіи зѣло искусный, поэтому онъ дружески разгово-

рился съ Александромъ Данилычемъ Меньшиковымъ. Правда, Меньшиковъ человѣкъ худородный и не больше какъ гвардіи сержантъ, да слышно, государь его весьма жалуетъ, и притомъ же онъ былъ ближайшимъ спутникомъ государя за границей, слѣдовательно можетъ о путешествіи его обстоятельно разсказать. Меньшиковъ, съ своей стороны польщенный вниманіемъ къ нему молодого вельможи, принялся разсказывать. Времени на то было довольно, потому что Василій Лукичъ пріѣхалъ рано, и едва чрезъ часъ послѣ его пріѣзда всѣ другіе сановники были въ сборѣ. И царь еще къ нимъ не выходилъ, а въ своей комнатѣ занимался.

— Изъ Саардама государь изволилъ въ Амстердамъ переѣхать. Четыре съ половиной мѣсяца работалъ онъ въ Остенбургѣ, на славнѣйшей изъ голландскихъ верфей. Училъ его мастеръ Герритъ Класъ Поль. Государь заложилъ фрегатъ во сто футовъ длиною во имя апостоловъ Петра и Павла и въ девять недѣль тотъ фрегатъ отъ форштевена до штирборда былъ отстроенъ. Въ потѣ лица государь надъ нимъ потрудился,—работаютъ другіе, и онъ работаетъ, станутъ другіе отдыхать, и онъ отдыхаетъ. Многіе, не только голландцы, но и знатные иноземцы, пріѣзжали посмотрѣть, какъ онъ трудится. Разъ какой-то англичанинъ пріѣхалъ, а мы съ голландцами въ это время бревно тащили. И куда же оно было тяжело—еле волочимъ. Мастеръ и крикнулъ... «Питеръ тиммерманъ саардамскій! что же ты не поможешь товарищамъ»! Государь тотчасъ и подставилъ плечо. И кто его тиммерманомъ кликнетъ, съ тѣмъ онъ охотно въ конверсацію вступитъ, а скажутъ: «ваше величество», такъ онъ будто не слышитъ. Далъ ему Поль и аттестатъ, изъ того аттестата я и выписку сдѣлалъ, ибо весьма изряденъ. Угодно, такъ прочесть могу.

— Пожалуйста.

«Свидѣтельствую и удостовѣряю, что Петръ Михайловъ во все время благороднаго здѣсь пребыванія своего былъ прилежнымъ и разумнымъ плотникомъ, также въ связываніи, заколачиваніи, сплачиваніи, подниманіи, прилаживаніи, натягиваніи, плетеніи, конопаченіи, струганіи, буравленіи, распилованіи, мощеніи и смоленіи поступалъ какъ доброму и искусному плотнику надлежитъ, и помогалъ намъ въ строеніи фрегата «Петръ и Павелъ» отъ первой закладки его почти до окончанія длиною во 100 футовъ; кромѣ того, подъ

моимъ надзоромъ, корабельную архитектуру и черченіе плановъ его благородіе изучилъ такъ основательно, что можетъ, сколько мы сами разумѣемъ, въ томъ и другомъ упражняться». Однако государь голландцами все же не доволенъ остался.

— Почему же?

— А потому что они препорціи корабельной не знаютъ и геометрическаго совершенства въ этомъ мастерствѣ не имѣютъ. То вѣдомо только англичанамъ. И скупы эти голландцы! Сперва хотѣли-было государю подарить корабль «Петръ и Павелъ», который онъ строилъ, а потомъ раздумали.

— Стало, государь ими не доволенъ остался?

— Этого нельзя сказать. Многое въ ихъ землѣ удивленія достойно. Примѣрно, плотины. Земля-то у нихъ низкая, море безъ тѣхъ плотинъ безпремѣнно бы ихъ затопило; опять каналы, фабрики, заводы. А еще есть тамъ профессоръ Фридрихъ Рюйшъ—какія онъ анатомическія дива показывалъ!

— Какъ ты сказалъ: она...

— Это есть наука такая—анатомія прозывается—людей рѣжутъ.

— Какъ людей рѣжутъ?

— Не живыхъ, а мертвыхъ. Понеже для лѣченія человѣка потребно нутро его познавать, того для они надъ кадаврами и практикуются.

— Псъ!

— А кромѣ того различныхъ монстровъ, сирѣчь уродовъ, собираютъ и въ банкахъ хранятъ, а то и цѣлые шкелеты препарируютъ.

— Шкелеты?

— Да кости всего человѣка сложатъ.

— Чай страшно смотрѣть?

— Сперва дѣйствительно не безъ противности шкелеты осматривать, а подъ конецъ совершенную сатисфакцію получишь, потому что всю человѣческую комплексію уразумѣешь. У Рюйша былъ препарованъ кадаверъ младенца такъ аккуратно, будто дитя совсѣмъ живое и улыбается. Царю такъ понравилось, что онъ поцѣловалъ кадаверъ. А въ Лейденѣ и дворянъ своихъ къ анатому Боергаву привелъ. Ну, и увидѣлъ, что имъ претитъ, царь разсердился да и заставилъ ихъ зубами мускулы кадавера разрывать.

— Удивительно, какъ эти голландцы до всего дойдутъ.

— Англичане еще болѣе въ удивленіе приводятъ. У нихъ-то государь въ совершенствѣ корабельную конструкцію изучилъ. А король англійскій премногія его царскому величеству кумплименты и пріятства чинилъ. Еще въ Голландіи государь письмо получилъ, что король англійскій въ знакъ своей любительной пріязни даритъ ему яхту «Транспортъ Ройяль», съ которою ни одинъ англійскій корабль не можетъ сравниться ни легкостію хода, ни красотою. Въ Англіи же приняли государя съ аттенціею и всякіе куріозитеты ему показывали. Былъ онъ въ королевскомъ обществѣ наукъ, на монетномъ дворѣ, въ комедійномъ домѣ и на обсерваторіи.

— Это что такое?

— На звѣзды оттуда въ большія трубы смотрятъ, и видны тѣ звѣзды въ увеличенномъ видѣ. А главное, государь корабельною конструкціею занимался и того ради два мѣсяца на знаменитой англійской верфи въ городѣ Дептфордѣ работалъ. И теперь не токмо нашимъ, но и голландскимъ мастерамъ корабельную архитектуру показать можетъ. И несмотря на великіе труды свои, все достойное примѣчанія обозрѣвалъ. Въ парламентѣ и въ университетѣ былъ и даже квакеровъ посѣтилъ.

— Это что-же такое?

— Въ университетѣ учатся все равно какъ въ нашей славяно-греко-латинской академіи, только противъ нея большаго превосходства въ наукѣ достигаютъ. А парламентъ—это совсѣмъ удивительное дѣло. Теперь какъ узналъ я порядки въ чужестранныхъ государствахъ, такъ и увидалъ, что нигдѣ такъ своимъ государямъ не повинуются, какъ въ нашей матушкѣ Руси. Намъ вѣдь царь все равно, что Богъ земной, не даромъ говорятъ:—такъ угодно Богу и великому государю.

— И быть инако не можетъ, потому что царь помазанникъ Божій. И въ писаніи сказано: «Бога бойтеся, царя чтите» и опять: «воздадите кесарева кесареви и Божія Богови».

— Какъ у насъ вѣра православная, то это все мы довольно хорошо понимаемъ. А у нихъ вѣра неправая, латынская, люторская или другая какая-нибудь, поэтому они о царяхъ настоящаго понятія не имѣютъ. Даже въ нѣмецкой землѣ хотя курфюрстамъ и разнымъ герцогамъ повинуются,

но все же свой гоноръ соблюдаютъ, а курфюрсты и герцоги должны бы императору повиноваться, а они замѣсто того только и думаютъ, какъ-бы ёму какую каверзу учинить. Въ голландской землѣ совсѣмъ короля нѣтъ, а въ англiйской хотя и есть, но мало онъ власти имѣетъ, а власть вся у парламентовъ. И парламентовъ два. Въ верхнемъ сидятъ архiереи, дюки, маркизы, графы и бароны, въ нижнемъ выборные отъ городовъ.

— Значитъ, отъ подлыхъ людей.

— Въ англiйской землѣ они подлыми не числятся. Въ парламентахъ обо всякомъ важномъ дѣлѣ и идетъ разговоръ, сперва въ нижнемъ, потомъ въ верхнемъ. Иной разъ часовъ по десяти толкуютъ, а потомъ на голоса пойдутъ—какъ большинство рѣшитъ, такъ дѣло и будетъ.

— Это, стало, какъ у поляковъ на сеймахъ.

— Большая разница. Поляки чуть что—и схватятся между собой, а у англичанъ не такъ, разговоръ идетъ со всякою политесою, иной разъ другъ друга крѣпко проймутъ, а все-же непремѣнно кумплиментовъ наговорятъ. А чуть кто вздумаетъ сказать что неподходящее, то главный въ парламентѣ—президентъ прозывается—его остановитъ.

— А квакуши, что это такое?

— Не квакуши, а квакеры—это такая вѣра. И чудная же! Въ чужихъ краяхъ обхожденiе тонкое. Даже подлый народъ другъ другу не ты, а вы говоритъ. А квакеры всѣмъ говорятъ ты, даже государямъ. И шляпъ ни передъ кѣмъ не снимаютъ. Податей тоже не платятъ.

— Какъ-же ихъ не шугнутъ за это?

— А смирный они народъ, работящiй, своими промыслами много пользы приносятъ, за то ихъ терпятъ и даже любятъ. Всего же больше царю въ Англiи понравилось, когда для его потѣхи англичане примѣрную морскую баталiю учинили. И точно было что посмотрѣть. Было всего 12 большихъ кораблей, два изъ нихъ огромные: на каждомъ по сту пушекъ. И какъ начали они всѣ палить, то гулъ несказанный пошелъ, а отъ дыму даже ничего разглядѣть было невозможно. И государь тою потѣхою былъ весьма уконтентованъ. Понравился ему и министръ тамошнiй, маркизъ Кармартенъ. Царь ему на откупъ табачную торговлю въ нашемъ царствѣ отдалъ.

— Что-то святѣйшiй патрiархъ скажетъ? Когда царь

передъ отъѣздомъ въ чужіе края дозволилъ явно продавать табакъ во всемъ государствѣ, и нашъ московскій купчина ту продажу на откупъ взялъ, то патріархъ—не знаю, правду ли намъ говорятъ, будто того купчину анаѳемѣ предалъ съ женою, дѣтьми и внуками.

— Кармартенъ анаѳемы не боится. А казнѣ явная прибыль: купчина по 15,000 рублей въ годъ давалъ, а Кармартенъ чистыми деньгами за первый годъ 48,000 отсыпалъ. Наукой своей въ Англіи царь былъ тоже очень доволенъ, такъ и говорилъ: «Навсегда остался бы я только плотникомъ, если-бы у англичанъ не поучился». И съ королемъ англійскимъ простился онъ очень любовно. Царь по просьбѣ короля дозволилъ его придворному живописцу списать свою персону. Потомъ мы опять въ Голландію поѣхали, а тамъ царь вѣсть получилъ, что кесарь началъ договариваться о мирѣ съ туркомъ. А если-бы цесарь и венеціяне съ туркомъ отдѣльно отъ насъ мирный трактатъ учинили, какой-бы авантажъ мы одни съ нимъ всячески могли получить. Для того царь немедленно порѣшилъ въ Вѣну къ цесарю ѣхать. Тутъ опять царь посердился на голландцевъ за то, что они, по слухамъ, медіаторами къ примиренію цесаря съ султаномъ явились. Но все-же голландцевъ, которые чѣмъ-нибудь намъ услужили, государь жаловалъ. Такъ, амстердамскому купцу Іогану Тессингу онъ привилегіи далъ печатать на русскомъ и голландскомъ языкахъ всякія полезныя для Россіи книги, кромѣ церковныхъ, ландкарты, планы и продавать ихъ у насъ въ продолженіе 15 лѣтъ. Дорогою въ Вѣну въ Билефельдѣ полотняныя фабрики осматривалъ, а въ Дрезденѣ цейхгаузъ, кунсткамеру, лабораторію и палату драгоцѣнностей. Видѣлъ и знаменитую саксонскую крѣпость Кенигштейнъ, гдѣ есть большой арсеналъ, сирѣчь пушечный дворъ, колодецъ вельми глубокъ и обширные погреба, а въ тѣхъ погребахъ есть бочка, въ которую 3,300 ведеръ вина входитъ. Но въ Вѣнѣ вмѣсто дѣла пришлось бездѣльемъ заниматься. У многихъ европейскихъ потентатовъ разныя церемоніи при дворахъ введены, кои придворнымъ этикетомъ именуются. Все тамъ считается: и какъ кого встрѣтить, и куда поставить, и куда посадить.

— Когда и у насъ цесарскихъ или иныхъ пословъ принимаютъ, то не мало изъ-за этого хлопотъ.

— И поднялся у цесарскихъ министровъ съ нашими

послами великій споръ, такъ-что изъ-за этого спора самая ихъ у кесаря аудіенцъ пріостановилась. А государь пожелалъ съ кесаремъ Леопольдомъ лично повидаться. Опять пошли объ этикетѣ трактовать, наконецъ порѣшили свидѣться безъ церемоній. Однако куда безъ церемоній... видно, у нихъ, нѣмцевъ, мало настоящаго дѣла, что такъ они до пустяковъ охочи. Всякую мелочь назначили: чтобы царь ѣхалъ въ кесарскій увеселительный дворецъ Фавориту не въ цесарской каретѣ, якобы приватный человѣкъ, чтобы вошелъ онъ не главнымъ ходомъ, а чрезъ садъ, померанцевой аллеей, по небольшой лѣстницѣ, въ галлерею, и въ той галлереѣ ему съ кесаремъ и увидаться, даже и то назначили, чтобы сойтись имъ непремѣнно у пятаго окна! Только царь такъ скоро прошелъ чрезъ галлерею, что вмѣсто пятаго у третьяго окна съ кесаремъ поздоровался.

— То-то нѣмцамъ горе.

— Нѣтъ, это ничего. Они пуще всего боялись, какъ-бы кесарю не пришлось лишняго противъ царя шага ступить. Такъ-то два мѣсяца въ пирахъ да въ пустякахъ и прошло. Особенно у кесаря хорошъ былъ одинъ праздникъ, мушкарадъ называется, когда всѣ гости были одѣты въ одежды, какія по всей Европѣ разные народы и племена носятъ,—и царь былъ фрисландскимъ крестьяниномъ одѣтъ. А когда посламъ торжественный аудіенцъ и обѣдъ былъ, то царь на оныхъ простымъ дворяниномъ являлся и во время обѣда за стуломъ Лефорта стоялъ. Изъ Вѣны хотѣлъ царь въ венеціанскую землю поѣхать, чтобы тамъ архитектуру галерную изучить, какъ вдругъ вѣсть о стрѣлецкомъ бунтѣ получилась.

— Прогнѣвался государь?

— Еще-бы. Какъ это у васъ стряслось?

— Не говори! Сперва мы такъ хорошо здѣсь жили, въ Москвѣ все тихо и спокойно, съ южнаго рубежа также вѣсти хорошія. Шеинъ калгу салтана побилъ, а подъ Таванскъ хотя крымскій ханъ съ татарами и сераскиръ съ турками подступили, однако таванскій воевода Василій Борисовичъ Бухвостовъ ихъ отбилъ.

— Царь очень тому радовался. Въ Амстердамѣ балъ съ фейерверкомъ въ честь таванскихъ сидѣльцевъ далъ.

— Весной объявились въ Москвѣ бѣглые стрѣльцы чи-

сломъ безъ малаго двѣсти. Встревожились бояре правители *), всполошились и всѣ мы, потому что, извѣстно, отъ стрѣльцовъ всякой пакости ожидать можно. Оказалось, что эти бѣглецы изъ четырехъ стрѣлецкихъ полковъ: Чубарова, Калзакова, Чернаго и Гундертмарка. Когда прошлымъ лѣтомъ велѣно было князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому собрать войско на литовской границѣ, на случай если понадобится помочь Августу II польскую корону достать, то и этимъ четыремъ полкамъ указано было изъ Азова туда двинуться, они и стали въ Великихъ Лукахъ. Бояре-правители велѣли бѣглецамъ въ свои полки воротиться и идти, куда указано. Но стрѣльцовъ ста четыре обступили дворъ своего начальника князя Троекурова, сказали, что братья ихъ до просухи на службу не поiдутъ, и стали на тѣсноту и обиды жаловаться. А когда Троекуровъ велѣлъ выборныхъ стрѣльцовъ подъ стражу взять, то прочіе стрѣльцы ихъ съ великимъ азартомъ отбили. На завтра ужь нѣсколько сотъ семеновцевъ были въ Стрѣлецкую слободу посланы и вмѣстѣ съ посадскими людьми насилу бѣглыхъ стрѣльцовъ оттуда выбили, при чемъ стрѣльцы и за ножи принимались. Однако все-таки большое сумлѣніе по Москвѣ было, потому что тѣмъ временемъ почта позадержалась, и долго отъ великаго государя никакихъ вѣстей не было. Злоумышленники уже молву пустили, что государя за моремъ не стало. А тутъ еще и то сплели, будто бояре хотѣли царевича Алексѣя удушить. И порѣшили стрѣльцы въ Великихъ Лукахъ къ Москвѣ идти, бояръ и нѣмцевъ перебить, Кокуй разорить и всѣ дома пограбить. Говорятъ, такъ кричали: «наживемъ мы по шапкѣ денегъ!»

— Нажили!

— Между тѣмъ они переведены были въ Торопецъ, и пришелъ указъ, чтобы стоять имъ: Калзакова полку въ Вязьмѣ, Чубарова въ Бѣлой, Чернаго во Ржевѣ Володимеровой, Гундертмарка въ Дорогобужѣ, а стрѣльцовъ, бѣгавшихъ въ Москву, сослать въ ссылку съ женами и дѣтьми. А стрѣльцы возмутились. Немногіе только ушли съ княземъ Ромодановскимъ и новгородскими ратными людьми, а прочіе порѣшили къ Москвѣ идти.

---

*) Левъ Кириловичъ Нарышкинъ, князья Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ и Петръ Ивановичъ Прозоровскій, управлявшіе Россіею во время путешествія Петра.

— На что они надѣялись? Вѣдь ихъ всего тысячи двѣ, много три было, а въ Москвѣ ратныхъ людей не въ примѣръ больше!

— Кто ихъ знаетъ! Полковниковъ и капитановъ они отставили, а на мѣсто ихъ выбрали изъ своей братьи. Когда объ этомъ вѣдомо въ Москвѣ учинилось, то выслали на мятежниковъ Шеина съ Гордономъ и княземъ Кольцовымъ-Масальскимъ. Пошли люди изъ всѣхъ четырехъ полковъ: Преображенскаго, Семеновскаго, Лефортова и Бутырскаго, по пяти или по шести сотъ человѣкъ изъ каждаго, да царедворцы, да подъячіе до конюшеннаго чина, всего больше тысячъ двухъ съ половиной, да пушекъ 25. И я былъ тутъ. Подошли мы къ Воскресенскому монастырю, стали на холмахъ, у монастырской слободы Рогожи, на лѣвомъ берегу Истры. Услыхали мы, что стрѣльцы отъ деревни Сычевки начали рѣку въ бродъ переходить. Гордонъ поскакалъ къ нимъ съ немногими людьми и уговаривалъ воротиться за рѣку. Они не послушались. И прислали воры стрѣльцы извѣтное письмо, въ которомъ было сказано, что они были на службѣ подъ Азовомъ, а по взятіи Азова оставлены тамъ зимовать, потомъ оружейную и пушечную казну отъ Азова вверхъ Дономъ отвезли до Воронежа работою своею, не покладывая рукъ, были въ полкахъ сперва у князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго, а потомъ у Михаилы Григорьевича Ромодановскаго, и голодъ, и холодъ, и всякую нужду терпѣли. Для постоевъ давано было имъ на полки дворовъ малое число, и стояли на дворѣ человѣкъ по сту и по полтораста; а на покупку хлѣба давано имъ мѣсячнаго корму по 10 алтынъ 4 деньги, и того не ставало и на двѣ недѣли, не только что на мѣсяцъ, и многіе скитались по міру. И переведены на Великія Луки, и стояли недѣль 13; и для прокормленія многіе изъ нихъ просились по міру, и ихъ не отпускали, а которые ходили, и тѣ биты батоги. Изъ Торопца боярину воеводѣ велѣно идти къ Москвѣ, а ратныхъ конныхъ и пѣшихъ людей велѣно распустить по домамъ; а имъ велѣно идти по городамъ на Бѣлую и Вязьму, во Ржеву Владимірову, въ Дорогобужъ, и стоять до указу. И бояринъ ихъ велѣлъ вывесть на ровныя дороги, обрать у нихъ ружье и всякую полковую казну и знамена, и велѣлъ конным, обступя ихъ вкругъ, рубить. И они, того убоясь, въ указанныя мѣста не пошли; а идутъ къ Москвѣ, чтобы напрасно

не умереть, а не для московскаго разоренія или какого смертнаго убивства и междоусобія и бунту. А если они въ Москвѣ съ женами и дѣтьми свидятся хотя малое число, и какъ позоветъ какой воинскій случай непріятельскихъ людей, а имъ велятъ быть на службѣ, и они съ усердіемъ служить рады». Ѣздили ихъ увѣщевать сперва Гордонъ, потомъ Кольцовъ-Масальскій, они не послушались. Къ Масальскому вышелъ Зоринъ съ челобитною, въ которой стрѣльцы ругали Лефорта и говорили, что, слышно имъ, къ Москвѣ идутъ нѣмцы, знатно послѣдуя брадобритію и табаку, во всесовершенное благочестія испроверженіе. Хотѣли бояре стрѣльцовъ попугать, нарочно выпалили изъ пушекъ такъ, чтобы ядра пролетѣли надъ ихъ головами. Но они завопили: «Сергіевъ! Сергіевъ! Самъ Богъ спасаетъ насъ отъ оружія еретическаго»! и стали палить въ насъ изъ пушекъ и изъ ружей. Нѣсколько человѣкъ было у насъ убито и ранено. Тогда въ нихъ выстрѣлили настоящимъ дѣломъ, они было на-утекъ, но лефортовцы и бутырцы ихъ задержали, а полковникъ Граге снова хватилъ ихъ изъ пушекъ картечью. Бросились было стрѣльцы на-проломъ, но послѣ четвертаго залпа одни молили о пощадѣ, другіе бросились въ поля и тамъ были переловлены. Убито и ранено ихъ не много, всего человѣкъ пятьдесятъ съ небольшимъ, а забрано больше двухъ тысячъ. Человѣкъ 70 казнено, вдвое того сослано, остальные подъ стражей сидятъ.

Собрались всѣ царедворцы. Вышелъ и царь. Прежде всѣхъ обнялъ и поцѣловалъ Шеина.

— Спасибо, что сѣмя Ивана Михайловича *) раздавилъ.

— Богъ помогъ, государь.

Вдругъ, къ удивленію всѣхъ, царь ножницами, которыя держалъ въ рукѣ, обрѣзалъ половину длинной бороды Шеина. Всѣ переглянулись. Царь какъ ни въ чемъ не бывало обнялъ и поцѣловалъ Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго.

— А ты, кесарь **), каково поживаешь?

— Благодарю, государь, на милостивомъ словѣ.

— А стрѣльцами розыскалъ?

---

*) Милославскаго, который съ царевною Софіей въ 1682 году возмутилъ стрѣльцовъ.

**) Петръ называлъ Ромодановскаго «кесарь», «ваше величество», и «доносилъ» ему о своихъ дѣлахъ.

— Розыскалъ вплотную.

— Что же свѣдалъ?

— Шли къ Москвѣ воровскимъ умысломъ, бояръ и чужеземцевъ побить, и противъ тебя зло мыслили.

— А кто ихъ къ тому подучилъ?

— Своя же братья.

— Это ты навѣрно знаешь?

— Розыскивалъ я крѣпко, и ни одинъ изъ нихъ никого кромѣ стрѣльцовъ не оговорилъ.

— Хорошо. Я самъ розыщу. У меня заговорятъ.

Затѣмъ царь совершилъ съ бородой Ромодановскаго ту же операцію, что и съ Шеинымъ. Обнялъ онъ и нѣкоторыхъ другихъ бояръ. У всѣхъ бороды пострадали, кромѣ Тихона Никитича Стрешнева и князя Михаила Алексѣевича Черкасскаго—ихъ царь особенно почиталъ.

— Здорово ли, государь, съѣздилъ?—спросилъ Черкасскій.

— Слава Богу. И не втуне вояжъ былъ. Теперь самъ видѣлъ, что нашему государству на потребу въ чужихъ земляхъ перенять можно. Теперь, чаятельно, кораблестроеніе, воинское и морское дѣло пойдутъ, какъ быть надлежитъ. До сихъ поръ мы какъ дикари были. Кто къ намъ изъ чужихъ краевъ ни пріѣдетъ, за великаго искусника всякаго почитали. А эти искусники часто сами аза въ глаза не смыслили и намъ вмѣсто прибытка только ущербъ чинили. Теперь инако будетъ. Хорошіе люди милости просимъ. Много такихъ мы за моремъ въ вояжѣ набрали. Вотъ хоть адмиралъ Крейсъ. Морское дѣло доподлинно знаетъ и въ этомъ дѣлѣ правой рукой будетъ. А проходимцевъ намъ не надо.

— Слышно, ваше царское величество,—сказалъ Вейде,—съ чужеземными потентатами въ альянсъ вступилъ.

— Альянсъ съ кесаремъ мы личнымъ свиданіемъ скрѣпили, а ѣдучи изъ Вѣны сюда близъ Русской Равы я съ братомъ нашимъ Августомъ польскимъ и саксонскимъ повидался. Подружились мы съ нимъ и саблями помѣнялись. Уповательно, что его величество добрымъ сосѣдомъ и помощникомъ въ дѣлахъ нашихъ будетъ. Подъ Равою онъ былъ мимоходомъ, потому что шелъ съ саксонскимъ войскомъ подъ Каменецъ на татаръ.

1-го сентября по случаю новаго года былъ большой

пиръ у боярина Шеина. Собралось къ нему множество гостей, не только бояре и офицеры царскихъ войскъ, но даже многіе матросы изъ иноземцевъ. Василій Лукичъ, смѣтивъ, откуда вѣтеръ дуетъ, явился на этомъ пиру безъ бороды, этому же примѣру послѣдовали и другіе смѣтливые люди. Но довольно было и бородачей. И вотъ царскій шутъ, снуя между гостями, началъ надъ ихъ бородами чинить то же, что самъ царь дѣлалъ въ Преображенскомъ надъ боярскими бородами. Царь явился на этотъ балъ въ суконномъ французскомъ кафтанѣ васильковаго цвѣта, на красной камчатной подкладкѣ, обложенномъ лентами, съ обшивными пуговицами, въ волнистомъ камзолѣ съ мѣдными пуговицами и въ бархатныхъ панталонахъ. Боярскіе ферязи и кафтаны на этомъ пиру тоже пострадали отъ ножницъ царскаго шута.

На розыскѣ, сдѣланномъ вновь по царскому повелѣнію, стрѣльцы долго крѣпились, наконецъ показали, что было къ стрѣльцамъ письмо изъ Москвы отъ царевны Софіи, принесъ то письмо въ Великія Луки Васька Тума, а въ Торопецъ Мишка Обросимовъ. По этому показанію, а потомъ по признанію сотника Маслова до всего добрались.

Съ 1689 года Софія, еще непостриженная, жила въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; при ней находились: мама, два казначея и девять постельницъ. Царицы и царевны могли навѣщать ее, когда угодно. Но вдовствующія царицы: Марѳа Матвѣевна и Прасковья Ѳедоровна *) бывали у ней рѣдко, не часто бывала и тетка царя Татьяна Михайловна и ни въ какія козни не вмѣшивалась. Но сестры царя: Марѳа, Марія, Екатерина и Ѳеодосія, часто ее посѣщали, переносили ей всякія вѣсти и съ нею вмѣстѣ осуждали всѣ дѣла Петра. Послѣ заговора Цыклера и Соковнина караулъ около монастыря былъ усиленъ до 100 человѣкъ, и туда не пропускали нищихъ и никого изъ постороннихъ. Однако-жъ Ромодановскій, вопреки волѣ государя, дозволилъ Авдотьѣ, карлицѣ царевны Марѳы Алексѣевны, переносить къ Софьѣ отъ сестеръ стряпню, т.-е. разныя рукодѣлья, кушанья и сласти. Въ этой стряпнѣ скрывались письма съ вѣстями про стрѣльцовъ, въ ней же переносились и отвѣты Софьи. Въ комнатахъ царицы и царевенъ, по старинному обыкновенію, въ извѣстные дни поминовенія усопшихъ государей и госу-

*) Вдова царя Ивана Алексѣевича, умершаго 29 января 1696 года.

дарынь, кормили нищихъ. Изъ нищихъ стрѣльчихъ особенно часто бывала у царевны Маріы Анна Никитина. Когда бѣглые стрѣльцы были въ Москвѣ, то двое изъ нихъ, Борисъ Проскуряковъ и Василій Тума, отдали стрѣльчихѣ Артарской «Челобитную о своихъ стрѣлецкихъ нуждахъ», та чрезъ постельницу Клушину передала эту челобитную Маріѣ Алексѣевнѣ, а Марѳа сообщила Софьѣ. Потомъ царевна Марѳа велѣла Клушиной чрезъ Артарскую сыскать Анну Никитину съ тѣмъ, чтобы Никитина отдала Тумѣ письмо отъ Софьи къ стрѣльцамъ. При этомъ Марѳа Алексѣевна сказала:

— Письмо я тебѣ отдала, повѣря тебѣ, а буде пронесется, тебя распытаютъ; мнѣ же опричь монастыря ничего не будетъ.

Письмо Софіи было слѣдующаго содержанія.

«Вѣстно мнѣ учинилось, что вашихъ полковъ приходило къ Москвѣ малое число, и вамъ бы быть въ Москвѣ всѣмъ четыремъ полкамъ и стать подъ Дѣвичьимъ монастыремъ таборомъ, и бить челомъ мнѣ идти къ Москвѣ противъ прежняго на державство; а если бы солдаты, кои стоятъ у монастыря, къ Москвѣ отпускать не стали, и съ ними бы управиться, ихъ побить и къ Москвѣ быть, а кто-бъ не сталъ пускать съ людьми своими или съ солдатами, и вамъ бы чинить съ ними бой».

Царевны Софья и Марѳа были пострижены, всѣ бунтовавшіе стрѣльцы подвергнуты жестокимъ казнямъ, почти двѣсти изъ нихъ повѣшены, съ челобитными въ рукахъ, у Новодѣвичьяго монастыря, передъ кельями Софьи. Тогда же Петръ развелся со своей супругой Евдокіей Ѳедоровной и велѣлъ постричь ее въ монахини подъ именемъ Елены. Отецъ ея и братья сосланы въ ссылку еще раньше, послѣ заговора Цыклера. Но участвовала ли Евдокія Ѳедоровна и ея родственники въ стрѣлецкихъ замыслахъ, неизвѣстно. Московскіе стрѣльцы, не участвовавшіе въ бунтѣ, были распущены, и остались только стрѣльцы городовые.

XVII.

ПЕРВЫЙ УРОКЪ.

(1701 — 1702 гг.).

ЂТОМЪ 1701 года мундшенкъ его величества, шведскаго короля Карла XII, Яковъ Зундманъ, покончивъ свои дневныя занятія, пошелъ въ дворцовую караульню, потолковать со своимъ пріятелемъ, драбантомъ Михаиломъ Вутштокомъ.

— Слышно что-нибудь о королѣ?—спросилъ Михаилъ.

— Нѣтъ. Вѣрно, все идетъ по обыкновенію. Въ Конгзерскихъ лѣсахъ раздолье, медвѣдей много. Наловятъ сѣтями ихъ штукъ пятнадцать, перевяжутъ—и самъ король въ этомъ поможетъ — любитъ онъ медвѣжій ревъ слушать.

— Да, онъ молодецъ. Если и на войнѣ будетъ такъ безстрашенъ, какъ на охотѣ, то прокъ выйдетъ.

— Только проказливъ очень. Теперь поунялся, а прежде со своимъ пріятелемъ, Фридрихомъ голштинскимъ, что они выдѣлывали. Бывало, несутъ пажи миски съ кушаньями, а его величество съ герцогомъ подскочатъ и выбьютъ миски изъ рукъ пажей, а съ придворныхъ съ кого парикъ, съ кого шляпу сорвутъ. А разъ, въ сеймовой залѣ, такъ охоту на зайца устроили!

— А какъ горожане-то перетрусили, когда они въ од-

Павелъ и Игнатій пришли къ низенькой землянкѣ.

нѣхъ рубашкахъ, съ саблями на-голо, съ крикомъ и гамомъ въѣхали въ Стокгольмъ!

— Сколько они мебели перебили! А то вздумали баранамъ и телятамъ во дворцѣ головы рубить. Не только полъ, даже стѣны во дворцѣ были облиты кровью. А хуже всего какъ они въ кирху ворвались и всѣ лавки тамъ переломали, такъ что всѣмъ пришлось стоя молиться. Пасторы тогда сильно разсердились. Говорятъ, въ одно и то же воскресенье три проповѣдника въ трехъ разныхъ церквахъ говорили проповѣдь на текстъ: «Горе странѣ, гдѣ государь юнъ».

— Да, пожалуй, тогда говорили, что герцогъ голштинскій нарочно все это дѣлаетъ, чтобы погубить его и самому быть королемъ, потому что наслѣдникъ-то онъ. Но все это неправда, потому что они съ королемъ большіе друзья.

— А все-таки лучше, что голштинскій убрался въ свою землю, потому что съ тѣхъ поръ король не проказничаетъ и дѣлами заниматься сталъ...

— Что это? — воскликнулъ Михаилъ, взглянувъ въ окно караульной.

Ко дворцу во весь опоръ скакалъ какой-то всадникъ въ военномъ мундирѣ.

— Вѣдь это герцогъ!

— И одинъ, безъ свиты!

— Что это значитъ?

— Гдѣ король?—спросилъ герцогъ караульнаго офицера.

— На охотѣ, въ Конгзерскихъ лѣсахъ.

— Знаете вы мѣсто, гдѣ его можно найти? Мнѣ необходимо немедленно его видѣть.

— Черезъ пять минутъ узнаю.

— Можете дать мнѣ туда проводника?

Чрезъ нѣсколько минутъ герцогъ и Михаилъ скакали къ мѣсту королевской охоты.

Короля окружало на охотѣ довольно большое общество, въ томъ числѣ французскій посланникъ, графъ Гискаръ, шведскій канцлеръ баронъ Пиперъ и генералъ Реншильдъ.

— Являюсь къ вамъ, государь, изгнанникомъ,—сказалъ герцогъ Карлу.

— Какъ?

— Датскія войска вступили въ мое герцогство, овладѣли Шлезвигомъ, Гузумомъ, Фридрихштадтомъ. Тенингенъ

еще держится благодаря шведскому гарнизону. Теперь отдаю себя и свою страну подъ ваше покровительство.

— Я и буду вашимъ покровителемъ, хотя бы это мнѣ стоило короны. Генералъ,—продолжалъ король, обращаясь къ Реншильду,—отправляйтесь въ Стокгольмъ и разошлите приказы войскамъ сдвигаться въ Карлскронѣ и флоту снаряжаться въ этомъ портѣ.

— Можетъ быть и безъ войны дѣло обойдется. Державы, которыя поручились въ соблюденіи Альтинскаго договора, обезпечивши владѣнія его свѣтлости герцога Голштинскаго: Англія, Ганноверъ, Голландія и Люнебургъ, безъ сомнѣнія, помогутъ герцогу.

— Надѣюсь,—сказалъ король,—что наша помощь будетъ посущественнѣе.

— Все-таки затрогивать могущественную Швецію въ то время, какъ она въ мирѣ со всѣми сосѣдями—удивительная смѣлость.

— Кстати о мирѣ. Какъ у васъ дѣло съ московитами?

— Вашему величеству извѣстно, что, несмотря на всѣ усилія нашего посольства въ Москвѣ, царь не согласился присягнуть на соблюденіе Кардисскаго договора, а только далъ обѣщаніе сохранять его.

— Какъ ему угодно — пусть и не сохраняетъ. Это только доставитъ намъ удовольствіе лишній разъ проучить московитовъ.

— А теперь нашъ резидентъ въ Москвѣ Книперкронъ доноситъ, что царь выказываетъ самыя миролюбивыя намѣренія въ отношеніи къ намъ и снаряжаетъ посольство въ Стокгольмъ.

Вошелъ курьеръ, весь покрытый пылью и крайне утомленный: видно было, что онъ ѣхалъ спѣшно и издалека.

— Откуда?—спросилъ король.

— Отъ рижскаго губернатора. На городъ напали саксонцы.

— Что такое?

— Сначала получилось извѣстіе, что саксонская армія сосредоточилась въ Курляндіи, а поляки позволили это сдѣлать саксонцамъ будто для укрѣпленія Полангена. Но потомъ губернаторъ Далбергъ узналъ, что саксонскій генералъ Флеммингъ замышляетъ взять Ригу внезапнымъ нападе-

ніемъ и надѣется въ этомъ случаѣ на измѣну, потому что нѣкоторые лифляндцы сносятся съ измѣнникомъ Паткулемъ, поступившимъ въ службу къ королю Августу II. Однако же нападеніе замедлилось, слышно, потому, что Флеммингъ уѣзжалъ жениться на какой-то знатной полькѣ. Тѣмъ временемъ мы приготовились принять дорогихъ гостей. Правда, они успѣли нечаяннымъ нападеніемъ захватить Коберъ-Шанцъ на лѣвомъ берегу Двины, но когда мы ихъ встрѣтили огнемъ 70 пушекъ, то они не посмѣли атаковать городъ и крѣпость. Потомъ они штурмовали Динаминдскую крѣпость, были отражены, но комендантъ Будбергъ сдалъ крѣпость. Губернаторъ подозрѣваетъ, что онъ заодно съ Паткулемъ. Генералъ Далбергъ приказалъ мнѣ обо всемъ этомъ словесно доложить вашему величеству, а подробности изложены вотъ въ этой депешѣ. Противные вѣтры задержали меня на морскомъ пути въ Стокгольмъ, и потому я не могъ представить вашему величеству мое донесеніе такъ скоро, какъ-бы желалъ.

Въ это же время Пиперу подали другую депешу, которую онъ и читалъ, пока курьеръ разсказывалъ. Пиперъ прислушивался и къ этому разсказу: онъ, какъ нѣкоторые другіе дипломаты, могъ одновременно заниматься двумя дѣлами.

Сначала король, видимо, былъ разгнѣванъ полученнымъ извѣстіемъ, но потомъ сказалъ графу Гискару улыбаясь:

— Мы заставимъ господъ саксонцевъ воротиться тою же дорогою, которою они пришли. Пошлите, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Пиперу,—приказаніе нарвскому губернатору, генералу Веллингу, чтобы онъ принялъ начальство надъ всѣми войсками въ Эстляндіи и Лифляндіи и шелъ на помощь къ Ригѣ. Съ ближайшими непріятелями мы сами управимся. Но не надо забывать и самыхъ ближайшихъ— пойдемте кончать съ медвѣдями.

— Дѣло становится весьма серьезно. Съ двумя такими врагами, какъ Данія и Саксонія заодно съ Польшей, шутить нельзя. Хорошо, что изъ Московіи успокоительныя вѣсти. Сейчасъ я получилъ депешу отъ Книперкрона, не позволите ли прочесть нѣсколько строкъ?

— Если не долго, читайте.

Пиперъ началъ читать:

«Его царское величество, на другой день по возвращеніи

изъ Воронежа, посѣтилъ мой домъ и, шутя, выговаривалъ моей женѣ, зачѣмъ она писала къ своей дочери въ Воронежъ, будто русское войско готовится идти на Лифляндію, отъ чего въ Москвѣ всѣ шведы въ великомъ страхѣ. «Дочь твоя, — говорилъ царь,—такъ расплакалась, что я насилу могъ ее утѣшить. Глупенькая,—сказалъ я ей,—неужели ты думаешь, что я соглашусь начать несправедливую войну и разорвать вѣчный миръ, мною подтвержденный». Мы всѣ такъ были тронуты его словами, что не могли удержаться отъ слезъ, и когда я просилъ у него извиненія моей женѣ, онъ меня обнялъ, примолвивъ: «если бы король польскій и овладѣлъ Ригою, она ему не достанется: я вырву ее изъ его рукъ».

— Очень благодаренъ его московитскому величеству! И безъ него обойдемся!

— Все-таки очень важно, чтобы онъ не присталъ къ коалиціи Августа II и Фридриха IV. Я уже началъ объ этомъ безпокоиться, потому что въ курантахъ все болѣе и болѣе намекаютъ на разрывъ между нами и Московіей. Осмѣлюсь доложить вашему величеству, что лучшимъ средствомъ поддержать миръ съ нею было бы удовлетворить московитовъ въ ихъ жалобѣ на графа Далберга на его поведеніе во время проѣзда московитскаго посольства чрезъ Ригу. Слышно, царь очень этимъ оскорбился, потому что самъ находился incognito при посольствѣ.

— Такъ оттого, что его московитскому величеству угодно разыгрывать Гарунъ-аль-Рашида, я буду обижать стараго, заслуженнаго генерала? Напишите московитамъ, что Далбергъ, какъ видно изъ его объясненія, совершенно правъ и посольскіе люди сами виноваты, что осмѣлились фортецію осматривать; о царѣ же, что будто онъ былъ при посольствѣ, губернаторъ не зналъ, посольскіе люди не говорили о томъ, и въ Ригѣ никто тому не вѣрилъ.

— Это оскорбитъ царя и дастъ ему поводъ соединиться съ датчанами, саксонцами и поляками. По моему мнѣнію и съ ними надо начать переговоры: они такъ явно нарушили трактаты.

— Я вамъ скоро доставлю удовольствіе переговариваться съ ними. Только прежде самъ поговорю въ челѣ своихъ шведовъ. Сперва покончу съ однимъ, потомъ поговорю и съ другимъ. Что касается до русскихъ медвѣдей, то мы

ихъ также легко свяжемъ, какъ и тѣхъ, противъ которыхъ я объявляю походъ въ настоящую минуту.

Чрезъ два мѣсяца послѣ этого пятнадцать тысячъ шведовъ подъ начальствомъ Карла XII переплыли Зундъ, внезапно явились предъ Копенгагеномъ, въ то время какъ почти все датское войско находилось въ Голштиніи. При высадкѣ шведовъ, датчане встрѣтили ихъ выстрѣлами. Пули засвистали вокругъ Карла, выходившаго на берегъ въ числѣ первыхъ.

— Отнынѣ это будетъ моей музыкой, — сказалъ онъ, обращаясь къ окружающимъ.

Датскій король Фридрихъ IV, видя свою столицу въ опасности, заключилъ 8 августа 1701 года миръ съ Карломъ XII въ Травендалѣ, по которому призналъ совершенную самостоятельность Голштиніи и обязался уплатить герцогу голштинскому 260.000 талеровъ.

Карлъ XII покончилъ съ однимъ, но, кромѣ разговора съ другимъ, пришлось разговаривать съ третьимъ.

Третій былъ московскій царь.

Путешествуя за границей, Петръ убѣдился, что для Россіи необходима гавань на Балтійскомъ морѣ. Когда-то большая часть балтійскаго побережья принадлежала ей, но, пользуясь тяжкимъ ея положеніемъ, сосѣди захватили ея прибалтійскія владѣнія. Петръ рѣшился отнять часть ихъ у шведовъ. Но шведы были сильны, имѣли превосходное войско, а русское войско хотя и было многочисленно, но очень плохо, въ чемъ Петръ убѣдился, увидавъ хорошо устроенныя бранденбургскія войска. Стало быть, разсчитывать на побѣду въ борьбѣ со Швеціею одинъ на одинъ было невозможно, а безъ борьбы шведы прибалтійскихъ земель не дадутъ. Слѣдовательно, надо было искать союзниковъ. Союзники и нашлись—датскій и польскій короли. При свиданіи своемъ съ Августомъ II въ Равѣ, на пути Петра изъ Вѣны въ Москву, они положили воевать заодно противъ шведовъ.

Петръ желалъ гавани на Балтійскомъ морѣ, Фридрихъ IV—Голштиніи, Августъ II—славы.

Современникъ Петра и Людовика XIV, Августъ походилъ на Петра только тѣмъ, что могъ разгибать подковы и свертывать серебряныя тарелки, а на Людовика тѣмъ, что имѣлъ всѣ его недостатки, но ни одной изъ добродѣтелей Петра и Людовика у Августа не было.

Людовикъ имѣлъ роскошный дворъ и величественные дворцы, и Августъ ихъ имѣлъ. Людовикъ старался захватывать, что могъ, у сосѣдей, и Августъ хотѣлъ то же сдѣлать.

Случай, казалось, ему благопріятствовалъ. Въ Швеціи при Карлѣ XI отнимали у дворянъ земли посредствомъ такъ называемой редукціи. Пришлось дворянамъ возвращать королевскія земли, когда-то пожалованныя ихъ предкамъ, а также и тѣ земли, на владѣніе которыми дворяне не могли представить документовъ. Особенно при этомъ пострадали лифляндскіе дворяне, потому что при прежнихъ опустошительныхъ войнахъ въ Лифляндіи множество дворянскихъ документовъ погорѣло. Лифляндскій дворянинъ Іоаннъ Рейнгольдъ Паткуль явился горячимъ защитникомъ правъ своихъ собратій. Это вооружило противъ него шведское правительство. Съ своей стороны Паткуль, бывшій, вмѣстѣ съ Будбергомъ, депутатомъ въ Стокгольмѣ отъ лифляндскаго дворянства, въ подробномъ отчетѣ о своемъ посольствѣ задѣлъ могущественныхъ шведскихъ вельможъ. Онъ служилъ капитаномъ въ Гастферовомъ полку, бывшемъ въ Ригѣ. Командовавшій этимъ полкомъ подполковникъ Гелмерсъ былъ человѣкъ очень грубый и говорилъ, что въ «цѣломъ полку нѣтъ ни одного благороднаго офицера: всѣ канальи». Паткуль съ другими офицерами подалъ на него жалобу, ее поручили разобрать Гастферу, личному врагу Паткуля, и всѣхъ, подавшихъ жалобу, предали военному суду, какъ мятежниковъ, подстрекавшихъ полкъ къ бунту. Паткуль убѣжалъ въ Курляндію. Потомъ лифляндскихъ дворянъ, а вмѣстѣ съ ними и Паткуля, вызвали въ Стокгольмъ, чтобы разсмотрѣть ихъ жалобы на редукцію. Паткуль согласился туда ѣхать не иначе, какъ получивъ охранный листъ съ правомъ безпрепятственно выѣхать изъ Стокгольма. Но тамъ онъ и лифляндскіе дворяне находились подъ строгимъ надзоромъ, какъ государственные преступники. Дѣло его разсматривалось съ явною непріязнію къ нему, и онъ убѣжалъ опять въ Курляндію. Судъ приговорилъ его къ лишенію чести, къ отсѣченію правой руки и головы. Онъ путешествовалъ въ Бранденбургѣ, Швейцаріи, Франціи, Италіи, а въ 1698 году явился къ Августу II и предложилъ ему составить союзъ противъ Швеціи съ тѣмъ, чтобы Августу получить Лифляндію. Между прочимъ, онъ совѣтовалъ пригласить къ союзу Петра для того, чтобы онъ нападеніемъ на Ингрію развлекъ силы Швеціи и помогалъ

Августу деньгами и пѣхотою, которая, по словамъ Паткуля, «очень способна работать въ траншеяхъ и гибнуть подъ выстрѣлами непріятеля, чѣмъ сберегутся войска его королевскаго величества, которыя можно будетъ употреблять только для прикрытія апрошей». Онъ же присовѣтовалъ Августу нечаяннымъ нападеніемъ завладѣть Ригой, говоря, что она дурно укрѣплена, гарнизонъ ея слабъ, а въ числѣ жителей найдется много сторонниковъ Августа, если онъ объявитъ, что сохранитъ привиллегіи лифляндцевъ. Нечаянное нападеніе на Ригу, по винѣ начальника саксонскихъ войскъ Флемминга, не удалось и какъ писалъ Головинъ Петру: «Венусовымъ веселіемъ и безразсуднымъ легкомысліемъ неоцѣненное время потеряно». Однако же Августъ осадилъ Ригу. Петръ не могъ начать войну со Швеціею, потому что еще не былъ заключенъ имъ миръ съ Турціею. Поэтому онъ разными любезностями обманывалъ шведскаго резидента Книперкрона, хотя, между тѣмъ, готовился къ войнѣ. Грубость Далберга при проѣздѣ русскаго посольства чрезъ Ригу и дерзкій отвѣтъ шведскаго короля на жалобу русскихъ по этому случаю давали Петру достаточный поводъ къ начатію войны.

Чтобы ускорить миромъ съ Турціею, царь хотѣлъ показать ей свою морскую силу, которой не вѣрили въ Константинополѣ. Для этого онъ отправился въ Воронежъ. Тамъ «кумпанства» и безъ того усердно строили корабли, а пріѣздъ царя еще болѣе подвинулъ дѣло, такъ что къ веснѣ 1699 года у него было въ Воронежѣ 86 военныхъ судовъ, въ томъ числѣ 18 кораблей, изъ которыхъ на каждомъ было отъ 36 до 46 пушекъ. Офицеры и матросы почти всѣ были изъ иноземцевъ, преимущественно изъ голландцевъ, военныя команды на корабляхъ изъ преображенцевъ и частію изъ семеновцевъ. Адмираломъ флота назначенъ Головинъ, но настоящими распорядителями были вице-адмиралъ Крейсъ, приглашенный изъ Голландіи, и самъ царь, бывшій командиромъ на 44-пушечномъ кораблѣ «Апостолъ Петръ». На сорокашести-пушечномъ кораблѣ «Крѣпость» должны были ѣхать въ Константинополь для заключенія мира чрезвычайные посланники, Украинцевъ и Чередѣевъ. Государь съ флотомъ отправился провожать посланниковъ до Керчи.

Татары увѣрили турецкаго пашу, начальствовавшаго въ Керчи, что русскіе корабли безъ пушекъ и чрезъ азовскія

мели пройти не могутъ, но Петръ воспользовался сильнымъ западнымъ вѣтромъ, который поднялъ воду въ далекихъ гирлахъ. Къ удивленію и ужасу турокъ, имѣвшихъ у Керчи всего 4 корабля, предъ этимъ городомъ явилась русская эскадра изъ 10 кораблей, 8 иныхъ судовъ и 4 струговъ, на которыхъ плыли отборные донскіе казаки. Паша сперва не хотѣлъ пустить пословъ на кораблѣ къ Константинополю, представляя опасности морского путешествія и уговаривая ѣхать сухимъ путемъ, но, наконецъ, долженъ былъ уступить, и послы поплыли на своемъ кораблѣ въ Константинополь, а царь съ эскадрою возвратился въ Таганрогъ.

Появленіе русскаго военнаго корабля въ Константинополѣ близъ самаго сераля очень встревожило султана. Но когда капитанъ корабля, голландецъ Пашбургъ, пригласилъ къ себѣ знатныхъ французовъ и голландцевъ, пропировалъ съ ними цѣлый день, а въ самую полночь открылъ пальбу изо всѣхъ орудій, то султанъ и всѣ турки пришли въ ужасъ. Они думали, что русскій корабль даетъ сигналъ царю, который потомъ явится со всѣмъ флотомъ.

Желанное Петромъ впечатлѣніе на турокъ русскимъ флотомъ было произведено. Не мало помогла и настойчивость Украинцева. Наконецъ, въ 1700 году онъ заключилъ миръ, по которому Россія получила Азовъ съ построенными около него Таганрогомъ и другими городками. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Петръ объявилъ войну Швеціи.

Паткуль очень настаивалъ, чтобы русскіе напали на Ингрію и не осаждали Нарвы. Онъ побывалъ съ саксонскимъ посольствомъ въ Москвѣ, узналъ Петра и говорилъ, что ежели Петръ завоюетъ Нарву, то, можетъ быть, захочетъ пріобрѣсти Эстляндію и Лифляндію. Но, несмотря на всѣ старанія Паткуля, Петръ осадилъ именно Нарву.

Пришлось Паткулю волей-неволей не противорѣчить желанію царя—иначе Августъ II могъ остаться одинъ противъ шведовъ. Петръ выставилъ причиною его войны со шведами оскорбленіе, нанесенное его посольству въ Ригѣ.

Русское войско, назначенное осаждать Нарву, было раздѣлено на три генеральства: Артамона Головина, Вейде и князя Рѣпнина. Главнымъ военачальникомъ былъ назначенъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, произведенный въ фельдмаршалы въ день объявленія войны со шведами, прежде онъ же назначенъ адмираломъ, но болѣе извѣстенъ своими замсу-

гами по дипломатической части. Изъ Новгорода пришелъ отрядъ тамошняго губернатора князя Трубецкого, состоявшій большею частію изъ стрѣльцовъ. Борисъ Петровичъ Шереметевъ начальствовалъ нерегулярною конницею. Инженерными работами долженъ былъ управлять саксонскіи генералъ фонъ-Галлартъ, присланный по желанію Петра польскимъ королемъ. Артиллеріею, состоявшею болѣе чѣмъ изъ 150 пушекъ, начальствовалъ царевичъ Александръ Имеретинскій, сопутствовавшій Петру за границу. Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій былъ генералъ-комиссаромъ арміи, т.-е. долженъ былъ заботиться объ ея продовольствіи. Въ числѣ сопровождавшихъ его подъячихъ былъ и нашъ старый знакомецъ Игнатій Семеновъ. Рѣпнинъ со своими войсками еще не пришелъ къ Нарвѣ, и потому число русскихъ, осаждавшихъ этотъ городъ, простиралось до 40,000 человѣкъ. Ожидали еще Рѣпнина и малороссійскихъ казаковъ.

Шведскаго войска въ Нарвѣ было полторы тысячи да 400 вооруженныхъ гражданъ, пушекъ 150. Комендантъ ея полковникъ графъ Горнъ оборонялся храбро. Осада затянулась, и оказалось, что у русскихъ очень мало приготовлено артиллерійскихъ и инженерныхъ снарядовъ. Во время осады былъ принятъ въ русскую службу съ чиномъ генералъ-фельдмаршала и прибылъ подъ Нарву герцогъ Круа или дела-Кроа. Онъ происходилъ изъ древней нидерландской фамиліи, служилъ сперва въ Даніи, потомъ Леопольду I, отличился въ войнѣ съ турками, но въ послѣднее время Леопольдъ былъ имъ недоволенъ за неудачныя дѣйствія при осадѣ Бѣлграда. Герцогъ поступилъ на службу сперва къ Августу II, а потомъ къ Петру, которому рекомендовали его какъ отличнаго генерала.

Получены были непріятныя вѣсти. Карлъ XII явился съ войскомъ около Ревеля—очевидно было, что онъ одолѣлъ датчанъ и идетъ расправляться съ другими врагами. Августъ II снялъ осаду Риги и просилъ Петра повидаться съ нимъ. Желая исполнить эту просьбу и ускорить подвозъ изъ Новгорода боевыхъ припасовъ, царь уѣхалъ изъ арміи съ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Головинымъ и сержантомъ Александромъ Меньшиковымъ. Незадолго предъ тѣмъ умеръ Лефортъ, котораго царь оплакалъ какъ друга. Проницательные люди стали догадываться, что Меньшиковъ займетъ его мѣсто—царскаго любимца. Поэтому, несмотря на малыіі чинъ

Меньшикова, царедворцы, браня его за глаза и называя Алексашкой, величали въ глаза Александромъ Даниловичемъ и заискивали въ немъ. Начальникомъ войска остался герцогъ де-ла-Круа.

Игнатій нашелъ въ войскѣ старыхъ знакомыхъ, Ивана Соковнина въ нерегулярной конницѣ Шереметева и брата Ванина Павла въ генеральствѣ Головина, въ солдатскомъ полку Матвѣя Фливерка. Конница Шереметева отправилась по ревельскоій дорогѣ наблюдать за шведами, которыхъ ожидали оттуда. Генеральство Головина, за исключеніемъ преображенскаго и семеновскаго полковъ, стоявшихъ у рѣки Наровы, было расположено въ центрѣ русскаго войска. Утромъ 18 ноября 1700 г. Игнатій пошелъ туда повидаться съ Павломъ Соковнинымъ.

— Что дѣла?—спросилъ Игнатій.

— Какъ сажа бѣла. Вчера капитанъ велѣлъ меня палками вздуть за то, что мушкетъ не такъ держу и шагать по-ихнему не умѣю. Это надъ русскимъ-то дворяниномъ поганое нѣмецкое скобленое рыло тѣшится.

— У насъ и у самихъ соскоблили.

— Чай и голову скоро сбреютъ. Отца-то нашего казнили же.

— Ну, онъ, Паша, виноватъ былъ.

— Извѣстно, виноватъ. Да какъ тутъ не провиниться-то? Что наши отцы да дѣды дураки что-ли безсчетные были, когда свои бороды сохранили и русскую одежду носили? Брадобритіе самъ патріархъ эллинскимъ гнуснымъ обычаемъ называлъ. А теперь всѣмъ, кромѣ духовныхъ, велѣно голландскіе али нѣмецкіе кафтаны носить и бороду брить. Какъ еще *онъ* духовныхъ-то нѣмецкими кургузыми чертями не одѣлъ!

— Можно и носить бороду, только заплати.

— Шутка дѣло, заплати пятьдесятъ рублей, а то и сто, смотря по чину. Да и плата иной разъ не впрокъ. Самъ я видалъ, какъ одинъ гость сто рублей заплатилъ, бородовой знакъ получилъ, ну спряталъ, нельзя же его съ собой таскать, пожалуй обронишь, тогда значитъ и денежки пропали. Вотъ идетъ онъ по улицѣ, а царскіе шуты навстрѣчу, загалдѣли: «бородачъ! бородачъ! гдѣ твой знакъ?» «Дома», говоритъ. А они хмѣльны были, или хотѣли съ него что ни на есть сорвать, словъ его не послушали, утащили въ бли-

жайшую цирюльну да и окарнали. Видѣлъ я самъ, какъ онъ послѣ этого горькими слезами обливался. «Лучше бы, говоритъ, я головы лишился».

— Пожалуй, побольнѣе бы было.

— А я вотъ съ радостью отдалъ бы сто рублей, своихъ бы не было, такъ занялъ бы и уже бородового знака изъ рукъ бы не выпустилъ, да мнѣ откупиться ни за какія деньги нельзя. Солдатъ, вишь, непремѣнно со скобленымъ рыломъ долженъ быть. Да нешто я волей въ солдаты пошелъ! Не токмо меня, всѣхъ насъ похватали, кого съ борку, кого съ верейки, да и отдали проклятымъ нѣмцамъ муштровать. И муштруютъ же собаки. Мы ихъ поганаго нѣмецкаго лаю не понимаемъ, а они нашей православной рѣчи не разумѣютъ, а изволь дѣлать по-ихнему! Да и дѣлать-то пустяки заставляютъ. Что, я не умѣю, что-ли, изъ мушкета палить? Всегда могу этого самаго нѣмца подстрѣлить. Такъ нѣтъ—по-ихнему надо всѣмъ вмѣстѣ палить.

— А точно, какъ всѣ вмѣстѣ выпалятъ, больше авантажу будетъ.

— Не говори ты этихъ поганыхъ нѣмецкихъ словъ! Ужь и я свои уста словомъ муштровать опоганилъ, да потому, что этотъ муштеръ вонъ гдѣ у меня сидитъ. Ну, еще пожалуй точно, всѣмъ заразъ выпалить лучше, а для какого лѣшаго въ ногу идти заставляютъ? Оттого что-ли мы богатырями будемъ, что ноги какъ журавли вытягиваемъ?

— Ужь наука такая.

— Наука? Нѣтъ, не наука, а народился антихристъ, это вѣрно. «И будутъ смуты». Что, у насъ мало смутъ? «Возстанетъ языкъ на языкъ и царство на царство». Развѣ не возстали? Сперва вотъ мы съ туркой бились, теперь со шведами бьемся. Вотъ что, милый человѣкъ. А ужь нашему русскому царству совсѣмъ конецъ приходитъ. Чѣмъ оно держится? Старые люди говорятъ, что оно до тѣхъ поръ стоять будетъ, пока русскіе свой обычай, одежду да законъ не перемѣнятъ. А гдѣ у насъ прадѣдовскій обычай и одежда? И закону премѣненіе придетъ.

— Ну, это ты напрасно.

— Нѣтъ, не напрасно. Вотъ мы годы отъ начала міра считали да и отъ мѣсяца септемврія перваго числа новый годъ начинали, понеже міръ осенью сотворенъ, а нынѣ какъ велѣно числить?

— Отъ Рождества Христова и съ 1-го генваря, знатно потому, что праздникъ Рождества около него приходится. Развѣ это грѣшно?

— А то нѣтъ? Въ церковныхъ-то книгахъ какъ значится? Чай, отъ сложенія міра и отъ септемврія. А церковныя книги отъ кого? Отъ святыхъ отецъ. И выходитъ, что, новшества вводя, мы имъ противимся.

— Въ царскомъ указѣ сказано, что православные греки, валахи, молдавы, сербы, далматы, болгары и черкасы тожъ отъ Рождества Христова считаютъ.

— Они намъ не указъ. У нихъ православію быть ли чисту, когда они подъ турецкой властью живутъ. А мы теперь подъ нѣмецкой живемъ, это вѣрно. И чѣмъ эти нѣмцы похваляются? Они и ратнаго дѣла порядкомъ не смыслятъ. Какъ мы сюда пришли, такъ во многихъ мѣстахъ вокругъ Ругодева *) укрѣпленья такъ худы были, что можно было бы съ тѣхъ сторонъ въ городъ войти, а теперь пока мы, по указу нѣмцевъ, рылись вокругъ, шведъ укрѣпился. Суньсяка теперь къ нему—обваришься.

— А слышно, Нарва скоро на аккордъ сдастся, если сикурсъ не придетъ.

— А ты, Игнаша, по-русски-то крестишься-ли?

— Извѣстно, крещусь.

— То-то, можетъ, богопротивнымъ нѣмецкимъ словамъ обучившись, и крестъ святой оставилъ?

Въ войскѣ началось движеніе, какъ будто произошло что-то тревожное. Къ разговаривавшимъ подъѣхалъ всадникъ, въ которомъ они узнали Ивана Соковнина.

— Вы воротились, Ваня?—спросилъ Павелъ.

— Да и не одни. Въ пяти верстахъ шведъ.

— Что ты?

— Самъ король. Войска съ нимъ, слышь, тысячъ тридцать.

— Ну-ка, какъ теперь съ нимъ нѣмцы биться станутъ? Это не то, что надъ нами издѣваться.

— Не однимъ нѣмцамъ придется биться, — замѣтилъ Игнатій,—и вамъ тоже.

— Мы что? извѣстно, биться будемъ. Да какъ-бы из-

---

*) Ругодевъ—русское названіе Нарвы.

мѣны не было. Что шведъ, что нѣмецъ — одна нехристь. Капитанъ Гуморъ *) передался же шведу.

Ударили сборъ. Павелъ Соковнинъ пошелъ становиться въ ряды своего полка, Иванъ остался съ Игнатьемъ, къ нимъ подошелъ еще знакомый пушкарь, Мартыновъ.

— Какъ же это вы шведа чрезъ тѣснины пропустили?— спросилъ Игнатій,—сказываютъ, въ той тѣснинѣ въ малыхъ людяхъ большое войско задержать можно.

— Задержать! Какъ принялись это палить изъ пушекъ, страсть! не по-нашему палятъ.

— Съ нашими пушками не много напалишь,—сказалъ Мартыновъ.—Раза три, четыре выпалишь, то лафетъ, то колесо, то ось сломается. Скверныя у насъ пушки.

— А они, братецъ ты мой, какъ шарахнутъ, вдругъ цѣлый рядъ повалятъ.

— А наши такъ, пожалуй, разорвутся да своихъ побьютъ. Безпремѣнно царю надо новую антирель сдѣлать. Эти же пушки перелить, а хотя бы и этихъ не было, такъ я знаю откуда мѣди достать, чтобы побольше пушекъ да почище этихъ сдѣлать.

— Откуда?

— А колокола лишніе съ колоколенъ поснимать да въ пушки и перелить.

— Это изъ храмовъ-то Божьихъ? Да что ты спьяна что-ли?

— Спьяна? Точно, милый человѣкъ, выпилъ я малость самую. Отчего же не выпить, когда на дворѣ морозъ. Продрогнешь, у пушки лежавши, ну и выпьешь малость, согрѣешься. А что насчетъ колоколовъ, такъ это я самое настоящее дѣло сказалъ. И не токмо вамъ, самому государю скажу.

— Поди-ка лучше на мѣсто; слышишь, сборъ бьютъ. Опоздаешь—взлупятъ.

— Виноватъ буду и взлупятъ. Отчего виноватаго и не взлупить. А что до этой самой антирели...

Больше не слышно было, потому что Мартыновъ все-таки пошелъ на мѣсто.

— Вотъ они каковы стали,—сказалъ Ваня,—а все оттого, что съ нѣмцами якшаются. Подикось! колокола сымать!

---

*) Гуммертъ.

Русскій лагерь былъ заранѣе обнесенъ валомъ съ бастіонами. Тамъ и приготовилось русское войско встрѣтить грознаго врага. 18-е число прошло въ ожиданіи битвы. На завтра Игнатій опять пошелъ туда, гдѣ стоялъ полкъ Фливерка, и отыскалъ Павла Соковнина. Къ удивленію своему, онъ замѣтилъ, что русскіе солдаты стоятъ вдоль бруствера въ одну шеренгу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ сажени одинъ отъ другого.

— Кто это васъ такъ разставилъ?—спросилъ онъ.

— Никто какъ нѣмцы. Вишь валъ-то великъ, на 7 верстъ, такъ надо весь оберегать.

— Невелико береженье!

— А какъ мы иззябли-то!

Загремѣли пушечные выстрѣлы.

— Вотъ начался шведскій разговоръ. Согрѣешься!

Игнатій отошелъ къ рѣкѣ Наровѣ, у которой стояли преображенцы и семеновцы. Недалеко отъ этого мѣста находился де-ла-Кроа съ Галлартомъ, саксонскимъ полковникомъ Лангеномъ, командиромъ преображенскаго полка полковникомъ Блюмбергомъ и другими офицерами. Они съ холма слѣдили за битвой. Въ ихъ свиту вмѣшался Игнатій.

— Это, вѣроятно, только шведскій авангардъ,—сказалъ де-ла-Кроа.

Онъ ошибался. Предъ ними было все войско Карла XII, но оно состояло всего изъ 8,500 человѣкъ, а не изъ тридцати тысячъ, какъ думали русскіе.

— Шведы хорошо стрѣляютъ,—замѣтилъ Галлартъ.

— И московиты для новичковъ недурно отвѣчаютъ, — сказалъ Блюмбергъ.

— Надолго-ли хватитъ зарядовъ у насъ для такой канонады?—спросилъ де-ла-Кроа.

— Пожалуй и не хватитъ,—отвѣчалъ Галлартъ,—царь даже удивился, когда я сказалъ ему, какое количество артилерійскихъ и инженерныхъ запасовъ нужно, чтобы овладѣть крѣпостью.

— Царь однако-жъ хорошо знаетъ инженерное и артилерійское дѣло.

— Теоретически да, но практика другое дѣло.

— Ахъ, какой пошелъ снѣгъ!

— Даже съ градомъ!

— И прямо въ лицо нашимъ солдатамъ.

— Скверно! И безъ того наша оборонительная линія слишкомъ растянута. Шведы вездѣ могутъ сосредоточивать войска больше чѣмъ у насъ.

— Есть у насъ резервы.

— Когда-то подойдутъ.

— Шведы готовятся къ атакѣ. Слышите, это обыкновенный ихъ боевой крикъ: meth Guds héelp *).

— Что это? Шереметевская конница бѣжитъ.

— Да. Негодяи! Бросились вплавь въ рѣку!

— Правду говорилъ Паткуль, что они способны только работать въ траншеяхъ и служить пищей для выстрѣловъ вмѣсто добрыхъ солдатъ.

— Шведы прорвали нашу линію. Московиты бѣгутъ съ вала.

Въ самомъ дѣлѣ, показалась большая толпа русскихъ солдатъ, въ числѣ ихъ Павелъ Соковнинъ.

— Измѣна, братцы!—кричалъ онъ.

— Нѣмцы измѣнили!—кричали другіе.

— Стойте! стойте!—кричали имъ полковникъ Ліонъ, инженеръ Трумбергъ и нѣсколько другихъ нѣмецкихъ офицеровъ.

— Чего стоять-то?—отвѣчалъ Соковнинъ,—подвели какъ барановъ на убой, да еще стоять велятъ.

— Ахъ, ты, негодяй!—вскричалъ Ліонъ,—сейчасъ на валъ, не то убью.

И онъ замахнулся на Соковнина шпагой.

— Еще грозить вздумалъ, поганецъ!—отвѣчалъ Соковнинъ и ударилъ полковника прикладомъ.

Прочіе солдаты бросились на другихъ офицеровъ.

— Пусть чортъ дерется съ такими солдатами!—вскричалъ де-ла-Круа, поспѣшилъ съ Галлартомъ, Лангеномъ и Блюмбергомъ на встрѣчу шведамъ и сдался имъ. Его адъютанты и прислуга пали подъ ударами разъяренныхъ русскихъ солдатъ.

— За мной по болоту, Игнаша!—шепнулъ Павелъ,—я тутъ дорогу знаю.

Игнатій послѣдовалъ за нимъ такъ скоро, какъ только позволяла ему его больная нога.

---

*) Съ Божіею помощью.

— Смотри-ка, и тамъ шведы,—сказалъ онъ Павлу, указывая на четырехъ человѣкъ въ синихъ мундирахъ.

— Тсъ! припади за кочку.

Но шведамъ было не до нихъ. Одинъ изъ нихъ, въ офицерскомъ мундирѣ, увязъ съ конемъ въ болотѣ, трое другихъ усердно его вытаскивали.

— Спасибо, ребята!—сказалъ онъ. — Гердъ, запиши имена этихъ двухъ молодцовъ, мы вспомнимъ объ нихъ.

— Рады стараться, ваше величество.

— Ахъ, чортъ возьми! я потерялъ ботфортъ и—что еще хуже—шпагу! Давай, камрадъ, свою саблю.

— И коня, ваше величество.

— И коня! Надо спѣшить къ рѣкѣ. Тамъ слышны выстрѣлы. Вѣрно тамъ московиты еще стоятъ.

Русскіе слышали ихъ разговоръ. Игнатій, знавшій понѣмецки, даже отчасти понялъ.

— Паша! голубчикъ! стрѣльни въ этого, что было въ болотѣ увязъ.

— Пришибутъ!

— Богъ милостивъ, можетъ быть и не пришибутъ, вѣдь убьешь одного, только трое на двоихъ останутся. Да если и пришибутъ, не велика бѣда. Вѣдь это самъ шведскій король.

— Ай, важно бы! Да ружье не заряжено.

Трое шведовъ ускакали по направленію къ рѣкѣ, четвертый, отдавшій коня и саблю королю, остался.

— Этого пришибить можно. Ты его ружье возьмешь и мы пойдемъ за тѣми тремя. Можетъ быть, удастся. Обликъ-то его я запримѣтилъ.

Лицо легко было замѣтить. Это было юношеское лицо, некрасивое, но очень умное, съ большимъ лбомъ и носомъ съ горбомъ.

Сказано—сдѣлано. Соковнинъ однимъ прыжкомъ очутился подлѣ шведа, не ожидавшаго нападенія, и ударомъ приклада повалилъ его на землю. Чрезъ минуту двое русскихъ шли къ рѣкѣ.

У рѣки Преображенскій и Семеновскій полки, огородивъ себя рогатками, отбивались отъ шведовъ.

— Впередъ!—вскричалъ Карлъ, прискакавъ туда.

— Впередъ!—повторили шведы, одушевленные присутствіемъ короля, и храбро бросились на русскихъ, но тѣ отбили нападеніе.

Въ суматохѣ рукопашной схватки послышался выстрѣлъ, и конь подъ королемъ упалъ.

— Видно, московиты хотятъ упражнять меня въ верховой ѣздѣ,—сказалъ король, смѣясь и пересаживаясь на другого коня.

— Наше дѣло не выгорѣло,—шепнулъ Соковнинъ, пустившій пулю, которая свалила коня подъ королемъ,—надо утекать, они бросятся сюда.

— Завтра мы возобновимъ битву,—продолжалъ король.

— Да, нужно будетъ покончить здѣсь и на лѣвомъ флангѣ, гдѣ еще держится Вейде,—сказалъ генералъ Реншильдъ.

— Пусть Себладъ, Мейдель и Штейнбокъ займутъ высоту, гдѣ была главная русская батарея, а мы станемъ между городомъ и ретраншаментомъ.

Проѣзжая между своими войсками, король замѣтилъ много пьяныхъ.

— Что это значитъ?—спросилъ онъ нахмурясь.

— Когда мы взяли русскій лагерь, то солдатъ нельзя было удержать...

— *Должно* было удержать. Съ другимъ непріятелемъ мы дорого поплатились бы за это.

Доложили королю, что пріѣхалъ парламентеръ, т.-е. посланный отъ русскоіі арміи договориться о сдачѣ. Это былъ генералъ-маіоръ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, начальникъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. Онъ участвовалъ въ совѣтѣ генераловъ: князя Якова Ѳедоровича Долгорукова, царевича имеретинскаго Александра и Автонома Михаіловича Головина, гдѣ было рѣшено сдаться на капитуляцію.

— Скажите русскимъ,—сказалъ король,—что они могутъ свободно отступить со знаменами, но безъ артиллеріи.

На этихъ условіяхъ состоялась капитуляція; изъ пушекъ Карлъ согласился отдать только 6. Но эта капитуляція была нарушена шведами. Только гвардеіцевъ и дивизію Головина пропустили они безпрепятственно, но всѣхъ русскихъ генераловъ, находившихся въ шведскомъ лагерѣ, шведы задержали въ плѣну подъ тѣмъ предлогомъ, что русскіе комиссары вывезли казну, состоявшую изъ 300,000 руб. У солдатъ дивизіи Вейде шведы отняли знамена и оружіе, даже одежду ограбили.

Вслѣдъ за дивизіей Вейде хотѣли пройти Игнатій и Павелъ, укрывавшіеся въ теченіе ночи въ болотѣ, но, увидѣвши, какъ обращаются шведы съ русскими солдатами, остановились.

— Прахъ ихъ побери, Игнаша. Не пойдемъ туда.

— А какъ же выберемся?

— Пойдешь со мной, такъ выберешься. Ползи-ка между кочками. Шведъ не запримѣтитъ. Ему не до насъ.

Игнатій послушался. Съ полчаса пробирались они ползкомъ.

— Теперь идти можно. Только осторожнѣе. Ступай на то мѣсто, гдѣ я ступаю, не то провалишься. За то здѣсь вольно. Ни шведъ, ни одинъ чортъ не поймаетъ. Сунься сюда, не зная дороги, въ такую трясину попадешь, что тутъ и читай отходную.

Пришли къ низенькой землянкѣ.

— Господи Ісусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ,— проговорилъ Павелъ.

— Аминь,—послышалось изъ землянки.

Дверь ея отворилась; Павелъ и Игнатій согнувшись вошли въ землянку. Ихъ встрѣтилъ маленькій юркій старичекъ въ чухонскомъ платьѣ, съ черной шапочкой на головѣ и съ лестовками *) въ рукахъ.

— Благослови, отецъ Епафродитъ.

— Богъ тебя благословитъ.

— По добру ли, по здорову? Напугался, чай, за эти сутки?

— А чего мнѣ бояться-то? У меня заступниковъ-то много, другъ ты мой милый. Микола милостивый, Зосима и Савватій, соловецкіе чудотворцы, и вси святіи. Они небось въ обиду не дадутъ. А если бы и сподобилъ Господь смерть пріять, то что же? И слава ти Господи! За васъ душой поскорбѣлъ и помолился, а о себѣ что скорбѣть!

— И досталось же нашей рати!

— Благословенья Божія нѣтъ, такъ и досталось. Это кто паренекъ-то съ тобой?..

— Благослови и меня, отецъ честный. Я тоже въ древлемъ благочестіи пребываю.

— Господь да благословитъ и укрѣпитъ тебя.

---

*) Раскольничьи четки.

— А поѣсть нѣтъ ли чего, отецъ Епафродитъ?

Нашлось чего и поѣсть. Во время ѣды отецъ Епафродитъ началъ бесѣдовать.

— Гедеонъ-то какъ гаваонитовъ низложилъ? Сотни поразили тысящи. А святый благовѣрный великій князь Александръ Ярославичъ Невскій развѣ сихъ самыхъ шведовъ не одолѣлъ? И тоже не величка рать у него была. Но Гедеонъ въ общеніе съ аммониты и моавиты, и филистимляне, и иніи поганые языки не вступалъ, и благовѣрный князь Александръ нѣмцовъ и никакой иной нечисти въ воинствѣ своемъ не имѣлъ. Того для и даровалъ имъ Господь побѣду и одолѣніе на супостаты.

— А намъ нѣмцы-то измѣнили.

— Чего другого и ждать отъ нехристей!

— Что теперь будетъ, и не придумаешь.

— А пойдетъ Свейскій король на Новгородъ Великій и Псковъ, безпремѣнно пойдетъ.

— И оборонять-то некому.

— Это что рати, утратившей подобіе Божіе, нѣтъ? И слава ти Господи что нѣтъ. Меньше грѣха. А покаются, оставятъ Эллинскіе, срамные обычаи, восплачутъ съ сокрушеніемъ сердечнымъ о грѣсехъ своихъ, и помилуетъ ихъ Господь и сокрушитъ выю враговъ.

— Когда-то это будетъ! А до тѣхъ поръ что?

— До тѣхъ поръ въ благоотишное пристанище удалиться потребно.

— Гдѣ же такое пристанище?—спросилъ Игнатій.

— Ищай обрящетъ.

— Видишь, Игнаша, — сказалъ Павелъ, — съ тобой можно по душѣ говорить. Ты парень честный, не выдашь. Отецъ Епафродитъ за тѣмъ здѣсь въ болотѣ, по близости нашего воинства и поселился, чтобы душъ погибающихъ взыскать. Немало людей древляго благочестія поневолѣ въ царской рати служитъ. Отецъ Епафродитъ и говоритъ намъ, чтобы мы изъ нея удалились.

— Зане сказано: блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ.

— Да только,—возразилъ Игнатій,—если изъ царской рати убѣжишь и потомъ поймаютъ, то какъ дезертира казнить будутъ.

— Поймаютъ! Кому теперь имать-то? Теперь, чай,

самъ царь нивѣсть куда улепетываетъ! А нѣмцы, что ему служили, всѣ шведу сдались. Имъ что? Они и шведу служить будутъ. Прежде, когда царь въ силѣ былъ, я и самъ сомнѣвался со старцемъ Епафродитомъ идти. А теперь, братъ Игнаша, мнѣ и дѣлать-то больше нечего. Первое дѣло—попадешься шведамъ, оберутъ. Второе дѣло: когда я этого нѣмца поганаго пришибъ, что меня на васъ посылалъ, дѣло вьявѣ было, многіе видали, до царя дойдетъ, худо мнѣ за то будетъ. Я съ отцомъ Епафродитомъ безпремѣнно пойду.

— А меня бы ты, честный отче, промежь вражьей рати цѣла провелъ?

— Проведу, безпремѣнно проведу, какъ православному не помочь. Только обходъ большой надо сдѣлать будетъ. Выйдемъ мы къ самому взморью, тамъ христолюбецъ нѣкій васъ приметъ и отведетъ вдоль морского залива въ рѣку Неву, а потомъ и въ озеро Нево *), а съ озера можешь ты въ Новгородъ Великій попасть.

— А я въ благоотишное пристанище,—сказалъ Павелъ.

— Что за пристанище такое?

— Поѣзжай, увидишь.

Дѣйствительно, отецъ Епафродитъ провелъ Игнатія и Павла ко взморью и, сдавъ христолюбцу нѣкоему, наказалъ ему отвести ихъ на рѣку Неву и сдать другому христолюбцу для доставленія по принадлежности. Отецъ Епафродитъ въ свою землянку воротился.

— Можетъ, еще нѣкую овцу заблудшую обрѣту.

У христолюбца даже нашлись чухонскія одежды для Игнатія и Павла и, переодѣвшись въ нихъ, они могли совершать свое путешествіе совершенно безопасно отъ шведовъ.

Пріѣхали къ устью Невы. Христолюбецъ оказался человѣкомъ очень знающимъ. Онъ много разсказывалъ Игнатью и Павлу.

— Вся эта сторона встарину была русская,—говорилъ онъ,—къ Новгороду Великому тянула и часть Водьской пятины составляла. У всѣхъ мѣстъ здѣсь по два названья: русское и чухонское. Вотъ островъ, что мы проѣхали часа два тому назадъ, по-русски называется Котлинъ, а по-фински Ретусаари. А здѣсь встарину Спасскій погостъ былъ. На-

*) Ладожское.

право вотъ тутъ деревня Калинкина, а этотъ островъ налѣво называется Хирви-Саари *), за нимъ будетъ Янни-саари, по нашему Заячій островъ **), Кобуй-саари, по нашему Ѳоминъ островъ ***), за ней подальше направо ****) было встарину русское село Спасское, и церковь православная была, а теперь тамъ никакого селенья нѣтъ, только двѣ, три избушки. Тамъ и человѣкъ живетъ, который васъ дальше проводитъ.

Этотъ человѣкъ очень ласково принялъ Игнатья и Павла, угостилъ ихъ какъ «присныхъ по вѣрѣ», но объявилъ, что сейчасъ ѣхать дальше нельзя.

— И шведу попасть можно, да и нашимъ русскимъ тоже. Поѣхать въ русской одеждѣ — шведы сцапаютъ, въ чухонской — отъ русскихъ бѣда можетъ быть, наипаче отъ татаръ и калмыковъ, что въ царскомъ войскѣ. А мы вотъ какъ сдѣлаемъ. У шведовъ на Невѣ двѣ крѣпости есть, одна недалечко отсюда, Канцы прозывается *****), а другая близко отъ озера Нево—былъ прежде русскій городъ, Орѣшкомъ назывался, а нынѣ шведы Нотебургомъ зовутъ. Въ этотъ самый Орѣшекъ мы и поѣдемъ, только время надо улучить. Въ крѣпость-то не пускаютъ, а въ селенье возлѣ крѣпости можно. Изъ Орѣшка ночью на озеро выберемся.

Но время улучилось не скоро. Пришлось Игнатью съ Павломъ прожить въ этой хижинѣ съ мѣсяцъ. Наконецъ они со своимъ хозяиномъ отправились въ Нотебургъ какъ быть наканунѣ Рождества. И въ Нотебургѣ нашелся христолюбецъ, который ихъ принялъ въ свой домъ. Игнатій усѣлся у окна. По улицѣ проходили два солдата въ шведскихъ мундирахъ и остановились разговаривая такъ, что Игнатію слышенъ было ихъ разговоръ, происходившій по-нѣмецки.

— Вотъ и праздникъ, а тутъ сиди въ этой трущобѣ. То ли дѣло въ нашей Помераніи!

— И съ московитами подраться не придется.

— А все же я радъ, что мы съ тобой въ шведскую, а не въ московскую службу попали. Подъ Нарвой плохо пришлось нѣмцамъ, которые царю служили.

---

*) Нынѣ Васильевскій островъ.
**) Гдѣ нынѣ Петропавловская крѣпость.
***) Нынѣ Петербургская сторона.
****) Гдѣ нынѣ Смольный монастырь.
*****) Гдѣ нынѣ Охта.

— Да, говорятъ, тамъ сто тысячъ московитовъ было и всѣ побиты или въ плѣну.

— Молодецъ шведскій король!

— Ахъ, я забылъ тебѣ сказать. Сегодня я видѣлъ медаль, выбитую въ честь нарвской битвы. На одной сторонѣ московитскія пушки пускаютъ бомбы въ Нарву, а подъ ними стоитъ царь и грѣется. Надпись «бѣ же Петръ стоя и грѣяся». На другой сторонѣ царь съ московитами бѣгутъ отъ Нарвы, царская шапка валится съ его головы, шпага брошена, онъ утираетъ слезы платкомъ, и кажись говоритъ: «Изшедъ вонъ, плакася горько».

— Поневолѣ заплачешь! Говорятъ, король уже на Новгородъ идетъ.

— Что Новгородъ! Онъ и Москву возьметъ. Гдѣ московитамъ съ нимъ биться! Все равно, что зайцамъ со львомъ! Говорятъ, что они при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ бѣгутъ. Одинъ нѣмецкій или шведскій батальонъ все ихъ войско побьетъ!

— Да и войска-то у нихъ теперь нѣтъ. Все подъ Нарвой погибло.

«Если такъ,—подумалъ Игнатій,—зачѣмъ же мнѣ въ Новгородъ идти? Не лучше ли поискать благоотишнаго пристанища».

Онъ сказалъ объ этомъ Павлу, и тотъ очень обрадовался.

— До сихъ поръ ты былъ мнѣ другъ и товарищъ, теперь братъ родной будешь.

До «благоотишнаго пристанища» пришлось имъ долго ѣхать, сперва по льду Ладожскаго озера, потомъ еще дальше къ рѣкѣ Выгу. На этой рѣкѣ пристанище и было. Оказалось тамъ людей очень много, и мужчинъ и женщинъ, всѣ по особымъ кельямъ живутъ, а у начальника ихъ, отца Данилы, келья великая и передъ кельей три пушки мѣдныя стоятъ.

— Это для чего же?—спросилъ Игнатій.

— А для береженья отъ царскихъ посыльныхъ людей. У насъ и пищалей, и бердышей, и пороху много. Есть чѣмъ оборониться.

Отецъ Данило очень обрадовался, когда узналъ, что Игнатій грамотный человѣкъ и даже по-нѣмецки и по-латыни знаетъ.

— Очень намъ такіе люди надобны, если они древлее благочестіе твердо содержатъ,—заговорилъ онъ,—потому что наши больше простецы. Ко святой вѣрѣ и въ нихъ усердіе точно есть, а въ грамотѣ неискусны. А чтобы съ нѣмцемъ разговоры имѣть, такихъ людей мало въ скиту найдется.

— Зачѣмъ же вамъ такихъ людей?

— Какъ зачѣмъ? Не знаешь ты нашихъ дѣлъ! Гдѣ теперь нашей братьи нѣтъ? И въ керженскихъ лѣсахъ *), на Дону, на Кубани, въ Сибири, въ Черниговской области и въ польской землѣ на Вѣткѣ **), есть и въ шведской землѣ, промежъ всякими народами живутъ. Ну, а съ волками жить по-волчьи выть. И выходитъ, что подчасъ нужно нашимъ и по-нѣмецки говорить. А сколько писаніевъ-то этихъ отовсюду приходитъ! Потому, какъ теперь церковь Божія въ гоненіи, то мы ее по всякъ часъ оберегать должны. Если противность какая учинится, али Господь что къ выгодѣ нашей пошлетъ, то должна о томъ вся наша братья вѣдать. Отовсюду отписки получаются. Тутъ у насъ обитель есть, тамъ начальный человѣкъ отецъ Корнилій изъ Соловокъ. Онъ оттуда отписки отъ благопріятелей получаетъ. Есть тоже наша братія изъ знатнаго рода князей Мышецкихъ: Андрей и Семенъ—тѣ изъ Москвы и низовыхъ городовъ вѣдомости шлютъ. Отецъ Епафродитъ со Свейскаго рубежа отписку чинитъ. Тожъ изъ Сибири, съ Вѣтки и отовсюду грамотки приходятъ. А я самъ старъ становлюсь да больше по печатному привыкъ читать. А грамотеевъ у насъ первой, другой, да и обчелся. Такъ ты бы, молодецъ, тѣмъ дѣломъ намъ и послужилъ.

— Съ великой радостью.

Сталъ Игнатій жить между раскольниками. Къ удивленію своему, замѣтилъ онъ, что между ними нѣтъ священниковъ. Узналъ онъ, что и Данило Никулинъ, хотя и старшій у нихъ, но не священникъ, былъ только дьячкомъ и священнослуженія не совершаетъ.

— Какъ же это вы такъ-то безъ поповъ?—спросилъ онъ.

— Не всѣ безъ поповъ. Отецъ Корнилій попъ, и служитъ, и причащаетъ. возьметъ ягоды брусники да муки

---

*) Нижегородской губерніи.
**) Нынѣ въ Могилевской губерніи.

бѣлой ржаной либо пшеничной, смѣшаетъ ихъ, да тѣмъ и причащаетъ. А мы такъ мыслимъ: можетъ ли при нынѣшней тяготѣ священство быть? Кто поповъ поставляетъ? архіереи. А гдѣ таковые архіереи есть, кои бы въ древлемъ благочестіи обрѣтались? Если и были, то злѣ погибли или таятся страха ради іудейска. А ежели епископы не правовѣрные, то правовѣрны ли попы, таковыми епископами поставленные? И чѣмъ такихъ неправыхъ поповъ имѣть, не лучше ли безъ священства прожить?

Весной и лѣтомъ 1701 года получены были вѣсти со шведскоій границы и изъ Москвы. Съ границы писали, что Карлъ XII на Новгородъ и Москву не пошелъ, генералы отговорили, а хочетъ идти на польскаго короля, польскій король съ царемъ и видѣлись, дружбу свою и союзъ подтвердили и 20,000 русскихъ, годъ начальствомъ князя Рѣпнина, идутъ къ Ригѣ, помогать польскому королю этотъ городъ добывать. Изъ Москвы писали, что тамъ неслыханное содѣлалось: собраны изъ церквей и монастырей, по царскому указу, колокола, въ Москву свозятся и тамъ на пушки переливаются. И знатно за тотъ грѣхъ на Москвѣ великій пожаръ былъ, до 2,000 дворовъ погорѣло, Кремль весь, кромѣ Житнаго двора и Кокошкиныхъ хоромъ, дворецъ до основанія сгорѣлъ, а самый большой колоколъ въ 8,000 пудъ съ Ивана Великаго упалъ и разбился.

Въ августѣ изъ Соловковъ отписка получена. «Приходили на городъ безбожные Свеи на 7 корабляхъ и 3 изъ нихъ въ рѣку Двину вошли, но у Новодвинки наши начали по нимъ палить. И бысть бой великъ всю нощь часовъ яко тринадесять. И за молитвы святыхъ отецъ нашихъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ и всея Россія чудотворецъ, ва свейскіе корабля на мель сѣли. А затѣмъ по маломъ времени и всѣ свейскіе корабли обратно ушли, токмо разореніе не малое учинили: 17 дворовъ куйскаго солянаго промысла пожгли. А на двухъ корабляхъ у шведа пушки и знамена взяты».

— Вотъ того же шведа, а побили какъ съ Божьимъ благословеньемъ,—замѣтилъ отецъ Данило.

Опять вѣсти со шведскаго рубежа пришли. Шведскій король рать польскаго короля побилъ и изъ Ливоніи выгналъ, но на русскую землю не пошелъ, только шведскій полковникъ Шлипенбахъ во Псковскую землю вступалъ,

хотѣлъ Печерскій монастырь взять, да отбитъ. А потомъ шведскій король въ польскую землю ушелъ, а Борисъ Петровичъ Шереметевъ съ большою ратью на Ливонскую землю пошелъ, всю ее, кромѣ крѣпкихъ городовъ, поплѣнилъ и пограбилъ и того самаго Шлипенбаха побилъ.

Наконецъ слышно, что къ Невѣ съ одной стороны шведы идутъ, а съ другой русскіе, да еще слышно, что царь былъ въ Архангельскѣ и въ Соловкахъ, а теперь отъ Архангельска къ Ладожскому озеру съ войсками чуть не мимо Выговскаго скита идетъ.

Всполошился Данило и прочіе старцы. Надо толкомъ вѣсти узнать. Послали на развѣдки къ Невѣ Павла съ Игнатьемъ. Отправились они въ чухонской одеждѣ.

Только-что подъѣхали они къ избушкѣ благопріятеля на мѣстѣ, гдѣ когда-то Спасское село было, какъ увидали отрядъ русскихъ конниковъ; двое изъ нихъ удалились и поскакали къ мнимымъ чухонцамъ.

— Что за люди?—закричалъ одинъ изъ нихъ.

— Май муста *),—спокойно отвѣчалъ Павелъ.

— Батюшки! что это? развѣ можетъ быть такое сходство?

— Ваня! Братъ! — вскричалъ Павелъ, всмотрясь въ всадника.

— Голубчикъ! Паша!

Братья обнялись.

— Откуда ты, Ваня?

— Изъ ливонской земли. Какъ мы тамъ шведа побили—страсть! А ты что это чухной одѣлся?

— Для береженья.

Павелъ покосился на Ванина товарища.

— Не бойся, это мой пріятель, Алеша Нестеровъ. Пойдемъ къ нашимъ.

— Нѣтъ, ужь я лучше не пойду. Ты не говори, что меня встрѣтилъ. Скажи, что мы чухонцы изъ этой избы.

— Ладно. А какъ же мы увидимся? Вѣдь мы тотчасъ къ Ижорѣ пойдемъ со шведомъ биться.

— Неужто не вернетесь?

— Коли живъ буду, безпремѣнно вернусь. Шведа мы навѣрнякъ побьемъ. Намъ его теперь бить не въ диковинку.

---

*) Не понимаю.

Ваня сказалъ начальнику отряда, что было наказано братомъ. Начальникъ и разспрашивать не сталъ. Чухны такъ чухны. Ну ихъ! сперва ихъ русскіе въ Ингріи пообидѣли, а потомъ за это царь начальнику нашихъ войскъ въ Ингріи Петру Матвѣичу Апраксину выговоръ прислалъ. Ливонская де земля, которую Борисъ Петровичъ Шереметевъ по царскому повелѣнью разорялъ, иное дѣло—то чужая земля, тамъ Шереметевъ гостилъ—такъ объ немъ царь писалъ, а Ингрію царь себѣ возьметъ, своя, значитъ, земля: зачѣмъ ее разорять. И велѣлъ Петръ Матвѣичъ воевать бережненько, чухонъ не трогать.

Встрѣтился Апраксинъ съ Кронгіортомъ на берегу Ижоры 13 августа. Русскіе быстро сбили непріятельскую конницу, пѣхота не поспѣла и, побросавъ свои телѣги, отступила въ Дудоровщину. Ваня отличился въ бою, Апраксинъ видѣлъ это, похвалилъ его и обѣщалъ объ его храбрости государю донести. Съ веселымъ сердцемъ поскакалъ Ваня къ финской избушкѣ, въ которой ожидалъ его братъ. Это было и удобно сдѣлать, потому что Апраксинъ, по просьбѣ Вани, назначилъ его въ отрядъ, посланный для наблюденія за шведской крѣпостью Канцами.

Въ это самое время двое его товарищей, Алексѣй Нестеровъ и Степанъ Шепелевъ сошлись отпраздновать побѣду при Ижорѣ.

— Ну теперь нашъ Ваня въ гору пойдетъ,—сказалъ Нестеровъ.

— Это еще Богъ знаетъ.

— Безпремѣнно. Апраксинъ такъ его расхваливаетъ, что царь безпремѣнно его въ гвардію переведетъ, а пожалуй еще возьметъ въ деньщики. Онъ же паренъ бойкій.

— Эка невидаль! деньщики! такой же солдатъ.

— Солдатъ да въ приближеньѣ у государя. Пожалуй, вотъ у Александра Меншикова чинъ-то не великъ—всего поручикъ, да ему небось и самъ нашъ Борисъ Петровичъ поклонится.

— Меншиковъ иная статья. Что прежде Лефортъ, то теперь Меншиковъ сталъ; царь, говорятъ, ему пишетъ, такъ «герцинкинъ» его и называетъ, а это значитъ «мое сердечко». И точно онъ сердечный его другъ.

— Ну, помяни мое слово, Ваня вдаль не пойдетъ, не такого роду.

— Царь на родъ не смотритъ. И Меншиковъ не родовитъ.

— Не въ томъ дѣло, Меншикова-то отецъ въ потѣшныхъ былъ, а Ванинъ за умыселъ на царское здоровье казненъ.

— То давно было, забылось.

— А можетъ и припомнится. Да и братъ у Вани...

— Братъ?

— А ты развѣ не знаешь?

— Не слыхалъ.

— Подъ Нарвой возмутился, а когда его полковникъ унимать сталъ, онъ того полковника зашибъ.

— Что ты?

— Какъ же! И многіе въ ту пору нѣмецкихъ офицеровъ били, да Павелъ Соковнинъ первый то дѣло началъ. И быть ему аркебузировану *), если бы его сыскали. Да онъ безъ вѣсти пропалъ, такъ и по полковому списку значится. А ежели онъ живъ да найденъ, тутъ ему и конецъ. Кромѣ той вины значитъ еще другая—онъ дезертиръ.

— Вотъ какъ!

Нестеровъ осушилъ чарку.

— А какъ ты думаешь, Степа, ежели на прикладъ **) какой ни на есть преступникъ твой пріятель или твоему пріятелю сродникъ, а ты о томъ преступникѣ свѣдалъ, выдалъ бы ты его, али нѣтъ?

— Экія ты задачи задаешь. Ну, попадется такой, посмотрю.

— Посмотришь. А покуда смотришь, онъ, преступникъ-то, пожалуй, и уйдетъ. А по-моему не такъ. По-моему, значитъ, если онъ преступникъ, то и лупи его.

— И по-моему лупи.

Между тѣмъ братья свидѣлись, наговорились. Ваня началъ разсказывать Павлу про походъ Бориса Петровича Шереметева въ Лифляндію.

— Собралось насъ съ Шереметевымъ довольно: пѣхоты да драгунъ тысячъ восемь, да казаки, да калмыки, да татары, пушекъ было пятнадцать. Впереди всѣхъ пошелъ отрядъ сына Бориса Петровича, Михайлы. Близъ нашего рубежа у Псковскаго озера въ деревнѣ Рапинѣ шведскій от-

*) Разстрѣляну.
**) Напримѣръ.

рядъ стоялъ, сотенъ шесть человѣкъ. Михайло Борисовичъ такъ ловко его накрылъ, что изо всѣхъ шведовъ только, говорятъ, одинъ человѣкъ ушелъ; прочихъ всѣхъ мы убили, либо въ полонъ взяли и двѣ пушки захватили. Таково весело намъ было. Послѣ Нарвы шведы такъ страшны намъ стали, а тутъ увидали, что и ихъ можно бить. И освѣдомился Борисъ Петровичъ, что набольшій шведскій генералъ Шлиппенбахъ у Эррестферской мызы стоитъ.

— Не тотъ ли, что къ Печерскому монастырю подступалъ?—спросилъ Игнатій.

— Тотъ самый. Шведскій король его изъ полковниковъ въ генералы произвелъ и поставилъ его набольшимъ въ Лифлянской землѣ. Только воiска съ нимъ, слышно, не такъ много было, тысячъ семь. И стояли они около Эррестферской мызы по деревнямъ на зимнихъ квартирахъ, не чая по холодному времени бою быть. А намъ зима что, еще идти сподручнѣе, не такъ жарко. Вотъ и пошелъ Борисъ Петровичъ впередъ съ конницей, а пѣхота и пушки поотстали. Шведы собрались да и давай по насъ изъ пушекъ жарить. И жутко же намъ пришлось. Стояли мы сперва крѣпко, наконецъ, не въ моготу пришлось. Хоть Нарву вспомнить, такъ въ ту же пору. Вдругъ наши пушки явились, да какъ хватятъ по шведу картечью! замялся шведъ, а мы оправились. Вотъ и стали мы въ порядокъ какъ слѣдуетъ: въ серединѣ самъ Борисъ Петровичъ, на лѣвой рукѣ Михайло Борисычъ, на правой—генералъ Чамберсъ, хоть и нѣмецъ, а скажу—молодецъ! Да такъ, не стрѣляя, со шпагами и бросились на шведа, а пѣхота тоже подоспѣла. Часа четыре такъ-то мы рѣзались. Наконецъ, Шлиппенбахъ велѣлъ своей пѣхотѣ отступать, а конница чтобы тѣмъ временемъ насъ сдерживала. Куда сдержать! Какъ набросились мы на конныхъ шведовъ, такъ они сейчасъ наутекъ да и свою пѣхоту смяли. Ну, конные-то и ушли, а пѣхота шведская вся тутъ и полегла. Наши такъ остервенились, что мало кого въ полонъ брали. Всего плѣнныхъ взяли сотни три съ половиной. А убитыхъ шведовъ въ десять разъ больше было. Шесть пушекъ тоже мы взяли, 8 знаменъ. Радость большая была! Царь за эту побѣду Бориса Петровича въ фельдмаршалы произвелъ да еще орденъ пожаловалъ.

— Что за орденъ такой?

— На шеѣ крестъ, на груди звѣзда, а черезъ плечо

голубая лента—красиво. Этотъ орденъ, слышь, въ честь св. апостола Андрея Первозваннаго, а давать его будутъ только самымъ набольшимъ людямъ. Первому, слышно, дали Ѳедору Алексѣевичу Головину. Офицеровъ всѣхъ царь тоже наградилъ и каждому солдату прислалъ по серебряному рублю новаго чекана. Вотъ посмотри мой.

Ваня показалъ монету.

— Какая красивая!—сказалъ Игнатій.

— Да не то, что какъ у насъ прежде чеканили. Тѣ куда не красивы были. Послѣ Эррестферской побѣды Борисъ Петровичъ въ Москву ѣздилъ, и какъ воротился, опять мы пошли на шведа. Это недавно было, въ день святаго благовѣрнаго князя Владиміра *). Шведъ стоялъ за рѣчкой Эмбахъ у Гуммельсгофа. Тоже шведъ не въ большихъ силахъ былъ, развѣ не много побольше, чѣмъ при Эррестферѣ. А нашихъ, пожалуй, вчетверо больше было. Но шведъ храбро бился. Нашихъ три драгунскихъ полка подъ начальствомъ Кропотова, да казаковъ, татаръ и калмыковъ совсѣмъ смялъ. Пошли къ нимъ преображенцы да драгуны на помощь, и тѣхъ шведъ одолѣлъ. Но тутъ наша пѣхота подоспѣла. Обошли мы шведа съ боковъ да и давай валять съ трехъ сторонъ. Опять прежде ихъ конники побѣжали да и пѣхоту стоптали. Побоище для нихъ хуже эррестферскаго вышло. Тысячъ больше пяти шведовъ побито было. Пушекъ и знаменъ тоже мы слишкомъ вдвое взяли противъ Эррестфера. А пошли мы послѣ того по Ливоніи гулять! Будетъ она помнить это гулянье. А оно, впрочемъ, недолго тамъ было. Часть нашего полка на подмогу Апраксину послали.

Послышался шумъ. Нѣсколько русскихъ солдатъ, подъ предводительствомъ сержанта, вошли въ избу.

— Вяжи ихъ, ребята,—сказалъ сержантъ, указывая на Игнатія и Павла.

— За что?—вскричалъ Ваня.

— Не твое дѣло. Военный судъ разберетъ.

Игнатій былъ разлученъ съ Павломъ и не зналъ, что съ нимъ сдѣлалось. Ваню тоже не допускали къ Игнатью. Чрезъ два или три дня сняли съ Игнатія допросъ. Онъ сказалъ, кто онъ такой, и прибавилъ, что отъ Нарвы не могъ идти за войскомъ, потому что путь былъ отрѣзанъ шведами.

---

*) 15 іюля.

Поневолѣ онъ укрывался съ тѣхъ поръ на Невѣ и случайно повстрѣчался съ Павломъ. Больная нога въ этомъ случаѣ помогла ему въ томъ отношеніи, что можно было повѣрить его словамъ, что онъ не военный дезертиръ, а подъячій. Когда и объ немъ доложили обстоятельно Апраксину, то Петръ Матвѣичъ сказалъ:

— И самъ не знаю, что съ нимъ сдѣлать. Надо съ царемъ поговорить, либо хоть съ Александромъ Даниловичемъ.

Съ Александромъ Даниловичемъ Апраксинъ увидался въ концѣ сентября. Петръ Матвѣичъ сказалъ царскому любимцу про подъячаго.

— Игнатій Семеновъ!—сказалъ Меншиковъ,—покажите мнѣ его.

Привели Игнатія.

— Старый знакомый! — вскричалъ Александръ Данилычъ,—какъ это ты въ дезертиры попалъ? Скорѣе, Петръ Матвѣичъ, отпустите его. А я тебя, Семеновъ, не отпущу. Мнѣ теперь человѣкъ для письма нуженъ. Вотъ ты при мнѣ и будешь состоять.

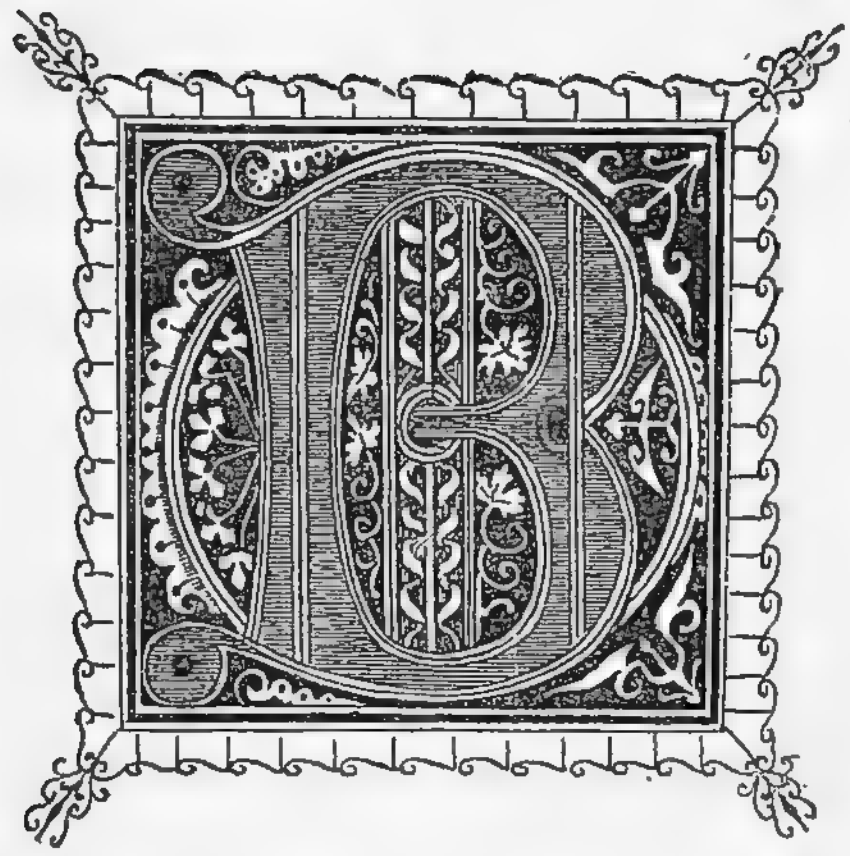
Александръ Даниловичъ говорилъ такъ рѣшительно, что Игнатій и подумать не смѣлъ возражать. Онъ сразу понялъ, что передъ нимъ стоялъ бомбардиръ-поручикъ Преображенскаго полка и царскій любимецъ, которому едва-ли возможно напомнить, что когда-то два мальчика Игнашка и Алексашка дружески разговаривали предъ воротами коломенскаго дворца.

И Семеновъ, состоя при особѣ Александра Даниловича, послѣдовалъ за нимъ къ крѣпости Нотебургу, Орѣшекъ тожъ.

XVIII.

ОКНО ВЪ ЕВРОПУ.

(1702—1703 гг.)



Ъ октябрѣ 1702 года русское войско осадило крѣпость Нотебургъ, старинный русскій Орѣшекъ. Комендантъ, полковникъ Шлиппенбахъ не согласился сдать ее на капитуляцію, и потому началось сильное бомбардированіе.

На лѣвомъ крылѣ русскихъ наводилъ мортиру высокій офицеръ Преображенскаго полка. Невдалекѣ отъ него стоялъ Меншиковъ и очень молодой, красивый человѣкъ въ сержантскомъ мундирѣ Преображенскаго полка. Они вполголоса разговаривали между собою.

— Тобой, Ваня, капитанъ очень доволенъ, такъ и сказалъ мнѣ: молодецъ Щепотевъ. Путь мнѣ знатно устроилъ, деревья вырубилъ, мосты построилъ, такъ что войско изъ Архангельской области отъ Нюхчи до Онежскаго озера легохонько пришло, а на озерѣ ты-жъ карбасъ для переѣзда приготовилъ.

— Нивѣсть какая трудность была, не торопясь дѣлали. Вотъ здѣсь такъ потруднѣе работа была, какъ просѣку на три версты отъ Ладожскаго озера до Невы дѣлали да лодки по ней перетаскивали. Умаялись! Прямо скажу, не будь съ нами самого царя, пожалуй, не пошло бы дѣло. Ну, а коли

самъ съ нами такъ трудился, что потъ съ него ручьемъ лилъ, кто же станетъ на работу жаловаться?

— И удивились же, чаи, шведы, какъ пятьдесятъ нашихъ лодокъ появилось на Невѣ. Никакъ они этой штуки не ожидали. Теперь крѣпости ниоткуда не можетъ быть подмоги.

— Что-то, Александръ Данилычъ, никакъ кто-то отъ крѣпости идетъ и бѣлымъ платкомъ машетъ.

— Парламентеръ вѣрно. Слава те, Господи! Надо капитану доложить.

Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ сказать объ этомъ высокому офицеру, метавшему бомбы, тотъ самъ увидалъ парламентера и велѣлъ его къ себѣ позвать. Оказался однако-жъ человѣкъ неважный—барабанщикъ.

— Отъ кого и къ кому ты посланъ?—спросилъ капитанъ.

— Къ московскому фельдмаршалу отъ полковницы Шлиппенбахъ и отъ всѣхъ офицерскихъ женъ въ крѣпости.

— Вотъ какъ! Ай да Борисъ Петровичъ, даромъ, что насъ постарше, а шведскія барыни къ нему цидулы пишутъ да еще всѣмъ соборомъ. А гдѣ та цидула?

Барабанщикъ подалъ письмо. Капитанъ прочелъ его.

— Какія же эти барыни затѣйливыя! Пишутъ, что невозможно быть въ фортеціи отъ великаго огня и дыма и просятъ у фельдмаршала позволенія выйти оттуда. Съ такимъ дѣломъ нечего и ѣхать къ фельдмаршалу: я увѣренъ, что онъ не захочетъ огорчить шведскихъ барынь разлукой съ мужьями; если же изволятъ оставить фортецію, то взяли бы съ собой и любезныхъ супруговъ. Такъ ты имъ въ отвѣтъ, Гордонъ, и напиши. А ты, Щепотевъ, угости посланца.

Гордонъ, сынъ знаменитаго генерала, умершаго до начала сѣверной войны, принялся писать отвѣтъ шведскимъ дамамъ, а Щепотевъ угощалъ барабанщика. Оказалось, что онъ знаетъ по-русски; Щепотевъ разговорился съ нимъ.

— Что это вы, камрадъ, порохъ напрасно тратите да и насъ тратить заставляете?

— Какъ такъ?

— Да такъ же. Сколько вы ни отбивайтесь, фортецію мы возьмемъ-же.

Затѣмъ царь познакомилъ Меньшикова съ полнымъ господиномъ.

— Это еще мы увидимъ.

— Безпремѣнно увидите. Потому—сикурсу вамъ ни откуда не будетъ. Брата вашего полковника, генерала Шлиппенбаха нашъ фельдмаршалъ въ Лифляндахъ двукратно въ конфузію привелъ, Апраксинъ Кроніорта тоже, да слышно и самъ вашъ король въ польской землѣ Богу душу отдалъ.

— Вотъ это совсѣмъ неправда: король только ушибся, ногу переломилъ, и то выздоравливать начинаетъ. А выздоровѣетъ, придетъ сюда и пугнетъ васъ, какъ тогда подъ Нарвой.

— Пугнетъ либо нѣтъ, да пока онъ сюда идетъ, мы двадцать разъ успѣемъ вашу фортецію взять.

Письмо было готово, барабанщикъ отправился съ нимъ. Только-что онъ воротился въ крѣпость, какъ оттуда начался сильный огонь противъ той баттареи, на которой распоряжался капитанъ.

— Осерчали шведы,—сказалъ онъ смѣясь,—вишь какъ принялись жарить.

— Только не мастера палить,—замѣтилъ Меншиковъ,—ядрами такъ и сыплютъ, да ни въ кого не попадаютъ.

— У этихъ, стало, намъ, Данилычъ, учиться нечего.

— Уповательно, капитанъ, мы ихъ самихъ проучимъ.

— Да! вонъ барынямъ жарко стало. Шутникъ этотъ командиръ: Что бы мы стали здѣсь дѣлать съ ихними бабами? танцовать что-ли? Такъ-же, какъ помнишь, Данилычъ, мы въ Коппенбургѣ-то отличались. Еще тебѣ тогда нѣмецкія кости жесткими показались.

— Это не я говорилъ.

— Ты-ли, другой-ли—все равно. Съ таковымъ резонеманомъ и ты тогда соглашался. А въ Нотебургѣ у нѣмокъ чаи кости не жестки. Не голодаютъ онѣ тамъ. Вотъ сколько у нихъ шкутъ подъ крѣпостью стоятъ. Слышно, и ветчины, и масла, и крупы, и сухарей тамъ довольно. Меня даже зависть беретъ.

— А какъ бы ихъ сюда взять?

— И мнѣ хочется. Кликнулъ бы ты, Гордонъ, охотниковъ да обдѣлалъ это дѣльце. А ты, Данилычъ, побывайка на той сторонѣ Невы да погляди, гдѣ бы батарею учредить поспособнѣе.

И Данилычъ батарею поставилъ, и полковникъ Гордонъ шкуты порубилъ, а самъ капитанъ-отъ-бомбардиръ семь су-

токъ въ фортецію бомбы бросалъ, такъ что она дважды загоралась, а упрямый комендантъ все не сдается. И порѣшилъ капитанъ—штурму быть. Охотниковъ вызвалось много.

11 октября, послѣ троекратнаго выстрѣла изъ мортиръ, охотники двинулись на приступъ, но были отбиты. Имъ на помощь пошли отряды изъ десяти русскихъ полковъ.

Отрядъ Семеновскаго полка велъ полуполковникъ, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ. Недалеко отъ него шелъ сержантъ Сверчковъ.

— Смотри, ребята,—говорилъ Голицынъ,—преображенцамъ не уступать. Самъ государь насъ видитъ.

Но семеновцы на этотъ разъ даже опередили преображенцевъ, потому что командиръ послѣднихъ, маіоръ Карповъ, въ самомъ началѣ боя былъ раненъ картечью сквозь ребра и въ руку.

Начался упорный бой. Съ обѣихъ сторонъ дрались какъ львы. Шведовъ было меньше, но на ихъ сторонѣ была большая выгода: штурмовыя лѣстницы оказались слишкомъ коротки, въ иныхъ мѣстахъ сажени на полторы отъ пролома, и русскіе не могли проникнуть въ крѣпость; шведы, закрытые стѣнами, поражали русскихъ картечью и каленными ядрами. Тѣмъ не менѣе русскіе держались. То они бросались къ проломамъ и начинали тамъ отчаянную схватку, гибли десятками, но доставалось и шведамъ; то, прикрываясь какъ могли отъ шведскихъ выстрѣловъ, русскіе сторожили, не покажется ли гдѣ-нибудь непріятель изъ за стѣнъ, и пускали туда выстрѣлы.

— Нѣсколько нашихъ убѣжали,—сказалъ Сверчковъ Голицыну.

— Не дамъ баловаться. Ступай-ка да вели отпихнуть суда, на которыхъ мы переѣхали. Назадъ намъ дороги нѣтъ, только впередъ.

Сверчковъ, исполнивъ приказаніе, вернулся и шепнулъ Голицыну:

— Тамъ пробирается посланный отъ царя, слышно, съ приказомъ отступить.

— Не дай, Богъ, ослушаюсь. Я теперь не Петровъ, а Божій.

Къ счастью, посланный, за темнотой, не прошелъ до командира. Уже тринадцать часовъ продолжался бой. И

русскіе, и шведы отъ усталости едва на ногахъ стояли. Вдругъ на помощь русскимъ явился свѣжій отрядъ подъ начальствомъ Меншикова. Прибытіе ихъ будто придало новыя силы и прежнимъ русскимъ бойцамъ. Вмѣстѣ съ новоприбывшими они бросились къ проломамъ, приставили лѣстницы, а затѣмъ полѣзли одинъ по плечамъ другого.

У шведовъ будто руки опустились.

— Къ проломамъ!—кричалъ Шлиппенбахъ толпѣ отступавшихъ солдатъ.

— Къ чему напрасно гибнуть!

— Какъ вы смѣете! Палашемъ того, кто не пойдетъ.

— Не тронь! застрѣлимъ!

— Вели бить шамадъ *).

— Никогда! Измѣнники!

— Неправда! мы бились, пока было можно. А теперь безумство. Московиты уже въ проломахъ. Бей шамадъ, не то самого убьемъ.

Комендантъ уступилъ ихъ требованію. Онъ получилъ почетную капитуляцію, именно: ему, всѣмъ офицерамъ и солдатамъ дозволено было выступить съ женами и дѣтьми изъ трехъ проломовъ свободно и безопасно, съ распущенными знаменами, съ музыкою, съ четырьмя желѣзными пушками, въ полномъ вооруженіи, съ потребнымъ количествомъ пороху и съ пулями во рту.

Весело разговаривалъ капитанъ-отъ-бомбардиръ со своими сподвижниками:

— Зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ,—говорилъ онъ,—а все же, благодареніе Богу, разгрызли, а теперь ему быть не орѣхомъ, а ключемъ. Чаемъ, что къ дальнѣйшей акціи въ немъ ключъ найдемъ. Того для именоваться Шлиссельбургомъ. А вамъ, господинъ бомбардиръ-поручикъ,—обратился онъ къ Меншикову,—яко намъ вящше при взятіи фортеціи свой меритъ показали, быть шлиссельбургскимъ губернаторомъ. Васъ же чиномъ полковника поздравляемъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Голицыну,—да чай и кромѣ того сіе дѣло не безъ авантажу для васъ останется.

Осталось точно не безъ авантажу, потому что Голицынъ 300 дворовъ крестьянскихъ и 3000 руб. получилъ. Карповъ—чинъ подполковника, 150 дворовъ и 1500 руб.,

*) Сигналъ къ сдачѣ крѣпости.

капитаны по 300 р.. поручики по 200 руб., фендрики *) по 100 р., сержанты по 70 руб., капралы по 30 руб., всѣ начальные люди повышены чинами, старые солдаты сдѣланы капралами, а молодые переведены на окладъ старыхъ. Князю-кесарю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому капитанъ собственноручно написалъ такое донесеніе:

«Siir! покорно доносимъ вашему величеству, что крѣпость Нотебургъ, по жестокомъ и чрезвычайно трудномъ приступѣ, который продолженъ былъ вящше 12 часовъ, на имя вашего величества сдалась на аккордъ. А какъ тотъ белегаръ былъ, о томъ пространнѣе буду доносить впредь, а нынѣ за скорымъ отшествіемъ не успѣлъ. Сею викторіею поздравляя ваше величество, пребываю Piter».

Послѣ взятія Нотербурга, Петръ уѣхалъ сперва въ Москву, а потомъ въ Воронежъ. Александръ Даниловичъ остался хозяйничать въ Шлиссельбургѣ. Дѣла было много, надо было все устраивать во вновь завоеванномъ городѣ, наблюдать за шведами и приготовлять все къ дальнѣйшему походу на Невѣ. Особенно затрудняли его эти приготовленія: изъ Москвы не подвозили ни артиллерійскихъ припасовъ, ни лѣкарствъ.

Игнатій Семеновъ служилъ у Меншикова по письменной части; не очень ему нравилась эта служба, да отпроситься не смѣлъ. Не такой человѣкъ Александръ Данилычъ, самъ съ утра до ночи въ работѣ да и другихъ работать заставляетъ, а ослушаются—куда грозенъ! Не меньше его, чѣмъ самого капитана-отъ-бомбардиръ, боялись.

Въ началѣ марта 1703 года Александръ Данилычъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа; съ двухъ сторонъ хорошія вѣсти получилъ. Изъ Воронежа: что царь основалъ для него городъ Ораніенбургъ, и при этомъ «веселились довольно, пили вино, секъ, пиво, медъ и ренское», а Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ писалъ, что по хлопотамъ нашего посла въ Вѣнѣ, Петра Голицына, кесарь соизволилъ на то, чтобы Александра Данилыча венгерскимъ графомъ учинить.

Еще раньше покоренія Нотебурга данъ былъ указъ стольнику Татищеву строить корабли на рѣкѣ Сяси, и Меншиковъ съѣздилъ на рѣку Свирь и нашелъ, что по берегамъ ея растутъ лѣса, годные даже на пятидесятипушеч-

*) Прапорщики.

ные корабли. Вслѣдствіе этого заложена верфь при Лодейномъ полѣ, туда наряжены съ Олонецкаго уѣзда плотники. Сперва было они плохо исполняли нарядъ, но когда Меншиковъ строго наказалъ двоихъ ослушниковъ, то дѣло пошло быстро.

Въ концѣ апрѣля 1703 года Меншиковъ получилъ отъ государя письмо, что началась осада Канцева и что самъ государь распоряжался. Меншиковъ тотчасъ туда поѣхалъ, захвативъ съ собой и Игнатія.

Пріѣхали они 30 апрѣля, когда комендантъ Канцева уже согласился сдаться съ тѣмъ, чтобы люди были изъ нея выпущены.

Петръ разговаривалъ съ полнымъ, красивымъ мужчиной въ генеральскомъ мундирѣ, когда явился къ нему Меншиковъ.

— А, Данилычъ, милости просимъ и съ викторіей поздравляемъ, понеже Ніеншанцъ на аккордъ сдался.

Затѣмъ царь познакомилъ Меншикова съ полнымъ господиномъ: оказалось, что это Паткуль.

— Сотрудникъ намъ полезный прибавляется,—сказалъ царь Меншикову,—господинъ Паткуль службу брата нашего Августа оставляетъ и вступаетъ въ нашу.

Вошелъ въ царскую палатку Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ и напомнилъ царю, что онъ обѣщалъ аудіенцію пріѣхавшему изъ Германіи генералу Корнбергу. Петръ приказалъ ввести его.

— Когда же пріѣдутъ тѣ, кого вы къ намъ въ службу, господинъ Паткуль, пригласили?

— Полковникъ Ренне тотчасъ явится, а фельдмаршалъ Огильви и генералъ-аудиторъ Гюйссенъ немного послѣ.

Вошелъ въ палатку человѣкъ среднихъ лѣтъ, ловкій и развязный въ обращеніи, низко поклонился Петру и сказалъ:

— Какъ я счастливъ, что вижу ваше царское величество, чьи слова и великія дѣла повергаютъ въ изумленіе Европу. Желаю по мѣрѣ силъ содѣйствовать въ этихъ подвигахъ.

Царь пристально посмотрѣлъ на него.

— Вы гдѣ служили, генералъ?

— Я, ваше величество, изучилъ всѣ европейскія войска. Я солдатъ по страсти. Знаете латинскую поговорку: oratores

fiunt, poëtae nascuntur *). Я думаю, что солдатомъ тоже надо родиться. И я именно родился солдатомъ. Мое общественное положеніе таково, что дипломатическая карьера для меня вполнѣ открыта. Я родственникъ ландграфа гессенъ-кассельскаго, мое состояніе болѣе чѣмъ обезпечено. Но я ни о чемъ и никогда не мечталъ, кромѣ изученія всѣхъ тонкостей военной службы. Я хотѣлъ изучить военныя способности разныхъ народовъ. Не всѣ одинаково дерутся. Французы знамениты натискомъ, англичане стойкостію, нѣмцы благоразуміемъ. Я служилъ во французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ войскахъ. Мало того, я служилъ въ итальянскомъ и швейцарскомъ войскѣ. У итальянцевъ много безпорядка, слава швейцарцевъ въ сущности минувшая слава. Я поѣхалъ бы къ туркамъ, но мои религіозныя убѣжденія не позволяютъ. Я изучилъ военное дѣло au fond.

— Но что же вы хотите у насъ дѣлать?

— Что угодно. Я слышалъ, что ваше величество сооружаете флотъ. Могу служить въ этомъ отношеніи. Мнѣ съ женою достались два превосходные фрегата. Я ихъ жду къ Архангельску, и они къ услугамъ вашего величества. Угодно вамъ имѣть превосходную кавалерію? Я могу нанять двѣ тысячи отличныхъ всадниковъ. Жалованья каждому нужно по 200 рейхсталеровъ. Если угодно, и самъ я могу поступить на службу вашего величества. Я въ три мѣсяца такъ могу устроить ваши войска, что вы ихъ не узнаете. Конечно я не могу быть въ числѣ подчиненныхъ генераловъ, но если ваше величество дадите мнѣ званіе фельдмаршалъ-лейтенанта...

— Вѣроятно, и жалованье хорошее?

— Жалованье для меня пустяки: я самъ богатъ. Но конечно для самолюбія моего было бы непріятно, если бы я получалъ меньше другихъ. Я слышалъ, что Огильви будетъ получать по тысячѣ ефимковъ въ мѣсяцъ, поэтому, конечно, и я не могу получать меньше чѣмъ по тысячѣ рублей въ мѣсяцъ.

— Вѣсти съ устья Невы,—сказалъ постельничій Головкинъ, входя

— Отъ Щепотева? Что такое?

— На возморьѣ показались шведскіе корабли.

---

*) Ораторами дѣлаются, поэтами родятся.

— А! Если будутъ салютовать, отвѣчать имъ.

Дѣйствительно, шведская эскадра, ничего не зная о покореніи Ніеншанца, дала знать о своемъ приходѣ двумя пушечными выстрѣлами. Получивъ въ отвѣтъ два пушечныхъ выстрѣла съ крѣпости, шведы дались въ обманъ, и отрядъ ихъ вышелъ на берегъ. Русскіе напали на него и поймали одного матроса. Онъ сказалъ, что всего пришло 9 шведскихъ кораблей подъ начальствомъ вице-адмирала Нумерса. Два изъ этихъ кораблей подошли къ Невѣ и стали на якорь.

Вечеромъ 6 мая 30 лодокъ стояли у Ніеншанца. Въ нихъ садились преображенцы и семеновцы. Явился туда и Корнбергъ. Онъ увидалъ, что къ пристани идутъ царь съ Меншиковымъ.

— А, господинъ генералъ, вы здѣсь. Вѣрно, изучивъ военное искусство у всѣхъ народовъ, хотите посмотрѣть, какъ русскіе дерутся?

— Чрезвычайно интересно.

— Хотите, покажемъ вамъ. Вотъ снаряжается экспедиція къ морю. Хотите съ нами?

— Развѣ ваше величество изволите сами?

— Да вотъ никого на морѣ знающихъ кромѣ меня и господина губернатора нѣтъ. Того для мы и ѣдемъ.

— А шведы дессантъ высадили?

— Нѣтъ, иное. Вы увидите. Что-же, ѣдете?

— За счастіе сочту.

Прошло часа два послѣ отплытія лодокъ. Паткуль въ большой тревогѣ вошелъ къ Головину.

— Правда-ли, что Корнбергъ поплылъ съ царемъ?— спросилъ онъ.

— Да.

— Одинъ изъ офицеровъ, пріѣхавшихъ съ Ренне, узналъ Корнберга. Этотъ негодяй, служа цезарю, передался съ полкомъ гусаръ на сторону французовъ.

— Онъ и мнѣ казался подозрительнымъ.

— А теперь онъ поѣхалъ съ царемъ въ такую опасную экспедицію. Я боюсь измѣны.

— Боже мой! Что-же дѣлать! Догнать ихъ нѣтъ никакой возможности.

Ночь была свѣтлая. Не доѣзжая деревни Калинкиной, русскія лодки спрятались около Васильевскаго острова. Въ своемъ убѣжищѣ они легко различали мачты двухъ кораблей.

— Геніальная мысль! — говорилъ Корнбергъ, — шведы выйдутъ на этотъ островъ, а мы тутъ въ амбюскадѣ. Ваше величество позволите мнѣ вести авангардъ?

— Увидимъ.

— Осмѣлюсь доложить вашему величеству, что полезно было бы устройство баттареи на острову.

— Очень полезно. Современемъ мы и устроимъ. Но господа шведы очень нетерпѣливы, не захотятъ этого дожидаться.

Набѣжала туча, началъ накрапывать дождикъ.

— Позвольте, ваше величество, приказать разбить палатку.

— Откуда ее взять?

— Неужели на судахъ нѣтъ для вашего величества?

— Я здѣсь не царь, а капитанъ-отъ-бомбардиръ. Гдѣ-же капитану таскать съ собой палатки да еще во время ночныхъ экспедицій. Вотъ для генерала иное дѣло. Но, распоряжаясь походомъ, я никакъ не думалъ, что вы будете съ нами, и не позаботился взять палатки.

Дождь пошелъ довольно сильный. Корнбергъ всячески старался укрыться, но его все-таки порядкомъ промочило. Промочило и царя, но онъ на это не обращалъ вниманія. Близилось время къ разсвѣту.

— Теперь пора,—сказалъ царь.—Ты, Данилычъ, плыви тихою греблею возлѣ Васильевскаго острова, чтобы заѣхать шведовъ съ моря, а мы, съ Божіей помощью, сверху на нихъ пустимся.

Корнбергъ не понялъ этихъ словъ, сказанныхъ по-русски, но когда онъ увидалъ, что лодки, оставшіяся съ царемъ, ѣдутъ прямо на шведскіе корабли, онъ очень встревожился.

— Ваше величество! мы идемъ на шведа?

— Что же дѣлать, любезный генералъ. Если гора нейдетъ къ Магомету, то Магометъ долженъ идти къ горѣ.

— Но гдѣ же у насъ пушки?

— Остались вмѣстѣ съ палатками у Нієншанца.

— Какъ-же нападать съ одними ружьями на непріятелей, имѣющихъ пушки? Противно всѣмъ правиламъ военнаго искусства.

— Вотъ ужь этого я отъ васъ, генералъ, не ждалъ. Вѣдь вы изучаете военное искусство у всѣхъ народовъ. Ну,

положимъ, у нѣмцевъ, англичанъ, французовъ не водится нападать съ одними ружьями на непріятелей, имѣющихъ пушки, но посмотрѣли бы вы, генералъ, на нашихъ запорожцевъ: они часто на своихъ чайкахъ, которыя ничѣмъ не лучше нашихъ лодокъ, схватываются съ турецкими военными кораблями.

— По крайней мѣрѣ полезно было бы сдѣлать диверсію съ твердой земли. Если вашему величеству угодно будетъ поручить мнѣ для этого деташементъ.

— Какъ можно, любезный генералъ, я желаю васъ подлѣ себя имѣть. Я могу отъ васъ драгоцѣнный консиліумъ получить.

Несмотря на темноту, шведы наконецъ замѣтили приближеніе русскихъ лодокъ и открыли по нимъ пушечный огонь, сами поспѣшно подняли якоря, поставили паруса и пошли къ прочимъ кораблямъ. Тѣ, услышавъ выстрѣлы, тоже двинулись на подмогу своимъ. Но по недостаточности глубины они не могли успѣшно лавировать.

Русскіе отвѣчали на непріятельскій огонь пальбою изъ ружей и ручными гранатами.

— На абордажъ!—раздался звучный голосъ царя.

— На абордажъ!—послышался съ другой стороны голосъ Меншикова, который со своими отрядами лодокъ отрѣзалъ непріятелямъ отступленіе.

Черезъ нѣсколько минутъ русскіе уже были на непріятельскихъ корабляхъ. Петръ и Меншиковъ взошли изъ первыхъ. Корнбергъ въ ту минуту, когда всѣ спѣшили изъ лодокъ на абордажъ, поскользнулся, ушибъ ногу и остался въ лодкѣ. Потомъ однако-жъ онъ поднялся на корабль. Тамъ уже все было кончено. Большая часть шведовъ были перебиты, остальные сдались. Взяты были оба корабля съ 18 пушками.

— Съ викторіей поздравляю, генералъ,—весело сказалъ ему Петръ.—А теперь въ Канцы, благодареніе Богу за сію, никогда прежде не бывшую, морскую побѣду принести.

Благодареніе и было принесено съ троекратною стрѣльбою изъ пушекъ и ружей. Командиры: капитанъ Петръ Михаиловъ и поручикъ Александръ Меншиковъ получили орденъ Андрея Первозваннаго, офицеры золотыя медали съ цѣпями, а солдаты—мѣдныя безъ цѣпей.

Въ лагерѣ подъ Ніеншанцемъ Игнатій встрѣтился съ Ваней Соковнинымъ.

— Поздравляю, братъ!—сказалъ Игнатій,—ты, слышно, деньщикомъ у государя. Это по нынѣшнему времени дѣло великое, деньщики въ приближеніи у государя. Вотъ Александръ Данилычъ давно-ли сержантомъ былъ, а теперь гляди-ка—генералъ-губернаторъ Ингріи, Кареліи и Эстляндіи. Вотъ и Щепотевъ—далеко пойдетъ. Тоже, чай, изъ сержантовъ въ губернаторы хватитъ. Да что ты не веселъ?

— Чему веселиться-то? Ты не слыхалъ, что съ братомъ Павломъ сталось?

— Нѣтъ. А что?

— За убійство полковника да за побѣгъ разстрѣляли.

— Такъ то: отца *онъ* казнилъ и брата тоже. Что же мнѣ на радость приближенье къ *нему*? Вишь отецъ измѣнникъ, на жизнь его умышлялъ... пожалуй, и много такихъ найдется. А братъ? полковника убилъ да убѣгъ. Вѣдь онъ полковника убилъ обороняючись, а убѣгъ развѣ онъ одинъ? Да если-бы я заранѣе зналъ, что съ Павломъ, я бы попросилъ самого его, пожалѣлъ-бы. А то сижу, ничего не знаю, еще радуюсь сдуру, что деньщикомъ сдѣланъ, вдругъ приходитъ братъ Семенъ. Онъ тоже тутъ въ солдатахъ, одинъ только у меня изо всей семьи и остался. «Знаешь, говоритъ, что съ братомъ»?—Нѣтъ, говорю. «Такъ и такъ».

— Бѣднага ты, Ваня... Что же этотъ нѣмецъ, Коригомъ его, что-ли, зовутъ, опять около государевой палатки?

— Ахъ, онъ собака! должно, подслушиваетъ. Какъ только царь запрется съ Паткулемъ, этотъ Корнбергъ тотчасъ и примется шататься вокругъ. Хотѣлъ было я его шугнуть, да вишь генералъ. Однако безпремѣнно скажу царю либо Меншикову.

Царь дѣйствительно разговаривалъ въ палаткѣ съ Паткулемъ.

— Очень трудно было находить способныхъ людей, многіе и рѣшались ѣхать въ Россію, а потомъ, не знаю почему, раздумывали. Вотъ такихъ бродягъ, какъ Корнбергъ, пожалуй, много набрать можно.

— Корнбергу мы путь во-свояси укажемъ. А Флеммингъ не согласился перейти къ намъ?

— Можетъ быть и къ лучшему. Онъ знаетъ военное дѣло, но очень легкомысленъ. Огильви во всѣхъ отношеніяхъ лучше его. Въ особенности сформировать войско, обучить — въ этомъ онъ мастеръ, какихъ мало.

— Вообще, вы говорите, что братъ нашъ Августъ окруженъ дурными людьми.

— Изъ окружающихъ его Флеммингъ лучше всѣхъ. Генералъ Шуленбергъ—совершенная бездарность и притомъ золъ и завистливъ; не менѣе его завистливы Имгофъ и Баринстонъ. Фюрстенбергъ и кардиналъ Радзѣевскій страшные интриганы. Прочіе поляки выше всего ставятъ свои личныя выгоды.

— Это можетъ пригодиться.

— Конечно. Но за Августомъ надо смотрѣть. При его дворѣ необходимъ совершенно надежный, проницательный и знающій тамошнія дѣла человѣкъ. Необходимо, чтобы война Августа съ Карломъ продолжалась какъ можно дольше, если уже Августъ не можетъ побѣдить, а этого, послѣ разгрома, какой саксонцы потерпѣли между Климовымъ и Пинчовымъ, трудно ожидать.

— Конечно. Необходимо по крайней мѣрѣ, чтобы Карлъ увязъ въ Польшѣ на долгое время—намъ это съ руки.

— Между тѣмъ уже многіе уговариваютъ Августа помириться съ Карломъ.

— Я васъ пошлю, любезный Паткуль, моимъ посломъ ко двору Августа. На васъ я вполнѣ надѣюсь.

— Постараюсь оправдать довѣріе вашего величества.

— А сейчасъ у насъ консилій будетъ. Прошу на немъ остаться.

Пришли въ палатку Шереметевъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, Меншиковъ, Головкинъ, Нарышкинъ, Зотовъ, Петръ Апраксинъ. Меншиковъ успѣлъ доложить царю о томъ, что Корнбергъ шныряетъ вокругъ царской палатки и по всей вѣроятности подслушиваетъ. Царь приказалъ не подпускать его къ палаткѣ.

— Господа!—началъ Шереметевъ, какъ предсѣдатель совѣта,—благодареніе Господу, Нева во всемъ теченіи подъ власть его величества приведена, но теперь консиліумъ учинить нужно о томъ, чтобы та викторія не безъ авантажу осталась.

— Авантажъ,—сказалъ царь,—мнится, большой быть можетъ, понеже Нева для навигаціи дѣло удобное, и ежели на берегахъ ея пристань и добрую фортецію учинить, то намъ то строеніе яко окно въ Европу будетъ. Но вопросъ, какъ это все учредить? Укрѣпить ли Канцы, или искать другого мѣста для основанія торговаго города?

— Крѣпость въ Канцахъ очень мала, — сказалъ Меншиковъ.

— Поискать бы мѣста поближе къ морю,—прибавилъ Головинъ.

Всѣ согласились.

— Мнѣ одно мѣсто полюбилось,—сказалъ Петръ,—его чухны Заячьимъ островомъ зовутъ, а мнѣ такъ онъ понравился, что я его Лустъ-Эйландомъ, сирѣчь веселымъ островомъ назвалъ. Мѣсто способное. На острову — значитъ не нужно для фортеціи рвовъ копать. Въ самой серединѣ другихъ острововъ и весь противоположный берегъ Невы какъ на ладони. Если Богъ благословитъ, есть куда городу раскинуться. А верфь и гавань зѣло изрядныя будутъ.

— Такъ, благословясь, тутъ и основаться,—согласился Шереметевъ.

Всѣ приняли это мнѣніе и, переговоривъ о подробностяхъ, разошлись.

Царь поѣхалъ осматривать избранное для города мѣсто. Къ нему явился Корнбергъ.

— Ваше величество! я глубоко оскорбленъ. Меня не пустили подойти къ вашей палаткѣ.

— Конечно, нельзя подходить, если вы не приглашены.

— Прежде ваше величество были милостивы ко мнѣ, а теперь измѣнились. И я знаю, кто этому причиною — подлецъ Паткуль.

— Смотрите, генералъ, Паткуль раздѣлается съ вами за эти слова.

Паткуль дѣйствительно раздѣлался. Встрѣтя Корнберга въ лагерѣ, онъ далъ ему пощечину и велѣлъ своимъ конюхамъ жестоко избить его. Вслѣдъ за тѣмъ Корнбергъ былъ высланъ за границу. Всѣ его разсказы о корабляхъ, кавалеристахъ и его богатствѣ оказались ложными.

Паткуль съ чинами тайнаго совѣтника и генерала-маіора былъ назначенъ чрезвычайнымъ царскимъ посланникомъ при иностранныхъ дворахъ.

Между тѣмъ быстро шло построеніе Петербурга. Основаніе его совершилось въ день Св. Троицы, 16 мая 1703 года, на островѣ Люсть-Эйландѣ. Тамъ заложена была Петропавловская крѣпость. Надъ устройствомъ перваго ея бонверка наблюдалъ самъ царь, надъ пятью прочими Меншиковъ, Го-

ловкинъ, Зотовъ, князь Трубецкой и Нарышкинъ. Ее строили солдаты, а также плотники и каменщики, высланные изъ Новгородскихъ уѣздовъ. Петръ даже велѣлъ Ромодановскому прислать нѣсколько тысячъ воровъ, предназначенныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь, но дошедшихъ только до Вологды. Одновременно съ бастіонами крѣпости была заложена деревянная церковь во имя св. апостолъ Петра и Павла. Посреди крѣпости, вдоль острова отъ востока къ западу, мимо церкви былъ прорытъ каналъ *) для снабженія жителей водою.

Почти одновременно съ крѣпостью построили царскій дворецъ **), близъ котораго ***) находились дома петербургскаго губернатора Меншикова, Головкина, Брюса, Шафирова и шалаши, въ которыхъ жили рабочіе. У крѣпостного моста была устроена аустерія.

Въ эту аустерію зашелъ царь выпить рюмку водки на другой день послѣ своихъ именинъ 30 іюня. Съ нимъ были Меншиковъ, Паткуль, приглашенный имъ въ русскую службу полковникъ Ренне, капитанъ Василій Кузнецовъ и нѣсколько другихъ лицъ.

— Что твоя баттарея?—спросилъ царь Кузнецова.

— Совсѣмъ готова.

— Ну, значитъ, если съ этой стороны пожалуютъ господа шведы, то будетъ чѣмъ ихъ встрѣтить. Ты съ Васильевскаго острова, отъ стрѣлки ****) будешь ихъ угощать, а мы съ Лустъ-Эланда.

— А пожаловать, чай, не замедлятъ,—замѣтилъ Меншиковъ.

— Да вонъ лодка съ устья Невы плыветъ,—сказалъ Кузнецовъ,—не съ вѣстями-ли отъ Щепотева.

Дѣйствительно, оказались вѣсти и очень важныя: шведскій вице-адмиралъ Нумерсъ съ девятью кораблями явился близъ устья Невы.

— У насъ кораблей пока нѣтъ,—сказалъ царь,—въ Лодейномъ полѣ еще не готовы. Надо туда съѣздить поторопить. А пока ты, Василій, поѣзжай на свой островъ готовиться къ встрѣчѣ гостей.

---

*) Нынѣ не существующій.
**) Домикъ Петра Великаго.
*** Гдѣ нынѣ дома священнослужителей.
****) Гдѣ нынѣ биржа.

Со стороны Корво-Саари *) прискакалъ во весь карьеръ драгунъ и донесъ царю, что у рѣки Сестры стоитъ съ значительнымъ войскомъ шведскій генералъ Кронгіортъ и угрожаетъ Петербургу.

— Сколько гостей-то на новосельѣ! Ну, этихъ мы не станемъ дожидаться: сами навстрѣчу пойдемъ. Вы, полковникъ, впереди всѣхъ драгунскій полкъ поведете.

Ренне поклонился.

— Позвольте вамъ сопутствовать, государь,—сказалъ Паткуль.

Быстро двинулось русское войско. Переправу чрезъ рѣку Сестру шведы защищали 13-ю пушками, но Ренне такъ стремительно ударилъ на нихъ, что овладѣлъ переправой, и шведы отступили на гору. Дойти до этой горы было нелегко по тѣснотѣ дороги. Пришлось драгунамъ пробираться пѣшкомъ. Въ резервѣ оставались четвертый драгунскій полкъ и два полка пѣхоты, которые еще не поспѣли на поле битвы; не поспѣла еще и наша артиллерія.

— Молодецъ вашъ Ренне,—говорилъ Петръ Паткулю,—какъ левъ дерется.

— И шведы держатся стойко.

— Потребенъ Ренне сикурсъ. И мы не медля съ остальными полками пойдемъ.

— Сами, ваше величество?

— Конечно.

— Простите, государь, но вы такъ же смертны, какъ и всѣ люди. Пуля мушкатера можетъ повергнуть армію и все государство въ неизбѣжную опасность. Государю потребно повелѣвать, но свою персону беречь.

—Вашъ резонеманъ справедливъ и за консилію благодарю. Но когда своихъ бьютъ, едва удержаться можно. Да и потребно вождю добрымъ примѣромъ служить.

И царь съ послѣднимъ драгунскимъ полкомъ устремился въ пылъ битвы. Шведы поколебались. Замѣтивъ приближеніе нашей пѣхоты и пушекъ, непріятели обратились въ бѣгство. Шведское войско было совершенно побито.

— Теперь,—сказалъ царь Паткулю,—уповательно, не скоро господинъ Кронгіортъ къ Санктъ-Петербургу соберется. А Нумерсу господинъ губернаторъ и Василій на островѣ

---

*) Аптекарскій островъ.

добрую отповѣдь учинятъ. Я въ Лодейное поле поѣду, а вы къ брату нашему Августу отправляйтесь.

Въ октябрѣ царь уже плавалъ по Ладожскому озеру на вновь построенномъ фрегатѣ «Штандартъ». Тамъ онъ получилъ отъ Меншикова извѣстіе, что господинъ «вице-адмиралъ Нумерсъ, который предъ устьемъ стоялъ, вивать октября 1-го отдавъ, не безпечально о томъ, что за противнымъ вѣтромъ больше кораблей въ устье не ввелъ, и такъ отъѣхалъ».

Все это время Игнатій былъ на службѣ при Александрѣ Даниловичѣ. Въ сентябрѣ онъ встрѣтилъ въ Петербургѣ стараго знакомаго, Курбатова. Курбатовъ постоянно жилъ въ Москвѣ и въ Петербургъ пріѣхалъ только на нѣсколько дней для объясненія съ Меншиковымъ по дѣламъ. Игнатія онъ встрѣтилъ ласково какъ стараго знакомаго, и когда узналъ, что Игнатій завѣдываетъ письмоводствомъ у Меншикова, то даже началъ за нимъ ухаживать, зазвалъ къ себѣ въ гости, и послѣ сытнаго обѣда пошелъ у нихъ разговоръ по душѣ.

— Я вѣдь слыхалъ, Игнатій Семенычъ, — говорилъ Курбатовъ,—что ты раненъ былъ и воинскую службу оставилъ. Сперва поскорбѣлъ я объ этомъ, потому что ты вѣдь въ бомбардирской ротѣ былъ, съ самимъ государемъ значитъ, могъ и приближеннымъ къ нему человѣкомъ сдѣлаться. Ну, а вѣдь кто знаетъ, можетъ и цивильными дѣлами въ люди выйдешь? Ему вѣдь только запримѣтить, что человѣкъ смышленый — тотчасъ онъ и дѣло и мѣсто найдетъ. Ну вотъ хоть я. Что я такое былъ? Хоть не кабальный, а чуть не наравнѣ съ холопами. Хоть у знатнаго боярина, а все же дворецкій человѣкъ, значитъ, подневольный. А когда свѣдалъ я, что хочетъ великій государь старинную нашу дурость на разумъ превратить, то и пришло мнѣ въ голову поднести письмо, объ орленой бумагѣ написать, и то убоялся я подъ тѣмъ письмомъ подписаться. А государь меня вотчинами и домами наградилъ, дьякомъ оружейной палаты пожаловалъ и повелѣлъ мнѣ обо всѣхъ дѣлахъ, гдѣ казнѣ прибытокъ усмотрю, самому ему писать.

— Чай, ты и пишешь.

— Со всякимъ дерзновеніемъ и могу сказать не вотще. Да вотъ померъ покойный патріархъ Адріанъ. Боярин Стрѣшневъ спрашивалъ государя, не повелитъ-ли послать за Аѳанасіемъ, архіепископомъ холмогорскимъ, чтобы соборную

церковь вѣдать. Его себѣ въ помощники и покойный патріархъ желалъ. А я, не убоясь сильныхъ міра сего, прямо къ государю письмо написалъ. Сказалъ въ этомъ письмѣ, что во время болѣзни патріарха безпорядки въ духовномъ управленіи были, выбирали въ архимандриты и другіе священные чины архидіаконы, а самъ онъ собою править не можетъ. Такъ—писалъ я—не лучше-ли назначеніемъ патріарха повременить, опредѣленіе въ духовный санъ поручить хорошему архіерею—хоть тому-же холмогорскому, а для надзора за всѣми, паче же за монастырскими и архіерейскими имѣніями для сбора и храненія ихъ казны, которая теперь въ прихотяхъ владѣтелей погибаетъ, надежнаго человѣка надо. И человѣка я указалъ—бывшаго астраханскаго воеводу, боярина Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина. Человѣкъ онъ ученый, не токмо въ божественномъ писаніи, но и въ философіи свѣдущъ, и латинскій языкъ разумѣетъ. И точно государь поручилъ ему домъ патріаршій, архіерейскіе дома и монастырскія дѣла вѣдать.

— Однако экзархомъ святѣйшаго патріаршаго престола, блюстителемъ и администраторомъ не Аѳанасій, а Стефанъ, митрополитъ рязанскій, назначенъ.

— А потому что онъ мужъ вельми ученый. Тутъ такой надобенъ. Государь знаетъ, куда кого надо. Если-бы примѣрно по благочестію да по святой жизни выбирать, то Митрофана воронежскаго кто выше? И государь его какъ отца почитаетъ. Теперь у Мусина-Пушкина въ монастырскомъ приказѣ порядокъ пошелъ. Монахи и монахини переписаны, шататься имъ изъ монастыря въ монастырь не дозволено. Постричь никого безъ царскаго указа нельзя. Въ монастырскія вотчины опредѣлены приказчики изъ мірянъ. А главное опредѣлено, сколько монахамъ и монахинямъ въ общежительство денегъ и хлѣба давать, а вотчинами и угодьями имъ не владѣть, потому что древніе монахи сами себѣ трудолюбными своими руки пищу промышляли. А остальныя за раздачей монашествующимъ деньги на богадѣльни да на бѣдные монастыри давать велѣно.

— Не понравилось, чай, монахамъ богатыхъ монастырей!

— Куда нравиться! А еще-бъ тѣ деньги на устройство добрыхъ школъ при монастыряхъ обращать надо. Потому—наука намъ первое дѣло. А она у насъ не въ авантажѣ

обрѣтается. Вотъ въ томъ же письмѣ къ государю я писалъ, что школа подъ управленіемъ монаха Палладія въ разстройствѣ, ученики всего лишены и учиться имъ невозможно, потолки и печи обвалились. Нынѣ та школа въ благоустроеніе приходитъ.

— А что ваша навигацкая школа?

— Да вотъ недавно я о ней Ѳедору Алексѣевичу Головину доносилъ—онъ вѣдь, яко адмиралъ и Оружейной палаты управитель, есть тоя школы начальникъ, а мнѣ поручено ближайшее оною завѣдыванье. Учителями тамъ англичане: Фарварсонъ, Гвинъ и Грейсъ—учатъ навигаторской наукѣ чиновно, развѣ только временемъ загуляются или по своему обыкновенію долго проспятъ. А ихъ помощникъ изъ русскихъ, Леонтій Магницкій, имѣетъ тщаніе не только къ единому ученикамъ въ наукѣ радѣнію, но и къ инымъ къ добру поведеніямъ. По правдѣ сказать, англичане за то на него гнѣвъ имѣютъ, а изъ нихъ Фарварсонъ въ наукѣ преизряденъ, прочіе же двое, хотя навигаторы написаны, только и до Леонтья наукою не дошли. И всего учениковъ безъ мала 200. А тутъ еще на Москвѣ другая школа завелась. Когда ливонскій городъ Маріенбургъ взяли, то въ числѣ плѣнныхъ въ Москву присланъ оттуда пасторъ Глюкъ, мужъ нарочито ученый, во многихъ языкахъ свѣдущъ и даже русскому языку еще въ Ливонской землѣ научился. Онъ-то школу открылъ и такъ красно объ этомъ написалъ, что я, для памяти, даже у себя на бумажку черкнулъ, какъ онъ про ту школу пишетъ. «Намѣренъ, говоритъ, я обучать русскихъ юношей, аки мягкую и всякому изображенію угодную глину, географіи, иѳикѣ, политикѣ, латинской реторикѣ съ ораторскими упражненіями, философіи картезіанской, языкамъ: греческому, еврейскому, сирскому и халдейскому, французскому, нѣмецкому и латинскому, танцовальному искусству и поступи нѣмецкихъ и французскихъ учтивствъ, рыцарской конной ѣздѣ и берейторскому обученію лошадей».

— Видишь какой пасторъ-то! И берейторскому обученію наставлять хочетъ.

— Ну, конечно, не самъ. А изъ его школы толкъ выйдетъ. Всяко намъ просвѣщаться потребно. Вотъ хоть взять типографію. Государь въ Амстердамѣ привиллегію Ивану Кессингу на печатаніе русскихъ книгъ далъ, да печатаютъ

тамъ не гораздо много. А и въ Москвѣ типографіи завелись. Тотъ же Магницкій, о которомъ я говорилъ, сладилъ книгу и она въ Москвѣ друкована. На столикѣ, вонъ, посмотри ее.

Игнатій прочелъ заглавный листъ книги:

«Ариѳметика, сирѣчь наука числительная. Съ разныхъ діалектовъ на славянскій языкъ переведенная, и въ едино собрана, и на двѣ книги раздѣлена... Въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ типографскимъ тисненіемъ ради обученія мудролюбивыхъ россійскихъ отроковъ и всякаго чина и возраста людей на свѣтъ произведена».

— Тутъ же можешь и куранты видѣть,—сказалъ Курбатовъ.

Игнатій прочелъ: «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ».

— Тутъ тоже о школѣ написано,—продолжалъ Курбатовъ.

Игнатій сталъ читать вѣдомости:

«Повелѣніемъ его величества московскія школы умножаются, и сорокъ пять человѣкъ слушаютъ философію и уже діалектику окончили. Въ математической и штурманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся и добре науку пріемлютъ. Въ Москвѣ, ноября 24 числа по 24 декабря, родилось мужескаго и женскаго полу 386 человѣкъ. Въ китайскомъ государствѣ езуитовъ вельми не стали любить за ихъ лукавство, и иные изъ нихъ смертію казнены».

— Тако-жъ и иное для пользы и увеселенія народа государевымъ повелѣніемъ чинится, — продолжалъ Курбатовъ.—На Красной площади деревянная комедіальная храмина построена. Играли о крѣпости Грубстона, въ ней же первая персона Александръ Македонскій, тако-жъ о Сципіи Африканскомъ и о докторѣ принужденномъ *). А по случаю взятія Шлиссельбурга игру нарочито сложенную представляли.

— А не грѣшно-ли на комедійное дѣло смотрѣть?

— Ни малаго грѣха въ томъ нѣтъ, а еще доброе поученіе. Да если-бы и поученія не было, то не лучше ли комедійнымъ дѣломъ утѣшаться, чѣмъ упиваться скоту подобно. Великій государь хочетъ, чтобы мы не скотамъ, а

---

*)Le Medecin malgré soi—Мольера.

людямъ уподоблялись. За тѣмъ онъ и запретилъ подписываться уменьшительными именами, падать передъ царемъ на колѣни, зимой снимать шапки передъ дворцомъ.

— Да я самъ слышалъ, какъ онъ Александру Даниловичу говорилъ: «Какое же различіе между Бога и царя, когда обоимъ будутъ равное почтеніе воздавать? Меньше низости, больше усердія къ службѣ, вѣрности ко мнѣ и государству—вотъ почесть царю».

— Воистину такъ! А главное надо царскія дѣла понимать, какъ они для благоденствія нашего направлены. Вотъ хоть это. Въ прежнія времена воевода въ своемъ городѣ и уѣздѣ могъ дѣлать что угодно. А нынѣ дѣло другое. Торговые и промышленные люди теперь своимъ бурмистрамъ и ратушамъ подчинены. Путивльскій воевода Алымовъ да орловскій воевода Шелиминъ вздумали было тамошнихъ торговыхъ людей самовольно вѣдать да взятки съ нихъ брать, такъ государь велѣлъ ихъ въ Москву взять и дивомъ (?) розыскать въ московской ратушѣ.

— Значитъ, воеводамъ пришлось предъ московскими бурмистрами отвѣчать!

— Да. И прочія дѣла велѣно воеводамъ вѣдать съ дворянами, мѣстными вотчинниками. А что торговыхъ людей отъ насилія воеводъ избавить—это для торговли первое дѣло. И то для торговыхъ людей хорошо, что начали у насъ благообразную монету чеканить. А то какая у насъ была? Только и есть, что копѣйки да полукопѣйки, и то на иной конникъ безъ головы, на иной конь безъ ногъ—какъ зря начеканятъ, такъ и пускаютъ въ оборотъ. Чужестранцы такой монеты и не принимали. А въ домашнемъ-то оборотѣ какое мученье! Нужно примѣрно десять рублей—изволь-ка копѣйками да полукопѣйками отсчитывать! А то еще копѣйку на-двое да на-трое пересѣкали, даже вмѣсто денегъ кожаными и другими жеребьями торговали. А теперь у насъ и червонцы, и рубли, полтинники, полуполтинники и гривенники серебряные чеканятъ, мѣдная монета тоже благообразна стала. Во всемъ государь свое великое раченіе являетъ Велѣлъ боярамъ у уложенья сидѣть, всѣ новоуказныя статьи въ него выписать, а неподходящія вычеркнуть. Великое это дѣло. Вотъ я въ нѣкоей латинской книгѣ изображеніе правосудія видѣлъ—богиней Ѳемисъ именуется. Въ рукахъ у ней вѣсы, а на очахъ повязка. Такъ-то и у судьи,

когда добрыхъ законовъ нѣтъ, все равно, что повязка на очахъ.

— Что-же, у бояръ ходко это дѣло идетъ?

— Старинные все бояре у этого дѣла, мѣшкотные, тихоходы. Вотъ какъ бы къ нимъ хоть парочку такихъ какъ Александръ Данилычъ.

— Эко! Да много-ли такихъ, какъ Александръ Данилычъ? Вѣдь если царь ему что повелитъ, развѣ это не будетъ навѣрно исполнено? Нужно шведа побить—побьетъ, городъ или корабли построить—построитъ, плутню какую открыть—откроетъ. Вѣрный онъ слуга царю, нелицемѣрный. Да вотъ у насъ тутъ было дѣло Виніуса, можетъ, слышалъ.

— Слыхать слыхалъ, а доподлинно не знаю.

— Виніусъ старыій человѣкъ, заслуженныій, аптекарскіій и артиллерійскіій приказы и сибирскіе заводы онъ вѣдаетъ, а въ прошедшемъ году государь еще велѣлъ ему переводомъ устава судебныхъ воинскихъ правъ заняться. И точно трудится старикъ. Ему подъ семьдесятъ, а только что изъ Новагорода да изъ Пскова вернулся и тотчасъ въ Сибирь поѣхалъ.

— Труды его и мнѣ довольно вѣдомы. А на руку нечистъ.

— Въ томъ и бѣда. Государь прогнѣвался, что весной въ Шлиссельбургъ артиллерійскихъ запасовъ и матросовъ доставлено не было. Написалъ къ Виніусу, тотъ отвѣтилъ. Я былъ при томъ, какъ государь этотъ отвѣтъ получилъ. Вспылилъ государь, покраснѣлъ даже, говоритъ Александру Данилычу: «Старикъ московскимъ тотчасомъ меня потчуетъ». И велѣлъ государь то дѣло розыскать Ромодановскому. Ничего изъ того сыска не вышло. Виніусъ Терисониса да Гошку винилъ, а они Виніуса. Тогда и велѣлъ государь Виніуса сюда позвать и Александру Даниловичу дѣломъ сыскать. Старикъ пріѣхалъ, видитъ, что отвертѣться нельзя, и предложилъ Александру Даниловичу взятку.

— И не малую, чай, потому дать есть изъ чего: Виніусъ бралъ немало.

— Десять коробочекъ золота, 150 червонцевъ, 300 рублей да запись на 5,000 р. И просилъ, чтобы за нимъ оставили сибирскіій приказъ, а пушкарскіій да аптекарскіій взяли.

— Толкъ знаетъ! Въ сибирскомъ наживы втрое чѣмъ въ нихъ обоихъ.

— По усильной просьбѣ Виніуса Александръ Данилычъ далъ ему къ государю письмо, въ которомъ значилось, что Виніусъ въ дѣлахъ своихъ оправданіе принесъ и никакой вины его ни въ чемъ не явилось. А между тѣмъ Александръ Данилычъ иное письмо къ государю послалъ, въ которомъ и о взяткѣ, что ему Виніусъ предлагалъ, и обо всѣхъ плутняхъ старика отписалъ. Государь прогнѣвался на Виніуса, сибирскій и пушкарскій приказы у него взялъ и наложилъ на него взысканіе въ 13,000 рублей.

— Подлинно, что въ нашемъ государствѣ казнокрадовъ да взяточниковъ непочатой край. И я объ нихъ довольно знаю. И насколько силъ хватитъ, изводить ихъ государю помогу.

Осенью даже Александру Данилычу показалось тяжело въ Петербургѣ: солнца нѣтъ, цѣлый день дождь и страшный вѣтеръ. Но несмотря на это все, постройки такъ же дѣятельно продолжались въ Петербургѣ, какъ-будто бы былъ самъ государь.

Въ ноябрѣ на Финскомъ заливѣ, близъ устья Невы, явился голландскій корабль. Шкиперъ его Выбесъ стоялъ на носу корабля и разговаривалъ съ лоцманомъ изъ эстляндскихъ нѣмцевъ.

— Если въ Неву хочешь плыть,—говорилъ лоцманъ,—то придется тебѣ взять другого лоцмана. Мнѣ въ рѣку вводить корабли не случалось. Да и страшно: узнаютъ шведы, что я привелъ корабль къ ихъ недругу, такъ мнѣ достанется.

— Хорошо. Я велю стрѣлять изъ пушекъ, чтобы дать знать, что намъ лоцмана нужно.

— Какъ это ты осмѣлился плыть сюда? Попадешься шведамъ, тоже спасибо не скажутъ.

— Однако и вреда не сдѣлаютъ. Зачѣмъ шведамъ съ нашими штатами ссориться? Что я ѣду торговать съ московитами, это еще не вражда со шведомъ. Мы, голландцы, люди торговые: со всѣмъ міромъ торгъ ведемъ. Къ тому же въ Англіи и у насъ, въ Голландіи, говорятъ, что у царя уже свой флотъ на устьѣ Невы есть для защиты тѣхъ кораблей, которые пріѣдутъ въ его новый городъ торговать.

— Какой еще флотъ! Одинъ фрегатъ да нѣсколько

шнау. Тягаться со шведскимъ флотомъ имъ и подумать нельзя.

— Однако, слышно, сюда шведскій флотъ приходилъ, да ничего не сдѣлалъ.

— Не посмѣли въ Неву войти... А у царя на островахъ пушки разставлены. И московиты теперь хорошо драться стали. Не то, что подъ Нарвой. Кронгіорта совсѣмъ побили. Самъ царь на него ходилъ.

— Говорятъ, молодецъ.

— Не видалъ я его, а точно человѣкъ чудный. Вотъ хоть постройка этого новаго города. Кто бы сталъ на томъ мѣстѣ строить? Вѣдь мѣсто болотное. Станутъ вколачивать сваю, а она вся въ воду уйдетъ. Наконецъ догадались, прорыли каналы, вода ушла туда, почва потвердѣе стала. И то чухны повѣрить не могутъ, что царь безъ колдовства городі строитъ Они и сказку сладили о томъ. Говорятъ, строили, строили городъ на томъ мѣстѣ, а онъ все въ болото уходитъ. Наконецъ московитскій царь-чародѣй велѣлъ вдругъ цѣлый городъ сдѣлать, да сразу его въ болото и поставилъ; онъ ничего, и держится.

— А великъ городъ?

— Нѣтъ, еше не великъ, да вновь дома какъ грибы растутъ.

— Очень хочется мнѣ поскорѣе въ тотъ городокъ пробраться. Первое дѣло, разумѣется, выгода. А второе—хочется московитовъ повидать. Я въ ту пору въ Голландіи не былъ, какъ они тамъ со своимъ царемъ гостили. А чудеса про него разсказываютъ. Говорятъ, все знаетъ, во всемъ мастеръ, работаетъ за двоихъ и совсѣмъ какъ простой плотникъ жилъ. Очень я жалѣлъ, что царя и его спутниковъ въ Голландіи не видалъ· А раньше еще я съ ними встрѣчался

— Гдѣ же?

— Въ Ригѣ. Я тамъ былъ по своимъ дѣламъ, когда они проѣзжали на пути къ намъ. Да не зналъ я, что они такіе замѣчательные люди, а то непремѣнно познакомился бы съ ними. И случай былъ. Одинъ изъ нихъ—такой славныіі молодецъ—хотѣлъ непремѣнно съ товарищами пройти на наши корабли. Я ихъ и повелъ. Товарищей-то его не пустили, потому что шведскій губернаторъ не велѣлъ московитовъ по берегу мимо крѣпости пускать, а этого одного

пропустили, потому что онъ былъ въ голландскомъ платьѣ, такъ его за голландца и сочли. Понравился онъ мнѣ. Шутникъ такой! Говоритъ: «Пріѣзжай ко мнѣ въ Московію въ гости, а то я къ тебѣ на русскомъ кораблѣ пріѣду». Можетъ быть въ новомъ городѣ мы столкнемся съ нимъ—вотъ, значитъ, я и пріѣхалъ къ нему въ гости. А въ ту пору мы съ нимъ очень подружились. Я, по его просьбѣ, и боты досталъ, на которыхъ царь изъ Риги въ Москву уѣхалъ. Еслибъ я тогда захотѣлъ, то этотъ молодецъ меня и царю представилъ бы.

Отъ Васильевскаго острова подплыла къ кораблю небольшая лодка.

— Что стрѣляли? Лоцмана что ли нужно?

— Да. Чтобы въ Неву войти.

— Я лоцманъ.

Съ корабля спустили трапъ, и высокій человѣкъ проворно взобрался по немъ.

— Можешь по Невѣ къ новому московскому городу провести?

— Могу. Что-й-то, будто я видалъ тебя?

— Видалъ? Какъ же это я-то не узналъ! Былъ ты года два назадъ съ московскимъ посольствомъ въ Ригѣ?

— Былъ

— Помнишь голландца, который тебя на наши корабли водилъ.

— А! другъ любезный.

Пріятели поцѣловались.

— А ты здѣсь лоцманомъ?

— Да, между дѣлами. Неву хорошо знаю. Ну, и другая работа есть.

— А въ Голландію на русскомъ кораблѣ собираешься?

— Собираюсь.

— Напередъ, чай, корабль построить надо.

— И строимъ. Самъ увидишь.

— А что возьмешь за то, чтобы къ новому городу провести?

— Съ пріятеля-то? Съ другого конечно взялъ бы, а съ тебя ничего. Только милости просимъ ко мнѣ въ домъ — помнишь, еще за мной угощенье.

— Конечно, конечно.

Отпустили нѣмецкаго лоцмана, и русскій повелъ ко-

рабль. Шкиперъ тотчасъ увидѣлъ, что онъ мастеръ своего дѣла.

— Какъ же ты сказалъ, — замѣтилъ онъ,—что только между дѣломъ лоцманомъ служишь. Я тебѣ вотъ что скажу. Если, Богъ дастъ, сюда много кораблей будетъ ходить, такъ тебѣ можно всякія дѣла бросить и только корабли проводить—большія деньги зашибешь.

— Чтобы сюда кораблей побольше ходило—даваї Богъ, а бросить другія дѣла не могу.

— На царской службѣ, что ли?

— На службѣ.

— Говорятъ, царь хорошо платитъ.

— А смотря по службѣ.

— Такому молодцу, какъ ты, вѣрно хорошо платитъ?

— Жаловаться не могу.

— И давно служишь?

— Съ малолѣтства.

— Ну, чай и абшидъ когда-нибудь получишь?

— Нѣтъ, службу очень люблю — абшида не желательно.

— А по какой части?

— Какъ тебѣ сказать? По всѣмъ, сегодня здѣсь, завтра тамъ.

— Да развѣ это можно?

— Нужно, такъ и можно.

— Слыхалъ я о вашемъ царѣ, что онъ на всѣ руки мастеръ, неужто и народъ такоїї же?

— Народъ? А вотъ увидишь, когда нашъ народъ наукой просвѣтится, что изъ него выйдетъ.

— Это что? Крѣпость что ли ваша? Изрядная.

— Угостить господъ шведовъ можемъ.

— А это дома пошли? Вонъ тотъ, самый большой, чей?

— Губернатора Меншикова. Тебя велѣно тотчасъ же къ нему просить, какъ только на якорь станешь.

Голландскій корабль остановился, обмѣнялся пушечными салютами съ крѣпостью, и тотчасъ же шкиперъ съ лоцманомъ отправились къ губернатору.

Александръ Даниловичъ принялъ шкипера очень ласково, подарилъ ему 500 червонцевъ, на каждаго матроса по 30 талеровъ.

— Двумъ слѣдующимъ кораблямъ тоже будетъ на-

града,—сказалъ Меншиковъ.—А васъ, господинъ шкиперъ, прошу сегодня у меня откушать. Благополучно ли вы дѣхали?

— Да, благодаря этому молодцу, — отвѣчалъ шкиперъ, указывая на лоцмана, — могу засвидѣтельствовать вашему превосходительству, что онъ отличный лоцманъ.

— Да, онъ свое дѣло знаетъ.

Вышли пріятели отъ губернатора.

— А теперь, камрадъ, — сказалъ лоцманъ, — милости просимъ ко мнѣ закусить пока до губернаторскаго обѣда, мой домикъ близехонько.

Домикъ оказался маленькій, всего двѣ комнатки съ перегородкой да сѣнями. Но онъ казался еще тѣснѣе оттого, что не только въ комнатахъ, но и въ сѣняхъ стояли шкапы съ книгами, съ разными чертежами и особенно много разныхъ инструментовъ.

— Ты, камрадъ, человѣкъ ученый, — замѣтилъ шкиперъ, разсматривая инструменты.

— Ученый, не ученый, а кой-что маракую. По моимъ дѣламъ многое знать надо.

Мебель была самая простая, нигдѣ ни малѣйшаго украшенія. Въ переднемъ углу большой образъ Спасителя и передъ нимъ лампада.

— Это, я слышалъ, обычай такой у васъ? — спросилъ шкиперъ.

— Да, непремѣнно въ каждомъ домѣ образа, даже у самаго бѣднаго человѣка.

— У насъ этого нѣтъ, а скажу — хорошій обычай. Знаешь, правду говорятъ, кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался. Конечно, по нашей вѣрѣ, ни святыхъ, ни образовъ, а все же не худо, если что-нибудь о Богѣ напоминаетъ. А у тебя этотъ образъ старинный должно быть?

— Очень старинный. Меня отецъ имъ благословилъ. Куда бы я ни поѣхалъ, я не разстаюсь съ нимъ.

— А отецъ-то твой умеръ?

— Да. Мнѣ въ то время три года было.

— Бѣдняжка! То то, чай, ты натерпѣлся между чужими людьми.

— Всего было.

— А теперь ничего, живешь? Это домикъ-то твой?

— Мой.

— Не величекъ, а ничего, жить можно.

— Можетъ и земля есть?

— Есть вотчинка въ Новгородскоїи губерніи.

— Ну, это хорошо, и порядочный доходъ съ нея?

— Жить можно. Этимъ доходомъ да жалованьемъ и живу. Слава Богу, концы съ концами свожу, долговъ нѣтъ.

— Это главное. А вотъ что, камрадъ. Ты меня не обидь. За то, что ты корабль отлично провелъ, ты ничего не взялъ. Что же, это хорошо, по-пріятельски. Позволь же мнѣ по-пріятельски поступить. Я привезъ вино да соль. Позволь боченочекъ вина тебѣ презентовать.

— На томъ спасибо.

— Ѣхалъ я сюда, такъ будто мнѣ шептэлъ кто-то, что съ московитами подружусь. Такъ и вышло. Сперва тебя, старинnаго пріятеля, встрѣтилъ. А потомъ губернаторъ, нечего сказать, человѣкъ обходительный, хоть онъ и молодъ, а вѣрно въ чинахъ и знатный человѣкъ.

— Роду незнатнаго, а у царя, что правая рука.

— А ничуть не гордъ. Это, камрадъ, много значитъ. Отъ его царскаго величества онъ мнѣ знатный подарокъ учинилъ и за то его царскому величеству вѣчно благодаренъ буду. По всей нашей землѣ слухъ объ его щедрости распущу. А ласковое слово само по себѣ. Иной сановникъ на нашего брата и не посмотритъ, говоритъ, будто нехотя, а этотъ обласкалъ да еще обѣдать позвалъ.

— У насъ русскихъ гостепріимство первое дѣло.

— Славный вы народъ. Право, погляжу на васъ, такъ вы точно стоите, что вамъ такого царя, какъ вашъ Питеръ, Богъ послалъ. А что, можетъ быть. и самъ царь теперь здѣсь?

— Недавно пріѣхалъ съ Ладожскаго озера.

— Вотъ ужь кстати! Давно хочется мнѣ его посмотрѣть. Какъ думаешь, увижу я его?

— Отчего не увидать?

— Ну, вѣдь онъ здѣсь не то, что въ Голландіи. Все же случай надо его увидать.

— Какой тутъ случай! Да сегодня царь на обѣдѣ у губернатора будетъ.

— Ай, ай, ай, этакъ, пожалуй, губернаторъ меня ему представитъ.

— Можетъ быть и представитъ.

— Какъ же это такъ неожиданно! Можетъ быть и говорить съ нимъ придется?

— Придется и говорить.

— Вотъ это дѣло мудреное. Никогда я съ потентатами не разговаривалъ. Говорятъ, съ ними нельзя спроста, какъ съ другими людьми. И встать, и поклониться, и говорить надо умѣючи.

— Ну, съ русскимъ царемъ какъ угодно говори, только одно помни—не ври.

— Не любитъ?

— Терпѣть не можетъ.

— И хорошо дѣлаетъ. Я тоже вралей не люблю. А веселенькій у тебя домикъ. Изъ окошка далеко видно.

— А знаешь, куда это окошко?

— Куда?

— Въ Европу.

— Шутникъ!

— Я не про это окно говорю, а про весь Санктъ-Питербургъ.

— А что ты, пожалуй, и правда. Если всѣхъ такъ принимать будутъ, какъ меня приняли, то сюда корабли тысячами приплывутъ.

— Твоими устами да медъ пить.

Побесѣдовали пріятели, выпили по двѣ рюмочки водки, закусили чѣмъ Богъ послалъ и разстались.

Только-что вышелъ шкиперъ изъ домика, какъ ему встрѣтился голландскій офицеръ, состоящій въ русской службѣ.

— Что, господинъ шкиперъ?—спросилъ онъ,—царь во дворцѣ?

— Въ какомъ дворцѣ?

— Да вотъ въ томъ, изъ котораго вы теперь вышли.

— Развѣ это дворецъ?

— Конечно, дворецъ.

— Шутникъ вы, господинъ офицеръ! Этакъ вы пожалуй скажете, что тамъ со мной разговаривалъ не пріятель мой лоцманъ, а русскій царь.

— Съ вами разговаривалъ хозяинъ этого дома?

— Да. Онъ ввелъ мой корабль въ Неву. И скажу вамъ—мастеръ!

— Когда не мастеръ! Онъ другими кораблями побольше вашего управляетъ. Видѣлъ я вашего лоцмана. Онъ и есть московскій царь.

— Никогда этому не повѣрю.

— Надо повѣрить, камрадъ,—сказалъ Петръ, выходя изъ домика.—Правды дѣвать некуда. Я вѣдь говорилъ тебѣ, что лоцманомъ такъ, между дѣломъ бываю.

Пришлось Выбесу повторить. Но долго ему это казалось невѣроятнымъ, потому что царь продолжалъ съ нимъ пріятельски обращаться.

Поѣхалъ царь съ Александромъ Даниловичемъ устье Невы осматривать, взялъ съ собой и Выбеса. Доѣхали они до острова Котлина. Царь самъ, среди плывущихъ льдинъ, сталъ лотомъ измѣрять морскую глубину вокругъ острова.

— Знаешь что, Данилычъ?—сказалъ онъ,—съ сѣвера-то, отъ Финляндіи, по камнямъ и мелямъ море непроходимо, а съ юга, отъ Ингріи, фарватеръ свободенъ и открытъ. На Котлинѣ мы фортецію построимъ, а къ югу на самомъ фарватерѣ другую—тогда посмотримъ, какой недругъ къ Санктъ-Питербургу пройдетъ.

— Какъ же другую-то фортецію построить?—спросилъ Выбесъ.

— А зимой, когда ледъ будетъ, на самомъ проходѣ корабельномъ, въ море деревянную крѣпость опустить, нагрузивъ ее каменьями. Ящики такіе можно сдѣлать большіе, футовъ въ десять вышиной. Если ихъ каменьями набить, то они все равно, что фундаментъ будетъ.

— Развѣ это возможно?—спросилъ Выбесъ.

— Когда царь то приказываетъ? — спросилъ въ свою очередь Меншиковъ.

Оставшись на зимовку въ Петербургѣ, Выбесъ убѣдился, что это возможно. Царь уѣхалъ на зиму въ Воронежъ и прислалъ Меншикову модель предполагаемой крѣпости. По этой модели и по наставленіямъ царя, Меншиковъ соорудилъ на фарватерѣ крѣпость, названную Кроншлотомъ, т.-е. короннымъ замкомъ. Тамъ было поставлено 14 пушекъ да на Котлинѣ, гдѣ впослѣдствіи основали Кронштадтъ, 60 пушекъ. Петербургъ былъ обезпеченъ со стороны моря.

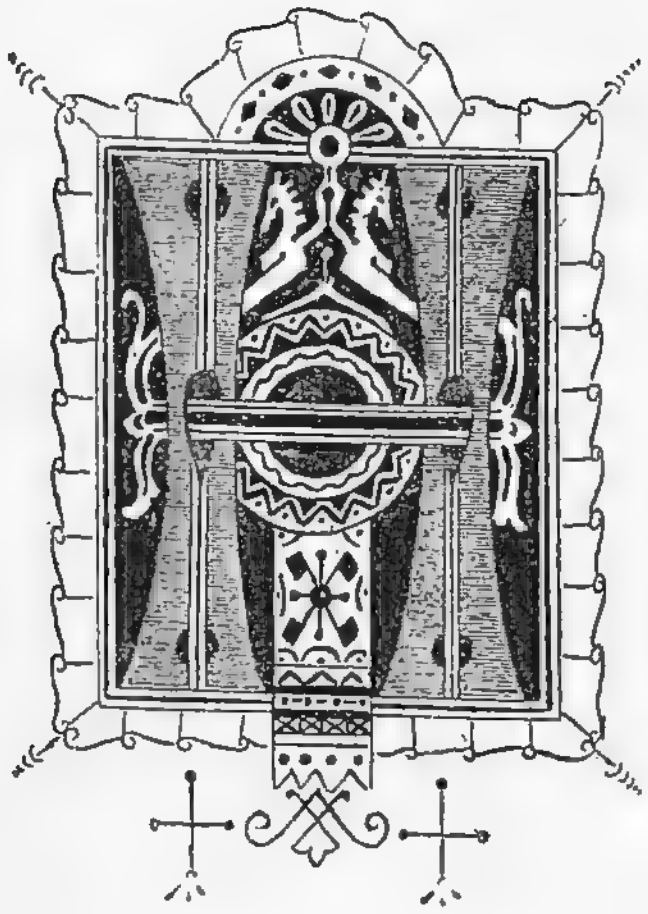
Выбесъ смотрѣлъ на это и дивился.

— Видно, съ этимъ царемъ, думалъ онъ, и чухонскія сказки превращаются въ дѣйствительность.

XIX.

ВЪ ПАРАДИЗѢ.

(1704 — 1706 гг.).



НАРВСКІЙ губернаторъ генералъ Горнъ созвалъ военный совѣтъ. Собрались полковники Лоде, Ребиндеръ, Опалевъ, Ферзенъ и Моратъ, подполковники Москвардъ и Стирнстраль, комендантъ Иванъ-города, особой, на другомъ берегу Нарвы, крѣпости, состоящей въ связи съ Нарвскою и подчиненной нарвскому коменданту.

— Господа!—началъ говорить генералъ,—русскіе вторично осадили нашу крѣпость. Надо посовѣтоваться, что намъ дѣлать.

— Вѣрно, имъ мало перваго урока, — сказалъ Ребиндеръ,—хотятъ повторенія.

— Въ 1701 году, — прибавилъ Опалевъ, — когда они осаждали Нарву, въ ней было втрое менѣе гарнизона, чѣмъ теперь, пушекъ тоже, укрѣпленія тогда были хуже.

— И ихъ войско,—замѣтилъ Ферзенъ,—стало лучше. Нельзя отрицать, что въ Лифляндіи и въ Ингріи они имѣли успѣхи.

— Успѣхи въ полѣ, — возразилъ Горнъ,—и когда ихъ было десять на одного. А если они взяли Нотебургъ и Ніеншанцъ, то Нарва лучше укрѣплена и гарнизонъ вдвое сильнѣе, чѣмъ тѣ отряды, которые были въ этихъ городахъ.

— Они и Дерптъ осадили.

— Думаю, что полковникъ Скитте отобьется. Не сегодня — завтра къ намъ помощь придетъ. Слышно, что его величество уже сѣлъ въ Гданскѣ на корабли и спѣшитъ сюда.

— О! если король придетъ, то послѣдуетъ повтореніе битвы 1701 года!

— Въ ожиданіи короля мы, по всеи вѣроятности, немедленно получимъ другую помощь; мнѣ навѣрное извѣстно, что генералъ Шлиппенбахъ стоитъ съ войскомъ близъ Везенберга и намѣренъ идти сюда. Я приказалъ ротмистру Конау наблюдать въ зрительную трубу везенбергскую дорогу и тотчасъ донести мнѣ, если замѣтитъ что-либо заслуживающее вниманія.

— Только бы пришелъ Шлиппенбахъ, а пробраться сюда его войскамъ будетъ не мудрено,—сказалъ Ребиндеръ,— я пробрался же со стороны моря. И много ли со мною солдатъ было? всего 600. А русскіе замѣтили меня и бросились преслѣдовать уже тогда, когда я былъ въ безопасности подъ защитой крѣпостныхъ орудій.

— Шлиппенбаху незачѣмъ сюда приходить,—замѣтилъ Горнъ,—это даже можетъ быть вредно: у насъ здѣсь не такъ много припасовъ, чтобы кормить армію Шлиппенбаха. Я разсчитываю совсѣмъ на иное. Мнѣ кажется, мы можемъ, когда генералъ Шлиппенбахъ придетъ, напасть съ двухъ сторонъ на московитовъ.

— Конечно, если только Шлиппенбахъ придетъ съ значительными силами.

Вдали раздался пушечный выстрѣлъ.

— Что это такое?—вскричалъ Горнъ, беря зрительную трубу.

Выстрѣлъ повторился.

— Это похоже на сигналъ! Изъ моего окна тоже можно наблюдать везенбергскую дорогу. Посмотримъ.

Еще раздались два выстрѣла съ промежутками.

— Нѣтъ сомнѣнія, это сигналъ! Мы заранѣе условились съ Шлиппенбахомъ, что онъ четырьмя пушечными выстрѣлами дастъ знать о своемъ приходѣ. Отвѣчать ему четырьмя выстрѣлами.

Вошелъ ротмистръ Конау.

— Отъ Везенберга идетъ помощь, ваше превосходительство.

— Близко?

— Недалеко. Въ трубу даже можно различить наши синіе мундиры и синія эпанчи.

— Много войска?

— Не очень. Два драгунскихъ и два пѣхотныхъ полка.

— Можетъ быть, это только авангардъ. Во всякомъ случаѣ необходимо сдѣлать вылазку имъ на встрѣчу. Подполковникъ Марквардъ соберетъ 150 драгунъ и выступитъ въ авангардѣ, за нимъ полковникъ Лоде съ 1000 пѣхотинцевъ и полковникъ Моратъ съ 4 пушками. Ого! кажется, наши дерутся.

Дѣйствительно, послышались частые выстрѣлы.

— Господа! приготовляйте и прочее войско на случай, если генералъ Шлиппенбахъ настолько силенъ, что можно ударить на московитовъ, а я пойду на бастіонъ, смотрѣть какъ онъ съ ними раздѣлывается.

Едва генералъ вышелъ на крыльцо, какъ къ нему подбѣжалъ краснощекій кудрявый мальчикъ лѣтъ восьми.

— Папа! возьми меня съ собой.

— Какъ это можно, Юрій! — вскричала немолодая, но еще довольно красивая женщина, поспѣшно выходя на крыльцо.

— Отчего нельзя, Луиза? — сказалъ генералъ.—Юрій будетъ солдатомъ, слѣдовательно долженъ заранѣе привыкать къ пороховому дыму. Да и никакой опасности нѣтъ на стѣнѣ: московиты не по намъ стрѣляютъ, а по Шлиппенбаху.

И Юрій отправился съ отцомъ.

— Видишь,—говорилъ генералъ своему сыну,—эти—въ синихъ мундирахъ наши, а въ зеленыхъ московиты.

— По этому ихъ и различаютъ?

— Не по этому одному. Видишь, какъ стройно стоятъ наши и какъ правильно стрѣляютъ, а московиты стоятъ и стрѣляютъ какъ попало. Это сбродъ, а не войско.

— Знаю. Я выросту, такъ самого московитскаго царя въ плѣнъ возьму.

— Я думаю, его проучатъ раньше, чѣмъ ты вырастешь.

— А это кто изъ воротъ выходитъ?

— Подполковникъ Марквардъ съ кавалеріей.

— Вонъ и по улицамъ идутъ солдаты, и пушки везутъ.

— Это полковникъ Лоде и Моратъ. Всѣ идутъ помогать нашимъ, которые теперь съ московитами дерутся.

— Достанется же московитамъ! А смотри-ка, папа, за солдатами народъ бѣжитъ.

— Правда. Даже женщины и дѣти. Полковникъ Опалевъ, вы видите?

— Да, генералъ. Послѣ первой осады жителямъ удалось поживиться въ русскомъ лагерѣ, такъ, вѣрно, они и теперь на то же разсчитываютъ.

— Все-таки это безпорядокъ. Напрасно Лоде это допустилъ. Браво! браво! наши начинаютъ одолѣвать. Московиты отступаютъ.

— Даже въ обозѣ у нихъ смятеніе, снимаютъ палатки, впрягаютъ лошадей.

— Молодецъ Шлиппенбахъ! Даже безъ нашей помощи справился. Понятно, что если еще мы нападемъ, вся непріятельская армія будетъ побита.

Между тѣмъ отрядъ полковника Маркварда подъѣзжалъ къ мѣсту сраженія. Рядомъ ѣхали ротмистръ Линдкранцъ и корнетъ Дункоръ.

— Правда, корнетъ, мы выпили,—говорилъ ротмистръ,—но кой чортъ велитъ дѣлать вылазку послѣ обѣда. За обѣдомъ честный офицеръ не можетъ не выпить.

— Можетъ быть, генералъ Горнъ иного мнѣнія объ этомъ.

— Генерала здѣсь нѣтъ, корнетъ, извѣстное дѣло, что генералъ строгъ, но его здѣсь нѣтъ. А подполковникъ Маркваръ благородный офицеръ. Ну, что же, я скажу прямо, что я пьянъ. Что же изъ этого? Развѣ я отъ того буду хуже драться? Да давай мнѣ цѣлый полкъ московитовъ—искррошу!

— Что это! Какъ-будто что-то блеснуло между кустами.

— Чему блеснуть! Это просто отра... отраженіе свѣта. Вотъ вы, корнетъ, физикѣ не обучались, не знаете, что такое отраженіе свѣта. Это, видите ли, свѣтъ происходитъ отъ солнечныхъ лучей. Они преломляются, отражаются... и баста.

— Кто его знаетъ,—думалъ Дункоръ,—можетъ быть,

и отраженіе. Ротмистръ Линдкранцъ человѣкъ ученый, не будь такимъ пьяницей, онъ бы далеко пошелъ.

— Физика—это очень любопытная вещь, корнетъ, жаль, что вы ей не учились. Вотъ еще философія. Канальски занимательная наука. Я ее у самого Лейбница слушалъ. И я философъ, корнетъ, философъ. Вотъ, напримѣръ, скажите, корнетъ, можете вы попасть въ плѣнъ?

— Не желаю.

— Кто васъ спрашиваетъ, желаете ли? Это совсѣмъ другая категорія понятій. Вы знаете, что такое категорія? Не знаете? И прекрасно. Я вамъ скажу просто. Можно попасть въ плѣнъ, не желая.

— Конечно, можно.

— А я вотъ никогда не попаду въ плѣнъ.

— Это почему?

— Потому что не желаю. Если бы мы дрались съ европейскимъ войскомъ, тогда отчего же, пожалуй. Въ плѣну даже иногда можно пріятно провести время, разумѣется, если нѣтъ недостатка въ винѣ и другихъ предметахъ. Но быть въ плѣну у татаръ, калмыковъ, московитовъ—слуга покорный! Вы знаете, корнетъ, калмыки ѣдятъ человѣческое мясо.

— И московиты тоже?

— О московитахъ не знаю навѣрное. Но татаринъ, калмыкъ, московитъ это одно и то же, варвары. И попасться въ плѣнъ къ нимъ я не желаю. Если я увижу, что окруженъ ими и нѣтъ надежды на сикурсъ, знаете, что я сдѣлаю, корнетъ?

— Не знаю.

— Видите этотъ пистолетъ? Я его прикладываю къ виску—пафъ! и ротмистръ Линдкранцъ переселится къ длинному ряду своихъ предковъ, а московиты съ носомъ.

— Вотъ и наши!—вскричалъ Марквардъ,—они уже разбили московитовъ. Скорѣе, друзья, на встрѣчу генералу Шлиппенбаху.

Дѣйствительно, нѣсколько сотъ драгунъ въ синихъ мундирахъ подъ начальствомъ полковника быстро скакали къ маленькому шведскому отряду.

— Благодарю васъ, полковникъ, за помощь!—вскричалъ Марквардъ.

— А васъ поздравляю съ побѣдой и освобожденіемъ!—отвѣчалъ полковникъ.

Солдаты обоихъ отрядовъ перемѣшались, начальники ихъ обнялись.

— Вы мой плѣнникъ!—вскричалъ полковникъ, схватываясь за шпагу Маркварда.

Оказалось, что прибывшіе драгуны въ синихъ мундирахъ—переодѣтые русскіе. Они быстро обезоруживали шведовъ, ошеломленныхъ неожиданностію.

— Дѣлать все безъ шума!—говорили русскіе офицеры,—чтобы не вспугнуть другихъ.

Но философъ Линдкранцъ исполнилъ свое обѣщаніе: не отдался въ плѣнъ московитамъ и размозжилъ себѣ черепъ пистолетнымъ выстрѣломъ; Лоде и Моратъ это услышали и бросились со своими отрядами обратно въ крѣпость. Но когда они проходили между кустами, за которыми корнетъ Дункоръ видѣлъ что-то блестящее, оттуда бросились на шведовъ русскій полковникъ Ренне съ преображенцами и драгунами. Они еще ночью забрались туда и сидѣли тамъ въ засадѣ. Началась горячая схватка. До 300 шведовъ было убито, до 50 взято въ плѣнъ. Русскіе потеряли только четверыхъ. Полковникъ, взявшій въ плѣнъ Маркварда, былъ фонъ-Арнштедтъ, польскій посланникъ. Онъ отправился съ плѣнными къ командиру четырехъ полковъ въ синихъ мундирахъ и эпанчахъ, полковъ, которые пришли со стороны Везенберга и сражались такъ храбро съ русскими въ виду Горна.

— Шутка не вполнѣ удалась, капитанъ,—сказалъ Арнштедтъ,—кавалерія намъ попалась, но инфантерія и артилерія ушли.

— И за то спасибо,—отвѣчалъ капитанъ, громко смѣясь,—молодецъ, Данилычъ, что придумалъ всю эту штуку.

— А какъ грозно вы на насъ наступали, капитанъ,—сказалъ Меншиковъ,—только ядра ваши все чрезъ головы намъ перелетали.

— Изъ фортеціи, я думаю, любовались, какъ шведы добрымъ строемъ сражались, а наши въ безпорядкѣ. А отъ плѣнныхъ слышно, что господинъ Шлиппенбахъ съ 3,000 у Везенберга стоитъ, сикурса ожидаетъ и отъ короля повелѣно ему выручать Нарву, хотя бы у него ни души не осталось. Того для полковникъ Ренне съ 6-ю драгунскими полками пусть отправится переговорить со Шлиппенбахомъ. А изъ пѣхоты дать господину Ренне бутырскій полкъ, да

изъ ингерманландскаго сотъ пять, да пожалуй преображенцевъ и семеновцевъ съ полсотни и всю пѣхоту на телѣги и лошадей посадить. А мы съ тобою, Данилычъ, въ Петербургъ поѣдемъ артиллерію поторопить, чтобы московскимъ тотчасомъ не попотчивали.

Разумѣется, когда капитанъ и Меншиковъ пришли торопить артиллерію, то никакого «тотчасъ» не оказалось, и она пришла къ Нарвѣ исправно, а между тѣмъ Ренне «переговорилъ со Шлиппенбахомъ столь изрядно», что шведскій генералъ едва съ двумя сотнями всадниковъ ускакалъ въ Ревель. За это Ренне былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Капитану нашлось другое дѣло. Шереметевъ въ это время осаждалъ Дерптъ и дѣло шло медленно. Капитанъ отправился туда, а начальникомъ войскъ подъ Нарвою назначилъ приглашеннаго Паткулемъ въ русскую службу фельдмаршала Огильви.

Огильви высказалъ мнѣніе, что слѣдуетъ осаждать крѣпость съ праваго берега Наровы отъ Иванъ-города, а на дорогѣ изъ Ревеля въ Нарву устроить укрѣпленія на случай, если оттуда явится сильная помощь Нарвѣ. Онъ хлопоталъ также объ устройствѣ войска и понравился Меншикову, который писалъ государю, что фельдмаршалъ зѣло во всемъ искусенъ и «доброопасенъ».

Но капитанъ менѣе былъ доволенъ своимъ русскимъ фельдмаршаломъ Шереметевымъ. Изъ подъ Дерпта онъ писалъ Меншикову: «Здѣсь обрѣли мы людей въ добромъ порядкѣ, но кромѣ дѣла, ибо двои аппроши съ батареями принуждены бросить за ихъ неудобствомъ, третью передѣлать, и просто сказать: кромѣ зарѣчной батареи и балковыхъ шанецъ (которые недавно предъ пріѣздомъ нашимъ зачаты), все негодно и туне людей мучили. Когда я спрашивалъ ихъ: для чего такъ? То другъ на друга ссылались, а больше на перваго, который столько же знаетъ. Здѣшніе господа зѣло себя берегутъ, уже кажется и надъ мѣру; они немногимъ ближе, какъ нашъ обозъ отъ Нарвы. Но я принужденъ сію ихъ Сатурнусову дальность въ Меркуріусовъ кругъ подвинуть. Зѣло жаль, что уже 2,000 бомбовъ выметано безпутно. Брешь, чаю, зачнемъ кончае по четырехъ дняхъ, зѣло въ изрядномъ мѣстѣ гдѣ муръ *) только указу дожидается, куды упасть».

*) Стѣна.

При самомъ капитанѣ дѣло пошло живо. Цѣлую недѣлю продолжалось сильное бомбардированіе. Русскіе взяли равелинъ и даже ворвались въ башню. Комендантъ полковникъ Скитте, видя невозможность далѣе защищаться, сдался съ тѣмъ, что гарнизону данъ былъ свободный выходъ, но безъ знаменъ и пушекъ. Оставя сильный русскій гарнизонъ въ Дерптѣ, капитанъ съ Шереметевымъ и остальными войсками поспѣшилъ къ Нарвѣ.

Огильви предлагалъ осаждать сначала Иванъ-городъ, а не Нарву, но Петръ продолжалъ осаду самой Нарвы и устроивъ, по совѣту фельдмаршала, батареи на правомъ берегу рѣки, оставилъ ихъ и на лѣвомъ. Особенно хорошо дѣйствовала одна изъ нихъ противъ бастіона Гоноръ. Въ городѣ отъ бомбардированія нѣсколько разъ начинался пожаръ, даже взлетѣлъ на воздухъ цейхгаусъ, но комендантъ не сдавался. Наконецъ бастіонъ Гоноръ отъ бомбардированія осѣлъ, и земляной брустверъ обвалился въ ровъ. Путь для штурма былъ открытъ. Къ коменданту послали полковника Похвиснева съ предложеніемъ сдаться.

— Смерть боюсь,—говорилъ Семенъ Соковнинъ брату своему Ванѣ,—чтобы шведъ не сдался.

— А какая тебѣ въ томъ тревога?

— Какая! Когда съ Борисомъ Петровичемъ по Ливоніи да Эстоніи гуляли, куда привольно было. Еще эти собаки: калмыки, тотары да казаки лучшій кусъ отнимали—да все-же и намъ доставалось, славное житье было!

— Неужто тебѣ грабить-то по нраву?

— По нраву! Хорошо тебѣ говорить! Ты царскій денщикъ — нужды не увидишь, а можетъ, въ большіе люди выйдешь. А намъ что? Отцовскія-то вотчины отобрали. Чѣмъ же жить? Жалованьемъ что-ли? Это еще мужику можно, а мы стариннаго дворянскаго рода. Ну въ Ливоніи и Эстоніи еще жить можно было. А въ Юрьевѣ такое-то меня зло взяло. Вскочили ужь мы на башню, думаю, сейчасъ въ городъ ворвемся, натѣшимся, вдругъ говорятъ—стой! шведъ сдался, никого трогать нельзя. Смотри-ко, бились, бились, а потомъ, когда наша взяла, и трогать не смѣй.

— Извѣстно, лежачаго не бьютъ.

— Разсказывай! Нѣтъ, я, братъ, ни нѣмцу, ни шведу, ни стоячему, ни лежачему не спущу.

— Смотри, попадешься. Я отъ набольшихъ слыхалъ,

что грабить солдату доброму порядку противно и что за грабежъ прежестоко наказать могутъ.

— Прежестоко! Въ Ливоніи позволяли же.

— Тамъ другое дѣло. Тамъ нужно было шведа разореніемъ его земли ослабить.

— А здѣсь мнѣ себя утѣшить надо.

Желаніе Семена исполнилось: Горнъ отказался сдаться. И еще Похвисневъ сказалъ, что при отказѣ Горнъ «хульныя словеса» говорилъ.

Печально сидѣлъ за обѣдомъ маленькій Юрій Горнъ 9 августа 1704 года. Отца его не было дома. Въ послѣднее время жена и дѣти не видали его по цѣлымъ днямъ. Жена генерала Горна, урожденная графиня Шперлингъ, часъ отъ часу становилась безпокойнѣе и грустнѣе. Четыре маленькія сестры Юрія въ этотъ день особенно были напуганы бомбою, которая попала въ домъ, гдѣ они жили. Блѣдныя, со слезами на глазахъ сидѣли онѣ за столомъ.

Раздался громкій барабанный бой, въ городѣ началось сильное движеніе; солдаты почти бѣжали по улицамъ, спѣша къ стѣнамъ.

— Вѣрно штурмъ, — прошептала графиня и обняла Юрія.

— Гдѣ папа? я хочу быть съ нимъ.

— Нельзя, милый. Ты знаешь, что теперь папа не позволяетъ тебѣ ходить на стѣны.

— Не лучше ли, графиня,—сказала камеристка,—вамъ съ дѣтьми уѣхать въ Иванъ-городъ, всѣ говорятъ, что тамъ штурма не будетъ.

— Если мы здѣсь не будемъ въ безопасности, то развѣ тамъ спасемся? Послѣ взятія Нарвы развѣ Иванъ-городъ можетъ держаться?

— Позвольте мнѣ хоть фрейлейнъ отвести къ господину Гетте: домъ его у самой рѣки и тамъ меньше опасности и шума.

— Пожалуй. Прощайте, мои дорогія. А мы съ тобой, Юрій, будемъ смотрѣть въ окно.

Скоро на улицѣ показалось нѣсколько раненыхъ.

— Какъ дѣла?—спросила графиня одного изъ нихъ.

— Скверно. Ужь московиты овладѣли бастіономъ Гоноръ.

Показалась новая толпа. Въ числѣ ея не только были раненые, но и здоровые.

— И вамъ не стыдно бѣжать!—вскричала имъ графиня.

— Бѣгите и вы!

— Московиты уже взяли Новый-городъ!

— Гдѣ мой мужъ?

— На валу между Старымъ и Новымъ городомъ.

— Онъ приказывалъ барабанщику бить шамадъ *), но московиты, какъ звѣри, лѣзутъ впередъ.

— Господи! спаси насъ!

Послышались страшные крики. Явилась толпа бѣгущихъ шведовъ, и за ними разъяренные побѣдители. Не помня себя отъ ужаса, графиня схватила маленькаго Юрія за руку и побѣжала съ нимъ изъ дома. Инстинктивно она направилась къ дому Гетте, гдѣ были ея дочери.

— Славный денекъ выдался!—говорилъ Семенъ Соковнинъ, обшаривая карманы убитаго шведскаго офицера.

Въ эту минуту онъ увидалъ бѣгущую графиню.

— Вотъ славная-то добыча!—крикнулъ Семенъ другому солдату,—посмотри-ка вся въ бархатѣ, а серьги да ожерелье чего стоятъ.

И оба они бросились за несчастной женщиной. Задыхаясь, она бѣжала, сколько было у нея силы, къ рѣкѣ. Мальчикъ не отставалъ отъ матери.

Раздался сильный звукъ трубы.

— Стой, Семенъ!—закричалъ другой солдатъ,—слышишь, трубятъ сборъ, пойдемъ въ ряды.

— Ступай, если хочешь, а я этой добычи не упущу.

Солдатъ воротился, а Семенъ продолжалъ преслѣдовать графиню.

— Господа офицеры!—раздался вдали чей-то громкій, повелительный голосъ,—прекратить убійство и грабежъ! Разставить караулы при уцѣлѣвшихъ домахъ.

Семенъ, казалось, не слышалъ этого приказанія. Онъ уже догонялъ свою жертву. Къ несчастію, она поскользнулась и упала.

— Ну, красотка! давай сперва твое ожерелье и серьги.

И онъ сталъ срывать эти вещи.

Но Юрій схватилъ камень и бросилъ ему въ лицо.

— Ахъ, ты чертенокъ! Погоди! я угомоню тебя.

И онь съ поднятымъ прикладомъ бросился на мальчика.

---

*) Сигналъ къ сдачѣ.

Тотъ увернулся. Опасность сына возвратила силы графинѣ. Какъ раненая львица бросилась она и загородила собой сына.

— А если такъ, такъ вотъ тебѣ!

И онъ нанесъ несчастной женщинѣ ужасный ударъ прикладомъ. Она упала со стономъ. Юрій палъ на колѣни и рыдалъ какъ въ истерикѣ. Семенъ между тѣмъ срывалъ ожерелье и серьги съ убитой женщины.

— Прочь, негодяй! На мѣсто!—послышался громовой голосъ.

Но Семенъ даже не взглянулъ на того, кто съ нимъ говорилъ.

— Убирайся самъ!—проговорилъ онъ,—срывая браслетъ съ руки графини.

Эти слова его были послѣдними. Высокій офицеръ, дрожа отъ гнѣва, вонзилъ ему шпагу въ грудь.

— Генералъ!—сказалъ онъ, возьмите этого несчастнаго ребенка.

Генералъ Чамберсъ, герой этого дня, вошедшій вмѣстѣ съ преображенцами прежде другихъ въ Нарву, поднялъ ребенка и ласково сказалъ ему:

— Твоей мамѣ сейчасъ помогутъ. Есть еще утебя родные?

— Тамъ сестры,—проговорилъ ребенокъ, указывая на домъ Гетте, бывшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста этой кровавой сцены.

Высокій офицеръ вбѣжалъ въ домъ Гетте. Увидавъ его съ окровавленной шпагой, собравшіеся въ домѣ шведы, большею частію женщины и дѣти, оцѣпенѣли отъ ужаса.

— Не бойтесь!—вскричалъ онъ, бросая на столъ свою шпагу,—это не шведская, а русская кровь.

Генералъ Чамберсъ взялъ на свое попеченіе Юрія и четырехъ его сестеръ. Отецъ ихъ генералъ Горнъ былъ взятъ въ плѣнъ. Убитая мать ихъ была брошена вмѣстѣ съ другими тѣлами въ Нарову.

Бомбардирскій капитанъ донесъ князю Ромодановскому: «Всемилостивѣйшій Господь сію атаку счастіемъ благоволилъ. Гдѣ предъ четырьмя лѣты оскорбилъ, тутъ нынѣ веселымъ побѣдителемъ учинилъ».

Ваня Соковнинъ, узнавъ о смерти брата, тяжко занемогъ и былъ отправленъ для излѣченія въ Петербургъ. Тамъ онъ и оставался до 1706 года.

Петръ оставался въ Нарвѣ до декабря, потомъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ праздновалось взятіе Нарвы подобно тому, какъ прежде взятіе Азова и Шлиссельбурга. Точно также были устроены тріумфальныя ворота и произносимы рѣчи. Главныя почести были отданы фельдмаршалу Огильви, какъ главнокомандующему. Онъ тотчасъ же занялся устройствомъ русскаго войска и отлично исполнилъ это дѣло. Было учреждено 30 пѣхотныхъ полковъ и 16 конныхъ, первые въ полномъ комплектѣ имѣли 45,700 человѣкъ, вторые 19,200 человѣкъ. Главнокомандующимъ былъ фельдмаршалъ Огильви, главнѣйшія по немъ лица: генералъ-отъ-инфантеріи князь Рѣпнинъ и генералъ-отъ-кавалеріи князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Впрочемъ въ это время онъ имѣлъ княжеское достоинство отъ кесаря, а Петръ уже впослѣдствіи, въ 1707 году, возвелъ Меншикова въ достоинство свѣтлѣйшаго князя Ижорскаго.

Съ февраля до апрѣля 1705 года Петръ пробылъ въ Воронежѣ, наблюдая за строеніемъ кораблей, въ апрѣлѣ хотѣлъ ѣхать къ войску, но его задержала сильная лихорадка, и только въ іюнѣ прибылъ въ Полоцкъ, гдѣ собралось 60,000 русскаго войска, такъ хорошо устроеннаго, что, по отзыву иноземныхъ офицеровъ, не было лучшей арміи ни въ одной нѣмецкой землѣ.

Очень нужна была эта армія, потому что изъ Польши были получены грозныя вѣсти. Карлъ XII нѣсколько разъ побилъ тамъ войска Августа II и наконецъ задумалъ лишить его польскаго престола. Кардиналъ-примасъ Радзѣевскій, хотя въ 1703 году въ Люблинѣ присягнулъ, что не будетъ желать зла Августу, однако же чрезъ полгода послѣ этого, въ январѣ 1704, созвалъ сеймъ въ Варшавѣ подъ предлогомъ мира со Швеціею и объявилъ, что шведы, не приступая къ мирнымъ переговорамъ, требуютъ лишенія Августа II польской короны.

Карлъ XII хотѣлъ доставить польскій престолъ князю Якову Собѣсскому, сыну знаменитаго короля Яна, прославившаго Польшу своими побѣдами. Но Августъ приказалъ схватить князя Якова близъ Бреславля въ Силезіи и отправить подъ стражу въ Лейпцигъ. Братъ Якова Александръ не принялъ предложенія Карла вступить на польскій престолъ. Надѣялся сдѣлаться королемъ коронный гетманъ Любомирскій и потому присоединился къ недругамъ Августа,

но Карлу XII очень понравился молодой воевода познанскій Станиславъ Лещинскій, и онъ требовалъ, чтобъ его избрали королемъ. Кардиналъ, Любомирскій и многіе другіе поляки были противъ этого, но избирателей окружили шведскимъ войскомъ, и 1 іюля 1704 г. Станиславъ былъ избранъ королемъ польскимъ.

Поляки раздѣлились на двѣ партіи: одни признавали короля Августа, другіе—Станислава, первымъ помогали русскіе, другимъ шведы. Карлъ XII ходилъ съ войскомъ по всей Польшѣ, бралъ штурмомъ города, не признававшіе Станислава королемъ, нѣкоторые совершенно разорялъ, съ другихъ взыскивалъ контрибуціи. Счастіе на минуту улыбнулось Августу, и онъ захватилъ Варшаву, а Станиславъ долженъ былъ бѣжать оттуда. Тамъ присоединились къ нему 11 русскихъ полковъ. Но когда Августъ услыхалъ, что Карлъ самъ идетъ на него, то безъ боя убѣжалъ сперва въ Краковъ, а потомъ въ Дрезденъ. Войско его подъ начальствомъ Шуленбурга было побито Карломъ. Изъ прибывшихъ къ Августу русскихъ полковъ 4 были уничтожены, остальные ушли вмѣстѣ съ войсками Августа въ Саксонію.

Карлъ расположился со своимъ войскомъ на зимнія квартиры въ Силезіи, но слышно было, что онъ намѣренъ со всѣми силами двинуться на Россію. Петръ долженъ былъ подумать о томъ, какъ его встрѣтить.

Но прежде всего онъ хотѣлъ управиться съ храбрымъ шведскимъ генераломъ Левенгауптомъ, начальствовавшимъ въ Курляндіи. Противъ него посланъ былъ Шереметевъ. Сраженіе между ними произошло при Гемауертгофѣ. Русская конница сбила непріятельскую, но вмѣсто того, чтобы продолжать битву, бросилась грабить обозъ. Тогда Левенгауптъ напалъ на нашу пѣхоту и побилъ ее такъ, что она, бросивъ пушки, ушла. Шведы взяли 8 знаменъ и 13 пушекъ. Самъ Шереметевъ былъ раненъ. Тогда Петръ лично повелъ войска на Левенгаупта, а Шереметеву приказалъ загородить шведскому генералу отступленіе къ Ригѣ. Но Шереметевъ не успѣлъ этого сдѣлать. Петръ, несмотря на всѣ усилія, не догналъ Левенгаупта. «Мы здѣсь великое несчастіе имѣемъ,—писалъ царь Головину,—понеже господинъ Леингоптъ, яко Нарцисъ отъ Эха, удаляется». Петръ однако взялъ Митаву и другіе города.

Въ Митавѣ онъ получилъ извѣстіе, что въ Астрахани

вспыхнулъ бунтъ. Для усмиренія этого бунта отправился Шереметевъ, самъ Петръ пошелъ съ войскомъ въ Гродно. Туда къ нему прибылъ Августъ II, пробравшійся подъ чужимъ именемъ чрезъ Венгрію. На пути Августъ провелъ цѣлую ночь среди шведовъ отряда фельдмаршала Реншельда. Петръ поручилъ Августу свое войско въ Гроднѣ подъ начальствомъ фельдмаршала Огильви и уѣхалъ въ Москву.

Въ январѣ 1706 года Меншиковъ донесъ Петру, что Карлъ съ 18,000 шведовъ и съ поляками идетъ на Гродно. Царь, хотя былъ боленъ, однако тотчасъ поѣхалъ къ войску. Между тѣмъ въ Гроднѣ произошло разногласіе: хотя на военномъ совѣтѣ Меншиковъ, Рѣпнинъ и другіе генералы подали мнѣніе, что должно отступить къ Полоцку, однако же, согласно мнѣнію Огильви, русская армія осталась въ Гроднѣ, въ укрѣпленномъ лагерѣ. Это едва не погубило ея. Къ счастію, Карлъ, осмотрѣвъ укрѣпленія Гродна, не рѣшился штурмовать и отошелъ верстъ за десять. Августъ II тотчасъ же взялъ четыре драгунскіе полка и ушелъ къ Варшавѣ, обѣщая фельдмаршалу Огильви привести саксонскую армію.

Едва царь выѣхалъ изъ Смоленска, какъ былъ встрѣченъ Меншиковымъ, который сказалъ ему, что Карлъ обошелъ Гродно и намѣренъ браль этотъ городъ штурмомъ. Въ февралѣ получилось отъ князя Рѣпнина увѣдомленіе, что въ Гроднѣ «большая скудость провіанта».

Петръ приказалъ устроить на западной границѣ засѣку отъ Пскова до Брянска и даже въ степи. «Вездѣ, гдѣ есть лѣсъ, зарубить рядомъ на 300 шаговъ шириною, въ случаѣ же отдаленія лѣсовъ отъ границы, вывести валъ тотчасъ по растаяніи снѣга, а гдѣ воды глубокія или болота непроходимыя, тамъ засѣки не дѣлать. Линію вести, не разбирая чья земля, русская или литовская».

Въ концѣ февраля Петръ получилъ извѣстіе, что саксонская армія, бывшая подъ начальствомъ Шуленбурга, наголову разбита Реншельдомъ, тогда какъ Огильви и Августъ напротивъ разсчитывали, что эта армія, далеко превосходя числомъ корпусъ Реншельда, уничтожитъ его.

Петръ тотчасъ же послалъ Огильви и Рѣпнину приказаніе отступить изъ Гродно, скрывъ это, насколько представится возможность, отъ шведовъ. При чемъ далъ имъ такія наставленія: «Когда Нѣманъ вскроется, тотчасъ не мѣшкая

перейти его, по заранѣе изготовленному мосту, и двинуться лѣвымъ берегомъ: непріятелю за льдомъ нельзя будетъ нигдѣ переправиться, а вамъ выдти зѣло свободно; только смотрѣть, чтобы идти прежде разлитія малыхъ рѣчекъ: иначе, когда разольются, невозможно будетъ. Путь, мнѣ кажется, лучше на Слуцкъ: тамъ есть изрядная фортеція съ доброю артилеріею и аммуниціею; въ немъ уже нашъ гарнизонъ и готовятъ къ вашему приходу магазейнъ. Мы въ пять днеи придемъ туда съ 12000 стройной пѣхоты, кромѣ нестройной и гетманской конницы».

Удостовѣрясь, что это повелѣніе исполняется, Петръ поѣхалъ въ Петербургъ.

Когда Александръ Данилычъ выступилъ въ походъ подъ Нарву, то командующимъ въ Петербургѣ остался комендантъ Петропавловской крѣпости полковникъ Брюсъ. Войско его состояло изъ 6 пѣхотныхъ полковъ, казаковъ и татаръ. При немъ для письменныхъ дѣлъ остался Игнатій Семеновъ.

Въ началѣ сентября онъ увидался со старинным своимъ пріятелемъ сержантомъ Михайломъ Щепотевымъ, который только-что воротился изъ Астрахани. Они не успѣли и поговорить хорошенько, какъ Щепотеву дано было приказаніе съѣздить къ Котлину провѣдать, не показались-ли на нихъ шведы.

— Не поѣдешь-ли со мной, Игнаша?—спросилъ онъ Семенова.

— И то поѣдемъ. Сегодня Брюсъ отпустилъ меня погулять. А чего лучше покататься по Невѣ и по взморью. Да и съ тобой сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались—побалагуримъ.

— Ну какъ вы тутъ поживали въ Санктъ-Петербургѣ?

— Изряднехонько. Только-что вы ушли подъ Нарву, какъ къ намъ гости съ двухъ сторонъ пожаловали: съ Выборгской стороны генералъ Майдель съ войскомъ подошелъ, а къ Кронштадту вице-адмиралъ де-Пру приплылъ съ кораблями. Майдель началъ перестрѣливаться съ Брюсомъ черезъ рѣку, ну-да Брюсъ у насъ стрѣлять-то изъ первыхъ мастеровъ. На Котлинъ шведы высадились было, да наши такъ ихъ хорошо залпомъ изъ ружей встрѣтили, что они и на утекъ. Де-Пру два дня въ Кронштадтъ бомбы металъ, да ни одна не попала. А Майдель тѣмъ временемъ надумался, прислалъ къ Брюсу письмо. Я-де всегда о мирѣ между царями

и королями старался, а царь тайнымъ образомъ на королевскія земли напалъ. И теперь пришелъ Майдель требовать крѣпости Петербурга, въ провинціи короля лежащей, иначе будетъ добывать ее вооруженною рукою. Такъ господинъ бы комендантъ размыслилъ, чтобы невиннаго кровопролитія не было.

— Что-же, Брюсъ размыслилъ?

— Какъ-же! моей рукой и отписалъ Майделю. «Что-де генералъ о мирѣ думаетъ, то высокія главы знаютъ, какъ помириться, а предложеніе уступить ввѣренную мнѣ государственную крѣпость странно: не угодно-ли господину генералъ-поручику удалиться въ свою землю, а меня такимъ писаніемъ пощадить? Если же изволитъ противъ крѣпости употребить оружіе, обнадеживаю, что будетъ благопріятенъ». Постоялъ еще Майдель денька два да и пошелъ прочь по карельской дорогѣ. Зимой попытался было онъ овладѣть Котлинымъ, и тутъ шведа отбили.

— Вы здѣсь сидѣли не спустя рукава.

— Погоди, это цвѣточки, а ягодки впереди. Въ прошломъ году пришелъ въ заливъ набольшій шведскій адмиралъ Анкерштернъ и съ нимъ 22 корабля. На нѣкоторыхъ изъ нихъ по 50 пушекъ было. Майдель тоже 10,000 человѣкъ собралъ и на насъ отъ рѣки Сестры пошелъ. У насъ всего было 8 фрегатовъ, начальствовалъ вице-адмиралъ Крейсъ, на Котлинѣ была батарея съ 28 пушками и 4 мортирами. Пошла у Крейса съ Анкерштерномъ канонада. Въ это время нѣсколько шведскихъ кораблей подошли къ котлинской косѣ и начали палить, но вреда отъ этого нашимъ не было, потому что полковникъ Толбухинъ, который тамъ начальствовалъ, велѣлъ своимъ людямъ лечь. Шведы начали высаживаться. Вдругъ солдаты Толбухина поднялись и сдѣлали залпъ изъ ружей и изъ бывшихъ съ ними 3 пушекъ. Много тутъ шведовъ было убито, потонуло и въ полонъ взято. Плѣнные разсказывали намъ, что Майдель былъ у Анкерштерна на кораблѣ, и они условились четвертаго іюня пировать въ Кроншлотѣ.

— Не солоно хлебали!

— Крейсъ спрашивалъ плѣнныхъ, отчего Анкерштернъ на наши корабли не напалъ? Они отвѣчали, что у шведовъ на военномъ совѣтѣ постановлено, что трудно пройти по фарватеру, гдѣ вбито столько мачтовыхъ деревьевъ: это имъ

наши рогатки, поставленныя въ водѣ для вида, мачтовыми деревьями показались! Принялись шведы съ нашими ядрами да бомбами перекидываться. Въ этой забавѣ больше двухъ недѣль прошло. Разъ Брюсъ пріѣхалъ къ Крейсу обѣдать на фрегатѣ, и меня съ собой взялъ. «Посмотрите,—сказалъ Крейсъ,—какъ шведскій адмиралъ нашему флоту почтенье окажетъ». А за нѣсколько дней до того Крейсъ велѣлъ на косу нѣсколько пушекъ и мортиръ поставить, такъ что шведы и не замѣтили этой батареи. Тутъ вдругъ она открыла огонь по адмиральскому кораблю и, надо полагать, много вреда надѣлала, потому что шведы вдругъ спустили свои паруса и шлюпками отбуксировали свои корабли такъ далеко, что наши ядра не могли ихъ достать. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого шведы совсѣмъ было ушли, но потомъ опять воротились, въ половинѣ іюля опять на косу высадку сдѣлали, но были побиты и тогда совсѣмъ ушли.

— А что Майдель?

— Опять сдачи потребовалъ. Брюсъ ему отвѣчалъ, чтобы шведы только шли, а въ крѣпости изготовлено, чѣмъ ихъ встрѣтить. Майдель надѣялся, что адмиралъ возьметъ Котлинъ, тогда они и хотѣли съ двухъ сторонъ ударить на Санктъ-Питербургъ, и когда адмиралъ прочь пошелъ, то пришлось и Майделю ни съ чѣмъ воротиться—всего-то онъ двѣ деревнишки завоевалъ да пожегъ. Хотѣлъ было онъ нашъ малый ретраншементъ подъ Шлюссельбургомъ у пильной мельницы взять, тамъ всего нашихъ сотни двѣ было. Майдель тотчасъ «сдайтесь» говоритъ. А они ему: «бери приступомъ». Трижды шведы на приступъ бросались, но были отбиты и ушли къ Выборгу.

— Молодцы вы здѣсь! Не даромъ государь Брюса въ генералы произвелъ. Да и любитъ-же государь Санктъ-Питербургъ.

— Не говори! Кому здѣсь жить тошно, а для него мѣста веселѣе нѣтъ. Такъ парадизомъ и называетъ. Говорилъ: «О здѣшнемъ поведеніи чего сомнѣваться, ибо въ раю Божіемъ зла быть не можетъ». Ну, а какъ ты въ Астрахань съѣздилъ?

— Довольно я тамъ дуростей наглядѣлся и наслушался. Стрѣлецкій сынъ Степанъ Москвитинъ тамъ стрѣльцовъ, солдатъ и народъ къ бунту подговаривалъ, нарочно для этого изъ Москвы туда пріѣхалъ. Пустили молву, что государя

не стало, а воевода Ржевскій и начальные люди христіанскую вѣру покинули, бороды бреютъ, въ нѣмецкомъ платьѣ ходятъ, къ тому и астраханцевъ нудятъ, да еще будто указъ вышелъ, чтобы ни за кого дѣвокъ замужъ не выдавать, кромѣ какъ за нѣмцевъ, коихъ приказано поженить. И пошли астраханцы дѣвокъ замужъ поскорѣе до указа выдавать за кого-попало, лишь бы за русскаго. Въ одно воскресенье сто свадебъ повѣнчали! На свадьбахъ перепились да бунтъ и учинили, двухъ офицеровъ да трехъ иноземцевъ покололи. А потомъ воеводу Ржевскаго и много другихъ людей побили. Присягнули за старую вѣру и другъ за друга стоять до смерти, начальныхъ людей изъ своихъ коноводовъ выбрали, казну разграбили и послали въ Красный Яръ, въ Черный Яръ, въ Царицынъ, къ Терскимъ, Гребенскимъ и Донскимъ казакамъ, чтобы стоять за-одно. Въ Царицынѣ и на Дону ихъ не послушались, а въ прочихъ мѣстахъ тоже бунтъ начался. Донцы-же, напротивъ, астраханцевъ, которые пришли ихъ къ бунту поджигать, перевязали да четыре полка для защиты Царицына послали. Государь отправилъ фельдмаршала Шереметева бунтъ укрощать. Доѣхалъ Борисъ Петровичъ до Казани да и пишетъ къ Ѳедору Алексѣичу Головину, чтобы тотъ ему выпросилъ у государя позволеніе воротиться до Пасхи въ Москву.

— Тяжелъ Борисъ Петровичъ на подъемъ!

— Государь и послалъ ему со мной указъ не медля на Астрахань идти, да еще приписалъ, что мнѣ велѣно нѣкоторое время быть при немъ и чтобы онъ то чинилъ, о чемъ я говорить стану. А мнѣ такой наказъ государь далъ: «Смотрѣть, чтобы все по наказу исправлено было; и буде за какими своими прихоти не станутъ дѣлать, и станутъ да медленно, говорить; и буде не послушаютъ, сказать, что о томъ будешь писать ко мнѣ». Фельдмаршалу однако государь о томъ не написалъ.

— Еще бы! И то чай онъ обидѣлся. Шутка-ли — фельдмаршалъ, а тутъ сержантъ будетъ указывать, что чинить надо. Ты и указывалъ?

— А мнѣ что? Вѣдь царь велѣлъ. Прикажетъ и королю какому указывать, и то буду.

— Ну, а фельдмаршалъ что?

— Сердился на меня, даже писалъ Головину, что будто я во весь народъ говорилъ, что посланъ за нимъ смотрѣть.

Стану я говорить—еще, слава Богу, не взбѣсился. А это все Борису Петровичу разные шепотники, взяточники про меня въ уши надули.

— Ну какъ-же, дѣло-то пошло?

— Хорошо. Черноярцы покорились, прислали и астраханцы выборныхъ съ покорною. Но когда имъ послали посадскаго Бохадулина на развѣдку, то мятежники многія хульныя словеса на государя говорили. Тогда на нихъ штурмомъ пошли. Земляной городъ взяли. Ну, астраханцы и покорились. Царь очень обрадовался вѣстямъ объ этомъ, Шереметеву больше двухъ тысячъ крестьянъ далъ.

— А ты все сержантомъ?

— Что-же, что сержантомъ? Государь мной доволенъ—мнѣ больше ничего и не нужно. Знаешь, что онъ сказалъ: «На тебя, Михаилъ, я столько же, какъ на Данилыча, надѣюсь». Такъ эти слова-то мнѣ лучше всякаго генеральства. Да чины еще отъ меня не уйдутъ. За нимъ, братъ, не пропадетъ!

Въ такихъ разговорахъ и не замѣтили, какъ доѣхали до Котлина. Тамъ все оказалось благополучно, о шведахъ и слуха нѣтъ.

— А не знаешь, Миша,—спросилъ Игнатій,—на долго-ли государь къ намъ пожаловалъ?

— Ненадолго. Опять къ войску поѣдетъ. Онъ совсѣмъ налегкѣ. Даже вотъ деньщиковъ съ нимъ только двое. Приходилось черезъ день дежурить. А это, братъ, не легко: цѣлый день въ работѣ, а случится, и ночью государь раза два-три разбудитъ. Проснется самъ, вспомнитъ что-нибудь нужное да тотчасъ и кликнетъ деньщика, чтобы тотъ доску принесъ записать, что тамъ надо. Деньщику на дежурствѣ не меньше дѣла, чѣмъ самому царю.

— Какъ-же ты говоришь тяжело черезъ день, а вѣдь царь такъ-то каждый день.

— Такъ царь-то первое дѣло богатырь, а второе дѣло ему самъ Богъ помогаетъ. Развѣ, ты думаешь, иначе онъ могъ бы столько дѣла дѣлать? Онъ при мнѣ одному моряку сказалъ: «Надо, братъ, работать, я и царь вамъ, а у меня на рукахъ мозоли, все для того, чтобы показать вамъ примѣръ и хоть на старость увидать въ васъ хорошихъ помощниковъ мнѣ и слугъ отечеству». Да не всѣ это, милый другъ, понимаютъ. И между деньщиками такіе есть, которымъ тя-

жело кажется. Вотъ эти двое, что съ царемъ въ Санктъ-Питербургъ пріѣхали, и обрадовались, что здѣсь третьяго нашли.

— А, Соковнина Ваню. Онъ изъ-подъ Нарвы сюда для излѣченія присланъ, а потомъ и оставался до сихъ поръ при войскѣ Брюса.

— Это-то я знаю, да неужто онъ опять въ деньщики поступитъ?

— Какъ-же! Сегодня вечеромъ въ дежурство вступилъ до завтрашняго вечера.

— Ой, Миша! ладно-ли? Вѣдь его отецъ за измѣну казненъ.

— Давно вѣдь.

— Одного брата у него разстрѣляли, а другого государь въ Нарвѣ за грабежъ покололъ.

— Развѣ это его братъ былъ?

— Какъ-же! Семенъ Соковнинъ. Я ихъ всѣхъ хорошо знаю. Ваня хорошій человѣкъ, а все же...

— Чего хорошій! Отваливай, ребята! Живѣе въ Санктъ-Питербургъ. Если черезъ два часа привезете, рубль вамъ на водку.

Петербургъ въ три года значительно выросъ и украсился. Крѣпость уже начали сооружать каменную, первый болверкъ «Князя Александра Даниловича» заложили въ маѣ 1705 г., послѣ чего былъ «банкетъ въ домѣ его величества». За два года до этого окончена и освящена Петропавловская церковь, тогда же построена подлѣ православной церкви кирха св. Анны. За австеріеіі къ сѣверу находились торговые ряды, но мѣсто для нихъ по населенію города становилось мало и уже отыскивали другое. Въ 1704 году на лѣвомъ берегу противъ Васильевскаго острова заложенъ адмиралтейскій домъ, длиною 200 саженъ, шириною 100. Чрезъ годъ начали около него строить крѣпость по чертежу, присланному Меншиковымъ. Около адмиралтейства строили дома.

Въ тотъ самый день, въ который Щепотевъ съ Игнашей ѣздили къ Котлину, прусскій посланникъ Кайзерлингъ, заѣхавшій въ Петербургъ изъ Москвы, гдѣ онъ велъ переговоры съ Головинымъ, получилъ отъ государя приглашеніе придти къ нему во дворецъ въ четыре часа утра.

Кайзерлингъ, красавецъ и щеголь, привыкъ въ четыре

часа не вставать, а нѣжиться, спать и очень удивился такому приглашенію, даже разсердился.

— Возможное-ли это дѣло! Можетъ быть, онъ хочетъ пошутить со мной. Но дѣлать нечего, идти надо.

Однако, какъ ни старался Кайзерлингъ, раньше пяти часовъ не поспѣлъ къ домику Петра.

— Доложи государю, — сказалъ онъ дежурному денщику,—что прибылъ прусскій посланникъ.

— Государя уже нѣтъ здѣсь.

— Какъ? онъ, стало-быть, всталъ ночью?

— Всталъ, какъ всегда встаетъ, въ половинѣ четвертаго. Книги да газеты почиталъ, помѣтилъ, что въ наши газеты перепечатать, и поѣхалъ на верфь.

«Поѣду и я туда за нимъ,—подумалъ Кайзерлингъ,—по крайней мѣрѣ узнаю, когда онъ меня приметъ».

На верфи посланникъ узналъ, что государь работаетъ на кораблѣ «Надежда». Посланникъ велѣлъ доложить о себѣ.

Петръ въ это время сидѣлъ верхомъ на бревнѣ и работалъ на мачтѣ. Недалеко отъ него былъ за работой главный строитель «Надежды» Ѳедосей Скляевъ, до того времени работавшій въ Воронежѣ и только въ 1706 году переведенный въ Петербургъ. Петръ былъ одѣтъ въ бархатный картузъ, въ французскій кафтанъ изъ толстаго сукна, въ тафтяной камзолъ и панталоны; цвѣтные чулки и башмаки на толстыхъ подошвахъ были у него заштопаны. При взлѣзаніи на мачту одинъ чулокъ разорвался. Скляевъ указалъ на это государю.

— Надо будетъ опять заштопать.

— Можно и новые купить.

— Конечно можно, а отчего и заштопанные не надѣть. Попа и въ рогожѣ знаютъ. А мотать мнѣ не изъ чего: заслуженнаго жалованья у меня немного, а съ государственными доходами надо осторожнѣй поступать; я долженъ въ нихъ отдать отчетъ Богу.

Доложили о Кайзерлингѣ.

— Пусть потрудится сюда взойти,—сказалъ Петръ,—если не сумѣлъ застать меня въ назначенное время

Трудновато было Кайзерлингу взбираться, и съ удивленіемъ увидалъ онъ царя, сидящаго на бревнѣ. Разговоръ его съ Петромъ былъ непродолжителенъ.

— Что вамъ Головинъ говорилъ, то и я скажу,—закончилъ царь этотъ разговоръ,—помириться съ братомъ моимъ Карломъ я очень радъ, и если его прусское величество тому миру способствовать будетъ, то и его величеству благодаренъ буду, и вамъ милость и награду могу обѣщать. Но трактовать не иначе могу, какъ только, чтобъ сіе мѣсто за нами осталось.

Поработавъ нѣсколько часовъ и осмотрѣвъ въ подробности все, что дѣлалось на верфи, царь переѣхалъ на шлюпкѣ на другой берегъ Невы, зашелъ въ австерію, выпилъ рюмку анисовой водки и закусилъ кренделемъ, потомъ пошелъ въ свой дворецъ и тамъ явился къ нему кабинетъ-секретарь Алексѣй Васильевичъ Макаровъ.

— Ну, что новаго?—спросилъ Петръ.

— Да вотъ, Виніусъ изъ-за границы пишетъ.

— Вздумалъ старикъ на старости лѣтъ сбѣжать.

— Винится, проситъ позволенія воротиться. Говоритъ, что въ Гроднѣ всего лишился, а въ Пруссію для того отъѣхалъ, чтобы непріятелю не попасться.

— Позволю воротиться, только не сейчасъ. Пускай разницу увидитъ, каково здѣсь было житье и каково тамъ будетъ.

— Андрей Артамонычъ Матвѣевъ пишетъ изъ Парижа Ѳедору Алексѣичу Головину: «Городъ Парижъ нашелъ я втрое больше Амстердама и людства множество въ немъ неописанное, и народа уборъ, забавы и веселіе его несказанные. И хотя обносилось, что французы утѣснены отъ короля, однако то неправда: всѣ въ своихъ воляхъ безъ всякой тѣсноты и въ управленіи прямомъ состоятъ, и никто изъ вельможъ немало не озлобляется и ниже узнать возможно, что они такую долговременную и тяжелую ведутъ войну. Всѣ мнятъ, что я пріѣхалъ просить здѣшняго короля въ посредники для мирнаго договора со шведомъ. Только отъ шведовъ премножество злыхъ плевелъ о насъ посѣяно молвою и нечестными злословіями въ семъ народѣ».

— Какія же это злословія?

— Что будто ты повелѣлъ своего сына казнить, а Александръ Даниловичъ велѣлъ вмѣсто него рядового повѣсить. А потомъ ты закручинился и спросилъ: «Гдѣ мой сынъ?» Князь и говоритъ, что казненъ по указу. А когда ты зѣло тосковать сталъ, то князь привелъ къ тебѣ живого царевича.

— Да вѣдь такая пѣсня про Ивана Васильевича Грознаго сложена.

— А они къ тебѣ примѣнили. А еще разсказываютъ, что ты французскій народъ не любишь, въ Ганноверѣ шампанское пилъ и хвалилъ его, и когда узналъ, что это французское вино, такъ вонъ выплеснулъ, рюмку разбилъ и французовъ обругалъ.

— Сплетничаютъ, что старыя бабы! Не іезуиты ли это распускаютъ за то, что я не позволяю имъ къ намъ въѣзжать. Да пусть говорятъ, что хотятъ. А что французы о нашихъ торговыхъ корабляхъ говорятъ, которые они забрали?

— Не отдаютъ.

— Послѣ этого и люби ихъ. Отозвать оттуда Матвѣева, пусть тамъ Постниковъ останется.

— Да объ немъ и Матвѣевъ пишетъ, что онъ «мужъ умный и дѣла европейскаго и пользы государевой свѣдомый и въ языкахъ ученый».

— А Матвѣевъ пусть въ Англію отправится. Это и англійскій посланникъ въ Москвѣ Витвортъ совѣтуетъ. Пусть всего больше склоняетъ королеву Анну къ медіаціи и примиренію нашему со Швеціею. Англійскимъ министрамъ скажетъ, что это дѣлается для ихъ же пользы, то-есть для того, чтобы не дать слишкомъ усилиться шведскому королю, яко явному союзнику французскаго. Сказать, что если миръ между нами со шведомъ учинится, то мы великому альянсу противъ французскаго короля помочь можемъ, именно дадимъ войско для усмиренія венгерскаго бунта, который отвлекаетъ силы кесаря и тѣмъ даетъ отдыхъ французскому королю. А королева можетъ шведа къ миру понудить тѣмъ, если флотъ вышлетъ и Данію на него вооружитъ. Что же до условій мира съ шведомъ, то мы въ волю королевы отдаемся, и даже изъ тѣхъ земель, которыя наше древнее достояніе, а теперь оружіемъ нашимъ возвращены, часть уступить можемъ, только бы не мѣсто сіе. А объ ономъ сказать, что здѣсь англичане не въ примѣръ выгоднѣе противъ Архангельска торговать могутъ и все нужное для ихъ флота въ изобиліи и по дешевой цѣнѣ получать. Министровъ Мальбурка и Гудолфина подарками склонить можно, только напередъ развѣдать, беруть ли. О Мальбуркѣ то слышно. Обо всемъ этомъ Головину отпиши.

— Александръ Данилычъ пишетъ, что войско на Волыни близъ Дубна собралось, и онъ не медля съ нимъ въ Польшу пойдетъ. Только бѣда тамъ учинилась. Генералы въ подпитіи побранились и до шпагъ дошло. Розенъ покололъ Рена, который и теперь лежитъ.

— О Ренѣ зѣло жалѣю. Только то лучше, что сей Розенъ себя въ томъ за столомъ показалъ, нежели въ баталіи. А что Августъ?

— О деньгахъ скучаетъ. Такъ, говоритъ, обнищалъ, что ѣсть нечего.

— У короля всегда одно: «Дай, дай, деньги, деньги!» Ихъ и у насъ мало. Впрочемъ до моего пріѣзда обнадежить можно. Да о Паткулѣ повторить. Слыханное ли дѣло, что моего посла саксонскіе пройдохи въ крѣпость посадили и доселѣ тамъ держатъ. Всеконечно настаивать, чтобы Августъ его къ намъ прислалъ. Если и есть за Паткулемъ провинность какая, то сами разсудить можемъ.

— Да и сами саксонскіе министры никакой вины за Паткулемъ сказать не могутъ, кромѣ токмо, что онъ наши войска въ Саксоніи на одинъ годъ сдалъ въ кесарскую службу. Говорятъ, что выходъ нашихъ войскъ изъ Саксоніи высоковредителенъ и общимъ пользамъ опасенъ былъ; ослабленное тѣмъ саксонское войско не могло бы войти въ Польшу, вся надежда къ давно желанному соединенію его съ нашимъ опроверглась бы, и Саксонія открыта была бы непріятелю. А Паткуль говоритъ, что кесарю войско потому отдалъ, что саксонцы ни продовольствія, ни добрыхъ квартиръ оному не давали.

— Что Паткуль безъ нашего разрѣшенія то дѣло учинилъ, не аппробуемъ, но пока живы будемъ, поступокъ съ нимъ саксонцевъ за беззаконный и для насъ зѣло противный считать будемъ. А Данилычу напиши, чтобы поскорѣе въ Польшу шелъ, нѣмецкую холодность да польскую лѣнь расшевелилъ бы. А Огильвію абшидъ пошли. Онъ свое дѣло сдѣлалъ, войско устроилъ, а на бой и русскіе, съ Божьей помощью, поведутъ. Да и съ Данилычемъ у нихъ все контры. Жалованье Огильвію все сполна уплатить и подарокъ дать— онъ до нихъ лакомъ.

Покончивъ съ Макаровымъ, Петръ осмотрѣлъ полки. назначенные къ походу на Выборгъ. Потомъ принималъ просителей. На этотъ разъ ихъ было немного, но все-же

разговоръ съ ними занялъ около часу, потому что царь обстоятельно разспрашивалъ каждаго, если можно, собиралъ справки и тутъ же коротко, но ясно и справедливо, рѣшалъ дѣло. Если же тотчасъ свѣдѣній по дѣлу нельзя было собрать, то царь все-таки не забывалъ объ немъ и тѣ, кто долженъ былъ отвѣчать, не могли отдѣлаться «московскимъ тотчасомъ»

Въ одиннадцать часовъ царь обѣдалъ, при чемъ кушанья подавались горячія, съ пылу. Кушаньевъ царскихъ реформа не коснулась—щи и каша составляли любимыя блюда.

Послѣ обѣда царь опять почиталъ, уснулъ съ часъ, занялся токарнымъ мастерствомъ и во время работы поговорилъ съ Макаровымъ, Брюсомъ и другими приближенными, потомъ сѣлъ въ одноколку и отправился осматривать постройки. Съ нимъ поѣхалъ денщикъ, вступившій въ четыре часа въ дежурство, Иванъ Соковнинъ.

Вечеромъ царь заѣхалъ къ Брюсу, у котораго собралось нѣсколько иностранныхъ шкиперовъ и русскихъ офицеровъ. Поговорили, поиграли въ шахматы, покурили, но съ Ивашкой Хмѣльницкимъ прямой бесѣды не учиняли «недосуга ради».

Воротились во дворецъ. По обыкновенію государь долженъ былъ почивать въ одной изъ комнатъ, дежурный денщикъ въ сѣняхъ, больше во дворцѣ ни души. При крыльцѣ дворца часовой изъ преображенцевъ.

— Нездоровится что-то, Ваня,—говорилъ государь,—какъ бы не заспаться. Если за четыре зайдетъ, разбуди.

— Разбужу.

— Дѣла много, сохрани Богъ проспать. Проспишь—ущербъ будетъ. А за ущербы я отвѣтчикъ.

— Отвѣтчикъ.

Ночь настала темная, бурная, подулъ вѣтеръ съ моря.

— Налегай, налегай, братцы, — кричалъ Щепотевъ гребцамъ.

— И то что силы есть стараемся. Больно вѣтрено.

— Эки валы-то ходятъ, хоть бы на матушкѣ Волгѣ.

— Того и гляди, лодку опрокинетъ.

— А гляди-ка, какъ Нева-то вздулась.

— Вотъ тутъ коса была, а теперь не видать въ водѣ.

— Поднялася. Вишь вѣтеръ-то съ моря.

— Налегай, налегай, братцы!

— Теперь скоро поспѣемъ.

— Который-то часъ?

— Надо быть за полночь.

— Хорошо, если государь на пиру,—проговорилъ Щепотевъ Игнатью,—и то ужь воротился, а если не на пиру, то уже два часа какъ започивалъ.

— Да сегодня и о пирѣ не слышно было.

— Кто идетъ?—крикнулъ часовой у государева дворца.

— Сержантъ Михаiйло Щепотевъ по неотложному дѣлу.

— Пароль?

Сержантъ отвѣтилъ.

— А во дворцѣ все спокойно?—спросилъ Щепотевъ.

— Ничего не слыхать.

— Давно государь започивалъ?

— Не знаю. Въ полночь сталъ на часы. Огня во дворцѣ тогда не было, кромѣ лампадки.

Щепотевъ, сопровождаемый Игнатьевымъ, вошли въ сѣни. Дверь изъ сѣней въ комнату была полуотворена. Въ сѣни проникалъ слабый свѣтъ отъ лампадки. Щепотевъ прежде всего взглянулъ на то мѣсто, гдѣ обыкновенно спалъ денщикъ. Его тамъ не было.

— Гдѣ онъ?—прошепталъ Щепотевъ.

Свѣтильня у лампадки загорѣлась поярче, въ сѣняхъ посвѣтлѣе стало. Игнатiй увидалъ въ углу Ваню. Онъ сидѣлъ, опустивъ голову на руки.

— Вотъ онъ,—сказалъ Игнатiй Щепотеву.

Ваня услыхалъ эти слова и вскочилъ. Казалось, онъ находился въ забытьѣ. Лицо его было покрыто слезами.

— Здоровъ государь?—спросилъ Щепотевъ.

— Не совсѣмъ. Съ вечера жаловался.

Щепотевъ быстро растворилъ дверь.

Государь спалъ безпокоiйно, дыханiе его было тяжело, онъ что-то говорилъ. Щепотевъ и Семеновъ не спускали съ него глазъ, Соковнинъ смотрѣлъ на нихъ.

— Помоги, Господи!—произнесъ государь во снѣ.

— Уже помогъ!—сказалъ вполголоса Щепотевъ.—Нева выступила изъ береговъ, — сказалъ онъ Соковнину, — надо разбудить государя.

— Тебѣ надо его разбудить *по другому дѣлу*,—отвѣчалъ Ваня,—но то дѣло мое—я и разбужу.

— Вставай, государь,—сказалъ онъ громко, подходя къ постели Петра.

Черезъ нѣсколько секундъ царь уже проснулся и сѣлъ на постель.

— Что такое?—спросилъ онъ,—развѣ уже утро?

Соковнинъ сталъ на колѣни.

— Сдѣлай милость, государь, отпусти меня, сошли куда-нибудь.

— Тебя? сослать? за что?

— Государь, ты казнилъ моего отца.

— Давно ужь. Послѣ того ты служилъ мнѣ вѣрой и правдой.

— Потомъ брата моего разстрѣляли, а другого ты въ Нарвѣ шпагой покололъ.

Государь быстро всталъ съ постели.

— Который часъ?

— Первый.

— Ты давно здѣсь?—спросилъ Петръ Щепотева.

— Нѣсколько минутъ.

— Значитъ, ты со мной былъ одинъ больше двухъ часовъ?—спросилъ Петръ Соковнина.

— Ты помазанникъ Божій. Господь сохранилъ меня. Но тяжело мнѣ было. Врагъ горами качаетъ. Отпусти меня, государь.

Петръ подошелъ къ Соковнину, поцѣловалъ его въ лобъ и сказалъ:

— Это не судья твоего отца и братьевъ, а русскій царь тебя цѣлуетъ. Я велю тебѣ отдать всѣ вотчины, взятыя за измѣну твоего отца. Поѣзжай въ какую-нибудь изъ нихъ. Ты правду говоришь: намъ лучше не встрѣчаться.

— Государь! Нева очень поднялась, — сказалъ Щепотевъ.

Послышались смутные крики. Государь поспѣшно одѣлся и вышелъ. На крыльцѣ онъ увидалъ, что вода уже залила три ступени. Часовой стоялъ чуть не по колѣна въ водѣ.

— Что же ты на крыльцо не поднялся? — спросилъ Петръ.

— Долженъ стоять, гдѣ поставленъ.

— А если бы вода по горло поднялась?

— Все же долженъ стоять.

— Правда. Спасибо. Службу хорошо знаешь. А те-

перь, Миша, бѣги, вели стрѣлять изъ пушекъ, лодки приготовлять. Храни Богъ, какъ бы народъ не потонулъ.

Однако наводненіе не долго продолжалось. Отъ 11 сентября государь писалъ Меншикову: «Третьяго дня вѣтромъ такую воду нагнало, какой, сказываютъ, не бывало. У меня въ хоромахъ было сверху полу 21 дюймъ, а по городу и на другой сторонѣ по улицѣ свободно ѣздили въ лодкахъ. Однако-жъ не долго держалась: менѣе трехъ часовъ. И зѣло было утѣшно смотрѣть, что люди по кровлямъ и по деревьямъ, будто во время потопа, сидѣли, не точію мужики, но и бабы. Вода хотя и зѣло велика была, а бѣды большой не сдѣлала». Петръ помѣтилъ это письмо «изъ парадиза».

Вечеромъ Соковнинъ пришелъ къ Щепотеву.

— Михаилъ Васильевичъ!—сказалъ онъ,—попомни, что утромъ сегодня ты сказалъ: «До нынѣ я мало тебя зналъ, Ваня. А теперь помни, что у тебя другъ есть, Михайла Щепотевъ. Если что понадобится, иди или пиши ко мнѣ».

— И теперь то-же скажу.

— Кровное дѣло до тебя есть. Совсѣмъ было я собрался уѣзжать по указу государеву, да зашелъ къ Петру и Павлу помолиться. Пришелъ къ концу вечерни, сталъ въ уголку, молюсь, слышу — подлѣ меня двое разговариваютъ. «Слышалъ ты,—говоритъ одинъ,—что сегодня у государя во дворцѣ надѣлалось?»

— Что?—спрашиваетъ другой.

— Да денщикъ-то его оказался бывшій стрѣлецъ. Когда государь заснулъ, стрѣлецъ и хотѣлъ выпалить въ него изъ пистоля. Пистоль осѣчку далъ. Стрѣлецъ вновь пистоль зарядилъ, подступилъ къ государю — снова осѣчка. Онъ палъ на колѣни передъ государемъ и во всемъ повинился.

— Эко сплели!

— Хотѣлъ я къ тѣмъ людямъ броситься, сказать все, но подумалъ: развѣ они одни такъ говорятъ? Вотъ въ чемъ винятъ меня. Точно, каюсь: врагъ меня сомущалъ, но не только не поднялась рука моя, а еслибъ въ ту минуту другой лиходѣй явился, я скорѣе въ куски бы себя далъ разрѣзать, чѣмъ его до царя допустилъ.

— Вѣрю тебѣ, Ваня.

— Ты повѣришь, Игнатій тоже—потому, сами видали.

Часовой стоялъ чуть не поколѣни въ водѣ.

Повѣрилъ и государь. А другихъ развѣ увѣришь. Нынѣ я придумалъ, чѣмъ всѣхъ увѣрить могу. Надо мнѣ лечь въ честномъ бою, грудью противъ врага стоя—тогда всѣ повѣрятъ.

— Что же—это ты хорошо придумалъ.

— Да какъ же я биться-то буду, если государь указалъ уѣзжать и съ нимъ не встрѣчаться? Вотъ затѣмъ я и пришелъ къ тебѣ, Михаилъ Васильичъ, не поможешь ли?

— Помочь? А постой, можно. Ты по-чухонски маракуешь?

— Какъ же.

— Такъ одѣнься чухной да ступай къ Выборгу на развѣдки. Держись поближе къ морю. Меня навѣрно туда пошлютъ. Мнѣ государь всегда смѣясь говоритъ: «Ты, Миша, будь покоенъ, тебя въ первый огонь пошлю». А съ моря тамъ будетъ опасно, ну и отлично. Вотъ и встрѣтимся. Можешь подраться со шведомъ во все свое удовольствіе. А государю не попадешься.

12 октября пять лодокъ пробирались по взморью къ Выборгу. На нихъ было русскихъ около пятидесяти человѣкъ. На самой большой изъ нихъ разговаривали Щепотевъ, Игнатій, бомбардиръ Дубасовъ и унтеръ-офицеръ Скворцовъ.

— Эка досада, что шведскіе торговцы улизнули, — говорилъ Щепотевъ.

— Какъ бы вмѣсто нихъ на военный корабль не наткнуться,—сказалъ Скворцовъ.

— Дивлюсь я тебѣ, Игнатій Иванычъ, — промолвилъ Дубасовъ, — для чего ты съ нами поѣхалъ? Ужь на войнѣ калѣкой сдѣлался, а все въ такія экспедиціи ѣздишь. Развѣ не знаешь поговорки, что со Щепотевымъ ѣздить, по двѣ головы надо имѣть.

— Ну, ври больше,—возразилъ Щепотевъ,—у меня у самого одна.

— Больно ты ее не бережешь.

— Производства изъ сержантовъ хочетъ, — пошутилъ Игнатій.

— Производства? — сказалъ Дубасовъ, — Щепотеву будетъ то же производство, что Меншикову. Самъ царь его чуть ли не наравнѣ съ Данилычемъ чтитъ. Вотъ возьметъ Выборгъ да и назначитъ Михайла Васильича губернаторомъ.

— Ладно. А тебя я у себя комендантомъ сдѣлаю... Ой, никакъ лодки. Посматривай! Я условился на этомъ мѣстѣ съ Ваней съѣхаться.

Дѣйствительно, подъѣхалъ Ваня на маленькой лодченкѣ, въ чухонскомъ платьѣ.

— Убирайтесь отсюда поскорѣе,—сказалъ онъ Щепотеву. — Черезъ четверть часа сюда шведскій адмиральскій ботъ приплыветъ.

— А мы тотъ ботъ возьмемъ.

— На немъ большая сила солдатъ и 4 пушки.

— Все-таки возьмемъ. Не съ пустыми же руками намъ воротиться.

Едва подплылъ шведскій корабль, русскіе окружили его и, сдѣлавши залпъ, бросились на абордажъ. Шведы были озадачены неожиданностью, но офицеры ободряли ихъ и они начали храбро отбиваться. Но видно, дѣйствительно, у каждаго изъ товарищей Щепотева по двѣ головы было. Послѣ отчаяннаго боя всѣ пять шведскихъ офицеровъ и больше семидесяти солдатъ были перебиты, остальные ушли подъ палубу и русскіе тамъ ихъ заперли. Но половина русскихъ были перебиты, изъ остальныхъ многіе ранены, въ томъ числѣ и Щепотевъ.

— Что не видать Дубасова?—спросилъ онъ.

— Убитъ. Съ шестерыми шведами дрался. Ему на подмогу этотъ малый кинулся, что намъ вѣсть о шведахъ далъ, кто его знаетъ, русскій онъ али чухна. Ну, шведовъ они искрошили, только и сами оба Богу души отдали.

— Бѣдняга Ваня! Ну, да желанье его исполнилось! Въ честномъ бою палъ.

— Сержантъ! На насъ другой шведскій ботъ идетъ.

— Оборачивай на него здѣшнія пушки! пали! Отстрѣливаться надо, не допускать до абордажу — насъ немного осталось. Паруса распустить!

Снова началась битва. Нѣсколько пуль попало въ Щепотева. Онъ упалъ. Скворцовъ принялъ команду и отбился. Русскіе привели къ своимъ взятый ботъ съ пушками и 28 плѣнниками. Побѣдителей осталось въ живыхъ 18, въ томъ числѣ только 4 нераненыхъ.

Щепотевъ умиралъ отъ раны.

— Прощай, Игнаша,—говорилъ онъ,—ошибся бѣдняга Дубасовъ, не бывать ему комендантомъ, а мнѣ губернаторомъ.

— Богъ милостивъ, Миша.

— А развѣ не милостивъ? Этакъ-то лучше. Кровныхъ у меня нѣтъ. А царю да русской землѣ послужилъ. Онъ меня не забудетъ.

Smirennyy Anikit, т.-е. бывшій царскій учитель Зотовъ, донесъ государю: «Вѣчно достойной, несмертельной памяти непобѣдимыхъ воиновъ, ихъ милостей господъ Щепотева и Дубасова, всякія почести годныя и, истинно рещи, святыя тѣлеса погребенію преданы съ подобающею честью».

А Петръ писалъ Меншикову «о чудномъ боѣ, которыі учинилъ господинъ Щепотевъ и съ неслыханною славою животъ свой скончалъ».

XX.

ПРЕСЛАВНАЯ ВИКТОРІЯ.

(1708—1709 гг.).

ТО же такое,—спрашивалъ царь секретаря своего Макарова,—Матвѣевъ изъ Гаги пишетъ?

Макаровъ прочиталъ: «Изъ секрета здѣшняго шведскаго министра сообщено мнѣ отъ друзей, что шведъ, усмотря осторожность царскихъ войскъ и невозможность пройти къ Смоленску, также по причинѣ недостатка въ провіантѣ и кормахъ, принялъ намѣреніе идти въ Украйну, во-первыхъ потому, что это страна многолюдная и обильная и никакихъ регулярныхъ фортецій съ сильными гарнизонами не имѣетъ; во-вторыхъ, шведъ надѣется въ вольномъ казацкомъ народѣ собрать много людей, которые проводятъ его прямыми и безопасными дорогами къ Москвѣ; въ-третьихъ, по близости можетъ имѣть удобную пересылку съ ханомъ крымскимъ для призыву его въ союзъ съ поляками, которые держатъ сторону Лещинскаго; въ-четвертыхъ, наконецъ, будетъ имѣть возможность посылать казаковъ къ Москвѣ для возмущенія народнаго».

— Не мудрено, что до брата нашего Карла дошли вѣсти о булавинскомъ воровствѣ и онъ надѣялся отъ тѣхъ воровъ сикурсъ получить. А что онъ въ Украіину пошелъ, то для насъ не безъ авантажу будетъ: ибо можемъ тѣмъ временемъ господина Левенгаупта истребить.

— Жидъ Мовша пришелъ съ важными вѣстями,—доложилъ вошедшій въ палатку офицеръ семеновскаго полка.

— Введи.

Вошелъ жидъ, низенькій, юркій, оборванный.

— Что новаго?—спросилъ царь.

— Вазныя новости, васе величество, вазныя. Сведу худо приходится. Кусать нецего, обносился сведъ, худо ему. Подойдетъ сведъ къ деревнѣ, думаетъ отдохнуть, припаса достать, и въ деревнѣ ницего, кромѣ голыхъ стѣнъ. Нацали солдаты съ поля колосья срывать и мезду камнямъ молоть.

— А, значитъ, подѣйствовало, что земля, по которой должны были проходить, опустошена.

— Подѣйствовало, о вей миръ, какъ подѣйствовало. А тутъ еще досзицекъ идетъ, моцитъ сведа, а сведу погрѣться и посуситься негдѣ. Кости у сведа ломитъ, зивотъ подвело. Слозилась у сведа поговорка: «У насъ, говорятъ, три доктора: докторъ Водка, докторъ Цеснокъ и докторъ Смертъ». Мрутъ сведы какъ мухи. Только имъ и надезды, что на Левенгаупта.

— А Левенгауптъ гдѣ?

— На правомъ берегу Днѣпра стоитъ.

— Ты не врешь?

— А какъ зе я могу врать такому потентату. Хорошохонько стоитъ и съ ними всякаго провіанту много, тысяцъ три повозокъ.

— А войска сколько?

— А тысяцъ восемь.

— Слушай, жидъ, если ты говоришь правду—сто червонцевъ; если врешь—повѣшу.

— О вей миръ! для цего повѣсить. Я цестный еврей, я усю правду сказу. Стоитъ Левенгауптъ у Днѣпра, стоитъ и плацетъ: далеко ему до короля идти, двѣ рѣки надо перейти: Днѣпръ и Созь, а какъ перейти, когда у Левенгаупта обозъ великій.

Петръ приказалъ поспѣшно переправляться на правый берегъ Днѣпра. У переправы встрѣтились фендрикъ *) семеновскаго полка Васильевъ и капитанъ армейскаго полка Сверчковъ.

---

*) Прапорщикъ.

— Здравствуйте, капитанъ! — сказалъ Васильевъ, — сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались. Какъ поживаете?

— Плохо. Каюсь, что польстился на повышеніе рангомъ, вышелъ изъ семеновскаго.

— Что-жъ? капитанскій рангъ имѣете.

— Лучше бы желалъ въ семеновскомъ не токмо фендрика, хотя сержанта рангъ имѣть, да съ молодцами семеновцами оставаться. А то совсѣмъ бѣда пришла.

— Какая же?

— А извольте знать, какъ минувшаго іюлія мѣсяца у генерала Рѣпнина баталія со шведомъ была. Что же? хотя мы и не побѣдили, а то можно сказать, что одна наша дивизія чуть не всю непріятельскую армію сдерживала. Но все же мы побѣждены остались и до государя дошло, что многіе полки пришли въ конфузію и, не исправя должности своей и покинувъ пушки, непорядочно отступили, а иные и не бився, а которые и бились, то казацкимъ, а не солдатскимъ боемъ. Онъ про сіе злое ихъ поведеніе повелѣлъ князю Меншикову крѣпко ихъ розыскать. Вотъ мы подъ тѣмъ розыскомъ и состоимъ. А слышно, и князь Рѣпнинъ отозвался, что на него вина пасть не можетъ, потому что офицеры въ управленіи искусства не всѣ довольнаго. Такъ сами согласитесь, каково человѣку съ амбиціей таковый аффронтъ получить. Можно въ совершенную десперацію придти.

— Слышно, все сіе дѣло ни во что обратится. Когда князь Михайла Михайловичъ Голицынъ шведа подъ Добрымъ побилъ, то государь, слышно, его обнялъ и поцѣловалъ и сталъ спрашивать, чѣмъ его наградить. А Михайла Михайловичъ и говоритъ: «Не сердись, государь, на Рѣпнина за Головчино». Государь и отложилъ свой гнѣвъ. А сказываютъ, что Михайла Михайлычъ съ Рѣпнинымъ въ ссорѣ былъ, а тутъ, вѣдая Рѣпнина невинность, государевъ фаворъ къ тому обратилъ, чтобы недруга своего изъ бѣды выручить.

— Такая его акція всякаго естиму достойна. А слышно и самую баталію подъ Добрымъ онъ весьма искусно по диспозиціи и бодро по атакѣ велъ.

— Знаешь Михайла Михайловича—не даромъ его львомъ зовутъ. Вѣдомо государю учинилось, что лѣвое непріятельское крыло на четверть мили отъ главнаго шведскаго корпуса отдалилось. И повелѣлъ государь Михайлу Михайло-

вичу и генералу Флюку на то крыло напасть. И возгорѣлся у насъ со шведомъ прежестокій бой. Но по двухчасовомъ огнѣ вся его дивизія въ конфузію пришла, до трехъ тысячъ человѣкъ потерявъ. Мы шведскія знамена и пушки побрали. Самъ король къ своему деташементу на подмогу пришелъ, но мы и тутъ въ добромъ порядкѣ отступили. Царь, слышно, такъ о сей баталіи сказалъ, что такого еще въ сей войнѣ король шведскій ни отъ кого самъ не видалъ.

— А викторія Александра Даниловича подъ Калишемъ?

— Всякой похвалы достойна. Но тамо самого короля не было.

— Однако-жъ, слышно, 8,000 шведовъ и до 20,000 тысячъ поляковъ во фрунтѣ было и съ 5,000 шведовъ да съ тысячу поляковъ на мѣстѣ положено.

— А всего-то смѣшнѣе, что Александръ Данилычъ заставилъ короля Августа подъ Калишемъ съ Мардефельдомъ биться въ то самое время, когда саксонскіе министры уже миръ въ Алтранштедтѣ со шведскимъ королемъ учинили и самъ Августъ тотъ миръ утвердилъ.

— Онъ, слышно, и не хотѣлъ биться, и подсылалъ къ Мардефельду, чтобы тотъ ушелъ, да Мардефельдъ заупрямился, а Меншикова король такъ боялся, что сталъ, только бы его не прогнѣвить, со шведомъ противъ воли биться.

— А все же потомъ Августъ съ Карломъ помирились, даже посланника нашего Паткуля Августъ Карлу выдалъ. Карлъ Паткуля, яко измѣнника, лютою смертію казнилъ и теперь со всей своей силой на насъ пошелъ.

— Не много онъ авантажу отъ того получитъ. Вся дорога, по коей ему идти, опустошена, припасу ему нѣтъ, а чуть какой малый шведскій отрядъ отдѣлится, тутъ его наши и стерегутъ.

— Да, не подвезетъ Левенгауптъ припасовъ, плохо шведу будетъ.

— А этого самаго Левенгаупта мы и идемъ перенять.

Подъѣхалъ къ переправѣ драгунскій офицеръ. Сверчковъ и Васильевъ съ нимъ поздоровались.

— Давно ли съ Дону?—спросилъ Васильевъ.

— Дней пять, не больше.

— Ну, что тамъ дѣла?

— Большая было каша заварилась. Набралось на Дону много бѣглыхъ людей. Даже солдаты и драгуны туда убѣ-

гали изъ арміи Бориса Петровича Шереметева, когда онъ изъ Астрахани въ Кіевъ шелъ. Царь отправилъ полковника князя Юрія Владиміровича Долгорукаго тѣхъ бѣглецъ сыскать. Въ Черкасскѣ старшины Долгорукаго съ честью приняли и людей ему дали въ помощь для сыску, а сами между тѣмъ казакамъ написали, чтобы Долгорукаго до исполненія царскаго указа не допускать и сыщиковъ бить. Бахмутскій атаманъ Кондрашка Булавинъ такъ и сдѣлалъ: нечаянно напалъ на Долгорукаго и побилъ его со всѣмъ отрядомъ. Потомъ Кондрашка бунтъ поднялъ. Сперва старшины его усмирили, но онъ бѣжалъ въ Запорожье, поселился въ городѣ Кодакѣ, набралъ тамъ гультяевъ и пошелъ на Донъ. Многіе тамъ къ нему пристали. Собралось у него до пяти тысячъ человѣкъ. Противъ него вышли полковникъ Васильевъ и донской атаманъ Максимовъ съ тремя тысячами. Булавинъ напалъ на нихъ неожиданно, а верховые казаки во время боя имъ измѣнили и перешли къ ворамъ, захвативши пушки, порохъ и свинецъ. Конечно воры и побѣдили. А потомъ Булавинъ Черкасскъ взялъ, Максимова казнилъ и самого его атаманомъ выбрали. И замыслилъ онъ не токмо донскихъ, но запорожскихъ, гребенскихъ и терскихъ казаковъ поднять, такожъ Астрахань и Азовъ добыть, а потомъ на Воронежъ и Москву идти.

— Вишь куда махнулъ!

— Государь послалъ маіора гвардіи князя Василья Владиміровича Долгорукаго мятежъ усмирить. Тутъ Булавину плохо пришлось. Сперва его товарища Хохлача Бахметевъ на рѣчкѣ Курлакѣ побилъ; потомъ бригадиръ Шидловскій и полковникъ Кропотовъ въ урочищѣ Кривой Лукѣ тожъ воровъ побили, на Азовъ ихъ покушеніе отбито; тутъ сами казаки на Булавина поднялись и онъ изъ пистоля себя застрѣлилъ. Потомъ и товарищи Булавина Некрасовъ и Голый тожъ побиты; Некрасовъ съ 2000 воровъ на Кубань ушелъ.

Сильный крикъ прервалъ разговоръ трехъ офицеровъ.

— Наконецъ-то я тебя, мошенника, поймалъ!—кричалъ рослый, здоровый бѣлоруссъ, держа за воротъ Мовшу.

— Ратуйте, ратуйте!—во все горло ревѣлъ Мовша.

Толпа солдатъ окружила ихъ.

— Что случилось?—спросилъ драгунскій офицеръ, подъѣхавъ къ нимъ.

— Господинъ офицеръ! господинъ полковникъ! господинъ генералъ!—кричалъ Мовша,—заступитесь!

— За что ты его схватилъ?—спросилъ драгунъ.

— А якъ же его не сцапать? Онъ на мой фолваркъ шведовъ привелъ и они все у меня пограбили. Есть бо шведскій шпегъ *).

— Шведскій шпіонъ! Объ этомъ царю доложить надо.

А царь въ самое это время пріѣхалъ посмотрѣть, какъ переправляется войско.

— Васе велицество, — кричалъ Мовша, — я вѣрный васъ слуга, всѣ вѣсти доставлялъ!

— Обыскать его.

Обыскали Мовшу. Нашли пропускной видъ за подписью шведскаго генерала и шведскія золотыя и серебряныя монеты. Значитъ, улики на лицо.

— А ты кто такой?—спросилъ царь бѣлорусса.

— Шляхтичъ Петроковичъ, русской вѣры, твоему царскому величеству доброжелатель. А этотъ песъ вѣсти шведамъ переноситъ.

— Правду ли онъ сказалъ, что Левенгауптъ на правомъ берегу Днѣпра?

— Какое правду! Шведы давно у Шклова рѣку перешли, къ Пропойску потянулись.

Между тѣмъ Мовшу допросили «съ пристрастіемъ». Онъ не выдержалъ пытки и повинился, что былъ подкупленъ Левенгауптомъ, чтобы обмануть царя.

— Въ погоню за шведомъ!—распоряжался Петръ,—князь Голицынъ и Флюкъ съ гвардейскими полками, драгунами, такожъ калмыки. Каждый драгунъ пусть за собою пѣхотинца посадитъ. Да сколько лошадей лишнихъ найдется, то и на нихъ бы пѣхотинцы сѣли. Изъ инфантеріи взять, что можно. Остальные пусть сзади идутъ, какъ могутъ. Уповаю, можемъ догнать шведа: съ обозомъ, чай, не гораздо скоро идетъ. Да написать Бауру, чтобы онъ тоже къ Пропойску шелъ.

Быстро двинулись русскіе и у деревни Лѣсной догнали Левенгаупта. Но русскихъ было только двѣнадцать тысячъ, считая въ томъ числѣ и калмыковъ, которые мало могли пригодиться въ большой битвѣ съ регулярнымъ войскомъ. А

*) Шпіонъ.

Мовша обманулъ и насчетъ численности войска Левенгаупта: у него было не 8, а 16 тысячъ. Оставивъ три тысячи для защиты обоза, съ остальными онъ вышелъ на встрѣчу русскихъ.

Петръ поставилъ свое войско въ три линіи, сзади всѣхъ калмыковъ, которымъ приказалъ бить тѣхъ, кто побѣжитъ.

Приказаніе это не пришлось исполнять. Въ глазахъ царя русскіе дрались какъ львы. Но всѣхъ превзошелъ храбростью князь Михайла Михайловичъ Голицынъ и гвардейцы. Левенгауптъ отступилъ къ обозу и соединился съ отрядомъ, который его охранялъ. Къ Петру подошелъ Бауръ съ 4000 драгунъ. Русскіе снова напали на шведовъ и на голову побили ихъ. Больше половины войска Левенгаупта погибло, весь обозъ съ припасами, который Левенгауптъ хотѣлъ доставить Карлу XII, достался русскимъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого въ Батуринѣ, резиденціи малороссійскаго гетмана, собрались въ домѣ гетмана Мазепы близкіе къ нему люди: генеральный писарь Орликъ, обозный генеральный Ломиковскій и полковники Миргородскій, Прилуцкій и Лубенскій.

— Что? все еще не рѣшается?—спрашивалъ Ломиковскій Орлика.

— Да.

— Своимъ медленіемъ онъ и себя и всѣхъ насъ погубитъ. Хорошо, что гетману удалось вывернуться, когда на него царю донесли генеральный судья Кочубей и полковникъ Искра.

— Да, страшный былъ доносъ, потому что Кочубей близкій къ гетману человѣкъ былъ, все зналъ. Не только то, что ксендзъ іезуитъ Заленскій сюда ѣздилъ и гетманъ съ княгинею Дольскою и королемъ Станиславомъ сносился, но даже и то, что когда пронесся слухъ въ прошломъ году, что царь въ Батуринъ ѣдетъ, чтобы гетмана въ Москву взять, то гетманъ сердюковъ устроилъ, чтобы стрѣлять въ царя.

— И охота была гетману Кочубея обидѣть чрезъ дочь его Матрену!

— Что-жъ? гетманъ хотѣлъ на ней жениться.

— Какъ же это можно, когда она его крестница?

— А можетъ быть обида Матрены Кочубеевой и къ выгодѣ намъ была? Могъ царь подумать, что Кочубей потому на гетмана доноситъ, что лично съ нимъ враждуетъ.

— Можетъ и помогло. А что поможетъ, если царь вдругъ Меншикова гетманомъ сдѣлаетъ? Самъ Меншиковъ во хмѣлю о томъ проговаривался.

— Это-то всего больше гетмана и подвигло на дѣло. Сперва, когда онъ въ Кіевѣ отъ княгини Дольской письмо получилъ, въ которомъ она ассекурацію короля Станислава и гарантію шведскаго короля гетману обѣщала, такъ онъ даже обругалъ княгиню, такъ и кричалъ: «Проклятая баба обезумѣла! бѣснуется баба! хочетъ меня, искусную, ношеную птицу обмануть! Пропалъ бы я, еслибъ далъ себя бабѣ обмануть!» А потомъ, когда въ 1706 году посланъ Меншиковъ съ кавалеріей на Волынь и гетману приказано идти за нимъ и его приказанія исполнять, то гетманъ изъ себя вышелъ. Самъ онъ мнѣ тогда говорилъ: «Не такъ бы мнѣ печально было, когда бы меня дали подъ команду Шереметеву или иному какому великоименитому и отъ предковъ своихъ заслуженному человѣку».

— Тогда и Дольскую голубкой называть началъ. Тогда же онъ намъ сказывалъ, что Меншиковъ во хмѣлю на ухо ему говорилъ, указывая на насъ: «Иванъ Степанычъ! пора теперь приниматься за нашихъ враговъ».

— А еще больше того въ 1707 году гетманъ обиженъ былъ, когда Меншиковъ компанейскому полковнику Танскому написалъ приказъ идти къ себѣ. Такъ тогда гетманъ говорилъ: «Можетъ ли быть большее поруганіе, посмѣяніе и уничиженіе моей особѣ! всякій день князь со мною видится, всякій часъ со мною конверсуетъ и, не сказавши мнѣ ни единаго слова, безъ моего вѣдома и согласія, ордонасы людямъ регименту моего посылаетъ!» Тогда-то онъ на дѣло и рѣшился.

— И мы рѣшились, и присягнули до крови за него и за права и вольности войсковыя стоять. Что онъ медлитъ?

— Боится ошибки. Такъ онъ и мнѣ говорилъ: «или я дуракъ—прежде времени отъ царя отступить, пока не увижу крайней нужды, когда царь не будетъ въ состояніи не только Украйны, но и государства своего отъ потенціи шведской оборонить».

— Такое время и пришло. Царь, слышно, у короля мира просилъ, а король вмѣсто отвѣта одного своего генерала московскимъ губернаторомъ назначилъ.

— А гетманъ все же вполнѣ не увѣренъ въ успѣхѣ.

Ему хотѣлось тогда явно къ шведу пристать, когда уже онъ царское войско побьетъ и хотя на половинѣ дороги къ Москвѣ будетъ. Гетманъ ужасно разсердился, когда узналъ, что король вмѣсто того, чтобы идти прямо на Москву, повернулъ въ Украйну. Даже короля гетманъ ругнулъ: «Дьяволъ несетъ его въ Малороссію!—сказалъ,—всѣ мои интересы превратитъ и войска московскія за собою внутрь Украйны впровадитъ на послѣднюю оной руину и на нашу погибель!»

— А мнѣ кажется, лучше, что шведъ сюда идетъ: онъ насъ отъ москалей защититъ. Если бы не то, какъ подняться? Сколько здѣсь москалей понаставлено.

Вышелъ Мазепа. Въ эту пору онъ уже былъ человѣкъ старый, хотя и моложе Ломиковскаго.

— Отъ царя указъ присланъ,—сказалъ онъ,—велитъ мнѣ со всѣмъ войскомъ къ Стародубу идти, на соединеніе съ Меншиковымъ и съ Шереметевымъ. Идти или нѣтъ?

— Конечно нѣтъ.

— Надо къ королю просьбу о протекціи послать,—сказалъ Ломиковскій,—и съ войскомъ шведскимъ на границѣ соединиться, чтобы москалей въ Украйну не пускать.

— А если мы пойдемъ къ Стародубу, — замѣтилъ миргородскій полковникъ, — то совсѣмъ у москалей въ рукахъ будемъ и волей-неволей придется намъ со шведомъ биться.

— Объяви же, панъ гетманъ,—сказалъ Ломиковскій,—чего намъ съ цѣлою Украйною и войсками запорожскими надѣяться. На какомъ фундаментѣ ты махину соединенія со шведами и поляками заложилъ?

— Для чего вамъ о томъ прежде времени знать? Спуститесь на мою совѣсть и на мое подлое разумишко, на которомъ вы зиждитеся; больше я, по милости Божіей, имѣю разумъ единъ, нежели вы всѣ. Ты ужь свой разумъ выстарилъ, а у Орлика разумъ еще молодой, дѣтскій.

Послѣ этого разговора Мазепа послалъ къ Меншикову такое письмо: «Вчерашняго дня за настоящею хирогричною и головною болѣзнью и за многодѣльствіемъ забылъ донесть вашей княжей свѣтлости въ писаніи моемъ о многихъ подъ сіе время трудностяхъ и внутреннихъ смятеніяхъ. Сіятельнѣйшій графъ, его милость Гаврила Ив. Головкинъ, пишетъ никакою многажды чрезъ моихъ и чрезъ своихъ нарочныхъ куріеровъ, чтобъ я спѣшнымъ маршемъ шелъ къ Стародубу

для отпору наступленію непріятельскому, которому я ради малолюдствія, при мнѣ обрѣтающагося, никакою мѣрою резистенціи учинить не могу». Къ этому Мазепа прибавлялъ, что опасается смятенія въ Малороссіи, и заключалъ свое письмо такими словами: «Изволь ваша княжеская свѣтлость, яко ближайшій монаршаго боку и тайный его государственныхъ дѣлъ первѣйшій министръ, отъ Бога дарованнымъ себѣ премудрымъ разумомъ и искусствомъ наставити меня, какъ имѣю въ таковыхъ трудностяхъ и въ указахъ поступить и исправиться?»

Меншиковъ отвѣчалъ, что если гетманъ не можетъ придти съ войскомъ, то пріѣхалъ бы самъ для совѣщаній. Мазепа послалъ къ нему племянника своего Войнаровскаго объявить, что гетманъ тяжко боленъ и въ живыхъ не чаетъ остаться, потому поѣхалъ изъ Батурина въ Борзну, гдѣ его будетъ кіевскій архіерей масломъ соборовать. Наконецъ Мазепа, подстрекаемый Ломиковскимъ и другими своими сообщниками, послалъ управителя своего Быстрицкаго къ графу Пиперу, министру Карла XII, прося протекціи себѣ, Запорожью и Малороссіи, присылки войска для обороны отъ москалей и обѣщая приготовить паромы для переправы чрезъ рѣку Десну у пристани Мокошинской.

Петръ въ исходѣ октября на Деснѣ въ мѣстечкѣ Погребкахъ сторожилъ переходъ шведской арміи чрезъ Десну. Тамъ онъ получилъ два извѣстія: одно изъ Петербурга отъ Апраксина, увѣдомлявшаго о своей побѣдѣ надъ Любекеромъ, и другое изъ Мокошина, отъ Меншикова. Князь писалъ, что онъ поѣхалъ къ Мазепѣ въ Борзну, потому что нашелъ малороссійское войско въ большомъ безпорядкѣ и ему необходимо было переговорить съ гетманомъ. Но онъ гетмана въ Борзнѣ не нашелъ, поѣхалъ въ Батуринъ, но и тамъ гетмана не было. Мало того: Меншикова встрѣтилъ только великороссійскій полкъ Анненкова, а сердюки и батуринскіе жители перебрались въ замокъ, мостъ развели, на стѣнахъ вооруженныхъ людей съ пушками разставили и великороссіянъ въ замокъ не впустили. Потомъ Меншиковъ узналъ, что Мазепа къ шведскому королю отъѣхалъ. Къ этому Меншиковъ прибавлялъ, что «въ старшинѣ малороссійской, кромѣ самыхъ вышнихъ, такожъ и въ подломъ народѣ съ нынѣшняго гетманскаго злого учинку никакого худа ни въ комъ не видать; но токмо ко мнѣ изо всѣхъ здѣшнихъ ближнихъ

мѣстъ съѣзжаются сотники и прочіе полчане и приносятъ на него въ томъ нареканія».

Петръ велѣлъ Меншикову пріѣхать къ себѣ, а Апраксину написалъ: «Хотя противно совѣсти моей, чтобъ противъ добрыхъ отъ васъ вѣстей къ вамъ нѣчто худое писать, однакожъ нужда повелѣваетъ являти, что учинилъ новый Іюда Мазепа, ибо 21 годъ бывъ въ вѣрности мнѣ, нынѣ при гробѣ сталъ измѣнникъ и предатель своего народа. Правда, хотя сіе дѣло худо, однакожъ не токмо онъ съ совѣту всѣхъ, но изъ пяти персонъ сіе зло учинилъ, что услышавъ здѣшній народъ, со слезами Богу жалуются на него и неописанно злобствуютъ, понеже, какъ слышимъ, кромѣ Бога житіе его было. И тако надежда въ Бога, что онъ себѣ зло вяще исходатайствовалъ, чему пособитъ кровь Самуилова *), нежели тому, кому хотѣлъ».

По приказанію Петра, Меншиковъ быстро двинулся къ Батурину. Необходимо было завладѣть этимъ городомъ, прежде чѣмъ придетъ туда Мазепа со шведами, потому что тамъ находились главные приверженцы Мазепы, богатая казна его и много запасовъ. Меншиковъ блистательно исполнилъ это дѣло. Хотя сердюки подъ начальствомъ полковника Чечела храбро защищали Батуринъ, однако Меншиковъ взялъ его штурмомъ и сжегъ. Это дѣло, почти въ виду шведовъ, произвело сильное впечатлѣніе на малороссовъ. Но еще больше дѣйствовало на нихъ вкоренившееся въ народѣ убѣжденіе, что только подъ властію православнаго царя малороссіяне не будутъ утѣсняемы въ вѣрѣ. Поэтому не только народъ, но и большая часть старшины остались вѣрны Петру. Съ Мазепою ушли немногіе, да и изъ тѣхъ нѣкоторые отъ него бѣжали. Въ Глуховѣ собралась рада и выбранъ гетманомъ стародубскій полковникъ Скоропадскій.

Зима 1708—9 года стояла суровая. Не легко было переносить ее русскимъ министрамъ, сопровождавшимъ Петра въ его походахъ. Въ началѣ января 1709 года въ Ахтыркѣ бесѣдовали двое изъ нихъ: ближній министръ и верховный президентъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ Гаврило Ивановичъ Головкинъ и тайный секретарь баронъ Шафировъ.

— Холодно!—говорилъ Шафировъ.

---

*) Т.-е. гетмана Самойловича.

— Что дѣлать,—отвѣчалъ Головкинъ,—по два раза въ день топятъ, а все этой хаты нагрѣть не могутъ.

— А все-же за этотъ морозъ благодарить Бога надо. Слышно, что шведы отъ него сотнями мрутъ.

— Ихъ, говорятъ, не много больше половины осталось противъ того, сколько въ Россію вошло.

— А я къ вашему превосходительству съ новостью. Перехвачено письмо Мазепы къ Лещинскому.

— Что же онъ пишетъ?

— Адресуетъ листъ королевской милости съ выраженіемъ подданской субъекціи; проситъ, чтобъ король двигнулъ побѣдоносную руку для спасенія своего наслѣдственнаго достоянія и они могли бы соединеннымъ оружіемъ и соединенными душами усыпить въ травѣ дракона непріятельскаго московскаго предпріятія, особенно теперь, когда Москва начала своими грамотами поджигать простой народъ.

— Точно, народъ начинаетъ вооружаться противъ шведовъ. И не мудрено, когда они наши церкви оскверняютъ. Но каковъ бездѣльникъ Мазепа! Пишетъ такъ послѣ того, что присылалъ царю сказать.

— Вотъ по этому самому дѣлу я и пришелъ къ вашему превосходительству. Позвольте въ короткихъ словахъ повторить все дѣло, хотя оно вамъ болѣе моего извѣстно. Мазепа прислалъ убѣжавшаго съ нимъ къ шведамъ миргородскаго полковника Данила Апостола сказать царю, что Мазепа обѣщаетъ предать въ царскія руки короля Карла и шведскихъ генераловъ, если царь возвратитъ Мазепѣ гетманское достоинство и удостовѣритъ въ своей милости при ручательствѣ европейскихъ дворовъ.

— Я Мазепѣ не повѣрилъ и царь тоже.

— И я совершенно согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ. Но когда Мазепа прислалъ компанейскаго полковника Галагана съ такими же предложеніями, то дѣло представилось вѣроятнѣе. Намъ поручено войти въ соглашеніе съ Мазепою.

— Ему и сказано, что гарантію иностранныхъ дворовъ получить трудно, и Апостолъ отозвался, что безъ этого Мазепа не согласится.

— Совершенно справедливо. Но только позвольте слѣдующій резонеманъ предложить. Одно изъ двухъ: или Ма-

зепа хочетъ предать Карла, или нѣтъ. Если нѣтъ, то что мы потеряемъ, если тому бездѣльнику нѣсколько строкъ напишемъ, конечно съ осторожностію, чтобы себя не компроментовать. А если-бъ онъ дѣйствительно короля и шведскихъ генераловъ выдалъ, то развѣ въ томъ не великій авантажъ для насъ? Тогда бы вся компанія безъ всякой баталіи кончилась. А по Мазепину подлому характеру развѣ такое предательство не возможно? Онъ всѣхъ своихъ благодѣтелей предалъ: и Дорошенка, и Самойловича, и Голицына, и самого царя. Почему-жъ ему и короля не предать, если онъ въ томъ свой профитъ увидитъ? И мнится не зѣло сіе трудно: понеже Карлъ, яко нѣкій паладинъ самъ на опасности лѣзетъ и Мазепѣ при его змѣиномъ разумѣ въ засаду увлечь шведскаго короля отнюдь немудрено.

— Вашъ резонеманъ справедливъ, но неужто-жъ тому измѣннику гетманство воротить?

— У казаковъ гетманъ есть и не иначе гетманъ поставляется, какъ избраніемъ казаковъ, слѣдовательно, если Мазепѣ сіе глухо пообѣщать, то потому легко претекстъ найти, что исполнить того невозможно. А можно его и маетностями и чинами великими наградить. Приведу извѣстную поговорку нѣсколько въ извращенномъ видѣ: «измѣнниковъ презираютъ, но услугами ихъ пользуются».

— Все это такъ, но письмо Мазепы къ Лещинскому...

— Ровно ничего не значитъ. Развѣ Мазепа можетъ не вести двойной игры?

— Я почти убѣждаюсь. Но какъ же вы полагали бы отвѣчать Мазепѣ?

— Я на случай приготовилъ проектъ отвѣта. Позвольте прочесть.

И Шафировъ началъ читать:

«Доношеніе ваше чрезъ г. полковника Миргородскаго его царскому величеству донесено, который, видя ваше доброе намѣреніе и обращеніе, принялъ то милостиво и повелѣлъ мнѣ къ вамъ писать съ крѣпчайшимъ обнадеживаніемъ, что ежели вы въ томъ пребывати и начатое намѣреніе свое къ исполненію привести потрудитесь, то не токмо что вашу милость въ прежній урядъ и въ свою милость принять, но оную къ вамъ и умножить изволитъ, и на тѣ кондиціи, чрезъ помянутаго г. полковника предложенныя, соизволилъ, и гарантеровъ желанныхъ отъ васъ для содержанія той ам-

нистіи пріемлетъ, хотя бы въ томъ и не безъ трудности было, только надлежитъ вашей милости постараться, дабы о извѣстной главнѣйшей особѣ по предложенію своему безопаснѣйшимъ образомъ постараться; буде же о самой той особѣ и не возможно, то хотя бъ о протчихъ знатнѣйшихъ то учинить по предложенію».

— Письмо хорошо написано. Пошлемъ за Апостоломъ и Галаганомъ, посмотримъ, что они скажутъ. Всячески не дурно бы было, если бы Мазепа отъ шведа отсталъ. А то могутъ найтись и другіе на Украинѣ ему доброхоты.

— Особенно въ Запорожьѣ.

— И въ Кіевѣ не совсѣмъ надежно. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ пишетъ, что онъ оттуда выпроводилъ всѣхъ студентовъ родомъ изъ Польши и Литвы, но монаховъ изъ тѣхъ мѣстъ много: въ одномъ Братскомъ монастырѣ изъ 30 монаховъ только пять малороссіянъ, а то все изъ-за польской границы, и что они мыслятъ, узнать трудно, потому что они насъ чуждаются. Во всемъ Кіевѣ къ намъ снисходителенъ только префектъ Братскаго монастыря Ѳеофанъ Прокоповичъ, говорятъ, мужъ ученый и въ предикахъ *) вельми искусенъ.

Явились Апостолъ и Галаганъ. Головкинъ прочелъ имъ письмо къ Мазепѣ, приготовленное Шафировымъ.

— Отправляйте это письмо къ нему,—сказалъ Апостолъ,—а я больше къ нему не пойду и въ дѣлахъ его участникомъ не буду. Доложите его царскому величеству, что отнынѣ я его вѣрный и нелицемѣрный слуга.

— И я также,—прибавилъ Галаганъ.

— Могу и о шведскихъ и Мазепиныхъ умыслахъ сказать,—продолжалъ Апостолъ.—Онъ намъ и другой старшинѣ привиллегію Лещинскаго показывалъ, въ которой сказано, что Украина къ коронѣ польской присоединяется на однихъ правахъ съ Польшею и Литвою. Шведскій король и Мазепа писали къ Лещинскому письмо, чтобы онъ скорѣе въ Украину послалъ съ польскимъ войскомъ и со шведскимъ отрядомъ генерала Краснова, который остался въ Польшѣ. Когда они придутъ въ Украину, то и останутся тамъ съ Мазепою, а шведскій король на Москву пойдетъ.

Въ февралѣ 1709 года главная квартира Карла XII на-

*) Въ проповѣдяхъ.

ходилась въ Опошнѣ. Въ мѣстечкѣ невозможно было расположиться всѣмъ солдатамъ и большая часть ихъ грѣлись у костровъ.

— Скоро-ли мы выберемся изъ этой проклятой страны?— говорилъ одинъ изъ нихъ.

— И у насъ въ Швеціи,—сказалъ другой,—бываютъ холода больше здѣшнихъ, да тамъ теплые дома и теплая одежда, а здѣсь ничего нѣтъ.

— Ничего не запасли, потому что надѣялись скоро съ московитами управиться.

— А на повѣрку выходитъ это не легко. Ну что за крѣпость была этотъ Веприкъ, валъ безъ бастіоновъ, ровъ мелкій, весь снѣгомъ занесенъ и гарнизонъ слабый, а русскіе три приступа отбили и хотя наконецъ сдались, но все же намъ эта крѣпостишка больше тысячи человѣкъ стоила.

— А генерала Ренне совсѣмъ намъ не удалось побить.

— Храбрый, говорятъ, и искусный генералъ.

— Въ томъ-то и бѣда, что у царя много искусныхъ генераловъ и офицеровъ изъ нѣмцевъ.

— И изъ московитовъ есть.

— А главное потому сюда король пошелъ, что на этого Мазепу понадѣялся. Тотъ обѣщался и провіантъ доставить и всѣхъ казаковъ на царя поднять.

— И вмѣсто того привелъ только тысячи двѣ какихъ-то разбойниковъ, которые въ настоящее дѣло и не годятся.

— А попадись имъ гдѣ-нибудь вдали отъ своихъ, то, пожалуй, ограбятъ.

— Станется!

— У казаковъ теперь другой гетманъ есть и почти всѣ за царя стоятъ.

— Только запорожцы хотѣли къ намъ присоединиться, но московиты ихъ побили.

— И присоединились только такіе, что еще хуже Мазепиныхъ казаковъ.

— Главная бѣда—запасовъ нѣтъ.

— Что мы набрали дорогой, все вышло.

— Сколько людей у насъ отъ холода, голода и болѣзней перемерли, ни въ одномъ сраженіи мы столько не потеряли-бы.

— Въ томъ и бѣда, что генеральнаго сраженія нѣтъ, мы въ немъ непремѣнно побили бы московитовъ.

— Конечно побили-бы, потому что король нашъ молодецъ.

— Подставляетъ голову подъ пули, какъ простой солдатъ.

— Самъ ищетъ опасности.

— Можетъ быть смерти ищетъ, потому что видитъ дурной конецъ.

— А знаете, можетъ быть дѣла скоро поправятся: говорятъ, всѣ генералы хотятъ сдѣлать королю представленіе, чтобы идти въ Польшу на соединеніе съ Красновымъ.

— Давай-то Богъ!

Подошелъ офицеръ.

— Приказано послать сто человѣкъ за провіантомъ и фуражемъ. Велѣно вызвать охотниковъ. Кто хочетъ?

Ни одинъ изъ солдатъ не отвѣчалъ.

— Что это значитъ? Неужели нѣтъ ни одного охотника? Между шведами нѣтъ охотниковъ на смѣлое дѣло?

— Мы устали, капитанъ, мы шли цѣлый день, чуть не по колѣно въ снѣгу.

— Солдаты говорятъ объ усталости!

— Солдаты тоже люди.

— И мы знаемъ, что такое фуражировка малымъ отрядомъ, когда кругомъ непріятели.

— Потому и вызываютъ охотниковъ, что смѣлое дѣло.

— Не смѣлое, но отчаянное.

— И вамъ не стыдно будетъ, когда изъ другихъ ротъ поѣдутъ охотники, а изъ нашей ни одного?

Но тщетны были всѣ убѣжденія офицера, ни одинъ солдатъ его роты не пошелъ въ охотники. Съ трудомъ могли набрать нужное число охотниковъ и изъ другихъ ротъ.

— Наши солдаты совсѣмъ не тѣ стали, что были годъ тому назадъ,—говорилъ капитанъ другому офицеру,—бывало вызываешь охотниковъ, и выходитъ вся рота, приходится назначать самому или давать жребій, и тѣ кто оставался были въ досадѣ, а теперь!

— Еще хуже бываетъ! Въ вашей ротѣ по крайней мѣрѣ исполняютъ всѣ ваши приказанія безпрекословно, а въ другихъ просто погибла всякая дисциплина.

— Что будетъ съ этимъ несчастнымъ походомъ!

Солдаты не ошиблись: генералы дѣйствительно рѣшились представить Карлу о необходимости уйти въ Польшу. Канцлеръ Пиперъ и генералъ-квартирмейстеръ Гилленкрокъ пошли къ королю.

— Ваше величество!—сказалъ Пиперъ,—армія терпитъ страшную нужду, нѣтъ теплой одежды, мало продовольствія, каждый день сотни людей заболѣваютъ и рѣдко кто выздоравливаетъ, потому что нѣтъ лѣкарствъ и главное нѣтъ здоровой, питательной пищи, артиллерія начинаетъ чувствовать недостатокъ въ зарядахъ, и много пушекъ мы уже побросали.

— Къ чему вы говорите объ этомъ: я все это знаю.

— Въ виду такихъ затруднительныхъ обстоятельствъ, фельдмаршалъ Реншельдъ и генералы поручили мнѣ представить вашему величеству, что они считали бы полезнымъ перейти Днѣпръ и соединиться съ генераломъ Красновымъ и съ королемъ Станиславомъ.

— Что? перейти Днѣпръ? А знаете ли, господинъ канцлеръ, знаютъ ли господинъ фельдмаршалъ и генералы, что этотъ переходъ будетъ похожъ на бѣгство и придастъ духу непріятелю? Понимаете-ли, какъ это важно? У московскаго царя вдвое болѣе солдатъ, чѣмъ у насъ; но они еще помнятъ Нарву.

— Они уже не тѣ, что были при Нарвѣ.

— Можетъ быть. Но напасть на Карла, стоящаго въ числѣ его храбрыхъ шведовъ, они не осмѣлятся, пока мы идемъ впередъ. А кто нападаетъ, тотъ на половину побѣдитель. Мы нападемъ на московитовъ и побьемъ ихъ.

— Но они до сихъ поръ уклонялись отъ сраженія, могутъ уклоняться и впередъ.

— Пусть и уклоняются, пока мы возьмемъ Москву и поднимутся всѣ недруги Петра.

— Но пока дойдемъ до Москвы, развѣ наша армія можетъ перенести всѣ лишенія?

— Я уже думалъ объ этомъ и нашелъ средство избавить ее отъ этихъ лишеній. Мазепа мнѣ сказывалъ, что въ Полтавѣ собрано царемъ много запасовъ. Мы возьмемъ Полтаву и всѣ эти запасы. Это нѣсколько задержитъ походъ на Москву, но точно арміи нужно освѣжиться. Притомъ не думаю, чтобы остановка была продолжительна. Кстати Гилленкрокъ здѣсь. Вобанъ обыкновенно говорилъ Людовику XIV,

въ какой день онъ возьметъ ту или другую крѣпость. Любезный Гилленкрокъ! вы нашъ маленькій Вобанъ—скажите, когда мы возьмемъ Полтаву?

— Государь! У насъ нѣтъ осадной артиллеріи и ничего, что нужно для осады, пушекъ мало, артиллерійскихъ снарядовъ еще меньше. Съ такими средствами, полагаю, что и самъ Вобанъ задумался бы, какъ приступить къ осадѣ крѣпости.

— Для такой ничтожной крѣпости, какъ Полтава, у насъ довольно средствъ.

— Я слышалъ отъ гетмана, что въ Полтавѣ 4.000 московитовъ, кромѣ казаковъ.

— Московиты сдадутся при первомъ нашемъ пушечномъ выстрѣлѣ.

— Въ Веприкѣ не сдались, пока у нихъ былъ порохъ. А если придется вести земляныя работы, наша пѣхота, и безъ того изнуренная, сильно пострадаетъ.

— Я и не намѣренъ употреблять для этого мою пѣхоту: мазепины казаки на что?

— Развѣ можно употреблять на осадныя работы людей, которые не имѣютъ объ нихъ ни малѣйшаго понятія и притомъ не понимаютъ насъ безъ толмачей. Казаки разбѣгутся, когда работа покажется имъ тяжелой, и товарищи ихъ будутъ падать отъ московитскихъ выстрѣловъ.

— Казаки сдѣлаютъ все, что я захочу, и не разбѣгутся, потому что я буду хорошо имъ платить.

— Все-таки наши пушки не сдѣлаютъ брешей и пѣхота страшно пострадаетъ при штурмѣ.

— А я васъ увѣряю, что штурмъ не понадобится.

— Не понимаю, какъ же иначе мы возьмемъ крѣпость, если только намъ не поблагопріятствуетъ необыкновенное счастье.

Король засмѣялся.

— Мы и должны совершить необыкновенное — за то намъ будетъ честь и слава.

— Боюсь, чтобы все это не кончилось необыкновеннымъ образомъ.

— Полноте, генералъ, въ нашемъ войскѣ слово «боюсь» не должно быть слышно. У меня уже приготовлена коротенькая диспозиція для движенія впередъ. Я вамъ ее сейчасъ принесу. Дайте ей обычную форму и разошлите по войскамъ.

Король вышелъ въ другую комнату.

— Графъ! — сказалъ Гилленкрокъ Пиперу, — умоляю васъ, отклоните короля отъ этой несчастной мысли: онъ погубить и себя и насъ.

— Вы такъ-же хорошо знаете короля, какъ и я: если уже онъ рѣшится на что-нибудь, то измѣнить его рѣшеніе невозможно.

Гилленкрокъ продолжалъ настаивать и, когда король возвратился, Пиперъ сказалъ ему:

— Ваше величество! мнѣ кажется, что замѣчанія генерала Гилленкрока о трудности взятія Полтавы весьма основательны.

— Если бы Богъ, — отвѣчалъ король,—послалъ ангела небеснаго съ приказаніемъ отступить отъ Полтавы, то я бы и тогда не отступилъ.

Оказалось, что Полтаву взять не легко. Комендантъ ея полковникъ Келлинъ защищался храбро. Шведы нѣсколько разъ выстрѣлами зажигали городъ и ходили на приступъ. Келлинъ приказывалъ старикамъ и женщинамъ тушить пожары и отражалъ приступы. Меншиковъ успѣлъ подать ему помощь. Русское войско стояло недалеко на другомъ берегу рѣки Ворсклы. Оно сносилось съ крѣпостью посредствомъ бомбъ, въ которыхъ вмѣсто зажигательныхъ веществъ лежали письма. Самъ Петръ въ это время ѣздилъ въ Азовъ.

Уже второй мѣсяцъ длилась осада Полтавы. Въ началѣ іюня царь прибылъ къ войску. Недѣли черезъ двѣ получено изъ Полтавы увѣдомленіе, что тамъ почти нѣтъ пороха, шведы подкопами близко подошли и осажденные долго держаться не могутъ. На военномъ совѣтѣ русскихъ рѣшено перейти рѣку и дать сраженіе. 20-го іюня русскіе перешли чрезъ рѣку, 25-го подвинулись къ шведамъ на разстояніе двухъ верстъ и въ одну ночь построили ретраншементъ.

Утромъ 27-го іюня собрались къ царю за окончательными приказаніями для битвы главные генералы: фельдмаршалъ Шереметевъ, начальникъ центра русскаго войска, Меншиковъ, командующій лѣвымъ, и Ренне — правымъ крыломъ, Брюсъ, начальникъ артиллеріи, Михайла Михайловичъ Голицынъ, Рѣпнинъ, Ренсель, Аларгъ, Бауръ и другіе.

— Сейчасъ перебѣжалъ изъ непріятельской арміи казакъ,—доложилъ Меншиковъ государю,—который говоритъ, что король раненъ.

— Когда? гдѣ?—спросилъ Петръ.

— Онъ ѣздилъ осматривать русскій лагерь, подъѣхалъ къ отряду казаковъ, которые стояли такъ оплошно, что не замѣтили его приближенія и спокойно грѣлись у огня. Король не вытерпѣлъ и выстрѣломъ повалилъ одного казака. Казаки вскочили, стали стрѣлять на-угадъ въ ту сторону, откуда король стрѣлялъ, и одна пуля попала ему въ ногу.

— Помнить въ главныхъ чертахъ диспозицію, — сказалъ Петръ, — въ центрѣ поражать шведовъ пушечнымъ огнемъ, а съ фланговъ стараться обойти. Но каждый отдѣльный начальникъ долженъ зорко наблюдать за баталіей и пользоваться всѣми случаями для пораженія врага. Теперь съ Богомъ! Помните, что будете биться за родъ свой, за отечество, за вѣру православную; не вѣрьте, что непріятель непобѣдимъ: мы его уже не разъ побѣждали. Уповайте на Бога, а о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ.

За раною Карла шведскимъ войскомъ начальствовалъ фельдмаршалъ Реншельдъ, пѣхотою—Левенгауптъ, конницею генералъ Крейцъ. Несмотря на страданія отъ раны, Карлъ выѣхалъ въ коляскѣ передъ войскомъ.

При видѣ его будто электрическая искра пробѣжала по арміи. Забыты были страданія, неудачи, шведы помнили только одно: сколько разъ водилъ онъ ихъ къ побѣдѣ.

Слабо приподнялся онъ, указалъ рукой на русскихъ и проговорилъ:

— Впередъ!

— Впередъ! — загремѣло въ войскахъ, и Левенгауптъ съ необыкновенной стремительностью бросился на русскіе редуты.

Коляску короля окружали его вѣрные драбанты.

— Михаль!—сказалъ офицеръ одному изъ нихъ,—взлѣзь на дерево, гляди оттуда за сраженіемъ и докладывай королю.

Михаль Витштокъ исполнилъ приказаніе.

— Побѣда!—вскричалъ онъ,—наши взяли два непріятельскихъ редута.

Но этотъ успѣхъ шведовъ былъ послѣднимъ. Бауръ, принявшій начальство вмѣсто раненаго Ренне, отступилъ съ конницею вправо отъ русскаго ретраншемента, открылись русская пѣхота и артиллерія и начали убійственный огонь по шведамъ. Левенгауптъ долженъ былъ отступить и стоять

въ лѣсу внѣ выстрѣловъ. Но хуже всего для шведовъ было то, что во время стремительнаго нападенія шведовъ часть ихъ войскъ подъ начальствомъ генераловъ Шлиппенбаха и Розена оторвалась отъ главныхъ силъ и была отрѣзана русскими. Меншиковъ замѣтилъ опасное положеніе этихъ шведскихъ отрядовъ и тотчасъ же напалъ на нихъ. Сперва Шлиппенбахъ, потомъ Розенъ были побиты и принуждены сдаться.

Въ семь часовъ утра началась общая битва. Мало-помалу развивался планъ Петра: съ фланговъ русскіе обходили шведовъ, а въ центрѣ поражали ихъ своею страшною артиллеріею, на выстрѣлы которой шведамъ почти нечѣмъ было отвѣчать.

Два часа длилась битва. Ряды шведовъ страшно рѣдѣли. Иногда одно ядро вырывало нѣсколько человѣкъ изъ строя. Безмолвно, нахмуривъ брови, стиснувъ зубы, стояли они и отвѣчали на огонь русскихъ ружейной пальбой. Когда сотни товарищей умирали вокругъ нихъ, слово ропота не вырывалось изъ ихъ устъ, и только по временамъ они взглядывали туда, гдѣ въ коляскѣ медленно проѣзжалъ между рядами король.

Вдругъ русское ядро ударило въ коляску, король палъ на землю. Единодушный крикъ отчаянія вырвался у драбантовъ. Далеко пронесся онъ по пѣхотѣ, она заколебалась, послышались страшныя слова:

— Все погибло!

— Поднимите меня! — проговорилъ Карлъ, удерживая стоны.

Драбанты поспѣшили исполнить приказаніе.

— Повязка сорвалась съ раны вашего величества, — сказалъ докторъ,—нужно немедленно перевязать.

— Успѣете. Посадите меня на перекрещенныя пики, чтобы шведы видѣли, что король ихъ живъ.

Драбанты подняли короля на скрещенныхъ пикахъ. Съ необыкновенной энергіей, удерживая страданія, Карлъ помутившимися глазами посмотрѣлъ вокругъ.

Пѣхота его уже бѣжала.

— Шведы! Шведы!—вскричалъ онъ.

Но уже паника овладѣла солдатами, они не слышали слабаго голоса своего короля

Примчался во весь опоръ Реншельдъ.

— А! фельдмаршалъ, очень радъ васъ видѣть невредимымъ.

— Ваше величество! — вскричалъ онъ,—наша пѣхота погибла! Товарищи! спасайте короля!

Потомъ онъ сошелъ съ коня, бросился въ середину бѣжавшихъ шведовъ и закричалъ:

— Стойте! стойте, защищайте короля!

Но словъ его уже никто не слушалъ, всякій думалъ только о собственномъ спасеніи. Только драбанты окружили короля.

Голова его склонилась на грудь, очи закрылись, онъ былъ безъ чувствъ. Драбанты уняли кровь, текущую изъ раны короля, кое-какъ перевязали и насколько могли бережно везли его, окруживъ со всѣхъ сторонъ и рѣшившись умереть до одного, прежде чѣмъ допустить русскихъ до короля.

Къ счастью ихъ, русскіе еще не проникли до этого мѣста, постоянно останавливаясь и забирая въ плѣнъ шведовъ, пушки, знамена и прочее.

Реншельдъ увидалъ русскаго генерала впереди сильнаго отряда драгунъ.

— Позвольте мнѣ вамъ сдаться, — сказалъ онъ по-нѣмецки,—я фельдмаршалъ Реншельдъ.

Русскій генералъ вѣжливо поклонился.

— Я князь Меншиковъ. Не угодно-ли вамъ сѣсть на коня,—сказалъ онъ тоже по-нѣмецки.—Я васъ сейчасъ представлю царю.

Оба генерала съ любопытствомъ смотрѣли другъ на друга. Каждый изъ нихъ зналъ громкую славу другого.

Скоро съ ними встрѣтился и царь.

— Ура, Данилычъ!—вскричалъ онъ,—Богъ преславную викторію намъ даровалъ.

— Тѣмъ, государь, поздравляю. Вотъ фельдмаршалъ Реншельдъ.

— А! фельдмаршалъ, очень радъ васъ видѣть невредимымъ. Позвольте возвратить вашу шпагу. Пусть это пребудетъ знакомъ моего къ вамъ естима. Теперь прошу ко мнѣ на обѣдъ. Вы тамъ увидите много знакомыхъ. А гдѣ братъ нашъ Карлъ?

— Не знаю, ваше величество. Полагаю, что спасся.

— Государь, у васъ шляпа прострѣлена!—воскликнулъ Меншиковъ.

— Да. А другая пуля въ сѣдло попала. Господь сохра-

нилъ. Попади одна дюймомъ ниже, другая дюймомъ выше, плохо бы было. А какъ думаешь, Данилычъ, теперь парадизъ за нами крѣпокъ?

— И всѣ ваши завоеванія.

— Теперь пойдетъ дѣло. Все равно, что воскресъ, Данилычъ.

Реншельдъ дѣйствительно нашелъ много знакомыхъ въ палаткѣ Петра. Тамъ былъ служившій въ шведскомъ войскѣ принцъ Виртембергскій, Пиперъ, генералъ Штакельбергъ, Гамильтонъ, Шлиппенбахъ, Розенъ и много шведскихъ офицеровъ.

Но до обѣда Петръ приказалъ отслужить благодарственный молебенъ и въ тотъ же день успѣлъ подѣлиться своею радостію съ близкими людьми, написалъ Ромодановскому и Апраксину; первому онъ писалъ: «Доносимъ вамъ о зѣло превеликой и неначаемой викторіи, которую Господь Богъ намъ чрезъ неописанную храбрость нашихъ солдатъ даровать изволилъ съ малою войскъ нашихъ кровью таковымъ образомъ: сегодни въ самомъ утрѣ жаркіи непріятель нашу конницу со всею арміею конною и пѣшею аттаковалъ, которая хотя по достоинству держалась, однако-жъ принуждена была уступить токмо съ великимъ убыткомъ непріятелю; потомъ непріятель сталъ во фрунтъ противъ нашего лагеру, противъ котораго тотчасъ всю пѣхоту изъ транжамента вывели и предъ очи непріятелю поставили, а конница на обоихъ фланкахъ, что непріятель увидя тотчасъ пошелъ атаковать насъ, противъ котораго наши встрѣчу пошли и тако онаго встрѣтили, что тотчасъ съ поля сбили, знаменъ, пушекъ множество взяли, такожъ генералъ-фельдмаршалъ господинъ Рейншельдъ купно съ четырмя генералы, такожъ первыи министръ графъ Пиперъ съ секретарми въ полонъ взяты, при которыхъ нѣсколько тысячъ офицеровъ и рядовыхъ взято, и, единымъ словомъ сказать, вся непріятельская армія фаетоновъ конецъ воспріяла (а о королѣ еще не можемъ вѣдать, съ нами-ль или со отцы нашими обрѣтается), а за разбитымъ непріятелемъ посланы господа генералы порутчики князь Голицынъ и Бауръ съ конницею, и сего у насъ неслыханною новиною вашему величеству поздравляю». Въ письмѣ къ Апраксину прибавлено: «Нынѣ уже совершенно камень во основаніе С.-Петербурга положенъ съ помощью Божьею».

На пиру, при громѣ пушекъ, Петръ провозгласилъ тостъ за здоровье своихъ учителей въ военномъ искусствѣ.

— Кто эти учители?—спросилъ Реншельдъ.

— Вы, господа шведы.

— Хорошо же ученики отблагодарили своихъ учителей.

Въ погоню за шведами, вслѣдъ за Голицынымъ и Бауромъ отправился Меншиковъ.

Драбанты съ Карломъ XII остановились только утромъ предъ развѣтомъ 29 іюня въ Новосонжаровѣ. Ногу короля перевязали; онъ крѣпко заснулъ. Когда разсвѣло, Михель разбудилъ короля:

— Московиты близко. Если прикажете, пойдемъ дальше.

30 іюля остатки шведской арміи, болѣе 10.000 человѣкъ, собрались на берегу Днѣпра у городка Переволочило. Тамъ больного Карла окружили его приближенные: Мюллернъ, замѣнившій Пипера, генералъ Левенгауптъ, Крейцъ, Шпарре, Лагеркронъ, польскіи генералъ Понятовскіи и Мазепа съ Орликомъ и Войнаровскимъ.

— Ваше величество,—сказалъ Левенгауптъ,—вамъ необходимо переправиться чрезъ Днѣпръ и удалиться въ турецкія владѣнія. Чрезъ нѣсколько часовъ московиты придутъ сюда. Долго сопротивляться намъ нѣтъ никакой возможности. Но мы съ генераломъ Креіицомъ постараемся задержать ихъ, пока можемъ.

— Ужели невозможно защищаться?

— Нѣтъ ни артиллеріи, ни пороха, солдаты истомились и совершенно упали духомъ.

— Переѣздъ въ Турцію,—сказалъ Понятовскій,—можетъ быть полезенъ интересамъ вашего величества. Порта давно недовольна царемъ. Можно будетъ поднять на него турокъ.

— Хорошо, я ѣду. Левенгауптъ и Крейцъ пусть держатся здѣсь, а прочіе ѣдутъ со мною. Какія мы имѣемъ средства для переправы?

— Мои казаки,—отвѣчалъ Мазепа,—сыскали нѣсколько лодокъ, больше ничего нѣтъ. Но запорожцы мастера переправляться чрезъ рѣки. Они переправятся сами и перевезутъ нѣсколько сотъ шведовъ.

Дѣйствительно запорожцы оказали много помощи шведамъ. Двѣ лодки связали вмѣстѣ, поставили на нихъ повозку для короля, передними колесами на одной и задними на

другой лодкѣ. На этихъ лодкахъ помѣстился Карлъ со своими приближенными. Для Мазепы также нашлась лодка. Къ ночи приготовленія были кончены. Карлъ взялъ съ собою деньги, собранныя имъ въ Саксоніи, Мазепа—два боченка съ золотомъ.

Левенгауптъ и Крейцъ пытались между тѣмъ устроить сколько-нибудь остатокъ войска. Но всѣ ихъ усилія были тщетны. Многіе изъ шведовъ, истомленные битвой и продолжительнымъ бѣгствомъ, спали глубокимъ сномъ, нѣкоторые сидѣли въ нѣмомъ отчаяніи, почти никто не слушалъ приказаній генераловъ и офицеровъ.

Ночью началась переправа короля. Печальная это была переправа. Немало шведовъ утонуло въ Днѣпрѣ. Едва сотни три человѣкъ переѣхали съ королемъ.

Рано утромъ раздался громкій звукъ русскихъ трубъ и барабановъ,—это былъ Меншиковъ съ 9.000 конницы.

Ударили сборъ и подъ шведскими знаменами. Но едва половина солдатъ собралась подъ ними и тѣ стояли въ нѣмомъ отчаяніи.

— Генералъ,—сказалъ Крейцъ Левенгаупту, — московиты стоятъ за холмами и требуютъ сдачи. Король уже въ безопасности. Драться — значитъ напрасно проливать кровь.

— Вы правы, генералъ, поѣзжайте къ нимъ для переговоровъ.

Такъ Меншиковъ, главный герой Полтавскаго боя, взялъ безъ выстрѣла и остатокъ шведской арміи. Всего подъ Полтавой и у Переволочьны взято русскими въ плѣнъ болѣе 18.000 шведовъ. Остальные, кромѣ немногихъ, ушедшихъ съ королемъ, погибли въ битвѣ. Блестящая шведская армія, которая, находясь въ Саксоніи, наводила страхъ на всю Европу, теперь не существовала болѣе.

Петръ щедро наградилъ своихъ сподвижниковъ. Меншикова чиномъ генералъ-фельдмаршала, Шереметева, Михайла Михайловича Голицына и Рѣпнина—вотчинами, Ренне—чиномъ генералъ-аншефа, Брюса, Аларта и Ренселя—орденомъ Андрея Первозваннаго, Головкинъ пожалованъ въ канцлеры, Шафировъ въ подканцлеры. «Также, говорится въ описаніи свеїйской воїны, и иные многіе повышены чинами и пожалованы вотчинами, и всѣхъ штапныхъ и оберъ-офицеровъ жаловалъ государь золотыми портретами съ алмазы и ме-

дальми золотыми же по достоинству ихъ чиновъ; а солдатамъ медали серебряныя и даваны были деньги».

«Напослѣдокъ какъ министры, такъ и генералитетъ, офицеры и солдаты, возблагодаря государя за милость и за такія награжденія, просили его, дабы въ знакъ трудовъ своихъ, какъ въ свою славную баталію, такъ и въ протчихъ воинскихъ дѣйствіяхъ понесенныхъ, изволилъ принять чинъ въ сухопутномъ воіискѣ генерала, а на морѣ шаутбенахта», т.-е. контръ-адмирала. До того времени Петръ имѣлъ только чинъ полковника.

По всей Россіи съ великимъ торжествомъ праздновалась «преславная викторія». По всѣмъ церквамъ совершался благодарственный молебенъ и повторялся нарочно составленный по этому случаю тропарь: «Препрославленъ еси, Господи Боже нашъ, даровавый крѣпость на враги благовѣрному царю нашему Петру, якоже Давиду на прегордаго Голіаѳа». И до нынѣ каждогодно, 27 іюня, совершается это молебствіе.

Царевичъ Алексѣй Петровичъ въ Преображенскомъ «трактовалъ на банкетѣ» иностранныхъ и русскихъ министровъ и «знатныхъ офицеровъ». Потомъ трактовала ихъ царевна Наталья Алексѣевна и знатнѣйшіе вельможи.

Въ Кіевѣ префектъ Братскаго монастыря Ѳеофанъ Прокоповичъ встрѣтилъ Петра знаменитымъ привѣтственнымъ словомъ: «Супостатъ,—говорилъ онъ о Карлѣ,—воистину таковый, отъ каковаго непобѣжденному токмо быти, великая была бы слава: что же таковаго побѣдити тако преславно и тако совершенно?» Упомянулъ онъ и о Мазепѣ, который «не устрашился Хамова безстудія, не убояся Іудина беззаконія, не вострепета Аріева клятвопреступства».

Но побѣдитель не забывалъ и дѣла, возобновилъ союзъ съ Августомъ II и датскимъ королемъ. Одна русская армія, подъ начальствомъ Меншикова, пошла въ Польшу, другая, подъ командой Шереметева—подъ Ригу. Самъ Петръ отправился туда и 14 ноября писалъ Меншикову: «Сегодня о пятомъ часу пополуночи бомбардированіе началось Риги и первыя три бомбы своими руками въ городъ отправлены, о чемъ зѣло благодарю Бога, что сему проклятому мѣсту сподобилъ мнѣ самому отмщенія начало учинить».

Проклятымъ мѣстомъ Петръ потому назвалъ Ригу, что еще помнилъ оскорбленія, вытерпѣнныя имъ тамъ во время путешествія за границу.

Въ Петербургѣ, который Меншиковъ въ своихъ письмахъ называлъ «святою землею», Петръ построилъ въ память Полтавской битвы церковь во имя Св. Сампсонія.

Наконецъ 12 декабря 1709 года онъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву Было построено 7 тріумфальныхъ воротъ, изукрашенныхъ золотомъ и эмблематическими картинами. Въ нихъ «вмѣсто Фебуса, его же баснотворцы огненными конями возимаго именуютъ быти солнцемъ, поставися пресвѣтлѣйшаго монарха нашего персона подъ зодіатическими знаки рака и льва (яже мѣсяцы іюнь и іюль знаменуются): яко егда ракъ мѣсяца іюня въ зодіачное знамсніе пріиде, тогда несмысленною дерзостью пришедъ въ чужое отечество левъ шведскій, съ великимъ безчестіемъ всю потерявши силу свою, ракомъ бывъ, вспять едва выползъ».

Веселился народъ; смотрѣли на чудныя изображенія, слушали разсказы полтавскихъ бойцовъ и дивились чудному пораженію страшнаго врага.

Немало было въ толпѣ и такихъ, которые «напраздничались вельми зѣло». Одинъ изъ такихъ, безъ шапки, оборванный лѣзъ къ тріумфальнымъ воротамъ.

— Чего лѣзешь-то,—замѣтилъ ему степенный мастеровой,—шелъ бы домой—ну на что ты похожъ?

— Точно, дяденька, все просадилъ, продулся какъ шведъ подъ Полтавой.

XXI.

ОТЕЦЪ ОТЕЧЕСТВА.

(1711—21 гг.).

Въ началѣ августа 1711 года Игнатій Семеновъ получилъ отъ свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича Меншикова приказаніе отправиться изъ С.-Петербурга въ Москву и явиться тамъ къ оберъ-инспектору Курбатову.

Семнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Семеновъ въ послѣдній разъ былъ у Курбатова. Припоминалъ онъ, идя къ оберъ-инспектору, какъ хаживалъ когда-то къ Курбатову, бывшему тогда дворецкимъ Бориса Петровича Шереметева, какъ возникла тогда между подъячимъ Игнатіемъ и семеновскимъ солдатомъ Сверчковымъ вражда за дочь Курбатова, Машу, какъ онъ Сверчкова за то въ Кожуховскомъ походѣ поранилъ и какъ все-таки Сверчковъ у него Машу отбилъ.

Курбатовъ уже жилъ какъ важный человѣкъ; немало просителей въ большой пріемной дожидалось его. Изъ пріемной дверь была полуотворена въ другую комнату, и оттуда слышалась музыка. Заглянулъ туда Игнатій и увидалъ, что тамъ танцовать собираются. Игнатій зналъ, что по указу государеву женщины уже не прятались отъ мужчинъ; доводилось Игнатью ихъ на ассамблеяхъ въ нѣмецкихъ робахъ

и фижмахъ видать, и догадался онъ, что въ сосѣдней комнатѣ обучаются, какъ на ассамблеяхъ танцовать. Хотя было время, когда Игнатій двуперстнымъ сложеніемъ крестился и всякія новшества не любилъ, но теперь, побывши нѣсколько лѣтъ въ компаніи людеій, которые тѣмъ новшествамъ предались, Игнатій уже нє находилъ въ танцахъ «богомерзкаго скаканія и хребтомъ вилянія». Поэтому онъ не считалъ грѣхомъ посмотрѣть въ полуотворенныя двери на танцующихъ.

Одна изъ нихъ, усердно отплясывая менуетъ, обернулась лицомъ къ двери. Увидѣвъ ее, Игнатій остолбенѣлъ: предъ нимъ стояла Маша Курбатова!

Только какъ же это? Прошло семнадцать лѣтъ, и она все такая же, какъ была предъ Кожуховскимъ походомъ, ничуть не постарѣла.

Пока Игнатій думалъ объ этомъ, вышелъ и самъ Курбатовъ въ пріемную. Онъ обошелся съ Игнатьемъ ласково, хотя уже держалъ себя не по прежнему, а важно, какъ человѣкъ, «въ приближеніи у государя обрѣтающійся».

— Испросилъ бы я тебя у свѣтлѣйшаго князя, моего милостивца и благодѣтеля,—сказалъ онъ Игнатью,—въ помощь себѣ по магистрату, понеже въ немъ мало дѣльцовъ, а учрежденіе нарочито важное и преполезное, для того отъ государя установлено, чтобы россійское купечество въ разрушеніе не пришло, а напротивъ бы къ вящшей пользѣ государства преуспѣло и пріумножилось. Посему въ томъ магистратѣ многіе важные интересы и махинаціи къ преуспѣянію россійской коммерціи разсуждаются. Но по нынѣшнимъ конъюнктурамъ едва-ль тебѣ въ магистратъ поступать надлежитъ, потому что, можетъ быть, и я въ немъ недолго останусь. Только въ томъ не сумнѣвайся, яко бы сіе дѣло твоему прогрессу въ государственной службѣ вредъ учинило. Пока что будетъ, я тебя съ доброю аттестаціею моему благопріятелю и милостивцу графу Мусину-Пушкину отрекомендую. Ты, чай, объ учрежденіи правительствующаго сената наслышанъ?

— Какъ же!

— Въ немъ 9 сенаторей: Стрѣшневъ, князья Петръ Голицынъ, Михайла Долгоруковъ, Григорій Волконскій, Племянниковъ, генералъ кригсъ-цалмейстеръ Самаринъ, Опухтинъ и Мельницкій—а въ первомъ мѣстѣ между ними графъ

Мусинъ-Пушкинъ. 2 марта 1711 года сія первенствующая въ Россіи коллегія свое начало воспріяла. Онъ же, Мусинъ-Пушкинъ, и монастырскія волости вѣдаетъ. Да ему жъ великій государь таковое препорученіе учинилъ. Благоразсудилось царю новый россійскій алфавитъ гражданскіи для друкованія книгъ цивильныхъ ввести. Въ 1707 году литеры сего алфабета изъ Голландіи привезены, наборщикъ и словолитецъ пріѣхали. А въ слѣдующемъ году была надрукована таковымъ алфабетомъ книжица: «Геометріа славенскі землемѣріе», а потомъ и другая: «Приклады како пишутся комплименты разные». Такъ это самое дѣло государь графу Мусину-Пушкину такожъ подъ смотрѣніе препоручилъ. И уже много книгъ частію друкованы, частію къ тому пріуготованы. книга историческая о троянской войнѣ, шведскіе артикулы, Эзопова книга, книга Квинта Курціа о дѣлахъ, содѣянныхъ Александра великаго царя Македонскаго. Да графу жъ государь препоручилъ отыскать въ монастыряхъ жалованныя граматы великихъ князей до царствованія Іоанна IV и у тѣхъ грамотъ какія печати. Ты-жъ человѣкъ начитанный, латинскіи и нѣмецкіи языки разумѣешь, такъ полагаю, что тебя графъ къ какому-нибудь изъ тѣхъ дѣлъ приспособитъ.

Игнатіи поблагодарилъ Курбатова за обѣщанную протекцію и получилъ отъ него приглашеніе на вечеръ.

— То не ассамблея указная будетъ,—прибавилъ Курбатовъ,—а токмо для близкихъ людей.

Близкихъ людей однако оказалось довольно. Вечеръ отличался отъ указныхъ ассамблей только тѣмъ, что гостей усердно потчивали, чего на ассамблеяхъ не было. Но точно также какъ на ассамблеяхъ, на вечерѣ Курбатова играли въ карты и въ шахматы и танцовали, потому что общество походило на то, которое посѣщало ассамблеи, и состояло изъ иностранцевъ и русскихъ, старавшихся усвоить иностранные обычаи. На вечерѣ Игнатій узналъ, что дѣвица, которую онъ видѣлъ утромъ, была не Маша Курбатова, а дочь ея, Маша Сверчкова. Самъ капитанъ Сверчковъ былъ героемъ вечера. Онъ только-что возвратился изъ прутскаго похода. Пока молодежь танцовала, солидные люди окружили Сверчкова и слушали его разсказы объ этомъ походѣ.

— Шведскій король послѣ полтавскаго афронта,—говорилъ Сверчковъ,—въ Турцію ретировался и тамъ отъ оча-

ковскаго паши съ аттенціею былъ принятъ, однако-жъ въ Очаковѣ не остался и далѣе до Бендеръ ретировался. Тотъ же часъ учалъ онъ противу насъ каверзы чинить и отправилъ къ султану съ письмомъ того самаго Нейгенбауера, который когда-то при царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ состоялъ.

— А тамо съ кавалерами царевича мало не подрался,— замѣтилъ Курбатовъ,—за свои нравъ удаленъ отсюда и врагомъ нашимъ сталъ, еще-жъ и вредные пашквили на Россію писалъ.

— А въ письмѣ король всячески султана противъ царя вооружалъ. Сперва визири не хотѣли о томъ слышать и предлагали королю изъ турецкихъ владѣній удалиться. Но полякъ Понятовскій столь хитро старался, что янычаръ идти на Россію побудилъ, два верховныхъ визиря, одинъ за другимъ, по шведскимъ интригамъ мѣсто потеряли, а третій Балтаджи Магометъ-паша согласился воевать съ русскими. Мы же въ этой воінѣ великую надежду на бѣдныхъ единовѣрцевъ нашихъ имѣли, кои подъ тяжелымъ турецкимъ ярмомъ въ десперацiи обрѣтаются. Господари: молдавскій Кантемиръ и валахскій Бранкованъ подъ царскую высокую руку подклониться обѣщались, а сербскій полковникъ Михайла Милорадовичъ, объѣхавъ Сербію и Черногорію, донесъ, что тамошній народъ весь за насъ противъ турка встанетъ. Сперва на турокъ фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ пошелъ, а потомъ и государь самоперсонально въ походъ отправился, съ нимъ и супруга его Екатерина Алексѣевна. Но когда онъ пришелъ въ Молдавію, то усмотрѣлъ, что зѣло мало провіанта. Насилу онаго столько достали, чтобы до Яссъ, резиденціи господаря молдавскаго, дойти. Тамъ къ государю Кантемиръ явился и, слышно, показался государю человѣкомъ разумнымъ и въ совѣтахъ способнымъ. Но изъ Валахіи туда Кантакузенъ пріѣхалъ и объявилъ царю, что народъ тамошній къ намъ преданъ и какъ скоро россійскія войска туда придутъ, то весь оный народъ къ намъ пристанетъ, но господарь Бранкованъ не склоненъ къ нашей сторонѣ. На ту пору саранча хлѣба въ Молдавіи повредила, и потому наше воiйско крайнюю нужду въ провіантѣ стало чувствовать. И освѣдомился государь, что много турецкаго провіанта по деревнямъ около Браилова лежитъ. Для того были туда командированы генералъ Репъ

и бригадиръ Чириковъ съ конницею, дабы сей провіантъ взять, а такожъ и христіанъ, нашей помощи чающихъ, въ десперацію не привесть. Но чрезъ недѣлю послѣ того какъ Ренъ и Чириковъ ушли, турки и татары переправились чрезъ Прутъ и въ числѣ 200,000 окружили наше войско. А у насъ и 40,000 не было. Въ провіантѣ и въ конскихъ кормахъ былъ у насъ великій недостатокъ. При мѣстѣ, которое называется Новое Станелище, началась у насъ баталія. Турки прежестоко на насъ нападали до самой ночи, но линіи нашей повредить не могли. Однако-же наше положеніе десперантнымъ казалось, ибо непріятельскою арміею въ пять кратъ сильнѣйшею окружены были, въ провіантѣ зѣло нуждались, да и воду не иначе изъ Прута какъ подъ огнемъ непріятельской артиллеріи могли добывать.

— Говорятъ, и самъ государь въ превеликой констернаціи находился?

— Того сказать не могу, понеже неоднократно его видѣлъ промежъ войска, какъ онъ все въ баталіи, какъ подобаетъ доброму приводцу, учреждалъ. Но мню, что только по великому духу своему сердечное сокрушеніе скрывалъ. Вотъ и слышали мы, что отъ фельдмаршала Шереметева трубачъ къ визирю съ письмомъ поѣхалъ. Только не мнили, чтобы отъ той негоціаціи профитъ получить. Слышно, что и самъ фельдмаршалъ при этомъ говорилъ, что тотъ, кто эту посылку царю присовѣтывалъ, первый дуракъ во всемъ свѣтѣ; а если да визирь пропозицію приметъ, то отъ того дурака первенство перебьетъ. И точно на первую посылку никакого респонзу не воспослѣдовало, но когда трубачъ вторительно поѣхалъ, то визирь отвѣтствовалъ, что отъ добраго мира не прочь и присылали бы для трактамента знатнаго человѣка. Тогда къ нему поѣхалъ подканцлеръ Шафировъ, а съ нимъ для пересылокъ генеральнаго шквадрона ротмистръ Артемій Волынскій да волонтеръ Михайла Бестужевъ. И говорили, что государь дозволилъ Шафирову великія уступки турку и шведу учинить, только бы армію изъ того десперантнаго положенія вывесть. Однако-жъ Шафировъ турку токмо Азовъ да вновь построенные города Таганрогъ и другіе уступилъ, а шведу такъ совсѣмъ никакой уступки не сдѣлалъ и токмо королю свободный проѣздъ въ его землю обѣщалъ.

— Молодецъ Шафировъ! Мастеръ своего дѣла!

— Говорятъ, тутъ ему вотъ что помогло. Первое—слыхали мы потомъ, что янычарамъ бой съ нами 9 августа зѣло несносенъ показался, 7000 человѣкъ они потеряли и сказали визирю, что больше на насъ не пойдутъ. Второе—услыхалъ визирь, что Ренъ городъ Браиловъ взялъ. А третье — самое главное — царица Екатерина Алексѣевна всѣ свои камни дорогіе и такожъ и у дамъ ея свиты собрала и послала съ Шафировымъ визирю въ даръ, а турки до прибыли куда жадны: какъ увидалъ визирь эти камни драгоцѣнные, такъ и растаялъ совсѣмъ. На таковыхъ кондиціяхъ мы отъ той смертной бѣды и спаслись.

— Благодареніе матушкѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ!

— Говорятъ, и государь ей изрядные комплименты говорилъ да слышно и новая кавалерія въ честь святыя великомученицы Екатерины установлена будетъ.

— То-то чай шведскій король въ озлобленіе пришелъ!

— Не говорите! Ѣхалъ, сказываютъ, онъ, чтобы быть погибели нашей свидѣтелемъ, и вдругъ видитъ, что мы съ трубами и барабанами и распущенными знамены безъ всякаго ущербу въ обратный походъ выступаемъ. Поклялся, говорятъ, онъ за то визиря сверзить и погубить.

— Пускай собаки между собой грызутся. Хорошо, что васъ Господь спасъ.

— А знаешь ли, сказываютъ, что будто чуть было вся мирная негоціація не рушилась, потому что визирь требовалъ, чтобы государь ему Кантемира выдалъ, а государь ни за что на это не соглашался и поставилъ таки на своемъ—не выдалъ.

— Не то что Августъ Паткуля. Да нельзя было и выдать, когда человѣкъ на его царское слово положился. Выдать Кантемира было бы царской чести умаленіе.

Предсказаніе Курбатова сбылось. Скоро онъ былъ назначенъ архангельскимъ вице-губернаторомъ. Игнатію не пришлось служить подъ его начальствомъ въ магистратѣ. Сперва Мусинъ-Пушкинъ поручалъ Игнатію разныя дѣла по переводамъ и собранію древнихъ документовъ, а потомъ, замѣтивъ его способности, помѣстилъ его въ канцелярію сената.

И вотъ очутился Игнатій въ «верховномъ всего государства управительствѣ». Пришлось ему писать, т.-е. конечно переписывать, грозные указы людямъ, которыхъ онъ привыкъ почитать великими міра сего. Да какъ было и не по-

читать такими, когда въ 1708 году, при раздѣленіи Россіи на 8 губерній, были назначены губернаторами: въ Московскую губернію Тихонъ Никитинъ Стрешневъ, въ Петербургскую—Меншиковъ, въ Кіевскую—князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, въ Архангельскую—князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ, въ Смоленскую — Салтыковъ, въ Казанскую—Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, въ Азовскую—адмиралъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, въ Тобольскую—князь Гагаринъ. Вотъ этихъ-то тузовъ торопилъ «съ прещеніями въ дѣлахъ» сенатъ, по отзыву царя о губернаторахъ: «Богъ вѣдаетъ, въ какой печали пребываю, ибо губернаторы зѣло раку послѣдуютъ въ происхожденіи своихъ дѣлъ, которымъ послѣдній срокъ въ четвергъ на первой недѣлѣ, а потомъ буду не словомъ, но руками съ оными поступать». Черезъ четыре года, чтобы побуждать къ немедленному исполненію указовъ, при сенатѣ былъ опредѣленъ генеральный ревизоръ или надзиратель Василій Зотовъ, сынъ князя-папы. Онъ долженъ былъ имѣть столикъ въ той же избѣ, гдѣ сенатъ сидитъ, и записывать указы.

Въ іюнѣ 1714 года Игнатій получилъ важное повышеніе по службѣ: опредѣленъ секретаремъ правительствующаго сената. Конечно, онъ былъ очень радъ этому, но къ радости примѣшивалось горе и тяжкое сомнѣніе. Въ три года онъ очень сблизился и подружился съ прежнимъ своимъ врагомъ Сверчковымъ. Сверчковъ жилъ въ Петербургѣ со своей женой и дочерью. Игнатій часто бывалъ у нихъ въ домѣ. Тутъ-то бѣда и приключилась. Понравилась ему Машенька Сверчкова. Но вѣдь ему за сорокъ лѣтъ, а ей еще и двадцати нѣтъ.

— Что же за бѣда,—говорилъ Игнатью задушевный его другъ и пріятель навигаторъ Угримовъ,—ты еще молодецъ молодцомъ. А чинъ у тебя такой, что Сверчковы съ радостью Машу за тебя отдадутъ.

— Отдадутъ! нынѣ, братъ, не прежнее время. Нынѣ родителей-то велѣно къ присягѣ приводить въ томъ, что они дѣтей не насильно женятъ, а между свадьбой и обрученьемъ положено шесть недѣль медлить, чтобы женихъ съ невѣстой могли познакомиться, и если не понравятся другъ другу, то и разойтись.

— Ну, вы со своей невѣстой и безъ того хорошо другъ друга знаете.

— Знать-то знаемъ, да нравлюсь ли я ей—это, братъ, дѣло темное.

— Ужь это твое дѣло. А по-моему хорошо, что царь такъ указалъ. А прежде оно что было — и смѣхъ и горе. Да вотъ, недавно сказать, съ моимъ дѣдомъ что случилось. Высватали ему невѣсту, какъ водилось, на смотринахъ показавъ. Родители обо всемъ промежъ собой уговорились, его и не спрашивали. Да онъ и не прочь былъ, потому что невѣста не дурна ему показалась. Ну, повѣнчались они; конечно, невѣста, по обычаю, подъ фатой была. А какъ остались они наединѣ да сняла она фату, смотритъ, совсѣмъ не та, что показывали: и старше годами десятью, и рожа мерзостная. Ну, да что дѣлать-то--не разжениться. Поколотилъ ее гораздо да тѣмъ дѣло и кончилось.

— То-то поколотилъ. Слыхалъ я о такихъ обманахъ. А что отъ того жены терпѣли, только Богу одному извѣстно. Можетъ быть, не одна отъ мужнихъ побоевъ и въ гробъ ушла. Это что говорить, царевъ указъ очень на пользу будетъ. Да вотъ мое-то дѣло, пожалуй, отъ того не выгоритъ.

— Да неужто, безъ царскаго указу, ты захотѣлъ бы, чтобы Маша не любя за тебя пошла?

— Экой ты какой! Есть же пословица: стерпится, слюбится.

— Вотъ какъ! стерпится! Значитъ по Домострою — плеткой вѣжливенько.

— Ну ужь ты и пошелъ! Развѣ рука моя на Машу поднимется? Опять же хотя и не вполнѣ едукованы, а все-таки нѣкій смыслъ имѣемъ и должной политесы противъ слабаго пола не нарушимъ. Но уповаю, что, видя многую любовь мою, и жена бы мнѣ взаимною нѣжностію респонсовала.

— Ну, еще можетъ быть и понравишься. Мазепа старѣе тебя былъ да понравился же Матренѣ Кочубеевой. А слышно, Мазепа въ турецкой землѣ померъ?

— Какъ же! И шведскій король вмѣсто него гетманомъ Орлика поставилъ. Пробовалъ этотъ Орликъ казаковъ на насъ подымать, да никто его не послушалъ.

— Стало теперь у казаковъ два гетмана: нашъ Скоропадскій да шведскій — Орликъ. Два начальства, все равно какъ у насъ въ морской академіи.

— А у васъ развѣ такъ?

— Какъ же, главный начальникъ графъ Матвѣевъ, а директоромъ французъ баронъ Сентъ-Илеръ, и крѣпко они другъ съ другомъ не ладятъ. Матвѣевъ—тотъ человѣкъ свѣдущій и вѣрный царю слуга, все равно, что его отецъ Артамонъ Сергѣичъ царю Алексѣю Михайловичу былъ. Графъ посломъ въ Англіи, во Франціи и при голландскихъ статахъ въ разное время находился и въ наукахъ и въ языкахъ свѣдущъ и даже, слышно, описаніе московскихъ мятежей составляетъ. А баронъ только топорщится, какъ пѣтухъ индѣйскій, только слышно отъ него «руска глюпа человѣкъ», а самъ-то онъ въ наукахъ не свѣдущъ.

— Но ученье у васъ въ академіи хорошо идетъ?

— Спасибо англичанамъ профессорамъ — хорошо.

— А вотъ инженерной школой царь не совсѣмъ доволенъ.

— Тѣмъ только недоволенъ, что учениковъ мало, царь и велѣлъ прибавить. А учатся хорошо.

— И въ московскихъ школахъ тоже. Тамъ теперь четыре нѣмецкихъ школы да пятая Павла Веселовскаго. Хоть бы поскорѣе оттуда знающіе люди вышли да къ намъ въ сенатъ поступили, а то работы много, а взяться некѣмъ.

— Говорятъ, теперь у васъ съ новыми сенаторами строже стало.

— Да, много новыхъ: князь Александръ Данилычъ, оба Апраксины, Головкинъ, Шафировъ, Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій.

— А молодецъ этотъ Яковъ Ѳедоровичъ! Разсказывалъ мнѣ одинъ офицеръ, который вмѣстѣ съ нимъ шведами подъ Нарвой былъ въ плѣнъ взятъ, какъ они съ княземъ отъ того плѣна избавились. Повезли ихъ всего сорокъ пять человѣкъ для размѣна на шведскихъ плѣнныхъ по Ботническому заливу на кораблѣ. А потомъ корабль опять къ шведскимъ берегамъ повернулъ. Обидно стало нашимъ. Много они во время шведскаго плѣна натерпѣлись, гораздо хуже имъ было, чѣмъ шведскимъ плѣннымъ у насъ. Тутъ надѣялись скоро свободу получить, а смотрятъ, опять ихъ въ неволю везутъ. И смѣтили они, что шведовъ на кораблѣ меньше, чѣмъ русскихъ. Только шведы, конечно, вооружены, а русскіе мало того, что безъ оружья, да еще всѣ, кромѣ Якова Ѳедоровича, въ цѣпяхъ. Однако извѣстно, смѣлость города беретъ. Сговорились полоняники, что надо дѣлать.

Попросили они позволенья всенощную на воскресенье отпѣть. Ну, шведы позволили—чего было имъ всенощной опасаться. Только наши запѣли «Всемірную славу» да какъ добрались до словъ: «дерзайте убо, дерзайте, людіе Божіи!» всѣ разомъ вскочили, сбили цѣпи, заранѣе подпиленныя, бросились на шведовъ, обезоружили ихъ, пометали подъ палубу, конечно не безъ того, что и пришибли иныхъ, а сами шведскій корабль къ острову Даго, гдѣ уже наши въ ту пору были.

— И въ большой силѣ Яковъ Ѳедоровичъ у государя. Онъ его сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ и генералъ-плениипотенціаромъ кригсъ-коммиссаромъ пожаловалъ. А слышно, однажды въ компаніи рѣчь о покойномъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ зашла. Тоже ближніе люди къ государю Петру Алексѣевичу подольститься не прочь. Вотъ и стали всѣ такъ говорить, что хотя Алексѣя Михайловича похваляютъ, но все же его дѣла въ сравненіи съ дѣлами Петра Алексѣевича пустяки выходятъ.

— Да такъ и есть.

— Такъ ли, не такъ ли, а все же въ глаза только флаттеры могли это царю говорить. Царь слушалъ, слушалъ да и спрашиваетъ Якова Ѳедоровича: «А ты какъ, дядя, думаешь?»—«А я, отвѣчаетъ Яковъ Ѳедоровичъ, думаю, что по тремъ дѣламъ можно нынѣшнее царствованіе съ прошедшимъ сравнять, первое по флоту и войску, второе по внутреннему распорядку и третье по доброму законовъ учрежденію. Флотъ хотя и желалъ твой родитель завести, но не удалось, равно и войска токмо при тебѣ въ добрый порядокъ приведены, и въ этомъ твое царствованіе выше. И по внутреннему распорядку ты довольно потрудился, да были въ томъ труды и родителя твоего. А что до законовъ учрежденія, то еще ничего при тебѣ такого не сдѣлано, чтобы съ уложеніемъ твоего родителя сравниться могло». Царь какъ выслушалъ эту рѣчь, то всталъ съ мѣста, подошелъ къ Долгорукому, обнялъ, поцѣловалъ его и сказалъ: «добрый слуга и вѣрный. Въ маломъ былъ мнѣ вѣренъ, надъ многимъ поставлю».

— Да оттого у царя и хороши слуги, что онъ ихъ отличать и цѣнить умѣетъ. Вотъ хоть Шафировъ. Великъ ли человѣкъ былъ? переводчикъ въ посольскомъ приказѣ, а теперь поди-кось—подканцлеръ. Да не въ томъ сила, а какъ онъ дѣла-то ведетъ? Вотъ хоть прутскій миръ — такія усло-

вія у визиря вытребовалъ, что и не снилось никому. Нѣтъ, въ этихъ дѣлахъ съ нимъ никто не сравнится.

— Есть, братъ, и другіе доки. Вотъ хоть Петръ Толстой. Съ него, сказываютъ, однажды царь парикъ сдернулъ, потрепалъ его по лысой головѣ да и говоритъ: «голова, голова, какъ бы не такъ умна ты была, давно бы я отрубить тебя велѣлъ».

— Это онъ къ тому, что Толстой въ стрѣлецкихъ дѣлахъ участвовалъ.

— Да. Но царь дѣльнаго человѣка сохранитъ. А Толстой куда ловокъ: у попа корову выпроситъ. Вотъ еще Ягужинскій тоже молодецъ, только горячъ очень, особенно когда мутенъ *) бываетъ. Тоже Матвѣевъ, Куракинъ, Василій Лукичъ Долгорукій, Неплюевъ. Да есть еще нѣмецъ одинъ, Остерманъ—у! хитеръ. Все потихонечку да по маленечку, а вѣчно за работой, всякую мелочь запримѣтитъ и запомнитъ. У нѣмцевъ такое ехидство къ работѣ есть. И нашъ братъ русскій присядетъ, такъ много сдѣлаетъ. Да ужъ если загуляетъ, такъ и работу по боку. А нѣмецъ все сидитъ да корпитъ. Опять и то: русскій все на память надѣется, а нѣмецъ непремѣнно запишетъ. Вотъ такъ-то и Остерманъ. Понадобится по какому дѣлу справиться, все къ нему да къ нему. А это, братецъ ты мой, сила.

— Все же Шафировъ главный у нихъ. Потому что хотя канцлеромъ Головкинъ, да Шафировъ какъ-то умѣетъ впереди остаться.

— И не любятъ же они другъ друга.

— Да и во всемъ они между собою не схожи. Головкинъ худъ, а Шафирову брюхо расперло — что твой самоваръ. Головкинъ скупъ, а у Шафирова душа на распашку.

— Да, слава Богу, довольно у насъ хорошихъ русскихъ людей появилось. Вотъ хоть въ военномъ дѣлѣ. Такихъ фельдмаршаловъ, какъ Александръ Данилычъ, чай во всей Европѣ не много.

— А князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ? Какъ онъ шведскаго генерала Армфельда подъ Вазой отдѣлалъ!

— Да, послѣ этой побѣды вся Финляндія въ нашихъ рукахъ. Полковникъ Шуваловъ послѣднюю тамошнюю крѣпость Нейшлотъ взялъ.

---

*) Пьянъ.

— Тоже и старикъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ за себя постоитъ. Опять Василій Владиміровичъ Долгорукій, Рѣпнинъ. И хотя я нѣмцевъ не люблю, а нельзя Брюса не похвалить.

— Я съ тобой заболтался, а мнѣ сейчасъ по дѣламъ надо къ князю Дмитрію Михайловичу Голицыну идти.

Пошелъ Игнатій къ Голицыну. Петербургъ въ это время постоянно болѣе и болѣе разрастался. Нынѣшняя Петербургская сторона и Васильевскій островъ уже были порядочно населены. На Васильевскомъ острову красовались биржа и большой каменный домъ Меншикова (нынѣ Павловское военное училище). Явились хорошія постройки и на другой сторонѣ Невы: адмиралтейство, почтовый дворъ (гдѣ нынѣ мраморный дворецъ) и царскій лѣтній дворецъ, доныне существующій въ Лѣтнемъ саду. Шведскіе плѣнные проложили Невскій проспектъ, длинную и широкую аллею, вымощенную камнемъ, съ рощицами и лужайками по сторонамъ, они же и чистили этотъ проспектъ каждую недѣлю.

Погода стояла дождливая, и Игнатій засталъ князя Голицына не въ духѣ. Дома даже знатнѣйшихъ людей строились на скорую руку, и въ домѣ Голицына оказалась въ нѣсколькихъ комнатахъ течь.

— Ну ужь сторонка!—говорилъ онъ,—и вздумалось же основать резиденцію въ этомъ болотѣ вмѣсто матушки Москвы.

Услыхавъ о приходѣ секретаря, князь тотчасъ прекратилъ свои сѣтованія, позвалъ Игнатія къ себѣ и началъ съ нимъ разговаривать о дѣлахъ.

— Принесъ ли съ собой указы, о коихъ я говорилъ?— спросилъ князь Игнатія.

— Принесъ. Вотъ указъ о службѣ.

— Читай.

«Такъ какъ многіе производятъ сродниковъ своихъ и друзей въ офицеры изъ молодыхъ, которые съ фундамента солдатскаго дѣла не знаютъ и не служили въ низкихъ чинахъ, а нѣкоторые служили только для вида по нѣскольку недѣль или мѣсяцевъ: поэтому такихъ требуется вѣдомость, сколько какихъ чиновъ есть съ 1709 года».

— Ну, что же? много ихъ нашлось?

— Изрядно.

— Для государя именной списокъ уготовить. Какъ бы

ихъ сердѣчныхъ въ солдаты не поворотили. А какъ въ указѣ о ландратахъ сказано объ ихъ дѣлахъ?

— Велѣно назначать ландратовъ—въ большихъ губерніяхъ по 12, въ среднихъ по 10, въ меньшихъ по 8. Ихъ должность состоитъ въ томъ, что они всѣ дѣла съ губернаторомъ рѣшали и подписывали, и «губернаторъ у нихъ не яко властитель, но яко президентъ».

— А мнѣ одинъ знакомый ландратъ пишетъ, что ихъ губернаторъ во всѣхъ дѣлахъ по своему единому произволенію поступаетъ. Надо о томъ господамъ сенату да и самому государю доложить. Прочитай-ка еще указъ о маіоратѣ.

— «Понеже раздѣленіемъ имѣній недвижимыхъ великій есть вредъ въ государствѣ нашемъ какъ интересамъ государственнымъ, такъ и самимъ фамиліямъ паденіе, напримѣръ, ежели кто имѣлъ 1000 дворовъ и пять сыновъ, имѣлъ домъ довольный, трапезу славную, обхожденіе съ людьми ясное: когда же по смерти его раздѣлится дѣтямъ его, то уже только по двѣсти дворовъ достанется, которые дѣти, помня славу отца своего и честь рода, не захотятъ сирожить, но каждый ясно (хотя и не такъ), но уже съ бѣдныхъ подданныхъ будетъ пять столовъ, а не одинъ, и двѣсти дворовъ принуждены будутъ едва не тожъ пяти, какъ 1000 несли, а тако отъ того раздѣленія казнѣ государственной великой есть вредъ и людямъ подлымъ раззореніе, и когда отъ тѣхъ пяти по два сына будетъ, то по сту дворовъ достанется и тако далѣе умножаясь, въ такую бѣдность придутъ, что сами однодворцами застать могутъ, а знатная фамилія, вмѣсто славы, поселяне будутъ, какъ уже много эксемпелевъ есть въ Россійскомъ народѣ.

«Еще и сіе есть, что каждый, имѣя свой даровой хлѣбъ, хотя и малый, ни въ какую пользу государству безъ принужденія служить и простираться не будетъ, но ищетъ всяко уклоняться и жить въ праздности, которая (по св. писанію) матерью есть всѣхъ злыхъ дѣлъ.

А въ дополненіе таковые указы послѣдовали: 20 января 1714 года: «послать во всѣ губерніи по нѣскольку человѣкъ изъ школъ математическихъ, чтобы учить дворянскихъ дѣтей цыфири и геометріи, и положить штрафъ такой, что не вольно будетъ жениться, пока сему не выучится». А того жъ года...

— Князь Михайла Михайловичъ пожаловалъ, — доложилъ слуга.

— Ну, такъ сегодня больше заниматься не будемъ. Ступай домой,—сказалъ Дмитрій Михайловичъ Голицынъ.

Игнатій ушелъ. Князь Михайла Михайловичъ, вторая послѣ Меншикова военная знаменитость въ русскомъ царствѣ, недавній славный побѣдитель шведовъ въ Финляндіи, вошелъ и низко поклонился старшему брату. Голицыны вѣрно служили Петру, но, въ чемъ можно, держались древнихъ обычаевъ. Младшій братъ старшаго все равно, что отца покойнаго почиталъ и даже не садился въ присутствіи его, пока тотъ не прикажетъ.

— Ну что, Миша,—спросилъ Дмитрій Михайловичъ,—надолго ли ты пріѣхалъ въ этотъ парадизъ — прахъ бы его побралъ?

— Не знаю, какъ царь укажетъ.

— Не засидишься. Самъ непосѣда и другимъ сидѣть не дастъ. Запросился Семенъ Нарышкинъ домой, а царь ему: «Что вы дома дѣлаете? Я не знаю, какъ безъ дѣла дома быть!» Ему хорошо говорить-то. Онъ нашихъ нуждъ не знаетъ. Если за домомъ какъ слѣдуетъ смотрѣть, то и часу безъ дѣла не будешь. Да, иной разъ тяжело приходится.

— А что царевичъ?

— Уѣхалъ въ Карлсбадъ къ теплымъ водамъ лѣчиться.

— Ну, а государь съ нимъ?

— Все плохо. Надо бы иной разъ и царевичу себя приневолить, дѣлать по отцову желанью, а онъ, кто его знаетъ, не хочетъ ли, не можетъ. Въ прошломъ году, когда онъ изъ чужихъ краевъ воротился, царь ласково съ нимъ обошелся и спросилъ, не забылъ ли онъ, чему учился? Царевичъ говоритъ, что не забылъ. Царь и велѣлъ ему чертежи приготовить. А царевичъ, извѣстное дѣло, ничего не умѣетъ, испугался, взялъ пистоль въ лѣвую руку да и выстрѣлилъ себѣ въ правую ладонь. Ну ужь это непригоже. По-моему лучше бы во всемъ повиниться.

— Обычай у царевича не такой. А жаль его бѣднаго.

— Какъ не жаль. Коли такъ продолжится, наврядъ ли онъ наслѣдникомъ будетъ. Знаешь ли, что разсказываютъ? Будто, когда государя турки при Прутѣ окружили, то онъ писалъ въ сенатъ письмо, чтобы не слушаться его повелѣній, если онъ будетъ въ плѣну, а выбрать въ цари достойнѣйшаго. Тогда меня въ сенатѣ еще не было, другіе сена-

торы ничего о письмѣ не говорятъ, потому что, понятное дѣло, оно въ тайности сохраняется. А отъ Петра статочное дѣло. Онъ собой для государства пожертвовать не задумается. Въ царевичѣ же не увѣренъ, боится, что онъ всѣ его дѣла по своему повернетъ.

— А что жена царевича?

— Это Софья-то Шарлота Бланкенбургская! Эко диво— жена наслѣдника русскаго престола, а вѣры не русской да и имя такое, что русскій человѣкъ не скоро выговоритъ.

— Что же, роду она хорошаго, внучка герцога Брауншвейгъ-Вольфенбютельскаго, а сестра ея за архидукомъ австрійскимъ.

— И русскихъ родовъ хорошихъ немало. Да это бы еще ничего. Пускай бы не русская, да пускай бы вѣру нашу приняла да русскій народъ полюбила. Вотъ хоть Катерина Алексѣевна. Кто она? Говорятъ, изъ рода Скавронскихъ. Кто о томъ родѣ прежде слыхивалъ? А въ Маріенбургѣ чуть ли не служанкой у пастора Глюка была да, сказываютъ, за простымъ драгуномъ замужемъ. Значитъ похвалиться нечѣмъ. А все же чести ея приписать надо, что вѣру нашу приняла, обрусѣла и теперь предъ государемъ за всѣхъ первая заступница. Грозенъ во гнѣвѣ государь... у, какъ грозенъ! Иной разъ кромѣ Катерины Алексѣевны никто и приступиться къ нему не смѣетъ.

— Ну, а кронпринцесса Шарлота не обрусѣла?

— Куда ей! Все со своей пріятельницей Юліаной-Луизой Остфрисландской сидитъ, русскихъ людей почти не видитъ и по-русски говорить не умѣетъ.

— А царевичъ разумный человѣкъ и начитанный.

— Жаль только, что Вяземскій, а пуще того Кикинъ съ толку его сбиваютъ. Но все же у многихъ къ нему любовь великая, особенно у духовенства. Даже Стефанъ Яворскій, хотя черкашенинъ *), а царевича любитъ.

— Лицепріятія у Стефана нимало нѣтъ. Какъ онъ тогда въ проповѣди въ день именинъ царевича сказалъ о людяхъ, которые своихъ женъ оставляютъ и на другихъ женятся!

— Да, послѣ той проповѣди на другой день сенаторы

---

*) Малороссъ. Русскіе не любили архіереевъ, выѣхавшихъ изъ Малороссіи.

поѣхали къ нему съ упрекомъ и потребовали проповѣдь для отсылки къ царю.

— А царь что?

— Не прогнѣвался на Стефана. Въ той же проповѣди говорилось и о фискалахъ: «какой-то законъ поставити надзирателя надъ судами и дати ему волю кого хочетъ обличити да обличитъ».

— А государь въ нынѣшнемъ году все-таки фискаловъ учредилъ.

— Да, оберъ-фискала и при немъ четырехъ фискаловъ для взысканія всѣхъ безгласныхъ дѣлъ. Должны они доносить о всякихъ преступленіяхъ указамъ, о взяткахъ, кражѣ казны, убійствахъ и о прочемъ. Опять скажу, это хорошо, потому что воровъ много развелось. Только надо бы въ фискалы людей честныхъ, а то попалъ въ оберъ-фискалы Алешка Нестеровъ. Я его давно знаю. Еще когда въ драгунахъ служилъ, то только доносами и занимался. А теперь и сына фискальству учитъ. Да добро бы вправду доносилъ, примѣрно о томъ, какъ Волконскій въ Архангельскѣ, а Волынскій въ Персіи взятки брали, а то вздумалъ на Якова Ѳедоровича Долгорукаго доносить.

— Нашелъ на кого! Яковъ Ѳедоровичъ человѣкъ крутой—отцу родному не спуститъ, а ужь чести своей не замараетъ.

— Алешка лучше бы на свѣтлѣйшаго Данилыча донесъ. Да тутъ не смѣетъ, собака. Однако и Данилыча беззаконія стали доходить до государя. Еще въ 1711 году царь узналъ объ его воровствѣ въ Польшѣ, а потомъ на слѣдующій годъ, когда отправлялъ въ Померанію, то сказалъ ему: «ты мнѣ представляешь плутовъ какъ честныхъ людей, а честныхъ людей плутами выставляешь». А въ минувшемъ году архангельскій вице-губернаторъ Курбатовъ донесъ царю о плутняхъ, которыя тамъ подъ рукою Меншикова оберъ-комиссаръ Соловьевъ дѣлалъ.

— Какъ же это Курбатовъ донесъ? я слыхалъ, что онъ Меншикова своимъ патрономъ считалъ.

— И считалъ, а все-таки донесъ, потому что казенныхъ денегъ больше полмилліона украдено, а Курбатовъ мужикъ честный и не могъ того сокрыть. За то и Меншиковъ поднялъ на него доносы. Но государь еще всѣхъ плутней Меншикова не знаетъ. Кто, напримѣръ, ему скажетъ, что

Толстой по пріѣздѣ изъ Турціи 2000 рублей Меншикову далъ, чтобы только чрезъ него къ царю въ милость войти. Нестеровъ объ этомъ не донесетъ. Однако государь измѣнился къ Данилычу, не шутитъ съ нимъ попрежнему. Меншиковъ даже занемогъ, можетъ быть съ горя, а можетъ и отъ безпутства. Въ нынѣшнемъ году лѣкаря говорили, что онъ помретъ, да нѣтъ, выздоровѣлъ, опять принялся кутить.

— Вотъ послѣ завтра, я думаю, хватитъ на праздникѣ въ честь преславной викторіи.

Празднество преславной викторіи произошло по обыкновенію. Утромъ совершилось богослуженіе на площади предъ Троицкой церковью. Царь явился къ нему въ томъ самомъ костюмѣ, въ какомъ былъ во время Полтавскаго сраженія: въ зеленомъ кафтанѣ съ красными отворотами, въ черною портупеею, въ зеленыхъ чулкахъ и изношенныхъ башмакахъ, со старой шляпой подъ мышкой. Въ пять часовъ начался пиръ. Преображенскій и семеновскій полки выстроились на Царицыномъ лугу, самъ царь поднесъ солдатамъ пиво и вино въ деревянныхъ чашкахъ. Въ саду у фонтана помѣстилась царица. Скоро садъ наполнился людьми. Тутъ собрались всѣ «птенцы гнѣзда Петрова». Явилось шесть гренадеръ съ большими чашами вина, за ними гвардейскіе маіоры и упрашиваютъ выпить за здоровье «ихъ полковника». Волей-неволей пить надо. Вечеръ продолжается, продолжается и попойка, ужь и великолѣпный фейерверкъ сгорѣлъ, а нѣкоторые питухи еще не легли костьми; другіе, напротивъ, совершенно готовы: адмиралъ Апраксинъ заливается слезами, а Меншиковъ совсѣмъ свалился, жена и свояченица хлопочутъ около него.

Но скоро послѣдовалъ другой пиръ, еще болѣе роскошный и радостный. Самъ царь, начальствуя флотомъ, одержалъ блестящую побѣду надъ шведскимъ флотомъ при Гангудѣ, между Гельсингфорсомъ и Або, 25 іюля 1714 года, взялъ въ плѣнъ контръ-адмирала Ереншельда съ фрегатомъ и 10 галерами и овладѣлъ островомъ Аландомъ, въ 15 миляхъ отъ Стокгольма. Послѣ полтавской битвы войско Петра постоянно побѣждало шведовъ въ Финляндіи и Померапіи, но ни одна побѣда, кромѣ Полтавской, не была Петру такъ дорога, какъ Гангудская: во-первыхъ это была морская баталія, во-вторыхъ она навела ужасъ на всю Швецію. Поэтому и торжество въ парадизѣ по случаю ея было велико.

Прежде этого возникалъ вопросъ о производствѣ Петра въ вице-адмиралы, но сенатъ далъ этотъ чинъ другому контръ-адмиралу, который былъ старше царя по службѣ. Царь былъ въ восторгѣ отъ такого рѣшенія и расцѣловалъ сенаторовъ. Но за Гангудскую побѣду сенатъ произвелъ Петра въ вице-адмиралы.

Слишкомъ черезъ семь лѣтъ послѣ этого, на западной оконечности Васильевскаго острова два человѣка смотрѣли вслѣдъ отъѣзжавшей небольшой эскадрѣ. Это были Игнатій и Угримовъ.

— Ну вотъ, чуть видно,—сказалъ Игнатій,—дай Богъ имъ счастливаго пути! Пойдемъ ко мнѣ.

— Можно. Чай твоя супружница славнымъ кофейкомъ угоститъ. Вотъ видишь, братъ, помнишь, какъ семь лѣтъ тому назадъ ты тосковалъ, что она не пойдетъ, а вотъ пошла же, да и живете душа въ душу. И несмотря на то, что она двадцатью годами тебя моложе, всякій скажетъ, что ты молодецъ молодцомъ. Ты вонъ съ царемъ-то точно ровесникъ, а онъ не въ примѣръ старше тебя кажется.

— Еще бы ему не постарѣть! Сколько у него горя-то!

— Знаешь, Игнатій, всегда я его любилъ, нашего орла сизокрылаго, могучаго, и теперь, мало сказать—люблю, всю бы кровь по капелькѣ за него отдалъ.

— А меня вороги его воспитали, долго и жилъ я съ ними, а теперь какъ вижу его дѣла великія, и я всѣмъ сердцемъ полюбилъ его. И много насъ, малыхъ людей, любятъ его, какъ мы съ тобой. Вотъ мы съ тобой вышли проводить, посмотрѣть, какъ онъ къ Выборгу поѣхалъ, пожелать ему счастливаго пути, а другіе не пошли, но не одна тысяча людей за него помолилась.

— Но въ близкихъ-то людяхъ что онъ видитъ? Господи Боже мой! Сынъ родной противъ него пошелъ! Убѣжалъ отъ него къ цесарю да еще оклеветалъ отца передъ чужими людьми, на притѣсненія жаловался.

— Притѣсненія! Что отецъ дѣло дѣлать заставлялъ!

— Да хотя бы царевичъ Алексѣй покаялся въ ту пору, какъ Толстой съ Румянцевымъ его изъ цесарской земли воротили. Можетъ быть, отецъ и простилъ бы его.

— Какъ простить-то! Ну, положимъ, постригся бы Алексѣй въ монахи—такъ развѣ это было бы надежно? Вѣдь главный совѣтникъ царевича мошенникъ Кикинъ говорилъ

же: «вѣдь клобукъ не прибитъ къ головѣ гвоздемъ, можно его и снять». И повѣрь мнѣ, царевичъ снялъ бы клобукъ, и пошла бы смута великая. А если бы, храни Богъ, сталъ Алексѣй Петровичъ царемъ, то онъ всѣ бы великія дѣла своего родителя въ ничтожество привелъ и Россію въ прежній мракъ погрузилъ. Вѣдь изъ бояръ и духовенства многіе сторону царевича держали.

— Какъ еще держали-то. Одни, напримѣръ Голицыны, хоть любили его, да злыхъ умысловъ противъ царя не имѣли. А другіе такъ просто измѣнники. Вотъ хоть духовникъ царевича, протопопъ Яковъ? Царевичъ ему на духу кается, что отцу смерти желаетъ, а протопопъ ему говоритъ: «Богъ тебя проститъ; мы и всѣ желаемъ ему смерти для того, что въ народѣ тягости много».

— Да какъ бы не этотъ Яковъ былъ духовникомъ, такъ лучше бы дѣло было. А еще больше Кикинъ царевичу повредилъ. Но каково было государю слушать повинную царевича въ томъ, что онъ хотѣлъ съ цесарскою помощью русское царство себѣ добывать.

— А каково государю было, когда ему смертный приговоръ суда надъ царевичемъ представили. Больше ста человѣкъ первыхъ людей въ государствѣ судили его. Въ числѣ судей были явные его благопріятели, Долгорукіе и Голицыны. Когда царевичъ въ чужіе края бѣжалъ, то Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій такъ по немъ плакалъ, что затрясся. И несмотря на то судъ, хотя «съ сокрушеніемъ сердца и слезъ изліяніемъ», но объявилъ, что царевичъ смертную казнь заслужилъ.

— Хорошо еще, что царевичъ исполненія приговора не дождался, а самъ отъ страха да отъ прежнихъ болѣзней померъ.

— Опять и ближніе люди развѣ мало огорчали государя? Вотъ сибирскаго губернатора за взятки и казнокрадство пришлось казнить. Между нами сказать, Толстой и Шафировъ не лучше. А ужь Артемій Волынскій такой взяточникъ, что свѣтъ не производилъ.

— Вотъ что, братъ Игнатій, по совѣсти скажу. Отъ князя Александра Данилыча я кромѣ добра ничего не видывалъ. Когда эта собака нашъ академическій баронъ вздумалъ меня побить и я самому государю на него пожаловался, то Александръ Данилычъ такъ барона пугнулъ, что у того душа

въ пятки ушла и онъ теперь тише воды, ниже травы. Тебѣ же князь совсѣмъ благодѣтель и, стало, намъ худо о немъ говорить непригоже, а все же нельзя не сказать, что царская дубинка прогулялась по немъ и не напрасно.

Игнатій только рукой махнулъ.

— Иноземныядѣлатожеогорчаютъ государя,—прибавилъ онъ, помолчавъ,—вѣдь во всемъ свѣтѣ только и есть ему одинъ другъ—прусскій король.

— За то онъ ему и великановъ солдатъ посылаетъ, а король до нихъ куда охочъ.

— Посылаетъ царь да съ толкомъ. Послужилъ нашъ солдатъ въ прусской землѣ нѣсколько годовъ, его другимъ замѣнятъ. Значитъ онъ все же опять въ русскую землю воротится да еще воинскую науку произойдетъ, потому что пруссаки куда мастера на это. А между тѣмъ съ прусскимъ королемъ у насъ дружба, по крайней мѣрѣ, пакостей онъ намъ не дѣлаетъ. А вотъ датскій да польскій короли союзниками нашими считаются, а всякія каверзы намъ чинятъ, цезарь тоже подгадить не прочь, съ турками на миръ надѣяться нечего, голландцы да французы только на словахъ друзья, а король англійскій явный врагъ—хорошо еще, что ему въ своемъ королевствѣ власти мало дано, а то онъ ужь давно воевалъ бы съ царемъ. Такъ вотъ тутъ и изворачивайся.

— Жалко, что Карлъ XII умеръ; хоть онъ и бѣшеный былъ, а царь съ нимъ скорѣе бы помирился, чѣмъ съ этой королевой Ульрикой-Элеонорой.

— Ужь подлинно бѣшеный. Сказывали мнѣ, какъ Карлъ въ Бендерахъ чудилъ. Хотѣлъ онъ опять турокъ на насъ поднять, да турки не послушались. Не слушаются турки, а онъ все пристаетъ, надоѣлъ имъ какъ горькая рѣдька. «Убирайся, говорятъ, сдѣлай милость, въ свою землю». — «Не хочу», говоритъ. Уговаривали его всячески, деньги на проѣздъ давали, а онъ какъ сталъ на своемъ и знать ничего не хочетъ. Турки и порѣшили выгнать его, выслали для этого нѣсколько тысячъ войска. А шведовъ съ королемъ не больше трехсотъ было. Да и большую часть ихъ турки тотчасъ же обезоружили. У него въ дому, гдѣ онъ жилъ, человѣкъ сорокъ осталось. Такъ что же? Онъ давай отъ турокъ отстрѣливаться, а потомъ растворилъ двери да на турокъ со шпагой наголо бросился. Счастье его, что никого не покололъ—тогда, можетъ статься, и турки съ нимъ не поцеремонились бы, а

поскользнулся и упалъ. Турки подхватили его на руки да и понесли, а сами кричатъ: «делибашъ! делибашъ!» по-нашему — удалецъ. Но людямъ его плохо пришлось, ихъ и помяли турки порядкомъ, и обобрали какъ липочку. Потомъ его подъ конвоемъ изъ турецкой земли выпроводили. Онъ и тутъ изъ-подъ конвоя ушелъ, не отдыхая всю нѣмецкую землю проѣхалъ и только уже въ своемъ городѣ Штральзундѣ ботфорты снялъ, и не снялъ, а ноги затекли, такъ ботфорты разрѣзать надо было.

— Слышалъ я, что у него съ царемъ совсѣмъ на мировую пошло.

— Это вѣрно. Дѣло это я довольно знаю, потому что благопріятели изъ иностранной коллегіи мнѣ разсказывали. Былъ у голштинскаго герцога министръ, по имени Герцъ, большой пройдоха. Подбился онъ къ Карлу XII такъ, что тотъ его глазами видѣлъ, его ушами слышалъ. Въ правленьѣ Карлъ ничего не смыслилъ, такъ всѣмъ въ Швеціи сталъ Герцъ управлять. Въ Швеціи земли много, а народу мало. Въ походахъ Карла много людей погибло и можно сказать, что шведская земля совсѣмъ обезлюдѣла. Мы у шведовъ Ливонію, Эстонію, Ингрію, Карелію и Финляндію отобрали, Померанію частью пруссаки, частью другіе наши союзники взяли, т. е. не сами взяли, а нашими руками жаръ загребли. А Герцъ бѣдность и несчастье народа скрывалъ отъ короля и все только ему говорилъ, какъ бы недругамъ отомстить. А Карлу это и любо было. Въ это же время въ Испанской землѣ прехитрый министръ былъ, Алберони. И умыслили они всей Европой замутить, а для этого союзъ изъ Россіи, Швеціи и Испаніи составить. Царю хотѣли уступить за то всѣ земли, кои мы у шведа отобрали, а онъ бы помогъ шведу Померанію воротить да Норвегію у датчанъ отобрать. Алберони хотѣлъ итальянскими землями попользоваться да въ англійскую землю прежняго короля, выгнаннаго оттуда англичанами, воротить. Царю въ то время союзники, особенно короли польскій и датскій, многія противности чинили, и потому онъ на предложенія Герца сталъ склоняться. И открытъ былъ конгрессъ на Аландѣ между нашими и шведскими уполномоченными. А Карлъ уже началъ Норвегію воевать и крѣпость Фридрихсгалль осадилъ, но его при тоій осадѣ убили; нынѣшняя королева на престолъ вступила, Герца казнили шведы, и переговоры ничѣмъ не кончились.

— Неймется этимъ шведамъ! Мало ли Швецію разоряли сперва Ласси и Апраксинъ, а потомъ Менгденъ, нынѣ опять Ласси! Сколько городовъ, деревень, желѣзныхъ заводовъ пожгли! Въ пятидесяти верстахъ отъ самаго Стокгольма русское войско было. А все шведы упорствуютъ.

— На англійскую помощь надѣются. А Михаилъ Михайловичъ Голицынъ при Гренгамѣ почти въ глазахъ англійскаго адмирала Норриса шведскій флотъ побилъ.

— И теперь царь за тѣмъ къ Выборгу поѣхалъ, чтобы опять шведовъ пугнуть да сдѣлать ихъ поуступчивѣе на нынѣшнемъ конгресѣ въ Ништадтѣ. Поѣхали туда отъ насъ Брюсъ да Остерманъ—люди умные. Особенно Остерманъ—въ одно ухо влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ. Не знаю, что-то Богъ дастъ.

3-го сентября царь тоже былъ на Лисьемъ Носу, занимался тамъ дѣлами съ Макаровымъ.

— Изъ Дрездена князь Сергѣй Долгорукій пишетъ,—говорилъ Макаровъ,—что Флемминтъ ему вотъ о какомъ дивѣ разсказывалъ. Въ мартѣ пріѣхалъ туда жидъ Леманъ и предложилъ королю Августу отъ имени прусскаго короля раздѣлить Польшу. Спросили объ этомъ самого короля Фридриха Вильгельма, тотъ пожелалъ увидаться съ Флеммингомъ. Въ Берлинѣ Флемминга спросили, не король-ли Августъ придумалъ раздѣлить Польшу? А потомъ сказали, что Леманъ проектъ о раздѣлѣ ея и цесарскому двору подавалъ, да цесарь не согласился, а также и вы не будете согласны. Спросили Лемана, откуда ему мысль о раздѣлѣ пришла? А жидъ сказалъ: «Господь Богъ послалъ мнѣ ее на разумъ, и я вознамѣрился наказать поляковъ, какъ самыхъ дурныхъ людей въ цѣломъ свѣтѣ».

— Господь Богъ! Слышалъ я объ этихъ ихъ проектахъ, они не прочь что угодно забрать, только бы чужими руками. А вотъ въ настоящемъ дѣлѣ нимало не помогаютъ. Когда-то Богъ приведетъ эту войну окончить. Вся-то она на нашихъ плечахъ лежитъ. Союзники больше мѣшаютъ, чѣмъ помогаютъ. Сколько разъ я датскаго короля просилъ дать мнѣ флотъ для высадки въ Шонію—однимъ разомъ покончилъ бы дѣло. Такъ нѣтъ, не даютъ. Все мы одни управляйся. Тяжкая намъ наука, троевременная. Понеже для всякаго юноши токмо семь лѣтъ потребно науки произойти, а мы съ 1700 года трижды семь лѣтъ эту военную науку происходимъ.

— По послѣднимъ вѣдомостямъ изъ Ништадта тамъ всего больше по голштинскимъ интересамъ остановка.

— Какіе тутъ голштинскіе интересы.

— Ваше величество довольно Остермана знаете: на полъ-аршина подъ землей видитъ, а откуда вѣтеръ дуетъ—за семь верстъ чуетъ. Противъ сильнаго человѣка никогда не пойдетъ. А когда рѣчь о бракѣ между герцогомъ Голштинскимъ и дщерью вашего величества пошла и герцогъ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ представлялся, то ея величество изволила сказать, что она принимаетъ живое участіе въ интересахъ герцога и что для нея, супруги величайшаго изъ смертныхъ, небо прибавило бы еще славы, даруя ей въ зятья того, котораго она была бы подданною, еслибы счастіе не измѣнило Швеціи и еслибъ Швеція не нарушила присяги, по которой ея королемъ долженъ бы быть герцогъ, а не Ульрика-Элеонора. Остерманъ все это слышалъ и...

— Почему Катенькѣ красное и ласковое словцо не сказать! Я отдалъ одну племянницу за Мекленбургскаго герцога, другую за Курляндскаго, дочь отдалъ за Голштинскаго. Всѣхъ этихъ герцоговъ оборонять буду, но если только для ихъ авантажу на волосокъ ущербу русскому интересу надо сдѣлать, то никогда не сдѣлаю. Миръ со Швеціей само по себѣ, а голштинское дѣло особо. Внушилъ ли ты это Остерману?

— Внушилъ.

— Курьеръ изъ Ништадта.

Петръ взялъ донесеніе, распечаталъ. Въ донесеніи значилось: «Всемилостивѣйшій Государь! При семъ къ Вашему Царскому Величеству всеподданнѣйше посылаемъ подлинный трактатъ мирный, который сего часу съ шведскими министрами заключили, подписали и размѣнялись. Мы оный перевесть не успѣли, понеже на то время потребно было, и мы опасались, дабы между тѣмъ вѣдомость о заключеніи мира не пронеслась. Токмо Вашему Царскому Величеству всеподданнѣйше доносимъ, что оный въ главныхъ дѣлахъ, во всемъ противъ указовъ Вашего Величества написанъ, и для лучшаго извѣстія при семъ прилагаемъ изо всѣхъ артикуловъ краткій экстрактъ. Мы, Ваше Царское Величество, тѣмъ по рабской нашей должности всеподданнѣйше поздравляемъ и молимъ Бога, дабы оный вашу дражайшую особу

въ непремѣнномъ святомъ Своемъ охраненіи держалъ и Ваше Царское Величество чрезъ единые Ваши труды и высокомудрое управленіе симъ полученнымъ вѣчно славнымъ миромъ пользоваться и всѣ протчія свои намѣренія къ собственно желаемому счастливому окончанію привесть могли, еже отъ всего нашего сердца желаемъ Вашего Царскаго Величества всеподданнѣйшіе рабы—Яковъ Брюсъ, Андрей Остерманъ. Августа 30 дня, въ четвертомъ часу по полуночи».

4-го сентября утро стояло ясное, свѣтлое. Игнатій шелъ въ сенатъ. Вдругъ послышались пушечные выстрѣлы.

«Что это значитъ? — подумалъ Игнатій, — непріятеля ни откуда быть не можетъ. Когда вода изъ береговъ выступаетъ, палятъ не такъ, да отчего ей и выступать? Однако пойти къ Невѣ, посмотрѣть... Да и выстрѣлы съ той стороны.

По Невѣ плыветъ царь на своей бригантинѣ и оттуда-то стрѣляютъ. Видно, новость какая-нибудь радостная. Народъ толпами пробирается къ берегу. Бригантина приближается къ Троицкой пристани, ужъ народъ видитъ радостное лицо государя и слышитъ слово, одно только слово:

— Миръ!

— Ура!—загремѣли тысячи голосовъ.

Въ Троицкомъ соборѣ идетъ молебенъ. Тамъ молится царь со своими приближенными. Площадь полна народу. На ней разставляютъ кадки съ виномъ и пивомъ, устраиваютъ возвышенное мѣсто. Приходятъ и полки и становятся во фронтъ.

Молебенъ кончился. Сановники просятъ государя принять чинъ адмирала, онъ выходитъ изъ церкви, поднимается на возвышенное мѣсто и говоритъ:

— Здравствуйте и благодарите Бога, православные! что толикую долговременную войну, которая продолжалась 21 годъ, всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціею счастливый вѣчный миръ. За ваше здоровье, православные!—И онъ выпилъ свой ковшъ съ виномъ.

— Ура!

— Многія лѣта царю-государю!

— Подай тебѣ Господи здоровья, родимый!

— Ура!

Загремѣла пушечная и ружейная пальба, пошелъ на

площади пиръ горой; а по городу поѣхали 12 драгунъ съ бѣлыми перевязками черезъ плечо, со знаменами и лавровыми вѣтвями; передъ ними трубачи ѣхали. Возвѣщали эти герольды, что заключенъ вѣчный, истинный и неразрывный миръ, по которому «со шведской стороны уступаются царскому величеству и его преемникамъ въ полное, неотрицаемое, вѣчное владѣніе и собственность завоеванныя царскаго величества оружіемъ провинціи: Лифляндія, Эстляндія, Ингрія, часть Карелiи съ дистриктомъ Выборгскаго лена, со всѣми аппартененціями и денденціями».

22-го октября снова торжественное богослуженіе въ Троицкомъ соборѣ; снова стоятъ войска, но народа гораздо больше: собрались всѣ петербургскіе жители да многіе поспѣли изъ Москвы, Новгорода, Пскова и изъ другихъ городовъ. Не только площадь покрыта народомъ, такъ что яблоку упасть некуда, но на крышахъ, на деревьяхъ—всюду народъ. Всѣ въ праздничныхъ платьяхъ и съ праздничными лицами.

— Ванюха!—говоритъ плотникъ каменщику, — никакъ ты выпилъ?

— Закатилъ, братецъ ты мой.

— Спозаранку-то, до обѣдни.

— Съ радости, съ превеликой радости.

— Это что миръ-то?

— Миръ миромъ, а у меня есть братъ, Ѳедька, въ пьяномъ видѣ грѣшнымъ дѣломъ сворovалъ, въ тюрьмѣ содержался, быть-бы бычку на веревочкѣ, а нынѣ царь на радости всѣхъ осужденныхъ простилъ, Ѳедьку выпустили, вотъ я, значитъ, и торжествую.

— А у насъ-то, братцы мои,—сказалъ другой плотникъ,—какая радость во всей волости будетъ.

— А что?

— Да земля у насъ худородная, народъ маломочный, никакъ не могутъ податей сполна уплатить. И накопилось-же у насъ этой недоимки—страсть! А теперь государь для радости нашей вселенской пожаловалъ—велѣлъ недоимку сложить.

— Дозвольте васъ спросить, государь мой, — сказалъ одинъ купецъ чиновнику изъ коллегіи.

— Надлежитъ сказать: ваше благородіе, а не государь мой.

— Извините, ваше благородіе, не зналъ.

— По табели о рангахъ надлежитъ, понеже состою въ рангѣ коллежскаго регистратора.

— Тэкъ-съ.

— Четырнадцать ранговъ по той табели значится. Первые высочайшіе четыре ранга суть генералы. Первый и второй рангъ титулуются ваше высокопревосходительство, а третій и четвертый—ваше превосходительство, пятый—сирѣчь бригадиръ или въ гражданской службѣ статскій совѣтникъ—ваше высокородіе, шестой, седьмой и восьмой—ваше высокоблагородіе, а остальные—ваше благородіе.

— Дѣйствительно-съ. А позвольте, ваше благородіе, спросить, что означаютъ въ ономъ о мирѣ объявленіи слова: «со всѣми аппартененціями и депенденціями»? Какъ вы то-есть человѣкъ ученый, то навѣрно знаете.

— Натурально знаю. Это значитъ... просто значитъ по-русски со всѣми онерами.

— Справедливо-съ.

— Здорово, Иванъ Кузьмичъ!—закричалъ издали другой чиновникъ.—Поздравляю!

— Съ чѣмъ это ваше благородіе поздравляютъ?

— Да по навѣтамъ враговъ наложено было на меня за разныя якобы упущенія взысканіе, въ восемьдесятъ рублевъ, а нынѣ по всемилостивѣйшему его царскаго величества повелѣнію сложено ради радостнаго настоящаго событія.

— Значитъ денегъ не возьмутъ,—сказалъ подгулявшій каменщикъ—торжествуемъ! Ура!

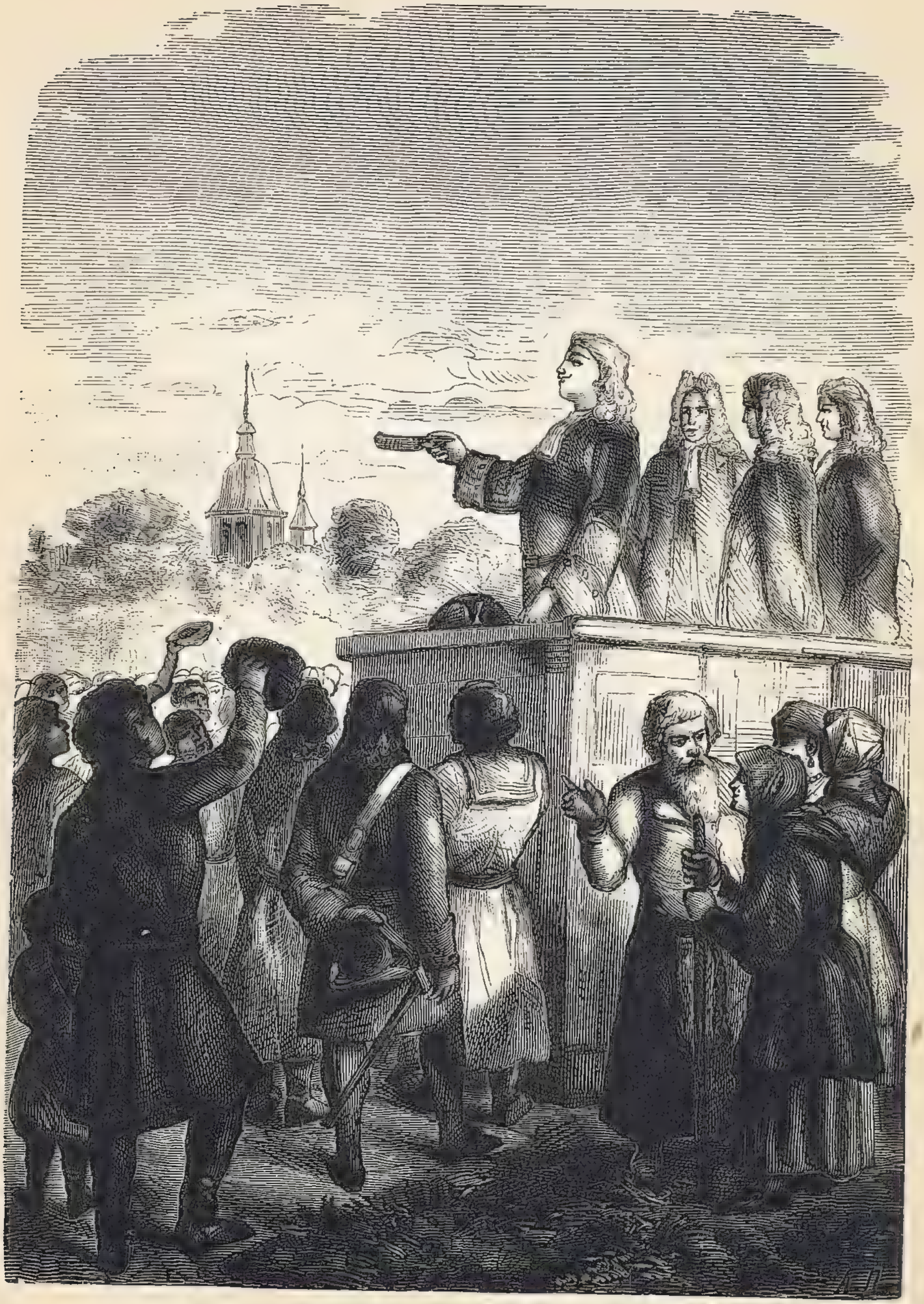
— Что ты орешь прежде времени,— остановилъ его товарищъ.

— А что не орать? Знаешь, что я слышалъ. Когда нынѣ царь праздновалъ миръ и машкарадъ былъ, такъ царь самъ пѣсни пѣлъ и по столамъ плясать пошелъ.

— И ты пой и пляши, только послѣ обѣдни.

— Послѣ обѣдни? Это ты истинно, смиримъ себя. За то ужь послѣ обѣдни разлюли малина.

Обѣдня кончилась. Прочли въ церкви мирный договоръ. Ѳеофанъ Прокоповичъ, который 12 лѣтъ тому назадъ привѣтствовалъ Петра послѣ полтавской битвы, а теперь былъ членомъ Святѣйшаго Сунода и справедливо считался первымъ ученымъ и проповѣдникомъ въ Россіи,—Ѳеофанъ Про-



— За ваше здоровье, православные!

коповичъ началъ говорить проповѣдь, въ которой краснорѣчиво описалъ всѣ знаменитыя дѣла царя.

По окончаніи проповѣди сенаторы подошли къ царю, и канцлеръ Головкинъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

— Вашего царскаго величества славныя и мужественныя воинскія и политическія дѣла, чрезъ которыя токмо единыя вашими неусыпными трудами и руковожденіемъ мы, ваши вѣрные подданные, изъ тьмы невѣдѣнія на ѳеатръ славы всего свѣта, и тако рещи, изъ небытія въ бытіе произведены, и въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены; и того ради како мы возможемъ за то и за настоящее исходатайствованіе толь славнаго и полезнаго мира по достоинству возблагодарити? Однакожъ, да не явимся тщи въ зазоръ всему свѣту, дерзаемъ мы, именемъ всего всероссійскаго государства, подданныхъ вашего величества всѣхъ чиновъ народа, всеподданнѣйше молити, да благоволите отъ насъ въ знакъ малаго нашего признанія толикихъ отеческихъ намъ и всему нашему отечеству показанныхъ благодѣяній, титулъ Отца Отечества, Петра Великаго, Императора Всероссійскаго приняти. Виватъ, виватъ, виватъ Петръ Великій, Отецъ Отечества, Императоръ Всероссійскій!»

— Виватъ! виватъ! виватъ!—повторили присутствующіе въ церкви.

— Виватъ!—раздалось на паперти и перешло въ нескончаемое ура на площади. Раздался звонъ колоколовъ, звуки трубъ, литавръ и барабановъ, пушечная и ружейная стрѣльба.

— Ой, батюшки, какъ стиснули,—завизжала толстая купчиха,—не задушите, пустите душу на покаянье.

— Не задушимъ, матушка,—отвѣчалъ подгулявшій матеровой,—ослобоните тетушку-то, православные! А вотъ что до меня то-есть... если бы на такой радости и задушили меня, я бы значитъ съ удовольствіемъ. Потому—торжествуемъ—ура!

— Теперь ори сколько хочешь.

— Позвончѣе и надо, чтобы колокола перекричать.

Величественно стоялъ Петръ въ храмѣ, радостью сіяло лицо его. Онъ говорилъ въ отвѣтъ сенаторамъ:

— Желаю народу россійскому узнать истинное дѣйствіе Божіе къ пользѣ нашей въ прошедшей войнѣ и въ

заключеніе настоящаго мира. Должно всѣми силами благодарить Бога, но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи греческой. Надлежитъ стараться о пользѣ общей, являемой Богомъ намъ очевидно внутри и внѣ, отъ чего народъ получитъ облегченіе.

Въ минуту величайшей радости, какъ въ минуту самого тяжелаго горя, первое и послѣднее слово, первая и послѣдняя мысль его была — благо родной страны, общая польза.

XXII.

ИХЪ МАЛО ПОБѢДИТЪ.

(1757—59 г.).

МАЛЬШАЯ рѣка Прегель протекаетъ чрезъ широкую и ровную долину. Выше ея простиралась возвышенность въ длину версты на двѣ, а въ ширину съ полверсты. Съ двухъ сторонъ она окружена большимъ, частымъ и густымъ лѣсомъ; съ третьей—глубокимъ буераком, по дну котораго протекаетъ небольшая рѣчка, впадающая въ Прегель.

На этомъ мѣстѣ была расположена русская армія въ августѣ 1757 года. Вечеромъ на 19 августа собралось общество знатныхъ молодыхъ людей, состоявшихъ при арміи волонтерами. Тутъ были князь Рѣпнинъ, графы Апраксинъ и Брюсъ, баронъ Лопиталь, племянникъ французскаго посланника, цезарскій генералъ Сентъ-Андре, саксонскій полковникъ Ламсдорфъ и голштинскій поручикъ Надасти. Они оживленно толковали о бывшемъ въ тотъ день военномъ совѣтѣ.

— Воля ваша, господа,—говорилъ Рѣпнинъ,—а мнѣ не вѣрится, чтобы пруссаки трусили насъ. Не такіе они люди. Кампанія длится не мало, а мы только въ одномъ дѣлѣ подъ Инстенбургомъ и побили ихъ.

— Вы были въ этомъ дѣлѣ, князь?

— Да, нашъ гусарскій полковникъ Стояновъ молодцомъ

налетѣлъ на знаменитаго прусскаго партизана Малаховскаго и побилъ его.

— Говорятъ, и вы отличились въ этомъ дѣлѣ, а также графы Апраксинъ и Брюсъ и баронъ Лопиталь?

— Помилуйте, какое отличіе! Конечно, вмѣстѣ съ другими ходили въ атаку, такъ что же тутъ особеннаго?

— Ну, нѣтъ, знаете, когда высокопоставленныя лица...

— Высокопоставленныя? Конечно, напримѣръ, главнокомандующій или какой-нибудь принцъ не могутъ бросаться въ схватку вмѣстѣ съ простыми солдатами, а мы, волонтеры...

— Но когда своею храбростію поощряли...

— Это нашихъ-то солдатъ? Ужь не знаю, кто кого поощрялъ.

— Русскій солдатъ—превосходный солдатъ,—замѣтилъ Лопиталь.

— Не могу сказать, чтобъ и мы трусили,—продолжалъ Рѣпнинъ,—такъ это развѣ отличіе? Не спрятался въ грядахъ съ капустой, такъ и отличіе?

— Ну, теперь можно будетъ и въ самомъ дѣлѣ отличиться,—сказалъ Брюсъ,—разобьемъ Левальда...

— Если разобьемъ!

— Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Пруссаковъ вдвое, если не втрое менѣе, чѣмъ насъ. Сколько мы времени стоимъ, а они и носа не смѣютъ выставить изъ лѣсу—очевидно, опасаются сразиться съ нами.

— Этому-то я и не вѣрю.

— Какъ вамъ угодно, любезный князь, но все говоритъ противъ вашего мнѣнія. И наше выступленіе разсчитано по всѣмъ правиламъ тактики: генералъ-аншефъ герцогъ Ливенъ въ этомъ отношеніи весьма свѣдущій человѣкъ и графъ Апраксинъ вполнѣ принялъ его планъ. Мы обойдемъ лѣсъ и грянемъ на пруссаковъ.

— Давай Богъ!

Вошли новые собесѣдники: капитанъ русской гвардіи Болтингъ и французскій полковникъ Фитингофъ. За ними шелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ съ кларнетомъ въ рукѣ.

— Вотъ я привелъ вамъ, господа,—сказалъ Болтингъ,—музыканта изъ перваго гренадерскаго полка. Вчера, признаюсь, я заслушался его. Надѣюсь, что и вамъ онъ доставитъ удовольствіе своей игрой.

Дѣйствительно, игра кларнетиста очень понравилась знатнымъ волонтерамъ. Онъ прекрасно игралъ на своемъ инструментѣ, такъ что нельзя было не удивляться, что такой артистъ попалъ въ полковой оркестръ.

— Откуда ты родомъ?—спросилъ его Апраксинъ.

— Изъ Гессена, ваше сіятельство.

— Давно въ службѣ?

— Осьмнадцать лѣтъ, ваше сіятельство.

— Гдѣ же служилъ?

— Два года на родинѣ, въ Гессенѣ. Потомъ нашъ батальонъ былъ нанятъ ганноверскимъ курфирстомъ *); у него служилъ я четыре года, былъ взятъ въ плѣнъ французами, у нихъ выслужилъ пять лѣтъ, потомъ былъ въ цесарской службѣ, а второй годъ служу ея величеству императрицѣ всероссійской.

— Бывалый ты человѣкъ. А какъ тебя зовутъ?

— Шмидтъ.

Когда Шмидтъ ушелъ, голштинецъ радостно вскричалъ:

— Что за жалкая нынѣ участь нѣмцевъ! Одинъ владѣлецъ продаетъ другому, а тамъ человѣкъ и мыкается по всему свѣту.

— Какъ-же быть!—возразилъ Сентъ-Андре,—принцы должны поддерживать свое достоинство, владѣнія маленькія, откуда же взять денегъ?

— Они и продаютъ своихъ подданныхъ?

— Продаютъ—это слишкомъ рѣзкое выраженіе, правильнѣе—отдаютъ въ услуженіе дружественнымъ дворамъ.

— А дворы тянутся пышностію за французскими.

— Не одинъ французскій дворъ поражаетъ своимъ величіемъ. Мой отецъ имѣлъ честь сопровождать римскаго короля Іосифа, когда онъ отправился изъ Вѣны ободрять имперскія войска, осаждавшія Ландау. Съ нимъ отправилась и его супруга и все время осады прожила въ Гейдельбергѣ. Придворными служителями начальствовали его сіятельство оберъ-гофмейстеръ графъ Траутсмандорфъ и его княжеская свѣтлость королевскій оберъ-кухенмейстеръ князь Дитрих-

---

*) Въ XVIII вѣкѣ германскіе владѣтели часто отдавали своихъ солдатъ въ наемъ другимъ государямъ. Прусскій король, однажды, когда такая партія наемныхъ гессенскихъ солдатъ проходила чрезъ его владѣнія, приказалъ взять съ нея пошлину такую же, какая платилась за прогонъ скота.

штейнъ. Въ свитѣ короля было 230 придворныхъ служителей, да въ свитѣ ея величества 170. Не было недостатка ни въ какихъ чинахъ: были тутъ унтеръ-зильбергъ-камергеръ, мундшенкъ, форшнейдеры, садовникъ, птичники, келлердинеры, келлербиндеры, лейбъ-пирожники, лейбъ-поваръ, столонакрыватели, блюдоносители, блюдочистильщики.

— А нашъ Августъ II,—прервалъ Ламсдорфъ,—когда онъ въ Рейссенѣ принималъ турецкаго посланника, то однѣ брилліантовыя пуговицы на кафтанѣ короля стоили милльонъ талеровъ А по поводу бракосочетанія королевской дочери графини Козель съ графомъ Фризеномъ устроены были такія увеселенія, которыя едва-ли были гдѣ-либо во всемъ свѣтѣ. Наглядѣвшись на его роскошь, даже скупой Фридрихъ-Вильгельмъ, покойный прусскій король, вздумалъ показать себя. Онъ велѣлъ устроить такія зеркала, которыхъ не могли снести двадцать человѣкъ, столы были изъ кованаго серебра, а нѣкоторые канделябры стоили 100,000 талеровъ. Но за то, истратившись на этотъ разъ, Фридрихъ-Вильгельмъ сталъ экономничать больше прежняго: прежде на содержаніе королевскаго дома и двора отпускалось у него ежедневно по 93 талера, а съ этого времени онъ велѣлъ отпускать только по 55.

— Знаю я это содержаніе!—сказалъ Лопиталь,—маркграфиня, дочь Фридриха-Вильгельма, при мнѣ разсказывала о своемъ житьѣ въ родительскомъ домѣ. Ежедневно въ 7 часовъ она пробуждалась отъ шума военныхъ экзерсицій, происходившихъ близъ самыхъ оконъ ея спальни; обѣдъ у короля готовился въ 6 блюдъ и на 24 персоны, но въ такомъ количествѣ, что многіе вставали изъ-за стола голодными.

— А у Августа, — замѣтилъ Ламсдорфъ, — никогда не было меньше 20 блюдъ, иногда же число ихъ доходило до полутораста.

— У прусскаго короля подавали за столомъ иногда только капусту, рѣпу, горохъ да сало. Но всего лучше было въ его загородномъ замкѣ Вустергаузенѣ. Тамъ, вмѣсто часовыхъ, были 12 ручныхъ медвѣдей. Принцессамъ приходилось жить въ двухъ маленькихъ комнатахъ. Какъ бы ни дурна была погода, обѣдали всегда въ палаткѣ подъ тѣнью липы — иногда случалось сидѣть чуть не по колѣни въ водѣ.

— Не мало доставалось отъ Фридриха-Вильгельма,—за-

мѣтилъ Апраксинъ,—и сыну его, нынѣшнему королю Фридриху II.

— Да, и книги у него жегъ, и флейту ломалъ, и самого чуть не разстрѣлялъ за побѣгъ.

— За то и славой своей Фридрихъ II во многомъ отцу обязанъ, — возразилъ Рѣпнинъ, — вѣдь отецъ ему оставилъ 80,000 войска и полные сундуки денегъ.

— Все-таки онъ бы ничего не сдѣлалъ,—сказалъ Сентъ-Андре,—если-бы не затруднительное положеніе нашей императрицы Маріи-Терезіи, когда, по смерти ея отца, императора Карла, враги ея со всѣхъ сторонъ напали на нее. Пользуясь этимъ, онъ разбойничалъ и захватилъ у насъ Силезію.

— Теперь отдастъ, да еще, пожалуй, и своими землями поплатится. Шутка-ли какая коалиція противъ него составилась: Австрія, Франція, Россія, Швеція, Саксонія и другіе имперскіе князья.

— Саксонію онъ уже придушилъ.

— Не надолго!

Въ то же время, въ другомъ концѣ русскаго лагеря бесѣдовали между собою три сержанта: 1-го гренадерскаго полка Медвѣдевъ, 2-го полка Ивановъ и 3-го Силинъ. Всѣ они были люди солидные, участвовали уже не въ первомъ походѣ и между собою издавна дружны, Ивановъ и Силинъ даже крестами помѣнялись, стало, считались крестовыми братьями, а это на Руси подчасъ важнѣе и кровнаго родства. Медвѣдевъ былъ старше Иванова и Силина и когда-то, въ то время, какъ они еще были только-что принятыми солдатами, а онъ ихъ дядькой, обходился съ ними хорошо, что въ тѣ времена не часто случалось. Поэтому они очень уважали его и, выбравъ свободную минуту и попросивъ на часъ дозволенія, забѣжали къ нему потолковать.

— Значитъ, пруссака завтра либо послѣзавтра пощупаемъ,—говорилъ Силинъ.

— Тебѣ-то скоро придется,—замѣтилъ Ивановъ,—а наша дивизія послѣдняя выступаетъ.

— Выступаетъ-то послѣдняя,—вступился Медвѣдевъ,—а драться, Богъ вѣсть, кому раньше придется.

— Какъ такъ?

— Знаешь ты нашего полковника Языкова?

— Какъ не знать! Дай Богъ побольше такихъ командировъ!

— Нѣмцевъ больно не любитъ, не токмо пруссаковъ, а и нашихъ доморощенныхъ.

— И они его также. Говорятъ, Ливенъ всячески къ нему придирается.

— Кого эта собака не кусаетъ. Не токмо всякаго нѣмчуру, а даже чухну лучше нашего брата, русскаго, ставитъ.

— Такъ вотъ и былъ я сегодня утромъ у полковника на ординарцахъ. Набралось къ нему офицеровъ, дожидаются, какъ онъ съ военнаго совѣта пріѣдетъ, всякому, значитъ, лестно поскорѣе новости узнать. А мнѣ и слышно, что они промежъ себя говорятъ. Пріѣхалъ полковникъ. Смотрю, весь багровый. Ну, думаю, видно разсердили. У него въ сердцахъ это всегда бываетъ. «Что, полковникъ?»—спрашиваютъ офицеры.—Да что, говоритъ, въ обходъ на нѣмца пойдемъ.—«Ну и славно!»—зашумѣли офицеры.—Что и говорить,—сказалъ полковникъ,—давай Богъ удачи! Только вотъ что, господа, держите ухо востро: у нашего полка позиція самая важная, потому что мы предъ прогалиной находимся, на которую можетъ непріятель черезъ лѣсъ выйти и насъ атаковать. — «Какъ насъ атаковать, — говорятъ офицеры, когда мы его атакуемъ?»—А такъ,—отвѣтилъ полковникъ,—отъ легкихъ войскъ донесеніе есть, что непріятель черезъ лѣсъ цѣликомъ на насъ пробирается! — «Если же пробирается, говорятъ офицеры, то здѣсь-бы въ добромъ порядкѣ и въ крѣпкой позиціи его встрѣтить». А полковникъ на то: И малому ребенку это понятно, да что будешь съ этимъ нѣмчурой дѣлать!

— Это онъ Ливена?

— Не кого другого. И сталъ полковникъ нѣмца передразнивать: «никакъ не фосмошна, штопъ пруссакъ шрезъ лѣса шелъ: фсѣмъ военнымъ правиламъ такой диспозисьонъ протифна!» Чортъ бы его побралъ и съ правилами-то!

— И чудное это, братцы мое, дѣло: отчего это Ливенъ всѣмъ у насъ верховодитъ, и генералъ-фельдмаршалъ во всемъ его слушаетъ? Развѣ нѣтъ русскихъ генераловъ?

— Да вотъ хоть нашъ генералъ-аншефъ Василій Абрамовичъ Лопухинъ?

— А генералъ-маіоръ Румянцевъ?

Съ разсвѣтомъ 19 числа наши войска выступили въ обходъ. Князь Рѣпнинъ и баронъ Лопиталь ѣхали верхомъ,

только-что перебравшись чрезъ вязкій и грязный ручей, протекающій между двумя деревнями Эгерсдорфъ.

— Зачѣмъ вы, баронъ,—спросилъ Рѣпнинъ,—непремѣнно желали отстать отъ свиты главнокомандующаго?

— Мнѣ, какъ иностранцу, очень интересно наблюдать вашихъ солдатъ во время похода, а то не такъ удобно подлѣ фельдмаршала.

— Мало хорошаго увидите. Посмотрите: солдаты идутъ кучками, даже разныя части одного и того же полка раздѣлены между собой то артиллеріей, то обозами.

— А тамъ у ручья, который мы проѣхали, настоящее столпотвореніе вавилонское. Переднія повозки не успѣли проѣхать, а заднія на нихъ подвигаются; въ промежуткахъ и кавалеристы и пѣхотинцы.

— Да, пожалуй, вы правы, баронъ, въ томъ отношеніи, что и всѣмъ начальствующимъ лицамъ, вмѣсто того, чтобы красоваться передъ фельдмаршаломъ, лучше бы присмотрѣть за порядкомъ.

— Если бы непріятель былъ близко, мы могли бы дорого поплатиться за этотъ безпорядокъ... Что это? какъ будто выстрѣлъ? Впрочемъ, трудно разслышать при этомъ адскомъ шумѣ.

— Нѣтъ, точно выстрѣлы.

— Вѣрно, нашъ авангардъ встрѣтилъ непріятеля. Скорѣе впередъ!

— Стойте, баронъ! Выстрѣлы сзади! Чу, загремѣли и пушки.

— Сзади! Можетъ ли это быть?

— Непріятель напалъ на лагерь, который только-что оставили наши войска.

— Какъ! Онъ перешелъ черезъ лѣсъ!

— Непроходимый лѣсъ! Скажетъ какой-нибудь дуракъ или мошенникъ, что непроходимый, а мы и вѣримъ! Глупость наша непроходимая!

— Дѣйствительно, сзади насъ дерутся!

— И вѣдь были донесенія, что въ лѣсу замѣтно движеніе непріятелей!

— Скорѣй туда, князь!

Оба волонтера поскакали къ ручью. Но перебраться чрезъ этотъ ручей оказалось очень нелегко. По обрывистымъ его берегамъ столпилось множество людей; были тутъ фуры

и пушки. Повсюду слышались тревожные крики: «непріятель! непріятель»! Огромная фура совсѣмъ было уже поднялась въ гору, вдругъ у ней сломалась ось, и фура загородила дорогу.

— Помогите, братцы, поднять,—обращался къ толпѣ состоявшій при фурѣ денщикъ.

— Да, есть когда! До тебя намъ!

На другой сторонѣ ручья показался всадникъ.

— Непріятель напалъ на московскій полкъ,—кричалъ онъ.

Не успѣлъ онъ спуститься въ оврагъ, какъ появился другой ординарецъ, крича:

— Артиллерію, артиллерію на помощь! Дивизія Лопухина атакована!

Скоро этихъ распорядителей явилось до десятка. Одни кричали: «конницу на правый флангъ»! Другіе: «пѣхота скорымъ шагомъ маршъ!» Но пушки вязли въ грязи, фуры ломались, пѣхотинцы и кавалеристы съ великимъ трудомъ выбирались на ту или другую сторону оврага и большею частію шли куда вздумалось; иначе и нельзя было: ни одинъ изъ главныхъ начальниковъ не являлся, а посланные ординарцы передавали приказанія, противорѣчащія одно другому. Рѣпнинъ и Лопиталь, наконецъ, перебрались черезъ оврагъ и поѣхали по направленію къ бывшему лагерю, но столько фуръ попадалось имъ на дорогѣ, что они должны были свернуть къ лѣсу.

Раньше, чѣмъ они туда поспѣли, кучки солдатъ третьяго гренадерскаго полка, въ томъ числѣ Силинъ, появились тамъ.

— Куда же идти дальше?—спрашивалъ одинъ солдатъ.

— Наши за лѣсомъ дерутся. Надо къ нимъ на выручку.

— А какъ черезъ лѣсъ пройдешь?

— Надо быть, за лѣсомъ второй гренадерскій полкъ бьется,—сказалъ Силинъ,—не выдайте, братцы, тамъ мой крестовый.

— Да какъ пройти-то?

— Авось пройдемъ.

Они и пустились на авось. Толпы солдатъ все прибывали и прибывали. Съ ними уже были и офицеры. Собрались два полка: третій гренадерскій и новгородскій. Солдаты видѣли, какъ передовой отрядъ съ Силинымъ пошелъ

въ лѣсъ и готовы были за ними послѣдовать, но офицеры остановили ихъ.

— Надо подождать приказаній,—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Да кому тутъ приказывать? Не мало нами командовали на дорогѣ: одинъ кричитъ вправо, другой влѣво—тутъ и исполняй приказанія.

— А вотъ что,—сказалъ третій офицеръ,—за лѣсомъ непремѣнно дерутся и надо идти на подмогу нашимъ.

— Надо-то надо, да какъ пройдешь?

— Наши солдатики ужь прошли, ваше благородіе,—сказалъ одинъ капралъ.

— А прошли, такъ и мы, благословясь, пройдемъ.

— Ну, Господи благослови!

Вслѣдъ за офицерами солдаты обоихъ полковъ перекрестились и затѣмъ пошли, сами хорошенько не зная куда.

За лѣсомъ, дѣйствительно, шла ожесточенная битва: одиннадцать полковъ дивизіи Лопухина дрались противъ всей прусской арміи Левальда. Кромѣ неравенства въ числѣ, всѣ другія условія битвы были къ невыгодѣ русскихъ: они строились какъ могли по приходѣ на свою прежнюю позицію, на подкрѣпленія они не могли разсчитывать, потому что всѣ прочіе полки арміи или были далеко, или не могли еще выбраться изъ сумятицы обозовъ, или, наконецъ, встрѣтили на пути непреодолимыя препятствія; пруссаки, напротивъ того, наступали въ стройномъ боевомъ порядкѣ, имѣя позади себя вторую линію резервовъ; вся прусская артилерія была въ дѣлѣ, а у насъ едва нѣсколько пушекъ, въ томъ числѣ три или четыре гаубицы, изобрѣтенныя Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ. Онѣ дѣйствовали прекрасно, но въ снарядахъ уже начинали чувствовать недостатокъ; даже у нашихъ пѣхотинцевъ было мало патроновъ.

Несмотря на всѣ эти обстоятельства, Языковъ съ первымъ гренадерскимъ полкомъ отбивался какъ левъ, не уступая непріятелямъ ни шага. Не таково было положеніе нарвскаго и второго гренадерскаго полковъ. На нихъ былъ сдѣланъ сильнѣйшій натискъ пруссаковъ. Самъ Василій Абрамовичъ Лопухинъ поспѣшилъ къ этимъ полкамъ. Слова любимаго полководца заставили ихъ дѣлать чудеса храбрости, но бой былъ слишкомъ неравенъ.

Русскіе музыканты и барабанщики, схвативъ первое

попавшееся имъ ружье, дрались наравнѣ съ солдатами. Дрался вмѣстѣ съ другими и Шмидтъ, но когда увидѣлъ, что нѣсколько непріятелей нападаютъ на него, сдался въ плѣнъ.

Это видѣли двое израненыхъ русскихъ солдатъ.

— Вишь нѣмецъ-то въ полонъ сдался.

— Ему что не сдаваться? Къ своимъ идетъ... Ай, братъ, въ ногу рѣзанули.

— Что, плохо?

— Стоять не могу; прислони-ка меня къ дереву; заряды-то у меня еще есть, такъ я пострѣляю.

— А я прикладомъ работать буду.

Вмѣстѣ со Шмидтомъ потащили въ плѣнъ одного изъ русскихъ солдатъ. Но вдругъ пруссаки замѣтили, что около нихъ находится русскій генералъ почти безъ прикрытія. Это былъ Лопухинъ. Надежда овладѣть такой добычей заставила пруссаковъ бросить солдата и кинуться къ генералу. Съ плѣннымъ русскимъ остался только одинъ пруссакъ. Казалось, этого было достаточно, потому что пруссакъ былъ вооруженъ, а русскій безоруженъ, но вдругъ онъ бросился на пруссака, отнялъ у него ружье и закололъ его собственнымъ его штыкомъ.

Въ это время другой русскій, какъ изступленный, бросался въ разныя стороны и кололъ всѣхъ непріятелей, которые ему попадались, не обращая вниманія на то, что самъ былъ покрытъ ранами. Третій русскій, разстрѣлявъ всѣ свои заряды, сорвалъ сумку съ убитаго пруссака и началъ стрѣлять его зарядами.

Пруссаки окружили Лопухина и потащили его въ плѣнъ; одинъ изъ нихъ сорвалъ съ него орденъ.

— Ребята! нашего генерала въ плѣнъ берутъ!—закричалъ отчаяннымъ голосомъ Ивановъ, сражавшійся недалеко отъ Лопухина.

Силы русскихъ будто удесятерились. Съ общими криками бросились они на непріятелей, и чрезъ нѣсколько минутъ Лопухинъ былъ свободенъ.

Но, казалось, этотъ порывъ отчаянной храбрости будетъ послѣднимъ. Еще нѣсколько минутъ, и сраженіе будетъ проиграно. А если пруссаки побьютъ эти одиннадцать полковъ, то имъ легко справиться и съ остальною русскою арміею, потому что хотя она многочисленна, но находится въ страшномъ безпорядкѣ.

Вдругъ изъ лѣса раздается залпъ. Это Силинъ и сотни двѣ гренадеръ третьяго полка.

— Подмога, братцы!—крикнулъ кто-то изъ русскихъ.

— Скорѣе, братцы, выручайте!

Русскіе оживились, пруссаки пришли въ изумленіе. Но когда сперва подошедшее подкрѣпленіе, а потомъ и оба подоспѣвшіе полка бросились въ штыкы, пруссаки не выдержали и подались назадъ, надѣясь построиться подальше. Но это имъ не удалось. Русскіе не давали имъ покоя и кололи безпощадно. Наконецъ, пруссаки бросились бѣжать. Это произвело впечатлѣніе на всѣхъ сражающихся. Повсюду огонь русскихъ оживился, пруссаки начали сперва колебаться, потомъ отступать въ порядкѣ и наконецъ побѣжали.

По выраженію очевидца гросъ-егерсдорфской битвы (Болотова, котораго записками мы пользовались въ настоящемъ разсказѣ), «побѣда сія одержана была не искусствомъ нашихъ полководцевъ, котораго и въ поминѣ не было, а паче отмѣнною храбростію нашихъ войскъ, или наиболѣе по особливому устроенію судебъ, расположившихъ всѣ обстоятельства такъ, чтобъ самая храбрость нашихъ воиновъ была уже принужденною, и они поневолѣ принуждены были драться до послѣдней капли крови, когда имъ ни бѣжать, ни ретироваться было некуда».

Далѣе онъ же говоритъ: «Побѣду Богъ даровалъ намъ нечаянную, а чтобы пользоваться оною, о томъ у насъ не было и на умѣ. Не то мы не умѣли, не то не хотѣли. Молва носилась тогда въ арміи, что совѣтовали фельдмаршалу со всею арміею, не медля ничего, слѣдовать за бѣгущимъ непріятелемъ. Но господиномъ Ливеномъ, отъ котораго совѣтовъ все наиболѣе зависѣло, и которому, какъ мы послѣ уже узнали, весьма непріятно было и то, что намъ нечаянно удалось побѣдить непріятеля, сказано будто при семъ случаѣ было: «что на одинъ день два праздника не бываетъ, но довольно и того, что мы и побѣдили».

Русскихъ выбыло изъ строя до пяти тысячъ, потеря непріятеля была больше. Русскіе взяли 29 пушекъ и нѣсколько знаменъ.

Лопухина, смертельно израненаго, отнесли въ обозъ.

— Гонятъ ли наши?—спросилъ онъ.

— Пруссаки на голову побиты.

— Живъ ли фельдмаршалъ?

— Живъ и здоровъ.

— Ну, слава Богу! Теперь умру спокойно, отдавши долгъ мой государынѣ и отечеству.

Съ этими словами онъ умеръ.

Другой герой битвы, Языковъ, тоже былъ тяжело раненъ и отвезенъ въ Кенигсбергъ. Тамъ къ нему зашелъ знакомый подпоручикъ Аристовъ.

— Слышали вы, полковникъ,—сказалъ онъ,—всѣ знатные волонтеры награждены за отличіе въ гросъ-егерсдорфской баталіи: Рѣпнинъ, Брюсъ, Апраксинъ, Болтинъ, Сентъ-Андре, Фитингофъ, Лопиталь, Ламсдорфъ, Надасти.

— Ну, отличились, такъ и награждены.

— Удивительно, что вамъ до сихъ поръ не вышло награды. Но непремѣнно выйдетъ. И такъ всѣ спрашиваютъ, отчего вы не получили ея.

— Не бѣда, голубчикъ, если такъ спрашиваютъ, а вотъ скверно, если спросятъ: за что вы награждены?

Подпоручикъ покраснѣлъ. Онъ во время сраженія былъ въ обозѣ, и когда фуры погнали назадъ, онъ вскочилъ на лошадь и, скакавши по лѣсу, зацѣпился за сукъ и исцарапалъ себѣ лицо. Потому онъ былъ помѣщенъ, по его просьбѣ, въ число раненыхъ, но въ число награжденныхъ однако не попалъ.

Но если Языковъ не обнаружилъ гнѣва, не получивъ пока награды, то вышелъ изъ себя, когда узналъ, что побѣдоносная армія Апраксина начала безъ всякой причины отступать.

— Да вѣдь въ это же самое время прусскаго короля австрійцы побили при Коллинѣ? Вѣдь онъ не могъ противъ насъ и подмоги Левальду выслать! Мы могли бы пруссака къ стѣнѣ припереть и самый Берлинъ у него отобрать. А тутъ, гляди, вывернулся. Ужь подлинно нѣмецкое счастье!

Дѣйствительно, неожиданное отступленіе Апраксина было спасеніемъ для Фридриха. Произошло оно оттого, что Апраксинъ узналъ о внезапной болѣзни императрицы Елизаветы Петровны. Наслѣдникъ ея, великій князь Петръ Ѳеодоровичъ, былъ горячимъ почитателемъ Фридриха III. Одни думаютъ, что Апраксинъ своимъ отступленіемъ хотѣлъ угодить Петру Ѳеодоровичу; другіе, что управлявшій тогда иностранною политикою Россіи канцлеръ Бестужевъ хотѣлъ

послѣ смерти Елизаветы Петровны возвести на престолъ Павла, сына Петра Ѳеодоровича, и для этого разсчитывалъ на содѣйствіе войскъ Апраксина. Какъ бы то ни было, но, по соглашенію съ Бестужевымъ, Апраксинъ отступилъ. Императрица выздоровѣла. Апраксинъ былъ преданъ суду и послѣ перваго допроса умеръ отъ удара. Бестужевъ-Рюминъ лишился канцлерскаго достоинства и былъ сосланъ въ имѣніе. Избавившись отъ русскихъ, Фридрихъ началъ очень удачно дѣйствовать противъ другихъ непріятелей и одержалъ знеменитыя побѣды надъ французами при Росбахѣ и надъ австрійцами при Лейтенѣ.

Шмидтъ не остался плѣнникомъ, а въ шестой разъ въ своей жизни поневолѣ перемѣнилъ знамена, подъ которыми служилъ: онъ сдѣлался музыкантомъ въ прусскомъ гарнизонѣ, защищавшемъ крѣпость Кюстринъ. Въ 1758 году разнесся слухъ, что русская армія, подъ начальствомъ Фермора, опять вступила въ прусскія владѣнія. Помѣщики со всѣхъ сторонъ стекались въ Кюстринъ и свозили туда то, что было у нихъ поцѣннѣе. Кромѣ того, въ крѣпости были собраны въ большомъ количествѣ съѣстные припасы, одной ржи болѣе полумилліона четвертей.

Вскорѣ стало извѣстно, что Румянцевъ занялъ Тильзитъ, что Кенигсбергъ сдался русскимъ, и они взяли крѣпости Торнъ и Эльбингъ, покорили восточную Пруссію и Познань и вступили въ Померанію. Тамъ, до прихода ихъ, прусскій главнокомандующій Дона, смѣнившій Левальда, дѣйствовалъ очень удачно и вытѣснилъ оттуда шведовъ. Услыхавъ, что русскіе угрожаютъ Кюстрину, Дона прислалъ на помощь этой крѣпости нѣсколько полковъ. Они расположились укрѣпленнымъ лагеремъ подъ защитою крѣпости.

Комендантъ крѣпости былъ очень храбрый, но самонадѣянный человѣкъ.

— Здѣсь не Торнъ и не Эльбингъ, — говорилъ онъ,— русскіе не осмѣлятся подступить къ стѣнамъ нашей крѣпости.

Дѣйствительно, въ Кюстринѣ было такъ много пушекъ, что онѣ, казалось, могли разгромить русскихъ. Но нѣкоторыя изъ этихъ пушекъ еще не были поставлены на лафеты и лежали на землѣ.

4-го августа Ферморъ осадилъ крѣпость и на завтра же потребовалъ сдачи ея. Пруссаки отвѣчали залпомъ изъ ору-

дій. Но русскіе тотчасъ пошли штурмовать главную батарею въ отрядѣ, стоявшемъ подъ стѣнами Кюстрина. Предпріятіе ихъ увѣнчалось успѣхомъ. Ферморъ такъ доносилъ объ этомъ императрицѣ: «Непріятель, увидя толикую храбрость и мужество и сильное изъ единороговъ дѣйство, въ конфузію пришелъ и, скоропостижно оставивъ свою батарею и лагерь на дисскрецію, въ городъ побѣжалъ, а гренадеры тотчасъ форштадтъ заняли». Началась бомбардировка крѣпости; отъ четвертой бомбы произошелъ въ Кюстринѣ пожаръ, который отъ другихъ бомбъ и ядеръ чрезъ четверть часа такъ распространился, что почти всѣ зданія въ крѣпости погорѣли. На пятый день осады Ферморъ снова потребовалъ сдачи. Комендантъ отвѣчалъ: «Я буду защищаться до послѣдняго человѣка, а когда мы всѣ падемъ, русскіе могутъ занять крѣпость и распорядиться какъ угодно».

Услыхавъ, что самъ Фридрихъ II идетъ на помощь крѣпости, Ферморъ отступилъ отъ нея. Когда прибылъ король, комендантъ сталъ извиняться въ своихъ ошибкахъ. «Замолчи,—отвѣчалъ Фридрихъ,—не ты виноватъ, а я, потому что сдѣлалъ тебя комендантомъ».

Шмидтъ изъ Кюстрина попалъ въ корпусъ Дона. Корпусъ этотъ соединился съ тѣми войсками, которыя Фридрихъ II привелъ на помощь Дона. Между ними Шмидтъ встрѣтилъ своего родственника Бекмана. Еще отецъ его переселился изъ Гессена въ Пруссію, а самъ Бекманъ давно служилъ Фридриху и былъ уже вахмистромъ въ гусарскомъ полку.

Они встрѣтились по-родственному и за чаркой вина разговорились.

— Ну, вотъ и отлично, — сказалъ Бекманъ, — что ты попалъ въ нашу армію.

— Не знаю только надолго ли?

— Это отчего?

— Да я, словно талеръ, столько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки.

— Ну, что попадетъ въ прусскія руки, того мы не выпустимъ.

— Теперь трудно пруссакамъ приходится: столько у нихъ непріятелей.

— Конечно, трудно. Да знаешь ли ты, что у насъ за король, что за армія? Вотъ слыхалъ ты о Росбахѣ и Лейтенѣ?

— Слышать-то слышалъ, да въ точности не знаю.

— А я тамъ былъ. Прежде всего Фрицъ *) послалъ насъ, четыре полка, въ Готу, подъ начальствомъ Зейдлица. Вотъ такъ генералъ! Ну, да самъ услышишь. Пошелъ на Готу французскій главнокомандующій Субизъ. Нашъ генералъ отступилъ. Французы заняли Готу и начали въ ней пьянствовать. Въ это время наши тихонько подошли къ городу. Субизъ слышалъ отъ шпіоновъ, что у Зейдлица одна пѣхота, поэтому выслалъ отрядъ прогнать насъ, а самъ и не тронулся изъ Готы. Подходятъ французы къ намъ, видятъ длинную линію пѣхоты. А это Зейдлицъ спѣшилъ драгунъ и разставилъ между конницей. Французы смутились. Тутъ мы и налетѣли на нихъ съ крикомъ и гамомъ. Они— давай Богъ ноги. Мы за ними въ городъ. Субизъ со своими генералами едва успѣли ускакать. Потѣха была, какъ мы завладѣли ихъ багажемъ. Какъ бы ты думалъ, что мы находили въ генеральскихъ и офицерскихъ фургонахъ: парчевые халаты, парики, духи, пудру, благовонныя мыла, попугаевъ и обезьянъ! Правду говорятъ, что у нихъ всѣмъ вертитъ какая-то Помпадуръ, и кто лучше передъ ней выплясываетъ, тотъ первыя должности въ арміи получаетъ. А плясунамъ безъ пудры да мыла, конечно, и прожить нельзя.

— Что же дальше?

— Къ Субизу подкрѣпленія подошли. Австрійскій партизанъ Гаддикъ подступилъ къ самому Берлину и взялъ съ него контрибуцію. Имперскій сеймъ въ Регенсбургѣ, услыхавъ объ этомъ, объявилъ, что Фрицъ лишенъ всѣхъ владѣній и курфирстскаго сана. Отправился отъ сейма депутатъ, объявить объ этомъ прусскому посланнику графу Плото. Онъ вышелъ къ нимъ въ халатѣ и вытолкалъ ихъ въ шею, такъ что они свои парики и шляпы растеряли. Начало собираться имперское войско, чтобы учинить Фрицу экзекуцію. И войско же! Нашихъ два полка раздѣлались бы съ ними, но намъ не до нихъ было. Надо было съ Субизомъ справляться. У него войска было чуть не втрое больше, чѣмъ у насъ.

— Что же король?

— Отступилъ къ деревушкѣ Росбахъ. Послѣ плѣнные сказывали, что французы очень обрадовались этому отсту-

*) Такъ прусскіе солдаты чазывали Фридриха II.

пленію и смѣялись надъ королемъ и нами. Они говорили: «Слишкомъ много чести Бранденбургскому маркизу,—это они короля-то такъ называли,—что мы съ нимъ воюемъ! Просто забрать его со всей шайкой и отправить на потѣху въ Парижъ!» Субизъ такъ и распорядился, чтобы забрать насъ въ плѣнъ: часть войска пошла отрѣзать насъ отъ Мерзебурга, другіе заходили къ намъ въ тылъ; только одинъ корпусъ остался противъ насъ.

— А король?

— Король обѣдать сѣлъ, пообѣдалъ спокойно, потомъ велѣлъ ударить тревогу, выѣхалъ передъ войско, рѣчь намъ сказалъ; я въ то время близко отъ него былъ, такъ почти все слово въ слово запомнилъ. «Друзья, — говорилъ онъ, — настала минута, въ которую все зависитъ отъ нашего оружія и нашей храбрости. Вы знаете: всѣ нужды, голодъ, холодъ, безсонныя ночи, кровавыя сѣчи—я дѣлилъ съ вами донынѣ по-братски; а теперь я готовъ для васъ и за васъ пожертвовать даже жизнью. Требую отъ васъ такого же залога любви и вѣрности, какой самъ даю вамъ. Прибавлю одно: не для поощренія, а въ воздаяніе оказанныхъ вами подвиговъ, отнынѣ до тѣхъ поръ, пока мы вступимъ въ зимнія квартиры, жалованье ваше удвояется. Вотъ все! Не робѣть, дѣти! Съ Богомъ!»

— А вы?

— Если бы онъ велѣлъ намъ въ пламя броситься—никто бы не задумался. Артиллерія начала громить французовъ. Не дожидаясь пѣхоты, Зейдлицъ выѣхалъ впередъ съ гусарами. Какъ теперь его вижу! Сидитъ себѣ на лошади какъ вкопанный и трубочку покуриваетъ. Вдругъ онъ бросилъ трубку впередъ, въ знакъ атаки, и вслѣдъ за нимъ мы понеслись на французскихъ жандармовъ.

— Постой, какъ же это! Вѣдь гусары легкая кавалерія, а жандармы тяжелая: и люди, и лошади — всѣ рослые и вооруженіе у нихъ тяжелое. Развѣ можно съ ними легкой кавалеріи связываться? Раздавятъ, сомнутъ.

— А мы ихъ такъ смяли, что они не только что побѣжали, но еще смѣшали кавалерію, присланную имъ на помощь Субизомъ.

— Ну чудо!

— Этимъ дѣло не кончилось. Схватилась наша пѣхота съ французской, а Зейдлицъ съ нами какъ бросился на

французовъ съ тылу! Тутъ вся ихъ армія побѣжала, цѣлые батальоны сдавались въ плѣнъ. Десять тысячъ ихъ было убито, семь тысячъ взято въ плѣнъ, въ томъ числѣ девять генераловъ. Взятыя знамена и пушки мы считали десятками. А у насъ всего было пятьсотъ убитыхъ и раненыхъ. Зейдлица ранили въ руку. Король его изъ младшихъ генералъ-маіоровъ произвелъ въ генералъ-лейтенанты и самъ надѣлъ на него орденъ Чернаго Орла.

— Не даромъ по всей Германіи такъ славятъ эту побѣду!

— Еще бы! Вѣдь что французы въ Германіи дѣлали, какъ они разбойничали! Куда досталось и имъ отъ крестьянъ, когда они бѣжали отъ Росбаха! Крестьяне страшно были озлоблены противъ нихъ, вооружились чѣмъ попало и били бѣглецовъ, никому не давая пощады. Да что крестьяне! Со мной самимъ вотъ какой случай былъ при Росбахѣ. За французовъ тутъ дрались и имперцы—они первые и побѣжали. Было нѣсколько и австрійской кавалеріи въ арміи Субиза. Вотъ, во время той схватки съ тяжелой кавалеріей, погнался я за офицеромъ французскихъ жандармовъ, догналъ, кричу ему: «Сдавайся!» Вдругъ вижу: сзади меня австрійскій кирасиръ занесъ надъ моей головой саблю. Дѣло плохо: оборочусь я противъ австрійца—французъ уйдетъ или кольнетъ меня своей шпагой; не оборочусь—австріецъ голову разрубитъ. Я и закричалъ: «Братъ нѣмецъ, оставъ мнѣ этого француза!» Австріецъ сказалъ: «Бери!» и поскакалъ прочь.

— Стало, австрійцы неохотно съ вами сражались?

— Какое неохотно! Посмотрѣлъ бы ты, что было при Лейтенѣ!

— Горячая была битва?

— У! какая! Австрійцы передъ тѣмъ побили нашу армію, бывшую подъ начальствомъ принца Бевернскаго. Они думали, что и съ нами легко справятся, и называли нашу армію потсдамскимъ вахтпарадомъ. Въ самомъ дѣлѣ, у австрійскаго главнокомандующаго эрцгерцога Карла Лотарингскаго было около девяноста тысячъ, а у Фрица всего тридцать двѣ. Но онъ сказалъ: «Мы должны разбить врага или всѣ лечь подъ его батареями». И всѣ, до послѣдняго солдата, понимали, что больше ничего не остается. Фрицъ показалъ тутъ все свое умѣнье. Я слышалъ послѣ, какъ наши офицеры разсказывали, что эрцгерцогъ Карлъ ожидалъ,

что наше нападеніе будетъ на его правое крыло, и перевелъ туда свои лучшія войска, а на лѣвомъ оставилъ баварцевъ и виртембергцевъ. Фрицъ и повелъ нашу пѣхоту будто на правое ихъ крыло. Только не даромъ выучились наши маневрировать. Вдругъ они обратились противъ непріятельскаго лѣваго крыла. Ударъ былъ такъ силенъ, что баварцы и виртембергцы сейчасъ побѣжали. Тогда Фрицъ направился на непріятельскій центръ. Тутъ всего труднѣе было взять деревню Лейтенъ. На каждомъ шагу было столько препятствій, что полковникъ, командиръ штурмовавшаго батальона, велѣлъ пріостановиться. Старшій капитанъ Мелендорфъ закричалъ ему: «Что тутъ думать, полковникъ, надо драться, а не размышлять». Но полковникъ ни съ мѣста. Тогда Мелендорфъ выскочилъ передъ фронтъ и крикнулъ: «Другого на его мѣсто! За мной, ребята!» Наши взяли деревню. Но на высотахъ за Лейтеномъ австрійцы опять выстроились. Картечь вырывала у нихъ цѣлые ряды, а они все-таки стояли, не уступая ни шагу. Ихъ конница пошла на насъ. Но тутъ Фрицъ велѣлъ намъ на нее ударить. Это и рѣшило дѣло. Непріятель въ страшномъ безпорядкѣ бросился къ мѣстечку Лиссѣ. А все потому, что Фрицъ хорошо распоряжался.

— Всѣ его и прославляютъ.

— Это еще не все. Бываетъ такъ, что побьютъ непріятеля, потомъ дадутъ ему опомниться. Онъ и ничего—опять соберется съ силами. Особенно тутъ это было опасно потому, что войска у австрійцевъ было много. Но Фрицъ знаетъ свое дѣло. Вотъ онъ и говоритъ намъ: «Дѣти! вы очень устали, однако нѣтъ ли охотниковъ пройтись со мною до Лиссы?» Три батальона вызвались. Фрицъ поѣхалъ впередъ съ эскадрономъ гусаръ, съ четырьмя пушками и съ генераломъ Цитеномъ. Тоже славный генералъ и Зейдлицу не уступитъ. Фрицъ отправился въ Лиссу, чтобы захватить тамъ мостъ чрезъ рѣчку Швейдницъ. Подъѣхалъ къ мѣстечку, сдѣлалъ рекогносцировку и послалъ за пѣхотными батальонами. Но всѣ узнали, что задумалъ Фрицъ, поняли, какой опасности онъ подвергался, и вся армія, безъ всякаго приказа пошла за тремя батальонами. Фрицъ со своимъ отрядомъ вошелъ въ городъ. Началась страшная перестрѣлка. Ночь была темная. Король хорошо зналъ мѣстечко и только съ тремя адъютантами поѣхалъ

къ господскому замку. А тамъ были австрійскіе генералы и офицеры. Фрицъ вошелъ къ нимъ и сказалъ: «Здравствуйте, господа! вы, вѣрно, меня не ожидали? Нѣтъ ли здѣсь и для насъ мѣстечка?» Австрійцевъ было нѣсколько десятковъ, и они легко могли бы взять въ плѣнъ Фрица и его адъютантовъ, но такъ перепугались, что и не подумали объ этомъ. Они начали ему представляться, называя свои чины и фамиліи; онъ ласково сталъ съ ними разговаривать, а между тѣмъ весь домъ наполнился прусскими офицерами, такъ что Фрицъ удивлялся и спросилъ: «Откуда вы беретесь, господа?» Всѣ австрійцы попались къ намъ въ плѣнъ, завладѣли мы и мостомъ. На завтра Цитенъ погнался за австрійцами. Еще никогда ихъ такъ не поражали, какъ подъ Лейтеномъ. Шесть тысячъ ихъ было убито, а въ плѣнъ взято больше двадцати тысячъ. А потомъ мы взяли городъ Бреславль и въ немъ еще семнадцать тысячъ австрійцевъ.

Войска выстроились. Прибылъ король. Войска Дона проходили мимо него въ новыхъ мундирахъ, съ напудренными головами.

— Ого,—сказалъ Фридрихъ Дона,—ваши солдаты разряжены въ пухъ, а мои настоящая саранча, но за то кусаются. Ну, какъ держатся русскіе?

— Какъ каменныя стѣны.

14 августа началась Цорндорфская битва. Деревня Цорндорфъ была зажжена. Пользуясь этимъ пожаромъ, пруссаки при ужасной канонадѣ бросились на наше правое крыло. Отъ выстрѣловъ произошелъ безпорядокъ въ русскомъ обозѣ: испуганныя лошади съ возами привели въ разстройство пѣхоту. Прусская пѣхота, желая воспользоваться этимъ безпорядкомъ, пошла въ атаку, не дожидаясь подкрѣпленья кавалеріи. По приближеніи Фермора, русскіе въ свою очередь бросились на пруссаковъ съ такимъ неистовствомъ, что тотчасъ смяли ихъ и обратили въ бѣгство. Но Зейдлицъ, ударивъ во флангъ нашей конницѣ, опрокинулъ ее и потомъ съ своими драгунами и гусарами ворвался въ ряды нашей пѣхоты. Прусская пѣхота, которая успѣла опять построиться, подоспѣла къ нему на помощь. Русскіе дрались какъ львы. Цѣлые ряды ихъ ложились на мѣстѣ; другіе тотчасъ выступали впередъ, оспаривая у пруссаковъ каждый шагъ. Ни одинъ солдатъ не сдавался и боролся до тѣхъ поръ, пока не

падалъ мертвый на землю. Истративъ заряды, стали драться холоднымъ оружіемъ. Упорство русскихъ разжигало злобу пруссаковъ: они рубили и кололи всѣхъ, безъ пощады. Многіе солдаты, отбросивъ оружіе, грызли другъ друга зубами. Наконецъ на правомъ флангѣ русскіе были побиты и только немногіе бѣжали и скрылись въ ближайшихъ болотахъ и лѣсахъ. Но ихъ центръ и лѣвое крыло стояли неподвижно. Король выставилъ грозныя батареи, и ядра посыпались на русскіе ряды. Ферморъ приказалъ атаковать батареи. Въ мгновеніе ока правая батарея съ прикрывавшимъ ее баталіономъ въ русскихъ рукахъ. Въ то же время наша конница овладѣла другою батареею и съ такимъ дикимъ воплемъ и силою бросилась на пруссаковъ, что они побѣжали. Казалось, побѣда была на русской сторонѣ. Но вдругъ Зейдлицъ бросается на нашу конницу, опрокидываетъ ее и гонитъ. Въ то же время прусская пѣхота пробилась въ нашъ центръ и, ударивъ на лѣвое крыло во флангъ, потѣснила его прямо на свою кавалерію. Ружейный огонь замолкъ, дрались одинъ на одинъ, били другъ друга прикладами, кололи штыками, рубились на саблях. Ни одна сторона не уступала, ни одна не давала пощады. Самъ Фридрихъ былъ увлеченъ въ середину свалки. Солдаты узнали его только по голосу. Около него были убиты всѣ его адъютанты и пажи. Ночь прекратила сраженіе. И тѣ и другіе приписывали себѣ побѣду: пруссаки справедливѣе, потому что Ферморъ отступилъ. Когда Фридриха поздравили съ побѣдой, онъ всю честь ея приписалъ Зейдлицу, а о русскихъ сказалъ: «Это желѣзные люди! ихъ мало побѣдить, но надо еще убить!»

Въ 1759 году русскіе подъ начальствомъ Салтыкова опять вступили въ прусскіе предѣлы. Они разбили при Пальцигѣ прусскаго генерала Веделя. Тогда самъ король пошелъ къ нимъ на встрѣчу.

Между тѣмъ Шмидту повезло: какъ хорошій музыкантъ, онъ сдѣлался извѣстенъ королю и даже удостоился нѣсколько разъ играть дуэты съ его величествомъ. Поэтому неудивительно, что онъ находился близъ Фридриха въ день знаменитаго Куннерсдорфскаго сраженія.

Было уже шесть часовъ вечера. Король со свитой стоялъ на возвышеніи, откуда могъ видѣть все поле битвы, насколько позволялъ дымъ отъ выстрѣловъ.

— Кажется, можно поздравить ваше величество

съ блистательной побѣдой, — сказалъ флигель-адъютантъ Гецъ.

— Тѣмъ болѣе блистательной,—замѣтилъ генералъ Зейдлицъ,—что эти русскіе удивительные люди. Я въ жизнь мою не видалъ ничего подобнаго. Поставлены они были прескверно, такъ что весь нашъ напоръ должны были выдерживать какіе-нибудь два полка. И что-же? Нельзя сказать разобьемъ—правильнѣе истребимъ эти два полка—являются новые два, и такъ безъ конца.

— Съ ними одинъ только конецъ возможенъ,—отвѣчалъ король,—надо истребить всю ихъ армію. Иначе они опять воротятся и будутъ все опустошать.

— Кажется,—замѣтилъ генералъ Путкаммеръ,—сегодняшняго урока для нихъ надолго будетъ достаточно; сколько можно судить, мы взяли болѣе полутораста пушекъ, а число убитыхъ и раненыхъ у непріятеля громадное.

— Этого мало,—возразилъ король,—надо взять Шпицбергенъ и разбить ту часть русскаго войска, которая стоитъ за оврагами.

— Но, ваше величество,—замѣтилъ генералъ Гильзенъ,—войска наши крайне утомлены: послѣ пятнадцатичасового похода они теперь дерутся уже нѣсколько часовъ.

— А ты, Зейдлицъ, что думаешь?—спросилъ король.

— Имѣй мы дѣло съ другими непріятелями—истребленіе ихъ было бы совершенно возможно. Отступать они могутъ только чрезъ болото, да и на томъ мостъ уничтоженъ. Но ваше величество сами называете ихъ желѣзными людьми. Нападать на нихъ при теперешнемъ страшномъ изнуреніи нашихъ войскъ дѣло крайне рискованное.

Это мнѣніе Зейдлица заставило короля пріостановиться атакой, но въ ту же минуту подъѣхалъ Ведель. Несмотря на недавнее пораженіе этого генерала, Фридрихъ II очень любилъ и уважалъ его.

— Ты, Ведель, какъ полагаешь?—спросилъ король.

— Думаю, что армія этихъ сѣверныхъ варваровъ въ рукахъ вашего величества и что этимъ слѣдуетъ воспользоваться. Пока мы небезопасны отъ русскихъ, мы никогда не кончимъ эту войну. Послѣ Росбаха французы намъ не опасны, но съ австрійцами нужно еще много драться, а можете ли вы обратиться туда, когда эти варвары ежеминутно грозятъ разграбленіемъ вашему государству и вашей столицѣ.

— Совершенно вѣрно, — сказалъ король. — Впередъ, маршъ! взять батарею на жидовскомъ кладбищѣ — тогда ихъ правый флангъ будетъ уничтоженъ. Главное—овладѣть Шпицбергеномъ. Вы, Фликъ и Гильзенъ, начнете атаку, ты, Зейдлицъ, съ принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ, ее поддержишь. Я тебя знаю—противъ твоего натиска ничто не устоитъ. Но на случай еще останется въ резервѣ Путткаммеръ съ бѣлыми гусарами.

Самъ король остался на прежнемъ мѣстѣ, откуда удобно было наблюдать ходъ битвы и поспѣшить самому туда, гдѣ представится въ томъ надобность.

— Браво, браво, пруссаки, — говорилъ король, смотря въ трубу,—вотъ они пробираются чрезъ оврагъ и тащатъ съ собой пушки! Вотъ и конница перебралась! Русскіе отступаютъ съ батареи у жидовскаго кладбища.

— Но тамъ видны австрійскіе мундиры,—замѣтилъ ротмистръ Притвицъ.

— Неужели это Лаудонъ? — проговорилъ вполголоса съ безпокойствомъ король,—не желалъ-бы!

— Наши отступаютъ отъ Шпицбергена!—вскричалъ Гецъ.

— Генералы Фликъ и Гильзенъ тяжело ранены,—донесъ подскакавшій адъютантъ.

— Зейдлицъ исправитъ дѣло!—вскричалъ король,—вотъ мчится его кавалерія! Впередъ, мои храбрецы!

— Онъ рѣшитъ дѣло,—прибавилъ Ведель.

— Наши отступаютъ отъ жидовскаго кладбища,—вскричалъ Притвицъ,—австрійцы нападаютъ на нихъ.

— Поѣзжай туда, Ведель,—сказалъ король,—и возстанови дѣло.

Прошло нѣсколько минутъ.

— Что это!—вскричалъ король,—можетъ ли это быть! Зейдлицъ отступаетъ!

— А со стороны жидовскаго кладбища наши бѣгутъ въ безпорядкѣ.

— Гецъ, Притвицъ, поѣдемъ туда,—сказалъ король,—а ты, Путткаммеръ, долженъ взять Шпицбергенъ.

— Слушаю, ваше величество!

На дорогѣ къ кладбищу адъютантъ донесъ королю, что Зейдлицъ и принцъ Виртембергскій оба ранены, а большая часть ихъ конницы перебита.

Притвицъ съ сотней гусаръ бросился на нѣсколько тысячъ русской кавалеріи.

— Путкаммеръ поправитъ дѣло,—угрюмо сказалъ король.

Самъ онъ привелъ свѣжія войска къ оврагамъ у жидовскаго кладбища. Пруссаки, въ глазахъ короля, съ удвоенною храбростью бросились туда, но были осыпаны пулями и картечью, какъ смертоноснымъ градомъ. Самъ король подвергался страшной опасности. Весь мундиръ былъ на немъ изстрѣлянъ пулями; двѣ лошади подъ нимъ убиты и самъ онъ, хотя и слегка, но былъ раненъ. Золотая готовальня, бывшая у него въ карманѣ, спасла жизнь его, удержавши собою пулю, попавшую въ него: пуля остановилась въ вогнувшемся золотѣ. Одна изъ убитыхъ лошадей чуть было не придавила короля, но Гецъ спасъ его, пересадивъ на свою лошадь.

Но въ ту мунуту, какъ всѣ усплія короля поправить дѣло были напрасны, новыя несчастья ожидали его. Подъѣхавшій ординарецъ донесъ ему:

— Путкаммеръ убитъ! Бѣлые гусары разбиты!

Въ то же время многочисленныя колонны австрійцевъ вышли изъ враговъ. Король понялъ, что его изнуренныя, разстроенныя войска не могутъ держаться противъ этихъ непріятелей, еще не бывшихъ въ дѣлѣ. Съ другой стороны русскіе спустились со Шпицбергена и по всей линіи подвигались впередъ. Грозная масса русской кавалеріи подвигалась впередъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ былъ Фридрихъ. Съ нимъ находилось не болѣе ста гусаръ.

— Притвицъ! Притвицъ! Я погибаю!—вскричалъ король.

— Нѣтъ, государь,—отвѣчалъ Притвицъ,—этому не бывать, пока я живъ.

И онъ съ сотней гусаръ бросился на нѣсколько тысячъ русской кавалеріи. Смѣлый натискъ остановилъ ихъ на нѣсколько минутъ.

Тѣмъ временемъ король мчался во весь опоръ между своими солдатами, говоря: «Неужели для меня не найдется ни одной пули!»

Пруссаки потеряли 8,000 убитыми, 15,000 ранеными, 5,000 плѣнными и больше 150 пушекъ. Разумѣется, что пушки, прежде взятыя пруссаками у русскихъ, были потомъ отобраны обратно. У русскихъ выбыло изъ строя 14,000, у австрійцевъ 2,000 человѣкъ. Салтыковъ за эту побѣду былъ произведенъ въ фельдмаршалы.

Герой гр съ-егерсдорфскаго сраженія, Языковъ, былъ,

наконецъ, произведенъ въ генералъ-маіоры. Но здоровье его было плохо. Онъ лѣчился отъ ранъ въ Кенигсбергѣ. Тамъ его часто посѣщалъ поручикъ Болотовъ, человѣкъ весьма образованный по своему времени, оставившій намъ записки, въ которыхъ много говорится о семилѣтней войнѣ.

— Слава тебѣ, Господи! — говорилъ онъ,—ну, теперь Фридрихъ узналъ нашихъ русскихъ, а то когда предъ гросъ-егерсдорфской баталіей онъ послалъ противъ насъ Левальда и говорили, что у того мало войска, то король сказалъ: «И этого достаточно, чтобы справиться съ ордой!» Кейтъ, который прежде служилъ у насъ, тогда же сказалъ ему: «Какъ бы вашему величеству не пришлось раскаяться въ своихъ словахъ!» Чай теперь и кается!

— Еще какъ! Слышно послѣ куннерсдорфскаго погрома онъ едва собралъ двадцать тысячъ войска.

— Тутъ бы его и прихлопнуть! А наши ни съ мѣста!

— Да вышло препирательство у графа Салтыкова съ австрійскимъ главнокомандующимъ Дауномъ. Графъ пишетъ ему, что послѣ таковой побѣды, какъ куннерсдорфская, австріянцамъ двинуться бы впередъ, то великія бы выгоды получили и самый Берлинъ взяли. А Даунъ ему на то: «Вамъ надлежитъ двигаться, а не мнѣ, понеже я уже двѣ викторіи одержалъ, а вы токмо одну».

— Экой алтынникъ! Да за кого мы кровь то проливаемъ? Развѣ не за цесарцевъ? Намъ-то пруссаки что? Никакой грубости не сдѣлали? А у нихъ Силезію отняли. За то и воюемъ.

— Я такъ полагаю, что если пруссаки не въ мѣру усилятся, то и намъ...

— Улита ѣдетъ, да когда-то будетъ! Можетъ быть къ тому времени какъ они усилятся, и мы посильнѣе будемъ. А что намъ съ ними драться? Они люди хорошіе и драться мастера. Будь кабы они въ союзѣ съ нами, мы бы всѣхъ цесарцевъ разнесли.

— Можетъ быть, и будемъ. Говорятъ, государь наслѣдникъ Петръ Ѳеодоровичъ куда какъ прусскаго короля почитаетъ.

— Да матушка Елизавета Петровна его не жалуетъ, ну и повелѣла съ нимъ биться. Повелѣла, значитъ мы его и смиримъ, даромъ, что онъ такой прыткой. А по-моему бы самое настоящее дѣло намъ совсѣмъ въ эту распрю не мѣ-

шаться. Ну, не поладили между собой нѣмцы—намъ-то что? Свои собаки грызутся, чужая не приставай.

— Это вѣрно. Но слава намъ большая, что мы Фридриха, дотолѣ непобѣдимаго, такъ поразили.

— Слава дѣйствительно. Можетъ быть и я, грѣшный, дождусь такой радости, что наши войска въ Берлинъ войдутъ. Тутъ ужь Фридриху и нѣмецкое счастье не поможетъ.

Языковъ не дождался этой радости. Онъ вскорѣ скончался, и Болотовъ говоритъ: «Мы погребли его тогда со всею должною по чину его и по славѣ честью, и какъ сія церемонія была одна изъ великолѣпнѣйшихъ и пышныхъ, то обратила она на себя вниманіе и всѣхъ кенигсбергскихъ жителей и произведена была при стеченіи безчисленнаго множества народа».

Даунъ и Салтыковъ дѣйствовали нерѣшительно. Лаудонъ разбилъ прусскаго генерала Фуке у Дрездена, но самъ былъ побѣжденъ Фридрихомъ подъ Лигницомъ. Несмотря на то, русскій генералъ Чернышевъ взялъ Берлинъ. Въ 1761 году Румянцевъ завладѣлъ сильною прусскою крѣпостью Кольбергомъ.

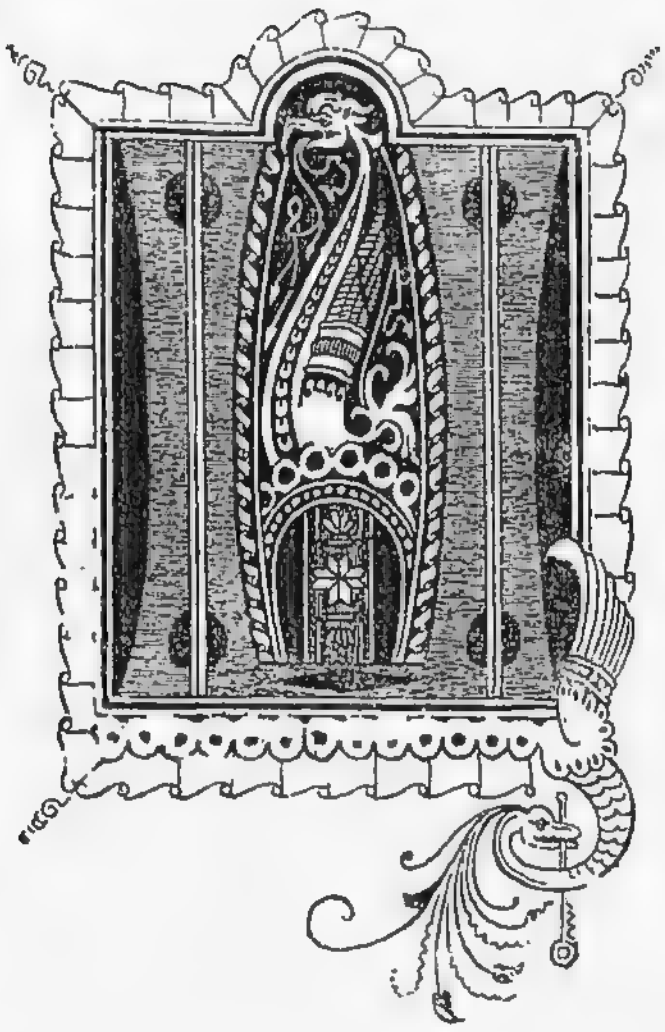
Но «нѣмецкое счастье» спасло Фридриха. Елисавета Петровна скончалась, и вступилъ на престолъ Петръ III. Онъ заключилъ съ Фридрихомъ миръ, возвратилъ ему всѣ завоеванныя русскими земли и даже отдалъ корпусъ Чернышева въ его распоряженіе. Однако Чернышеву не пришлось сражаться съ прежними союзниками. Предъ самымъ сраженіемъ при Букерсдорфѣ, когда Чернышевъ вмѣстѣ съ пруссаками готовъ былъ напасть на австрійцевъ, пришло къ Чернышеву извѣстіе о смерти императора Петра III Ѳедоровича и о вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II Алексѣевны и приказаніе отступить въ Польшу. Императрица осталась нейтральною въ дальнѣйшей войнѣ.

Затѣмъ Фридрихъ II одержалъ еще нѣсколько побѣдъ надъ своимъ непріятелемъ въ 1763 году и наконецъ заключилъ окончившій семилѣтнюю войну Губертсбургскій миръ, по которому Силезія осталась за Пруссіею.

XXIII.

НА ЯВНУЮ СМЕРТЬ.

(1770 г.).



РЕКРАСНО было Средиземное море въ ночь съ 23 на 24 іюля 1770 года при входѣ въ проливъ, отдѣляющій островъ Хіосъ отъ твердой земли. Многочисленная русская эскадра соединилась тамъ. Самый большой корабль былъ «Святославъ» съ 84 пушками, потомъ «Не тронь меня» съ 80 пушками, всего 8 линейныхъ кораблей: «Евстафій», «Три Іерарха», «Святославъ», «Европа», «Ростиславъ», «Св. Януарій», «Всеволодъ», «Саратовъ», три фрегата и нѣсколько мелкихъ судовъ. На кораблѣ «Евстафіи» разговаривали три человѣка, рѣзко отличавшіеся другъ отъ друга. Одинъ былъ уже старикъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, широкоплечій, коренастый, съ сѣдыми волосами и усами. Это былъ боцманъ, старый морякъ, котораго всѣ на кораблѣ, отъ капитана до послѣдняго юнги, звали Иваномъ Петровичемъ. Другой былъ молодой, румяный матросъ, лѣтъ двадцати двухъ, по фамиліи Бушковъ. Наружность третьяго изобличала южнаго уроженца: и смуглое лицо, и черные волосы, и особенная живость въ движеніяхъ доказывали это. Онъ былъ родомъ сербъ, служилъ матросомъ на «Евстафіѣ» и назывался Караджичемъ.

— Тутъ, значитъ, этотъ самый турка и сидитъ,—говорилъ Бушковъ, указывая въ проливъ.

— Угадалъ, братъ,—отвѣчалъ Иванъ Петровичъ.

— И значитъ мы, того и гляди, съ нимъ сцѣпимся.

— Надо полагать.

— А лютъ турокъ драться, Иванъ Петровичъ?

— Мнѣ и самому не приходилось съ нимъ драться, а сказываютъ, лютъ.

— Турокъ—звѣрь,—проговорилъ Караджичъ.

— Тебѣ лучше знать,—отвѣчалъ Иванъ Петровичъ,—ты побывалъ у него въ когтяхъ.

— Всѣ: сербы, болгары, греки—всѣ у него въ когтяхъ.

— И много васъ?

— Тысячу верстъ течетъ Дунай отъ нашихъ планинъ къ морю, и вездѣ сербы да болгары живутъ, живутъ и по Мариці и по Моравѣ, а отъ нихъ на полдень греки до самаго моря.

— Какъ же это вы, милый человѣкъ, турку поддались?

— Измѣна насъ погубила. Былъ у насъ, сербовъ, славный краль Стефанъ Душанъ, отъ моря до моря владѣлъ онъ, его и болгары, и хорваты слушались. Въ ту пору въ Царьградѣ еще греческій царь сидѣлъ. И онъ Стефана боялся, кесаремъ его называлъ, а самъ злое противъ него мыслилъ. Хитрый народъ греки, двѣ мысли у нихъ въ головѣ: одну скажутъ, а другую про себя думаютъ. Дары посылалъ греческій царь Стефану Душану, а самъ турокъ на него поднялъ.

— Да какъ же это такъ: греки такіе же христіане какъ вы, а турки невѣрные.

— Христіане греки, да правды у нихъ нѣтъ. Позвали они турокъ на насъ. Давно это было, четыре вѣка тому назадъ. Побилъ Стефанъ Душанъ турокъ и до смерти своей былъ силенъ и грозенъ для враговъ. Но померъ онъ, сталъ у насъ иной краль Лазарь. И поднялась на него несмѣтная сила турецкая. Вышелъ онъ къ ней на встрѣчу на Коссово поле. О, Коссово поле! Полито ты сербскою кровью, выросла на тебѣ бѣда для сербской земли. Много у насъ было воевъ, да не было согласія, были въ нашихъ рядахъ еретики богумилы, отступники отъ Бога, продались они туркамъ. А луч-

шаго нашего юнака *) Милоша обнесли злые люди предъ кралемъ Лазаремъ, и подалъ краль чару вина Милошу, чтобы видно было, есть-ли на душѣ у Милоша злое. Выпилъ Милошъ чару и сказалъ: «Завтрашній день покажетъ, кто у краля вѣрный слуга!» Насталъ этотъ день. Бились наши юнаки, сломили одно крыло турецкаго войска, да на другомъ крылѣ измѣнники богумилы предали насъ. И побилъ турокъ наше войско, захватилъ въ полонъ краля Лазаря. Сталъ султанъ поле боевое осматривать, поднялся сербскій юнакъ весь израненый изъ груды мертвыхъ тѣлъ. Это былъ Милошъ. «Ведите меня къ самому султану,—сказалъ онъ,—хочу я повѣдать ему тайну великую». Повели турки Милоша къ султану, поклонился онъ султану до земли, взялъ полу его одежды, будто поцѣловать хочетъ, да вдругъ вскочилъ и ударилъ султана кинжаломъ въ самое сердце.

— Молодецъ!

— За то и славитъ его поднесь весь сербскій народъ. Изрубили турки краля Лазаря, Милоша и всѣхъ нашихъ плѣнниковъ, умеръ султанъ отъ раны, да не воскресъ сербскій народъ. И сербовъ, и болгаръ поработили турки, а чрезъ шестьдесятъ лѣтъ и Царьградъ взяли.

— Греки, стало, накликали ихъ на свою голову.

— Съ тѣхъ поръ не стало кралей нашихъ, властвуютъ надъ нами турецкіе паши. И не только паши, самый послѣдній турокъ издѣвается надъ нами. Ѣдетъ нашъ юнакъ на конѣ, встрѣтится турокъ—долженъ юнакъ свернуть съ дороги, сойти съ коня и униженно поклониться турку. А понравится сербскій конь турку и возьметъ онъ его. И всякую вещь каждую минуту могутъ взять у серба. Да берутъ и женъ и дѣвицъ нашихъ, плачутъ онѣ у турокъ въ гаремахъ; берутъ съ насъ дань и мальчиками. Эти мальчики забыли свой народъ и свою вѣру, потурчились, изъ нихъ самое лучшее турецкое войско—что янычарами зовутъ. И многіе изъ нашихъ потурчились, стали агами и спагами и теперь гнетутъ свой народъ хуже, чѣмъ турки. Вся земля у нихъ да у турокъ въ рукахъ, должны на нихъ работать сербы. А станутъ подать съ сербовъ взимать! какихъ тутъ мученій нѣтъ!—то ноги голыя медомъ помажутъ да въ муравейникъ уткнутъ, то угаромъ морятъ, то на колъ сажаютъ.

---

*) Воина, витязя.

— Какъ же это народъ изъ терпѣнія не выйдетъ?

— Есть между нами юнаки, что бросятъ дома и семьи, уйдутъ въ горы и начнутъ съ турками вѣчную войну, безъ мира и безъ пощады—такихъ юнаковъ гайдуками зовутъ. Есть и у грековъ такіе удальцы—зовутъ ихъ клефтами и паликарами. А въ нашей Сербіи есть Черная гора. Высока она, узки въ ней проходы, а храбрѣе черногорскихъ юнаковъ чуть ли на всемъ свѣтѣ нѣтъ. Отбились они отъ турокъ, только одни они изъ сербовъ сберегли свою волю. Но немного этихъ вольныхъ черногорцевъ, остальной сербскій народъ и болгары и греки истекаютъ кровью подъ турецкой пятой. Вздумали наши сербы въ земли нѣмецкаго кесаря бѣжать. Кесарскіе люди манили ихъ туда и всякое добро обѣщали. Но когда наши переселились туда, то нѣмцы вождя нашего въ темницу посадили и народъ всячески притѣснялн. Другіе сербы убѣжали въ русскія владѣнія, въ тѣ степи, которыя Минихъ у турокъ отнялъ. Тамъ ихъ приняли хорошо и много ихъ поселеній въ тѣхъ мѣстахъ—они такъ и называются Новой Сербіей. Нынѣшнюю войну турки тѣмъ и начали, что пошли Новую Сербію грабить, да оттуда ихъ тотчасъ-же выгнали.

— За что это,—спросилъ Бушковъ,—турокъ пошелъ воевать?

— А такъ, бѣлены объѣлся,—отвѣчалъ Иванъ Петровичъ,—вишь, полякъ сталъ тѣснить нашихъ православныхъ. Казаки въ Украйнѣ не вытерпѣли да такую рѣзню въ Умани подняли, что бѣда. А матушка Екатерина велѣла сказать польскому королю: «Ты, говоритъ, смотри у меня, православныхъ не обижай». Ну, король бы и ничего—потому онъ человѣкъ смирный, да паны озорники большіе. Они и самого короля въ грошъ не ставятъ. Вотъ они и учинили конфедерацію.

— А это что за штука?

— Такая, братецъ ты мой, штука, что сойдутся паны да и говорятъ: «Мы теперь, значитъ, конфедераты и никого слушаться не намѣрены, а насъ всякій долженъ слушаться».

— Вишь какіе бойкіе!

— Противъ нихъ и пошло русское войско. И сказываютъ, есть въ томъ войскѣ полковникъ Суворовъ. И бьетъ же онъ, братцы мои, этихъ самыхъ конфедератовъ—страсть! Мнѣ одинъ солдатикъ сказывалъ передъ выѣздомъ изъ Пи-

тера. Тамъ какіе-то у нихъ Бѣлякъ да Коржицкій два полка собрали, только значитъ еще войско необученое—такъ, всякій сбродъ. Офицеры въ панскихъ хоромахъ пируютъ, а солдаты по корчмамъ. Вдругъ нагрянулъ Суворовъ, и людей-то у него была малость самая. Только онъ сейчасъ на балу всѣхъ офицеровъ забралъ и говоритъ: «Ничего вамъ, голубчики, не сдѣлаю, только вы у меня сію же минуту ваши полки распустите, чтобы и званія ихъ не было!»

— Что же, распустили?

— Распустили.

— Молодецъ, видно, этотъ Суворовъ.

— Солдатикъ говоритъ: «Ни одного ни полковника, ни генерала супротивъ него нѣтъ. Съ виду маленькій, а въ бою орелъ. Какіе, сказываютъ, онъ переходы дѣлаетъ. Ему семьдесятъ верстъ въ сутки отмахать нипочемъ.

— Чай, солдатамъ тяжело?

— Извѣстно не легко, за то онъ объ нихъ какъ отецъ родной заботится, въ обиду никому не дастъ. Опять же совсѣмъ простой человѣкъ, будто и не баринъ: и кашу солдатскую ѣстъ, и по душѣ съ солдатомъ поговоритъ.

— Ну, дай Богъ ему здоровья! Какъ же тутъ турокъ-то увязался?

— А видишь: запорожцы, вырѣзавъ поляковъ въ Умани, стали ихъ бить и въ другихъ мѣстахъ. Одинъ отрядъ конфедератовъ убѣжалъ въ турецкое мѣстечко Балту, а казаки и тамъ поляковъ побили и мѣстечко сожгли. Вотъ за это за самое султанъ и ощетинился. А совсѣмъ понапрасну, потому что матушка Екатерина за уманьскую рѣзню совсѣмъ казаковъ не одобряла и еще войско послала ихъ усмирить. Да турку только придраться хотѣлось. Тотчасъ онъ нашего посла подъ замокъ посадилъ—есть у турка такая крѣпость—семибашенной называется, такъ туда онъ нашего посла и упряталъ.

— Да какъ же, вѣдь пословъ не сѣкутъ, не рубятъ?

— Турка, братъ, никакого правила не знаетъ, а такъ, значитъ, творитъ по своему нраву.

— Нравъ-то бы ему попридержать.

— И придержатъ. Матушка Екатерина послала противъ него Голицына генерала, а потомъ Румянцова—также сказываютъ хорошій генералъ, и чтобы турка съ моря побезпокоить, вотъ мы съ адмираломъ Спиридовымъ пришли.

А тутъ еще и контръ-адмиралъ Эльфингстонъ съ «Не тронь меня», «Всеволодомъ» и «Саратовомъ» подъѣхалъ и главнаго начальника нашего привезъ.

— Орлова-то? Ихъ, сказываютъ, много братьевъ.

— Много, самый набольшій Григорій Григорьевичъ, большую силу при дворѣ имѣетъ.

— Говорятъ, ихъ и всѣхъ силой Господь не обидѣлъ.

— Это что они пятаки ломаютъ, да тройку, схватясь за телѣгу, удерживаютъ? Это точно—что твои богатыри. Вотъ Алексѣй Григорьевичъ у насъ теперь главный командиръ, брата его Ѳедора Григорьевича знаешь? Онъ будетъ на нашемъ «Евстафіи» находиться. Ну, да теперь и всѣ флагманы къ намъ на корабль на совѣтъ съѣхались.

На «Евстафіи» дѣйствительно происходилъ военный совѣтъ. На палубѣ этого корабля прохаживался въ большомъ волненіи совсѣмъ молоденькій мичманъ. Мундиръ былъ на немъ новенькій, съ иголочки, усы только начали пробиваться. Когда совѣтъ кончился, мичманъ вопросительно посмотрѣлъ на проходившаго мимо него Ѳедора Григорьевича Орлова. Тотъ чуть замѣтно кивнулъ головой. Лицо мичмана просіяло. Онъ опрометью бросился на другую сторону палубы и тамъ горячо обнялъ рослаго молодца лейтенанта.

— Иванушка! голубчикъ! битва, битва будетъ!

— А ты почемъ знаешь?

— Упросилъ я Ѳедора Григорьевича Христомъ Богомъ, чтобы, ежели на совѣтѣ порѣшатъ драться, то онъ головой бы мнѣ кивнулъ. Сейчасъ совѣтъ покончился, онъ прошелъ мимо меня и кивнулъ головой.

— Ну, слава Богу!

— Да баталія-то какая будетъ! Вѣдь у турокъ-то, слышно, шестнадцать кораблей и шесть фрегатовъ, а мелкихъ судовъ до сотни, значитъ они чуть не вдвое сильнѣе.

— Что за важность—драться будемъ.

— Будемъ, Иванушка, побьемъ ихъ, отличимся.

— Ну, отличимся или нѣтъ, не знаю.

— Какъ же такъ! Да вѣдь ты, если понадобится, въ самый огонь бросишься, да и я не отстану.

— Такъ что же? Насъ на эскадрѣ только двое что ли храбрыхъ-то офицеровъ? Нѣтъ, ты, князенька, еще мало нашихъ моряковъ знаешь: у насъ если храбрецовъ считать, такъ прямо и считай всѣхъ съ перваго до послѣдняго. Надо

идти на явную смерть, такъ нечего кликать охотниковъ, а такъ, зажмуря глаза, бери кто попадется. Вотъ что, голубчикъ. А тамъ отличиться кому Богъ пошлетъ.

— А все бы мнѣ, Иванушка, хотѣлось сдѣлать что нибудь этакое необыкновенное.

— Что же? Можетъ быть, Богъ и пошлетъ. Храбрости у тебя, точно, довольно, только смотри, не горячись. Надо, братъ, тихимъ манеромъ, хладнокровно. Напримѣръ пушка. Когда ты лучше попадешь? Когда вѣрнѣе прицѣлишься. А вѣрнѣе прицѣлится именно хладнокровный человѣкъ. Такъ и во всемъ. Пойдемъ на свой корабль.

На совѣтѣ дѣйствительно было рѣшено вступить въ сраженіе съ турецкимъ флотомъ. Утромъ 24 іюля съ восходомъ солнца русскіе вошли въ Хіосскій проливъ. Турецкій флотъ стоялъ тамъ, готовый къ бою. Онъ былъ расположенъ вдоль берега въ нѣсколько рядовъ, образуя линію въ видѣ полумѣсяца. Сзади въ отдаленіи на берегу былъ раскинутъ лагерь турецкихъ сухопутныхъ войскъ. Русскіе корабли тоже стали въ линію, но такъ, что она была почти перпендикулярна къ линіямъ турецкихъ кораблей, и сначала къ туркамъ подошелъ только одинъ русскій корабль «Европа» подъ начальствомъ капитана Клокачева. За нимъ слѣдовалъ «Евстафій» и одинъ за другимъ остальные пять кораблей эскадры адмирала Спиридова. Три корабля эскадры Эльфингстона остались сзади всѣхъ и даже убавили хода.

— Чтой-то?—сказалъ Бушковъ,—никакъ «Европа» на другой галсъ поворачиваетъ.

— Должно, мель не увидала ли,—отвѣчалъ Иванъ Петровичъ,—тутъ ихъ, сказываютъ, много.

— Ну, и ладно. «Европа» не хочетъ прямымъ путемъ на турку идти, такъ намъ-же лучше, просторнѣе будетъ.

— Чего просторнѣе! Три корабля передъ нами — въ любой пали. А на одномъ, кажись, адмиральскій флагъ.

— Это корабль капуданъ-паши,—сказалъ Караджичъ,—значитъ, ихняго турецкаго адмирала.

— Стало, до него самого мы и доберемся.

— Нѣтъ, я слышалъ отъ перебѣжчика, что самъ капуданъ-паша на берегу, а турецкимъ флотомъ командуетъ Гассанъ-бей. Говорятъ, онъ у турокъ первый храбрецъ.

— А вотъ мы сейчасъ узнаемъ его храбрость... Смотри-ка, такъ насъ на Гассана и несетъ.

Густой дымъ отъ выстрѣловъ покрылъ обѣ эскадры. Русскіе стрѣляли лучше и больше причиняли вреда турецкимъ кораблямъ, чѣмъ сами терпѣли отъ ихъ выстрѣловъ. На кораблѣ капуданъ-паши показался огонь. «Евстафій» такъ близко подошелъ къ кораблю капудань-паши, что Крузъ, капитанъ «Евстафія», скомандовалъ на абордажъ. Чрезъ нѣсколько минутъ сотни двѣ русскихъ уже были на непріятельскомъ кораблѣ. Турки мужественно встрѣтили ихъ. Завязалась страшная рукопашная битва. Русскіе штыки рѣшили дѣло. Гассанъ-бей дрался впереди всѣхъ, но получилъ рану штыкомъ, бросился на шлюпку и уѣхалъ въ Чесму. Многіе изъ турокъ спасались такимъ же образомъ, другіе гибли подъ штыками. Корабль былъ уже во власти русскихъ, но объятый пламенемъ.

— Снимай складни! Отводи корабль!—скомандовалъ капитанъ Крузъ.

Но исполнить это было невозможно. Въ предшествовавшей битвѣ снасти «Евстафія» были разстрѣляны, и онъ не могъ скоро отойти отъ взятаго корабля капуданъ-паши.

— Спасайтесь, адмиралъ,—сказалъ Крузъ Спиридову,—мы въ страшной опасности и ежеминутно можемъ взлетѣть на воздухъ. Если огонь съ непріятельскаго корабля сообщится нашему...

— Я дрался вмѣстѣ съ вами и хочу дѣлить вашу участь,—отвѣчалъ Спиридовъ.

— Наша обязанность оставаться на кораблѣ, пока онъ цѣлъ; адмиралъ къ этому не обязанъ.

— Мы всѣ просимъ васъ уѣхать,—заговорили офицеры «Евстафія».

— И шлюпка готова, — замѣтилъ старшій лейтенантъ.

Шлюпка съ двѣнадцатью гребцами дѣйствительно уже была готова. На рулѣ сидѣлъ Иванъ Петровичъ, въ числѣ гребцовъ Бушковъ и Караджичъ.

— Господа, я исполню ваше желаніе,—отвѣчалъ Спиридовъ,—но приказываю и вамъ удалиться съ корабля, какъ только будетъ грозить опасность.

— Слушаю, адмиралъ,—отвѣчалъ Крузъ,—будетъ исполнено, только, само собой разумѣется, я, какъ капитанъ, уѣду послѣдній.

Едва шлюпка, на которую сѣли адмиралъ съ Ѳедоромъ Григорьевичемъ Орловымъ, отъѣхала на нѣсколько саженъ

отъ «Евстафія», какъ послышался страшный трескъ: подгорѣвшая гротъ-мачта съ корабля капуданъ-паши упала на «Евстафія». Искры посыпались во всѣ стороны.

— Сохрани ихъ Господи!—прошепталъ Спиридовъ.—Какъ быть, тутъ близко крюйтъ-камера *).

Чрезъ нѣсколько минутъ страшное зрѣлище представилось обоимъ флотамъ. Раздался будто залпъ тысячи орудій. Огромная масса огня обхватила «Евстафія», онъ взлетѣлъ на воздухъ. Дымъ, обломки корабля, разорванные члены людей — все слилось въ картину, потрясающую душу. Русскіе мрачно смотрѣли на гибель товарищей, поднимали руки, крестились. Повсюду слышалось:

— Упокой, Господи, ихъ души!

— Назадъ!—скомандовалъ Спиридовъ,—можетъ быть, спасемъ кого-нибудь!

Море было усѣяно обломками кораблей, по временамъ показывались и пловцы, старавшіеся отчаянными усиліями спасти свою жизнь, но большая часть ихъ была ранена или ушиблена во время битвы и при взрывѣ, и потому ослабѣвшія силы не позволяли имъ достичь русскихъ кораблей.

Раздался второй взрывъ: корабль капуданъ-паши взлетѣлъ на воздухъ, остальная турецкая эскадра спасалась бѣгствомъ на всѣхъ парусахъ.

— Кажись, человѣкъ на доскѣ,—проговорилъ Иванъ Петровичъ.

— Греби туда!—скомандовалъ Спиридовъ.

— Да вѣдь это нашъ капитанъ!

Дѣйствительно, это былъ Крузъ, спасшійся какъ бы чудомъ.

— Слава Богу!—вскричалъ Спиридовъ,—цѣлы вы, капитанъ?

— Ура, адмиралъ! А вѣдь мы не дурно сражались?

Чрезъ минуту адмиралъ обнималъ спасеннаго капитана. Чрезъ четверть часа шлюпка Спиридова пристала къ «Тремъ Іерархамъ».

Матросы этого корабля по-братски приняли Ивана Петровича и его товарищей, угощали, чѣмъ Богъ послалъ, и спрашивали о подробностяхъ битвы.

---

*) Мѣсто, гдѣ хранится порохъ.

— Не стало нашего кораблика,—печально говорилъ Иванъ Петровичъ.

— Другой выстроятъ,—утѣшалъ его боцманъ съ «Трехъ Іерарховъ».

— Привыкъ я къ этому, кажись, каждый гвоздикъ на немъ зналъ, сколько годовъ я на немъ выслужилъ, не мало мы вмѣстѣ съ нимъ видѣли.

— Что говорить! Это точно: обживешься на кораблѣ, будто свой домъ. Да, корабль важный былъ.

— И не старый еще.

— Какой старый! Долго бы ему плавать.

— А вотъ вечоръ греки привели къ намъ суденышки, такъ уже такое старье: чуть держатся.

— На кой они прахъ?

— Ты этого не говори,—значительно возразилъ Караджичъ, — посмотрѣть бы ихъ.

— А погляди — кто мѣшаетъ!

— И мнѣ поѣхать поглядѣть,—сказалъ Иванъ Петровичъ.—Можетъ быть, служить на этомъ старьѣ придется.

— Тебѣ-то, старшему боцману? Да тебѣ на любомъ кораблѣ обрадуются.

Желаніе боцмана и Караджича скоро исполнилось. Лейтенантъ Ильинъ и князь Гагаринъ, тѣ самые офицеры, что разговаривали послѣ совѣта, поѣхали осматривать эти самыя суда: съ ними въ числѣ матросовъ Иванъ Петровичъ и Караджичъ. На шлюпкѣ они сидѣли рядомъ, такъ что могли тихонько разговаривать.

Увидя суда, Караджичъ чмокнулъ губами.

— Такъ и есть!—сказалъ онъ.

— А что?

— Изъ нихъ брандеры можно сдѣлать. Вотъ ночью, если удастся ихъ подвести къ турецкимъ кораблямъ, такъ зажги этотъ брандеръ — отъ него и корабль сгоритъ.

— Важная штука! Вотъ бы привелъ Богъ.

— Только кто поѣдетъ на брандерѣ, наврядъ домоій воротится. Либо подстрѣлятъ, либо утопятъ, либо на воздухъ взлетитъ.

— Вотъ какъ «Евстафій»?

— Да. Явная смерть.

— Умирать, милый человѣкъ, никому не миновать.

Между тѣмъ офицеры осматривали суда.

— Ну, Иванушка, привелъ Богъ вмѣстѣ!—говорилъ Гагаринъ.—Ужь какъ мнѣ трудно было добиться; говоритъ: «какъ молодому, неопытному офицеру такое дѣло поручить?» Ужь спасибо Ѳедору Григорьевичу — помогъ.

— Помогъ, такъ и хорошо. Только смотри, горячиться не надо.

— У тебя только и есть, что горячиться не надо! И горячность иногда помогаетъ. Я помню, меня въ школѣ одинъ верзила обидѣлъ — выше меня цѣлой головой. Такъ я обозлился, силы вдвое прибыло, и избилъ я его какъ собаку.

— Такъ тутъ не кулачный бой. Турецкому кораблю фонарь подъ глазами не поставишь. Надо дѣло дѣлать молодецки да и осторожно.

— Небось, англичанамъ не уступимъ.

— То-то, какъ бы не осрамиться. Знаю я обоихъ англичанъ, которые поѣдутъ съ нами, и Дугдаля и Макензи.

— Это Грейгъ для земляковъ постарался.

— Не знаю, для земляковъ ли. Грейгъ и морякъ отличный, и человѣкъ честный. Увидишь, что онъ мастерски поведетъ дѣло, а Дугдаль и Макензи не потому поѣдутъ, что они англичане, а потому, что вызвались такъ же, какъ мы съ тобой, и отказать имъ было нельзя: вѣдь оба люди мужественные и хладнокровные, имъ хоть колъ на головѣ теши—они свое дѣло сдѣлаютъ.

— И мы сдѣлаемъ.

— Богъ дастъ. Смѣлостью мы имъ не уступимъ, а только опять скажу—суетиться не надо, а просто спокойно отправиться, какъ на катерѣ изъ Кронштадта въ Петербургъ.

Вечеромъ 25-го іюня капитанъ-командоръ Грейгъ подошелъ къ Спиридову.

— Все готово, адмиралъ, остается только охотниковъ выбрать.

— Помогай вамъ Богъ, только знаете что, капитанъ: «евстафьевцевъ» надо всѣхъ взять. У нихъ теперь своего корабля нѣтъ, они сироты, а сиротъ обижать не слѣдуетъ.

— Можетъ быть, изъ нихъ нѣкоторые и не пожелаютъ. Вѣдь это почти на вѣрную смерть идти. И въ британскомъ флотѣ не легко находятся на это охотники.

— Британскій! Вы знаете, капитанъ, что я люблю англичанъ и когда мой корабль стоитъ съ ними въ одной

линіи, то знаю, что можно на нихъ какъ на каменную стѣну положиться, только вотъ что: у насъ есть пословица: «судьба индѣйка, а жизнь копѣйка», а есть ли она у англичанъ? Они люди богатые, вмѣсто копѣекъ-то все фунты, стерлинги, да гинеи.

— Есть и пенсы.

— Я не хочу «евстафьевцевъ» заставлять насильно, а только вы ихъ спросите раньше другихъ. Увидите, что всѣ пойдутъ. Имъ еще надо съ турками за свой корабль разсчитаться.

Предсказаніе адмирала исполнилось. Всѣ «евстафьевцы» вызвались въ охотники. Впрочемъ кромѣ Ивана Петровича и Караджича они и не знали, на что идутъ. Но, вѣроятно, если бы и знали, то все-таки пошли бы. Вся послѣдующая исторія нашего флота это доказываетъ.

Чесменская бухта настолько велика, что весь турецкій флотъ могъ тамъ укрыться. По обѣимъ сторонамъ бухты были устроены сильныя турецкія батареи. При входѣ стали въ два ряда полукругомъ турецкіе линейные корабли. Всякій русскій корабль, который рѣшился бы войти въ бухту, разомъ подвергся бы огню обѣихъ батарей и нѣсколькихъ турецкихъ кораблей, и гибель его казалась неизбѣжна. За линейными кораблями размѣстились какъ попало мелкія суда, были тутъ и купеческіе корабли, всего около ста судовъ.

Капуданъ-паша находился въ городѣ Чесмѣ. Время близилось къ ночи, но турецкій сановникъ еще не спалъ; онъ занимался важнымъ дѣломъ: сочинялъ донесеніе султану о битвѣ, бывшей наканунѣ. Онъ курилъ кальянъ, спрашивалъ по временамъ бея, принявшаго 24-го числа, послѣ раны Гассанъ-бея, начальство надъ флотомъ, и диктовалъ донесеніе калифу:

— «Безмѣрное счастіе непобѣдимаго падишаха ознаменовалось новою побѣдою надъ невѣрными». Сколько гяурскихъ кораблей взорвало?

— Одинъ,—отвѣчалъ бей.

— Такъ-ли? хорошо ли ты видѣлъ?

— Можетъ быть, и два.

— Напишемъ четыре, что ихъ жалѣть! Пиши! «Четыре корабля гяуровъ загорѣлись отъ нашихъ мѣткихъ выстрѣловъ, и тысячи невѣрныхъ были поражены ангеломъ

смерти, а самые корабли взлетѣли на воздухъ. У насъ сгорѣлъ одинъ корабль оттого, что былъ слишкомъ близко къ невѣрнымъ. Убитыхъ и раненыхъ у насъ не болѣе пятидесяти. Теперь мы въ неприступной позиціи».

Послышался отдаленный пушечный выстрѣлъ.

— Что это? неужели гяуры осмѣливаются?

— Не можетъ быть! Развѣ случайно какой-нибудь корабль подошелъ къ батареямъ.

— Еще выстрѣлы! Но мы уничтожимъ гяуровъ, бей!

— Непремѣнно уничтожимъ, милостивый паша!

— Только кораблямъ не слѣдуетъ близко подходить къ невѣрнымъ, чтобы опять не загорѣться отъ нихъ. Но батареи...

— Батареи истребятъ ихъ. Сегодня еще не ожидали нападенія, и потому на лѣвой батареѣ не всѣ пушки поставлены, но все же...

Ровно въ полночь «Европа» отдѣлилась отъ эскадры. Храбрый капитанъ ея Клокачевъ сильно желалъ загладить неудачу, постигшую его въ сраженіи наканунѣ. Онъ напалъ на ту батарею слѣва, о которой бей говорилъ пашѣ, и скоро всѣ пушки на ней были подбиты; она замолчала. Тогда Клокачевъ близко подошелъ къ первой линіи турецкихъ кораблей и открылъ по нимъ сильную пальбу. Скоро къ нему подошли еще два корабля: «Ростиславъ» и «Не тронь меня» и два фрегата. На «Ростиславѣ» находился самъ Грейгъ, начальствовавшій русскими въ этомъ сраженіи. Четвертый корабль, данный ему подъ начальство, «Саратовъ», былъ очень тяжелъ на ходу, не поспѣлъ за прочими кораблями и расправлялся съ батареею направо.

Ночь была лунная, ясная, дулъ легкій сѣверный вѣтеръ. Четыре брандера стояли за русскими кораблями такъ близко, что Ильинъ могъ разговаривать съ Гагаринымъ.

— Славно Клокачевъ жаритъ! Смотри-ка, ужь одинъ турецкій корабль загорѣлся!

— И «Ростиславъ» вѣрно бьетъ! На другомъ кораблѣ у турокъ тоже огонекъ!

— Э! ракета взвилась!

— Это намъ сигналъ! Смотри не прозѣвай: по третьей ракетѣ наше дѣло начнется.

— Небось, не прозѣваю, англичанамъ не поддадимся.

Взвилась и третья ракета. Четыре брандера дружно

рядомъ выплыли изъ-за русскихъ кораблей, на которыхъ пальба умолкла, чтобы не повредить своимъ. Тѣмъ изъ брандеровъ, которымъ начальствовалъ Гагаринъ, управлялъ Иванъ Петровичъ: стараго боцмана нарочно назначили въ помощь молодому офицеру.

— Прямо въ середину турка лупи, старина,—говорилъ Гагаринъ.

— Не промахнемся, луна свѣтитъ, да и корабли ихъ какъ свѣчки горятъ. Будутъ имъ поминки по «Евстафію».

Конечно, то самое обстоятельство, что было свѣтло и брандеры могли хорошо выбирать путь ночью, могло и погубить ихъ, если бы они имѣли дѣло съ другими непріятелями: турки нѣсколькими выстрѣлами могли ихъ пустить ко дну прежде, чѣмъ они подошли къ ихъ кораблямъ, но или турки считали безвредными такія малыя суда, или были озабочены пожаромъ на своихъ корабляхъ, или, наконецъ, по свойственной вообще туркамъ безпечности, но брандеры прошли болѣе половины разстоянія, отдѣлявшаго ихъ отъ турецкихъ кораблей, а тѣ еще не сдѣлали по нимъ ни одного выстрѣла. Впереди всѣхъ шли Ильинъ и Дугдаль, за ними Гагаринъ.

— Ну, слава Богу! хоть одного англичанина перегнали,—сказалъ князь.

— Чего перегнали, ваше благородіе,—отвѣтилъ Бушковъ,—никакъ Макензіевъ на мель сѣлъ.

— Ура! впередъ, ребята! Турки проснулись! Вишь какъ принялись жарить! Вотъ ужь Ильинъ прицѣпляетъ свой брандеръ къ турку! Не отставай!

Но въ это время пуля поразила Ивана Петровича. «Господи помилуй!»—проговорилъ онъ и упалъ въ воду. Затѣмъ ядро раздробило руль, и брандеръ понесло въ сторону отъ турецкаго флота.

— Справляйтесь, справляйтесь веслами,—кричалъ Гагаринъ.—Господи Боже мой! Ужь и Дугдаль прицѣпилъ свой брандеръ! Постарайтесь, ребята!

— Ничего не подѣлаешь, ваше благородіе, совсѣмъ снесло,—сказалъ Бушковъ.

— Ну, дѣлать нечего: садитесь въ шлюпку да и къ своимъ, а то понапрасну насъ перестрѣляютъ.

— Вотъ и наши ѣдутъ,—сказалъ Бушковъ, указывая на шлюпки, въ которыхъ возвращались Ильинъ и Дугдаль.

— Да, они-то дѣло сдѣлали, а я несчастный!

Дѣйствительно, они сдѣлали свое дѣло. Два турецкихъ корабля, къ которымъ они прицѣпили брандеры, одинъ за другимъ взлетѣли на воздухъ. Турки до того были поражены ужасомъ, что прекратили пальбу по возвращавшимся русскимъ. Всѣ усилія турокъ теперь были направлены къ тому, чтобы удалиться отъ горящихъ кораблей, но флотъ турецкій такъ тѣсно былъ разставленъ, что это оказалось невозможнымъ. Какъ только возвратились смѣльчаки, управлявшіе брандерами, Грейгъ открылъ со всѣхъ своихъ кораблей бѣглый огонь изъ всѣхъ пушекъ. Турки уже не отвѣчали на выстрѣлы. Воздухъ огласился ихъ жалобными криками. Огонь съ одного корабля переходилъ на другой. Въ четыре часа утра весь турецкій флотъ былъ въ пламени. Суда безпрестанно взлетали на воздухъ, земля тряслась, море колебалось, взрывы были слышны какъ подземные удары верстъ за сорокъ, въ Смирнѣ и другихъ мѣстахъ. Въ 9 часовъ утра все кончилось, по заливу плавали только обгорѣлые обломки судовъ и трупы. Русскіе успѣли вывести изъ нихъ одинъ корабль «Родосъ», съ нѣсколькими галерами. Султанъ потерялъ 16 линейныхъ кораблей, 6 фрегатовъ, множество шебекъ, бригантинъ, полугалеръ, всего до ста судовъ, на которыхъ было до 2,000 орудій и 20,000 войска.

Если бы Гагарину удалось участіе въ подвигѣ брандеровъ, то можетъ быть его отправили бы съ донесеніемъ о Чесменской побѣдѣ къ императрицѣ, но послѣ неудачи онъ не могъ разсчитывать на это и просилъ, чтобы его назначили курьеромъ къ главнокомандующему русскими войсками Румянцеву, съ извѣстіемъ о Чесменскомъ боѣ. Молодому человѣку казалось, что при этомъ онъ удовлетворитъ своей страсти къ приключеніямъ и къ славѣ.

Онъ нашелъ русскую армію недалеко отъ Прута. Представясь главнокомандующему и исполнивъ разныя служебныя формальности, онъ отправился въ палатку къ старинному пріятелю своего отца, бригадиру Озерову, начальствовавшему первымъ гренадерскимъ полкомъ.

— Славно, батюшка, славно отдѣлали вы турокъ,—говорилъ бригадиръ своему гостю,—и мы маленько пощипали, только не самихъ турокъ, а ихъ подручниковъ—крымскихъ татаръ.

— Гдѣ же?

— При Ларгѣ. Налетѣлъ на насъ крымскій ханъ со всей своею ордою. Говорятъ, у него было до ста тысячъ человѣкъ, а у насъ всего-то едва-ли было двадцать пять тысячъ, считая нестроевыхъ.

— Отчего же такъ мало нашего войска?

— А надо полагать, взять больше неоткуда. Наше войско поляковъ усмиряетъ, тоже на Яикѣ, слышно, не спокоїно, значитъ и тамъ войско надобно. Наши западные сосѣди: цесарцы, пруссаки и шведы—все народъ бѣдовый, съ ними надо ухо востро держать и войско въ запасѣ на всякій случай имѣть. Ну, значитъ, сколько можно, столько съ Румянцевымъ и послали. Слышалъ я, навѣрно не знаю, да и трудно это знать, а такъ слухъ носится, что главнокомандующій писалъ императрицѣ, прося прибавить войска и говоря, что турокъ очень много, а она будто бы ему отвѣтила: «Римляне не спрашивали, сколько непріятелей, а только,—гдѣ они».

— Что же главнокомандующій?

— Разумѣется, пошелъ впередъ. Только прежде чѣмъ мы добрались до турокъ, налетѣли на насъ татары. Мы, разумѣется, тотчасъ въ карре. Съ турками и татарами это первое дѣло. Налетятъ они какъ буря: такъ вотъ кажется, что все сомнутъ и стопчутъ. А не тутъ-то было. Куда ни сунутся, вездѣ передъ лошадьми стальная щетина изъ штыковъ, кони и не могутъ переступить. А между тѣмъ наши солдатики попаливаютъ рядъ за рядомъ, и тоже рядами валятся турки. Ну, поскачутъ, поскачутъ, да обожгутся и давай Богъ ноги. А тутъ еще примется ихъ крошить артилерія. У насъ же начальникъ артиллеріи, генералъ Мелессино, мастеръ своего дѣла. Особенно какъ шарахнетъ картечью въ толпу: смотришь, нѣсколькихъ сотъ непріятелей какъ не бывало. Ну, такъ было и при Ларгѣ: побили мы нѣсколько тысячъ татаръ, и ханъ навряд ли въ другой разъ сунется. Однако мы все-таки должны оставлять нѣсколько тысячъ, чтобы защищать намъ вагенбургъ, потому что иначе татары непремѣнно его разграбятъ, на это они первые мастера. Однако теперь идти-то впередъ не въ примѣръ веселѣе, потому что наши, когда взяли при Ларгѣ лагерь хана, то забрали пропасть всякой добычи. Не мало набрали мы пушекъ и татарскихъ знаменъ. А второе потому идти легче, что Румянцевъ, дай Богъ ему здоровья, велѣлъ рогатки бросить.

— Рогатки?

— Да. Вѣдь удара турецкихъ войскъ долго европейцы не могли выдерживать. Турки своей стремительностью много разъ нѣмцевъ побѣждали. Такъ вотъ, чтобы избавиться отъ этого удара, и придумали ограждать войска рогатками. Оно, конечно, турокъ то сдерживаетъ, только каково солдату эти рогатки таскать? Жара такая, что, неся и одну амуницію, умаешься, а тутъ еще рогатки. И наши солдаты до нынѣшняго времени всегда ихъ таскали. А главнокомандующій велѣлъ ихъ бросить: «Русскій солдатъ,—сказалъ онъ,—долженъ защищаться не рогатками, а грудью». И точно подъ Ларгой мы безъ всякихъ рогатокъ хана поколотили.

— Но если вы еще вагенбургъ обороняете, такъ сколько же васъ на турка идетъ?

— Да тысячъ шестнадцать, не больше.

— А турокъ сколько?

— Государыня не велѣла считать, да и кто ихъ тамъ сосчитаетъ? А по слухамъ, много у визиря войска: чуть ли не въ десять разъ больше, чѣмъ у насъ.

— Въ десять разъ!

— И надо правду сказать: турки народъ храбрый. Но порядка у нихъ нѣтъ. Еще лучше и стройнѣе другихъ янычары сражаются. Они, говорятъ, просто лѣзутъ въ драку, какъ бѣшеные. Даже разсказываютъ, что они передъ боемъ опіумъ принимаютъ, чтобы никакого страха не чувствовать. Ну что же, пусть кушаютъ на здоровье! Нашимъ солдатамъ никакого дурмана не надо. Вотъ такимъ-то манеромъ и добрались мы, сударь мой, до Троянова вала.

— Это что за валъ такой?

— А говорятъ, его въ древнія времена устроилъ римскій императоръ Троянъ для защиты своей имперіи. Такихъ троянскихъ валовъ два: къ одному мы подходимъ, а другой, за Дунаемъ, отдѣляетъ отъ Болгаріи ту ея часть, которая находится между Дунаемъ, его гирлами и моремъ и называется Добруджей. Этотъ верхній Трояновъ валъ идетъ отъ Прута до моря. Турки могли бы его укрѣпить и защищать и тогда не легко было бы чрезъ него перебраться. Но они объ этомъ и не подумали.

— Почему-же?

— Можетъ быть, потому, что у нихъ и безъ того крѣпостей много. Въ самомъ дѣлѣ, сколько ихъ за нами

осталось: Очаковъ, Бендеры, Аккерманъ, по сю сторону Дуная: Килія, Измаилъ, Браиловъ, Журжа, по ту сторону: Тульча, Исакча, Мачинъ, Гирсова, Силистрія, Систово, Никополь, Рущукъ, Туртукай, Виддинъ, еще дальше къ Балканскимъ горамъ—Шумла и Варна.

— Стало, если бы вы и побили визиря...

— А никто какъ Богъ. Только бы съ визиремъ справиться, а тамъ и съ крѣпостями разговоръ будетъ. По-моему... ну вотъ, примѣрно, графъ Алексѣй Григорьевичъ, истребивъ турокъ подъ Чесмой, куда пошелъ?

— На архипелажскіе острова. Тамъ, слышно, всѣ греки противъ турокъ возстанутъ, только что наши появятся. Мы и поддержимъ возстаніе.

— Это что и говорить. И греки, и славяне турокъ терпѣть не могутъ, пожалуй молдаване и валахи тоже, да большой ли въ этомъ толкъ? Что они всѣ безъ русскихъ могутъ сдѣлать?

— Да не безъ русскихъ, а съ ними.

— Не можемъ же мы повсюду идти да всѣмъ имъ помогать. А покуда мы направо да налѣво гулять будемъ, турки оправятся.

— Что-же иное-то дѣлать?

— А по-моему, задавши такого трезвона туркамъ, надо бы разомъ все покончить.

— Какъ-же?

— А махнуть въ Дарданеллы да потомъ въ Царьградъ.

— Эге! Въ Дарданеллахъ, говорятъ, крѣпость страшная.

— Крѣпость точно есть. Только вотъ объ нашемъ русскомъ мужикѣ пословица сложена, что пока громъ не грянетъ, то онъ не перекрестится. Туркѣ-басурману крестнаго знаменія не полагается, а все же эта пословица къ нему идетъ, потому что въ военномъ дѣлѣ онъ всякаго русскаго мужика безпечнѣе. Вотъ подъ Чесмой турки надежду на береговыя батареи возлагали, а на дѣлѣ оказалось, что баттареи еще не кончены. Тоже я отъ вѣрныхъ людей слыхалъ, что и на Дунаѣ турецкія крѣпости кое-какъ содержатся. Въ Очаковѣ, правда, все исправно, да это потому, что Очаковъ изъ всѣхъ турецкихъ крѣпостей къ намъ ближе, такъ за него турки больше всего и боятся. А за Дарданеллы имъ чего было бояться? Вотъ я и думаю, что баттареи тамъ не лучше чесменскихъ.

— Если такъ, то Алексѣй Григорьевичъ изъ Архипелага...

— Время уйдетъ. А у турокъ, слышно, въ Царьградѣ не мало французовъ: они султана и воевать съ нами подожгли. Такъ они тѣмъ временемъ такъ Дарданеллы укрѣпятъ, что и не подступишься. Вотъ почему времени терять не слѣдовало. А греки что? греки не уйдутъ. Главное турка побить слѣдуетъ.

На другой день послѣ этого разговора, 21 іюля 1770 года, русская армія стояла лицомъ къ лицу съ турецкою. Турки оградили себя окопами, несмотря на то, что у визиря было 150,000 войска: походы Миниха показали туркамъ, что русскіе страшные для нихъ непріятели.

Русскіе приготовились къ битвѣ. У самой рѣчки Кагула сталъ корпусъ генералъ-квартирмейстера Боура, впереди его дивизія *) генерала Племяникова. Рядомъ съ Боуромъ стала девизія генерала Олица, составлявшая центръ, при ней находился и главнокомандующій. На правомъ крылѣ стоялъ корпусъ генералъ-поручика **) князя Рѣпнина и дивизія генералъ-поручика Брюса. Князь Гагаринъ находился при полкѣ своего пріятеля Озерова.

— Вотъ и Трояновъ валъ перешли,—сказалъ полковникъ.

— Какія громады непріятелей собираются противъ Рѣпнина и Брюса,—замѣтилъ Гагаринъ.

Масса турецкой конницы представляла прекрасное и грозное зрѣлище. Это были десятки тысячъ всадниковъ. Оружіе ихъ горѣло на солнцѣ, кони прыгали отъ нетерпѣнія, впереди гарцовали богато одѣтые всадники на дорогихъ скакунахъ, обвѣшенные оружіемъ.

И вотъ вся эта масса ринулась на русскія карре. Будто ураганъ летѣлъ по обширному полю. Земля застонала подъ ударами десятковъ тысячъ копытъ, воздухъ наполнился шумными восклицаніями нападающихъ. Ничтожными казались на видъ маленькія кучки русскихъ, стоявшія неподвижно. Казалось, громада непріятелей поглотитъ ихъ.

---

*) Армія раздѣляется на корпуса, корпуса на дивизіи, дивизіи на бригады, бригады на полки; пѣхотные полки раздѣляются на батальоны, конные—на эскадроны, батальоны дѣлятся на роты.

**) Нынѣ этотъ чинъ переименованъ и называется генералъ-лейтенантъ.

Но знатокъ военнаго дѣла, можетъ быть, въ самой этой стремительности натиска турокъ замѣтилъ бы нѣчто, едва ли обѣщающее успѣхъ. Конница шла въ атаку не дружнымъ строемъ, а каждый всадникъ мчался, смотря по степени своей храбрости и быстротѣ коня. Лучшіе наѣздники уже подскакали къ карре, а прочіе еще были довольно далеко. Затрещалъ батальный огонь русскихъ, и всадники одинъ за другимъ повалились съ коней, лошади другихъ остановились предъ живой рогаткою штыковъ, едва нѣсколько самыхъ отчаянныхъ наѣздниковъ успѣли изрубить ближайшихъ солдатъ, но тотчасъ же пали подъ ударами штыковъ; солдаты изъ второго ряда моментально встали на мѣсто убитыхъ русскихъ, и слѣдующіе ряды ихъ встрѣтили мѣткимъ огнемъ слѣдующій отдѣлъ подскакавшихъ всадниковъ. Другія толпы наѣздниковъ окружили карре Брюса и Рѣпнина со всѣхъ сторонъ. Однакожъ вездѣ они находили тотъ же отпоръ. Но теперь густыя толпы ихъ представили хорошую цѣль дѣйствію русской артиллеріи. Картечь посыпалась на наѣздниковъ и чрезъ нѣсколько минутъ они мчались къ турецкому лагерю, оставляя за собой множество убитыхъ и раненыхъ.

Однако первое неудачное нападеніе не охладило пыла турокъ. Чрезъ нѣсколько времени собрались толпы всадниковъ еще болѣе многочисленныя, чѣмъ при первомъ нападеніи, и понеслись на центръ русской арміи. На этотъ разъ генералъ Мелессино, не допуская ихъ до карре, встрѣтилъ смертоносными залпами артиллеріи. Цѣлые ряды всадниковъ падали подъ губительнымъ дѣйствіемъ русскихъ пушекъ. Нѣсколько разъ турецкая конница возобновляла нападеніе и всегда были одни и тѣ же послѣдствія. Наконецъ турки съ громадною потерею отошли за свои окопы.

Тогда русскія карре развернулись и пошли отдѣленіями въ атаку на турецкія укрѣпленія.

— Теперь только начинается настоящее дѣло,—шепнулъ Озеровъ Гагарину,—турки за укрѣпленіями дерутся какъ черти.

— Смотрите, Племянниковъ идетъ впереди всѣхъ,—вскричалъ Гагаринъ.

— Однакожъ отчего-то остановился.

— Да, на него бросается толпа турецкихъ пѣхотинцевъ.

— Это янычары! Ого, да сколько ихъ! Тысячъ десятокъ будетъ! На каждаго племянниковскаго солдата человѣкъ по пяти придется. Ну, теперь надо держать ухо востро! Вонъ они бросились на Архангельскій и Первомосковскій полки.

— Наши подались назадъ.

— На подмогу, ребята! Впередъ!

Но уже къ тому мѣсту, гдѣ янычары смѣшали нашихъ два полка, скакалъ самъ главнокомандующій.

— Стой, ребята!—закричалъ онъ.

Солдаты остановились и начали строиться. Между тѣмъ Меллесино изъ нѣсколькихъ пушекъ картечью поражалъ янычаръ. Они смѣшались. Озеровъ со своимъ полкомъ бросился на нихъ въ штыки и смялъ ихъ. Подоспѣла русская тяжелая кавалерія подъ начальствомъ графа Салтыкова и князя Долгорукаго и довершила пораженіе янычаръ. Почти всѣ они легли на мѣстѣ. Племянниковъ, Боуръ и Брюсъ почти одновременно ворвались въ окопы. Турецкая армія была совершенно разбита и разсѣяна. Русскіе гнали турокъ на разстояніи четырехъ верстъ, турки бросились переправляться черезъ Дунай, но такъ столпились на судахъ, что стали рубить другъ друга, падали въ воду и гибли тысячами. Двадцать тысячъ турокъ было убито, нѣсколько тысячъ взято въ плѣнъ. Русскіе взяли 140 пушекъ, знамена, множество провіанта и всякой добычи, а сами потеряли убитыми и ранеными менѣе тысячи человѣкъ. Когда Румянцевъ послѣ сраженія объѣзжалъ поле битвы, солдаты поздравляли его съ побѣдой и кричали: «Ты прямой солдатъ». За побѣду при Ларгѣ Екатерина пожаловала Румянцеву орденъ св. Георгія 1-й степени, а за побѣду при Кагулѣ—чинъ генералъ-фельдмаршала. Турки въ страхѣ оставили Измаилъ безъ защиты, Килію сдали при первомъ требованіи, а Браиловъ и Аккерманъ—послѣ слабаго сопротивленія. Панинъ взялъ Бендеры. На сѣверо-западномъ берегу Чернаго моря оставался во власти турокъ только Очаковъ, куда убѣжалъ крымскій ханъ. Зимою русскіе взяли Журжу.

Въ 1771 году фельдмаршалъ бесѣдовалъ съ молодымъ генераломъ, только-что прибывшимъ изъ Петербурга. Этотъ былъ красивый молодой человѣкъ, съ надменнымъ видомъ. Онъ разговаривалъ съ фельдмаршаломъ совершенно свободно и даже съ нѣкоторой небрежностью. Напротивъ, Румянцевъ, всегда державшій себя въ отношеніи къ подчиненнымъ ему

генераламъ съ важностью начальника, былъ очень внимателенъ къ молодому человѣку.

— Неужели, Григорій Александровичъ,—сказалъ онъ,—императрица недовольна?

— Можно ли быть недовольной побѣдителемъ при Ларгѣ и при Кагулѣ? Слава, заслуги и подвиги ваши, фельдмаршалъ, вполнѣ цѣнятся императрицею. Но она удивляется, что послѣ взятія Журжи не произошло ничего важнаго.

— Не могъ же я съ пятнадцатью тысячами идти на Константинополь. Скорѣе съ другой стороны.

— Понимаю, на что вы намекаете, фельдмаршалъ. Дѣйствительно, Алексѣй Орловъ могъ идти на Константинополь. Я на его мѣстѣ немедленно пошелъ бы туда послѣ Чесменской побѣды. А онъ потерялъ время въ Архипелагѣ, между тѣмъ французъ Тоттъ укрѣпилъ Дарданеллы, и когда наконецъ Орловъ пошелъ туда, то былъ встрѣченъ такимъ огнемъ, что могъ потерять всѣ свои корабли, и долженъ былъ отступить. Въ этой неудачѣ плохое утѣшеніе, что онъ завоевалъ Митилены и Лесбосъ. Но вѣдь это Орловъ. Понятно, что отъ Румянцева больше можно ожидать, чѣмъ отъ Орлова, и даже чѣмъ отъ Долгорукаго, а Долгорукій покорилъ же Крымъ.

— Я полагаю, что онъ никогда не могъ бы этого сдѣлать безъ Ларга и Кагула.

— Безъ сомнѣнія. Но вѣдь онъ хотя способный человѣкъ, но гдѣ же ему равняться съ побѣдителемъ при Кагулѣ.

— У Долгорукаго больше войска, чѣмъ у меня послѣ Кагульской битвы.

— Мы привыкли видѣть, что вы съ малочисленными войсками совершаете чудеса. Вашъ примѣръ вдохновилъ русскихъ даже на другихъ театрахъ войны. Посмотрите, что Суворовъ дѣлаетъ въ Польшѣ: съ сотнями бьетъ тысячи конфедератовъ. Подъ Варшавой побилъ Котелуповскаго, у Бреста—Пулавскихъ, взялъ Люблинъ, разбилъ Мошинскаго при Клементовѣ, одержалъ побѣды при Дунайцѣ, Величкѣ, Типецѣ, подъ Ландскроною разбилъ даже французскій отрядъ Дюмурье, у Красника уничтожилъ Новицкаго, у Сталовичей—Огинскаго. Только съ начальникомъ своимъ Веймарномъ Суворовъ не можетъ поладить. Однажды Веймарнъ по-начальнически сдѣлалъ ему замѣчаніе, что онъ дѣйствуетъ вопреки его распоряженій и не знаетъ тактики. А Суворовъ ему на

то: «Да что дѣлать—мы уже такіе: безъ тактики и практики, а непріятеля бьемъ!» Веймарнъ даже замѣтилъ Суворову, что тотъ совершаетъ слишкомъ быстрые походы и тѣмъ изнуряетъ солдатъ. Но у Суворова и на то нашелся отвѣтъ: «Римляне еще скорѣе нашего ходили: читайте Цезаря». Суворову хотѣлось бы оставить Польшу и поступить подъ ваше начальство. Вы пріобрѣли бы въ немъ отличнаго боевого генерала.

— У меня много хорошихъ генераловъ. Вотъ, напримѣръ, Вейсманъ: никакому Суворову не уступитъ. А случись у меня смѣлое предпріятіе—развѣ я не разсчитываю на васъ, Григорій Александровичъ?

Лицо молодого генерала засіяло. Онъ поклонился фельдмаршалу. Это движеніе помѣшало ему увидать чуть замѣтную улыбку Румянцева.

— Дѣло въ томъ, фельдмаршалъ, что по политическимъ соображеніямъ нужны быстрые и рѣшительные успѣхи на Дунаѣ. У насъ въ Европѣ пропасть враговъ и если есть союзники, то только такіе, на которыхъ можно полагаться до поры до времени. Пока мы побѣдоносны, враги не смѣютъ начать съ нами войну, но бездѣйствіе ихъ ободряетъ и охлаждаетъ союзниковъ.

— Если императрица такъ желаетъ рѣшительныхъ дѣйствій, то я не медля выдвину въ двухъ мѣстахъ войска къ Дунаю: въ Добруджѣ и близъ Журжи. Къ Добруждѣ и пошлю Вейсмана. У Журжи постъ опаснѣе—я намѣренъ поручить его вамъ.

Снова поклонъ генерала и снова непримѣтная насмѣшливая улыбка фельдмаршала.

Неудача при Чесмѣ сильно огорчала Гагарина. Послѣ нея ему не захотѣлось служить во флотѣ. Ему удалось отличиться въ Кагульскомъ сраженіи и, по просьбѣ его и за отличіе, онъ былъ переведенъ поручикомъ въ кавалерійскій полкъ въ армію Румянцева. Этотъ полкъ находился въ отрядѣ Вейсмана.

Незадолго до этого похода Гагаринъ познакомился съ однимъ пѣхотнымъ капитаномъ, по фамиліи Лукинъ. Оказалось, что они земляки, изъ одной губерніи и что у нихъ есть общіе знакомые. Это ихъ сблизило. Лукинъ особенно понравился Гагарину своимъ независимымъ характеромъ. Онъ смѣло критиковалъ ошибки генераловъ, даже самого

фельдмаршала. Его энергическія выраженія напоминали Гагарину его прежнихъ товарищей моряковъ. Предъ походомъ они встрѣтились.

— Счастливецъ ты, князь, — сказалъ Лукинъ Гагарину,—идешь съ лучшимъ генераломъ въ нашей арміи. Увидишь, какъ онъ тряхнетъ турками.

— А ты?

— Я, братъ, у Потемкина подъ начальствомъ.

— Такъ что же? Говорятъ, Потемкинъ храбрый генералъ.

— Какъ же! Въ пять лѣтъ изъ вахмистровъ до генералъ-маіоровъ дослужился!

— Сказываютъ, что при Ларгѣ онъ храбро дрался.

— Храбро! Эка невидаль! Что это у насъ рѣдкость, что-ли? Храбрость—большая невидаль! И турки храбры. Нѣтъ, ты спроси, много-ли онъ понимаетъ въ военномъ дѣлѣ.

— Ну, съ турками...

— А турки развѣ не люди? Нѣтъ, братъ, съ ними не то, что на придворныхъ балахъ менюэты отплясывать. Потемкинъ сперва въ монахи хотѣлъ идти, а потомъ камеръюнкеромъ былъ, такъ плясать, я думаю, мастеръ, да какъбы намъ всѣмъ съ ними не наплясаться!

Предчувствія Лукина оправдались. Потемкинъ дѣйствовалъ такъ неосторожно, что турки одержали надъ нимъ побѣду, перешли на лѣвый берегъ Дуная, отняли у русскихъ Журжу и оттѣснили русскій корпусъ къ Бухаресту. Румянцевъ послалъ за Дунай Милорадовича и Вейсмана; Милорадовичъ захватилъ Мачинъ и Гирсово. Вейсманъ разорилъ Тульчу и Исакчу, разбилъ войско турокъ при Бабадагѣ, гдѣ находилась запасная артиллерія турецкая, и взялъ тамъ 170 пушекъ. Между тѣмъ Эссенъ помогъ Потемкину разбить турокъ, шедшихъ на Бухарестъ, они отступили за Дунай; русскіе снова заняли Журжу.

Въ 1772 году не случилось на Дунаѣ ничего замѣчательнаго, и весь годъ прошелъ въ мирныхъ переговорахъ, которые производились на Фокшанскомъ конгрессѣ. Суворовъ между тѣмъ разбилъ Коссаковскаго и взялъ Краковъ. Первая польская война кончилась. Послѣдовалъ первый раздѣлъ Польши. Россія получила Бѣлоруссію. Это дало возможность усилить войска Румянцева.

Русская армія расположилась близъ Гирсова. Готовились рѣшительныя дѣйствія. Въ палаткѣ фельдмаршала собрались генералы: Салтыковъ, Рѣпнинъ, Каменскій, Олицъ, Эссенъ, Ступининъ, Унгарнъ. Явился и еще какой-то генералъ лѣтъ сорока слишкомъ, небольшого роста, худощавый, немного сгорбленный. На головѣ его было не много волосъ, уже сѣдыхъ, зачесанныхъ напередъ. Лицо его было покрыто морщинами. Вообще во всей его наружности не было ничего ни величественнаго, ни пріятнаго. Только голубые, живые, свѣтлые глаза будто проникали въ душу каждаго, съ кѣмъ онъ разговаривалъ.

Вышелъ фельдмаршалъ, сталъ говорить съ нѣкоторыми изъ своихъ подвижниковъ. Дошла очередь и до сѣдого генерала.

— Имѣю честь представиться вашему высокопревосходительству, генералъ-маіоръ Суворовъ.

— А!—протянулъ фельдмаршалъ,—вы, кажется, были въ Финляндіи, обозрѣвали тамошнія крѣпости?

— Точно такъ, ваше высокопревосходительство.

— Ну, и здѣсь будете имѣть дѣло съ крѣпостью. Вы поступите подъ начальство генералъ-поручика Салтыкова и будете съ отрядомъ наблюдать за Туртукаемъ.

О побѣдахъ Суворова въ Польшѣ фельдмаршалъ не сказалъ ни слова.

Вскорѣ послѣ этого Гагаринъ встрѣтился съ Лукинымъ.

— Поздравляю съ царской милостью!—сказалъ Лукинъ.

— Спасибо!

— Вотъ мы съ тобой и въ одномъ чинѣ.

— Ты, чай, скоро маіоромъ будешь.

— Не съ моимъ анаѳемскимъ счастьемъ. Знаешь, вѣдь я перешелъ въ отрядъ для наблюденія за Туртукаемъ. А всѣ полагаютъ, что главное дѣло будетъ подъ Силистріей. Ну, значитъ, опять никакого отличія. Да по крайней мѣрѣ я радъ, что въ мертвомъ капиталѣ не остался.

— Въ какомъ мертвомъ капиталѣ?

— А развѣ ты не знаешь, что такъ прозвали Потемкина и его корпусъ?

— Ловко.

— А ты опять у Вейсмана?

— Конечно.

— Счастливчикъ!

— Государыня, не возьму, законъ воспрещаетъ.

Дѣйствительно, Вейсманъ блистательно началъ дѣло. У Гуробада, верстахъ въ тридцати ниже Силистріи, стояло 12,000 турокъ. Вейсманъ съ четырьмя тысячами человѣкъ напалъ на нихъ; разбивъ, взялъ лагерь и доставилъ русской арміи возможность безпрепятственно переправиться чрезъ Дунай. Потомъ 30,000 турокъ выступили изъ Силистріи. Вейсманъ разгромилъ ихъ, подошелъ къ крѣпости и хотѣлъ тотчасъ штурмовать ее. Фельдмаршалъ не позволилъ, рѣшась вести правильную осаду. Но прежде онъ хотѣлъ прогнать войско, стоявшее подъ Силистріею. На него напали Потемкинъ и Вейсманъ. Первый былъ смятъ ударомъ турокъ и отступилъ въ безпорядкѣ. Но Вейсманъ ворвался въ турецкій ретраншаментъ. Подоспѣло еще 8,000 турокъ изъ Базарджика. Вейсманъ разбилъ и этотъ отрядъ. Но фельдмаршалъ услыхалъ, что самъ визиръ идетъ съ 20,000 человѣкъ изъ Шумлы, и приказалъ отступить.

— Вы будете прикрывать отступленіе,—сказалъ онъ Вейсману.

— У меня всего пять тысячъ человѣкъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Но вы сами стоите пятнадцать тысячъ,—возразилъ Румянцевъ улыбаясь.

Началась обратная переправа русскихъ чрезъ Дунай. Не весело смотрѣлъ на нее Вейсманъ. Гагаринъ въ эту минуту находился близъ него.

— Прикрывать!—говорилъ Вейсманъ,—попробуй я прикрывать—турки насъ въ порошокъ изотрутъ. Нѣтъ, ихъ попугать надо.

И Вейсманъ пошелъ на встрѣчу визирю. Стремительно бросилась горсть русскихъ на турецкую армію. Часа черезъ два штыки сдѣлали свое дѣло; визирь былъ разбитъ, и весь лагерь его достался побѣдителямъ.

— Ну, теперь пойдемте *прикрывать*,—сказалъ Вейсманъ Гагарину.—Да пожалуй, Петръ Александровичъ, *) услыхавъ о нашей побѣдѣ, и воротится за Дунай.

Отрядъ Вейсмана медленно пошелъ къ Дунаю. Генералъ шутилъ, разговаривая съ окружавшими его офицерами. Вдругъ раздался выстрѣлъ, одинъ только выстрѣлъ. Стрѣлялъ раненый турокъ, лежавшій подлѣ того мѣста, гдѣ проѣхалъ генералъ. Но этотъ выстрѣлъ попалъ въ дорогую цѣль.

---

*) Румянцевъ.

Вейсманъ, смертельно раненый, упалъ съ коня.

Поникнувъ головою, Гагаринъ стоялъ вмѣстѣ съ другими эфицерами надъ умершимъ генераломъ. Слезы бѣжали по ихъ суровымъ, загорѣлымъ лицамъ.

— Умеръ лучшій изъ русскихъ генераловъ,—проговорилъ Гагаринъ.

— Остался еще другой,—раздался сзади голосъ.

Гагаринъ обернулся и увидалъ Ильина.

— Какъ ты здѣсь очутился?

— Былъ присланъ съ донесеніемъ къ фельдмаршалу отъ Суворова; отдавъ донесеніе, узналъ, что ты здѣсь, и выпросилъ позволеніе сюда съѣздить.

— О какомъ же ты генералѣ говоришь? Развѣ можетъ быть кто-нибудь равный Вейсману!

— Не оскудѣла еще русская земля. Если бы ты видѣлъ Суворова, то не сказалъ бы этого.

— А что?

— Да вотъ послушай. Стояли мы у Туртукая, всего два пѣхотныхъ полка, 4 пушки да семьсотъ человѣкъ конницы. Осмотрѣвъ Туртукай, Суворовъ просилъ у Салтыкова позволенія взять эту крѣпость. Это съ двумя-то полками! Салтыковъ позволилъ. Мы отправились на телѣгахъ къ Дунаю, верстъ на семь ниже Туртукая. Ѣхали мы скрытно, однако турки свѣдали объ этомъ. Мы прилегли отдохнуть, самъ Суворовъ легъ на землю, завернувшись въ свой плащъ. Вдругъ турки налетѣли на насъ. Однако мы ихъ побили, такъ что они едва убрались за Дунай. Тутъ Суворовъ увидалъ, что турки открыли его умыселъ, и рѣшился прямо напасть на Туртукай, попросилъ у Потемкина помощи, тотъ обѣщалъ двѣ тысячи запорожцевъ, но они еще не являлись. Между тѣмъ Салтыковъ передалъ Суворову приказаніе фельдмаршала не нападать на Туртукай. Но наше нападеніе уже началось. Пѣхота поплыла черезъ Дунай въ лодкахъ; конница пустилась вплавь. Непріятель открылъ пальбу съ прибрежной батареи, наши войска успѣли пристать къ берегу благополучно. Часть ихъ бросилась на турецкія лодки; другая напала на самый городъ. Суворовъ самъ повелъ третій отрядъ на крѣпостные ретраншаменты. Я былъ съ нимъ. На дорогѣ нашли заряженную непріятельскую пушку, и выстрѣлъ изъ нея едва не погубилъ Суворова; онъ упалъ жестоко контуженный, но тотчасъ поднялся, схватилъ ружье, первый вско-

чилъ на турецкій редутъ, оттолкнулъ янычара, приставилъ къ груди его ружье и закричалъ солдатамъ: «Бери его»! Турки бѣжали изъ редута, потомъ мы взяли и городъ; намъ достались 10 знаменъ, 50 лодокъ съ товарами, а солдатамъ такая добыча, что послѣ благодарственнаго молебна они горстями сыпали въ церковную кружку червонцы и серебряныя деньги. Уже на другой день по возвращеніи нашемъ въ Ниготи явились отъ Потемкина запорожцы.

— Славно! Только жаль, что безъ позволенія фельдмаршала: онъ шутить не любитъ.

Дѣйствительно, фельдмаршалъ безъ улыбки прочелъ извѣстное шутливое донесеніе Суворова:

Слава Богу, слава вамъ,
Туртукай взятъ и я тамъ.

Суворовъ былъ лишенъ командованія, отданъ подъ военный судъ и осужденъ на смерть за ослушаніе. Но Екатерина поддерживала всѣхъ талантливыхъ людей, тѣмъ болѣе Суворова, въ геніальности котораго была убѣждена. Она даже дала Суворову орденъ Георгія 2-й степени. Потомъ онъ еще одержалъ надъ турками двѣ побѣды при Гирсовѣ и при Козлуджи. Наконецъ турки были доведены до крайности, увидали, что ни откуда имъ нѣтъ помощи, и заключили миръ въ деревнѣ Кайнарджи, по которому признали крымскихъ, буджакскихъ и кубанскихъ татаръ независимыми, уступили Россіи Азовъ и земли къ сѣверу отъ Чернаго моря, дозволили русскимъ купеческимъ кораблямъ плавать изъ Чернаго моря въ Средиземное и заплатили четыре съ половиной милліона рублей. Всѣмъ турецкимъ подданнымъ, которые возстали за насъ противъ нихъ, даровано прощенье. Этотъ миръ была празднованъ съ большимъ торжествомъ; императрица дала народу разныя льготы, пожаловала Румянцеву названье Задунайскаго, Алексѣю Григорьевичу Орлову—Чесменскаго, Долгорукому—Крымскаго, наградила ихъ деньгами и подарками, а Румянцева—пятью тысячами душъ и орденомъ св. Андрея Первозваннаго.

Въ 1775 году императрица торжествовала въ Москвѣ два счастливыхъ событія: Кучукъ-кайнарджійскій миръ и усмиреніе Пугачева. Гагаринъ и Ильинъ тоже были въ это время въ Москвѣ, оба уже въ чинѣ подполковника.

— Радуйся!—кричалъ Гагаринъ, вбѣгая въ квартиру Ильина.

— Что такое?

— Твоего генерала наградили.

— Послѣ Туртукая Ильинъ не иначе называлъ Суворова какъ *своимъ* генераломъ.

— Чѣмъ?

— Чиномъ генералъ-поручика со шпагой, осыпанной брилліантами.

— А при этомъ, вѣроятно, еще ласковымъ словомъ! Суворовъ куда какъ цѣнитъ такія слова. Онъ самъ мнѣ сказывалъ, что ни одну награду такъ не цѣнитъ, какъ самую первую.

— Какую же?

— «Я не прыгалъ смолоду»,—говоритъ Александръ Васильевичъ.—Дѣйствительно, онъ прослужилъ 12 лѣтъ до перваго офицерскаго чина, хотя его отецъ былъ генералъ-аншефомъ*); такъ вотъ, служа въ Семеновскомъ полку солдатомъ, стоитъ онъ на часахъ у Монплезира. Проходитъ мимо государыня Елизавета Петровна. Онъ ловко отдалъ честь. Она узнала, что онъ сынъ генерала Суворова, и дала ему рублевикъ. «Государыня, не возьму, — сказалъ Александръ Васильевичъ,—законъ запрещаетъ солдату брать деньги, стоя на часахъ». Императрица потрепала его по щекѣ, положила рубль на землю и сказала: «молодецъ! возьми, когда смѣнишься». И поднесь Александръ Васильевичъ этотъ крестовикъ бережетъ.

КОНЕЦЪ.

---

*) Нынѣ этого чина нѣтъ, а вмѣсто него: генералъ-отъ-инфантеріи, или генералъ-отъ-кавалеріи, или генералъ отъ-артиллеріи, или инженеръ-генералъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I.	Византійская царевна (1472—1505 г.)	1
II.	Дядя и племянница (1505—1533 г.)	38
III.	Несчастное дитя (1533—1547 г.)	70
IV.	Помремъ или отсидимся! (1552 г.)	100
V.	Осада Пскова (1581 г.)	133
VI.	Покореніе царства Сибирскаго (1581 г.)	174
VII.	Во славу Божію (1551—1596 г.)	205
VIII.	Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день (1591—1605 г.)	236
IX.	Воровскія дѣла (1606—1607 г.)	273
X.	Голутвенные и земскіе люди (1608—1613 г.)	308
XI.	Казацкій батько (1647—1649 г.)	345
XII.	Патріархъ—великій государь (1652—1676 г.)	376
XIII.	Ревнитель отеческихъ преданій. (Изъ раскольническаго быта 1680 г.)	407
XIV.	Царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель (1682—1689 г.)	437
XV.	Орленокъ расправляетъ крылья (1694—1696 г.)	467
XVI.	Въ гостяхъ и дома (1697—1699 г.)	497
XVII.	Первый урокъ (1701—1702 г.)	528
XVIII.	Окно въ Европу (1702—1703 г.)	559
XIX.	Въ Парадизѣ (1704—1706 г.)	589
XX.	Преславная викторія (1708—1709 г.)	620
XXI.	Отецъ отечества (1711—1721 г.)	647
XXII.	Ихъ мало побѣдить (1757—1759 г.)	675
XXIII.	На явную смерть (1770 г.)	700

ИЗДАНІЯ

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

Поставщиковъ Двора Его Императорскаго Величества

С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ, 18; Москва, Кузнецкій Мостъ, 12, домъ Джамгаровыхъ и Москва, Моховая ул., 22, домъ Чижова и Курындиной (противъ университета).

С. А. ЧИСТЯКОВЪ.

ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

Съ картинами, портретами, автографами, медалями и пр. и пр. на отдѣльныхъ таблицахъ и въ текстѣ. Большой томъ, отпечатанный на слоновой бумагѣ. Цѣна 5 руб., въ богатомъ коленк., тисн. золот. и крас., по рисунку акад Н. С. Самокиша, переплетѣ, съ папочн. футляромъ—6 руб.

Допущено въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній М. Н. Пр. и въ безплатныя народныя читальни. (Отз. Д-та Нар. Пр. № 17080, 2 іюня 1904 г.).

А. И. КРАСНИЦКІЙ.

ПОДЪ РУССКИМЪ ЗНАМЕНЕМЪ

Повѣсть-хроника эпохи Освободительной войны 1877—1878 гг. Съ картинами и иллюстраціями. Цѣна въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ, съ папочнымъ футляромъ—3 р. 50 коп.

Допущено въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній М. Н. Пр. и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отз. Д-та Нар. Пр., № 16280, 25 мая 1903 г.).

К. М. СТАНЮКОВИЧЪ.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ МАЛЬЧИКЪ

Повѣсть изъ временъ Крымской войны. Съ отдѣльн картин. и иллюстр. художн. Э. К. Соколовскаго, снимками съ соврем. картинъ и портр. героевъ войны. Ц. въ рос. коленк. перепл., съ папочн. футл.—3 р. 50 коп.

Допущено въ ученическія, средн. возр., библіотеки средн. учебн. завед. М. Н. Пр. и въ безпл. народн. библ. и читальни, а также *для выдачи въ награду* ученикамъ означеннаго возраста. (Отз. Д-та Нар. Пр. № 15804, 21 мая 1904 г.).

И. ВОЗДВИЖЕНСКІЙ.

СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНІЕ

и вѣнчаніе на царство Русскихъ Государей

съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. Съ 197 иллюстраціями. Ц. въ папкѣ 1 рубль

Одобрено для ученическихъ, средняго и старшаго возрастовъ, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній М. Н. Пр., для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. (Отз. Д-та Нар. Пр. № 15748, 23 іюня 1898 г.).

С. М. МАКАРОВА.

РАЗСКАЗЪ МОНЕТЪ

Историческая хроника. Ц. въ коленкоровомъ переплетѣ, съ папочнымъ футляромъ—3 рубля.

Допущено въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній М. Н Пр. и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Ж. М. Н. Пр., ноябрь 1902 г.).

ПЕТРЪ УСОВЪ.

ИСТОРІЯ СУВОРОВА

Съ 1 хромолитографіей и 50 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 коп., въ изящн. золототисн. коленк. перепл.—1 р. 75 коп.

Одобрено для фундамент. и ученич., средн. и старш. возр., библіотекъ средн. учебн. зав. М. Н. Пр., а также и для безпл. народн. читал. и библ. (Отз. Д-та Нар. Пр. № 28839, 3 ноября 1900 г.).

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

Поставщиковъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, 18 (по Невскому проспекту). | МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 12, и » Моховая ул., 22.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ

РОСКОШНЫЯ ИЗДАНІЯ:

РУССКІЙ МУЗЕЙ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

158 снимковъ съ картинъ, воспроизведенныхъ художественною автотипіею Товарищества М. О. Вольфъ.

Съ объяснительнымъ текстомъ
Н. Н. БРЕШКО-БРЕШКОВСКАГО.

Допущено въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣд. М. Н. Пр., а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отз. Д-та Нар. Пр. № 19109, 19 іюня 1904 г.).

ВЪ предлагаемомъ изданіи воспроизведено все то, что составляетъ гордость и славу Русскаго Музея и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гордость и славу русскаго искусства; текстъ-же даетъ не только объясненіе самыхъ картинъ, но и какъ бы краткую исторію русской живописи.—Внѣшній видъ изданія, его форматъ (folio), обиліе снимковъ, печать и пр. даютъ возможность причислить «Русскій Музей» къ интереснѣйшимъ роскошнымъ изданіямъ.

Цѣна въ изящномъ золототисненомъ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и папочнымъ футляромъ—6 рублей.

КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО

ЭРМИТАЖА.

Снимки съ картинъ, воспроизведенные по фотографіямъ А. Брауна художественною автотипіею Товарищества М. О. Вольфъ.

Съ объяснительнымъ текстомъ П. В. ДЕЛАРОВА,

украшеннымъ орнаментами и инціалами по образцамъ XVI и XVII вв.

Роскошное изданіе in-folio. Цѣна въ изящномъ золототисненомъ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и папочнымъ футляромъ—6 рублей.

615